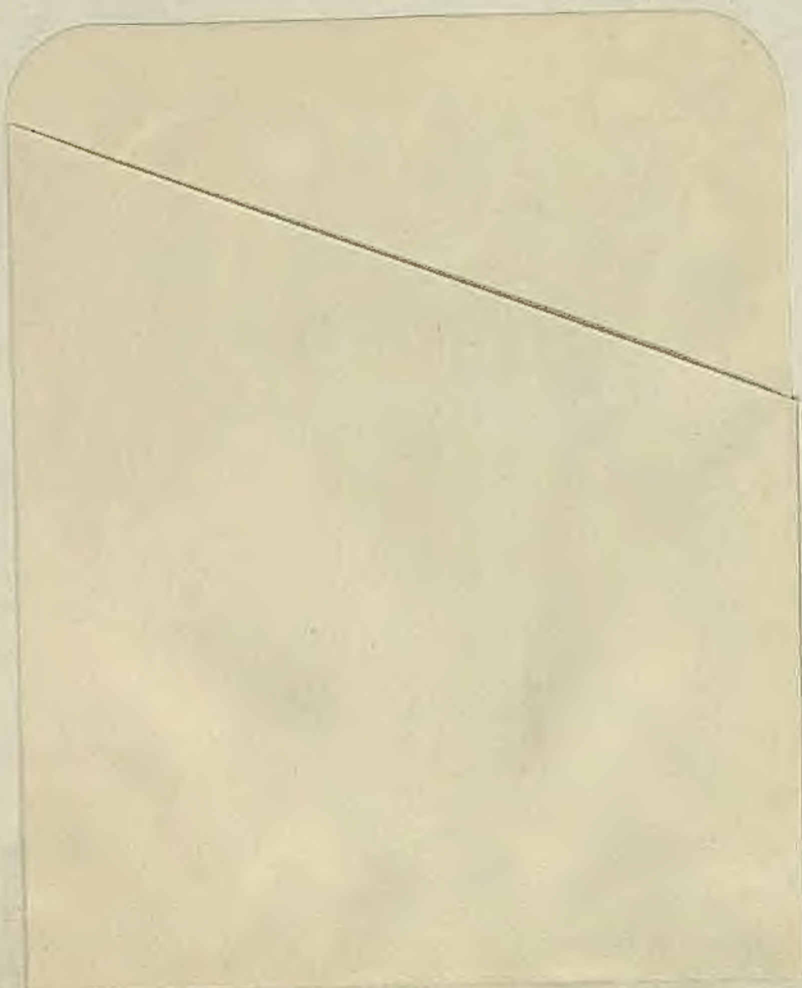

нигъ Графа С.Д. Шереметева 1.
ЕЛИЗ·БЕМЪ

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРІЯ

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

БЕРЛИНЪ 1900.

Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

БЕРЛИНЪ 1900.

Изданіе Фридриха Готтгейнера,

Унтеръ денъ Линденъ № 47.

ВОЦАРЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ

1762—1764.

Исторія воцаренія естественнаго, обычнаго, очень проста; она вся исчерпывается удачнымъ французскимъ выраженіемъ: le roi est mort, vive le roi. Не таково было воцареніе Екатерины.

Когда она провозглашена была „самодержавной императрицей Екатериной Второй", въ то время были живы и здравствовали еще два императора — она была третьею: былъ живъ Петръ III Өедоровичъ, вчерашній императоръ, здравствовалъ и Иванъ III Антоновичъ, въ пеленкахъ вѣнчанный на царство. Правда, Петръ III содержался въ Ропшѣ, Иванъ III въ Шлюссельбургѣ, одна Екатерина была свободна; но все же она была третьею въ счетѣ лицъ, которыя были признаны императорами, которымъ присягали, имена которыхъ поминались на эктеніяхъ, чеканились на монетахъ. Прошло болѣе двухъ лѣтъ прежде чѣмъ оба эти „бывшіе императоры" сошли въ могилу и тѣмъ фактически обусловили единодержавіе Екатерины.

Въ эти два года, съ 1762 по 1764, Екатерина не словомъ, а дѣломъ старалась „оправдать выборъ націи"[1]), и уже своими первыми шагами завѣщала намъ твердо помнить и никогда не забывать, что она „вторая послѣ перваго Петра".

Екатерина II продолжала начатое Петромъ I. Весь политическій смыслъ царствованія Петра В. заключался въ перестройкѣ историческаго фронта Россіи съ Востока на

---

[1]) Elle n'oublie rien pour justufier le choix de la nation. Изъ депеши *Беранже*, отъ 4-го іюля 1762 года, въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 70, № 9.

Западъ и Екатерина, вслѣдъ за воцареніемъ, сажаетъ на герцогскій стулъ Курляндіи „своего герцога“ и избираетъ въ Польшѣ короля, „котораго Мы дѣлали“, расчищая путь Россіи на Западъ. Петръ I не разъ покушался пройти къ Черному морю и, послѣ неудачныхъ попытокъ, предпочелъ ему Балтійское; Екатерина утвердилась на Балтійскомъ морѣ и, уничтоженіемъ малороссійскаго гетманства, обратила въ торную дорогу петровскую просѣку къ Черному морю, на которомъ скоро появится славный черноморскій флотъ.

Сближеніе съ Западомъ объясняетъ и внутреннюю политику какъ Петра I, такъ и Екатерины II. Россія должна совлечь съ себя ветхаго человѣка и пріобщиться новыхъ идей западно-европейскаго просвѣщенія. Не трудно замѣнить азіатскій халатъ европейскимъ фракомъ, медъ шампанскимъ; но нужны вѣка усиленнаго труда и поколѣнія умственныхъ тружениковъ, чтобъ восточную распущенность мысли подчинить западной дисциплинѣ ума, авось разсчету. Въ два года Екатерина не могла сдѣлать много, но и за это время направленіе ея внутренней политики напомнило уже твердую руку Петра какъ въ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, такъ и въ утвержденіи крѣпостного права.

Ставить это въ вину Екатеринѣ еще нельзя. „Не имѣли Мы никогда ни намѣренія, ни желанія — пишетъ она — такимъ образомъ воцариться каковымъ Богъ промысломъ своимъ намъ опредѣлилъ престолъ отечества Россійскаго воспріять“, а этотъ „образъ“ воцаренія заставлялъ Екатерину озаботиться, прежде всего, укрѣпленіемъ себя на престолѣ, на что и потребовалось немного болѣе двухъ лѣтъ.

В. Б.

Павловскъ,
10 сентября 1890.

I.

Въ іюнѣ 1762 года, положеніе съ каждымъ днемъ становится все серьезнѣе, все опаснѣе. О Россіи, о нуждахъ государственныхъ никто не заботится, никто не думаетъ — волею императора всѣ заняты предстоящею войною съ Даніею изъ за вотчины Петра III, герцога Голштиніи.

Правительствующій сенатъ доноситъ императору, отъ 5-го іюня, что государственные доходы не покрываютъ расходовъ и дефицитъ, достигающій одной десятой всѣхъ государственныхъ сборовъ, объясняется расходомъ „на удовольствіе заграничной арміи" [1]). Коллегія иностранныхъ дѣлъ получаетъ, 12 іюня, свѣдѣнія „о намеряемомъ крымскимъ ханомъ на россійскія границы нападеніи" [2]). Въ половинѣ іюня, изъ провинцій и уѣздовъ приходятъ извѣстія о возстаніи крестьянъ, не только заводскихъ, но уже и помѣщичьихъ: мѣстныя команды не въ силахъ сдерживать волненія — требуются цѣлые полки для „усмиренія бунта" [3]).

---

[1]) *Сборникъ*, XXVIII, 5. — [2]) *Архивъ Сената*, секретные протоколы 1762 г., № 4, л. 113.

[3]) Въ депешѣ *Прассе* гр. Брюлю отъ 18-го іюня 1762 г.: Zwischen Moskau und Twer haben sich die Bauern in beträchtlicher Anzahl zusammengerottet. Высланная команда была смята крестьянами; посланъ полкъ генерала Виттена. Въ волненіяхъ участвуетъ духовенство. Слышно, что и близь Астрахани тоже безпорядки (*Дрезден. Архивъ*, Russland, vol. VII, № 53). По протоколамъ сената, крестьянскія волненія обнаружились въ тульской и галицкой провинціяхъ, въ бѣлевскомъ, волоколамскомъ, эпифанскомъ, каширскомъ, клинскомъ, тверскомъ и др. уѣздахъ. *Соловьевъ*, XXV, 23.

Но сенатъ, коллегіи, всѣ присутственныя мѣста заняты только датскою войною. Послѣдняя надежда, довольно впрочемъ призрачная, что русскія войска не будутъ потревожены ради голштинскаго вопроса, исчезла, когда, 3-го іюня, было объявлено высочайшее повелѣніе: „впредь отъ полковъ людей никуда въ дальнія отлучки безъ указу военной коллегіи не отлучать“ [1]). Даже въ полевыхъ полкахъ поняли смыслъ этого повеленія; гвардія начала громко роптать. Въ Петербургѣ, по словамъ очевидца, „ходятъ люди, а особливо гвардейцы, толпами, и вьявъ почти ругаютъ и бранятъ государя“ [2]). Въ іюнѣ никто уже, впрочемъ, не скрывалъ своихъ чувствъ: „безразсудство, упрямство и безтолковое поведеніе императора сдѣлали его, по словамъ русскаго сановника, на столько ненавистнымъ, что въ Петербургѣ, не остерегаясь болѣе, всѣ открыто уже высказывали свое недовольство“ [3]). Даже канцлеръ, графъ М. Л. Воронцовъ сознавалъ, что „императоръ отъ народа ненавидимъ“ [4]).

Все это видѣла, все это знала и всѣмъ этимъ вполнѣ воспользовалась Екатерина.

Положеніе, занятое Екатериною послѣ роковой „дуры“, ясно показываетъ, что она вѣрно поняла настроеніе общества, состояніе умовъ: она все выслушиваетъ, одобряетъ всѣ дѣлаемыя ей предложенія, содѣйствуетъ даже ихъ успѣху, но медлитъ послѣднимъ словомъ, предоставляетъ другимъ сдѣлать первый шагъ. Она не насилуетъ событій — она сама слѣдуетъ за ними, выжидая благопріятной минуты. Ждать пришлось не долго.

Въ среду, 12-го іюня, Петръ III отправился въ свой любимый Ораніенбаумъ. Екатерина пять дней еще оставалась въ Петербургѣ, въ лѣтнемъ дворцѣ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и его воспитателемъ, Н. И. Панинымъ. Екатерина часто и много разговариваетъ съ умнымъ, осторожнымъ Панинымъ, принимаетъ у себя восторженную, увлекающуюся кн. Дашкову, видится съ своимъ любим-

---

[1]) *Архивъ Сената*, секретныя дѣла, № 652. — [2]) *Болотовъ*, II, 264; *Asseburg*, 317. — [3]) *Сборникъ*, XVIII, 308. — [4]) *Арх. кн. Воронцова*, V, 102; тоже подтверждаетъ и Панинъ (*Assеburg*, 317). —

цемъ Григоріемъ Орловымъ, съ его братьями, особенно же съ Алексѣемъ, смѣлымъ, дерзкимъ, отчаяннымъ.

Панинъ ненавидѣлъ Петра III, лично оскорбившаго его еще наканунѣ своего восшествія на престолъ[1]). Онъ всегда былъ противъ императора, нѣсколько уже разъ высказывалъ Екатеринѣ свои взгляды по этому поводу[2]), но только съ іюня сталъ онъ рѣшительно обдумывать проектъ о низложеніи Петра III и предоставленіи престола другому лицу[3]). Онъ желалъ, чтобъ переворотъ совершился безъ пролитія крови и прямо высказывалъ Екатеринѣ, что съ устраненіемъ Петра III престолъ долженъ быть предоставленъ великому князю Павлу Петровичу, его воспитаннику, до совершеннолѣтія котораго Екатерина была бы регентшею, правительницею имперіи[4]). Трудно сказать, личный-ли интересъ или государственныя соображенія руководили въ данномъ случаѣ Панинымъ: Екатерина-регентша также легко могла вовсе удалить отъ дѣлъ воспитателя ея сына, какъ Екатерина-самодержица приблизить къ себѣ, облечь извѣстною властью и относиться къ нему съ довѣріемъ. Во всякомъ случаѣ, Екатерина со вниманіемъ выслушивала доводы Панина въ пользу Павла Петровича, но никогда не давала ему слова, что удовольствуется быть регентшею[5]).

---

[1]) *Бильбасовъ*, I, 402.

[2]) *Сборникъ*, XVIII, 466.

[3]) *Assebиrg*, 316. Кн. Дашкова приписываетъ себѣ честь привлеченія Панина въ число пособниковъ Екатерины (57, 60), вовсе не подозрѣвая, что она ломилась, въ данномъ случаѣ, въ открытую дверь. Она писала искренно, но писала невѣрно, потому что ей многое не было извѣстно и многое отъ нея скрывали, что свидѣтельствуетъ Екатерина (*Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 15; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 423),

[4]) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 3; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415; Le projet de M, Panin avoit été constamment de faire proclamer le Czarewitz Empereur et l'Impératrice Régente, въ депешѣ *Беранже*, отъ 16-го іюля 1762 года (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 9); *Rulhière*, 66; *Laveaux*, I, 248.

[5]) 31 мая 1763 г., во время формальнаго допроса камеръ-юнкера Хитрово, Екатерина писала слѣдователю В. И. Суворову: „Нельзя статься, чтобъ Хитрово ложь такую отъ Ал. Гр, Орлова слышалъ, будто я обѣщала Панину быть правительницею“ (*Сборникъ*, VII, 293).

Такъ же безстрастно и съ тѣмъ же вниманіемъ выслушивала Екатерина и разсужденія Панина о томъ времени, когда переворотъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе. „Панинъ желалъ произвесть переворотъ въ то время, когда Петръ прибылъ-бы въ столицу, чтобъ присутствовать при выступленіи гвардіи изъ Петербурга въ походъ на соединеніе съ арміею, что̀ должно было послѣдовать въ исходѣ іюля“ [1]). Если вѣрить Панину, то необходимо признать, что моментъ для произведенія государственнаго переворота избранъ имъ довольно удачно: гвардія до того была раздражена противъ императора, что уже нѣсколько недѣль назадъ Панинъ долженъ былъ „вступить съ гвардейцами въ объясненіе и обѣщалъ перемѣну, лишь бы воспрепятствовать немедленному взрыву раздраженія“ [2]).

Во время этихъ бесѣдъ Екатерины съ Панинымъ, довольно откровенныхъ, но въ то же время, какъ видно, и вполнѣ академическихъ, былъ раздѣшенъ болѣе важный вопросъ, имѣвшій существенное значеніе [3]) при практическомъ осуществленіи переворота и содѣйствовавшій его успѣху — было рѣшено, что великій князь Павелъ Петровичъ не поѣдетъ съ матерью въ Петергофъ, останется въ Петербургѣ, чтобъ, въ случаѣ надобности, съиграть ту роль, какую потребуютъ событія. Кому ни принадлежала

Панинъ въ это время жилъ и здравствовалъ, былъ близокъ съ Суворовымъ, и Екатерина не рѣшилась бы писать такую очевидную неправду, которая легко могла быть изобличена.

1) *Assebиrg*, 317; *Русск. Архивъ*, 1879, I, 364; *Castèra*, I, 352.

2) *Assebиrg*, 317. Едва-ли, однако, разсказъ этотъ заслуживаетъ полнаго довѣрія; намъ представляется несомнѣннымъ только тотъ общій выводъ, что и Панинъ, въ своихъ гаданіяхъ, опирался преимущественно на гвардію, Княгиня Дашкова тоже, вѣдь, успокоивала гвардейцевъ, опасаясь преждевременнаго взрыва; она обѣщала даже увѣдомить солдатъ, когда настанетъ пора дѣйствовать *(Арх. кн. Воронцова*, XXI, 67, 69, 70, прим.). Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ подробностяхъ, разсказы Панина и кн. Дашковой сходятся потому только, что оба составлялись post factum и оба автора желали выставить себя на первый планъ, приписать себѣ первенствующую роль.

3) *Осмнадц. Вѣкъ*, II, 631.

бы эта счастливая мысль, Екатеринѣ или Панину, она свидѣтельствуетъ о большой предусмотрительности: въ сутолокѣ бунта, къ тому же чисто военнаго, наслѣдникъ престола, подъ рукою, на-готовѣ, могъ только содѣйствовать успѣху, между тѣмъ какъ, оставаясь въ Петергофѣ, близь Ораніенбаума, гдѣ находился императоръ, онъ легко могъ стать серьезнымъ орудіемъ въ рукахъ Петра III.

Съ кн. Дашковой Екатерина была еще болѣе сдержанна, чѣмъ съ Панинымъ; въ послѣднее время онѣ рѣдко даже видѣлись. По словамъ Екатерины, съ кн. Дашковой были очень осторожны, опасаясь „ея родства и ея 19-ти-лѣтъ“[1]); сама кн. Дашкова свидѣтельствуетъ, что она ничего не сообщала Екатеринѣ объ успѣхахъ задуманнаго дѣла, не желая „компрометировать императрицу“[2]). Екатеринѣ хорошо была извѣстна беззавѣтная преданность княгини Дашковой, ея подчасъ слишкомъ хлопотливая дѣятельность на пользу друга-императрицы; Екатерина хорошо знала все, что для нея дѣлала кн. Дашкова, и не могла не цѣнить ея заслугъ. Позже, при другихъ вліяніяхъ и подъ иными впечатлѣніями, Екатерина значительно принизила эти услуги, но теперь, до переворота, находясь между молотомъ и наковальней, Екатерина вполнѣ любовно относилась къ своей 19-ти-лѣтней пособницѣ, съ участіемъ выслушивала ее, съ благодарностью принимала заботы объ устройствѣ ея судьбы, и если не высказывалась сама, таилась, прималчивала, то единственно изъ опасенія выдать третьихъ лицъ, недовѣрчиво взиравшихъ на кн. Дашкову.

Въ числѣ этихъ третьихъ лицъ первое мѣсто занимали Орловы. Съ ними Екатерина была особенно откро венна; она не только допускала ихъ принимать различныя мѣры, даже довольно рѣшительныя, но нерѣдко сама содѣйствовала успѣху ихъ предпріятій. Такъ, много лѣтъ позже, она разсказывала Храповицкому любопытную подробность о привлеченіи гренадера преображенскаго полка

---

1) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 14; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 422,

2) *Дашкова*, 60. Эти „успѣхи“ касались главнымъ образомъ гвардейскихъ офицеровъ (habende Bekanntschaft mit denen Garde Officiers) *Сборникъ*, XVIII, 467.

Стволова, относящуюся ко времени этого пятидневнаго пребыванія Екатерины въ лѣтнемъ дворцѣ: „Стволовъ на уговоръ Алексѣя Орлова отвѣчалъ: не видавъ отъ меня знака ни къ чему не приступитъ. Условились, что какъ жила я въ лѣтнемъ дворцѣ, то бы, увидя его въ саду, дать ему руку. У меня руку всѣ цѣловали. Онъ стоялъ въ аллеѣ у мосту, и какъ скоро, поровнявшись съ нимъ, дала ему руку, то поцѣловавъ, полились у него въ три ручья слезы, и я, оторопѣвъ, отошла" [1]).

Вполнѣ довѣряя Орловымъ, Екатерина откровенно обсуждаетъ съ ними подробности переворота, причемъ Орловы всегда высказываются за рѣшительныя дѣйствія, отвергая полумѣры, противясь выжиданіямъ [2]). Первоначально было рѣшено, по словамъ Екатерины, захватить Петра въ зимнемъ дворцѣ, въ его комнатѣ, и заточить, подобно тому, какъ было поступлено съ Анной Леопольдовной и ея дѣтьми [3]). Съ отъѣздомъ Петра III въ Ораніенбаумъ, это намѣреніе само собою уничтожилось, и остановились на предложеніи Панина — захватить Петра, когда онъ явится въ Петербургъ для проводовъ гвардіи — но съ существеннымъ измѣненіемъ: „было условлено, что, въ случаѣ измѣны, не будутъ ожидать пріѣзда императора въ Петербургъ, но соберутъ гвардейскіе полки и провозгласятъ меня" [4]), какъ писала Екатерина гр. Понятовскому.

Такое рѣшеніе было принято не только въ силу общаго недовольства, проявлявшагося въ гвардейскихъ пол-

---

1) *Храповицкій*, 222.

2) Les deux Orlow, qui ne manquaient ni de hardiesse, ni de courage, se servirent, en cette occasion, de tout l'ascendant qu'ils avaient sur l'esprit de l'impératrice, l'entraînerent, pour ainsi dire, malgré elle, et la forcèrent de consentir à ce qu'on pourvût à sa sureté et à celle de son fils. *Hordt*, II, 235.

3) Le dessein était de le prendre dans sa chambre et de l'enfermer, comme la princesse Anne et ses enfans (*Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 2; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415). Одаръ, не заслуживающій большого довѣрія, говоритъ даже, что были уже сдѣланы двѣ попытки привести это намѣреніе въ исполненіе, но обѣ не удались (*Париж. Архивъ*, vol. 69, № 7). *Castéra*, I, 333.

4) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 3; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415.

кахъ, но, главнѣйшимъ образомъ, вслѣдствіе согласія многихъ гвардейскихъ офицеровъ содѣйствовать возведенію на престолъ Екатерины. Этимъ Екатерина была обязана въ значительной степени братьямъ Орловымъ. Къ половинѣ іюня, почти всѣ гвардейскіе офицеры, за ничтожнымъ исключеніемъ, были противъ Петра III; но только благодаря усиліямъ Орловыхъ, между офицерами гвардіи были уже такіе, которые заявили готовность „пролить свою кровь за императрицу“, за Екатерину, и подготовляли къ тому же свои команды. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Екатерина говоритъ, что такихъ офицеровъ было отъ 30 до 40[1]); нельзя, конечно, утверждать, что всѣ эти офицеры „завербованы“ Орловыми, но не подлежитъ сомнѣнію, что Орловы много содѣйствовали возбужденію среди гвардейскихъ офицеровъ симпатій именно къ Екатеринѣ.

Орловы же вербовали сторонниковъ Екатерины и

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 3; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415. Это показаніе Екатерины совершенно вѣрно, и мы можемъ поименовать всѣхъ офицеровъ, бывшихъ „въ секретѣ“. По полкамъ они распредѣлялись такъ: а) измайловскаго полка: 1) Н. И. *Рославлевъ*, премьеръ-маіоръ; 2) А. И. *Рославлевъ*, капитанъ; 3) М. *Ласунскій*, капитанъ; 4) кн. П. А. *Голицынъ*, капитанъ; 5) М. С. *Похвисневъ*, капитанъ; 6) П. И. *Вырубовъ*, капитанъ-поручикъ; 7) И. В. *Обуховъ*, капитанъ-поручикъ; 8) С. А. *Всеволожскій*, прапорщикъ; 9) И. А. *Всеволожскій*, прапорщикъ; б) преображенскаго полка: 10) С. А. *Бредихинъ*, капитанъ-поручикъ; 11) М. Е. *Баскаковъ*, капитанъ-поручикъ; 12) Г. Г. *Протасовъ*, поручикъ; 13) Е. А. *Чертковъ*, поручикъ; 14) З. Ѳ. *Дубенскій*, поручикъ; 15) И. В. *Ступишинъ*, поручикъ; 16) Н. И. *Колышкинъ*, поручикъ; 17) П. Б. *Пассекъ*, капитанъ-поручикъ; 18) И. М. *Ребиндеръ*, поручикъ; в) семеновскаго полка: 19) А. Ѳ. *Талызинъ*, поручикъ; г) коннаго полка: 20) Ѳ. А. *Хитрово*, секундъ-ротмистръ; 21) А. И. *Ржевскій*, секундъ-ротмистръ; 22) кн. И. В. *Несвицкій*, секундъ-ротмистръ; 23) М. А. *Пушкинъ*, капралъ; 24) Г. А. *Потемкинъ*, вахмистръ. Къ этому списку должны быть присоединены офицеры, игравшіе выдающуюся роль въ день переворота: 25) гр. К. Г. *Разумовскій*, полковникъ измайловскаго полка; 26) кн. М. Н. *Волконскій*, подполковникъ конной гвардіи; 27) А. Г. *Орловъ*, капитанъ преображенскаго полка; 28) Ѳ. Г. *Орловъ*, поручикъ семеновскаго полка; 29) гр. В. П. *Мусинъ-Пушкинъ*, секундъ-ротмистръ конной гвардіи; 30) Ѳ. И. *Вадковскій*, подполковникъ семеновскаго полка; 31) В. И. *Бибиковъ*, капитанъ-поручикъ корпуса инженеровъ.

среди нижнихъ чиновъ. Русскаго солдата, какъ ни былъ бы онъ раздраженъ, нельзя сманить даже на отступленіе отъ военной дисциплины, не только на нарушеніе присяги, тѣмъ менѣе на измѣну царю. Даже соглашаясь съ Екатериною, что „Орловы блещутъ искуствомъ управлять умами, благоразумною смѣлостью, присутствіемъ духа“, что „у нихъ много здраваго смысла и великодушнаго мужества“ [1]), все-таки необходимо признать, что вербовка въ данномъ случаѣ носила совершенно особый характеръ. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о подкупѣ, а только о предоставленіи нижнимъ чинамъ отъ имени императрицы извѣстныхъ милостей, въ родѣ чарки водки послѣ утомительныхъ ученій [2]) и т. п. Подобная раздача „мелкихъ суммъ“ производилась, конечно, не лично Орловыми, которыхъ солдаты многихъ полковъ вовсе не знали, а чрезъ непосредственныхъ начальниковъ, вѣроятно, чрезъ ротныхъ командировъ. Для пропаганды подобнаго рода требовались не малыя суммы, тѣмъ болѣе, что расходы постепенно увеличивались.

Екатерина всегда нуждалась въ деньгахъ; нуждалась и теперь. Англійскаго посланника, сэра Чарльза Уильямса, при посредствѣ котораго она дѣлала нѣкогда займы [3]), нѣтъ уже въ Петербургѣ; его смѣнилъ Кейтъ, угодникъ Петра III. Но деньги Екатеринѣ нужны, и она обращается съ просьбою о ссудѣ къ французскому посланнику Бретэлю. Переговоры велись при посредствѣ пьемонтца Одара [4]). Бретэль не считалъ возможнымъ исполнить

---

[1]) *Voltaire*, LXXVIII, 31, 57, sqq.

[2]) Die Brüder Orlow übernahmen das Geschäft die Garden zum Vortheil der Kaiserin zu gewinnen, wozu Geld erfordert wurde... Die Orlows gaben zur Erholung den Soldaten, in Namen der Kaiserin, kleine Summen. Sie streueten mit der einen Hand in allen Garderegimentern den Samen der Unzufriedenheit und des Aufruhrs aus, und vertheilten mit der andern Hand die Wohlthaten der Kaiserin. *Helbig*, Günstlinge, 182, 183; *Русск. Стар.* LI, 8, 9.

[3]) *Бильбасовъ*, I, 322.

[4]) Авантюристъ *Одаръ* (Odart), родомъ изъ Пьемонта, прибылъ въ Петербургъ въ царствованіе Петра III, неизвѣстно кѣмъ рекомендованный канцлеру Воронцову. По просьбѣ кн. Дашковой, Одаръ, уже въ маѣ 1762 г., перешелъ въ придворное вѣдомство, въ

просьбу Екатерины, потому-ли, что не довѣрялъ комиссіонеру Одару или по другимъ причинамъ — мы не знаемъ; но Бретэль былъ на столько чуждъ всего, что подготовлялось къ ближайшему будущему, что именно въ одинъ изъ тѣхъ пяти дней пребыванія Екатерины въ Петербургѣ, когда дѣлались послѣднія приготовленія къ государственному перевороту, 14-го іюня, выѣхалъ изъ Петербурга[1]). Не успѣвъ у Бретэля, Одаръ обратился къ англійскому купцу Фельтену, который ссудилъ Екатеринѣ 100,000 рублей[2]). Заемъ былъ сдѣланъ до выѣзда Екатерины изъ Петербурга. Французскій повѣренный въ дѣлахъ Беранже, въ депешѣ отъ 2-го іюля, сообщаетъ по этому поводу слѣдующее:

„Десять, двѣнадцать дней назадъ, г. Одаръ пожелалъ имѣть со мною свиданіе, о которомъ заранѣе было условлено. Въ полночь, одинъ, никѣмъ не сопровождаемый, явился я въ отдаленное мѣсто, совершенно пустынное, принявъ всѣ мѣры, чтобъ не быть узнаннымъ. Тамъ г. Одаръ передалъ мнѣ слѣдующую записку: „Покупка, въ которой мы нуждались, вскорѣ будетъ навѣрно сдѣла-

---

качествѣ надзирателя за имѣніями императрицы. Позже, онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи о комерціи и титуловался надворнымъ совѣтникомъ. Не зная ни русскаго языка, ни Россіи, Одаръ не могъ играть видной роли въ переворотѣ, но несомнѣнно принималъ въ немъ посильное участіе, исполняя возлагавшіяся на него порученія. Его участіе было оцѣнено выше его заслугъ выдачею ему 1.000 руб. на поѣздку заграницу — такое сравнительно ничтожное вознагражденіе свидѣтельствуетъ о ничтожности оказанныхъ имъ заслугъ. Позже, Одаръ принялъ участіе въ заговорѣ противъ Екатерины, былъ высланъ изъ Россіи и жилъ въ Ниццѣ, гдѣ былъ убитъ молніей. Французское правительство, кажется, выплачивало ему небольшую пенсію. *Арх. кн. Воронцова,* V, 106; XXI, 48; депеша *Беранже,* отъ 13-го іюля 1762 г., въ *Парижс. Архивѣ,* Russie, vol. 69, № 6; *Laveaux,* I, 245, 246; *Castéra,* I, 321, 340; *Saldern,* 130, 218; *Helbig,* Biographie, II, 102, 119, 134.

[1]) За что получилъ выговоръ отъ *гр. Броля:* Je crains que vous soyez vu de très mauvois oeil: la Souveraine ne vous pardonnera pas de l'avoir abandonnée dans un moment aussi intéressant (Le comte de Broglie au baron de Breteuil, le 11 Août 1862, въ *Парижс. Архивѣ,* vol. 62, pièce 71). *Castéra,* I, 343. — [2]) *Laveaux,* I, 250; *Castéra,* I, 344; *Jauffret,* I, 120; *Бильбасовъ,* I, 434.

на, но значительно дешевле; такимъ образомъ, нѣтъ нужды въ другихъ капиталахъ". Я долженъ былъ переслать эту записку г. Бретэлю, но не по почтѣ, что мнѣ было запрещено.

„Цѣлый часъ я разговаривалъ съ г. Одаромъ. Я замѣтилъ такой сумбуръ въ его рѣчахъ, онъ назвалъ мнѣ столько лицъ, нескромность которыхъ относительно тайны мнѣ хорошо извѣстна, разсказалъ о такихъ мѣрахъ, вовсе не пригодныхъ для заговора, такое убожество средствъ, такое безсиліе, что я усомнился въ возможности успѣха, и искренно пожалѣлъ императрицу, которой, какъ я полагалъ угрожаетъ опасность и которая заслуживаетъ лучшей участи . . . Одаръ увѣрялъ меня, что уже два раза пытались схватить императора, но оба раза неудачно. Я составилъ шифръ, общій для гг. Одара и Бретэля, который мнѣ поручено было передать г. Одару, но г. Одаръ сказалъ, что этотъ шифръ теперь для него совершенно безполезенъ"[1])

Вѣроятно, ко времени этихъ пяти дней относится еще одинъ эпизодъ, вполнѣ дорисовывающій занятое Екатериною положеніе.

Изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Петра III, не было ни одного, на котораго Екатерина могла бы положиться въ такой степени, какъ на малороссійскаго гетмана, полковника измайловскаго полка графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Обладавшій несмѣтными богатствами, не имъ нажитыми, возвеличенный превыше заслугъ своихъ, баловень счастья и „случая", не на его долю выпавшаго, изнѣженный малороссъ увлекался Екатериною, когда она была еще великою княгинею[2]). Онъ былъ ея сторонникомъ и угодникомъ еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда, казалось, онъ былъ пресыщенъ милостями императрицы и угодливостью всего

---

[1]) Депеша *Беранже* графу Шуазелю, отъ 13. іюля 1862 г. въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 69, № 7 (вся шифрована). Приложеніе, II, 3. Беранже прибавляетъ: Je connaissoit à quel degré Odard portoit l'intrigue. Je n'avois pas une entière confiance dans ses discours. M. de Breteuil m'avoit recommandé d'être sur mes gardes, *Castéra*, I, 342. — [2]) *Бильбасовъ,* I, 263.

двора. Съ воцареніемъ Петра III онъ чувствительнѣе другихъ испыталъ на себѣ происшедшую перемѣну: несносная солдатчина, къ которой онъ вовсе не привыкъ, грубость голштинскихъ манеръ, наглое, иногда дерзкое, всегда оскорбительное обхожденіе императора, его капризная, суетливая дѣятельность, полная противорѣчій, все отталкивало графа Кирилла отъ Петра III, который хотѣлъ сдѣлать гетмана своимъ придворнымъ шутомъ. Къ чести графа, его поведеніе въ это трудное и опасное время заслуживаетъ полное сочувствіе. Онъ одинъ рѣшался говорить государю прямо, смѣло, разсчитывая, быть можетъ, на недалекость Петра III. Когда императоръ, самодовольно похвалялся, что обожаемый имъ Фридрихъ II произвелъ его въ генералъ-маіоры прусской службы, графъ К. Г. Разумовскій замѣтилъ: „Ваше Величество можете съ лихвою отплатить ему — произведите его въ русскіе фельдмаршалы". Петръ III не понялъ ироніи и не оскорбился. Въ іюнѣ, передъ датскимъ походомъ, когда императоръ объявилъ Разумовскому, что назначаетъ его главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, онъ просилъ Петра III сформировать вторую армію, которая подгоняла бы ввѣренную ему армію. Въ подобныхъ рѣчахъ слышится насмѣшливое отвращеніе къ Петру III, отъ котораго Разумовскій могъ ожидать только приниженія своей личности, умаленія своего достоинства. Иначе относился Разумовскій къ Екатеринѣ, которая сосредоточивала на себѣ всѣ его личныя упованія, въ которой онъ видѣлъ единственную надежду на упроченіе своего положенія. Хитрый, умный малороссъ молча работалъ на пользу Екатерины, никому не повѣряя своихъ намѣреній, никому не довѣряя ни своего спокойствія, ни своего высокаго положенія — не даромъ же изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ первенствующая роль въ данномъ случаѣ выпала на полкъ измайловскій, въ которомъ онъ состоялъ полковникомъ[1]).

[1]) Сохранилось извѣстіе, будто Разумовскій „подъ разными предлогами сталъ удалять всѣхъ нѣмцевъ изъ „своего измайловскаго полка" (*Васильчиковъ*, I, 293). Въ архивѣ измайловскаго полка сохраняются въ отличномъ порядкѣ „імянные списки лейбъ-

Екатерина знала о мѣрахъ, принимаемыхъ Разумовскимъ въ ея пользу, но скрывала ихъ отъ всѣхъ, даже отъ Орловыхъ, предоставляя имъ хлопотать о „привлеченіи" гетмана въ число ея сторонниковъ. И, вотъ, происходитъ такая сцена: Алексѣй Орловъ является ночью къ гетману Разумовскому, застаетъ его въ постели, но добивается свиданія. Разумовскій хладнокровно выслушалъ Орлова, подумалъ немного, посовѣтовалъ Орлову ѣхать къ другому для совѣщанія, такъ какъ онъ „умнѣе насъ", погасилъ свѣчу и пожелалъ нежданному гостю спокойной ночи[1]). . .

Въ понедѣльникъ, 17-го іюня, Екатерина уѣхала въ Петергофъ. Какъ женщина умная, она сознавала, что ея положеніе стало теперь еще болѣе шаткимъ, что все ея будущее поставлено въ зависимость отъ тысячи случайностей, предупредить которыя она уже не въ силахъ. Ничего вѣрнаго, надежнаго еще нѣтъ; но уже сдѣланы шаги, которые могутъ привести ее къ погибели. Не по своей волѣ, вынужденная обстоятельствами, не ею созданными, она стала на тотъ путь, съ котораго нѣтъ уже воз-

---

гвардіи измайловскому полку штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ"; изъ списка за 1762 годъ (Часть адъютантская, № 376, л. 117—134) видно, что весь полковой штабъ былъ обновленъ 9-го іюня, когда и гр. Разумовскій повышенъ изъ подполковниковъ въ полковники. По сравненіи апрѣльскаго списка съ августовскимъ (слѣдовательно уже послѣ переворота) оказывается, что въ 1762 году въ измайловскомъ полку служатъ все тѣ же десять нѣмцевъ: капитанъ Шульцъ, поручикъ Клаверъ, подпоручики Виль и Фокъ, сержантъ Сиверсъ, каптенармусъ Штокманъ, фурьеръ Цурмиленъ и капралы Этсенъ, Сенненбергъ и Пальмъ, не считая медиковъ Вица, Фельдера и Варника. Извѣстіе объ удаленіи нѣмцевъ оказывается, такимъ образомъ, неосновательнымъ.

[1]) *Бантышъ-Каменскій,* Исторія Малой Россіи, III, 207; *Laveaux*, I, 145; *Бантышъ-Каменскій,* I, 242; *Васильчиковъ,* I, 191, 293. Рядомъ съ Орловыми, но независимо отъ нихъ, хлопотала о Разумовскомъ и кн. Дашкова, приписывающая себѣ всю честь привлеченія Разумовскаго (*Арх. кн. Воронцова,* XXI, 53), и Панинъ (*Assebürg*, 317). Какъ ни сказоченъ этотъ разсказъ, въ немъ вѣрно отмѣчена одна подробность: какъ и Стволова, Разумовскаго уговариваетъ *Алексѣй* Орловъ, не Григорій, за которымъ въ это время набюдалъ поставленный Петромъ III соглядатай С. В. Перфильевъ, адъютантъ императора (*Бильбасовъ,* I, 433).

врата: или она погибнетъ, или свершитъ этотъ путь до конца, устраняя всѣ препятствія, въ какомъ бы видѣ они ни представились — спасая свое положеніе, свое будущее, свою жизнь, она не остановится ни предъ чѣмъ, не пощадитъ никого.

Съ отъѣздомъ двора, Петербургъ утратилъ характеръ столицы[1]); центръ политическаго интереса перешелъ въ Ораніенбаумъ, куда передвинулся вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ государственныхъ новостей, общественныхъ слуховъ, придворныхъ сплетень. Отъ Ораніенбаума до Петергофа — рукой подать. Екатерина знаетъ все, что дѣлается и говорится въ лѣтней резиденціи императора[2]), но уже интересуется не столько тѣмъ, что творится въ Ораніенбаумѣ, сколько тѣмъ, какое внечатлѣніе производятъ эти ораніенбаумскія „дѣйства" на петербургское общество, на гвардію.

Вскорѣ по воцареніи Петра III русскіе люди, не только въ столицѣ, но и въ провинціи, потеряли всякое довѣріе къ правительству. Не было такой нелѣпости, такой лжи, которая не принималась бы на вѣру и не повторялась всѣми. Въ псковскую губернскую канцелярію является деревни Морозовой, Опочецкаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй Васильевъ и заявляетъ, что „непріятель при городѣ Красномъ, а Опочку пленилъ", что изъ Опочки въ деревню прибылъ верховой и кричалъ: „убирайтесь — пруссаки пришли; многихъ рубятъ и секутъ". Если уже рубятъ и сѣкутъ, значитъ мѣстной команды недостаточно, и воронежскій полкъ, по тревогѣ, выступаетъ къ Красному и Опочкѣ на развѣдки, искать пруссаковъ[3]). Въ іюнѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ о русско-прусскомъ союзномъ договорѣ, въ Астрахани громко говорили, что императоръ

---

[1]) Депеша *Прассе*, отъ 21. іюня (2. іюля) 1762: Bei Abwesenheit des Hofes und des Ministerii ist in der Residenz überaus still; отъ 25. іюня (6. іюля): Bei fortdauernder Abwesenheit des Hofes findet sich wenig Materie vor, um meine Berichte interessant und umständlich zu machen. (*Дрезден. Архивъ*, Russland, №№ 54, 55). *Ranfft*, 275; *Laveaux*, I, 255; *Marche*, 211. — [2]) *Journal* des révolutions de l'Europe, X, 142; *Русск. Старина*, LXII, 744. — [3]) *Архивъ Сената*, Секретн. протоколы 1726 г., № 2, л. 7. . .

Петръ III продалъ русскія войска Фридриху II съ тѣмъ, чтобъ они не возвращались уже въ Россію[1]).

Въ провинціи сказывалась въ этихъ слухахъ ненависть къ пруссакамъ, съ которыми русскіе воевали уже пять лѣтъ; въ Петербургѣ же городскія новости касались преимущественно интересовъ императрицы. Въ столичныхъ слухахъ „ложныя разглашенія" настолько перепутывались съ дѣйствительными фактами, что трудно было отличить правду отъ кривды; въ послѣднихъ же числахъ іюня всякая нелѣпость принималась на вѣру и ставилась на счетъ Петру III.

Ни для кого не было тайной и всѣ знали, что императоръ, недовольный Екатериною, давно уже задумалъ освободиться отъ нея такъ или иначе — заточить въ монастырь, развестись и, во всякомъ случаѣ, арестовать[2]). Петръ III, по своему обычаю думать вслухъ, громко говорилъ объ этомъ при своихъ попойкахъ, въ средѣ собутыльниковъ. Въ іюнѣ прошелъ слухъ, приводимый всѣми въ связь съ заточеніемъ Екатерины: императоръ хочетъ расторгнуть браки всѣхъ придворныхъ дамъ и затѣмъ вновь выдать ихъ замужъ уже по своему усмотрѣнію. Говорили, что Петръ III хочетъ первый подать примѣръ, женившись на фрейлинѣ Воронцовой; прусскій посланникъ Гольцъ долженъ былъ жениться на графинѣ Строгоновой; жены высшихъ придворныхъ чиновъ — Марья Павловна Нарышкина, графиня Брюсъ, Марья Осиповна Нарышкина и др. — должны были выбрать себѣ новыхъ мужей[3]).

---

[1]) Депеша *Кейта*, отъ 6 іюля 1762 г., въ *Лондон. Архивѣ*, Russia, № 92; письмо Екатерины гр. Кейзерлингу, отъ 1-го апрѣля 1763 г., въ *Госуд. Архивѣ*, V, 104; *Сборникъ*, XLVIII, 410.

[2]) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 2; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 414; *Denkwürdigkeiten*, 82; *Lebensgeschichte*, 36; *Goudar*, 65, 112; *Marche*, 221, 223; *Rantt*, 272; *Beauclair*, 108; *Hordt*, II, 234; *Castéra*, I, 369; *Saldern*, 73; *Helbig*, 118. Въ депешѣ *Беранже*, отъ 13 іюля, сказано: L'opinion générale est que le 9 Juillet l'impératrice devoit être empoisonnée et que si le poison n'avoit pas produit son effet, il étoit resolu de s'en defaire de quelque façon que ce fut (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 3).

[3]) Депеша *Беранже*, отъ 16 іюля: Pierre III vouloit casser les mariages de la pluspart des femmes de sa cour, pour les marier ensuite à sa fantaisie. Il vouloit être le premier à donner l'exemple en épou-

Это говорили, этому вѣрили, это служило доводомъ, что отъ такого самодержца, какъ Петръ III, всего можно ожидать.

Во вторникъ, 25 іюня, въ Ораніенбаумѣ была освящена евангелическая церковь, построенная для лютеранъ, составлявшихъ большинство въ голштинскомъ отрядѣ. Императоръ присутствовалъ при освященіи и раздавалъ придворнымъ лютеранскіе молитвенники. Въ Петербургѣ увидѣли въ этомъ склонность къ протестантству, говорили, будто императоръ даже причащался по евангелическому обряду[1]). Распускавшіе такой слухъ хорошо знали, что онъ ложенъ, но вѣрно били въ цѣль: народъ не провѣряетъ, но возмущается противъ отступника. Какъ бы въ подтвержденіе этого „ложнаго разглашенія", въ тотъ же день синодъ получилъ высочайшій указъ, которымъ всѣ исповѣданія объявлялись равноправными съ государственною религіею, съ православіемъ, обряды православной церкви отмѣнялись, церковныя имущества отбирались въ казну[2]). Принизивъ, оскорбивъ духовенство, Петръ III не

---

sant la freyle. Il vouloit que M-r. Goltz, ministre de Prusse, épousât la comtesse Stroghonoff. La grandeveneur, la comtesse de Bruce, la maréchale Narychkine etc., chacune de ces femmes devoient changer de maris (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 9). *Castéra*, I, 350.

[1]) *Арх. кн. Воронцова*, XXXIX, 159; депеша гр. *Мерси* въ *Сборникѣ*, XVIII, 477; *Denkwürdigkeiten*. 59; *Lebensgeschichte*, 35; *Goudar*, 65; *Nachrichten*, 7. Peu de jour avant sa déposition Pierre III avoit fait consacrer un temple Luthérien à Oranienbaum, y avoit assisté fort devotement à toutes les cérémonies faites à cette occasion et selon quelques rapports y avoit communié. Изъ депеши *Беранже*, отъ 13-го іюня 1762, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 6.

[2]) Петръ III прислалъ въ синодъ, 25-го іюня 1762 года, слѣдующій указъ изъ шести пунктовъ: „1) чтобъ дать волю во всѣхъ законахъ и какое у кого ни будетъ желаніе, то не совращать; 2) принять вообще всѣхъ западныхъ и чтобъ ихъ не имѣли въ поруганіи и проклятія; 3) уреченные посты вовсе прекратить и чтобъ не почитать въ законъ, но въ произвольство; 4) о грѣсѣ прелюбодѣйномъ не имѣть никому осужденія, ибо и Христосъ не осуждалъ; 5) всѣхъ вашихъ здѣшнихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ причислить моему державству, а вмѣсто ихъ мое собственное на жалованье дать; 6) чтобъ дать волю во всякихъ моихъ мѣрностяхъ, и что ни будетъ отъ насъ впредь представлено, не препятствовать". *Русск. Архивъ*, 1871, стр. 2055.

пощадилъ и гвардіи. Въ этотъ же злосчастный день, 25-го іюня, императоръ помиловалъ тяжкаго преступника — лютеранина, саксонца. Капитанъ ямбургскаго драгунскаго полка Зейфертъ, саксонецъ родомъ, съ 1758 года содержался въ Ригѣ, подъ карауломъ, по требованію фельдмаршала Фермора; онъ бѣжалъ изъ подъ стражи, былъ пойманъ, вновь заключенъ подъ арестъ и 25-го іюня, по приказу Петра III, освобожденъ и отпущенъ за-границу[1]). Слухъ объ этомъ помилованіи быстро распространился въ гвардейскихъ полкахъ; въ немъ увидѣли пренебреженіе къ государственнымъ интересамъ, приписали его склонности къ протестантству и къ иностранцамъ, особенно къ нѣмцамъ, объясняли презрѣніемъ къ гвардіи.

Отзвукъ ораніенбаумскихъ дѣйствъ въ столицѣ былъ извѣстенъ Екатеринѣ. Она получала въ Петергофѣ свѣдѣнія о всемъ, что дѣлалось въ городѣ[2]), и въ невольномъ

---

[1]) *Архивъ Сената*, секретн. дѣла, № 655.

[2]) Екатерина знала тогда больше, чѣмъ мы теперь. Въ письмѣ къ гр. А. Г. Орлову, отъ 7-го іюля 1789 г., двадцать семь лѣтъ послѣ переворота, она писала: „никогда не забуду 24, 26 и 28 іюня" (*Сборникъ*, XLII, 20), Екатерина знала объ услугахъ, оказанныхъ ей Алексѣемъ Орловымъ въ понедѣльникъ, 24 іюня, и въ среду, 26-го — мы не знаемъ. Быть можетъ, въ одинъ изъ этихъ дней Орловъ привозилъ ей въ Петергофъ проектъ манифеста, который былъ заранѣе изготовленъ; и несомнѣнно, что онъ привозилъ императрицѣ, 26 іюня, указъ о воздержаніи отъ пьянства, который Екатериною подписанъ собственноручно того же 26 іюня (*Архивъ Сената*, кн. 102, л. 7 и 8). Позже, этотъ указъ вновь переписали, придали ему болѣе оффиціальную форму, и Екатерина вновь подписала его уже 30-го іюня. Оба указа хранятся въ сенатскомъ архивѣ; въ П. С. З., № 11584, напечатанъ указъ отъ 30-го іюня. Текстъ указа отъ 26-го іюня оригинальнѣе; онъ свидѣтельствуетъ о незнакомствѣ автора съ установленными формами для актовъ подобнаго рода. Приводимъ его, какъ первый указъ, подписанный Екатериною: „Увѣдомились мы, что начались происходить некоторыя непорятки и нападеніи на кабаки і мѣста питейныя. Мы по нашему природному милосердію и любви къ нашимъ верноподданнымъ восхотели вопервыхъ здѣлать матеренское увещание чтобъ каждой самъ удержался отъ таковыхъ крайностей развращающихъ истинную любовь и верность къ отечеству и къ Государыне столь его любящей. Естьли же сверхъ нашего чаяния сие наше усердное попечение неостановитъ то зло, то мы будемъ доведены строгостию то сокра-

бездѣйствіи, но съ напряженнымъ вниманіемъ выжидала событій.

Въ это именно время въ Петербургѣ дѣлались послѣднія приготовленія къ ненавистному датскому походу, къ выступленію гвардіи, что такъ раздражало ее. 25-го іюня прибылъ изъ Ораніенбаума генералиссимусъ русскихъ войскъ, дядя Петра III, принцъ Георгъ-Людвигъ голштинскій, чтобъ сдѣлать послѣднія распоряженія къ отъѣзду въ дѣйствующую армію[1]): онъ долженъ былъ прибыть къ арміи ранѣе императора и для его проѣзда были уже заготовлены лошади по нарвскому тракту. 26-го іюня, въ среду, сенатъ, по высочайшему повелѣнію, шлетъ указы „объ отвозе для проходящихъ отсюда по тракту до Риги гвардіи полковъ командъ, лошадей полевыхъ кормовъ і о заготовленіи на станціяхъ провианта і фуража“[2]); на другой день, 27-го іюня, сенатъ опять занятъ датскимъ же походомъ—заготовкою „для слѣдующихъ лейбъ-гвардіи полковъ командъ въ курляндскихъ магазейнахъ провианта і фуража“[3]).

Раздраженіе гвардіи достигло крайнихъ предѣловъ. Общественное мнѣніе высказывалось громко, рѣзко; о противодѣйствіи императору говорили уже не шепотомъ, не намеками. Молодой офицеръ лейбъ-кирасирскаго полка Ребиндеръ, лифляндскій дворянинъ, обращается къ своему земляку полковнику Будбергу, совѣтуя ему присоединиться съ своимъ полкомъ къ гвардіи, рѣшившейся возвести на престолъ Екатерину[4]) Простой капралъ преображенскаго

шать, что желаемъ всегда исправлять единымъ нашимъ матеренскимъ попеченіемъ о истинномъ нашихъ верноподданныхъ (Богу угодномъ) блаженстве произходимого единственно отъ сохранения разсудка умеренностию и воздержаниемъ. Данъ въ Санктъ Петербурге Июня 26 дня, 1762. *Екатерина*“.

[1]) Prinz George, sowie verschiedene andere Herrschaften heute in die Stadt hereingekommen, um ihre Equipagen über Hals und Kopf in Stand zu setzen. Депеша *Прассе*, отъ 6 іюля, въ *Дрезд. Архивъ*, vol. VII, № 55.

[2]) *Архивъ Сената*, секрет. протоколы 1762 г., № 52, л. 120.

[3]) *Архивъ Сената*, тамъ же, № 54, л. 122.

[4]) *Saldern*, 74, 84, 130; *Helbig*, Biographie, 107, 116. Основываясь на показаніяхъ Сальдерна, *Лонгиновъ* полагаетъ, что „это Иванъ

полка спрашиваетъ, 26-го іюня, вечеромъ, поручика Измайлова, скоро-ли свергнутъ императора. 27-го іюня, преображенскій солдатъ, „вышедъ на галлерею, началъ говорить, что когда выдетъ полкъ въ Ямскую, въ походъ въ Данію, то мы спросимъ, зачѣмъ и куда насъ ведутъ, оставя нашу возлюбленную матушку Государыню, которой мы рады служить“ [1]).

Очевидно: еще искра, и послѣдуетъ взрывъ.

Самодовольный, всѣхъ презиравшій Петръ III не допускалъ и мысли, что „русскіе“ могутъ быть имъ недовольны. Онъ не послушалъ предостереженій даже Фридриха II, котораго боготворилъ—обратитъ-ли онъ вниманіе на доносы темныхъ, мелкихъ людей?

Когда, въ мартѣ еще, Петру III доложили, что его голштинскій камергеръ Тепловъ непочтительно отзывается о немъ, императоръ, давно уже не любившій Теплова, приказалъ, правда, посадить его въ крѣпость, но вскорѣ же и выпустилъ съ производствомъ изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники [2]). Не повѣрилъ Петръ III и полковнику Будбергу: императоръ призналъ

Михайловичъ Ребиндеръ, въ послѣдствіи генералъ-аншефъ и александровскій кавалеръ, умершій въ 1792 году“ (*Русск. Архивъ*, 1870, стр. 966). Очень вѣроятная догадка; для полной увѣренности однако, необходимо сообразить, не былъ-ли это Максимъ Ребиндеръ, прославившійся на Кавказѣ въ 1787 г. и въ Италіи въ 1799 г., извѣстный сподвижникъ Суворова.

[1]) *Державинъ*, 429.

[2]) *Арх. кн. Воронцова*, XXI, 60; *Русск. Архивъ*, 1866, 582; *Laveaux*, 229; *Castéra*, I, 351; *Соловьевъ*, XXV, 102; *Васильчиковъ*, I, 293. Основываясь на показаніи Laveaux, повторенномъ, съ небольшими измѣненіями, у Castéra, Васильчиковъ арестъ Теплова приводитъ въ связь съ доносомъ Валуа, между тѣмъ какъ самый разсказъ о Валуа едва-ли не вымыселъ. У Laveaux первыми дѣйствующими лицами являются французы: первый доносъ подаетъ Валуа, записку пишетъ Виллье (I, 214) и. т. п. Сверхъ того, въ разсказѣ хронологическая несообразность: Тепловъ былъ освобожденъ изъ крѣпости указомъ отъ 23 марта, а доносъ Валуа поданъ только въ маѣ (environ six semaines avant détrônement). Эту несообразность хотѣлъ избѣжать Laveaux, продержавъ Теплова въ крѣпости до самаго переворота (p. 265). Если и довѣрять разсказу о доносѣ Валуа, то нельзя приводить его въ связь съ арестомъ Теплова.

полковника слишкомъ легковѣрнымъ, и нашелъ, что какой-то Ребиндеръ не можетъ быть опасенъ, когда адъютантъ императора, человѣкъ надежный и вѣрный, Перфильевъ, соглядатай за Орловыми, доноситъ, что все обстоитъ благополучно. Неблагополучно, однако, кончилась болтовня капрала.

Поручикъ Измайловъ удивился вопросу, скоро-ли свергнутъ императора: онъ зналъ, конечно, объ общемъ неудовольствіи, зналъ о негодованіи гвардіи на предстоящій походъ въ Данію, но онъ, кажется, не предполагалъ, чтобъ сверженіе императора было даже для нижнихъ чиновъ только вопросомъ времени. Измайловъ сообщилъ о словахъ капрала майору Воейкову, ротному командиру; Воейковъ—полковнику Ушакову. 27-го іюня, поутру, въ полковой канцеляріи допросили капрала. Оказалось, что капралъ ходилъ уже съ подобнымъ вопросомъ къ капитану Пассеку, который прогналъ его. И Измайловъ прогналъ капрала; но въ полковой канцеляріи лежало въ это же время показаніе какого-то солдата, что Пассекъ наканунѣ возмутительно отзывался объ императорѣ; сверхъ того, Измайловъ донесъ майору Воейкову, между тѣмъ какъ Пассекъ умолчалъ объ этомъ. Показалось-ли это подозрительнымъ, хотѣлось-ли выслужиться, только императору былъ посланъ подробный докладъ. Послѣ полудня посланный возвратился изъ Ораніенбаума и привезъ приказъ арестовать Пассека[1]). Приказъ былъ исполненъ вечеромъ[2]). Тотчасъ же „разнесся слухъ, что гренадерской роты капитана Пассека арестовали и посадили на полковомъ дворѣ подъ караулъ; рота собралась было во всемъ вооруженіи сама собою, безъ всякаго начальни-

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 4; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415; *Asseburg*, 318; *Дашкова*, 68; *Schumacher*, 24; *Laveaux*, I, 253; *Castéra*, I, 353; *Saldern*, 76; *Helbig*, Biographie, 109; *Günstlinge*, 183, 209; *Русская Старина*, LI, 17; LII, 15.

[2]) Le capitaine Passik s'est distingué par la contenance qu'il a eue de rester *douze heures dans son arrêt*. *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 14; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 422.

ческаго приказанія, на ротный плацъ, но, постоявъ нѣсколько во фронтѣ, разошлась"[1]).

Казалось, все обстоитъ благополучно. Кого могъ тревожить арестъ Пассека? Капитанъ Пассекъ не такого закала человѣкъ, чтобъ угроза могла вырвать у него лишнее слово; но Пассекъ — другъ и собутыльникъ Орловыхъ, рѣшительныхъ, смѣлыхъ, давно уже выжидающихъ только повода, чтобъ начась дѣйствовать. Лучшаго повода, чѣмъ арестъ Пассека, трудно ожидать, и Орловы рѣшились дѣйствовать.

Какъ дѣйствовать, что предпринять, что дѣлать — никто не зналъ. Не было ни плана, ни проекта, ничего подготовленнаго для дѣйствія. Все было основано на общемъ недовольствѣ Петромъ III, на негодованіи, охватившемъ если не всѣхъ, то значительное большинство; весь успѣхъ переворота покоился на впечатлѣніи, которое должна была произвести Екатерина своимъ внезапнымъ появленіемъ передъ казармами измайловскаго полка, своею слезною мольбою о защитѣ, обращенною къ гвардейцамъ. Это — та искра, которая должна произвести взрывъ.

Григорій Орловъ поѣхалъ къ княгинѣ Дашковой, у которой засталъ ея дядю, Н. И. Панина, и сообщилъ ей объ арестѣ Пассека. Княгиня встревожилась; Панинъ успокоивалъ ее: онъ не придавалъ особаго значенія этому аресту, который по его мнѣнію, могъ быть лишь дисциплинарнымъ взысканіемъ за какое нибудь упущеніе по службѣ[2]). Поговорили, и разошлись: Панинъ уѣхалъ въ лѣтній дворецъ, къ великому князю Павлу Петровичу, Орловъ — домой, гдѣ встрѣтилъ своего соглядатая Перфильева[3]) и тотчасъ же сѣлъ играть съ нимъ въ карты.

---

1) *Державинъ*, 430.

2) *Дашкова*, 69; *Assеburg*, 318. Дальнѣйшій разсказъ и кн. Дашковой, и Н. Панина представляется позднѣйшимъ вымысломъ: 28-го іюня оба эти лица являются на сцену уже послѣ провозглашенія Екатерины. Если осторожный Панинъ могъ еще медлить, то кн. Дашкова, конечно, выѣхала бы на встрѣчу императрицѣ, еслибъ знала, что пріѣздъ Екатерины долженъ состояться 28-го іюня утромъ.

3) Перфильевъ такъ добродушно исполнялъ свою обязанность,

Өедоръ Орловъ отправился съ тѣмъ же извѣстіемъ къ гр. К. Г. Разумовскому, но былъ съ нимъ болѣе откровененъ, чѣмъ его братъ съ княгиней Дашковой — онъ передалъ ему, что его братъ Алексѣй собирается ѣхать въ Петергофъ и привезти Екатерину прямо въ казармы измайловскаго полка. Гр. Разумовскій, полковникъ измайловскаго полка, молча выслушалъ извѣстіе и ничего не сказалъ. Какъ только ушелъ Орловъ, гр. Разумовскій, президентъ академіи наукъ, потребовалъ къ себѣ адъюнкта Тауберта, содержателя типографіи, и объявилъ, что „въ подземельяхъ академическаго дома засажены наборщикъ и печатникъ съ ихъ снарядами для печатанія ночью манифеста о переворотѣ, а онъ, Таубертъ, долженъ быть съ ними, чтобъ наблюдать за корректурою“. Таубертъ просилъ избавить его отъ подобнаго порученія. „Вы знаете уже слишкомъ много, сказалъ ему президентъ: тутъ дѣло идетъ о моей и вашей головѣ, если что нибудь откроется. Вы должны отправиться, куда вамъ приказываютъ“[1]).

Вѣроятно, Орловы извѣстили о своемъ намѣреніи и тѣхъ офицеровъ измайловскако полка[2]), которые были преданы Екатеринѣ — братьевъ Рославлевыхъ, Ласунскаго, Похвиснева и др.

Было за полночь, когда Алексѣй Орловъ и Василій Бибиковъ выѣхали изъ Петербурга, направляясь въ Петергофъ.

что Орловъ сохранилъ навсегда пріязнь къ нему. Записки *Хвостова* въ Русск. Архивѣ, 1870, 553.

[1]) *Schlözer*, 106; *Пекарскій*, 659; *Васильчиковъ*, I, 298.

[2]) *Schumacher*, 26. Невѣроятная подробность: премьеръ-маіоръ Рославлевъ собираетъ вечеромъ полкъ и уговариваетъ его принять завтра императрицу и провозгласить ее самодержицей; въ 11-мъ часу вечера является полковникъ гр, Разумовскій, одобряетъ готовность полка возвести Екатерину на престолъ и приказываетъ солдатамъ разойтись спокойно. Это невѣроятно и потому уже, что черезъ два часа все это было бы извѣстно въ Ораніенбаумѣ.

II.

„Петергофъ, императорской увеселительной домъ и обыкновенное Россійскихъ Государей лѣтомъ пребываніе, при Финскомъ морскомъ заливѣ, въ 29 верстахъ отъ Санктпетербурга. Дворецъ, сады, статуи, фонтаны, гроты, каскады, аллеи, рощи и другія къ увеселенію чувствъ служащія мѣста подаютъ причину Петергофъ сравнить съ славною *Версаліею*, а по прекрасному мѣстоположенію оной и предпочесть . . . Въ нижнемъ саду два увеселительные домы, называемые *Марли* и *Монъ Плезиръ*. Примѣръ Петра Великаго возбудилъ нѣкоторыхъ знатныхъ Двора его особъ и для себя увеселительные домы по дорогѣ отъ Санктпетербурга до Петергофа построить. Дорога по большей части лежитъ по нижнимъ грунтамъ, и всѣ увеселительные домы, туда ѣдучи, на лѣвой сторонѣ видны, что дѣлаетъ сей путь отъ частыхъ перемѣнъ весьма пріятнымъ“ [1]).

Не смотря на свѣтлую іюньскую ночь, едва ли Орловъ и Бибиковъ замѣчали пріятность пути. Проведя весь день въ тревогѣ, они не чувствовали усталости, поглощенные занимавшимъ ихъ предпріятіемъ, трудность котораго они, при всей своей молодости, не могли не сознавать. Они ѣхали тихо, поберегая лошадей.

Былъ шестой часъ утра, когда путники прибыли въ Петергофъ. Въ прошломъ столѣтіи, дворцы, особенно

---

[1]) Географическій словарь Россійскаго Государства. Москва, 1788, IV, 84; *Georgi*, Beschreibung des Petersburg und der Merkwürdigkeiten der Gegend. Ptsbrg. 1790, II, 436.

же загородные, не охранялись военными часовыми, полицейскіе чины не ходили ночью по улицамъ, дворниковъ-стражей вовсе не было. Никѣмъ не остановленный вошелъ Орловъ въ „увеселительный домъ" Монплезиръ, въ которомъ жила Екатерина. Въ домѣ всѣ спали. Въ уборной лежало парадное платье императрицы, свечера приготовленное по случаю торжественнаго обѣда, назначеннаго императоромъ наканунѣ своего тезоименитства. Довѣренная камеръ-фрейлина Шаргородская разбудила императрицу. „Въ мою комнату — пишетъ Екатерина — входитъ Алексѣй Орловъ и говоритъ совершенно спокойнымъ голосомъ: „Пора вставать; все готово, чтобъ провозгласить васъ". Я спросила о подробностяхъ, онъ сказалъ: „Пассекъ арестованъ". „Я не колебалась болѣе". Екатерина на-скоро одѣлась въ свое обычное черное платье, и по главной аллеѣ вышла изъ сада на дорогу. Екатерина съ Шаргородскою сѣла въ карету; камеръ-лакей Шкуринъ и камеръ-юнкеръ Бибиковъ стали на запятки, Орловъ помѣстился съ кучеромъ[1]). Теперь лошадей не жалѣли.

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 5; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 416; письмо Екатерины къ Гримму отъ 28 іюня 1785 г. (*Сборникъ*, XXIII, 344); депеша гр. Мерси въ *Сборникъ*, XVIII, 468; *Assebur*g, 318; *Schumacher*, 28; *Goudar*, 117; *Marche*, 228; *Арх. кн. Воронцова*, XXIX, 160; *Laveaux* I, 256; *Castéra*, I, 358; *Saldern*, 77; *Helbig*, Biographie, II, 111; Günstlinge, 198. При сличеніи всѣхъ указанныхъ источниковъ сама собою обнаруживается масса ложныхъ, нерѣдко просто выдуманныхъ подробностей, которыми авторы изукрасили свои разсказы о „бѣгствѣ" Екатерины изъ Петергофа въ Петербургъ. Изъ шести лицъ, выѣхавшихъ утромъ 28-го іюня изъ Монплезира, одна только Екатерина оставила свои показанія объ этомъ „бѣгствѣ"; всѣ другія показанія основаны на слухахъ, на предположеніяхъ, только болѣе или менѣе вѣроятныхъ, и нерѣдко составлены исключительно въ личныхъ интересахъ составителей, для самопрославленія. Лучше всего это видно на вопросѣ объ экипажѣ въ которомъ ѣхала Екатерина въ это знаменательное утро: княгиня Дашкова подробно разсказываетъ, съ какою предусмотрительностью приготовила она карету въ Петергофѣ, прибавляя, что Панинъ находилъ такую предусмотрительность безполезною (*Арх. кн. Воронцова*, XXI, 70); Панинъ же, напротивъ, говоритъ, что именно онъ приготовилъ карету и, нѣсколько строкъ ниже, будто объ этомъ позаботилась

Верстъ пять не доѣзжая до Петербурга, императрица была остановлена Григоріемъ Орловымъ, который ѣхалъ къ ней на встрѣчу вмѣстѣ съ княземъ Ѳедоромъ Барятинскимъ[1]). Императрица пересѣла въ коляску Григорія Орлова, такъ какъ ея лошади начали уже приставать.

Измученная полуторачасовою скачкою, вся въ пыли, обуреваемая опасностью настоящаго, мучимая неизвѣстностью будущаго, подъѣзжала Екатерина къ Петербургу. У Калинкиной деревни, гдѣ начинались слободы измайловскаго полка, Григорій Орловъ выскочилъ изъ коляски и побѣжалъ впередъ. Коляска шагомъ двигалась къ полковой кордегардіи. Екатерина видѣла, какъ изъ казармы выбѣжало нѣсколько солдатъ; слышала, какъ барабанщикъ забилъ тревогу . . .

Екатерина вышла изъ коляски. Безпорядочною, шумною толпою окружили ее измайловцы, кричали „ура", цѣловали ея руки, платье, плакали отъ радости, кричали „да здравствуетъ наша матушка Екатерина", шумѣли, бѣсновались. Черезъ нѣсколько минутъ, густо сомкнутая

Шкурина; Екатерина, упомянувъ о приведенномъ нами въ текстѣ разговорѣ своемъ съ Алексѣемъ Орловымъ, прибавляетъ: Je n'hésitai plus, je m'habillai vite, sans faire de toilette, et me mis dans le carrosse qu'il avait amené. Нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить Екатеринѣ, тѣмъ болѣе, что только при этомъ возможна крайняя усталость лошадей, сдѣлавшихъ въ одну ночь 60 верстъ; свѣжія лошади легко пробѣжали бы 29 верстъ, изъ Петергофа въ Петербургъ. Кромѣ письменнаго показанія, составленнаго мѣсяцъ спустя послѣ событія, Екатерина оставила еще и художественное: въ Эрмитажѣ хранится картина, представляющая ея отъѣздъ изъ Петергофа; картина рисована Кестнеромъ, по заказу Екатерины, и, тѣмъ не менѣе, представляетъ сцену совершенно невѣроятную, ни въ общемъ, ни въ подробностяхъ,

[1]) *Rulhière* (p. 85) разсказываетъ, что на пути изъ Петергофа въ Петербургъ, Екатерина встрѣтила своего парикмахера Мишеля и приказала ему возвратиться въ городъ; *Helbig*, (Günstlinge, 199; Русск. Старина, LII, 4) передаетъ, что уже подъ Петербургомъ встрѣтился трактирщикъ Нейманъ, узнавшій Алексѣя Орлова. Эта подробность, въ которой французъ выставляетъ француза, нѣмецъ — нѣмца, кажется намъ весьма подозрительною; тѣмъ болѣе, что Гельбигъ, въ своемъ спеціальномъ трудѣ (Biographie, II, 111), вышедшемъ за годъ до этого, не знаетъ еще этой подробности.

толпа солдатъ и офицеровъ разступилась, какъ бы очищая кому-то путь къ императрицѣ — вдали показался любимый измайловцами, ихъ духовный однополчанинъ, достопочтенный о. Алексѣй[1]), съ крестомъ въ рукѣ. Тутъ же, на песчаномъ плацу, подъ открытымъ небомъ, весь измайловскій полкъ единодушно принесъ присягу на вѣрность государынѣ императрицѣ и самодержицѣ Екатеринѣ Второй. Вскорѣ прибылъ и измайловскій полковникъ гр. Кирилла Разумовскій: онъ почтительно преклонилъ колѣна передъ императрицей и вѣрноподданнически поцѣловалъ у ея величества руку. Восторгъ измайловцевъ не зналъ предѣловъ: не смотря на присутствіе полковника, видъ Екатерины, явившейся къ измайловцамъ искать защиты, воодушевлялъ офицеровъ, опьянялъ солдатъ.

Составился оригинальный, небывалый кортежъ: Екатерина, вся въ черномъ, въ дрянной коляскѣ, впереди о. Алексѣй въ эпитрахили, съ крестомъ, сбоку гр. К. Разумовскій, и вокругъ ихъ толпа измайловскихъ офицеровъ и солдатъ. Съ криками „ура" процессія направляется по окраинѣ города, отъ измайловскихъ слободъ за Фонтанку, къ слободамъ семеновскаго полка. Но вѣсть о появленіи Екатерины и о провозглашеніи ея измайловцами быстро разнеслась по городу. На встрѣчу императрицѣ, безпорядочными толпами бѣгутъ по Сарскому и Новому[2]) мосту семеновцы, привѣтствуютъ Екатерину новыми криками „ура" и присоединяются къ процессіи.

Семеновцы измѣнили маршрутъ процессіи: нѣтъ уже надобности идти за Фонтанку — процессія двинулась по

---

[1]) Отецъ Алексѣй Михайловъ состоялъ священникомъ полковой церкви съ 21 іюля 1744 г., около 18 лѣтъ. Въ 1758 г. былъ назначенъ, въ помощь ему, другой священникъ о. Андрей Екатерининскій, состоявшій въ спискахъ полка еще въ январѣ 1762 г., но уже въ апрѣльскомъ спискѣ имя его не встрѣчается (*Архивъ измайл. полка*, № 376, л. 124). Преклонными годами о. Алексѣя вполнѣ объясняется подробность, отмѣченная Екатериною: deux soldats amenèrent un prêtre *sous le bras* *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 5; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415).

[2]) Сарскій — Обуховскій, Новый — Семеновскій.

Садовой улицѣ къ Невской Перспективѣ, направляясь къ зимнему дворцу. Вскорѣ прибѣжали преображенцы.

Въ преображенскомъ полку произошло замѣшательство. Нѣкоторыя роты замялись, полкъ разъединился: однѣ роты двинулись бѣглымъ шагомъ къ Садовой, къ гетмановскому саду[1]), другія къ зимнему дворцу. „Поутру, часу въ 8-мъ — пишетъ участникъ, преображенецъ — увидали скачущаго изъ конной гвардіи рейтара, который кричалъ, чтобъ шли къ Матушкѣ въ Зимній каменный дворецъ. Рота[2]) тотчасъ выбѣжала на плацъ. Въ измайловскомъ полку былъ слышенъ барабанный бой, тревога, и въ городѣ все суматошилось. Едва успѣли офицеры запыхаючись прибѣжать къ ротѣ, изъ которыхъ однако были нѣкоторые равнодушные, будто знали о причинѣ тревоги, однако всѣ молчали, то рота вся, безъ всякаго отъ нихъ приказанія, съ великимъ устремленіемъ, заряжая ружья, помчалась къ полковому двору. На дорогѣ, въ переулкѣ, идущемъ близь полковаго двора, встрѣтился штабсъ-капитанъ Ниловъ[3]), останавливалъ, но его не послушались и вошли на полковой дворъ. Тутъ нашли маіора Текутьева, въ великой задумчивости ходящаго взадъ и впередъ, не говорящаго ни слова. Его спрашивали, куда прикажетъ идти, но онъ ничего не отвѣчалъ, и рота на нѣсколько минутъ пріостановилась. Но, усмотря, что по Литейной идущая гренадерская, не взирая на воспрещеніе маіора Воейкова, который, будучи верхомъ и вынувъ шпагу, бранилъ и рубилъ гренадеръ по ружьямъ и по шапкамъ, вдругъ рыкнувъ бросилась на него съ устремленными штыками, то и нашелся онъ принужденнымъ скакать отъ нихъ во всю мочь; а боясь, чтобъ не захватили его на Симеоновскомъ мосту, повернулъ на право и въѣхалъ въ Фонтанку по груди лошади. Тутъ гренадеры отъ него отстали. Такимъ образомъ третья

---

[1]) Le jardin du Hetman — садъ при домѣ гр. Разумовскаго занималъ мѣсто нынѣшняго екатерининскаго сквера и Публичной Библіотеки.

[2]) 3-я, въ которой числился Державинъ.

[3]) Андрей Михайловичъ.

рота, какъ и прочія преображенскаго полка, по другимъ мостамъ бѣжали, одна за другой, къ Зимнему дворцу[1]).“

Не всѣ — гренадерская рота повернула къ Невскому, къ Садовой. Петръ III любилъ преображенскій полкъ, особенно же гренадерскую роту. Его сторонники — секундъ маіоръ П. П. Воейковъ, капитанъ П. И. Измайловъ, поручикъ гр. С. Р. Воронцовъ — старались удержать роту въ повиновеніи императору, но безуспѣшно: едва раздался голосъ премьеръ-маіора кн. Меншикова „ура императрица, наша самодержица“, какъ вся рота восторженно подхватила этотъ крикъ[2]) и побѣжала къ Садовой, на встрѣчу Екатеринѣ. Процессія была уже на Невской Перспективѣ, между гетманскимъ садомъ и казанскою церковью, когда прибѣжали первыя толпы преображенцевъ. „Просимъ прощенья — кричали Екатеринѣ преображенцы — что пришли послѣдніе: насъ задержали наши офицеры и мы четверыхъ арестовали изъ усердія — мы хотимъ того же, что и наши братья“.

Солдаты гвардейскихъ полковъ смѣшались съ народомъ, который, заслышавъ шумъ и привлекаемый любопытствомъ, высыпалъ на улицы и присоединялся къ процессіи. Измайловцы, семеновцы, преображенцы, иные въ полной формѣ, при оружіи, другіе полуодѣтые, шли по срединѣ улицы густою, безпорядочною массою, оттѣснявшею, по возможности, простой народъ, толкавшійся около домовъ и заборовъ. Въ разношерстной толпѣ, безотчетно привлекаемой веселымъ шумомъ, небывалымъ зрѣлищемъ, сознававшей, что творится нѣчто важное, доброе, слышался безконечный гулъ, далеко разносившій по окраинамъ города радостную вѣсть о воцареніи любимой всѣми Екатерины. Не всѣ знали причину этого явленія, многіе не понимали даже ея значенія, но всѣ ликовали, всѣ спѣшили увѣриться, во очію убѣдиться, что донесшійся до нихъ народный говоръ справедливъ, что онъ не пустой, не обманчивый слухъ. И чѣмъ далѣе подвигается про-

[1]) *Державинъ,* 430.

[2]) Ce cri fut un coup électrique. *Арх. кн. Воронцова,* VIII, 5; *Русск. Архивъ,* 1879, I, 64.

цессія, тѣмъ плотнѣе становится толпа, запрудившая уже всю Садовую, куда стекался народъ со всего города. Спѣшили на Садовую и ветераны прошлаго переворота, извѣстные всему городу лейбъ-компанцы, возведшіе нѣкогда на престолъ Елизавету Петровну и такъ безжалостно уволенные недавно[1]) Петромъ III — премьеръ-маіоръ Григорій Бутлеровъ и секундъ-маіоръ Алексѣй Вороновъ; слѣдомъ за ними явились и служившіе въ лейбъ-компаніи, избранные Елизаветою Петровною гвардейцы, оставшіеся за штатомъ, все люди русскіе — Кривцовъ, Новиковъ, Жеребцовъ, Уваровъ, Кологривовъ, Муромцовъ, всего 34 человѣка[2]).

Едва процессія, выйдя изъ Садовой, направилась по Невской Перспективѣ къ зимнему дворцу, какъ показались шедшіе на полныхъ рысяхъ стройные ряды эскадроновъ конной гвардіи, въ полномъ вооруженіи, предводимые своими командирами. Конногвардейцы превзошли всѣхъ своимъ воодушевленнымъ восторгомъ: они называли Екатерину своею спасительницею, клялись умереть за нее, заглушали всѣхъ своимъ мощнымъ „ура".

Эскортируемая конногвардейцами, окруженная гвардейскими полками, медленно подвигалась Екатерина по Невской Перспективѣ, запруженной народомъ. Около 9-ти часовъ утра процессія остановилась у Казанской церкви. Императрица, въ сопровожденіи Орловыхъ, гр. Разумовскаго, кн. Волконскаго, гр. Брюса, гр. Строгонова и массы гвардейскихъ офицеровъ, вошла въ церковь, которая была уже полна народа. Духовенство встрѣтило Екатерину и осѣнило крестомъ. Послѣ краткой молитвы

---

[1]) Депеша *Митчеля*, отъ 16 апрѣля 1762 г. *Лондон. Архивъ*, Mitchell papers, vol. 22).

[2]) *Архивъ Сената*, копіи высоч. пов., т. 176, л. 25. Приложеніе V, 4. Здѣсь отмѣчены только тѣ 34 лейбъ-компанца, которые „за долговременною службою, за разными болѣзнями, службу продолжать не могли"; нѣтъ сомнѣнія, что всѣ бывшіе 28-го іюня въ Петербургѣ лейбъ-компанцы приняли участіе въ процессіи. Значеніе лейбъ-компанцевъ въ переворотѣ 1762 г. указано только въ депешѣ *Прассе*, отъ 11-го іюля (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 56), Приложеніе IV, 2. См. *Nachrichten* 4; *Schumacher*, 33.

и провозглашенія многолѣтія государынѣ императрицѣ „самодержицѣ Екатеринѣ Второй“ и государю великому князю „наслѣднику цесаревичу Павлу Петровичу“, подъ торжественный перезвонъ колоколовъ, процессія двинулась къ зимнему дворцу.

Впереди шли священники, въ полномъ облаченіи, съ крестами въ рукахъ; въ той же двумѣстной коляскѣ, запряженной парою лошадей, сидѣла Екатерина, привѣтливо раскланивавшаяся съ народомъ и войсками, провожавшими ее шумными изъявленіями радости и нескончаемымъ „ура“, заглушавшимъ по временамъ колокольный звонъ. На правой подножкѣ стоялъ капитанъ Григорій Орловъ, на лѣвой — только что прискакавшій генералъ-поручикъ артиллеріи Вильбоа; неподалеку отъ коляски, верхами, гр. К. Разумовскій, кн. Волконскій, гр. Брюсъ и другіе генералы[1]).

Около 10 часовъ утра прибыла Екатерина къ зимнему дворцу. Измайловскій и семеновскій полки окружили дворецъ и заняли всѣ выходы своими караулами; преображенскій и конный полкъ заняли внутренніе караулы. Передъ дворцомъ, на площадяхъ и прилежащихъ улицахъ расположились остальныя части полковъ лейбъ-гвардіи, артиллеріи и четыре армейскіе полка, составлявшіе петербургскій гарнизонъ — ямбургскій, копорскій, невскій и петербургскій. Вскорѣ къ нимъ присоединились еще два пѣхотные полка — астраханскій и ингерманландскій. Преосвященный Веніаминъ, архіепископъ санктпетербургскій, обходилъ всѣ войска и приводилъ ихъ къ присягѣ[2]).

---

[1]) *Büsching*, 466.

[2]) *Придворный Архивъ*, разр. I, № 137, л. 197; *Nachrichten*, 10; *Schumacher*, 30, 34; *Державинъ*, 430; *Beauclair*, 110, Ингерманландскій и астраханскій полки пришли послѣдними къ зимнему дворцу: они стояли на Васильевскомъ острову; ингерманландскимъ полкомъ командовалъ генералъ Мельгуновъ, приверженецъ Петра III; на островъ былъ посланъ довольно сильный отрядъ гвардіи съ артиллеріею, чтобъ, въ случаѣ противодѣйствія, пушками задержать переходъ этихъ двухъ полковъ съ острова въ городъ — ингерманландцы и астраханцы сами арестовали своихъ командировъ и при-

Вслѣдъ за Екатериной прибылъ въ зимній дворецъ восьмилѣтній великій князь Павелъ Петровичъ. Его привезъ изъ лѣтняго дворца оберъ-гофмейстеръ Н. И. Панинъ, въ наемной двумѣстной каретѣ. Царевичъ былъ въ ночномъ еще костюмѣ: Панинъ, очевидно, торопился и перенесъ ребенка прямо съ постели въ карету; „лошади такъ мчались, что, казалось, летѣли"[1]). Екатерина тотчасъ же вынесла малютку на балконъ и показала народу, солдатамъ. Толпа привѣтствовала наслѣдника престола новыми криками восторга, новымъ „ура".

Въ зимнемъ же дворцѣ присягнули на вѣрность „самодержицѣ всероссійской" члены высшихъ государственныхъ учрежденій, сената и синода, чины двора, коллегій, свѣтскія и духовныя лица, генералы и офицеры, всѣ, кто былъ въ это время во дворцѣ, а во дворецъ входилъ всякій свободно — никому не было запрета присягнуть матушкѣ-государынѣ. Въ теченіи цѣлыхъ часовъ Екатерина должна была принимать поздравленія отъ всевозможныхъ лицъ: всѣ желали ее видѣть, всѣ стремились поцѣловать ея руку, всѣмъ она должна была сказать доброе слово — однихъ обласкать, другихъ обнадежить, и всѣхъ благодарить. Послѣдній гвардейскій солдатъ смотрѣлъ на Екатерину, какъ на „дѣло рукъ своихъ"[2]), считалъ себя творцомъ переворота и, до извѣстной степени, былъ правъ: Екатерина провозглашена самодержицей, возведена на престолъ не заговоромъ нѣсколькихъ лицъ, а по общему желанію и посильному содѣйствію всѣхъ. Въ этомъ именно смыслѣ и былъ составленъ слѣдующій манифестъ[3]), съ утра раздававшійся народу:

сягнули Екатеринѣ, причемъ маіоръ Василій Кретовъ проявилъ особенное усердіе, за что 2-го же іюля былъ произведенъ въ полковники (*Архивъ Сената*, копіи высоч. повел., т. 176, л. 50). Въ указѣ военной коллегіи, отъ 24-го іюля, генералъ-поручикъ Мельгуновъ назначенъ въ украинскую армію (*Архивъ Сената*, ibid., л. 54).

[1]) *Büsching*, 466.

[2]) Le moindre soldat aux gardes, en me voyant, se dit: voilà l'ouvrage de mes mains, пишетъ Екатерина гр. Понятовскому, отъ 11-го октября 1762 г. (*Госуд. Архивъ*, III, 16, *Сборникъ*, XLVI, 285).

[3]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 1; *Указы* Екатерины II, 3; *Пол. Собр. Зак.*, № 11582; *Осмнад. Вѣкъ*, IV, 216.

„Божіею милостію мы Екатерина Вторая, імператрица „и самодержица всероссійская, и пр., и пр., и пр.

„Всѣмъ прямымъ сынамъ Отечества россійскаго явно „оказалось, какая опасность всему россійскому государству „начиналась самымъ дѣломъ. А имянно, законъ нашъ „православной греческой перво всего возчувствовалъ свое „потрясеніе и истребленіе своихъ преданей церковныхъ, „такъ что церковь наша греческая крайне уже подвер„жена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною „древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго „закона. Второе, слава россійская, возведенная на высокую „степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое „свое кровопролитіе заключеніемъ новаго мира съ самымъ „ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное „порабощеніе; а между тѣмъ внутренніе порядки, соста„вляющіе целость всего нашего отечества, совсѣмъ испро„вержены. Того ради убѣждены будучи всѣхъ нашихъ „вѣрноподданныхъ таковою опасностію, принуждены были, „принявъ Бога и его правосудіе себѣ въ помощь, а особ„ливо видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ нашихъ вѣрнопод„данныхъ ясное и нелицемѣрное, вступили на престолъ „нашъ всероссійской самодержавной, въ чемъ и всѣ наши „вѣрноподданные присягу намъ торжественную учинили.

„*Екатерина*".

Такимъ образомъ, начало было сдѣлано и, должно признать, сдѣлано вполнѣ успѣшно. Этотъ легкій успѣхъ опаснаго, по своей сущности, даже дерзкаго предпріятія, можетъ быть объясненъ только общимъ сочувствіемъ, общимъ согласіемъ, которое заранѣе освящаетъ всякое начинаніе, отвѣчающее потребностямъ общества, удовлетворяющее его стремленіямъ, совпадающее съ его желаніями.

Всякій успѣхъ воодушевляетъ, особенно такой легкій, скорый и полный. Теперь всѣ, какъ одинъ человѣкъ, всякій по своей способности, старались упрочить добытый результатъ, довести такъ успѣшно начатое до столь же успѣшнаго конца. Трудно сказать, когда и кѣмъ, но были приняты всѣ мѣры къ возможному обезпеченію столицы отъ всякой случайности. Тотчасъ же всѣ выходы

изъ города были заняты конными пикетами съ приказанiемъ никого не выпускать изъ города и всѣхъ прибывающихъ изъ Ораніенбаума или Петергофа задерживать[1]). Это было крайне необходимо; въ интересахъ успѣха желательно было, чтобъ Петръ III возможно позже узналъ о переворотѣ, чтобъ онъ узналъ о немъ лишь тогда, когда уже всякое сопротивленіе съ его стороны было бы парализовано принятыми мѣрами.

Путь изъ Петербурга въ Ораніенбаумъ былъ одинъ— черезъ Калинкинъ мостъ, и эскадрону конной гвардіи было поручено занять этотъ мостъ. Порученіе было исполнено не безъ затрудненія: едва конногвардейцы заняли мостъ, какъ показался любимый императора лейбъ-кирасирскій полкъ; одинъ эскадронъ стоялъ противъ цѣлаго полка, но на сторонѣ эскадрона оказалась непобѣдимая сила общаго желанія и, при помощи лейбъ кирасиръ же, командовавшій ими подполковникъ Фермиленъ и всѣ офицеры-нѣмцы были арестованы[2]), а полкъ отправился къ зимнему дворцу присягать Екатеринѣ.

Арестовали и нѣмца изъ конной гвардіи — принца Георга-Лудвига, дядю Петра III. Это былъ жестокій, безсердечный нѣмецъ, къ тому же человѣкъ тупой. Онъ ненавидѣлъ русскихъ; русскіе презирали его. Заслышавъ шумъ, замѣтивъ какое-то усиленное движеніе на улицѣ, принцъ, ничего не подозрѣвавшій, поспѣшилъ къ другому нѣмцу, генералъ-полицiймейстеру Н. Корфу. Принцъ спрашиваетъ: Was ist das? Корфъ отвѣчаетъ: Ich weiss nicht. Появившійся офицеръ съ командою разсѣялъ ихъ недоумѣніе: онъ арестовалъ Корфа, приставилъ караулъ

---

[1]) *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 259; *Schumacher*, 30; *Marche*, 232! *Goudar*, 69.

[2]) *Schumacher*, 30; *Позье*, 102, *Rulhière*, 101; *Helbig*, Biographie, 116; *Castéra*, I, 375. Нѣмцы не долго просидѣли подъ арестомъ и только трое изъ нихъ пострадали: по „монаршей конфирмаціи", послѣдовавшей 24 іюня, лейбъ-кирасирскаго полка полковникъ *Будбергъ*, доносившій Петру на Ребиндера — въ отставку и жить въ Лифляндіи, подполковникъ *Фермиленъ* — тѣмъ же чиномъ въ другіе кирасирскіе полки, и флигель-адъютантъ *Рейзенъ* — отправить къ арміи (*Архивъ Сената*, Копіи высоч. повелѣній, т. 176, л. 54).

къ принцу и отвезъ Корфа въ зимній дворецъ, къ императрицѣ. Корфъ тотчасъ же присягнулъ и уже къ вечеру былъ сдѣланъ сенаторомъ; принцъ же былъ подъ карауломъ отвезенъ въ свой домъ, гдѣ и оставался подъ арестомъ дней десять. Его домъ былъ разграбленъ солдатами и, кажется, они выместили на немъ свою личную злобу за его жестокое съ ними обращеніе[1]).

По городу, между тѣмъ, разъѣзжали патрули, вездѣ были усилены караулы. Даже иностранные свидѣтели отдаютъ въ этомъ отношеніи справедливость распорядительности властей — нигдѣ не было ни буйства, ни безчинства, хотя всѣ кабаки были открыты и народъ, особенно же солдаты, пользуясь случаемъ, брали водку и вино даромъ. Ходили даже слухи, будто представители державъ, бывшихъ въ союзѣ съ Россіею при Елизаветѣ Петровнѣ, привѣтствовали переворотъ, какъ возвращеніе къ прежней антипрусской системѣ и, желая выразить свою радость, купили въ казенныхъ складахъ цѣлыя бочки водки и поили ею всѣхъ проходившихъ мимо ихъ домовъ[2]).

---

1) *Relation*, 8; *Denkwürdigkeiten*, 62, 84; *Marche*, 228, 245; *Gilchrist*, 5; *Will*, 16; *Nachrichten*, 14; *Rulhière*, 93; *Rangt*, 274, 277; *Beauclair*, 110: *Позье*, 103; *Сборникъ*, XVIII, 476; Письмо Болотову въ Прилож. V, 1; *Schumacher*, 31, 33; *Laveaux*, I, 255, 261; *Castéra*, I, 367; *Saldern*, 101, 111; *Helbig*, Biographie, 115. Принцъ, собственно говоря, не былъ арестованъ; въ домѣ его стоялъ взводъ солдатъ больше для защиты принца отъ ярости народа, который ненавидѣлъ его. *Прассе* доноситъ отъ 5-го (16) іюля: Sein Arrest aber ist so wenig ein Arrest, dass er gestern vielmehr alle holstainische Civilbeamten bei sich gehabt hat (*Дрезд. Архивъ*, vol. VII, № 58). Онъ получилъ отъ императрицы 100,000 рублей на отъѣздъ въ Голштинію и какъ вознагражденіе за üble Tractament, учиненный солдатами 28-го іюня (Ibid., № 62). По поводу его отъѣзда возникла цѣлая переписка: въ промеморіи канцлеру, отъ 10-го іюля, онъ, сообщая слухи о разбойникахъ въ нарвскомъ лѣсу, просилъ „послать команду гусаръ для разъѣзду по всѣмъ на сей дорогѣ находящимся подозрительнымъ проходамъ"; 12-го іюля онъ проситъ переписать паспорты, чтобъ „прибавленъ былъ титулъ высочество" (*Москов. архивъ* мин. иностр. дѣлъ, Голштин. дѣла 1762 г., № 9, л. 13 и 25). Въ свитѣ принца Георга уѣхали 62 голштинца и, между прочимъ, Солтеръ со сворою собакъ и Каспаръ съ двумя медвѣженками (*Москов. архивъ*, ibid., л, 17).

2) Въ депешѣ *Беранже*, отъ 13 (2) іюля 1762: La tranquillité et

Въ первомъ часу было рѣшено, что Екатерина покинетъ зимній каменный дворецъ, обновленный Петромъ III, и поселится въ старомъ дворцѣ, у Полицейскаго моста, гдѣ жила и умерла Елизавета Петровна. Кто подалъ мысль объ этомъ и почему Екатерина сочла необходимымъ послѣдовать ей — потому-ли, что старый дворецъ можетъ быть удобнѣе охраняемъ войсками, потому-ли, что новый подверженъ нападенію съ Невы или, быть можетъ, Екатерина хотѣла напомнить гвардіи времена Елизаветы Петровны — неизвѣстно. Когда Екатерина вышла изъ зимняго дворца, войска привѣтствовали ее такъ же шумно и радостно, но она уже не узнала ихъ: безъ всякаго приказа, по собственному побужденію, каптенармусы привезли на особыхъ фурахъ старые елизаветинскіе мундиры, хранившіеся въ полковыхъ цейгхаузахъ, и солдаты мигомъ переодѣлись, со злобою бросая ненавистные имъ каски и мундиры прусскаго образца[1]).

Елизаветинскій дворецъ, только въ апрѣлѣ покинутый императорскою фамиліею, оказался почти совершенно пустымъ. Не только посуду, но и мебель пришлось заимствовать у сосѣда — гр. Строгонова, изъ его дома, находящагося по другую сторону Полицейскаго моста[2]). Ека-

---

l'ordre règnent de tous côtès (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 3); *Büsching*, 467; *Schumacher*, 50, 51; *Castéra*, I, 369; *Saldern*, 81, 110, 186; *Helbig*, Biographie, 131. Содержатели вольныхъ кабаковъ показали, что у нихъ съ 28-го іюня по 1-е іюля было выпито: у Гендриха Гейтмана на 6.986 р. 3 коп., у Рудольфа Вальмана — 2.957 руб., у Ѳедора Ахматова — 6.585 р. 20 коп., у Алексѣя Питечкина — 3.097 р. 30 коп., у Ивана Дьяконова — 4.044 руб., у Богдана Медера — 4,760 руб., всего же у вольныхъ кабатчиковъ выпито на 28.375 руб. 53 коп.; сверхъ того, кабацкіе откупщики показали, что у нихъ за эти дни выпито было на 77.133 руб. $60^1/_2$ коп. Откупщикамъ была зачтена эта сумма, хотя никто не сомнѣвался, что цифра очень преувеличена; но вольные торговцы долго не могли добиться удовлетворенія и еще въ 1766 г., на докладѣ о просьбѣ виноторговца Медера, Екатерина собственноручно написала, между прочимъ: „какъ казна не приказала грабить, то и справедливости не вижу, чтобъ казна платила" (*Архивъ Сената*, кн. 117, л- 217).

[1]) Депеша *Прассе*, отъ 11 іюля (30 іюня) 1762, въ *Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 56; *Nachricht*, 6; *Relation*, 2; *Will*, 38; *Schumacher*, 30.

[2]) *Schumacher*, 31.

терина, въ своемъ дворцѣ, была какъ бы гостьею гр. Строгонова.

Здѣсь, въ елизатинскомъ дворцѣ, около 2-хъ часовъ дня, въ присутствіи сенаторовъ, генералитета и наиболѣе довѣренныхъ лицъ, впервые возникъ самъ собою жизненный для всѣхъ участниковъ переворота, политико-гостударственный вопросъ: какъ поступать далѣе? что слѣдуетъ предпринять для окончанія дѣла? какъ отнестись къ фактически низложенному, но остававшемуся еще императоромъ Петру III? Несмотря на то, что вопросъ представлялся крайне сложнымъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ, довольно деликатнымъ, при обсужденіи его не было ни разногласія, ни споровъ. Всѣ присутствовавшіе хорошо сознавали, что сопротивленіе могло исходить только отъ императора, а императоромъ былъ Петръ III, всѣми нелюбимый, государь всѣми ненавидимый, человѣкъ ничтожный. Борьба съ нимъ не представляла серьезныхъ затрудненій, особенно, когда эта борьба велась во имя Екатерины.

За императоромъ было, прежде всего, важное преимущество — на вѣрность ему присягали; но это преимущество парализовано уже равносильнымъ фактомъ — совершившеюся присягою на вѣрность Екатеринѣ. Петръ III, конечно, могъ искать опоры, помощи, только въ войскахъ, на сушѣ или на морѣ; эти войска только послѣ присяги Екатеринѣ откажутъ Петру въ своемъ содѣйствіи для возстановленія его правъ, которыми онъ такъ злоупотреблялъ. Вопросъ такимъ образомъ, сводился къ возможно скорѣйшему увѣдомленію войскъ о совершившемся переворотѣ и объ учиненной уже гвардіею присягѣ императрицѣ. Поэтому, было рѣшено отправить немедленно гонцовъ въ армію, во всѣ полки и команды, въ Кронштадтъ, на всѣ флотиліи и суда, съ манифестомъ о восшествіи Екатерины II на престолъ и съ присяжными листами.

На-скоро[1]), не теряя времени, стали приводить это рѣшеніе въ исполненіе. Это было не легко; изготовленіе указовъ само по себѣ требовало времени, тѣмъ болѣе,

---

[1]) A la hâte, по выраженію Екатерины (*Госуд. Архивъ,* III, 16; *Jacob.* 6; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 417).

что иные указы необходимо было изложить въ шифрахъ; даже манифесты и присяжные листы надо было еще напечатать. Въ этотъ же день, 28-го іюня, могли только выбрать лейбъ-гвардіи офицеровъ, которые должны были отвести подписанные Екатериною указы къ командующему дѣйствующею арміею гр. З. Г. Чернышеву, генералъ-аншефу Румянцеву, шефамъ и командирамъ полковъ съ предписаніемъ „команды свои къ присягѣ привесть"[1]). Былъ, однако пунктъ, требовавшій немедленнаго увѣдомленія — Лифляндія, въ которой скопилось много войскъ, предназначавшихся для похода въ Данію, и въ которую, какъ слѣдовало ожидать, Петръ III охотнѣе всего отправится искать защиты. Въ три же часа дня былъ отправленъ указъ рижскому генералъ-губернатору Броуну: увѣдомляя его о своемъ „по желанію всѣхъ сыновъ отечества" вступленіи на престолъ, Екатерина повелѣвала ему „всѣ мѣры къ тому принять, чтобъ сіе народное желаніе, съ Божіимъ благословеніемъ начатое, споспѣшествовано было добрымъ вашимъ учрежденіемъ, а въ противномъ случаѣ всѣ силы и мѣры употреблять имѣете къ отвращенію какого либо злаго сопротивленія, *не взирая ни на чье достоинство*, и ни отъ кого кромѣ что за нашимъ подписаніемъ никакихъ повелѣній не принимать"[2]).

Такой же поспѣшности требовали мѣры относительно морскихъ силъ; переходъ изъ Ораніенбаума въ Крон-

---

[1]) *Архивъ Сената,* Высоч. повел., т. 102, л. 6; *Сборникъ,* VII, 102, 103; XLII, 468; XLIII. 1: *Щебальскій,* 182; *Русскій Архивъ,* 1886, III, 117. Всѣ эти указы помѣчены 28-мъ іюня, даже шифрованный указъ гр. Чернышеву, но отправлены они были не ранѣе 29-го іюня, если не позже, уже по изготовленіи присяжныхъ листовъ, которыхъ не могли въ этотъ день выслать даже въ Ригу, Ю. Ю. Броуну: въ указѣ ему прямо заявлено, что „указы наши *съ присягою* присланы будутъ немедленно".

[2]) *Сборникъ,* VII, 104. Подчеркнутое нами „не взирая ни на чье достоинство" само уже по себѣ было довольно ясно; но для того, чтобъ не оставалось въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія, Екатерина присоединила къ этому указу, ею только подписанному, собственноручную записку, на полулистѣ, въ которой, на случай, если „бывшій императоръ" явится въ Лифляндію, приказывала задержать его и, живаго или мертваго, доставить обратно въ Петербургъ.

штадтъ вполнѣ открытъ и легокъ; въ Кронштадтѣ, кромѣ гарнизона, много войскъ; въ кронштадтскомъ портѣ стоятъ готовыя къ отплытію суда; сверхъ того, устье Невы ничѣмъ не защищено и флотъ съ десантнымъ войскомъ легко могъ прибыть изъ Кронштадта въ Петербургъ. Тутъ уже не приходилось стѣсняться формой, внѣшностью — лишь бы предупредить грозившую опасность, и адмиралу Талызину приказано было спѣшить немедленно въ Кронштадтъ[1]), причемъ ему была дана, вмѣсто указа, слѣдующая записка[2]), написанная самою императрицею:

„Господинъ адмиралъ Талызинъ отъ насъ уполномоченъ въ „Кронштадтѣ, и что онъ прикажетъ, то исполнять.

„Екатерина.

Іюня, 28-го дня 1762 года.

Этимъ не ограничились. Контръ-адмиралу Милославскому приказано было отъ сената отправиться на яхты и галеру, стоящія „въ море противъ Петергофа“, привести команду къ присягѣ и „велѣть имъ оттуда слѣдовать ближѣе къ Санктъ-Петербургу“. Въ указѣ прибавлено: „Будежъ на техъ судахъ кто окажетца присланной изъ Петергофа или и самъ бывшей імператоръ и ктобъ

---

[1]) Въ архивахъ не встрѣчается указаній, по которымъ можно было бы точно опредѣлить часъ, въ который сдѣланы были распоряженія относительно морскихъ силъ, объ охранѣ столицы съ моря и особенно о Кронштадтѣ. Показаніе Панина: on y envoya *vers l'après midi* l'admiral Talizin (*Asseburg,* 319) едва-ли справедливо. Несомнѣнно, однако, что о Кронштадтѣ не только не забыли, какъ увѣряютъ иностранные писатели (*Will,* 37; *Denkwürdigkeiten,* 88; *Schumacher*, 39; *Rulhière,* 120; *Ranfft,* 293; *Laveaux*, 271; *Saldern,* 82, 87, 109; *Helbig,* Biographie, 130), но позаботились, какъ показали послѣдствія, вполнѣ своевременно. Если Девьеръ прибылъ въ Кронштадтъ ранѣе Талызина, это объясняется сравнительною близостью Петергофа и удаленностью Петербурга отъ Кронштадта. Въ первую же свободную минуту позаботились даже о Ригѣ — могли-ли же забыть Кронштадтъ? Иностранные очевидцы ничего не знаютъ объ этой забывчивости (*Парижс. Архивъ,* vol. 69, № 3; *Дрезден. Архивъ,* vol. VII, № 56; Прилож. II, 1; IV, 2). Такая соблазнительная подробность, какъ выставляемый нѣмецкими свидѣтелями der Obrist-Lieutenant von Endten, никого, конечно, не обманетъ. *Schumacher* 39; *Helbig,* l. c., 130.

[2]) *Сборникъ,* VII, 101.

съ нимъ ни былъ оныхъ арестовавъ привесть сюда подъ крепкимъ карауломъ, наблюдая за ними, что по арестованіи сами себе вреда учинить не могли" [1]).

На этомъ же совѣщаніи былъ разрѣшенъ и деликатный вопросъ о личности Петра III. Прошло уже болѣе восьми часовъ, какъ Екатерина покинула Петергофъ, и въ Петергофѣ не имѣли никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Ораніенбаумѣ. Но что бы тамъ ни дѣлалось, Петръ, какъ императоръ, былъ уже немыслимъ — тронъ одинъ и его не могутъ занимать два самодержца. Низложенный императоръ оставался, однако, императоромъ, хотя и развѣнчаннымъ; оставлять его на свободѣ нельзя и потому уже, что пользоваться свободой онъ не можетъ — онъ можетъ только злоупотреблять ею. Было рѣшено арестовать Петра III и заточить его въ шлюссельбургскую крѣпость. Генералъ-маіоръ Савинъ былъ немедленно отправленъ въ Шлюссельбургъ для приготовленія приличнаго помѣщенія бывшему императору [2]).

Пока во дворцѣ шло совѣщаніе, улица принимала все болѣе и болѣе шумный видъ. Необычныя впечатлѣнія давно желанной перемѣны приводили толпу въ возбужденное состояніе; нервное настроеніе улицы усиливалось лишней чаркой водки, выпитой, къ тому же, въ жаркій лѣтній день. Послѣ полудня стали попадаться даже и пьяные, но они лѣзли больше цѣловаться, чѣмъ въ драку. Это было возбужденіе радостное, добродушное,

---

[1]) *Архивъ Сената*, Секретныя дѣла, № 707.

[2]) *Архивъ Сената*, Секретн. протололы 1762 г., № 56, л. 125. Въ три часа ночи, генералъ-поручикъ Ушаковъ привезъ сенату конвертъ съ указомъ Ея Величества къ генералу-маіору Савину, и такъ какъ Савинъ давно уже уѣхалъ въ Шлюссельбургъ, то сенатъ постановилъ: „дослать ему съ нарочнымъ сей конвертъ" (*Архивъ Сената*, ibid., № 58, л. 127). On préparait des chambres honnêtes et convenables à Schlusselbourg (*Госуд.Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 10; *Архивъ кн. Воронцова*, 419). Савинъ сообщалъ, что въ шлюссельбургской крѣпости многаго не достаетъ для устройства помѣщенія „по лутчей опрятности" и прислалъ цѣлый списокъ потребныхъ вещей; 2-го іюля измайловскаго полка подпоручикъ Плещеевъ былъ посланъ въ Шлюссельбургъ „съ нѣкоторыми вещами на шлюпкахъ отправленными". *Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 4. Приложеніе I, 3.

охватившее всѣхъ. Весь городъ провелъ этотъ день на улицѣ; въ домахъ оставались только немощные и малолѣтные. Движенiе по городу было необыкновенное, шумное, но не безпорядочное, не безчинное. Иностранцы свободно ходили по улицамъ, никѣмъ не обезпокоиваемые[1]).

Елизаветинскiй дворецъ обратился въ военный лагерь. Въ 4-мъ часу дня войска были окончательно переведены отъ зимняго каменнаго къ деревянному елизатинскому дворцу и вытянулись отъ Полицейскаго моста вдоль по Мойкѣ. „Въ сiе время приходили предъ сей дворецъ многiе и армейскiе полки, примыкали по порядку къ полкамъ гвардiи, занимая мѣста по улицамъ Морскимъ и прочимъ, даже до Коломны“[2]). Гвардейскiе офицеры, преимущественно коннаго полка, отправились въ различные полки, находившiеся въ окрестностяхъ Петербурга, и безъ труда преклоняли ихъ на сторону Екатерины. Три полка, лишь наканунѣ вышедшiе по тракту въ Нарву, двинулись обратно въ Петербургъ, при первомъ же извѣстiи о совершившемся переворотѣ[3]). Сводный отрядъ казаковъ, шедшiй, по приказу императора, въ Петергофъ, повернулъ коней и пришелъ карьеромъ прямо къ Полицейско-

---

[1]) Въ этотъ день *Беранже* спокойно гулялъ по городу: Je me suis rendu à l'hôtel de M-r l'Ambassadeur, quoiqu'à l'autre extremité de la ville. Je lui ai dit, que j'avais les plus fortes raisons de croire qu'il n'y avait aucun danger et que je me proposais de cheminer à mon ordinaire chez les personnes avec lesquelles j'avais quelques relations (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 7). Это подтверждается и депешею *Прассе:* In denen Strassen von einer Weite zur andern starke Posten ausgestellt worden um gute Ordnung zu halten, welches auch von so gutem Nutzen gewesen, dass nicht von der geringsten Ausschweifung zu hören gewesen (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 56). *Позье*, 100, 103; *Banfft*, 284; *Schumacher*, 50; *Laveaux*, 262; *Saldern*, 186; *Castèra*, I, 374. Извѣстiя иностранныхъ писателей объ уличныхъ безпорядкахъ и безчинствахъ относятся къ послѣдующимъ днямъ.

[2]) *Державинъ*, 431.

[3]) Депеша *Беранже*, отъ 13 iюля, въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 69, № 7.

му мосту[1]). Позже другихъ пришелъ воронежскій полкъ[2]).

Въ это время появились лица изъ свиты императора, пріѣхавшіе изъ Петергофа, даже прямо отъ Петра III. Это были, по большей части, царедворцы, искавшіе только благовиднаго предлога покинуть императора. Однимъ изъ первыхъ прибылъ въ елизаветинскій дворецъ канцлеръ графъ М. Л. Воронцовъ; онъ покинулъ Петра подъ предлогомъ „усовѣстить" Екатерину, и честно выполнилъ свою миссію: онъ обратился къ императрицѣ съ упреками, даже съ укоризной; Екатерина подвела его къ окну, указала на массу войска, на море головъ, и сказала: „Вы видите — не я дѣйствую: я только повинуюсь желанію народа". Графъ Воронцовъ безпрекословно присягнулъ Екатеринѣ[3]).

---

[1]) Отрядъ состоялъ изъ казаковъ донского, яицкаго, гребенскаго и терскаго войска; число коней неизвѣстно, но, конечно, отрядъ не достигалъ 3,000 человѣкъ (*Castèra*, I, 383). Во главѣ отряда стоялъ войска донского войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ. Въ указѣ военной коллегіи, отъ 7-го іюля, Екатерина наградила представителей отряда, бывшаго въ походѣ 28-го іюня, пожаловавъ Ефремову вензелевую саблю, старшинамъ, атаманамъ и есауламъ — золотыя медали, и казакамъ — по 10 рублей; всего пожаловано 23 казака, въ томъ числѣ шесть, которые „старались быть въ походѣ, но за несыскомъ лошадей не были". *Архивъ Сената*, копіи высоч. повел., т. 176, л. 229 и 230. О казакахъ упоминаетъ *Goebel* (74, 80, 91, 83), но совершенно невѣрно; *Helbig*, Biographie, II, 130.

[2]) Онъ шелъ отъ Краснаго Села въ Ораніенбаумъ, когда, часа въ 4 дня, узналъ о переворотѣ и направился въ Петербургъ. *Архивъ Сената*, Секрет. дѣла, № 700; депеша *Беранже*, отъ 13 іюля 1762 г., *Парижск. Архивъ*, vol. 69, № 3; *Helbig*, Biographie, 116.

[3]) Подробность эта сообщена въ депешѣ *Беранже*, отъ 13 іюля 1762 г. (*Парижск. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 3; Прилож. II, 1); въ общихъ чертахъ она подтверждается Екатериною (*Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 7; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 418), но варіаціи позднѣйшихъ свидѣтелей едва-ли заслуживаютъ довѣрія (*Позье*, 105; *Rulhière*, 114; *Schumacher*, 35; *Laveaux*, 264; *Helbig*, Biographie, 128), особенно же отказъ канцлера отъ присяги, письмо его императору и арестъ. Arrive le chancelier Woronzow, envoyé pour me faire des reproches sur mon départ: on le mena à l'église pour prêter serment (*Jacob*, 7; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 418). Екатерина ни слова не говоритъ объ арестѣ канцлера. *Беранже* разсказываетъ то же самое, только подробнѣе, но прибавляетъ: il a été gardé depuis par deux officiers, ne

Князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, посланные Петромъ III, чтобъ удержать гвардію въ повиновеніи и уполномоченные, въ случаѣ нужды, убить Екатерину, предпочли принесть ей вѣрноподданническую присягу.

объясняя причины (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 3). *Прассе* высказываетъ по этому поводу лишь свою личную догадку: er musste der neuen Kaiserin huldigen, welches er auch gethan, aber doch allemal auf so eine Art, dass man nicht allerdings mit ihm zufrieden zu sein scheinet, wie er denn auch zwei Capitains zur Wache bei sich hat (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 56). Гр. *Мерси* ничего не знаетъ ни о капитанахъ, ни объ арестѣ канцлера (*Сборникъ*, XVIII. 432). По словамъ *Панина*, гр. Воронцовъ честно исполнилъ порученіе императора и особымъ письмомъ увѣдомилъ Петра III, что „подчиняясь волѣ народной, онъ присягнулъ государынѣ" (*Asseburg*, 320). *Шумахеръ*, слышалъ (wie man mir glaubwürdig versichert hat), что канцлеръ не присягнулъ и просилъ дать ему офицеровъ, которые проводили бы его домой (*Schumacher*, 38). Кн. *Дашкова* представляетъ эпизодъ съ своимъ дядей въ такомъ видѣ: Le grand chancelier fit des remontrances à l'impératrice et, voyant qu'il ne réussirait pas, il alla dans son palais, refusa de prêter serment à sa majesté, en lui disant qu'elle pouvait être sûre qu'il n'entreprendra rien, ni en paroles, ni en actions, contre elle, mais qu'il ne trahirait pas le serment qu'il a fait à Pierre III, aussi longtems qu'il existerait. Il pria l'impératrice de mettre un officier auprès de lui, qui puisse voir tout ce qui se passerait dans sa maison et alla avec le calme d'une grande âme au palais Woronzow (*Арх. кн. Воронцова*, XXI, 78). Извѣстіе, будто канцлеръ отказался присягнуть Екатеринѣ пока живъ Петръ, должно быть отвергнуто, какъ ложное: сохранилось письмо канцлера къ императрицѣ съ просьбою объ отставкѣ; по словамъ самого канцлера, оно писано за четыре часа до вызова гр. Бестужева-Рюмина, о чемъ указъ Колышкину подписанъ 28-же іюня — не присягнувшій не можетъ состоять на службѣ и проситься въ отставку можетъ только находящійся на службѣ; слѣдовательно, нѣтъ времени, когда гр. М. Л. Воронцова можно было бы считать неприсягнувшимъ, ни даже единаго часа: онъ явился во дворецъ часу въ 6-мъ, а около 10-ти вечера Екатерина выступила уже въ походъ (Депеша *Гольца*, отъ 17 іюля, въ *Берлин. Архивѣ*, vol. IX, № 103; *Архивъ Сената*, кн. 102. л. 32; *Военный Сборникъ*, 1862, XI, 43; *Сборникъ*, XLII, 470; *Арх. кн. Воронцова*, V, 102; *Щебальскій*, 61; *Соловьевъ*, XXV, 117). Не подлежитъ также сомнѣнію, что письмо канцлера Петру III, если и было писано, то не было отправлено по назначенію; даже Дашкова ничего не знаетъ объ этомъ письмѣ. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что всѣ рескрипты по коллегіи иностранныхъ дѣлъ, подписанные 29 іюня, контрасигнованы гр. М. Л. Воронцовымъ.

Къ вечеру, казаки и гусары стали приводить „языковъ"; явилось нѣсколько лицъ, видѣвшихъ императора уже въ Петергофѣ. Никто изъ нихъ не могъ дать точныхъ свѣдѣній, что намѣревался предпринять императоръ въ свою защиту; но общій смыслъ всѣхъ показаній не оставлялъ сомнѣній, что Петръ III не въ состояніи предпринять что-либо дѣйствительное, серьезное, способное если не спасти императора, то затруднить успѣхъ императрицы. Для Екатерины этого было уже вполнѣ довольно. Она бросила пассивную роль „повинующейся желанію народа" и стала активною его руководительницею: она рѣшилась идти, во главѣ войскъ, въ Петергофъ, чтобъ кончить однимъ ударомъ, безповоротно и навсегда. Около 10-ти часовъ вечера она послала въ сенатъ слѣдующій указъ[1]), писанный ея рукою, краткій, но ясный:

„Господа сенаторы!

„Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и „обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному „моему правительству, съ полною довѣренностію, подъ „стражу: отечество, народъ и сына моего.

„Екатерина".

---

1) *Сборникъ*, VII, 101.

III.

Въ пятницу, 28-го іюня, Петръ III съ утра былъ не въ духѣ — императоръ наканунѣ засидѣлся за ужиномъ, всталъ поздно, съ головною болью, поздно началъ разводъ. Разводъ прошелъ, однако, счастливо: голштинцы мастерски исполняли всѣ военныя экзерциціи, командовавшій ими генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ Лэвенъ по глазамъ угадывалъ желанія императора, и Петръ III повеселѣлъ. Въ часъ пополудни, прямо съ развода, назначенъ отъѣздъ въ Петергофъ, „чтобы наканунѣ Петрова дня присутствовать при большомъ обѣдѣ въ Монплезирѣ у ея величества императрицы и потомъ вечеромъ принести поздравленіе и быть за ужиннымъ столомъ". Уже поданы экипажи, императоръ на подъѣздѣ — нѣтъ гусаръ, конвоирующихъ обычно Петра III при подобныхъ загородныхъ прогулкахъ: гусаръ забыли извѣстить. Императоръ вспылилъ, но не на долго — гусары мигомъ прискакали.

Императоръ ѣдетъ въ гости къ императрицѣ и везетъ съ собою избранное придворное общество, размѣстившееся въ каретахъ, колясках и длинныхъ линейкахъ dos-à-dos. Тутъ правая рука русскаго императора — прусскій посланникъ Гольцъ, и владѣтельница сердца Петра III — фрейлина графиня Елизавета Романовна Воронцова, два фельдмаршала, гр. Б. Х. Минихъ и князь Н. Ю. Трубецкой, принцъ Голштейнъ-Бекскій, 12-ти-лѣтняя принцесса Екатерина Петровна Голштинская[1]), канцлеръ гр. М. Л.

---

[1]) Принцесса Е. П. Голштейнъ-Бекъ, 1750—1811, вышла позже замужъ за кн. Ивана Сергѣевича Барятинскаго, 1738—1811, бывшаго

Воронцовъ, его братъ сенаторъ гр. Р. Л. Воронцовъ, отецъ фаворитки, вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, гр. А. И. Шуваловъ, любимцы императора генералъ-адъютанты кн. И. Ѳ. Голицынъ и А. В. Гудовичъ, генералъ-лейтенантъ А. П. Мельгуновъ, безсмѣнный Л. А. Нарышкинъ, генералы гр. Девьеръ и Измайловъ, флигель-адъютантъ кн. И. С. Барятинскій и др.; тутъ много дамъ: гр. П. А. Брюсъ, кн. А. Д. Трубецкая, супруга фельдмаршала, мечтающая видѣть фаворитку императрицей, гр. А. К. Воронцова, супруга канцлера, три Нарышкиныхъ — Марья Павловна, супруга оберегермейстера, Марья Осиповна, супруга обершталмейстера, и Анна Никитишна, супруга обермундшенка — гр. Д. М. Строгонова, дочь канцлера, и другія[1]).

Весело болтая, никѣмъ не обезпокоиваемые[2]), путники

флигель-адъютанта Петра III. Она покинула мужа, Россію, и жила въ Берлинѣ подъ именемъ принцессы Голштейнъ-Бекъ.

[1]) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 19; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 425; *Штелинъ*, 288 sqq; депеша *Прассе*, отъ 11 іюля, въ *Дрезден. Архивѣ*, vol. VII, № 56; депеша гр. *Мерси* въ *Сборникѣ*, XVIII, 471; *Helbig*, Biographie, II, 123. Линейки, въ которыхъ сѣдоки помѣщаются dos-à-dos, можно и теперь встрѣтить въ Москвѣ, гдѣ онѣ лѣтомъ исполняютъ роль общественныхъ омнибусовъ; въ Петербургѣ, въ придворномъ вѣдомствѣ, линейки иногда употребляются при загородныхъ гуляньяхъ и для перевозки придворныхъ пѣвчихъ. Линейки эти крайне неудобны, тяжелы, неграціозны; единственное ихъ достоинство въ томъ, что онѣ могутъ поднять много сѣдоковъ (*Helbig*, I, c.).

[2]) Депеша *Беранже*, отъ 13 іюля, въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol, 69, № 3; *Штелинъ*, 288; *Castéra*, I, 380; *Helbig*, Biographie, II, 125, 126. Свѣдѣнія иностранцевъ, будто Петръ III значительно ранѣе 3-хъ часовъ дня, еще до пріѣзда въ Петергофъ, имѣлъ извѣстія о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ, являются чистымъ вымысломъ. Большинство иностранныхъ писателей говоритъ, будто „нѣсколько переодѣтыхъ крестьянами гренадеровъ“ явились въ Петергофъ и сообщили императору о происшедшемъ переворотѣ (some grenadiers disguised like peasants, *Gilchrist*, 6; *Denkwürdigkeiten*, 87; *Ranfft*, 289; *Beauclair*, 113); нѣкоторые сообщаютъ, будто какой-то крестьянинъ, въ лѣсу между Ораніенбаумомъ и Петергофомъ, останавливалъ линейку императора, но на него, по однимъ, не обратили вниманія (*Castéra*, I, 367; *Helbig*, Biographie, II, 123), по другимъ, обратили очень много (*Сборникъ*, XVIII, 472), причемъ этотъ кре-

прибыли, въ исходѣ 2-го часа, въ Петергофъ. Экипажи остановились у Монплезира: „дворецъ, въ которомъ живетъ императрица съ ея дамами и придворными кавалерами, найденъ пустымъ“ — Екатерина еще раннимъ утромъ „потаенно“ уѣхала въ Петербургъ! Это былъ блескъ молніи въ ночи, ударъ грома при безоблачномъ небѣ. Все смѣшалось, перепуталось; всѣ растерялись, онѣмѣли передъ этою новостью, неясною еще, но уже грозною. Предчувствія самыя тревожныя, ожиданія самыя тяжелыя охватили всѣхъ, спутавъ понятія, затемнивъ мысли. Никто не хотѣлъ или, быть можетъ, не могъ ясно опредѣлить положеніе, созданное „бѣгствомъ“ Екатерины; никто не былъ въ состояніи сознательно отнестись къ предстоявшимъ обязанностямъ, никто не зналъ отвѣта на вопросъ; что дѣлать?

Прошло добрыхъ полчаса въ тупомъ недоумѣніи. Опытные царедворцы, искусившіеся въ придворной интригѣ, знавшіе Екатерину уже много лѣтъ, кн. Трубецкой, гр. Шуваловъ и гр. Воронцовъ первые предложили свои услуги императору: они поѣдутъ „въ Петербургъ, съ цѣлью узнать, что тамъ дѣлается и привезти положительныя о томъ свѣдѣнія“, причемъ канцлеръ Воронцовъ глубокомысленно добавилъ, что „если императрица отправилась въ Петербургъ, чтобъ захватить престолъ, то онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, попытается усовѣстить ее, если его величеству будетъ то угодно“. Его величеству все было угодно — эти три царедворца присягнули Екатеринѣ и не возвратились къ императору[1]).

Въ 3 часа дня, все общество, съ императоромъ во

стьянинъ называется слугою Брессана (*Rulhière*, 112; *Castéra*, I, 379; *Helbig*, I, с., 115, 126). Въ три часа дня, когда Петръ III началъ разсылать своихъ адъютантовъ и ординарцовъ на развѣдки, въ Петергофѣ было уже извѣстно о перемѣнѣ. Флигель-адъютантъ императора Рейзеръ показалъ: „Въ бытность его въ Петергофѣ о томъ, что Ея імператорское величество соизволила принять родительской престолъ, какъ онъ, такъ и другіе тамо живущіе люди вѣдали, а чрезъ кого та эха тамъ произошла онъ не знаетъ“. *Архивъ Сената*, Секрет. дѣла, № 700, л. 1-й.

[1]) *Schumacher*, 36.

главѣ, двинулось къ морю, рѣшивъ „на всякій случай имѣть на готовѣ шлюпки, яхту и штатсъ-галеру“. Къ берегу въ это время присталъ баркасъ — это поручикъ преображенской бомбардирской роты Бернгорстъ привезъ изъ Петербурга фейерверкъ для Сансуси. Обратились къ нему съ разспросами; поручикъ сообщилъ, что „при выѣздѣ изъ Петербурга, въ 9-мъ часу, слышалъ въ преображенскомъ полку большой шумъ и видѣлъ, какъ многіе солдаты бѣгали съ обнаженными тесаками, провозглащая государыню царствующею императрицею“, но онъ, „не обративъ на то вниманія, поѣхалъ доставить фейерверкъ въ Петергофъ[1]).

Теперь всѣ сомнѣнія исчезли, всѣ надежды, что „авось все уладится“ разомъ улетучились. Нервы дамъ не выдержали — слышавшіяся и прежде негромкія всхлипыванья перешли въ открытыя рыданія, въ общій вой. По счастью, положеніе было слишкомъ серьезно, чтобъ обращать вниманіе на дамскіе нервы, и теперь былъ принятъ, наконецъ, рядъ мѣръ, свидѣтельствовавшихъ, что не всѣ совѣтники Петра III потеряли головы.

Тотчасъ же, въ 3 часа же дня, адъютанты, ординарцы и гусары были посланы по дорогамъ, идущимъ въ Петербургъ, на развѣдки. Флигель-адъютантъ Рейзеръ былъ посланъ въ Горѣлый Кабачекъ: онъ долженъ былъ отвезти туда семь голштинскихъ рекрутъ и оставить ихъ тамъ, на заставѣ, приказавъ имъ никого не пропускать ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга[2]); полковникъ Не-

---

1) *Штелинъ*, 286.

2) Рейзеръ былъ схваченъ, привезенъ въ Петербургъ, допрошенъ сенатомъ и въ допросѣ показалъ: „Сего числа пополудни въ три саса посланъ онъ іСъ Петергофа въ Горелый Кабачокъ съ вербованными въ голштинскую армию рекрутами семью человеки съ такимъ приказомъ, чтобъ ихъ туда отведя оставить тамъ на заставе, съ темъ чтобъ, вопервыхъ, резведать не проезжалъ-ли какой куріеръ, а потомъ темъ рекрутамъ приказать, чтобъ чрезъ то место никого какъ въ Петербурхъ такъ і исъ Петербурха не пропускать, а тотчасъ репортовать въ Петергофъ, естьлибъ кто приехалъ; но токмо онъ сего не исполнилъ по случаю такому, какъ онъ не доехавъ до того кабачка напримѣръ за версту увидѣлъ марширующей воронежской полкъ, то спросилъ куда онъ маршируетъ, напротивъ

еловъ былъ отправленъ въ Кронштадтъ, чтобъ собрать тамъ команду въ 3.000 человѣкъ и тотчасъ же отправить ее на ботахъ и шлюпкахъ въ Петергофъ[1]); адъютантъ ингерманландскаго полка Костомаровъ, по приказу своего шефа Мельгунова и М. Л. Измайлова, поѣхалъ въ Петербургъ съ объявленіемъ полковникамъ астраханскаго и ингерманландскаго полковъ, чтобъ они немедленно привели свои полки въ Ораніенбаумъ[2]). Въ это время неизвѣстно откуда прошелъ слухъ, что во главѣ „петербургскаго возмущенія“ находится гетманъ гр. К. Г. Разумовскій — императоръ приказалъ привезти изъ Гостилицъ его брата, гр. А. Г. Разумовскаго[3]).

Такая дѣятельность въ теченіи получаса утомила Петра III. Онъ отправился пройтись въ нижній садъ, къ каналу. Тамъ императоръ „продолжаетъ толковать и разсуждать съ гр. Р. Л. Воронцовымъ, Мельгуновымъ, Гудовичемъ, Измайловымъ, Волковымъ, Л. А. Нарышкинымъ, прочіе бродятъ вокругъ или сидятъ на рѣшеткѣ, а иногда

чего і ево Резера спросили отъ кого онъ идетъ і куда, і онъ Резеръ сказалъ, что посланъ ісъ Петергофа отъ Государя, і коль скоро онъ сие выговорилъ, то его офицеры того полку схватя арестовали і какъ его, такъ і показанныхъ рекрутъ привезли подъ карауломъ въ Петербурхъ“ (*Архивъ Сената*, Секрет. дѣла, — 700, л. 1-й), *Беранже*, въ депешѣ отъ 13 іюля, разсказываетъ, что полковникъ воронежскаго полка Олсуфьевъ совершенно случайно прибылъ въ Петербургъ 28-го іюня и тотчасъ же присягнулъ императрицѣ; ему предложили ѣхать немедленно въ полкъ, который шелъ, по приказу императора, въ Ораніенбаумъ, склонить полкъ на сторону Екатерины и привести въ Петербургъ. Немного спустя послѣ Олсуфьева, прибылъ въ воронежскій полкъ флигель-адъютантъ Рейзеръ съ приказаніемъ полку идти въ Петергофъ. Рейзера арестовали, полкъ двинули въ Петербургъ (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 3). *Helbig*, Biographie, II, 116.

1) Письмо *Девьера*, въ „Осьмнадц. Вѣкѣ“, II, 636.

2) По порученію сената маіоръ кн. Черкасской допросилъ Костомарова, который показалъ: „какъ ево Мельгуновъ і Ізмайловъ посылали изъ Раніэнбома (объявляя імянной імператора указъ) въ Петербурхъ, то приказывали они ему, чтобъ онъ въ ихнихъ полкахъ сказалъ полковникамъ, дабы они съ полками своими слѣдовали въ Ранизнбомъ“. *Архивъ Сената*, Секрет. дѣла 1762, № 700, л. 4-й; *Will*, 37; *Saldern*, 87; *Rulhière*, 115.

3) *Штелинъ*, 287; *Helbig*, Biographie, 135.

подходятъ для сообщенія своихъ мыслей о томъ, что слѣдовало бы предпринять. Значительное большинство того мнѣнія, что прежде всего необходимо поставить въ безопасность особу императора и для этого ѣхать въ Кронштадтъ. Самъ императоръ склоняется къ тому же, но хочетъ отплыть въ Кронштадтъ не прежде, какъ по полученіи ближайшаго извѣстія о положеніи дѣла въ Петербургѣ"[1]). Фельдмаршалъ Минихъ „предлагаетъ государю ѣхать, съ небольшою свитою изъ нѣсколькихъ знатнѣйшихъ особъ, прямо въ Петербургъ, явиться тамъ передъ народомъ и гвардіею, указать имъ на свое происхожденіе и право, спросить о причинѣ ихъ неудовольствія и обѣщать всякое удовлетвореніе. Можно быть увѣрену, говоритъ онъ, что личное присутствіе государя сильно подѣйствуетъ на народъ и дастъ дѣлу благопріятный оборотъ, подобно тому, какъ внезапное появленіе Петра Великаго неоднократно предотвращало такія же опасности". Храбрый Минихъ, облагодѣтельствованный императоромъ, очевидно, не сознавалъ, что Петру III не по плечу примѣры Петра I; къ тому же его любимцы, Гудовичъ и Мельгуновъ, стали оспоривать такой совѣтъ, справедливо „находя, что исполненіе его будетъ слишкомъ опасно для лица монарха". Петръ III прекратилъ споръ, заявивъ, что „онъ не довѣряетъ императрицѣ, коя могла бы допустить оскорбить его"[2]).

Въ совѣтахъ, кажется, недостатка не было[3]). Прусакъ Гольцъ находилъ наиболѣе надежнымъ бѣжать въ Нарву, т. е. къ войскамъ, идущимъ въ дѣйствующую армію[4]). Совѣтъ этотъ многіе одобряли и потому уже, что

---

[1]) *Штелинъ*, 288.

[2]) Депеша *Беранже*, отъ 13 іюля, въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 69, № 3; *Schumacher*, 44; *Marche*, 233; *Laveaux*, 267; *Saldern*, 86; *Helbig*, Biographie, II, 137. Одинъ только *Штелинъ*, подробно разсказывая этотъ эпизодъ, не называетъ гр. Миниха (289).

[3]) Man hat bald diesen bald jenen Vorschlag zur Vertheidigung oder Rettung gethan, въ депешѣ *Прассе* отъ 11 іюля (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, 56).

[4]) Monsieur Goltze luy conseilla de s'enfuir à Narva, въ депешѣ *Беранже*, отъ 13 іюля (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 3); гр. Мерси

при исполненіи можно было воспользоваться лошадьми, заготовленными по нарвскому тракту для принца Георга-Лудвига Голштинскаго. Иные совѣтовали не останавливаться въ Нарвѣ, а бѣжать прямо въ Голштинію, въ отчину Петра; другіе предлагали искать спасенія на Украйнѣ, даже въ Финляндіи[1]).

Нерѣшительный, неуважающій чужого мнѣнія, нетерпящій совѣтовъ, неспособный сосредоточить мысль на одномъ вопросѣ, даже когда этотъ вопросъ касается личной его безопасности, Петръ III все медлитъ, уклоняется, и, какъ бы въ оправданіе этой нерѣшительности, отдаетъ различныя приказанія, ни для кого уже необязательныя, и подписываетъ указы, которыхъ никто не будетъ читать. „Гр. Р. Л. Воронцовъ и Волковъ диктуютъ и пишутъ именные указы, и государь подписываетъ ихъ на поручнѣ канальнаго шлюза; четыре писца продолжаютъ писать на другомъ поручнѣ, подъ руководствомъ Волкова[2]). Въ силу одного изъ такихъ указовъ генералъ Девьеръ, въ сопровожденіи флигель-адъютанта кн. И. Барятинскаго, „ѣдетъ въ Кронштадтъ, чтобъ удержать за государемъ эту крѣпость“.

Этимъ указомъ отмѣнялся предъидущій: полковнику Неелову велѣно было препроводить изъ Кронштадта въ Петербургъ 3.000 солдатъ съ провіантомъ и патронами на пять дней; теперь генералъ Девьеръ долженъ былъ пріостановить отправку солдатъ и, напротивъ, приготовить все къ пріему императора[3]). Девьеръ выѣхалъ изъ Петергофа въ 4 часа дня, часомъ позже Неелова, и въ началѣ 6-го былъ уже у кронштадтскаго комменданта Нуммерса. Въ Кронштадтѣ ничего не знали о перевbooротѣ— весь этотъ день никто въ Кронштадтъ не пріѣзжалъ ни изъ Петербурга, ни изъ Петергофа или Ораніенбаума;

приписываетъ Волкову этотъ совѣтъ бѣжать въ Нарву (*Сборникъ*, XVIII, 472).

[1]) *Denkwürdigkeiten*, 93; Gazette de Bera, 1762, № 69; *Ranft*, 291; *Nachrichten*, 11; *Helbig*, Biographie, II, 135.

[2]) *Schumacher*, 38; *Штелинъ*, 289; *Helbig*, Biographie, II, 136.

[3]) Письмо *Девьера* въ Осмнадц. Вѣкѣ, II, 637; *Schumacher*, 39; *Rulhière*, 118; *Сборникъ*, XVIII, 472.

только отъ Неелова слышалъ Нуммерсъ „новость дня", которая самому Неелову была мало извѣстна. Приказаніе, привезенное Девьеромъ, тоже ничего не разъясняло — оно только отмѣняло приказъ, привезенный Нееловымъ. Въ крѣпости и на судахъ все оставалось попрежнему, и Кронштадтъ, какъ всегда, готовъ былъ встрѣтить императора. Уже кн. И. Барятинскій хотѣлъ возвратиться въ Петергофъ, какъ, въ исходѣ 7-го часа, въ Кронштадтъ прибылъ изъ Петербурга корабельный секретарь Ѳедоръ Кадниковъ съ запечатаннымъ ордеромъ адмирала И. Л. Талызина на имя коменданта Нуммерса. Въ Ордерѣ было приказано никого не впускать въ Кронштадтъ и никого не выпускать изъ Кронштадта[1]). Кадниковъ не зналъ содержанія привезеннаго имъ ордера; Нуммерсъ скрылъ самый ордеръ отъ Девьера. Но скрыть появленіе Кадникова въ Кронштадтѣ было невозможно. Девьеръ и князь И. Барятинскій стали допрашивать корабельнаго секретаря, который на все отзывался полнымъ невѣдѣніемъ. Къ 8-ми часамъ былъ составленъ докладъ императору, въ которомъ Девьеръ извѣщалъ Петра III, что въ Кронштадтѣ все готово для его пріема и что государь найдетъ въ кронштадтской крѣпости надежную защиту. Этотъ Докладъ повезъ кн. И. Барятинскій; съ нимъ былъ отправленъ въ Петергофъ и арестованный Кадниковъ.

Теперь для коменданта Нумерса все стало ясно. Девьеръ — генералъ, къ тому же ненавистнаго всѣмъ голштинскаго отряда — не начальникъ Нуммерса; непосредственный его начальникъ адмиралъ Талызинъ именемъ императрицы Екатерины II, которой онъ только что присягалъ, приказываетъ Нуммерсу разобщить Кронштадтъ отъ всякаго сношенія. Нуммерсъ, правда, выпустилъ кн. И. Барятинскаго, повинуясь приказу Петра III; но онъ не задумается исполнить и приказъ Екатерины II, когда во очію увѣрится въ ея воцареніи, котораго онъ давно желаетъ.

Былъ 10-тый часъ вечера, когда кн. Бырятинскій при-

---

[1]) *Архивъ Сената*, Копіи высоч. повел., т. 176, л. 4; *Schumacher*, 40; *Assebürg*, 320.

былъ въ Петергофъ съ докладомъ Девьера. Князь нашелъ большія перемѣны и въ императорѣ и въ Петергофѣ.

Петръ III сталъ еще раздражительнѣе, непокойнѣе. Уже съ 5-ти часовъ „государь досадуетъ, что большая часть посланныхъ имъ лицъ не возвращаются назадъ и выражаетъ нетерпѣливое желаніе узнать что нибудь болѣе достовѣрное о положеніи дѣлъ“. Свита его значительно порѣдѣла: адъютанты и ординарцы всѣ разосланы, Гольцъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, нѣкоторые ушли съ дамами во дворецъ, иные отправились гулять, пользуясь хорошей погодой; изъ дамъ только фаворитка „не хочетъ оставить государя и, въ тревожномъ состояніи духа, все вертится около него“[1]). Въ 7-мъ часу императоръ пообѣдалъ наскоро, по лагерному: „на деревянную скамью у канала ставятъ блюда жаркого и буттербродовъ съ нѣсколькими бутылками бургонскаго и шампанскаго“. Говорили, будто Петръ III именно теперь особенно много пилъ[2]). Вслѣдъ за этимъ, часовъ въ 7-мь вечера, императоръ послалъ въ Ораніенбаумъ приказъ голштинскимъ войскамъ „прибыть въ Петергофъ и окопаться въ звѣринцѣ, чтобъ выдержать первый натискъ“. Черезъ часъ, генералъ фонъ-Лэвенъ привелъ голштинцевъ и расположилъ ихъ въ звѣринцѣ; но для всѣхъ стало ясно, что голштинцы не выдержутъ натиска: „у артиллеріи очень мало ядеръ, а картечи и совсѣмъ нѣтъ; добавляютъ ядеръ отъ егермейстерской части, но калиберъ ихъ не соотвѣтствуетъ орудіямъ“.

Къ 8-ми часамъ вечера „безпокойство государя по случаю медленнаго возвращенія гонцовъ, отправленныхъ имъ въ разные концы, все болѣе и болѣе возрастаетъ“. Это и понятно: трое изъ „гонцовъ“ имѣли порученія, отъ которыхъ зависитъ, по мнѣнію Петра III, его спасеніе. Если его приказанія будутъ въ точности исполнены, какъ

---

[1]) Dames und Cavaliers strecken sich neben einander auf Stühle. Der General Schild gehet im Garten spatziren, weil es angenehm Wetter ist. *Nachrichten*, 12; *Штелинъ*, 289.

[2]) Депеша *Беранже*, отъ 13-го іюля, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 3.

и подобаетъ приказаніямъ самодержца, то, Петръ не сомнѣвается, онъ сломитъ сопротивленіе коварной императрицы и, во всякомъ случаѣ, спасетъ себя и ему близкихъ. Что же это за приказанія?

Одно изъ этихъ приказаній свидѣтельствуетъ, что совѣтъ прусскаго посланника Гольца, бѣжать въ Нарву, понравился императору и Петръ III принималъ мѣры къ его осуществленію. Адъютантъ ингерманландскаго полка Костомаровъ, посланный въ Петербургъ съ приказомъ, чтобы астраханскій и ингерманландскій полки спѣшили въ Петергофъ, повезъ съ собою еще слѣдующій приказъ[1]):

„Приказъ въ ямскія слободы.

„Получа сей приказъ выбрать пятдесятъ лошадей са„мыхъ хорошихъ прислать суда въ Петергофъ съ выбор„нымъ и явитца на конюшни, а ежели потребуетъ адъю„тантъ Костомаровъ пару лошадей то дать ему безъ вся„кой отговорки.

„Ларионъ Овцынъ".

Генералъ-поручикъ Ларіонъ Яковлевичъ Овцынъ былъ главноприсутствующимъ въ ямской канцеляріи, т. е. завѣдывалъ почтовою гоньбою въ имперіи: если онъ признавалъ необходимымъ пятьдесятъ добрыхъ коней, значитъ безъ этого условія „спасеніе бѣгствомъ" представляется немыслимымъ; а между тѣмъ ни лошадей, ни отвѣта отъ Костомарова нѣтъ. Вотъ что раздражало Петра III.

Къ тому же, надежда на стягиваніе къ Петергофу полевыхъ полковъ, хотя бы ближайшихъ, только что исчезла. Въ девятомъ часу вечера были получены крайне непріятныя извѣстія о миссіи, порученной флигель-адъютанту Рейзеру, который былъ посланъ по дорогѣ къ Красному Селу, въ Горѣлый Кабачокъ, съ шестью голштинскими гусарами, чтобъ устроить у заставы наблюдательный пикетъ и приказать воронежскому полку идти ускореннымъ маршемъ къ Петергофу. Съ этимъ флигель-адъютантомъ Рейзеромъ случилось вотъ что:

---

[1]) *Архивъ Сената*, Секрет. дѣла, № 700, л. 3.

„Не доехавъ до того кабачка напримеръ за версту“, Рейзеръ увидѣлъ „марширующій воронежскій полкъ“. Солдаты, офицеры, всѣ были въ возбужденномъ состояніи: только-что пріѣхалъ изъ Петербурга полковникъ Олсуфьевъ и сообщилъ радостную вѣсть — гвардія присягнула императрицѣ Екатеринѣ Второй. Воронежцы привѣтствовали это извѣстіе громкимъ ура и полкъ спѣшилъ въ Петербургъ. Когда воронежскій полкъ узналъ, что флигель адъютантъ Рейзеръ посланъ изъ Петергофа „отъ государя“, то офицеры схватили его, арестовали и какъ его, такъ и голштинскихъ рекрутъ-гусаръ привезли подъ карауломъ въ Петербургъ[1]).

Извѣстіе объ арестованіи флигель-адъютанта Рейзера пришло въ Петергофъ въ 9-мъ часу и привело Петра III въ крайнее раздраженіе. Даже „ прогулка по берегу канала“ не принесла успокоенія. Императоръ выслушалъ докладъ о расположеніи голштинской кавалеріи, которая была разсыпана по опушкѣ всего петергофскаго парка и находилась подъ командою голштинца фонъ-Шильдъ; коегдѣ были выставлены пушкн съ прусскими канонирами, причемъ отъ императора скрыли, конечно, что изъ пушекъ нельзя стрѣлять, за неимѣніемъ ядеръ[2]). Фельдмаршалъ Михихъ и принцъ Голштейнъ-Бекъ указывали Петру III на „ужасныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ такого, въ сущности мнимаго сопротивленія, если бы, по неосмотрительности, была выпущена противъ ожидаемой гвардіи хотя бы одна пуля“[3]), но вполнѣ безуспѣшно. Такъ какъ лошадей для бѣгства нѣтъ и русскіе полки передаются на сторону Екатерины, Петръ возлагаетъ всѣ свои надежды только на голштинскія войска.

Въ это-то именно время, въ 10-мъ часу вечера, „является изъ Кронштадта кн. И. Барятинскій“ съ докладомъ гр. Девьера. Это былъ первый и послѣдній „гонецъ“,

---

[1]) *Архивъ Сената*, Секрет. дѣла 1762 г., № 700, л. 1; депеша *Беранже*, отъ 13 іюля, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 3; *Штелинъ*, 290; *Laveaux*, 263, 275; *Helbig*, Biographie, II, 103.

[2]) *Schumacher*, 40.

[3]) *Штелинъ*, 290.

возвратившійся къ императору; докладъ гр. Девьера — единственное доброе извѣстіе, полученное Петромъ III во весь злополучный для него канунъ своего тезоименитства. У всѣхъ появляются радужныя надежды, всѣ обступаютъ императора — Мельгуновъ, Гудовичъ, Измайловъ, Нарышкинъ читаютъ докладъ гр. Девьера. Всѣ сомнѣнія исчезли: въ Кронштадтѣ спасеніе — въ Кронштадтъ. „Рѣшаются тотчасъ отплыть моремъ".

Тотчасъ нельзя: нужно время, чтобы перенести на яхту кухню и погребъ, приготовить суда къ плаванію, привести шлюпки для переѣзда на галеру и яхту. Садясь въ шлюпку, императоръ „отдаетъ генералу Шильду приказаніе отослать голштинскія войска обратно въ Ораніенбаумъ и оставаться тамъ спокойными"[1]). Только въ исходѣ 11-го часа ночи „галера выходитъ съ рейда и вмѣстѣ съ яхтою направляется къ Кронштадту, при довольно хорошемъ попутномъ вѣтрѣ"[2]).

Въ 9-мъ часу вечера, вскорѣ по отплытіи кн. И. Барятинскаго, прибылъ въ Кронштадтъ вице-адмиралъ И. Л. Талызинъ и предъявилъ коменданту Нуммерсу собственноручный указъ Екатерины: „что адмиралъ Талызинъ

---

[1]) *Will*, 17; *Штелинъ*, 290; *Nachrichten*, 13.

[2]) На *галерѣ* находились: Петръ III; г-жа Помпадуръ (гр. Е. Р. Воронцова); супруга канцлера гр. А. К. Воронцова и ея дочь гр. Строгонова; супруга гетмана графиня Разумовская; супруга фельдмаршала кн. Трубецкая; принцесса Голштейнъ-Бекъ съ ея гофмейстериною, вдовою шталмейстера, кн. Голицыною, и съ фрейлиною Мирабель; невѣста принца Голштейнъ-Бекъ принцесса Карлъ и ея компаньонка Дервицъ; супруга оберъ-гофмейстера М. П. Нарышкина; супруга камергера кн. Гагарина съ дочерью; графиня Брюсъ; супруга фельдмаршала гр. А. Шувалова; принцъ Голштейнъ-Бекъ; фельдмаршалъ гр. Минихъ; оберъ-гофмаршалъ Л. А. Нарышкинъ; шталмейстеръ А. А. Нарышкинъ; генералъ-лейтенантъ Мельгуновъ; сенаторъ гр. Р. Л. Воронцовъ; генералъ-адъютантъ кн. И. Ѳ. Голицынъ; генералъ-адъютантъ Гудовичъ; генералъ-маіоръ Измайловъ; голштинскій оберъ-егермейстеръ Бредаль; тайный секретарь Волковъ; вице-канцлеръ кн. Голицынъ; начальникъ канцеляріи отъ строеній И. И. Бецкій — всего 29 человѣкъ, прибывшихъ изъ Ораніенбаума вмѣстѣ съ Петромъ III. На *яхтѣ:* оберъ-егермейстеръ С. К. Нарышкинъ; гофмаршалъ М. М. Измайловъ; камергеры: кн. Гагаринъ, гр. Головинъ, кн. Соловой; тайный кабинетскій совѣт-

прикажетъ, то и исполнить". Нуммерсъ, предупрежденный уже Кадниковымъ, охотно повиновался. Онъ тотчасъ же сообщилъ Талызину о графѣ Девьерѣ и, съ общаго совѣта, было рѣшено привесть немедленно къ присягѣ какъ гарнизонъ крѣпости, такъ сухопутныя и морскія команды, причемъ, для избѣжанія всякихъ возможныхъ случайностей, Нуммерсъ „настоятельно" просилъ гр. Девьера не выходить изъ комендантскихъ покоевъ, пока не будутъ окончены всѣ формальности.

Несмотря на позднее время, весь крѣпостной гарнизонъ былъ собранъ на комендантскомъ плацу и объявленіе о вступленіи на престолъ Екатерины II было привѣтствовано радостными криками и громкимъ „ура". Вѣсть о воцареніи Екатерины быстро распространилась по всему острову и, менѣе чѣмъ въ одинъ часъ, не только весь Кронштадтъ, но и команды всѣхъ судовъ присягнули на вѣрность императрицѣ.

Талызинъ дѣйствовалъ энергично и осторожно. Онъ оградилъ Кронштадтъ со стороны моря, выставивъ вооруженное судно, усилилъ караулы со стороны Петергофа. Онъ сознавалъ, что если Петръ III овладѣетъ Кронштадтомъ, то будетъ „трудно его изъ него выживать"; необходимо, слѣдовательно, во что бы ни стало не допустить Петра утвердиться въ Кронштадтѣ. Задача не легкая, тѣмъ болѣе, что „людей всемѣрно въ Кронштадтѣ мало обнять такую обширную гавань". Между тѣмъ присутствіе гр. Девьера ясно свидѣтельствовало, что каждую минуту можно ожидать появленія Петра предъ Кронштад-

никъ Олсуфьевъ; статскій совѣтникъ Штелинъ; голштинскій тайный совѣтникъ фонъ-Руморъ; прусскій посланникъ баронъ Гольцъ и секретарь прусскаго посольства Дистель, депутатъ эстляндскаго дворянства гр. Штейнбокъ — всѣ эти 11 лицъ прибыли съ императоромъ изъ Ораніенбаума; сверхъ того на яхтѣ находились: вызванный изъ Гостилицъ гр. А. Г. Разумовскій и дежурные при императрицѣ въ Петергофѣ: камергеры гр. Ягужинскій, А. И. Нарышкинъ и кн. М. М. Голицынъ; камеръ-юнкеры Матюшкинъ и кн. Н. М. Голицынъ; гофъ-медикъ Унгебауеръ — всего на яхтѣ было 18 человѣкъ, не считая придворной прислуги, помѣщавшейся въ трюмѣ, гдѣ находилась кухня и погребъ. *Штелинъ,* 294; *Nachrichten,* 9.

томъ. Талызинъ немедленно принялъ всѣ мѣры, и, желая испытать команду, онъ въ 12-мъ уже часу ночи пробилъ первую тревогу, которая показала что принятыя имъ мѣры вполнѣ дѣйствительны[1]). Этими внезапными тревогами онъ будилъ людей, держалъ ихъ всегда на готовѣ, вселялъ въ каждаго солдата и матроса ту возбужденность, которая, какъ оказалось, сослужила свою важную службу.

Ночью, въ 1-мъ часу, петергофская флотилія подошла къ кронштадтской гавани. Гавань заперта бономъ. Императорская галера стала на якорь; яхта остановилась „насупротивъ галеры, по лѣвую руку отъ входа въ гавань, шагахъ въ 20 или 30 отъ стѣнки". Шлюпка, спущенная съ галеры, подплываетъ ко входу въ гавань и требуетъ, чтобы отдали бонъ. Караульный на бастіонѣ, мичманъ Михаилъ Кожуховъ, „отказываетъ въ томъ съ угрозами". Петръ III могъ видѣть въ этомъ только точное исполненіе

---

[1]) *Архивъ Сената*, Копіи высоч. повел., т. 176, л. 4; Письмо *Талызина*, въ „Осмнадц. Вѣкѣ", II, 634. Иностранные писатели разукрасили этотъ „кронштадтскій эпизодъ" театральными эфектами, едва-ли срисованными съ натуры. Гр. Девьеръ, ожидая Петра III, стоитъ на пристани; подъѣзжаетъ адмиралъ Талызинъ изъ Петербурга. Желая вывѣдать, за кого стоитъ Талызинъ, за императора или за императрицу, Девьеръ спрашиваетъ его: „Что новенкаго въ Петербургѣ?" — „Ничего особеннаго; но я видѣлъ въ городѣ, какъ по улицамъ бѣгаютъ солдаты съ обнаженными саблями, замѣтилъ какое-то особенное движеніе, слышалъ шумъ, крики, и, опасаясь, что вспыхнетъ возмущеніе, явился по долгу службы въ Кронштадтъ, чтобъ, въ случаѣ нужды, поддержать въ немъ спокойствіе". Довѣрчивый Девьеръ вполнѣ удовлетворился и впустилъ Талызина въ крѣпость, который тотчасъ же объявилъ указъ о воцареніи Екатерины, привелъ войска къ присягѣ и арестовалъ гр. Девьера, причемъ сказалъ ему: „Puisque vous n'avez pas eu le courage de me faire arrêter au nom de l'empereur, je vous fais prisonnier au nom de l'impératrice". Иностранные писатели совершенно серьезно увѣряютъ, что судьба Кронштадта зависѣла отъ вопроса „кто кого перехитритъ" — Талызинъ Девьера или Девьеръ Талызина, причемъ они не придаютъ ни малѣйшаго значенія установившемуся различію во взглядахъ на Екатерину и Петра (Депеша *Беранже*, отъ 13 іюля, въ *Парижск. Архивѣ*, vol. 69, № 3; депеша гр. *Мерси* въ *Сборникѣ*, XVIII, 473; *Schumacher*, 40; *Rulhière*, 121; *Laveaux*, 271; *Castèra*, I, 389; *Saldern*, 82; *Helbig*, Biographie, II, 139; *Herrmann*, V, 298). Естественнѣе и правдивѣе разсказанъ этотъ эпизодъ Панинымъ, см. *Asseburg*, 320.

его приказанія гр. Девьеру — никого не впускать въ Кронштадтъ; судя по донесенію гр. Девьера и по увѣреніямъ кн. И. Барятинскаго, что въ Кронштадтѣ все готово къ пріему императора, къ его защитѣ, Петру III стоитъ только назвать себя и бонъ будетъ отданъ. Петръ кричитъ караульному, что „онъ самъ тутъ и чтобъ его впустили“ — караульный отвѣчаетъ, что не приказано никого впускать; онъ называетъ себя императоромъ Петромъ III, показываетъ свою андреевскую ленту — караульный дерзко кричитъ, что теперь нѣтъ уже Петра III, что есть только Екатерина II, и что если галера и яхта не удалятся, то въ нихъ „будутъ стрѣлять“[1]).

Въ Кронштадтѣ бьютъ тревогу — медлить нельзя: яхта перерубаетъ якорный канатъ, распускаетъ паруса и пускается въ ходъ, поворачивая подъ вѣтеръ; галера на веслахъ опережаетъ ее, направляясь къ Ораніенбауму. „Государь кричитъ, чтобъ яхта слѣдовала за галерою“. При поворотѣ „съ яхты замѣчаютъ, что между кронштадтскимъ валомъ и Кронштадтомъ расположилось плоскодонное судно съ многолюднымъ экипажемъ, чтобы загородить свободный проходъ въ открытое море“[2]).

Петергофская флотилія разбилась: галера ушла въ Ораніенбаумъ, яхта — въ Петергофъ. Отдѣлясь отъ императорской галеры и не имѣя точнаго назначенія, яхта

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, отъ 6-го іюля, адмиралъ Талызинъ ходатайствовалъ о награжденіи „двойнымъ чиномъ и годовымъ жалованьемъ мичмана Михайла Кожухова, который поставленъ былъ на бастіонѣ на караулѣ, къ которому мѣсту бывшій императоръ пріѣзжалъ и онъ его по многому прошенію въ гавань не пустилъ“. Екатерина собственноручно написала: *два чина, два года жалованье* (*Архивъ Сената*, Копіи высоч. повел., т. 176, л. 4; Приложеніе, V, 4). Un officier du port menaça ce prince malheureux de faire tirer à balles sur sa galère (*Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 16; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 423).

[2]) *Штелинъ*, 291. Этимъ небольшимъ замѣчаніемъ участника экспедиціи въ Кронштадтъ вполнѣ изобличается позднѣйшій вымыселъ, будто гр. Минихъ предлагалъ Петру III ѣхать изъ Кронштадта не въ Ораніенбаумъ, а въ Ревель, гдѣ находился флотъ, причемъ предлагалъ, на смѣну гребцовъ, посадить за весла лицъ свиты, и т. п. *Rulhière*, 127; *Castéra*, I, 393; *Helbig*, Biographie, II, 142.

лавировала нѣкоторое время между Кронштадтомъ и Петергофомъ, приняла было галеру контръ-адмирала Милоскавскаго за императорскую, пошла за нею, но, видя, что эта галера держитъ курсъ на Петербургъ[1]), повернула назадъ. Въ 4-мъ часу ночи „яхта опять подходила" къ Кронштадту[2]), но, встрѣтивъ попрежнему недружелюбный пріемъ, возвратилась, наконецъ, на петергофскій рейдъ. Императорская галера шла прямо къ Ораніенбауму.

Кронштадтскій эпизодъ, въ его рѣзкой, грубой дѣйствительности, способенъ былъ смутить и не такого слабаго человѣка, какъ Петръ III; на всѣхъ пассажировъ галеры онъ произвелъ удручающее впечатлѣніе. Императоръ видимо изнемогалъ. Онъ спустился въ каюту, слабый и разбитый, молча прилегъ на первую скамью и впалъ въ забытье, родъ обморока. Фаворитка и графиня Брюсъ сошли въ каюту; гр. Минихъ и Гудовичъ остались на палубѣ. Ни для кого уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія — партія Петра III проиграна.

---

[1]) *Архивъ Сената,* Секретн. дѣла, № 707, л. 6-й.

[2]) Письмо *Талызина* къ Н. И. Панину, въ „Осмнатц. Вѣкѣ", II, 634.

IV.

Начатое надо кончить. Екатерина воочію убѣдилась и вполнѣ сознала, что не только гвардія и вообще войска, но все населеніе, какъ Петербурга, такъ и ближайшихъ мѣстностей, встрѣтили „перемѣну“ съ восторгомъ, какъ давно желанное событіе; она уже царствующая императрица, самодержица, провозглашенная войсками, признанная всѣми сословіями. Несомнѣнно, что и въ Москвѣ, и во всей Россіи вѣсть о происшедшей перемѣнѣ будетъ принята съ такою же радостью; но какъ отнесутся къ этому въ Ораніенбаумѣ, что предпримутъ, куда бросятся? Петра III не любили, ему не довѣряли; но въ немъ видѣли государя, ему присягали [1]). Пока Петръ остается императоромъ, положеніе Екатерины фальшиво, ненормально. Надо кончить.

Объявленіе похода въ Петергофъ, съ императрицею во главѣ, было принято войсками съ шумною радостью. Всѣ сознавали, что предстоитъ не походъ, а военная прогулка; войска, съ утра подъ ружьемъ, съ утра бездѣйствовавшія, смотрѣли на предстоящій походъ, какъ на развлеченіе, придававшее къ тому же имъ увѣренность, что этимъ движеніемъ къ Петергофу будетъ завершено предпріятіе, въ которомъ они играли такую видную роль. Войска вышли изъ Петербурга тремя отдѣльными отрядами: составлявшіе авангардъ легкоконные полки, преимущественно гусары и казаки, предводимые поручикомъ Алексѣемъ Орловымъ, выступили первые; вслѣдъ за ними,

---

[1]) *Assebur*g, 321.

часовъ въ 8 вечера, ушла артиллерія съ нѣсколькими полевыми полками, подъ предводительствомъ кн. Мещерскаго[1]); гвардія предводимая Екатериною, должна была составлять арьергардъ.

Возложивъ на сенатъ охрану имперіи, Екатерина усилила его новыми членами, уполномочила его принимать всѣ необходиыя мѣры и распорядилась, чтобъ, въ ея отсутствіе, сенатъ засѣдалъ постоянно, день и ночь, возможно чаще извѣщая императрицу о ходѣ и положеніи порученныхъ сенату дѣлъ. Наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ, былъ помѣщенъ въ елизаветинскомъ же дворцѣ въ комнатѣ смежной съ залою, въ которой засѣдалъ сенатъ[2]).

Уже въ этомъ первомъ указѣ Екатерины сенату, какъ „верховному правительству", звучитъ петровская нотка; тѣмъ же петровскимъ началомъ запечатлѣно и первое обращеніе императрицы къ гвардіи: подобно творцу гвардейскихъ полковъ, Екатерина становилась въ главѣ ихъ съ чиномъ полковника. Когда Екатерина, въ гвардейскомъ мундирѣ[3]), съ саблею въ рукахъ, на бѣломъ конѣ, про-

---

[1]) *Штелинъ*, 292; *Denkwürdigkeiten*, 86; *Relation*, 8; *Сборникъ* XVIII, 470.

[2]) 28-го іюня сенаторами были сдѣланы: гр. Скавронскій, гр. Шереметевъ, генералъ-аншефъ Корфъ и подполковникъ преображенскаго полка Ушаковъ. Какъ этимъ сенаторамъ, такъ и И. И., Неплюеву предписывалось „жить во дворце при моемъ сынѣ". *Архивъ Сената*, Секретн. протоколы 1762 г., № 54, л. 123; *Осмнадц. Вѣкъ*, IV, 207; *Сборникъ*, VII, 101 (съ *войскомъ* вм. съ *вами*); *Assebury*, 319, 321.

[3]) Мундиръ этотъ принадлежалъ офицеру лейбъ-гвардіи семеновскаго полка Александру Ѳедоровичу Талызину, который вскорѣ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ. Въ январѣ 1763 г. Талызинъ женился на младшей дочери фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, въ родѣ котораго мундиръ этотъ сохраняется и по настоящее время. Екатерина подарила мундиръ, съ приколотою къ нему андреевскою лентою, Александру Талызину на память и онъ, какъ фамильная драгоцѣнность, хранится „въ подмосковномъ селѣ Ольговѣ, Дмитровскаго уѣзда, принадлежащемъ нынѣ правнуку фельдмаршала камергеру Виктору Владиміровичу Апраксину, къ которому перешло это имѣніе". *Осмнадц. Вѣкъ*, III, 148.

пускала мимо себя гвардію, выступавшую изъ столицы по взводно, церемоніальнымъ маршемъ, восторгъ солдатъ не зналъ границъ. Въ 10 часовъ вечера ушелъ изъ Петербурга послѣдній взводъ[1]).

Проводивъ императрицу, сенатъ, прежде всего, позаботился о безопасности столицы со стороны моря. „Для лутчей предосторожности и усмотрѣния съ моря приречныхъ устьевъ“ — сказано въ журналѣ сената — командировать флагмана на устье Невы и велѣть ему, „набравъ до 12 шлюбокъ и рябиковъ, съ моря идущихъ судовъ смотреть и ктобъ ни былъ на техъ судахъ всѣхъ останавливать и невеля съ места ходить, а буде непослушаютъ, то, бравъ подъ караулъ“, тотчасъ доносить сенату; если же „те суда даватца не станутъ и учинятца противны“, то отступить и, отступая, „ракитою или чемъ можно“ дать сигналъ артиллерійскимъ командамъ, стоящимъ по берегамъ Невы, у Екатерингофа и на Артиллерійскомъ Островѣ[2]).

Въ полночь, сенатъ допрашивалъ флигель-адъютанта Рейзера, котораго подозрѣвали „въ развѣдываніи о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ“. Рейзеръ, разсказавъ сенату, зачѣмъ онъ былъ посланъ Петромъ III и какъ былъ арестованъ воронежскимъ полкомъ, прибавилъ: „Въ

---

[1]) *Державинъ*, 431; депеша *Кейта*, отъ 12 іюля (*Лондон. Архивъ* Russia, vol. 72.

[2]) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 706, л. 1; Секретн. протоколы, № 57, л. 126. Исполненіе этого сенатскаго указа было возложено на контръ-адмирала А. И. Нагаева: артиллерійскія команды, о которыхъ упоминаетъ сенатъ, были подъ начальствомъ артиллеріи подполковника Мелессино, но когда Мелессино ушелъ въ походъ, 28-го іюня, то ими командовалъ полковникъ Мартыновъ. Въ рапортѣ сенату, Нагаевъ доноситъ, что онъ отправился „на невскія устья“ и учредилъ тамъ четыре разъѣзда: а) противъ устья Фонтанки и Екатерингофскаго Пролива; б) въ устьи Большой Невы, въ вѣхахъ; в) противъ Галерной Гавани, и г) въ устьи Малой Невы. Присланные отъ главной артиллеріи пять единороговъ Нагаевъ расположилъ на Васильевскомъ Островѣ въ двухъ пунктахъ: противъ подзорнаго дворца и „на Малой Невѣ, пониже острога“. Получивъ отъ сухопутной команды роту кирасиръ и двѣ роты солдатъ, Нагаевъ устроилъ пикеты и разъѣзды по Васильевскому Острову (*Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 706, л. 3).

бытность же его въ Петергофѣ, о томъ, что ея імператорское величество соизволила принять родительской престолъ, какъ онъ, такъ и другіе тамо живущіе люди вѣдали, а чрезъ кого та эха тамъ произошла онъ не знаетъ. Комисиевъ же никакихъ противъ ея імператорскаго величества і ея подданныхъ поручено ни отъ кого не было, о чемъ онъ объявляетъ самую правду, подвергая себя за неистинное показание смертной казни"[1]).

„На 29-е число по полуночи въ 2 часа", сенатъ отправилъ свой первый рапортъ императрицѣ слѣдующаго содержанія: „Государь цесаревичъ въ желаемомъ здравіи находится и въ домѣ Ея імператорскаго величества, потому-жъ и въ городѣ, состоитъ благополучно и повелѣнные утрежденіи исправны"[2]). Этотъ рапортъ подписанъ восемью сенаторами, и первыми подписались кн. Н. Ю. Трубецкой и гр. А. И. Шуваловъ, которые, 12 часовъ назадъ, пользовались полною довѣренностью Петра III и были имъ отпущены въ Петербургъ для противодѣйствія Екатеринѣ[3]).

Три четверти часа спустя, сенатъ получилъ первое извѣстіе[4]) о походѣ императрицы, въ слѣдующей формѣ:

„Правительствующему сенату.

„Имѣю честь чрезъ сие увѣдомить правительствующій „сенатъ, что Ея імператорское величество наша всемило„стивѣйшая Государыня благополучно маршъ свой про„должаетъ, которую я со всѣми полками засталъ у Крас„наго Кабачка на растахѣ. Впрочемъ ревность неописан-

---

[1]) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 700, л. 1.

[2]) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 701, л. 2. Рапортъ подписали сенаторы: кн. Н. Трубецкой, гр. А. Шуваловъ, Иванъ Неплюевъ, гр. П. Шереметевъ, гр. М. Скавронскій, Николай Корфъ, Ѳедоръ Ушаковъ, Иванъ Брылкинъ. Подобные же рапорты были посланы сенатомъ въ 5, 8 и 11 часовъ пополуночи, въ 6 и 11 ч. пополудни 29-го іюня.

[3]) Pour s'assurer des régiments et pour me tuer (*Госуд. Архивъ* III, 16; *Jacob*, 7; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 418).

[4]) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 701. На подлинномъ помѣта: „Получено третьяго часа въ 45 минутъ".

„ную ни мало не умаляющуюся къ намѣренію предъпри-
„ятому во всѣхъ полкахъ вижу, о чемъ и удостовѣряю.

Въ два часа по полуночи 20 минутъ". *Н. Панинъ.*"

Что императрица „благополучно маршъ свой продолжаетъ", что войска проявляютъ „ревность неописанную"— сенатъ въ томъ и не сомнѣвался. Его безпокоитъ „маршъ" Петра III — о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій и что онъ предпринимаетъ, гдѣ онъ въ настоящее время, никто не знаетъ. Изъ донесенія адмирала Талызина сенату извѣстно лишь, что Кронштадтъ присягнулъ Екатеринѣ; но если Петръ III, намѣревавшійся прибыть въ Кронштадтъ, не будетъ впущенъ въ гавань, то тѣмъ болѣе вѣроятія, что императоръ направится въ Петербургъ. Вотъ что тревожило сенатъ. Эта тревога увеличилась еще болѣе, когда, въ 7 ч. утра 29-го іюня, былъ полученъ рапортъ контръ-адмирала Милославскаго[1]), въ которомъ, между прочимъ значилось:

„Отправился я изъ Санктъ-Петербурга въ 11-мъ часу пополудни, а въ половине 2-го часа пополуночи прибылъ къ Петергофу, и осмотря что при Петергофе яхтъ нетъ, то для того осмотренія поѣхалъ далѣе до Ранинбома, а въ два часа увиделъ противъ Раниенбома одну яхту и одну галеру, а другой яхты не видно было, и приближение мое знатно съ означенныхъ судовъ усмотрено было, которые, поднявъ якори, ходили подъ парусами и яхта показала видъ о погоне за мною, чего ради далѣе ехать я не отважился, не имѣя никакова при себе оружия и съ темъ поворотился для донесенія о томъ".

---

[1]) *Архивъ Сената*, Секрет. дѣла, № 707, л. 3; Секрет. протоколы 1762 г., № 55, л. 124. Въ концѣ рапорта к. а. Милославскій доноситъ сенату, что въ Кронштадтъ послана имъ яхта съ объявленіемъ адмиралу Талызину указа: „ежели кто найдется отъ стороны бывшаго імператора техъ арестовавъ присылать въ Санктъ-Петербургъ". Тутъ же, въ сенатскомъ дѣлѣ № 707, хранится и рапортъ сенату корабельнаго мичмана Василія Прецкого; к. а. Милославскій посылалъ къ адмиралу Талызину „на шлюбке для порученнаго ему некотораго дѣла съ словеснымъ объявленіемъ", что все исполнено (л. 4-й).

Сенатъ встревожился. Особенно страшила сенаторовъ высадка десанта и движеніе Петра III къ Петербургу. Въ столицѣ оставлено лишь по небольшой командѣ отъ полковъ, ушедшихъ съ императрицею въ походъ; эти команды оставлены для охраны наслѣдника престола[1]), но ихъ-то по мнѣнію сената, слишкомъ недостаточно для такой охраны, тѣмъ болѣе, что „бывшій императоръ“ можетъ явиться съ моря, а столица совсѣмъ лишена средствъ морской обороны — всѣ они въ Кронштадтѣ.

Тотчасъ же, „по полуночи въ исходе 8 часа“, сенатъ послалъ адмиралу Талызину указъ[2]), въ которомъ просилъ „о яхтахъ и галере, гдѣ оные стоятъ и какое движение имеютъ сколко вы усмотреть могли і известны увѣдомить, а какъ здесь небезызвестно что тѣ яхты и ныне не на своемъ месте, но въ движеніи: то вамъ употребя изъ

---

[1]) Nous ne laissâmes que peu de monde de chaque régiment pour la garde de mon fils (*Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 8; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 418).

[2]) *Архивъ Сената*, Секрет. дѣла, № 709. Этотъ указъ адм. Талызину былъ отправленъ, въ запечатанномъ конвертѣ, к. а. Нагаеву, при слѣдующемъ указѣ, свидѣтельствующемъ, до какой степени сенатъ былъ въ волненіи: „Получа сие отправте тетъ часъ одну шлюбку съ надежнымъ оберъ или ундеръ офицеромъ, на когобъ можно было положитца и прикажите ему чтобъ онъ слѣдовалъ прямо въ Кронштадтъ къ господину адмиралу и кавалеру Талызину и, взявъ у него обстоятельный репортъ, возвратилсябъ съ крайнимъ поспешениемъ въ сенатъ ко двору Ея імператорскаго величества. А какъ стоящие противъ Петергофа яхты и галера съ своего мѣста сошли и лавируютъ между Кронштатомъ и Ораниембомомъ, то дабы посланному на шлюбке съ техъ яхтъ или галера не воспрепятствовали или паче чаяния и неучинили какова нападенія, то велеть посланному на шлюбке сколько можно держатца правой стороны и чтобъ всеми образы старался какъ наискоряе прибыть въ Кронштатъ и посланные при семъ депеши отдать адмиралу и кавалеру Талызину“ (*Архивъ Сената*. 1. с., л. 2). Оба эти указа подписаны, между прочимъ, и Н. И. Панинымъ, который, по выходѣ императрицы изъ Краснаго Кабачка, возвратился въ Петербургъ и, въ 8 же часовъ утра, поскакалъ догонять войска и вручить Екатеринѣ, безпокоившейся, очевидно, не менѣе сената, копію указа адмиралу Талызину.

легкихъ фрегатовъ и другихъ какихъ можно вооруженныхъ судовъ всевозможно старатца оные одержать пока изысканными вами средствами оные въ ваше ведомство взяты и присяге приведены будутъ; по исполненіи того велеть имъ следовать къ Санктъ-Петербургу и въ вехахъ остановясь репортовать, однако притомъ съ теми яхтами въ сраженіе не вступать, но сколко возможно благопристойнымъ образомъ сие произвесть. Удержаннаго же вами генарала графа Дивиера содержать крепко, однакожъ безъ крайней нужды не арестовать, а сверхъ того старатца вамъ упомянутыми или другими судами делать такую предъосторожность, чтобъ иногда не могли какие поиски или десантъ учинены быть съ противной стороны на здѣшніе берега или же и на мелкихъ судахъ не могли отправлятца куда либо куриеры и всякаго званія люди, каковыхъ безъ изъятия всехъ останавливать и арестовать, хотябъ въ такомъ случае и самъ бывшей Государь оказался".

По часту увѣдомляя императрицу, что въ Петербургѣ все „состоитъ благополучно", сенатъ не забылъ въ утреннемъ рапортѣ отъ 29-го іюня принести Екатеринѣ поздравленіе съ днемъ тезоименитства нѣслѣдника цесаревича великаго князя Павла Петровича[1]). Слѣдующій же курьеръ повезъ, въ полдень, докладъ сената, свидѣтельствующій о его бдительности: „Здесь прускаго посланника Голца люди имея несколко денегъ намерены были на нанятыхъ подводахъ отсюда къ нему Голцу ехать, что свѣдавъ сенатъ по генеральному запрещенію разсудилъ до дальнѣйшихъ объясненей на томже посланниковомъ дворе ихъ задержать и караулъ приставить"[2]). Не только переѣзды лицъ, даже переписка всякая была сенатомъ строго воспрещена. Генералъ-прокуроръ А. Глѣбовъ писалъ почтъ-директору Ашу: „По полученіи сего отсюда никакихъ почтъ і штафетовъ ниже одного письма никуда не отправлять"; если же что по почтѣ получится, то немедленно представлять въ сенатъ[3]).

---

[1]) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 701, л. 5.

[2]) *Архивъ Сената*, 1. с., л. 6; *Госуд. Архивъ*, III, 13, л. 66.

[3]) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 711, л. 1. Приказъ помѣ-

Особенно зорко слѣдилъ сенатъ за иностранцами, пребывающими въ Петербургѣ, преимущественно же за нѣмцами, справедливо полагая, что именно нѣмецкая колонія относится съ неудовольствіемъ къ происшедшей перемѣнѣ. 29-го іюня, рано по утру, сенатъ призвалъ вице-президента юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, Ѳ. И. Эмме, и приказалъ ему распорядиться и наблюсти, чтобъ въ лютеранской церкви св. Петра, послѣ богослуженія, учинена была присяга на вѣрность Екатеринѣ II. Вотъ какъ разсказанъ этотъ эпизодъ въ автобіографіи пастора Бюшинга:

„29-го іюня, въ день Петра и Павла, въ царскій праздникъ, я долженъ былъ говорить проповѣдь о томъ благѣ, которое ниспослалъ Господь въ міръ чрезъ этихъ апостоловъ; собираясь уже въ церковь, я, однако, раздумалъ, полагая, что едва-ли будетъ удобно говорить въ такое время о Петрѣ и Павлѣ, и темою для проповѣди избралъ текстъ псалма Gott der Herr ist Sonne und Schild[1]). Только-что ночью императрица ушла съ войсками изъ Петербурга, чтобъ принудить императора къ отреченію отъ престола. Ходъ и результатъ этого предпріятія, никому еще не извѣстный, повергалъ всякаго въ печаль и отчасти даже въ затруднительное положеніе. За нѣсколько минутъ до того, какъ я долженъ былъ взойти на каѳедру, въ алтарь пришелъ вице-президентъ юстицъ-коллегіи, фонъ-Эмме. Онъ заявилъ мнѣ, что пришелъ прямо изъ сената, который приказалъ ему наблюсти, чтобъ сегодня же утромъ въ нѣмецкой церкви св. Петра начали прясягать

ченъ 29-мъ іюня. Увѣдомляя генералъ прокурора о полученіи приказа, почтъ-директоръ прибавлялъ: „Представляю присемъ полученной вчерашняго числа предполудни въ 9-мъ часу на прибывшей сюда чрезъ Ораніенбаумъ кронштатской почтѣ пакетъ изъ ораніенбаумской домовой канцеляріи“ (*Ibid.*, л. 2). Этотъ пакетъ сенатъ оставилъ у себя; бумаги же въ шести пакетахъ, привезенныхъ прибывшимъ изъ Копенгагена переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Нордштетомъ, были, въ 6 ч. вечера, „отправлены къ Ея императорскому величеству въ Петергофъ“ (*Архивъ Сената,* Секретн. дѣла, № 701, л. 8).

[1]) Господь Богъ есть солнце и щитъ. Пс. LXXXIII, ст, 12. По лютеранскому счисленію псалмовъ — LXXXIV.

императрицѣ. Услышавъ это, мой товарищъ, пасторъ Трефуртъ, со страха, схватилъ лихорадку и убѣжалъ домой. Я представлялъ г. президенту одинъ за другимъ рядъ доводовъ противъ такого сенатскаго повелѣнія, и даже, когда онъ ушелъ въ церковь, я послалъ кистера просить его, чтобъ онъ разрѣшилъ мнѣ теперь, когда въ церкви, вслѣдствіе уличныхъ безпорядковъ, мало мущинъ, только объявить, что присяга будетъ приноситься послѣ полудня и что я приглашаю явиться всѣхъ мущинъ нѣмецкой общины. Вице-президентъ велѣлъ отвѣтить мнѣ, что еслибъ въ церкви было даже и еще меньше мущинъ, чѣмъ сколько есть, то и въ такомъ случаѣ необходимо начать присягу, что подобною отсрочкою онъ вовсе не желаетъ подвергать себя взысканію. Вслѣдствіе этого я, окончивъ проповѣдь, объявилъ, что изъ правительствующаго сената пришло повелѣніе о немедленной присягѣ ея величеству императрицѣ и что поэтому мущины благоволятъ остаться въ церкви. Когда я шелъ въ алтарь, президентъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Ну, послушайте, вы ужь очень щепетильны“. — „Какъ, развѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ можно быть не щепетильнымъ? Кто разрѣшилъ насъ отъ клятвы, данной императору, пролить за него послѣднюю каплю крови?“ — „Э, полноте, развѣ вы не знаете императора? Неужели вы думаете, что онъ будетъ сопротивляться? Полноте, въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ, конечно, все уже кончено — онъ ужь болѣе не императоръ“. Это и мнѣ казалось весьма вѣроятнымъ, и я тотчасъ же присягнулъ, но въ душѣ пожелалъ, чтобъ Господь Богъ никогда уже болѣе не ставилъ меня въ такое затруднительное положеніе[1]).

Вскорѣ сенатъ получилъ изъ Кронштадта, отъ адмирала Талызина, рапортъ, въ которомъ адмиралъ извѣщалъ, что имъ все по указу исполнено — люди приведены къ присягѣ, Девьеръ содержится крѣпко; что же касается мѣръ относительно такъ пугавшихъ сенатъ яхтъ и галеръ, то Талызинъ прибавлялъ, что объ этихъ мѣрахъ теперь

---

[1]) *Büsching*, 467; *Schumacher*, 51.

„не разсуждается і уже не для чего"[1]). Какъ не для чего? Что случилось?

28-го іюня, въ 10 часовъ вечера, Екатерина покинула Петербургъ при чрезвычайно торжественной, эффектной обстановкѣ: рядомъ съ нею, тоже верхомъ и тоже въ гвардейскомъ мундирѣ, ѣхала княгиня Дашкова; императрицу окружали фельдмаршалы кн. Трубецкой и гр. Бутурлинъ, гетманъ гр. Разумовскій, генералъ-аншефъ кн. Волконскій, генералъ-фельдцейгмейстеръ Вильбуа, гр. Шуваловъ, конная гвардія составляла почетную и блестящую эскорту, гвардейскіе полки съ восторгомъ смотрѣли на своего августѣйшаго „полковника" и заражали своимъ восторгомъ полки линейные. Едва войска выдвинулись изъ города въ поле, на дорогу, какъ дневная служба ясно сказалась на людяхъ, бывшихъ съ восьми часовъ утра подъ ружьемъ, и на коняхъ, уже 14 часовъ неразсѣдланныхъ. Несмотря на присутствіе императрицы, войско двигалось довольно медленно: на первый же переходъ, менѣе девяти верстъ, потребовалось около трехъ часовъ. Остановились въ Красномъ Кабачкѣ на отдыхъ.

Красный Кабачокъ, трактиръ, на пути изъ Петербурга въ Петергофъ, съ утра былъ занятъ войсками — сперва кавалерійскимъ пикетомъ, потомъ пѣхотными командами. Для пресѣченія всякихъ сообщеній столицы съ Петергофомъ были заняты, прежде всего, Калинкинъ мостъ конногвардейцами и Красный Кабачокъ гусарами. Когда канцлеръ Воронцовъ ѣхалъ „усовѣщевать" Екатерину, на всемъ пути изъ Петергофа до Краснаго Кабачка онъ не встрѣтилъ никого, „какъ будто люди вымерли послѣ чумы"; въ Красномъ же Кабачкѣ онъ видѣлъ уже сильныя команды кавалеріи и пѣхоты[2]). Вечеромъ, часу въ 6-мъ, въ трактирѣ останавливались гусары А. Г. Орлова, въ 10-мъ — артиллерія кн. Мещерскаго. Въ 1-мъ часу ночи прибыла гвардія. Въ трактирѣ не было ни бутылки вина, ни корки хлѣба. Солдаты расположились варить пищу. Не-

---

[1]) *Архивъ Сената,* Секретн. дѣла, № 709, л. 8.

[2]) *Schumacher,* 36.

большой отрядъ охранялъ жалкій кабакъ[1]), гдѣ, во второмъ этажѣ, въ небольшой свѣтлицѣ, помѣстилась Екатерина.

Остановка продолжалась пять часовъ — надо было дать отдыхъ людямъ и лошадямъ. Екатеринѣ было не до отдыха. Здѣсь, въ Красномъ Кабачкѣ, догналъ ее Н. И. Панинъ, который вслѣдъ затѣмъ возвратился въ городъ, чтобъ сообщить сенату нѣкоторыя соображенія относительно охраны столицы со стороны моря; отсюда Екатерина послала указъ сенату о присылкѣ полковника воронежскаго полка Семена Маслова; здѣсь императрицѣ были представлены три гвардейца, посланные Петромъ III съ манифестами, имъ подписанными, о противодѣйствіи злымъ козням Екатерины. Гвардейцы отдали ей эти жалкія произведенія „бывшаго императора“, говоря: „На, вотъ что намъ поручилъ Петръ III — мы отдаемъ это тебѣ. Мы рады, что можемъ присоединиться къ нашимъ братьямъ“[2]). Болѣе же всего не давала покоя Екатеринѣ, тревожившая и сенатъ, неизвѣстность, что дѣлается въ Ораніенбаумѣ, что предпринимается въ Петергофѣ, на что рѣшился Петръ...

Въ 6-мъ часу утра „выступившій къ Петергофу корпусъ“ поднялся въ путь и шелъ безостановочно до пустыни Троицкаго Сергіева монастыря. На этомъ переходѣ начали уже встрѣчаться лица, покинувшія Петра III послѣ его неудачной экспедиціи въ Кронштадтъ; было задержано и нѣсколько голштинскихъ гусаръ, посланныхъ на развѣдки. Только въ самой пустынѣ всѣ недоразумѣнія разъяснились и тревога исчезла: вице-канцлеръ кн. Голицынъ привезъ императрицѣ собственноручное письмо Петра, въ которомъ онъ сознавалъ, что былъ неправъ относительно

---

1) Un méchant cabaret (*Дашкова*, 76).

2) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 710; Приложеніе I, 1; *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 8; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 418; депеша гр. *Мерси* въ *Сборникѣ*, XVIII, 474; *Дашкова*, 76; *Сборникъ*, VII, 105. Въ депешѣ *Прассе*, отъ 11 іюля (30 іюня): Im Krasna Kabak machten Sie Halt, speissten in dem dasigen Wirthshause und liessen Menschen und Vieh die Zeit einige Nahrung und Ruhe zu geniessen (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 56).

Екатерины, обѣщалъ исправиться и предлагалъ полное примиреніе. Письмо это было оставлено безъ отвѣта, а кн. Голицынъ тутъ же, подъ открытымъ небомъ, принесъ присягу въ вѣрности Екатеринѣ и присоединился къ ея свитѣ[1]).

Отъ кн. Голицына Екатерина узнала мельчайшія подробности „кронштадтской экспедиціи“ Петра III, его вполнѣ безпомощное состояніе. Князь же Голицынъ сообщилъ императрицѣ, что еще въ 5 часовъ утра „въ Петергофъ пришелъ первый авангардный отрядъ гусаръ, подъ начальствомъ Алексѣя Орлова; на плацѣ ему случайно попались нѣсколько сотъ Дельвигскихъ голштинскихъ рекрутъ, собранныхъ съ деревянными мушкетами для ученія. Гусары въ одну минуту опрокинули и перехватили ихъ, поломали ихъ деревянное оружіе и посадили всѣхъ, подъ сильнымъ карауломъ, въ тамошніе сараи и конюшни“[2]). Освѣдомившись, что „бывшій императоръ“ въ Ораніенбаумѣ, Орловъ немедленно поскакалъ туда и его „гусары заняли въ Ораніенбаумѣ всѣ посты и входы“.

Послѣдній переходъ, отъ пустыни до Петергофа, требовалъ частыхъ остановокъ, вслѣдствіе усталости войскъ. Уже съ седьмого часа утра части отряда кн. Мещерскаго стали прибывать въ Петергофъ и располагались на плацѣ, передъ дворцомъ, вокругъ верхняго сада. Съ 10 часовъ, одинъ полкъ за другимъ изъ отряда императрицы началъ

[1]) Pierre III écrivit à l'Impératrice une lettre, dont le contenu n'a véritablement jamais été connu (*Saldern*, 89). Письмо это не сохранилось. Содержаніе его было передано въ депешахъ *Беранже (Париж. Архивъ*, vol. 69, № 3), особенно подробно *Прассе (Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 56) и *Мерси Аржанто (Сборникъ*, XVIII, 420, 474). Екатерина скрыла содержаніе письма подъ иронической фразой; une lettre très flatteuse de Pierre III (*Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 8; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 418). Иногда приводится и краткое содержаніе отвѣтнаго письма. котораго, конечно, не было. *Laveaux*, 159; *Castéra*, I, 396; *Helbig*, Biographie, II, 149. Въ разсказѣ Панина прямо сказано, что прибывъ въ Петергофъ „on répondit à la lettre que Pierre avait envoyé par le vice-chancelier Gallizin“ (*Asseburg*, 322), но изъ краткаго содержанія видно, что это былъ отвѣтъ на второе письмо Петра, присланное съ Измайловымъ, о чемъ Панинъ вовсе не упоминаетъ.

[2]) *Штелинъ*, 292; *Schumacher*, 43.

входить въ Петергофъ и занимать позиціи въ звѣринцѣ, гдѣ пол-сутокъ назадъ стояли пресловутые голштинскіе полки. Въ 11-ть часовъ въѣхала въ Петергофъ Екатерина, окруженная блестящею свитою и въ сопровожденіи конно-гвардейскаго полка. Она была встрѣчена громкимъ ура всѣхъ нолковъ и пушечными выстрѣлами.

Здѣсь, въ Петергофѣ, Екатерина получила второе письмо отъ „бывшаго императора“, привезенное только-что прибывшимъ изъ Ораніенбаума генераломъ М. Л. Измайловымъ. Петръ опять просилъ прощенія, отказывался отъ своихъ правъ на русскій престолъ, высказывалъ желаніе получать небольшую сумму на свое содержаніе и и умолялъ дозволить ему удалиться въ Голштинію, вмѣстѣ съ генераломъ Гудовичемъ и фрейлиной гр. Е. Р. Воронцовой[1]).

Со вниманіемъ читала это письмо Екатерина. Прошло уже 24 часа, какъ Петръ III во очію убѣдился, что „русскіе имъ недовольны“: сухопутныя войска пристали къ Екатеринѣ, морскія силы отвергли его, народъ присягаетъ императрицѣ, вельможи бѣгутъ отъ него; его резиденція окружена гусарами, присягнувшими Екатеринѣ, онъ самъ, императоръ, проситъ прощенія, на которое не удостоивается даже отвѣтомъ — и, все-таки, онъ убѣжденъ, что не все еще проиграно, что онъ можетъ удалиться въ Голштинію! Онъ отказывается отъ русскаго престола, отказывается послѣ того, какъ былъ свергнутъ съ него общею и вполнѣ заслуженною ненавистью, очевидно не сознавая даже, что только право на русскій престолъ давало ему въ теченіи 20 лѣтъ то значеніе въ Россіи, которымъ онъ пользовался, что, отказываясь отъ этого права, онъ подвергаетъ себя всѣмъ невзгодамъ, которыя только могутъ обрушиться на человѣка, всѣми презираемаго. Выраженное въ письмѣ, оскорбительное для всякаго русскаго, предпочтеніе голштинскаго герцогства россійской имперіи

---

[1]) Депеша *Прассе*, отъ 11-го іюля, въ *Дрезден. Архивѣ*, vol. VII. № 56; депеша *Беранже*, отъ 13 іюля, въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 69, № 3; депеша *Мерси Аржанто*, отъ 12 іюля, въ *Сборникѣ*, XVIII, 421; *Lebensgeschichte*, 37; *Laveaux*, 269; *Castéra*, I, 396; *Saldern*, 90; *Helbig*, Biographie, II, 149.

свидѣтельствуетъ о слабомъ умѣ, а высказанныя имъ въ такое время заботы о графинѣ Воронцовой, своей метрессѣ, вполнѣ дорисовываютъ обликъ неисправимаго самодура. Нужно, дѣйствительно, предпочитать Голштинію, нужно не любить Россію, чтобъ оставлять на ея престолѣ, руководителемъ ея судебъ, такое жалкое ничтожество, вредное, по обширности самодержавной власти, не имѣющей границъ.

Петръ свергнутъ съ русскаго престола; Петръ самъ отъ него отказывается. Но не только отпустить въ Голштинію, его нигдѣ нельзя оставить на свободѣ. Имъ нужно овладѣть во что бы ни стало. Для него готовятъ уже помѣщеніе въ Шлюссельбургѣ: тамъ онъ будетъ заточенъ, тамъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, скончаетъ онъ дни свои.

Какъ же захватить Петра? Онъ окруженъ своими голштинскими войсками, они могутъ оказать сопротивленіе, произойдетъ кровопролитіе и набросить тѣнь на безкровный, ничѣмъ еще не запятнанный переворотъ. Помочь дѣлу взялся человѣкъ Петра III, его довѣренное лицо, генералъ М. Л. Измайловъ, привезшій письмо. „Считаете-ли вы меня честнымъ человѣкомъ? спросилъ онъ Екатерину. Вопросъ былъ вполнѣ умѣстенъ: трудно признавать честнымъ человѣка, который такъ коварно предлагаетъ свои услуги на гибель своего довѣрителя. Екатерина пренебрегла подобной щепетильностью и отвѣчала утвердительно. „Въ такомъ случаѣ я привезу къ вамъ императора послѣ формальнаго и свободно написаннаго имъ отреченія“ [1]). Екатерина согласилась поручить Измайлову эту деликатную миссію.

---

[1]) Такъ разсказываетъ эту сцену Екатерина въ письмѣ къ Понятовскому (*Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 8; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 418). Она влагаетъ въ уста Измайлова двѣ фразы, которыя, кажется, принадлежатъ скорѣе ей, чѣмъ Измайлову. Едва-ли Измайловъ, услышавъ, что Екатерина считаетъ его честнымъ человѣкомъ, могъ сказать: „Hé bien, il y a plaisir d'être avec les gens d'esprit“. Трудно предположить, чтобъ генералъ, къ тому же человѣкъ придворный, могъ забыться до такой степени. Невѣроятно также, чтобъ Измайловъ закончилъ свое предложеніе такимъ объясненіемъ: „j'éviterai

Для облегченія, вѣроятно, трудной задачи Измайлова, Екатерина написала записку Петру, въ которой требовала, чтобъ онъ „удостовѣреніе далъ письменно и своеручное", что отказывается отъ престола „добровольно и непринужденно" [2]). Тотчасъ же былъ составленъ актъ отреченія, который Петръ долженъ былъ собственноручно переписать и подписать.

Измайловъ, въ сопровожденіи Григорія Орлова и кн. Голицына, отправился въ Ораніенбаумъ. Спутники остались ожидать результата въ пріемной; Измайловъ пошелъ къ императору. Онъ нашелъ Петра еще болѣе слабымъ, безпомощнымъ, на все согласнымъ [3]).

Черезъ нѣсколько минутъ Измайловъ передалъ написанный и подписанный Петромъ актъ отреченія Г. Орлову и кн. Голицыну, которые немедленно уѣхали въ Петергофъ. Немного спустя, отъ ораніенбаумскаго дворца отъѣхала карета, въ которой сидѣли Петръ, графиня Воронцова, Гудовичъ и Измайловъ. Едва только карета выѣхала изъ дворцоваго сада, какъ ее окружилъ

---

une guerre civile à ma patrie, sans difficulté". Эта мысль могла мелькнуть въ головѣ Екатерины, но ее не могъ высказывать Измайловъ, хорошо знавшій, что голштинскія пушки безъ ядеръ, что голштинскіе солдаты положили уже оружіе, что Петръ III воспретилъ всякое сопротивленіе. О какой же междоусобной войнѣ могъ говорить Измайловъ и что ему до отечества?

[2]) Эта „записка" Екатерины не сохранилась. О ней упомянуто въ приводимомъ ниже указѣ сенату отъ 29 іюня 1762 года.

[3]) Переговоры велись въ такъ называемой аудіенцъ-залѣ, съ глазу-на-глазъ, и въ комнатѣ кромѣ Измайлова и Петра, никого не было. Столъ, на которомъ Петръ писалъ отреченіе, небольшой, овальный, стоялъ у входа въ танцовальную залу. Въ депешѣ *Беранже,* отъ 13 іюля, разсказывается, будто Петръ не хотѣлъ подписывать акта отреченія, спорилъ, сопротивлялся, и Измайловъ сказалъ ему: „Vous êtes maître de ma vie, mais en attendant, je vous arrête de la part de l'impératrice" *(Парижск. Архивъ,* Russie, vol. 69, № 3). Разсказъ *Прассе,* въ депешѣ отъ 11 іюля, кажется, болѣе вѣроятенъ *(Дрезден. Архивъ,* vol. VII, № 56). *Госуд. Архивъ,* III, 16; *Jacob,* 8; *Арх. кн. Воронцова,* 419; *Штелинъ.* 292; *Will,* 37, 41; *Gildchrist,* 8; *Rulhière,* 131; *Schumacher,* 45; *Asseburg,* 322; *Laveaux,* I, 274; *Castéra,* I, 397; *Saldern,* 91; *Болотовъ,* II, 281; *Дашкова,* 78; *Helbig,* Biographie, II, 151; Günstlinge, 184; *Русск. Стар.,* LI, 9.

довольно значительный конвой изъ гусаръ и конногвардейцевъ, среди которыхъ обращалъ на себя вниманіе капралъ Григорій Потемкинъ, своею молодостью, красотою, ловкостью.

Въ первомъ часу дня, карета прибыла въ Петергофъ. Всѣ полки, мимо которыхъ пришлось проѣзжать и которые даже не знали, кого везутъ въ этой каретѣ, встрѣчали и провожали ее громкими криками „да здравствуетъ Екатерина Вторая". Петръ молча вышелъ изъ кареты. Онъ самъ отдалъ дежурному офицеру свою шпагу, андреевская лента, какъ излишняя, была съ него снята. Гр. Воронцова и Гудовичъ были арестованы. Петръ остался одинъ въ отведенной ему комнатѣ. Отъ волненія, отъ испуга, или отъ усталости, онъ не могъ произнести ни слова; вскорѣ онъ впалъ въ обморокъ. Сюда, въ эту комнату, гдѣ онъ часто жилъ, будучи великимъ княземъ, принесли обѣдъ; здѣсь онъ переодѣлся, такъ какъ бывшій на немъ мундиръ преображенскаго полка, столь имъ не любимый, пришлось уже снять; здѣсь же навѣстилъ его Н. И. Панинъ. „Считаю величайшимъ несчастіемъ моей жизни, что былъ обязанъ видѣть Петра въ это время", говорилъ Панинъ много лѣтъ спустя и, умалчивая о подробностяхъ, прибавлялъ только, что Петръ просилъ не разлучать его съ гр. Воронцовой, его любовницей, и „ничего, кромѣ этого, не просилъ, ни даже свиданія съ императрицей" [2]).

Предоставимъ самой Екатеринѣ разсказать намъ [1]), что она пережила, что перечувствовада за время похода въ Петергофъ:

---

[1]) *Дрезд. Архивъ,* vol. VII, № 56. Some people pretend to say that when he came there he did not speak a word, *Gildchrist,* 8; *Asseburg,* 322; *Дашкова,* 79. Иностранные писатели упоминаютъ очень подробно о грубомъ обращеніи съ Петромъ въ Петергофѣ; эти подробности, конечно, не могутъ быть исторически доказаны, но, по жестокости нравовъ того времени, весьма вѣроятны. *Rulhière,* 134; *Laveaux,* 275; *Castéra,* I, 399; *Saldern,* 94; *Helbig,* Biographie, II, 157.

[2]) *Осмнадц. Вѣкъ,* IV, 214.

„Господа Сенаторы!

„Вы сами свидѣтели, какимъ образомъ, при самомъ началіи нашего предпріятія, Божіе благословеніе предъ нами и всѣмъ отечествомъ нашимъ изліялось, а чрезъ сіе я вамъ объяляю, что оная рука Божія почти и конецъ всему дѣлу благословенный оказываетъ. Наше намѣреніе и матернее милосердіе о человѣческомъ родѣ, а паче о вѣрноподданныхъ, скиптру нашему принадлежащихъ, къ тому только и склонялося, дабы, при таковомъ важномъ предпріятіи, дойти до благаго конца безъ всякаго кровопролитія. И сіе теперь самимъ дѣломъ уже совершилося. Мы маршировали отъ Петербурга до половины пути въ неизвѣстности, что дѣлается въ Ораніенбаумѣ, и на половинѣ дороги получили подлинное извѣстіе, что бывшій Императоръ со всѣмъ находившимся при немъ дворомъ, оставя свои мнимыя Голштинскія войска, ретировался на яхтахъ и галерѣ въ Кронштадтъ, куда мужескъ и женскъ полъ онаго своего двора всѣхъ насильно безъ остатка съ собою взялъ. Но сіе его предпріятіе поздно уже имъ затѣяно было; ибо когда онъ, подъѣхавъ къ гавани Кронштадтской, вступилъ на шлюбку и сигналъ далъ съ другихъ обоихъ судовъ прочимъ выступать, дабы удобнѣе войти на берегъ, то входъ ему уже скороспѣшнымъ нашего адмирала Талызина предварительнымъ учрежденіемъ воспрепятствованъ былъ, такъ что, когда онъ изъ шлюпки велѣлъ подать голосъ на берегъ, что онъ самъ пріѣхалъ и чтобъ въ городѣ вспомоществовали своего Государя, тогда имъ въ трубу отвѣтствовано было, что инаго въ Кронштатѣ Государя не знаютъ, кромѣ нашего Императорскаго Величества, яко своей истинной Государыни. И такимъ образомъ, по многомъ переговорѣ, послѣднее ему объявлено было, чтобъ немедленно ретировался или въ противномъ случаѣ пушками препровожденъ будетъ. Сіе отъ Кронштата, а другое увѣдомленіе о нашемъ къ нему приближеніи столь много отвагу его поразило, что убѣжище онъ немедленно возъимѣлъ къ раскаянію, почему, и прислалъ къ намъ два письма, первое чрезъ вице-канцлера князя Голицына на французскомъ языкѣ, въ

коемъ просилъ помилованія, а другое чрезъ генералъ-маіора Михаила Львовича Измайлова своеручное жъ, писанныя карандашемъ, что была бъ только жизнь его спасена, а онъ ничего столько не желаетъ, какъ совершенно на вѣкъ свой отказаться отъ скипетра Россійскаго и намъ оный со всякимъ усердіемъ и радостію оставить готовъ торжественнымъ во весь свѣтъ признаніемъ. Мы, принявъ таковыя его къ намъ смиренныя прошенія, послали ему отъ насъ самихъ своеручную же записку, которою дали ему знать, чтобъ онъ вышепомянутое удостовѣреніе далъ намъ письменно и своеручное, но такъ добровольно и непринужденно, что мы паче отъ его собственнаго поводу того ожидать будемъ, не употребляя никакихъ дѣломъ самымъ страховъ, съ чѣмъ мы къ нему того же генералъ-маіора Михаила Львовича Измайлова и отправили, ожидая его теперь отвѣта; впрочемъ весь его дворъ уже къ намъ явился принести намъ въ вѣрности присягу, такъ какъ и гренадерскія роты въ Петергофѣ и кто случился, всѣ присягали. Что будетъ впредъ, о томъ васъ увѣдомимъ, а бывшихъ при немъ ближнихъ для предосторожности, подъ карауломъ, указали задержать.

„Сей моментъ бывшій Императоръ къ намъ въ Петергофъ и удостовѣреніе своеручное, котораго и копію прилагаемъ, намъ подалъ, а оригинальное мы сами Сенату отдадимъ.

„*Екатерина.*

„Петергофъ,
„1762 гооа Іюня 29".

Цѣль „петергофскаго похода" достигнута. Петръ низложенъ, Петръ отрекся отъ престола, Петръ арестованъ. Екатерина сама выбрала особую команду изъ солдатъ наиболѣе мягкихъ[1]), подъ карауломъ которыхъ долженъ содержаться „бывшій императоръ". Начальство надъ этой командой императрица поручила Алексѣю

---

[1]) Un détachement d'hommes doux et choisis, пишетъ Екатерина (*Государств. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 10; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 419).

Орлову; въ помошь ему были назначены: капитанъ Пассекъ, кн. Өедоръ Барятинскій и поручикъ Баскаковъ. Такъ какъ помѣщеніе въ Шлюссельбургѣ не было еще готово, то Петру предложили на выборъ нѣсколько мѣстностей и онъ избралъ Ропшу, „довольно уединенную и весьма пріятную“ мызу, которая принадлежала ему, когда онъ былъ еще великимъ княземъ.

Въ 5-мъ часу дня, гвардейскіе полки „увидѣли большую четыремѣстную карету, запряженную больше нежели въ шесть лошадей, съ завѣшенными гардинами, у которой на запяткахъ, на козлахъ и по подножкамъ были гренадеры во всемъ вооруженіи, а за ними нѣсколько коннаго конвоя, которые отвезли отрекшагося отъ престола императора въ Ропшу“, на время, пока, какъ писала Екатерина, „въ Шлюссельбургѣ приготовятъ приличное помѣщеніе“[1]).

Переворотъ оконченъ.

---

[1]) Tandis qu'on préparait des chambres honnêtes et convenables à Schlusselbourg. *Государств. Архивъ,* III, 16; *Jacob,* 10; *Арх. кн. Воронцова,* XXV, 419; *Will,* 49; *Nachricht,* 8; *Relation,* 5; *Державинъ,* 432; *Asseburg,* 322; *Дашкова,* 79; *Saldern,* 93, 102, Этотъ Шлюссельбургъ сбилъ съ толку и гр. Мерси (*Сборникъ,* XVIII, 475).

V.

Петергофскій походъ окончился полною побѣдой. Непріятель сдался безъ сопротивленія: императоръ арестованъ, приближенные его присягнули императрицѣ, голштинскія войска обезоружены[1]). Торжествующая Екатерина возвращается въ Петербургъ.

---

[1]) Раскассированіе голштинскаго отряда было поручено генералъ-поручику В. И. Суворову. Уже отъ 29 іюня адміралъ Талызинъ доносилъ Сенату: „на купецкихъ корабляхъ прибыло голштинскихъ офицеровъ, а именно: бригадиръ, полковникъ, маіоръ, капитанъ, штыкъ-юнкеръ, аудиторъ, полковой квартермистръ и полковой лекарь да рядовыхъ 88 человѣкъ“ (*Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 709, л. 3). Это были голштинцы, перехваченные въ Петергофѣ гусарами А. Орлова. На другой день, 30 іюня, во всеподданнѣйшемъ докладѣ адміралъ Талызинъ доноситъ: „Въ силе жъ полученнаго сего числа із Раниембома отъ генерала-порутчика Суворова письма, въ которомъ включено імянное Вашего імператорскаго величества всевысочайшѣе повеление о перевозе із Раниембома на судахъ въ Кронштатъ голштинскихъ генераловъ такъ же штапъ-оберъ- и ундеръ-офицеровъ і рядовыхъ до несколька сотъ человѣкъ, суда і конвойныхъ отправлять определено“ (*Архивъ Сената*, ibid., л. 4). Природные голштинцы были отправлены въ Киль; лифляндцы и малороссы были высланы на родину; русскіе же и „прочіе здѣшніе“ получили новые паспорты и приняты были, по желанію, на службу тѣми же чинами. Судя по тому, что голштинцамъ „велено отпускать по четыре копѣйки на день“ (болѣе 40 коп. по нынѣшней цѣнѣ), едва-ли заслуживаютъ довѣрія иностранныя извѣстія о печальной судьбѣ голштинцевъ. *Штелинъ*, 292; *Сборникъ*, VII, 106, 107, 108; XVIII, 476; *Nachrichten*, 16; *Laveaux*, I, 279; *Castéra*, I, 421. Суммы на продовольствіе голштинцовъ отпускались непосредственно Суворову (*Придворн. Архивъ*, разрядъ I, № 137, л. 193 и 204). Приложеніе, V, 8; *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 389; *Санктпетерб. Вѣдомости* за 1762 г. № 57, отъ 16-го іюля.

Въ седьмомъ часу вечера войска начали выступать изъ Петергофа въ обратный путь; въ 9 часовъ выѣхали изъ Петергофа и Екатерина, въ каретѣ, конвоируемой конногвардейцами. На полъ-пути между Петербургомъ и Петергофомъ, на дачѣ Куракина, былъ привалъ для ночлега. Измученная нравственно, усталая физически, Екатерина, не раздѣваясь, бросилась въ постель и какъ убитая, спала болѣе двухъ часовъ.

На другой день, въ воскресенье, 30-го іюня, въ 10-мъ часу утра, прибыли въ Екатеринговъ. Отсюда начался торжественный въѣздъ въ столицу: легкая конница съ гусарскимъ полкомъ во главѣ; императорская эскорта изъ конногвардейцевъ; придворный штатъ императрицы; Екатерина, верхомъ на лошади, во главѣ преображенскаго полка, какъ старѣйшей гвардейской части; измайловскій и семеновскій полки; артиллерійскій корпусъ; три линейные полка. Улицы запружены народомъ; въ окнахъ, на заборахъ, на крышахъ зданій, отовсюду народъ шумно и радостно привѣтствуетъ императрицу. Звонъ колоколовъ смѣшивается съ полковою музыкою, заглушаемою по временамъ неистовымъ „ура“. Духовенство, въ полномъ облаченіи, съ церковной паперти благословляетъ крестомъ и кропитъ св. водою мимоидущія войска. Къ полудню Екатерина прибыла въ лѣтній дворецъ, гдѣ ее ожидали наслѣдникъ престола, сенатъ, синодъ, всѣ имѣющіе входъ ко дворцу. Екатерина прослѣдовала прямо въ придворную церковь, къ молебну[1]).

Воскресенье, праздникъ, торжество. „День былъ самый красный, жаркій. Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены — пошелъ пиръ на весь міръ; солдаты

---

[1]) Рапортъ сената, отъ 30 іюня, отъ 9 ч. утра: „Цесаревичъ изъ зимняго въ летней домъ благополучно прибыть соизволилъ и обедня началась, а по окончаніи оной весь сенатъ и синодъ для начатія молебна имѣютъ ожидать высочайшаго Вашего императорскаго величества прибытія“ (*Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 701, л. 12). Подробности въѣзда въ Петербургъ см. *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 11; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 420; *Дашкова*, 82; *Rulhière*, 137; *Helbig*, Biographie, II, 159.

и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вина и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и боченки, что у кого случилось"[1]). Простолюдинъ не отставалъ отъ солдата. Уже вчера, въ день рабочій, на улицахъ было болѣе обыкновеннаго пьяныхъ; сегодня, послѣ полудня, шелъ разгулъ во всю ширину улицы. Брали вино не только въ казенныхъ складахъ, у откупщиковъ, но и въ частныхъ кабакахъ и гербергахъ; брали даромъ и потому уже, что виноторговцы не рѣшалися отказывать и не догадалися запереть свои заведенія. Солдаты пили, какъ вознагражденіе за оказанную услугу родинѣ; простолюдины — за здравіе императрицы. Полиція была безсильна бороться съ повальнымъ разгуломъ и скоро сама была увлечена общимъ примѣромъ. Крикъ и шумъ на улицѣ все увеличивались; къ вечеру начались безчинства, объясняемыя опьяненіемъ.

Особенно веселился измайловскій полкъ, „обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ препровождаема была въ зимній дворецъ". Поздно вечеромъ, какой-то пьяный гусаръ проскакалъ по измайловскимъ слободамъ, горланя во всю глотку, что „проклятые" пруссаки намѣреваются украсть „нашу Матушку". Нетрезвые измайловцы всполошились, требуя, чтобъ имъ показали императрицу. Ни гр. Разумовскій, ни Шуваловъ, ни даже Орловы, Алексѣй и Григорій, любимцы солдатъ, не могли ихъ успокоить. Разбудили Екатерину и она должна была показаться войску. Вотъ какъ она сама описываетъ этотъ эпизодъ:

„Съ пятницы, съ 6-ти часовъ утра, я ничего не ѣла, не пила и почти вовсе не спала. Въ воскресенье, вечеромъ, я легла въ постель. Едва я уснула, какъ, въ полночь, входитъ въ спальню капитанъ Пассекъ и будитъ меня, говоря: „Наши люди страшно пьяны: какой-то гусаръ, тоже пьяный, закричалъ имъ: „братцы, къ оружію! 30 тысячъ пруссаковъ идутъ сюда и хотятъ похитить нашу

---

[1]) *Державинъ*, 433.

Матушку“. Люди схватили ружья и идутъ сюда освѣдомиться о вашемъ здоровьи, говоря, что уже три часа, какъ они не видѣли васъ, и что они спокойно уйдутъ, убѣдившись, что съ вами ничего не случилось. Они не слушаютъ своихъ начальниковъ, ни даже Орловыхъ“.

„И вотъ я опять на ногахъ. Чтобъ не встревожить батальонъ, занимавшій караулъ во дворцѣ, я отправилась къ нему и объяснила, почему я выхожу въ такой поздній часъ. Я сѣла въ карету съ двумя дежурными офицерами и отправилась къ измайловцамъ: я сказала имъ, что совершенно здорова, чтобъ они шли спать и оставили меня въ покоѣ, что я не спала три ночи и только-что уснула; я выразила имъ свое желаніе, чтобъ они впредь слушались своихъ офицеровъ. Они отвѣчали, что ихъ встревожили проклятые пруссаки, но что они всѣ готовы умереть за меня. Я сказала имъ: „Ну, ладно, спасибо; но ступайте спать“. Они пожелали мнѣ доброй ночи, всякаго здравія и разошлись, какъ овечки, все оглядываясь на мою карету“[1]).

На другой же день, 1-го іюля, рано поутру, генералъ прокуроръ Глѣбовъ писалъ генералъ-полицеймейстеру Корфу: „Сейчасъ получилъ я высочайшѣе Ея император-

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 13; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 421; *Державинъ*, 434; *Castèra*, I, 406. Депеша *Беранже*, отъ 16-го іюля: Pendant la nuit du 12 au 13, un houzard yvre courut aux casernes, criant aux soldats: „Aux armes, mes frères! quoy vous dormés pendant que les Prussiens et les Holsteinois nous enlèvent notre mère!“ Les soldats volent aussitôt au palais de Sa Majesté Impériale qui reposait pour la première fois depuis quatre jours. Ils demandent par des cris redoublés qu'on leur fasse voir l'Impératrice. M-r le Hettman se mit à une des fenêtres du palais pour les assurer que tout était tranquille et que Sa Majesté dormait. „Nous te croirons en toute autre chose, lui crient-ils; mais il y a trahison icy. Nous voulons voir notre Mère“, de façon que M-r Orloff fut obligé de réveiller l'Impératrice. Comme il luy dit, qu'il craignait de l'effrayer: „Vous savez, luy répondit cette Princesse, que je ne m'effraye de rien“. Elle s'habille et se rend à l'église de Cazan, entouré de soldats, qui se demandaient les uns aux autres: „Est-ce bien notre Mère?“ L'Impératrice se montre, les harangue et les oblige de se retirer content (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 9).

скаго величества повелѣние, чтобъ все кабаки держались запертыми впредь до указу, о чемъ отъ меня лейбъ-гвардіи секундъ-майору князю Гагарину и каморъ-конторѣ знать дано, а вашему высокопревосходительству къ непременному исполнѣнию симъ сообщаю. А какъ здесь въ Петербурге около дватцати ерберговъ имѣется, кои малымъ чемъ отъ кабаковъ рознятся продажею въ оныхъ разныхъ пьяныхъ напитковъ, то і со оными равно какъ съ кабаками поступить слѣдуетъ"[1]).

Не безъ улыбки читалъ Корфъ это письмо. Еще въ пятницу, 28 іюня, какъ только началось движеніе, изъ главной полицеймейстерской канцеляріи дано было знать въ каморъ-контору: „Имеющияся здесь кабаки і вольные домы сего числа запереть и продажи питей до указу непроизводить"[2]); а что толку? Пришлось все таки отпереть кабаки, послѣ того, что народъ разнесъ и разграбилъ тѣ заведенія, которыя подчинились предписанію полиціи. Но грабежъ произошелъ въ суботу, 29 іюня, когда въ городѣ не было войскъ[3]), когда императрица была въ Петергофѣ; теперь не то: съ 1-го же іюля, „съ того самого дня пріумножены пикеты, которые во многомъ числѣ съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями по всѣмъ мостамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были"[4]). Конечно, заряженныя пушки и зажженные фитили были выставлены не для защиты кабаковъ, а для устраненія такихъ волненій въ полкахъ, какъ въ измайловскомъ, но эти пушки и фитили были столь внушительны, что полиціи не трудно уже было слѣдить, чтобъ кабаки не торговали. Мѣра эта настолько подѣйствовала, что уже 7-го іюля въ главную „полицымейстерскую" кан-

---

[1]) *Архивъ Сената*, кн. XIV, л. 37; Приложеніе, V, 4.

[2]) *Архивъ Сената*, Копіи высоч. повел., т. 176, л. 64.

[3]) Что грабежи кабаковъ дѣйствительно происходили доказывается собственноручною резолюціею на докладѣ сената о просьбѣ петербургскаго купца Богдана Медера и К⁰, погребъ котораго, въ домѣ бургомистра Вихляева, былъ разграбленъ: „какъ казна не приказала грабить. то и справедливости не вижу, чтобъ казна платила" (*Архивъ Сената*, т. 117, л. 217).

[4]) *Державинъ*, 435.

целярію пришелъ приказъ: „кабаки по прежнему открыть и питейную продажу дозволить“, но „чтобъ никакова крику и шуму, а паче пьянства и озорничества ни отъ кого чинено отнюдь не было, а кто въ такихъ непорядкахъ найденъ будетъ, таковыхъ брать подъ караулъ“ [1]).

Жизнь городская, выбитая сильнымъ революціоннымъ ударомъ 28-го іюня изъ своей обычной колеи, начинала мало-по-малу принимать нормальный ходъ. 29-го же іюня, хотя и поздно вечеромъ, контръ-адмиралъ Нагаевъ получилъ указъ сената „всѣ посты снять и людей развести по ихъ командамъ; задержаннымъ въ устье Невы шкиперамъ и судохозяевамъ свободной проходъ объявить“ [2]); 30-го іюня, сенатъ предписалъ артиллерійскому полковнику Мартынову „порученные ему посты совсемъ ныне оставить и возвратитца къ командамъ своимъ“ [3]); 5-го іюля ямская канцелярія рапортомъ въ сенатъ увѣдомила, что ею полученъ указъ „о разрешеніи свободнаго пропуска почтъ, стафетовъ и проезжающихъ“ [4]). Въ воскресенье, 7-го іюля, дежурный генералъ-адъютантъ гр. К. Разумовскій объявилъ полицеймейстерской канцеляріи высочайшее повелѣніе, что въ 1-й, 2-й и 3-й сады разрѣшается впускать „всякаго званія людей обоего пола во всякой чистоте и опрятности, а въ лаптяхъ и прусскомъ платье пропускаемы не будутъ“. Очевидно, жизнь потекла по обычному руслу — русскій лапоть изгонялся и даже приравнивался къ ненавистному прусскому платью...

Въ этотъ же день, 7-го же іюля, этотъ русскій лапоть слушалъ, крестясь, слѣдующій манифестъ Екатерины [5]), въ которомъ разсказанъ императрицею великій подвигъ русскаго лаптя. Вотъ этотъ манифестъ:

---

1) *Архивъ Сената*, Копіи высоч. повел., т. 176, л. 8 и 66.

2) *Архивъ Сената*, Секретн. протоколы 1762, № 59, л. 128; Секретн. дѣла, № 706, л. 3.

3) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 713, л. 1-й.

4) *Архивъ Сената*, Секретн. протоколы 1762 г., № 61, л. 30; Секретн. дѣла, № 714, л. 3.

5) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 22; *Санктпетербургскія Вѣдомости* за 1762 г., № 55, отъ 9-го іюля, Прибавленіе; *Указы* Екатерины II, 14; *Осмнадц. Вѣкъ*, IV, 216. Едва-ли можно сомнѣваться, что глав-

„Всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ чрезъ сіе объявляемъ:

„Вступленіе Наше на Всероссійскій Императорскій престолъ явнымъ есть доказательствомъ истинны сей, что гдѣ сердца нелицемѣрныя дѣйствуютъ во благое, тутъ рука Божія предводительствуетъ. Не имѣли Мы никогда ни намѣренія, ни желанія такимъ образомъ воцариться, каковымъ Богъ по невѣдомымъ Его судьбамъ промысломъ своимъ намъ опредѣлилъ престолъ отечества Россійскаго воспріять.

„Съ самыхъ дней кончины въ Бозѣ почивающей Нашей всепресвѣтлѣйшей и вселюбезнѣйшей Тетки, Государыны Императрицы Елизаветы Петровны, всѣ прямо усыновленные своему отечеству, а Наши теперь вѣрноподданные, оскорблены бывши лишеніемъ своей Матери, утѣшенія въ томъ себѣ ожидали, чтобъ по меньшей мѣрѣ въ знакъ благодарности къ Ней, повиноваться племяннику Ея, къ наслѣдству Ею же опредѣленному. И хотя скоро всѣ они обозрѣли въ немъ малость духа къ правленію столь великой имперіи: однакожъ уповали на его собственное въ томъ признаніе, а искали между тѣмъ Нашего Матерняго въ правительствѣ имперіи вспоможенія. Но самовластіе, необузданное добрыми и человѣколюбивыми качествами, въ Государѣ владѣющемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ слѣдствіямъ непосредственною бываетъ причиною. Чего ради вскорѣ по вступленіи на Всероссійскій престолъ бывшаго сего Императора, отечество Наше вострепетало,

---

ныя основы и общее содержаніе манифеста были указаны самою Екатериною; болѣе чѣмъ вѣроятно, что первоначальный проектъ, кѣмъ ни былъ бы онъ составленъ, подвергся значительнымъ измѣненіямъ и исправленіямъ. Во всякомъ случаѣ, редакцію манифеста должно признать очень удачною; манифестъ написанъ соотвѣтствующимъ темѣ и вполнѣ русскимъ языкомъ. Въ *Указахъ* Екатерины II этотъ манифестъ справедливо названъ, въ отличіе отъ манифеста 28 іюня, „обстоятельнымъ". Императоръ Павелъ I, указомъ отъ 26 января 1797 г., повелѣлъ уничтожить стр. 14—23 „Указовъ", на которыхъ напечатанъ обстоятельный манифестъ (*Госуд. Архивъ*, III, 23; *Полн. Соб. Зак.*, № 17759).

видя надъ собою Государя и властителя, который всѣмъ своимъ страстямъ прежде повиновеніе рабское учинилъ и съ такими качествами воцарился, нежели о благѣ ввѣреннаго себѣ государства помышлять началъ.

„Хотя бывши онъ Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ Россійскаго престола многія оказывалъ ко всепресвѣтлѣйшей Теткѣ и Монархинѣ своей озлобленія и ко многимъ Ея печалямъ и оскорбленіямъ (что всему Нашему двору извѣстно было) подавалъ причины: однакожъ скрывалъ онъ то на наружности своей, обузданъ еще будучи при Ней нѣкоторымъ страхомъ и почиталъ любовь Ея къ нему по крови крайнимъ себѣ утѣсненіемъ и порабощеніемъ. Со всѣмъ тѣмъ и тогда опыты къ Ней оказывалъ явные всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ дерзновенной своей неблагодарности, то презрѣніемъ къ Ея Особѣ, то ненавистью къ отечеству; а наконецъ и вовсе предпочиталъ угожденіе страстямъ своимъ доброму и приличному порядку столь великой короны Наслѣдника. Словомъ сказать: не видно уже и тогда въ немъ было малыхъ знаковъ посредственнаго любочестія. Что же изъ того открылося? Не успѣлъ онъ только удостовѣриться о приближеніи кончины Тетки своей и благодѣтельницы, потребилъ Ея память въ сердцѣ своемъ, прежде нежели Она еще духъ свой послѣдній испустила: такъ что на тѣло Ея усопшее въ Бозѣ, или вовсе не глядѣлъ, или когда церемоніею достодолжною къ тому былъ приведенъ, радостными глазами на гробъ Ея взиралъ, отзываяся притомъ неблагодарными къ тѣлу Ея словами; и ежели бы не Наше къ крови Ея присвоенное сродство и истинное къ Ней усердіе, такъ какъ и ея къ Намъ чрезвычайная любовь, долгъ на Насъ налагала, то бы и достодолжнаго такой великой и великодушной Монархини погребенія тѣлу Ея не отправлено было; ибо онъ возмечталъ о своей власти Монаршей, яко бы оная не отъ Бога уставлена была и не къ пользѣ и благополучію подданныхъ своихъ, но случайно къ нему въ руки впала для собственнаго его угожденія, и для того далъ самовластію своему соединиться съ самовольнымъ стремленіемъ на всѣ такія установленія въ государствѣ, какія только малость духа его опредѣлить мо-

гла къ оскорбленію народа, а именно: Не имѣвъ, какъ видно, онъ въ сердцѣ своемъ слѣдовъ Вѣры Православной Греческой (хотя въ томъ довольно и наставляемъ былъ) коснулся перво всего древнее Православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною Церковь Божію и моленіе, такъ что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и къ церьковнымъ обрядамъ презрѣніе, или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули о томъ ему напомянуть съ подобострастіемъ въ осторожность, то едва могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду неподлежащаго властителя произойти бы могли. Потомъ началъ помышлять о раззореніи и самихъ церьквей, и уже нѣкоторыя и повелѣлъ было раззорить самымъ дѣломъ; а тѣмъ, которые по теплотѣ и молитвѣ къ Богу за слабымъ иногда здоровьемъ не могли отъ дому своего отлучаться, вовсе законъ предписалъ, никогда церькви Божіей въ домѣхъ не имѣть. И симъ образомъ православными владычествовать восхотѣлъ, перво всего начавъ истреблять страхъ Божій, писаніемъ святымъ опредѣленный началомъ премудрости.

„По таковому къ Богу неусердію и презрѣнію закона Его, презрѣлъ онъ и законы естественные и гражданскіе; ибо имѣя онъ единаго Богомъ дарованнаго Намъ Сына, Великаго Князя Павла Петровича, при самомъ вступленіи на Всероссійскій престолъ, не восхотѣлъ объявить Его Наслѣдникомъ престола, оставляя самовольству своему предмѣтъ, который онъ въ погубленіе Намъ и Сыну Нашему въ сердцѣ своемъ положилъ, а вознамѣрился или вовсе право ему преданное отъ Тетки своей испровергнуть, или отечество въ чужія руки отдать, забывъ правило естественное, что никто большаго права другому дать не можетъ, какъ то, которое самъ получилъ. И хотя Мы съ оскорбленіемъ сердца то въ намѣреніи его примѣчали, но еще не чаяли, чтобъ такъ далеко гоненіе его къ Намъ и Сыну Нашему любезнѣйшему въ мысляхъ его простиралося. Поняли однакожъ всѣ добросовѣстные и Наши теперь вѣрноподданные, что его устремленіе вовсе оказы-

ваться начало дѣломъ самымъ на погибель Нашу собственную и Наслѣдника Нашего истребленіе, и тѣмъ возмутилось сердце благочестивое и благородное всѣхъ тѣхъ, кто истинный рачитель общаго благополучія отечества своего; по чему и напоминали Намъ тайно и многократно съ ревностію о спасеніи Нашей жизни, видѣвъ Наше терпѣливое въ гоненіи сердце, дабы тѣмъ Насъ побудить къ принятію бремени правительства.

„Между тѣмъ, когда все отечество къ мятежу неминуемому уже противу его наклонялося, онъ паче и паче старался умножать оскорбленіе развращеніемъ всего того, что Великій въ свѣтѣ Монархъ и Отецъ своего Отечества, блаженныя и вѣчно незабвенныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, Нашъ вселюбезнѣйшій Дѣдъ, въ Россіи установилъ, и къ чему онъ достигъ неусыпнымъ трудомъ тридцатилѣтняго Своего царствованія, а именно: Законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ неполезными, но вредными государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и государству Россійскому крайне безполезную, возненавидѣлъ полки Гвардіи, освященнымъ его Предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды не удобь носимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ, и усердно за Вѣру и Отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единаго Государя войско то было, но чтобъ каждой въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе. Неутомимые и безразсудные его труды въ таковыхъ вредныхъ государству учрежденіяхъ, столь чувствительно напослѣдокъ стали отвращать вѣрность Россійскую отъ подданства къ нему, что ни единаго въ народѣ уже не оставалося, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его и кто бы не готовъ былъ на пролитіе

крови его. Но заповѣдь Божія, которая въ сердцахъ нашихъ вѣрноподданныхъ обитаетъ къ почитанію Власти предержащей, до сего предпріятія еще не допускала, а вмѣсто того всѣ уповали, что Божія рука сама коснется и низвергнетъ утѣсненіе и отягощеніе народное, его собственнымъ паденіемъ.

„По таковымъ всѣмъ предъявляемымъ Нами всему свѣту безпристрастному обстоятельствамъ, трудно намъ было напослѣдокъ не смутиться духомъ, видя отечество погибающее и Себя самихъ съ любезнѣйшимъ Нашимъ Сыномъ и природнымъ Нашимъ Наслѣдникомъ престола Россійскаго въ гоненіи и почти крайнемъ отдѣленіи отъ своего дому Императорскаго; такъ что уже и тѣ, которые изъ усерднѣйшихъ къ Намъ, или лучше сказать изъ отважнѣйшихъ къ незакрытію своего усердія (потому что ни единаго въ народѣ не видѣли Мы, кто бы Намъ добра не желалъ, и кто бы Намъ не приносилъ своего подданства), когда хотѣли благопристойное почтеніе Намъ, яко своей истинной Государынѣ, отдавать, въ опасности живота или по меньшей мѣрѣ щастія своего находилися. А напослѣдокъ стремленіе такъ далеко на пагубу Нашей собственной персоны возрастать стало, что уже и дѣломъ самимъ оказался отъ него въ народѣ поискъ противу Насъ и Нашего Императорскаго Величества, и неудовольствіе народное, которому самъ онъ, бывшій Императоръ, былъ единственно причиною, Намъ приписывалося отъ него; отъ чего наипаче помыслы его открылися и до Насъ дошли, вовсе Насъ истребить и живота лишить. Въ чемъ Мы предостережены будучи скоропостижно отъ нѣкоторыхъ вѣрнѣйшихъ Намъ подданныхъ, и животъ свой или на избавленіе отечества или на всеконечное погубленіе опредѣлившихъ, Божіимъ подкрѣпленіемъ на такой страхъ поступили, каковаго только отъ Нашего великодушія отечество Наше за любовь его къ Намъ требовать могло. И для того призвавъ Бога въ помощь, а правосудіе Его божественное Себѣ въ оборону, отдали Себя или на жертву за любезное отечество, которое отъ Насъ то себѣ заслужило, или на избавленіе его отъ мятежа и крайняго кровопролитія. Почему вооружася силою руки Господней,

не успѣли Мы только согласіе Свое объявить присланнымъ къ Намъ отъ народа избраннымъ вѣрноподданнымъ, тотчасъ увидѣли желаніе всеобщее къ вѣрноподданству, которое Намъ всѣ чины духовные, военные и гражданскіе всеохотнѣйшею присягой утвердили.

„Оставалося Намъ еще по Нашему природному милосердію къ роду человѣческому, а паче къ Нашимъ вѣрноподданнымъ, предупредить тѣ слѣдствія, на которыя бы сей бывшій Государь, положа надежду на мнимыя свои Голштинскія войска въ Ораніэнбаумѣ (гдѣ онъ тогда по любви къ нимъ, оставя нужное государства правленіе, въ праздности находился), покуситься иногда могъ, и тѣмъ возбудить противу себя кровопролитіе, на которое за Вѣру, за Отечество и за Насъ и Наслѣдника Нашего вѣрные Намъ Гвардіи Нашей и прочіе полки животъ свой охотно несли. Чего ради Мы за долгъ Намъ отъ Бога врученный къ подданнымъ, приняли все то предварить добрымъ и полезнымъ на тотъ часъ учрежденіемъ, и взявъ къ Себѣ въ собственное Наше предводительство всѣ гвардіи полки, артиллерійскій корпусъ, и на тотъ часъ случившіеся при резиденціи армейскіе, пошли его упредить въ намѣреніяхъ его, о которыхъ Намъ было уже заподлинно извѣстно.

„Но не успѣли только Мы выступить изъ города, какъ онъ два письма одно за другимъ къ Намъ прислалъ; первое чрезъ Вице-Канцлера Нашего Князя Голицына, въ которомъ просилъ, чтобъ Мы его отпустили въ отечество его Голстинію, а другое чрезъ Генерала Маіора Михайла Измайлова, въ которомъ самъ добровольно вызвался, что онъ короны отрицается и царствовать въ Россіи болѣе не желаетъ, гдѣ при томъ упрашиваетъ Насъ, чтобъ Мы его отпустили съ Лизабетою Воронцовою да съ Гудовичемъ такъ же въ Голстинію. И какъ то, такъ и другое письмо, наполненныя ласкательствами, присланы были нѣсколько часовъ послѣ того, что онъ повелѣніе давалъ дѣйствительно Насъ убить, о чемъ Намъ тѣ самые за подлинно донесли съ истиннымъ удостовѣреніемъ, кому сіе злодѣйство противу живота Нашего препоручено было дѣломъ самимъ исполнить.

„По таковымъ добровольнымъ его къ Намъ отзывамъ своеручнымъ, видя что онъ еще способъ имѣетъ съ Голстинскими полками и нѣкоторыми малыми полевыми при немъ случувшимися командами вооружиться противу Насъ и Насъ понудить ко многому неполезному для отечества Нашего снисхожденію, имѣя въ рукахъ своихъ многихъ знатныхъ двора Нашего мужеска и женска пола людей, къ погубленію которыхъ Наше бы человѣколюбіе никакъ Насъ не допустило и скоряе бы убѣдило попустить можетъ быть прешедшее зло отчасти возстановить нѣкоторымъ съ нимъ примиреніемъ для избавленія въ рукахъ его находящихся персонъ, которыхъ онъ умышленно, увѣдомившися о возмущеніи предпріятомъ противу его для освобожденія отечества, въ залогъ къ себѣ захватилъ въ домъ Ораніенбаумскій; всѣ тогда при Насъ находящіеся знатные вѣрноподданные понудили Насъ послать къ Нему записку съ тѣмъ, чтобъ онъ добровольное, а не принужденное отрицаніе письменное и своеручное отъ престола Россійскаго въ формѣ надлежащей, для спокойствія всеобщаго, къ Намъ прислалъ, ежели онъ на то согласенъ; которую записку Мы съ тѣмъ же Генераломъ Маіоромъ Измайловымъ къ нему и отослали. Въ слѣдствіе чего онъ въ отвѣтъ къ Намъ слѣдующее своеручное написалъ письмо:

„Въ краткое время правительства моего самодержав„наго Россійскимъ государствомъ, самымъ дѣломъ узналъ „я тягость и бремя силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ „не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было об„разомъ правительства, владѣть Россійскимъ государствомъ. „Почему и возчувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, „наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣ„тенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія. Того ради по„мысливъ я самъ въ себѣ, безпристрастно и непринужденно „чрезъ сіе объявляю не токмо всему Россійскому госу„дарству, но и цѣлому свѣту торжественно, что я отъ „правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ „мой отрицаюся, не желая ни самодержавнымъ, ниже „инымъ какимъ либо образомъ правительства, во всю „жизнь мою въ Россійскомъ государствѣ владѣть, ниже

„онаго когда либо или чрезъ какую либо помощь себѣ „искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно, все „сіе отрицаніе написавъ и подписавъ моею собственною „рукою. Іюня 29 дня, 1762 года.

„Петръ“.

„Таковымъ, Богу благодареніе, дѣйствіемъ престолъ Самодержавный Нашего любезнаго отечества приняли Мы на Себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное Наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ Намъ помогали. Въ заключеніе же сего неисповѣдимаго промысла Божія Мы всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ обнадеживаемъ всемилостивѣйше, что просить Бога не оставимъ денно и ночно, да поможетъ Намъ поднять Скипетръ въ соблюденіе Нашего православнаго Закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и да укрѣпитъ насъ на вся благая. А какъ Наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь Мы хотимъ быть достойны любви Нашего народа, для котораго признаваемъ Себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь наиторжественнѣйше обѣщаемъ Нашимъ Императорскимъ словомъ, узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство Нашего любезнаго отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость Имперіи и Нашей Самодержавной власти, бывшимъ нещастіемъ нѣсколько испровērженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству вывести изъ унынія и оскорбленія. Напротиву того не сумнѣваемся, что всѣ Наши вѣрноподданные клятву свою предъ Богомъ не преступятъ въ собственную свою пользу и благочестіе, по чему и Мы пребудемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ непремѣнны Нашею высочайшею Императорскою милостію. Данъ въ Санктпетербургѣ Іюля 6 дня, 1762 года. *„Екатерина“.*

И такъ: когда Петръ III, своимъ „самовластіемъ“, особенно пагубномъ въ государѣ самодержавномъ, возбудилъ противъ себя „неудовольствіе народное“, все отечество „къ мятежу наклонилъ“, когда „ни единаго въ народѣ уже не оставалося, ктобы не злословилъ его и не готовъ былъ на пролитіе крови его“, тогда „усерднѣйшіе“ къ императрицѣ, „отъ народа избранные вѣрноподданные“ преклонили Екатерину „воцариться такимъ образомъ“, какимъ она „ни намѣренія, ни желанія никогда не имѣла“. Переворотъ произведенъ народомъ, чрезъ его избранниковъ.

Въ этомъ же порядкѣ проявилась и благодарность Екатерины: она отблагодарила, прежде всего, народъ, потомъ — его избранниковъ. Въ чемъ же выразилась эта благодарность?

Въ одинъ день съ „обстоятельнымъ манифестомъ“ былъ обнародованъ указъ объ „облегченіи народной тягости“ пониженіемъ на десять коп. съ пуда цѣны на соль, „яко самой нужной и необходимой къ пропитанію человѣческому вещи“[1]). Народъ, какъ соловья, баснями не кормятъ: нужно было съѣсть пудъ соли, чтобъ восчувствовать императорскую благодарность на 10 копѣекъ. Это такъ было ясно, что въ указѣ поспѣшили прибавить: „однакожъ при семъ остаться не можетъ, а воля Наша есть еще несравненно, какъ въ семъ пунктѣ, какъ и впрочемъ для всего общества полезномъ и необходимомъ, оказать Наши Матернія милосердія“. Народъ съ благодарностью выслушалъ это императорское обѣщаніе и терпѣливо ожидалъ его исполненія.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и только въ августѣ народъ узналъ, кто были его избранники, которые явились пособниками Екатерины въ переворотѣ и, поэтому, наравнѣ съ народомъ, заслуживали ея благодарностъ. 9-го августа было объявлено: „Ея Императорское Величество хотя ни мало не сомнѣвалась объ истинномъ вѣрныхъ Своихъ

---

[1]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 17; *Санктпетербургскія Вѣдомости* за 1762 г., № 64, отъ 9 августа; *Указы* Екатерины, 12; *Пол. Соб. Зак.*, № 11,597.

подданныхъ при всѣхъ бывшихъ прежде обстоятельствахъ сокровенномъ къ Себѣ усердіи; однакожъ къ тѣмъ особливо, которые по ревности для поспѣшенія благополучія народнаго, побудили самымъ дѣломъ Ея Величества сердце милосердое къ скорѣйшему принятію престола Россійскаго, и къ спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожавшихъ оному бѣдствій, на сихъ дняхъ оказать соизволила особливые знаки Своего благоволенія и милости; изъ которыхъ иныхъ пенсіями, другихъ деревнями, а прочихъ денежною суммою наградить соизволила"[1]). Въ этомъ первомъ „наградномъ спискѣ" поименовано 40 избранниковъ народа, причемъ они раздѣлены, по степени оказаннаго имъ „благоволенія и милости", на четыре категоріи:

къ *первой* отнесены только три лица—малороссійскій гетманъ, фельдмаршалъ гр. К. Г. Разумовскій; обергофмейстеръ великаго князя наслѣдника цесаревича, сенаторъ Н. И. Панинъ, и генералъ-аншефъ, подполковникъ коннаго полка, сенаторъ кн. М. Н. Волконскій—которымъ пожалованы пожизненныя пенсіи по пяти тысячъ рублей;

ко *второй* — 17 лицъ, которымъ пожаловано по 800 душъ крестьянъ или, оцѣнивая человѣческую душу въ 30 рублей[2]), по 24000 рублей;

---

[1]) *Спб. Вѣдомости* за 1762 г., № 64; *Сборникъ*, VII, 108.

[2]) Эта разцѣнка велась довольно точно. Такъ, въ объявленіи буквально сказано по поводу лица, долженствовавшаго получить 800 душъ: „Измайловскаго полку Примеръ-Маіору Николаю Рославлеву 600 душъ и въ дополненіе 6,000 рублей". Въ депешѣ *Прассе* отъ 17 августа, сказано о пожалованіи 24,000 рублей и прибавлено: oder auch so viel an Gütern und Bauern, einen Bauer zu 30 Rubel gerechnet (*Дрезд. Арх.*, vol. VII, № 66). Разцѣнка, сдѣланная кн. Дашковою, не вѣрна и все это мѣсто писано, кажется, только для того, чтобъ причислить себя къ первой категоріи, хотя она получила только 24,000 руб., т. е. поставлена въ рядъ съ 17-ю лицами второй категоріи. Выводить изъ пожалованія кн. Дашковой 24,000 рублей заключеніе объ ея особенномъ значеніи въ переворотѣ не приходится, *Арх. кн. Воронцова*, XXI, 89; *Сборникъ*, 110, 132; *Соловьевъ*, XXV, 112. Указывать на пожалованіе ей ордена св. Екатерины тоже нельзя: супруга гетмана, гр. Екатерина Ивановна Разумовская, сопровождавшая Петра III въ его кронштадтской экспедиціи, была,

къ *третьей*—11 лицъ, получившихъ по 600 душъ или по 18000 рублей, и

къ *четвертой*—9 лицъ, получившихъ отъ 500 до 300 душъ, или соотвѣтствующее денежное вознагражденіе.

Всего, этимъ 40 избранникамъ было роздано 18000 душъ и 526000 рублей, что́, принимая казенную оцѣнку души въ 30 рублей, составитъ 1066000 рублей.

Въ концѣ этого „милостиваго манифеста" прибавлено: „вышеупомянутыя пенсіи годовыя пожалованы по смерть изъ собственной Ея Императорскаго Величества комнатной суммы, такъ какъ изъ той же суммы и всѣ прочія денежныя награжденія, а деревни со всѣми землями и угодьями въ вѣчное и потомственное наслѣдное владѣніе". Другими словами: избранникамъ народа отдавали въ кабалу, въ видѣ награды за усердіе, самихъ избирателей.

пожалована 25-го іюля тѣмъ же орденомъ *(Спб. Вѣдомости* за 1762 г., № 60). Также точно, въ день коронаціи, въ статсъ-дамы была пожалована сперва Матюшкина, а потомъ кн. Дашкова *(Спб. Вѣдомости*, ibid., № 80, прибавл.).

VI.

Въ пятницу, 28 іюня, поздно вечеромъ, представители иностранныхъ державъ въ Петербургѣ получили отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ слѣдующее циркулярное извѣщеніе: „Ея Императорское Величество, по единодушному желанію и усиленнымъ просьбамъ Своихъ вѣрныхъ подданныхъ и истинныхъ патріотовъ имперіи восшедшая сегодня на престолъ, соизволила указать увѣдомить объ этомъ событіи всѣхъ гг. иностранныхъ министровъ, находящихся при Ея дворѣ, увѣривъ ихъ притомъ, что Ея Императорское Величество имѣетъ намѣреніе жить въ добромъ согласіи съ вѣнценосцами, ихъ Государями. Вслѣдъ за симъ назначенъ будетъ день, въ который гг. министры могутъ имѣть честь представиться и поздравить Ея Императорское Величество"[1]).

Это офиціальное объясненіе прекратило всѣ слухи, съ утра волновавшіе иностранную колонію, особенно же иностранныхъ министровъ. Съ первымъ же шумомъ народнаго волненія стали распространяться самые невѣроятные слухи: говорили, будто императоръ внезапно рѣшился, до отъѣзда въ датскій походъ, короноваться въ Петербургѣ; говорили, будто императоръ передалъ власть, на время своего отсутствія, императрицѣ и, поэтому, желаетъ ее короновать, и. т. п.[2]). Къ полудню узнали

---

[1]) *Париж. Архивъ,* Russie, vol. 69, № 3; *Дрезден. Архивъ,* vol. VII, № 56; *Goudar,* 81; *Gildechrist,* 11; *Laveoux,* I, 298; *Helbig,* Biographie, II, 265.

[2]) *Bächling,* 465: Einige sagten der Kaiser habe plötzlich beschlossen, vor seiner Abreise zum Kriege wider Dänemarck, sich zu S. Pe-

истину, но она для многихъ иностранцевъ была далеко не успокоительна: императоръ живъ и здравствуетъ, но нелюбъ народу и потому сверженъ съ престола, на который возведена его супруга, императрица Екатерина, теперь уже Екатерина II. Многіе иностранные министры не вѣрили ушамъ своимъ, слушая вольный переводъ манифеста— офиціальный переводъ появился только 29-го іюня утромъ. Шведскій посланникъ и голландскій резидентъ, фавориты Петра III, цѣлые два дня, закрывали глаза и не хотѣли признавать совершившихся фактовъ[1]), императорскій по-

tersburg krönen zu lassen; andere sagten, er habe der Kaiserin aufgetragen, während seiner Abwesenheit die Regierung zu verwalten, und wolle sie zu diesem Zweck krönen lassen. Diese Geschwätze waren zu unvernünftig. Пасторъ Бюшингъ — единственный изъ очевидцевъ переворора, записавшій въ своей автобіографіи „безсмысленные“ слухи, которыми народъ объяснялъ себѣ уличный безпорядокъ, и онъ даже не намекаетъ на слухъ о внезапной смерти Петра III. Такой слухъ былъ немыслимъ; Екатерина явилась въ Петербургъ именно потому, что Петръ былъ живъ, она искала защиты отъ живого императора, что и сообщила измайловцамъ; зачѣмъ вся эта кутерьма, если Петръ умеръ? Партія дѣйствія, обнимавшая все населеніе Петербурга, не могла распускать слухъ о смерти Петра — такой слухъ уничтожалъ самую необходимость дѣйствія. Этотъ слухъ измышленъ гораздо позже, сторонниками Петра, желавшими этимъ слухомъ объяснить успѣхъ переворота. Впервые объ этомъ слухѣ упоминаетъ нѣмецъ Шванъ, только въ 1764 году: J'envoiai mon valet et il me rapporta que Pierre III aiant été à la chasse avait eu le malheur de tomber de son cheval, qu'il était mort (*Marche*, 212). Этотъ „лакейскій“ слухъ переданъ былъ потомъ брильянщикомъ *Позье* (102), испещрившимъ свои записки массою нелѣпостей, и *Шумахеромъ* (49), какъ „вздорный слухъ“ (albernes Geschwätz), которымъ простой народъ объяснялъ непонятное уличное движеніе. Даже Рюльеръ, передавая сказку о мнимой похоронной процессіи, ограничивается заявленіемъ: *il est vraisemblable*, qu'on mit cette machine en jeu (*Rulhière*, 97). Только въ царствованіе Павла I эта сказка получаетъ полное развитіе и иностранные писатели выдаютъ ее за несомнѣнный фактъ (*Ranfft*, 173; *Beauclair*, 109; *Laveaux*, I, 260; *Castéra*, I, 370; *Helbig*, II, 117, 118). Этотъ слухъ повторилъ *Болотовъ*, писавшій по иностраннымъ источникамъ (I, 275). Въ настоящее время это нелѣпое извѣстіе принято на вѣру и ему приписано серьезное значеніе въ иллюстрированномъ изданіи „Исторіи Екатерины II“, составленной, къ сожалѣнію, безъ всякой критики (*Брикнеръ*, I, 120).

[1]) *Парижс. Архивъ*, Russie. vol. 69, № 7; Приложеніе, II, 3.

солъ и саксонскій министръ не знали границъ своей радости; англичанинъ Кейтъ упалъ духомъ, пруссакъ Гольцъ долго не могъ одуматься.

Официальный переводъ манифеста не оставлялъ, казалось, сомнѣнія, что предстоитъ серьезный, рѣзкій поворотъ въ международной политикѣ Россіи. Прусскій король Фридрихъ II, вчера еще „лучшій другъ Россіи“, объявленъ сегодня „ея злодѣемъ“ [1]). Посолъ Мерси-Аржанто тотчасъ

---

[1]) Le plus mortel ennemi, ärgster Feind (*Laveaux*, I, 296; *Helbig*, Biographie, II, 264). Въ этомъ именно мѣстѣ манифеста встрѣчается важное разночтеніе. Въ манифестѣ, раздававшемся народу поутру 28-го іюня сказано, что слава россійская „заключеніемъ новаго мира *съ самымъ ея злодѣемъ* отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе“ (*Осмнадц. Вѣкъ*, IV. 217); въ этомъ же манифестѣ, но отпечатанномъ уже вечеромъ, то же мѣсто читается такъ: „заклюніемъ новаго мира *самимъ ея злодѣямъ* отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе“ (*П. С. З.*, № 11,582). Это разночтеніе подало поводъ утверждать, будто во второмъ изданіи желали смягчить рѣзкость перваго по отношенію къ прусскому королю Фридриху II и *Беранже*, въ депешѣ отъ 16-го іюля, писалъ: Déjà on s'est repenti de n'avoir pas assés ménagé les expressions contre le Roy de Prusse dans le manifeste qui a été imprimé, et on vient d'en publier un second où elles sont fort adoucies“ (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 8). Разница очевидная: въ первомъ случаѣ „злодѣемъ“ оказывается Фридрихъ II, съ которымъ Петръ III только что заключилъ миръ; во второмъ — о прусскомъ королѣ нѣтъ спеціальной рѣчи, и онъ только предполагается въ числѣ другихъ „злодѣевъ“, враговъ Россіи. Въ день переворота, событія такъ быстро смѣнялись одно другимъ, что ни для обдумыванія, ни для раскаянія не было, конечно, времени. Чѣмъ же объясняется это различіе текстовъ? Необходимо, прежде всего, обратить вниманіе на подлинникъ манифеста (*Архивъ Сената*, т. 102, л. 1-й), съ которымъ ни одинъ изъ печатныхъ текстовъ не сходится. Въ подлинномъ манифестѣ, подписанномъ Екатериною, это мѣсто читается такъ: слава россійская „заключеніемъ новаго мира *самимъ ея злодѣемъ* отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе“. Такимъ образомъ, въ оригиналѣ „злодѣемъ“ названъ Петръ III. Вся эта фраза построена въ оригиналѣ такъ, что должна отвѣчать на вопросъ: кѣмъ, а не кому отдана. Это вполнѣ согласно съ основною цѣлью манифеста, которымъ имѣлось въ виду представить дѣятельность Петра III, а не характеризовать Фридриха II. Такимъ образомъ, вмѣсто двухъ, оказывается три разночтенія. Тщательное изученіе оригинала убѣждаетъ, что онъ не могъ быть писанъ въ самый разгаръ переворота, 28-го же іюня, и былъ составленъ заранѣе. На это указываетъ

же сообщилъ гр. Кауницу, что „содержаніе манифеста ясно свидѣтельствуетъ о самомъ дружественномъ расположеніи нынѣшней русской Монархини къ старымъ союз-

---

какъ содержаніе его, такъ форма изложенія и, наконецъ, сенатская отмѣтка. По содержанію, это актъ глубоко обдуманный, въ которомъ на первомъ планѣ поставлена церковь, за церковью — войско, какъ два основные мотива переворота, причемъ каждый изъ нихъ доказывается (иновѣрнымъ закономъ и порабощеніемъ отечества), и каждый изъ нихъ отмѣченъ особо: во-первыхъ и во-вторыхъ. Это тѣ мотивы, которые понятны всѣмъ, всѣхъ интересуютъ; безъ отмѣтки выраженіемъ „втретьихъ" и безъ какого-либо доказательства упомянутъ третій мотивъ — испровержение внутреннихъ порядковъ, какъ онъ и въ дѣйствительности не служилъ основнымъ мотивомъ переворота. Изъ этихъ мотивовъ сдѣланъ выводъ; того ради мы вступили на престолъ. Кратко и ясно, потому именно, что вполнѣ обдуманно. Манифестъ написанъ на большомъ листѣ бумаги и занимаетъ двѣ первыя страницы, причемъ на третью переходятъ только двѣ строчки и подпись императрицы. Манифестъ изложенъ почти безъ поправокъ и написанъ крупнымъ, спокойнымъ почеркомъ. Ни въ изложеніи, ни въ письмѣ не видно вліянія того нервнаго волненія, того судорожнаго движенія, среди котораго онъ былъ составленъ, если вѣрить Екатеринѣ (*Госуд. Архивъ,* III, 16; *Jacob*, 6; *Арх. кн. Воронцова,* XXV, 417: à la hâte). Въ сенатскомъ архивѣ хранится масса манифестовъ и указовъ, причемъ на всѣхъ ихъ отмѣчено время полученія, словами „полученъ тогда-то"; единственное исключеніе составляетъ разсматриваемый манифестъ, который отмѣченъ такъ: „Подписанъ і Полученъ 28 іюня 1762 году". Первоначально секретарь отмѣтилъ въ концѣ третьей страницы канцелярское „Полученъ 28 іюня 1762 г."; позже, когда понадобилось устранить сомнѣніе о времени подписанія манифеста императрицей, другою рукою, въ концѣ второй страницы, приписано необычное „Подписанъ і", котораго нѣтъ ни на одномъ актѣ, хотя на очень многихъ не выставлена дата, какъ и на манифестѣ. Чѣмъ же все это объясняется? Двадцать семь лѣтъ послѣ переворота, въ письмѣ отъ 7-го іюля 1789 года, Екатерина пишетъ Алексѣю Орлову между прочимъ: „будьте увѣрены, что я никогда забыть не могу 24, 26 и 28 іюня" *(Сборникъ,* XLII, 20). 28-е іюня — день переворота; но 24 и 26-е іюня остаются загадкою. Быть можетъ, въ одинъ изъ этихъ дней Алексѣй Орловъ привозилъ ей для подписи манифестъ, и такъ какъ день переворота не былъ заранѣе опредѣленъ, то Екатерина подписала манифестъ, но даты не выставила. Указъ противъ пьянства былъ подписанъ ею тоже до переворота и помѣченъ, какъ мы видѣли, 26-мъ іюня. Копія манифеста была доставлена гр. К. Г. Разумовскому, который вечеромъ 27-го іюня распорядился уже печатаніемъ; другая копія была доставлена въ сенатскую ти-

никамъ ея государства"[1]). Посолъ ошибся. Англійскій посланникъ Кейтъ вѣрнѣе понялъ международное значеніе переворота, сообщивъ своему двору, что хотя съ низложеніемъ Петра III прусскій король и потерялъ союзника, но съ воцареніемъ Екатерины II не пріобрѣлъ себѣ врага, такъ какъ императрица желаетъ только мира[2]). Это ясно изъ рескрипта командующему дѣйствующею арміею гр. З. Г. Чернышеву, помѣченнаго 28-мъ же іюня:

„Именемъ самодержавнымъ нашего Величества повелѣваемъ объявить торжественно его величеству королю прусскому, что намѣреніе наше было и нынѣ есть всѣ средства употребить къ полученію общаго въ Европѣ мира; но тишина и благосостояніе престола нашего требуетъ того неотмѣнно, чтобъ вы, получа сіе, немедленно возвратились со всѣмъ вашимъ корпусомъ въ Россію. Если же его величество, король прусскій, въ томъ препятствовать начнетъ, то вы имѣете со всѣмъ вашимъ корпусомъ соединиться съ арміею и ближайшимъ корпусомъ императрицы цесаревы римской. Что же касается до заключеннаго въ послѣднее время мира съ его величествомъ королемъ прусскимъ, то мы нашего Императорскаго Величества именемъ повелѣваемъ его величеству объявить торжественно, что мы оный заключенный миръ съ его величествомъ продолжать будемъ свято и ненарушимо, доколь его величество къ разрыву онаго, а осо-

---

пографію не ранѣе 3-хъ часовъ дня 28-го іюня; оригиналъ переданъ былъ сенату, гдѣ и хранится. Трудно, конечно, рѣшить, ошибка переписчика, типографская опечатка, или то и другое вмѣстѣ породили указанныя выше разночтенія; но такое рѣшеніе не имѣетъ въ данномъ случаѣ серьезнаго значенія. Важно то, что измѣненіе одной буквы или приставка „съ" придавали иной смыслъ манифесту и возбуждали справедливые толки и нареканія; а отчего эти измѣненія произошли — это не важно.

[1]) *Сборникъ*, XVIII, 422.

[2]) Депеша *Кейта*, отъ 15 іюля 1762 г.: So far as J can yet learn the Empress is determined to be strictly neuter during the continuation of the present war, so that if the King of Prussia has lost a sincere and good ally in the Emperor, he has not got an enemy in his successor, which, J hope, will be a means of facilitating a general and lasting peace (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 83).

бливо при нынѣшнемъ случаѣ, явныхъ къ тому видовъ не подастъ". Та же тенденція, но уже съ оттѣнкомъ особаго вниманія къ прусскимъ интересамъ, повторена и въ рескриптѣ генералъ-поручику П. И. Панину: „Понеже мы намѣреніе имѣемъ заключенный вновь вѣчный миръ съ его величествомъ королемъ прусскимъ содержать, того ради вы всѣ осторожности принять имѣете, дабы его величества землямъ никакихъ причинъ не подавать къ озлобленію" [1]).

„Злодѣй" манифеста съигралъ свою роль и теперь исчезъ окончательно: злодѣй былъ нуженъ для воцаренія, для укрѣпленія же на тронѣ нуженъ миръ и, прежде всего, именно съ Пруссіею, какъ достаточно уже ослабленною и дальнѣйшее ослабленіе которой могло только содѣйствовать усиленію Австріи, что было противно русскимъ интересамъ. Этого не могли сразу понять не только Мерси или Беранже, но даже Гольцъ, съ понятнымъ недовѣріемъ относившійся къ любезному вниманію, которое выказала ему Екатерина, приславъ конвой для свободнаго проѣзда его изъ Ораніенбаума въ столицу. Всѣ предвидѣли перемѣну политической системы, но недоумѣвали, въ чемъ она будетъ состоять и не знали къ кому обратиться за разъясненіемъ: сегодня канцлера нѣтъ, такъ какъ у дома гр. М. Л. Воронцова стоитъ караулъ, а на завтра уже два канцлера—и гр. Воронцовъ освобожденъ, и гр. Бестужевъ-Рюминъ вызванъ изъ ссылки.

М. Л. Воронцовъ, прибывшій изъ Ораніенбаума съ порученіемъ „образумить" императрицу, присягнулъ Екатеринѣ, но просилъ поставить къ его дому караулъ, неувѣренный, быть можетъ, въ исходѣ переворота, или, быть можетъ, желая оградить себя и свой домъ въ дни народнаго волненія. Въ тотъ же день [2]) Екатерина распорядилась о вызовѣ изъ ссылки бывшаго канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина, изъ за нея пострадавшаго еще въ 1758 г., при Елизаветѣ Петровнѣ. Узнавъ о вызовѣ Бе-

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 102, 103; XLVIII, 1; *Русс. Архивъ*, 1886, III, 117.

[2]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 32; *Военный Сборникъ*, 1862, XI, 43; *Сборникъ* XLII, 470.

стужева, Воронцовъ обидѣлся и просилъ „о милостивомъ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ", такъ какъ онъ „за весьма изнуреннымъ здоровьемъ" не можетъ, „какъ бы желалъ должность свою исправить"[1]). Черезъ два дня, караулъ отъ его дома былъ снятъ и онъ снова вступилъ въ должность, былъ принятъ ко двору, но его считали въ опалѣ[2]) и въ ожиданіи пріѣзда Бестужева, не довѣряли ему, видя, что онъ не пользуется довѣріемъ императрицы. И были, конечно, правы: гр. Воронцовъ увѣрялъ барона Гольца, что происшедшій переворотъ ни въ чемъ не измѣнитъ только-что заключеннаго русско-прусскаго мира, что всѣ статьи этого договора будутъ свято выполнены императрицею[3]), а въ это же время Екатерина писала фельдмаршалу Салтыкову: „Авось Богъ дастъ передѣлывать по своему несносный сей миръ"[4]).

Ничего не разъяснилъ и первый пріемъ дипломатическаго корпуса. Онъ состоялся во вторникъ, 2-го іюля. Представленіе было очень торжественное, многолюдное. Еще наканунѣ, 1-го іюля, всѣ представители иностранныхъ державъ были приглашены особыми повѣстками „для принесенія поздравленій Ея Императорскому Величеству"; было, слѣдовательно, обязательно явиться. Всѣ и

---

1) *Арх. кн. Воронцова*, V, 102; *Соловьевъ*, XXV, 117.

2) Депеша *Беранже*, отъ 16 іюля: Je passai chez M-r le Chancelier, je causai pendant longtemps avec lui, mais pas un mot d'affaires. Le sort de ce ministre sera incertain jusqu'à l'arrivée de M-r Bestucheff, qu'on dit très prochaine. Loin que je puisse constater aujourd'hui ce que j'ai eu l'honneur de vous mander de la conduite de M-r le comte de Woronzow à l'égard de l'Impératrice, on m'assure qu'il fit de fortes représentations à cette Princesse de ce qui se passait, et que l'Impératrice, n'étant point d'humeur à écouter ses mercurieles, ordonna qu'on le menât prêter serment. Il n'a été gardé, à la verité, que pendant deux jour. Il a repris, depuis, ses fonctions et continue à se montrer à la Cour; mais le public persiste à regarder sa disgrâce certainè (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 9).

3) Депеша *Гольца*, отъ 17 іюля: M-r le chancelier se croyoit assuré que le changement survenu dans cet Empire ne porteroit coup en aucune façon à la paix nouvellement conclue, mais qu'au contraire ce traité seroit regardé comme sacré dans tous ses points (*Берлин. Архивъ*, vol. IX, № 103). *Щебальскій*, 61.

4) *Русск. Архивъ*, 1886, III, 9.

явились, кромѣ прусскаго посланника Гольца, что, конечно, обратило на себя общее вниманіе, бросалось въ глаза. Гольцъ извинился неимѣніемъ придворнаго костюма[1]). Императрица была со всѣми мила, каждому сказала любезное слово, всѣхъ очаровала, но ничего не разъяснила: никто не повѣрилъ ея словамъ о желаніи всеобщаго мира въ Европѣ. Кто объяснялъ себѣ отсутствіе Гольца тѣмъ, что онъ „не въ авантажѣ обрѣтается", долженъ былъ вскорѣ сознать свою ошибку: на первомъ же куртагѣ, Екатерина играла въ карты не только, какъ всегда, съ императорскимъ посломъ, гр. Мерси-Аржанто, но и съ прусскимъ министромъ, барономъ Гольцомъ; на второмъ куртагѣ Гольцъ игралъ не за императорскимъ столомъ, но Екатерина подошла къ прусскому министру и наговорила ему массу любезностей[2]).

Въ среду, 3-го іюля, французскій повѣренный въ дѣлахъ, Беранже, посѣтилъ императорскаго посла гр. Мерси-Аржанто. Разговоръ коснулся рескриптовъ императрицы гр. Чернышеву и Румянцову объ отдѣленіи русскихъ корпусовъ отъ прусской арміи и объ очищеніи земель Фридриха II. Беранже замѣтилъ, что эти рескрипты возбуждаютъ въ немъ самыя розовыя надежды: онъ ни мало не сомнѣвается, что императрица возстановитъ прежнюю систему, воскреситъ австро-франко-русскій союзъ, существовавшій при Елизаветѣ Петровнѣ. „Еще вчера — говорилъ гр. Мерси — я выбивался изъ всѣхъ силъ (je me suis époumonné), чтобъ убѣдить въ этомъ императрицу. Я показалъ ей, насколько отпаденіе бывшаго императора (ci-devant empereur) отъ нашего союза было несправедливо и убѣждалъ ее, что Россія можетъ исправить эти ошибки относительно своихъ союзниковъ только приступивъ опять

---

[1]) Депеша *Прассе*, отъ 16 іюля: Der preussische Minister, der gleichfalls invitiret gewesen, ist an solchem Tage ausgeblieben, unter den Vorwande, dass er zur Zeit noch nicht mit ordinairen Cavalier-Kleidern versehen wäre *(Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 58).

[2]) Den Ambassadeur frappirte solches dergestallt, dass er sich nicht enthalten können, dem Grosskanzler Woronzow darüber jedoch mehr im Spass als im Ernst ein Wort zu sagen *(Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 68, депеша отъ 10 августа).

къ союзу". Беранже, съ своей стороны, высказалъ, что манифестъ 28-го іюня, въ которомъ прусскій король титулованъ „злодѣемъ Россіи", общее настроеніе націи, ухаживаніе придворныхъ за императорскимъ посломъ и, особенно, дипломатическое искусство гр. Мерси не позволяютъ сомнѣваться въ успѣхѣ. „Я тоже надѣюсь, замѣтилъ посолъ, но вовсе не скрываю отъ себя, насколько это трудно. Пожалуйста, поддерживайте меня при всякомъ случаѣ". Беранже былъ польщенъ этою просьбою и обѣщалъ поддерживать: „употреблю все мое краснорѣчіе, чтобъ доказать, что для Россіи ничего болѣе не остается, какъ вновь пристать къ австро-французскому союзу". Собесѣдники, конечно, были согласны въ томъ, что союзъ Австріи и Франціи отвѣчаетъ интересамъ обѣихъ державъ, что онъ неразрывенъ, полезенъ, естественъ, что въ немъ залогъ величія обѣихъ націй. „Наконецъ, прибавилъ гр. Мерси, необходимо, чтобъ домы Бурбонскій и Австрійскій были связаны вѣчными узами: эти двѣ династіи созданы, чтобъ управлять Европою — всѣ другія династіи могутъ играть только второстепенную роль. Съ послѣднимъ курьеромъ я отправилъ обширную депешу по этому поводу; надобно, чтобъ и вы работали въ этомъ же направленіи. Въ Россіи все такъ непрочно, такъ ненадежно, что союзъ съ нею не можетъ быть выгоднымъ". Беранже вполнѣ согласился съ этимъ и призналъ, что, кромѣ Австріи и Франціи, всѣмъ остальнымъ европейскимъ державамъ можетъ быть предоставлена только второстепенная роль [1]).

Согласится-ли Екатерина на такую второстепенную роль, послѣдуетъ-ли совѣтамъ гр. Мерси, присоединится-ли къ австро-французскому союзу — вотъ вопросы, волновавшіе иностранныхъ дипломатовъ въ первые дни послѣ переворота. Имъ казалось рѣшеніе этихъ вопросовъ довольно легкимъ и простымъ: Петръ III былъ *за* Фридриха II; Екатерина *противъ* Петра III, слѣдовательно, Ека-

---

[1]) Шифрованная депеша *Беранже*, отъ 16 іюля. въ *Париж Архивѣ*, Russie, vol. 70, № 8; Приложеніе, II, 4.

терина должна быть *противъ* прусскаго короля, въ союзѣ съ Австріею и Франціею.

Екатерина не такъ легко смотрѣла на этотъ вопросъ, но разрѣшала его гораздо проще. Она взошла на престолъ не ради интересовъ Австріи, Франціи или Пруссіи; всѣ ея заботы, всѣ ея силы и способности принадлежатъ, прежде всего, Россіи и, быть можетъ, еще долгое время будутъ принадлежать ей исключительно. Екатерина должна сперва вполнѣ утвердиться на престолѣ, чтобъ потомъ улучшеніемъ внутренняго состоянія имперіи отблагодарить Россію за свое избраніе и доказать русскому народу, что она была достойна его выбора. „При моемъ вступленіи на престолъ — пишетъ Екатерина — обременительная война съ Пруссіею была окончена по волѣ Петра III миромъ, которымъ Россія не пріобрѣла себѣ никакой выгоды, кромѣ спокойствія. 28-го іюня армія была еще заграницею и не получала восьмой мѣсяцъ жалованья. Флотъ былъ въ упущеніи, армія въ разстройкѣ, крѣпости разваливались. На штатсъ-конторѣ было семнадцать милліоновъ долгу. Недовѣріе къ казнѣ было полное“[1]). Неужели Екатерина опять начнетъ „обременительную“ войну и лишится единственной выгоды мира — „спокойствія“?

28-го іюня, представители иностранныхъ державъ были извѣщены о желаніи мира; 29-го былъ разосланъ слѣдую-

---

[1]) *Русск. Архивъ*, 1865, 479. Этотъ долгъ сдѣланъ преимущественно во время прусской войны. Еще въ 1760 г., при Елизаветѣ Петровнѣ, сенатъ слушалъ предложеніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Продолжение войны и на оную великия употребления денегъ до того довели, что государственная казна совсемъ не въ состояніи столько дать сколько къ тому требуется, такъ что ежедневный недостатокъ умножалъ и умножаетъ опасность; уже и заимство изъ всехъ местъ гдѣ только соберутца деньги на собственное ихъ употребление наградить ево не въ состояніи: при всемъ томъ что помянутыя места отдая свои доходы и капиталы сами въ несостояние приходятъ, и вмѣсто того дабы приносить прибытки, кои отъ нихъ получались, упадаютъ и наконецъ рушитца должны, а неизвѣстность продолжения войны, приемля во уважение потребныя на всякий случай предосторожности опасность наивяще усугубляетъ“ *(Архивъ Сената*, Секр. дѣла, № 670).

щій циркулярный рескриптъ[1]) представителямъ Россіи за границею:

„Какимъ образомъ Мы по всеобщему и единогласному нашихъ вѣрныхъ подданныхъ желанію и прошенію всероссійскій императорскій престолъ воспріять и тѣмъ государство и имперіумъ нашъ отъ всякихъ безпокойствъ и раззореній освободить и прежнее благополучіе и порядокъ въ ономъ возстановить за благо и потребно разсудили, оное усмотрите вы изъ приложеннаго при семъ, для всенароднаго извѣстія въ государствѣ нашемъ публикованнаго манифеста и отъ всѣхъ онаго чиновъ съ радостію подписаннаго о всеподданнической намъ вѣрности клятвеннаго обѣщанія. Мы умедлить не хотѣли о семъ, Божескимъ справедливымъ и непостижимымъ руководженіемъ и благословеніемъ, воспослѣдованномъ важномъ произшествіи чрезъ сіе вамъ знать дать со всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ, чтобъ вы предварительно тамошнему двору чрезъ министерство о томъ сообщили, обнадеживая о *непремѣнномъ нашемъ намѣреніи сохранять добрую дружбу* сходственно съ врученною здѣсь всѣмъ чужестраннымъ министрамъ запискою, съ которой копія при семъ прилагается. А извѣстительная грамота наша прислана будетъ къ вамъ въ скоромъ времени“.

Намѣреніе сохранять добрую дружбу вовсе не было пустымъ словомъ. Въ этомъ прежде всѣхъ убѣдился прусскій посланникъ баронъ Гольцъ, менѣе всѣхъ имѣвшій поводъ довѣрять этой дружбѣ.

Фельдмаршалъ Салтыковъ, получивъ извѣстіе о низложеніи Петра III, рѣшилъ, подобно гр. Мерси, что ненавистному пруссофильству долженъ быть положенъ конецъ, и поспѣшилъ, „не вѣдая о намѣреніи (которое и королю прусскому ужь объявлено) заключенный съ нимъ недавно мирный трактатъ безъ нарушенія содержать, въ Королевствѣ Прусскомъ правленіе и прежніе посты занять, а пріѣхавшихъ туда прусскихъ управителей отрѣшить“. Произошло недоразумѣніе: начались протесты, полетѣли жалобы въ Петербургъ. Салтыкову предписано

---

[1]) *Сборникъ,* XLVIII, 2; *Русск. Архивъ,* 1886. III, 113.

было „исправить свою поспѣшность“, а барону Гольцу, по повелѣнію императрицы, вручена была 11-го іюля министерская записка[1]) слѣдующаго содержанія:

„Ея Императорское Величество твердо и непремѣнно намѣрена быть изволитъ какъ со всѣми чужестранными державами, такъ и съ его величествомъ королемъ Прусскимъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи, что все и объявлено уже со стороны Ея Императорскаго Величества чрезъ генерала графа Чернышева, которому указъ данъ съ подчиненнымъ командѣ его корпусомъ возвратиться къ границамъ Россійской имперіи.

„Но какъ нынѣ здѣсь отъ фельдмаршала графа Салтыкова получена нечаянная вѣдомость, что онъ поступилъ въ Прусскихъ земляхъ по незнанію прямыхъ обстоятельствъ на нѣкоторыя отмѣны и распоряженія, кои видъ подать могутъ, будто бы отмѣнились миролюбивыя Ея Императорскаго Величества мнѣнія: того ради, по указу Ея Императорскаго Величества министерство имѣетъ честь объявить королевскому Прусскому министру, что Ея Императорское Величество Всероссійское миръ содержать изволитъ и будетъ, есть-ли только не будетъ со стороны его Прусскаго величества подано причины къ нарушенію онаго, а особенно насильственнымъ удержаніемъ корпуса графа Чернышева или нѣкоторой онаго части; и что въ надеждѣ свободнаго сему корпусу отпуску къ россійскимъ границамъ фельдмаршалу Салтыкову указы посланы будутъ возставить все на прежнее основаніе“.

Дѣйствительно, въ тотъ же день, 11-го іюля, графу Салтыкову послано было повелѣніе „все Королевство Прусское отъ занятія освободить“. Это повелѣніе, за подписью императрицы, было отправлено съ нарочнымъ курьеромъ. Но тотъ же курьеръ повезъ тому же графу Салтыкову слѣдующее собственноручное письмо[2]) Екатерины:

„Господинъ генералъ фельдмаршалъ.

„Вы увидите изъ присланной при семъ депеши что я

---

[1]) *Русск. Архивъ*, 1886, III, 114; *Сборникъ*, XLVIII, 16.
[2]) *Русск. Архивъ*, 1886, III, 9.

„для свѣта декларировала. Однакожъ будьте увѣрены, „что и я и всѣ вѣрные сыны отечества весьма довольны „вашимъ поступкомъ, что вы велѣли занимать королев-„ство Прусское. Авось Богъ дастъ передѣлывать по „своему несносный сей миръ. Не спѣшите, да будьте „осторожны: естьли король Прусской графа Чернышева „не отпуститъ, чтобы намъ плассъ-дармъ вѣрно въ ру-„кахъ досталось. Истинно, всѣ вамъ говорятъ спасибо.

„*Екатерина*".

„11 іюля 1762."

Что же это такое? Эта небольшая записочка, наскоро набросанная, безъ вѣдома коллегіи иностранныхъ дѣлъ, тайкомъ отъ канцлера, рисуетъ Екатерину съ новой стороны, которая могла обнаружиться только по воцареніи — со стороны государственнаго значенія самодержавной власти. Петръ III подчинялъ интересы имперіи своимъ симпатіямъ, прихотямъ, капризамъ, и низложенъ; Екатерина II потому и на престолѣ, что превыше своихъ взглядовъ, чувствованій, мнѣній ставитъ государственные интересы Россіи. Екатерина противъ Фридриха II, она за войну съ Пруссіею, ей несносенъ миръ съ прусскимъ королемъ; но Россія нуждается въ спокойствіи, Россіи нуженъ миръ[1]), и Екатерина „для свѣта декларировала" свое намѣреніе сохранять со всѣми, даже съ королемъ прусскимъ, доброе согласіе, и твердо его выполнитъ, пока это намѣреніе будетъ отвѣчать государственнымъ пользамъ Россіи.

Эту новую черту въ Екатеринѣ не поняли иностранные дипломаты и менѣе всего императорскій посолъ. Графъ Мерси былъ вполнѣ увѣренъ, что, несмотря на всѣ затрудненія, ему удастся убѣдить императрицу, что спасеніе Россіи — въ присоединеніи къ австро-французскому союзу, въ возстановленіи „старой системы", въ войнѣ съ Пруссіею, такъ неудачно смѣненной Петромъ III на миръ.

---

[1]) Безповоротно нуженъ. Іосифъ II писалъ Маріи Терезіи изъ Смоленска, отъ 14 іюня 1780 года; „L'Impératrice me dit qu'elle n'avait pu faire autrement au moment qu'elle est montée sur le trône que de faire la paix, tout ayant été dans un délabrement incroyable" (*Arneth*, III, 258).

Посолъ, кажется, и не подозрѣвалъ, что ломился въ открытую дверь, но загражденную для Екатерины государственными соображеніями, чуждыми гр. Мерси, чисто русскими. Онъ надѣялся, что добьется своего, какъ говорилъ резиденту Беранже, полагаясь, главнымъ образомъ, на свое личное вліяніе и значеніе въ глазахъ императрицы Екатерины: онъ не тодько единственный при русскомъ дворѣ посолъ, котораго императрица отличаетъ передъ всѣми, онъ, сверхъ того, лицо, оказавшее Екатеринѣ, какъ женщинѣ, громадную услугу въ трудное для нея время. Это услуга будуарнаго, быть можетъ, даже альковнаго характера, но, по взгляду гр. Мерси, имѣющая тѣмъ бо̀льшую цѣну.

Внѣ предѣловъ Россійской Имперіи, никто, конечно, не былъ такъ обрадованъ вѣстью о воцареніи Екатерины какъ красивый полякъ графъ Станиславъ Понятовскій въ Варшавѣ. У него закружилась голова отъ политической перспективы, созданной его пылкимъ воображеніемъ. Давно уже пребывавшій не въ курсѣ петербургскихъ дѣлъ, незнавшій ни интимныхъ перемѣнъ, происшедшихъ при русскомъ дворѣ, ни ближайшихъ поводовъ къ произведенному перевороту, графъ Станиславъ вспомнилъ недавнее прошлое, воскресилъ горячія клятвы, нѣкогда ему данныя, и не сегодня-завтра могъ написать Екатеринѣ письмо крайне неосторожное, какъ и всѣ его письма. Эта переписка была бы совсѣмъ не кстати: она могла поставить Екатерину въ неловкое положеніе, даже создать ей затрудненія. „Я не могу вамъ лгать—писала Екатерина гр. Понятовскому—эта переписка крайне опасна для меня. Ваше послѣднее письмо, на которое я отвѣчаю, едва не было перехвачено. За мной слѣдятъ въ оба глаза. Я не должна быть заподозриваема, я обязана смотрѣть всѣмъ прямо въ глаза. Я не могу писать вамъ; не волнуйтесь. Было бы нескромностью сообщать интимныя тайны; наконецъ, я не могу... Пишите мнѣ какъ можно рѣже, или, лучше, вовсе не пишите безъ крайней нужды, особенно же безъ иносказаній“ [1]). Екатерина писала это

---

[1]) *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 424.

болѣе мѣсяца спустя по воцареніи, въ началѣ августа—насколько же она должна была быть осторожнѣе во дни переворота! Но какъ предотвратить полученіе писемъ отъ графа Станислава, какъ увѣдомить его о невозможности переписки, чрезъ кого послать ему письмо? Екатерина остановилась на гр. Мерси: онъ всегда казался ей честнымъ, вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, на скромность котораго можно положиться.

Въ понедѣльникъ, 1-го іюля, когда еще не утихло даже уличное броженіе, когда не улеглось еще шатаніе въ мысляхъ, графъ Мерси получилъ небольшой пакетъ [1], на которомъ рукою императрицы было написано: *pour monsieur l'Ambassadeur comte de Mercy*. Въ пакетѣ—запечатанный конвертъ съ надписью тою же рукою: *pour monsieur le stolnik de Litthuanie comte de Poniatowski*, и собственноручная же записка Екатерины слѣдующаго содержанія:

„Вы безконечно обяжете меня, господинъ посолъ, „переславъ въ Варшаву, при соблюденіи самой строгой „тайны, включенное письмо, чрезъ одного изъ вашихъ „курьеровъ. Не говорите здѣсь о томъ никому ни слова".

Екатерина не вполнѣ ошиблась въ гр. Мерси: онъ былъ настолько порядоченъ, что переслалъ письмо по назначенію, сохранилъ тайну, но былъ настолько неостороженъ, что пожелалъ эксплуатировать въ пользу представляемыхъ имъ австрійскихъ интересовъ эту довѣрчивость къ нему Екатерины. Гр. Мерси отвѣчалъ императрицѣ слѣдующимъ письмомъ:

„Воля Вашего Императорскаго Величества будетъ въ точности исполнена и Вы никогда не отдавали никому приказаній, кто благоговѣйнѣе меня спѣшилъ бы исполнить ихъ. Уповая на величіе души Вашего Величества, я не колеблюсь совершить поступокъ, который считаю столь же важнымъ для славы Вашей, какъ и для службы моихъ государей. Онъ состоитъ въ представленіи на благоусмотрѣніе Вашего Величества приложенной при семъ ноты. Участь австро-французскаго союза и спокойствіе Европы въ рукахъ Вашего Величества. Мнѣ же

[1] *Сборникъ*, XLVI, 16.

нечего болѣе говорить объ этомъ, такъ какъ рѣшеніе предоставляется сердцу Вашего Императорскаго Величества, которое всегда равно будетъ руководимо справедливостью, правосудіемъ и возвышенными чувствами. Въ этой увѣренности, я благословляю судьбу, допустившую меня быть свидѣтелемъ славы Государыни, составляющей съ давнихъ поръ предметъ моего удивленія, всѣхъ моихъ благопожеланій и глубокаго уваженія, съ которымъ остаюсь" и. т. д.

Сердце сердцемъ, а разумъ разумомъ. Никогда еще Екатерина не дозволяла своимъ сердечнымъ привязанностямъ вліять на рѣшеніе вопросовъ, зависящихъ отъ разсудочныхъ соображеній, и пройдетъ еще много, много лѣтъ, прежде чѣмъ она, одряхлѣвъ и пресытившись жизнью, подчинитъ указанія ума велѣніямъ сердца. Гр. Мерси ошибся: императрица не перемѣнила своего намѣренія жить въ добромъ согласіи съ Пруссіею.

Въ первые дни послѣ переворота не все еще, однако, было потеряно для сторонниковъ австро-французскаго союза, для враговъ Пруссіи. Уже вызванъ гр. Бестужевъ-Рюминъ; онъ надняхъ пріѣдетъ. Онъ, правда, сторонникъ Англіи; но онъ заклятый врагъ Пруссіи, а это главное, особенно для гр. Мерси[1]). Бестужевъ первый указалъ великой княгинѣ путь къ трону, онъ пострадалъ за Екатерину, онъ четырехлѣтнимъ заточеніемъ снискалъ себѣ уваженіе императрицы—онъ, не Воронцовъ и не Панинъ, будетъ управлять иностранными дѣлами.

Въ пятницу, „12-го іюня, въ вечеру, Его Сіятельство Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ во всякомъ здравіи сюда прибылъ. Ея императорское Величество, изъ особливой высочайшей милости, изволила послать ему на встрѣчу за 30 верстъ отсюда, его превосходительство дѣйствительнаго камергера и кавалера, Григорія Григорьевича Орлова, съ обнадеживаніемъ монаршаго своего къ нему благоволенія, и чтобы въ придворномъ экипажѣ

---

[1]) Депеша *Беранже,* отъ 13 іюля: Tout annonce que le retour de M-r Bestucheff sera encore très favorable à la cour de Vienne (*Париж. Архивъ,* Russie, vol. 69, № 6). *Сборникъ,* XVIII, 439.

привести его прямо въ лѣтней императорской дворецъ, гдѣ Ея Величество сего достойнаго и заслуженаго Министра съ отмѣнною милостію принять, и тогоже часа орденъ святаго Апостола Андрея на него по врежнему наложить соизволила. Его Сіятельство отъ двора отвезенъ былъ въ нарочно по всемилостивѣйшему Ея Величества повелѣнію приготовленной для него изрядной домъ, гдѣ опредѣленъ Его Сіятельству отъ двора столъ, погребъ и экипажъ"[1]).

Бестужеву 69 лѣтъ. За послѣдніе четыре года онъ замѣтно перемѣнился: нѣсколько похудѣлъ, посѣдѣлъ еще болѣе, сильно постарѣлъ, опустился; только прямой, глубокій взглядъ да величавая походка свидѣтельствовали, что это тотъ же свѣтлый умъ, та же проницательная голова, но и та же непреклонная воля, тотъ же твердый характеръ. Для Екатерины это былъ живой вѣщунъ идей Петра Великаго, которыя такъ соблазняли ее; онъ однимъ своимъ присутствіемъ, напоминалъ о „Нашемъ вселюбезнѣйшемъ Дѣдѣ", и за то ему почетъ, милость, вниманіе. Но и для Екатерины это прежній Бестужевъ, все тотъ же „упрямый старикъ", который ни для кого не покривитъ душею, никому не уступитъ, ни въ чемъ не сдастся, гдѣ, по его мнѣнію, замѣшаны серьезные интересы Россіи. Это сильный политическій дѣятель, это чисто русскій государственный мужъ, и Екатерина обратится къ нему съ вопросомъ, выслушаетъ его совѣтъ, поблагодаритъ старика за наставленіе, но не подчинитъ его руководству внѣшнюю политику. Бестужевъ, въ деревнѣ, отсталъ отъ событій: онъ мѣряетъ Россію и ея силы аршиномъ 1757 года, онъ не признаетъ австро-французскаго союза, но порицаетъ мирную тенденцію императрицы, требуетъ войны съ Пруссіею. Бестужевъ какъ канцлеръ, неудобенъ[2]).

---

[1]) Депеша *Прасе*, отъ 16 іюля: Der Graf Bestuschew ist vor einigen Tagen hierselbst angekommen und von Ihre Kaiserliche Majestät sehr gnädig empfangen worden (*Дрезд. Архивъ*, vol. VII, № 62). *Сборникъ*, XLVI, 21; *С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1762 годъ, отъ 19 іюля, № 58.

[2]) Депеши *Беранже*, отъ 12 и 23 іюля 1762 года, въ *Парижъ*.

Но если не Воронцовъ и не Бестужевъ, то кто же?

Первое время и коллегія иностранныхъ дѣлъ недоумѣвала надъ этимъ вопросомъ. Просьбу канцлера Воронцова императрица оставляетъ безъ отвѣта; слухи о гр. Бестужевѣ-Рюминѣ не оправдались[1]) — онъ бодръ, дѣятеленъ не по лѣтамъ—но не замѣтно, чтобы императрица совѣтовалась съ нимъ по вопросамъ международной политики[2]). Н. И. Панинъ сталъ теперь близкимъ человѣкомъ, но уклоняется отъ вмѣшательства въ подобные вопросы и по прежнему занятъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ; вице-канцлеръ кн. Голицынъ остается только вице-канцлеромъ. Недоумѣніе скоро разъяснилось.

Выходя изъ того соображенія, что съ „злодѣемъ" имперіи будетъ поступлено какъ съ злодѣемъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ была удивлена повелѣніемъ императрицы о поддержаніи заключеннаго Петромъ III мира съ Пруссіею. Желая получить указанія для веденія дѣлъ, коллегія, особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, испрашивала указаній по цѣлому ряду вопросовъ, до 20-ти[3]). Докладъ составленъ безъ всякой системы: вопросы, очевидно, отмѣчались по мѣрѣ ихъ возникновенія, и мелочные, ничего не значущіе, переплетались съ существенно важными.

„Испанскій министръ сдѣлалъ въ разсужденіи визита принцу Георгію равную съ Барономъ Бретелемъ трудность. Не угодно будетъ повелѣть — спрашивала коллегія — какъ маркизу Альмодавару, такъ и французскому повѣренному знать дать, что нынѣ сіе требованіе оставляется?"

Архивъ, Russie, vol. 69, № 6, vol. 70, № 12; депеша гр. *Сольмса*, отъ 1 августа 1763 года, въ *Берлин. Архивъ*, XI, 175, № 56; депеша гр. *Букингэма*, отъ 25 ноября 1762 года, въ *Сборникѣ*, XII, 51. Приложеніе, II, 2, 6, 8; III, 2.

[1]) On dit que M-r Bestucheff, ce vieillard septuagénaire, affaibli par l'usage du vin et des liqueurs spiritueuses et engourdi par l'inaction où il vit depuis longtemps sera très peu propre aux affaires. Депеша *Беранже*, отъ 13 іюля, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 6.

[2]) Депеша *Бретэля*, отъ 28 октября 1762 года: La Czarine est fachée qu'on la croye gouvernée par Bestucheff (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 71, № 22).

[3]) *Сборникъ*, XLVIII, 8.

Екатерина написала: *Оставить въ молчаніи.*

„По заключеніи съ королемъ прусскимъ трактата вѣчнаго мира, постановленъ и подписанъ еще другой, союза и обороны трактатъ, на который срокъ ратификаціи положенъ отъ 8 сего іюня въ шесть недѣль. Угодно-ли будетъ оной съ пристойными отмѣнами ратификовать, или же вовсе оставить?“

Ратификаціи не размѣнивать.

„Графу Остерману въ началѣ еще прежняго правленія указъ данъ былъ, короля и королеву шведскую, также и партію ихъ подкрѣплять вездѣ и при всякомъ случаѣ: а какъ такое безпредѣльное повелѣніе можетъ касаться и до испровержения установленной въ Швеціи формы правленія, о сохраненіи которой прежде толико старанія полагаемо было, то не соизволено-ли будетъ оное отмѣнить?“

Ограничивая форму правленія, подкрѣплять партію противную господствующей.

„Въ Митавѣ министру Симолину велѣно на всѣ герцогскіе доходы положить арестъ, всѣмъ принца Карла учрежденіямъ супротивляться и курляндцевъ противъ него раздражать, а склонять въ пользу принца Георга, которому уступалъ Биронъ всѣ свои правости формальнымъ отрицаніемъ. По сему указу учинены уже въ Курляндіи Симолинымъ первые поступки и дѣла приведены въ немалое смущеніе. Испрашивается резолюція какъ поступать далѣе?“

Симолину отступить отъ прежнихъ инструкцій и подъ рукою фаворизировать болѣе партію Бирона нежели другихъ.

„Какъ въ 1760 году чрезъ посредство здѣшняго двора и именно чрезъ нынѣшняго вице-канцлера кн. Голицына въ Лондонѣ мирная негоціація между воюющими державами начата и до того доведена была, что уже всѣ дворы согласились о собраніи въ Аугсбургѣ генеральнаго конгресса, то не соизволитъ-ли Ея Величество представить всѣмъ воюющимъ державамъ о собраніи вновь конгресса и о здѣшней медіаціи къ скорѣйшему онаго составленію?“

Пристойнымъ образомъ объявить всѣмъ дворамъ мое желаніе о возстановленіи генеральной тишины.

„Прежде было всегда такое обыкновеніе, что для неутружденія многимъ и излишнимъ читаніемъ, подносимы были государямъ экстракты только изъ министерскихъ реляцій, заключающіе въ себѣ нужнѣйшее къ свѣдѣнію".

Точныя реляціи ко мнѣ принести.

Если въ коллегіи и послѣ этого могло еще остаться какое либо сомнѣніе, кто будетъ руководителемъ внѣшней политики Россіи, то коллегія скоро убѣдилась, что сдѣланныя императрицею резолюціи на докладѣ были плодомъ зрѣлаго обсужденія вопросовъ и не остались безъ послѣдствій, не были забыты императрицею. Вслѣдъ за резолюціями, въ коллегію посыпались высочайшія повелѣнія, составленныя все въ томъ же направленіи и всѣ писанныя рукою Екатерины.

Прочла Екатерина подлинную реляцію о наложенной пруссаками контрибуціи на Гамбургъ и тотчасъ же пишетъ въ коллегію:

„Посланнику Корфу и Мусину-Пушкину[1]) стараться „укротить разореніе города Гамбурга и имъ, также какъ „и всѣмъ прочимъ министрамъ моимъ, отвѣтствовать по „силѣ мной взятой системы миръ любящей и къ тому всѣ „Европьи дворы склонить надлежитъ"[2]).

„Многое и излишнее читаніе" реляцій не утрудняло Екатерину. Напротивъ, изъ подлинныхъ реляцій она увидѣла то, что скрывалось экстрактами — реляціи представляли родъ канцелярскихъ отписокъ и по нимъ вовсе нельзя было составить опредѣленное понятіе о положеніи иностранныхъ дворовъ. Этими реляціями могла довольствоваться коллегія, но не Екатерина:

„Писать ко всѣмъ министрамъ, что я желаю знать „состояніе всякаго двора, какія негоціаціи нынѣ производятся, также какъ и внутреннія распоряженія"[3]).

Не осталась забытою и чреватая послѣдствіями резолюція о герцогствѣ Курляндскомъ. Еще Симолинъ не успѣлъ освоиться съ новою ролью, возложенною на него

---

[1]) Алексѣй Семеновичъ, 1732—1817, резидентъ въ Гамбургѣ; съ 1765 г. министръ въ Лондонѣ.

[2]) *Сборникъ*, XLVIII, 17.

[3]) *Сборникъ*, XLVIII, 18.

этою резолюціею императрицы, какъ коллегія получила слѣдующую собственноручную записку Екатерины:

„Дать знать господину Симолину, дабы онъ отъ часу „сильнѣе подкрѣплялъ партію герцога Бирона по причинѣ „справедливости его правъ, а далѣе инструкціи въ скорѣй-„шемъ времени и прежде моего отъѣзда къ Москвѣ къ „нему присланы будутъ“[1]).

Теперь ясно, отъ кого будетъ зависѣть внѣшняя политика Россіи, кто будетъ руководить коллегіею иностранныхъ дѣлъ. Этотъ руководитель, съ перваго же дня задумавшій ограничить форму правленія въ Швеціи, посадить на герцогскій стулъ Курляндіи своего ставленника, зорко слѣдить за иностранными дворами и склонять всю Европу къ миру, этотъ руководитель не согласится, конечно, съ гр. Мерси[2]), чтобъ домъ Романовыхъ могъ довольствоваться второстепеннымъ значеніемъ въ Европѣ.

---

1) *Сборникъ*, XLVIII, 32.

2) Enfin il faut que la maison de Bourbon et celle d'Autriche s'unissent par des liens éternels; elles sont faites pour donner le ton à l'Europe; toutes les autres ne doiveut être considérées que comme des rapports. Депеша *Беранже*, отъ 16-го іюля, въ *Парижс. Архивѣ*, Russie, vol. 70, № 8. Въ конфиденціальномъ письмѣ къ гр. Кейзерлингу Екатерина нѣсколько иначе обрисовала ту роль, которую она желала бы играть въ Европѣ: Mon but est d'être lié d'amitié avec toutes les puissances et même jusqu'à la défensive afin de pouvoir toujours me ranger du côté du plus oppressé et être par là l'Arbitre de l'Europe (*Госуд. Архивъ*, V, 104).

VII.

Петръ Өедоровичъ отъ рожденія былъ слабаго, болѣзненнаго сложенія; дряблый тѣломъ и духомъ, онъ жилъ впечатлѣніями минуты, то безгранично самоувѣренный, то безконечно растерянный. Впечатлѣнія, пережитыя имъ 28-го іюня, были ему не по плечу; слабый организмъ не выдержалъ бурныхъ толчковъ и Петръ нѣсколько разъ впадалъ въ обморокъ. Ударъ 29-го іюня сломилъ его окончательно. Всѣ 35 лѣтъ, прожитые имъ на свѣтѣ, онъ сознавалъ себя то герцогомъ, то великимъ княземъ, то императоромъ; ему не легко было освоиться съ новою ролью не только частнаго человѣка, но арестанта, окруженнаго стражей. Онъ то ловитъ руку Панина, своего подданнаго, чтобъ поцѣловать, то возмущается, что его прихоти исполняются не такъ быстро, какъ онъ привыкъ.

Нужно быть, однако, справедливымъ даже и къ „бывшему императору". Событія послѣднихъ двухъ дней могли надломить и не такую слабую натуру. Нужна сильная, почти не человѣческая энергія, нужна могучая сила характера, чтобъ выдержать рядъ сильныхъ потрясеній, поражавшихъ съ необыкновенною послѣдовательностью, жестокостью и быстротою. Менѣе чѣмъ въ 24 часа Петръ изъ самодержавнаго императора обратился въ безправнаго узника. Въ пятницу вечеромъ его слово было закономъ для всей имперіи; въ субботу утромъ грубый солдатъ повелѣвалъ въ Ропшѣ каждымъ его движеніемъ.

И дворцы, какъ домашнія животныя, могутъ быть не ко двору. Съ ними связываются иногда такія воспоминанія, которыя кладутъ на нихъ печать отверженія. Такова

Ропша, которую императоръ Павелъ I называлъ „Кровавымъ Полемъ“ [1]).

Ропшинскій дворецъ былъ выстроенъ Петромъ Великимъ и подаренъ имъ своему любимцу князю Ѳ. Ю. Ромодановскому, этому „чорту“, этому кровожадному „его величеству“. Что, кромѣ ужаса, могъ поселить этотъ „чортъ“ тайной канцеляріи въ прелестныхъ окрестностяхъ и въ самомъ дворцѣ? Послѣдній князь Ромодановскій далъ Ропшу въ приданое за своей дочерью, знаменитою Екатериною Ивановною, которая вышла замужъ за гр. М. Г. Головкина — Елизавета Петровна сослала Головкина въ Сибирь, а Ропшу отписала въ казну. Каменный дворецъ былъ увеличенъ, обстроенъ службами. Вокругъ дворца былъ обширный садъ, въ саду большой прудъ, въ которомъ Елизавета Петровна любила ловить рыбу. Скоро, однако, ропша надоѣла, и императрица подарила ее великому князю Петру Ѳедоровичу. Великій князь полюбилъ ропшинскій дворецъ, но охотнѣе жилъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ была своя „игрушечная крѣпость“, между тѣмъ какъ въ Ропшѣ былъ только небольшой валъ. Петръ, будучи императоромъ, ни разу не былъ въ Ропшѣ и только ставъ „бывшимъ императоромъ“ провелъ въ своемъ ропшинскомъ дворцѣ одну недѣлю.

Въ 8 часовъ вечера, 29 іюня, „арестантская карета“ прибыла въ Ропшу. Петръ былъ помѣщенъ въ спальнѣ ропшинскаго дворца, довольно обширной комнатѣ, въ которой стояла кровать подъ альковомъ. Онъ былъ оставленъ одинъ; у дверей стоялъ часовой. Все зданіе дворца было оцѣплено гвардейскимъ карауломъ. Петръ провелъ ночь дурно, и поутру жаловался дежурному офицеру и выразилъ желаніе имѣть свою любимую кровать, оставшуюся въ Ораніенбаумѣ. Въ тотъ же день, 30-го іюня, ораніенбаумская кровать была перевезена въ Ропшу [2]).

---

1) L'empereur Paul voulut l'appeler le champ de sang. *Львова*, 221.

2) Im Jahre 1791 war in Oranienbaum im Palais noch alles so, wie zu der Zeit des Kaisers. Von den Meubles fehlte nichts, als das Bett dieses Prinzen, das man nach seiner Gefangennehmung nach Ropscha hatte bringen lassen. *Helbig*, Biographie, II, 144.

Въ первые дни, малѣйшее желаніе Петра исполнялось и онъ ни въ чемъ не нуждался. „Онъ имѣлъ все, что хотѣлъ, кромѣ свободы"[1]), пишетъ Екатерина, и пишетъ правду. Въ воскресенье, 30-го іюня, въ первый день своего ареста, Петръ пожелалъ, чтобъ ему дали его скрипку, собаку, чтобъ ему прислали его врача, его прежнюю прислугу. Какъ только императрицѣ дали знать объ этомъ, она, 30-го же іюня, написала[2]) В. И. Суворову:

„Господинъ генералъ Суворовъ. По полученіи сего „извольте прислать, отыскавъ въ Ораніенбаумѣ или между „плѣнными, лѣкаря Лидерса, да арапа Нарцыса, да оберъ-„камердинера Тимлера; да велите имъ брать съ собою „скрипицу бывшаго государя, его мопсинку собаку; да на „тамошнія конюшни кареты и лошадей отправьте ихъ „сюда скорѣе. Также извольте изъ голштинскихъ офице-„ровъ подполковника Кіиль, который на моей кормилицѣ „женатъ, отпустить въ его домъ въ Ораніенбаумъ безъ „караула и безъ присмотра за нимъ для того, что онъ не „мало не подозрительной.

„*Екатерина*".

Караулъ, составленный изъ гвардейскихъ гренадеръ, безсмѣнно находился въ ропшинскомъ дворцѣ для надзора за арестантомъ; но дежурный офицеръ смѣнялся каждый

---

[1]) Il avait tout ce qu'il voulait, excepté la liberté (*Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 10; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 420).

[2]) Въ депешѣ *Беранже*, отъ 16-го іюля: Ce prince a demandé, depuis, son chien mopse, son nègre Narcisse, son violon, des romans et une bible allemande, Il se propose de vivre en philosophe; je crois qu'il ne luy manquera que la liberté (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 9). Er verlangte eine Bibel... Ein Umstand, der ihm hätte die Augen ganz öffnen und ihn belehren sollen, welches Schicksal ihm bevorstehe, war, dass man die empörende Grausamkeit hatte über sein Gesuch zu spotten und es ihm abzuschlagen. *Helbig*, Biographie, II, 161. Просьба о библіи, нѣмецкой или русской, крайне подозрительна: она, вопервыхъ, совершенно неумѣстна въ устахъ Петра и, вовторыхъ, была бы всеконечно, исполнена — посылали арапа, скрипку, собаку, тѣмъ болѣе послали бы библію, еслибъ онъ просилъ. Приведенное въ текстѣ письмо Екатерины къ Суворову ясно показываетъ, что Петръ библіи не просилъ, а то, что онъ просилъ, было ему доставлено. Такимъ образомъ „возмутительная жестокость" характеризуетъ не Екатерину, а Гельбига. *Сборникъ*, VII, 107.

день. Офицеры эти, безусловно гвардейскіе, пріѣзжали изъ Петербурга и, болѣе чѣмъ вѣроятно, считали подобное дежурство крайне для себя непріятнымъ: въ Петербургѣ кипитъ жизнь, въ Петербургѣ на виду у императрицы, а въ Ропшѣ, кромѣ скуки, еще и тяжкая забота, чтобъ охранить Петра отъ ярости гвардейскихъ солдатъ, ненавидящихъ бывшаго императора. Окна въ комнатѣ завѣшаны зелеными гардинами, чтобъ ничего не было видно; выпускать Петра изъ комнаты, не только въ садъ, даже на террасу или въ другую комнату, запрещено. Отдѣленный отъ всего міра, „узникъ", больной и раздражительный, безпрестанно вызывалъ замѣчанія дежурнаго офицера, дѣлалъ дежурство пыткой. Можно повѣрить, что офицеры относились къ „императорскому арестанту" грубо, если не жестоко: по нравамъ того времени это, вообще, было весьма вѣроятно, особенно же при данномъ положеніи дежурнаго офицера.Ислюченіе въ этомъ отношеніи составлялъ, по отзывамъ современниковъ, только Алексѣй Орловъ. Въ понедѣльникъ, 1 го іюля, играя въ карты съ бывшимъ императоромъ, Орловъ, узнавъ, что у Петра нѣтъ денегъ, предложилъ ему нѣсколько червонцевъ, причемъ обѣщалъ, что ему будетъ доставлена такая сумма, какую онъ пожелаетъ имѣть. Такъ какъ главный надзоръ за Петромъ въ Ропшѣ былъ порученъ Алексѣю Орлову, то, конечно, только Орловъ и могъ разрѣшить ту или другую льготу въ содержаніи узника; вотъ почему, вѣроятно, Петръ и обратился именно къ Орлову съ просьбою дать ему нѣсколько денегъ. Но и Орловъ не могъ преступить точныхъ приказаній, полученныхъ имъ относительно содержанія бывшаго императора. Этимъ, вѣроятно, объясняется слѣдующій разсказъ о прогулкѣ: Петръ просилъ позволенія прогуляться въ саду, желая подышать свѣжимъ воздухомъ; Орловъ, только что увѣрявшій Петра, что малѣйшее его желаніе будетъ исполнено, изъявилъ согласіе и на прогулку, но, отворивъ двери, онъ мигнулъ часовымъ, тѣ скрестили ружья и преградили узнику выходъ изъ комнаты[1]).

---

[1]) *Schumacher*, 55. Ни въ дипломатическихъ депешахъ того

Чѣмъ же разрѣшатся эти узы? Какая судьба ожидаетъ бывшаго императора?

Этотъ вопросъ поднимался уже два раза; два уже раза обсуждался онъ, если не Екатериною, то въ ея присутствіи, по крайней мѣрѣ, съ ея вѣдома — до переворота, когда еще не опредѣлилась ни конечная его цѣль, ни общій ходъ, и во время самого переворота, въ сутолокѣ военнаго мятежа, среди опьяняющаго успѣха.

До переворота вопросъ обсуждался спокойнѣе. Къ будущей судьбѣ Петра относились тогда почти безразлично — никого не интересовалъ вопросъ что съ нимъ будетъ; всѣ думы и заботы сосредоточивались только на томъ, чтобъ онъ не былъ императоромъ. Въ немедленномъ разрѣшеніи вопроса не настояло и надобности: въ случаѣ нужды, можно было руководствоваться бывшимъ примѣромъ, дѣйствовать по шаблону — Иванъ Антоновичъ былъ, вѣдь, заключенъ въ Шлюссельбургѣ; отчего же съ Петромъ Ѳедоровичемъ не можетъ быть поступлено такъ же? Заточеніе въ крѣпости дѣйствительно во всякомъ случаѣ: ребенокъ-ли возмужаетъ въ темницѣ или взрослый состарѣется въ ней, это безразлично. Тогда же промелькнула и другая мысль, тоже не новая, возникавшая уже 20 лѣтъ назадъ, при обсужденіи вопроса о судьбѣ младенца Ивана III: Петръ III, родомъ изъ Голштиніи, прибывшій въ Россію по желанію Елизаветы Петровны, можетъ, по желанію Екатерины Алексѣевны, быть отправленъ на родину, обратно въ Киль. Его, къ тому же, и

времени, ни въ запискахъ современниковъ, ни въ иностранныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ этому вопросу, не встрѣчается ни одной черты, которая касалась бы содержанія Петра въ Ропшѣ, подъ карауломъ, только секретарь датскаго посольства Шумахеръ разсказываетъ эпизоды, приведенные нами въ текстѣ. Эти эпизоды очень вѣроятны, возможны, и нѣтъ основанія отвергать ихъ потому только, что другіе не знаютъ ихъ. Шумахеръ жилъ въ Россіи около семи лѣтъ; у него было много знакомыхъ. Онъ могъ слышать эти подробности отъ солдатъ и сержантовъ, бывшихъ въ ропшинскомъ дворцѣ. Ему, какъ датчанину въ душѣ, можно вѣрить въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говоритъ съ чувствомъ сожалѣнія о Петрѣ, который ненавидѣлъ Данію и готовился къ войнѣ съ нею.

отправлять назачѣмъ — онъ самъ стремится за границу; собирается въ походъ противъ Даніи. Одно время предполагалось даже пріурочить переворотъ къ тому именно вромени, когда Петръ III удалится изъ Петербурга, будетъ находиться внѣ предѣловъ Россіи. Эта мысль, однако, вскорѣ была оставлена: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, нападать на императора, когда онъ находится во главѣ войскъ, во всеоружіи своей власти. Войска не любили Петра, но войска не выдадутъ своего полководца, не измѣнятъ своему главнокомандующему. Это предположеніе скрывало только мысль о будущей судьбѣ низвергнутаго съ престола императора — лишь бы его не было въ Россіи[1]).

Во время переворота, при спѣшномъ обсужденіи вопроса, сами событія указали, прежде всего, наиболѣе необходимое рѣшеніе, прямо противуположное прежнимъ предположеніямъ — нужно не выпустить Петра за-границу, необходимо лишить его возможности бѣжать за предѣлы Россіи, слѣдуетъ захватить Петра, какъ носителя титула, власти. Всѣмъ теперь стало ясно какъ день, что и на родинѣ, въ Голштиніи, какъ и въ Россіи, Петръ, пока онъ на свободѣ, является укоромъ, даже угрозой. Необходимо, прежде всего, овладѣть имъ, лишить его свободы, а потомъ — объ этомъ „потомъ" некогда было думать: надо было спѣшить въ Петергофъ — заточить его, по шаблону, въ Шлюссельбургъ[2]).

Послѣ переворота, когда уже Петръ арестованъ, лишенъ свободы, содержится подъ крѣпкимъ карауломъ,

---

1) Этого не поняли иностранные писатели, и серьезно увѣряли, что первоначально предполагалось произвесть переворотъ въ то время, когда императоръ находился бы во главѣ дѣйствующей арміи, другими словами: когда онъ былъ бы наиболѣе силенъ и могъ бы противодѣйствовать съ наибольшею надеждою на успѣхъ (*Ranfft*, 281). Ни одинъ изъ очевидцевъ не говоритъ ничего подобнаго. *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 2; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415; *Asseburg*, 317; *Schumacher*, 24.

2) Le dessein était de le prendre dans sa chambre et de l'enfermer, comme la princesse Anne et ses enfants. *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 2; *Арх. кн. Воронцова*, 415.

вопросъ о его будущей судьбѣ опять подвергся обсужденію. Теперь явились новыя соображенія, въ силу созданныхъ переворотомъ новыхъ обстоятельствъ. Шаблонъ, указанный Елизаветою Петровною, не выдерживаетъ строгой критики — Шлюссельбургская крѣпость, какъ крѣпость, не имѣетъ значенія; Шлюссельбургъ, какъ государственная тюрьма, представляетъ, конечно, извѣстныя удобства; но какъ складочное мѣсто самодержавцевъ, какъ депо бывшихъ императоровъ, Шлюссельбургъ никуда не годится и потому уже, что слишкомъ близокъ къ столицѣ. Самодержецъ на тронѣ, оскорбляющій религію, глумящійся надъ народностью, возбуждаетъ, конечно, общее негодованіе: но тотъ же бывшій самодержецъ въ тюрьмѣ, въ заточеніи, лишенный свободы, становится „несчастнымъ“, внушаетъ сожалѣніе, вызываетъ сочувствіе. Всѣхъ удовлетворить нельзя; недовольные всегда были и будутъ; будутъ недовольные и переворотомъ. Въ случаѣ какого либо броженія, какого либо движенія, эти недовольные воспользуются близостью Шлюссельбурга и могутъ создать новому правительству большія затрудненія. Мысль о заточеніи въ Шлюссельбургъ была оставлена: 28-го іюня туда ѣдетъ генералъ-маіоръ Савинъ для устройства помѣщенія, въ ночь на 29-е туда же летитъ указъ императрицы, подписанный въ Красномъ Кабачкѣ[1]); но со 2-го іюля о заточеніи „бывшаго императора“ въ Шлюссельбургъ нѣтъ болѣе и рѣчи.

---

[1]) *Архивъ Сената*, Секретн. протоколы 1762 г., № 56, л. 125. Когда, въ 3 ч. ночи на 29-е іюня, Ѳ. И. Ушаковъ привезъ изъ Краснаго Кабачка и вручилъ сенату „конвертъ съ указомъ Ея імператорскаго величества къ генералъ маіору Савину“, то сенатъ, въ виду того, что Савинъ давно уже отправился въ Шлюссельбургъ, приказалъ: „дослать ему съ нарочнымъ сей конвертъ“ (*Тамъ же*, № 58, л. 127). Содержаніе указа г. м. Савину до сихъ поръ неизвѣстно; весьма вѣроятно, что этимъ указомъ дополнялось сдѣланное днемъ распоряженіе о приготовленіи помѣщенія въ Шлюссельбургѣ; указомъ отъ 29 іюня, изъ Петергофа, Савину предписывалось вывезти Ивана Антоновича изъ Шлюссельбурга въ Кексгольмъ, а въ Шлюссельбургѣ „очистить лучшіе покои“; для этихъ покоевъ, указомъ 2-го іюля, подпоручикъ Плещеевъ повезъ нѣкоторыя вещи

Самый желанный исходъ заключался бы, конечно, въ естественной смерти бывшаго императора. Петръ всегда былъ хворый, слабый; пережитыя имъ въ последніе дни потрясенія должны были повліять на его здоровье. Уже 30-го іюня, съ утра, стало извѣстно, что наканунѣ вечеромъ и всю ночь бывшій императоръ жаловался на головныя боли, происходившія отъ чисто физической причины[1]): днемъ онъ просилъ прислать къ нему придворнаго врача Лидерса. Такъ какъ Лидерсъ былъ голштинской службы, а всѣ голштинцы арестованы, то его нужно было еще отыскать; когда же отыскали — нужно было уговорить ѣхать въ Ропшу[2]): голштинецъ опасался, что попадетъ въ вѣчное заточеніе вмѣстѣ съ своимъ бывшимъ герцогомъ. Выслушавъ разсказъ о болѣзненныхъ припадкахъ Петра, Лидерсъ нашелъ болѣзнь ничтожною; онъ прописалъ лекарство, но ѣхать въ Ропшу не согласился. Лучшее упованіе, надежда на естественную смерть, исчезло послѣ заявленія Лидерса, признавшаго, что состояніе больного вовсе не опасно. Можетъ быть, Лидерсъ умышленно скрываетъ серьезность положенія, чтобы избѣжать поѣздки въ Ропшу; но, вѣдь, возможно также, что онъ говоритъ правду: еслибъ Петръ былъ серьезно опасенъ, Лидерсъ скорѣе бы согласился ѣхать въ Ропшу, убѣжденный, что скорая смерть узника освободитъ и его отъ заточенія. Лидерсъ не ѣдетъ въ Ропшу, значитъ Петръ далекъ еще отъ смерти.

Что же дѣлать съ Петромъ? При обсужденіи вопроса, Екатерина спокойно выслушиваетъ доводы о необходимости принять мѣры, чтобъ бывшій императоръ не могъ вредить ея правленію, смущая слабыя головы; она хорошо сознаетъ всѣ опасности, которыя могутъ быть

(*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 4-я; Приложеніе, I, 2, 3). Но послѣ 2-го іюля въ архивахъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о заточеніи Петра III въ Шлюссельбургѣ.

[1]) Wie der Kayser nach Ropscha kam, war er schon schwach und elend; die ihm sonst täglich einige Male gewöhnliche Oeffnung des Leibes hörte gleich auf, und er war fast immer mit Kopfschmerzen geplagt. *Schumacher*, 55.

[2]) *Сборникъ*, VII, 107; *Schumacher*, 55; *Helbig*, Biographie, II, 165.

созданы ей, если не Петромъ, то его сторонниками. Ихъ не много, но они есть; ихъ можетъ быть въ будущемъ больше. Петра необходимо окончательно обезвредить, но какъ? При обсужденіи средствъ не церемонились присутствіемъ императрицы. Екатерина не Елизавета Петровна: она сразу поняла негодность заточенія въ Шлюссельбургѣ или въ иномъ мѣстѣ; она не упадетъ въ обморокъ ни отъ какого предложенія — примѣры Іоанна Грознаго и Петра В. ее не смущаютъ. Тѣмъ не менѣе, никто изъ присутствующихъ, ни даже лица ей наиболѣе близкія, читавшія въ ея глазахъ сокровенное желаніе рѣшительно, разъ на всегда покончить съ этимъ несноснымъ вопросомъ, не осмѣливались даже заикнуться о неестественной смерти — они, зная Екатерину, могли читать ея мысль, но не вслухъ передъ императрицей.

Когда лица, окружавшія Екатерину, окончательно убѣдились, что устраненіе Петра признается ею вполнѣ необходимымъ, они рѣшились измыслить къ тому средства безъ ея вѣдома и привести ихъ въ исполненіе безъ ея согласія. Въ этомъ были заинтересованы, прежде всего, всѣ личные сторонники Екатерины, тѣ „избранники народа", которые „подвигли" императрицу стать во главѣ движенія. Они были заинтересованы въ этомъ гораздо болѣе, чѣмъ сама Екатерина: переворотъ произведенъ всѣми сословіями, всѣмъ народомъ, не ею; никто даже не можетъ и помыслить о вторичномъ возведеніи на тронъ ненавистнаго Петра[1]) — не на Екатеринѣ могутъ вымещать свою злобу недовольные, если они есть, если они будутъ, а на „избранникахъ народа". Петръ не помѣшалъ произвести переворотъ; но Петръ можетъ препятствовать, не Екатеринѣ, а многимъ „избранникамъ", воспользоваться пло-

---

[1]) Es gieng zwar die Rede und kamen öffentliche Nachrichten, dass er sich des Throns und der Stadt Petersburg wiederum bemächtiget habe, indem der Feldmarschall Graf von Münnich bey einigen Regimentern durch eine sehr pathetische Vorstellung es dahin gebracht, dass sie einen Aufstand erreget und den Kaiser wieder in Freyheit gesetzet hätten, da es eben an dem war, dass er nach Archangel abgeführet werden sollte. Allein dieses Gerücht war falsch. *Will*, 38.

дами своихъ трудовъ. Болѣе же всего въ этомъ заинтересованы братья Орловы. Всѣ братья, особенно же Григорій, заняли видное положеніе, которое даетъ имъ право мечтать о многомъ; осуществленію этихъ мечтаній можетъ воспрепятствовать, какъ имъ казалось, только Петръ, живой, хотя и арестованный, въ заточеніи. Пока Петръ живъ, Екатерина не свободна: теперь уже всѣ замѣтили[1]), что въ манифестѣ 28-го іюня Петръ ни разу не названъ супругомъ, мужемъ Екатерины; но подобныя узы, наложенныя церковью, не расторгаются ни манифестомъ, ни заточеніемъ — Петръ живой однимъ тѣмъ, что онъ живъ, мѣшаетъ Орловымъ достигнуть конечныхъ результатовъ ихъ усилій, ихъ жертвъ. Во что бы ни стало, Орловымъ надо оградить не только еще возможное, лелѣемое въ мечтаніяхъ, но и добытое уже счастье, и съ этимъ надо торопиться. Ихъ фаворъ, особенно же Григорія, рѣжетъ уже всѣмъ глаза. При дворѣ начались уже козни противъ нихъ, идетъ интрига, стремящаяся свергнуть Григорія Орлова[2]); съ Григорьемъ же падутъ и его братья. Надо торопиться.

Въ среду, 3-го іюля, на четвертый только день послѣ появленія болѣзненныхъ припадковъ Петра, вечеромъ, въ Ропшу прибылъ изъ Петербурга врачъ Лидерсъ. Въ четвергъ, 4-го іюля, бывшему императору, вѣроятно, стало хуже: по крайней мѣрѣ, въ четвергъ же прибылъ въ Ропшу второй врачъ — штабъ-лекарь Паульсенъ[3]). Док-

---

[1]) *Ranfft*, 318.

[2]) Депеша *Беранже*, отъ 16-го іюля: Je n'ai point le temps de m'étendre sur les intrigues et les cabales qui se manifestent déjà à la nouvelle cour. On y conspire contre Orloff et l'on prépare en secret sa chûte (*Париж. Архивъ*, vol. 70, № 9).

[3]) Es ist merkwürdig, dass Hof-Chirurgus Paulsen nicht mit Artzeneien, sondern mit Werkzeugen und Sachen, die zur Eröffnung und Balsamirung eines todten Körpers gehören, nach Ropscha abgefertigt worden, und folglich hat man schon in Petersburg mit Gewissheit gewusst, was hier vorfallen sollte. *Schumacher*, 56. Христіанъ Паульсенъ былъ штабъ-лекарь лейбъ-гвардіи коннаго полка; 26-го іюля, при наградахъ, полученныхъ полкомъ за 28-е іюня, онъ произведенъ въ надворные совѣтники (*С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1762 г., № 75, прибавленіе). Кажется, Шумахеръ ошибается: Паульсенъ

тора не констатировали ухудшенія[1]) и, выражаясь современнымъ языкомъ, самочувствіе больного не оставляло желать ничего лучшаго.

Пятница прошла спокойно. Въ субботу, 6-го іюля, поутру, когда узникъ еще спалъ, камердинеръ, прислуживавшій Петру, вышелъ въ садъ, „чтобъ подышать чистымъ воздухомъ". Офицеръ, находившійся въ саду, приказалъ схватить его: камердинеръ былъ посаженъ въ приготовленный экипажъ и удаленъ изъ Ропши[2]). Вечеромъ,

---

могъ явиться въ Ропшу съ подобными снарядами только поздно вечеромъ 6-го іюля. Въ такомъ случаѣ это только подтверждалось бы слѣдующимъ мѣстомъ письма Екатерины къ Понятовскому: Je craignais que les officiers ne l'eussent empoisonné. Je le fis ouvrir, mais il est bien avéré qu'on n'en trouva pas la moindre trace. *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 11; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 420.

[1]) Петръ былъ боленъ пять сутокъ. La peur lui avait donné un cours de ventre qui dura *trois jours* et qui passa le quatrième. . . La colique hémorroïdale lui prit avec des transports au cerveau; il fut *deux jours* dans cet état, писала Екатерина (*Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 10; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 420). Петръ захворалъ 30-го іюня; три дня, т. е. 30-го іюня, 1-го и 2-го іюля, былъ болѣнъ; 3-го ему стало лучше; вслѣдъ затѣмъ явилась новая болѣзнь, въ которой онъ находился двое сутокъ, т. е. съ вечера 4-го по полдень 6-го іюля. Офиціально было объявлено, что Петръ умеръ 6-го іюля; по другимъ извѣстіямъ 6-го (*Штелинъ*, 293) и даже 3-го іюля (*Schumacher*, 56). Въ частномъ письмѣ канцлера Воронцова, отъ 7-го іюля, говорится: „бывшій и *вчерась* умершій императоръ" (*Арх. кн. Воронцова*, V, 102). Если есть поводъ относиться съ недовѣріемъ къ офиціальному заявленію по поводу кончины Петра, то несомнѣнно, что у Воронцова не было повода обманывать своего племянника. Иностранные писатели не приводятъ серьезныхъ основаній къ подобному обману, и даже Гельбигъ признаетъ 6-е іюля днемъ смерти, не говоря уже о другихъ (*Helbig*, Biographie, II, 165; *Denkwürdigkeiten*, 90).

[2]) Um eben diese Zeit verlor der Kayser seinen letzten Bedienten, den Kammer-Lakaien Maslow, und zwar auf folgende Weise: dieser Mann ging, als der Kayser etwas schlummerte, hinaus in den Garten, um etwas frische Luft zu schöpfen; er hatte aber nicht lange daselbst gesessen, als ein Officier mit einigen Soldaten hineinkam, die ihn in einen verdeckten russischen Wagen setzten, in welchem er nach Petersburg gebracht und daselbst in Freiheit gesetzt wurde. *Schumacher*, 56. Объ этомъ Масловѣ Шумахеръ упоминаетъ и ранѣе (46), но всегда ошибочно: у Петра III не было камеръ-лакея Маслова, по крайней мѣрѣ, въ *Придворномъ Архивѣ* хранится только дѣло объ опредѣ-

часовъ въ 6-ть, нарочный, прискакавшій изъ Ропши, подалъ Екатеринѣ пакетъ отъ Алексѣя Орлова[1]). На листѣ

леніи поручика Маслова къ смотрѣнію вотчинъ уже отъ 3-го іюня 1761 года (опись 511, дѣло № 515), и ни о какомъ камеръ-лакеѣ Масловѣ нѣтъ слѣдовъ или, покрайней мѣрѣ, намъ не удалось отыскать ихъ. Самый же разсказъ весьма вѣроятенъ: въ той или другой формѣ, но удаленіе лишнихъ свидѣтелей вполнѣ естественно.

[1]) Письмо это впервые напечатано въ Москвѣ, въ 1881 году, г. Бартеневымъ, въ *Арх. кн. Воронцова,* XXI, 430. Такъ какъ это письмо имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о степени участія Екатерины II въ ропшинской драмѣ, то для опредѣленія достовѣрности письма необходимо имѣть въ виду слѣдующую замѣтку гр. Ѳ. В. Ростопчина, снявшаго „11-го ноября 1796 года“, пять дней послѣ смерти Екатерины II, копію съ этого письма: „Кабинетъ ея былъ запечатанъ графомъ Самойловымъ и генералъ-адъютантомъ Ростопчинымъ. Черезъ три дня по смерти императрицы поручено было великому князю Александру Павловичу и графу Безбородкѣ разсмотрѣть всѣ бумаги. Въ первый самый день найдено это письмо графа Алексѣя Орлова и принесено къ императору Павлу; по прочтеніи имъ возвращено Безбородкѣ; и я имѣлъ его съ 1/4 часа въ рукахъ. Почеркъ извѣстный мнѣ графа Орлова. Бумага — листъ сѣрой и нечистой, а слогъ означаетъ положеніе души сего злодѣя и ясно доказываетъ, что убійцы опасались гнѣва Государыни, и симъ изобличаетъ клевету, падшую на жизнь и память сей великой Царицы. На другой день графъ Безбородко сказалъ мнѣ, что императоръ Павелъ потребовалъ отъ него вторично письмо графа Орлова. Прочитавъ въ присутствіи его, бросилъ въ каминъ и самъ истребилъ памятникъ невинности Великой Екатерины, о чемъ и самъ чрезмѣрно послѣ соболѣзновалъ“. Княгиня Дашкова, въ своихъ „Запискахъ“, говоритъ по поводу этого же письма: „Si l'on osait soupçonner l'impératrice d'avoir ordonné ou connivé au meurtre de son époux, je donnerai ici une preuve du contraire: la lettre d'Alexis Orloff que Sa Majesté a soigneusement conservée dans sa chatouille, que Paul après sa mort fit ouvrir. Il ordonna au prince Besborodko de lui faire la lecture des papiers qu'elle contenait et quand il en vint à la lecture de cette susdite lettre, il fit le signe de la croix en action de grâce en disant: „le peu de doutes que j'avais sur ce sujet sont, Dieu soit loué, détruits par cette sotte lettre“. Elle était de la propre main d'Alexis, qui écrivait comme un porte-faix; la bassesse de ses expressions, l'incohérence, suite de ce qu'il était ivre-mort, les supplications qu'il y fait pour obtenir son pardon, et l'espèce de surprise qu'il témoigne lui-même sur cete catastrophe, rendent cette pièce bien interessante pour ceux qui voudraient détruire les horribles calomnies que l'on a semées avec profusion contre cette princesse. Tout ivre de vin

сѣрой, нечистой бумаги, неумѣлымъ почеркомъ, пьяною рукою Алексѣя Орлова было написано:

„Матушка милосердая Государыня! Какъ мне изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу; но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! Готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка—его нѣтъ на свѣтѣ... Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на Государя. Но, Государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ князь Θедоромъ[1]); не успѣли мы разнять, а его уже

---

et de terreur, Alexis expedia cette belle épître quelques moments après la mort de Pierre III, à Sa Majesté. Paul I-r avait entendu la lecture de cette lettre devant l'Impératrice son épouse et M-lle Nelidoff; il ordonna de la montrer aux grands-ducs et au comte de Rostoptchine (*Арх. кн. Воронцова*, XXI, 94, 431).

[1]) Князь Θедоръ Сергѣевичъ Барятинскій. Такимъ образомъ, съ полною достовѣрностью извѣстны только два участника: Алексѣй Орловъ и Θедоръ Барятинскій. Ихъ было, конечно, болѣе: „всѣ до единаго виноваты" сказано въ письмѣ. Въ числѣ участниковъ называютъ: лейбъ-медика Карла Θедоровича *Крузе*, Григорія Николаевича *Теплова*, сержанта гвардіи Николая Николаевича *Энгельгардта*, капрала конной гвардіи Григорія Александровича *Потемкина*, Григорія Никитича *Орлова*, актера Θедора Григорьвича *Волкова*, бывшаго лейбъ-кампанца, артиллериста Александра *Швановича*, князя Ивана Сергѣевича *Барятинскаго* (*Schumacher*, 56, 57; *Rulhière*, 143, 145; *Laveaux*, I, 288, 289; *Castéra*, I, 413—415; *Helbig*, Biographie, II, 166). Сверхъ этихъ десяти лицъ, въ комнатѣ находились еще четыре лица, изъ нихъ три безъимянные: кабинетъ-курьеръ, пріѣхавшій съ А. Орловымъ, и два гвардейскіе сержанта, бывшіе на часахъ у дверей (*Helbig*, I. c., 166), четвертый—голштинскій камергеръ Александръ *Брессанъ*, пожалованный Петромъ III въ дѣйствительные бригадиры (*Castéra*, I, 414). Участіе ихъ было весьма различно. Между тѣмъ какъ Швановичу приписана датскимъ резидентомъ наиболѣе дѣятельная роль (Der Kayser ist von einem zur russischen Kirche übergetretenen Schweden, nämlich von dem ehemaligen Leibcompagnisten Swanowitz, einem sehr grossen und starken Manne, und von noch einigen andern, mit einem Flintenriemen grausamer Weise erdrosselt worden, *Schumacher*, 56), другіе о немъ даже не упоминаютъ; Г. Н. Орловъ и Г. Н. Тепловъ были, по Гельбигу, только зрителями (*Helbig*, 166); участіе Г. А. Потемкина рѣшительно отвергается (On a faussement prétendu que Potemkin était avec eux, *Castéra*, I, 416), а о Брессанѣ сказано, что онъ бросился

и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали; но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ“.

Вѣсть о смерти—великій актъ. Ни приготовиться, ни привыкнуть къ ней нельзя. Въ данномъ случаѣ, смерть Петра, разрѣшая всѣ недоумѣнія, развязывая многимъ руки, являлась единственно возможнымъ, наиболѣе желаннымъ исходомъ политической драмы, волновавшей русскаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, вѣсть о смерти Петра поразила однихъ, встревожила другихъ, озадачила всѣхъ, какъ неожиданное, внезапное явленіе. Наиболѣе сильное впечатлѣніе эта смерть произвела на Екатерину, и надо отдать ей справедливость, она прежде всѣхъ овладѣла собою, разобралась въ массѣ новыхъ положеній, созданныхъ смертью Петра, и справилась съ разнообразными ощущеніями, нахлынувшими вмѣстѣ съ вѣстью о ропшинской катастрофѣ.

„Que je suis affectée, même terrassée par cette mort“, сказала Екатерина кн. Дашковой [1]). Она была тронута этою смертью, какъ женщина; она была поражена ею, какъ императрица. Екатерина хорошо сознавала свое положеніе: смерть Петра, смерть скоропостижная, и въ такое время, возбудитъ толки, броситъ тѣнь на ея намѣренія, ляжетъ пятномъ на памяти до сихъ поръ чистыхъ, свѣтлыхъ десяти дней; но она не скрывала отъ себя, что только смертью разрѣшалось вполнѣ „начатое нами“ важное предпріятіе. Трагизмъ положенія Екатерины усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ропшинская катастрофа произошла при дѣятельномъ участіи Алексѣя Орлова: Орловымъ она многимъ обязана, какъ импера-

---

защищать своего „барина“ (*Castéra*, I. c. 414). Какъ Швановича знаетъ только Шумахеръ, такъ и Н. Н. Энгельгардта только Гельбихъ: Bis jetst ist die Theilnahme Engelhardts ziemlich unbekannt gewesen; gleichwohl ist diese Nachricht so zuverlässig, dass sie nicht bestritten werden kann (*Helbig*, Günstlinge, 216).

[1]) *Дашкова*, 93.

трица, и, какъ женщина, она связана съ Григоріемъ Орловымъ сердечными узами; она гнушается преступленія, но выдать преступника не можетъ. „Нужно быть твердымъ въ своихъ рѣшеніяхъ—говорила Екатерина—только слабоумные нерѣшительны“[1]). Она, именно она должна и покрыть преступленіе, и защитить преступника, принявъ на себя всю нравственную отвѣтственность и всю политическую тяжесть катастрофы. Екатерина впервые высказала при этомъ здравый политическій смыслъ самаго обширнаго діапазона и разъиграла принятую на себя роль съ талантливостью виртуоза.

Письмо Алексѣя Орлова, вполнѣ обѣлявшее Екатерину отъ всякихъ подозрѣній, было спрятано въ шкатулку и пролежало въ ней болѣе 34 лѣтъ, до самой смерти императрицы. Кромѣ двухъ, трехъ лицъ, наиболѣе близкихъ, кромѣ Никиты Панина, гетмана Разумовскаго и другихъ очень немногихъ, бывшихъ при императрицѣ въ моментъ полученія письма, его никто уже не прочтетъ; о немъ никто не узнаетъ, пока жива Екатерина. Рѣшивъ судьбу письма, Екатерина сама начертала программу своихъ дѣйствій, краткую и ясную: il faut marcher droit—je ne dois pas être suspecte[2]).

Программа была выполнена въ точности. Письмо Алексѣя Орлова не сообщало мелкихъ подробностей катастрофы, но общій смыслъ разсказа не оставлялъ сомнѣнія относительно главной его черты и, поэтому, Екатерина нашла необходимымъ удостовѣриться, прежде всего, не было-ли употреблено отравленіе: вскрытіе трупа, сдѣланное по приказанію императрицы, не нашло ни малѣйшихъ слѣдовъ отравленія[3]). Ни докторское свидѣ-

---

[1]) Въ депежѣ *Бретэля,* отъ 28 октября: Il faut être ferme dans ses résolutions; il vaut mieux mal faire, que de changer d'avis; il n'y a que les sots qui soient indécis (*Парижс. Архивъ,* Russie, vol. 71, № 22).

[2]) Въ письмѣ къ гр. Понятовскому, отъ 9-го августа 1762 г. (*Госуд. Архивъ,* III, 16; *Jacob,* 18; *Арх. кн. Воронцова,* XXV, 424).

[3]) Je craignais que les officiers ne l'eussent empoisonné. Je le fis ouvrir, mais il est bien averé qu'on n'en trouva pas la moindre trace (*Госуд.Архивъ,* III, 16; *Jacob,* 11; *Арх. кн. Воронцова,* XXV, 420). Allen Verdacht einer durch Gift oder Wunden gebrauchten Gewalt abzu-

тельство о причинахъ смерти, ни скорбный листъ не сохранились[1]); можно лишь догадываться, что этимъ свидѣтельствомъ руководствовались при составленіи слѣдующаго „скорбнаго“ манифеста[2]):

„Въ седьмой день послѣ принятія Нашего престола Всероссійскаго, получили Мы извѣстіе, что бывшій Императоръ Петръ третій, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ гемороидическимъ, впалъ въ прежестокую колику. Чего ради не презирая долгу Нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ, изъ того приключенія опасныхъ въ здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но къ крайнему Нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили Мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привести въ монастырь Невскій, для погребенія въ томже монастырѣ; а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщаваемъ Нашимъ Императорскимъ и Матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошедшаго, съ тѣломъ Его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы; сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе, принимали за Промыслъ Его божественный, который Онъ судьбами своими неисповѣдимыми Намъ, Престолу Нашему и всему Отечеству строитъ путемъ, Его только святой воли извѣстнымъ. Данъ въ Санктпетербургѣ мѣсяца іюля 7 дня 1762.

„Екатерина“.

---

wenden, hat man den Leichnam öffentlich secirt, einbalsamirt und auf ein Paradebett gestellt (*Will.* 50).

[1]) Въ 1774 г. впервые явилось въ печати извѣстіе, будто медики, вскрывавшіе трупъ, высказали мнѣніе, что „императоръ не могъ бы жить долѣе шести мѣсяцевъ“, причемъ прибавлялось: c'étoit en dire assez pour déclarer que sa mort n'étoit pas tout-à-fait naturelle (*Beauclair*, 118). Не подлежитъ сомнѣнію, что это вымыселъ, охотно, впрочемъ, повторявшійся и позже (*Laveaux*, I, 291).

[2]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 31; *Указы*, 25; *П. С. З.*, № 11, 599; *Осмнадц. Вѣкъ*, IV, 224.

Крестился русскій человѣкъ, читая этотъ манифестъ: судьбы божіи, дѣйствительно, неисповѣдимы! Бывшій императоръ испыталъ въ послѣдніе дни столько горя, столько невзгодъ—ничего нѣтъ мудреннаго, что натура слабая, болѣзненная, страдавшая уже „припадками геморроидическими“, не вынесла этяхъ потрясеній; въ смерти никто не воленъ—заболѣлъ и умеръ. Простымъ русскимъ людямъ смертъ эта представлялась естественною; даже и не простые, кое что слышавшіе, если не знавшіе, не допускали и мысли о какомъ либо участіи Екатерины въ этой смерти. Императрица „не должна быть заподозриваема“, и она осталась незаподозрѣнною[1]).

Въ ночь съ воскресенья, 7-го іюля, на понедѣльникъ, 8-го[2]), тѣло было привезено въ Петербургъ, прямо въ нынѣшнюю александро-невскую лавру, въ тѣ самые покои, гдѣ было выставлено для поклоненія тѣло принцессы Анны Браунщвейгской и, позже, тѣло великой княжны Анны Петровны, дочери Екатерины.

Въ небольшомъ монастырскомъ зданіи приготовлены тѣ же двѣ, довольно низкія, комнаты; вся мебель вы-

---

[1]) Депежа *Кейта*, отъ 20 іюля: His death was occasioned by a violent fit of the cholic; other indeed said it was owing to some accident attending the piles (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 83). Депеша *Беранже*, отъ 23 іюля: Je ne suppose pas à cette princesse l'âme assez atroce pour croire qu'elle ait trempé dans la mort du czar (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 12). Даже значительно позже, въ 1774 году, когда въ печати впервые появляются указанія на ропшинскую катастрофу (on ajoute même que la mort fut cruelle et qu'on l'entendit jetter de grands cris et se plaindre des douleurs qu'il enduroit), не только нѣтъ еще и намека на заподозриваніе Екатерины, но категорически заявляется: Il est certain qu'il y auroit de l'injustice à attribuer cette mort à la vengeance de son épouse (*Ranfft*, 298; *Beauclair*, 117). Рюльеръ былъ первый, если не ошибаемся, современникъ, читавшій въ парижскихъ салонахъ свой разсказъ „о революціи 1762 г. въ Россіи“ и вставившій въ него такую двусмысленную фразу: On ne sait pas avec certitude quelle part l'impératrice eut à cet événement (*Rulhière*, 145). Послѣ изданія его книги въ 1797 году, заподозриванія Екатерины стали появляться въ печати, но въ формѣ довольно скрытой (*Laveaux*, I, 290; *Castéra*, I, 411; *Saldern*, 102).

[2]) Депеша *Кейта*, отъ 22-го іюля, въ *Лондон. Архивъ*, Russia, № 83.

несена, только на стѣнахъ оставлены „стѣнники", но безъ свѣчей. Стѣны обиты чернымъ сукномъ. Первая отъ входа комната совершенно пуста; у дверей, ведущихъ во вторую, гдѣ выставлено тѣло, стоятъ часовые. Гробъ поставленъ на катафалкѣ въ двѣ ступени; вокругъ гроба свѣчи. Гробъ обитъ краснымъ бархатомъ съ широкимъ серебрянымъ галуномъ; на него наброшенъ широкій парчевой покровъ, спускающійся до полу; вокругъ гроба ни орденовъ, ни знаковъ отличія. Народъ впускается длинной, безперерывной вереницей изъ первой комнаты во вторую. Дежурные при гробѣ офицеры приглашаютъ народъ, сперва, поклониться тѣлу усопшаго, потомъ—проходить, „не останавливаясь", мимо гроба, въ противуположную, выходную дверь. Нѣтъ времени ни остановить взоръ на покойникѣ, ни всмотрѣться въ подробности печальной обстановки. Бывшій императоръ одѣтъ въ мундиръ голштинскихъ драгунъ, свѣтло-голубой съ бѣлыми отворотами; руки сложены на крестъ, но въ большихъ съ крагами перчаткахъ формы Карла XII. Сквозной вѣтеръ отъ раскрытыхъ настежь дверей развѣваетъ жидкіе волосы покойника. Лицо его черно, чернѣе, чемъ у апоплектика[1]); на шеѣ широкій шарфъ, но офицеры не даютъ времени всмотрѣться, приглашая проходить, проходить...

Сюда, въ эти траурныя комнаты, на это печальное зрѣлище, придетъ въ среду, 10-го іюля, Екатерина, чтобъ присутствовать при погребеніи тѣла Петра Өедоровича. Она, вѣдь, присутствовала при погребеніи Анны Леопольдовны, тоже низвергнутой, но только правительницы—ей нельзя же не присутствовать при погребеніи, хотя и низ-

---

[1]) Депеша *Прассе*, отъ 27 іюля: Alle diejenigen, die den verstorbenen Kaiser auf seinem sogenannten Paradebett liegen sahen, haben sein Gesicht kohlschwarz gefunden, und das Gerücht ist allgemein, dass er eines gewaltsamen Todes gestorben sei (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, P. S. ad № 61). Депеша *Кейта*, отъ 22 іюля *Лондон. Архивъ*, Russia, № 83); депеша *Беранже*, отъ 23 іюля *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 12); *Schumacher*, 58; *Denkwürdigkeiten*, 91; *Will*, 50; *Nachrichten*, 14; *Rulhière*, 147; *Laveaux*, I, 292; *Castéra*, I, 419; *Saldern*, 110; *Helbig*. II, Biographie, 173.

вергнутаго, но императора. Приводимъ протоколъ сената[1]) отъ 8-го іюля:

„Сенаторъ и кавалеръ Никита Ивановичъ Панинъ собранію Правительствующаго Сената предлагалъ: Извѣстно ему, что Ея імператорское величество всемилостивѣйшая Государыня намѣреніе положить соизволила шествовать къ погребенію бывшаго императора Петра третьяго въ невской монастырь, но какъ великодушное Ея величества и непамятозлобивое сердце наполнено надмерною о семъ приключеніи горестію и крайнимъ соболѣзнованіемъ о столь скорой и нечаянной смерти бывшаго императора, такъ что съ самаго полученія сей нечаянной вѣдомости Ея величество въ непрерывномъ соболезнованіи и слезахъ о таковомъ приключеніи находитца: то хотя онъ господинъ сенаторъ, почитая за необходимой долгъ, обще съ господиномъ гетманомъ, сенаторомъ и кавалеромъ графомъ Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ и представляли, чтобъ Ея величество, сохраняя свое здравіе, по любви своей къ Россійскому Отечеству, для всѣхъ истинныхъ Ея вѣрноподданныхъ и для многихъ непріятныхъ слѣдствъ, изволилабъ намѣрение свое отложить; но Ея величество на то благоволенія своего оказать не соизволила, и потому онъ за должное призналъ о томъ Сенату объявить, дабы весь Сенатъ, по своему усердію къ Ея величеству, о томъ съ рабскимъ своимъ прошеніемъ предсталъ. Сенатъ уважа всѣ учиненные притомъ господиномъ сенаторомъ Панинымъ справедливые изъясненіи, тотъ часъ выступя изъ собранія пошолъ во внутренния Ея величества покои и, представъ монаршему ея лицу, раболѣпнейше просилъ, дабы Ея величество шествіе свое въ невской монастырь, къ тѣлу бывшаго Императора Петра третьяго, отложить соизволила, представляя многие и весьма важные резоны къ сохраненію для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества Ея імператорскаго величества дражайшаго здравія, и хотя Ея величество долго къ тому согласия своего и не оказывала, но на послѣдокъ, видя

---

[1]) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 715; *Спб. Вѣдомости* за 1762 г., отъ 9-го іюля, № 55; *Осмнадц. Вѣкъ*, IV, 213.

неотступное всего сената рабское и всеусерднѣйшѣе прошение, ко удовольствію всѣхъ Ея вѣрныхъ рабовъ, намѣреніе свое отложить благоволила. Сенатъ, принявъ сие за отмѣнной знакъ Ея матернего милосердія, по отданіи своей рабской благодарности, возвратясь въ собрание, *приказали:* о семъ записать въ журналѣ объявя чрезъ господина оберъ-прокурора князя Козловскаго всему святейшему синоду, что погребение отправляемо будетъ безъ высочайшаго Ея імператорскаго величества при томъ присудствия и съ сего для напечатанія въ газетахъ въ академию наукъ дать копию" [1]).

Въ среду, 10-го іюля, въ невскій монастырь прибыли многіе изъ особъ первыхъ пяти классовъ, особыми повѣстками приглашенные присутствовать на печальной церемоніи. Явились въ церковь, между прочимъ, и престарѣлый фельдмаршалъ гр. Минихъ, прямой, честный, и генералъ-полицеймейстеръ Н. А. Корфъ, любимецъ Петра, угодникъ Екатерины; явились и нѣкоторые изъ служившихъ въ голштинскомъ войскѣ. Всѣ лужайки монастыря, не говоря уже о кладбищѣ, были загружены народомъ,

---

[1]) Als der Senat der Kayserin obenstehenden Vortrag that, fand er sie nicht allein stark weinend, sondern sie bezeugte sogar eine wehmüthige Reue über den Schritt, den sie gethan hatte, und hielt davor, dass die gantze Welt es ihr verargen würde, wenn sie nicht wenigstens bey der Beerdigung ihres Gemahls zugegen sey. Der Senat aber wiederholte seine Vorstellungen, und fügte, um desto eher seinen Endzweck zu erhalten, hinzu: dass wenn die Kayserin derselben nicht Gehör geben, sondern sich nach dem Kloster verfügen würde, so sey Sie unterwegs ihres eigenen Lebens nicht sicher, und es sey zu besorgen, dass die ohnehin erbossten und aufgebrachten Soldaten leicht so wüthend werden könnten, dass sie sich an dem Körper des entseelten Kaysers vergreifen und selbigen in Stücke zerhacken würden, und demzufolge willigte sie endlich in dem Begehren des Senates, jedoch unter der ausdrücklichen Bedingung, dass selbiger alles vor Gott und der Welt verantworten sollte. (*Schumacher,* 62). Предполагая, что къ императрицѣ сенатъ ходилъ въ полномъ составѣ, т. е, всѣ 14 сенаторовъ, легко понять, что подробности, невошедшія въ протоколъ сената, могли быть многимъ извѣстны. Едва-ли, однако, они вѣрно переданы датскимъ резидентомъ; въ словесныхъ доводахъ сената, бросается въ глаза внутреннее противорѣчіе, набрасывающее тѣнь на все извѣстіе.

ожидавшимъ какого-то чрезвычайнаго, вообще небывалаго зрѣлища.

Въ назначенное время, восемь „ассесоровъ“ внесли гробъ въ Благовѣщенскую церковь. Послѣ заупокойной литургіи, тѣло „бывшаго императора Петра третьяго“ было предано землѣ въ самой церкви[1]), рядомъ съ бывшей правительницей Анной Леопольдовной.

Народъ долго не расходился. На него, очевидно, произвела впечатлѣніе эта внезапная смерть, о которой ходили уже „неосновательные“ толки, слышались даже „пустые враки“...

---

[1]) Мѣсто погребенія довольно точно указано датскимъ резидентомъ: Der Kayser liegt, ohne Aufschrift und ohne Leichenstein, zur Seiten der Leiche der ebenfalls unglücklichen Regentin Anna, in dem Boden des unteren Theiles der Klosterkirche, in deren oberen Theile das prächtige Grabmal des heil. Alexander Newsky zu sehen ist (*Schumacher*, 60). Извѣстіе, будто Петръ III былъ погребенъ между могилами Анны Леопольдовны и Анны Петровны (*Helbig*, Biographie, II, 174) невѣрно: дочь Екатерины погребена въ той же Благовѣщенской церкви, но въ алтарѣ (*Саитовъ*, по алфавиту).

VIII.

Свергнутъ императоръ, умеръ Петръ III и въ землю зарытъ[1]). Все это совершилось такъ быстро, въ нѣсколько дней, такъ легко, безъ всякихъ затрудненій, съ такимъ театральнымъ эффектомъ, что Фридрихъ II былъ, конечно, правъ, находя, что Петръ III „допустилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать“[2]). Но и Фридрихъ II, какъ всѣ иностранцы, не могъ понять этой „революціи“. Видя въ самодержавіи не что иное, какъ деспотизмъ, ничѣмъ не ограниченный, они недоумѣвали, какимъ образомъ подобный переворотъ возможенъ и именно съ Петромъ III, внукомъ Петра В., хотя и по женской линіи. Переворотъ, возведшій на престолъ Елизавету Петровну, ничего не объясняетъ — она дочь Петра В. и она же возвела Петра III на престолъ, съ котораго онъ низложенъ! Заграницей явились цѣлые трактаты[3]), обсуждавшіе ходъ этого низложенія и доказывавшіе, что переворотъ былъ совершенъ неправильно и по мотивамъ, и по формѣ. Иностранцы находили, что „самодержецъ“ имѣетъ право объявлять войну кому пожелаетъ, перекраивать по прихоти военную форму, даже измѣнять церковные обряды[4]); сверженію государя, во всякомъ случаѣ,

---

[1]) Депеша Прассе, отъ 23 іюля, въ *Дрезд. Архивѣ*, vol. VII, № 61.

[2]) *Segur*, I, 292.

[3]) Ob der Kaiser von Russland Peter III rechtmässig des Throues entsetzt sey? In einer kurzen Betrachtung untersuchet von J. 1762. S. 1. et a.

[4]) Dass princeps jura circa adinphora Ecclesiae habe, ist überall bekannt. *Ibid*, § 19.

должно предшествовать „изслѣдованіе“ его государственныхъ преступленій. Стали подыскивать причины болѣе, по ихъ взглядамъ, серьезные, чѣмъ недовольство духовенства, гвардіи, всего общества, если не всего народа. Такая причина легко была найдена въ томъ же непонятномъ для иностранцевъ неограниченномъ самодержавіи—ПетръIII свергнутъ въ предположеніи ограничить власть Екатерины II.

„Панинъ и княгиня Дашкова — пишетъ очевидецъ переворота, французъ — оба одинаково смотрѣли на образъ правленія въ Россіи, и если княгиня Дашкова питала, по складу своего ума, полное отвращеніе къ рабству, то Панинъ, бывшій четырнадцать лѣтъ русскимъ посланникомъ при шведскомъ дворѣ, набрался республиканскихъ идей. Оба они рѣшились вырвать свое отечество изъ когтей деспотизма, и императрица дѣлала видъ, что поощряетъ ихъ въ этомъ намѣреніи. Они составили условія, по которымъ русскіе вельможи, низлагая Петра III, передавали бы корону, по формальному избранію его супругѣ, съ ограниченіемъ ея власти. Эта надежда завлекла въ заговоръ большую часть дворянъ. Выполненіе этого предположенія пріобрѣтало съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣроятія, и Екатерина, видѣвшая въ этомъ предположеніи только средство для уловленія сторонниковъ, чувствовала, что можетъ зайти дальше, чѣмъ желала бы“ [1]).

Н. И. Панинъ — человѣкъ серьезный; 12-ть лѣтъ, проведенныя съ Стокгольмѣ, не пропали для него даромъ. Шведскій „періодъ свободы“, эпоха шляхетской демократіи, когда Швеція была „аристократическою республикою

---

[1]) *Rulhière*, 67. То обстоятельство, что кн. Дашкова не опровергла этого извѣстія объясняется лестнымъ для нея отзывомъ: la princesse devait à son génie une violente horreur de l'esclavage. Гораздо важнѣе умолчаніе самого Н. И. Панина; но его разсказъ, записанный Ассебургомъ, относится къ тому времени, когда подобныя упоминанія могли повести къ серьезнымъ для него послѣдствіямъ. Само собою, однако, разумѣется, что никакихъ „кондицій“ редижировано не было и никакіе „grands de l'Empire“ въ этомъ не участвовали. Самая мысль вѣроятна, но облечена въ форму невѣроятную.

съ жалкимъ подобіемъ короля", не могла не произвесть на Панина извѣстнаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ шляхетскаго происхожденія, не родовитаго: Панины были выдвинуты реформой Петра В., — отецъ Никиты достигъ при Петрѣ В. чина генералъ-маіора, при Аннѣ Ивановнѣ званія сенатора. По возвращеніи изъ Стокгольма, разница между Швеціей и Россіей бросалась Панину въ глаза: ему уже невыносимо холопство вельможъ, его коробитъ „наглость" Шуваловыхъ, оскорбляютъ капризы Петра III. Осторожный до скрытности, ни предъ кѣмъ не высказывавшій своихъ политическихъ убѣжденій, онъ выжидалъ случая, и когда, еще при жизни Елизаветы Петровны, въ великокняжескихъ покояхъ обсуждался вопросъ о престолонаслѣдіи, указывалъ великой княгинѣ на необходимость государственныхъ реформъ, причемъ, конечно, предъ нимъ рисовался, какъ образецъ, государственный строй Швеціи. Спокойное воцареніе Петра III подтверждало, съ извѣстной точки зрѣнія, по взгляду недовольныхъ, его указанія. „Отъ начала недостаточныя установленія — говорилъ Панинъ Екатеринѣ — чрезъ долгое время, частыя и въ томъ еще злоупотребленія, наконецъ привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ произшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и не надобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ-ли себѣ привесть на память, въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ императоръ Петръ III? И не можетъ-ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ временамъ, въ которыя не только установленнаго правительства, но и письменныхъ законовъ еще не бывало"[1]). Для Екатерины, презираемой мужемъ, оскорбляемой Петромъ III, такія рѣчи имѣли особенное значеніе; она охотно ихъ выслушивала.

Во время этихъ бесѣдъ наканунѣ переворота, Панинъ указалъ, вѣроятно, и отличія, рѣзкія, бросающіяся въ глаза, между государственнымъ развитіемъ Швеціи и Россіи.

---

[1]) *Госуд. Архивъ,* X, 4, л. I; *Сборникъ* VII, 210.

Какъ и Россія, Швеція была страною по преимуществу земледѣльческою; какъ и въ Россіи, въ Швеціи не развилась городская жизнь, такъ какъ земли было много, рукъ мало, и торговля ограничивалась вывозомъ сырого матерьяла, а промышленность оставалась кустарною. Но этимъ все сходство двухъ сосѣднихъ странъ вполнѣ исчерпывалось. Самое географическое положеніе Швеціи благопріятствовало развитію свободной политической жизни. Со всѣхъ сторонъ защищенная горами и пустыми пространствами, Швеція не подвергалась непріятельскимъ вторженіямъ, и государственное устройство ея не зависѣло ни отъ войнъ, ни отъ посторонняго вліянія, иногда, какъ въ Россіи, насильственнаго. Этого, однако, мало: было различіе еще болѣе рѣзкое между Швеціей и Россіей, заключавшееся въ особомъ, только Швеціи свойственномъ устройствѣ сословій. Въ западно-европейскихъ государствахъ только три сословія играли политическую роль — дворянское, духовное и городское; только они имѣли своихъ представителей на сеймѣ и ограничивали королевскую власть: крестьянское же сословіе, вездѣ наиболѣе многочисленное, нигдѣ не составляло особой политической корпораціи, кромѣ Швеціи, гдѣ крестьянство съ древнѣйшихъ временъ пользовалось самостоятельными политическими правами. Только въ Швеціи крестьянство составляло особое сословіе, четвертое. Такъ какъ шведское государство возникло не завоеваніемъ, то его низшее, четвертое сословіе никогда не находилось въ состояніи рабства, никогда не должно было завоевывать, тѣмъ или инымъ путемъ добывать себѣ гражданскія права.

Понятно, что и устройство „верховныхъ правительствъ“, упоминаемыхъ Панинымъ, должно быть въ Россіи совсѣмъ иное чѣмъ въ Швеціи. Носителями верховной власти въ Швеціи признавались земскіе чины: король обязанъ утвердить рѣшеніе, принятое земскими чинами; король управляетъ государствомъ лишь съ согласія государственнаго совѣта, зависимаго отъ земскихъ чиновъ[1]). Въ Россіи

---

[1]) *Nordenflycht*, Die schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung. Berlin. 1881. Необходимо знать, что баронъ

государственное устройство развивалось и росло совершенно инымъ путемъ[1]).

При особѣ русскихъ государей существовали для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ особыя палаты — большая, малая, золотая, отвѣтная и передняя. Патріарху и митрополитамъ принадлежало первое, по государѣ, мѣсто; за ними слѣдовали родственники царя и прочіе бояре. Дѣла производились словесно; ни журналовъ, ни протоколовъ не составлялось. Постановленія палатъ, подъ наименованіемъ указовъ, отъ имени какъ царя, такъ и бояръ, писались и отправлялись къ исполненію дьяками, и за ихъ только подписью. Эти-то палаты и составляли верховное правительство. Имъ подчинены были разрядъ и нѣсколько приказовъ для военныхъ и другихъ дѣлъ. Всѣ эти присутственныя мѣста находились въ Москвѣ. Внутри государства, раздѣленнаго на обширныя области, и по окраинамъ дѣлами управляли воеводы и окольничіе, имѣвшіе власть судебную и полицейскую. Воеводы, при помощи дьяковъ и подьячихъ, вершили тяжебныя дѣла, собирали доходы, наказывали преступленія.

Таково, въ общихъ чертахъ, государственное управленіе допетровской Руси. Въ 1697 г., отправляясь въ первое заграничное путешествіе, Петръ учредилъ „временное верховное правительство" все еще изъ бояръ. Только по возвращеніи Петра I изъ заграницы, въ 1700 г., начались государственныя реформы и, прежде всего, упорядоченіемъ системы государственныхъ доходовъ: въ Москвѣ было учреждено особое присутственное мѣсто для пріема и расхода государственной казны, состоявшее изъ

Норденфлихтъ принадлежитъ къ партіи шведскихъ аристократовъ-консерваторовъ; онъ стоитъ за олигархію, за аристократію, и его идеалъ витаетъ между густавомъ Адольфомъ и Акселемъ Оксеншерномъ. Эта партійность автора отразилась на книгѣ, отличающейся, однако, большими достоинствами.

[1]) *Вицынъ*, Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра I до учрежденія министровъ. Казань. 1855; *Ивановъ*, Историческое обозрѣніе мѣстъ и учрежденій. Москва. 1850; *Записка* „Объ устройствѣ Верховныхъ Правительствъ въ Россіи", поданная императору Александру I въ 1816 году (рукопись).

президента и бургомистровъ, по выбору изъ купеческихъ людей[1]). Имъ подчинены были бургомистры всѣхъ другихъ городовъ и всѣ сборы были изъяты изъ вѣдѣнія воеводъ. За этою первою реформою, до 1711 года, не смотря на жестокую и крайне опасную войну, слѣдовали почти ежегодно новыя учрежденія правительственныхъ мѣстъ по военнымъ, морскимъ и др. государственнымъ отраслямъ, при чемъ государство раздѣлено было на 8 губерній, съ извѣстнымъ числомъ провинцій и уѣздовъ. Въ губерніяхъ назначены губернаторы и губернскія правленія, въ провинціяхъ — воеводы и провинціальныя канцеляріи, въ уѣздахъ — ландраты и комиссары: въ городахъ — коменданты и ратуши.

Въ это время прежнія палаты совершенно исчезли. Важныя дѣла Петръ поручалъ особымъ лицамъ, пользовавшимся его довѣріемъ; эти лица носили званіе министровъ и составляли такъ называемую „Ближнюю Канцелярію"[2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Ближней Канцеляріи предсѣдательствовалъ самъ Петръ, ея засѣданія назывались „консиліи".

Въ 1711 г., въ виду предстоявшаго по случаю турецкой войны отсутствія государя, былъ учрежденъ, вмѣсто прежняго верховнаго правительства изъ бояръ, „Управительный Сенатъ" изъ восьми сенаторовъ. Отъ сенаторовъ была взята присяга на вѣрность государю и государству, но сенату не было дано ни учрежденія, ни наказа, ни даже инструкціи. Ему поручались самыя разнообразныя дѣла, иногда даже довольно ничтожныя, въ родѣ присмотра за домами лицъ, сопровождавшихъ государя. Между тѣмъ, на существовавшую еще Ближнюю Канце-

---

[2]) Этотъ мотивъ вполнѣ разъясненъ въ указѣ отъ 30 сентября 1700 года: „А буде въ какомъ городѣ какихъ доходовъ не доберутъ и сполна не вышлютъ, и тѣ деньги имѣть на выборныхъ людяхъ, кто ихъ бурмистровъ выбиралъ, для того, что они тотъ недоборъ учинятъ за ихъ выборомъ". *П. С. З.* № 1813.

[2]) „Министрамъ, которымъ бываетъ съѣздъ въ Ближнюю Канцелярію съѣзжаться во вся недѣли въ 3 дни, въ понедѣльникъ, въ среду, въ пятокъ". Указы 26 января и 18 декабря 1708 г. *П. С. З.* № 2188 и 2218.

лярію возлагались важныя дѣла по разнымъ частямъ управленія. Не было даже опредѣленнаго времени для собраній сената и лишь въ 1716 году повелѣно ему собираться три раза въ недѣлю[1]). Только въ 1719 г. повелѣно и въ 1721 г. подтверждено, чтобъ всѣ мѣста и лица, получающія высочайшіе указы и повелѣнія, вносили ихъ прежде обнародованія въ сенатъ. Неудивительно, поэтому, что въ первое время сенатъ нерѣдко получалъ отъ Петра I знаки его неудовольствія: сохранились указы, въ которыхъ сенату предписывается воздержаться „отъ старыхъ глупостей", не говорить въ засѣданіяхъ „лищнихъ словъ" кромѣ дѣла, „не перебивать рѣчей" и т. под.

Одновременно съ сенатомъ, въ 1711 г., учреждены должности оберъ-фискала и фискаловъ. Они должны развѣдывать и доносить сенату о всѣхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ по казеннымъ дѣламъ и, не зря на лица, уличать предъ сенатомъ всякаго, кто неправду учинитъ. Въ 1714 г. учреждены фискалы въ губерніяхъ, по четыре въ каждой, особенно же „для безгласныхъ дѣлъ, въ коихъ нѣтъ истца". Позже они обратились въ прокуроровъ, оберъ-прокуроровъ и генералъ-прокуроровъ.

Всѣ эти мѣры не привели, однако, къ желаемымъ результатамъ. Новое вино разливалось въ старые мѣха: невѣжество и самовластіе, унаслѣдованныя отъ прежняго образа правленія, извращали всѣ дѣла въ новыхъ учрежденіяхъ. Въ виду этого была принята чрезвычайно важная мѣра: указомъ 4 апрѣля 1714 г. было повелѣно всѣ рѣшенія, какъ въ центральныхъ, такъ и въ губернскихъ учрежденіяхъ, производить протоколами, „не одному лицу, а всѣмъ, опредѣленнымъ къ тому дѣлу"[2]). Такъ былъ установленъ коллегіальный порядокъ веденія дѣлъ еще до учрежденія коллегій.

Безпристрастно всматриваясь въ положеніе дѣлъ того времени, должно признать, что эта мѣра спасла петров-

---

[1]) Указъ отъ 20 января 1716 г., причемъ причина неявки должна быть засвидѣтельствована; неявившійся же безъ уважительной причины подвергался штрафу въ 50 рублей. *П. С. З.*, № 2982.

[2]) *П. С. З.*, № 2791.

скую реформу. Если и въ настоящее время не часто встрѣчаются лица, соединяющія и способность, и знаніе, и честность, то въ началѣ XVIII вѣка, когда большинство относилось къ нововведеніямъ съ недовѣріемъ, не рѣдко съ враждебностью, только формами коллегіальнаго порядка въ рѣшеніи дѣлъ самыхъ маловажныхъ можно было соединить разномысліе, обезсилить злонамѣреніе, руководить незнаніе; только совокупное сужденіе всѣхъ лицъ исправляло пристрастіе и недостатки каждаго въ отдѣльности. Этимъ указомъ 4 апрѣля 1714 г. запрещалось „подъ смертною казнью" секретарямъ и дьякамъ всѣхъ мѣстъ, отъ сената до послѣдней канцеляріи, крѣпить и посылать указы къ исполненію прежде подписи протокола всѣми членами. Угроза смертной казнью лучше всего свидѣтельствуетъ, какую необузданную власть имѣли секретари и дьяки при невѣжествѣ своихъ принципаловъ.

Самъ Петръ всѣ упованія свои возлагалъ только на коллегіи. Сенатъ учрежденъ какъ бы временно, на случай отсутствія государя, ему не дано прочнаго учрежденія; объ учрежденіи коллегій Петръ заботился за долго до ихъ открытія, собиралъ свѣдѣнія, обсуждалъ подробности, выписывалъ иностранцевъ.

Еще въ апрѣлѣ 1715 г. Петръ требуетъ отъ своего посла при датскомъ дворѣ прислать ему печатные или писанные уставы всѣхъ коллегій, инструкціи для всѣхъ членовъ, также должности и чинъ земскихъ и прочихъ правителей и все, что къ тому надлежитъ, „ибо мы слышали, что и шведы отъ нихъ взяли". Въ собственноручной запискѣ по этому поводу сказано: „писать въ Копенгагенъ, чтобъ прислать весь Аншталтъ економіи Государства Датскаго, а именно уложеніе гражданское и воинское, сколько коллегіумъ, что каждой должность, сколько персонъ въ коллегіи каждой, какое жалованье кому, какіе ранги между себя, и прочее все отъ большаго до малаго". Въ ноябрѣ, Петръ пишетъ посланному въ Данію Ягужинскому, чтобъ вмѣстѣ съ посломъ постарался пригласить въ каждую коллегію по достойному члену, не старыхъ лѣтъ, чтобъ могли „россійскому языку научиться", прибавляя: „а безъ того по однимъ книгамъ нельзя будетъ

дѣлать, ибо всѣхъ аргументацій никогда не пишутъ". Въ декабрѣ, Петръ поручаетъ ему же достать экономическія учрежденія Швеціи, присовокупляя „и держите сіе тайно". Въ 1717 г., путешествуя заграницей, Петръ самъ присматривается къ коллегіямъ; въ 1718 г. пишетъ регламенты; 28-го апрѣля 1718 г. издаетъ указъ объ учрежденіи коллегій, въ іюнѣ назначаетъ личный составъ, и, указомъ 12 декабря 1718 г., назначаетъ годовой срокъ для подготовки: „въ Коллегіяхъ дѣла управлять въ будущемъ 1719 году старымъ, а въ 1720 году новымъ манеромъ, понеже новымъ манеромъ еще не управились" [1]).

Учрежденіемъ коллегій [2]) управленіе государственными дѣлами приведено было въ извѣстный порядокъ, котораго въ сенатѣ, гдѣ всѣ дѣла были смѣшаны, не могло быть. Теперь сенатъ получилъ иное назначеніе: особымъ указомъ, президентамъ коллегій повелѣно было засѣдать въ сенатѣ, вслѣдствіе чего сенатъ сталъ общимъ присутствіемъ коллегій, средоточіемъ всѣхъ дѣлъ, весьма важнымъ и полезнымъ для сохраненія необходимой связи и для согласованія различныхъ частей. Сенатъ, однако, не могъ правильно функціонировать: президентомъ его былъ самъ государь, неимѣвшій возможности постоянно присутствовать въ сенатѣ, вслѣдствіе чего явилось медленное отправленіе дѣлъ, повлекшее за собою дальнѣйшія измѣненія сената.

---

1) *П. С. З.*, № 3197, 3205, 3207, 3255.

2) Были учреждены слѣдующія коллегіи: 1) *Иностранныхъ дѣлъ*, вмѣсто посольскаго приказа; 2) *Воинская*, которой подчинены комиссаріатъ и конторы: казначейская, провіантская и артиллерійская; 3) *Адмиралтейская* и при ней четырнадцать конторъ; 4) *Камеръ*-коллегія, для казенныхъ сборовъ и вѣдѣнія всѣхъ доходовъ государства; штатсъ контора вѣдала всѣ государственные расходы; 5) *Ревизіонъ*-коллегія, для счета всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ; 6) *Юстицъ*-коллегія, для судныхъ, розыскныхъ и помѣстныхъ дѣлъ; ей были подчинены тогда же учрежденные надворные суды, для расправы между дворянами и разночинцами, и магистраты, для суда между купцами; 7) *Комерцъ*-коллегія, для содѣйствія торговлѣ и управленію всѣми торговыми операціями; наконецъ, 8) *Бергъ и мануфактуръ*-коллегія, для управленія заводами, фабриками и промыслами.

Первоначально, эта медленность была приписана, вмѣсто настоящей ея причины, тому, что президенты коллегій, занятые своимъ дѣломъ, не имѣютъ времени засѣдать въ сенатѣ, и, указомъ 12 января 1722 г., личный составъ сената былъ измѣненъ[1]): въ немъ должны были засѣдать, вмѣсто президентовъ коллегій, вновь назначенные вторые президенты, неуправлявшіе коллегіями, но носившіе только званіе президентовъ, и съ дѣлами вовсе незнакомые. Въ томъ же году, учреждена при сенатѣ должность генералъ-прокурора и опредѣлены обязанности сената въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

1) разрѣшать сомнѣнія коллегій на основаніи законовъ и регламентовъ; въ случаяхъ же непредвидѣнныхъ, полагать свои мнѣнія и представлять государю;

2) разсматривать жалобы на коллегіи и канцеляріи;

3) сноситься съ губернаторами и воеводами о дѣлахъ, не касающихся ни одной изъ коллегій;

4) избирать въ коллежскіе совѣтники и выше по баллотированію, а ниже — безъ онаго;

5) чины объявлять и законы обнародовать, и

6) исполнять по именнымъ указамъ.

По смыслу этихъ шести пунктовъ, сенатъ является верховнымъ мѣстомъ въ порядкѣ законодательномъ (изданіе новаго закона, отмѣна или разъясненіе прежняго), судебномъ (правосудіе по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ) и исполнительномъ (власть надъ коллегіями, конторами и канцеляріями). Въ этомъ смѣшеніи властей заключалась непрочность установленія сената и корень тѣхъ перемѣнъ, которымъ онъ почти безпрерывно былъ подверженъ.

Замѣна президентовъ коллегій въ сенатѣ новыми членами, носившими лишь званіе президентовъ, но коллегіями не управлявшими, только усилило антагонизмъ между сенатомъ и коллегіями: однимъ и тѣмъ же дѣломъ управляли теперь два мѣста, сенатъ и коллегія; оба они должны были рѣшать на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ и регламентовъ; вслѣдстве чего, коллегія, избѣгая отвѣт-

---

[1]) *П. С. З.*, — 3877.

ственности, часто спрашивала разрѣшенія сената, а сенатъ, по тому же побужденію, предписывалъ коллегіи „поступать по законамъ".

Наконецъ, должность генералъ-прокурора только въ слабой степени могла исправить обнаружившіеся безпорядки, такъ какъ одному лицу невозможно услѣдить за всѣмъ разнообразіемъ дѣлъ и охранить общественную пользу отъ ошибокъ невѣжества и ухищреній корыстолюбія. Самое званіе генералъ-прокурора, чрезъ руки котораго проходили всѣ дѣла въ сенатѣ, приближало его къ государю болѣе всѣхъ другихъ министровъ и давало ему столь сильный перевѣсъ, что мнѣніе его одного становилось общимъ мнѣніемъ сената. Форма коллегіальнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ сенатѣ служила только къ приданію большей важности волѣ и мнѣніямъ генералъ-прокурора, къ оправданію его предъ государемъ.

Кромѣ сената и коллегій, въ это же время продолжалъ собираться и кабинетъ, въ который Петръ I призывалъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ для совѣщаній по дѣламъ государственнымъ.

Съ кончиною Петра I недостатки управленія обнаружились еще яснѣе. Не постигая, однако, коренной причины слабости правленія, въ которомъ власти не поставлены въ свойственный имъ порядокъ и одна другую пересѣкаютъ, противорѣчатъ и тѣмъ ослабляютъ, приступили не къ упорядоченію самого сената, а къ учрежденію верховныхъ правительствъ надъ сенатомъ. Въ 1726 же году былъ учрежденъ „верховный тайный совѣтъ", причемъ сенату повелѣно именоваться „высокимъ", а уже не „правительствующимъ". Въ 1730 году, послѣ „самодержавнаго скандала", разыграннаго верховнымъ тайнымъ совѣтомъ при воцареніи Анны Ивановны, указомъ отъ 4-го марта, какъ верховный совѣтъ, такъ и высокій сенатъ были уничтожены и правительствующій сенатъ возстановленъ съ прежнимъ званіемъ и властію[1]), но не на долго. Власть была уже настолько обезсилена, что черезъ какой-нибудь годъ, въ 1831 г., верховный тайный совѣтъ вновь

---

1) *П. С. З.*, № 5510.

воскресъ подъ наименованіемъ „кабинета", вслѣдствіе чего правительствующій сенатъ опять потерялъ свое значеніе. Отъ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета „произошло многое упущеніе дѣлъ Государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло"[1]). Елизавета Петровна возстановила правительствующій сенатъ въ прежней силѣ, но при этомъ учредила „конференцію" между министрами для совѣщанія по важнымъ внѣшнимъ дѣламъ. Въ 1756 г. этой конференціи повелѣно отправлять всякаго рода внутреннія и военныя дѣла, посылая во всѣ мѣста, не исключая и сената, экстракты изъ своихъ протоколовъ[2]). Другими словами: конференція по внѣшнимъ дѣламъ обращена въ верховный тайный совѣтъ, въ кабинетъ. Такимъ образомъ, власть правительствующаго сената опять, уже въ третій разъ, была ограничена и стѣснена.

Въ такомъ видѣ правительственная власть перешла въ руки Петра III. Вотъ тѣ фактическія данныя, которыя Панинъ могъ представлять Екатеринѣ въ доказательство необходимости произвесть серьезную реформу въ государственномъ строѣ Россіи и которыя Екатерина, до воцаренія, охотно выслушивала.

Конечно, съ согласія Екатерины, но, вѣроятно, по настоянію Панина, въ „обстоятельномъ" манифестѣ о восшествіи Екатерины на престолъ, отъ 6-го іюля, было всенародно объявлено: „Наиторжественнѣйше обѣщаемъ Нашимъ императорскимъ словомъ, узаконить такія *государственныя установленія*, по которымъ бы правительство любезнаго Нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло". На Панина было возложено составить проектъ такихъ „государственныхъ установленій", и въ іюлѣ же[3]), мѣсяцъ спустя послѣ переворота, Панинъ представилъ обширный проектъ, касавшійся реформы верховнаго правительства.

---

[1]) Указъ отъ 12 декабря 1741 г, *П. С. З.*, № 8480.

[2]) Указъ отъ 5 октября 1756. *П. С. З.*, № 10621.

[3]) Хранящійся въ *Госуд. Архивѣ* проектъ Панина въ окончательной формѣ манифеста для обнародованія подписанъ Екатериною 28 декабря 1762 г. (X, 4, л. 10); но уже въ августѣ, въ манифестѣ

Проектъ Панина распадается на двѣ части, совершенно самостоятельныя: объ учрежденіи императорскаго совѣта и о раздѣленіи сената на департаменты. Въ обѣихъ частяхъ нѣтъ ничего новаго, ничего оригинальнаго.

Вторая часть показываетъ, что Панинъ вѣрно понялъ корень неустойчивости сената, точно опредѣлилъ мѣры для упорядоченія лучшаго изъ петровскихъ учрежденій; но эти же мѣры предполагались и 30 лѣтъ назадъ[1]), съ тою лишь разницею, что тогда находили необходимымъ раздѣлить сенатъ на пять департаментовъ, теперь — на шесть; тогда назначалось въ каждый департаментъ „четыре или пять" членовъ, теперь — „не меньше пяти". Единственное отличіе въ проектѣ Панина заключалось въ предоставленіи сенату „имѣть свободность намъ представлять и на наши собственныя повелѣнія, ежели они въ ис-

---

о возвращеніи прежнихъ достоинствъ графу А. Бестужеву-Рюмину, сказано было: „жалуемъ его первымъ *императорскимъ совѣтникомъ* и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при дворѣ нашемъ, *императорскаго совѣта*" (Сборникъ, VII, 143). Слѣдовательно, въ августѣ учрежденіе императорскаго совѣта было уже какъ бы предрѣшено. Можно догадываться, что это было предрѣшено еще въ іюлѣ: въ обстоятельномъ манифестѣ о восшествіи на престолъ, отъ 6-го іюля, упомянуто торжественное обѣщаніе новыхъ „государственныхъ установленій" и объ этомъ обѣщаніи говорится въ проектѣ Панина (*Госуд. Архивъ*, X, 4, л. 2).

[1]) Въ указѣ отъ 1-го іюня 1730 г. сказано: „Въ Правительствующемъ Сенатѣ по примѣру другихъ Государствъ всѣ дѣла раздѣлить между собою по разнымъ Департаментамъ, напримѣръ: 1) о духовныхъ дѣлахъ въ чемъ оные до Правительствующаго Сената касаться будутъ; 2) о военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ дѣлахъ; 3) о камеръ-коллегіи дѣлахъ и доходахъ и расходахъ государственныхъ; 4) о юстиціи челобитчиковыхъ дѣлъ; 5) о купецкихъ дѣлахъ и государственныхъ заводахъ и фабрикахъ и оберъ-веркахъ, и при каждомъ Департаментѣ было бы четыре или пять человѣкъ членовъ изъ чиновъ Правительствующаго Сената, которыхъ должность въ томъ состоять будетъ, что когда въ Правительствующій Сенатъ какія дѣла войдутъ, касающіяся до ихъ Департаментовъ, то они напередъ между собою оныя дѣла сами разсмотрятъ, надлежаще изслѣдуютъ и все то изготовятъ, что къ полному рѣшенію и опредѣленію онаго потребно, а потомъ съ объясненіемъ своего мнѣнія въ полномъ собраніи Правительствующаго Сената для рѣшенія предложатъ". (*П. С. З.* № 5570). Указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

полненіи своемъ могутъ касаться или утѣснить наши государственные законы или народа нашего благосостояніе".

Первая же часть является не болѣе, какъ реставраціею учрежденія, доказавшаго уже, и не разъ, полную свою непригодность: императорскій совѣтъ есть ни что иное, какъ тотъ же верховный тайный совѣтъ, тотъ же кабинетъ, та же конференція, только подъ другимъ названіемъ.

По проекту Панина, императорскій совѣтъ состоитъ изъ императорскихъ совѣтниковъ: „число ихъ никогда восми превосходить и меньше шести умаляться не должно" (§ 1); четверо изъ этихъ совѣтниковъ назначаются статскими секретарями по дѣламъ иностраннымъ, внутреннимъ, военнымъ и морскимъ (§ 2). „Всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и рѣшенію, словомъ, все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи государственномъ, имѣетъ быть въ нашемъ императорскомъ совѣтѣ, яко у насъ собственно" (§ 4). „Но чтобъ содержащееся въ предъидущемъ параграфѣ имѣло въ производствѣ надобную форму и порядокъ, чѣмъ бы добрый государь, при его попеченіи и безпристанныхъ великихъ трудахъ, ограничивалъ себя въ ошибкахъ, свойственныхъ человѣчеству, то мы, раздѣляя сіи наши дѣла на четыре департамента, опредѣлили каждому изъ нихъ по особливому статскому секретарю, которые секретари должны быть нашею живою запискою рачительному государю принадлежащаго точнаго свѣдѣнія о установленіяхъ и состояніи всѣхъ вещей составляющихъ дѣла, порядокъ и положеніе государства всего, въ чемъ каждый по своему департаменту и заимствуетъ часть нашего собственнаго попеченія. Императорскій же совѣтъ не что иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ мы объ имперіи трудимся, и потому всѣ доходящія до насъ, яко до государя, дѣла должны быть по ихъ свойству раздѣляемы между тѣми статскими секретарями, а они по своимъ департаментамъ должны ихъ разсматривать, выраба-

тывать, въ ясность приводить, намъ въ совѣтѣ предлагать и по нихъ отправленіи чинить по нашимъ резолюціямъ и повелѣніямъ" (§ 5). „Сей совѣтъ собирается каждый день, кромѣ субботы, воскресныхъ и праздничныхъ дней, когда только дѣло есть, въ особливомъ къ тому назначенномъ апартаментѣ у двора нашего. Тутъ, въ присутствіи нашемъ, каждый статскій секретарь по своему департаменту предлагаетъ дѣла, принадлежащія къ докладу и высочайшему императорскому рѣшенію. А совѣтники императорскіе своими мнѣніями и разсужденіями оныя оговариваютъ и мы нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ нашу послѣднюю резолюцію" (§ 8).

Будучи великой княгиней, даже императрицей, но при жизни еще Петра III, Екатерина молчаливо выслушивала мнѣнія Панина о государственномъ строѣ, даже поддакивала его нападкамъ на фаворитовъ Елизаветы Петровны, злоупотреблявшихъ ея именемъ; теперь, ставъ самодержицей, она читала, перечитывала и другимъ давала читать этотъ проектъ Панина. Замѣчательно, что проектированный Панинымъ императорскій совѣтъ ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія[1]): одни отнеслись къ нему вполнѣ

---

[1]) Въ *Госуд. Архивѣ* (X, 4) хранятся два мнѣнія о проектѣ, неизвѣстно кѣмъ представленныя: а) краткій отзывъ, съ предложеніемъ измѣнить введеніе въ манифестѣ (л. 45) и б) болѣе подробный, съ присоединеніемъ семи замѣчаній на различные параграфы проекта (л. 46—56). Оба эти мнѣнія изданы въ *Сборникѣ*, VII, 217. Третье мнѣніе принадлежитъ фельдцейхмейстеру Вильбоа. Оно напечатано *Blum*, I, 144; небольшіе отрывки его переведены *Соловьевымъ*, XXV, 182; *Корсаковъ*, Сторонники Екатерины II (*Истор. Вѣстн.*, XV, 244). Мы приводимъ полный переводъ мнѣнія Вильбоа, наиболѣе серьезнаго изъ всѣхъ. Если мнѣніе это, дѣйствительно, было представлено Екатеринѣ, то издатель, при переводѣ съ французскаго на нѣмецкій языкъ, измѣнилъ внѣшнюю форму и, вѣроятно, при переводѣ пострадало и содержаніе. Въ проектѣ, напр., предположено пять сенаторовъ въ каждомъ департаментѣ; Вильбоа находитъ это число слишкомъ большимъ, и предлагаетъ отъ трехъ до четырехъ: Nur erscheinen die Anzahl der Senateurs zu gross. Drei bis vier Glieder zum höchsten in jedem Departement sollte nicht hinreichen mehr zu thun, als erfordet werde? Издатель не объясняетъ, откуда получилъ онъ это мнѣніе Вильбоа, печатаетъ ли онъ его

равнодушно, другіе прямо назвали этотъ совѣтъ его настоящимъ именемъ — императорскимъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ; третьи, наконецъ, высказались довольно рѣзко противъ проекта.

„Не знаю, кто составитель этого обширнаго проекта — пишетъ фельдцейхмейстеръ Вильбоа — но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Вліятельные члены обязательнаго и государственнымъ закономъ установленнаго императорскаго совѣта (особенно если они обладаютъ достаточнымъ къ тому своеволіемъ, честолюбіемъ и смышленностью) весьма удобно могутъ вырости въ соправителей. По крайней мѣрѣ, если есть намѣреніе къ такому переустройству, то императорскій совѣтъ представляется первымъ къ тому шагомъ, а такое преобразованіе неминуемо привело бы къ разрушенію могущества и величія Россійской Имперіи.

„Мудрость императрицы позволяетъ неопасаться этого; ея намѣренія направлены къ прочному процвѣтанію имперіи и она, конечно, легко устранитъ все, изъ чего въ будущемъ могли бы произойти вредныя послѣдствія. Ея благоразуміе и ея свѣтлый взглядъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ „совѣтѣ", но ея здоровье требуетъ облегченія отъ несносной тягости восходящихъ до нея неразслѣдованныхъ дѣлъ. Этому, кажется, могло бы вполнѣ помочь раздѣленіе ея личнаго кабинета на необходимые департаменты, притомъ такъ, чтобъ только извѣстные, закономъ установленные доклады представлялись ей самой, и чтобъ въ каждомъ департаментѣ предсѣдательствовалъ статсъ- или кабинетъ-секретарь. Эти секретари должны принимать входящія бумаги, нумеровать ихъ, вести протоколы входящихъ и исходящихъ бумагъ, докладывать ихъ въ точно опредѣленные часы, оформливать резолюціи императрицы по каждому докладу, подносить къ высочай-

---

цѣликомъ или въ извлеченіи, словомъ, не представляетъ никакихъ данныхъ для сужденія объ этомъ важномъ документѣ.

шему подписанію и затѣмъ, безъ замедленія, приводить въ исполненіе.

„Если эти секретари, необремененные никакою другою должностію, будутъ обладать здравымъ смысломъ, добрымъ нравомъ, честнымъ направленіемъ и скромностью, если всѣ они будутъ знать законы имперіи и каждый изъ нихъ будетъ обладать достаточными познаніями по управляемому имъ департаменту, то императрица, вмѣсто тягости, найдетъ развлеченіе и забаву въ самомъ порядкѣ и разнообразіи докладываемыхъ ей дѣлъ. Потребности бѣдныхъ и удрученныхъ, несправедливости и безпорядки надежнѣе дойдутъ до нея чрезъ департаменты; всякій подданный будетъ доволенъ, увѣренный, по крайней мѣрѣ, что имъ управляютъ не безъ вѣдома императрицы и что онъ во всякое время можетъ прибѣгнуть къ ея защитѣ. Въ этомъ случаѣ тѣ присутственныя мѣста, изъ которыхъ проектъ предполагаетъ назначить императорскихъ совѣтниковъ, не лишатся своихъ предсѣдателей или членовъ и не понесутъ, поэтому, никакого упущенія; императрица же, всякій разъ когда пожелаетъ, можетъ обращаться за совѣтами къ любому изъ наиболѣе способныхъ военныхъ или гражданскихъ дѣятелей; между тѣмъ какъ при установленіи императорскаго совѣта императрица ограничена совѣтомъ извѣстныхъ лицъ, облеченныхъ званіемъ императорскихъ совѣтниковъ.

„Равнымъ образомъ въ этомъ случаѣ и сенатъ не будетъ имѣть никакого повода къ неудовольствіямъ, къ зависти и ревности, которыя неминуемо явятся по учрежденіи императорскаго совѣта, какъ бы проектъ ни подтверждалъ и не выставлялъ его преимуществъ. Раздѣленіе же сената на различные департаменты — превосходно и въ значительной степени облегчитъ производство дѣлъ. Только число сенаторовъ, какъ въ каждомъ департаментѣ, такъ и въ общемъ собраніи представляется слишкомъ большимъ: чѣмъ болѣе лицъ, тѣмъ болѣе различныхъ взглядовъ, страстей, партійности, раздоровъ и, вслѣдствіе того, тѣмъ менѣе справедливости и тѣмъ медленнѣе производство[1]). Три, четыре самое большое, въ

[1]) Неизвѣстный русскій не призналъ число сенаторовъ слиш-

каждомъ департаментѣ — неужели совокупность ихъ ума, знанія и способностей не будетъ достаточна, чтобъ сдѣлать даже болѣе того, что отъ нихъ можетъ потребоваться? Самое важное при этомъ — удачный выборъ генералъ-прокуроровъ и секретаря для такого собранія.

„Впрочемъ, русскій государь необходимо долженъ обладать неограниченною властью. Императорскій же совѣтъ, напротивъ, слишкомъ ужь приближаетъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ“.

Какими побужденіями ни руководствовался бы Вильбоа, Екатерина не нуждалась въ напоминаніи, что „русскій государь необходимо долженъ обладать неограниченною властью“. Конечно, императорскій совѣтъ не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ совѣтомъ Швеціи: государственный совѣтъ зависитъ отъ земскихъ чиновъ, которыхъ нѣтъ въ Россіи; императорскій совѣтъ вполнѣ зависитъ отъ императрицы, которая назначаетъ членовъ и утверждаетъ доклады совѣта. Но императорскій-ли совѣтъ, верховный-ли тайный, кабинетъ или конференція, какъ бы верховное учрежденіе ни именовалось, оно не можетъ имѣть мѣста не только рядомъ, но и близь Екатерины. Въ докладѣ, которымъ сопровождался проектъ Панина, сказано: „Изъ власти законоданія и самодержавной заключается, что главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой“ — и Екатерина вполнѣ съ этимъ согласна; но, прибавляетъ Панинъ, „государь никакъ инако власть въ полезное дѣйствіе произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ“ — и Екатерина

комъ большимъ, но считалъ долгомъ замѣтить по поводу 30 сенаторовъ: „Но притомъ потребно недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобъ самодержавную власть, подобно уздѣ, изъ рукъ не выпускать, какъ уже при избраніи не по крови, но Богомъ и народомъ, въ бозѣ почивающей государыни императрицы Анны Іоанновны, оная въ немаломъ потрясеніи и колебаніи была“. *Госуд. Архивъ*, X, 4, л. 48.

вполнѣ отвергаетъ это. Власть вручена ей, и ей одной: она ни съ кѣмъ не подѣлитъ ее.

Но эта власть перешла въ ея руки при обстоятельствахъ, заставляющихъ Екатерину быть крайне осмотрительною. Въ началѣ августа, Екатерина писала гр. Понятовскому: „Меня будутъ принуждать сдѣлать много еще странностей; если я уступлю — меня будутъ обожать, если нѣтъ — право, сама не знаю, что случится“[1]). Императорскій совѣтъ — одна изъ такихъ странностей, тѣмъ болѣе опасная, что исходитъ отъ человѣка, которому, положимъ, Екатерина многимъ обязана, но который еще такъ недавно хотѣлъ вовсе лишить ее самодержавной власти, предоставивъ ей только регентство до совершеннолѣтія своего воспитанника, великаго князя Павла Петровича, и когда это не удалось, когда предполагавшаяся регентша стала дѣйствительною самодержицей, онъ теперь настаиваетъ на раздѣленіи ея самодержавной власти между императорскими совѣтниками. Принять проектъ Панина нельзя, но и рѣзко, прямо отвергнуть его опасно. Начинается императорская волокита.

Панинъ представилъ Екатеринѣ свой проектъ „въ формѣ акта на подписаніе“, въ видѣ совершенно уже готоваго манифеста, который оставалось только подписать. Екатерина продержала нѣсколько дней манифестъ и возвратила Панину съ своимъ замѣчаніемъ, требовавшимъ исправленія. Въ манифестѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о восшествіи на престолъ Петра III, было сказано: „и не можетъ-ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ *варварскимъ* временамъ, въ которыя не только установленнаго правительства, но и письменныхъ законовъ не было“. Екатерина подчеркнула слово „варварскимъ“ и сбоку приписала: „Правда что жалѣть было „о томъ должно, но неправда то, чтобъ мы потому были „хуже татаръ и калмыковъ; а хотябъ и были таковы, то „и притомъ кажется мнѣ, что употребленіе столь сильныхъ „словъ неприлично нашей собственной славѣ, да и персо„нальнымъ интересамъ нашимъ противно такое, на всю

---

1) *Госуд. Архивъ,* III, 16; *Jacob,* 19; *Арх. кн. Воронцова,* XXV, 425.

„націю и на самихъ предковъ нашихъ указующее поношеніе". По смыслу замѣчанія, слѣдовало или измѣнить всю фразу, чтобъ избѣжать „поношенія предковъ", или вовсе ее уничтожить, какъ совершенно негодную для манифеста; но авторское самолюбіе избрало третій выходъ: манифестъ былъ переписанъ съ исключеніемъ только слова *варварскимъ*. Изъ этого Екатерина могла уже усмотрѣть, что ея замѣчаніями вовсе не думаютъ руководствоваться буквально и находятъ достаточнымъ только формальное ихъ исполненіе.

Между тѣмъ, Екатерина составила списокъ восьми „императорскихъ совѣтниковъ", показывала списокъ Панину, какъ бы совѣтуясь съ нимъ. Пробѣгая теперь этотъ списокъ[1]), нельзя не замѣтить, что скорѣе форма, чѣмъ убѣжденіе, руководило императрицей: въ спискѣ два опальныя лица — графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ и князь Я. П. Шаховской, хотя отношеніе къ нимъ Екатерины было далеко не одинаковое; рядомъ съ главными пособниками „десяти дней" — гр. К. Г. Разумовскій, Н. И. Панинъ, кн. М. Н. Волконскій — не только гр. З. Г. Чернышевъ, навлекшій на себя уже немилость императрицы, но и гр. М. Л. Воронцовъ, бывшій сторонникъ Петра Ш, противникъ воцаренія Екатерины. Еслибъ императрица серьезно обдумывала личный составъ императорскаго совѣта, въ списокъ не были бы включены ни гр. Воронцовъ, ни гр. Чернышевъ и въ него, вѣроятно, вошли бы лица, къ которымъ Екатерина относилась въ это время съ особымъ довѣріемъ: мы встрѣтили бы въ проектированномъ спискѣ И. И. Неплюева, гр. П. С. Салтыкова, В. И. Суворова и, быть можетъ, другихъ.

Въ манифестѣ о возвращеніи чиновъ и достоинствъ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину, подписанномъ Екатериною 31-го августа, онъ назначался *первымъ совѣтникомъ новаго учреждаемаго при дворѣ Нашемъ императорскаго совѣта*. Панинъ во очію убѣдился, что его проектъ принятъ. Между тѣмъ, къ этому времени самый проектъ объ учрежденіи императорскаго совѣта не былъ еще утвержденъ; было

---

1) *Сборникъ*, VII, 201; *Соловьевъ*, XXV, 182.

признано неудобнымъ оглашать о совѣтѣ ранѣе его учрежденія, и подчеркнутыя выше слова были исключены изъ манифеста[1]).

Самый проектъ, какъ оказалось, нуждался еще въ поправкахъ. Предсѣдатели государственныхъ департаментовъ въ императорскомъ совѣтѣ были названы въ проектѣ *министрами*; Екатерина отмѣтила на полѣ: „слово *министры* не можно-ль переименовать русскимъ языкомъ и точную дать силу?“ Чисто русскаго выраженія, соотвѣтствующаго понятію „министръ“, не нашлось въ русскомъ языкѣ и министровъ окрестили въ „статскіе секретари“, которымъ, однако, тоже не могли „точную дать силу“. Манифестъ вновь былъ переписанъ и представленъ императрицѣ. Екатерина увидѣла, что ея замѣчаніе опять исполнено не вполнѣ, но смолчала, и занялась назначеніемъ статскихъ секретарей въ департаменты. Во „внутренній“ департаментъ былъ назначенъ самъ составитель проекта, Н. И. Панинъ; въ „чужестранный“ — гр. М. Л. Воронцовъ, въ военный — З. Г. Чернышевъ, въ морской . . . такъ никого и не нашлось годнаго. Списокъ этотъ, оставшійся неподписаннымъ, составлялся, очевидно, только для видимости: статскимъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ назначенъ гр. Воронцовъ, въ то время утерявшій уже всякое довѣріе императрицы, и по внутреннимъ дѣламъ Н. И. Панинъ, никогда внутренними дѣлами не занимавшійся[2]).

Были поправки и во второй части проекта, касавшейся раздѣленія сената на департаменты. Въ проектѣ было, между прочимъ, сказано: „Сіе раздѣленіе дѣлъ по депар-

---

[1]) *С.Петербургскія Вѣдомости* за 1762 г., 3 сентября, № 71.

[2]) Въ назначеніи Н. И. Панина, постоянно служившаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, статскимъ секретаремъ по внутреннимъ дѣламъ, крылась, быть можетъ, насмѣшка надъ тѣмъ мѣстомъ доклада, гдѣ Панинъ говоритъ: „Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію; а мнѣ, напротивъ того, случилося слышать у престола государева отъ людей, его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское правило: была-бы милость, всякова на все станетъ“ (*Госуд. Архивъ*, X, 4, л. 41).

таментамъ не опредѣляется непоколебимымъ или непремѣннымъ; но сенатъ власть имѣетъ *оное перемѣнять* по временамъ, какъ когда свойства дѣлъ могутъ найтися выгоднѣе въ томъ или другомъ департаментѣ"; Екатерина подчеркнула слова „оное перемѣнять" и противъ нихъ приписала: „о перемене оныхъ докладывать намъ". Манифестъ опять былъ исправленъ согласно замѣчанію императрицы. Екатеринѣ не понравилось слово „департаментъ" — она на полѣ приписала: „называть экспедиціями а не департаментами".

Поправкамъ не предвидѣлось конца. Вопросъ о реформѣ верховнаго правительства затягивался. Панинъ торопилъ, настаивалъ; Екатерина уклонялась подъ разными, болѣе или менѣе благовидными предлогами.

Къ декабрю, всѣ уже такіе предлоги были, кажется, исчерпаны. Въ депешѣ отъ 19-го декабря саксонскій резидентъ Прассе сообщаетъ, что гр. Бестужевъ-Рюминъ передалъ ему подъ секретомъ, что въ министерствѣ послѣдуютъ перемѣны, что будетъ учрежденъ особый совѣтъ и что объ этомъ будетъ объявлено черезъ 12 или 14 дней[1]. Дѣйствительно, Панинъ могъ торжествовать побѣду: 28-го декабря 1762 г. манифестъ объ учрежденіи императорскаго совѣта и о раздѣленіи сената на департаменты былъ подписанъ Екатериною.

Но торжество Панина было непродолжительно. Въ тотъ же день, 28-го же декабря, Екатерина разорвала листъ съ своею подписью. Манифестъ не былъ обнародованъ, императорскій совѣтъ не былъ учрежденъ.

---

[1]) Der Graf Bestuschew sagte mir im engsten Vertrauen, dass mit dem Ministerio hierselbst eine Veränderung vor wäre und statt dessen ein Conseil errichtet werden sollte, dass dieses in 12 bis 14 Tagen geschehen würde. Die bevorstehende Abänderung war mir schon bekannt und ohnmöglich können auch die Sachen so bleiben, denn die Kanzler haben keinen oder wenigen Credit und der Oberhofmeister Panin, über den und dessen Seichtigkeit und Ungereimtheit Bestuschew gar sehr klagt, und der doch eigentlich nicht Minister ist, hat dessen zuviel und will sich doch gleichwohl nicht anders als nur mit solchen Sachen befassen, die in seinen Kram taugen oder nach seinem Geschmack sind. *Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 98.

Второй уже разъ Панинъ терпитъ пораженіе въ своемъ стремленіи ограничить власть Екатерины. Ни для кого не было тайной, и Панинъ не скрывалъ даже отъ самой Екатерины своего мнѣнія, что, по устраненіи Петра III, всѣ права на русскій престолъ должны перейти прямо къ великому князю Павлу Петровичу, а Екатерина, какъ его мать, можетъ быть объявлена только регентшею. Панинъ ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія, и Екатерина была провозглашена самодержавною императрицею. Панинъ, однако, не смирился. Уже не явно, напротивъ, съ намѣреніемъ скрывая свою основную мысль, онъ предлагаетъ Екатеринѣ проектъ императорскаго совѣта, учрежденіемъ котораго, въ концѣ концовъ, имѣлось въ виду ограниченіе самодержавной власти. Полгода длилась борьба и Панинъ, опять никѣмъ не поддержанный, вторично былъ побѣжденъ — его проектъ отвергнутъ.

Откажется-ли Панинъ, послѣ такихъ попытокъ, отъ измѣненія формы правленія? Нѣтъ: черезъ нѣсколько лѣтъ мы встрѣтимъ его еще въ той же роли противника самодержавія.

IX.

Екатерина II не Петръ III—ей не нужно преувеличивать значенiе коронацiи, она сама хорошо понимаетъ религiозное впечатлѣнiе этой церемонiи. Четыре мѣсяца спустя послѣ восшествiя Петра III на престолъ, Фридрихъ II приказывалъ своему послу барону Гольцу обратить вниманiе императора на „импонирующее на народъ значенiе коронацiи", самъ писалъ своему „невозможному другу" о необходимости поспѣшить „священнымъ вѣнчанiемъ"[1]), и Петръ III сошелъ со сцены все-таки некоронованнымъ; четыре дня спустя по воцаренiи Екатерины II были сдѣланы всѣ распоряженiя относительно коронацiи, которою велѣно было торопиться: отъѣздъ императрицы въ Москву былъ назначенъ въ концѣ августа, коронацiя—въ сентябрѣ[2]).

1-го iюля князь Н. Ю. Трубецкой былъ назначенъ

---

[1]) Въ рескриптѣ Фридриха II барону Гольцу, отъ 1 мая 1762 г.: Quant á la resolution de l'Empereur d'aller lui-même à l'armée, il faudra je crois lui alléguer que la cérémonie du couronnement n'est pas encore faite, chose qui cependant impose extrémement à ses nouveaux sujets. Je lui alleguerai d'ailleurs dans la lettre de ma main propre. *Берлин. Архивъ*, XI, № 175.

[2]) Депеша Прассе отъ 16-го iюля 1762 г.: Ihro Kaiserlichen Majestät haben beschlossen, Sich ohnverzüglich krönen zu lassen und zu dem Ende schon in bevorstehenden Monat Augusti eine Reise nach Moskau zu thun. Der Krönungstag ist auf den 5-ten September alten Styls angesetzet und zu Treffung der benöthigten Anstalten sind bereits verschiedene Personen nach Moskau abgegangen. *Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 58.

главнымъ распорядителемъ по торжеству коронаціи[1]); 3-го іюля фельдцейхмейстеръ Вильбоа доносилъ уже сенату, что императрица повелѣла „здѣлать въ Москвѣ фейэрверкъ такъ скоро, чтобъ онъ ко дню коронаціи поспѣть могъ“ и что, поэтому, необходимо отправить артиллеріи подполковника Мелиссино „на почтовыхъ“[2]); 7-го іюля изданъ манифестъ „о бытіи коронаціи въ сентябрѣ“[3]), и, затѣмъ, изо дня въ день, рядъ высочайшихъ повелѣній, не оставляющихъ сомнѣнія, что коронація, дѣйствительно, состоится въ сентябрѣ.

Петръ III находилъ невозможнымъ короноваться потому, между прочимъ, что „не готовы вѣнцы“; Екатерина посмотрѣла на дѣло иначе. Если коронація должна производить впечатлѣніе, то, конечно, своимъ религіознымъ значеніемъ, не внѣшнимъ блескомъ аксессуаровъ; это впечатлѣніе увеличится, сверхъ того, наградами лицъ, власть имѣющихъ, и милостями народу „подъ властями страждущему“, но для того и другого не нужно особенныхъ приготовленій. На всѣ расходы по коронаціи кн. Трубецкому было отпущено 50000 рублей[4]); „къ дѣланію короны“[5]) — 1 фунтъ золота и 20 фунтовъ серебра; „на

---

[1]) Указомъ отъ 11-го іюля гофмаршалу Нарышкину повелѣно „содѣйствовать“ кн. Трубецкому (*Архивъ Сената*, т. CXXI, л. 140).

[2]) *Архивъ Сената*, Копіи высоч. повел., т. 176, л. 2.

[3]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 20; *Указы* Екатерины, 23; *П. С. З.*, № 11598; *Осмнадц. Вѣкъ*, IV, 223.

[4]) *Придворн. Архивъ*, I, 137, л. 193; *Сборникъ*, VII, 121. Указомъ отъ 13 января 1763 г. сенату предписывалось доплатить комиссіи объ учрежденіи церемоніи коронаціи, сверхъ выданныхъ уже ей 50000 рублей, „показанное въ вѣдомостяхъ число денегъ“ (*Архивъ Сената*, т. 105, л. 22; Приложеніе I, 23). По вѣдомостямъ оказывается, что комиссія издержала всего 86000 рублей, и сенатъ доплатилъ ей 36000 рублей.

[5]) *Придворн. Архивъ*, I, 137, л. 194. По поводу изготовленія короны, кн. Дашкова въ своихъ „Запискахъ“ сообщаетъ слѣдующую подробность: Le quatrième jour après l'avénement au trône, M-r Betskoy fit demander un moment d'audience à sa majesté, qui lui fut accordée. Il n'y avait que moi avec l'impératrice. Quel ne fut pas notre étonnement quand se mettant à genoux, il la pria de lui dire par qui elle croyait être élevée au trône? Sa majesté lui répondit: „Je dois mon élévation à Dieu et à mes fidèles et bons sujets“. — „Alors, lui

мантію“ — 4 горностая[1]). О державѣ совсѣмъ забыли; только уже въ сентябрѣ, за двѣ недѣли до коронаціи, вспомнили, что нужна держава: искали ее вездѣ—въ спальной, въ гардеробной, въ кладовой[2]) — не нашли и наскоро сдѣлали новую. Между тѣмъ, въ то же время, было приказано „для отправки въ Москву комнатной суммы зделать 120 дубовыхъ бочекъ съ железными обручьями, по расчету на 5000 рублевъ серебреной монеты въ каждую бочку“[3]) — итого 600000 рублей для бросанія денегъ въ народъ, для выдачъ лично отъ императрицы, и, рядомъ съ этимъ, заботы о колодникахъ, „понеже при наступающемъ торжествѣ коронаціи я намерена по прежнимъ примерамъ предковъ моихъ съ ними милости здѣлать“, о ссыльныхъ, о страждущихъ[4]), словомъ, о мило-

---

repliqua Betskoy, je ne dois plus porter ce cordon“, et il voulait ôter l'enseigne de l'ordre de S-t Alexandre, dont il était décoré. L'imperatrice l'en empêcha et lui demandait qu'est-ce qu'il avait? „Je suis, dit-il, le plus malheureux des hommes, puisque vous ne savez pas que c'est moi qui ai disposé les gardes pour cela; c'est moi qui leur ai distribué de l'argent“. Nous le crûmes, non sans raison, fou à lier. L'impératrice s'en debarassa bien adroitement en lui disant qu'elle savait toutes les obligations qu'elle lui devait, et que ce n'était aussi qu'à lui qu'elle remettrait le soin et la surveillance des joaillers qui devaient faire la nouvelle grande couronne en brillants pour s'en servir le jour de son couronnement. Il se leva dans un enthousiasme et contentement très-visible. (*Арх. кн. Воронцова*, XXI, 90). Въ этомъ разсказѣ едва-ли передана „картинка съ натуры“. Слова нѣтъ, событіе 28-го іюня многимъ „кружило головы“, но приготовленіе короны вовсе не было поручено Бецкому. Онъ былъ въ это вреня главнымъ директоромъ канцеляріи отъ строеній и, поэтому, кн. Трубецкой обращался къ нему съ просьбою, напр., прислать въ Москву для коронаціонныхъ работъ „мастеровъ живописныхъ, золотарныхъ, резныхъ и скульпторныхъ“ (*Придворн. Архивъ*, I, 97), вообще мастеровъ всякаго рода (*Ibid.*, I, 96, № 1); но въ изготовленіи короны Бецкой не принималъ никакого участія. Вотъ почему трудно довѣрять и всему разсказу кн. Дашковой, особенно же имѣя въ виду ея отношенія къ Бецкому. *Соловьевъ*, XXV, 151.

[1]) Повелѣніе въ сибирскій приказъ отъ 23 іюля, въ *Придворн. Архивѣ*, I, 137, л. 215.

[2]) *Госуд. Архивъ*, III, 12; Приложеніе, V, 10.

[3]) Отъ 17 іюля, въ *Придворн. Архивѣ*, I, 137, г. 208.

[4]) *Архивъ Сената*, т. 102, т. 102, л. 222. Приложеніе, I, 13,

стивомъ манифестѣ[1]), который долженъ произвесть впечатлѣніе во всей Россіи, не въ одной только Москвѣ, какъ коронація.

Во второй половинѣ XVIII вѣка управленіе Россіи не было еще сосредоточено исключительно въ Петербургѣ. Чего не успѣлъ сдѣлать Петръ В. въ послѣдніе годы своей жизни, того не сдѣлали его преемники въ теченіи 50 лѣтъ. Изъ девяти коллегій, пять — каморъ, юстицъ, мануфактуръ, ревизіонъ и вотчинная коллегія — находились постоянно въ Москвѣ; тамъ же были: канцелярія конфискаціи, главный комиссаріатъ, главная соляная контора, сибирскій приказъ, мастерская и оружейная палата[2]). Теперь, на время пребыванія Екатерины въ Москвѣ по случаю коронаціи, изъ Петербурга въ Москву прибыли: двѣ конторы — придворная и штатсъконтора; три канцеляріи — главная дворцовая, конюшенная и ямская; три коллегіи — иностранныхъ дѣлъ, военная и бергъ-коллегія, напонецъ, синодъ и сенатъ[3]). Такимъ образомъ, центральное государственное управленіе было на время сосредоточено въ Москвѣ. Эти перемѣщенія „правительствъ" изъ одной столицы въ другую начались уже въ іюлѣ, производились крайне спѣшно, даже торопливо, но и въ сентябрѣ еще не всѣ части управленія имѣли своихъ представителей въ первопрестольной[4]). Учрежденія двигались постепенно, начиная съ младшихъ; сенатъ выѣхалъ въ Москву позже всѣхъ, лишь нѣсколькими днями упредивъ отъѣздъ императрицы изъ Петербурга.

Изъ 25-ти сенаторовъ, 20-ть должны были отправиться въ Москву[5]), и только пять оставлены въ Петер-

---

[1]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 247; *Указы* Екатерины, 116, 171; *П. С. З.*, № 11667.

[2]) *Архивъ Сената*, т. 106, № 46.

[3]) Изъ всѣхъ коллегій, только одна адмиралтейская всегда оставалась въ Петербургѣ и ни при какомъ случаѣ не отъѣзжала въ Москву даже на время. *Архивъ Сената*, т. 106, № 45.

[4]) La chancellerie n'est pas arrivée encore, пишетъ Екатерина гр. Кейзерлингу отъ 25 сентября, т.-е. три дня спустя послѣ коронаціи. *Сборникъ*, XLVIII, 137.

[5]) Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, гр. К. Г. Разумовскій,

бургѣ, для присутствованія въ сенатской конторѣ, которой была предоставлена, „на случай сего только отсутствія“, высшая власть надъ всѣми остающимися въ Петербургѣ присутственными мѣстами, надъ Новгородскою губерніею и Остзейскими Провинціями[1]). Старѣйшій изъ пяти сенаторовъ, Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, былъ назначенъ главноуправляющимъ, которому ввѣрялась „надъ всѣми гражданскими и военными дѣлами главная команда“: ему было отведено особое помѣщеніе въ деревянномъ зимнемъ дворцѣ, при немъ состоялъ почетный караулъ отъ оставшагося гвардіи батальона, наконецъ, „въ разсужденіи важной новости общаго положенія и оставляемаго столь люднаго столичнаго города, въ которомъ такъ свѣжо еще остается въ памяти великое произшествіе“, Неплюевъ былъ украшенъ голубою лентою ордена св. Андрея[2]).

27 августа выѣхалъ въ Москву великій князь Павелъ Петровичъ съ своимъ воспитателемъ Н. И. Панинымъ и придворнымъ штатомъ. 1-го сентября двинулась въ путь и Екатерина[3]).

Императрицу сопровождала большая свита. Съ нею ѣхали: А. Г. Орловъ, кн. М. Н. Волконскій, гр. И. С. Гендриковъ, Ѳ. И. Вадковскій, Н. И. Рославлевъ, А. В. Олсуфьевъ, кн. М. Дашковъ, Пассекъ, Бредихинъ, кн. И. Ба-

---

кн. Н. Ю. Трубецкой, гр. А. Б. Бутурлинъ, гр. М. Л. Воронцовъ, А. И. Шуваловъ, П. С. Сумароковъ, гр. П. Чернышевъ, кн. И. Одоевскій, кн. А. М. Голицынъ, гр. П. Б. Шереметевъ, кн. Я. П. Шаховской. Н. И. Панинъ, гр. М. Скавронскій, кн. М. Н. Волконскій гр. Р. Л. Воронцовъ, кн. М. Голицынъ, В. И. Суворовъ, И. А. Брылкинъ.

[1]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 45; *С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1762 г., № 62, отъ 2 августа; *Указы* Екатерины, 47; *П. С. З.* № 11620.

[2]) Между прочимъ, сенатской конторѣ поручены были дѣла объ арестантахъ и колодникахъ и тѣ дѣла, просителямъ по которымъ „въ Москву ехать тягостно или убытошно“. *Архивъ Сената*, т. 102, л. 180, 187; Приложеніе, I, 10, 12. Въ сенатской конторѣ присутствовали, кромѣ Неплюева, четыре сенатора: И. И. Костюринъ, Ѳ. И. Ушаковъ, Н. А. Корфъ и А. Г. Жеребцовъ. *Сборникъ*, VII, 150, 152.

[3]) *Госуд. Архивъ*, XIV, 206.

рятинскій, Ласунскій, Тепловъ, Шкуринъ, духовникъ императрицы о Ѳедоръ Лубянскій, врачи Гіонъ, Реслеинъ и Людерсъ, камерфурьеръ Крашенинниковъ[1]), дамы кн. Дашкова и Матюшкина, фрейлины кн. Хованская и кн. Трубецкая. Всего 23 персоны, для которыхъ потребовалось 63 экипажа и подъ нихъ 395 лошадей[2]). Царскій поѣздъ ѣхалъ не торопясь, дѣлая „по четыре станціи на день", останавливаясь для ночлеговъ въ заранѣе намѣченныхъ мѣстахъ; обѣды, утреннее и вечернее кушанье въ путевыхъ дворцахъ также замедляли поѣздъ, который, согласно росписанію, только 10-го сентября долженъ былъ прибыть въ Петровское, подмосковное село гетмана гр. Разумовскаго. „Я не вижу дальней нужды — писала Екатерина Панину — чтобы мнѣ тише ѣхать, потому что я какъ для своего покою, такъ и для многихъ другихъ обстоятельствъ хочу быть скорѣе въ Петровскомъ"[3]). Панинъ имѣлъ поводъ просить Екатерину не торопиться: цесаревичъ въ дорогѣ захворалъ и Панинъ не могъ уже выполнять предположенный маршрутъ по росписанію.

Съ восшествіемъ на престолъ, Екатерина обращаетъ особенное вниманіе на великаго князя Павла Петровича: онъ — наслѣдникъ престола, цесаревичъ; пока онъ живъ, она можетъ быть спокойна относительно вопроса о престолонаслѣдіи. Между тѣмъ, Павелъ Петровичъ сталъ

---

[1]) Герасимъ Крашенинниковъ, гофъ-фурьеръ двора ея величества, былъ пожалованъ 30-го іюня 1762 г. въ камеръ-фурьеры „съ рангомъ полковничьимъ" (*Архивъ Сената*, Копіи высоч. повелѣній, л. 176, л. 5). Можно только догадываться, что это пожалованіе было наградою за какую-либо услугу, оказанную 28 іюня; но опредѣлить, въ чемъ эта услуга состояла, пока еще невозможно.

[2]) Для царскаго проѣзда на коронацію было выставлено по московскому тракту по 400 подводъ на каждую станцію. Цесаревичъ ѣхалъ въ 27 экипажахъ, подъ которые требовалось 257 лошадей. Незадолго предъ тѣмъ проѣхалъ Г. Г. Орловъ, также пользовавшійся придворными экипажами и лошадьми, приготовленными для царскаго проѣзда. Распоряженіе о заготовкѣ лошадей было сдѣлано 23 іюля, и только къ 25 августа ямская контора могла пригнать достаточное число коней (*Придворный Архивъ*, I, т. 137, л. 216, 268).

[3]) *Сборникъ*, VII, 154.

въ послѣднее время часто хворать. Незадолго до отъѣзда въ Москву созванъ былъ консиліумъ, которому докторъ Крузе, гофмедикъ, представилъ подробное „описаніе болѣзненныхъ припадковъ великаго князя и способовъ для излеченія его". Крузе свидѣтельствовалъ предъ своими коллегами, что цесаревичъ съ самого рожденія былъ подверженъ особымъ припадкамъ, зависящимъ отъ накопленія кислотъ въ желудкѣ и пищепріемникахъ; позже его стали тревожить опухоли железъ, переходившія иногда въ нагноеніе; иногда онъ страдалъ отъ рвоты, чаще отъ поноса[1]). Рецептъ, прописанный д-ромъ Крузе, былъ одобренъ остальными медиками, равно какъ и весь методъ леченія; тотъ же Крузе долженъ былъ слѣдить за ходомъ леченія и сопровождать восмилѣтняго цесаревича въ Москву. Путешествіе, обычно, укрѣпляетъ; цесаревича оно разстроивало — не успѣли отъѣхать нѣсколько станцій, какъ Павелъ Петровичъ подвергся „лихорадочному припадку". Пришлось остановиться. На этой остановкѣ императрица обогнала своего сына, который при встрѣчѣ съ матерью не жаловался уже на лихорадку, но чувствовалъ только слабость. Едва императрица уѣхала, какъ малютку опять стало лихорадить; пришлось вновь остановиться. Опасаясь опоздать къ торжественному въѣзду императрицы въ Москву, Панинъ и просилъ Екатерину ѣхать „по тише". На второе увѣдомленіе Панина, изъ Едрова, о новомъ пароксизмѣ лихорадки, Екатерина отвѣчала: „Повидимому мнѣ уже его высочества не дождаться къ въѣзду моему въ Москву. И для того вы не спѣшите ѣздою, а, смотря по обстоятельствамъ пароксисма продолжайте путь вашъ. До четверга я, однакожъ, дожидать буду, и въ пятницу, конечно, въѣду въ городъ; потому что мнѣ никакъ далѣ дожидать невозможно".[2]).

Цесаревичъ, однако, не опоздалъ. Въ среду, 11-го сентября, высшіе представители духовенства, двора, военныхъ и гражданскихъ чиновъ приносили Екатеринѣ въ Петровскомъ всеподданнѣйшія поздравленія съ благопо-

---

1) *Ibid.*, 144.

2) *Сборникъ*, VII, 154.

лучнымъ пріѣздомъ, а на другой день, въ четвергъ, прибылъ въ Петровское великій князь Павелъ Петровичъ.

Въ пятницу, 13-го сентября, совершился торжественный въѣздъ въ Москву. Екатерина не разъ уже бывала въ Москвѣ, видѣла ее и цербстской принцессой, и великой княгиней; но теперь, въѣзжая въ Москву императрицей, она не узнала ее: длинные, скучные заборы закрыты зеленью ельника; стѣны домовъ увѣшаны коврами, балконы задрапированы разноцвѣтными матеріями; на перекресткахъ улицъ и на площадяхъ воздвигнуты легкія галлереи и всюду — на улицѣ, въ окнахъ домовъ, въ галлереяхъ, на крышахъ — несмѣтныя толпы, разряженныя, привѣтливыя, радостныя. Звонъ колоколовъ, гулъ народныхъ привѣтствій, громъ пушекъ встрѣтилъ Екатерину и проводилъ ее до Кремля. Она ѣхала въ открытой колясѣ, окруженная блестящею свитою и конвоируемая конною гвардіею. По всему пути, съ правой стороны, стояли шпалерами войска. Кромѣ московскаго гарнизона, въ строю находились всѣ гвардейскіе полки, три полевыхъ пѣхотныхъ — второй гренадерскій, владимірскій, воронежскій — и слободской гусарскій полкъ [1]).

Въ этой торжественной процессіи особенно поражала пышность придворныхъ нарядовъ: иностранцы дивились только, откуда берутся средства на подобную роскошь „при извѣстной бѣдности наиболѣе знатныхъ родовъ“ [2]); русскіе, привыкшіе уже къ подобнымъ зрѣлищамъ, только любовались красивыми костюмами. Не такъ относилась Екатерина къ этимъ тратамъ на наряды: три дня спустя послѣ въѣзда въ Москву, который являлся выставкою

---

[1]) Эти полевые полки прибыли въ Москву, на коронацію, 4-го сентября и были расположены на винтерквартирахъ въ окрестностяхъ Москвы, „не далѣе 15 верстъ отъ города“ (*Архивъ Сената*, Копіи высоч. повел., т. 179, л. 27). Относительно гвардейскихъ полковъ, генералъ-адъютантъ гр. Бутурлинъ объявилъ 11-го іюля сенату слѣдующее высочайшее повелѣніе: „солдатамъ гвардіи месячной провіантъ и соляные деньги какъ въ Петербурге имъ производятся, такъ и въ Москве производить“ (*Архивъ Сената*, Ibid., л. 4).

[2]) Депеша *Бретэля*, отъ 9 янв. 1763 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, 1763, vol. 13. Приложеніе II, 9.

наиболѣе дорогой роскоши, въ газетахъ, въ отдѣлѣ объявленій, появилось слѣдующее официальное заявленіе:

„Симъ отъ Комерцъ-коллегіи Россійскимъ и иностраннымъ купцамъ объявляется, чтобъ они золотыхъ и серебряныхъ парчей и кружевъ изъ за моря болѣе не выписывали и не вывозили, потому что чрезъ годъ отъ дня высочайшей Ея Императорскаго Величества коронаціи золотые и серебреные парчи и кружева носить заказано будетъ“[2]).

Коронація состоялась въ воскресенье, 22-го сентября. Въ 5 часовъ утра, по сигналу, войска выступили изъ казармъ и направилась въ Кремль; къ 8-ми часамъ, всѣ гвардейскіе и напольные полки выстроились около успенскаго, архангельскаго и благовѣщенскаго соборовъ, близъ Чудова монастыря и вдоль Ивановской Площади. Не только мѣста для зрителей, всѣ валы и крыши домовъ были усѣяны народомъ. Въ 10-мъ часу, трубы и литавры возвѣстили о началѣ процессіи. Въ это время императрица перешла изъ внутреннихъ покоевъ въ большую аудіенцъ-камеру, куда уже были принесены изъ сенатской камеры всѣ регаліи. Духовникъ императрицы, протопопъ благовѣщенскаго собора, о. Ѳедоръ, окропилъ путь процессіи святою водою. Какъ только императрица вступила на Красное Крыльцо, раздался звонъ колокольный и военная салютація, а „во всемъ народѣ учинилася] тихость и молчаніе“. Екатерина была въ императорской мантіи, которую поддерживали шесть камергеровъ; конецъ мантіи несъ оберъ-камергеръ гр. Шереметевъ. На паперти собора императрицу встрѣтило духовенство, причемъ архіепископъ новгородскій поднесъ ей крестъ къ цѣлованію, а митрополитъ московскій окропилъ святою водою путь ея. Въ сопровожденіи 20-ти архіереевъ, 35 архимандритовъ и

---

[2]) *С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1762 годъ, № 75, отъ 17 сентября; *Указы* Екатерины, 103. Извѣщая о такомъ объявленіи, французскій посланникъ *Бретэль*, въ депешѣ отъ 9 января 1763 г., вѣрно замѣтилъ: L'on ne portera peut-être ni or, ni argent, si l'ordonnance le dit nommément, mais l'on n'en aura pas moins recours à nos manufactures et à nos modes pour des choses plus unies et aussi chères (*Парижс. Архивъ*, Russie, 1763, № 13).

множества другихъ духовныхъ сановниковъ, при пѣніи псалма „Милость и судъ воспою тебѣ, Господи“, вошла императрица въ соборъ, приложилась къ иконамъ и сѣла на императорскій престолъ. Началось священнодѣйствіе; императрица надѣла на себя порфиру; оберъ-гофмейстерина графиня А. К. Воронцова и гофмейстерина Е. А. Нарышкина оправили на ней порфиру и ленту ордена св. Андрея; генералъ-фельдмаршалъ гр. Разумовскій и генератъ-адмиралъ кн. Голицынъ поднесли на золотой подушкѣ корону, и когда Екатерина возложила на себя эту корону, на Красной Площади произведена была пушечная пальба. Присутствовавшіе въ соборѣ принесли поздравленія императрицѣ. Во все время литургіи, Екатерина стояла на тронѣ, въ коронѣ, со скиптромъ въ правой и съ державой въ лѣвой рукѣ. Миропомазаніе совершалъ преосвященный новгородскій. Екатерина сама вошла въ царскія врата и, подойдя къ престолу, сама пріобщилась изъ потира святыхъ тайнъ. По окончаніи литургіи, Екатерина, въ полномъ императорскомъ облаченіи, въ порфирѣ и коронѣ, съ державой и скипетромъ, прошла изъ успенскаго собора въ архангельскій и благовѣщенскій, гдѣ прикладывалась къ мощамъ. Во время шествія, полки „отдавали честь съ музыкою, барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ до земли знаменъ“, народъ кричалъ ура, причемъ „шумъ и восклицанія радостныя, звонъ, пальба и салютація кажется воздухомъ подвигли“. По всему пути изъ успенскаго въ архангельскій соборъ „метаны были въ народъ золотые и серебряные жатоны“.

Такъ же торжественно, церемоніально, возвратилась Екатерина въ кремлевскій дворецъ. Въ аудіенцъ-камерѣ, сидя въ креслахъ, подъ балдахиномъ, императрица жаловала разными императорскими милостями многихъ особъ, „а особливо тѣхъ, которые отличную услугу и вѣрность при возшествіи Ея Величества на престолъ Всероссійскій ей и отечеству показали“. Щедрою рукою были раздаваемы ордена св. Андрея и Александра Невскаго, брильянтовыя шпаги, придворные чины; Орловы были возведены въ графское достоинство, причемъ графъ Григорій пожалованъ въ генералъ-адъютанты.

Въ 3-мъ часу, въ грановитой палатѣ, императрица, согласно этикету, на тронѣ подъ балдахиномъ „кушать одною своею персоною изволила". Ассистентами по обѣ стороны трона стояли старѣйшіе генералъ-фельдмаршалы графы А. П. Бестужевъ-Рюминъ и К. Г. Разумовскій; кн. Н. Ю. Трубецкой, какъ верховный маршалъ, съ маршалами, гр. З. Г. Чернышевъ, какъ верховный церемоній-мейстеръ, съ церемоніймейстерами, гр. П. Б. Шереметевъ, какъ оберкамергеръ, и изъ новопожалованныхъ: оберъ-шенкъ А. А. Нарышкинъ, оберъ-гофмаршалъ гр. К. Е. Сиверсъ и форшнейдеръ гр. Г. Г. Орловъ „функцію при столѣ Ея Величества отправляли". По обѣимъ сторонамъ трона, „въ своихъ мѣстахъ" стояли: оберъ-шталмейстеръ П. С. Сумароковъ, оберъ-егермейстеръ С. К. Нарышкинъ, шефъ кавалергардскаго корпуса гр. И. С. Гендриковъ, гвардіи премьеръ-маіоръ гр. А. Г. Орловъ; оберъ-камергеръ гр. Шереметевъ стоялъ на тронѣ, за кресломъ императрицы. Кушанье вносилось полковниками, „въ провожаніи каждаго блюда двумя кавалергардами и салютаціею ихъ"; кушанье ставилъ на столъ гофъ-маршалъ Измайловъ „съ преклоненіемъ колѣнъ". Духовенство, придворные чины и всѣ знатные обоего пола особы первыхъ двухъ классовъ стояли вокругъ трона, пока императрица не повелѣла имъ сѣсть за столы, приготовленные въ той же грановитой палатѣ. Во время обѣденнаго стола съ хоръ раздавались вокальные и инструментальные концерты.

Вечеромъ, весь кремлевскій дворецъ и публичныя въ Кремлѣ зданія, особенно же колокольня Ивана Великаго, были роскошно иллюминованы. Народъ сбѣжался со всей Москвы смотрѣть „огненное позорище". Въ полночь, Екатерина инкогнито вышла на Красное Крыльцо полюбоваться иллюминацiей — народъ узналъ ее и привѣтствовалъ громкимъ ура, пока она не удалилась во внутренніе покои.

Окончилась коронація; начались коронаціонныя торжества. Они растянулись на цѣлую недѣлю. Въ понедѣльникъ, 23-го, послѣ представленія въ грановитой палатѣ придворныхъ дамъ, „по двѣ персоны въ рядъ",

высшаго духовенства и дипломатическаго корпуса, на Ивановской Площади, подъ окнами грановитой палаты, пущены были фонтаны краснаго и бѣлаго вина, бившіе три часа; вокругъ фонтановъ — жареные быки, всякая живность, хлѣбъ; изъ оконъ грановитой палаты бросали въ народъ серебряные и золотые жетоны. Екатерина смотрѣла изъ окна и „изволила веселиться совершеннымъ удовольствіемъ своихъ подданныхъ“. Вторникъ весь былъ посвященъ представленіямъ россійскаго дворянства, остзейскаго рыцарства, офицеровъ гвардіи, артиллеріи и арміи. Эти представленія, чрезвычайно церемоніальныя, съ колѣнопреклоненіями и цѣлованіемъ руки, утомили Екатерину и она въ среду отдыхала, не выходя изъ своихъ внутреннихъ покоевъ. Въ четвергъ приносили поздравленіе полиція, университетъ, смоленское шляхетство, малороссійскіе депутаты и купечество, какъ московское, такъ и иногородное; въ пятницу — придворные чины, грузинскіе князья, азіатскіе народы, греки, армяне, калмыки, зюнгарцы, „россійскіе мануфактурщики“ и заводчики, наконецъ, яицкіе, гребенскіе и волжскіе казаки. Въ пятницу же, вечеромъ, въ грановитой палатѣ состоялся балъ. Екатерина не танцовала. Балъ открыли полонезомъ австрійскій посолъ графъ Мерси д'Аржанто съ гр. А. К. Воронцовой и гр. К. Г. Разумовскій съ Е. А. Нарышкиною. Суббота, 28-го сентября, была посвящена „столованію“: при дворѣ былъ обѣденный столъ для всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ гвардіи: для народа „отправлены были на разныя въ городѣ улицы для потребленія приготовленные на великолѣпно сдѣланныхъ изрядною рѣзною работою и позолотою украшенныхъ амвонахъ, быки жаренные со многочисленною живностію и хлѣбами, за которыми въ бочкахъ позолоченныхъ по мѣстамъ и посеребреныхъ пиво и медъ въ народъ отправлены были на разныя же многія улицы“; для нищихъ были разставлены во многихъ „публичныхъ открытыхъ мѣстахъ“ столы съ различными яствами, при чемъ каждаго нищаго одѣляли деньгами. Вечеромъ, во дворцѣ, обычный куртагъ съ итальянскимъ концертомъ. Въ воскресенье, 29 сентября, въ „послѣдній день радости“, императрица угощала обѣ-

домъ въ грановитой палатѣ особъ, „бывшихъ при отправленіи торжества высочайшей коронаціи", а вечеромъ былъ сожженъ „великолѣпной фейвэрокъ" на Царицыномъ Лугу. На фейерверкъ былъ приглашенъ дипломатическій корпусъ, высшіе духовные сановники, обоего пола персоны первыхъ четырехъ классовъ, генералитетъ, офицеры гвардіи. Въ 8 ч. вечера прибыла императрица на Царицынскій Лугъ, въ особо приготовленную галлерею. Передъ галлереей возвышался въ 17 сажень вышины щитъ, „который по прошествіи огненнаго своего облака открылъ зрителямъ весьма разумно изобрѣтенную и приличную къ сему торжеству въ огненномъ пламени аллегорію". Эта разумная аллегорія состояла въ томъ, что „изображенная на помянутомъ щиту въ унынiи и оскорбленіи Россія открывшимся отъ нисходящаго изъ облакъ Провидѣнія божьяго именемъ Ея Императорскаго Величества оживотворилася и въ то же время отъ разныхъ огней на земли стукъ, а на горизонтѣ испустился громъ и блистаніе глаза ослѣпляющее осіяло". Благодаря сухой, тихой и темной ночи, фейерверкъ удался вполнѣ; Екатерина тутъ же, на Царицынскомъ Лугу, благодарила за него генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа и артиллеріи полковника Мелиссино[1]).

За придворными торжествами, начались „партикулярныя празднества" — театральныя представленія, балы и маскарады у частныхъ лицъ, которые императрица почтила своимъ присутствіемъ. Въ четвергъ, 3-го октября, московскій университетъ торжествовалъ коронацію публичнымъ собраніемъ, въ которомъ профессоръ исторіи Рейхель прочелъ рѣчь на латинскомъ языкѣ, въ которой доказывалъ, что „науки приращеніе свое получаютъ отъ

---

[1]) Депеша Прассе, отъ 3 октября 1762 г., въ *Дрезд. Архивъ*, vol. VII, № 79; *Спб. Вѣдомости* за 1762 годъ, № 82, отъ 71-го октября, прибавленіе; „Обстоятельное описаніе торжественнныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ императорскую древнюю резиденцію, богоспасаемый градъ Москву, и священнѣйшаго коронованія ея августѣйшаго величества, всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великія государыни императрицы Екатерины Вторыя, самодержицы всероссійскія, матери избавительницы Отечества". Москва, 1762.

правительства и любви къ нимъ владѣющихъ государей и великихъ людей"; затѣмъ профессоръ элоквенціи Барсовъ говорилъ рѣчь на русскомъ языкѣ „о великости всеобщей радости въ случаѣ священнѣйшаго коронованія" [1]).

Императрица не присутствовала на торжественномъ актѣ университета. Съ 1-го октября Екатерина не выходила изъ кремлевскаго дворца, въ которомъ лежалъ больной великій князь Павелъ Петровичъ. Онъ пріѣхалъ въ Москву полубольной, но скоро оправился. Вѣроятно, коронаціонныя торжества утомили восьмилѣтняго ребенка; быть можетъ, онъ простудился во время фейерверка на Царицынскомъ Лугу; покрайней мѣрѣ, на другой же день, 30 сентября, онъ почувствовалъ лихорадку. Въ теченіи цѣлой недѣли, до 7-го октября, здоровье наслѣдника престола внушало серьезныя опасенія. Болѣзнь приняла на столько серьезный характеръ, что Екатерина дала обѣтъ выстроить въ Москвѣ госпиталь имени Павла, если цесаревичъ поправится [2]). Павелъ Петровичъ выздоровѣлъ и Екатерина воздвигла знаменитую въ Москвѣ павловскую больницу.

13-го сентября цесаревичъ всталъ съ постели; 17-го Екатерина выѣхала въ троицко-сергіевскую лавру.

„Свято-Троицкая Сергіева обитель, отъ самыхъ давнихъ временъ, за молитвами въ ней свято почивающихъ Божіихъ угодниковъ, имѣла то щастіе, что отъ Самодержавнѣйшихъ Всероссійскихъ Монарховъ посѣщаема была". Еще въ августѣ дано было знать, что вскорѣ послѣ коронаціи Екатерина посѣтитъ обитель. Священно-архи-

---

[1]) *Спб. Вѣдомости* за 1762 г., № 83, отъ октября.

[2]) Le Grand-Duc n'est pas encore tout-à-fait sans fièvre, Il a éte dans de trés grands dangers depuis le 11 jusqu'au 18. La Czarine a fait voeu d'établir un hôpital s'il en revenoit, et l'on va travailler à cet établissement, le premier auquel la Russie ait encore pensé pour la conservation de l'espèce. Депеша *Бретэля,* отъ 28 октября 1762 г., въ *Париж. Архивѣ,* Russie, vol. 71, № 22. Бретэль сильно преувеличивалъ значеніе болѣзни, ради дѣлаемаго имъ заключенія о непрочности престола Екатерины въ случаѣ смерти Павла Петровича: Tous les Russes convenoient sans se faire prier qu'Elle ne tiendroit pas lougtemps les rênes de gouvernement si le jeune Czar mouroit (Ibid).

мандритъ Лаврентій и намѣстникъ лавры іеромонахъ Иннокентій два мѣсяца готовились къ предстоявшему посѣщенію: чистили соборъ, убирали кельи священно-монаховъ, провѣтривали „императорскіе чертоги", шили новыя ливреи, заказывали фейерверкъ, готовили иллюминацію, писали рѣчи, сочиняли оды, разучивали кантаты, заготовляли провизію, такъ какъ дано было знать, что императрица прибудетъ въ лавру „съ немалою двора своего свитою".

Въ четвергъ, 17 октября, изъ Москвы двинулся великолѣпный поѣздъ, состоявшій изъ каретъ, линей и всевозможныхъ экипажей. Карета императрицы конвоировалась блестящею свитою. Въ 8-мъ часу вечера, поѣздъ прибылъ въ лавру. Священно-архимандритъ Лаврентій со всею братіею, въ священномъ облаченіи, въ предшествіи хоругвей и святыхъ иконъ, встрѣтилъ Екатерину за святыми воротами. Едва императрица вышла изъ кареты, какъ тутъ же, подъ открытымъ небомъ, Лаврентій привѣтствовалъ ее рѣчью, въ которой сравнилъ съ Еленою по благочестію и съ Юдифью по мужеству; онъ просилъ Екатерину „оживить обитель сію Елисаветинымъ духомъ", за что обѣщалъ, что „ходатайство здѣ опочивающихъ угодниковъ" подкрѣпитъ скипетръ ея державы. Екатеринѣ былъ поднесенъ животворящій крестъ, и началось церемоніальное вшествіе въ лавру: священно-монахи, по два въ рядъ, пѣли стихъ „Днесь благодать Святаго Духа", намѣстникъ кропилъ путь святою водою, звонили въ колокола, палили изъ пушекъ. За воротами лавры новое зрѣлище: ученики семинаріи, „которыхъ числомъ сорокъ", стояли по сторонамъ дороги, „въ приготовленномъ бѣломъ съ золотыми травами платьѣ, имѣя въ рукахъ вѣтви и зѣленые на главахъ вѣнцы", пѣли нарочно сочиненный кантъ, пока Екатерина не вошла въ соборную церковь. Пѣвчіе грянули „Достойно есть". Екатерина приложилась къ иконамъ, мощамъ преподобнаго Сергія, выслушала эктенію и по провозглашеніи многолѣтія направилась въ императорскіе чертоги, сопровождаемая новымъ кантомъ семинаристовъ, пушечною пальбою и колокольнымъ трезвономъ. Вечеромъ вся лавра была иллюминована, а передъ императорскими покоями была зажжена особенно

хитрая иллюминація: „какъ различными емблемами, такъ и изъ священнаго писанія пристойными живописью изображенными исторіями представлялась радость, какую имѣетъ Церковь и Россія, видя надъ собою царствующую благочестіемъ и мудростію знаменитую Монархиню, и благодарность, какую одолжается воздавать верховному свѣта Правителю и Его благому о себѣ промыслу, котораго не дремлющее и не усыпающее око хранитъ своего Израиля".

Всю пятницу, 18 октября, Екатерина провела въ лаврѣ, гдѣ слушала литургію, длиннѣйшую проповѣдь намѣстника іеромонаха Иннокентія, доказывавшую неложность священнаго писанія: „въ руцѣ Господни власть земли и потребнаго воздвигнетъ во время на ней"[1]), молебенъ преподобному Сергію и многолѣтіе себѣ, причемъ была произведена пушечная пальба и колокольный звонъ. Архимандритъ угостилъ обѣдомъ императрицу и ея свиту, „при чемъ, при питіи за высочайшія здравія, производилась пушечная пальба и пѣвчіе пѣли канты, для высочайшаго пришествія сложенные". Послѣ обѣда, Екатерина осматривала ризницу, посѣтила семинарію, при чемъ семинаристы, „радостію сердечно взыгравъ", спѣли кантъ, произнесли стихи на русскомъ и латинскомъ языкѣ и прочли рѣчь на греческомъ языкѣ, а ректоръ іеромонахъ Платонъ сказалъ краткое, восторженное слово на мотивъ: „откуду мнѣ сіе, да пріиде мати Господа моего ко мнѣ", причемъ напомнилъ, что какъ „вертоградъ напаяется водою и согрѣвается солнцемъ", такъ въ Россіи „ученія вертоградъ насаждается высочайшихъ нашихъ монарховъ мудростію, напаяется благоволеніемъ, согрѣвается щедротою". Въ заключеніе семинарія угостила императрицу диспутомъ „о бытіи и промыслѣ Божіи". Все это Екатерина выслушала „съ яснѣйшими знаками Своея къ Наукамъ любви и благоволенія къ труждающимся во оныхъ". Семинаристы проводили свою августѣйшую гостью особымъ кантомъ, который начинался словами:

Не можетъ толь насъ веселить
Весна своей красою,

---

[1]) Сирахъ, 10.

Ни въ жаркій день кто прохладитъ
Сердца всѣхъ насъ водою,
Какъ Ты, пришествіемъ Своимъ,
Дражайша наша Мати!

и оканчивался церковно-семинарскою мольбою;

Императрицѣ-жъ да подасть
Мольбами чудотворцевъ
Творецъ множайшу щастья часть,
Къ стребленію церьквоборцевъ.

Изъ семинаріи Екатерина прошла въ семинарскую библіотеку, гдѣ долго разсматривала древнія рукописи, и только въ четвертомъ часу возвратилась въ императорскіе чертоги. Императрица приказала выдать какъ семинаріи, такъ находящимся при лаврѣ отставнымъ военнымъ и призрѣваемымъ въ лаврской богадельнѣ по пятисотъ рублей; настоятелю и братіи пожаловала сто имперіаловъ[1]). Вечеромъ опять иллюминація всѣхъ зданій лавры.

Въ суботу, 19-го октября, въ 9-мъ часу утра, Екатерина, приложившись въ соборѣ къ мощамъ преподобнаго Сергія, вышла, въ сопровожденіи всей братіи, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, за святыя врата лавры, сѣла въ линею и отправилась въ Москву. Въ ближайшей къ лаврѣ Клементьевской слободѣ, Екатерина бросала деньги въ народъ, собравшійся посмотрѣть свою новую императрицу[2]).

Коронаціонныя празднества продолжались во все время пребыванія Екатерины въ Москвѣ. Болѣе полугода, съ

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 118.

[2]) „Описаніе всерадостнаго вшествія благочестивѣйшія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы Всероссійскія, въ святотроицкую Сергіеву лавру и прочаго, что въ оной лаврѣ въ высочайшее присутствіе Ея Императорскаго Величества производимо было, усердну Ея къ Богу и угодникамъ горячесть представляющее, октября 17 дня 1762 года". Москва, 1762, in-fol. Довольно рѣдкое изданіе, любезно предоставленное намъ извѣстнымъ любителемъ старины М. И. Пыляевымъ.

октября по іюнь, театральныя представленія смѣнялись шумными балами, парадные обѣды придворными маскарадами, загородныя прогулки народными увеселеніями[1]). Съ дворомъ соревновали въ этомъ случаѣ придворные сановники, и празднества, устроенныя Шереметевымъ или Разумовскимъ, Салтыковыми или Голицыными поражали не меньшимъ великолѣпіемъ, роскошью и многолюдствомъ[2]).

---

[1]) Въ депешѣ *Бретэля,* отъ 9 января 1763 года: Les affaires intérieures occupent de préférence à celles du dehors, et dans ce moment une suite de bal masqué, d'opera et de plaisirs publiques suspend même beaucoup l'attention dans cette partie. L'Impératrice veut amuser tout le monde et cette bonté tient fort à sa politique: l'on pense moins à l'intrigue quand le praisir occupe... Les bals causent des grandes distractions aux affaires (*Париж. Архивъ,* Russie, 1763. № 13). Приводимъ выдержку изъ Камеръ-фурьерскаго журнала за одинъ мѣсяцъ: 2-го января — маскарадъ у гр. П. Б. Шереметева; 7-го — маскарадъ у гр. И. Г. Чернышева; 9-го — маскарадъ для всего дворянства; 10-го — опера на россійскомъ діалектѣ; 12-го — куртагъ; 13-го — маскарадъ у Локателли; 16-го — маскарадъ публичной; 17-го — маскарадъ у гр. И. Л. Воронцова; 18-го — маскарадъ у шталмейстера кн. С. В. Гагарина; 19-го — трагедія на россійскомъ діалектѣ; 20-го — выходъ къ милорду гр. Букингэму; 21-го — маскарадъ у гр. П. Б. Шереметева; 22-го — отъѣздъ въ село Пруссы, къ гр. И. С. Гендрикову; 23-го маскарадъ публичной; 24-го — вѣнчаніе подпоручика коннаго полка Алексѣя Челищева съ гр. Варварой Гендриковой; 25-го — на россійскомъ языкѣ трагедія, балетъ и нах-комедія, вечернее кушанье у гр. Г. Г. Орлова; 26-го — россійская трагедія; 30-го января — въ баржѣ, поставленной на полозья, и въ разныхъ фигурныхъ саняхъ къ И. Н. Бецкому смотрѣть маскарадъ; оттуда въ Кусково къ П. Б. Шереметеву; 31 января — русская опера; 1-го февраля — публичный маскарадъ; 2-го февраля — маскарадъ для малолѣтнихъ, отъ 8 до 12 лѣтъ, дѣтей генераловъ и дворянъ. Билетовъ на маскарады раздавалось отъ 2 до 3 тысячъ, наблюденіе стало невозможно, и на маскарады во дворецъ являлись лица, не имѣвшія права входа. На маскарадъ 1-го февраля Бецкому было поручено смотрѣть, чтобъ „учителямъ, мадамамъ и другимъ, кому къ ономъ маскарадѣ быть не надлежитъ“ билетовъ не передавали. *Камеръ-фурьер. журналъ* 1763 г., стр. 25; *Порошинъ,* 50.

[2]) Les particuliers donnent des fêtes et elles sont en effet d'une magnificence que peu de pays voulussent autoriser. Изъ депеши *Бретэля,* отъ 9 января 1763 года, въ *Париж. Архивъ,* Russie, 1763, № 13.

Веселились всѣ, веселились много, и веселились отъ души. Даже угрюмый графъ Букингэмъ, англійскій посланникъ, поддался общему праздничному настроенію и посвятилъ цѣлую депешу „любительскому спектаклю“ при дворѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ придворный праздникъ 29-го января 1763 года:

„Не могу не упомянуть о праздникѣ, на которомъ я присутствовалъ вчера вечеромъ. Въ одной изъ великолѣпнѣйшихъ залъ дворца императрицы была устроена сцена со всѣми необходимыми декораціями и на ней была представлена одна изъ русскихъ трагедій. Сюжетъ взятъ изъ русской повѣсти и, насколько можно судить по безграмотному французскому переводу, чувства и рѣчи, составляющія пьесу, принесли бы честь ея автору въ любой странѣ. Графиня Брюсъ выполнила главную роль съ такимъ умомъ, легкостію и свободой, которые не всегда встрѣчаются между людьми, готовившими себя для сцены. Два другіе характера были прекрасно переданы графомъ Орловымъ и сыномъ покойнаго фельдмаршала графа Шувалова. Послѣ представленія начались танцы, исполненные фрейлинами и другими лицами высшей аристократіи. Полагаю, что едва-ли на какой-либо сценѣ собиралось такъ много красивыхъ женщинъ, и даже думаю, что не во всякой странѣ можно бы отыскать ихъ. Между ними особенно отличались графиня Строгонова, дочь великаго канцлера, графиня Нарышкина и молодая дѣвица, сестра полковника Сиверса, бывшаго въ Англіи, дочь обер-гофмаршала. Оркестръ былъ составленъ изъ любителей же. Изящество и великолѣпіе всего вечера были таковы, что безпристрастное его описаніе должно казаться преувеличеннымъ. Если принять въ соображеніе, какъ недавно введены въ Россію изящныя искусства, и даже въ этотъ промежутокъ времени сколько лѣтъ ими лишь слабо интересовались, то нельзя не удивляться, что такого рода представленіе, задуманное лишь нѣсколько недѣль назадъ, могло быть выполнено въ такомъ совершенствѣ“[1]).

---

[1]) Депеша гр. *Букингэма*, отъ 10-го февраля 1763 года, въ *Сборникѣ*, XII, 77. Въ депешѣ отъ 14 февраля, упомянувъ о перлюстра-

Въ вихрѣ коронаціонныхъ празднествъ не былъ забытъ и простой московскій людъ. Въ половинѣ января москвичи слушали и читали слѣдующее объявленіе:

„Сего мѣсяца 30-го и февраля 1-го и 2-го, то есть, въ четвертокъ, суботу и воскресенье, по улицамъ большей Нѣмецкой, по обоимъ Басманнымъ, по Мясницкой и Покровкѣ отъ 10 часовъ утра за полдни, будетъ ѣздить большей маскарадъ, названной „Торжествующая Минерва“, въ которомъ изъявится *гнустность пороковъ и слава добродѣтели.* По возвращеніи онаго къ горамъ, начнутъ кататься и на сдѣланномъ на то театрѣ, представятъ народу разныя игралища, пляски, комедіи кукольныя, гокусъ покусъ и разныя тѣлодвиженія, станутъ доставать деньги своимъ проворствомъ, охотники бѣгаться на лошадяхъ и прочее. Кто оное видѣть желаетъ, могутъ туда собираться и кататься съ горъ во всю недѣлю масляницы, съ утра и до ночи, въ маскѣ или безъ маски кто какъ похочетъ всякого званія люди“.

Диву дались москвичи: о Минервѣ, почему-то еще торжествующей, они никогда не слыхали, и что такое гокусъ-покусъ понятія не имѣли. Бывалъ въ Москвѣ и англійскій „позитурный мастеръ“ Штуардъ, и голландскій штукмастеръ Сергеръ, который „оказывалъ свои куншты“, бывалъ и французскій механистъ Дюмолинъ, показывавшій „голову движущуюся, которой дѣйствія такъ удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ“, бывали даже „людіе-великаны“, но никакой бабы, прозывающейся Минервою, еще не бывало. Москвичи помнили недавній указъ, чтобъ „по улицамъ въ платьѣ приличномъ къ комедіямъ ни въ какомъ, нарядясь, не ходить и не ѣздить“[1]), а теперь объявлены даже улицы, по которымъ пойдутъ ряженые, и пойдутъ именно утромъ, „до окончанія церковныя службы“, что давно уже запрещалось[2]).

ціи, посланникъ прибавилъ: This idea (though the performence had all the merit I gave it) determined me to write so particular a detail of the tragedy which was acted at Court, as I knew She wished for and expected some notice should be taken of it (*Ibid.*, 79).

[1]) *П. С. З.*, № 9824.

[2]) *Забѣлинъ,* Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII столѣтія, въ *Современникѣ*, т. XXXII, отд. II, стр. 41.

Ничего подобнаго Москва никогда еще не видѣла. Въ четвергъ, 30-го января, улицы, указанныя въ объявленіи, особенно же Большая Нѣмецкая, были запружены народомъ. Маскарадная процессія, въ которой участвовало до 4,000 человѣкъ, растянулась версты на двѣ. Она состояла изъ 12-ти отдѣловъ, изображавшихъ насмѣшку, пьянство, невѣжество, несогласіе, обманъ, мздоимство, превратность свѣта, спѣсь, мотовство, златой вѣкъ, миръ и добродѣтель[1]). Изобрѣлъ и распоряжался маскарадомъ первый русскій актеръ и театралъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ; хоральныя пѣсни для маскарада сочинялись, кажется, соборне: „Стихи къ большому Маскараду“ написалъ М. Херасковъ. Въ изданномъ къ этому дню „либретто“[2]) помѣ-

[1]) Для примѣра изобрѣтательности Волкова приводимъ описаніе перваго отдѣла маскарада, озаглавленнаго „Момусъ или перемѣшникъ“: „Провозвѣстникъ маскарада со своею свитою. Знакъ его, на знакѣ куклы и колокольчики. Надпись: *упражненіе малоумныхъ*. Процессія: 1) хоръ комической музыки; 2) большія литавры и два знака Момусовыхъ; 3) театры съ кукольщиками, по сторонамъ оныхъ 12 человѣкъ на деревянныхъ коняхъ съ гремушками; 4) флейщики и барабанщики въ кольчугахъ; 5) Радомандъ, забіяка, храброй дуракъ верхомъ, за коимъ слѣдуетъ пажъ, поддерживая ево косу; 6) служители Пантолоновы одѣты въ комическое платье, и Пантолонъ пустохватъ въ портшезѣ, которой несутъ 4 человѣка; 7) служители глупаго педанта, одѣты скарамушами; 8) книгохранительница безумнаго враля; 9) дикари съ ассистентами; 10) мѣсто для арлекина; 11) два человѣка ведутъ быка съ придѣланными на груди рогами (Момъ видя человѣка смѣялся, для чего боги не сдѣлали ему на грудяхъ окна, сквозь которое бы въ его сердце смотрѣть было можно; быку смѣялся, для чего боги не поставили ему на грудяхъ роговъ, и тѣмъ лишили его большей силы; а надъ домомъ смѣялся, для чего не можно его, естьли у кого худой сосѣдъ, поворотить на другую сторону), на немъ сѣдящей человѣкъ имѣетъ на грудяхъ оконницу, и держитъ модель кругомъ вертящагося дома, предъ ними 12 человѣкъ въ шутовскомъ платьѣ съ дудками и гремушками; 12) Момусъ съ ево свитою“.

[2]) „Торжествующая Минерва, общенародное зрѣлище, представленное большимъ маскарадомъ въ Москвѣ 1763 года, Генваря 30 дня. Печатано при Императорскомъ московскомъ Университетѣ“. За это „либретто“ маскарада, составляющее въ настоящее время библіографическую рѣдкость, мы обязаны благодарностью знатоку старины М. И. Пыляеву, который съ обычною любезностью дозволилъ намъ воспользоваться его экземпляромъ.

щены стихи, хоры и самый порядокъ процессіи, съ объясненіемъ, что должны изображать та или другая колесница, которыхъ было до 200, группы людей, маски, инструменты, аллегорическія изображенія. Въ первыхъ же строкахъ Херасковъ объяснилъ и значеніе этого маскарада:

Свѣтило истинны и честь кому любезна
Для тѣхъ сердецъ хула порокамъ преполезна:
Ничто не судитъ такъ всеобщія дѣла
Какъ смѣхъ дурнымъ страстямъ, а честности хвала.

Каждое изъ 12-ти отдѣленій маскарада объяснялось какъ стихами Хераскова, такъ хоральными пѣснями и описаніемъ Волкова, безъ чего, дѣйствительно, трудно было разобраться въ этой массѣ арлекиновъ, трубачей, фурій, посаженныхъ на верблюдовъ, нетопырей, тигровъ, среди движущихся горъ, портшезовъ и колесницъ. Нужно было объяснить русскому человѣку, что „акциденція, сидящая на яйцахъ и три вылупившіяся изъ яицъ гарпіи и нѣсколько криводушниковъ ассистентами", должны изображать взятку, которой предшествуетъ „хромая правда на костыляхъ". Вотъ, напримѣръ, что, по стихамъ Хераскова, долженъ былъ изображать седьмой отдѣлъ маскарада, представлявшій „превратность свѣта":

Въ изображеніи своемъ превратной свѣтъ
Намъ образъ житія несмысленныхъ даетъ,
Которы напоясь невѣжества отравой,
Не такъ живутъ, какъ жить велитъ разсудокъ здравой.
Они даютъ вещамъ несвойственный имъ видъ,
И то для нихъ хвала, что умнымъ людямъ стыдъ.
Который на примѣръ не давно былъ въ заплатахъ,
И ставъ откупщикомъ, теперь живетъ въ палатахъ:
Въ каретѣ сидя онъ, не смотритъ на людей,
Самъ будучи своихъ глупяе лошадей.
Иль баба подлая, природу утая,
Нарядомъ госпожа, поступками свинья,
По вкусу своему амуръ себѣ находитъ:
А именно съ осломъ по свѣтски дружбу водитъ.
Или какой нибудь, безмозглый вертопрахъ
И обезъянинъ видъ считаетъ въ красотахъ.

Въ поясненіе стиховъ, за двумя трубачами на верблюдахъ и литаврщикомъ на быкѣ, ѣхала громадная колесница, на которой „люлька, въ коей старуха играетъ въ куклы и сосетъ рожокъ, и при ней маленькая дѣвочка съ лозою“. При каждой такой „живой картинѣ“, которыхъ было до 40, хоръ пѣлъ соотвѣтствующія пѣсни, оканчивающіяся моралью. Такъ, масляничный разгулъ воспѣвался хоромъ сатиръ:

Въ сырны дни мы примѣчали:
Шумъ блистаетъ,
Шаль мотаетъ,
Дурь летаетъ,
Хмѣль шатаетъ,
Разумъ таетъ,
Зло хватаетъ,
Наглы враки,
Сплетни, драки,
И грызутся какъ собаки.
Примиритесь!
Рыла жалѣйте и груди!
Пьяныя, пьяныя люди,
Пьяныя люди,
Не деритесь!

Этимъ трехдневнымъ маскарадомъ, которымъ тѣшился не только простой народъ, но любовался весь дворъ и сама Екатерина[1]), закончились масляничныя увеселенія[2]) и наступившій великій постъ прервалъ на семь недѣль коронаціонныя празднества. Вскорѣ послѣ Святой Екатерина уѣхала въ Ростовъ.

[1]) Въ четвергъ, 30 января, въ полдень, Екатерина поѣхала къ И. И. Бецкому, „гдѣ изъ состоящаго на большую улицу покоя, сдѣланнаго на подобіе фонаря, изволила смотрѣть слѣдующаго по улицамъ публичнаго маскарада“. *Камеръ-фурьер. журн.* за 1763 годъ, стр. 23.

[2]) Какъ кажется, этимъ увеселеніямъ много повредили холода. Въ письмѣ Ярославцева къ Арсенію Маціевичу, отъ 23-го февраля 1763 года, сказано: „Здѣсь масляница тихо прошла, а народъ гулящій отъ большихъ морозовъ покойно масляную провожали“ (*Архивъ св. Синода,* Секретн. дѣла, № 119; *День,* 1864, № 39). Впрочемъ, Ярославцевъ, въ своихъ письмахъ, рисуется пессимистомъ — онъ не упоминаетъ даже о маскарадѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ В. запретилъ мощамъ являться[1]), только при Елизаветѣ Петровнѣ были открыты мощи св. Дмитрія ростовскаго. Новоявленный святой привлекалъ въ Ростовъ массу богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи. Ставшая подъ старость богомольною, хотя и не ханжею, Елизавета Петровна приказала соорудить серебряную раку для св. Дмитрія, но умерла раньше, чѣмъ рака была готова. Екатерина воспользовалась готовою уже ракою, какъ средствомъ подтвердить народу, что она вступила на престолъ дѣйствительно „для обороны православной вѣры"[2]). Она объявила, что сама отправится на богомолье въ Ростовъ и сама поставитъ серебряную раку.

Митрополитомъ ростовскимъ былъ въ это время знаменитый Арсеній Мацѣевичъ, мужъ свѣтлаго ума, сановникъ твердаго характера, послѣдній защитникъ правъ духовенства. Екатеринѣ было извѣстно письмо Арсенія къ Бестужеву, въ которомъ былъ видѣнъ уже смѣлый борецъ за церковныя имущества; она знала, что Арсеній врагъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церковныя. Еще въ февралѣ 1763 года серебряная рака была отослана въ Ростовъ съ маіоромъ Шаденомъ; между тѣмъ, различныя дѣла, то государственныя, то династическія, то чисто личныя, заставляли Екатерину отложить до весны ростовское богомолье. 28-го февраля она пишетъ[3]) директору кабинета Олсуфьеву:

„Адамъ Васильевичъ. Понеже я знаю властолюбія и „бешенства Ростовскаго Владыки, я умираю, боюсь, чтобъ „онъ не поставилъ раки Дмитрія Растовскаго безъ меня. „Известите меня какъ вы еѣ отправили, съ какимъ приказаньемъ и подъ чей смотренія она находится. И естьли „не взяты, то возмите всѣ осторожности, чтобъ оная рака „безъ меня отнюдь не поставлена была".

Олсуфьевъ въ тотъ же день отвѣчалъ императрицѣ: „Для лучшаго и точнѣйшаго Вашему Величеству изъяс-

---

[1]) *П. С. З.*, № 2985.

[2]) Pour défendre la foi orthodoxe (*Русск. Архивъ*, 1865, 493).

[3]) *День*, 1862, № 17; *Чтенія*, 1862, III, 292; *Русск. Архивъ*, 1863, 414 (102).

ненія, на какомъ основаніи рака въ Ростовъ отправлена, подношу при семъ черной отпускъ письма моего къ Митрополиту, по которому такого дерзновенія, кажется, чаять не можно. Приказано поставить *впредь до Указу* въ особомъ мѣстѣ, по близости отъ церкви; сказано, что приложена печать Кабинетная и что для охраненія оставлены будутъ солдаты, да и маіору Шадену, который съ нею поѣхалъ, извѣстно, что Ваше Величество намѣрены поставить раку въ собственномъ своемъ присутствіи, слѣдовательно, надѣюсь, что до самовольства и онъ не допуститъ. Il faudroit que Son Eminence fut d'une hardiesse inconcevable pour oser y mettre les doigts"[1]). На этомъ письмѣ Екатерина все-таки написала: „Не худо бы подтвѣрдить, „чтобы безъ меня отнюдь не поставили рака".

Спустя мѣсяцъ, Арсеній Мацѣевичъ лишился не только ростовской митрополіи, но и священническаго сана; какъ простой монахъ, онъ былъ сосланъ въ корельскій монастырь. Екатерина успокоилась на счетъ раки, утвердивъ 12-го апрѣля приговоръ о ссылкѣ митрополита Арсенія.

Въ понедѣльникъ, 12-го мая, въ 6-мъ часу утра, Екатерина пѣшкомъ вышла изъ Москвы, отправляясь на богомолье въ Ростовъ[2]). Она шла пѣшкомъ, по десяти верстъ въ день, и садилась въ карету только за „снѣжною погодою"[3]). Это дѣйствительно былъ „походъ": пройдетъ императрица нѣсколько верстъ, сядетъ въ экипажъ и возвратится назадъ, откуда вышла; тамъ отдохнетъ, пообѣдаетъ, и въ экипажѣ пріѣдетъ опять на то же мѣсто, гдѣ сѣла въ экипажъ, и продолжаетъ идти пѣшкомъ до слѣдующей остановки. Погода, однако, не благопріятствовала богомолью. „Ненастье и здѣсь продолжается — пишетъ Екатерина Панину — и видя, что „Богу не угодно пѣшехожденіе, подвергаемся индѣ въ каретѣ переѣхать"[4]).

---

[1]) *День*, 1862, № 17; *Чтенія*, 1862, III, 292.

[2]) *Камеръ-фурьер. журналъ*. 1763 г., стр. 86.

[3]) Депеша гр. *Букингэма*, отъ 23 мая 1763 г.: She propose walking ten versts each day (*Сборникъ*, XII, 104), *Камеръ-фурьер. журналъ*, 1763, 15 мая, стр. 88.

[4]) Почти ежедневно писала Екатерина съ пути Панину и въ этихъ записочкахъ много замѣтокъ о дурной погодѣ: Le mauvais

Только 23-го мая, „пополудни въ 7 часу", пришла Екатерина въ Ростовъ. „Завтра — пишетъ Екатерину Панину отъ 24 мая[1]) — будетъ перенесеніе мощей Святаго Ди„митрія, а послѣ завтра поѣду далѣе въ путь; вчерашней „день еще чудеса были, женщина одна исцѣлилась, а пре„освященной Сѣченой хочетъ запечатовать раку, дабы „мощей не украли; однако я просила, дабы подлой народъ „не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько время снаружи".

Изъ Ростова Екатерина проѣхала въ Ярославль, который очень понравился[2]) и, черезъ Ростовъ же, возвратилась въ Москву 31-го мая. Богомолье въ Ростовъ еще болѣе расположило москвичей въ пользу Екатерины; совершенный ею религіозный подвигъ возвышалъ императрицу въ ихъ глазахъ. Этимъ богомольемъ закончилась программа поѣздки въ Москву на коронацію. 14-го іюня Екатерина выѣхала въ Петербургъ.

Въ память коронаціи была выбита медаль: на лицевой сторонѣ — бюстъ императрицы; на оборотной — аллего-

---

temps continue, les mauvais piétons sont fort aise des bourrasques qu'il fait. Въ другой запискѣ, отъ 22-го мая: „Продолжающіеся вѣтры, холодъ и непрестанные дожди съ происходящею отъ того грязью отнимаютъ и у насъ удовольствіе, которое бъ могли мы при хорошемъ времени въ пути имѣть" (*Сборникъ*, VII, 284, 287).

[1]) Письмо безъ даты, но такъ какъ переложеніе мощей совершилось 25-го мая, въ воскресенье (*Камеръ-фурьер. журналъ*, стр. 99), то, несомнѣнно, оно писано 24-го мая, что подтверждается и „вчерашнимъ днемъ": ко дню пріѣзда императрицы пріурочено и исцѣленіе женщины (*Сборникъ*, VII; 288).

[2]) „Городъ Ярославль весьма всѣмъ нравится и я почитаю его третьимъ городомъ изъ тѣхъ, которые я видѣла въ Россіи", писала Екатерина Глѣбову (*Сборникъ*, VII, 292). Позже, Екатерина отдавала преимущество Твери, но именно въ это ея путешествіе она получила извѣстіе, что страшный пожаръ истребилъ всю Тверь (*Ibid*, 285), причемъ пострадалъ и архіерейскій домъ, который Екатерина такъ расхваливала (*Ibid.*, 154; *Чтенія*, 1863, II, 1). Екатерина любила Тверь; она оказала помощь погорѣльцамъ (*Архивъ Сената*, т. 106, л. 448) и позже много заботилась о правильной застройкѣ города (*Архивъ Сената*, т, 107, л. 168; *Blum*, I, 458; *Арх. кн, Воронцова*, VI, 645; XXVIII, 39; *Русск. Архивъ*, 1867, 347; 1870, 1428, 1886, III, 59).

рическое изображеніе подвига 28-го іюня[1]), съ надписью вверху: „За спасеніе вѣры и отечества“, внизу: „Коронована въ Москвѣ, сентября 22 дня 1762 года“.

Екатерина осталась чрезвычайно довольна пріемомъ, оказаннымъ ей въ Москвѣ, особенно простымъ народомъ, толпой, русскимъ мужикомъ. Два дня спустя послѣ коронаціи, она писала гр. Кейзерлингу: „Невозможно описать вамъ восторгъ безчисленнаго народа при видѣ меня „здѣсь. Я не могу выйти, ни даже показаться въ окнѣ, безъ того, чтобъ не возобновились крики“[2]). Духовенство соревновало народу. Во всѣхъ привѣтствіяхъ, словахъ и рѣчахъ, къ ней обращенныхъ, высшіе представители духовенства прославляли ее, какъ спасительницу отечества, переворотъ 28 іюня называли чудомъ Божіимъ, величали ее избранницею Господа. Конечно, Екатеринѣ не могло быть пріятнымъ сравненіе съ израильскою Юдифью, причемъ Петръ III приравнивался къ Олоферну, но это неудачное сравненіе затуманивалось тѣмъ ѳиміамомъ, который духовенство въ изобиліи воскуряло Екатеринѣ при всякомъ случаѣ. Новопожалованный митрополитъ новгородскій, Дмитрій Сѣченовъ, обратился къ императрицѣ тотчасъ послѣ коронаціи съ восторженною рѣчью, въ которой говорилъ:

---

[1]) Официальное описаніе этой аллегоріи таково: „Православіе и россійское отечество, спасенныя геройскимъ духомъ ея императорскаго величества отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій, радостно возносятъ украшенный дубовыми листьями щитъ съ именемъ ея величества, на который провидѣніе Божіе императорскую корону налагаетъ; передъ ними стоитъ курящійся жертвенникъ съ изображеніемъ знака духовнаго, военнаго и гражданскаго чина, на который Россійское отечество сыплетъ ѳиміамъ, во изъявленіе всенародныхъ молитвъ и усердныхъ желаній о долгоденствіи и благополучномъ государствованіи вседражайшія ихъ монархини и избавительницы“. Было предложено нѣсколько проектовъ медали (*Госуд. Архивъ*, III, 12, л. 16 и 39), при чемъ Екатерина называлась Patriae Servatrix и т. п.

[2]) Сборникъ, XLVIII, 137. Упомянувъ о поѣздкѣ Екатерины въ Москву для коронованія, Рюльеръ прибавляетъ: Moscou la vit sans empressement et sans joie. Quand elle passait dans les rues, le peuple s'éloignait, mais son fils était toujours environné par la foule. *Rulhière*, 151.

„Господь возложилъ на главу твою вѣнецъ. Знаетъ Онъ благочестивые отъ напасти избавляти; зналъ Онъ предъ Собою чистое сердце твое, зналъ непорочные пути твои; зналъ въ несносномъ терпѣніи твоемъ ни откуду помощи ищущую, на Него единаго уповающую. Знаемъ и всѣ единодушно скажемъ, что ни глава твоя царскаго вѣнца, ни рука твоя державы поискала славы ради, или снисканія высокой власти, или пріобрѣтенія временныхъ сокровищъ; но едина матерняя ко отечеству любовь, едина вѣра къ Богу и ревность къ благочестію, едино сожалѣніе о страждущихъ и утѣсняемыхъ чадѣхъ Россійскихъ понудили тебя пріяти великое сіе къ Богу служеніе. Видѣла озлобленіе людей твоихъ; видѣла все и воздыхала яко близь паденія церковь, близь опасности все благосостояніе Россійское, но ты едина ревнуя поревновала еси. Господи Боже Вседержителю, и сіе чудное строеніе не человѣческаго ума и силы, но Божіихъ несказанныхъ судебъ и Его премудраго совѣта. Будутъ чудо сіе восклицать проповѣдники, напишутъ въ книгахъ историки, прочтутъ съ охотою ученые, послушаютъ въ сладость некнижные, будутъ и послѣдніе роды повѣствовать чадомъ своимъ и прославлять величія Божія".

Такой апоѳеозъ революціоннаго начала не внушалъ, конечно, Екатеринѣ высокаго мнѣнія о духовенствѣ; но признаніе переворота 28-го іюня дѣломъ Божіимъ было для нея весьма важно: ея земные пособники, начинающіе уже заявлять свои права, добивающіеся власти, стремящіеся къ умаленію самодержавія, должны будутъ умолкнуть, принизиться, уничтожиться, передъ Пособникомъ небеснымъ.

Митрополитъ новгородскій оказался дурнымъ пророкомъ. Въ то время, какъ онъ говорилъ свою рѣчь, въ самой Москвѣ появились уже недовольные „дѣломъ Божіимъ" и пособники „чуда" замышляли уже новый переворотъ.

X.

Всякое преступленіе заключаетъ въ самомъ себѣ свое наказаніе. Это не правило, допускающее исключенія; это законъ природы, не подлежащій измѣненію. Не избѣгла его и Екатерина.

„1762 года октября 2-го дня, поутру, приехалъ ко мне, Петру Чихачеву, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка капитанъ порутчикъ Иванъ Селиверстовъ сынъ Гурьевъ для прозбы чтобъ я сыскалъ ему денегъ въ заемъ і между темъ говорилъ мне, что Іванъ Івановичъ Шуваловъ і съ нимъ четыре знатныя персоны, а кто именно не объявилъ, и протчия до семидесяти человѣкъ въ согласіи стараютца, чтобъ быть імператоромъ і государемъ Івану Антоновичу, толко скоро зделать того не можно, потому что солдаты гвардіи любятъ всемилостивѣйшую Государыню, а со временемъ можетъ быть великое крово пролитие" [1]). Чиха-

---

[1]) *Госуд. Архивъ,* VI, 396. Всѣ бумаги, касающіяся „заговора Гурьевыхъ и Хрущевыхъ", хранятся въ Государственномъ Архивѣ не въ подлинникахъ, а въ современныхъ копіяхъ. Только допросы нѣкоторыхъ лицъ сохранились въ оригиналахъ и общая подписка, которую давали всѣ арестуемые по государственнымъ преступленіямъ, обвиняемые и свидѣтели, и которая заключалась въ слѣдующихъ строкахъ: „Мы нижеподписавшіеся обязуемся подъ смертною казнію, что, зачѣмъ и куда взяты были и о чемъ спрашиваны никому не объявлять и ни съ кѣмъ о семъ не говорить, въ чемъ и подписуемся". Наконецъ, далеко не всѣ бумаги сохранились. Такъ, напр., изъ дѣла вовсе не видно, какое участіе принимали въ немъ ротмистръ конной гвардіи Яминскій и капитанъ измайловскаго полка Гриневъ, которымъ Екатерина пожаловала по 3,000 рублей каждому (*Сборникъ,* VII, 178). Гринева упоминаетъ французскій посланникъ *Бретэль,* говоря, что онъ, вмѣстѣ съ Шиповымъ, извѣстилъ импе-

чевъ денегъ въ займы не далъ, но рѣчи Гурьева передалъ капитану московскаго драгунскаго эскадрона Якову Павловичу Побѣдинскому, какъ человѣку, близко знакому съ гр. Г. Г. Орловымъ. На другой день, 3-го октября, утромъ, пріѣхалъ къ Чихачеву Побѣдинскій и сообщилъ, что гр. Орловъ проситъ „все вывѣдывать и его обо всемъ извѣщать" для доклада императрицѣ. Того же 3-го октября, вѣрный, испытанный слуга Екатерины, Василій Григорьевичъ Шкуринъ, явился къ императрицѣ и со слезами на глазахъ сообщилъ ей, что въ измайловскомъ полку не спокойно, что поручикъ Петръ Хрущовъ громко говоритъ: „коли пошло на перемену, такъ быть перемене".

Орловъ преданъ Екатеринѣ, но графъ Григорій вѣтренъ; Шкуринъ же слова мимо не вымолвитъ. Сомнѣваться долѣе нельзя: что-то затѣвается — необходимо узнать что именно, и узнать немедленно. Тотчасъ же Екатерина призвала во дворецъ фельмаршала гр. К. Г. Разумовскаго, сенатора В. И. Суворова и генералъ-поручика Ѳ. И. Вадковскаго, „изъ устно" сообщила имъ полученныя ею свѣдѣнія, повелѣла „секретно, ближайшими способами, безъ розысковъ" разслѣдовать и ей донести.

Въ четвергъ, 3-го же октября, было арестовано одинадцать человѣкъ, преимущественно гвардейскихъ офицеровъ; въ ночь на 4-е — еще четыре[1]). Начались допросы.

Подпоручикъ семеновскаго полка Сергѣй Вепрейскій показалъ: До коронаціи дней за семь, встрѣтившій его близь успенскаго собора сержантъ преображенскаго полка Левъ Толстой говорилъ ему, со словъ поручика ингер-

---

ратрицу о „заговорѣ" (Депеша отъ 28 октября, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 71, № 22; Приложеніе, II, 8). Услуга Яминскаго, приравненная по оцѣнкѣ къ заслугѣ Гринева, намъ неизвѣстна.

[1]) Депеша *Бретеля*, отъ 28-го октября 1762 года: Vingt sept officiers aux gardes ou de différents régiments avec un beaucoup plus grand nombre de soldats, ont été arrêtés . . . Personne de marque ne paraît avoir été compris parmi les 27 conjurés (*Париж. Архивъ* Russie, vol. 71, № 22). Депеша *Прассе*, отъ 6 ноября 1762 г.: In der Nacht vom 15. zum 16. hat man eine gute Anzahl Officiers, Unterofficiers und Gemeine arretiren lassen (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 89).

манданскаго полка Семена Гурьева, что „собираетца некоторая партия противная, къ чему будто оною уже і солдаты армейскіе некоторыхъ полковъ распалены“ и что „посланъ не знаю какой Лихаревъ за принцемъ Іваномъ, чтобъ привести ево къ тому делу“. Толстой прибавилъ: „изъ большихъ въ партіи Іванъ Іванычъ Шуваловъ, князь Іванъ Голицынъ, да думаю де я нетъ-ли тутъ і Измайловыхъ, ибо изъ нихъ есть некоторыя огорченныя“. Въ самый день коронаціи Вепрейскій сообщилъ объ этихъ слухахъ Дмитрію Измайлову, который выслушалъ его и рѣшилъ, что „конешно оной Гурьевъ какой нибудь враль“.

Спросили Семена Гурьева. Онъ подтвердилъ слова Толстого, призналъ, что „до коронаціи дней за семь или восемь“ говорилъ Толстому о партіи, о Лихаревѣ, о Шуваловѣ, но прибавилъ: „все это я ни отъ кого не слыхалъ, а все вымыслилъ изъ своей головы“. На другой день, спрошенный вновь, Семенъ Гурьевъ измѣнилъ это свое первое показаніе, данное будто бы „въ безпамятствѣ“, и показалъ, что все сообщенное имъ Толстому онъ слышалъ отъ Петра Хрущева, кромѣ посылки Лихарева за Иваномъ Антоновичемъ, которую онъ „самъ выдумалъ“. На вопросъ о причинѣ такой выдумки, показалъ: „А какъ при возшествіи Ея імператорскаго величества на престолъ онъ былъ на карауле въ Петергофе, гдѣ обѣщаны были чины і не получилъ, і потому болѣе зъ завидости такия выдумывалъ непристойности“.

Капитанъ измайловскаго полка Михаилъ Ивановичъ Шиповъ показалъ, что Семенъ Гурьевъ, увѣряя, что въ йхъ партіи И. И. Панинъ, кн. И. Ѳ. Голицынъ и А. Г. Гурьевъ, прибавлялъ: „і еще де есть другая партия, въ которой Корфъ, і онъ собираетъ, чтобъ Іванушку воставить, а наша партия гораздо лутче, въ томъ что для чево не цесаревичъ коронованъ, і теперь сумнение у Панина съ Шуваловымъ кому правителемъ быть“. Семенъ Гурьевъ призналъ и этотъ оговоръ Шипова, сознавшись, что все сказанное имъ Шипову „затеялъ онъ самъ на себя и выдумалъ изъ своей головы напрасно, а подлинно тово ничево не было“, опятъ прибавивъ, что объ И. И. Шуваловѣ „сказывалъ ему Петръ Хрущевъ“.

Слѣдственная коммиссія узнала, сверхъ того, о „веліемъ пьянстве", бывшемъ у того же Петра Хрущева въ послѣдній день коронаціонныхъ празднествъ, 29-го сентября. Въ этотъ день у Петра Хрущева былъ обѣдъ. Уже сидѣли за столомъ А. Хрущевъ, И. Гурьевъ, В. Сухотинъ, С. Бибиковъ, П. Гурьевъ, Н. Сухотинъ и домохозяинъ Даниловъ, когда пріѣхали И. Я. Хрущевъ и Н. Я. Масловъ, показаніями которыхъ воспользовалась коммиссія. Во время обѣда, Петръ Хрущевъ, большой болтунъ и шутникъ, говорилъ: „Мы дела делаемъ, чтобъ Государыне не быть, а быть колена царя Іоанна Алексѣевича Івану Антоновичу", велъ разговоры о воцареніи Екатерины, пилъ за „послѣдній день радости", говорилъ, что „ныне будетъ ѳейверокъ". Обѣдъ шелъ весело; пили много. Вскорѣ по окончаніи обѣда, пришелъ измайловскаго полка солдатъ съ нарядомъ на караулъ — Петръ Хрущевъ, полупьяный, сказался больнымъ. Когда солдатъ ушелъ, Хрущевъ „Государыню бранилъ матерно и сказалъ, что не пойдетъ на караулъ пока не совершитъ своего намерения, а у насъ де въ партии до тысячи человѣкъ есть". Уже поздно вечеромъ указывая на свой мундиръ, висѣвшій на стулѣ, Петръ Хрущевъ выразился о „Государыне поносительными для чести ея величества словами" и прибавилъ: „нажтковала на чести, а нечего ести".

Эта картина обѣда 29-го сентября представилась слѣдователямъ послѣ многихъ допросовъ, передопросовъ и очныхъ ставокъ, такъ какъ свидѣтели сперва о многомъ умалчивали „съ робости, опасаясь изтязания". Что же вѣрнаго въ этой картинѣ? Вѣрнѣе всего то, что за обѣдомъ много было выпито. Приведемъ показанія участниковъ обѣда:

Капитанъ Николай Григорьевичъ Сухотинъ бранныхъ словъ на императрицу „какъ отъ него Хрущева, такъ і ни отъ кого другова никогда не слыхалъ"; за „здоровье послѣдней радости", дѣйствительно, пили, причемъ Петръ Хрущевъ говорилъ: „послѣдній день пью, десятой день — і полно питі". Его, Николая Сухотина „сильно Масловъ напоилъ".

Домовладѣлецъ капитанъ Дмитрій Ларіоновичъ Даниловъ ничего зазорнаго не слышалъ. „По обыкновенію

Петръ Хрущовъ какъ онъ много говоритъ і шутитъ, онъ, Даниловъ, ничего не вслушивался, да и потому что весьма онъ всегда пилъ, какъ і прежде, больше находился въ пьянстве".

Премьеръ-маіоръ Василій Григорьевичъ Сухотинъ ничего не слышалъ „къ тому же онъ къ питью не склоненъ, а его принуждали".

Капитанъ-порутчикъ Иванъ Селиверстовичъ Гурьевъ не замѣтилъ даже солдата, приходившаго съ нарядомъ на караулъ и ужь, конечно, никакихъ словъ Хрущева объ императрицѣ не слышалъ.

Поручикъ Петръ Гурьевъ, квартирмейстеръ измайловскаго полка, ничего отъ пьянства не помнитъ.

Поручикъ измайловскаго полка Петръ Хрущевъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, 29-го сентября угощалъ пріятелей обѣдомъ. „Мы дела делаемъ" — онъ не говорилъ; здоровье „послѣдняго дня радости" — пилъ; „ныне будетъ ѳейверокъ" — говорилъ; говорилъ и объ И. И. Шуваловѣ, но „онъ объявлялъ имъ по одной ехе, слыша идучи съ баталіономъ". И о солдатѣ вспомнилъ: „Солдатъ меня звалъ на караулъ і я ему объявилъ, что я боленъ. А какъ тотъ солдатъ вышелъ, то тогда я при вышеописанныхъ персонахъ поносительныхъ словъ, касающихся чести Ея императорскаго величества і что я дотоле на караулъ не пойду пока не совершу своего намеренія неговаривалъ". При этомъ добавилъ, что поручикъ И. Я. Хрущевъ два раза спрашивалъ его о „партии противной", на что онъ ему отвѣчалъ: „конешно всіо пустое".

Доносители о застольныхъ рѣчахъ 29-го сентября оказались своего рода agents provocateurs: Н. Я. Масловъ спаивалъ, И. Я. Хрущевъ подстрекалъ. Допросы, передопросы и очныя ставки не привели ни къ чему; въ результатѣ, кромѣ пьянства, ничего не получилось.

Слѣдователи, по чистой совѣсти, извѣстили императрицу, что дѣло, дѣйствительно, пустое: одни съ-пьяна болтали, другіе съ-дуру повторяли. Екатерина приказала пытать.

„1762 года октября 6-го дня по силе Ея императорскаго величества всевысочайшаго повелѣнія Петръ Хру-

щовъ противъ его допросовъ и очныхъ ставокъ для изыскания істинны съ пристрастиемъ подъ батожьемъ разспрашиванъ, но онъ утверждаетца на прежнихъ своихъ показаніяхъ". Тому же былъ подвергнутъ Семенъ Гурьевъ [1]) — результатъ получился тотъ же.

На другой же день слѣдственная комиссія составила слѣдующій протоколъ по поводу порученнаго ей слѣдственнаго дѣла:

„1762 года октября 7-го дня. По указу Ея Імператорскаго величества слушали намъ порученное дѣло о произношеніи непристойныхъ речей нижеписанныхъ офицеровъ и разсуждаемъ по ихъ винамъ учинить нижеслѣдующее:

„Лейбъ-гвардіи семеновского полку подпоручика *Сергѣя Вепрейскаго* — въ ландмилицкіе полки капитаномъ;

„Лейбъ-гвардіи измайловского полку капитана-порутчика *Ивана Гурьева* — въ астраханской гарнизонъ капитаномъ;

„Ингерманландскаго полку порутчика *Семена Гурьева* — написать вѣчно въ солдаты и сослать въ дальній гарнизонъ, откуда его никуда не отпускать;

„Лейбъ-гвардіи измайловского полку картирмистра *Петра Гурьева* — въ воронежскій гарнизонъ капитаномъ;

„Лейбъ-гвардіи измайловского полку порутчика *Петра Хрущева* — сибирского гарнизону въ якуцкой полкъ вѣчно въ солдаты;

„Ассесора *Алексѣя Хрущева* — отправить немедленно въ Сибирскую губернію къ дѣламъ;

„Отставному примѣръ-маіору *Василію Сухотину* — ехать немедленно въ деревню, а брату его *Николаю Сухотину* — ехать къ своей командѣ, и обѣимъ имъ не въѣжать въ тѣ мѣста гдѣ присутствіе Ея імператорскаго величества будетъ;

„Капитана *Дмитрія Данилова* — выслать немедленно къ командѣ, откуда его неотпускать и не командировать

---

[1]) Пыткѣ подверглись только двое. *Государств. Архивъ*, VI, 396. Депеша *Бретэля*, отъ 28 октября: Plusieurs mis à la question ont avoué et subi depuis le knout, въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 71, № 22; Приложеніе, II, 8.

въ тѣ мѣста гдѣ присутствіе Ея імператорскаго величества будетъ.

„Вышеписанныхъ Сергѣя Вепрейскаго, Ивана Гурьева и Петра Гурьева въ другіе гарнизоны не переводить, въ отпуски не отпускать и въ резиденцію не командировать. Тоже разумѣется и объ ассесорѣ Алексѣе Хрущове“ [1]).

Изъ дѣла не видно, почему этотъ протоколъ былъ признанъ негоднымъ; но не трудно догадаться, что онъ не могъ удовлетворить Екатерину. Слѣдственная комиссія исправила свою ошибку.

9-го октября императрицѣ былъ представленъ довольно обширный докладъ, въ которомъ, на основаніи ряда военныхъ и гражданскихъ артикуловъ, приложенныхъ къ докладу, комиссія приговорила: Петра и Алексѣя Хрущевыхъ, Семена, Ивана и Петра Гурьевыхъ — къ смертной казни; Вепрейскаго — „живота лишить или на теле наказать“; Василія и Николая Сухотиныхъ и Дмитрія Данилова, „хотя по дѣлу никакой ихъ вины не значится“— сослать въ деревни безъ права жить въ мѣстахъ, гдѣ „Ея Імператорское Величество всевысочайшее свое прусутствие імѣть будетъ“.

Екатерина сама читала всѣ показанія; она хорошо видѣла, что „сентенція“ коммиссіи ни мало не соотвѣтствуетъ фактамъ, добытымъ слѣдствіемъ. Что же она сдѣлала?

Два мѣсяца назадъ, въ началѣ августа, предстояло подобное же искушеніе. Новгородская губернская канцелярія доносила, что посланный ею для привода къ присягѣ на подданство отставной прапорщикъ Мякининъ, пріѣхавъ въ воскресенскій осеченскій погостъ, встрѣтилъ противленіе со стороны управителя мѣстныхъ дворцовыхъ волостей, подпоручика Ивана Бутрюмова, священника погоста Гаврила Васильева и подканцеляриста Никиты Гневышева — они въ церковь не пошли, присягать отказались, повѣстокъ съ присяжными листами не разослали по сосѣднимъ деревнямъ и, сверхъ того, Бутрюмовъ проявилъ „незаконное и присяжной должности противное

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 396, л. 17.

похабство"[1]). Екатерина приказала произвесть негласное дознаніе, по которому оказалось, что всѣ обвиняемые давно уже присягнули, въ удостовѣреніе чего и представили присяжные листы съ своими подписями, присягать же вторично не считали нужнымъ, тѣмъ болѣе, что Бутрюмовъ былъ занятъ въ это время возложеннымъ на него надзоромъ „за препровожденіемъ столовыхъ припасовъ въ Вышній Волочекъ", для предстоявшаго проѣзда двора на коронацію, и жилъ не въ погостѣ, куда его вызывалъ Мякининъ, а въ городѣ. Начатое дѣло велѣно было прекратить безъ всякихъ послѣдствій.

Но офицеръ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка не управитель дворцовыхъ волостей, Москва не осеченскій погостъ. Арестъ Хрущевыхъ и Гурьевыхъ заставилъ говорить о себѣ; дѣло получило огласку — первое дѣло, въ которомъ упоминаются права на престолъ Ивана Антоновича и Павла Петровича. За смертью Петра III, ищутъ противопоставить Екатеринѣ другихъ соперниковъ, выставить ихъ права, играть ихъ именами, создать въ нихъ угрозу ея власти. Всякое послабленіе въ этомъ случаѣ можетъ быть опасно: необходимо дѣйствовать энергично, устрашить примѣромъ, пресѣчь поползновеніе „перемѣнять", пресѣчь, если можно, разъ на всегда. Нѣсколько дней спустя по представленіи комиссіею своего доклада, сенатъ получилъ отъ императрицы слѣдующій указъ[2]):

„Изъ приложеннаго при семъ доношенія къ Намъ „отъ Нашихъ лейбъ-гвардіи штабъ-офицеровъ гетмана „графа Разумовскаго, сенатора Суворова, и генералъ-„поручика Вадковскаго Нашъ сенатъ довольно усмотритъ, „сколь велико должно быть Наше сожалѣніе, что въ самое „то время, когда Мы видимъ съ какимъ единодушіемъ всѣ „наши правительства стремятся соотвѣтствовать Нашей „собственной ревности о блаженствѣ народномъ, сыскались „въ самой столицѣ столь злые люди, что ни своего, ни „общаго покоя имѣть не хотятъ и, дѣлая въ народѣ воз-

---

[1]) *Государств. Архивъ,* VII, 2054.

[2]) *Госуд. Архивъ,* VI, 396, л. 23.

„мущеніе, раззоряютъ свое и ближняго своего благо-
„состояніе. Мы тутъ чистосердечно презираемъ что до
„Насъ собственно касаться можетъ. Но нельзя Намъ
„пренебречь всего того, что повреждаетъ спокойство
„любезнаго Нашего отечества, и для того отдаемъ сіе
„беззаконное дѣло суду Нашего верховнаго правительства,
„повелѣвая симъ Нашему сенату, въ полномъ собраніи,
„присовокупя президентовъ отъ находящихся здѣсь На-
„шихъ коллегій, прочитать вышепомянутое доношеніе и
„по оному осудить преступниковъ по силѣ законовъ, а
„подписанную о томъ сентенцію подать Намъ на апро-
„бацію. Наше человѣколюбіе не можетъ однакожъ оста-
„вить безъ увѣщанія, чтобъ и тутъ, наблюдая нужду госу-
„дарственной строгости, сила законовъ была соображаема
съ достойнымъ монаршимъ милосердіемъ.

„Екатерина."

Сенатъ въ этомъ случаѣ блистательно поддержалъ свое значеніе, какъ верховнаго судилища. Ему высочайше было указано только „прочитать" донесеніе комиссіи и „осудить" преступниковъ — сенатъ вошелъ въ разсмотрѣніе дѣла по существу и, прежде всего, оправдалъ лицъ, по его мнѣнію, вполнѣ невиновныхъ; наконецъ, соображая виновность подсудимыхъ съ законами, сенатъ значительно смягчилъ приговоръ комиссіи. Сенатъ вполнѣ оправдалъ четырехъ подсудимыхъ — Вепрейскаго, обоихъ Сухотиныхъ и Данилова, и приговорилъ: „лиша всѣхъ чиновъ и исключа изъ дворянскаго достоинства, Петру Хрущеву и Семену Гурьеву — вмѣсто мучительной смерти, отсѣчь голову, Ивану и Петру Гурьевымъ—политическую смерть, то есть положить на плаху и потомъ, не чиня экзекуціи, послать вѣчно въ каторжную работу, а движимое ихъ имѣніе оставить дѣтямъ и ихъ наслѣдникамъ; Алексѣя Хрущева — сослать въ Сибирь на вѣчное житье".

На этой сенатской канвѣ Екатерина могла уже вышить чисто императорскіе узоры, въ которыхъ показать и чувствительное свое сердце, и установить взглядъ на значеніе ея, какъ императрицы.

21-го октября сенатъ подписалъ свой приговоръ, а

24-го изданъ былъ первый послѣ коронаціи манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Мы можемъ, не похвалившися, передъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на разширеніе славы его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Къ сему достохвальному намѣренію мы приступили не словомъ, но истиннымъ дѣломъ, и о добрѣ общемъ ежедневно печемся, едино то полагая въ намѣреніи, чтобъ радостію, удовольствіемъ и порядкомъ нашихъ подданныхъ, принимая себѣ оныя воздаяніемъ, видѣть внутреннюю тишину и благосостояніе нашей имперіи. Таковымъ средствомъ мы желаемъ прославить Бога и таковымъ путемъ мы ищемъ достигнуть вѣчнаго себѣ отъ Него воздаянія. Но при сихъ нашихъ чистосердечныхъ намѣреніяхъ, къ чувствительному нашему сожалѣнію, нашлись въ самомъ нашемъ здѣшнемъ столичномъ городѣ такіе неспокойные люди, которые, возненавидя свое и общее блаженство, и будто бы, не токмо прилежные изобрѣтатели своего злоключенія, но и живота своего отчаянные злодѣи, презрѣвъ страхъ Божій и не помышляя о потеряніи временнаго и вѣчнаго своего живота, покусилися и дерзнули дѣлать умыселъ къ испроверженію Божія о насъ промысла, и къ оскорбленію нашего величества, и тѣмъ безумно вознамѣрились похитить Богомъ врученнаго намъ народа общее блаженство, о которомъ мы безпрестанно трудимся съ матернимъ попеченіемъ". Въ заключеніи манифеста, сознаваясь, что „чувствительное наше сердце не можетъ допустить дѣйствіе гнѣва и жестокости", императрица смягчила сентенцію сената: „вмѣсто казни смертной, Петра Хрущева и Семена Гурьева, лиша чиновъ, исключа изъ званія ихъ фамиліи и изъ числа благородныхъ людей, обоихъ, Петра и Семена, бывшихъ Хрущева и Гурьева, ошельмовать публично, а потомъ послать ихъ въ Камчатку, въ Большерѣчкой острогъ на вѣчное житье, и имѣнія ихъ отдать ближнимъ въ родствѣ; Ивана и Петра Гурьевыхъ, отнявъ чины, послать въ Якутскъ вѣчно;

Алексѣю Хрущеву, лишивъ его всѣхъ чиновъ, жить въ своихъ деревняхъ, не въѣзжая въ наши столицы"[1]).

Снова раздался по Москвѣ барабанный бой, сзывавшій москвичей на ту же Красную Площадь, гдѣ они такъ еще недавно любовались коронаціонною иллюминаціею. На улицахъ были читаны слѣдующіе листки:

„Отъ московской полицымейстерской канцеляріи

„Публикация.

„Въ силу высочайшаго Ея Императорскаго Величества імяннаго указу імѣетъ быть учинена нѣкоторымъ преступникамъ по важнѣйшимъ дѣламъ на Красной Плошади предъ полуднемъ въ 8-мъ часу экзекуция октября 28-го дня 1762 года"[2]).

Экзекуція была совершена по всей формѣ. Въ тотъ же день, Петръ Хрущевъ и три Гурьевыхъ были отправлены въ сибирскую губернскую канцелярію, въ Тобольскъ, подъ конвоемъ 12 солдатъ, 2 капраловъ и одного сержанта, которыми командовалъ московскаго гарнизона капитанъ коломенскаго полка Дмитрій Борисовъ. Въ инструкціи, данной Борисову изъ сената, было, между прочимъ, сказано: „Будучи въ пути оныхъ арестантовъ содержать вамъ порознь и постороннихъ никого къ нимъ до разговоровъ и ни для чего не допускать; ножа и вилокъ, и протчаго чемъ можетъ себя человекъ умертвить, такожъ вина и пива, бумаги, пера, чернилъ и другаго къ письму способнаго имъ не давать; смотреть же того, дабы они зъ дороги и съ подъ карауля уйтить не могли"[3]).

---

1) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 273; *Госуд. Архивъ*, VI, 396; *Санктпетербургскія Вѣдомости* за 1762 г. № 89, отъ 5 ноября; *Указы* Екатерины II, 137; *П. С. З.*, № 11493; *Сборникъ*, VII, 170.

2) *Госуд. Архивъ*, IV, 396, л. 25.

3) „Інструкция ісъ правительсвующаго сената", въ *Государств. Архивѣ*, VI, 396, л. 59, съ подписью: „Подлинное за скрѣпою секретаря Степана Шешковского". Въ инструкціи шесть пунктовъ; въ послѣднемъ, обычно повторявшимся во всѣхъ инструкціяхъ подобнаго рода, сказано: „Ежели вы противъ сего чего не исполните или въ чемъ учините противно и за то поступлено съ вами будетъ по военному артикулу". Эта инструкція служила образцемъ для всѣхъ послѣдующихъ во все царствованіе Екатерины II. Борисовъ исполнилъ порученіе быстро и точно. Выѣхавъ изъ Москвы 28 ок-

Ссылкой обвиненныхъ такъ торопились, что сибирскій губернаторъ Соймоновъ получилъ противорѣчивые указы относительно содержанія ссыльныхъ[1]).

Торопились, такъ какъ Екатерина желала, чтобъ объ этомъ дѣлѣ возможно скорѣе забыли или, по крайней мѣрѣ, перестали говорить. Дѣло, по существу, было пустое; лица, въ немъ замѣшанныя и пострадавшія болѣе по „государственнымъ резонамъ", чѣмъ по собственной винѣ, не принадлежали къ родовитымъ фамиліямъ. И о дѣлѣ, и о лицахъ[2]) скоро всѣ забыли; но не Екатерина. На нее это дѣло произвело сильное впечатлѣніе.

тября, онъ 16 декабря сдалъ арестантовъ въ Тобольскѣ, издержавъ на проѣздъ туда и обратно, съ командою изъ 15 человѣкъ, всего 38 руб. 50 коп. (*Ibid.*, л. 22).

[1]) Въ одномъ указѣ, за подписью императрицы, сказано: „Всѣмъ онымъ посланнымъ въ ссылку преступникамъ какъ они въ назначенныя имъ места привезены будутъ никакого пропитания ісъ казны не давать, а чтобъ они пропитание себе имели отъ собственныхъ своихъ трудовъ і работъ"; по другому, тоже за подписью императрицы: „Ізъ оныхъ Петру і Івану Гурьевымъ, которымъ определено быть въ Якуцке, произъводить ізъ казны кормовыхъ денегъ по десяти копѣекъ на день каждому". *Госуд. Архивъ*, VI, 396, л. 67. При этомъ В. И. Суворовъ писалъ губернатору Соймонову: „Деньги отъ родныхъ имъ выдать уже въ ссылкѣ, вычитая по пяти копѣекъ на кормъ двумъ служителямъ", прибавляя что Петру Хрущеву, главному изъ виновныхъ, императрица велѣла выдать „ісъ кабинета двести рублевъ". (*Ibid.*, л. 68; *Сборникъ*, VII, 118).

[2]) Замѣчательна судьба первыхъ лицъ, сосланныхъ Екатериною; всѣ сосланные въ Сибирь покинули ее, а Алексѣй Хрущевъ сосланный въ деревню, умеръ въ Сибири. Деревня Хрущева, въ Крапивенскомъ уѣздѣ, скоро была „заложена и просрочена, почему и пропитания получать ему уже не отъ куда", вслѣдствіе чего, указомъ отъ 15 января 1764 года, гр. Салтыкову повелѣно было выслать Хрущева изъ Крапивны въ Тобольскъ, гдѣ губернатору предписывалось употребить его „при письменныхъ дѣлахъ" (*Госуд. Архивъ*, VI, 396, л. 64). Изъ сосланныхъ въ Камчатку, Петръ Хрущевъ бѣжалъ въ 1772 г. вмѣстѣ съ Беніовскимъ (Бейвоскъ, *Ibid.*, л. 72) и вступилъ позже во французскую службу; Семенъ же Гурьевъ своимъ поведеніемъ въ дѣлѣ Беніовскаго показалъ, что „бывшее въ немъ напредъ сего буйство и распутство его оставили" и, указомъ отъ 19 января 1772 г., иркутскому губернатору Брилю предписано выслать его изъ Сибири обратно въ деревни его

Иначе и быть не могло, Екатерина была вполнѣ очарована быстрымъ и легкимъ успѣхомъ переворота 28 іюня и, въ первое время по воцареніи, относилась довольно добродушно къ окружавшей ее обстановкѣ. Когда полковникъ Мартыновъ, охранявшій во время переворота устье Невы, обозвалъ бранными словами ропшинскаго узника, Екатерина, съ милою улыбкою, полушутя-полусерьезно, замѣтила ему; что ей это не нравится[1]); когда измайловскіе солдаты, не слушая своихъ офицеровъ, требовали видѣть императрицу, Екатерина ночью явилась къ нимъ[2]). Въ обоихъ случаяхъ выражались симпатіи къ Екатеринѣ, но въ формѣ той разнузданности, которая явилась результатомъ потрясенія, произведеннаго переворотомъ. На эти нарушенія дисциплины императрица смотрѣла сквозь пальцы, такъ какъ они были въ пользу Екатерины, доказывали преданность къ ней, усердіе къ ея дѣлу. По смерти Петра III, которая произвела не столь рѣзкое, но болѣе сильное впечатлѣніе, необходимо должно было обнаружиться движеніе противъ нея, хотя, въ первое время, не за Петра III. Переворотъ разнуздываетъ однихъ, преступленіе деморализуетъ другихъ. Послѣдствія переворота 28 іюня и преступленія 6 іюля начали теперь сказываться.

Проектъ Панина объ императорскомъ совѣтѣ, причемъ такъ ясно высказана была мысль объ ограниченіи самодержавія, въ счетъ не идетъ. Екатерина разговаривала съ Панинымъ о преобразованіи верховнаго правительства еще въ царствованіе Петра III, когда она находилась

братьевъ; сосланные въ Якутскъ, Иванъ и Петръ Гурьевы, тѣмъ же указомъ, „изъ единаго нашего человѣколюбія къ страждущему человѣчеству“, возвращены изъ Сибири въ ихъ деревни, но безъ права въѣзжать въ столицы (*Ibid.*, л. 66).

[1]) Elle a mandé un officier d'artillerie, nommé Martinoff, qui avait tenu des propos contre le cy-devant Empereur et lui a dit, de ce ton de douceur qui ajoute quelque fois à la force du commande sans humilier celuy qui doit y obéir: „Je sai les propos que vous vous êtes permis; ils me sont désagréables. Je vous défends d'en tenir de pareils“. Депеша *Беранже*, отъ 16-го іюля 1762 г., въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 70, № 9.

[2]) См, выше, стр. 72.

въ положенiи зависимомъ, заставлявшемъ ее все выслушивать и если не со всѣмъ соглашаться, то многому не противорѣчить. Наконецъ, проектъ подносился на ея усмотрѣнiе и, во всякомъ случаѣ, требовалъ ея утвержденiя. Теперь всплыло наружу дѣло совершенно инаго рода. Неважно, что пьяная компанiя офицеровъ, хотя бы и гвардейскихъ, болтаетъ всякiй вздоръ, бранитъ императрицу; но крайне важно, что среди войскъ, въ полкахъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ перевороту 28 iюня, начинаетъ высказываться мысль о возможносви новой „перемѣны". Отъ слова къ дѣлу далеко; но самое слово указывало Екатеринѣ на такое дѣло, которое должно было встревожить ее. Призывъ развѣнчаннаго Ивана Антоновича и провозглашенiе малолѣтнаго Павла Петровича — вотъ мотивы, которыми, какъ теперь обнаружилось, желаетъ воспользоваться честолюбiе, корысть, матерьяльная выгода, всѣ тѣ низкiя страсти, которыми отчасти воспользовалась и сама Екатерина при совершившемся недавно переворотѣ. Было, конечно, отъ чего встревожиться, было надъ чѣмъ призадуматься.

Первое время по обнаруженiи „заговора", Екатерина не могла даже скрыть мучившихъ ее тревогъ. 14-го октября, при первой же частной аудiенцiи новаго англiйскаго посланника гр. Букингэма, на ея лицѣ была написана какая-то грусть. Вечеромъ, на куртагѣ, она была очень задумчива. Разговаривая съ англiйскимъ посланникомъ, она сама сказала ему, что въ послѣднее время какъ-то невольно задумывается даже среди общества и что это входитъ у нее въ привычку[1]). Французскому посланнику, барону Бретэлю, Екатерина сознавалась, что она „невполнѣ счастлива", и ему не трудно было замѣтить, что ее что-то безпокоитъ и волнуетъ[2]). Что именно — этого

---

[1]) The empress seems to have a settled melancholy upon Her countenance. She mentioned to me, last night, in conversation, that She had lately found Herself absent in comgany, and that the habit of it imperceptibly grew upon Her She knew not why. Депеша гр. *Букингэма*, отъ 25 октября 1762 г., въ *Лондон. Архивѣ*, Russia, 81, № 19; *Сборникъ*, XII, 46.

[2]) L'impératrice m'avoua qu'Elle n'étoit point heureuse. Cette

не знали въ подробностяхъ представители иностранныхъ дворовъ[1]).

Екатерина щедро наградила лицъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ раскрытію „богомерзкого предпріятія“ Хрущевыхъ и Гурьевыхъ[2]). Изъ этого дѣла она убѣдилась, между прочимъ, въ необходимости скрывать по возможности подобныя дѣла, не придавать имъ гласности. Въ манифестѣ не было упомянуто въ чемъ именно „яви-

---

princesse me laissa voir bien de l'inquiétude et une âme bien peu à l'aise. Sa tête est troublée et agitée. Депеша *Бретэля*, отъ 23 февраля 1763 г., въ *Париж. Архивѣ*, Russie, 1763, vol. 13; *Grimblot*, 225. Въ депешѣ отъ 28-го октября 1762 г., упомянувъ о дѣлѣ Гурьевыхъ и Хрущевыхъ, Бретэль прибавляетъ: Pendant les jours que la Czarine a été occupée à découvrir et à apaiser les mauvaises intentions de ses gardes, cette princesse se recrioit souvent, que c'étoit un pesant fardeau qu'une couronne. Elle disoit sans cesse en gemissant à tout ce qui l'aprochoit qu'on l'avoit forcée de la prendre, qu'Elle n'avoit que cédé aux circonstances et qu'Elle ne comprenoit pas plus ce qu'on vouloit, que ce qu'Elle avoit fait pour déplaire (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 71, № 22). Саксонскій резидентъ *Прассе* сообщаетъ, напротивъ: Es scheint aber nicht, dass man bei Hofe viel darauf achte und die Kaiserin selbst bezeuget eine so gute und fière contenance, dass Sie zur Zeit noch allen imponiret. (Депеша отъ 6 ноября, въ *Дрезден. Архивѣ*, vol. VII, № 89).

[1]) Deux officiers aux gardes ont dénoncé à la Czarine deux partis formés contre Elle: l'un en faveur du prince Yvan et l'autre du jeune Grand-Duc (депеша *Бретэля* отъ 28 октября, въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 71, № 22), причемъ сообщается уже и о наказаніи кнутомъ: Man hat in der Nacht vom 15-ten zum 16-ten Oktober eine gute Anzahl Officiers, Unterofficiers und Gemeine von denen verschiedenen Garderegimentern arretiren lassen, wenige davon mit der Knute, andere aber mit gelinderen Strafen beleget, auch andre ins Exilium geschickt und verschiedene wieder auf freien Fuss gelassen (депеша *Прассе*, отъ 6 ноября, въ *Дрезден. Архивѣ*, vol. VII, postscr. ad № 89).

[2]) Капитану измайловскаго полка Гриневу — 3000 р., капитану-поручику того же полка Михаилу Шипову — 1000 червонныхъ „да табакерку по моему выбору“, Побѣдинскому — 2000 р., Ивану Хрущеву — 2000 р., сержанту преображенскаго полка Толстому — 600 червонныхъ и Чихачеву — 1000 р. (*Сборникъ*, VII, 178). Въ этомъ же спискѣ значится: „ротмейстеру конной гвардіи Яминскому три тысячи рублей; весьма вѣроятно, что эта выдача относится къ дѣлу Хрущевыхъ и Гурьевыхъ, но намъ не удалось опредѣлить мотивы этой выдачи.

лись преступными“ Гурьевы и Хрущевы; ихъ преступленія изложены въ общихъ фразахъ. Въ дѣлахъ же, касавшихся лично императрицы, Екатерина скрывала сущность преступленія даже отъ лицъ официіальныхъ: премьеръ-маіоръ преображенскаго полка Василій Пассекъ былъ сосланъ въ Казань, обвиненный „въ произнесеніи важныхъ непристойныхъ словъ, о коихъ Ея імператорскому величеству извѣстно“[1]).

Дѣло Хрущевыхъ и Гурьевыхъ указало Екатеринѣ ея ахиллесову пяту — возстановленіе Ивана Антоновича: вотъ что служитъ предметомъ разговоровъ, вотъ въ чью пользу можетъ быть „затеяна перемена“, вотъ на кого обращено вниманіе.

Обратила на него вниманіе и Екатерина.

---

[1]) Надо полагать, что Пассекъ произнесъ „важныя непристойныя“ слова въ пьяномъ видѣ: въ указѣ казанскому губернатору кн. Тенишеву велѣно содержать Пассека въ особомъ покоѣ, „подъ такимъ карауломъ, чтобъ онъ особливо пьянъ не напивался“. Указомъ отъ 28 мая 1763 г. Пассекъ освобожденъ изъ ссылки и ему разрѣшено жить въ своихъ деревняхъ, въ Смоленской Губерніи, причемъ съ него взята подписка, чтобъ онъ не пьянствовалъ „и непристойныхъ разглашеней ни подъ какимъ видомъ никому не чинилъ“. *Госуд. Архивъ*, VII, 2080.

XI.

„Мы воспріяли всероссійскій престолъ — сказано въ манифестѣ по дѣлу Гурьевыхъ и Хрущевыхъ — не на свое собственное удовольствіе, но на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ“ [1]). Въ чемъ же это выразилось?

Петербургскій генералъ-полицеймейстеръ, генералъ-аншефъ, дѣйствительный камергеръ Nickolaus Korff получилъ, вскорѣ по воцареніи Петра III, высочайшій указъ: дворцовымъ егерямъ разрѣшается стрѣлять на улицахъ столицы воронъ и птицъ; немного позже — второй, тоже высочайшій указъ: „извести имѣющихся въ Санктпетербурхѣ собакъ“, для чего дворцовымъ егерямъ стрѣлять всѣхъ собакъ близь дворца [2]).

Эта заботливость императора объ истребленіи воронъ и собакъ произвела, конечно, извѣстное впечатлѣніе на современниковъ и служитъ для потомства указателемъ настроенія молодого самодержавца. Екатерина не подражала въ этомъ отношеніи своему предшественнику — она оставила въ покоѣ собакъ и воронъ, предпочитая имъ заботу о людяхъ.

Сенатъ, какъ высшее государственное „правительство“, по языку XVIII вѣка, привлекалъ въ первое время преимущественное вниманіе Екатерины: сенату поручила она „отечество, народъ и сына“ своего, отправляясь въ

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 396, л. 8; *Архивъ Сената*, т. 102, л. 173 *П. С. З.*, № 11693; *Сборникъ*, VII, 170.

[2]) *Архивъ Сената*, Высоч. повел. отъ 27 февраля 1762 г., кн. LIV, л. 5, 10.

петергофскій походъ; сенатъ, по ея указанію, засѣдалъ дни и ночи во все время похода; по возвращеніи въ Петербургъ, Екатерина перевела засѣданія сената въ лѣтній дворецъ, рядомъ съ своими покоями, и часто присутствовала въ сенатѣ, слѣдя за теченіемъ дѣлъ. Вотъ какъ она сама записала, много лѣтъ спустя, о своемъ отношеніи къ сенату вслѣдъ за воцареніемъ:

„На пятый или на шестой день по восшествіи Екатерины на престолъ, она явилась въ сенатъ, который, по ея же приказанію, былъ переведенъ въ ея лѣтній дворецъ, въ видахъ ускоренія теченія дѣлъ. Сенатъ началъ съ представленія о крайнемъ недостаткѣ въ деньгахъ: армія находилась въ Пруссіи и ей не платили уже восемь мѣсяцевъ; хлѣбъ въ Петербургѣ возвысился въ цѣнѣ вдвое противъ обыкновеннаго. Императрица Елизавета въ концѣ своей жизни собирала возможно болѣе денегъ и держала ихъ при себѣ, ничего не употребляя на нужды имперіи; въ государствѣ всюду чувствовалась нужда, почти никто не получалъ жалованья. Почти также поступалъ Петръ III. Когда у нихъ спрашивали денегъ на государственныя потребности, они съ гнѣвомъ отвѣчали: „Найдите денегъ, гдѣ хотите; эти припрятанныя деньги — наши". Онъ, какъ и его тетка, отдѣлялъ свои личныя нужды отъ потребностей имперіи. Екатерина, видя настоятельную нужду, объявила въ полномъ собраніи сената, что, принадлежа сама государству, она считаетъ и все, принадлежащее ей, собственностью государства, и чтобъ на будущее время не дѣлали никакого различія между интересомъ государственнымъ и собственно ея личнымъ. Такое заявленіе вызвало слезы на глазахъ всего собранія, которое поднялось съ своихъ мѣстъ и единогласно засвидѣтельствовало ей свою живѣйшую признательность за такія разумныя чувства. Екатерина выдала столько денегъ, сколько было нужно и, на время, воспретила вывозъ хлѣба заграницу, вслѣдствіе чего, черезъ два же мѣсяца, подешевели всѣ припасы" [1]).

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, X, 2. Собственноручныя воспоминанія Екатерины II объ одномъ изъ первыхъ засѣданій ея въ сенатѣ послѣ

Исправимъ неточности, встрѣчающіяся въ этой запискѣ Екатерины. Не на пятый или шестой, а на четвертый же день по воцареніи Екатерина присутствовала уже въ сенатѣ: 30-го іюня, въ воскресенье, возвратилась она изъ петергофскаго похода и на другой же день, въ понедѣльникъ, 1-го іюля, въ журналѣ сената записано, что общее собраніе происходило „въ присутствіи Ея императорскаго величества"; во вторникъ, 2-го іюля, Екатерина опять засѣдала въ сенатѣ. Всего въ теченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ, до отъѣзда въ Москву, она принимала участіе въ засѣданіяхъ сената 16 разъ — среднимъ числомъ, по два раза въ недѣлю. Этимъ прямо опредѣлялось то высокое значеніе, которое Екатерина придавала сенату, какъ высшему государственному учрежденію. Намъ неизвѣстны случаи, когда Елизавета Петровна или Петръ III заявляли бы, что „припрятанныя деньги — наши", мы не знаемъ даже, были-ли у нихъ такія „припрятанныя" суммы, и полагаемъ, что въ данномъ случаѣ слова Екатерины не могутъ быть понимаемы буквально: подъ „припрятанными" деньгами должно разумѣть такъ называемую комнатную сумму. Дѣйствительно, ни Елизавета Петровна, ни Петръ Ѳедоровичъ никогда не ассигновали на государственныя или общественныя нужды никакихъ выдачъ изъ комнатной суммы, которая въ то время достигала 1,200,000 рублей, составлявшихъ 1/13 часть всего государственнаго бюджета[1]). Екатерина, говоря, что она не отдѣляетъ своего

восшествія на престолъ, *Русск. Архивъ*, 1865, 489; *Соловьевъ*, XXV, 135. Въ ноябрѣ хлѣбъ опять повысился въ цѣнѣ и озабочивалъ Екатерину. *Архивъ Сената*, Копія высоч. повелѣній, № 220, л. 7.

[1]) Директоръ кабинета А. В. Олсуфьевъ подалъ Екатеринѣ 10 іюля 1762 г. вѣдомость, въ которой сказано, „Годовые комнатн. Вашего императорскаго величества доходы суть слѣдующіе:

„Соляного сбору	1,000,000	руб.	
„Изъ таможни наддаточныхъ сверхъ откупной суммы	150,000	„	
„Полковничья жалованья отъ полковъ гвардіи	10,345	„	4 коп.
„Годовой пенсіи великому князю Павлу Петровичу изъ статсъ-конторы	30,000	„	
„Итого	1,190,345	руб.	4 коп."

отъ государственнаго, разумѣла подъ „своимъ“ именно эту комнатную сумму; у нея ничего не было „своего“ ни въ Россіи, ни въ Цербстѣ, кромѣ комнатной суммы, доставлявшейся ей государствомъ же. Поэтому, заявленіе, сдѣланное ею въ сенатѣ, дѣйствительно, было настолько ново, небывало, что могло вызвать слезы на глазахъ сенаторовъ. Этимъ заявленіемъ Екатерина оставляла позади себя цѣлую плеяду своихъ предшественниковъ, черезъ головы которыхъ она протягивала руку Петру Великому.

Въ устахъ Екатерины это не были пустыя слова, сказанныя сенату ради красивой фразы. Годъ назадъ, 29-го іюня 1761 года, сгорѣли въ Петербургѣ пеньковые амбары. Ни Елизавета Петровна, ни Петръ III ничего не сдѣлали въ помощь пострадавшему купечеству. Екатерина тотчасъ же приказала сенату доложить ей объ этомъ дѣлѣ; сенатъ, въ своемъ докладѣ, предлагалъ зачесть купцамъ половину потерянной ими суммы въ пошлину съ ихъ товаровъ при петербургскомъ портѣ въ продолженіе пяти лѣтъ; Екатерина утвердила докладъ, но, въ то же время, поручила сенату озаботиться постройкою каменныхъ амбаровъ, заявивъ, что, въ случаѣ недостатка денегъ, она дастъ нужную для постройки сумму отъ себя въ заемъ. Докладъ состоялся 12-го августа, а на другой же день, 13-го, Екатерина пишетъ директору кабинета[1]) Олсуфьеву: „Адамъ Васильевичъ, извольте отпустить заимообразно для строенія каменныхъ пеньковыхъ амбаровъ тридцать тысячъ рублей“. Удѣляя часть „своихъ“ суммъ на нужды общественныя, Екатерина не упускала изъ вида и государственныхъ интересовъ: сбавка „для народа“ по гривнѣ съ пуда соли, стоила государственному казначейству свыше 600,000 руб., для пополненія которыхъ Екатерина приказала взять 300,000 руб. изъ ея комнатной суммы и 300,000 рублей изъ передѣла мѣдной монеты.

(*Придворн. Архивъ*, разр. I, № 137, л. 200). На 1762 годъ государственные доходы исчислялись въ суммѣ 15,350,000 р., расходы — въ 16,502,000 руб., и бюджетъ заключился съ дефицитомъ въ 1,152,000 рублей, около 10⁰/₀ общей сложности доходовъ.

[1]) *,Сборникъ*, VII, 137.

По крайней мѣрѣ въ первое время, Екатерина, дѣйствительно, не отдѣляла „своего“ отъ государственнаго интереса.

Во дни воцаренія, 28-го и 29-го іюня, Екатерина высказала себя женщиной съ рѣшительною волею и энергическимъ характеромъ; въ засѣданіяхъ сената она проявила черты государственнаго ума и политической зрѣлости, поразившія даже людей, близко знавшихъ ее. Не трудно было, конечно, принять мѣры, „склоняющіяся къ возстановленію всего того, что въ государствѣ по сіе время противу добраго порядка вкоренилося“ [1]) — распечатать домовыя церкви, закрытыя бывшимъ императоромъ, отмѣнить введенныя имъ въ полки нововведенія, отказаться отъ датскаго похода, выслать голштинскій отрядъ на родину; но этими отрицательными дѣйствіями достигалось только положеніе, бывшее до воцаренія Петра III. Екатерина задалась болѣе широкою цѣлью, о которой заявила сенату въ цѣломъ рядѣ мѣръ, затрогивавшихъ серьезнѣйшіе политико-экономическіе интересы государства. Свобода хлѣбнаго экспорта, обусловливаемая единственно стоимостью хлѣба на внутреннихъ рынкахъ, уничтоженіе таможеннаго, тюленьяго, рыбнаго и табачнаго откуповъ, предоставленіе „въ вольную торговлю“ ревеня, смолы, холста и хряща, объявленіе „китайскаго торга“ вольнымъ [2]) — все это было ново, нежданно, отъ всего вѣяло чѣмъ-то инымъ, небывалымъ, что должно въ корнѣ измѣнить экономическое состояніе страны, но, конечно, только въ будущемъ. Для настоящаго же, Екатерина, прежде всего, прибѣгла къ чисто гуманитарной мѣрѣ, вызванной „текущими дѣлами“ сената: не разъ и не два слушала она въ сенатѣ дѣла, свидѣтельствовавшія о крайне плачевномъ положеніи правосудія въ имперіи и, 18-го іюля, черезъ три недѣли по воцареніи, подписала слѣдующій манифестъ [3]) о лихоимствѣ:

---

[1]) *С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1762 г., № 61.

[2]) *Указы* Екатерины, 58; *П. С. З.*, № 11630.

[3]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 42; кн. CXXI, л. 145; *Госуд. Архивъ*, III, 12, л. 14; *Указы* Екатерины 41; *П. С. З.*, № 11616.

„Всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ объявляемъ:

„Божіимъ содѣйствіемъ престолъ Нашъ утвердивши, вступили Мы дѣломъ самымъ въ правленіе всего государства тѣмъ усерднѣе, чѣмъ больше народное обремененіе и государственныя нужды того отъ Насъ востребовали.

„Мы уже манифестомъ Нашимъ отъ 6-го сего мѣсяца объявили всенародно и торжественно, что Наше главное попеченіе будетъ, изъискивать всѣ средства къ утвержденію правосудія въ народѣ, которое есть перьвое отъ Бога Намъ преданное святымъ его писаніемъ повелѣніе, дабы милость и судъ Мы оказывали всѣмъ Нашимъ подданнымъ, и сами Себя непостыдно оправдать могли предъ Богомъ въ хожденіи по заповѣди Его. Сіе есть путь Нашъ непорочный, которымъ Мы, изъискивая блаженство Нашего народа, ищемъ достигнуть будущаго вѣчнаго за то воздаянія.

„Почему за долгъ Себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный, объявить въ народъ съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца Нашего, что Мы уже отъ давнаго времяни слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ Нашемъ лихоимство возросло, такъ что едва есть-ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялося. Ищетъ-ли кто мѣста, платитъ; защищается-ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевещетъ-ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротиву того многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ Нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ Насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго, за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дому своего, а не за службу приносимую Богу, Намъ и отечеству, и мздоимствомъ богомерзскимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, раззореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ.

„Мы бы неправосудны были предъ Богомъ, ежели бы Мы о всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ того же мнѣнія были. Но добросовѣстные и честные люди, которыми государство Наше наполнено, не измѣнятъ лица своего, слыша и читая сіе Наше съ материнскимъ соболѣзнованіемъ негодованіе; а причастники сего зла всеконечно должны угрызеніе своей совѣсти почувствовать, тѣмъ паче, когда они воззрятъ только на Наше дѣйствіе, въ которомъ Намъ Богъ предводительствовалъ, и на Наше праведное предъ Богомъ намѣреніе, съ какимъ Мы воцарилися.

„Не снисканіе высокаго имени Обладательницы Россійской; не пріобрѣтеніе сокровищъ, которыми паче всѣхъ земныхъ Намъ можно обогатиться; не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ Мы видѣли, желаніе понудили Насъ принять сіе бремя правительства. По чему Мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую Нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа Себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченіе подъемлемъ для славы и обогащенія народа Нашего. Въ такомъ богоугодномъ намѣреніи для отечества Нашего сколь трудно бы было Намъ царствовать, ежели бы правосудіе на судахъ не содѣйствовало Нашему желанію, и сколь притомъ огорчительно, когда мзда и корысть оными обладаютъ въ сердцахъ таковыхъ злонравныхъ, которые забывъ многіе предковъ Нашихъ блаженной и вѣчно достойной памяти государей, а особливо Дѣда Нашего вселюбезнѣйшаго государя императора Петра Великаго, строжайшіе о лихоимствѣ указы, судей недостойно, а лихоимцевъ праведно имя носятъ, и свою алчбу къ имѣнію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщаютъ мздопріимствомъ, льстя себя надеждою, что все, что они ни дѣлаютъ по лакомству, прикрыто будто добрымъ и искуснымъ канцелярскимъ или приказнымъ порядкомъ, а сердцевѣдца Бога не памятуютъ Судію Всевышняго, который всѣ злыя ихъ помышленія и совѣты открываетъ путями неизвѣстными, и Насъ самихъ,

яко законоположительницу, наконецъ побудитъ на гнѣвъ и отмщеніе.

„Таковымъ примѣрамъ, которые вкоренились отъ единаго безстрастія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, послѣдуютъ наипаче во отдаленныхъ находящіеся и самые малые судіи, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей не токмо за дѣла безвинныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, въ самомъ же дѣлѣ въ зло только ими истолкованныхъ, и раззоряя ихъ за то домы и имѣнія, но и за такія, которыя не инако, какъ Нашего благоволенія и милости высочайшей достойны; такъ что сердце Наше содрогнулося, когда Мы услышали отъ Нашего лейбъ-кирасирскаго вице-полковника, князь Михайла Дашкова, что въ проѣздъ его нынѣ изъ Москвы въ Санктпетербургъ нѣкто новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ремберъ, приводя нынѣ къ присягѣ Намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ; котораго Рембера Мы и повелѣли сослать на вѣчное житье въ Сибирь на работу, по единому только еще Нашему матернему милосердію; ибо онъ за такое ужасное хотя малокорыстное преступленіе, праведно лишенъ быть долженъ живота.

„Сильное однако Наше на Бога упованіе и природное Наше великодушіе не лишаетъ Насъ еще надежды, чтобъ всѣ тѣ, которые почувствуютъ отъ сего милосердаго къ нимъ напоминанія нѣкоторое въ совѣсти своей обличеніе, не помыслили, сколь великое зло есть въ государственныхъ дѣлахъ мздопріимство, а на судѣ, гдѣ правда божественная поборствовать должна, скверное лакомство и лихоимство. И потому видя Нашу умѣренность матернюю ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не отчаяваемся, чтобъ каждой, вразумя себѣ Наше сіе милостивое упоминаніе, не отринулъ отъ себя прежнихъ поступокъ, ежели онъ ими зараженъ былъ. Но когда и послѣ сего, что при вступленіи Нашемъ на престолъ, въ совершенномъ еще незлобіи сердца Нашего, всѣмъ здѣсь лихоимцамъ и мздопріемникамъ Мы восхотѣли здѣлать увѣщаніе милосердое, не подѣйствуетъ оное въ сердцахъ ихъ окаменѣлыхъ и

зараженныхъ сею пагубною страстію; то вѣдали бы они же, что Мы установленнымъ противу сего зла законамъ Сами за правило Себѣ примемъ, и впредь твердо содержать будемъ, повиноваться, не давъ уже болѣе милосердію Нашему мѣста. Почему и никто обвиненный въ лихоимствѣ (ежели только жалоба до Насъ дойдетъ праведная), яко прогнѣвляющій Бога не избѣжитъ и Нашего гнѣва, такъ какъ Мы милость и судъ въ пути непорочномъ царствованія Нашего Богу и народу обѣщали".

„Скверное лакомство и лихоимство" — наслѣдственный грѣхъ русскаго человѣка. Корень этого зла таится столько же въ людяхъ, какъ и въ учрежденіяхъ. Борьба съ этимъ зломъ возможна только въ видѣ реформированія учрежденій, въ контролѣ общества, и въ формѣ воспитанія людей, въ распространеніи просвѣщенія, слѣдовательно, борьба продолжительная, упорная и постоянная. Прошло болѣе ста лѣтъ послѣ манифеста Екатерины II, вымерли цѣлыя поколѣнія, прежде чѣмъ судебная реформа 1864 года, измѣнивъ въ корнѣ русское судопроизводство, очистила авгіевы конюшни Ѳемиды. Екатерина скоро убѣдилась сама, что „мздоимство въ государственныхъ дѣлахъ" не искореняется указами и манифестами, что для этого нужна коренная реформа всего государственнаго строя — задача, какъ увидимъ, оказавшаяся не по плечу ни тому времени, ни даже болѣе позднѣйшему.

Екатерина, въ своемъ манифестѣ, обратила вниманіе только на лица, и, конечно, не имѣла успѣха. Ее поразила дерзость Рембера; она приходила въ ужасъ, читая экстрактъ изъ дѣла иркутскаго слѣдователя Крылова, который сѣкъ купцовъ, пыталъ чиновниковъ, бралъ со всѣхъ взятки, открыто развратничалъ[1]); она возмущалась взятками въ смоленской губернской канцеляріи, гдѣ всѣ, отъ губернатора Аршеневскаго до регистратора Голубкова,

---

[1]) *Государств. Архивъ*, X, 162; *Архивъ Сената*, т. 102, л. 394. Документы по дѣлу Крылова обнародованы въ *Сборникѣ*, 1, 215; VII, 299; „гибельныя крыловскія времена" подробно представлены *Щукинымъ*, „Крыловъ, слѣдователь въ Сибири" (*Лучъ*, I, 186).

торговали своимъ офиціальнымъ положеніемъ[1]); она наказала калужскаго воеводу Мясоѣдова, грабившаго казну[2]) — между тѣмъ, Крыловыми, Аршеневскими, Мясоѣдовыми были заняты всѣ офиціальные посты въ губерніяхъ и областяхъ, въ провинціяхъ и уѣздахъ. Такъ, Екатеринѣ былъ представленъ докладъ, въ которомъ прямо говорилось, что только „склонность къ нажитку" привлекаетъ всѣхъ къ занятію воеводскихъ мѣстъ и что „воеводы раззоряютъ всякими способы обитающихъ подъ ихъ правосудіемъ"[3]); причемъ доказывалось, что иначе и быть не могло, такъ какъ воеводы должны „ублаготворить" своихъ начальниковъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, которыхъ „что меньше, то для уѣздныхъ жителей лутче"[4]).

Слова нѣтъ, сильный голосъ императрицы противъ взяточниковъ и лихоимцевъ очень понравился страдавшему отъ нихъ народу, но исправить зла не могъ. Позже, гораздо позже, Екатерина отъ лицъ перешла къ учрежденіямъ, и мы увидимъ въ какомъ смыслѣ и насколько ей удалось достичь успѣха.

Съ такимъ же восторгомъ услышалъ народъ и объ уничтоженіи тайной канцеляріи. Слова манифеста отъ 19 октября 1762 года[5]): „тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отъ нынѣ на всегда" радостно повторялись всѣми, а между тѣмъ, мѣняя названіе, способы дѣйствія, задачи и цѣли, это учрежденіе продолжало существовать во все царствованіе Екатерины II[6]) и было поддержано ея преемниками, какъ вполнѣ необходимое.

---

[1]) *Государств. Архивъ*, X, 166; *Архивъ Сената*, т. 102, л. 394; *Сборникъ*, VII, 224, 285, 286.

[2]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 211; *П. С. З.*, № 11869; *Сборникъ*, VII, 276, 286.

[3]) *Государств. Архивъ*, X, 4, л. 70.

[4]) *Ibid.*, л. 69.

[5]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 321; *Указы* Екатерины, 130; *П. С. З.*, № 11687.

[6]) Черезъ недѣлю послѣ изданія манифеста, *Прассе*, въ депешѣ отъ 26 октября (6 ноября) 1762 г., сообщая о заговорѣ Хрущевыхъ и Гурьевыхъ, прибавлялъ: Bei der Gelegenheit ist die unter der vorigen Regierung abgefasste geheime Inquisition in gewissem Masse

Не столь громкимъ, но болѣе плодотворнымъ по своимъ послѣдствіямъ былъ указъ сенату, отъ 14 октября, объ иностранныхъ поселенцахъ въ Россіи[1]). Весь указъ писанъ собственноручно императрицею; въ немъ выражена давнишняя, излюбленная мысль Екатерины. Будучи еще великою княгинею, она писала: „Мы нуждаемся въ населеніи. Заставьте, если возможно, кишмя кишить народъ въ нашихъ пространныхъ пустыряхъ. Я не думаю, чтобы для достиженія этого было бы полезно принуждать нашихъ инородцевъ-нехристіанъ принимать нашу вѣру — многоженство еще болѣе полезно для умноженія населенія"[2]). Теперь, ссылаясь на тѣ же пустыри, Екатерина предписываетъ сенату, „разъ на всегда", принимать всѣхъ желающихъ поселиться въ Россіи иностранцевъ, принимать „безъ дальняго доклада", безъ излишнихъ формальностей. Этотъ указъ былъ зерномъ, изъ котораго выростетъ скоро особое учрежденіе — „опекунство иностранныхъ".

Мысль, чрезвычайно счастливая. Петръ В. вызывалъ изъ заграницы мастеровъ-работниковъ, техниковъ-спеціалистовъ; Екатерина задумала привлечь въ Россію цѣлыя поселенія иностранцевъ, которые принесутъ съ собою свои взгляды, нравы, обычаи, примѣнятъ свою систему обработки земли, пустырь обратятъ въ оазисъ, распространятъ вліяніе иной культуры далеко вокругъ своего поселка, что, по убѣжденію Екатерины, должно „умножить благополучіе имперіи"[3]). Манифестъ о переселеніи ино-

---

wieder retabliret worden. *Дрезд. Архивъ*, vol. VII, № 89. Упоминаніе „предъидущаго правительства" совершенно вѣрно: манифестъ Екатерины II отъ 19-го октября есть буквальное повтореніе манифеста Петра III отъ 21 февраля, съ весьма незначительными измѣненіями. *С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1762 г., № 17, отъ 26 февраля; *П. С. З.*, № 11445. Но при Петрѣ III этимъ манифестомъ имѣлось только въ виду загладить дурное впечатлѣніе, производимое безпорядочною жизнію императора (*Castèra*, I, 264) и онъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

[1]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 256. Приложеніе, I, 15.

[2]) *Сборникъ*, VII, 85.

[3]) Указъ сенату и манифестъ объ учрежденіи канцеляріи опекунства иностранныхъ колонистовъ былъ подписанъ только 22 іюля 1763 года (*Архивъ Сената*, т. 107, л. 170, 171; *П. С. З.*, №№ 11879,

странцевъ въ Россію былъ изданъ только 4-го декабря[1]), причемъ Екатерина писала генералъ-прокурору: „Сей ма-

11880), послѣ многихъ и долгихъ совѣщаній какъ съ генералъ-прокуроромъ А. И. Глѣбовымъ, такъ и съ канцлеромъ М. Л. Воронцовымъ (*Арх. кн. Воронцова*, XXVIII, 26; *Сборникъ*, VII, 301—303). Канцеляріи дана была подробная инструкція, опредѣлявшая ея обязанности (*Архивъ Сената*, кн. LXXII, л. 2; *(П. С. З.*, № 11881). Это дѣло занимало Екатерину и она старалась обставить его возможно лучше. Президентомъ канцеляріи былъ назначенъ гр. Г. Г. Орловъ, имѣвшій постоянный доступъ къ императрицѣ, наиболѣе близкое и довѣренное лицо Екатерины; вызывались въ Россію всевозможные иностранцы, не только спеціалисты всевозможныхъ производствъ, отъ сальныхъ свѣчей *(П. С. З.*, № 12010) до часовыхъ механизмовъ *(Ibid.*, № 12013), но и посcленцы, которымъ отводились пустопорожнія мѣста, преимущественно между Саратовымъ и Астраханью, въ Новой Сербіи и въ восточныхъ областяхъ *(П. С. З.*, № 12109, 12443); переселенцы освобождались отъ нѣкоторыхъ пошлинъ *(Ibid.*, № 12394), имъ предоставлялись нѣкоторыя льготы (*Ibid.*, 12581), ихъ религіозныя вѣрованія свято охранялись *(Ibid*, №№ 11980, 12303, 12322, 12411), вступающимъ въ военную службу опредѣлялись извѣстныя денежныя выдачи (*Ibid.*, № 12246). Забота Екатерины доходила даже до мелочей *(Архивъ Сената*, т. 107, л. 225; *П. С. З.*, № 11890; *Сборникъ*, VII, 335; LI, 57). Спустя годъ, два, въ Европѣ начались жалобы, такъ какъ въ Россію переселялись цѣлыми семьями люди наиболѣе трудящіеся, ремесленные; были жалобы и на „вызывателей“, злоупотреблявшихъ даннымъ имъ порученіемъ *(П. С. З.*, № 12255), такъ что пришлось установить особую форму „договоровъ съ вызывателями“ *(Ibid*, № 12283). Манифестъ о вызовѣ иностранныхъ поселенцевъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Европѣ: A la lecture de ce manifeste on croit voir en effet un génie bienfaisant offrir un nouvel asile aux arts et tendre les bras aux artistes découragés comme aux agriculteurs malheureux. Les secours les plus généreux sont offert, des privilèges sans nombre sont accordés, la tolérance est promise. Tant d'avantages reunis firent une impression considérable sur les esprits (Mémoire sur les colonies Russes par M-r Durand, въ *Париж. Архивъ*, Russie, 1772, № 12, Supplem.). Авторъ мемуара относится крайне несочувственно къ самой мысли о вызовѣ въ Россію иностранныхъ поселенцевъ, но сознается, что императрица не жалѣла ни заботъ, ни денегъ, и имѣла въ виду исключительно культурную выгоду, онъ говоритъ, что въ 1765 и 1766 г. русское правительство издержало семь милліоновъ рублей для переселенія 20000 семей.

[1]) *Указы* Екатерины, 187; *П. С. З.*, № 11720.

нифестъ должно публиковать на „всѣхъ языкахъ и во всѣхъ чужестранныхъ газетахъ“[1]).

Подписавъ уже указъ сенату отъ 14 октября, Екатерина приписала: „Тоже учинить и съ росискими переселянами всякими“. Еще бы: вызывая изъ-заграницы иностранцевъ, нельзя было „безъ сожалѣнія вспомнить о природныхъ русскихъ подданныхъ, любезное отечество свое оставившихъ и въ чужой землѣ странствующихъ“. Что же это за русскіе подданные? Чью эту „чужую землю“ предпочли они „любезному“ своему отечеству?

Тяжело жилось русскому человѣку въ прошломъ вѣкѣ, тяжелѣе, чѣмъ въ вѣка предшествовавшіе. Вполнѣ закрѣпощенный землѣ, лишенный всѣхъ правъ, поставленный внѣ закона, онъ былъ отданъ на произволъ грубаго, невѣжественнаго властелина. Практика крѣпостнаго права быстро деморализовала всѣ слои общества, всѣ сословія: не только въ крестьянскомъ быту, но въ военной службѣ и даже въ религіозныхъ дѣлахъ жестокіе нравы, культивируемые закрѣпощеніемъ, отравляли жизнь русскаго человѣка, дѣлали ему отечество „нелюбезнымъ“. Помѣщикъ смотрѣлъ на „души“, которыми владѣлъ, какъ на доходную статью; капралъ „снималъ шкуру“ съ рекрута, вбивая ему кодексъ военныхъ артикуловъ; послѣднее прибѣжище несчастныхъ — церковь, въ своихъ представителяхъ того времени, тоже владѣвшихъ „душами“, утерявъ „духъ терпѣнія и любви“, насиловала совѣстъ паствы, не дозволяя ей даже свободно молиться. Выходъ изъ этого, дѣйствительно, тяжелаго положенія былъ одинъ — бѣгство изъ „любезнаго“ отечества заграницу.

При вступленіи Екатерины на престолъ, вопросъ о „бѣглыхъ“ представлялся серьезнымъ международнымъ дѣломъ. Крестьяне бѣжали отъ своихъ помѣщиковъ, солдаты дезертировали отъ своихъ командъ, раскольники уходили отъ православнаго духовенства. Въ семилѣтнюю войну, когда русская армія была заграницей, число дезертировъ естественно должно было увеличиться; особенно много оказалось ихъ во время похода графа З. Г. Черны-

[1]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 396; Приложеніе, I, 20.

шева въ Силезію[1]). По заключеніи мира, русскіе бѣглые оказались въ Пруссіи, Саксоніи, въ земляхъ Австріи; но особенно много было ихъ въ Польшѣ.

Въ XVIII вѣкѣ Польша играла въ извѣстномъ смыслѣ роль нынѣшней Швейцаріи относительно русской эмиграціи. Услуга Польши въ этомъ отношеніи недостаточно еще оцѣнена. Событія болѣе поздняго времени отшибли у русскихъ людей способность трезво смотрѣть на явленія болѣе раннихъ періодовъ польской исторіи. Жалобы польскихъ диссидентовъ заглушаютъ въ нашихъ ушахъ вопли русскихъ мучениковъ за вѣру; страданія польскаго „быдла" отводятъ намъ глаза отъ мукъ русскаго мужика. Конечно, русскій крестьянинъ, дезертиръ, раскольникъ бѣжалъ въ Польшу не потому, чтобъ за польскимъ рубежемъ царила свобода, терпимость, гуманность — онъ не былъ даже знакомъ съ этими понятіями; но въ Польшѣ того времени жилось привольнѣе, дышалось легче. Накопленію русскихъ „бѣглыхъ" именно въ Польшѣ содѣйствовало въ значительной мѣрѣ также и географическое положеніе русско-польской границы. Дома было невыносимо, и русскій человѣкъ уходилъ въ близъ лежащіи степи — за Волгу, Уралъ, на Донъ, бѣжалъ въ сосѣднія государства — въ Швецію, Турцію, Польшу, все равно, куда бы ни уйти, лишь бы избавиться отъ нестерпимыхъ угнетеній. Эмиграція направлялась преимущественно въ Польшу уже и потому, что переходъ польскаго рубежа былъ болѣе удобенъ, не представлялъ большихъ затрудненій, былъ ближе.

Тотчасъ по воцареніи, Екатерина заботится о возвращеніи „бѣтлыхъ" — шлетъ рескрипты военачальникамъ, возвращающимся съ войсками изъ за границы, издаетъ указы, обнародываетъ манифесты[2]). Ее, очевидно, оскорб-

---

[1]) „Особливо же во время послѣдняго похода Нашего генерала графа Чернышева въ Шлезію", сказано въ манифестѣ „о выходѣ бѣглымъ изъ за границы", отъ 19 іюля 1762 г. *Указы* Екатерины, 45; *П. С. З.*, 11618.

[2]) Сохранился рядъ документовъ о бѣглыхъ. 18-го іюля 1762 г. Екатерина пишетъ гр. П. С. Салтыкову о необходимости вызвать

ляетъ вопросъ о бѣглыхъ; ей хотѣлось бы, чтобъ бѣжали въ Россію, не изъ Россіи. Она вспомиваетъ мысли свои, набросанныя нѣсколько лѣтъ назадъ: „Нечего будетъ опасаться бѣгства русскихъ заграницу, когда имъ будетъ сдѣлано *любезнымъ* ихъ отечество. Еслибъ Россія была такою, какою я желала бы видѣть ее, то у насъ было бы больше рекрутъ, чѣмъ дезертировъ“[1]). Ставъ императрицею, Екатерина получила возможность осуществить эти прекрасныя мечтанія великой княгини и, при первомъ же практическомъ шагѣ въ этомъ направленіи, встрѣти-

изъ Польши, „не огорча поляковъ“, русскихъ бѣглыхъ (*Русск. Архивъ*, 1886, III, 10); 19-го іюля — манифестъ о бѣглыхъ „какъ военнослужащихъ, такъ и крестьянъ“, причемъ обѣщано прощеніе дезертирства и всѣхъ преступленій (*Указы* Екатерины, 45; *П. С. З.*, № 11618); 19-го же іюля — рескриптъ гр. Салтыкову о бѣглыхъ въ Польшѣ (*Архивъ Сената*, т. 176, л. 41; *Сборникъ*, XLVIII 26); 8-го августа — въ инструкціи гр. Кейзерлингу предписывается хлопотать о выдачѣ „россійскихъ подданныхъ бѣглыхъ людей, которыхъ многія тысячи въ Польшѣ и Литвѣ по деревнямъ и домамъ у шляхетства и особыми великими слободами жительство имѣютъ“ *Сборникъ*, XLVIII, 64); 27-го ноября — резолюціею на докладѣ сената предписывалось бѣглыхъ крестьянъ не наказывать, а издержки казны по возвращенію взыскивать съ помѣщиковъ (*Архивъ Сената*, т. 102, л. 346); 4-го декабря — манифестъ о переселеніи въ Россію „бѣжавшихъ изъ своего отечества подданныхъ (*Архивъ Сената*, т. 102, л. 395; *Указы* Екатерины, 187; *П. С. З.*, 11720); 8 апрѣля 1763 г. — указъ Казанскому губернатору Квашнину-Самарину о поселенныхъ на Иргизѣ бѣглыхъ (*Архивъ Сената*, т. 106, л. 121); 13 мая — манифестъ о вызовѣ изъ Польши и Литвы бѣглыхъ русскихъ, причемъ обѣщана льгота отъ податей и работъ на шесть лѣтъ (*Архивъ Сената*, т. 106, л. 315); 6-го іюня — резолюція на докладѣ сената (*Архивъ Сената*, т. 106, л. 465); 11-го іюня — резолюція на докладѣ о сибирскихъ дѣлахъ (*П. С. З.*, 11860); того же 11-го іюня— указъ сенату о принятіи въ Новую Сербію „бѣглыхъ русскихъ людей“ (*Архивъ Сената*, т. 106, л. 344) и. т. д. Всего Екатерина издала до 50 документовъ подобнаго рода, въ послѣднемъ изъ которыхъ, въ рескриптѣ М. Н. Кречетникову, отъ 7-го іюля 1792 г., прямо сказано: „чтобъ прекратить побѣгъ въ войскахъ нужно отнять къ онымъ поводъ и способы“ (*Сборникъ*, XLII, 419). Мы увидимъ, какія принимались во время Екатерины мѣры противъ „поводовъ“ къ бѣгству русскихъ людей за границу, преимущественно въ Польшу.

[1]) *Сборникъ*, VII, 100.

лась съ такими требованіями жизни, которыя не согласовались съ подобными мечтаніями.

Такимъ первымъ шагомъ былъ вопросъ о горнозаводскихъ крестьянахъ.

Регламентомъ мануфактуръ-коллегіи, въ 1723 году, фабрикантамъ и заводчикамъ было разрѣшено, „для размноженія заводовъ и приведенія оныхъ въ лутчее состояніе“, покупать деревни. Указомъ 1744 года, всѣмъ „находящимся въ Россійской Имперіи фабрикантамъ“ дозволено было владѣть крестьянами и употреблять ихъ на работы. Наконецъ, въ 1752 году, „не запрещалось“ покупать къ заводамъ крестьянъ „и безъ земли“. Работа на горныхъ заводахъ признается и въ настоящее время, при всѣхъ успѣхахъ техники, одною изъ самыхъ тяжелыхъ; въ прошломъ вѣкѣ, она была чисто каторжною. Горнозаводчики всѣ были на перечетъ — фельдмаршалъ гр. Шуваловъ, два гр. Воронцовыхъ, канцлеръ и сенаторъ, камергеръ гр. Чернышевъ, оберъ-маршалъ гр. Сиверсъ, гр. Ягужинскій, трое Демидовыхъ, Евдокимъ, Иванъ и Никита, купецъ Походяшинъ, Гурьевъ, Осокинъ, Турчаниновъ; большинство ихъ жило при дворѣ, въ столицѣ, а заводами вѣдали управители и прикащики, которые требовали отъ крестьянъ „свыше мѣръ человѣческихъ работу“ и нерѣдко даже „съ мучительствомъ“; они обманывали, обсчитывали и обмѣривали крестьянъ, задерживали заработную плату, а при малѣйшемъ протестѣ крестьянъ обзывали ихъ бунтовщиками и вызывали ближайшія воинскія команды для усмиренія „возмутившихся крестьянъ“. Ко времени воцаренія Екатерины, такихъ „возмутившихся“ заводскихъ крестьянъ насчитывалось 49000, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ заводахъ. Еще въ прошлое царствованіе, въ мартѣ 1762 года, была послана слѣдственная комиссія „для усмиренія“ крестьянъ, приписанныхъ къ мѣднымъ и желѣзнымъ заводамъ гр. Чернышева и Демидовыхъ въ Пермской провинціи. Слѣдственная комиссія не успѣла еще окончить порученнаго ей дѣла, какъ Екатерина, желая пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, указомъ отъ 8 августа объявила, что „всѣмъ фабриканамъ и заводчикамъ отъ нынѣ къ ихъ фабрикамъ и

заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться имъ вольными наемными по пашпортамъ за договорную плату людьми"[1]).

Съ трудомъ вѣрится, что подобная мысль могла быть высказана въ Россіи болѣе ста лѣтъ назадъ. Въ этомъ случаѣ Екатерина на цѣлыя поколѣнія опередила свой вѣкъ и разрѣшила задачу, надъ которой мучилось XIX столѣтіе. Ошибка Екатерины, и ошибка чрезвычайно важная, заключалась въ томъ, что вѣрный въ теоріи принципъ не былъ согласованъ съ практикою современной жизни. Подобное распоряженіе способно было произвесть возбужденіе среди заводскаго населенія даже совершенно спокойнаго; теперь же оно только подлило масла въ огонь. Въ Казанской губерніи, въ Пермской провинціи, во всемъ обширномъ горнозаводскомъ районѣ, не исключая Сибири, на частныхъ и даже казенныхъ заводахъ начались стачки рабочихъ. Канцелярія главнаго правленія заводовъ доносила уже въ октябрѣ, что „приписанные къ казеннымъ и партикулярнымъ заводамъ крестьяне единогласно состоятъ въ упорствѣ и со многихъ заводовъ отъ работъ ушли насильно". Заводскіе крестьяне гр. Шувалова разъѣзжаютъ по сосѣднимъ заводамъ, берутъ вездѣ подписки о прекращеніи работъ, а желающихъ работать бьютъ, разоряютъ и выгоняютъ изъ домовъ. Среди заводскаго населенія ходилъ по рукамъ подложный манифестъ, возбуждавшій крестьянъ къ стачкѣ: „которые въ прежнихъ годѣхъ отданы были во владѣніе собственные ея імператорскаго величества крестьяне архіереямъ и по разнымъ монастырямъ и которые подписаны къ разнымъ компанейщикамъ для заводскихъ работъ, и отъ тѣхъ заводовъ отмѣнить, и быть по прежнему ясашнымъ"[2]), сказано въ этомъ мнимомъ манифестѣ.

---

[1]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 99. *Указы* Екатерины, 89; *П. С. З.* № 11638.

[2]) По произведенному „съ пристрастиемъ" дознанію оказалось, что манифестъ этотъ сочинилъ дьячекъ свіяжскаго богородскаго монастыря Иванъ Кузьминъ, изъ села Красная Горка, казанскаго уѣзда, во время содержанія подъ арестомъ въ казанской духовной консисторіи, причемъ ему помогалъ заводскій гр. Шувалова крестьянинъ Куликовъ (*Архивъ Сената*, протоколы, № 219, л. 93 *Указы* Ека-

На мысль о вольнонаемномъ трудѣ жизнь отвѣтила стачкой, охватившей весь заводскій районъ восточной полосы Россіи. Нечего уже было и думать объ отмѣнѣ обязательнаго труда; надо было, прежде всего, затушить пожаръ. Екатерина избрала для этого генералъ-квартирмейстера кн. А. А. Вяземскаго, молодого, дѣятельнаго, правдиваго человѣка. Она снабдила его подробною инструкціею [1]), общій смыслъ которой сталъ съ тѣхъ поръ для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, до нашихъ дней включительно, руководствомъ, опредѣляющимъ отношеніе правительственной власти къ этому экономическому явленію; прежде всего — уничтожить стачку, потомъ уже — изслѣдовать ея причины и изыскать мѣры къ удовлетворенію стачниковъ [2]). При такой системѣ, начинающей дѣло съ конца, вооруженная сила является почти неизбѣжною, и Екатерина, въ инструкціи князю Вяземскому, подробно указываетъ, гдѣ и какими войсками онъ можетъ располагать: въ Пермской провинціи — однимъ полевымъ и однимъ гарнизоннымъ полкомъ, въ Оренбургской губерніи — однимъ полевымъ, тремя гарнизонными и тремя драгунскими; въ Сибирской губерніи — четырьмя драгунскими и пятью гарнизонными полками.

Съ такими силами, конечно, стачки были уничтожены, но мѣръ къ удовлетворенію стачниковъ принято не было.

терины, 177; *Сборникъ*, VII, 191). Сенатъ особымъ указомъ усовѣщевалъ стачниковъ, „дабы они отъ сего воздержались и вышеписаннымъ фальшиво сочиненнымъ копіямъ не вѣрили, и никакихъ бы противностей своимъ командамъ, такожъ своевольствъ и озорничествъ отнюдъ не чинили, и поступали-бъ какъ вѣрноподданническая должность требуетъ подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ не упустительнаго по законамъ изтязанія". Изъ слѣдственнаго производства не видно, конечно, чтобъ подложный манифестъ былъ вызванъ именно указомъ 8-го августа; но внутренняя связь этихъ двухъ документовъ, дѣйствительнаго и подложнаго, очевидна.

[1]) *Сборникъ*, VII, 188.

[2]) „Нужда теперь въ томъ настоитъ, чтобъ крестьянъ привести въ должное рабское послушаніе и усмирить, а потомъ изыскать" и т. д.; „обнадежить, что крестьяне прежде не токмо удовольствованы не будутъ, но ниже слѣдствіе начато будетъ, пока къ повиновенію и послушанію дѣломъ самимъ не приступятъ" и т. под. *Сборникъ*, VII, 189, 190.

Позже, стачки возобновлялись и „не единожды принуждены были — какъ пишетъ Екатерина — употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ“[1]); Недовольство горнозаводскаго населенія продолжалось и по переходѣ многихъ „партикулярныхъ“ заводовъ въ казенное вѣдомство, сказалось во время пугачевщины, и только въ 1779 году были, наконецъ, приняты мѣры для удовлетворенія стачниковъ — манифестомъ 21 мая были опредѣлены „работы, каковыя крестьяне, приписные къ казеннымъ и частнымъ заводамъ, исправлять обязаны“[2]).

Внутреніе непорядки, на которые Екатерина обратила вниманіе вслѣдъ за воцареніемъ, проистекали не только отъ лихоимства и крѣпостничества, двухъ золъ, наиболѣе противныхъ благоустройству государства. Не было почти ни одной части управленія, которая была бы правильно организована. Что было сдѣлано Петромъ В., не успѣло пустить серьезные корни; что было имъ только намѣчено, не было исполнено его преемниками, жившими, по большей части, изо дня въ день, вовсе не заботясь о будущемъ Россіи. Духовенство и дворянство, военное сословіе и торговые люди ждали отъ Екатерины льготъ и преимуществъ; состояніе крѣпостей и городовъ, юстиціи и финансовъ, путей сообщенія и почтовыхъ сношеній, флота, промышленности и торговли — все требовало иной организаціи, болѣе правильной постановки. Желая разобраться въ этой массѣ вопросовъ, предъявленныхъ самою жизнью, Екатерина, вскорѣ же послѣ коронаціи, назначила цѣлый рядъ комиссій, которымъ поручила выработать устройство той или другой части — комиссію о вольности дворянской, комиссію военную, духовную, о строеніи городовъ, комиссію о коммерціи и др.

Не была образована комиссія „наиболѣе необходимая“[3]) — объ устройствѣ полиціи. Съ европейской точ-

---

[1]) *Русск. Архивъ*, 1865, 486.

[2]) *Архивъ Сената*, т. 142, л. 229; *П. С. З.*, № 14878, 15442.

[3]) La plus nécessaire, по депешѣ *Бретэля*, отъ 27 ноября, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 71, № 37. Это замѣчаніе французскаго посланника объясняется тѣмъ, что въ началѣ ноября былъ огра-

ки зрѣнія, быть можетъ, это была, дѣйствительно, наиболѣе необходимая комиссія, но не съ русской. У насъ и въ настоящее время не организована уѣздная полиція, а городская оставляетъ многого еще желать; болѣе ста лѣтъ назадъ, конечно, требованія общества въ этомъ отношеніи были еще слабѣе. Грабежи, разбои и убійства у насъ никогда не переводились. Были они и въ то время.

7-го ноября, близъ Москвы, на тверскомъ ямскомъ полѣ князьямъ Голицынымъ „учиненъ разбой и вещи ихъ пограблены"[1]); 9-го ноября, въ 6-ти верстахъ отъ Петербурга ограбленъ и избитъ французскій курьеръ[2]). Грабили и били очень многихъ; эти же два разбоя обратили на себя вниманіе только потому, что въ одномъ случаѣ пострадали князья, въ другомъ — иностранецъ, къ тому же лицо официіальное. Гораздо важнѣе была небезопасность въ самой столицѣ. Въ Петербургѣ, въ октябрѣ и въ ноябрѣ были найдены „въ разныхъ мѣстахъ города" мертвыя тѣла; генералъ-фельдмаршалъ гр. Минихъ послалъ въ Москву рапортъ отъ 20-го ноября: „такия грабительства и разбои въ самомъ городе происходятъ, что ночью безъ конвоя никто съ своей квартиры отлучитца не можетъ"[3]).

И. И. Неплюевъ созвалъ совѣтъ. На этомъ совѣтѣ, Петербургъ былъ раздѣленъ на пять частей, и въ каждой установлены разъѣды отъ мѣстныхъ войкъ[4]); сверхъ того

бленъ и избитъ французскій курьеръ, въ 6-ти верстахъ отъ Петербурга (*Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 220, л 2).

1) *Архивъ Сената*, т. 176, л. 219.

2) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 220, л. 2.

3) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла № 220, л. 7.

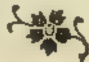
4) На совѣтъ были приглашены: директоръ надъ полиціями Н. А. Корфъ („а ежели онъ болѣнъ, то генералъ-полицеймейстеръ Дивовъ"), подполковникъ преображенскаго полка Ушаковъ, генералъ отъ артиллеріи Бороздинъ, вице-адмиралъ Мордвиновъ и генералъ-майоръ кн. Гагаринъ. Петербургъ былъ раздѣленъ такъ: 1) за Фонтанкой до Невскаго монастыря спокойствіе содержать командамъ Ушакова и Бороздина, такъ какъ преображенскій полкъ и артиллерія квартируютъ въ этой мѣстности; 2) „отъ Глухой речки, которая морскими слободами идетъ, и ниже сколько жила есть, а

были приняты и общія мѣры, во первыхъ, полиція обязалась устроить ночные дозоры и „рогатошные караулы“ — улицы съ вечера „заметывались“ рогатками и ночью никто безъ фонаря не пропускался; въ случаѣ сопротивленія, полицейскій шумѣлъ въ трещотку, призывая на помощь, и, во-вторыхъ, обыватели обязывались выставить по одному дворнику на каждые пять домовъ и по звуку трещотки высылать изъ каждаго дома по одному человѣку для содѣйствія полиціи. Совѣтъ состоялся 20-го ноября, и, по словамъ постановленія сенатской конторы, „съ 21-го ноября водворилась полная тишина“.

На сколько, однако, можно довѣрять сенатской конторѣ видно изъ того, что даже черезъ годъ, въ сентябрѣ 1763 года, во время пребыванія двора въ Петербургѣ, иностраннымъ посольствамъ назначались особыя военныя команды для охраны ихъ домовъ въ ночное время[1]).

вверхъ даже до Вознесенской улицы“ — Мордвинову; 3) „отъ Невы-реки до ямской московской слободы“ — разъѣзды отъ драгунской команды владимірскаго полка; 4) на Петербургскомъ и Васильевскомъ островахъ — генералъ-лейтенанту И. И. Костюрину и 5) на Выборгской Сторонѣ № Бороздину (*Архивъ Сената*, Секретн. дѣла № 220, л. 2). Эти мѣры были одобрены императрицей (*Ibid.*, л. 4), и когда былъ полученъ изъ Москвы рапортъ Миниха, то Неплюевъ отвѣчалъ, что послѣ сдѣланныхъ 20-го ноября распоряженій, которыя одобрены императрицей, „съ 21 ноября водворилась полная тишина“ (*Ibid.*, л. 11). Это, конечно, вздоръ, и вотъ почему: въ 1762 году Нева стала только въ декабрѣ; сообщенія съ зарѣчными частями вовсе не было въ ноябрѣ; мѣры безопасности, указанныя выше, въ 4 и 5 пунктахъ, были приведены въ исполненіе только въ декабрѣ, потому именно, что „и тамъ оказались отъ злодѣевъ разныя безпокойства“ (*Ibid.*, л. 9).

[1]) Въ депешѣ графа *Сольмса*, отъ 30 сентября 1763 года: La sécurité publique étant si peut assurée, c'est la raison pourquoi nous autres ministres étrangers avions demandé de conserver pendant la nuit une garde militaire dans nos maisons; nous l'avons eue jusqu'à hier, ou on nous la otée, et nous nous voyons obligés d'engager des personnes à notre service pour avoir des gardes de nuit (*Берлин. Архивъ*, XI, № 68).

XII.

Безпорядокъ во всѣхъ частяхъ управленія и разстройство внутреннихъ дѣлъ требовали отъ Екатерины усиленной дѣятельности. Этотъ безпорядокъ вовсе не зависѣлъ отъ потрясенія, произведеннаго государственнымъ переворотомъ; разстройство дѣлъ не было даже послѣдствіемъ небреженія Петра III, царствованіе котораго было такъ кратковременно, что не могло имѣть серьезнаго вліянія на ходъ внутреннихъ дѣлъ: безпорядокъ и разстройство начались вслѣдъ за смертію Петра В., продолжались при его слабыхъ преемникахъ и, быть можетъ, Елизавета Петровна болѣе другихъ содѣйствовала ослабленію внутренняго организма имперіи. Екатерина хорошо понимала, что правильною организаціей администраціи, приведеніемъ дѣлъ въ порядокъ надежнѣе всего могла она утвердиться на престолѣ, „оправдать выборъ націи", и принялась за трудную работу[1]).

---

[1]) Депеша *Беранже*, отъ 16 іюля 1762 года: L'Impératrice n'oublie rien pour justifier le choix de la nation... Cette princesse parait infatigable au travail. Elle règle les affaires de l'Intérieur et prenne connoissance de tout *(Париж. Архивъ,* Russie, vol. 70, № 9). Депеша *Бретэля* отъ 28 октября 1762 года: M. de Woronzoff m'ajouta que la Czarine ne voulois que le repos, et que le désordre et le délabrement de toutes les parties intérieures de l'Etat ne permettoient pas de songer à autre chose de longues années (*Ibid.*, vol. 71, № 22). Депеша *Бретэля*, отъ 9 января 1763 года: La Czarine m'avouoit que rien n'étoit en ordre dans son Empire, ni régi avec probité (*Ibid.* Russie, 1763, vol. 13). Депеша *Прассе*, отъ 17 августа 1762 года: Bei Hofe werden tagtäglich secciones vom Senate und Ministerio gehalten, wobei

За счетъ Петра III должна быть поставлена только распущенность двора. Его пьяные ужины, на которые допускались всякіе заѣзжіе артисты и актрисы, его придворные концерты, на которыхъ императоръ братался съ наемными музыкантами, его пренебреженіе не только къ придворному этикету, даже къ простому приличію, скоро изгнали отъ двора чопорную утонченность манеръ и изысканную вѣжливость временъ Елизаветы Петровны. Во дворецъ входили какъ въ общественное учрежденіе, какъ въ публичное мѣсто; свои и чужіе представлялись императору когда и кому было угодно.

Не прошло и двухъ недѣль по воцареніи Екатерины, какъ 11-го іюля, „Ея Императорское Величество изволила высочайше указать, чтобъ отъ нынѣ, впредь кромѣ акредитованныхъ пословъ и министровъ, всѣ другіе чужестранцы, равно и какъ и здѣшніе подданные, Ея Императорскому Величеству чрезъ оберъ-каммергера, а дамы всѣ безъ изъятія чрезъ оберъ-гофмейстерину, а въ небытность ея чрезъ гофмейстерину, подводимы и представляемы были“[1]).

19-го іюля, Екатерина, присутствуя въ сенатѣ, слушала любопытный докладъ о придворныхъ нижнихъ чинахъ. Неизвѣстно когда и неизвѣстно кѣмъ былъ установленъ такой порядокъ: придворная контора, увольняя тафельдекеровъ, мундшенковъ, камерлакеевъ, кухеншрейберовъ, лакеевъ, гайдуковъ и другую придворную челядь, представляетъ сенату „для награжденія за службу ихъ чинами и ко опредѣленію къ статскимъ дѣламъ“; не смотря на то, что нѣкоторые изъ этой придворной челяди служили при дворѣ не болѣе года, сенатъ награждаетъ ихъ чинами прапорщиковъ, подпоручиковъ и даже пору-

---

gemeinniglich Ihro Majestät die Kaiserin zugegen zu sein pflegen (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 67). Депеша *Прассе*, отъ 24 марта 1763 года: Die Kaiserin scheinet die jetzige Fastenzeit mehrentheils zu besserer Einrichtung der innerlichen Landesangelegenheiten gewidmet zu haben (*Ibid.*, vol. VIII, № 14). Депеши гр. *Букингэма*, отъ 23 февраля и 14 марта 1763 г., въ *Сборникѣ*, XII, 82, 83, 86, 87.

[1]) *С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1762 г., 26 іюля, № 60; *Указы* Екатерины, 51; *П. С. З.*, № 11602.

чиковъ, предоставляя имъ и соотвѣтствующее служебное мѣсто. Екатерина выслушала докладъ и отмѣнила такой непорядокъ, повелѣвъ придворныхъ нижнихъ чиновъ награждать придворными же чинами и увольнять ихъ съ паспортами, выдаваемыми придворною конторою[1]). Избалованная придворная челядь возроптала. Екатерина скоро узнала объ этомъ неудовольствіи и 8-го же августа написала оберъ-гофмаршалу графу К. Е. Сиверсу собственноручное письмо, въ которомъ объяснила, что этимъ указомъ она хотѣла „не обидѣть ни человѣка, ни мѣсто", которое ему предоставлялось[2]). Въ самомъ дѣлѣ: гайдукъ, прослужившій при дворѣ года два, увольняется съ чиномъ подпоручика и назначается воеводою въ какой либо городъ — это обидно не только для мѣста, но и для чина.

Не только нижніе, но и высшіе придворные чины не имѣли своего наказа и не знали своихъ обязанностей. Оберъ-каммергеръ графъ П. Б. Шереметевъ, по указанію Екатерины, составилъ особый докладъ, въ которомъ подробно росписалъ „должность и преимуществы оберъ-каммергера" и „должность придворныхъ кавалеровъ". 15-го августа докладъ этотъ былъ утвержденъ Екатериною[3]).

Безпорядокъ при дворѣ доходилъ до того, что незадолго до отъѣзда императрицы въ Москву, 20 августа 1762 года, Екатерина писала оберъ-гофмаршалу, что ея дѣвушки „съ голода помираютъ, по третьи день, сказываютъ, не едятъ"[4]). Императрица должна была напоминать оберъ-гофмаршалу, чтобъ фрейлинамъ отпускали кушанье съ придворной кухни въ тѣ дни, когда почему либо при дворѣ не бываетъ стола.

Въ Москвѣ, во время коронаціи, Екатерина сама нарушила установленный порядокъ[5]) — разрѣшила подавать

---

[1]) *Указы* Екатерины, 48; *П. С. З.*, № 11621.

[2]) Письмо отъ 8 августа 1762 г., въ *Архивѣ „Русск. Старины"*; Приложеніе, I, 9.

[3]) *Указы* Екатерины, 96; *П. С. З.*, № 11644, 11645.

[4]) Записка отъ 20 августа 1762 г., въ *Архивѣ „Русск. Старины"*; Приложеніе I, 11.

[5]) Еще 3-го іюля, присутствуя въ сенатѣ, Екатерина „указать

прошенія ей лично, очевидно, ради популярности — и была наказана. Вотъ какъ сама Екатерина записала объ этомъ: „При коронаціи моей было у меня три секретаря; у каждаго изъ нихъ было по 300 прошеній, и того 900. Я старалась, колико возможно, удовольствовать просителей, сама принимала прошеніи. Но сіе вскорѣ пресѣклось, понеже въ одинъ праздникъ, во время шествія со всѣмъ штатомъ къ обѣднѣ, просители пресѣкли мой путь, ставъ полукружіемъ на колѣни съ письмами“[1]). Для насъ подобный фактъ представляется совершенно немыслимымъ; не повторялся онъ и при Екатеринѣ. „Старшіе сенаторы — продолжаетъ Екатерина — приступили ко мнѣ, говоря, что такой непорядокъ послѣдовалъ отъ излишней милости и терпѣнія моего, и что законы запрещаютъ государю самому подавать прошеніи. Я согласилась на то, чтобъ возобновили законъ о не подачѣ самому государю писемъ“.

Сенатъ подтвердилъ „о неподачѣ мимо надлежащихъ мѣстъ челобитенъ“. Въ указѣ сената[2]), отъ 2-го декабря 1762 года, между прочимъ, сказано: „Правительствующій сенатъ усматриваетъ, что многіе невѣжи и наглецы, не бивченомъ нигдѣ и о такихъ еще матеріяхъ, кои не мало до высочайшей Ея Императорскаго Величества резолюціи не принадлежатъ, мимо всѣхъ учрежденныхъ судебныхъ правительствъ, и мимо сената, подаютъ недѣльныя и совсѣмъ неосновательныя прошеніи Ея Величеству. Статься можетъ, что таковые просители, ласкаяя себя только тѣмъ,

---

соизволила: публиковать во всенародное извѣстіе, чтобъ никто какогобъ чину и званія ни были, о обидахъ своихъ или претензіяхъ Ея імператорскому величеству челобитенъ и прошеній не подавали, но каждой челобитны и прошеніи подавали бъ, на основаніи военныхъ и гражданскихъ законовъ, гдѣ кому надлежитъ въ учрежденныхъ вышнихъ и нижнихъ судахъ“. *Указы* Екатерины, 34. Это распоряженіе не вошло въ *П. С. З.* Екатерина сама первая нарушила это постановленіе и принимала челобитныя еще „во время шествія изъ Санктъ-Петербурха въ Москву“ для коронованія (*Архивъ Сената,* Копіи высоч. повел., № 179, л. 32).

[1]) *Русс. Архивъ,* 1865, 481.

[2]) *Указы* Екатерины, 183; *П. С. З.*, № 11718.

что о чемъ бы ево прошеніе ни было, но когда Ея Величествомъ принято будетъ, то якобы они отъ наложенныхъ штрафовъ и наказанія чрезъ то освобождены, и дѣло рѣшено будетъ въ ихъ пользу по тому только что прошеніи ихъ наполнены жалостію; но таковое мнѣніе совсѣмъ развратно: ибо Ея Императорское Величество сколь милосерда и великодушна ко всѣмъ своимъ подданнымъ, столь премудра и прозорлива, и всякому по состоянію равенъ судъ и милость изливаетъ". Въ заключеніе сенатъ объявлялъ, что „невѣжи и наглецы", подающіе просьбы лично императрицѣ, „штрафованы и наказаны будутъ".

Устройство двора — свое, домашнее дѣло. Екатерина родилась, выросла и вѣкъ свой жила въ придворной обстановкѣ, то „мизерной", у своихъ родителей, то „блестящей", при Елизаветѣ Петровнѣ. Потребности двора хорошо извѣстны Екатеринѣ и она сама, безъ всякихъ совѣтовъ, съумѣетъ распорядиться устройствомъ придворной жизни. Наконецъ, неустройство двора чувствуется, прежде и больше всего, самою императрицею; оно не создастъ недовольныхъ, не вызоветъ ропота. Другое дѣло — потребности государственныя. Петръ III пренебрегалъ ими, и лишился престола; Екатерина можетъ утвердиться на престолѣ только правомѣрнымъ удовлетвореніемъ государственныхъ нуждъ. Но нуждъ такъ много, потребности такъ разнообразны, возникающіе отсюда вопросы такъ новы для Екатерины. Она сознаетъ, что не въ силахъ рѣшить подобные вопросы. Съ первыхъ же дней царствованія, она вынуждена то благодарить Глѣбова за совѣтъ, то просить Бестужева „помогать совѣтами"[1]). Екатерина нуждается въ людяхъ честныхъ, свѣдущихъ, опытныхъ, обладающихъ умомъ государственнымъ — а гдѣ они? Людей дѣла, людей реформы, преобразованія всего государственнаго строя нужно еще создать. Ни Елиза-

[1]) Записка Екатерины А. И. Глѣбову, отъ 6 іюля 1762 г.: „Благодарствую за ваше давишное поведеніе въ сенатѣ"; А. П. Бестужеву-Рюмину, отъ 8 августа: „Батюшка Алексѣй Петровичъ. Прошу васъ приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать. Пожалуй, помогай совѣтами" (*Сборникъ*, VII, 135).

вета Петровна, ни тѣмъ менѣе Петръ III не подготовили дѣятелей энергичныхъ, серьезныхъ. Шуваловы не ко двору Екатеринѣ: Иванъ Ивановичъ — быть можетъ, и невольный, но все же главный виновникъ распущенности послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны; Александръ Ивановичъ — человѣкъ ничтожный и, къ тому же, лично ненавистный; Воронцовы никуда не годятся: Михаилъ Илларіоновичъ — слабъ умомъ, подкупенъ, необразованъ; Романъ Илларіоновичъ — не чистъ на руку и, какъ отецъ фаворитки Петра III, не можетъ даже оставаться при дворѣ, не только играть роль. Были, правда, дѣятели, вышедшіе еще изъ школы Петра В., но они всѣ стары, отжили свой вѣкъ: кн. М. М. Голицынъ, генералъ-адмиралъ, кн. Н. Ю. Трубецкой, генералъ-фельдмаршалъ, и гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Первыхъ двухъ пришлось уволить въ вѣчную отставку, съ большими наградами, съ большимъ почетомъ, но устранить отъ дѣлъ; третій, напротивъ, былъ возвращенъ изъ ссылки, призванъ ко двору. Екатерина удержала всѣхъ, кто только выдвигался какими-либо способностями. По соображеніямъ скорѣе династическимъ, чѣмъ политическимъ, иностранцы получили назначенія вдали отъ двора: Минихъ сдѣланъ генералъ-директоромъ надъ балтійскими портами, Кейзерлингъ назначенъ въ Варшаву, Броунъ оставленъ въ Ригѣ; только Вильбоа удержалъ до времени постъ фельдцейхмейстера. Изъ русскихъ, ближе всѣхъ къ Екатеринѣ два противника Елизаветы Петровны и Петра III — Н. И. Панинъ и А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Панинъ помѣщенъ въ самомъ дворцѣ — онъ молодъ, полонъ силъ, хорошо образованъ, уменъ, остороженъ, знаетъ жизнь и умѣетъ ладить со всѣми[1]); вызвавъ ко двору и Бестужевъ, но онъ одряхлѣлъ, часто болѣетъ, и теперь неудобенъ именно однимъ изъ лучшихъ своихъ качествъ — онъ настойчивъ до упрямства, систематиченъ до доктринерства, неподатливъ, неуступчивъ, а время и обстоятельства тре-

[1]) Въ депешѣ гр. *Сольмса*, отъ 30 октября 1764 г., любопытное признаніе Панина о его умѣньи ладить даже съ Г. Г. Орловымъ (*Берлин.Архивъ*, P. S. à la dépêche № 126; Приложеніе, III, 6).

буютъ осторожности въ начинаніяхъ, изворотливости въ исполненіи, мягкости во всѣхъ дѣйствіяхъ. Григорій Николаевичъ Тепловъ сдѣланъ секретаремъ императрицы, но на него положиться нельзя[1]): Василій Евдокимовичъ Адодуровъ назначенъ президентомъ комерцъ-коллегіи; не устраненъ вполнѣ даже близкій Петру III Дмитрій Васильевичъ Волковъ — посланъ губернаторомъ въ Орен-

---

[1]) Біографія Теплова, 1720—1779, еще не написана, но, судя по дѣламъ его и по отзывамъ о немъ современниковъ, Тепловъ представляется намъ лицомъ, выдѣлявшимся своими отталкивающими моральными достоинствами. Человѣкъ безъ роду и племени, воспитанникъ Θеофана Прокоповича, отлично для того времени образованный, побывавшій заграницей, человѣкъ талантливый, трудолюбивый, Тепловъ своимъ коварствомъ, низостью и наглостью удивлялъ современниковъ и возбудилъ общее къ себѣ презрѣніе. Ему было 16 лѣтъ, когда онъ, арестованный по дѣлу Волынскаго, нагло отрегся отъ своего труда и погубилъ Еропкина; онъ продалъ позже гр. К. Г. Разумовскаго, своего воспитанника, которому всѣмъ былъ обязанъ и который имѣлъ несчастіе вполнѣ довѣряться ему. Когда Разумовскій былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ, Тепловъ управлялъ академіею, причемъ гналъ Ломоносова, который называлъ его „коварникомъ", и угрожалъ шпагой Тредьяковскому (*Васильчиковъ*, I, 186); когда Разумовскій сталъ гетманомъ, Тепловъ управлялъ Малороссіею и составилъ записку „О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи", вслѣдствіе которой Разумовскій лишился гетманства. Тепловъ, устроившій паденіе гетмана, встрѣтилъ его при дворѣ съ распростертыми объятіями, что возмутило даже Г. Г. Орлова, громко замѣтившаго: „И лобза его же предаде" (*Бантышъ-Каменскій*, V, 136). Тепловъ же донесъ и на Екатерину, выдавъ сношенія ея, тогда еще великой княгини, съ Разумовскимъ и Апраксинымъ (*Бильбасовъ*, Первыя политич. письма Екатерины II, стр. 81). Это былъ наглый лжецъ, о которомъ Безбородко говорилъ въ 1778 году: „Тепловъ хотя и исчезаетъ отъ лѣтъ и болѣзней но лжетъ еще больше на старости" (*Сборникъ*, XXVI, 263). Теплова всѣ ненавидѣли; его терпѣли, какъ человѣка нужнаго по его знаніямъ, по уму. Онъ много писалъ; изъ напечатанныхъ его трудовъ извѣстны: „Знанія вообще до философіи касающіяся", 1751 г.; „О засѣвѣ разныхъ табаковъ въ Малой Россіи", 1763 г.; „Наставленіе сыну", 1768 г.; „Птичій дворъ", 1774 г.; „Разсужденіе о врачебной наукѣ", 1774 г. Недавно было высказано мнѣніе, будто Теплову „принадлежалъ проэктъ установленія Верховнаго Императорскаго Совѣта въ январѣ 1763 года" *Кіевская Старина*, XXI, 246), но высказано въ формѣ, не внушающей довѣрія.

бургъ; удержаны при дворѣ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, „другъ“ Понятовскаго, кн. А. М. Голицынъ[1]), вице-канцлеръ, и другія лица, иногда весьма почтенныя, но дѣятели второстепенные, не всегда способные даже понять Екатерину, не только оцѣнить ея цѣли, тѣмъ менѣе угадать ея намѣренія. За исключеніемъ двухъ, трехъ, все это не такіе люди, какіе нужны Екатеринѣ.

„Нѣсколько дней назадъ — пишетъ французскій посланникъ, бар. Бретэль, въ депешѣ отъ 9 января 1763 года — императрица жаловалась мнѣ, что у нее нѣтъ людей, которые были бы въ состояніи серьезно помогать ей. Дѣйствительно, кромѣ Панина, обладающаго скорѣе привычкою къ извѣстному труду, чѣмъ большими способностями и познаніями, близь государыни нѣтъ ни одного человѣка, способнаго содѣйствовать ея видамъ по управленію“[2]). Тоже замѣтилъ и англійскій посланникъ гр. Букингэмъ: „Императрица, по своимъ талантамъ, просвѣ-

---

[1]) Депеша *Прассе*, отъ 22 іюля 1762 г.: Ein munterer Kopf, hat einen aufgekfärten Geist und die besten sentimens von der Welt, allein da er nicht von der Souveraine estimiret wird, so hat er doch nicht Gewicht *(Дрезден. Архивъ*, VII, № 61). Отзывы иностранцевъ о другихъ изъ названныхъ нами лицъ весьма различны, но почти всѣ оканчиваются заявленіемъ о болѣе или менѣе дурномъ о нихъ мнѣніи Екатерины. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ только Н. И. Панинъ: даже политическіе противники находятъ въ немъ ту или другую хорошую черту, смотря по лагерю, изъ котораго исходитъ отзывъ. Характерны въ этомъ отношеніи отзывы о Панинѣ гр. Букингэма, который признаетъ, однако, его выдающіяся способности (*Сборникъ*, XII, 52, 80, 133). Баронъ *Бретэль* совершенно вѣрно отозвался о приближенныхъ, въ депешѣ отъ 9 января 1763 года: Il faut convenir que la Czarine est cruellement entourée tant dans l'agrément de sa vie que dans la conduite de ses affaires *(Париж. Архивъ*, Russie, 1763, vol. 13). Взгляды гр. *Сольмса* на Панина см. въ его депешѣ отъ 30 октября 1764 г. въ *Берлин. Архивѣ*, Депеши Сольмса, № 162; Приложеніе, III, 6, 7.

[2]) L'Impératrice se plaignoit, il y a quelques jours, de n'avoir personne qui fût véritablement en état de l'aider. Il est vrai que, hors M-r Panin qui a encore plutôt l'habitude d'un certain travail que de grandes lumières ou connoissances, cette Princesse n'a personne qui puisse servir à ses vues d'administration et de grandeur (*Париж. Архивъ*, Russie, 1763, vol. 13).

щенію и трудолюбію выше всѣхъ ее окружающихъ; характеръ и наклонности многихъ изъ нихъ она должна презирать"[1]).

Нѣтъ людей, и Екатерина, по пословицѣ „умъ хорошъ, а два лучше", прибѣгаетъ къ комиссіямъ. По всѣмъ государственнымъ вопросамъ, требовавшимъ разрѣшенія, были образованы комиссіи. Важнѣйшею была комиссія о церковныхъ имѣніяхъ.

Опять одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, который Петръ В. шевельнулъ своею мощною рукою и умеръ, не устроивъ его окончательно. Въ 1701 году онъ указалъ „всѣ духовныя имѣнія описать и приставить къ нимъ свѣтскихъ управителей, а духовнымъ для ихъ содержанія давать опредѣленное жалованье, хлѣбъ и прочія нужныя вещи; достальные же доходы употреблять на богоугодныя дѣла". Спустя двадцать лѣтъ, при учрежденіи святѣйшаго синода, Петръ опять отдалъ духовныя имѣнія въ управленіе духовенству, указавъ только въ Духовномъ Регламентѣ „о порядочномъ содержаніи приходовъ и расходовъ, и о дачѣ въ нихъ отчета" и предписавъ сенату и синоду совмѣстно сочинить „штатъ церковный", къ чему и самъ „прилагалъ ревностное стараніе по самую блаженную свою кончину, которая съ многими его преполезными намѣреніями и дѣлами, и сего во окончаніе привесть не допустила".

Сорокъ лѣтъ покоился этотъ вопросъ почти безъ движенія, пока его не коснулся Петръ III. 21 марта 1762 г. изданъ былъ указъ, въ силу котораго, вопервыхъ, учреждалась Коллегія Экономіи „для управленія всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и къ церквамъ приписанныхъ вотчинъ", и, вовторыхъ, крестьяне обязывались платить ежегодно рубль и получали въ собственность землю, которую они обработывали на архіереевъ, монастыри и церкви. 21-го же марта судьба Петра III была рѣшена: этимъ указомъ былъ произведенъ тотъ переворотъ въ православномъ духовенствѣ, который прі-

---

[1]) Депеша отъ 25 ноября, въ *Сборникѣ*, XII, 52, причемъ вм. in this country слѣдуетъ читать in this Court (*„Лондон. Архивъ*, Russia, 1762, № 81). Эта же ошибка у *Grimblot*, 224.

уготовилъ переворотъ государственный. Петръ III палъ, Екатерина II отмѣнила указъ, ненавистный всему духовенству.

„За отобраніемъ отъ дома архіерейскаго и отъ монастыря вотчинъ приходится съ голоду умирать — пишетъ митрополитъ Арсеній ростовскій гр. А. П. Бестужеву-Рюмину — понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, а при себѣ въ самомъ домѣ архіерейскомъ не держалъ кромѣ какъ только на пищу молотый. А какъ указъ застигъ, то воевода ростовскій[1]) тотчась по всѣмъ вотчинамъ житницы опечаталъ, и скотъ и птицы описавши, въ свою команду взялъ, оставивъ меня со всѣмъ духовенствомъ и мірскими служителями безъ пропитанія и нетокмо будетъ ѣсть нечего, когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ пріѣдимъ, но и литургіи святой служить нечѣмъ и некому, всѣ принуждены идти съ нищими въ міръ. Лошадей хотя малое число очень оставлено у насъ, да и тѣхъ будетъ нечѣмъ кормить: не жаль того, что лошади у насъ, всѣ съ кобылицами и малыми жеребятами, нарочнымъ полковникомъ, изъ военной коллегіи присланнымъ, отобраны и въ Петербургъ сведены, только жаль того, что заводъ, отчасти славный въ государствѣ, совсѣмъ переведенъ и отъ насъ не въ прислугу высокомонаршей власти, но какъ бы за вину нѣчто конфискованное отобрано“.

Вскорѣ по воцареніи, Екатерина передала сенату просьбу духовныхъ лицъ о возвращеніи вотчинъ имъ во владѣніе. 16-го іюля сенатъ опредѣлилъ: *вопервыхъ,* духовныя имѣнія возвратить духовенству; *вовторыхъ,* съ церковныхъ крестьянъ, сверхъ семигривеннаго оклада, брать еще рубль: 50 коп. на содержаніе инвалидовъ и 50 коп., въ пользу архіереевъ, монастырей и церквей, которымъ крестьяне будутъ возвращены, и, *втретьихъ,* крестьяне должны управлятьтя не монастырскими служками, а ста-

---

[1]) Въ концѣ письма митрополитъ прибавляетъ: „Въ Ростовѣ у насъ воеводою надворный совѣтникъ Петръ Протасьевъ — невозможно-ли постараться его отсюда перемѣнить?“ (*Госуд. Архивъ,* VI, 399; *День* за 1862 г., № 16; *Чтенія,* 1862, III, 290). Любопытныя данныя по коллегіи экономіи хранятся въ *Госуд. Архивѣ,* XVIII, 85.

ростами, ежегодно избираемыми самими крестьянами изъ среды себя. Черезъ два дня, 18 іюля, въ соединенномъ собраніи сената и синода, всѣ преосвященные согласились съ первымъ и третьимъ пунктомъ; по второму же произошли разногласія: преосвященные Дмитрій новгородскій и Палладій рязанскій согласились съ мнѣніемъ сената, Аѳанасій же тверской, Гедеонъ псковской и Веніаминъ петербургскій находили его и для крестьянъ тягостнымъ, и для архіереевъ обиднымъ. Покончили на томъ, чтобъ, по предложенію Дмитрія новгородскаго, учредить комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для сочиненія штатовъ монастырямъ, архіерейскимъ домамъ и семинаріямъ. Екатерина согласилась на комиссію, но не знала что дѣлать съ вотчинами, и писала Бестужеву, отъ 8 августа:

„Батюшка Алексѣй Петровичъ! Прошу васъ приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать. „Дѣло въ томъ, коммиссію-ли учинить нынѣ, не отдававъ „деревень духовнымъ, или отдавать-ли нынѣ, а послѣ „сдѣлать коммиссію. Въ первой бумагѣ написано *отдавать*, а въ другой только, чтобъ они вступили во владѣнье до коммиссіи. Пожалуй, помогай совѣтами".

Бестужевъ помогъ, и 12-го августа послѣдовалъ именной указъ „во всенародное извѣстіе"[1]), въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

„Когда Мы уже всему нашему народу знать дали, что не пріобрѣтеніе сокровищъ и собственное Наше обогащеніе, но истинная любовь къ отечеству понудили Насъ принять бремя правительства сея пространныя имперіи, то тѣмъ съ большимъ увѣреніемъ сказать можемъ, что

---

[1]) *Указы* Екатерины, 92; *П. С. З.*, № 11643. Указъ этотъ начинается довольно рѣзкой выходкой противъ введенныхъ „въ бывшее предъ симъ правленіе непорядковъ и неполезныхъ установленій", причемъ отобраніе имѣній у духовенства приписывается чисто корыстнымъ цѣлямъ: „Кажется, надобность состояла только въ томъ, чтобъ отобрать у духовныхъ имѣнія; а чтобъ осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ, и какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано". По этимъ даннымъ можно полагать, что въ составленіи указа, кромѣ Бестужева, участвовалъ Дмитрій Сѣченовъ, митрополитъ новгородскій.

Мы во-все удаленныя мысли и сердце имѣемъ отъ собвенной Нашей корысти въ строеніи дѣла Божія. Не имѣемъ Мы намѣренія и желанія присвоить Себѣ церьковныя имѣнія; но только имѣемъ данную Намъ отъ Бога власть предписывать законы о лучшемъ оныхъ употребленіи на славу Божію и пользу отечества. И для того, подъ покровительствомъ Божіимъ, намѣрены Мы въ совершенство привести учрежденіе всего духовнаго штата, сходственно съ узаконеніями церьковными, которымъ слѣдовалъ и вселюбезнѣйшій Дѣдъ Нашъ, государь императоръ Петръ Великій, учредя на то особливую изъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ, подъ собственнымъ Нашимъ вѣдѣніемъ состоящую Комиссію. А между тѣмъ, пока оная учредится и свое дѣйство произведетъ, на представленныя Намъ отъ Святѣйшаго Синода прошеніи, повелѣваемъ Нашимъ Синоду и Сенату учинить слѣдующее:

„1) Для благопристойнаго духовнаго чина содержанія, всѣ синодальныя, архіерейскихъ домовъ, монастырей и бѣлаго священства движимыя и недвижимыя имѣнія отдать имъ во управленіе и для того запечатанныя деньги, хлебъ и прочее распечатать.

„2) Коллегію экономіи отставить и посланнымъ, для управленія церьковныхъ вотчинъ, офицерамъ не быть.

„3) Какъ до учрежденей вышепомянутой Комиссіи и положенія впредь порядочнѣйшаго на крестьянъ оклада, такъ и на нынѣшней годъ, повелѣваемъ собирать положенной рублевой окладъ, отдая, однако, и сіе на благоизобрѣтеніе архіереевъ и властей, чтобъ они собирали съ нихъ или по рублю съ души, или по пристойности мѣстъ и надобностей употребляли ихъ къ нужнымъ работамъ безъ отягченія; а что съ которой деревни получено будетъ денегъ и когда какія работы производимы были, въ томъ крестьянамъ давать квитанціи, чтобъ они по востребованіи въ подлежащемъ мѣстѣ объявить ихъ могли.

„4) Всѣ тѣ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ какъ денежные, такъ и хлѣбные доходы, до настоящаго о тѣхъ учрежденія, употреблять какъ архіереямъ, такъ и монастырямъ на самые нужные расходы, по Духовному Регламенту, безъ излишества, такожъ на содержаніе имѣю-

щихся при монастыряхъ и впредь присылаемыхъ инвалидовъ; а за тѣмъ остатки гдѣ будутъ, хранить, имѣя на то приходныя и расходныя шнуровыя книги, изъ которыхъ можно-бъ было Намъ впредь усмотрѣть прямыхъ старателей о пользѣ церькви и отечества, и пренебрегающихъ оную.

„5) Бѣлое священство, вотчины имѣющія, такъ же до дальнѣйшаго Нашего учрежденія своими доходами по вышеписанному жъ пользоваться имѣютъ, однакожъ безъ отягощенія крестьянъ".

Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ концѣ ноября былъ назначенъ личный составъ комиссіи о церковныхъ имуществахъ и 29 ноября Екатерина подписала инструкцію[1]), надъ которой много работала. Комиссія состояла изъ восьми членовъ: трехъ духовныхъ — митрополита новгородскаго Дмитрія, архіепископа санктпетербургскаго Гавріила и епископа переяславскаго Сильвестра, и пяти свѣтскихъ — сенатора гр. Р. Л. Воронцова, гофмейстера кн. А. Б. Куракина, шталмейстера кн. С. В. Гагарина, оберъ прокурора синода кн. А. С. Козловскаго и Г. Н. Теплова. Инструкція, данная комиссіи, состоитъ изъ 14 пунктовъ и введенія, написаннаго скромно, но правдиво.

„Святѣйшій Синодъ самъ довольно вѣдаетъ—говоритъ Екатерина во введеніи — что познаніе слова Божія есть первое основаніе благополучія народнаго, и что изъ сего источника истекаетъ вся народная добродѣтель. Мы же съ прискорбіемъ видимъ, что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго исправленія, такъ что и самые многіе священники, пастырскій санъ на себѣ носящіе, не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и будучи сами часто малограмотные, нерѣдко простому народу служатъ собственнымъ примѣромъ къ поврежденію". Напомнивъ, какъ еще Петръ В. заботился

---

[1]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 372; *П. С. З.*, № 11716. Депеша *Прассе*, отъ 19 декабря: Eine Commission ist niedergesetzt worden, um die Einkünfte der Geistlichkeit zu untersuchen und wegen ihrer Güter ein convenables Arrangement zu treffen. *Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 98.

о томъ, чтобъ имѣть „благоразумно воспитанныхъ и обученныхъ священниковъ“, Екатерина продолжаетъ: „Къ соболѣзнованію Нашему видимъ, что столь многія лѣты уже миновалися, а народъ въ томъ же еще пребываетъ заблужденіи: отъ того-ли сіе произошло, что дѣло было трудное, или попеченіе къ тому малое прилагаемо было, Мы уже не изслѣдываемъ. Довольны будемъ, когда Святѣйшій Синодъ приступитъ теперь къ тому истиннымъ и предъ Богомъ и предъ Нами безотвѣтнымъ раченіемъ; а Мы между тѣмъ распорядки будемъ стараться дѣлать такіе, которые бы сему благому намѣренію споспѣшествовали“.

Инструкція возлагаетъ на комиссію, прежде всего, обязанность составить „достовѣрную опись всѣмъ синодальнымъ, архіерейскимъ, монастырскимъ и прочимъ церковнымъ селамъ, деревнямъ, землямъ и угодьямъ“, причемъ рекомендуетъ не полагаться на свѣдѣнія духовныхъ лицъ, которыя „всячески стараться будутъ увеличивать причины малыхъ доходовъ“, а дѣлать описи „чрезъ постороннихъ лицъ“. Опредѣливъ доходы, денежные и хлѣбные, комиссія должна: 1) сочинить штаты каждой эпархіи для „благопристойнаго, но беззазорнаго и несоблазненнаго содержанія дому архіерейскаго, архимандричьяго и соборнаго священства“ и для содержанія и ремонта церквей и церковныхъ зданій; 2) представить планъ духовныхъ училищъ и 3) проектъ обезпеченія неимущихъ и инвалидовъ.

Большая часть инструкціи посвящена вопросу объ училищахъ. Петръ В. писалъ въ Духовномъ Регламентѣ: „Разумѣть надобно объ управленіи церкви, когда нѣтъ „свѣта ученія, то не льзя быть и церквѣ доброму пове„денію и не льзя не быть и нестроенію и многимъ смѣха „достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезум„нымъ ересямъ“. Между тѣмъ, и до сихъ поръ въ семинаріи ничему не учатъ, семинаристовъ набираютъ „неволею отъ отцевъ и матерей“ и иногда „прибираютъ по голосамъ, дабы пѣвческую повседневную должность отправляли“, что́ семинаристовъ „и отъ того малаго ученія отводитъ“. Екатерина повелѣваетъ комиссіи изыскать

мѣры къ тому, чтобы покрыть всю Россію двумя разрядами духовныхъ училищъ: малыми гимназіями при монастыряхъ и училищными домами, „которые здѣсь то же разумѣется что и университеты", при архіерейскихъ домахъ; при училищахъ должны быть заведены библіотеки, „ибо безъ чтенія, одни школьные классы весьма недовольны къ просвѣщенію учащагося". Комиссія должна вполнѣ обезпечить учащихся и лучше имѣть меньшее число учениковъ, но вполнѣ обучаемыхъ, чѣмъ „многое число дѣтей, которые заразившися малымъ знаніемъ, развращенныя послѣ будутъ проповѣдывать враки, а иногда и плевелы".

Сверхъ обезпеченія духовенства матерьяльнаго, штатами содержанія, и нравственнаго, учрежденіемъ гимназій и училищныхъ домовъ для образованія священниковъ, коммиссія обязана выработать планъ „призрѣнія старымъ, раненымъ, увѣчливымъ и пропитанія неимущимъ людямъ, которые, послуживъ своему отечеству, злощастію наконецъ подвержены бываютъ, таковые называются инвалиды". Екатерина желала бы, чтобъ при каждомъ монастырѣ былъ устроенъ особый домъ, сообразно монастырскимъ доходамъ, въ которомъ инвалиды „покойную жизнь при довольствіи своемъ получали, и отнюдь никакимъ трудомъ, тѣмъ меньше работою отягчаемы были".

Остающіяся за всѣми этими издержками суммы отъ доходовъ съ церковныхъ имѣній комиссія должна распредѣлить на пенсіи, которыя выдаются кавалерамъ орденовъ. Но комиссіи только „тогда о семъ думать надобно, когда церковными доходами первыя три нужды удовольствованы будутъ", т.-е. содержаніе духовенства и ремонтъ церквей, заведеніе монастырскихъ гимназій и епархіальныхъ университетовъ, призрѣніе заслуженныхъ и нищихъ.

Инструкція оканчивается словами: „Все сіе отъ Насъ не прописывается яко бы уже въ законъ, но по усердію и теплотѣ Нашей къ Богу, а по любви къ Нашему народу, Мы желаемъ, чтобъ церковное имѣніе, по лучшему обращено было на дѣло Божіе, то есть въ утвержденіе благочестія и въ пользу народную; ибо Мы, собственно своей въ томъ пользы не ищемъ, и не Намъ, но имени

Божію служить стараемся". Екатерина предоставляла комиссіи: „или Нашему мнѣнію послѣдовать, или что лучшее еще и богоугоднѣйшее къ пользѣ народной придумаетъ, Намъ представить". Словомъ, вопросъ былъ уже въ извѣстномъ смыслѣ предрѣшенъ и комиссіи оставалось только оформить это рѣшеніе.

Въ вопросѣ о церковныхъ имѣніяхъ двѣ „тяжущіяся" стороны — духовенство и крестьянство. Петръ III былъ за крестьянъ, противъ духовенства — онъ освободилъ монастырскихъ крестьянъ и предоставилъ имъ въ собственность ту землю, которую они пахали; Екатерина высказалась противъ крестьянъ — она закрѣпила ихъ опять за монастырями — но не за духовенство: признавъ за нимъ право владѣть людьми, она находила его неспособнымъ распоряжаться своими доходами. Такое рѣшеніе, очевидно, не разрѣшало вопроса, и мы не разъ еще встрѣтимся съ нимъ въ той или другой формѣ, всегда, однако, выражающей протестъ или духовенства, или крестьянства, такъ какъ въ вопросѣ о церковныхъ имѣніяхъ затронуты жизненные интересы того и другого.

Въ ноябрѣ же была учреждена и „временная особливая военная комиссія"[1]). Она была образована по желанію самихъ же военныхъ. „Генералы — пишетъ Екатерина — пріѣхавшіе къ коронаціи моей въ Москву, были того мнѣнія, чтобъ сдѣлать воинскую комиссію и въ оной сочинить штаты всей арміи, на что я и согласилась"[2]).

Екатерина всегда была высокаго мнѣнія о русской арміи. „Знающимъ древнюю исторію Нашего отечества — писала она еще въ сентябрѣ, до коронаціи — довольно извѣстно, что воинство россійское, когда еще и просвѣщеніе регулъ военныхъ ему не поспѣшествовало, войска мужественнаго имя носило; но видѣвшимъ вѣка Нашего настоящія уже времена, когда къ храбрости его природной дисциплина военная присоединилася, доказательно и неоспоримо, что оружіе россійкое тамъ только славы себѣ

---

1) *П. С. З.*, № 11707.

2) *Русск. Архивъ*, 1865, 483. Вопросъ о воинской комиссіи былъ рѣшенъ незадолго до коронаціи, см. *Сборникъ*, VII, 159.

не пріобрѣтаетъ, гдѣ руки своей не подъемлетъ"[1]). Подвиги русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну она всегда вспоминала не только съ удовольствіемъ, но и съ гордостію: „Въ началѣ седмилѣтней войны нужда пришла въ самомъ дѣлѣ ввести въ армію лучшее устройство, и хотя много поправлено было, но столько же оставалось поправлять. Совсѣмъ однакожъ непорядкомъ завоевали всю Пруссію, въ Берлинѣ были, Колберхъ взяли и три баталіи знатныя выиграли, яко то Гросъегерсдорфскую, Палцихскую и Франкфортскую"[2]). Учрежденіе комиссіи объясняется чисто служебными соображеніями: „въ минувшее правленіе войску многія несправедливости сдѣланы были, какъ нѣкоторымъ исключеніемъ изъ нашей службы и обхожденіемъ въ производженіяхъ старшихъ безъ справедливыхъ резоновъ, такъ и въ томъ, что не во всѣхъ корпусахъ на состоящія ваканціи производженіе учинено было"[3]) Для исправленія этихъ несправедливостей и учреждена была военная комиссія[4]). По словамъ Екатерины, „посажены были въ оную комиссію весь наличной лутчей генералитетъ"[5]) — десять высшихъ военныхъ сановниковъ, которыхъ трудно было заподозрить въ пристрастіи или

---

[1]) *Спб. Вѣдомости*, за 1762 годъ, № 80 отъ 4 окт.; *Указы* Екатерины, 111; *П. С. З.*, № 11688.

[2]) *Русскій Архивъ*, 1865, 483.

[3]) *Сборникъ*, VII. 161.

[4]) Es ist hier eine Commission niedergesetzt worden, welche sich hauptsächlich mit besserer, innerlicher Einrichtung der Armee beschäftiget und die grosse Menge Generals, die der gewesene Kaiser ernannt und andere, denen dadurch tort geschehen, worunter allein 47 Obristen sind, zu accomodiren und jeden in seine Ancienneté zurückzusetzen oder sonst klaglos zu stellen suchet. Депеша *Прассе*, отъ 19 декабря 1762 г., въ *Дрезден. Архивѣ*, vol. VII, № 98; *Спб. Вѣдом.* за 1762 г., № 80; *Указы* Екатерины, 113; *П. С. З.*, № 11668; *Сборникъ*, VII, 161.

[5]) Членами комиссіи были назначены: два генералъ-фельдмаршала — гр. К. Г. Разумовскій и гр. П. С. Салтыковъ, пять полныхъ генераловъ — кн. А. М. Голицынъ, гр. З. Г. Чернышевъ, П. И. Панинъ, кн. М. Н. Волконскій и кн. В. Долгорукій, генералъ-фельдцейхмейстеръ А. Вильбоа, и три генералъ-поручика — В. И. Суворовъ, В. П. Лопухинъ и Бергъ. *П. С. З.*, № 11668; *Русск. Архивъ*, 1865, 483.

лицепріятіи при рѣшеніи вопроса о военномъ чинопроизводствѣ.

Эти двѣ комиссій — о церковныхъ имѣніяхъ и воинская — имѣли въ виду интересы двухъ сословій, игравшихъ значительную роль въ имперіи, духовенства и войска. Къ нимъ вскорѣ присоединилась третья комиссія — о вольности дворянской.

Неумѣлою рукою, безъ всякой надобности, совершенно случайно поднятъ былъ Петромъ III вопросъ о дворянствѣ. Манифестомъ 18 февраля 1762 года Петръ III разрѣшилъ только часть вопроса, отмѣнивъ обязательность дворянской службы — „дворянамъ службу продолжать во своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ" — чѣмъ, конечно, не удовлетворилъ дворянское сословіе, для котораго тѣлесное наказаніе и конфискація имуществъ были гораздо важнѣе обязательной службы[1]). Но въ манифестѣ 18-го февраля дворянство увидѣло начало и, за смертью Петра III, ждало отъ Екатерины продолженія.

Екатерина была въ большомъ затрудненіи. Она была противъ необязательной службы дворянства; она видѣла въ этомъ зло и медлила утвержденіемъ манифеста 18 февраля. Она была не одна — многіе были того же мнѣнія, находя подобную льготу рановременною[2]). Уже началъ слышаться ропотъ со стороны дворянскаго сословія. „Я

---

[1]) Les nobles reconnaissent encore leur ancien esclavage sous le nom de la liberté accordée à la noblesse. Ils comprennent que lorsqu'on les laisse les maitres de quitter le pays à condition qu'ils en obtiennent une permission expresse, et qu'ils se représentent des qu'ils seront reclamés sous peine de la confiscation de leurs biens, on ne leur donne que ce qu'ils avoient déjà et si desormais ils ont le choix d'entrer au service ou de vivre dans la retraite, ils n'en sentent pas moins que l'unique moyen d'éviter l'indignation de l'empereur, c'est de prendre parti. Записка *Брюля*, въ *Дрезд. Архивѣ*, vol. VII, безъ даты и безъ №; Приложеніе, IV, 1.

[2]) Депеша *Бретэля*, отъ 28 октября 1762 года: La Czarine n'a point encore confirmé l'ordonnance de Pierre III sur l'apparence de la la liberté. Elle a promis de ratifier cette faveur. Des gens sensés ne voulaient point qu'on requit cette formalité, puisqu'elle prouve que cette fausse lueur de liberté est même précaire, mais la Czarine a senti tout ce qu'elle gagnait pour elle et pour ses successeurs en promettant de la remplir. *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 71, № 22.

запамятовала давича вамъ сказать — пишетъ Екатерина Панину — что не много роптанія межъ дворянства о неконфирмаціи ихъ вольности, и надлежитъ о томъ не позабыть приступъ сдѣлать"[1]). Екатерина и теперь не думаетъ о сущности вопроса — она предполагаетъ „приступомъ„ отвести глаза, унять „роптаніе", пока еще время, пока „роптанія не много". Такимъ приступомъ и явилась комиссія о вольности дворянской. Приступъ былъ торжественный и даже внушительный.

11-го февраля 1763 года, въ полдень, во внутренніе покои ея величества явились заранѣе приглашенныя лица: гр. А. П. Бестуженъ-Рюминъ, гр. К. Г. Разумовскій, гр. М. Л. Воронцовъ, кн. Я. П. Шаховской, Н. И. Панинъ, гр. З. Г. Чернышевъ, кн. М. Н. Волконской, гр. Г. Г. Орловъ. Тутъ же находился и дѣлопроизводитель комиссіи, Г. Н. Тепловъ. Екатерина вышла къ этому собранію и, обращаясь къ дѣлопроизводителю, приказала ему прочесть принесенный ею собственноручный указъ[2]). Тепловъ громко прочелъ.

„Бывшій императоръ Петръ Третій далъ свободу благородному россійскому дворянству. Но какъ сей актъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще болѣе стѣсняетъ ту свободу, нежели общая отечества польза и наша служба теперь требовать могутъ, при перемѣнившемся уже государственномъ положеніи и воспитаніи благороднаго юношества; то мы вамъ повелѣваемъ, собравшись вмѣстѣ у двора нашего, оный актъ разсмотрѣть и для приведенія его содержанія въ лучшее совершенство между собою совѣтовать, какимъ отъ насъ особливымъ собственнымъ государственнымъ установленіемъ россійское дворянство могло бы получить въ потомки свои изъ нашей руки залогъ нашего монаршаго къ нему благоволенія. А чтобъ благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ при распоряженіи правъ свободы дворянской учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли ихъ често-

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, X, № 20; *Сборникъ*, VII, 233.

[2]) *Архивъ Сената*, т. 105, л. 134; *П. С. З.*, № 11751; *Сборникъ*, VII, 232.

любіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества".

Трудно, даже невозможно, было сдѣлать болѣе ловкій „приступъ": манифестъ 18 февраля остался „неконфирмованнымъ"[1]) и у дворянства отнятъ поводъ къ роптанію — ему обѣщанъ „новый залогъ нашего монаршаго къ нему благоволенія". Этого „залога" дворянство ждало, какъ извѣстно, болѣе 22-хъ лѣтъ, и мы увидимъ, чего дождалось оно въ 1785 году.

Нельзя не признать, что избранная Екатериною форма рѣшенія сложныхъ вопросовъ при помощи комиссій[2]) представлялась наилучшимъ исходомъ въ данномъ положеніи. Каковъ ни былъ бы личный составъ комиссій, къ какому результату ни привели бы ихъ труды, Екатерина слагала съ себя значительную часть отвѣтственности, избавлялась до извѣстной степени отъ нареканія, отъ неудовольствія. Екатерина прибѣгала къ помощи комиссій

---

[1]) По прочтеніи указа комиссіи, Екатерина, правда, „самоизустно" прибавила, что она „не только сохраняетъ россійское дворянство при той свободѣ, которую уже оно отъ бывшаго императора Петра III получило, но великодушное и всемилостивѣйшее намѣреніе имѣетъ и все то прибавить, что за благо сама Ея Императорское Величество усмотритъ по представленію помянутаго собранія къ распространенію свободы дворянской и къ пользѣ отечества" — но эти прекрасныя слова остались словами, а манифестъ 18 февраля все же не былъ конфирмованъ. Протоколъ комиссіи, изъ котораго взяты нами эти слова, не былъ своевременно обнародованъ. *Госуд. Архивъ*, X, № 20; *Сборникъ*, VII, 233.

[2]) Депеша *Прассе*, отъ 19 декабря 1762 года: Eine dritte Commission ist in geheim angestellt worden, alle ein- und ausgehenden Briefe aufzumachen und zu perlustriren, und besonders geschiehet solches mit den meinigen, dahero ich so wenig als möglich und die affairen erlauben, mit der Post schreibe oder in meinen Briefen nur dasjenige einfliessen lasse, was ich endlich geschehen lassen kann, dass man es hier lese (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 98). Это извѣстіе не заслуживаетъ довѣрія: перлюстрація дѣлалась не комиссіею и учреждать перлюстрацію для писемъ Прассе не нужно было, какъ какъ перлюстрація не прекращалась и письма всѣхъ иностранныхъ министровъ аккуратно прочитывались. Гр. Букингэмъ, только въ сентябрѣ прибывшій въ Россію, пишетъ уже въ депешѣ отъ 14 февраля 1763 года: If J had not known before, to a certainly, that all my letters were opened, etc. *Сборникъ*, XII, 79.

даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣла уже мнѣніе извѣстныхъ лицъ въ пользу того или другого рѣшенія какого-либо важнаго вопроса. Такъ, когда Панинъ предложилъ императрицѣ раздѣленіе сената на департаменты, Екатерина прочла отзывъ объ этой мѣрѣ генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа, который находилъ, что „раздѣленіе сената на различные департаменты — превосходно и въ значительной степени облегчаетъ производство дѣлъ“ [1]), и, тѣмъ не менѣе, она поручила комиссіи о вольности дворянской обсудить вопросъ о раздѣленіи сената на департаменты [2]).

Екатерина поручала комиссіи высказаться даже о сенатѣ, съ дѣятельностью котораго была хорошо знакома. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ Екатерина посѣщала сенатъ, присутствовала въ его засѣданіяхъ, участвовала въ рѣшеніи дѣлъ [3]). Дѣлить-ли сенатъ на департаменты, какъ дѣлить, ускоритъ-ли эта мѣра производство дѣлъ — вопросы спеціальные, требующіе извѣстнаго юридическаго знанія; Екатерина не компетентна въ нихъ и предоставляетъ комиссіи высказаться; въ вопросахъ общихъ, доступныхъ здравому смыслу, она ни чьего мнѣнія не спроситъ и рѣшитъ ихъ ясно, просто, подъ-часъ рѣзко, но всегда вѣрно. Такъ поступила она и съ сенатомъ. За недѣлю до отъѣзда изъ Москвы въ Петербургъ, 6-го

---

[1]) См. выше, стр. 138.

[2]) Въ указѣ отъ 17 апрѣля 1763 года сказано: „Мы собранію повелѣваемъ *совѣтовать:* 1) какой бы разборъ дѣламъ сдѣлать въ государствѣ нашемъ текущимъ; 2) сколько и какихъ департаментовъ въ сенатѣ изъ господъ сенаторовъ учредить; 3) количеству числу въ каждомъ департаментѣ сенаторовъ быть и прочихъ служителей и какого званія; 4) какимъ порядкомъ въ каждомъ департаментѣ опредѣленныя дѣла производить; 5) какой союзъ или сообщеніе всѣмъ департаментамъ между собою имѣть; 6) какую силу каждый департаментъ имѣть долженъ и въ какихъ случаяхъ всѣ въ полное собраніе собираться имѣютъ“. *Сборникъ,* VII, 279.

[3]) Депеша *Бретэля,* отъ 28 октября 1762 года: La Czarine assiste assez régulierement aux assemblées du Sénat et y décide fort despotiquement des points les plus importans d'administration générale ou d'interêts particuliers. *Париж. Архивъ,* Russie, vol. 71, № 22.

іюня 1763 года, Екатерина послала въ сенатъ указъ[1]) слѣдующаго содержанія:

„Господа сенаторы!

„Я не могу сказать, чтобъ вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ Моей и о пользѣ общей, но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно. Какая-бъ тому причина была Мы побуждены были изыскивать и наконецъ нашли тѣ причины, которыя единственно въ томъ только и состоятъ, что присутствующіе въ сенатѣ имѣютъ междоусобное несогласіе, вражду и ненависть, и одинъ другаго дѣлъ не терпитъ, а потому и раздѣляются на партіи, и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя, словомъ сказать, производятъ со всѣмъ благоразумнымъ, почтеннымъ и доброжелательнымъ людямъ дѣла не свойственныя. Что-жъ изъ того рождается? Одна только безпредѣльная злоба и раздоръ, а тѣмъ самымъ ни интересамъ Нашимъ, ниже подданнымъ желаемой пользы не приходитъ. Я думаю, что всякъ, кто только незазорную свою совѣсть поставитъ надъ собою судьею, тотъ безпрекословно признаться долженъ, что примѣчаніе Наше о семъ правѣдно есть.

„Вы сами довольно знаете: сколь полезно не только между первыми членами въ государствѣ, но между средними и самыми малыми людьми къ правленію дѣлъ доброе согласіе, столь напротиву того вредно и разорительно государству раздоръ, вражда и несогласіе. Наконецъ, можно и сіе упомянуть, что раздоръ и несогласіе между первѣйшими людьми ежечастно, сколь бы терпѣливъ и милосердъ государь ни былъ, подвигнутъ его на гнѣвъ; ваши же несогласіи наносятъ многимъ безпокойства и тягость. Непослѣдняя причина и сія къ несогласію, что нѣкоторые порочатъ дѣла другихъ, хотя-бъ онѣ и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, хотя сами однакожъ ихъ никогда не сильны сдѣлать. Но въ такомъ случаѣ

---

[1]) *Архивъ Сената*, т. 106, л. 446; *Büsching*, VII, 247; *П. С. З.*, № 11 845.

здраво разсудить должно, что не всѣ люди равные таланты имѣютъ, и для того при всякомъ обстоятельствѣ надлежитъ каждому себя умѣривать и съ благопристойностію послѣдовать безъ всякаго упорства и суесловія здравому разсудку, а чрезъ то и достигнуть полезнаго предпріятія.

„И тако Мы, изъяснивъ довольно Нашу волю и мысли, въ заключеніе сего Нашимъ словомъ объявляемъ, что ничего Намъ пріятнѣе не можетъ быть, когда Мы увидимъ, что раздоръ, вражда и вкоренившаяся до сего ненависть совсѣмъ истребятся, а вмѣсто того, къ утѣшенію Нашему и всеобщему, возстановится любовь и согласіе, единодушное стараніе о пользѣ любезнаго Намъ отечества. Въ чемъ да поможетъ и укрѣпитъ Всевышняго десница“.

XIII.

Будучи не во власти, даже не у дѣлъ, Екатерина любила записывать политико-государственныя сентенціи, вычитанныя ею изъ книгъ, слышанныя въ разговорѣ, почерпнутыя изъ обстоятельствъ ея жизни, быть можетъ, иногда просто приходившія ей на мысль, но всегда исполненныя болѣе или менѣе благихъ намѣреній[1]). Цѣна такихъ намѣреній извѣстна: они рѣдко согласуются съ требованіями жизни и почти никогда не приводятся въ исполненіе. Не цѣнила ихъ и Екатерина, ставъ императрицей.

„Сколько возможно остерегайтесь — писала нѣкогда Екатерина — издать законъ и потомъ отмѣнить его: это свидѣтельствовало бы о вашей неразсудительности и слабости"[2]). Такую именно „неразсудительность" обнаружила императрица въ первомъ серьезномъ вопросѣ, который представился ей — о церковныхъ имѣніяхъ. Изданный 12-го августа указъ былъ отмѣненъ инструкціей 29-го ноября. Указъ и инструкція составлены въ противоположномъ духѣ; противорѣчіе ихъ бросалось въ глаза: то „Коллегію Экономіи отставить", то „установить Глав-

---

[1]) Всѣ эти сентенціи, числомъ сорокъ, изданы въ *Сборникѣ* VII, 82. Какъ сентенціи, они сохранятъ на всегда свою прелесть, но для характеристики Екатерины онѣ мало пригодны. Мы уже видѣли не разъ, и не разъ еще увидимъ, что отъ этихъ сентенцій не осталось и слѣда въ дѣлахъ Екатерины.

[2]) *Сборникъ*, VII, 87.

ную Духовную Экономическую Коллегію"[1]). Читая указъ и инструкцію легко убѣдиться, что среди лицъ, толпившихся въ то время у трона Екатерины, были холопы, способные поддакивать всякому слову, были рабы, готовые исполнять всякія приказанія, но не было людей, знакомыхъ съ вопросомъ, не было дѣятелей, обладающихъ государственнымъ умомъ. Къ чести русскаго духовенства должно сказать, что въ средѣ его нашлись достойные пастыри, обладавшіе умомъ, энергіею и убѣжденіями, способными посрамить, если не побороть, свѣтскую власть. Во главѣ ихъ стоялъ достопочтенный митрополитъ ростовскій Арсеній.

Польскій шляхтичъ по роду, поповскій сынъ по происхожденію, Александръ Ивановичъ Мацѣевичъ родился и возмужалъ въ эпоху Петра В. Рано покинувъ родной Владиміръ-Волынскій, онъ посѣтилъ духовныя школы во Львовѣ и Кіевѣ, жилъ въ новгородъ-сѣверскомъ спасскомъ монастырѣ, гдѣ принялъ постриженіе съ именемъ Арсенія и, будучи уже 21 года, поступилъ, въ 1718 г., въ кіевскую духовную академію, гдѣ въ теченіи восьми лѣтъ изучалъ философію и богословіе. Онъ много путешествовалъ: былъ въ Черниговѣ, Москвѣ и Тобольскѣ, посѣтилъ Устюгъ, Холмогоры и соловецкій монастырь, совершилъ экспедицію по Оби, изыскивая морской путь въ Камчатку, служилъ въ Петербургѣ. Свою духовную карьеру онъ сдѣлалъ довольно быстро: преподаватель латинскаго языка въ монастырской школѣ, предикаторъ при кіевскомъ архіепископѣ, законоучитель въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, онъ, въ 1741 году, будучи 44 лѣтъ, занялъ архіерейскую каѳедру въ Тобольскѣ, а въ 1742 г. сталъ уже митрополитомъ ростовскимъ, членомъ синода.

Это былъ замѣчательно цѣльный характеръ. Посвятивъ себя служенію церкви, Арсеній всю жизнь свою заботился исключительно о ея достоинствѣ, которое онъ ревниво охранялъ какъ отъ лжеученій иновѣрцевъ и рас-

---

[1]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 376; *П. С. З.*, № 11716, т. XVI, стр. 123.

кольниковъ, такъ отъ притязаній свѣтской власти. Случайно встрѣтивъ въ соловецкомъ монастырѣ расколоучителя, онъ выступилъ его обличителемъ, написалъ противъ его „лжи“ цѣлое сочиненіе и, будучи въ Тобольскѣ, поднялъ ожесточенную борьбу противъ сибирской администраціи, истязавшей крещеныхъ татаръ всяческими вымогательствами; въ то время, когда вся Россія трепетала предъ самовластіемъ иновѣрца Бирона, Арсеній отказался присягнуть ему, какъ регенту, и, позже, ставъ членомъ синода, онъ не далъ присяги Елизаветѣ Петровнѣ, отрекаясь признать ее „крайнимъ судіею духовныя коллегіи“ [1]). Высоко ставя церковь, которой служилъ, онъ всячески оберегалъ ее отъ вторженія свѣтскаго элемента — ратовалъ противъ Духовнаго Регламента, велъ борьбу противъ синода и мечталъ о возстановленіи патріаршества. Для него были равно противны и оберъ-прокуроръ синода изъ офицеровъ, и офиціальныя молитвы, и канцелярскіе взгляды. Все, что вносило въ религію мірской, несвойственный ей духъ, что посягало на духовную жизнь народа, насиловало его вѣрованія, встрѣчало въ Арсеніи бодраго и сильнаго борца, убѣжденнаго въ чистотѣ своего ученія, непреклоннаго въ исповѣдуемыхъ имъ началахъ.

Арсеній жилъ въ тяжелое для церкви время. Онъ сознАлъ себя въ эпоху Петра В., когда государственная власть начала порабощать духовное сословіе подъ пяту свою, и пережилъ времена Бирона, когда православіе было въ небреженіи. Едва скончалась Елизавета Петровна, какъ Петръ III, своими распоряженіями, силился принизить и церковь, и духовенство. Требовалась фанатическая преданность своему долгу, чтобъ устоять въ борьбѣ, не поколебаться въ убѣжденіяхъ. Правительственныя

---

[1]) Въ текстѣ „присяги духовнымъ“ сказано, между прочимъ: „Исповѣдую же съ клятвою крайняго судію Духовныя сея Коллегіи быти самую Всероссійскую Монархиню, Государыню нашу Всемилостивѣйшую“. Признавая „крайнимъ судіею“ только Христа Господа, Арсеній справедливо находилъ, что „вносить другова крайняго судію, въ равенство Христу, мнится быть не безъ излишества“. *Архивъ св. Синода*, Секретн. дѣла, № 119, л. 47; *Чтенія*, 1862 III, 151.

мѣры питали фанатическое настроеніе[1]). Арсеній былъ фанатикъ въ лучшемъ смыслѣ слова, предостерегающемъ человѣка отъ полнаго безвѣрія.

Несчастіе всей жизни Арсенія заключалось въ томъ, что при немъ, въ его время, подлежалъ разрѣшенію вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Немогло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ отнесется Арсеній къ этому вопросу. Для людей его закала это не былъ даже вопросъ: имущества, подаренныя церкви доброхотными вкладчиками, пожалованныя удѣльными и великими князьями, пріобрѣтенныя покупкою или какимъ другимъ законнымъ путемъ доставшіяся церкви, составляютъ ея неотъемлемую собственность, которая не можетъ быть даже отчуждаема — „данное церкви дано Богу". Не такъ смотрѣла на этотъ вопросъ современная Арсенію государственная власть.

Русскіе князья, великіе и удѣльные, охотно жертвовали сами и поощряли другихъ предоставлять церкви имущества „двигомыя и недвигомыя". Это было выгодно для князей: земли свободной было много, земли никѣмъ не мѣряной; церковь, получая села, деревни, пустоши „со всѣмъ пока мѣста плугъ и коса ходили", обработывала пустошь, привлекала въ деревни новыхъ поселенцевъ, устроивала села, управляла вотчиною, избавляя князя отъ многихъ заботъ. Рука объ руку съ церковнымъ владѣніемъ шло извѣстное смягченіе нравовъ, распространеніе просвѣщенія, искорененіе суевѣрія и невѣжества. Московскіе великіе князья воспользовались церковными имуществами и съ чисто политическими цѣлями: князья содѣйствовали московской митрополичьей каѳедрѣ пріобрѣтать земельныя имущества въ другихъ княжествахъ въ интересахъ объединенія и привлеченія всѣхъ къ Москвѣ. Въ какомъ бы княжествѣ ни находилось земельное владѣніе московскаго митрополита, оно управлялось изъ Москвы, находилось подъ московскимъ владѣніемъ, что въ значительной степени содѣйствовало усиленію Москвы. Когда же Москва собрала земли сѣверо-восточной Руси,

---

[1]) См. выше, стр. 15, прим. 2.

когда удѣльныя княжества слились съ московскимъ царствомъ, тогда выступила государственная точка зрѣнія и Москва стала заявлять, что церкви не нужны земли, что церковь должна передать ихъ государству. До конца XVI вѣка церковь всячески поощрялась къ увеличенію своихъ земельныхъ владѣній; послѣ XVI стол. появляются всевозможныя ограниченія въ способахъ пріобрѣтенія церковью недвижимыхъ имуществъ: то церкви запрещается покупать земли, то не дозволяется жертвовать ей земельные участки, словомъ, „земель не прибавляти ни которымъ дѣлы“[1]). Такимъ образомъ, къ началу XVII вѣка количество земельныхъ владѣній церкви получило опредѣленный объемъ, который могъ только уменьшаться, но не увеличиваться, а въ концѣ вѣка явилось стремленіе отчудить эту церковную землю въ пользу государства.

Петръ В. не любилъ шутить, но и онъ не устоялъ вполнѣ въ вопросѣ о секуляризаціи духовныхъ имуществъ. Противъ этой мѣры высказалось все духовенство, и во главѣ всѣхъ, даже митрополитъ ростовскій Дмитрій.

Даніилъ Саввичъ Туптала, въ иночествѣ Димитрій, авторъ догматическаго труда „Розыскъ о Брынской вѣрѣ“, составитель „Читеи-Миней“, знаменитый проповѣдникъ и другъ народа, кормившій въ голодный 1698-й годъ всю Черниговскую Область, человѣкъ чистаго сердца, безукоризненный и безупречный, будущій святой, мощи котораго явятся въ правленіе дочери Петра В., возсталъ противъ петровскаго указа о секуляризаціи. „Что речемъ о тѣхъ — писалъ св. Димитрій — иже не точію ничтоже даютъ въ препитаніе служителемъ церковнымъ, но и данная отъемлютъ, имѣнія церковныя разграбляюще? Глаголютъ же, яко не подобаетъ церквамъ и чину духовному имѣти стяжанія, селъ и прочая. Отвѣщаю таковымъ: не подобало бы аще бысте вы отъ своихъ имѣній препитовали церковныхъ служителей, своихъ богомольцевъ... Но по-

---

[1]) Вопросъ о церковныхъ имуществахъ прекрасно разработанъ въ капитальномъ трудѣ проф. *М. И. Горчакова*, „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода“. Спб. 1871. См. стр. 52, 64, 119, 135 и др.

неже руцѣ ваши скупостію сожмени и сердце ваше лакомствомъ есть объято, и душа немилостію есть стѣсненна, того ради нужда надлежитъ церквамъ и духовному чину стяжавати имѣнія... Видите убо, чего ради церковь стяжеваетъ имѣнія: вашего ради безчеловѣчія и немилосердствованія, вашея ради скупости и неподательства: по нуждѣ сія творитъ, да не оскудѣютъ служители церковніи и умалятся службы и славословія Божія, опустѣютъ храмы Божія и моленія о всемъ мірѣ къ Богу престанутъ"[1]).

Преемникъ св. Димитрія на ростовской митрополіи, Арсеній Мацѣевичъ шелъ по его стопамъ. Его „остраго и высокаго разсужденія" протестъ противъ секуляризаціи привелъ въ „азартъ" Петра III и удивилъ барона Гольца[2]). Когда Екатерина стала подражать Петру III, Арсеній выступилъ и противъ Екатерины, но уже не одинъ, а поддерживаемый лучшими представителями высшихъ духовныхъ сановниковъ.

---

[1]) Изъ „Келейнаго Лѣтописца", хранящагося въ *архивѣ московской духовной академіи*, № 71, л. 136, въ *Чтеніяхъ*, 1862, II, 40. Св. Димитрій не разъ и въ крайне рѣзкихъ для нашего уха выраженіяхъ обличалъ Петра В. По поводу учрежденія монастырскаго приказа: „Хощети-ли грабити церковная? Спросися Иліодора, казначея царя Селевка, иже пришелъ бѣ въ Іерусалимъ грабитъ церковная и біенъ бысть ангельскими руками". Противъ указа о неподачѣ милостыни нищимъ: „Помысли, человѣче, коль краты озлоблялъ еси ближняго своего! Не токмо самъ милостыни не подаеши, но и прочимъ запрещаеши, да не подаютъ; не токмо самъ не милосердъ, но и прочія на немилосердіе возставляеши". Также горячо возставалъ св. Димитрій противъ стѣсненія монашествующихъ, противъ разрѣшенія солдатамъ ѣсть мясо въ посты, противъ ассамблей и др. нововведеній Петра В. (*Сочиненія св. Димитрія*, II, 47, 235, 268, 317, 453). О военномъ сословіи, которымъ Петръ В. такъ дорожилъ, св. Димитрій публично, съ церковной каѳедры, проповѣдывалъ: „Моисей, въ минуту негодованія на свой народъ за измѣну истинному Богу, разбилъ, сходя съ горы, скрижаль закона на двѣ половины, такъ что на одной остались лишь отрицанія: не, не, не, а на другой: убей, укради, прелюбы сотвори. Этой-то второй скрижали и придерживаются теперь военные — убиваютъ, крадутъ, прелюбодѣйствуютъ". *Н. Барсовъ*, Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій, въ *Русск. Старинѣ*, XV, 734.

[2]) *Бильбасовъ*, I, 425.

Еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, Арсеній справедливо пользовался общимъ уваженіемъ и духовенство возлагало на него всѣ надежды въ защитѣ своихъ интересовъ. Когда, въ 1758 году, въ Петербургѣ обсуждался вопросъ о секуляризаціи и духовенство сознало, что „непремѣнно нужда надлежитъ въ Санктпетербургъ съѣздить кому нибудь такому, который бы о всемъ обстоятельно и дѣльно представить могъ“, то выборъ палъ на Арсенія: „тамъ васъ вмѣсто новоявленнаго чудотворца[1]) пріимутъ и во сладость обо всемъ послушаютъ: причина сему не токмо у насъ здѣсь, но и тамъ отличное объ васъ мнѣніе“[2]). Ко времени коронаціи Екатерины, архіепископъ Крутицкій зоветъ Арсенія въ Москву: „просимъ ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ въ извѣстномъ дѣлѣ помогать“[3]). Митрополитъ московскій Тимоѳей, епископы: Дамаскинъ костромской, Аѳанасій тверской, Гедеонъ псковской, Веніаминъ петербургскій, Сильвестръ переяславскій и др. вполнѣ сочувствуютъ мыслямъ Арсенія о секуляризаціи.

Екатерина знала взгляды Арсенія; ей было извѣстно значеніе, которымъ онъ пользовался среди духовенства, и конечно, Арсеній не былъ вызванъ въ Москву на коронацію. Для Арсенія и его сторонниковъ оставалася еще одна надежда: императрица поѣдетъ въ Ростовъ по случаю постановки серебряной раки св. Димитрію ростовскому, она встрѣтится тамъ съ Арсеніемъ, и онъ произведетъ на нее извѣстное впечатлѣніе, будетъ имѣть личное вліяніе.

Ростовское свиданіе сильно интересовало духовенство. По этому поводу возникла довольно оживленная переписка между Арсеніемъ и его сторонниками. „Я слыхалъ — пишетъ Дамаскинъ, епископъ костромской, Арсенію — что до привезенія изъ Санктъ-Петербурга сдѣланной чу-

---

[1]) Т. е. св. Димитрія.

[2]) Изъ письма епископа переяславскаго Амвросія отъ 13 января 1758 г., въ *Архивѣ св. Синода*, Секретн. дѣла, № 119; *Чтенія*, 1862, II, 21, 22.

[3]) Письмо отъ 15 іюля 1762 г. въ *Архивѣ св. Синода*, № 119, л. 2; *Русск. Старина*, XV, 740.

дотворцу раки, гость[1]) отложилъ у вашего преосвященства быть. Чтобы оный гость Ростовъ, паче же ростовскую церковь и новоявленнаго святителя посѣтилъ, и у вашего преосвященства, яко усерднѣйшаго своего богомольца, небесныхъ же и земныхъ благъ желателя, отгостилъ, я, какъ себѣ, нелицемѣрно желаю". Арсеній Дамаскину: „Извѣстно намъ о ракѣ чудотворца Димитрія: однако, понеже въ Москву везется, то ей въ Москвѣ и быть, а послѣ, надѣются, и въ Ростовъ прибудетъ". Нѣкто Ярославцевъ сообщаетъ изъ Петербурга, отъ 6-го февраля 1763 года, Арсенію: „Здѣсь уже съ надеждою поговариваютъ, что ея величество въ Москвѣ чудотворцу Димитрію изготовленную раку изволила смотрѣть и выговорила ѣхать нынѣ въ Ростовъ. Я слышилъ отъ бергъ-коллегіи президента г. Шлатера, подъ его смотрѣніемъ и рака сдѣлана, потому онъ и знаетъ". Арсеній отвѣчаетъ: „Что касается о прибытіи въ Ростовъ ея величества, то развѣ весною или лѣтомъ надѣяться, а теперь въ постъ и неизвѣстно, и ненадежно"[2]).

Арсеній былъ правъ: поѣздка Екатерины въ Ростовъ была отложена до весны, и, отчасти, онъ самъ былъ тому причиною. 6-го марта 1763 года онъ отправилъ въ синодъ „доношеніе"[3]), въ которомъ, съ прямотою, дѣлающею ему честь, и съ достоинствомъ архипастыря, высказалъ свой взглядъ на секуляризацію. Арсеній много потрудился надъ этимъ доношеніемъ, представляющимъ цѣлый церковно-богословскій трактатъ. Оно написано, какъ и подобаетъ сановнику церкви, прямымъ, честнымъ языкомъ, безъ недомолвокъ, безъ прикрытія мыслей фразами, языкомъ, напоминающимъ проповѣди его предмѣстника, св. Димитрія ростовскаго.

Доношеніе это довольно пространно. Оно начинается напоминаніемъ указа императрицы отъ 12 августа 1762

---

[1]) Т. е. императрица Екатерина.

[2]) Всѣ эти письма хранятся въ *Архивѣ св. Синода*, № 119; *День* за 1864 г., № 39, стр. 9.

[3]) *Архивъ св. Синода*, Секретн. дѣла, № 119, п. 1—10; *Чтенія*, 1862, II, 25.

года: церковныя имущества отданы въ управленіе духовенства, причемъ доходы должны быть употребляемы на „самые нужные расходы, по Духовному Регламенту, безъ излишества" и на содержаніе инвалидовъ, и „за тѣмъ остатки, гдѣ будутъ, хранить, имѣя на то приходныя и расходныя шнуровыя книги, изъ которыхъ можнобъ было Ея императорскому Величеству впредь усмотрѣть прямыхъ старателей о пользѣ церкви и отечества, и пренебрегающихъ оную". Получилъ шнуровыя книги и Арсеній.

„За шнуромъ и печатью книги отъ святѣйшаго синода къ моему смиренію присланы, которое одолженіе присланныхъ ко мнѣ книгъ кажется сану архіерейскому не безъ уничиженія: понеже въ той силѣ имѣются, якобы архіереи о пользѣ церкви вси нестаратели, и въ подозрѣніи нестарательства и пренебреженія, что не по большей-ли части изыщется на свѣтскихъ, нежели на духовныхъ, какъ то отъ созданія александроневскаго монастыря можно видѣть, который не духовные, но свѣтскіе строятъ, и не на монастырскую, но на казну Государеву, да и до сихъ поръ привести въ окончаніе не могутъ, да почти и не думаютъ о томъ, потому что истязанія въ томъ себѣ не видятъ, довольно убо кажется архіереемъ, яко у нихъ есть книги домашнія приходныя и расходныя, безъ которыхъ и въ домахъ архіерейскихъ и монастыряхъ никогда не водится. Присланныя же отъ святѣйшаго синода книги къ архіереемъ и монастырскимъ настоятелемъ, аки бы къ прикащикамъ, тяжесть не токмо архіереемъ, начальнымъ пастыремъ, но и всему духовному чину несносная, и никогда же не слыханная, еще же Слову Божію и Закону не очень сходственная. А о законѣ въ манифестѣ, состоявшемся 6 числа іюля мѣсяца 1762 года, о всѣхъ обстоятельствахъ, при возшествіи Ея Императорскаго Величества на всероссійскій престолъ произшедшихъ, Ея Величество точно благоволила всенародно объявить, что-де *просить Бога не оставимъ денно и нощно да поможетъ Намъ поднять скипетръ въ соблюденіе Нашего православнаго закона.* Въ духовномъ же Регламентѣ изъ самого начала также написано: „управленія основаніе, то есть, Законъ Божій, въ священномъ писаніи предложенный, такожъ законы

или правила соборныя св. Отецъ и уставы гражданскіе, Слову Божію согласные". Слѣдовательно, и Регламентъ, подчиняяся въ своихъ опредѣленіяхъ Слову Божію и Закону, надлежитъ его въ той силѣ принимать, поколику онъ согласенъ Слову Божію и Закону, понеже всегда тому больше надлежитъ внимать, что власть Божія глаголетъ и повелѣваетъ, царями обладающая и всякому дыханію и души владычествующая, нежели власть человѣческая".

Таково введеніе. Переходя къ сущности вопроса, Арсеній устанавливаетъ, прежде всего, основную точку зрѣнія на церковныя имущества:

„Справившися съ церковію Божіею, которой мы сами законъ содержимъ, то какъ стала церковь наша отъ временъ апостольскихъ всегда были имѣнія церковныя никому не подчиненныя, токмо единымъ апостоломъ, а послѣ апостоловъ архіереемъ, на единую волю и разсмотрѣніе архіереевъ оставлены, яко Богу данныя и посвященныя". Это основное положеніе Арсеній подтверждаетъ рядомъ выписокъ изъ священнаго писанія и соборныхъ постановленій, изъ которыхъ „является, яко не токмо епископы въ своихъ епархіяхъ, но и игумены въ своихъ монастыряхъ властелины церковнаго имѣнія свободные, токмо подъ властію архіерейскою состоящіе; подъ страхомъ отлученія отъ церкви никто же долженъ имѣнія отъ нихъ отбирать и на свое употреблять, отобранное же непремѣнно долженъ возвратить". А на дѣлѣ теперь оказывается совсѣмъ другое. „Нынѣ не токмо не думаютъ возвращать, но и до послѣдняго думаютъ взять, какъ уже сдѣлалось въ бывшее предъ симъ правленіе, отъ чего, по писанному въ манифестѣ Ея Величества, состоявшемся іюня 28-го дня 1762 года, *законъ нашъ православной греческой первѣе сего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалася послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона*". Въ міровой исторіи первымъ „отнимателемъ церковныхъ имѣній" былъ Юліанъ Богоотступникъ,

въ русской же, „не токмо во время царствованія благочестивыхъ и великихъ князей, но и во времена татарскія державы[1]) Россія имѣла свободныя имѣнія церковныя, въ первоначальной власти архіерейской содержащіяся“. Арсеній подтверждаетъ это двумя примѣрами изъ исторіи ростовской епархіи: въ память преп. Авраамія ростовскіе князья дарили церкви земли и села, „книгъ же имъ расходныхъ и приходныхъ не присылали и не давали“; когда уже налегло на Россію монгольское иго, ханъ татарскій принялъ милостиво епископа Кирилла и повелѣлъ ростовскимъ князьямъ дѣлать вклады въ церьковь, и Арсеній опять прибавляетъ: „все то дѣлалось такожъ безъ изтязанія отъ архіереевъ расходовъ и приходовъ“.

Такъ стояло дѣло до Петра В. „Послѣ державы татарской, чрезъ все время благочестивыя державы Россійскія всегда были имѣнія церковныя неотъемлемы, но употребляемы по волѣ настоятельской, а наипаче архіерейской, на домъ Божій, на содержаніе и на приношеніе жертвы безкровныя, на пропитаніе служителей, такожъ нищихъ и сиротъ, и иныхъ прилучающихся нужныхъ и необходимыхъ дому архіерейскому и монастырямъ случаевъ, которыхъ невозможно и узнать. Мусину же Пушкину[2]) когда блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петръ Великій, по тогдашнему случаю войны съ шведомъ, приказалъ заопредѣлить вотчины монастырскія и архіерейскія, со удовольствіемъ, безобидно монастырямъ и архіереямъ, то оный Мусинъ-Пушкинъ по своей волѣ не токмо противу турка заопредѣлилъ, но еще превосходнѣе: и турокъ бо олтарныхъ нашихъ денегъ не знаетъ и не касается, а Мусинъ-Пушкинъ и сущія наши олтарныя архіерейскія деньги отобравъ, сирѣчь, вѣнечныя и данныя церковныя, едино какъ то сіе оставилъ, ежели кто что дастъ на поминовеніе и литургію архіерею, что въ епархіяхъ рѣдко случается, а по большей части и не бываетъ. . . Еще же надлежитъ Мусинъ-Пушкиново заопредѣленіе поганскій обычай превосходящее нарещи. Однако церковь и мы,

---

[1]) *Горчаковъ*, О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, 147.
[2]) Ивану Алексѣевичу, хранителю Монастырскаго Приказа.

бѣдные архіереи, за нужду необходимую терпѣть какъ нибудь уже было и пріобыкли, понеже намъ что нибудь оставлено на содержаніе дому Божія, архіерейства и служенія божественнаго, а о томъ не истязовано давать отвѣты, куды оное дѣвается, какъ и турокъ не истязываетъ гарячъ надлежащій взявши; а нынѣ когда и о томъ что дано на содержаніе требуется отчетъ, стало быть истязаніе, дѣломъ производимое, то уже архіерейство бѣдное съ чѣмъ стало верстаться? Узникъ и послѣдній богадѣленный лучшій и щастливѣйшій, понеже что кто ему дастъ, свободенъ въ томъ имѣется! Горе убо намъ, бѣднымъ архіереемъ, яко не отъ поганъ, но отъ своихъ, мнящихъ быти овецъ праведныхъ, толикое мучительство претерпѣваемъ, отъ тѣхъ, которымъ надлежитъ вѣровати, яко мы, аще и недостойные, аще и узники, на мѣстѣ, однако, обрѣтается къ намъ слово Христово евангельское: слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается... Мнози изволяютъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ, церковниковъ и монаховъ; и егда усмотрятъ, дабы за церквами и монастырями и домами архіерейскими имѣнія лишняго отнюдь не было, а подъ видомъ излишества и послѣднее отъемлютъ и подъ свою власть правленіемъ привлекаютъ, а церкви и монастыри многіе пусты обрѣтаются; оставшіе же въ крайней бѣдности, однако еще не свободны отъ зависти; и ежели созиданіе церквей и монастырей и домовъ архіерейскихъ по вѣрѣ во Христа, признавать за дѣло Христу Богу угодное и благочестивое — первѣйшее то разореніе ихъ, имѣнія отъятіе, чего будетъ достойно"?

Не оставилъ Арсеній безъ вниманія и главнѣйшихъ положеній инструкціи, данной комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ[1]). Особенно возстаетъ онъ противъ „учрежденія штатовъ" для содержанія духовенства. „Кольми же паче тое отнимати отъ церкви, что другіе дали по вѣрѣ и доброходству своему ко Христу. Аще же будто бы и не отымать, но штаты дѣлать, яко бы излишество отсѣцая, то и въ томъ не иной образецъ, токмо, якоже пишется

---

[1]) См. выше, стр. 238.

объ Іудѣ Искаріотскомъ, иже, егда хотяше Христа предати, видѣ по теплотѣ вѣры и любви отъ жены многоцѣннымъ мvромъ Христа помазуема, глагола: Чего ради мvро сіе не продано бысть на трехъ стахъ пѣнязь и дано нищимъ? Какова же тому штатнику похвала, тамъ же во Евангеліи можетъ всякъ знать и читать". Штатовъ не дѣлаютъ даже басурманы, живущіе въ Россіи: они „ко идоламъ своимъ бѣсовскимъ тожъ по своему суевѣрію доброхотствуютъ и сколько могутъ толико ихъ обогащаютъ привѣсами и деньгами всякими, а штаты ко умноженію и обогащенію ихъ не дѣлаютъ". Въ инструкціи требуется отъ комиссіи планъ для устройства духовныхъ академій; Арсеній возстаетъ противъ этого: „Съ чего еще таковое одолженіе на насъ возлагать, дабы мы, архіереи, всякія науки содержали и снабдѣвали, сирѣчь, философскія, богословскія, математическія и астрономическія; а намъ, по слову Божію, то одолженіе, что и апостоломъ отъ Христа преданное, сирѣчь: Шедше научите всѣ языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. Таковое одолженіе архіереи, аще и въ гоненіяхъ, всегда исполняли; а чтобы академіи заводили, того нигдѣ не обрѣтаемъ; аще бы и сіе не было противно, то чѣмъ и какимъ иждивеніемъ заводить, когда послѣднее пропитаніе и содержаніе отъ архіереевъ и отъ монастырей отъемлется" [1]). Не признаетъ Арсеній вполнѣ справедливымъ и инвалидное бремя: „О снабдѣніи же инвалидовъ надобно бы, кажется, по самой истинѣ и правосудію, не токмо на насъ духовныхъ, но и на свѣтскихъ, одолженіе налагать: понеже оные инвалиды за общество служили, а не за одни монастыри. А то инвалидовъ толикое уже число безъ всякаго разсмотрѣнія въ монастыри наприсылали, да еще на

---

[1]) „Мудры наши попы и причетники будутъ. Только опасно, чтобы за математикою и астрономіею и тѣхъ мудрованіемъ въ собственной невѣждами не остались должности, а паче же иные изъ нихъ не запили съ голоду". Изъ письма *Дамаскина,* епископа костромского, Арсенію, митр. ростовскому, въ *Архивѣ св. Синода*, Секретн. дѣла, № 119; *День*, 1864, № 39).

монашескія порціи, что уже монаховъ монастырямъ нечѣмъ содержать".

Секуляризація со всѣми ея послѣдствіями грозитъ Россіи, по убѣжденію Арсенія, великими бѣдствіями. „Въ конецъ монастыри и домы архіерейскіе опустѣютъ, когда уже не токмо настоятели, но и сами архіереи, не яко пастыри, но яко наемники, и пуще наемниковъ, имѣются, понеже отъ нихъ до послѣдняго куса требуютъ отвѣта, а власти ихъ апостольской и дѣлъ, душевному спасенію нужныхъ, силу въ себѣ воплощенія Христова имущихъ и въ полушку не ставятъ?... Сіи же, кои надъ архіереями будутъ смотрѣть, опредѣлены, а изъ тѣхъ иной обрящется, что на силу и въ Бога вѣруетъ, ко исповѣди же и причастію св. тайнъ на силу въ годъ, и то не всегда, и не по доброхотству, но больше по указамъ[1]), пригото-

---

[1]) Арсеній совершенно правъ. Въ XVIII ст., начиная съ 1716 г., постоянно издавались указы, предписывавшіе православнымъ ходить къ исповѣди (*П. С. З.*, №№ 2991, 4952, 7226 и др.). Съ небывшихъ у исповѣди взимался штрафъ, для чего были заведены при каждой приходской церкви такъ называемыя духовныя росписи или *исповѣдныя росписи* — книги, въ которыя записывались всѣ бывшіе у исповѣди. Исповѣдный штрафъ былъ установленъ при Петрѣ Великомъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ, вслѣдствіе уклоненія „вѣрноподданныхъ православнаго исповѣданія" отъ исполненія св. таинствъ, не приключилось „раскольнической ереси преумноженіе". Размѣръ штрафа не былъ точно опредѣленъ: которые не были на исповѣди, „на тѣхъ людей класть штрафы *противъ доходовъ съ него втрое*"; крестьяне „съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платятъ *вдвое*", а „съ женскаго полу, со вдовы и дѣвокъ, противъ онаго *вполы*". Въ 1771-мъ году Екатерина пишетъ Вольтеру: A l'égard des billets de confession, nous en ignorons jusqu'au nom (*Сборникъ*, XIII, 101) и, въ то же время, шлетъ высочайшій выговоръ тобольскому губернатору Чичерину за нерадѣніе въ составленіи исповѣдныхъ росписей. Исповѣдный штрафъ, по самому способу опредѣленія, наложенія и взысканія былъ мѣрой чисто фискальною, полицейскою, и велъ къ страшнымъ злоупотребленіямъ со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей. Препирательства этихъ властей по поводу исповѣднаго штрафа доходили до размѣровъ, для нашего времени совершенно даже непонятныхъ. Такъ, напримѣръ, получивъ высочайшій выговоръ и желая досадить митрополиту Павлу, губернаторъ Чичеринъ нарядилъ всѣхъ своихъ слугъ и полицейскихъ солдатъ въ монашеское платье и во время масляницы приказалъ

вится, архіерей же, всегда престолу Божію предстоя, и молитвы о себѣ и о людскихъ невѣжествіяхъ принося, всѣхъ есть хуже, или и ничтоже? Сохрани Богъ такого случая, дабы нашему государству быть безъ архіереовъ; то уже не иначе что воспослѣдуетъ, токмо отъ древней нашей апостольской церкви отступство: понеже возъимѣется нужда быть прежде поповщинѣ, а послѣ безповщинѣ. И тако нашему государству приходить будетъ не токмо со всѣми академіями, но и съ чинами, или на раскольническое, или лютеранское, или кальвинское или на атеистское государство".

Доношеніе заканчивается слѣдующими словами: „Сія вся писать и отъ слова Божія предлагать, не иная мене наипаче причина привела, токмо ревность по Бозѣ и Законѣ Божіемъ Ея Императорскаго Величества, нашей нынѣшней благочестивѣйшей, всемилостивѣйшей Государыни, довольно въ манифестахъ и указахъ Ея монаршихъ изображенная. Аще возымѣется въ чемъ быти моей погрѣшности, прошу о прощеніи".

Сильное доношеніе. Когда его переписывали въ ростовской консисторіи, секретарь Иванъ Волковъ доложилъ Арсенію, что такое доношеніе „съ приказнымъ порядкомъ не сходственно", а протоколистъ Семенъ Жуковъ представлялъ высокопреосвященному, что „оное противно указамъ составлено". Въ томъ же родѣ „многократно" заявляли Арсенію секретарь Кардовскій и архидіаконъ Игнатій. Подобная критика, конечно, могла только сердить Арсенія, и онъ отвѣчалъ имъ: „это не ваше дѣло, а надлежитъ оному быть непремѣнно". Не желая насиловать своихъ подчиненныхъ, Арсеній самъ отправилъ донесеніе, помимо консисторіи: оно „не скрѣплено секретаремъ, по

имъ ѣздить по городу и заходить во всѣ кабаки и непотребные дома. Въ отместку за это поруганіе, митрополитъ приказалъ нарисовать на церковной паперти картину страшнаго суда и на первомъ планѣ помѣстить портретъ губернатора, котораго черти тянутъ крючьями въ адъ (*Гурьевъ*, Исповѣдный штрафъ, въ *Русск. Вѣстникъ*, CLVII, 36). Генералъ-прокуроръ кн. А. А. Вяземскій постоянно издавалъ предписанія, чтобъ сенатскіе чиновники „говѣли" (*Русск. Архивъ*, 1867, 365).

консисторіи въ исходящую книгу не записано и нумера на немъ не поставлено, но прямо собственно отъ его преосвященства изъ келіи отправлено"[1]).

Безъ скрѣпы и безъ нумера, донесеніе Арсенія произвело на синодъ сильное впечатлѣніе. Правда, правда голая, неприкрашенная, била въ глаза членовъ синода, такихъ же архипастырей, какъ и Арсеній. Они на себѣ испытали эту правду, родились и выросли въ ней; они не могли не сочувствовать Арсенію. Онъ развязывалъ имъ руки: представивъ протестъ, онъ давалъ имъ возможность обсуждать церковный вопросъ не исключительно съ государственной точки зрѣнія. Члены синода не воспользовались этимъ. Въ средѣ синода не нашлось ни одного члена, который считалъ бы возможнымъ не скрыть своего убѣжденія. Синодъ выдалъ Арсенія головою Екатеринѣ.

12-го марта синодъ получилъ доношеніе Арсенія, заслушалъ его и 13 марта постановилъ: въ донесеніи ростовскаго митрополита отъ 6-го марта „все, что ни есть, слѣдуетъ ко оскорбленію Ея императорскаго величества, за что онъ великому подлежитъ сужденію; но безъ вѣдома Ея императорскаго величества святѣйшій синодъ къ тому приступить не смѣетъ, а передаетъ въ высочайшее благоразсмотрѣніе и высокомонаршую Ея императорскаго величества безприглядную милость"[2]). На другой же день, 14-го марта, Екатерина прислала синоду[3]) слѣдующій собственноручный указъ:

---

[1]) Подробности изъ допроса, въ *Архивѣ св. Синода*, Секретн. дѣла, № 119, л. 44 sqq.

[2]) Изъ всеподданнѣйшаго доклада синода, хранящ. въ *Архивѣ Сената*, Секретн. дѣла, № 1539. Докладъ подписали шесть „смиренныхъ" членовъ синода: Димитрій, митрополитъ новгородскій; Тимоѳей, митрополитъ московской; Гавріилъ, архіепископъ петербургскій; Гедеонъ, епископъ псковской; Амвросій, архіепископъ крутицкій; Аѳанасій, епископъ тферской.

[3]) *Архивъ св, Синода*, Секретн. дѣла, № 119. Указъ этотъ безъ даты, которая опредѣляется постановленіемъ синода отъ 14 марта (л. 12). *День*, 1864, № 39, стр. 3.

„Святѣйшій синодъ!

„Въ поданномъ вашемъ вчерась мнѣ докладѣ пред„ставлено, что архіерей ростовскій Арсеній прислалъ до„ношеніе отъ 6-го дня марта въ синодъ, въ которомъ все „что ни есть написано слѣдуетъ къ оскорбленію вели„чества императорскаго, за что его признаете подлежатель„нымъ сужденія, но безъ вѣдома моего приступить къ „тому не смѣете, и предаете въ мое благоразсмотрѣніе и „снисхожденіе. А какъ я уповаю, что и св. синодъ безъ „сумнѣнія признаетъ, что власть всѣхъ благочестивыхъ „монарховъ, въ числѣ коихъ и я себя включаю и дѣлами „моими вами свидѣтельствуемыми доказую, не для нихъ „единственно, но паче для общаго всѣхъ истинныхъ сы„новъ отечества благосостоянія, сохраняема и защищаема „быть должна, также что въ его архіерея Арсенія при„сланномъ ко мнѣ отъ васъ для прочтенія оригинальномъ „доношеніи, которое я при семъ къ вамъ обратно посылаю, „усмотрѣла превратныя и возмутительныя истолкованія „многихъ словъ св. Писанія и книгъ святыхъ, того ради „впредь для охраненія моихъ вѣрноподданныхъ всегда„шняго спокойства, онаго архіерея Арсенія, такимъ пре„ступникомъ отъ васъ признаннаго, св. Синоду на спра„ведливый, законами утвержденный судъ предаю, а какая „по суду сентенція ему назначена будетъ, оную пред„ставить намъ для конфирмаціи, при чемъ еще будетъ „имѣть мѣсто мое снисхожденіе и незлобіе".

„*Екатерина*".

Прочитавъ указъ, синодъ постановилъ: „черезъ нарочито отправленнаго гвардіи оберъ-офицера привезти архіерея Арсенія въ Москву, а притомъ отъѣздѣ ризницы и людей, кромѣ трехъ нужнѣйшихъ служителей, его преосвященству съ собой не брать и имѣющіяся въ кельѣ письма собравъ, его преосвященства и того офицера печатьми запечатавъ, взять"[1]). Такимъ гвардіи оберъ-офицеромъ военная коллегія назначила семеновскаго полка капитанъ-поручика Николая Дурново, которому приказано

[1]) Подробности въ рапортѣ синода отъ 14 марта 1763 г., въ *Архивѣ Сената*, Секретн. дѣла, № 1539.

было ѣхать „съ крайнимъ поспѣшеніемъ" въ Ростовъ и митрополита Арсенія „съ поспѣшеніемъ" везти въ Москву; „а по пріѣздѣ въ Москву привезть того митрополита прямо въ Симоновъ монастырь, оставить въ казначейскихъ кельяхъ, подъ смотрѣніемъ офицера и пристойнаго числа солдатъ". 14-го марта Дурново выѣхалъ въ Ростовъ.

Между тѣмъ, 15-го марта, Арсеній подписалъ второе доношеніе[1]) въ синодъ, касающееся указа синода, по мнѣнію Арсенія, невыполнимаго: синодъ извѣщалъ, что посланные комиссіею о духовныхъ имѣніяхъ оберъ-офицеры должны описать церковную утварь въ алтаряхъ; Арсеній писалъ: „И такъ, по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ законъ православный издревле, выключивши царскихъ персонъ, правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ". При Елизаветѣ Петровнѣ присылали уже такихъ офицеровъ, Арсеній и тогда протестовалъ съ полнымъ успѣхомъ[2]); тѣмъ болѣе надѣется онъ на успѣхъ теперь, когда „еще церковь и отъ прешедшаго недавно бывшаго удара и раззоренія не отдохнула и въ чувство не пришла". Арсеній глубоко убѣжденъ, что съ переводомъ крестьянъ на оброкъ монастыри и архіерейскіе дома оскудѣютъ: „у насъ не Англія, чтобъ едиными деньгами жить и пробиваться"; вмѣстѣ съ тѣмъ пострадаетъ и благочестіе: „и тако за малое время можетъ благочестіе все у насъ перевестися и слѣда ему не остаться, развѣ тылко въ памяти многихъ будетъ и въ сожалѣніи, яко въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкви нарицаюшихся, церковь и благочестіе истребилося".

Вмѣстѣ съ этимъ вторымъ доношеніемъ Арсеній послалъ въ синодъ „покорное прошеніе — о увольненіи,

---

[1]) *Архивъ св. Синода*, Секретн. дѣла, № 119, л. 31—34; *Чтенія*, 1862, III, 258; *Русск. Стар.*, XV, 742.

[2]) „Которому дѣлу я тогда оспорилъ, и такъ оно отмѣнилось".

за болѣзнію, отъ ростовскія епархіи, на обѣщаніе въ монастырь спасской Новгородъ-Сѣверской".

На другой день, 16-го марта, Арсеній былъ арестованъ; 17-го марта привезенъ въ Москву и заточенъ въ Симоновъ монастырь. Верховный сановникъ православной церкви, митрополитъ, синодальный членъ, арестованъ; въ древнѣйшей русской святынѣ, въ Симоновомъ монастырѣ, у дверей и оконъ казначейской кельи, солдаты съ обнаженными тесаками — казалось, слова Арсенія о истребленіи благочестія начинаютъ сбываться...

Екатерина была очень довольна арестованіемъ Арсенія. Она видѣла въ немъ противника весьма серьезнаго. Не прошло еще и года по воцареніи, а уже никто изъ приближенныхъ не рѣшался говорить ей правду, тѣмъ болѣе такую ясную, простую, какую прочла она въ доношеніи Арсенія. Указаніе на манифесты 28-го іюня и 6-го іюля раздражало Екатерину именно потому, что было вполнѣ естественно; выводъ, сдѣланный Арсеніемъ, оскорблялъ тѣмъ чувствительнѣе, что былъ вполнѣ логиченъ. Но Арсеній арестованъ, и Екатерина довольна, что и выразилось въ ея запискѣ къ генералъ-прокурору Глѣбову, отъ 18-го марта:

„Александръ Ивановичь! Нынѣшнюю ночь привезли „враля, котораго исповѣдывать должно; пріѣзжайте ужо „ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ"[1]).

Теперь, когда всѣ, даже члены синода, противъ своего же собрата Арсенія, когда Арсеній арестованъ и Екатерина относится къ нему съ самодовольною ироніею, теперь въ защиту Арсенія поднялъ свой голосъ престарѣлый графъ А. П. Бестужевъ-Рюмивъ. Только 30-го марта получилъ Бестужевъ письма Арсенія отъ 10-го и 15-го марта[2]), при

---

[1]) *День*, 1862 г., № 25. Подробности этой „исповѣди" неизвѣстны. Разсказъ о дерзкихъ рѣчахъ Арсенія къ императрицѣ, въ присутствіи Глѣбова, Шешковскаго и гр. Г. Г. Орлова *(Русск, Достопамятности,* IV, стр. 22) не заслуживаетъ довѣрія. И. В. Лопухинъ, сообщившій, въ 1813 г., епископу калужскому Евгенію много подробностей объ Арсеніи, ничего не упомянулъ объ исповѣди.

[2]) *Госуд. Архивъ,* VI, 399. Подъ этимъ № въ архивѣ хранятся

которыхъ были приложены и копіи доношеній Арсенія въ сенатъ. Въ это время участь Арсенія была уже извѣстна и, тѣмъ не менѣе, Бестужевъ рѣшился выступить съ защитою до суда осужденнаго. Онъ послалъ 31-го марта Екатеринѣ записку[1]) чрезвычайно ловко и умно составленную: „Графъ Бестужевъ, не вступая отнюдь ни въ малѣйшее за митрополита ростовскаго заступленіе, осмѣливается токмо по долгу къ ближнему, въ преступленіе впадшему, рабски просить о показаніи ему монаршаго и матерняго милосердія въ томъ приговорѣ, которой по суду, конечно, ему тягостенъ будетъ, а при томъ не въ указъ слабѣйшее свое разсужденіе присовокупить, не соизволитъ-ли Ея Императорское Величество въ его явномъ и никакого уже изслѣдованія не требующемъ преступленіи скорѣе сентенцію на монаршую конфирмацію учинить, и тѣмъ сіе дѣло кончить въ предупрежденіе разныхъ о семъ и безъ того въ публикѣ происходящихъ толкованій".

Кажется, трудно написать осторожнѣе, мягче, деликатнѣе. Вотъ отвѣтъ Екатерины:

„Я чаю ни при которомъ Государѣ столько заступленья не было за оскорбителя величествы, какъ ныне „за арестованнаго всѣмъ синодомъ митрополита ростовскаго, и не знаю какую я бъ причину подала сумневаться о „моемъ милосердья и человѣколюбія. Прежде сего и безъ „овсякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ

бумаги „о митрополитѣ Арсеніѣ Маціевичѣ, сужденномъ и сосланномъ подъ имемемъ Андрея Враля въ заточеніе въ ревельскую крѣпость", т. е. касающіяся 1767 года, и тутъ же, почему-то, переписка Арсенія съ Бестужевымъ и Бестужева съ Екатериной, относящаяся къ 1763 году, къ первому надъ Арсеніемъ суду, бумаги о которомъ хранятся въ *Архивѣ св. Синода,* Секретн. дѣла, № 119. *Сборникъ,* VII, 270. Біографія Арсенія Маціевича крайне любопытна; будущему историку предстоитъ разъяснить причины, по которымъ письма эти были „принесены 30-го марта канцеляристомъ Иваномъ Крыловымъ". Изъ многихъ монографій, посвященныхъ Арсенію, ни одна не обратила вниманія на этотъ вопросъ, между тѣмъ Арсеній, какъ оказалось, имѣлъ основаніе писать только гр. Бестужеву и духовнику императрицы Дубянскому.

[1]) *Госуд. Архивъ,* VI, 399; *Сборникъ,* VII, 269.

„деламъ преосвященнымъ головы секали, и не знаю, какъ „бы я могла содержать и укрепить тишины и благоден- „ствія народа (умолча о ощищеніи и сохраненіи мнѣ отъ „Бога данной власти), естьлибъ возмутители не были на- „казаны“[1]).

1-го апрѣля начался судъ надъ Арсеніемъ. Синодъ собирался въ экстренныя засѣданія, происходившія по ночамъ, съ 9-ти часовъ вечера до полудня, во избѣжаніе, вѣроятно[2]), „излишнихъ толкованій и разсужденій въ народѣ“. Такихъ ночныхъ засѣданій было четыре. Въ первомъ же засѣданіи Арсенію были предложены вопросные пункты, на которые онъ отвѣчалъ слѣдующее:

„1763 года апрѣля 1-го дня, въ собраніи св. синода ростовскій митрополитъ Арсеній по апробованнымъ вопроснымъ пунктамъ допрашиванъ и сказалъ:

„1) въ первопосланномъ де отъ него марта 6-го доношеніи его преосвященство ничего ко оскорбленію ея императорскаго величества быть не уповалъ, а все-де то писалъ по ревности и совѣсти, чтобъ не быть двоедушнымъ, а ежели что ко оскорбленію ея императорскаго величества имѣется, въ томъ проситъ прощенія и въ волю и милость ея императорскаго величества себя всеподданнѣйше предаетъ;

„2) о всемъ, въ томъ доношеніи писанномъ, у его

---

1) *Госуд. Архивъ*, VI, 399; *День*, 1862, № 16; *Чтенія*, 1862, III, 192; *Сборникъ*, VII, 269. Положимъ, Бестужевъ хорошо зналъ, что преосвяшеннымъ головъ не сѣкали, но въ этой лжи проскользнуло настроеніе императрицы, и Бестужевъ отвѣчалъ, что онъ не заступался за Арсенія, а только желалъ „пресѣчь излишнія толкованія и разсужденія въ народѣ; но ежели въ чемъ старикъ погрѣшилъ, то токмо отъ одного усердія, чѣмъ теперь отъ неповинности своей и сокрушается“. Екатерина возвратила Бестужеву его письмо, надписавъ на немъ же, внизу листа: „Сожелею, что сокрушаетеся: „я писала стемъ, чтобъ вы имели что ответствовать темъ, кто васъ „прозбою мучитъ. Желаю вамъ спокойно опочивать“.

2) По крайней мѣрѣ сохранилось извѣстіе, что 12-го апрѣля, когда Арсенію объявлялся приговоръ въ синодѣ, въ крестовыхъ патріаршихъ палатахъ, стеченіе народа было „огромное“. *Русск. достопамятности*, IV, 23.

преосвященства ни съ кѣмъ сношенія и совѣта не было, а писано оное собственно отъ его преосвященства;

„3) о всемъ, въ означенныхъ доношеніяхъ заключающемся, разглашенія никакого ни съ кѣмъ, какъ письменнаго, такъ и словеснаго, не было;

„4) что-де его преосвященство сочинялъ не для возраженія на указы, но на представленія другихъ, по которымъ представленіямъ и тѣ указы послѣдовали, и въ чаяніи томъ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ-де и его представленіе отвержено не будетъ, а, по крайней мѣрѣ, что изъ того не воспослѣдуетъ оскорбленія ея императорскаго величества, а понеже оное вошло во оскорбленіе ея императорскаго величества, того ради и паки всесмиреннѣйше и всеподданнѣйше припадая къ ногамъ ея императорскаго величества, проситъ прощенія и помилованія.

„О учиненномъ въ нынѣшнемъ году въ недѣлю православія пополнительномъ чиноположеніи объявилъ что въ ономъ ничего къ оскорбленію ея императорскаго величества не имѣется, а сочинялъ его преосвященство изъ древнихъ чиноположеній, которыя собраны и исправлены, и въ ономъ, изъ тѣхъ же чиноположеній грабители церковнаго имѣнія потому внесены, что многія не только монастырскія, но и церковныя земли отымаютъ, а суда на нихъ сыскать не можно“[1]).

7-го апрѣля члены синода „*приговорили:* „онаго митро-

---

[1]) *Архивъ св. Синода,* Секретн. дѣла, № 119, л. 63. Въ чинъ православія, по рукописи 1652 г., Арсеній внесъ слѣдующія, печатаемыя курсивомъ, слова: 1) „Иже возстанетъ на церкви Божіи, *на храмы и мѣста святыя,* зліи крамольницы и совѣтницы ихъ, да будутъ прокляты“, и 2) „Вси насильствующіи и обидящіи святіи Божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данная имъ *отъ древнихъ богомольцевъ и монарховъ благочестивыхъ имѣнія, и чрезъ то воплощенія Христова дѣло и безкровную жертву истребляющіи,* аще не отстанутъ отъ сего же таковаго начинанія, но и еще помышляти будутъ таковое злодѣйство, *яко Ананія и Сапфира и яко крайніи врази Божіи,* да будутъ прокляти“. Въ печатномъ, употреблявшемся въ то время чинѣ православія этихъ статей совсѣмъ не было. *День,* 1864 г., № 39; *Барсовъ,* Арсеній Маціевичъ, въ *Русск. Старинѣ,* XV, 748.

полита Арсенія архіерейства и клобука лишить и послать въ отдаленный монастырь на крѣпкое смотрѣніе, и бумаги и чернилъ ему не давать". Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ докладъ императрицѣ, на которомъ Екатерина положила слѣдующую резолюцію:

„По сей сентенціи санъ митрополита и священства „снять, а если правила святыя и другія церковныя уза„коненія дозволяютъ, то для удобнѣйшаго покаянія пре„ступнику, по старости его лѣтъ, монашескій только чинъ „оставить, отъ гражданскаго суда и истязанія, мы, по „человѣколюбію, его освобождаемъ повелѣвая нашему „синоду послать его въ отдаленный монастырь подъ „смотрѣніе разумнаго начальника съ такимъ опредѣле„ніемъ, чтобъ тамъ невозможно было ему развращать ни „письменно, ни словесно слабыхъ и простыхъ людей".

Синодъ призналъ „разумнымъ" настоятеля Ѳерапонтова монастыря въ вологодской епархіи: Екатерина нашла его недостаточно разумнымъ, и приказала синоду сослать Арсенія въ Николаевскій Корельскій монастырь, въ архангельскую епархію.

14-го апрѣля митрополитъ Арсеній былъ за карауломъ приведенъ въ синодъ. Оберъ-секретарь Остолоповъ прочелъ указъ св. синода; синодальный ризничій, іеромонахъ Гавріилъ, снялъ съ Арсенія мантію, панагію, бѣлый клобукъ и отобралъ посохъ. Митрополитъ обратился въ простого монаха. На другой день, 15-го апрѣля, монахъ Арсеній, за карауломъ гвардіи унтеръ-офицера Филиппа Маврина съ командою, былъ отправленъ въ Николаевскій Корельскій монастырь, „что на устьѣ Двины рѣки". Настоятелю монастыря синодъ, особымъ указомъ [1]), повелѣвалъ „крѣпкое и неусыпное смотрѣніе имѣть, чтобъ монахъ Арсеній, въ бытность свою въ томъ монастырѣ, ни подъ какимъ видомъ письменно и словесно никого развращать, и о своемъ преступничествѣ инако разглашать и толковать, и тѣмъ слабыхъ и простыхъ людей въ поколебаніе и соболѣзнованіе о себѣ приводить, отнюдь

---

[1]) *Архивъ св. Синода*, Секретн. дѣла, № 119, л. 83; *Чтенія*, 1862, III, 263.

не могъ, и для того пера, чернила и бумаги ему не давать“. Къ сожалѣнію, синодъ на этомъ не остановился: онъ предписалъ „приставить къ монаху Арсенію для всегдашняго караула“ четырехъ солдатъ и одного унтеръ-офицера „изъ отставныхъ инвалидовъ“ и даже „въ церковь, для слушанія литургіи“, Арсеній допускался не иначе, какъ „за карауломъ“.

13-го мая Арсеній былъ сданъ настоятелю Корельскаго монастыря.

Вмѣстѣ съ Арсеніемъ пострадали еще два лица: Дамаскинъ, епископъ костромской, и Сильвестръ, епископъ переяславскій, получили, по опредѣленію синода, выговоръ за свои сношенія съ Арсеніемъ.

А синодъ? Было бы въ высшей степени печально думать, что недостойное поведеніе синода въ дѣлѣ Арсенія Маціевича могло остаться безнаказаннымъ. Синодъ постигла вполнѣ заслуженная имъ кара, но кара жестокая.

Заточеніе Арсенія развязало Екатеринѣ руки. Какъ женщина умная, она увидѣла, что съ синодомъ, который такъ рабски выдаетъ своего члена, не стоитъ церемониться, и обратилась къ нему съ слѣдующею рѣчью:

„Естьли спрошу васъ, кто вы и какое ваше званіе, то вы вѣрно дадите отвѣтъ, что вы — государственныя особы, состоящія подъ властію монарха и законовъ евангельскихъ, призванныя на проповѣдываніе истинъ религіи и наставленія въ законѣ, служащемъ правиломъ нравовъ. Власть ваша есть власть людей просвѣщенныхъ, наставленныхъ въ истинахъ христіанской религіи. Всѣ увѣрены, что вы соблюли при изслѣдованіи ихъ праводушіе и безпристрастіе, нужныя къ предохраненію себя отъ заблужденій. Всѣ ваши права и обязанности состоятъ въ ясномъ предложеніи догматовъ вѣры, въ убѣдительномъ истолкованіи ихъ доказательствами, а не спорами. Вы должны заниматься только тѣмъ, чтобъ наставлять людей въ ихъ должностяхъ, возжигать въ сердцахъ ихъ память добродѣтели и желаніе итти всегда стезею ея, наконецъ увѣщевать ихъ, угрожать будущимъ наказаніемъ, возбуждать въ нихъ вѣру и любовь къ Богу и ближнему обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства, воспламенять сердца усердными мо-

литвами, спасительными совѣтами, утѣшать печальныхъ и несчастныхъ Существенная ваша обязанность состоитъ въ управленіи церквами, въ совершеніи тайнъ, въ проповѣданіи слова Божія, въ защищеніи вѣры, въ молитвахъ и воздержаніи. Для этого нужны: чистая вѣра, непоколебимое благочестіе и всеобщая любовь. Сіи три добродѣтели составляютъ должности вашего званія: безъ нихъ или забываютъ или оскорбляютъ Бога. Учитель вѣры долженъ убѣждать, а не раздражать; проповѣдникъ долженъ трогать, а не восхищать; священникъ — наставлять на путь истины, а не подавать повода къ соблазну. Знаю, что званіе ваше, котораго долгъ есть ученіе и размышленіе, обогощаетъ свѣдѣніями, которыхъ мнѣ нельзя ожидать отъ прочихъ моихъ подданныхъ, неимѣющихъ такихъ познаній и учености. Я отдаю справедливость вашимъ свѣдѣніямъ: вы люди просвѣщенные. Но отъ чего происходитъ, что вы равнодушно смотрите на безчисленныя богатства, которыми обладаете и которыя даютъ вамъ спсообы жить въ преизбыточествѣ благъ земныхъ, что совершенно противно вашему званію? Вы преемники апостоловъ, которымъ повелѣлъ Богъ внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ и которые были очень бѣдны. Царство ихъ было не отъ міра сего: — вы меня понимаете? Я слышала эту истину изъ устъ вашихъ. Какъ можете вы, какъ дерзаете, не нарушая должности званія своего и не терзаясь въ совѣсти, обладать безчисленными богатствами, имѣть безпредѣльныя владѣнія, которыя дѣлаютъ васъ въ могуществѣ равными царямъ? У васъ много подвластныхъ. Вы просвѣщенны: вы не можете не видѣть, что всѣ сіи имѣнія похищены у государства; вы не можете владѣть ими не будучи несправедливы къ нему. Вы должны чувствовать, что вамъ болѣе всѣхъ надлежитъ наблюдать справедливость; но когда нарушаете ее, то тѣмъ болѣе виновны, потому что наставлены въ должностяхъ званія своего. Естьли вы повинуетесь законамъ, естьли вѣрнѣйшіе мои подданные, то не умедлите возвратить государству все то, чѣмъ вы неправильнымъ образомъ обладаете"[1]).

[1]) *Чтенія*, 1862, II, 187.

Безпримѣрная рѣчь. Никогда, ни прежде, ни послѣ, синодъ не слышалъ ничего подобнаго. Въ этой рѣчи, блистательной по смѣлости замысла и эффектной по рѣзкости выраженія, вылилась вся Екатерина съ ея дерзкою увѣренностью въ безнаказанности и съ откровенною наглостью, порождаемою успѣхомъ. Архіереи — не служители алтаря, не духовные сановники, но „государственныя особы", „вѣрнѣйшіе подданные"; для нихъ „власть монарховъ" должна быть выше „законовъ евангельскихъ". Они, „преемники апостоловъ, которымъ Богъ повелѣлъ внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ", виноваты не тѣмъ, что не отвратили Екатерину отъ любостяжанія — они виноваты тѣмъ, что „по могуществу равны царямъ", что у нихъ „много подвластныхъ", что они послѣдній, единственный противовѣсъ свѣтскому властолюбію. Слушая эту чисто императорскую рѣчь, полную изысканной укоризны и нескрываемаго презрѣнія, члены синода, памятуя свой поступокъ съ Арсеніемъ, могли только повторять слова своего собрата, митрополита московскаго Тимофея[1]: Sic demerito digni vivendo pervenimus. Они какъ рабы, предали Арсенія свѣтской власти; теперь свѣтская власть поработила ихъ.

Вопросъ о церковныхъ имуществахъ былъ теперь легко рѣшенъ. 12-го мая 1763 г. была учреждена Коллегія Экономіи; 26-го февраля 1764 года церковныя имущества были секуляризованы и для духовенства были составлены штаты[2]. Съ этой стороны церковь стала государственнымъ учрежденіемъ.

Въ политико-государственномъ отношеніи это былъ шагъ необычайной важности въ исторіи развитія русскаго народа. Мы встрѣтимся съ нимъ въ 1786 году, тогда

---

[1]) Изъ письма къ Арсенію, митрополиту ростовскому, въ *Архивѣ св. Синода,* Секретн. дѣла, № 119; *Барсовъ,* l. c., XV, 740.

[2]) *П. С. З.*, № 11814 — учрежденіе Коллегіи Экономіи; № 11844 — инструкція коллегіи, отъ 6 іюня 1763 года; № 12000 — росписаніе на классы и штаты всѣмъ духовнымъ мѣстамъ; № 12060 — передача духовныхъ вотчинъ въ вѣдѣніе коллегіи; *Архивъ Сената,* т. 109, л. 237, 246, 349; *Büsching,* I, 100.

переворотъ, имъ произведенный, былъ окончательно довершенъ. Тогда его значенiе выяснится вполнѣ, но и теперь уже ясно, что это шагъ петровскаго пошиба. Какъ Петръ I сломилъ сильное древне-русское боярство, обративъ его въ хилое служилое дворянство, такъ Екатерина II уничтожила самостоятельность православнаго духовенства, закабаливъ его свѣтской власти. Къ архiереямъ-кавалерамъ орденовъ, прибавятся, при преемникахъ Екатерины, оберъ-священники и дѣла церкви станутъ вершить мiряне...

XIV.

Въ началѣ мая 1763 года, въ одномъ изъ барскихъ домовъ Москвы, въ гостяхъ у княгини Хилковой, случайно встрѣтились два пріятеля, два дѣятельные участника переворота 28 іюня прошлаго года: извѣстный красавецъ, секундъ-ротмистръ конной гвардіи, камеръ-юнкеръ Ѳедоръ Александровичъ Хитрово и капитанъ-поручикъ л.-гв. измайловскаго полка Михаилъ Ефимовичъ Ласунскій. Пріятели разговорились:

„— Слышалъ ты новой марьяжъ? спросилъ Хитрово.

„— Какой марьяжъ? переспросилъ Ласунскій.

„— Какъ тебѣ не слыхать! Я съ тобою политичествовать не стану: за Орлова Государыня идетъ.

„— Слышалъ и я этотъ слухъ, а правда-ли или нѣтъ тово не знаю.

„— Что ты противъ этово думаешь дѣлать?

„— Я думаю, што больше делать нечево, какъ намъ собраться і иттить просить Ея Величество, чтобъ она ізволила отменить, разсказавъ резоны, какие намъ можно будетъ.

„— А какъ нашнхъ резоновъ не примутъ, то что въ такомъ случае дѣлать?

„— Делать больше нечево какъ остаться на ее воли: какъ она ізволитъ. Средствъ никакихъ нетъ да и быть не можетъ.

„— Нетъ, въ такомъ случае надобно средствъ ізыскать, чтобъ іхъ отвести отъ етово. Теперь этотъ слухъ распускается по городу — чтобъ чево не произвело.

„— Быть ничево не можетъ отъ народу да и ни отъ ково“[1]).

Вотъ какіе слухи ходили по Москвѣ. Не прошло еще года со времени переворота 28-го іюня, какъ Григорій Орловъ, содѣйствовавшій восшествію Екатерины на престолъ, задумалъ уже занять мѣсто рядомъ съ нею, на томъ же престолѣ. Не удивительно, что честолюбіе Орлова манило его къ этому „марьяжу“ — ни по образованію, ни по воспитанію онъ не могъ найти въ себѣ той узды, которая могла бы въ данномъ случаѣ удержать его. Онъ, такъ близко стоявшій въ Екатеринѣ, такъ мало зналъ ее, что считалъ подобный марьяжъ возможнымъ; онъ и не догадывался, что первымъ противникомъ подобнаго предложенія явится сама же Екатерина. Ей-ли связывать свою будущность съ какимъ-то Орловымъ? Екатерина знала и понимала Орлова лучше, чѣмъ кто либо. Онъ молодъ и красивъ, онъ смѣлъ и настойчивъ — это Екатерина въ свое время вполнѣ оцѣнила въ немъ и въ полной мѣрѣ воспользовалась этими его качествами; но она не допускала Орлова даже до вмѣшательства въ государственныя дѣла, не довѣряла ему ни одной важной отрасли управленія, и, конечно, не позволитъ себѣ увлечься до назначенія его соправителемъ, не говоря уже императоромъ, и менѣе всего мужемъ.

Орловъ настаивалъ, Екатерина уклонялась, находила препятствія, не будучи еще въ состояніи рѣшиться оскорбить Орловыхъ, всѣхъ братьевъ, прямымъ отказомъ. Графъ Григорій указывалъ на бракъ Елизаветы Петровны съ гр. А. Г. Разумовскимъ; Екатерина отвѣчала: „Сомнѣваюсь, чтобъ иностранныя извѣстія о бракѣ Алексѣя Разумовскаго съ покойною императрицею были справедливы; по крайней мѣрѣ, я не знаю никакихъ письменныхъ доказательствъ тому. Впрочемъ, Разумовскій живъ — пошлю освѣдомиться отъ его самого, точно-ли онъ былъ

---

[1]) Показаніе Ласунскаго въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 398. Показаніе оканчивается тамъ: „Я обещаюсь передъ самимъ Богомъ і святою присягою, что спрошеннаго отъ меня никому не скажу. Сие писалъ і подписалъ своею рукою Михайла Ласунской“. Листы въ дѣлѣ не перемѣчены.

вѣнчанъ съ государыней“. Составленъ былъ проектъ указа о дарованіи гр. А. Г. Разумовскому, какъ „вѣнчанному съ государыней“, титула императорскаго высочества; графу М. Л. Воронцову приказано было прочесть проектъ гр. Разумовскому и потребовать отъ него всѣ относящіеся къ этому предмету документы для составленія акта въ законной формѣ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій сидѣлъ въ креслахъ, „у горящаго камина“, и читалъ Св. Писаніе „кіевской печати въ октаву“, когда вошелъ Воронцовъ и сообщилъ истинную причину своего пріѣзда. Разумовскій потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ тихо съ своихъ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ, и изъ потаеннаго ящика вынулъ бумаги, обвитыя въ розовый атласъ, развернулъ ихъ, атласъ спряталъ обратно въ ящикъ, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Все это онъ дѣлалъ молча. Наконецъ, прочитавъ бумаги, поцѣловалъ ихъ, возвелъ влажныя отъ слезъ глаза къ образамъ, перекрестился и возвратясь, съ примѣтнымъ волненіемъ, къ камину, у котораго оставался гр. Воронцовъ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресла и, помолчавъ немного, сказалъ:

„Я не былъ ничѣмъ болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями выше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ десницею ея. Обожалъ ее, какъ сердолюбивую мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку, и никогда не дерзнулъ самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ. Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, его же не прейдемъ, въ молитвахъ ко Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей монархини, подъ скипетромъ коей безмятежно въ остальныхъ дняхъ жизни вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Естьли бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною,

повѣрьте, графъ, я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память монархини моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ: доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей государынѣ, да продлитъ милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей... Прощайте, ваше сіятельство. Да останется все, происшедшее между нами, въ тайнѣ. Пусть люди говорятъ, что имъ угодно; пусть дерзновенные простираютъ надежды къ мнимымъ величіямъ, но мы не должны быть причиною ихъ толковъ".

Воронцовъ подробно передалъ императрицѣ о своемъ свиданіи съ гр. Разумовскимъ. Екатерина выслушала разсказъ Воронцова, „проницательно" взглянула на него, подала ему руку и „вымолнила съ важностію": „Мы понимаемъ другъ друга — тайнаго брака не существовало, хотя бы то и для усыпленія боязливой совѣсти. Шопотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго малороссамъ самоотверженія" [1]).

Кромѣ Екатерины, былъ еще противникъ стремленію Орлова къ „мнимому величію", противникъ болѣе, быть можетъ, сильный, чѣмъ сама Екатерина — общественное мнѣніе. Екатерина была обязана Орловымъ за извѣстныя ихъ услуги въ Петербургѣ, Петергофѣ, Ораніембаумѣ и Ропшѣ; она находилась въ довольно значительной зависимости отъ нихъ: не они подали мысль о переворотѣ, но они много содѣйствовали его успѣху. Екатерина, во

---

[1]) Этотъ разсказъ гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, родного племянника графа Алексѣя Григорьевича, сообщенъ гр. Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ, министромъ просвѣщенія, женатомъ на дочери гр. А. К. Разумовскаго. Онъ напечатанъ въ *Чтеніяхъ*, 1863, III, 153, подъ заглавіемъ: „Разсказъ о бракѣ императрицы Елизаветы Петровны". Необходимо имѣть въ виду, что фактъ разсказанъ третьимъ лицомъ и записанъ лишь въ 1843 году. Только основная фабула разсказа можетъ быть признана неподлежащею сомнѣнію; подробности же обстановки и рѣчи дѣйствующихъ лицъ, не имѣющія, впрочемъ, серьезнаго значенія, сообщены въ формѣ лишь болѣе или менѣе вѣроятной. *Васильчиковъ*, I, 307.

всякомъ случаѣ, не могла еше вполнѣ свободно дѣйствовать относительно двухъ братьевъ Орловыхъ, Алексѣя и Григорія. Но эти Орловы были въ такомъ же зависимомъ положеніи относительно общественнаго мнѣнія. Ихъ услуги Екатеринѣ были только исполненіемъ воли общественнаго мнѣнія; безъ него они ничего не могли. Они содѣйствовали его возбужденію и, въ свою очередь, были его орудіями. Въ данномъ случаѣ, въ вопросѣ о „марьяжѣ", все сводилось ко мнѣнію придворнаго круга и военнаго общества, преимущественно гвардіи.

Екатерина не ошиблась въ старомъ Разумовскомъ — ошибется-ли она въ общественномъ мнѣніи? Съ государственной точки зрѣнія, вступленіе императрицы во второй бракъ не представляло крайней необходимости: у императрицы былъ сынъ, великій князь Павелъ Петровичъ, обезпечивавшій вопросъ о престолонаслѣдіи. Ему было лишь только девять лѣтъ, онъ былъ ребенокъ болѣзненный, еще „не лежавшій въ воспѣ"; но второй бракъ императрицы не измѣнялъ ни одного изъ этихъ условій, лишь уменьшая возрастъ будущаго младенца на десять лѣтъ противъ Павла Петровича, признаннаго уже наслѣдникомъ. Церковь, конечно, ничего не имѣла противъ второго „марьяжа": Екатерина была вдовою и по каноническимъ правиламъ обладала всѣми правами на вступленіе во второй бракъ. Не государственныя и не церковныя соображенія были замѣшаны въ вопросѣ, а чисто общественныя. Прошло уже болѣе полувѣка, какъ Петръ В. измѣнилъ старинѣ, предпочитая марьяжи съ иностранными дворами брачнымъ союзамъ съ русскими родами. Послѣдняя попытка вернуться къ старинѣ, сдѣланная при Петрѣ II, кончилась трагическою развязкою, слѣды которой были еще чувствуемы многими. Конечно, обстоятельства теперь значительно измѣнились, самая постановка вопроса получила другую форму; но взаимная ревность русскихъ родовъ осталась та же, если не обострилась еще болѣе. Пользуется-ли графъ Григорій, выскочка, не знатнаго рода Орловыхъ, такимъ значеніемъ, чтобы склонить на свою сторону большинство? Любятъ-ли его?

Не прошло и недѣли послѣ воцаренія Екатерины,

какъ уже начались придворныя интриги противъ одного изъ главныхъ виновниковъ переворота 28-го іюня — противъ Григорія Орлова[1]). Занятое имъ положеніе, дѣйствительно, могло возбудить зависть въ однихъ, гнѣвъ въ другихъ, неудовольствіе во всѣхъ, стоявшихъ у трона, близкихъ Екатеринѣ людей. Не потому конечно, что онъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ — генералъ-адъютантами были сдѣланы и другіе, пожалованъ въ дѣйствительные камергеры — такихъ камергеровъ было нѣсколько, возведенъ въ графское достоинство — и графовъ было при дворѣ не мало; не потому, наконецъ, чтобъ онъ пользовался особымъ вліяніемъ на дѣла — такого вліянія онъ не имѣлъ[2]) и къ государственнымъ дѣламъ былъ неспособенъ. Но онъ былъ обладателемъ сердца Екатерины, ея избранникомъ; онъ былъ ничто, но онъ могъ все. Прежде, его отношенія къ императрицѣ были многимъ извѣстны и никого не безпокоили; теперь же, когда Екатерина стала самодержицею, никто уже не можетъ указать границъ честолюбію Орлова. Вотъ что страшило, вотъ что возбуждало противъ Орлова многихъ, если не всѣхъ.

На второй день переворота, 29-го іюня, въ Петергофѣ, въ одной изъ комнатъ дворца, Григорій Орловъ, лежа на диванѣ, съ вытянутою ногою — наканунѣ онъ повредилъ ее въ колѣнѣ — распечатывалъ большіе пакеты съ государственною печатью. Въ комнату вошла княгиня Дашкова и крайне удивилась: подобные пакеты она часто видѣла у своего дяди-канцлера и знала, что они изъ совѣта. „Что это вы дѣлаете?" — „Императрица приказала мнѣ вскрыть эти пакеты". — „Сомнѣваюсь: эти пакеты смѣло могли остаться нераспечатанными еще нѣсколько дней, пока императрица назначила бы подлежащихъ лицъ; ни вы, ни я не годимся на это дѣло". Часъ

---

[1]) Je n'ai point le temps de m'étendre sur les intrigues et les cabales qui se manifestent déjà à la nouvelle cour. On y conspire contre Orloff et l'on prépare en secret sa chûte. Депеша *Беранже*, отъ 16 іюля 1762 г. въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 9.

[2]) He does not interfere in public business. Депеша *Букингэма*, отъ 19 января 1763 г., въ *Сборникъ*, XII, 70.

спустя, кн. Дашкова, проходя по той комнатѣ, въ которой лежалъ Орловъ, увидѣла небольшой обѣденный столъ, сервированный на три персоны. Императрица пригласила къ обѣду кн. Дашкову; столъ былъ придвинутъ къ дивану. Екатерина, во время обѣда, просила княгиню поддержать ее противъ Орлова, который просился въ отставку. „Посудите, княгиня, насколько я буду неблагодарною, если позволю ему выйти въ отставку“ [1]).

Просьба объ отставкѣ, на второй же день переворота — очевидно, результатъ какой либо размолвки, вызванной неудовлетвореннымъ самолюбіемъ; это, въ устахъ Орлова, не столько просьба, сколько угроза. Черезъ два мѣсяца, въ концѣ августа, угроза была повторена, но уже въ иной формѣ.

Незадолго до отъѣзда въ Москву, для коронаціи, Екатерина обѣдала въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ лицъ. За обѣдомъ, какъ нерѣдко въ то время, зашла рѣчь о переворотѣ 28-го іюня. Григорій хвалился своимъ вліяніемъ въ гвардейскихъ полкахъ и, обращаясь къ императрицѣ, сказалъ, что еслибъ онъ захотѣлъ, то могъ бы, черезъ какой нибудь мѣсяцъ, свергнуть ее съ престола. Гетманъ Разумовскій, видя, какъ это бахвальство не понравилось Екатеринѣ, замѣтилъ Орлову, полушутя-полусерьезно: „Быть можетъ; но, другъ мой, не дожидаясь мѣсяца, мы черезъ двѣ же недѣли повѣсили бы тебя“ [2]).

---

1) Dès ce moment je compris qu'Orloff était son amant et je fus désolée quand je prévis qu'elle ne saurait le cacher, прибавляетъ кн. Дашкова (*Арх. кн. Воронцова,* XXI, 82). Первое замѣчаніе, если оно вѣрно, свидѣтельствуетъ только о наивности княгини; второе, вполнѣ справедливое, легко было сдѣлать, такъ какъ княгиня писала свои „Записки“ много лѣтъ спустя по смерти Екатерины.

2) Peu de jours avant le départ de Pétersbourg, la Czarine soupoit avec un petit nombre de personnes: la conversation rouloit sur le grand évènement et l'on s'égayoit aux dépens du défunt, lorsque Orloff, en adressant la parole à la Czarine, dit que les gardes avoient tant d'amitié pour luy, que s'il vouloit dans l'espace d'un mois il la détrôneroit. Le Hetman qui étoit présent à ce de cours, et qui vit combien il embarassoit la Souveraine répondit avec gayeté: „Cela se peut, mon ami, mais nous t'aurons fait pendre avant quinze jours“. Депеша *Бретэля,* отъ 9 октября 1762 г. въ *Париж. Архивъ,* Russie, vol. 72, № 59.

Орловы, всѣ, не одинъ Григорій, вели себя, какъ выскочки: они стали гордиться своимъ положеніемъ при дворѣ, начали относиться свысока къ прежнимъ товарищамъ, гвардейскимъ офицерамъ принимавшимъ вмѣстѣ съ ними участіе въ переворотѣ 28-го іюня[1]). Именно въ гвардіи и при дворѣ многіе были теперь противъ Орловыхъ. Даже друзья Григорія Орлова отшатнулись отъ него[2]). Этому способствовала сама Екатерина: ея пристрастіе къ Григорію Орлову, отличія, которыми она осыпала его, „оскорбили многихъ лицъ, имѣвшихъ болѣе правъ на милости императрицы по своему сану, положенію и способностямъ“[3]).

Особенно по „способностямъ“. По отзыву лицъ, совершенно разныхъ положеній и взглядовъ, Григорій Орловъ былъ „глупъ“. Такимъ считали его товарищи по службѣ, гвардейскіе офицеры[4]); такимъ рисуетъ его и французскій посланникъ, со словъ своихъ коллегъ[5]).

---

[1]) Капитанъ измайловскаго полка Ласунскій говорилъ: „Орловы раздражили насъ своею гордостью. Мы было чаяли, что наша общая служба къ Государыне утвердитъ нашу дружбу, а ныне видимъ, что оной развратъ“ *Госуд. Архивъ*, VI, 398; Приложеніе, VI, 5.

[2]) Англійскій посланникъ *лордъ Букингэмъ*, считавшій всѣхъ русскихъ придворныхъ выскочками, въ депешѣ отъ 22 августа 1763 года: Count Orloff is considered so much as an upstart in this country, where there is little else, that all, but his own family, are his enemies. *Сборникъ*, XII, 125; *Grimblot*, 230.

[3]) Депеша *Букингэма*, отъ 21 февраля, 26 марта, 16 и 23 мая 1763 г., въ *Сборникѣ*, XII, 81, 89, 100. Пропускъ въ первой депешѣ пополняется у *Grimblot*, 227. Въ послѣдней депешѣ сказано: People of all ranks are despleased with the great favour shown to the Orloff family, and express their dissatisfaction much more freely than has been usual in this country. Депеша *Прассе*, отъ 6 ноября 1762 г.: Die Soldaten sind noch immer sehr ausgelassen und das Volk frei in Reden. (*Дрезден. Архивъ*, vol. VII, № 89).

[4]) *Госуд. Архивъ*, VI, 398, показаніе Хитрово отъ 27 мая 1763 года: „Орловы стараютца похитить, и этово бы ничего не было для того, что Григорей *глупъ*, а больше делаетъ Алексей и что онъ великой плутъ“.

[5]) Депеша *Бретэля*, отъ 9 октября 1762 года: M-r Orloff est un fort bel homme; il étoit amoureux de la Czarine depuis plusieurs années, et je me souviens qu'un jour Elle me le montra comme un personnage ridicule; c'est au reste, dit-on, *une très grande bête*. Comme il ne parle

При такихъ условіяхъ Екатерина не могла сомнѣваться, что общественное мнѣніе выскажется противъ брака ея съ Григоріемъ Орловымъ. Но какъ же узнать это мнѣніе? Великой княгинѣ легко было писать: „Единственное средство узнать хорошо или дурно то, что вы хотите постановить, заключается въ распространеніи слуха о томъ на рынкахъ и въ приказаніи точно доносить вамъ, какіе возбудитъ это тамъ толки“[1]); но императрица не можетъ воспользоваться этимъ способомъ для узнанія общественнаго мнѣнія не рынковъ, а двора и гвардіи. Когда нужно было получить свѣдѣнія также по вопросу о марьяжѣ отъ старика Разумовскаго, Екатерина послала къ нему гр. М. Л. Воронцова; теперь, еще болѣе деликатная миссія, собраніе мнѣній у придворныхъ чиновъ и гвардейскихъ офицеровъ, была возложена на гр. А. П. Бестужева-Рюмина[2]).

Въ понедѣльникъ, 12-го мая 1763 года, Екатерина отправилась въ Ростовъ. На другой же день, гр. Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ къ сенатору Ивану Ануфріевичу Брылкину и предложилъ ему подписаться подъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, къ которомъ, отъ имени духовенства, сената, генералитета и высшихъ гражданскихъ чиновъ, высказывалось желаніе, чтобъ императрица вступила во второй бракъ, причемъ, какъ главный мотивъ, приводилась забота о престолонаслѣдіи, внушаемая слабымъ здоровьемъ великаго князя Павла Петровича[3]). На про-

---

que russe il ne me sera pas si fort aisé d'en juger. *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 72, № 59.

[1]) *Сборникъ*, VII, 87.

[2]) Les trois quarts de la ville disaient que le comte Bestoujeff était l'instrument de l'ambition du comte Gregoire Orloff, пишетъ кн. Дашкова (*Арх. кн. Воронцова*, XXI, 105). Бестужевъ былъ близокъ съ Орловыми, но въ данномъ случаѣ онъ былъ орудіемъ императрицы. Какъ Орловы обвиняютъ кн. Дашкову даже въ заговорѣ, такъ и кн. Дашкова приписываетъ все дурное своимъ врагамъ Орловымъ.

[3]) Что такая подписка, дѣйствительно, собиралась и именно гр. Бестужевымъ-Рюминымъ, доказывается, сверхъ показанія сенатора Брылкина, свидѣтельствомъ самой Екатерины, которая, въ письмѣ къ В. И. Суворову ссылается на „известной проектъ Алек-

шеніи было уже нѣсколько подписей духовныхъ сановниковъ и сенаторовъ. Брылкинъ прочелъ прошеніе, прочелъ подписи и, ссылаясь на отсутствіе подписей болѣе старыхъ сенаторовъ, отказался приложить свою подпись къ этому прошенію. Родной братъ сенатора Брылкина, Василій Онуфріевичъ Брылкинъ, разсказалъ объ этомъ камеръ-юнкеру Хитрово, которому онъ доводился двоюроднымъ зятемъ. Переходя изъ устъ въ уста, слухъ о собираемой гр. Бестужевымъ-Рюминымъ подпискѣ росъ въ подробностяхъ, извращался по существу. Передавая городскую молву, „эху", по употребительному выраженію того времени, одинъ высказывалъ свои догадки, которыя другой повторялъ уже въ видѣ несомнѣннаго факта; предположенія, иногда вполнѣ невѣроятныя, личныя сужденія, нерѣдко ни на чемъ не основанныя, простыя сплетни, даже „враки" вплетались въ городскую эху и стали предметомъ толковъ.

сея Петровича" (*Госуд. Архивъ*, VI, 398; *Сборникъ*, VII, 293). Объ этомъ проектѣ подробно говоритъ и кн. Дашкова въ своихъ „Запискахъ" (*Арх. кн. Воронцова*, XXI, 104), и французскій посланникъ *Бретэль*, въ депешѣ отъ 8 мая 1763 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 72, № 14). Гр. Бестужевъ-Рюминъ исполнялъ въ этомъ случаѣ повелѣніе императрицы. Очень возможно, что проектъ составленъ Бестужевымъ (un écrit de sa fabrication, какъ выражается кн. Дашкова), но по приказанію императрицы (avec le consentement de la Czarine, по словамъ бар. *Бретэля*). Проектъ этотъ вызвалъ побочные, правда, но весьма непріятные для императрицы толки о воцареніи, о братьяхъ Ивана Антоновича, о негодности Орловыхъ, и, тѣмъ не менѣе, виновникъ этого проекта не былъ вовсе вызываемъ въ комиссію и Суворовъ не полюбопытствовалъ даже прочесть этотъ проектъ. Годъ назадъ, Бестужевъ, составивъ проектъ о поднесеніи Екатеринѣ титула „Матери Отечества", прежде чѣмъ представить его сенату, читалъ императрицѣ, просилъ ея согласія (*Госуд. Архивъ*, X, № 7; *Сборникъ*, VII, 157); теперь, проектъ значительно болѣе касавшійся лично императрицы, не могъ же быть составленъ и приведенъ въ исполненіе безъ ея воли, даже безъ ея вѣдома. У Бестужева были враги, которые не преминули бы воспользоваться такою его оплошностію, что и выразилось въ слухѣ о требованіи предать Бестужева суду. Бестужевъ, однако, суду преданъ не былъ. См. депешу гр. *Букингэма*, отъ 23 мая 1763 г., въ *Сборникѣ*, XII, 106; *Castéra*, III, 38.

Ровно черезъ двѣ недѣли по отъѣздѣ императрицы въ Ростовъ, въ понедѣльникъ, 26-го мая, сенаторъ В. И. Суворовъ получилъ собственноручный рескриптъ слѣдующаго содержанія[1]):

„*Секретнѣйшей*.

„Василій Ивановичъ. По полученіи сего, призавите „къ себѣ камеръ-юнкера князя Івана Несвитского и при„кажите ему письменно вамъ подать или при васъ напи„сать всѣго того, что онъ отъ камеръ-юнкера Ѳедора Хи„трово слышелъ и по важности его показаніи пошлите за „Хитрова какимъ вы удобнейшемъ образомъ за благо „разсудите, а естьли приидетъ арестовать его Хитрова „тогда для далнейшаго произвожденія онаго дѣла приза„вите себѣ въ помощь князя Михаила Волхонскаго и „князя Петра Петровича Черкасскаго и репортуйте ко „мнѣ какъ часто возможно.

„Я при семъ рекомендую вамъ поступать весьма осто„рожно, не тревожа не городъ и сколь можно никого, „однакожъ такимъ образомъ, чтобъ досконально узнать „самая истина, и весьма различайте слова съ предпрія„тіемъ, а луче всѣго для облегченія допросы по пунктамъ „написать, какъ и преждѣ деловали. Впрочемъ по пол„камъ имеѣте уши и глаза; я во всемъ полагаюсь на вашу „ка мнѣ ревность и усердья.

„*Екатерина*".

„Изъ Ростова, 24 маія 1763 году.

„Я скоро къ вамъ буду. При семъ прилагаю къ „вамъ открытое письмо къ Петру Семеновичу Салтыкову, „которое вы имеете по вашему разсужденію, послать къ „нему или у себя оставить до моего приезда.

„Естьли гдѣ вамъ занадобится команда гвардіи или „напольныхъ, вы можете оныхъ требовать по поверенной „вамъ камисіи.

„*Екатерина*."

Не успѣлъ Суворовъ приступить къ слѣдствію, какъ въ тотъ же день, 26-го же мая, новый курьеръ отъ импе-

---

[1]) *Госуд.Архивъ*, VII, 398; *Сборникъ*, VII, 289.

ратрицы привезъ ему доносъ кн. Несвицкаго на Хитрово, написанный рукою гр. Г. Г. Орлова[1]). Доносъ заключался въ слѣдующемъ:

Камеръ-юнкеръ Хитрово приглашалъ своего друга, кн. Несвицкаго, „на свою сторону" и говорилъ ему: „государыня изволила поѣхать въ воскресенскій монастырь для того, чтобы старый чортъ Бестужевъ" удобнѣе могъ бы привести въ исполненіе задуманное имъ дѣло: онъ написалъ прошеніе о вступленіи императрицы во второй бракъ и именно съ Григоріемъ Орловымъ; это прошеніе подписали уже нѣкоторыя духовныя лица и нѣсколько сенаторовъ. Когда объ этомъ прошеніи узналъ Н. И. Панинъ[2]), онъ, предвидя всѣ вредныя отъ того послѣдствія,

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 398. Ни доноса кн. Несвицкаго гр. Г. Г. Орлову, ни его показанія В. И. Суворову въ дѣлѣ не сохранилось. Есть только письменный пересказъ доноса гр. Г. Г. Орловымъ со словъ Баскакова и Черткова. Эта записка Орлова напечатана въ *Сборникѣ*, VII, 290, причемъ вм. *сватая* Орловыхъ (стр. 291) слѣдуетъ читать *схватя* Орловыхъ, что̀ подтверждается современною копіею этой записки, хранящеюся въ дѣлѣ (л. 2).

[2]) Весь эпизодъ о переговорахъ Н. И. Панина съ императрицею по поводу проекта отнесенъ кн. Дашковою къ гр. М. Л. Воронцову (*Арх. кн. Воронцова*, XXI, 105), причемъ подробно разсказано, какъ, героическимъ поведеніемъ ея дяди-канцлера, весь этотъ безумный проектъ былъ уничтоженъ (quand le comte Bestoujeff vint avec cet écrit chez le grand chancelier mon oncle, cette folle et dangereuse idée, par la conduite heroïque de mon oncle, fut annulée pour toujours). Эти соблазнительныя подробности не доказываютъ, однако, достовѣрности самого разсказа, полнаго ошибокъ, причемъ даже пожалованіе Г. Г. Орлову княжескаго достоинства отнесено къ 1763 году (р. 107), вмѣсто 1772 года. Кастера, со словъ бар. *Бретэля* (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 72, № 14), присоединяетъ къ Панину и Воронцову еще и Разумовскаго (*Castéra*, II, 40). Впрочемъ, для переговоровъ съ императрицею, кто ихъ ни велъ бы—Панинъ, Разумовскій, Воронцовъ, или всѣ трое вмѣстѣ — не было времени: еслибъ такіе переговоры дѣйствительно происходили, они могли бы происходить только до отъѣзда Екатерины въ Ростовъ и, въ такомъ случаѣ, всякій дальнѣйшій шагъ Бестужева былъ бы уже немыслимъ; между тѣмъ, Бестужевъ былъ у Брылкина уже по отъѣздѣ Екатерины изъ Москвы. Въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ данныхъ для разъясненія этого вопроса. Екатерина писала Суворову, что необходимо „спросить у нево Хитрова, кто ему Хитрову сказывалъ, что я съ Панинымъ гаварила о замужствѣ и мои отвѣты";

обратился къ императрицѣ и спросилъ, съ разрѣшенія ли ея величества собираются подписи подъ этимъ прошеніемъ; хотя императрица и отвѣтила, что „нѣтъ", однако Панинъ по лицу Екатерины замѣтилъ, что „да". Тогда Панинъ пригласилъ къ себѣ гр. К. Г. Разумовскаго и гр. З. Г. Чернышева, сообщилъ имъ свои опасенія относительно прошенія и они втроемъ „согласились межъ собою оное уничтожить". Они пригласили къ себѣ Репнина, Рославлева. Ласунскаго, Пассека, Теплова, Барятинскихъ, Каревыхъ, Хованскихъ, Апраксина, Ржевскаго, съобща постановили, что „это дѣло нехорошее и отечеству вредно", что „всякой патріотъ долженъ вступиться, искоренить и опровергнуть", что Орловы хотятъ завладѣть императрицей, что „Григорій глупъ, а больше все дѣлаетъ Алексей и что онъ великій плутъ и всему оному дѣлу причиною". Хитрово прибавлялъ, по словамъ доноса, что они „на собраніи своемъ" постановили: просить императрицу, въ случаѣ ея рѣшимости вступить во второй бракъ, избрать одного изъ двухъ братьевъ Ивана Антоновича[1]) если же она на это не согласится, то убить Орловыхъ, и даже, не дожидаясь возвращенія императрицы: „какъ скорѣе при удобномъ случаѣ погубить" Орловыхъ. По словамъ кн. Несвицкаго, Хитрово былъ приведенъ „въ оный заговорь" княгинею Дашковою; генералъ-прокуроръ Глѣбовъ обѣщалъ помо-

но изъ дѣла не видно, чтобъ такой вопросъ былъ предлагаемъ подсудимому. Это, кажется, просто былъ городской слухъ, переданный Ѳедору Хитрову Николаемъ Рославлевымъ (*Госуд. Архивъ*, IV, 398, *Приложеніе*, VI, 5).

[1]) Одного изъ братьевъ, не самого Ивана Антоновича, о чемъ никогда не было рѣчи. Nicht lange hernach, als Catherina den Thron bestiegen hatte, thaten einige Personen der Kaiserin den unsinnigen Vorschlag, dass sie sich mit dem Prinzen Ivan vermählen möchte ..., . selbst der Synod wollte der Kaiserin eben diese Vermählung anrathen, (*Büsching*, IV, 332). Это, вѣроятно, отголосокъ темныхъ слуховъ, ходившихъ по поводу дѣла Арсенія Мацѣевича, въ 1767 году, который судился за произнесеніе, между прочимъ, такихъ словъ: „лучшебъ было кабы Ея величество за Ивана Антоновича вступила въ супружество, то бы ей уже и престолъ слѣдовалъ, а Ея величество съ нимъ не въ ближнемъ родствѣ, а въ шестомъ колѣнѣ, и для такихъ персонъ синодъ бы дозволить могъ". *Госуд. Архивъ*, VI, 399; *Чтенія*, 1862, III, 265.

гать деньгами; Хитрово склонилъ уже въ заговоръ „нѣкоторыхъ офицеровъ".

На этой запискѣ, пересланной Суворову, Екатерина собственноручно приписала:

„Василій Ивановичъ. Всѣ сие служитъ вамъ во из-„вѣстіе; а князя Несвитскаго оставьте свободнымъ и, „сколько можно, трактуйте всѣ сіе дѣло секретно, а естьли „найдете за нужно Хитрова арестовать, то конной гвардіи „краула не приставьте къ нему, но съ другова полку".

27-го же мая камеръ-юнкеръ Хитрово былъ арестованъ и допрошенъ. Онъ велъ себя при этомъ съ полнымъ достоинствомъ, ничего не утаивая, ничего не отрицая, какъ человѣкъ нравственно правый: онъ признавалъ и продолжаетъ признавать бракъ императрицы съ Орловымъ государственнымъ бѣдствіемъ, для устраненія котораго онъ готовъ на всякія жертвы[1]). Когда, во время допроса, въ комнату вошелъ случайно гр. Алексѣй Орловъ, Хитрово извинялся передъ нимъ за свои рѣчи о необходимости убить его, вмѣстѣ съ братьями, въ случаѣ, еслибъ вопросъ о „марьяжѣ" не былъ оставленъ.

Каждый день Суворовъ отправлялъ императрицѣ съ нарочнымъ все дѣлопроизводство и всѣ показанія въ подлинникахъ. Въ этихъ бумагахъ Екатерина прочла, между прочимъ, въ показаніи камеръ-юнкера Ржевскаго, указаніе на Хитрово, какъ на человѣка, который разглашалъ, что Екатерина первоначально соглашалась быть только правительницею. На очной ставкѣ съ камеръ - юнкеромъ Ржевскимъ[2]), Хитрово вполнѣ подтвердилъ это указаніе:

---

[1]) Дашкова въ своихъ „Запискакъ" говоритъ: Hitroff ne nia rien; même avec beaucoup de fierté il répondit qu'il serait le premier à plonger son épée dans le sein de Grégoire (Orloff) et subir lui-même la mort, plutôt que d'emporter avec lui l'idée humiliante que cette révolution n'avait servi qu'à cette dangereuse élévation de Grégoire (*Арх. кн. Воронцова*, XXI, 107). Въ лондонскомъ переводѣ „Записокъ" кн. Дашковой, сдѣланномъ крайне небрежно, *Hitroff*, обращенъ въ *Гетрофа*, который перешелъ даже въ русскую историческую литературу, какъ „одинъ изъ заговорщиковъ, нѣкто Гетрофъ" (*Русск. Архивъ*, 1873, I, 36).

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI, 398; *Приложеніе*, VI, 4.

„А что Государыня съ темъ престолъ принимала, чтобъ быть правительницею, і что Панину о томъ сказать ізволила, говорилъ я Хитровъ съ того, что когда я былъ на карауле при покойномъ бывшемъ государе, тогда случилось мне говорить о порядке возшествия Государыни на престолъ съ Алексеемъ Григорьевичемъ Орловымъ, і онъ мне сказалъ, что Панинъ зделалъ было подписку съ темъ чтобъ быть Государыни правительницею і Государыня на то согласитца ізволила; и когда изволила притти въ день возшествія на престолъ въ измайловскій полкъ, тогда, объявя про ту подписку бывшимъ при томъ капитанамъ Расловлеву і Ласунскому, они доложили Государынѣ, что они на то несогласны, а поздравляютъ Государыню самодержавной імператрицей, после чево велели солдатамъ кричать ура. А въ допросахъ своихъ о томъ я не показалъ за темъ, что всево вспомнить не могъ".

Для Хитрово главный вопросъ заключался въ „марьяжѣ", подробности же воцаренія и изводъ Орловыхъ представлялись обстоятельствами совершенно побочными; для Екатерины — наоборотъ. Слѣдствіе показало, что всѣ противъ ея брака съ Григоріемъ Орловымъ — оба Рославлевы, Николай и Александръ, сенаторъ Брылкинъ, кн. Несвицкой, Ржевскій, Бабрыкинъ, кн. Голицынъ, гр. Мусинъ-Пушкинъ, кн. Шаховской, всѣ, кто былъ привлеченъ къ слѣдствію. Миссія гр. Бестужева-Рюмина выполнена, цѣль достигнута успѣшно; но на пути къ успѣху открылись новыя обстоятельства, побочныя въ данномъ случаѣ, но по существу болѣе важныя для Екатерины, чѣмъ предположенная первоначально цѣль. Отъ 31-го же мая Екатерина пишетъ Суворову, что „главной предмѣтъ" слѣдствія[1]) долженъ быть: вопервыхъ, изслѣдованіе „скареднаго проекта убить графа Ал. Гр. Орлова" и, вовторыхъ, разъясненіе слуха о правительницѣ.

Екатерина любитъ пунктуальность. Суворовъ допросилъ вновь Хитрово, уже по пунктамъ. Вотъ выдержка[2]) по двумъ главнѣйшимъ для Екатерины вопросамъ:

---

1) *Ibid.*; *Сборникъ*, VII, 292.

2) *Госуд. Архивъ*, VI, 398, л. 23 и 24.

„Вопросные пункты камеръ-юнкеру Өедору Хитрову:

„1-й пунктъ.

„Какъ въ домѣ генерала Суворова вошелъ графъ Алексей Григорьевичъ Орловъ въ ту горницу, гдѣ генералъ Суворовъ тебя допрашивалъ и ты ему графу винился что-то и говорилъ что предъ нимъ виноватъ.

„Въ чемъ именно ты себя предъ нимъ виннымъ признаешь?

„5 пунктъ.

„Въ допросѣ твоемъ отъ 28 мая показалъ, что ты отъ графа Алексея Григорьевича Орлова слышелъ, что Панинъ здѣлалъ было подписку съ темъ, чтобъ Государынѣ Правительницею быть и Государыня на то согласитца было ізволила и протчее.

„И о томъ кромѣ графа Алексея Григорьевича кто еще тебѣ не сказывалъ-ли іли съ кемъ о томъ же разговоръ не імѣлъ-ли?"

„Ответы камеръ-юнкера Хитрова:

„На 1-й.

„27 числа сего мѣсяца какъ въ домѣ генерала Суворова вошелъ графъ Алексей Григорьевичъ Орловъ въ тою горницу, гдѣ меня оной генералъ Суворовъ допрашивалъ и я ему графу винился и говорилъ, что я предъ нимъ виноватъ въ томъ разуме, что я съ княземъ Несвицкимъ и со Ржевскимъ говорилъ, чтобъ ево графа Алексея Григорьевича и зъ братьями его погубить, токмо къ тому никакова умыслу ни намерения не имелъ, а говорилъ безо всякова умыслу, просто отъ себя, ни съ кемъ о томъ согласия неимелъ.

„На 5-й.

„О томъ что Панинъ зделалъ было подписку съ темъ чтобъ Государыни быть правительницею и Государыня на то согласитца было ізволила и протчее, я кроме какъ отъ графа Алексея Григорьевича ни отъ кого не слыхалъ і о томъ ни съ кемъ не говорилъ".

О чемъ ни спрашивали бы камеръ-юнкера Хитрово, его отвѣты всегда ясны, опредѣленны, правдивы. Онъ не противъ и марьяжа: „естли Государыня за нужное разсуждаетъ вытти за мужъ, вольна взять владѣтеля іли принца крови“, какъ показалъ Хитрово; онъ противъ брака съ Орловымъ, но противъ этого брака рѣшительно всѣ. Хитрово не скрываетъ ни передъ кѣмъ, ни даже передъ Алексѣемъ Орловымъ, что считаетъ его главнымъ виновникомъ этой вредной затѣи и готовъ убить его, лишь бы спасти императрицу и родину отъ такой напасти. Не одинъ Хитрово, вся Москва того же мнѣнія: „Пассекъ и Барятинскій — пишетъ Екатерина — пріѣхали къ Орловымъ и сказали, что будто говорятъ по городу, что Орловыхъ убить хотятъ, а мне свергнуть; а когда я объ томъ ихъ спрашивала отъ кого они такихъ речей слышели, тогда сказали отъ сержанта, а тотъ отъ гранодера, а сей отъ незнакомова дворника“[1]). Хитрово передавалъ своимъ сослуживцамъ одинъ изъ эпизодовъ воцаренія, причемъ не скрылъ, что эпизодъ этотъ, столь непріятный для Екатерины, былъ сообщенъ ему тѣмъ же Алексѣемъ Орловымъ. „Нельзя, чтобы онъ не къ чему нибудь вздумалъ — пишетъ Екатерина — будто я обещала Панину быть правительницею; нельзя статься, чтобъ онъ ложь такую отъ Ал. Гр. Орлова, какъ онъ сказываетъ, слышалъ“[2]). Оказалось, однако, что Хитрово и въ этомъ случаѣ говорилъ правду. Кн. Несвицкой доносилъ, что „Хитрово въ заговоръ привела княгиня Дашкова“; Хитрово свидѣтельствовалъ: „ни о какомъ заговоре я не знаю и съ княгиней Дашковой о той матеріи никогда не говорили“. Дашкова вполнѣ подтвердила ссылку на нее подсудимаго[3]).

Какъ только Екатерина прочла доносъ кн. Несвицкаго,

---

[1]) *Госуд. Архивъ,* VI, 398; *Сборникъ,* VII, 294. Разсказъ о покушеніи на Григорія Орлова въ самомъ дворцѣ ничѣмъ не подтверждается. *Castéra,* II, 42.

[2]) *Ibid.*; *Сборникъ,* VII, 293.

[3]) *Арх. кн. Воронцова,* XXI, 108. Кн. Дашкова только 12 мая родила сына и, конечно, никого не принимала.

она написала, между прочимъ Суворову: „Во всѣмъ ведите верную записку, дабы къ суду по формѣ было можно безъ пристрастія показать"[1]). Кто зналъ Екатерину, не могъ сомнѣваться что дѣло по обвиненію Хитрово будетъ передано суду сената, подобно дѣлу Гурьевыхъ и Хрущевыхъ. Будучи великою княгинею, Екатерина сама осудила комиссію, приговорившую ея друзей въ ссылку и изгнаніе: „Не знаю, но мнѣ кажется — писала Екатерина въ 1758 году — что у меня во всю жизнь будетъ отвращеніе къ назначенію чрезвычайной комиссіи для сужденія виновнаго, особенно если эта комиссія должна оставаться секретною. Почему не предоставить суду дѣла, подлежащаго его вѣдѣнію? Быть *стороною* и назначать еще судей, значитъ опасаться, что и справедливость, и законы противъ тебя. Преступленіе и производство дѣла должны быть оглашены, чтобы общество, всегда судящее безпристрастно, могло распознать правоту"[2]). Въ теоріи это очень вѣрно, очень гуманно, даже очень красиво; но жизнь не теорія. Суворовъ, кн. Волконскій и кн. Черкасскій, составляющіе комиссію, дѣйствуютъ по указаніямъ Екатерины: спрашиваютъ тѣхъ, кого она прикажетъ, спрашиваютъ о томъ, что она напишетъ; а сенатъ? Сенатъ призоветъ Бестужева, допроситъ Алексѣя Орлова, потребуетъ свѣдѣній отъ Панина, и можетъ постановить приговоръ, совершенно противный видамъ третьихъ лицъ. Вопросъ о бракѣ отойдетъ на второй планъ, на первый станетъ эпизодъ о воцареніи, между тѣмъ какъ самое воцареніе ни для кого и ни въ одной своей части не должно даже представляться въ видѣ вопроса. Дѣло камеръ-юнкера Хитрово именно такого рода, что общество, „всегда судящее безпристрастно", не должно знать о немъ.

Дѣло покончили безъ суда, административнымъ порядкомъ. Ѳедоръ Хитрово былъ высланъ въ свою деревню[3]), въ Орловскомъ уѣздѣ, въ село Троицкое, по-

---

1) *Госуд. Архивъ,* VI, 398; *Сборникъ,* VII, 293.

2) *Сборникъ,* VII, 90.

3) Ѳедоръ Хитрово былъ человѣкъ состоятельный. Онъ получилъ отъ отца, вмѣстѣ съ братомъ и сестрою, 387 душъ, въ пяти

жалованное ему за содѣйствіе къ воцаренію Екатерины; Николай Рославлевъ, сообщившій о переговорахъ Панина съ императрицею — въ крѣпость св. Елисаветы[1]).

Екатерина старалась, чтобы не только комиссія, но и самое дѣло Хитрово осталось „въ секретѣ". Въ своихъ письмахъ главному слѣдователю, В. И. Суворову, она рекомендуетъ „поступить осторожно, не тревожа ни городъ и сколь можно никого"; съ членовъ комиссіи, съ кн. Волконскаго и кн. Черкасскаго, приказываетъ „взять словесныя наикрепчайшия обязательствы о не нарушеніе секрета въ сѣмъ имъ повереннымъ дѣлѣ"; повелѣваетъ „освѣдомиться, арестованіе Хитрова тревожитъ-ли любопытныхъ или еще не вѣдаютъ въ городѣ"[2]).

Въ городѣ очень вѣдали. Вся Москва только и говорила объ арестованіи Хитрово, причемъ обвиняли во всемъ Орловыхъ. На другой же день ареста, дѣдъ Хитрово говорилъ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину: „Умилосердитесь, Ваше Сіятельство, что за власть дана Орло-

---

уѣздахъ: а) въ Алексинскомъ, въ селѣ Домнинѣ — 212 душъ; б) въ Епифанскомъ, деревня Хмелева — 60 душъ; в) въ Галицкомъ 60 душъ; д) въ Кинешемскомъ — 25 душъ, и е) въ Московскомъ, въ 30 верстахъ отъ Москвы, деревня Чагалаева — 30 душъ. За 28 іюня ему лично было пожаловано 800 душъ въ двухъ уѣздахъ: а) въ Кашинскомъ, въ Конюшенной слободѣ — 411 душъ и б) въ Орловскомъ, село Троицкое — 389 душъ, въ которое онъ и былъ сосланъ, безъ права выѣзда. Въ 1770 г. онъ прислалъ Екатеринѣ всеподданнѣйшую просьбу освободить его изъ „заключенія" и, въ видѣ милости, „отставить отъ всякой службы". *Госуд. Архивъ*, VI, 398.

[1]) Николай Рославлевъ пишетъ, отъ 12 августа 1763 года, изъ крѣпости св. Елизаветы, Елагину: „Государь мой братецъ Иванъ Перфильевичъ! Если братецъ хочешь помочь бѣднейшему и несчастнѣйшему человѣку, такъ единаго ради человѣколюбія прошу, чтобъ меня отсюда вывесть хотя умереть поближе къ Москвѣ, а я очень боленъ, кровь изъ горла идетъ и съ постели не встаю, лѣчить же некому, худой самый лѣкарь, жена бѣдная также больна да притомъ брюхата" (*Московскій Архивъ* мин. иностр. дѣлъ; *Соловьевъ*, XXV, 375). Такимъ образомъ, Рославлевъ проситъ, какъ милости, того наказанія, которому подвергся Хитрово, главный обвиняемый.

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI, 398; *Сборникъ*, VII, 289, 293.

вымъ, что зачали пропадать камеръ-юнкеры"[1]). Когда дѣло было вполнѣ рѣшено и признанные виновными уже высланы, Екатерина приказала запечатать всѣ бумаги, касающіяся этого дѣла, въ особый конвертъ, на которомъ собственноручно написала: „Не распечатовать безъ докладу"[2]).

Ничто не помогло. Москва не могла спокойно переварить, что „зачали пропадать камеръ-юнкеры". Пошли толки, пересуды, сплетни. Никто не зналъ вины арестованныхъ и каждый сообщалъ свои догадки, предположенія, выдумки. Именно вслѣдствіе тайны, результатъ получился прямо обратный: не только всѣ интересовались дѣломъ, всѣ говорили о немъ, но еще раздували его до крайности, увеличивая число арестованныхъ, присоединяя неудовольствіе гвардіи, будто бы оставляемой въ Москвѣ, приплетая сюда высылку кн. Дашковой, опалу гр. Бестужева и т. п.[3]). Изъ мухи дѣлали слона. Надо было положить этому конецъ. Въ настоящее время, пораженіе кривды достигается довольно легко обнародованіемъ въ газетахъ правды по существу; въ прошломъ вѣкѣ прибѣгли къ оригинальной мѣрѣ, введенной еще Петромъ В. и практиковавшейся уже не разъ въ подобныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ.

4-го іюня, въ разныхъ концахъ Москвы раздался барабанный бой. Народъ бросалъ всѣ свои дѣла и бѣжалъ на знакомый ему призывъ. Барабаны умолкали и секретарь сената читалъ манифестъ „о воспрещеніи непристойныхъ разсужденій и толковъ по дѣламъ, до правительства относящимся"[4]). Между прочимъ, секретарь читалъ:

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 398; *Приложеніе* VI, 5, Б, III.

[2]) Конвертъ съ надписью „Секретное слѣдствие о Федоре Хитрове съ товарыщи" хранится въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 398. Онъ былъ распечатанъ два раза: самою Екатериною, 16 іюля 1790 года, и императоромъ Николаемъ Павловичемъ, 16 ноября 1830 года.

[3]) Депеша *Букингэма*, отъ 17 и 28 іюня 1763 г., въ *Сборникѣ*, XII, 110, 112, 113.

[4]) *П. С. З.*, № 11,843. Екатерина гораздо проще и вѣрнѣе назвала этотъ актъ манифестомъ о молчаніи. 2-го іюня она писала генералъ-прокурору Глѣбову: „Александръ Ивановичъ! Манифестъ

„Желаніе и воля Наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ Нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежали своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему Нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ непринадлежащихъ, не имѣя о томъ прямого свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ, и даже до того попускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что касаются дерзостно своими истолкованіями, не только гражданскимъ правамъ и правительству и Нашимъ издаваемымъ уставамъ, но и самимъ Божественнымъ узаконеніямъ, не воображая знатно себѣ ни мало, какимъ таковыя непристойныя умствованіи подвержены предосужденіямъ и опасностямъ. И хотя таковые зловредные истолкователи праведно заслуживаютъ достойную себѣ казнь, яко спокойствію Нашему и всеобщему вредные: но Мы, прежде употребленія въ семъ случаѣ всей строгости, по природному Нашему человѣколюбію, всѣхъ таковыхъ зараженныхъ неспокойными мыслями, матерински увѣщеваемъ, удалиться отъ всякихъ вредныхъ разсужденій, нарушающихъ покой и тишину, прилежа единственно званію своему, и препровождая время не въ праздности, или невѣжествѣ и буянствѣ, но въ полезныхъ и свойственныхъ каждому упражненіяхъ на пользу свою и ближняго. А если сіе Наше матернее увѣщеваніе и попеченіе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ, и не обратитъ на

о молчаньѣ будутъ-ли публиковать барабаннымъ боемъ или такъ розошлете?“ (*Сборникъ*, VII, 295). Въ протоколахъ сената по этому поводу записано: „Со онаго манифеста напечатанные экземпляры какъ здѣсь въ городѣ во всенародное извѣстіе при барабанномъ боѣ публикованы, такъ и для надлежащаго исполненія во всѣ присутственныя мѣста, равножъ и публикованія въ губерніи и провинціи и городы при указѣхъ разосланы и въ газетахъ какъ русскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ внесть велѣно“ (*Архивъ Сената*, т. 106, л. 427).

путь истиннаго блаженства: то вѣдалъ бы всякъ изъ таковыхъ невѣждей, что Мы поступимъ уже по всей строгости законовъ, и неминуемо преступники почувствуютъ всю тяжесть Нашего гнѣва, яко нарушители тишины и презрители Нашей Высочайшей воли".

Заставитъ-ли замолчать манифестъ о молчаніи? Онъ былъ обнародованъ не только въ Москвѣ, гдѣ всякіе толки имѣли извѣстное основаніе, но во всѣхъ городахъ и уѣздахъ имперіи, гдѣ ничего не слышали и не имѣли никакого понятія ни о Хитрово, ни о чемъ либо подобномъ. Въ провинціи только изъ манифеста узнали, что толки о дѣлахъ государственныхъ и правительственныхъ безпокоютъ императрицу. Этимъ манифестомъ глухіе толки о переворотѣ 28 іюня и о безвременной кончинѣ Петра III получали въ провинціи какъ бы офиціальное подтвержденіе. Конечно, угроза наказанія могла сдержать до извѣстной степени языкъ; но въ то же время тревожила мысль, возбуждала думу. Сама же Екатерина записала объ этомъ времени: „Какъ всегда послѣ переворота столь великаго, умы находились въ сильномъ волненіи"[1]. Успокоитъ-ли умы подобный манифестъ? Можно не говорить; но можно-ли не думать?

Екатерина скоро убѣдилась, что нельзя.

---

[1]) Les esprits étoient comme toujours après un aussi grand événement dans la plus grande fermentation. *Русск. Архивъ*, 1865, 491.

XV.

Въ 1699-мъ году, Петръ Великій посѣтилъ Митаву, проѣхалъ Курляндію, въ Либавскомъ портѣ сѣлъ на корабль и уѣхалъ за-море. Очаровала Петра Курляндія. Понялъ онъ почему и Польша, и Пруссія жадно смотрѣли на прибалтійскій уголокъ. Омываемая моремъ на протяженіи болѣе 300 верстъ, обладающая такими природными гаванями, какъ Либава и Виндава, орошаемая глубокой Двиной, покрытая вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, Курляндія естественно возбуждала въ Петрѣ В. политическій аппетитъ, который онъ старался утолить то ссудою денегъ подъ залогъ герцогскихъ земель, то бракомъ племянницы съ курляндскимъ герцогомъ, и умеръ, бросивъ только мысль о важномъ значеніи Курляндіи для прочности Россіи на Балтійскомъ Морѣ. Мысль Петра I поняла Екатерина II и, сто лѣтъ спустя, за годъ до своей смерти, въ 1795-мъ году, присоединила Курляндію къ Россіи.

Еще за долго до переворота, еще при Елизаветѣ Петровнѣ, Екатерина съ ужасомъ видѣла, какую политическую ошибку допустила ея названная тетка, согласившись признать принца Карла саксонскаго, сына польскаго короля, герцогомъ Курляндіи. Вотъ что писала по этому поводу великая княгиня Екатерина Алексѣевна:

„Во всякомъ дѣлѣ можно избрать только двѣ стороны —быть справедливымъ или несправедливымъ. Обыкновенно корысть склоняетъ къ несправедливости. Въ курляндскомъ дѣлѣ справедливость требовала возвратить дѣтямъ Бирона то, что принадлежитъ имъ по божескимъ и естественнымъ законамъ; если же хотѣли дѣйствовать корыстно, слѣдо-

вало (что было бы несправедливо, сознаюсь) оставить Курляндію по прежнему безъ герцога и, освободивъ ее отъ власти Польши, присоединить къ Россіи. Повѣрятъ-ли, что нашли третій способъ, сдѣлали совершенно безкорыстную несправедливость? Отдали Курляндію принцу Карлу саксонскому! Этимъ только усилили короля польскаго, который стремится уничтожить свободу Польской Республики. Неужели, деспотическій сосѣдъ выгоднѣе для Россіи, чѣмъ счастливая польская анархія, которою мы распоряжаемся? Если ужъ быть несправедливымъ, то, покрайней мѣрѣ, ради собственной выгоды; въ курляндскомъ же дѣлѣ, чѣмъ болѣе я объ немъ думаю, тѣмъ менѣе нахожу здраваго смысла" [1]).

„Присоединить Курляндію къ Россіи" — вотъ завѣтная цѣль Екатерины. То, о чемъ Петръ В. только мечталъ, она ставитъ основной задачей своей политики. Разрѣшеніе этой задачи пришлось надолго отсрочить, благодаря вредной для Россіи политики Петра III.

Назначеніе принца Карла курляндскимъ герцогомъ вызвало неудовольствіе и въ Польской Республикѣ, и въ Герцогствѣ Курляндскомъ.

Принцъ Карлъ, какъ католикъ, не имѣлъ права занимать герцогскій стулъ — по основнымъ законамъ Курляндіи, герцогъ долженъ быть протестантскаго, точнѣе аугсбургскаго исповѣданія. Курляндское рыцарство избрало его, вслѣдствіе заявленія русскаго правительства, что въ случаѣ избранія принца Карла будутъ сложены съ герцогскихъ имѣній всѣ прежніе начеты. Задолженность Курляндіи, ея матерьяльная зависимость отъ Россіи, заставила многихъ высказаться за принца Карла, но далеко не всѣхъ, что ясно обнаружилось при составленіи „договорныхъ статей", тѣхъ pacta conventa, которыми обусловливалось его избраніе. Этими „договорными статьями" курляндцы обязывали принца-католика не строить въ герцогствѣ ни костеловъ, ни каплицъ, недозволять католическому духовенству публичныхъ процессій, наконецъ, воспитать наслѣдника въ аугсбургскомъ исповѣданіи; избраніе принца

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 91.

Карла освобождало отъ секвестра государственныя имѣнія Курляндіи, но „договорныя статьи“ воспрещали принцу распоряжаться этими имѣніями: онъ не могъ отдавать ихъ въ аренду по своему усмотрѣнію; ему воспрещалось покупать земли въ Курляндіи даже у частныхъ лицъ. Условія договора были крайне стѣснительны, тяжелы, почти невозможны: принцъ медлилъ подписывать подобныя условія, курляндцы отказывались присягать ему.

Усиленіе саксонской династіи вовсе не было въ интересахъ польскаго правительства. По конституціи Рѣчи Посполитой, польскій король и польское правительство представляли двѣ разныя величины, нерѣдко даже враждебныя. Что саксонскій курфюрстъ, отецъ принца Карла, былъ въ то же время королемъ польскимъ — это была случайность, далеко не всѣми поляками признаваемая счастливою. Польскій сенатъ высказался противъ избранія сына польскаго короля герцогомъ Курляндіи, и литовскій канцлеръ, князь Чарторыйскій, отказался приложить печать къ диплому принца Карла на герцогское достоинство, безъ чего этотъ дипломъ не имѣлъ законной силы.

Четыре года, съ 1758 по 1762 годъ, принцъ Карлъ числился, но не былъ герцогомъ курляндскимъ: онъ не подписывалъ pacta conventa, курляндцы не присягали ему. Съ восшествіемъ на престолъ Петра III русская политика въ Курляндіи рѣзко измѣнилась. Русскій посланникъ въ Митавѣ, К. М. Симолинъ, которому при Елизаветѣ Петровнѣ предписывалось „поддерживать принца Карла саксонскаго и курляндское рыцарство къ его власти преклонять“, получилъ теперь изъ Петербурга министерскій рескриптъ, въ которомъ буквально сказано: „Объявите митавскому правительству, земству и обще всѣмъ и каждому сообщите, что мы никогда допустить не можемъ, чтобъ принцъ католической вѣры владѣлъ герцогскимъ титуломъ въ противность фундаментальныхъ земскихъ уставовъ“ [1]). Что же мы „можемъ допустить“? Кому хотимъ предоставить герцогскій стулъ Курляндіи?

Приговоромъ 8 апрѣля 1741 года, „бывшаго регента“

---

[1]) *Москов. Архивъ*, мин. иностр. дѣлъ, Курлянд. дѣла 1762 г.

Бирона постановлено было „казнить смертію, четвертовать, и все его движимое и недвижимое имѣніе конфисковать“[1]). Регентъ Россійской Имперіи былъ въ то же время герцогомъ Курляндіи; еслибъ казнили регента, исчезъ бы и герцогъ. Но приговоръ былъ смягченъ: регента сослали въ Сибирь, и Биронъ, въ Пелымѣ и Ярославлѣ, сохранялъ свои права герцога Курляндіи, которыхъ онъ лишенъ не былъ. Въ 1742 году, Елизавета Петровна освободила Бирона изъ Сибири и дозволила жить въ Ярославлѣ; въ 1762 году, Петръ III вызвалъ его въ Петербургъ, куда онъ явился какъ герцогъ курляндскій. Бирона, однако, въ Митаву не пустили, а предложили ему уступить свои права на Курляндію принцу Георгу-Людвигу голштинскому, „Нашему возлюбленному Дядѣ“. Предложеніе равнялось приказу, и Биронъ согласился промѣнять герцогскую корону, которой у него не было, на возвращеніе ему всѣхъ его частныхъ имѣній и сложеніе всѣхъ числившихся на немъ начетовъ. Такимъ образомъ, кандидатомъ русскаго правительства на герцогскій стулъ въ Курляндіи являлся принцъ Георгъ голштинскій.

Этого мало. Любимецъ императора генералъ-адъютантъ Гудовичъ долженъ былъ ѣхать въ Митаву, чтобъ приготовить курляндцевъ къ принятію этого русскаго кандидата. Въ инструкціи, Гудовичу предписывалось разъяснить курляндцамъ, что принцъ Карлъ, какъ католикъ, не можетъ быть герцогомъ курляндскимъ, тѣмъ болѣе, что „единственно законный“ ихъ герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ, т. е. Биронъ, получилъ полную свободу и долженъ вступить въ свои права; наиболѣе „благонамѣренным“ курляндцамъ Гудовичъ могъ открыть, что Биронъ уступилъ свои права на Курляндію принцу Георгу. При этомъ въ инструкціи было прибавлено: „Если усмотрите вы какое либо между курляндцами со стороны Польскаго двора и Республики опасеніе, то можете всѣхъ и каждаго нашею и *короля прусскаго протекціею* сильно обнадеживать, а въ случаѣ надобности, и формально сіе обнадеженіе дать; но

---

[1]) *Чтенія*, 1862, I, 39.

за верхъ вашего искусства и всѣхъ услугъ постановили бы мы, еслибъ вы предуспѣли до того довести, чтобы княжества Курляндское и Семигальское, яко вольныя и отъ Польши только зависящія, а впрочемъ ни защищенія, ни правосудія, ниже малѣйшей помощи никогда не имѣющія, отдали себя и съ своимъ герцогомъ въ нашу протекцію *подъ гарантіею его величества короля Прусскаго,* а кондиціи могутъ себѣ выговорить, какія сами пожелаютъ“ [1]).

Такимъ образомъ, освобождая Курляндію изъ подъ зависимости отъ Польши, которая, по своей слабости, „ни защищенія, ни правосудія, ни помощи“ оказывать не могла, Петръ III отдавалъ Курляндію подъ протекцію и гарантію Пруссіи, создавая Россіи въ будущемъ еще болѣе серьезныя затрудненія, которыя легко опредѣляются: они были бы настолько же серьезнѣе, насколько созидающаяся Пруссія сильнѣе распадающейся Польши. Протестантъ, генералъ прусской службы, принцъ Георгъ голштинскій, какъ герцогъ Курляндіи, конечно, тянулъ бы къ Пруссіи, не къ Россіи. Пруссія не Польша: прусскій король съумѣлъ бы оказать герцогству „защищеніе, правосудіе и помощь“ противъ притязаній Россіи. Опираясь на русско-прусскій союзный трактатъ 8-го іюня 1762 года[2]), Пруссіи

---

[1]) *Москов. Архивъ,* мин. иностр. дѣлъ; Курляндскія дѣла 1762 г.; инструкція отъ 2-го мая № 16, л. 82.

[2]) *П. С. З.,* № 11566. Здѣсь секретные пункты не напечатаны. Приводимъ сокретный пунктъ, касающійся Курляндіи: „Понеже какъ его императорскому величеству Всероссійскому, такъ и его королевскому величеству Прусскому соблюденіе сосѣднихъ княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго нужно, и чтобъ оныя всегда и во всякія времена при ихъ древней формѣ, уставѣ, вольностяхъ и привиллегіяхъ по дѣламъ свѣтскимъ и религіи подъ ихъ собственнымъ герцогомъ, въ силу договоровъ подверженія коронѣ Польской и съ предоставленіемъ королевскаго и республики польской права, ненарушимы оставлены и содержимы были; такожъ чтобъ въ противность сему никакой перемѣны въ состояніи сихъ княжествъ и что сосѣднимъ державамъ въ предосужденіе быть моглобъ, никогда предвоспріято не было: того ради обои императорское и королевское величества между собою чрезъ сіе обязались о такомъ соблюденіи помянутыхъ княжествъ обще стараться и оныя при ихъ издревле установленныхъ правахъ и вольностяхъ во всѣхъ случаяхъ защищать и содержать. А какъ его королевское высочество Сак-

было бы весьма легко образовать въ Курляндіи центръ прусскихъ притязаній на всѣ Остзейскія Провинціи, даже на Лифляндію и Эстляндію. Въ этомъ случаѣ Петръ III являлся, дѣйствительно, „злодѣемъ" Россіи[1]).

сонскій принцъ Карлъ отрекся ратификовать заключенные съ чинами княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго договоры, почему сихъ княжествъ старая форма, уставъ, вольности и привиллегіи по дѣламъ свѣтскимъ и религіи надежности не имѣютъ, и по которому помянутаго его королевскаго высочества отрицанію его свѣтлость Курляндскій герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ прежнія свои права на означенныя княжества получилъ; но въ разсужденіи оказанныхъ его свѣтлости и всей его фамиліи великихъ отъ его императорскаго величества Всероссійскаго милостей, и изъ признанія за оныя, его свѣтлость за себя и своихъ потомковъ совершенно отрекся отъ всѣхъ на Курляндское и Семигальское герцогства правостей и совсѣмъ отъ оныхъ отказался въ пользу его высочества Голштейнъ-Готорпскаго герцога Георгія Людовика и его наслѣдниковъ, по избранію его высочества Курляндскими чинами въ ихъ герцоги: то его императорское величество Всероссійское, равно какъ и его королевское величество Прусское, по желанію своему, его императорскому высочеству Голштинскому во всемъ по возможности снисхожденіе показывать согласились и обязались не только дѣйствительному избранію въ герцоги Курляндскіе и Семигальскіе помянутаго его высочества не препятствовать, но еще всякимъ образомъ въ томъ способствовать; а особливо скорому и дѣйствительному доставленію отъ республики Польской инвеституры на оное избраніе его высочества обще и всѣми силами поспѣшествовать. Сверхъ же того его императорское величество объявляетъ, что немедленно учинитъ распоряженіе, чтобъ помянутый герцогъ Эрнстъ-Іоганъ обратно получить могъ во владѣніе свое купленное имъ напредь сего гершафство Вартенбергъ". *Москов. Архивъ*, мин. иностр. дѣлъ; Курлянд. дѣла 1762 г., № 32, л. 5; *Мартенсъ*, V, 403.

[1]) Спеціально излѣдовавъ „Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III", авторъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Политика наша по Курляндскому вопросу въ кратковременное царствованіе Петра III должна была привести или въ нравственному подчиненію прибалтійскаго края Пруссіи, или къ образованію изъ него отдѣльнаго нѣмецкаго владѣнія". *Щебальскій*, 304. Такой результатъ курляндской политики Петра III А. *Мосоловъ* признаетъ „несомнѣннымъ" и прибавляетъ: „Мудрости и постоянству Екатерины, умѣвшей отклонить алчные взоры Фридриха II на польскія земли, мы обязаны тѣмъ, что во-время предупредили Пруссію и, съ присоединеніемъ Курляндіи, пріобрѣли на Балтійскомъ морѣ тотъ перевѣсъ, который это маленькое герцогство должно было дать тому

По счастью, союза и обороны трактатъ, подписанный 8-го іюня гр. Воронцовымъ и бар. Гольцомъ, не былъ ратификованъ за низложеніемъ Петра III. Тотчасъ по воцареніи, Екатерина приказала коллегіи иностранныхъ дѣлъ „ратификаціи не размѣнивать“[1]). На пятый же день послѣ переворота, 2-го іюля, коллегія докладывала Екатеринѣ: „Въ Митавѣ министру Симолину велѣно на всѣ герцогскіе доходы положить арестъ, всѣмъ принца Карла учрежденіямъ супротивляться и курляндцевъ противъ него раздражать, а склонять въ пользу принца Георга, которому уступилъ Биронъ всѣ свои правости формальнымъ отрицаніемъ, получая за то себѣ въ замѣну обнадеживаніе о другихъ выгодахъ. По сему указу учинены уже въ Курляндіи Симолинымъ первые поступки и дѣла приведены въ немалое смущеніе подъ предлогомъ возстановленія Бирона, котораго имя по сю пору одно употребляется. Испрашивается резолюція какъ поступать далѣе?“ Екатерина положила такую резолюцію: „Симолину отступить отъ прежнихъ инструкцій и подъ рукою фаворизировать болѣе партію Бирона нежели другихъ“[2]).

Задача не особенно трудная: Бирона не любили въ Россіи, но въ Курляндіи онъ оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія. „Фаворизовать“, поэтому, легко; гораздо труднѣе, по мѣткому выраженію Панина, „выбить изъ Митавы принца Карла и утвердить Бирона“[3]).

Въ 1739 году, Биронъ былъ избранъ и утвержденъ герцогомъ Курляндскимъ Эрнстомъ-Іоганномъ: онъ получилъ королевскій дипломъ отъ своего сюзерена, польскаго короля; назначенные Польскою Республикою комиссары согласились съ нимъ относительно феодальныхъ условій; онъ получилъ обычную инвеституру, дипломъ на которую снабженъ обѣими печатями, коронною, Рѣчи Посполитой, и великаго княжества Литовскаго. Когда Биронъ, какъ

изъ двухъ могучихъ своихъ сосѣдей, который прежде въ немъ утвердится“. Курляндія подъ управленіемъ Екатерины Великой, 1795 годъ, въ *Русск. Вѣстникѣ*, LXXXVII, 39.

[1]) См. выше, стр. 101.

[2]) См. выше, стр. 102.

[3]) *Госуд. Архивъ*, XI, 567; *Сборникъ*, XLVIII, 415.

регентъ Россійской Имперіи, былъ сосланъ въ Пелымъ, потомъ въ Ярославль, польскій дворъ не разъ домогался, чтобъ онъ былъ возвращенъ, признавая въ немъ герцога Курляндскаго[1]), заявляя, что онъ былъ обвиненъ, какъ состоявшій на службѣ Россіи, не какъ владѣтель польскаго лена. На ходатайства Курляндіи и Польши о его возвращеніи изъ ссылки, Елизавета Петровна „Формально объявить повелѣла, что для важныхъ государственныхъ причинъ, герцога Бирона и его фамилію иногда изъ Россіи выпустить не можно"[2]). Титулуя его „герцогомъ", русское правительство какъ бы признавало, что Биронъ и въ ссылкѣ сохранилъ свои права на герцогство Курляндію, но живя въ Ярославлѣ, не могъ ими пользоваться[3]). Въ такомъ положеніи оставался вопросъ до 1758 года, когда „самъ русскій дворъ рекомендовалъ на мѣсто Бирона принца Карла саксонскаго и торжественнымъ актомъ призналъ Карла герцогомъ курляндскимъ"[4]). Карлъ не сошелся съ курляндцами; тѣмъ не менѣе, Карлъ жилъ въ Митавѣ, въ герцогскомъ замкѣ, и его предстоитъ еще „выбить изъ Митавы", прежде чѣмъ „утвердить" тамъ Бирона.

Не признавали курляндцы Карла своимъ герцогомъ, не могла его признать и Екатерина. Ей онъ совсѣмъ не

---

[1]) Такъ, между прочимъ, въ опредѣленіи сенатусъ-консиліума, въ 1750 году, сказано: королевское величество, принявъ во уваженіе сенаторскія прошенія, а притомъ и по своему доброжелательству къ пресвѣтлѣйшему принцу Эрнсту курляндскому и семигальскому князю, имѣетъ представить россійскому двору, чтобъ дана ему была свобода". *Сборникъ*, XLIII, 430. Такихъ ходатайствъ было нѣсколько не только со стороны польскаго двора, но и отъ курляндскихъ чиновъ, которые посылали даже въ Петербургъ, въ 1754-мъ году, своего депутата фонъ Гейкинга. *Richter*, V, 147; *Cruse*, II, 27.

[2]) *Сборникъ*, XLVIII, 167.

[3]) Ernst Johann hatte nicht als Herzog gegen seinen Oberlehnsherrn, sondern höchstens als russischer Beamter gegen Russland gefehlt. Seine Verbannung nach Sibirien beraubte ihn daher auch nicht der herzoglichen Würde, sondern machte ihm nur die persönliche Führung der Regierung unmöglich. *Richter*, V, 140.

[4]) Мнѣніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ по этому „завязчивому" дѣлу. *Сборникъ*, XLVIII, 167.

ко двору — сынъ польскаго короля на курляндскомъ тронѣ можетъ только создать ей затрудненія и относительно Польши, и относительно Курляндіи. „Должно, конечно, признать за неоспоримую истину — сказано въ докладѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ — что гораздо сходнѣе съ здѣшними интересами имѣть въ толь близкомъ съ Россіею сосѣдствѣ герцога ни собственною особою его весьма знатнаго, ни свойствомъ къ великимъ дворамъ привязаннаго, но по состоянію своему зависящаго наипаче отъ здѣшней стороны“[1]). Такимъ именно и былъ Биронъ.

4-го августа 1762 года императрица выдала Бирону „жалованной и уступной актъ“, которымъ обязалась „способствовать возстановленію его во владѣніи взятыхъ у него герцогствъ курляндскаго и семигальскаго“, вслѣдствіе чего освобождала изъ подъ секвестра и возвращала Бирону всѣ аллодіальныя его маетности. Въ тотъ же день Биронъ подписалъ особый актъ, которымъ обязался:

а) „дозволить свободное и безпрепятственное отправленіе греко-россійской вѣры въ Митавѣ и защищать имѣющіеся въ княжествахъ греческіе монастыри, церкви и духовенство;

б) „россійскимъ купцамъ ни малаго затрудненія не чинить, ниже какихъ пошлинъ брать, но оказывать всякую благосклонность и вспоможеніе;

в) „россійскую почту, которая напредь сего изъ Риги чрезъ Митаву въ Мемель ходила, установить по прежнему;

г) „никакого участія ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ съ непріятелями россійской имперіи не принимать, хлѣбъ и прочія произращенія въ тѣ гавани и мѣста, кои съ россійскою имперіею не въ дружбѣ не вывозить; россійскіе магазейны заводимые по востребованію обстоятельствъ дозволить;

д) „россійскимъ войскамъ проходъ имѣть свободной и безпрепятственной; если нужда востребуетъ россійскимъ полкамъ давать квартиры;

е) „россійскимъ галерамъ и прочимъ судамъ въ кур-

---

[1]) *Сборникъ*, XLVIII, 166.

ляндскіе гавани свободно и безпрепятственно входить и все имъ необходимое давать, и

ж) „розданныя въ княжествахъ аренды сохранить и оказывать уваженіе къ тѣмъ, которые отъ россійскаго двора къ полученію арендъ и впредь рекомендованы будутъ“ [1]).

До времени, Екатерина удовольствовалась этими выгодами и имѣла, конечно, формальное право писать одному изъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ по курляндскимъ дѣламъ [2]), графу Кейзерлингу: „Мои намѣренія

---

[1]) *Москов. Архивъ,* мин. иностр. дѣлъ; Курляндскія дѣла 1762 г., № 1 и 2; *Сборникъ,* XLVIII, 52 sqq.

[2]) Депеша *Прассе,* отъ 10 августа 1762 г., въ *Дрезден. Архивѣ,* vol. VII, ad № 66. Екатерина относилась съ большимъ уваженіемъ къ гр. Кейзерлингу и высоко цѣнила его знанія и опытность. Съ нимъ она была весьма откровенна и нерѣдко обращалась къ нему за совѣтомъ. Je vous fait cette lettre — пишетъ она — pour savoir votre avis, причемъ прибавляетъ: Je vous dirai tout net que mon but est d'être liés d'amitié avec toutes les puissances et même jusqu'à la defensive, afin, de pouvoir toujours me ranger du côté du plus oppressé et être par là l'Arbitre de l'Europe; je vous prie de me dire si je me trompe et cela très librement (*Соловьевъ,* XXV, 361, прилож. 7; ср. также *Сборникъ,* XLVIII, 177). Въ курляндскомъ вопросѣ гр. Кейзерлингъ игралъ видную роль (*Сборникъ,* XLVIII, 123, 273, 280 и др.), не только какъ русскій посолъ въ Варшавѣ; но Прассе ошибается, приписывая все Кейзерлингу. Въ возстановленіи Бирона принималъ большое участіе и гр. Бестужевъ-Рюминъ, нѣкогда привлеченный къ отвѣту вмѣстѣ съ Бирономъ (*Чтенія,* 1862, I, 78). Въ депешѣ гр. *Букингэма,* отъ 6 августа 1762 г., сказано: The Duke of Courland told me the other day, in great confidence, that he had assurances both from the Empress and Bestucheff, that he should be reinstated in his Duchy (*Сборникъ,* XII, 35). Бестужева, какъ главнаго сторонника Бирона, выставляетъ и Ярославцевъ, въ письмѣ отъ 27 февраля 1763 хода: „Какъ скоро графъ Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ, такъ скоро дѣла на его сторону обратились и вскорѣ тому конецъ увидѣли“ (*Архивъ св. Синода,* Секретн. дѣла, № 119; *День,* 1864, № 39). Незадолго до коронаціи, 16 сентября 1762 года, Екатерина утвердила мнѣніе по курляндскимъ дѣламъ, совмѣстно поданное гр. Бестужевымъ и гр. Кейзерлингомъ (*Сборникъ,* XLVIII, 123). Сохранилась записочка Екатерины отъ 12 августа 1762 года: „Батюшка Алексѣй Петровичъ! Дайте знать герцогу курляндскому, „что сегодня я не могу его видѣть: у меня немного горло болитъ „и насморкъ и думою не выходить, чтобы не болѣе простудиться“

весьма далеки отъ того, чтобъ захватить Курляндію, и я вовсе не склонна къ завоеваніямъ. У меня довольно народовъ, которыхъ я обязана сдѣлать счастливыми, и этотъ маленькій уголокъ земли не прибавитъ ничего къ ихъ счастію, которое я поставила себѣ цѣлью. Но взявшись за дѣло правое и потому славное, я буду поддерживать его со всею твердостью, какою Богъ надѣлилъ меня"[1]). Даже лица, нерасположенныя ни къ Россіи, ни тѣмъ менѣе къ Екатеринѣ, признавали, что въ курляндскомъ дѣлѣ „императрица думала основать свои дѣйствія на соображеніяхъ справедливости и правосудія"[2]).

(*Сборникъ,* VII, 136). Подобныя отношенія свидѣтельствуютъ о близости Бирона къ Бестужеву. Именно отъ Бестужева Екатерина требуетъ увѣдомленія „до коихъ поръ дѣла герцога Курляндскаго пришли въ совершенство" (*Ibid.,* 138), изъ чего можно бы заключить, сверхъ того, что курляндское дѣло было поручено преимущественно гр. Бестужеву. Бирона и Бестужева связывала личная пріязнь. Въ письмѣ изъ ссылки, отъ 16-го іюня 1743 года, Биронъ пишетъ Бестужеву: „Я ваше сіятельство, а вы меня знаете" (*Русск. Архивъ,* 1867, 472). Въ *Москов. Архивѣ* мин. иностр. дѣлъ хранится письмо Бестужева къ Екатеринѣ, отъ 20-го увгуста 1762 г., въ которомъ онъ проситъ „о всемилостивѣйшемъ пожалованіи герцогинѣ ордена св. Екатерины для кредиту герцогу у короля и республики польской" (*Соловьевъ,* XXV, 373), и черезъ два дня, 22-го августа, когда Биронъ и его семья откланивались передъ отъѣздомъ въ Курляндію, Екатерина надѣла на герцогиню екатерининскую ленту (*С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1762 г., № 70, отъ 30 августа). Въ депешѣ *Бретэля,* отъ 28 октября 1762 года, сказано: M-r Bestucheff est absolument dévoué à Biron (*Парижс. Архивъ,* Russie, vol. 71, № 22; Приложенія, II, 8).

[1]) *Госуд. Архивъ,* V, 104; *Сборникъ,* XLVIII, 293.

[2]) Письмо маркиза *де-Польми* Бретэлю, отъ 19 октября 1762 г.: Dans l'affaire de Courlande, quelqu'en soit l'issue, on pourra dire, que l'Impèratrice a cru fonder sa conduite sur des raisons d'équité, de justice et memes de formes, du moins a-t-on pu lui presenter ainsi la cause de Biron (*Дрезден. Архивъ,* vol. VII, прилож. къ рескрипту гр. Брюля къ Прассе отъ 20 октября). Письмо Польми было перехвачено и копія его хранится въ Государственномъ Архивѣ; оно напечатано въ *Сборникѣ,* XLVIII, 178, но прочитано невѣрно. На стр. 179-й, фраза: J'aurais bien voulu, Monsieur, vous épargner *la perte* d'un paquet etc. лишена смысла; предполагая здѣсь пропускъ цѣлой строки: la perte *du temps nécessaire pour l'étude* d'un paquet, переводчикъ такъ передалъ это мѣсто по русски: „Я очень желалъ бы из-

Герцогскій стулъ Курляндіи занятъ, однако, принцомъ Карломъ саксонскимъ. Отдавая этотъ стулъ Бирону, предложили принцу Карлу удалиться изъ Митавы. Карлъ не удалялся. Началась усиленная переписка съ Симолинымъ въ Митавѣ, съ Броуномъ въ Ригѣ, съ Ржичевскимъ въ Варшавѣ. Екатерина твердо стояла на своемъ рѣшеніи, торжественно всюду заявляя, что „мы не можемъ его свѣтлость Эрнста Іоганна инако признавать какъ дѣйствительнымъ герцогомъ курляндскимъ и семигальскимъ, потому что хотя и настояли такіе статскіе резоны, для которыхъ онъ въ удаленіи содержанъ былъ, однако не могли оные лишить его права на владѣніе, которое ему отъ республики и самого короля польскаго торжественно дано и подтверждено было и которое не могло инако какъ въ цѣлости оставаться не смотря на то, что не имѣлъ онъ способовъ пользованія онымъ“[1]). Согласно этому рѣшенію, Симолину предписывалось въ Митавѣ „какъ тамошнему правительству, такъ и всему рыцарству и земству объявить пристойнымъ образомъ“, что онъ акредитованъ уже не при Карлѣ, а „при старомъ ихъ герцогѣ Эрнстѣ-Іоганнѣ“[2]). Считая такое свое рѣшеніе безусловно справедливымъ, Екатерина все-таки сознавала, что польскій король Августъ III, „яко отецъ, не можетъ, однакоже, не

бавить васъ отъ потери времени необходимаго для ознакомленія съ большимъ письмомъ и слѣдующими къ нему двумя копіями, которыя вы, быть можетъ, могли бы получить и въ Москвѣ“, отчего смысла вовсе не прибавилось, такъ какъ и въ Москвѣ добытые документы требуютъ „времени необходимаго для ознакомленія“. Все, однако, объясняется неумѣлымъ чтеніемъ французскаго текста: въ указанной фразѣ вм. *la perte* читается *le port*, т. е. почтовыя издержки, Postgeld. Посылая это перехваченное письмо гр. Кейзерлингу въ Варшаву, Екатерина писала ему, между прочимъ: Vous ferez de cette lettre tous les usages que vous jugerez à propos (*Сборникъ*, XLVIII, 177). Фраза эта изъ русскаго перевода исключена.

[1]) Рескриптъ резиденту Ржичевскому въ Варшаву, отъ 19 сентября 1762 года, въ *Сборникѣ* XLVIII, 131. Въ рескриптѣ сказано: „О такомъ нашемъ соизволеніи увѣдомляемъ мы васъ нынѣ для того, чтобъ вы при настояніи случая мнѣнія наши прямо изъяснить могли“.

[2]) Рескриптъ министру Симолину въ Митавѣ, отъ 17 октября 1762 г., въ *Сборникѣ*, XLVIII, 155.

возчувствовать прискорбности"[1]), видя, какъ его сына ссаживаютъ съ трона.

Августъ возчувствовалъ, и протестовалъ противъ „курляндскихъ претензій" Екатерины, но встрѣтилъ упрямый отпоръ. Какъ сюзеренъ польскаго лена, онъ требовалъ, чтобъ Биронъ, какъ вассалъ, представилъ непосредственно ему свои притязанія — на это требованіе вовсе не послѣдовало отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что бумага была составлена въ куръ-саксонскомъ министерствѣ, которому Курляндія не была подвѣдомственна, а не въ польскомъ, какъ бы слѣдовало. Какъ польскій король, онъ созвалъ польскій сеймъ, наиболѣе компетентнаго судію въ курляндской тяжбѣ — Екатерина предписала сорвать сеймъ „во что бы оное ни стало", и сеймъ былъ сорванъ[2]). Августъ III созвалъ сенатъ и министровъ, предполагая получить *senatus consilium* въ пользу своего сына Карла — сторонникъ Россіи, князь М. Чарторыйскій, великій канцлеръ литовскій, подалъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что принцъ Карлъ противузаконно былъ сдѣланъ герцогомъ Курляндіи[3]).

Екатерина дѣйствовала твердо, послѣдовательно, энергично. Принцъ Карлъ предполагалъ лично ѣхать въ Петербургъ подъ предлогомъ поздравленія Екатерины съ

---

[1]) *Ibid.*, 82, въ рескриптѣ Ржичевскому, отъ 19 августа 1762 г.

[2]) Рескриптомъ отъ 29-го августа 1762 года Ржичевскому предписывается разорвать сеймъ, чего бы это ни стоило, „однакоже подъ приличнымъ претекстомъ, до насъ совсѣмъ не касающимся" (*Сборникъ*, XLVIII, 100). Такъ какъ польскому сейму принадлежалъ рѣшающій голосъ въ вопросѣ о Курляндіи, польскомъ ленѣ, то вѣсть о разорваніи сейма была съ удовольствіемъ принята въ Петербургѣ: Je ne dois pas négliger de vous informer de l'impatience marquée avec laquelle l'on attend cette dernière nouvelle de la rupture de la Diète Polonaise... Les ministres îcy viennent de recevoir la nouvelle importante que à Varsovie la Diette de Pologne est rompue. Tout le monde en paroît fort satisfait. Депеша *Бретэля*, отъ 28 октября 1762 года, въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 71, № 22. Приложенія, II, 8.

[3]) Мнѣніе кн. Михаила Чарторыйскаго очаровало Екатерину и она собственноручно написала на полученномъ отъ гр. Кейзерлинга переводѣ: „Напечатать въ здѣшнія и петербургскія газеты" (*Сборникъ*, XLVIII, 428). Дворъ находился въ то время въ Москвѣ.

восшествіемъ на престолъ — ему дано было знать, чтобъ не трудился ѣхать „не вѣдая напередъ, пріятно ли будетъ намъ присутствіе его здѣсь“[1]); пріѣхалъ изъ Варшавы для переговоровъ лифляндскій каммергеръ Борхъ — ему велѣно было въ 48 часовъ выѣхать изъ Москвы[2]); принцъ Карлъ напечаталъ брошюру „Mémoire sur les affaires de Courlande“ — Екатерина приказала публично сжечь ее въ Митавѣ и въ Ригѣ[3]).

22-го августа 1762 года Биронъ, въ публичной аудіенціи, благодарилъ Екатерину за всѣ ея милости[4]), и 23-го выѣхалъ въ Ригу, со всею своею семьею, съ герцогинею и двумя сыновьями, принцами Петромъ и Карломъ[5]).

---

1) *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 405; *Сборникъ*, XLVIII, 35.

2) „Я повелѣваю ему въ сорокъ восемь часовъ отселѣ выѣхать, въ противномъ случаѣ прикажу его выпроводить“, писала Екатерина канцлеру. Борху была сдѣлана déclaration verbale, въ которой, между прочимъ, значилось: L'Impératrice veut que M-r de Borch part de cette résidence dans le terme de deux fois 24 heures (*Сборникъ*, XLVIII, 398, 400).

3) Резолюція на депешѣ Симолина: „Оной Mémoire надлежитъ „публично сжечь въ Митавѣ и въ Ригѣ, какъ оскорбительной „мнѣ, республикѣ польской и герцогу курляндскому“ (*Сборникъ*, „XLVIII, 388).

4) Стоя на колѣняхъ, Биронъ говорилъ въ своей рѣчи, между прочимъ: „Ваше императорское величество изволили вдругъ прервать узы, бывшей донынѣ столь тяжкой судьбины моей; Вы освобождаете тѣхъ, кои не Вами лишены были вольности; Вы обрадовали тѣхъ, кои Вами никогда опечалены не были; Вы же здѣлали благополучными тѣхъ, коихъ безсчастіе Вамъ завсегда прискорбно было“ (*С.Петербургскія Вѣдомости* за 1762 г., № 70, отъ 30 августа). Биронъ не могъ забыть, что былъ освобожденъ Петромъ III, а не Екатериной; между тѣмъ, въ очень небольшой рѣчи два раза упоминается о дарованіи ему свободы именно Екатериною. Кажется, Биронъ только произнесъ рѣчь, не имъ составленную.

5) Въ 1768 году, принцъ Карлъ курляндскій, арестованный въ Парижѣ по повелѣнію французскаго короля Людовика XV, былъ заключенъ въ Бастилію. При его заарестованіи полицейскимъ офицеромъ Бюго и при допросѣ министромъ полиціи де-Сартиномъ, принцъ Карлъ силился доказать, что принималъ участіе въ переворотѣ 28-го іюня 1762 года. При заарестованіи, „онъ настаивалъ на томъ, чтобъ ему дозволено было изъ портфеля, къ которому комиссаръ приложилъ свою печать, вынуть какой-то маленькій пакетъ съ бѣлымъ порошкомъ, увѣряя, что это лѣкарство. Но Бюго воспротивился этому, такъ какъ было извѣстно, что принцъ имѣлъ

Пребываніе Бирона въ Ригѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Митавы, не двигало вопроса: курляндское дворянство

при себѣ секретный порошокъ, посредствомъ котораго возможно было выводить писанное чернилами и склеивать разорванные или разрѣзанные клочки бумаги, что было доказано имъ на дѣлѣ въ присутствіи царствующей императрицы Россійской, которая оставила у себя коробку съ этимъ порошкомъ". Въ протоколѣ допроса, произведеннаго де-Сартиномъ, записано, между прочимъ: „Тайну приготовленія чернильнаго состава, который совершенно исчезалъ на бумагѣ, принцъ Курляндскій получилъ отъ нѣкотораго итальянца Казановы. Слѣдующій довольно интересный анекдотъ заслуживаетъ вниманія. Изъ него видно, что Россійская Императрица если только она узнала о настоящей причинѣ задержанія принца Карла-Эрнста Курляндскаго, не могла быть очень удивлена, потому что она сама, при весьма критическихъ обстоятельствахъ, съ успѣхомъ воспользовалась опасными талантами этого сына державнаго отца. Государыня эта, при жизни своего супруга, покойнаго Петра III, имѣла при его дворѣ, во время пребыванія онаго въ Ораніенбаумѣ, преданныхъ себѣ людей, которые въ точности доносили ей о всемъ томъ, что тамъ происходило. Поэтому она была своевременно извѣщена, что нѣкоторому офицеру, коего примѣты ей сообщались, удалось доставить въ руки императора анонимное письмо, полученное изъ Петербурга и предупреждавшее государя о составившемся противъ него заговорѣ. Послѣ столь важнаго для императрицы предостереженія, она велѣла слѣдить за означеннымъ офицеромъ, и нѣсколько дней спустя обнаружилось, что ему поручена передача новаго письма на имя императора. Офицеръ вмѣстѣ съ находившимися при немъ депешами былъ схваченъ на дорогѣ; депеши были задержаны въ продолженіе только нѣсколькихъ часовъ, и тутъ-то императрица воспользовалась опаснымъ искуствомъ Курляндскаго принца. Онъ, будучи посвященъ въ тайну готовившагося предпріятія, вскрылъ перехваченное письмо, не дотрогиваясь до печати. Вотъ какъ принцъ объяснилъ это: онъ разрѣзалъ ножемъ одинъ край конверта; за симъ письмо было вынуто и замѣнено другимъ, написаннымъ въ выраженіяхъ, долженствовавшихъ отклонить ту опасность, которая угрожала имъ всѣмъ неминуемою погибелью. Поддѣлка почерка, исполненная принцемъ, и изумительное искусство, съ которымъ онъ съумѣлъ, посредствомъ бѣлаго порошка и легкаго тренія на столѣ, снова соединить разрѣзанныя части конверта, заслужили ему благодарность и похвалы со стороны императрицы. Въ виду подобнаго результата императрица не хотѣла, чтобъ остатокъ порошка попалъ въ чужія руки" (*Journal* des révolutions de l'Europe, X, 139 et 143; Merkwürdige in dem *Archive der Bastille* gefundene Inquisitions-Akten, Protokolle und andere wichtige Papiere, Leipzig, 1790, S. 217; *Helbig*, Günstlinge, 125;

является въ Ригу на поклонъ къ Бирону, а въ Митавѣ по прежнему возсѣдаетъ на герцогскомъ стулѣ принцъ

Ravaisson-Mollien, Archives de la Bastille, IX, 87; *Русск. Старина*, L, 129; LVII, 639). Таково показаніе принца Карла. Можно-ли ему довѣрять? Принцъ Карлъ родился въ 1728 г. и росъ какъ принцъ крови: 9-ти лѣтъ онъ былъ камергеромъ (*Русск. Старина*, VII, 66), 12-ти — кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго; при паденіи отца, онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, принцемъ Петромъ, лишился всего. По возвращеніи изъ ссылки, при Петрѣ III, пр. Карлъ былъ назначенъ генералъ-майоромъ, шефомъ вологодскаго пѣхотнаго полка и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Трудно предположить, чтобъ принцъ Карлъ, принадлежащій къ семьѣ, облагодѣтельствованной Петромъ III, былъ „посвященъ въ тайну готовившагося предпріятія“ и совершенно невозможно допустить, чтобъ онъ находился при императрицѣ, въ Петергофѣ, именно въ то время, когда понадобилась нужда фальсифицировать анонимные доносы. Умалчивая уже о томъ, что „поддѣлка почерка“ анонимнаго письма представляется нелѣпостью, пр. Карлъ не имѣлъ въ 1762 г. и чудодѣйственнаго порошка: „тайну приготовленія чернильнаго состава“ онъ получилъ отъ Казановы, но Казанову онъ впервые увидѣлъ лишь въ 1764 году, въ Ригѣ; самъ же принцъ Карлъ не выѣзжалъ изъ Россіи до 1765 года. Екатерина наградила всѣхъ лицъ, ей преданныхъ, особенно же содѣйствовавшихъ такъ или иначе перевороту 28-го іюня. Даже Циммерманъ, дававшій ей уроки верховой ѣзды, былъ, вскорѣ послѣ петергофскаго похода, сдѣланнаго ею верхомъ, пожалованъ „въ оберъ-берейторы при конюшенномъ дворѣ съ рангомъ арміи полковника“ (указъ придв. конюш. канцеляріи, отъ 11-го іюля 1762 г., въ *Архивѣ Сената*, т. 176, л. 35). Принцъ же Карлъ, „отклонившій опасность, угрожавшую императрицѣ неминуемою погибелью“ въ спискѣ награжденныхъ не значится. Мало того: Екатерина, будучи въ Митавѣ, въ 1764 г., пожаловала пр. Петру орденъ св. Андрея, принцу же Карлу — ничего. Въ 1765 г., Н. И. Панинъ считалъ его только „шалуномъ и повѣсой“ (*Порошинъ*, 479); въ 1768 г. онъ уже отъявленный мошенникъ: поддѣлываетъ билеты англійскаго банка и римскаго ломбарда, пишетъ фальшивые векселя, руководитъ шайкою мазуриковъ. Въ письмѣ отъ 26 февраля 1768 г. гр. К. Г. Разумовскій писасъ о пр. Карлѣ И. И. Шувалову: „Сей дѣтина есть сущій промышленникъ... Онъ уже столько намоталъ и столь поступокъ непристойныхъ званіямъ его подѣлалъ, что, наконецъ, въ Бастильѣ теперь резидуетъ по фальшивымъ векселямъ, и говорятъ, что будто отецъ отъ его и подѣланныхъ имъ долговъ отрицается, какъ новокрещенный отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его“ *Васильчиковъ*, I, 340). Въ тюрьмѣ, обвиняемый въ цѣломъ рядѣ подлоговъ, весь въ долгахъ,

Карлъ[1]). Скандалъ принималъ неприличные размѣры. Очевидно, Панинъ былъ правъ: если желали посадить Бирона на герцогскій стулъ, нужно было „выбить Карла изъ Митавы“.

Начали выбивать. Рижскому генералъ-губернатору было предписано послать въ Митаву, въ распоряженіе Симолина, цѣлый батальонъ „при исправномъ штабъ-офицерѣ“, въ виду того, что могутъ „происходить иногда въ Курляндіи нѣкоторые непорядки“; Симолинъ наложилъ секвестръ на всѣ статьи герцогскихъ доходовъ, въ помѣстьяхъ сторонниковъ Карла расположилъ военные постои, секвестровалъ всѣ герцогскія аренды, даже пресѣкъ подвозъ изъ Митавы провіанта для принца Карла[2]). Эти мѣры оказались дѣйствительными. Даже присланные изъ Варшавы королемъ-отцемъ, въ качествѣ польскихъ комиссаровъ при его сынѣ, принцѣ Карлѣ, воевода Платеръ и кастелянъ Липскій, признали дальнѣйшее пребываніе принца въ Митавѣ невозможнымъ. Реляціею отъ 17-го апрѣля 1763 года, министръ Симолинъ доноситъ императрицѣ, что принцъ Карлъ выбитъ изъ Митавы:

„Вчерась, 16-го апрѣля, въ утро рано, принцъ Карлъ изъ здѣшняго города въ Варшаву отправился со всѣмъ своимъ дворомъ, оставя здѣсь по повелѣнію королевскому для престереженія своихъ интересовъ польскихъ сенаторовъ воеводу Платера и кастеляна Липскаго.

„Третьяго дня, въ вечеръ, его высочество со всѣми дворянами партіи его, которые нарочно изъ деревень прі-

---

пр. Карлъ, отъ котораго отрекся даже отецъ родной, готовъ былъ и не то еще показать на допросѣ, лишь бы умилостивить чѣмъ нибудь своего слѣдователя. Пр. Карлу ни въ чемъ нельзя вѣрить, какъ завѣдомому мошеннику, и нѣтъ никакой причины довѣрять его разсказу объ услугѣ, оказанной имъ Екатеринѣ (*Русск. Старина*, LVII, 747).

[1]) Депеша *Бретэля*, отъ 28 октября 1762 года: L'affaire de Courlande est dans la même position. Biron se tient à Riga où la Noblesse Courlandoise vient en foule luy marquer respect et empressement. M-r le prince Charles reste avec constance à Mittau (*Парижъ. Архивъ*, Russie, vol. 71, № 22).

[2]) *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 407; *Сборникъ*, XLVIII, 250, 302, 372; *Richter*, V, 170; *Cruse*, II, 31.

ѣхали и которыхъ состояло до 18 персонъ, ужиналъ у старостины Корфовой, гдѣ и простился съ ними, увѣряя о своемъ скоромъ возвращеніи, съ увѣщаніемъ дабы токмо они оставались къ нему вѣрны.

„Кастелянъ Липскій еще при присутствіи принца Карла, въ княжескомъ залѣ караулъ польской своей конницы учредилъ и въ нижніе покои переѣхалъ, а верхніе его высочество заперъ и свою печать къ нимъ приложилъ.

„Сколь скоро принцъ Карлъ изъ города выѣхалъ, тогда я заблагоразсудилъ, по сношенію съ его свѣтлостью герцогомъ Эрнстомъ-Іоганномъ, караулъ войскъ вашего императорскаго величества нарядить и оной домъ для него занять. Сію коммиссію поручилъ я подполковнику Шредеру, съ наставленіемъ, что ежели онъ найдетъ тамо кастеляна Липскаго и польскихъ солдатъ, въ такомъ случаѣ далъ бы ему примѣтить свое удивленіе, по какому поводу и праву онъ занялъ сей княжескій домъ, принадлежащій, какъ извѣстно, владѣющему герцогу Эрнсту-Іоганну, и что ему не несвѣдомы тѣ внушенія, какія со стороны вашего императорскаго величества принцу Карлу учинены объ ономъ, а потомъ учтивымъ образомъ присовѣтовалъ выбраться на другую ему приличную квартиру.

„Оной подполковникъ нашелъ ворота запертыя, но какъ по требованію его были отворены, то онъ встрѣчавшему его кастеляну объявилъ вышеписаннымъ образомъ и получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ, яко сенаторъ, по особливому королевскому указу занялъ сей домъ для храненія до принятія его высочества принца Карла, который вскорѣ возвратится, и что между тѣмъ по королевскому ордеру онъ въ немъ исполнять имѣетъ порученную ему коммиссію.

„По учиненному отъ подполковника мнѣ о томъ рапорта, я велѣлъ объявить ему, что его коммиссія почитаема быть и мѣста здѣсь имѣть не можетъ, и что ваше императорское величество не намѣрены иного герцога признавать, какъ стараго, его свѣтлость Эрнста-Іоганна, слѣдовательно, я надѣюсь, что онъ легко себѣ представитъ,

что потому реченной домъ для него совершенно не оставится, и что онъ склоненъ будетъ со всѣмъ своимъ карауломъ выѣхать изъ оного.

„Наконецъ онъ согласился и тотчасъ объявленный домъ оставилъ и на старую свою квартиру съ карауломъ своимъ перебрался, и такъ безъ наималѣйшаго шума и насильства нашъ караулъ вступилъ и теперь въ немъ находится.

„Но понеже верхніе покои печатью принца Карла запечатаны, то герцогъ по здѣшнему обыкновенію разсудилъ послать съ подполковникомъ Шредеромъ и своимъ гофмаршаломъ здѣшняго публичнаго нотаріуса, которымъ поручилъ, печати снявъ, каморы осмотрѣть, дабы впредь приклепу не было. Они дѣйствительно осматривали и нашли ихъ всѣхъ пустыми, только видно отъ принца по тонкости адвокатовъ для того запечатаны были, чтобы тѣмъ доказать, что онъ сего дому не отдавалъ добровольно, а что всегда на него право имѣть можетъ.

„Напротиву же сего дому находится еще домъ, въ которомъ жили принца Карла придворные люди. Но воевода Платернъ съ поляками по пріѣздѣ сюда занялъ оной для себя, какъ и кастелянъ Липскій другой княжескій домъ, которые оба также герцогу принадлежатъ и безъ нихъ ему умѣститься нельзя, а сверхъ того не хочется допустить, чтобы принцъ Карлъ имѣть могъ здѣсь и наималѣйшее владѣніе; то я по требованію его свѣтлости за надобность почелъ послать къ нимъ подполковника съ тѣмъ, что какъ ваше императорское величество изволили отдать всѣ доходы здѣшней земли законному герцогу Эрнсту-Іоганну, слѣдовательно, и всѣ княжескіе домы, какіе они ни былибъ, то я уповаю, что и они не отрекутся тѣ домы въ коихъ нынѣ живутъ, очистить толь наипаче, ибо герцогъ безъ нихъ обойтись не можетъ. Кастелянъ Липскій объявилъ себя къ тому тотчасъ готовымъ, но воевода Платернъ, ссылаясь на королевскій указъ, коимъ ему повелѣно нарочно жить въ семъ княжескомъ домѣ до возвращенія принца Карла, хотѣлъ напередъ донесть его высочеству и просить резолюціи. Сегодня оба сенатора присылали ко мнѣ своего секретаря съ прошеніемъ, чтобы

имъ дозволено было остаться въ показанныхъ домахъ до полученія королевскихъ ордеровъ. Я на сіе отвѣтствовалъ, что лучше имъ совсѣмъ отсюда выѣхать, ибо они до нынѣ довольно уже примѣтили, что ихъ здѣсь пребываніе излишне, да и впредь имъ ни въ чемъ не удастся по несправедливости ихъ коммиссіи. Оный секретарь тогда же паки ко мнѣ возвратился и далъ знать, что воевода намѣрился означенный княжескій домъ оставить и для себя другой нанять.

„Такимъ образомъ герцогъ въ семъ дѣлѣ удовольствованъ и теперь жить можетъ по своему достоинству безъ утѣсненія и безъ препятствія.

„Впрочемъ воевода Платернъ велѣлъ меня просить, дабы ему, яко кавалеру орденовъ Александра Невскаго и Бѣлаго Орла, отъ нашихъ карауловъ честь отдавана была, на что я безсомнительно и отвѣтствовалъ, что такая угодность ему показываема будетъ“[1]).

„Апробуется отъ начала до конца“, написала собственноручно Екатерина на этой реляціи Симолина. Въ этой резолюціи слышится внутреннее удовольствіе по поводу достигнутаго успѣха. Главное сдѣлано: Карлъ выбитъ, посаженъ Биронъ. Курляндскій вопросъ рѣшенъ безповоротно. Вскорѣ по отъѣздѣ Карла изъ Митавы, Екатерина такъ охарактеризовала положеніе курляндскаго дѣла: „Какъ уже сіе дѣло единожды окончено, то мы отнюдь не допустимъ, чтобъ оное подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, паки возобновилось“[2]).

Это первый успѣхъ Екатерины въ дѣлахъ внѣшней политики, успѣхъ, объясняемый, прежде всего, умѣлымъ исполненіемъ проекта, разсчитаннаго на будущее и, быть можетъ, на весьма близкое. Проектъ, самъ-по-себѣ, не слишкомъ рискованный, но въ положеніи Екатерины, все-таки, довольно смѣлый. Едва вступивъ на престолъ, она пользуется силами и положеніемъ Россіи, чтобъ возвели-

---

[1]) *Москов. Архивъ* мин. иностр. дѣлъ; Курляндскія дѣла 1763 года; *Сборникъ*, XLVIII, 474.

[2]) *Сборникъ*, XLVIII, 612.

чить человѣка, оставившаго среди русскихъ самыя тяжелыя по себѣ воспоминанія. Проклятіе, тяготѣющее надъ именемъ Бирона, ее не останавливаетъ: она вѣрно разсчитала, что удаленіе Бирона изъ Россіи скорѣе будетъ поставлено ей въ заслугу, чѣмъ въ осужденіе, и что, во всякомъ случаѣ, русское общество не на столько интересуется судьбою Бирона, чтобъ обратить серьезное вниманіе на какой-то курляндскій инцидентъ. Еще вѣрнѣе былъ разсчетъ относительно сосѣдей. Этихъ сосѣдей, заинтересованныхъ въ курляндскомъ дѣлѣ, всего два—Польша и Пруссія, причемъ ни та, ни другая не имѣли серьезныхъ основаній брать подъ свою защиту принца Карла, нелюбимаго Фридрихомъ II, какъ саксонца, и ненавистнаго полякамъ, какъ сына ихъ короля. Саксоніи, не исключая даже и Августа III, было не до Курляндіи: въ это время подводились итоги семилѣтней войны, и въ Саксоніи не могли не дорожить голосомъ русской императрицы по вопросу о вознагражденіи за убытки, понесенные курфюршествомъ. Остальная Европа ни мало не интересовалась вопросомъ, кто именно владѣетъ какимъ-то польскимъ леномъ на балтійскомъ побережьи. Ни Польша, ни Пруссія, не говоря уже о Европѣ, и не предполагали, что успѣхомъ, одержаннымъ Екатериною въ курляндскомъ дѣлѣ, было положено основаніе тому русскому вліянію, которое, много лѣтъ позже, обратитъ польскій ленъ въ русскую губернію.

Екатерина этого вовсе не желала и не къ этому стремилась. Подобно Петру В., она вполнѣ понимала государственное значеніе Курляндіи для имперіи и тотчасъ по воцареніи исправила ошибку своего предшественника; для нее было чрезвычайно важно имѣть на герцогскомъ стулѣ Курляндіи своего ставленника, „нашего собственнаго герцога“ [1]). Но, подобно Петру I, она смотрѣла на курляндскій вопросъ не съ узкой, націоналистической, а съ широкой, государственной точки зрѣнія, и потому повелѣла торжественно объявить „рыцерству и земству, что

---

[1]) Изъ собственноручной записки вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну, отъ 12 октября 1762 г.: въ *Сборникѣ*, XLVIII, 148.

мы ихъ въ особливомъ покровительствѣ, слѣдовательно и при ихъ вѣрѣ, правахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ на такомъ основанiи, какъ оныя во время подверженія[1]) были и отъ королей польскихъ клятвою утверждены, содержать и защищать намѣрены, отнюдь не допуская, чтобъ въ томъ какая либо отмѣна къ ихъ предосужденію учинена была"[2]). Это не были пустыя обѣщанія. Курляндія, даже послѣ своего присоединенія къ Россіи, въ 1795 году, испытала на себѣ до какой степени Екатерина уважала законныя ея права и привиллегіи.

Отношеніе Екатерины ко всѣмъ Остзейскимъ Провинціямъ отличалось вообще тою государственною мудростію, которая значительно содѣйствовала прославленію ея царствованія. Лифляндія, Эстляндія и Курляндія являлись ей примѣромъ для подражанія, не задачей для обрусѣнія: она болѣе стремилась поднять русскія губерніи до остзейскихъ провинцій, чѣмъ принизить остзейскія до русскихъ. Ее плѣняла болѣе высокая культура остзейцевъ и не страшило ихъ самостоятельное развитіе. Она даже сама содѣйствовала ему, крѣпко памятуя, что это нераздѣльныя части Россійской Имперіи и горячо ратуя противъ взгляда на Остзейскія Провинціи, какъ на „чужестранныя". Такой взглядъ исходилъ въ то время не изъ окраинъ, а отъ имперіи, и Екатерина писала, что его „съ достовѣрностію можно назвать глупостію"[3]).

Во время коронаціи, въ Москву явился депутатъ отъ лифляндскаго рыцарства и земства, баронъ Карлъ фонъ-Шульцъ, съ просьбою о подтвержденіи ихъ привиллегій, правъ и вольностей. На поднесенной депутатомъ челобитной Екатерина положила слѣдующую резолюцію: „Сію „челобитную посылаю въ сенатъ съ тѣмъ, чтобъ извѣстно „было оному, что я изъ всего того, чѣмъ лифляндское ры-

---

[1]) Курляндія стала леномъ польской короны въ силу особыхъ договоровъ подчиненія (pactis subjectionis) что переводилось въ прошломъ вѣкѣ русскимъ выраженіемъ *подверженіе*, которое употреблялось во всѣхъ официіальныхъ актахъ. *Москов. Архивъ* мин иностр. дѣлъ; Курлянд. дѣла 1762 года, № 4. л. 82 sqq.

[2]) *Сборникъ*, XLVIII, 155.

[3]) *Сборникъ*, VII, 384.

„царство и земство предками нашими пожалованы ничего „отнять у нихъ нихъ не намѣрена"[1]). Просьба эта пролежала въ сенатѣ три мѣсяца безъ всякаго движенія. 18-го декабря Екатерина сама явилась въ сенатъ и вотъ какъ она описала это засѣданіе въ письмѣ къ генералъ-фельдцейхмейстеру Вильбоа: „Въ прошлую пятницу я пришла въ сенатъ и спросила въ какомъ положеніи дѣло о подтвержденіи ливонскихъ привиллегій; мнѣ отвѣчали, что сенатъ ожидаетъ копіи привиллегій, собранныхъ въ одну большую книгу, оставшуюся въ Петербургѣ; тогда ужь я начала говорить и сказала этимъ господамъ: „Вы должны знать, что я вовсе не намѣрена нарушать привиллегій и прочаго, чѣмъ они уже обладаютъ; что я желаю, чтобъ всякій жилъ въ мирѣ, и если ливонцы довольны своими законами и привиллегіями, то я не желаю и не позволю никоимъ образомъ нарушать ихъ", и я тотчасъ же повелѣла составить подтвердительную грамату, которую завтра же должны представить мнѣ для подписанія". Между тѣмъ, Екатерина сознавалась, что въ то время ни она, ни кто либо изъ сенаторовъ рѣшительно ничего не знали, въ чемъ состоятъ эти привиллегіи, права и вольности, касаются-ли они обычнаго права или положительныхъ законовъ; но Лифляндія признаетъ для себя необходимыми свои автономныя особенности и Екатерина свято сохраняетъ ихъ, выше всего ставя благосостояніе цѣлой провинціи[2]).

Екатерина интересовалась Остзейскими Провинціями, желала ближе ознакомиться съ ними и рѣшилась сама объѣхать и осмотрѣть Лифляндію, Эстляндію и, насколько будетъ возможно, даже Курляндію. Въ 1763 году, осенью,

---

1) *Архивъ Сената*, т. 107, л. 419; Приложенія, I, 41.

2) Il faut cependant en confidence que je Vous dise qu'en honneur ni moi ni personne ne sais ce que je confirmerai, si cela est utile aux païs, si ce sont des moeurs ou des coutumes ou des Loix, mais j'ai cru que le repos d'une Province entière étoit préférable à tout le reste (*Blum*, I, 436). Письмо безъ даты, которая опредѣляется граматою, подписанною 19 декабря 1762 г. (*П. С. З.*, № 11727): такъ какъ въ письмѣ къ Вильбоа сказано, что грамата должна быть поднесена императрицѣ завтра (qu'on doit me montrer *demain*), то оно было писано, вѣроятно, 18-го декабря.

она писала оберъ-прокурору Глѣбову: „Какъ я думаю будущею весною ѣхать водою въ Ревель и Балтійскій Портъ, а оттуда сухимъ путемъ въ Ригу, изъ Риги въ Смоленскъ, Псковъ и чрезъ Великія Луки въ Нарву назадъ, то пошлите кого нибудь разумнаго осмотрѣть оныя дороги и по близости тѣхъ дворовъ помѣщичьихъ, верстахъ въ двухъ отъ дороги, а гдѣ нѣтъ должно съ меньшимъ иждивеніемъ построить лачужечки для пріѣзда моего“[1]). Къ веснѣ, маршрутъ поѣздки значительно измѣнился, и Екатерина совершила путешествіе исключительно въ Прибалтійскій Край, и не моремъ, а сухимъ путемъ.

Несмотря на желаніе императрицы, чтобъ о предположенномъ ею путешествіи говорили „не весьма громко“[2]), слухъ о предстоящемъ посѣщеніи Екатериною Прибалтійскаго Края быстро распространился и скоро дошелъ до остзейцевъ. Лифлянды и эстляндцы рѣшились обратить путешествіе императрицы въ тріумфальное шествіе и, дѣйствительно, сдѣлали все, чтобъ произвесть на Екатерину сильное впечатлѣніе. Въ предѣлахъ Лифляндіи и Эстляндіи не пришлось строить „лачужекъ“ — Екатерина останавливалась въ замкахъ мѣстныхъ бароновъ, въ мызахъ богатыхъ помѣщиковъ, всюду находя довольство и комфортъ, свидѣтельствующіе о благоденствіи края. Остзейцы обидѣлись, узнавъ, что для проѣзда императрицы заготовлены полковыя лошади, а не лифляндскія подводы[3]) и и одинъ изъ переѣздовъ Екатерина ѣхала въ четырехмѣстной коляскѣ, запряженной не лошадьми, а скороходами[4]). Въ городахъ и мызахъ, при всѣхъ остановкахъ, дамы усыпали путь императрицы цвѣтами; конвои изъ мѣстныхъ дворянъ встрѣчали и провожали ее, пушечная пальба, фейерверки, балы, маскарады, всюду тріумфальныя арки, торжественныя оды, вполнѣ императорскій пріемъ. „Здѣсь весьма мнѣ рады — пишетъ Екатерина — и не знаютъ, что затѣять, чтобъ показать свое удовольствіе“[5]).

---

[1]) *Архивъ Сената,* т. 107, л. 305; Приложенія, I, 40.

[2]) *Ibid.*

[3]) *Сборникъ,* VII, 361.

[4]) *Камеръ-фурьер. журн.* 1764 г., 291.

[5]) *Сборникъ,* VII, 362.

Болѣе мѣсяца провела Екатерина въ Прибалтійскомъ Краѣ[1]), посѣтила Ревель, Балтійскій Портъ, Перновъ, Ригу, изъ Риги ѣздила на нѣсколько часовъ въ Митаву, къ „своему герцогу", и вынесла убѣжденіе, что внутренній строй остзейскихъ провинцій долженъ послужить во многомъ образцомъ при предстоящемъ переустройствѣ областныхъ учрежденій въ Россіи. Екатерина должна была довольствоваться общимъ обзоромъ. При подобныхъ поѣздкахъ, конечно, смотрятъ только то, что показывается, и не видятъ того, что скрывается. Общее впечатлѣніе было безусловно въ пользу благоустройства края. Такія мызы, какъ „Лагинъ" гр. К. Е. Сиверса, „Колка" гр. Стенбока, „Кошъ" Ренненкампфа, „Буртникъ" гр. П. А. Румянцева или „Большой Штропъ" Фитингофа свидѣтельствовали о такой домовитости мѣстныхъ землевладѣльцевъ, какой Екатерина не замѣчала въ русскихъ губерніяхъ во время прошлогодней поѣздки въ Ярославль. Когда, въ Ревелѣ, при посѣщеніи рыцарскаго дома, гауптманъ Ульрихъ встрѣтилъ императрицу съ серебрянымъ жезломъ; когда, въ Перновѣ, оберъ-фохтъ Висель привѣтствовалъ Екатерину одой, напечатанной въ мѣстной

---

[1]) Дѣло о путешествіи императрицы Екатерины въ Ригу, въ *Государств. Архивѣ*, II, 98. Всего въ это путешествіе было сдѣлано 1,188 верстъ. Поѣздъ императрицы со свитою состоялъ изъ 56 экипажей, для которыхъ требовалось 277 лошадей; подъ кухню и прислуги — 16 экипажей и 65 лошадей (л. 8 и 9). Такъ какъ императрица предполагала „трактовать въ Риге обеденными столами" рыцарство и земство, то въ Ригу былъ заранѣе отправленъ кондитеръ Робекъ съ учениками и всевозможнымъ снадобьемъ (*Придворн. Архивъ*, картон. 5340, № 14). „Журналъ высочайшаго путешествія императрицы Екатерины II въ Нарву, Ревель, Ригу, Митаву и обратно въ Петербургъ съ 20 іюня по 25 іюля", въ *Камерф. журн.*, за 1764 годъ. Депеша гр. *Сакена*, отъ 27-го іюля: Je tiens de quelqu'un qui est ordinairement très bien informé, que Sa Majesté Impériale a apporté pendant le tems de son voyage en Livonie plusieurs de ses partisans affidés, à se saisir de la personne de Monseigneur le Grand-Duc et à l'amener promptement auprès d'Elle, dès que la moindre étincelle de quelque soulévement vint à éclater à St. Pétersbourg et qu'on a tenu les chevaux nécessaires à un pareil transport precipité tout prêts et cela dès le jour même du dêpart de l'Impératrice (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 62).

типографіи; когда въ Митавѣ, Биронъ бросалъ нарочно въ память пріѣзда императрицы вычеканенныя монеты, когда, наконецъ, императрица посѣтила мѣщанскій маскарадъ въ Ригѣ — она сознала, насколько культура Прибалтійскаго Края оригинальна, своеобразна и во всѣхъ отношеніяхъ выше культурнаго строя Россіи.

Въ Ревелѣ, Екатерина посѣтила лагерь гр. Румянцева, который произвелъ на нее самое отрадное впечатлѣніе[1]), и съ маяка смотрѣла „флотъ во время баталіевъ морского сраженія", причемъ адмиралъ А. И. Полянскій объяснялъ императрицѣ смыслъ всѣхъ судовыхъ движеній. Въ Ревелѣ же Екатерина сѣла на яхту „св. великомученица Екатерина" и, „продолжая путь свой чрезъ всю ночь моремъ", прибыла въ Балтійскій Портъ, гдѣ творецъ его, гр. Минихъ, показывалъ Екатеринѣ устройство рогервикской гавани и ужасную „мулю", каторгу того времени[2]). Свои впечатлѣнія Екатерина высказала въ письмѣ къ Панину: „По возвращеніи я разскажу вамъ ужасы о Балтійскомъ Портѣ"[3]).

Въ Ригѣ Екатерина оставалась цѣлую недѣлю, много и обо всемъ бесѣдовала съ старикомъ Броуномъ[4]), кото-

---

[1]) Депеша гр. *Сакена*, отъ 20-го іюля: Quelleques lettres particulières de Livonie portent que l'armée Russe dans ces quartiers là n'avoit prêcisement pas fait éclater beaucoup de joie à l'arrivée de l'Impératrice et que même elle avoit faite percer de la mauvaise volonté contre cette princesse (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 60).

[2]) *Болотовъ*, I, 341. Екатерина увидѣла эту каторжную и безцѣльную работу: „не успѣетъ подняться большая буря, какъ въ одинъ часъ разрушитъ и снесетъ все то, что лѣтъ въ пять накидано было". Какъ прежде Екатерина заботилась о постройкѣ Балтійскаго Порта, такъ послѣ личнаго осмотра она убѣдилась въ полной его негодности: въ 1765 г. была учреждена по этому поводу особая комиссія, а въ 1768 году были прекращены всѣ работы. *Архивъ Сената*, т. 107, л. 358; т. 114, л. 52; т. 125, л. 464; *Büsching*, XVI, 477, 478; *П. С. З.*, №№ 11910, 12384, 13200; *Сборникъ*, X, 50, 428; *Чтенія*, 1863, II, 66.

[3]) Quand je reviendrai, je vous dirai des horreurs du Port Baltique, *Сборникъ*, VII, 363.

[4]) Въ депешѣ гр. *Сольмса*, отъ 10 августа 1764 года: Sa Majesté s'est entretenue de l'état de son Empire avec le vieux général Braun à Riga (*Берлин. Архивъ*, Депеши Сольмса, № 145).

раго глубоко уважала, обѣдала у него запросто, при всякомъ случаѣ выказывала ему особенное почтеніе. Съ Броуномъ осмотрѣла она гидравлическія работы по урегулированію Двины, при чемъ сама посѣтила о. Подорокъ, осмотрѣла о. Селекосъ и признала важное значеніе этихъ работъ не только для рижской, но и для всей русской торговли[1]). Здѣсь, въ Ригѣ, выслушала Екатерина грустную повѣсть несчастной Юліи Менгденъ, ужаснулась нравственнымъ мукамъ, вынесеннымъ ею въ ссылкѣ, и могла только воскликнуть: celà fait frémir![2]) Здѣсь же, въ Ригѣ, принимала Екатерина депутата отъ польскихъ диссидентовъ, дворянина Георга Турнова, умолявшаго русскую императрицу оказать помощь своимъ единовѣрцамъ въ Польшѣ, и посланца кн. Масальскаго, виленскаго епископа, нѣкоего Бандре, чрезъ котораго Екатерина назначила епископу свиданіе въ Митавѣ[3]), гдѣ она провела 13-е іюля.

Отъ Риги до Мптавы 45 верстъ. Во время этого пути Екатерина „провожаема была всякую милю гусар-

---

[1]) Устье Двины давно уже заботило рижскихъ купцовъ и вскорѣ по воцареніи Екатерины состоялся указъ, по которому Броуну предписывалось: слѣдуемые съ рижанъ въ пользу императрицы деньги употребить „на укрѣпленіе берега и на построеніе болверковъ для понужденія рѣки въ свое теченіе, а чрезъ то отвореніе пути кораблямъ купеческимъ, чѣмъ купечеству рижскому не малое въ коммерціи облегченіе будетъ сдѣлано“ (*Архивъ Сената*, т. 102, л. 197; *П. С. З.*, № 11 660). Главныя работы по Двинѣ были произведены инженеромъ Вейсманомъ, которому Екатерина сама предписывала „плотины дѣлать какъ возможно тверже и крѣпче“, называла его „новымъ Вобаномъ“ (ich vorbehalte mir dem neuen Vauban ein Stück Arbeit vorzuschlagen, worin er sich wird völlig zeigen können) и не жалѣла денегъ „по сему болшому дѣлу“ („объ лишнихъ убыткахъ не жалѣю“). Только къ осени 1767 г. работы были окончены. *Сборникъ*, X, 9, 49, 90, 91, 290; XIII, 4, 11; XLII, 295, 422; *Русск. Архивъ*, 1871, 1406.

[2]) *Helbig*, Günstlinge, 145; *Русск. Старина*, L, 147.

[3]) Письмо гр. *Флемминга*, отъ 25-го августа, изъ Дрездена, гр. Сакену: Je dois vous dire que l'Impératrice ne s'est rendu à Mitau que sur les vives instances de M-r d'Orlow, gagné par Biron et sous la condition expresse de n'y voir aucun Polonois, excepté le Grand-Général Massalski et son fils, l'Evêque de Vilna. Ce dernier a seul profité de l'exception (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 24).

скими, кирасирскими и карабинерными эскадронами". На полъ-дорогѣ ее встрѣтили сыновья Бирона, наслѣдный принцъ Петръ и принцъ Карлъ курляндскіе, „въ красныхъ мундирахъ", съ блестящею свитою. Передъ въѣздомъ въ городъ была устроена тріумфальная арка, гдѣ императрицу ожидала позолоченная одноколка въ 8 лошадей. Герцогъ встрѣтилъ Екатерину у подъѣзда дома и хотѣлъ пасть на колѣни, но былъ удержанъ ею[1]). Въ Митавѣ герцогъ представилъ ей рыцарскія и земскія власти, пилъ здоровье своей благодѣтельницы, бросалъ въ народъ деньги, медали, отчеканенныя въ память ея посѣщенія. Только во 2-мъ часу ночи возвратилась Екатерина въ Ригу и писала Н. И. Панину: „Герцогъ принялъ меня съ великолѣпіемъ, и медаль нарочно сдѣлалъ для пріему и деньги кидалъ въ народъ. Послѣ стола я сюда обратно пріѣхала, хотя они усильно просили, чтобъ я ночевала, но я сказала, что я здѣсь слово дала до вечерней зари, которую и до возвращенія своего бить не велѣла, возвратиться. Народъ здѣшній ждалъ пріѣзда изъ Митавы до перваго часа за полночь, и какъ увидѣли мою карету, то съ виватомъ проводили меня до моего дома. Je vous écris ceci pour vous montrer, que les Livoniens commencent à avoir des influences de leurs conquérants"[2]).

15-го іюля въ четвергъ, Екатерина выѣхала изъ Риги прямо въ Петербургъ. Въ Ригѣ она пробыла семь дней. Екатерина пріѣхала въ Ригу 9-го іюля, въ 9 часовъ утра. Ее встрѣтилъ здѣсь генералъ-губернаторъ Ю. Ю. Броунъ, Иннокентій, епископъ псковской и рижскій, герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ курляндскій съ супругою, мѣстное рыцарство и

---

1) Письмо гр. *Флемминга*, отъ 25-го августа: La réception que Biron a faite à l'Impératrice est plus rampante que magnifique. On n'avoit point vu encore un duc prétendu d'un état assez considérable et trop vieux pour jouir le galant faire l'ecuyer devant le carosse d'une souveraine étrangère (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 24). *Richter*, V, 178.

2) „Пишу это, чтобъ указать вамъ, что ливонцы начинаютъ поддаваться вліянію своихъ побѣдителей". Любовь, преданность лифляндцевъ къ представителямъ русской династіи — вотъ въ чемъ усматривала Екатерина русское вліяніе; только такое вліяніе она и понимала. *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я; *Сборникъ*, VII, 368.

мѣщанство, генералитетъ и только-что прибывшій курьеръ изъ Петербурга[1]). Послѣ обычнаго представленія, императрица занялась чтеніемъ привезенныхъ курьеромъ бумагъ, что-то писала, и курьеръ тотчасъ же поскакалъ въ Петербургъ. Въ кабинетъ императрицы были позваны Броунъ и П. И. Панинъ; долго совѣщались о чемъ-то съ императрицей, и по уходѣ ихъ, Екатерина написала, между прочимъ, Н. И. Панину: „братъ вашъ, у котораго Мировичъ былъ адъютантомъ, сказываетъ про него, что онъ лжецъ и бестыдной человѣкъ, и великой трусъ"[2]). На другой день, 10-го іюля, прискакалъ въ Ригу полковникъ Кашкинъ, долго докладывалъ о чемъ-то императрицѣ, причемъ упоминалось имя Ивана Антоновича, говорилось о Шлюссельбургской крѣпости, и въ тотъ же день Кашкинъ поскакалъ обратно въ Петербургъ и повезъ опять письмо Н. И. Панину, въ которомъ Екатерина писала: „Я ныне „более спѣшю какъ прежде возвратится въ Петербурхъ, „дабы сее дѣло скорея окончать и темъ далныхъ дурат„скихъ разглашеній пресечь"[3]).

Какое „дѣло"? Какія „дурацкія разглашенія"? Что случилось въ Шлюссельбургѣ?

---

1) L'Impératrice était alors à Riga dans une impatience que, malgré sa profonde dissimulation, elle ne pouvoit entiérement cacher. Elle comptoit les jours écoules depuis l'époque où Mirowitsch avoit été de garde et inquiète d'un retard dont elle ne pouvoit deviner la cause, elle se levoit fréquemment la nuit, et demandoit s'il n'etoit pas arrivé un courtier (*Castéra*, II, 90). Авторъ указываетъ и источникъ этого извѣстія: Ces faits ont été plusieurs fois confirmés par le général Brown (p. 91). Какъ извѣстіе, такъ и ссылка на Броуна оказываются вымысломъ: Екатерина пріѣхала въ Ригу поутру, когда курьеръ съ извѣстіемъ о шлюссельбургскомъ бунтѣ былъ уже въ Ригѣ — ни ожидать его, ни тѣмъ менѣе вскакивать ночью и освѣдомляться не пріѣхалъ-ли курьеръ, Екатерина не могла. Между тѣмъ, это ожиданіе курьера съ вѣстью объ убіеніи Ивана Антоновича должно служить однимъ изъ аргументовъ той басни, по которой Мировичъ былъ только орудіемъ коварнаго замысла Екатерины.

2) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я; *Сборникъ*, VII, 373.

3) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я; *Сборникъ*, VII, 366.

XVI.

Екатерина II вступила на престолъ въ тяжелое для Россіи время. Императрица вполнѣ сознавала трудное положеніе имперіи и сама изобразила его въ живыхъ, яркихъ краскахъ.

„При вступленіи моемъ на престолъ — писала Екатерина — я нашла имперію въ слѣдующемъ состояніи: Обременительная война съ Пруссіею была окончена миромъ, которымъ Россія не пріобрѣла себѣ никакой выгоды, кромѣ спокойствія. 28-іюня 1762 года армія была еще заграницею и не получала восьмой мѣсяцъ жалованья. Флотъ былъ въ упущеніи, армія въ разстройкѣ, крѣпости разваливались. На штатсъ-конторѣ было семнадцать мильйоновъ долгу. Недовѣріе къ казнѣ было полное. Ни единый человѣкъ въ государствѣ не то чтобъ зналъ сколько казнѣ было доходовъ, ниже не вѣдалъ званій доходовъ разныхъ. Государственный бюджетъ не былъ точно установленъ. Всѣ почти вѣтви коммерціи быди отданы частнымъ людямъ на откупъ. Около двухъ сотъ тысячъ крестьянъ горнозаводскихъ и монастырскихъ находились въ открытомъ бунтѣ; помѣщичьи крестьяне во многихъ мѣстахъ отказывали господамъ своимъ въ повиновеніи и въ уплатѣ повинностей. Правосудіе продавалось съ молотка. Жестокія пытки и наказанія за бездѣлицу, какъ за тяжкое преступленіе, ожесточали умы. Повсюду народъ приносилъ жалобы на лихоимство, взятки, притѣсненія и неправосудіе. Политическія же обстоятельства были таковы, что сверхъ сего еще мы ожидали пришествія татаръ на Украйну къ масляницѣ".

Набросанная въ общихъ чертахъ, широкими штрихами, картина эта довольно вѣрна, но не совсѣмъ полна — въ ней опущено самое главное, наиболѣе существенное. Политическій горизонтъ, дѣйствительно, заволакивали тучи, но не татаръ, которые, къ тому же, не пришли на Украйну ни къ масляницѣ, ни позже. Татаръ Россія знала издавна, и не разъ била — не страшны ей татары. Другое обстоятельство, болѣе важное и на Руси еще не бывалое, поселяло смуту въ умахъ и шатаніе въ мысляхъ русскихъ людей: случалось Россіи оставаться безъ государя, но никогда еще не бывало, чтобъ на русской землѣ находились одновременно три русскіе государя. Когда Екатерина была провозглашена императрицей, въ то время были живы и здравствовали еще два императора, два представителя самодержавной власти — она оказывалась уже третьею: былъ живъ еще Петръ III Өеодоровичъ, вчерашній императоръ, здравствовалъ и Иванъ III Антоновичъ, въ пеленкахъ вѣнчанный на царство. Правда, Петръ содержался въ Ропшѣ, Иванъ въ Шлюссельбургѣ, одна Екатерина была свободна, одна она жила въ столицѣ; но все же она была третьею въ счетѣ лицъ, которыя были признаны императорами, которымъ присягали, имена которыхъ поминались на эктеніяхъ, чеканились на монетахъ. Откуда же такое изобиліе самодержцевъ, что оно означаетъ, что сулитъ народу? Живьемъ вставалъ въ памяти русскихъ людей простой, но сильный укоръ Ксеніи Ивановны, находившей, что всѣ „измалодушествовались — давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили“. Послужать-ли теперь „прямо“ — вотъ что тревожило Екатерину. Правда, Петербургъ восторженно привѣтствовалъ новую императрицу, но Петербургъ, вѣдь, не Россія; къ тому же Петербургъ такъ же привѣтствовалъ и Ивана Антоновича, и Петра Өеодоровича. Нѣтъ, не о татарахъ думала Екатерина въ день восшествія своего на престолъ и не объ Украйнѣ безпокоилась она.

28-го же іюня было рѣшено заточить Петра III въ Шлюссельбургъ. Въ сутолокѣ переворота не сообразили, что Шлюссельбургъ, въ которомъ уже содержался Иванъ Антоновичъ, станетъ, такимъ образомъ, какъ бы складоч-

нымъ мѣстомъ претендентовъ на престолъ, какимъ-то депо бывшихъ императоровъ. Только уже на другой день, 29-го іюня, догадались: указомъ изъ Петергофа велѣно „безъимяннаго колодника“ увезти въ Кексгольмъ[1]).

Безъимяннымъ колодникомъ былъ Иванъ Антоновичъ. Ему шелъ уже 22-й годъ. Онъ не зналъ куда его везутъ, какъ не зналъ откуда его привезли и гдѣ онъ находится. Двѣнадцать лѣтъ, съ 1744 г. по 1756 годъ, провелъ онъ въ Холмогорахъ, не зная, что содержится въ одной оградѣ съ родною брауншвейгскою семьей, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ отца. Въ 1756, сержантъ лейбъ-кампаніи Савинъ, тайно, въ глухую ночь, вывезъ Ивана III изъ Холмогоръ, имѣя предписаніе доставить его секретнымъ образомъ въ Шлюссельбургъ, а полковнику Выномскому, главному приставу при брауншвейгской семьѣ, данъ былъ указъ: „оставшихся арестантовъ содержать по прежнему, еще и строже и съ прибавкою караула, чтобы не подать вида о вывозѣ арестанта, о чемъ накрѣпко подтвердить командѣ вашей, кто будетъ знать о вывозѣ арестанта, чтобы никому не сказывалъ; въ кабинетъ нашъ и по отправленіи арестанта репортовать, что онъ подъ вашимъ карауломъ находится, какъ и прежде репортовали“[2]).

Этими ложными рапортами хотѣли замести слѣдъ за Иваномъ III, чтобъ никто въ Россіи не зналъ, гдѣ собственно обрѣтается развѣнчанный императоръ. Въ Раненбургъ отпускаютъ вино и пиво для арестантовъ, находящихся въ Холмогорахъ; изъ Холмогоръ рапортуютъ объ арестантѣ, содержащемся въ Шлюссельбургѣ. Эта

---

1) *Госуд. Архивъ*, VI, 350; Приложенія, I, 2.

2) *Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 3-я. Въ Архивѣ Сената хранится дѣло „Объ отпускѣ вина въ секретную комиссію въ Раненбургъ“: брауншвейгская семья давно уже была въ Холмогорахъ, а вино и пиво все отпускалось въ Раненбургъ. Съ 1744 по 1760 годъ въ раненбургскую секретную комиссію отпущено: 417 ведеръ двойного вина, 70 ведеръ простого, 8992 ведра пива и 654 ведра полпива. Кто уничтожалъ эту водку и пиво изъ дѣла не видно. Вино и пиво отпускалось по ордеру за рукою лейбъ-гвардіи коннаго полка майора Корфа, отъ 6 января 1746 года: „ежели потребны будутъ во аранибургскую крепость какія питія, то отпускать безъ задержанія“. *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 1297, л. 3 и 5.

наивная уловка не вела ни къ чему, и тѣ, кому нужно было, хорошо знали, гдѣ содержится Иванъ Антоновичъ. Даже дочь посадскаго Авдотья Михайлова Кирова, закупавшая въ Архангельской губерніи провизію для высочайшаго двора, знала, что „принцъ Іоаннъ" увезенъ изъ Холмогоръ: ей сообщилъ объ этомъ одинъ изъ офицеровъ секретной комиссіи, случайно встрѣтившій Кирову на постояломъ дворѣ близь Холмогоръ. Кирова разболтала эту новость на всемъ пути изъ Архангельска въ Петербургъ, и въ Петербургѣ была арестована. Ее допрашивалъ „тайныхъ дѣлъ мастеръ", гр. А. И. Шуваловъ, завѣдывавшій секретною комиссіею. Авдотья Кирова показала, между прочимъ, что „безвѣстные арестанты наги, босы і голодны, а потолоки въ покояхъ ветхи и чтобъ техъ арестантовъ не задавило"; главный ихъ приставъ, полковникъ Вындомскій, „завсегда пьянствуетъ і чинитъ великия непорядки"[1]).

Въ Шлюссельбургѣ Иванъ Антоновичъ былъ порученъ гвардіи капитану Шубину. Въ инструкціи, данной Шубину гр. А. Шуваловымъ, предписывалось, между прочимъ: „Въ которомъ мѣстѣ арестантъ содержится, и далеко-ли отъ Петербурга или отъ Москвы, арестанту не сказывать, чтобъ не зналъ. Вамъ и командѣ вашей, кто допущенъ будетъ арестанта видѣть, отнюдь никому не сказывать, каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ, о чемъ подтвердить подъ смертною казнію коли кто скажетъ". Ни Иванъ III никого, ни Ивана III никто никогда не видѣлъ: „Быть у онаго арестанта вамъ самому и ингерманландскаго пѣхотнаго полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Лукѣ Чекину, въ той казармѣ дозволяется, а кромѣ жъ васъ и прапорщика въ ту казарму никому ни для чего не входить, чтобъ арестанта видѣть никто не могъ, такожъ арестанта изъ казармы не выпускать; когда же для убиранія въ казармѣ всякой нечистоты кто впущенъ будетъ, тогда арестанту быть за ширмами, чтобъ

---

[1]) Изъ допроса, произведеннаго 23 марта 1756 г. Дѣло „о дѣвке Авдотье Кировой" въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 347.

его видѣть не могли“[1]). Въ 1757 году, Шубинъ заболѣлъ; его мѣсто занялъ преображенскаго полка поручикъ Михаилъ Овцынъ. Шуваловъ писалъ Овцыну: „Въ инструкціи вашей упоминается, чтобъ въ крѣпость, хотябъ генералъ пріѣхалъ, не впускать; еще вамъ присовокупляется, хотябъ и фельдмаршалъ и подобный имъ, никого не впущать и комнаты его императорскаго высочества великаго князя Петра Ѳедоровича камердинера Карновича въ крѣпость не пускать и объявить ему, что безъ указа Тайной Канцеляріи пускать не велѣно“[2]).

Такъ провелъ Иванъ Антоновичъ двѣнадцать лѣтъ въ Холмогорахъ и шесть въ Шлюссельбургѣ, во все время Елизаветы Петровны — ужасныя восемьнадцать лѣтъ одиночнаго заключенія. Онъ испытывалъ на себѣ полностію всю грубость нравовъ того вѣка, особенно въ лицахъ, рѣшавшихся быть досмотрщиками и тюремщиками. Онъ бывалъ „нагъ, босъ и голоденъ“, терпѣлъ отъ пьяныхъ приставовъ, „чинившихъ непорядки“; но всѣ эти ужасы были, по крайней мѣрѣ, противны инструкціи, являлись злоупотребленіемъ, слѣдовательно, скрывались, утаивались и, поэтому уже, не могли быть часты. Съ воцареніемъ грубаго и безжалостнаго Петра III эти ужасы узаконивались до извѣстной степени. Тотъ же гр. А. И. Шуваловъ вставилъ теперь въ инструкцію кн. Чурмантѣеву, смѣнившему Овцына, слѣдующій пунктъ: „Если арестантъ станетъ чинить какіе непорядки или вамъ противности или же что станетъ говорить непристойное, то сажать тогда на цѣпь доколѣ онъ усмирится, а буде и того не послушаетъ, то бить по вашему разсмотрѣнію палкою и плетью“[3]). Едва вступивъ на престолъ, Петръ III, указомъ отъ 1-го января 1762 года, добавлялъ, съ своей стороны, инструкцію гр. Шувалова: „Буде сверхъ нашего чаянія ктобъ отважился арестанта у васъ отнять, въ такомъ случаѣ противиться сколько можно и арестанта

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 3.

[2]) *Госуд. Архивъ*, 1. с.

[3]) *Государств. Архивъ*, VI, 350, ч. 3,

живаго въ руки не отдавать"[1]). По счастью для Ивана Антоновича, Петръ III царствовалъ всего шесть мѣсяцевъ и все это полугодіе, судя по рапортамъ изъ Шлюссельбурга, отъ секретной комиссіи, никто не покушался „отнять" арестанта и не было надобности прибѣгать къ цѣпямъ, палкамъ и плетямъ.

На другой же день по воцареніи Екатерины, генералъ-майоръ Савинъ, замѣнившій кн. Чурмантѣева, получилъ изъ Петергофа, отъ 29-го іюня, слѣдующій указъ: „Вскорѣ по полученіи сего имѣете ежели можно того же дня, а покрайней мѣрѣ на другой день безъимяннаго колодника содержащагося въ Шлюссельбургской крѣпости подъ вашимъ смотреніемъ вывезти сами изъ оной въ Кексгольмъ"[2]). Указъ былъ исполненъ въ точности и, судя по всеподданнѣйшему рапорту Никиты Савина, слѣдующимъ образомъ:

30-го іюня, въ 12-мъ часу ночи, Савинъ съ колодникомъ, квартирмейстеромъ и восемью солдатами отправился, на одномъ рябикѣ съ крышкою и двухъ щерботахъ, чрезъ Ладожское озеро въ Кексгольмъ, „токмо тояжъ ночи отъѣхавъ не болѣе семи верстъ въ озерѣ здѣлалась великая погода", и Савинъ потребовалъ отъ шлюссельбургскаго коменданта, Бередникова, еще трехъ солдатъ. На другой день, 1-го іюля, въ 5 часовъ дня, „учинился превеликой штурмъ съ дождемъ больше перваго, отчего рябикъ на каменья разбило такъ, что пополудни въ 10-мъ часу чрезъ великую силу приплыли къ берегу сажень за шесть вынуждены выходить въ воду и *у колодника завязавъ голову* на рукахъ на берегъ вынести и шедъ пѣшкомъ до деревни Морья версты съ четыре

---

[1]) Указъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка князю Чурмантѣеву, которому былъ порученъ въ это время „безъимянный колодникъ", въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 350, ч. 4. Объяснять это, не говоримъ оправдывать, тѣмъ, что Фридрихъ II указывалъ Петру III соперника въ лицѣ Ивана Антоновича — нельзя: до 1-го января 1762 г. Петръ III не получилъ еще ни одного письма отъ прусскаго короля, и первое его упоминаніе объ Иванѣ Антоновичѣ было не ранѣе марта 1762 года.

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI, 350, с. 4; Приложенія, I, 2.

такъ, что никто колодника видѣть не могъ". Все это случилось въ 30-ти верстахъ отъ Шлюссельбурга. Оба щербота разбиты; рябикъ „совсѣмъ негоденъ". Три дня чинили суда, но безуспѣшно, и 4-го іюля Савинъ извѣстилъ Бередникова, чтобъ „немедля прислалъ доншкоутъ или галиотъ или другіе какіе безъопасные суда". Бередниковъ прислалъ 7-го іюля „вольной галиотъ", на которомъ, въ 10-мъ часу вечера, отправились въ озеро, а на другой день, 8-го іюля, въ 1-мъ часу ночи, „недоѣхавъ до устья Воксы учинилась жестокая противная погода, по которой не можно было ни лавировать, ни буксировать, гдѣ простояли на якорѣ до другова дня и въ 8-мъ часу пополудни начали буксировать". 10-го іюля, въ 7 часовъ утра, прибыли въ Кексгольмъ. Савинъ и кексгольмскій комендантъ Шне искали „по всему городу" помѣщеніе для Ивана Антоновича и нашли „домъ близь комендантскаго двора, которой очистя, колодника во оной въ закрытой коляскѣ и *завязавъ ему лицо* привезли". Савинъ распорядился домъ „заборами забирать", учредилъ посты, далъ наставленіе премьеръ-майору Андрею Жихареву и капитанамъ Ивану Уварову и Льву Батюшкову, предложилъ коменданту Шне оказывать вспоможеніе секретной комиссіи, наказалъ „все въ секретѣ держать"[1]) и 11-го іюля отправился въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, произошли большія перемѣны — 6-го іюля не стало Петра III; 10-го іюля генералъ-майору Савину былъ посланъ новый указъ; „Вывезеннаго вами безъимяннаго арестанта изъ Шлюссельбурга паки имѣете отвезти на старое мѣсто въ Шлюссельбургъ"[2]). Исполненіемъ этого указа уже не торопились: только 6-го августа Савинъ выѣхалъ въ Кексгольмъ и, какъ сказано въ его рапортѣ Н. И. Панину, которому

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ г.-м. Савина въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 350, ч. 3; *Büsching*, VI, 532; *Castéra*, I, 311; *Helbig*, Biographie, II, 79. Укоры г. *Брюкнера*, будто Кастера полагаетъ, что Кексгольмъ ближе къ Петербургу, чѣмъ Шлюссельбургъ, объясняются дурнымъ нѣмецкимъ переводомъ, которымъ пользовался г. Брюкнеръ: у Кастера вѣрно сказано: la forteresse Kexholm, beaucoup plus éloignée.

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 4-я; Приложенія, I, 5.

была поручена теперь секретная комиссія, „14 августа, въ 4 часа утра привезенъ безъимянный арестантъ въ Мурзинку и бывъ во всегдашнемъ ожиданіи прибытія Вашего Высокопревосходительства не репортовано". Только 23-го августа Иванъ Антоновичъ вновь былъ заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость.

Въ одинъ изъ этихъ девяти дней, отъ 14 по 23 августа, неизвѣстно въ какой, Екатерина видѣла Ивана Антоновича и разговаривала съ нимъ[1]). Впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого свиданія, императрица повѣдала міру, къ сожалѣнію, въ такое время и при такой обстановкѣ, которыя способны умалить въ значительной степени ихъ достовѣрность. Въ манифестѣ отъ 17 августа 1764 года, обнародованномъ по случаю „учрежденія суда надъ бунтовщикомъ Мировичемъ", умоминая объ умерщвленіи самими тюремщиками „принца Іоанна", Екатерина говоритъ, между прочимъ: „Мы увидѣли въ немъ, кромѣ весьма ему тягостного и другимъ почти невразумительнаго косноязычества, лишеніе разума и смысла человѣческаго". Правда-ли это?

Ивану III было уже 22 года, когда Екатерина увидѣла его. Это былъ юноша средняго роста, довольно слабаго сложенія, но здоровый, насколько можетъ быть здоровъ человѣкъ, всю жизнь проведшій въ заточеніи, лишенный воздуха, движенія[2]). Неудивительно, еслибъ при такихъ условіяхъ онъ былъ слабъ здоровьемъ, даже болѣзненъ; между тѣмъ, въ донесеніяхъ лицъ, приставленныхъ для надзора за Иваномъ III, всегда ветрѣчается стереотипная фраза „арестантъ здоровъ", и ни разу не упоминается ни о болѣзненныхъ явленіяхъ, ни о физическихъ какихъ-либо

---

[1]) Um eben diese Zeit war auch die Kayserin neugierig ihn zu sehen: ich weiss aber weder wo sie ihn gesehen hat, noch was bei dieser Gelegenheit vorgefallen ist. *Büsching*, VI, 532.

[2]) Er hatte eine sehr feine Haut, weil er beständig in dem Gefängniss eingeschlossen war und nicht an die freye Luft kam. Als der Bart bey ihm hervorkam, liess er denselben wachsen und machte viel daraus (*Büsching*, VI, 530), Il avoit une belle taille, une figure très intéressante, des cheveux superbes et la voix de la plus grande douceur (*Castèra*, I, 302; II, 79).

недостаткахъ. Только ужъ послѣ смерти Ивана Антоновича, его убійцы, капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, показали, что онъ былъ косноязыченъ: „не токмо произношение словъ съ крайнѣйшею трудностію и столь невразумительно производилъ, что постороннимъ почти вовсе, а намъ, яко безотлучно при немъ находившимся, весьма трудно слово ево понять можно было; но еще для сего крайне невразумительнаго словопроизводства подбородокъ свой рукою поддерживалъ и къ верху привздымать потому принужденнымъ находился, что безъ того и произносимыхъ словъ хоть мало понятными произвесть былъ не въ состояніи"[1]. Косноязычіе — недостатокъ выдающійся, замѣтный, особенно въ той степени, какъ онъ описанъ въ приведенномъ показаніи двухъ офицеровъ, въ теченіи восьми лѣтъ безотлучно находившихся при Иванѣ Антоновичѣ; при немъ, однако, находились и другія лица: Корфъ, Миллеръ, Шубинъ и Овцынъ, бывшіе въ частыхъ сношеніяхъ съ Иваномъ, не замѣчали въ немъ косноя-

---

[1]) Все слѣдственное производство по дѣлу Мировича хранится въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 400, въ четырехъ связкахъ, въ большомъ порядкѣ. Показанія Власьева и Чекина, данныя ими на допросѣ, произведенномъ генералъ-поручикомъ Веймарномъ, хранятся въ оригиналѣ и въ копіи, сдѣланной для доклада императрицѣ. Ни въ показаніи Власьева (л. 187), ни въ показаніи Чекина (л. 194) нѣтъ ни слова ни о косноязычіи, ни о безуміи Ивана Антоновича. Это объясняется, прежде всего, тѣмъ, что слѣдствіе производилось о бунтѣ Мировича, не объ умерщвленіи Ивана III. Гансъ фонъ-Веймарнъ отнесся серьезно къ порученному ему слѣдствію; преступленіе Мировича разъяснено имъ образцово и все слѣдствіе ведено умѣлою рукою, безпристрастно, въ высшей степени порядочно. Съ внѣшней стороны, слѣдственное производство не оставляетъ ничего желать: каждая бумага, даже по самому ничтожному вопросу, перемѣчена, занумерована, подписана и скрѣплена. Изъ этого обширнаго дѣлопроизводства, составляющаго нѣсколько сотенъ листовъ, самимъ слѣдователемъ, Веймарномъ, составленъ для императрицы краткій „Экстрактъ" съ подробнымъ указаніемъ на страницы дѣлопроизводства (*Приложенія*, VII, 6). Какъ въ самомъ дѣлѣ, такъ и въ экстрактѣ нѣтъ ни одной бумаги о безуміи и косноязычіи Ивана Антоновича. Она явилась уже послѣ слѣдствія, произведеннаго Веймарномъ, и въ формѣ, внушающей полное недовѣріе (см. ниже, *Изслѣдованія*, III: „Аттестатъ безумія").

зычія. Даже въ мартѣ 1762 года, когда императоръ Петръ III посѣтилъ Ивана въ шлюссельбургскомъ казематѣ, ни Петръ и никто изъ сопровождавшихъ его лицъ — ни Корфъ, знавшій Ивана еще младенцемъ, ни Нарышкинъ, Унгернъ-Штернбергъ и Волковъ — не замѣтили въ немъ этого недостатка[1]). Такъ какъ Власьеву и Чекину, да и самой Екатеринѣ, казалось бы, не было нужды клепать на убитаго, то оставалось бы предположить, что этотъ порокъ, если онъ дѣйствительно существовалъ, развился въ послѣдніе годы жизни Ивана, быть можетъ, внезапно, вслѣдствіе какого-либо испуга; но это предположеніе опровергается сохранившимися рапортами за 1762—1764 годы: рапорты посылались акуратно каждыя двѣ недѣли и въ нихъ ни о чемъ подобномъ не упоминается.

Несравенно важнѣе и, по существу, интереснѣе вопросъ объ умственныхъ способностяхъ Ивана III. И въ этомъ случаѣ, офицеры Власьевъ и Чекинъ вполнѣ подтверждаютъ заявленіе императрицы. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей они показали; „ни единаго, во время восьми лѣтъ, нами момента не примѣчено, въ коемъ бы онъ настоящимъ употребленіемъ разума пользовался".

Обстановка, при которой росъ и выросъ Иванъ Антоновичъ, не даетъ, конечно, права ожидать у него особенныхъ умственныхъ способностей. Какъ царство небесное, умственныя способности нудятся воспитаніемъ, образованіемъ, всѣмъ вліяніемъ той умственной атмосферы, среди которой человѣкъ ростетъ. Что дала судьба въ этомъ отношеніи Ивану? Съ четырехлѣтняго возраста онъ былъ оторванъ отъ отца, отъ матери, отъ родныхъ и сданъ на руки тюремщикамъ; двадцать лѣтъ надъ нимъ производился опытъ перваго въ Россіи примѣненія безчеловѣчной системы одиночнаго заключенія. Онъ никого не видѣлъ, съ нимъ никто не разговаривалъ; на вопросы

---

[1]) Генералъ полицеймейстеръ баронъ Корфъ сообщилъ Бюшингу подробности о посѣщеніи Ивана III императоромъ, въ свитѣ котораго Корфъ находился, и Бюшингъ ни единымъ словъ не упоминаетъ о косноязычіи. *Büsching*, VI, 571: Ich habe alle Umstände von dem Besuche aus dem Munde des Generals von Korff erfahren.

его запрещено было отвѣчать. Въ мартѣ 1762 года, когда Петръ III посѣтилъ узника въ Шлюссельбургѣ, двадцатидвухлѣтный Иванъ оказался неспособнымъ ясно мыслить и отчетливо говорить, былъ слабъ умомъ[1]). Это ни мало не удивительно и вполнѣ вѣроятно; но это не даетъ еще права заключать, что онъ былъ лишенъ „разума и смысла человѣческаго". Екатерина, видѣвшая Ивана Антоновича, быть можетъ, лишь нѣсколько минутъ, могла, конечно, ошибиться; но Власьевъ, но Чекинъ, прожившіе съ нимъ въ одной казармѣ безотлучно восемь лѣтъ, наблюдавшіе его и по обязанностямъ службы, и по необходимости?

Показаніе Власьева и Чекина, двухъ офицеровъ, убившихъ Ивана и, слѣдовательно, свидѣтелей пристрастныхъ, высказано въ такой рѣшительной формѣ, которая не внушаетъ къ себѣ довѣрія: въ теченіе восьми лѣтъ ими не замѣчено „не единаго момента", когда Иванъ не былъ бы сумасшедшимъ. Это само по себѣ уже невѣроятно и свидѣтельствуетъ объ ихъ неумѣньи наблюдать больныхъ подобнаго рода. Сохранились рапорты лицъ, наблюдавшихъ за Иваномъ одновременно съ ними и тоже въ продолженіи нѣскольнихъ лѣтъ; эти рапорты даютъ возможность провѣрить показаніе Власьева и Чекина. Приво-

[1]) Лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитанъ князь Чурмантѣевъ получилъ секретный указъ отъ 22 марта 1762 года: „къ колоднику имѣете тотчасъ допустить нашего генералъ-адъютанта барона Унгарна и съ нимъ капитана Овцына, а потомъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ помянутый баронъ Унгарнъ пропустить прикажетъ" (*Госуд. Архивъ,* VI, 350, 4). Съ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ въ шлюссельбургскую крѣпость прибыли и Ивана Антоновича посѣтили: Петръ III, Корфъ, Нарышкинъ, вѣроятно Мельгуновъ и Волковъ. Понятно, что свѣдѣнія объ Иванѣ III не могли уже сохраниться въ тайнѣ, и въ общество, по крайней мѣрѣ высшее, проникли впечатлѣнія, вынесенныя этими лицами изъ шлюссельбургскаго свиданія. Англійскій посланникъ *Кейтъ,* лицо близкое Петру III, въ депешѣ отъ 16 апрѣля, сообщалъ: „Императоръ видѣлъ Ивана III и нашелъ его взрослымъ мущиной, но въ состояніи слабоумнаго" (*Raumer*, II, 509). Англичанинъ употребилъ выраженіе *imbecility*, а не *madness*, даже не *folly*. Преемникъ Кейта, графъ *Букингэмъ* сообщалъ даже, будто Петръ III нашелъ, что разговоръ Ивана Антоновича былъ „не только разсудителенъ, но даже оживленъ" *Сборникъ*, XII, 174). Этому противорѣчитъ, однако, показаніе Корфа: der Prinz redete verwirrt (*Büsching*, VI, 531).

димъ подлинныя выписки изъ ряда донесеній Овцына[1]) относительно умственныхъ способностей Ивана Антоновича:

29 мая 1759. „Объ арестанте всегда вашему высокографскому сиятельству всепокорнейшими моими репортами доношу, что онъ здоровъ, а хотя въ немъ болезни никакой не видно, только въ уме несколько помешался, что его портятъ шептаніемъ, дутіемъ, пусканіемъ изо рта огня і дыма; кто въ постели лежа повернется іли ногу переложитъ, за то сердится, сказывая, что на него шепчутъ и темъ портятъ. Приходилъ расъ къ подпоручику его бить и мнѣ говорилъ, чтобъ его унять и естьли не уйму, то онъ станетъ бить. Стану его разговаривать, и меня такимъ же еретикомъ называетъ“.

17 іюня. „Вашему высокографскому сиятельству доношу объ арестанте что онъ здоровъ, а въ поступкахъ также какъ і прежде не могу понять воистинну ль онъ въ уме помешался іли притворничествуетъ. Сего месяца 10 числа осердился, что не далъ я ему ножницъ, кричалъ будто я съ нимъ говорю грубо, а подпорутчику, крича, говорилъ: смеешь ли ты свинья со мною говорить? Во время обеда за столомъ всегда кривляетъ ротъ, головою і ложкою на меня также і на протчихъ взмахиваетъ, и многіе другія проказы дѣлаетъ. Опасаюсь чтобъ не согрѣшить ежели не донести, что онъ въ уме помѣшался,

---

[1]) *Государств. Архивъ,* VI, 350, ч. II. Цѣлая связка рапортовъ гр. А. И. Шувалову и переписка Шувалова съ Овцынымъ и шлюссельбургскимъ комендантомъ Бередниковымъ. Бумаги Шувалова, адресованныя въ Шлюссельбургъ, сохранились очень хорошо; рапорты же изъ Шлюссельбурга, отъ Бередникова и Овцына, совершенно сгнили. Рапортъ капитана Михаила Овцына отъ 16 августа 1758 года читать уже нельзя — одни сгнившіе куски, причемъ чернила выцвѣли; рапортъ его же отъ 3 октября того же года равнымъ образомъ нельзя прочесгь. Другіе рапорты также сгнили и чтеніе ихъ крайне затруднительно. Вотъ почему нельзя ручаться за безусловно вѣрное чтеніе — многое приходится дополнять догадкою, по смыслу фразы и по связи словъ. Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ рапортовъ напечатаны, *Соловьевъ,* XXII, 147; XXIV, 30; *Внутренній бытъ* русскаго государства, Москва, 1880, I, 555.

однакожъ весьма сомневаюсь, потому о протчемъ обо всемъ говоритъ порядочно".

4 іюля. „По приказу вашего высокографскаго сиятельства арестанта спрашивалъ, кто онъ и онъ назвалъ себя принцемъ. Я ему сказалъ, чтобъ онъ той пустоты о себѣ не думалъ и впредь того не вралъ. Видно что ноне гораздо болея прежняго помешался, и чтобъ отъ него не робеть въ томъ воздержаться не могу. На мои разговоры кричалъ: смѣешь ты на меня кричать — я здешней имперіи принцъ, я государь вашъ".

7 августа. У арестанта кроме безумия болезни никакой не видно. О себе прежней пустоты ничево не вретъ, а въ поступкахъ таковъ же какъ і прежде вашему высокографскому сиятельству доносилъ: ежели при немъ стукну іли что другое ему невзлюбитца бранитъ".

18 сентября. „Арестантъ передъ прежнимъ несколько смирнее и въ безуміи таковъ какъ и прежде былъ. Афицерамъ чтобъ оне его не дразнили много расъ подтверждалъ" [1]).

27 ноября. „Всепокорнейше доношу, что арестантъ смиренъ и послушенъ и шалостей никакихъ не делаетъ, а безумство ево ни въ чемъ кроме какъ въ одной той ереси, что часто сказываетъ про офицеровъ, что ходятъ, шепчутъ і темъ ево портятъ, только і отъ безумства никакой шалости і безпокойства неделаетъ".

25 декабря. „Арестантъ здоровъ".

19 апрѣля 1760. „Арестантъ здоровъ і времянемъ безпокоинъ, а до того всегда его офицеры доводятъ, всегда его дразнятъ".

Основной мотивъ, руководившій Овцынымъ при заключеніи о „помѣшательствѣ" Ивана Антоновича, особенно интересенъ: арестантъ утверждаетъ, что онъ

---

[1]) Овцынъ еще въ іюлѣ 1759 г. сообщалъ гр. Шувалову, что приставленные къ арестанту офицеры Власьевъ и Чекинъ раздражаютъ и дразнятъ несчастнаго. „Я и о нихъ сумнѣваюсь весьма — писалъ онъ — что нарошно раздражаютъ". Въ августѣ, гр. Шуваловъ, узнавъ положительно, что Власьевъ и Чекинъ ведутъ себя недостойнымъ образомъ, приказалъ „остеречь ихъ". Овцынъ отвѣчаетъ приведеннымъ рапортомъ отъ 18 сентября.

„принцъ“, что онъ „здѣшней имперіи государь“! Что представлялось бредомъ сумасшедшаго для Овцына, то было непреложною истиною для Ивана III, которую онъ, по его же словамъ, зналъ „отъ родителей“, слышалъ „отъ солдатъ“[1]). Побочный мотивъ — безпокойное состояніе Ивана. Въ чемъ же оно выражается? Онъ бранится — въ отвѣтъ на какую-то грубость Власьева закричалъ: „смѣешь-ли ты, свинья, со мною говорить“; онъ дерется — схватилъ Овцына за рукавъ такъ, что тулупъ изорвалъ; во время обѣда грозитъ Овцыну ложкою. Овцынъ довольно вѣрно указываетъ и одну изъ причинъ такого безпокойства Ивана Антоновича: Власьевъ и Чекинъ, приставленные къ арестанту, раздражаютъ его, дразнятъ его. Можно-ли на основаніи подобныхъ данныхъ признать Ивана Антоновича сумасшедшимъ? Онъ не разъ собирался даже „бить“ офицеровъ — вѣрный признакъ, что онъ былъ въ полномъ умѣ.

Если Иванъ III былъ лишенъ разума и смысла человѣческаго, то что сказать о Бинѣ Менгденъ[2]), одной изъ страдалицъ за брауншвейгскую семью? Иванъ Антоновичъ только „взмахивалъ ложкою“ за обѣдомъ, а Бина „бросала тарелки, ножи, вилки“ въ солдата и „выливала супъ на голову служившей ей женщины“: Иванъ III только собирался бить офицеровъ, которые „дразнили его“, а

---

[1]) *Büsching*, VI, 531.

[2]) При дворѣ Анны Леопольдовны были три фрейлины, баронессы фонъ Менгденъ, три сестры — Юліана, Якобина и Марія. Четвертая ихъ сестра, Аврора, была замужемъ за гр. Лестокомъ; пятая, Анна-Доротея, за оберъ-гофмейстеромъ гр. Минихомъ, сыномъ генералъ-фельдмаршала. Онѣ были дочери барона Магнуса-Густава, шведскаго подполковника, лифляндскаго ландмаршала. Изъ трехъ фрейлинъ, особеннымъ фаворомъ пользовалась Юліана, 1719—1786, носившая титутъ статсъ-фрейлины. Правительница сама „заботилась“ о ея бракѣ съ куръ-саксонскимъ посланникомъ гр. Линаромъ. Якобина Менгденъ, бывшая въ заточеніи, во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ того времени называется уменьшительнымъ именемъ Бины. Графъ Линаръ увезъ въ 1741 году брильянты и деньгами 30 000 руб., принадлежащіе Юліанѣ, и забылъ возвратить ихъ; въ 1764 г. по этому поводу началась любопытная переписка, хранящаяся въ *Дрезден. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 24 sqq.

Бина „ударила офицера по уху и схватила за волосы, такъ что едва могли отнять“. Между тѣмъ Бина Менгденъ содержалась „безчеловѣчно“ только два съ половиною года, а Иванъ Антоновичъ — двадцать лѣтъ. Но у Ивана III было въ данномъ случаѣ, спасительное преимущество, котораго, къ счастію, была лишена Бина Менгденъ: онъ созналъ себя уже въ темницѣ, уже въ „безчеловѣчной“ обстановкѣ, онъ выросъ въ ней, сжился съ нею и она не могла имѣть на его умственный организмъ такого разрушительнаго вліянія, какой производитъ она на организмъ, развившійся при иныхъ условіяхъ.

Иванъ III не получилъ никакого образованія. Честный Миллеръ сжалился надъ малюткою и научилъ его, еще въ Холмогорахъ, русской азбукѣ. Онъ читалъ книги духовнаго содержанія. Въ Шлюссельбургѣ, во время споровъ съ Овцынымъ, онъ „доказываетъ евангеліемъ, апостоломъ, минеею, прологомъ, маргаритою и прочими книгами“[1]). Чтеніе этихъ книгъ и, вѣроятно, еще болѣе холмогорскіе разговоры съ солдатами развили въ немъ вѣру въ колдуновъ, порчу, шептаніе, глазъ, какъ вѣрили въ это многія „извѣстныя персоны“ въ Холмогорахъ, какъ вѣрятъ отъ одури во многое другое. У него была хорошая память: прочитавъ четьиминеи, онъ „сказываетъ въ которомъ месте і въ житіи котораго святого“ находится приводимый имъ фактъ. У него было доброе сердце — онъ съ благодарностью вспоминалъ Корфа, человѣчно съ нимъ обходившагося. По развитію, Иванъ III и въ 24 года былъ совершенный ребенокъ, но ребенокъ раздраженный, нервный: „нрава онъ былъ весьма сердитаго, свирѣпаго и горячаго, никакого противорѣчія не сносилъ“, но сумасшедшимъ онъ не былъ.

Екатерина знала это; менѣе чѣмъ кто либо, она не считала шлюссельбургскаго „безъимяннаго колодника“ сумасшедшимъ. За нѣсколько дней до того, какъ Екате-

---

[1]) Судя по иностраннымъ источникамъ, Иванъ Антоновичъ изучилъ азбуку при помощи родителей, а читать началъ благодаря приставу Миллеру. *Iwan*, 21; *Büsching*, 529; *Castéra*, I, 306; *Saldern*, 17; *Helbig*, Biographie, II, 75.

рина увидѣла, въ первый и послѣдній разъ, Ивана Антоновича, она утвердила, 8 августа 1762 года, докладъ сената объ учрежденіи „долгаузовъ“ для призрѣнія умалишенныхъ[1]); позже, Екатерина всегда относилась чрезвычайно гуманно къ страждущимъ умственными способностями, хотя бы они даже обвинялись въ оскорбленіи величества[2]). Между тѣмъ, къ Ивану Антоновичу Екатерина отнеслась именно не такъ, какъ къ сумасшедшему.

Съ воцареніемъ Екатерины личный составъ надзора за несчастнымъ Иваномъ III совершенно обновленъ. Такъ называемая „секретная комиссія“ поступила въ главное завѣдываніе Н. И. Панина, какъ человѣка, безусловно пользовавшагося полнымъ довѣріемъ императрицы; приставами, жившими въ одномъ казематѣ съ Иваномъ Антоновичемъ, были назначены капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, тѣ именно офицеры, которые, по словамъ Овцына, раздражали „арестанта“, дразнили „безъимянаго колодника“. Отъ 3-го же августа были даны, съ вѣдома, конечно, Екатерины, новыя инструкціи приставамъ и шлюссельбургскому коменданту Бередникову[3]). Кромѣ обычныхъ въ подобномъ случаѣ наставленій, въ инструкціяхъ встрѣчаются и дѣйствительно „новыя“ черты.

Шлюссельбургскій комендантъ никогда не зналъ, кто именно содержится подъ названіемъ „безъимяннаго колодника“. Онъ могъ, конечно, догадываться: онъ слышалъ, что изъ Холмогоръ увезенъ „принцъ Іоаннъ“ и вскорѣ затѣмъ въ Шлюссельбургѣ былъ водворенъ „безъимянный колодникъ“. Такъ какъ Иванъ III былъ 30 іюня

---

1) „О имѣніи для безумныхъ дольгаузовъ“, *Указы* Екатерины, 81; *П. С. З.*, № 11647. *Дольгаузъ*, т. е. Tollhaus, Irrenhaus, домъ для умалишенныхъ, для идіотовъ.

2) Верейскій купецъ Матюшинъ, будучи у губернатора, дерзко отозвался о Екатеринѣ. Поднялось дѣло. Желая спасти купца, мѣстный врачъ выразилъ сомнѣніе въ его умственныхъ способностяхъ. Екатерина, въ указѣ кн. Прозоровскому, отъ 12 ноября 1791 года, повелѣла: „Отослать его для излѣченія и надлежащаго по безумству его за нимъ присмотра, доколѣ въ умѣ исправится, въ домъ сумашедшихъ“. *Русск. Архивъ*, 1872, 568. Ср. указъ отъ 2-го декабря 1791 г., *Ibid.*, 561.

3) *Госуд. Архивъ*, VI, 350; Приложенія VII, 1, 2.

увезенъ въ Кексгольмъ, и возвратился въ Шлюссельбургъ только черезъ два мѣсяца, 23-го августа, то въ инструкціи Бередникову говорилось о „нѣкоторомъ безъимянномъ *новопривезенномъ* въ крѣпость арестантѣ“, причемъ, для отвода глазъ, прибавлялось: „арестантъ хотя самъ по себѣ и невеликой важности есть, но на нѣкоторое время секретно содержаться имѣетъ единственно въ смотреніи у капитана Власьева и поручика Чекина, а до вашего свѣденія онъ не принадлежитъ“. На коменданта возлагались только чисто хозяйственныя заботы по „секретной комиссіи и надзоръ за внѣшнимъ карауломъ[1]). Въ инструкціи, данной Бередникову, сказался взглядъ новаго правительства на Ивана Антоновича въ одномъ лишь пунктѣ: „Лѣкаря гарнизоннаго къ офицерамъ (Власьеву и Чекину) допускать, толькобъ больной отдѣленно лежалъ отъ арестанта и лѣкарь онаго арестанта отнюдь видѣть не могъ. А ежели арестантъ (Иванъ III) занеможетъ, то неописавшися ко мнѣ лѣкаря не допускать“ (п. 10-й). Бередниковъ могъ, конечно, предполагать, что къ захворавшему арестанту, „хоть и не великой важности“, будетъ присланъ придвовный врачъ, по выбору Панина; но смыслъ этого пункта вполнѣ разъясняется инструкціей, данной Власьеву и Чекину: „Ежели арестантъ занеможетъ опасно и не будетъ надежды ему выздоровѣть, то въ такомъ случаѣ для исповѣди и святаго причащенія призвать священника одного и велѣть арестанта исповѣдывать и святыхъ таинъ причастить“ (п. 13-й). Вопросъ о докторѣ, о лѣченіи, устраненъ вполнѣ.

Совершенною новостью въ инструкціи приставамъ является едва прикрытое желаніе правительства избавиться отъ Ивана Антоновича постриженіемъ: „Разговоры вамъ употреблять съ арестантомъ такіе, чтобъ въ немъ возбуждать склонность къ духовному чину, то есть къ мона-

---

[1]) Въ самой крѣпости былъ еще особый, внутренній караулъ, спеціально для „секретной комиссіи“ находившійся подъ вѣдѣніемъ Власьева и Чекина. Его составъ видѣнъ изъ указа военной коллегіи, отъ 30 іюля 1762 г. *Архивъ Сената*, Копіи высоч. повел., кн. 176, л. 107; Приложенія, V, 9.

шеству, и что ему тогда имя надобно будетъ перемѣнить; а называть его будутъ вмѣсто Григорья Гервасій, толкуя ему, что житіе его Богомъ уже опредѣлено къ иночеству и что и вся его жизнь такъ происходила, что ему поспѣшать надобно себѣ испрашивать постриженіе, которое, ежели онъ желаетъ, вы ему и исходатайствовать можете, чѣмъ наипаче уединеніе его въ которомъ онъ живетъ будетъ спокойное и спасительное душѣ его. Но къ тому (толковать ему) надобно, вопервыхъ, кроткое, тихое и несварливое съ вами и со всѣми кто при немъ обхожденіе, твердую къ Богу вѣру и нелицемѣрное и непритворное желаніе, и притомъ всегдашнее къ вамъ послушаніе, наипаче же въ словахъ и въ рукахъ воздержное обхожденіе, то есть, безъ злости и безъ брани скромное житіе, а инако Богъ не пріемлетъ въ чинъ ангельской никакихъ строптивыхъ людей. И сіе увѣщаніе повседневно обще обоимъ вамъ и по одиночкамъ каждому ему истолковывать, и какіе его на то будутъ отзывы, ко мнѣ всегда репортовать, прописывая точныя его слова" (п. 2-й). Нельзя, конечно, отрицать, что принятіе Иваномъ Антоновичемъ иноческаго чина являлось самымъ простымъ разрѣшеніемъ вопроса объ Иванѣ III, какъ претендентѣ на престолъ; но можно только удивляться, что эта миссія возлагалась на двухъ пѣхотныхъ офицеровъ арміи, людей необразованныхъ, грубыхъ, вполнѣ неспособныхъ быть миссіонерами монашества.

Пока Иванъ III живъ, онъ всегда будетъ угрозой Екатеринѣ, всегда можетъ волновать недовольныхъ и даже быть невольною причиною серьезнаго безпокойства. Только два исхода и представлялись въ данномъ случаѣ для правительства — постриженіе или смерть Ивана Антоновича. Екатерина озаботилась о томъ и другомъ.

Петръ III, вступая на престолъ, предписывалъ секретнымъ указомъ князю Чурмантѣеву „арестанта живаго въ руки не отдавать"; Екатерина, въ секретной инструкціи Власьеву и Чекину, поставила точку на і: „Ежели паче чаянія случится, чтобъ кто пришелъ съ командою или одинъ, хотябъ то былъ и комендантъ или иной какой офицеръ, безъ именнаго за собственноручнымъ Ея Импе-

раторскаго Величества подписаніемъ повелѣнія или безъ письменнаго отъ меня[1]) приказа, и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго никому не отдавать, и почитать все то за подлогъ или непріятельскую руку. Буде же такъ оная сильна будетъ рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живаго ни кому его въ руки не отдавать. Въ случаѣ же возможности, изъ насильствующихъ стараться ежели не всѣхъ, то хотя нѣкоторыхъ захватить и держать подъ крѣпкимъ карауломъ и о томъ репортовать ко мнѣ немедленно чрезъ курьера скоропостижнаго" (п. 4-й).

При извѣстномъ условіи, съ крайними предосторожностями, Иванъ Антоновичъ могъ, однако, видѣть священника; но докторъ безусловно, ни при какихъ обстоятельствахъ, къ нему не допускался. Ивану III предоставлялось умереть естественною смертью — съ покаяніемъ, но безъ лѣченія; вопросъ же о насильственной смерти отданъ на рѣшеніе двухъ офицеровъ, лично заинтересованныхъ въ возможно скорой его кончинѣ. Такія распоряженія ясно свидѣтельствуютъ, что Екатерина не признаетъ его лишеннымъ „разума и смысла человѣческаго". Еслибъ Иванъ Антоновичъ дѣйствительно лишился разума, еслибъ Екатерина дѣйствительно убѣдилась бы при личномъ съ нимъ свиданіи, что онъ сумасшедшій, она прокричала бы объ этомъ на всю Россію и приняла бы относительно больного такія мѣры, которыя прославили бы ее человѣколюбіе и чувствительность. Сумасшедшій Иванъ III переставалъ быть угрозой и умерщвленіе его становилось излишнимъ.

---

[1]) Т. е. Н. И. Панина. Петръ III собственноручно подписалъ указъ, воспрещавшій отдавать живого Ивана Антоновича; инструкція, предписывавшая умертвить его, подписана не Екатериною, а Панинымъ. Екатерина подписала только указъ Власьеву и Чекину, отъ 3 августа 1762 года; но въ этомъ указѣ ясно сказано, что они должны исполнять „всѣ наставленія и инструкціи *Нашимъ именемъ* вамъ даваемыя" (*Приложенія*, VII, 2; *Castéra*, II, 82). Депеша гр. *Сакена*, отъ 14 августа: L'Impératrice a déclarée vendredi dernier en plein sénat, qu'Elle n'avait fait que confirmée simplement les ordres donnés sous le règne précédent aux officiers auxquels la garde de ce prince avoit été confiée (*Дрезд. Архивъ*, vol. I, № 67).

Поручивъ „секретную комиссію“ Н. И. Панину, одобривъ составленную имъ инструкцію тюремщикамъ, приставленнымъ къ Ивану Антоновичу, Екатерина успокоилась, но не на долго. Вскорѣ послѣ коронаціи, между пьяными офицерами сталъ распространяться слухъ о необходимости „возставить Іванушку“, о намѣреніи такой перемѣны, „чтобъ быть императоромъ и государемъ Івану Антоновичу“. 28 октября 1762 г. была „экзекуция“ Хрущевыхъ и Гурьевыхъ, а уже 17-го ноября Екатерина посылаетъ генералъ-майора Бибикова въ Холмогоры съ письмомъ и порученіемъ къ принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому, отцу Ивана III. Въ секретной инструкціи, данной Бибикову, сказано, между прочимъ: „Намѣреніе наше въ посылкѣ васъ къ нему въ томъ состоитъ: мы по человѣколюбію нашему желаемъ его, принца, избавить отъ сего долговременнаго заключенія, но не можемъ еще приступить къ сему дѣлу, не взявъ прежде мѣръ подлежащихъ, по которымъ бы примирить можно было штатскіе резоны съ его освобожденіемъ, и потому, вручивъ письмо принцу, объявить ему имѣете изустно, что мы его одного намѣрены теперь освободить и выпустить въ его отечество съ благопристойностію, а дѣтей его для тѣхъ же государственныхъ резоновъ, которые онъ по брагоразумію своему понимать самъ можетъ, до тѣхъ поръ освободить не можемъ, пока дѣла наши государственныя не укрѣпятся въ томъ порядкѣ, въ которомъ они, къ благополучію имперіи нашей, новое свое положеніе теперь приняли“[1]). Эта миссія Бибикова была вполнѣ неудачна: Антонъ-Ульрихъ отказался отъ свободы только личной, предпочитая дѣлить съ дѣтьми неволю, а Бибиковъ впалъ въ немилость[2])

---

[1]) *Бибиковъ*, 27; *Сборникъ*, VII, 183, п. 2 и 3-й. Въ п. 1-мъ инструкціи Бибикову поручается „отъ насъ ему данное вамъ письмо вручить“; въ п. 6-мъ упоминается, что „мы прежде писали ему“. Письма Екатерины II къ пр. Антону-Ульриху не сохранились или, покрайней мѣрѣ, еще не изданы.

[2]) По слухамъ, онъ имѣлъ неосторожность отозваться съ большими похвалами о принцессѣ Екатеринѣ Антоновнѣ и тѣмъ навлекъ на себя немилость императрицы. *Бантышъ-Каменскій*, I, 174.

Толки объ Иванѣ Антоновичѣ заставили Екатерину вспомнить объ Антонѣ-Ульрихѣ; слухи о сынѣ напомнили ей объ отцѣ. Когда же, спустя полгода, прошли въ той же Москвѣ разговоры о возможности брака императрицы „съ однимъ изъ Іванушкиныхъ братьевъ", Екатерина ни о комъ не вспомнила. Иванъ Антоновичъ подъ двойнымъ карауломъ; живымъ изъ своего каземата онъ выйти не можетъ. Власьевъ и Чекинъ рапортуютъ два раза въ мѣсяцъ Панину и эти рапорты до того однообразно скучны, такъ стереотипно безцвѣтны, что не только Екатеринѣ, даже Панину надоѣли[1]).

Надоѣли они и самимъ тюремщикамъ. Не прошло и года по воцареніи Екатерины, какъ Власьевъ и Чекинъ начинаютъ проситься въ отставку. Надзоръ за Иваномъ Антоновичемъ являлся для нихъ самихъ заточеніемъ: по инструкціи, они не могли никуда выходить, имъ было запрещено переписываться съ родными, разговаривать съ знакомыми. На первую же ихъ просьбу „помилосердствовать", Панинъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Благородные господа капитанъ Власьевъ и порутчикъ Чекинъ.

„Я не сумнѣваюся, что вы находяся въ вашемъ мѣстѣ претерпѣваете долговременную трудность отъ положеннаго на васъ дѣла, однакожъ памятую и то что вамъ обѣщано скоро окончаніе вашей комиссіи. Извольте взять еще нѣкоторое терпѣніе и будте благонадежны что ваша служба тѣмъ больше забыта не будетъ, а при томъ увѣряю васъ что ваша коммиссія для васъ скоро окончается и вы безъ воздаянія не останетеся.

„Вашъ всегда доброжелательный слуга

„Августа 10 дня
„1763 г. *„Н. Панинъ".*

Спустя четыре мѣсяца, 29 ноября, Власьевъ и Чекинъ снова пишутъ Панину, что силъ ихъ „болше нету" и

---

[1]) Только разъ, отъ 17-го сентября 1762 года, Власьевъ и Чекинъ рапортовали, что, согласно инструкціи, они предлагали „арестанту" постричься, на что онъ изъявилъ свое согласіе (*Государств. Архивъ*, VI, 350, ч. 3). Всѣ дальнѣйшіе рапорты составлены по шаблону: „арестантъ разговоровъ ни о чемъ не имелъ и непорядковъ отъ него не происходило". Иногда выраженіе *не имелъ* замѣнялось выраженіемъ *не употреблялъ* (*Ibid.*, ч. 5-я). Рапортъ отъ 11-го января 1763 года, выходящій изъ шаблона, сообщается полностію въ *Изслѣдованіяхъ*, III. „Аттестатъ безумія".

Христомъ Богомъ просятъ выпустить ихъ изъ Шлюссельбурга. Слова Панинъ пишетъ имъ, отъ 28 декабря, уговариваетъ ихъ потерпѣть еще немного, посылаетъ каждому по тысячѣ рублей и прибавляетъ: „оное ваше разрѣшеніе не далѣ какъ до перьвыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ продлиться можетъ“[1]).

Слухи и толки объ Иванѣ Антоновичѣ, строго говоря, никогда не прекращались; но весной 1764 года въ Петербургѣ стали ходить неясные толки о какой-то предстоящей катастрофѣ. Слухи настолько были настойчивы, такъ часты, что могли подать поводъ къ какимъ-либо мѣрамъ[2]), о которыхъ, однако, нѣтъ серьезныхъ упоминаній. Эти слухи, кажется, объясняются тѣмъ, что съ весны стало всѣмъ извѣстно о предстоящемъ путешествіи императрицы въ Лифляндію, а отсутствіе Екатерины изъ Петербурга, конечно, въ значительной степени облегчало всякое предпріятіе, направленное противъ нея. Съ половины апрѣля, со святой недѣли, участились подметныя письма, въ которыхъ чѣмъ дальше, тѣмъ точнѣе, говорилось о катастрофѣ. „Все сіе презрѣнія достойно“, говаривала Екатерина и отдавала безъимянные доносы Н. И. Панину, которому „декабря 10-го прошлаго года указомъ поручены были тайныя дѣла“. Въ самый день отъѣзда императрицы, 20-го іюня, на улицѣ было поднято подметное письмо[3]) опять съ указаніями на шлюссельбургскую

---

[1]) Оба письма Панина въ *Государств. Архивѣ*, VI, 350, ч. 5-я.

[2]) См. выше, стр. 321, прим. 1.

[3]) *Государств. Архивъ*, VI, 400 ч. 2, л. 244. Въ этомъ подметномъ письмѣ сказано, между прочимъ: „Какъ скоро волею Божіею Іоаннъ престолъ получитъ, Минихъ, Остерманъ и Биронъ въ отставку“. Въ другомъ подметномъ письмѣ говорится, что „уже время наступаетъ къ бунту“ и, между прочимъ: „графа Захара Чернышева четвертовать, Алексея Разумовскаго, Григорія Орлова такожъ, и потомъ неповадно будетъ другимъ преступать прежнихъ царей правы и законы, а государыню выслать въ свою землю, а надлежитъ царскій престолъ утвердить непорочнаго царя и неповиннаго Иоанна Антоновича“ (*Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. II, прилож. къ № 8). Въ докладѣ императрицѣ отъ 2-го іюля 1764 г. В. И. Суворовъ сообщалъ: „30-го іюня измайловскаго полка сержантъ Малыгинъ объявилъ мнѣ, что сержантъ того-жъ полка Морозовъ гово-

крѣпость и предстоящее освобожденіе Ивана III. Екатерина передала письмо кн Вяземскому[1]) и уѣхала въ Ригу.

Наступили и прошли первые лѣтніе мѣсяцы, императрица уже уѣхала въ Лифляндію, а „разрѣшеніе" Власьеву и Чекину все еще не дано...

рилъ ему: Заводится еще комисия, і можетъ ізъ нашихъ офицеровъ одинъ не пострадаетъ-ли: былъ де я у одного купца, который мне говорилъ: обидили де Ивана Антоновича" (*Государств. Архивъ*, VI, 350, ч. 3-я, л. 2).

[1]) *Сборникъ*, VII, 349. Тайныя дѣла были поручены Н. И. Панину и А. И. Глѣбову, какъ генералъ-прокурору; когда Глѣбовъ палъ, вмѣсто него былъ назначенъ по тайнымъ дѣламъ генералъ-квартирмейстеръ кн. А. А. Вяземскій, будущій генералъ-прокуроръ.

XVII.

Полтавскій бой рѣшилъ судьбу Украйны. Малороссія стала нераздѣльною частью Россіи. Въ 1709 году, съ Мазепою бѣжали послѣдніе серьезные представители сепаратизма[1]). Такимъ былъ и Ѳедоръ Мировичъ, генеральный эсаулъ при Орликѣ, сынъ переяславскаго полковника Ивана Мировича[2]).

---

[1]) Малороссійская эмиграція безпокоила правительство даже въ правленіе Елизаветы Петровны. Намѣреніе запорожцевъ отложиться отъ Россіи было главнымъ пугаломъ эмиграціи. Еще въ 1757-мъ году, гетманъ гр. К. Г. Разумовскій долженъ былъ писать гр. М. Л. Воронцову: „Сіи вѣсти наводятъ на сей край недовѣреность въ то время, когда ни одна душа здѣсь такого безбожнаго мнѣнія не имѣетъ". Онъ предлагалъ „двухъ или трехъ бездѣльниковъ (Нахимовскаго и Мировича) истребить, которые въ Крыму изстари живутъ, и будучи заражены старинными мыслями, по старинному пишутъ и разсуждаютъ, забывъ то, что Украина послѣ того времени, можно сказать, что совсѣмъ переродилась, и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ почитай люди, и слѣдовательно не тѣ уже и мысли въ нихъ пребываютъ". *Васильчиковъ*, I, 210, Ср. *Марксвичъ*, IV, 354; *Кіев. Старина*, I, 108.

[2]) *Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 216. Это дѣло „о возвращеніи изъ ссылки дѣтей переяславскаго полковника Ивана Мировича" весьма важно для объясненія родственныхъ отношеній членовъ довольно обширнаго рода Мировичей. Дѣло началось въ 1749 году, когда военною коллегіею былъ полученъ рапортъ генерала Бисмарка, что въ Крыму появился, подъ именемъ поляка, бѣжавшій изъ русской службы Иванъ Мировичъ. По справкѣ въ малороссійской экспедиціи оказалось, что въ 1712 г.. въ Москву были высланы девять Мировичей: „старая" жена полковника Ивана Мировича Пелагея Захарьевна, пять ея сыновей (Семенъ, Яковъ, Дмитрій, Иванъ, Василій), сноха (жена Семена — Елена), и внукъ

Въ 1712 году, канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ писалъ малороссійскому гетману Ивану Скоропадскому, что Петръ I особымъ указомъ повелѣлъ: „изменничьихъ родственниковъ, женъ и дѣтей, техъ которыхъ свойственники въ противной сторонѣ при королѣ швецкомъ обретаются, ізъ Малой Россіи прислать въ Москву“. Въ силу этого указа, въ Москву были высланы всѣ Мировичи и, въ томъ числѣ, два сына „измѣнника“, Яковъ и Петръ, послѣ бѣгства ихъ отца Ѳедора проживавшіе у своего дяди, знаменитаго черниговскаго полковника Павла Полу-

---

и внучка (дѣти Семена — Григорій и Ульяна). Въ 1715 году, ея сынъ Валилій Ивановичъ наказывалъ военноплѣнному шведу Эрику, по размѣну возвращавшемуся въ Стокгольмъ, чтобъ братъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, который „при шведе“, не возврашался бы въ Россію, такъ какъ онъ и самъ намѣренъ бѣжать въ Шведію, Это было узнано, и въ 1716 году Василій Ивановичъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ каторжныя работы, а остальные Мировичи — въ Тобольскъ на вѣчное житье. Въ 1732 г. въ Тобольскъ же были сосланы сыновья Ѳедора Ивановича, Петръ и Яковъ. Въ Сибири, семья Мировичей значительно умножилась. Въ 40-хъ годахъ всѣ Мировичи получили право выѣхать изъ Сибири въ такомъ порядкѣ: въ 1742 году освобождены отъ надзора дѣти Ѳедора Мировича — Петръ былъ назначенъ воеводою въ Енисейскъ и по требованію сибирскаго приказа вызванъ въ Москву; Яковъ — воеводою въ Кузнецкъ, гдѣ вскорѣ умеръ; въ 1743 г. возвращенъ изъ Сибири Григорій Семеновичъ; въ 1744 году — Пелагея Захарьевна и Дмитрій Ивановичъ, причемъ въ Глуховѣ съ нея взяли подписку и закладъ, чтобъ „она заграницу никуда не отъѣзжала и никакой бы съ сыномъ ея Ѳедоромъ Мировичемъ, которой изменя съ Мазепою отъѣхалъ къ королю швецкому і ни съ кемъ заграничными жительми кореспонденціи не имела“; въ 1747 г. — Степанъ Васильевичъ, но съ него взятъ реверсъ, чтобъ „ему никуда заграницу отнюдь не выѣзжать“. Остальные сыновья „старой“ Пелагеи — Яковъ и Иванъ — „изъ Сибири возвратились-ли і гдѣ обретаются или тамо померли въ сенатѣ неизвѣстно“. И объ этихъ Яковѣ и Иванѣ нашлись позже свѣдѣнія въ сибирской губернской канцеляріи: Яковъ Ивановичъ — „въ бытность ево въ Тюмени, въ 1730 году, поколотъ посацкимъ Матвеемъ Головковымъ до смерти“; Иванъ Ивановичъ — въ 1723 г. отпущенъ по требованію г. м. Генина въ Екатеринбургъ для работъ на заводахъ, въ 1728 г, былъ капитанъ-поручикомъ, въ 1730 г. былъ посланъ въ Москву и Петербургъ съ желѣзомъ, но назадъ не возвращался. Онъ-то и бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ своимъ присутствіемъ смутилъ генерала Бисмарка.

ботка. Вскорѣ и ихъ знаменитый дядя, вызванный въ Петербургъ, былъ заточенъ въ крѣпость. Яковъ и Петръ жили дружно, никогда не разставались; вмѣстѣ бѣдствовали въ Москвѣ, вмѣстѣ горевали въ Петербургѣ. Чѣмъ и какъ перебивались они въ это время — неизвѣстно. Ходили они одно время въ академію „для науки", но, за недостаткомъ средствъ, прекратили посѣщеніе академіи. Они были нѣкогда богаты, принадлежали къ „украинскимъ панамъ"; теперь они нищи — всѣ ихъ имѣнія конфискованы; они въ опалѣ — ихъ отецъ измѣнникъ. Въ 1728 году, Петръ Мировичъ опредѣлился въ секретари къ Елизаветѣ Петровнѣ[1]); уѣзжая съ цесаревной въ Москву, Петръ захватилъ съ собою и брата Якова. Этотъ Яковъ служилъ секретаремъ у польскаго посланника гр. Потоцкаго, ѣздилъ тайкомъ въ Польшу, возвратился въ Москву, и въ Москвѣ же, въ 1731 году, женился на купчихѣ Акишевой. Въ 1732 году, оба брата Мировичи, Петръ и Яковъ, угодили въ Сибирь за тайную отлучку: Яковъ за поѣздку въ Польшу, Петръ — въ Малороссію, куда всѣмъ Мировичамъ въѣздъ былъ запрещенъ.

Въ Сибири, неизвѣстно точно гдѣ, но, вѣроятно, въ Тобольскѣ, у Якова Ѳедоровича родился сынъ Василій. Тамъ, въ Тобольскѣ, жила въ это время вся семья переяславскаго полковника Ивана Мировича — „старая" Пелагея Захарьевна, со своими сыновьями, которые все еще тянутъ къ шведу, живутъ мыслью за польскимъ рубежемъ, и съ внуками, которые родились въ Сибири, ни шведа, ни поляка не знаютъ, но выросли въ малороссійской семьѣ и съ молокомъ матери всосали патріотическую любовь къ Малороссіи, къ привольной жизни на Украйнѣ; они много наслышались о богатствѣ Мировичей, о своихъ необозримыхъ земляхъ, конфискованныхъ русскою казною. Въ 1742 году, Яковъ и Петръ Мировичи возвращены изъ Сибири и велѣно ихъ опредѣлить къ дѣламъ. Яковъ былъ назначенъ воеводою въ Кузнецкъ. Воевода вскорѣ умеръ, а сынъ его, Василій Яковлевичъ, явился въ Петер-

---

[1]) *Записки Марковича*, I, 268.

бургъ „служить“, и былъ зачисленъ сперва въ нарвскій, потомъ въ смоленскій пѣхотный полкъ.

Безъ связей, безъ денегъ, безъ образованія, сильно бѣдствовалъ юный Мировичъ въ Петербургѣ. Къ нему относились съ недовѣріемъ — его родня все еще безпокоила русское правительство: то генералъ Бисмаркъ сообщитъ изъ Крыма о каверзахъ „поляка“ Мировича, то Гроссъ изъ Варшавы увѣдомитъ о проискахъ Ѳедора Мировича[1]). Внукъ долженъ платиться за грѣхи дѣда. Отъ него отняли все, оставили только фамилію, и за фамилію отметаютъ. Онъ могъ бы быть богатъ: „старая“ Пелагея Захарьевна говорила ему, что мужъ ея, полковникъ Иванъ служилъ Россіи вѣрно, но въ 1706 году былъ взятъ шведами въ плѣнъ въ польскомъ городѣ Ляховичи и тамъ умеръ; что имѣнія ихъ были конфискованы несправедливо; она и дѣло въ сенатѣ начала, да умерла не дождавшись рѣшенія. Юный Мировичъ ходилъ въ сенатъ, просилъ — ничего не добился: тамъ даже говорить съ нимъ не хотятъ. Сестры пишутъ изъ Москвы, просятъ у него помощи, а онъ, полуголодный, шатается по петербургскимъ улицамъ, не зная гдѣ преклонить голову и все мечтая о прежнемъ довольствѣ, о бывшемъ величіи Мировичей...

При восшествіи Екатерины на престолъ ему было 22 года. На его глазахъ совершился переворотъ 28-го іюня — совершился легко, скоро, театрально. Люди, неимѣвшіе вчера никакого значенія, вполнѣ ничтожные, стали сегодня значительными „персонами“, титулованными сановниками. Въ пріемной, если не въ кабинетѣ Петра Ивановича Панина, у котораго онъ былъ одно время адъютантомъ, Мировичъ слышитъ невѣроятныя подробности „счастливаго“ переворота. При немъ разсказываются эпизоды необычайныхъ перемѣнъ въ судьбѣ нѣкоторыхъ офицеровъ, называютъ фамиліи, получившія въ одинъ день титулы, чины, земли, деньги... а у Мировича, кромѣ долговъ, лишь три сестры въ Москвѣ голодаютъ, а въ сенатѣ лежитъ безнадежный процесъ съ казною о возвращеніи конфискованныхъ имѣній „злосчастнаго и вред-

---

[1]) *Васильчиковъ,* I, 208, 211.

наго предка". Малороссъ Мировичъ забѣгалъ къ своему земляку, всесильному гетману графу К. Г. Разумовскому, прося его содѣйствія о возвращеніи ему хотя бы части имѣнія его дѣда. Гетманъ выслушалъ молодого Мировича, подумалъ малость, и сказалъ: „Мертваго изъ гроба не ворочаютъ. Ты — молодой человѣкъ: самъ себѣ прокладывай дорогу. Старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ, и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе" [1]), Задумался Мировичъ надъ простыми словами гетмана...

Какъ проложить дорогу? Для этого нужны знанія — у него ихъ нѣтъ; можно, конечно, и безъ знаній, но у него нѣтъ ни связей, ни поддержки. У него въ избыткѣ только честолюбіе: онъ оскорбляется, что его, подпоручика арміи, не пускаютъ въ собственные покои императрицы; онъ не выноситъ, что штабъ-офицеры относятся къ нему, изъ „славнаго" рода Мировичей, такъ же, какъ и ко всякому офицеру изъ разночинцевъ. Его мучаетъ прошлое, его гнететъ настоящее; онъ ищетъ и не находитъ выхода. Нѣтъ такой жертвы, которую онъ не принесетъ, лишь бы выйти изъ своего стѣсненнаго положенія. Онъ бросилъ курить, пересталъ играть въ карты, далъ обѣтъ построить церковь, если получитъ малороссійскія имѣнія [2]), которыя ему такъ расхваливали. Сенатъ ему отказалъ — онъ обратился къ императрицѣ. Два раза подавалъ онъ просьбы по своему сенатскому процессу —

---

[1]) *Русск. Архивъ*, 1863, 478.

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. II. Въ числѣ восемнадцати собственноручныхъ отмѣтокъ Мировича хранятся слѣдующія: № 11 — на письмѣ матери, съ отказомъ уплатить его долгъ въ 40 рублей и съ совѣтомъ жить скромнѣе, на полѣ, отмѣтка Мировича, въ которой онъ проситъ чудотворца Николая принять его обѣщаніе — съ 1761 года по смерть табаку не курить и не нюхать, въ карты не играть; „еще теперь мнѣ отъ роду 22 года, а когда минетъ 25 лѣтъ, то водку пить умѣренно"; № 14 — на лоскуткѣ бумаги: „дьявольскихъ танцевъ не творить"; № 15 на другомъ лоскуткѣ записано обѣщаніе чудотворцу Николаю „въ карты не играть"; тоже повторено на оборотѣ листка, причемъ помѣчено 17 іюля 1763 г.

два раза Екатерина отказывала[1]) просителю, тогда подпоручику смоленскаго пѣхотнаго полка[2]).

Полкъ этотъ стоялъ въ шлюссельбургскомъ форштадтѣ; роты его занимали по недѣлямъ караулъ въ крѣпости. Ходилъ въ караулъ и Мировичъ. Странная крѣпость: въ крѣпости еще какъ бы крѣпость, съ казематами, охраняемая особою командою, никогда не смѣняемою. Кто содержится въ этихъ казематахъ? Что это за „безъимянный колодникъ", отчего такою таинственностью окруженъ „№ 1-й"? Въ октябрѣ 1763 года, отставной барабанщикъ шлюссельбургскаго гарнизона проболтался „господину подпоручику": безъимянный колодникъ, № 1-й[3]) — бывшій императоръ Иванъ III Антоновичъ. Какъ молнія въ ночи, озарила Мировича эта вѣсть, такъ вотъ гдѣ тотъ „Иванушка", котораго молва то прочила въ мужья Екатеринѣ, то называла императоромъ — онъ не только живъ, онъ здѣсь, подъ карауломъ Мировича же! Вотъ и гетманская фортуна: нужно только взять ее за чубъ, чтобъ стать паномъ. Освободитъ Мировичъ Ивана, посадитъ его на престолъ — всѣ долги уплачены, онъ богатъ, опять можетъ играть въ карты, онъ въ чести; не удастся попытка — ему терять нечего, онъ и такъ уже потерянный человѣкъ. Гвоздемъ засѣла эта мысль въ головѣ Мировича. Трудное намѣреніе казалось ему легкимъ: при помощи своего караула освободить Ивана, при-

---

1) Челобитныя Мировича были въ дѣлопроизводствѣ Теплова. На докладѣ Теплова, 5-го февраля, Екатерина положила резолюцію: „Отослать въ сенатъ на разсмотрѣніе". На первой челобитной, отъ 13 апрѣля 1764 г., Екатерина написала: „По прописанному здесь просители право не имеютъ и для того сенату надлежитъ отказать имъ", на второй, отъ 9-го іюня: „довольствоваться прежнею резолюціею". *Госуд. Архивъ*, X, 452; *Кашпиревъ*, I, 307. Въ челобитной, Мировичъ упоминаетъ о дядѣ своемъ генеральномъ бунчужномъ Ѳедорѣ Мировичѣ, умалчивая о преступленіи дѣда.

2) При обыскѣ въ квартирѣ Мировича былъ найденъ нѣмецкій календарь, въ которомъ Мировичъ записалъ свой послужной списокъ: 11-го іюня 1753 г. — капралъ; 15 іюля — каптенармусъ; 1 января 1756 г. — сержантъ; 4 декабря 1760 г. — прапорщикъ; 1 октября 1763 г. подпоручикъ. *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. II, № 7-й.

3) *Büsching*, VI, 533.

везти въ Петербургъ, провозгласить императоромъ и получить отъ „благодарнаго“ императора титулы, чины, земли, деньги, главное — деньги, какъ получили ихъ еще недавно отъ благодарной императрицы тѣ лица, которыя помогали ей въ дѣлѣ болѣе трудномъ.

Съ октября по апрѣль, въ теченіе полугода, Мировича безотвязно преслѣдовала соблазнительная мысль — какимъ нибудь „дешператнымъ и безразсуднымъ coup“[1]) схватить свою фортуну за чубъ именно въ Шлюссельбургѣ. Чѣмъ болѣе думалъ онъ о своемъ намѣреніи, тѣмъ болѣе казалось оно ему удобоисполнимымъ: человѣкъ, не получившій никакого образованія, съ умомъ вовсе не дисциплинированнымъ и съ наклонностями хищническими, Мировичъ не столько обдумывалъ трудности предстоявшаго переворота, сколько дразнилъ свое воображеніе тѣми матерьяльными благами, которыхъ достигнетъ успѣшнымъ исполненіемъ своего намѣренія. Мало-по-малу, обманывая себя, онъ, какъ азартный игрокъ, до того сжился съ мыслью о возможности однимъ ударомъ „отыграться“ вполнѣ, что съ апрѣля 1764 года рѣшился начать дѣйствовать. Почему-то, почему именно — онъ и самъ не знаетъ, 1-го апрѣля вспомнились ему слова отставного барабанщика о № 1-мъ, и Мировичъ рѣшился „всѣ свои силы, разумъ и помышленія въ томъ употребить, чтобъ онаго Ивана Антоновича выведши изъ крѣпости шлюссельбургской, привезть въ Петербургъ для возведенія его на престолъ всероссійской“[2]).

---

1) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1; Приложенія, 1, 49.

2) *Госуд. Архивъ*, VI, 400. Мы основываемъ разсказъ на „экстрактѣ“ слѣдствія о бунтѣ Мировича, какъ главномъ источникѣ (Приложенія, VII, 6). Экстрактъ — не обвинительный актъ; это — систематическое изложеніе всего бунта, основанное на подлинныхъ показаніяхъ лицъ, принимавшихъ то или другое участіе въ бунтѣ. О бунтѣ Мировича сохранилось много извѣстій. Происшествіе это произвело сильное впечатлѣніе на умы современниковъ. Каждый изъ иностранныхъ министровъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ, считалъ своимъ долгомъ возможно подробно извѣстить свое правительство о шлюссельбургскомъ возмущеніи, и передавалъ такія подробности, которыя, по существу дѣла, не могли быть ему извѣстны. Въ городѣ пошли разнообразные толки; улица напол-

Легкомысленный и въ то же время упрямый, Мировичъ находилъ, что не столько возведеніе на престолъ, сколько освобожденіе Ивана Антоновича сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями. Одному никакъ не освободить; нужно имѣть „вѣрнаго, надежнаго и къ тому во всемъ способнаго“ товарища. Такимъ ему казался „давнишній въ нравахъ совсѣмъ сходный пріятель“ — поручикъ великолуцкаго полка Апполонъ Ушаковъ. 8-го или 9-го мая, Мировичъ отправился къ Ушакову, стоявшему тогда у Исаакіевскаго моста, при кордегардіи на караулѣ, и началъ ему говорить о своемъ намѣреніи, сперва намеками потомъ все откровеннѣе и прямѣе, Ушаковъ сначала „въ ужасъ пришелъ“; но, увѣрившись, что Мировичъ не шутитъ и что „не по коварству или притворствомъ ему такое откровеніе дѣлается“, признался, что о содержаніи Ивана Антоновича въ Шлюссельбургѣ уже слышалъ и намѣреніе Мировича одобряетъ. Они тотчасъ же обязались помогать другъ другу и, „желая себя взаимно вяще укрѣпить“, отправились, 13-го мая, въ церковь Казанской Божіей Матери, гдѣ отслужили по себѣ, какъ по умершимъ, акафистъ и панихиду. Только по выходѣ изъ церкви

нилась различными разсказами, болѣе или менѣе вымышленными. Говорили даже будто весь бунтъ не болѣе, какъ комедія, разыгранная съ вѣдома Екатерины, единственно для эпилога — умерщвленія ненавистнаго ей Ивана III (Депеша *Беранже*, отъ 7 августа 1764 г., въ *Парижс. Архивѣ*, Turquie, vol. XI, Suppl.; депеша гр. *Сакена*, отъ 20 іюля, въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 60). Находя необходимымъ „дальнихъ дурацкихъ разглашеній пресѣчь“ (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я; *Сборникъ*, VII, 366) правительство поспѣшило издать 17-го же августа манифестъ, въ которомъ довольно подробно изложена исторія бунта, окончившагося „пресѣченіемъ жизни“ Ивана Антоновича, а 9-го сентября — „сентенцію по злодѣйскимъ винамъ Мировича и его сообщниковъ“. Такимъ образомъ, составился обширный матерьялъ двухъ родовъ, частный и офиціальный, во многихъ частяхъ разнорѣчивый, въ нѣкоторыхъ противоположный. Которому же вѣрить? Частныя лица не могли знать истины; правительство было заинтересовано въ ея искаженіи или, по крайней мѣрѣ, въ сокрытіи нѣкоторыхъ подробностей катастрофы. Экстрактъ изъ слѣдственнаго производства, вполнѣ добросовѣстно составленный Веймарномъ, даетъ возможность разсказать фактъ словами самихъ дѣятелей этого факта.

приступили они „къ ближайшему о производствѣ своего намѣренія и къ тому способнѣйшихъ мѣръ, средствъ и способовъ изобрѣтенію“.

Они условились, *вопервыхъ*, никогда и никому о своемъ намѣреніи не открывать и никого въ сообщники не приглашать: *вовторыхъ*, намѣреніе свое привести въ исполненіе по отъѣздѣ императрицы въ Лифляндію, „на третій или на пятый день, а отнюдь не далѣе недѣли“ и, *вотретьихъ*, самое исполненіе должно состоять въ слѣдующемъ:

Въ условленный день, когда Мировичъ занималъ бы караулъ въ шлюссельбургской крѣпости, Ушаковъ долженъ былъ подъѣхать къ крѣпостной пристани, ровно въ полночь, на шлюпкѣ; на окликъ часоваго, отвѣчать: „курьеръ отъ государыни“ и, подъ именемъ подполковника и ея императорскаго величества ординарца Арсеньева, вручить караульному офицеру, Мировичу, дѣлая видъ, „будто отъ роду его не знавалъ“, заранѣе составленный отъ имени ея императорскаго величества указъ объ освобожденіи Ивана Антоновича. Получивъ такой указъ, Мировичъ долженъ былъ, „въ самый тотъ моментъ, отнюдь ни мало мѣшкая“, прочесть указъ всей командѣ, послѣ чего Мировичъ, взявъ изъ команды своей восемь человѣкъ, долженъ „арестовать и сковать“ коменданта крѣпости, а Ушаковъ идти къ надзиравшимъ за Иваномъ офицерамъ, объявить имъ, что присланъ отъ ея императорскаго величества съ указомъ къ караульному офицеру, „кой тотчасъ къ нимъ будетъ“, и когда, по арестованіи уже коменданта, Мировичъ присоединился бы къ Ушакову, приказать тѣмъ офицерамъ, „чтобы они убирались“. Затѣмъ, „посредствомъ освобожденія изъ подъ караулу получивъ Ивана Антоновича“, они, тотчасъ же, „взявъ крѣпостную шлюпку и гребцовъ, посадя съ собою на оную шлюпку для битья тревоги барабанщика слѣдовали бы въ Петербургъ“.

Таковъ несложный проекъ освобожденія; такъ же простъ и планъ провозглашенія.

Они условились пристать со шлюпкой къ Выборгской сторонѣ и „представить Ивана Антоновича артиллерійскому лагерю, а есть-ли же того бъ лагеря тамъ не на-

ходилось, то къ пикету того корпуса на Литейной сторонѣ стоящему“. Барабанщикъ забилъ бы тревогу, собрался бы „любопытный народъ“, которому они объявили бы, что „представляющаяся особа есть дѣйствительно государь Иванъ Антоновичъ, который по семилѣтнемъ въ крѣпости шлюссельбургской содержанiи оттуда ими самими высвобожденъ“, прочли бы нарочно для того составленный ими манифестъ и тотчасъ же стали бы всѣхъ собравшихся приводить къ присягѣ. Вслѣдъ за присягой, они предполагали „изъ присягавшихъ артиллерiйскихъ полковъ или другихъ случившихся штабъ и оберъ-офицеровъ, съ пристойными командами, тотчасъ послать на Санктпетербургскую сторону и взявъ тамо состоящую крѣпость, овладѣть всѣми тамошними орудiями, пушками и прочими припасами, не умедливая притомъ повелѣть чрезъ тѣхъ же посланныхъ произвесть пушечную пальбу, хотябъ не въ большемъ числѣ выстрѣловъ, но, покрайней мѣрѣ, продолжительную, дабы тѣмъ только подать знакъ къ собранiю народа и приведенiю онаго въ страхъ“. На присягнувшихъ уже штабъ и оберъ-офицеровъ возлагалось, сверхъ того: привесть къ присягѣ всѣ стоящiе въ Петербургѣ гвардiи и полевые полки, разставить пикеты „при всѣхъ мостахъ съ обѣихъ сторонъ рѣки“, и развести манифесты въ сенатъ, синодъ, во всѣ коллегiи и присутственныя мѣста. Мировичъ же или Ушаковъ, кто нибудь одинъ, кому случится, долженъ былъ, „не отлучаясь отнюдь, находиться при возстановляющейся особѣ, а оная бъ особа для сохраненiя цѣлости и здравiя, должна была тогда для полученiя торжественнаго окончанiя подъ собственнымъ сохраненiемъ артиллерiйскаго корпуса пребыть“.

Согласно такому плану, Мировичъ „составилъ и собственноручно написалъ“ слѣдующiя бумаги: 1) указъ отъ имени ея императорскаго величества находящемуся въ шлюссельбургской крѣпости въ караулѣ офицеру взять немедленно подъ арестъ коменданта Бередникова и привесть его вмѣстѣ съ Iоанномъ Антоновичемъ въ правительствующiй сенатъ; 2) письмо отъ Мировича и Ушакова, обоими подписанное, къ Ивану Антоновичу — въ этомъ письмѣ они

объявляютъ ему, что, забывъ всѣ „мучительные и телесные страхи, помня только Царя Небеснаго“, рѣшились „искупить его изъ темницы и возвести на высоту Дѣдовскаго славнаго престола“; 3) манифестъ отъ имени Ивана Антоновича, и 4) форму клятвеннаго обѣщанія.

Изготовивъ орудія, Мировичъ и Ушаковъ ознакомились и съ „мѣстомъ дѣйствія“. Они посѣтили артиллерійскій лагерь на Выборгской сторонѣ, „при которомъ случаѣ сдѣлали они общее обѣщаніе о построеніи въ томъ мѣстѣ, буде ихъ намѣреніе предъуспѣетъ, церквей и прочихъ украшеній“; они ѣздили и въ Шлюссельбургъ, но въ крѣпость не попали: „приставъ въ Рыбачью Слободу и нанявъ рыболова, подъ видомъ, чтобъ переѣхать въ тѣ избушки, гдѣ рыбу ловятъ, туда переѣхали и, смотря на крѣпость, сожалѣли, что имъ войти въ оную возможность не допустила“. Они, однако, осмотрѣли ту подъ крѣпостью пристань, къ которой Ушаковъ-Арсеньевъ долженъ былъ пристать въ полночь условленнаго дня. Ушакову такъ и не удалось быть въ крѣпости, а Мировичъ, „хотя предъ симъ уже въ крѣпости шлюссельбургской и бывалъ, но еще для такихъ надобныхъ примѣчаніевъ чаще самоохотно напрашиваться сталъ, почему въ караулѣ въ той крѣпости неоднократно находился“.

Предварительныя соглашенія Мировича съ Ушаковымъ, изготовленіе подложныхъ документовъ и осмотръ мѣстности заняли ровно десять дней — съ 13-го мая, когда они „отпѣвали“ себя въ казанской церкви, по 23-е мая, когда, совершенно неожиданно для обоихъ заговорщиковъ, одинъ изъ нихъ, Аполонъ Ушаковъ, былъ командированъ военною коллегіею въ Смоленскъ „для отвозу денежной казны господину генералъ-аншефу, сенатору и кавалеру князю Михайлѣ Никитичу Волконскому“. По словамъ Мировича, „эта посылка Ушакову весьма въ томъ разсужденіи противною казалась, чтобъ препятствіемъ иногда ихъ предпріятію не послужила, но тѣмъ не меньше онъ ласкалъ себя оную столь споспѣшно отправить, что къ отшествію ея императорскаго величества изъ Санктпетербурга въ Лифляндію, для исполненія между ними условленнаго дѣла, обратно поспѣть“.

Ушаковъ не столько торопился „споспѣшно отправить“ данное ему военною коллегіею порученіе, сколько рѣшился во что бы то ни стало, такъ или иначе, вернуться поскорѣе въ Петербургъ. Ушакова сопровождалъ въ Смоленскъ фурьеръ того же великолуцкаго полка Григорій Новичковъ. Изъ Смоленска возвратился одинъ только Новичковъ и представилъ слѣдующій рапортъ[1]) о своей поѣздкѣ:

23-го мая выѣхали они изъ Петербурга. Не доѣзжая до Порхова, въ 37-ми верстахъ, въ Сухловскомъ яму, Ушаковъ „волею Божиею заболелъ“, но „черезъ силу“ поѣхалъ въ Порховъ и донесъ о своей болѣзни генералъ-майору Патрикѣеву, командиру новгородскаго карабинернаго драгунскаго полка. Явился полковой врачъ, осмотрѣлъ Ушакова и — „велено ему ехать въ назначенное место“. Отъѣхавъ отъ Порхова верстъ 90, въ деревнѣ Княжей, Ушаковъ „совсемъ занемогъ“: отправилъ Новичкова въ Шелеховскій форпостъ, гдѣ находился тогда кн. Волконскій, а самъ остался въ деревнѣ. Новичковъ сдалъ 15.000 рублей серебряною монетою, получилъ квитанцію и поѣхалъ обратно „темже трактомъ“. Прибывъ въ деревню Княжую, Новичковъ спрашиваетъ: гдѣ Ушаковъ? Ему отвѣчаютъ: „Въ тожъ самое время после тебя поехалъ назадъ въ Санктпетербурхъ“. Новичковъ ѣдетъ далѣе въ Петербургъ и вездѣ разспрашиваетъ о своемъ мнимомъ больномъ поручикѣ; вездѣ отвѣчаютъ, что онъ „следуетъ“ въ Петербургъ. „А какъ прибылъ въ село Апоки, объявили мне живущие тутъ обыватели, что де здесь найдена въ реке Шалоне кибитка обитая рогожей и въ ней подушка, шляпа, шпага, рубашка, потомъ приплывшее мертвое тело афицерское, которое и зарыто въ землю“. Новичковъ осмотрѣлъ платье — Ушакова. Отъ

---

[1]) „Репортъ великолуцкаго пехотнаго полка фуриера Григорья Новичкова“, въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 350, ч. 5, въ № 7-му. Комиссія, вырывавшая тѣло Ушакова, состояла изъ писаря и солдата: „пищикъ Василей Холковъ и солдатъ Ерофей Поповъ“. Ср. *Castéra*, 83; *Herrmann*, V, 649.

порховской воеводской канцеляріи прибыла комиссія, вскрыла тѣло, „причомъ и я въ тожъ время находился и помянутаго господина порутчика Ушакова опозналъ“.

Ушаковъ утонулъ. Это была тяжелая потеря для Мировича: ихъ всего было двое, теперь онъ остался одинъ. Какъ произвести государственный переворотъ одному? Въ первое время „по увѣдомленіи о смерти товарища своего“, Мировичъ „старался намѣстника ему найти, но потомъ, остерегаясь незнаемымъ людямъ разглашать, таковое стараніе оставилъ“: онъ рѣшился одинъ „сіе предпріятіе въ то же время и такимъ же способомъ, какъ между имъ и Апполономъ Ушаковымъ установлено было, дѣйствительно въ дѣло произвесть“.

Мировичъ началъ съ того, что, по необходимости, переписалъ манифестъ и письмо къ Ивану Антоновичу „на одно свое имя“. Этимъ онъ фактически засвидѣтельствовалъ свою рѣшимость „не имѣть сообщниковъ“. Сообщниковъ, но не сочувствующихъ его намѣренію — ихъ онъ искалъ весьма старательно и повсюду. Гдѣ же могъ, однако, искать ихъ подпоручикъ армейскаго полка, не имѣвшій никакихъ связей, вполнѣ невѣжественный, вѣчно нуждавшійся?

Прежде всего, среди лакеевъ. Переѣзжаетъ Мировичъ Неву и слышитъ, какъ солдатъ разсказываетъ своему ближайшему сосѣду, что „Иванъ Антоновичъ въ Санктпетербургѣ, какъ при бывшемъ императорѣ Петрѣ Третьемъ, такъ уже во время державствованія ея императорскаго величества, два раза былъ“ — онъ пользуется этимъ солдатскимъ разсказомъ, чтобъ найти себѣ „сочувственника“ въ придворномъ лакеѣ Тихонѣ Косаткинѣ, стараясь „его, лакея, незамѣтнымъ образомъ къ вознамѣренному предпріятію въ томъ разумѣ пріуготовить, чтобъ посредствомъ онаго лакея, то его дѣло охотнѣе въ народѣ принято быть могло“. Въ показаніи Косаткина обрисовываются какъ пріемы Мировича въ уловленіи „сочувственниковъ“, такъ и степень успѣшности этихъ пріемовъ. Приводимъ это лакейское показаніе[1]):

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, л. 47.

„За нѣсколько дней до Сошествія Святаго Духа, идучи съ Мировичемъ чрезъ лѣтняго ея императорскаго величества двора садъ, по отвѣтствованіи на Мировичевъ вопросъ о бытности Ивана Антоновича въ Санктпетербургѣ, онъ спросилъ у Мировича объ Иванѣ Антоновичѣ: „гдѣ же онъ нынѣ содержится?“ На что Мировичъ сказалъ: „въ крѣпости шлюссельбургской, въ темницѣ, у которой и окна забрызганы; мы часто въ крѣпости бываемъ и туда на караулъ ходимъ“. По учиненіи того отвѣтствія, Мировичъ спрашивалъ у лакея: „каковъ нынѣшній дворъ имъ кажется въ сравненіи противъ того, какъ при жизни Елизаветы Петровны и при Петрѣ Третьемъ было?“ На что лакей отвѣтствовалъ: „какъ то не весело — прежде, изъ придворныхъ лакеевъ выпускаемы были въ офицеры съ рангами поручичьими и подпоручичьими, а нынѣ никакого выпуску нѣтъ, а слышно, что по новому стату будутъ ихъ выпускать сержантскими чинами“. На эти рѣчи Мировичъ сказалъ: „здоровъ-ли то походъ[1]) нашей Государынѣ будетъ? у насъ солдаты, какъ вѣщуны, говорятъ, что Иванъ Антоновичъ будетъ возведенъ на престолъ“; на что лакей Мировичу сказалъ „о, сохрани Господи! и ни дай Богъ слышить — намъ и такъ уже эти перемѣны надоѣли“, сказывая при томъ Мировичу, что конной гвардіи рейтаръ Михаилъ Торопченинъ хотѣлъ идти къ его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу Орлову объявлять, что вездѣ говорятъ про Ивана Антоновича и, конечно, что будетъ-ли де здоровъ нашей Государыни походъ? и что онъ, лакей, сего рейтара, дабы больше не болталъ, отъ себя выслалъ; и паки лакей сказывалъ Мировичу по слышаннымъ имъ отъ своего родного брата, троицкаго собора священника, Ивана Матвѣева рѣчамъ, что „здоровъ-ли то будетъ вашъ походъ?“ въ коемъ онъ, лакей, назначенъ былъ въ Ревель; къ чему еще отъ себя лакей прибавилъ: „предъ симъ находящимся при дворѣ придворнымъ лакеямъ всегда, сверхъ опредѣленнаго жалованья, отъ кавалеровъ награжденія бывали деньгами, а нынѣ и жалованье мѣдными деньгами даютъ,

---

[1]) Путешествіе въ Лифляндію.

а при Петрѣ III по большей части все серебряная монета ходила“ [1]).

Эти чисто лакейскіе взгляды охладили, вѣроятно, Мировича; по крайней мѣрѣ, онъ не дѣлалъ уже болѣе попытокъ искать сочувствій своему предпріятію въ средѣ челяди, хотя бы и придворной. Не болѣе успѣшною оказалась и попытка въ средѣ пьяницъ. О ней такъ записано въ протоколѣ:

„Пришедъ въ день Іоанна Крестителя, т. е. іюня 24-го числа, изъ крѣпости шлюссельбургской въ форштадтъ оной, въ квартиру смоленскаго пѣхотнаго полка капитана Миллера и услышавъ къ себѣ, отъ тамо же, между прочихъ офицеровъ, весьма въ пьяномъ образѣ находящагося того же полка капитана Василья Бахтина, съ дружескимъ къ нему Мировичу изъявленіемъ, сей вопросъ: „откуда ты пріѣхалъ“? и отзываясь на то онъ, Мировичъ, ему сказывалъ, что пришелъ изъ крѣпости шлюссельбургской, гдѣ у коменданта и обѣдалъ, оной Бахтинъ ему, Мировичу, выговорилъ: „что ты, братъ, не веселъ пріѣхалъ? я знаю, что ты задумалъ, а коли смерть такъ смерть“. Пошелъ на другой день Мировичъ къ нему Бахтину въ квартиру нарочно вывѣдать, можетъ-ли оный Бахтинъ къ тому иногда склоннымъ себя оказать и потому имъ, Мировичемъ, къ своему намѣренію приведеннымъ быть; но не увидѣвъ отъ него, Бахтина, ни малѣйшаго отзыва и не примѣтивъ ни тогда, ни предъ тѣмъ, ни послѣ того, никакого въ немъ къ тому въ его, Мировича, предпріятіяхъ согласнаго поступка, далѣе о себѣ въ томъ ему открываться и искушать оставилъ“.

Между тѣмъ, время шло. 20-го іюня Екатерина уѣхала въ Лифляндію. Если Мировичъ „свое предпріятіе исполнить и совершить вознамѣрился“ именно во время отсутствія императрицы, то долженъ былъ торопиться. Съ 1-го іюля, „хотя ему, Мировичу, очереди и не было, но вмѣсто другого офицера въ крѣпость шлюссельбургскую

[1]) „Въ которомъ лакея Касаткина показаніи подпоручикъ Мировичъ не только не заперся, но съ очной ставки въ томъ точно во всемъ признался и утвердился“. *Экстрактъ*, въ Приложеніяхъ, VII, 6.

на караулъ стать домогался". Его домогательство исполнилось 3-го же іюля. По собственному сознанію Мировича, онъ въ то время „не имѣлъ какъ изъ постороннихъ, такъ и изъ караульной команды себѣ сообщниковъ или къ предпріятію его приглашенныхъ", и, тѣмъ не менѣе, твердо рѣшился „во время онаго на караулѣ стоянія свое предпріятіе въ дѣло произвесть".

Во всемъ слѣдственномъ производствѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія, что дѣлалъ и какъ провелъ Мировичъ день 3-го іюля, приходившійся въ 1764 году въ субботу. Извѣстно только, что Мировичъ занялъ въ этотъ день караулъ въ шлюссельбургской крѣпости. Но канунъ „шлюссельбургскаго бунта" разработанъ слѣдователемъ до мельчайшихъ подробностей: генералъ Веймарнъ прослѣдилъ шагъ за шагомъ всѣ поступки, движенія, рѣчи и разговоръ Мировича во весь день, предшествовавшій „исполненію предпріятія".

Это было воскресенье, 4-го іюля. „Часу въ 10-мъ пополуночи пріѣхали въ крѣпость шлюссельбургскую изъ-за рѣки, съ форштадта, четыре человка" — канцеляріи отъ строеній капитанъ Загряжскій, подпоручикъ изъ грузинъ князь Семенъ Чефаридзевъ, регистраторъ Василій Безсоновъ и купецъ Шелудяковъ — отстояли обѣдню и изъ церкви прошли къ коменданту, „куда и Мировичъ былъ приглашенъ". Здѣсь, въ комендантскихъ покояхъ, Мировичъ, за закускою и чаемъ, познакомился съ княземъ Чефаридзевымъ. Разговорившись, они вышли на крыльцо комендантскаго дома, и князь Чефаридзевъ сказалъ, между прочимъ, Мировичу, „безъ всякаго его начинанія", совершенно случайно: „Здѣсь, вѣдь, содержится Иванъ Антоновичъ. Будучи еще сенатскимъ юнкеромъ, я объ немъ отъ сенатскихъ подъячихъ разныя обстоятельства свѣдалъ". Мировичъ отвѣтилъ: „Я давно знаю, что онъ здѣсь содержится". Въ показаніи Мировича глухо сказано: „а потомъ и прочіе у насъ съ княземъ разговоры, единственно касавшіеся до той же особы происходили". Какіе же разговоры? Приводимъ ихъ изъ показанія[1]) князя Чефаридзева:

[1]) „Съ чѣмъ съ очной ставки данной съ Чефаридзевымъ, Ми-

„Поговоривъ на крыльцѣ, вошли паки въ комендантскіе покои, откуда при комендантѣ, въ провожаніи всѣхъ особъ, пошли по крѣпости, а Мировичъ, для отпиранія проломныхъ воротъ, напередъ пошелъ, а какъ взошли на сдѣланныя въ замкѣ на подобіе галлереи перильца, то, увидя сверху внизу недостроенныя каменныя палаты, я спросилъ по любопытству, у Мировича, на что онъ сказалъ: „это построенъ былъ бывшимъ императоромъ Петромъ Третьимъ цейхгаузъ или магазейнъ, а оный построенъ былъ не болѣе время какъ въ мѣсяцъ или въ пять недѣль". Пошли еще выше, въ башню, а оттуда сошедъ и вышедъ изъ проломныхъ воротъ, шли вдвоемъ же по крѣпости, гдѣ я спросилъ Мировича: „Въ которыхъ именно комнатахъ содержится Иванъ Антоновичъ?" На что Мировичъ и сказалъ: „Примѣчай, какъ я тебѣ на которую сторону головой кивну, то на ту сторону смотри: гдѣ увидишь переходъ черезъ каналъ, тутъ онъ и содержится". А оттуда до покоевъ комендантскихъ шли безъ всякихъ разговоровъ, а по приходѣ туда, малое время посидѣвъ, паки вышли на крыльцо, и я сказалъ Мировичу про Ивана Антоновича: „Вотъ этотъ человѣкъ безвинный, отъ самыхъ ребяческихъ лѣтъ содержится". На что Мировичъ сказалъ: „Это правда; очень жалокъ". Потомъ и далѣе у него спрашивалъ: „Есть-ли у онаго арестанта въ покояхъ свѣтъ? Какая ему пища идетъ? Разговариваетъ-ли кто съ нимъ?" На что Мировичъ сказалъ: Свѣту никакого нѣтъ, а днемъ и ночью всегда огонь; кушанья же и напитковъ весьма довольно ему идетъ, для чего и придворный поваръ здѣсь находится; также случается, что онъ разговариваетъ и съ караульными офицерами". Еще спросилъ: „Забавляется-ли онъ чѣмъ?" На что Мировичъ сказалъ: „Какъ обученъ, то забавляется чтеніемъ книгъ, а по случаю комендантъ ему и газеты читать носитъ" [1]).

ровичъ во всемъ признался, и на томъ его, Чефаридзева, отвѣтѣ утвердился". *Ibid.*

[1]) Спрошенный по этому поводу, Мировичъ показалъ: „Все оное онъ не посредствомъ кого либо зналъ и не развѣдалъ, но только единственно доходя своею догадкою, а коменданта онъ ни-

При томъ я Мировичу и то сказалъ про Ивана Антоновича: „Его, вѣдь, можно и его высочествомъ назвать"; на что Мировичъ и сказалъ: „Безспорно можно". Потомъ Мировичъ, взявъ его къ себѣ въ офицерскую кордегардію, между посторонних разговоровъ, говорилъ: „Да, жаль, что у насъ солдатство несогласно и загонено, а ежели бы были бравы, то бы Ивана Антоновича оттуда выхватилъ и, посадя на шлюпку, прямо прибылъ въ Петербургъ, къ артиллерійскому лагерю представилъ". — „Чтожъ бы это значило?" — „А чтобъ это значило? То значило бы, какъ бы привезъ туда, то окружили бы его съ радостью". И тѣмъ окончивъ рѣчи, пошли къ коменданту, откуда съ регистраторомъ Безсоновымъ вышедъ, ходили за крѣпостью; оттуда съ Безсоновымъ возвратились и у коменданта откушавъ, съ прочими пріѣзжими пошли изъ крѣпости вонъ. Идучи съ Мировичемъ позади всѣхъ, я сказалъ ему въ разумѣ томъ, чтобъ не попался онъ въ бѣду: „Смотри, братъ!" а онъ на то отвѣтствовалъ: „Я давно смотрю, и сожалѣю, что времени недостаетъ поговорить, да къ тому же у насъ и солдатство несогласно и не скоро его къ тому приведешь". Противу чего я ему отвѣчалъ: „Это правда, и я знаю". И съ тѣмъ разстались".

Комендантъ крѣпости, полковникъ Бередниковъ, провожалъ своихъ гостей изъ крѣпости въ форштадтъ, и когда, „не больше какъ въ полчаса времени". возвратился опять въ крѣпость, то замѣтилъ, что Мировичъ „по крѣпости расхаживаетъ". Былъ пятый часъ по полудни. Мировичъ, увидѣвъ передъ крыльцомъ той казармы, гдѣ содержался Иванъ Антоновичъ, капитана Власьева, приблизился къ нему и, „по учиненіи взаимственно поклоненія", началъ съ нимъ „прохаживаться по галлереи". При этомъ Мировичъ, „безъ всякаго Власьевымъ къ тому даннаго повода, началъ въ своихъ намѣреніяхъ открываться такимъ образомъ, что не погубитъ-ли онъ Мировича преж-

---

когда, чтобъ онъ носилъ къ той особѣ газеты, не видѣлъ, а чтобъ разговоры офицеры съ той особою когда какіе чинили не знаетъ". *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, л. 18:

де предпріятія его? На что Власьевъ, не допустя далѣе до разговору, тое рѣчь прервалъ и сказалъ, что когда оно такое, чтобъ къ погибели его, Мировича, слѣдовало, то онъ не только внимать, ниже слышать о томъ не хочетъ". Послѣ этого, они уже модча пошли на пристань, и, „немного тамо посидѣвъ", возвратились въ крѣпость. Въ воротахъ, Мировичъ звалъ Власьева „въ свою кордегардію посидѣть", отчего Власьевъ отказался, говоря, что „имъ никогда и ни къ кому ходить не можно".

Теперь только, уже въ вечеру, Мировичъ остался одинъ, въ кордегардіи. Что онъ тамъ дѣлаетъ? Онъ весь поглощенъ своимъ „предпріятіемъ". Какъ кошмаръ душитъ его заманчивый замыселъ. Онъ ни на чемъ не можетъ сосредоточиться: ему грезится успѣхъ затѣи, и — богатство, почетъ, величіе. Ни дружеское предостереженіе князя Чефаридзева, ни рѣзкій отпоръ Власьева даже не натолкнули его мыслей на возможность неудачи. Все такъ зрѣло обдумано, такъ всесторонне предусмотрѣно — что же можетъ помѣшать успѣху? откуда явятся непредусмотрѣнныя препятствія? Онъ и не думаетъ о препятствіяхъ, которыя могутъ представиться, ни о затрудненіяхъ, которыя придется преодолѣвать — онъ только мечтаетъ объ успѣхѣ и о послѣдствіяхъ удачи. Вотъ, подъ подушкою, приготовленныя бумаги — манифестъ, письмо, присяга — все въ порядкѣ. Ему видится уже Иванъ Антоновичъ въ Петербургѣ, уже признанный артиллерійскимъ лагеремъ „съ радостію", новому императору уже присягаютъ . . . а дальше что? на кого опереться? И Мировичъ, „въ запасъ, егда его предпріятіе къ тому концу дѣйствительно дойдетъ, то къ подкрѣпленію его тамо дальнихъ производствъ" трудится теперь, вечеромъ 4-го іюля, въ кордегардіи, надъ составленіемъ „отъ имени Ивана Антоновича указа смоленскаго пѣхотнаго полка полковнику Римскому-Корсакову о слѣдованіи ему съ полкомъ въ Санктпетербургъ къ лѣтнему ея императорскаго величества дворцу". Почему же именно въ смоленскій полкъ, гдѣ и почеркъ-то Мировича знаютъ, и гдѣ, какъ ему показала встрѣча съ Бахтинымъ, нѣтъ сочувствующихъ его предпріятію? Да просто потому, что ему выбора нѣтъ:

другихъ полковъ онъ не знаетъ точно, ни гдѣ они расположены, ни кто въ нихъ командиры.

Занятый своею „неотвязчивою мыслью", Мировичъ не чувствуетъ усталости и даже комендантское вино, выпитое за обѣдомъ[1]), на него не дѣйствуетъ: „онъ остается твердъ въ намѣреніи, чтобъ всеконечно и непремѣнно его предпріятіе въ томъ его въ караулѣ стояніи и въ самыхъ малыхъ дняхъ въ дѣйство произвесть, хотя не въ эту ночь". Это „предпріятіе", однако, можетъ быть исполнено, подъ его руководствомъ, ни кѣмъ инымъ, какъ солдатами его караульной команды, и Мировичъ начинаетъ „пріуготовлять" свою команду. Онъ зоветъ къ себѣ въ кордегардію, по одиночкѣ, сперва своего вѣстового, „находящагося на вѣстяхъ солдата", Якова Писклова, за нимъ — солдата Матвѣя Босова, потомъ „всѣхъ стоящихъ на караулѣ трехъ капраловъ" — Андрея Кренева, Николая Осипова, Абакума Миронова. Съ каждымъ изъ этихъ солдатъ онъ продѣлываетъ одно и то же; „напередъ облаская дружескою ласкою, скажетъ ему прямо, что здѣсь содержится государь Иванъ Антоновичъ и уговариваетъ его въ свое намѣреніе, прибавляя къ тому, что и солдаты согласны и чтобъ онъ другихъ, знакомыхъ ему, къ тому скланивалъ" и отъ каждаго обласканнаго солдата получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „ежели солдатство согласно, то и онъ не отстанетъ".

Такіе нехитрые переговоры между подчиненными солдатами и начальствующимъ офицеромъ заняли время до „пробитія тапты или вечерней зори". Когда уже пробили зорю, Мировичъ, „не запирая у воротъ калитки", пригласилъ трехъ капраловъ — Кренева, Осипова и Миронова — прогуляться съ нимъ вокругъ крѣпости. Во время этой прогулки, „онъ прежній имъ чинимый подговоръ повторилъ" уже всѣмъ вмѣстѣ; на что подневольные собе-

---

[1]) Князь Чефаридзевъ показалъ, что намѣревался донесть „кому нибудь изъ знатныхъ особъ" о слышанныхъ имъ отъ Мировича рѣчахъ, но онъ „въ тотъ день былъ отъ пьяныхъ напитковъ такъ отягощенъ, что не въ состояніи нашелся и на другой день за приключившимся ему отъ того припадкомъ донесть". *Ibid.*, л. 31.

сѣдники, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, дали свое согласіе „томко единственно наружнымъ видомъ, а отнюдь не въ самую истину, чтобъ то учинить, а по одной той причинѣ, чтобъ скорѣе отъ него, Мировича, отойти“. Возвратившись съ прогулки, Мировичъ прошелъ прямо въ офицерскую кордегардію, раздѣлся и легъ спать.

Мировичъ вовсе и не думалъ „преднамѣреніе свое исполнить“ именно въ эту ночь. Напротивъ, засыпая онъ рѣшилъ, что для успѣха предпріятія ему необходимо увеличить число своихъ сторонниковъ среди солдатъ. Вотъ какъ записаны въ протоколѣ эти соображенія Мировича на сонъ грядущій: „И хотя такимъ къ заговору склоненіемъ капраловъ и солдатъ онъ предъуготовилъ, но со всѣмъ тѣмъ, лаская себя, что капитанъ Власьевъ сказанныя ему имъ рѣчи уважать и какого-либо изъ нихъ употребленія сдѣлать не можетъ, то ту ночь къ исполненію своего намѣренія, дабы себѣ между солдатствомъ еще болѣе къ видамъ его благосклонныхъ пріумножить, употреблять не полагалъ“. Въ самомъ дѣлѣ что же сказалъ Мировичъ Власьеву? Въ чемъ открылся? Въ его вопросѣ, не погубитъ-ли его Власьевъ, не было и нѣтъ никакого преступнаго признанія. Мировичъ могъ спать спокойно.

Но ему не спалось. Впечатлѣнія-ли, пережитыя имъ въ этотъ день, вино-ли, выпитое у коменданта, или то и другое вмѣстѣ волновало Мировича, но онъ, лежа въ постели, слышалъ, какъ часы пробили полночь, потомъ часъ по полуночи. Ему все не спалось. Позже, ему уже не дали уснуть.

Въ самомъ началѣ втораго часа ночи, пришелъ въ кордегардію фурьеръ Лебедевъ и объявилъ Мировичу, что комендантъ приказалъ, „не безпокоя его, Мировича“, пропустить изъ крѣпости гребцовъ; въ половинѣ втораго, является тотъ же Лебедевъ — комендантъ приказалъ пропустить въ крѣпость канцеляриста и гребцовъ; черезъ нѣсколько минутъ входитъ опять Лебедевъ — комендантъ приказалъ пропустить изъ крѣпости обратно гребцовъ. Три пропуска въ теченіе получаса, глухою ночью — это

ужъ слишкомъ! Мировичу приходитъ мысль, что капитанъ Власьевъ передалъ коменданту Бередникову его слова и теперь комендантъ шлетъ гонца за гонцомъ въ Петербургъ съ доносами на Мировича. Разгоряченное воображеніе рисуетъ ему картину его гибели, и, спасая себя, Мировичъ рѣшается освободить Ивана Антоновича въ эту же ночь, тотчасъ же.

Въ исходѣ второго часа ночи, Мировичъ, полураздѣтый, схватилъ свой мундиръ, шарфъ, шпагу, шляпу, сбѣжалъ изъ кордегардіи внизъ, въ солдатскую караульню, и скомандовалъ: „къ ружью!“ Караульня была маленькая, въ ней находилась только часть солдатъ, остальные размѣщались по другимъ зданіямъ. Проснувшіеся въ караульнѣ солдаты бросились будить и созывать своихъ товарищей. Тѣмъ временемъ Мировичъ одѣлся. Ставъ передъ фронтомъ собравшейся команды, Мировичъ приказалъ заряжать ружья „съ пулями“, а капрала Кренева съ однимъ солдатомъ послалъ „ко воротамъ, къ калиткѣ“, приказавъ никого не пропускать ни въ крѣпость, ни изъ крѣпости. Командныя слова отдавались громко, ружья заряжались съ шумомъ — Бередниковъ, въ халатѣ, выскочилъ на крыльцо и, увидя Мировича, закричалъ ему: „Для чего такъ безъ приказу во фронтъ становятся и ружья заряжаютъ?“ Мировичъ бросился на коменданта, ударилъ его ружейнымъ прикладомъ въ лобъ „столь сильно, что разбивши оный съ поврежденіемъ черепа до крови, его въ безпамятствѣ учинилъ“, приговаривая: „Что ты здѣсь держишь невиннаго государя!“ Онъ схватилъ коменданта за воротъ халата и отдалъ солдатамъ своей команды подъ караулъ, строго запретивъ не только разговаривать съ нимъ, но и выслушивать его рѣчи.

Бунтъ начался.

Вслѣдъ за арестованіемъ коменданта, Мировичъ, перестроивъ команду изъ „четырехъ-шеренгнаго фронта“ въ три шеренги, повелъ свою команду къ „той казармѣ, гдѣ гарнизонная команда состояла“. На окликъ: „кто идетъ?“ Мировичъ отвѣчалъ: „иду къ государю“. Какъ только Мировичъ сталъ подходить къ мѣсту расположенія гарнизонной команды, раздался сперва одинъ выстрѣлъ часового,

потомъ залпъ „всего фронта“. Мировичъ тоже приказалъ „выпалить всѣмъ фронтомъ“. Караульная команда исполнила приказъ своего офицера — выпалила, „а какъ выпалила, то вся врознь разсыпалась“. Среди солдатъ возникло недоумнѣніе, прошелъ ропотъ. Русскій солдатъ не любитъ стрѣлять въ своихъ. Отступая „отъ приступнаго мѣста“, солдаты собрались близь склада пожарныхъ инструментовъ и требовали у Мировича „вида по чему поступать“. Мировичъ успокоивалъ солдатъ увѣреніемъ, что имѣетъ „вѣрный видъ“. Одного увѣренія оказалось недостаточно. Мировичъ побѣжалъ въ кордегардію, взялъ спрятанный въ расщелинѣ манифестъ отъ имени Ивана Антоновича и прочиталъ командѣ „однѣ тѣ только выраженія, которыя больше команду тронуть и къ намѣренному предпріятію возбудить могли“. Солдаты сознавались, что „хоть Мировичемъ указъ и былъ читанъ, но въ какомъ оной содержаніи и къ чему клонится, никто понять не могли“. Для Мировича, вовсе не знавшаго, гдѣ именно содержится Иванъ Антоновичъ и какъ охраняется, возникъ вопросъ: продолжать-ли перестрѣлку съ гарнизономъ или прекратить? Мировичъ опасался, что ружейная пуля можетъ „застрѣлить оную персону“. Онъ запретилъ своимъ стрѣлять. Въ то же время, онъ кричалъ гарнизонной командѣ, чтобъ она „не палила“, въ противномъ случаѣ стращалъ пушкою; онъ посылалъ для переговоровъ солдатъ — ничто не помогло: гарнизонная команда отвѣчала, что „палить будетъ“. Нечего дѣлать, пришлось „устращивать пушкою“. Мировичъ побѣжалъ въ комендантскіе покои за ключами; потомъ съ солдатами — на бастіонъ за пушкою. Привезли пушку, мѣдную, шестифунтовую — нѣтъ пороха и снарядовъ. Мировичъ, съ другими уже солдатами, бѣжитъ къ пороховому погребу. Среди этой бѣготни по крѣпости, Мировичъ кричалъ всѣмъ, встрѣчавшимся часовымъ, чтобы зарядили ружья и ни въ крѣпость, ни изъ крѣпости никого не пропускали, „а кто прорвется и поѣдетъ по рѣкѣ въ лодкахъ по тѣхъ стрѣлять“. Изъ пороховаго погреба брали все „безъ мѣры и вѣсу“ и, наконецъ, притащили къ „приступному мѣсту“, гдѣ стояла уже пушка, „пороху половину капіармуса, фи-

тилю палительнаго кусокъ, пакли на пыжи, тожъ и шесть шестифунтовыхъ ядеръ". Прибѣжалъ къ „приступному мѣсту" и Мировичъ, Что-жъ онъ будетъ дѣлать? Онъ опасался, какъ бы ружейнымъ выстрѣломъ не убить Ивана Антоновича, такъ ужъ изъ пушки палить и вовсе не годилось. Мировичъ такъ распорядился: онъ громко приказалъ заряжать пушку и, въ то же время, „захватя гарнизоннаго солдата Иштирякова, велѣлъ ему идти къ гарнизонной командѣ и сказать, чтобъ не палили, а буде сей послѣднiй разъ будутъ палить, то уже неотмѣнно увидятъ, что изъ пушки по нихъ будутъ бить". Черезъ нѣсколько минутъ сержантъ Иштиряковъ возвратился и объявилъ, что „они палить не будутъ". Почему?

Капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ давно уже ищутъ случая освободиться отъ „каторжнаго заключенiя" въ одной казармѣ съ Иваномъ Антоновичемъ. Они просили, умоляли Панина смѣнить ихъ съ „тяжкаго поста"— Панинъ обѣщалъ снять съ нихъ эту обузу не позже весны, но уже iюль, а они все еще въ заточенiи. Очевидно: пока живъ „арестантъ", имъ повѣренный, ихъ не выпустятъ изъ крѣпости. Теперь представлялся случай добыть себѣ свободу вполнѣ законнымъ путемъ: „ежели случится — сказано въ инструкцiи — чтобъ кто пришелъ съ командою или одинъ и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго арестанта никому не отдавать и почитать все то за непрiятельскую руку; буде же такъ оная сильна будетъ рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить". Теперь непрiятельская рука явилась, и не одна, а „съ командою", уже и пушку заряжаютъ — неужели они не воспользуются такимъ случаемъ? Власьевъ и Чекинъ на слѣдствiи показали: „Какъ они увидали, что привезенную пушку заряжать стали, и дѣйствительно зарядили, въ такомъ случаѣ видя сей страхъ и не находя себя инако въ состоянiи быть, какъ только для спасенiя всей команды отъ напрасной и безвременной смерти, сему внутреннему и сугубо злѣйшему непрiятелю уступить, но не ранѣе того, какъ уже та особа, полученiемъ коей Мировичъ себя ласкалъ и за главнѣйшую себѣ добычу имѣть поставлялъ, жизнiю отъ нихъ истреб-

лена была, а по учиненіи сего[1]) неминуемаго поступка и егда сержантъ Иштиряковъ прибѣжавъ сказывалъ, что по нихъ изъ пушекъ палить будутъ, то потому отъ нихъ и сказано, что они палить не будутъ".

Обрадовался Мировичъ, услыхавъ, что палить не будутъ. Немедленно двинулся онъ со всею командою къ казармѣ; на галлереѣ онъ столкнулся съ поручикомъ Чекинымъ. Мировичъ схватилъ его за руку и потащилъ въ сѣни, спрашивая: „Гдѣ государь?" Чекинъ отвѣчалъ: „У насъ государыня, а не государь". Мировичъ, сильно толкнувъ его въ затылокъ, вскричалъ: „Пойди, укажи го-

---

[1]) О томъ, какъ „сіе учинено" было есть только три современныя показанія: 1) ундеръ-офицеръ ладожскаго канальнаго баталіона Жемчужковъ разсказывалъ, что бывшій при арестантѣ приставомъ „офицеръ тово Івана Антоновича имѣющеюся при себѣ *шпагою чрезъ три язвы закололь* до смерти", при чемъ Жемчужковъ сознался, что весь свой разсказъ онъ „отъ своего вымыслу и съ одной догадки затеялъ" (*Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, № 10); 2) въ депешѣ гр. *Сакена*, отъ 24-го іюля, сказано: Le prince Iwan dormoit tranquillement, lorsqu'il reçut le premier coup d'épée. Il ne s'éveillat qu'au second. Il chercha alors inutilement à se défendre et à tenter de se saisir de l'épée de l'officier. Son corps est couvert de *huit blessures, dont quatre paroissent mortels* (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 61), и 3) англійскій посланникъ гр. *Букингэмъ*, въ депешѣ отъ 20-го іюля, сообщаетъ: The first stab awaked the unfortunate youth, who was asleep in bed. He made so stout a resistance, as to break one of their swords and received *eight wounds* before he expired (*Grimblot*, 235; *Сборникъ*, XII, 171). Въ 1771-мъ году этотъ эпизодъ разсказывался уже съ такими подробностями: Der erste Stich, welchen sie ihm in der Verwirrung gaben, gieng ins dicke Bein, und der folgende in den Arm, welchen der von dem ersten Stich erwachte Prinz verhütet; die folgenden aber trafen seine Brust und das Herz, und tödteten ihn (*Büsching*, VI, 534). Въ иномъ видѣ убійство описывалось въ 1800 году: Ivan trouva des forces dans son désespoir et, quoique nu, il se défendit assez long-temps. Ayant la main droite percée et le corps couvert de blessures, il saisit l'épée d'un de ces monstres et la brisa; mais tandis qu'il se débattoit pour lui en arracher le tronçon, l'autre le poignarda par derrière et le renversa. Celui dont l'épée étoit cassée acheva de lui ôter la vie à coups de baïonnette (*Castèra*, II, 87). Встрѣчаются еще и другіе разсказы (*Iwan*, 33; *Saldern*, 217; но дѣло въ томъ, что сами убійцы не сообщили въ своемъ донесеніи никакихъ по этому поводу подробностей (*Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. 1; Приложенія, VII, 4, 5).

сударя, отпирай двери". Чекинъ отперъ дверь каземата — темно. Побѣжали за огнемъ. Лѣвою рукою Мировичъ держалъ Чекина за воротъ; въ правой у него было ружье со штыкомъ. Въ ожиданіи огня, Мировичъ сказалъ Чекину: „Другой бы тебя, каналья, давно закололь". Принесли огонь. Мировичъ вскочилъ въ казематъ и остолбенѣлъ — среди каземата, на полу, въ лужѣ крови, валялось мертвое тѣло! Изъ за Мировича безъучастно смотрѣли на теплый еще трупъ капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ...

„Ахъ вы, безсовѣстные — сказалъ имъ Мировичъ — за что вы невинную кровь такого человѣка пролили?" Власьевъ и Чекинъ спокойно отвѣчали: „Какой онъ человѣкъ — мы не знаемъ: только то знаемъ, что онъ арестантъ. А кто надъ нимъ что сдѣлалъ, тотъ поступилъ по присяжной должности"[1]). Даже солдаты содрогнулись при видѣ, дѣйствительно, ужаснаго зрѣлища.

---

[1]) Относительно этого пункта въ показаніяхъ встрѣчается значительное разнорѣчіе, которое слѣдствіемъ *не могло быть* выяснено. Мировичъ показалъ, что Власьевъ и Чекинъ сказали ему, что они убили Ивана Антоновича „по указу" и подали Мировичу бумагу, которую онъ не взялъ и, поэтому, не читалъ; Власьевъ и Чекинъ, напротивъ, утаили при допросахъ, что имѣли указъ умертвить „арестанта"; сознаваясь въ своихъ словахъ Мировичу, что они поступили „по указу", Власьевъ прибавлялъ „только онаго указа я никогда и ниоткуда не имѣлъ, слѣдственно у меня какъ въ рукахъ не было, такъ и показывать было нечего, а сказали мы объ указѣ отъ смертнаго страха" (*Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. 3-я). Теперь это разнорѣчіе объясняется весьма просто: Власьевъ и Чекинъ имѣли „указъ" — инструкцію, но въ этомъ же указѣ предписывалось имъ никому и никогда объ этой инструкціи ничего не говорить. Когда Мировичъ наступалъ на нихъ, требуя отчета въ совершенномъ ими убійствѣ, они, дѣйствительно „отъ страха", что раздраженный неудачею Мировичъ способенъ и ихъ убить, упомянули объ указѣ, но подавать бумагу Мировичу они не могли: инструкція хранилась ими весьма тщательно и бережно, они не могли носить ее съ собою и, поэтому, въ данный моментъ показывать ее Мировичу. Подлинная инструкція, подписанная Панинымъ по пунктамъ, сохранилась въ такомъ хорошемъ видѣ, что, очевидно, ее берегли, не трепали по карманамъ. Есть извѣстіе, будто Власьевъ и Чекинъ сообщали Мировичу на словахъ содержаніе указа: They told Mirowitz,

Мировичъ приблизился къ трупу, сталъ на колѣни, поцѣловалъ руку и ногу мертвеца. По его приказанію, солдаты положили мертвое тѣло на кровать, вынесли изъ казармы, перенесли черезъ „канальный переходъ", и остановились: солдаты недоумѣвали, какимъ образомъ убійцы остаются на свободѣ, и спрашивали Мировича, не прикажетъ-ли онъ взять ихъ подъ караулъ. Мировичъ не приказалъ, говоря солдатамъ, что „они и такъ не уйдутъ". Опять подняли солдаты кровать съ мертвецомъ, и по крѣпости двинулась печальная процессія: впереди трупъ, сопровождаемый „всей въ разстройкѣ находящейся командой", за трупомъ Мировичъ, поодаль — капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ подъ надзоромъ нѣсколькихъ солдатъ. Процессія приблизилась къ фронтовому мѣсту. По приказанію Мировича мертвое тѣло поставили передъ фронтомъ; команда построилась въ четыре шеренги. „Теперь — сказалъ Мировичъ — отдамъ послѣдній долгъ своего офицерства." Онъ велѣлъ бить утренній побудокъ; потомъ приказалъ командѣ сдѣлать въ честь мертваго тѣла на караулъ; наконецъ, скомандовалъ бить полный походъ, при чемъ самъ первый салютовалъ. Отдавъ трупу воинскія почести, Мировичъ приблизился къ мертвому тѣлу, поцѣловалъ холодѣвшую уже руку и, обращаясь къ солдатамъ, сказалъ: „Вотъ, братцы, нашъ государь Іоаннъ Антоновичъ! Теперь мы не столь счастливы, какъ безсчастны, а всѣхъ больше за то я претерплю. Вы не виноваты — вы не вѣдали, что я хотѣлъ сдѣлать. Я уже за всѣхъ васъ отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ сносить долженъ".

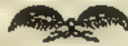
Мировичъ не зналъ, что дѣлать дальше. Онъ, видимо, не приготовилъ себя къ такому исходу предпріятія. Мировичъ сталъ обходить шеренги и цѣловать рядовыхъ. Онъ обошелъ уже и перецѣловалъ три переднія шеренги, кончалъ и четвертую, когда солдаты одумались: капралъ Мироновъ подошелъ къ Мировичу сзади и взялся за его

---

that, if he persisted, it would endanger the Prince's life, as their instructions were, in case they found their efforts to guard him ineffectual, immediately to put him to death. (Изъ депеши гр. *Букингэма* отъ 20 іюля 1764 г., *Сборникъ*, XII, 171; *Raumer*, II, 552).

шпагу; Мировичъ заявилъ, что отдастъ шпагу только коменданту; но капралъ, „на то не взирая“, съ помощью солдатъ снялъ съ него шпагу. Вскорѣ подошелъ и комендантъ: онъ сорвалъ съ Мировича „офицерскій знакъ“ и отдалъ „бунтовщика“ подъ караулъ при фронтѣ.

Бунтъ окончился.

XVIII.

Безвинный, безобидный, ни на что неспособный Иванъ III Антоновичъ родился, жилъ и умеръ коронованнымъ мученикомъ деспотизма. Съ колыбели и до могилы, въ теченіе 24 лѣтъ, онъ всегда былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ политическихъ страстей; никто не хотѣлъ видѣть въ немъ человѣка, для всѣхъ онъ былъ политическимъ „фантомомъ". Ему было два мѣсяца, когда родная мать, ради своихъ честолюбивыхъ цѣлей, обрекла его на „безчеловѣчныя" мученія; ему не было и двухъ лѣтъ, когда императрица Елизавета, по своимъ политическимъ видамъ, осудила его на пожизненное заключеніе; онъ былъ и убитъ потому, что какой-то армейскій подпоручикъ избралъ его орудіемъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Какъ только Мировичъ былъ арестованъ солдатами, комендантъ Бередниковъ, солдатами же освобожденный изъ-подъ караула, послалъ за командиромъ смоленскаго пѣхотнаго полка. Полковникъ Римскій-Корсаковъ явился въ сопровожденіи секундъ-майора Кудряваго. Когда они подходили къ фронтовому мѣсту, Мировичъ сказалъ командиру своего полка: „Быть можетъ, вы не видѣли живого Ивана Антоновича, такъ теперь мертваго увидите — онъ уже теперь не тѣломъ, а духомъ кланяется вамъ". Римскій-Корсаковъ, не останавливаясь и не слушая, прошелъ прямо въ комендантскіе покои. Вскорѣ прибылъ и „секурсъ": согласно приказу, ежегодно повторявшемуся, поручикъ Васильевъ и прапорщикъ Жегловъ, бывшіе въ

ту ночь дежурными по полку, услышавъ ружейную пальбу въ крѣпости, наскоро собрали команду въ 23 человѣка и на шхерботѣ и одной лодкѣ приплыли въ крѣпость[1]). Секурсъ, какъ и всегда, опоздалъ. Однако, „по справедливому на караульную смоленскаго полка команду сомнѣнію, комендантомъ оная секурсная команда оставлена и для лучшей безопасности особымъ пикетомъ разставлена была".

По возстановленіи полной тишины, прежде всего, были отправлены рапорты о „приключившемся бунтѣ" въ Царское Село, Н. И. Панину. Потомъ, комендантъ шлюссельбургской крѣпости и командиръ смоленскаго полка озаботились каждый о своихъ людяхъ. По сдѣланной перекличкѣ, всѣ люди оказались на лицо, здравы и невредимы, не смотря на перестрѣлку. Въ протоколѣ объ этомъ записано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „И хотя въ караульной подъ предводительствомъ Мировича командѣ дѣйствительно тридцать восемь человѣкъ точно дѣйствующихъ, а гарнизонной команды всѣхъ чиновъ шестнадцать человѣкъ было и всѣми оными съ обѣихъ сторонъ во время тото мятежа выпалено было патроновъ съ пулями сто двадцать четыре, но со всѣмъ тѣмъ ни одного человѣка раненаго, а меньше еще убитаго, ни въ которой командѣ не имѣлось, что не иному приписать можно, какъ по части тогда чрезвычайно велико состоящему туману[2]), по части жъ, что фронтовая команда на высокомъ, гарнизонная же въ низкомъ и нѣсколько покрытомъ мѣстѣ состояли, а еще и ночной порѣ, когда люди, отъ сна вставши,

---

[1]) „Порутчикъ Васильевъ и прапорщикъ Жегловъ, услышавъ той ночи ружейную въ крѣпости пальбу собрали всю оставшуюся наличную команду, состоящую въ одномъ порутчике, прапорщике, одномъ сержанте и дватцати двухъ человекъ солдатъ, въ силу прежде отданныхъ коммендантомъ, въ случае тревоги, приказовъ, деиствительно оружейными въ двухъ судахъ, а имянно на шерботе и лодке севши къ крепости шлюссельбургской пріехали, и во оную вошли тогда когда уже смятеніе прекратилось". *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, № 10-й.

[2]) Въ „репортѣ артиллеріи поручика Семена Рудомазина", отъ 5-го іюля, сказано: „і въ то время отъ воли Божиеи сильной былъ туманъ" (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я).

по большей части можетъ не вовсе въ настоящую память вошли". Объясненія не измѣняютъ факта: была пролита кровь, но не того, въ кого стрѣляли.

Сообщенія въ то время были довольно медленны[1]), и только на другой день, 6-го іюля, „предъ полуднемъ" Панинъ прочелъ рапортъ коменданта Бередникова и донесенія Власьева и Чекина. Онъ немедленно сдѣлалъ необходимыя распоряженія, командировалъ подполковника Кашкина въ Шлюссельбургъ, чтобы составить, по первому же допросу Мировича, протоколъ о всемъ случившемся, приказалъ похоронить „мертвое тѣло"[2]) и послалъ подробный докладъ императрицѣ, въ Ригу.

---

[1]) Въ рапортѣ И. И. Веймарна Н. И. Панину сказано, между прочимъ: „изъ Петербурга 13-го іюля по полуночи въ 10-мъ часу отправился и въ крѣпость Шлюссельбургскую прибылъ тогожъ числа по полудни въ седьмомъ часу" (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я, № 27), т. е. на переѣздъ изъ Петербурга въ Шлюссельбургъ потребовалось девять часовъ. Панинъ въ это время жилъ въ Царскомъ Селѣ, что увеличивало разстояніе еще часа на три. Этимъ объясняется, что донесеніе о шлюссельбургской катастрофѣ Панинъ прочелъ только 6-го іюля, утромъ: донесеніе, вѣроятно, пришло ночью, когда Панинъ уже спалъ.

[2]) Въ письмѣ Панина къ Бередникову, отъ 6-го іюля: „P. S. Мертвое тѣло безумнаго арестанта, по поводу котораго произошло возмущеніе, имѣете вы сего же числа въ ночь съ городскимъ священникомъ въ крепости вашей предать землѣ, въ церквѣ или въ какомъ другомъ месте, где бы не было солнечнаго зноя и теплоты. Нести же его въ самой тишинѣ несколькимъ изъ техъ солдатъ, которые были у него на караулѣ, дабы, какъ оставляемое предъ глазами простыхъ и въ движения приведенныхъ людѣй тело, такъ и съ излишними обрядами предъ ними погребение онаго не могло ихъ вновь встревожить и подвергнуть какимъ либо злоключениямъ". *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1. То же, только кратче, и въ письмѣ Екатерины къ Панину отъ 9-го іюля: „Безъимяннаго колодника велите хранить по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки" (*Сборникъ*, VII, 365). О погребеніи см. *Büsching*, VI, 535; *Hermann*, V, 651; *Отечеств. Записки*, CLXV, 546. До полученія приказанія отъ Панина, комендантъ Бередниковъ не могъ похоронить Ивана Антоновича, и тѣло его не только весь понедѣльникъ, 5-го іюля, но и большую часть вторника, 6-го іюля, лежало передъ гауптвахтою, возлѣ часоваго, и всѣ, кто имѣлъ доступъ въ крѣпость, видѣли трупъ. Въ объявленіи капитана выборгскаго пограничнаго 4 батальона Христофора фонъ-Бергена, поданномъ выборгскому гу-

Панинъ вѣрно понялъ, правильно установилъ точку зрѣнія и сразу опредѣлилъ „важность злодѣйства предпринятого и благополучно, Божіимъ чуднымъ промысломъ, на вѣки тѣмъ же самимъ пресѣченнаго“. Въ первомъ же донесеніи Екатеринѣ, отъ 6-го іюля, Панинъ писалъ: „Ваше імператорское величество просвѣщеннымъ вашимъ проницаніемъ сами усмотреть соизволите, что нѣтъ въ семъ предприятіи пространнаго заговора, а дѣло произведено было отчаянною ухваткою“; на другой день, 7-го іюля, та же точка зрѣнія подтверждается захваченными у Мировича бумагами: „Его сочинения вирши алегорическия довольно доказываютъ, что сия измена его однимъ фанатическимъ безуміемъ затѣяна“[1]).

бернатору Исакову, сказано: „въ тотъ же понедѣльникъ по полуночи въ 10-мъ часу пошелъ я въ крепость, гдѣ многие люди находились и смотрели на предъявленнаго отъ язвъ умершаго Ивана Антоновича, которой предъ гобвахтою возле часоваго на двухъ досках лежалъ и покрытъ красною епанчою“ (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, № 3). Это тотъ капитанъ фонъ-Бергенъ, который случайно находился въ это время въ Шлюссельбургѣ, услышалъ разсказъ ундеръ-офицера Жемчужкова о людяхъ въ маскахъ, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга, желалъ провѣрить его показаніе относительно умерщвленія Ивана III, пошелъ въ крѣпость, куда имѣлъ доступъ, какъ капитанъ, и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ объявилъ все своему непосредственному начальнику, оберъ-коменданту Ступишину и подалъ, по требованію губернатора, вышеуказанное объявленіе. Фонъ-Бергенъ былъ въ отпуску, у своего родственника коллежскаго ассессора Бека, жившаго въ Шлюссельбургѣ. Эта случайность поставила въ тупикъ Панина: „Съ удивлениемъ — пишетъ Панинъ Веймарну, отъ 14-го іюля — не могу понять какой бы могъ туда теперь капитанъ приехать, которой бы виделъ известное мертвое тѣло“ (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я, № 30). Фонъ-Бергенъ видѣлъ на трупѣ Ивана Антоновича красную епанчу, графъ Сакенъ же слышалъ, что онъ былъ въ нищенскомъ рубищѣ: on l'a trouvé habillé d'haillons et aussi misérablement que le dernier mendiant (депеша отъ 31 іюля, въ *Дрезден. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 63). Едва-ли въ этомъ можно видѣть противорѣчіе и, во всякомъ случаѣ, красная епанча, наброшенная на трупъ, не принадлежала Ивану Антоновичу.

[1]) Четыре донесенія Панина, отъ 6, 7, 9 и 13 іюля, въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 400, ч. I-я. Тотъ же взглядъ высказанъ и въ письмѣ Панина къ кн. Волконскому, отъ 17-го августа 1764 г., въ *Сборникѣ*,

Никогда еще Екатерина не испытывала такого усиленнаго прилива чувствъ, такого нервнаго потрясенія, какъ при извѣстіи о шлюссельбургской „дивѣ". Радость объ исчезновеніи послѣдняго претендента смѣнялась тревогой за спокойствіе трона; страхъ, доходящій до отчаянія, надежда на благополучный исходъ, боязнь обширнаго „плана" у измѣнниковъ, опасеніе за преступныя разоблаченія — все волновало Екатерину тѣмъ рѣзче и чувствительнѣе, что издали, въ Ригѣ, на разстояніи 600 верстъ, подробности получали несвойственное имъ, нерѣдко фантастическое освѣщеніе, а самый фактъ принималъ неправильныя очертанія, преувеличивался или принижался, смотря по отрывочнымъ извѣстіямъ, раздражавшимъ воображеніе въ ту лили другую сторону.

„Руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть!" вскричала невольно Екатерина при первой вѣсти объ умерщвленіи Ивана Антоновича. „Провидѣніе оказало мнѣ очевидный знакъ своей милости, придавъ такой конецъ этому предпріятію", пишетъ она Панину. Но эта радость тотчасъ же затуманилась, когда она прочла бумаги, найденныя у Мировича. Она спокойно, сохраняя полное присутствіе духа, читала его замѣтки, случайно набросанныя на листкахъ календаря, его „вирши" и сновидѣнія, даже его обѣты святымъ на случай „если взойдетъ Іоаннъ"; но ужасъ и страхъ охватили Екатерину, когда она читала манифестъ, составленный „негодяями" отъ имени Ивана III. Вотъ что, между прочимъ, прочла она въ этомъ манифестѣ: „Недолго владѣлъ престоломъ Петръ Третій, и тотъ отъ пронырства и отъ руки жены своей опоенъ смертнымъ ядомъ, по немь же не інымъ чемъ какъ силою обладала наследнымъ моімъ престоломъ самолюбная расточительница Екатерина, которая по день Нашего возшествія изъ отечества Нашего выслала на корабляхъ къ родному брату своему къ римскому генералъ-фельдмаршалу князю Фридерику Августу всего на

LI, 479. По словамъ гр. *Сакена*, отвѣты Мировича dénotent assez un fanatisme qui approche de la frénésie (депеша отъ 7 августа, въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 65).

дватцать на пять мјлйоновъ денегъ золота и серебра въ деле и не въ деле и сверхъ того она чрезъ свои природные слабостј хотела взять себе въ мужья подданнаго своего Григорья Орлова съ темъ чтобъ уже изъ злонамереннаго и вреднаго отечеству ея похода[1]) и невозвратитца, за что конечно она предъ его страшнымъ судомъ неоправдаетца"[2]).

Одна Екатерина знала, что и насколько ложь въ этомъ манифестѣ; но и ложь производитъ впечатлѣніе на толпу, которая не въ силахъ отдѣлить ее отъ правды. Эти „преступныя разоблаченія", даже будучи „клеветой", способны поколебать въ народѣ и довѣріе къ императрицѣ, и уваженіе къ женщинѣ. Мысли, одна другой тревожнѣе омрачали чело Екатерины при чтеніи манифеста, крайне разнобразныя чувства волновали ее, и она излила ихъ въ письмѣ къ Панину отъ 10-го іюля[3]):

„Хотя зло пресѣчено въ своемъ корнѣ, я опасаюсь, „однако, чтобъ въ такомъ большемъ городѣ, какъ Петербургъ, глухіе толки не надѣлали бы много несчастныхъ, „такъ какъ эти два негодяя, которые наказаны Богомъ за „ужасную ложь, написанную ими на мой счетъ въ ихъ „такъ называемомъ манифестѣ, не преминули посѣять „свой ядъ... Я не останусь здѣсь ни одного часа болѣе, „чѣмъ сколько нужно, не показывая, однако, вида, что я „тороплюсь; я возвращусь въ Петербургъ, гдѣ, я надѣюсь, „мое возвращеніе не мало будетъ содѣйствовать уничто„женію всѣхъ ихъ клеветъ на мой счетъ... Я къ вамъ „съ крайнею откровенностію все то пишу, что въ голову „пришло; но не думайте, чтобъ я страху предалась. Я сіе

---

[1]) Т. е. путешествія въ Остзейскія провинціи.

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я, А. Въ Госуд. Архивѣ хранится копія съ манифеста, причемъ указанное мѣсто отмѣчено точками, а на полѣ противъ нихъ написано: „Здесь столь дерзостныя и поносныя бунтовщикъ изблевалъ рѣчи противъ освященной особы монаршей, что никакая рука силъ иметь не можетъ оныя переписывать" (VI, 400, ч. II, № 1-й). Содержаніе манифеста, въ общихъ, конечно, чертахъ, было извѣстно многимъ (Депеша гр. *Сакена*, отъ 24 іюля, въ *Дрезден. Архивъ*, 1764, vol. I, № 61, *Castéra*, II, 90). Совершенно невѣрно онъ изложенъ у *Herrmann*, VI, 650.

[3]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. I-я; *Приложенія*, I, 49.

„дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ „есть, сиречь дешператной и безразсудной coup, однакожъ „надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачество „распространилось."

Спокойствіе и охрана Петербурга поручены Неплюеву, и Неплюевъ доноситъ, что въ „большемъ городѣ" все спокойно и брагополучно[1]); но можно-ли ему вѣрить?

---

[1]) И. И. Неплюевъ увѣдомилъ 8-го іюля Панина, жившаго въ Царскомъ Селѣ: „въ городѣ хотя і ведаютъ о произшедшемъ въ Шлюссельбургѣ, но никакихъ предъосудительныхъ толкованій не слышно" (*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 5, № 8). Въ рапортѣ Неплюева императрицѣ, отъ 14 іюля, значится: „Здесь въ городе обстоитъ спокойно и благополучно, и никакихъ противныхъ слуховъ ни отъ кого не слышно, кромѣ какъ точной исторіи того произшествия" (*Ibid.*, VI, 400, ч. 1, № 38). Но въ этомъ же рапортѣ упоминаются и люди въ маскахъ, прибывшіе изъ Петербурга, какъ сообщалъ выборгскій губернаторъ г.-м. Исаковъ, основываясь на официальныхъ донесеніяхъ, полученныхъ имъ едва-ли не отъ очевидцевъ, какъ имѣла право полагать Екатерина. Донесенія Неплюева дополняются депешами саксонскаго посланника гр. *Сакена.* Въ депешѣ отъ 24-го іюля: On redouble ici toutes sortes de précautions pour conserver la tranquillité publique. Les gardes ont été sous les armes une couple de nuits et on les tient en haleine en les exerçant continuellement aux armes, qu'ils n'ont guères plus de temps à eux, qu'il n'en faut pour dormir. Un régiment d'hussards patrouille continuellement à l'entour de la ville (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 61); въ депешѣ отъ 27 іюля: On distribua avant hier publiquement et avec une sorte d'affectation aux régiments de campagne, qui sont ici en garnison, des cartouches chargées à balles, sans que les gardes en fussent pourvues de même, précaution qui paroit n'avoir été prise que contre elles (*Ibid.*, № 62), Другой очевидецъ, пасторъ *Бюшингъ*, вполнѣ подтверждаетъ это: Auch unter den Garderegimentern verursachte die Ermordung des Prinzen eine grosse Bewegung, welche in der Nacht vom 13-ten auf den 14-ten Juli so stark war, dass man die allerschlimmsten Folgen besorgte. Dieser aber wurde dadurch vorgebeuget, dass der Fürst Alexander Golizin unter die bey St.-Petersburg campirende Feldregimenter Pulver und Bley öffentlich austheilen liess, welches die Garde-Regimenter im Zaum hielt, und alles beruhigte (*Büsching*, VI, 535). Эти мѣры дали Неплюеву возможность увѣдомить императрицу, что въ городѣ все обстоитъ благополучно. Къ показаніямъ гр. *Сакена* надо относиться, впрочемъ, весьма осторожно. Такъ, въ депешѣ отъ 10-го іюля, читаемъ: On n'oublie aucune des précautions essentielles pour tenir ici tout le monde en bride. Les patrouilles sont plus fréquentes et plus nombreuses que lorsque Sa Majesté Impériale

не обманывается-ли старикъ? Екатерина имѣетъ серьезный поводъ не вѣрить Неплюеву: 14-го іюля она получила отъ выборгскаго губернатора А. С. Исакова офиціальное донесеніе о вооруженныхъ и замаскированныхъ людяхъ, прибывшихъ въ ночь съ 4-го на 5-е іюля на шлюпкахъ изъ Петербурга въ Шлюссельбургъ.

Въ понедѣльникъ, 5-го іюля, въ 8-мъ часу утра, ундеръ-офицеръ ладожскаго канальнаго баталіона Жемчужковъ, находившійся при шлюзахъ, донесъ своему командиру ассессору Беку: „Между вторымъ и третьемъ часу ночи прибыло изъ Санктъ-Петербурга къ Шлюссельбургской крепости на двухъ шлюпкахъ незнаемыхъ людей въ маскахъ не малое число вооруженныхъ, которыя и въ крепость черезъ состоящаго на карауле смоленскаго пехотнаго полку оберъ-офицера пропущены; и по пропуске пришедъ къ полковнику и тамошнему коменданту объявили манифестъ, будто имѣющейся въ той шлюссельбургской крепости подъ присмотромъ Іванъ Антоновичъ избранъ ныне імператоромъ; но какъ оной комендантъ того манифеста не принялъ, то въ маскахъ прибывшія люди ево полковника і коменданта бивъ, связали руки назадъ, и потомъ пришли въ то место где помянутой Іванъ Антоновичъ находился, при которомъ состоялъ на карауле гвардіи офицеръ, коему те прибывшія въ маскахъ незнаемыя люди потомужъ объявили помянутой манифестъ, но и оной того не принялъ, то они стали усиливаться чтобъ реченнаго Івана Антоновича взять, точію тотъ гвардіи офицеръ видя сію непристойность тово Івана Антоновича имѣющеюся при себя шпагою чрезъ три язвы закололъ до смерти. И какъ сіе темъ гвардіи офицеромъ учинено, то те незнаемыя люди видя что предписаннаго Івана Антоновича живаго получить не могли, неведомо куда скрылися и на техъ же шлюпкахъ на коихъ прибыли уехали“. Бекъ сообщилъ объ этомъ капитану 4-го

---

est en ville. Plusieurs personnes, décorées des cordons bleus et rouges, dévouées à l'Impératrice et à la clique des Orlows, s'y mettent à la tête et parcourent souvent la ville jour et nuit (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 51).

выборгскаго пограничнаго батальона Христофору фонъ-Бергену, капитанъ — выборгскому оберъ-коменданту П. А. Ступишину, оберъ-комендантъ — выборгскому губернатору, и такъ это дошло до Екатерины, въ Ригу, прежде, чѣмъ до Панина, въ Царское Село. Все это, по тщательномъ изслѣдованіи[1]), оказалось чистымъ вздоромъ, но подобный вздоръ тѣмъ болѣе безпокоилъ императрицу, что въ немъ упоминалось о манифестѣ съ „ужасною“ ложью на ея счетъ.

Одно несказанно утѣшало Екатерину — Иванъ III Антоновичъ исчезъ, сошелъ со сцены, погребенъ. Единственная ея забота теперь: прекратить всякіе толки, успокоить умы, заставить забыть и Ивана Антоновича, и его умерщвленіе, и всѣ эти шлюссельбургскія дивы. „Я ныне — пишетъ она Панину, отъ 11-го іюля — более спешю, какъ прежде, возвратится въ Питербурхъ, дабы сіе дело скорея окончать и темъ далныхъ дуратскихъ разглашеній пресечь“. Въ тотъ же день, Неплюеву: „Я спешю къ вамъ возвратится, гдѣ увижю, надеюсь, скорое окончаніе сего безумнаго дела“. Екатерина справедливо полагала, что „молва народная лишь концомъ всего дела пресечется“[2]).

Генералъ-порутчикъ Гансъ фонъ Веймарнъ произвелъ слѣдствіе быстро, довольно точно и вполнѣ безпристрастно. Не только „ухватка“ Мировича, но и самыя мелкія подробности и побочныя обстоятельства разъяснены имъ всесто-

---

[1]) На слѣдствіи Жемчужковъ показалъ, что слышалъ о людяхъ въ маскахъ отъ жены своей, Ненилы Ивановны; жена его, напротивъ, сказала, что подслушала на базарѣ, гдѣ покупала провизію, какъ купецъ Шадринъ передавалъ какому-то солдату, что „въ крѣпости зделалась ночью штурма“; Шадринъ даже и отъ этихъ словъ отрекся. На очной ставкѣ всѣхъ трехъ лицъ, Жемчужковъ объявилъ, что „онъ все то отъ своего вымыслу и съ одной догадки затеялъ и разглашалъ самъ собою, и самъ ничего оного не виделъ и не знаетъ“. Подозрѣвая, что Жемчужковъ это говоритъ лишь „къ закрывательству“ жены, онъ вновь былъ „съ пристрастіемъ подъ битьемъ батоги спрашиванъ“, но во всемъ „утвердился на прежнемъ“. Всепод. доношеніе, въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 400, ч. 3, № 10; *Сборникъ*, VII, 370; *Büsching*, VI, 536.

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я; *Сборникъ*, VII, 366, 372.

ронне и съ чисто нѣмецкою акуратностію. При этомъ онъ выказалъ и свое доброе сердце стараясь, не только не привлекать безвинныхъ, но и привлеченныхъ избавлять, по возможности, онъ излишней отвѣтственности. Особенно сожалѣлъ онъ солдатъ: „сіи бедныя простотою и по большей части безпримерною глупостью наполненныя люди"[1]) оказывались безъ вины виноватыми.

25-го іюля Екатерина возвратилась въ Петербургъ. Въ день же пріѣзда она видѣла слѣдователя Веймарна и личными съ нимъ переговорами убѣдилась, что онъ „съ умомъ взялся за дѣло" и что слѣдствіе, дѣйствительно, ведено „гладко"[2]). Въ началѣ августа генералъ-поручикъ Веймарнъ представилъ императрицѣ „экстрактъ" слѣдственнаго дѣла о шлюссельбургскомъ бунтѣ; 17-го августа Екатерина подписала манифестъ о назначеніи верховнаго суда надъ Мировичемъ. „Мы посылаемъ сіе дѣло — сказано въ манифестѣ — на судъ нашему сенату, повелѣвая ему, купно съ синодомъ, призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ съ президентами всѣхъ коллегій, выслушать оное отъ генералъ поручика Веймарна, яко производителя всего слѣдствія, и заключить, въ силу государственныхъ законовъ, сентенцію, которую, подписавъ обще всѣмъ, внести къ намъ на конфирмацію"[3]). Это верховное судилище составилось изъ 48 сановниковъ имперіи — 5-ти духовныхъ и 43-хъ военныхъ и гражданскихъ[4]).

---

[1]) Изъ письма Веймарна Панину, отъ 16-го іюля, въ *Госуд. Архивѣ*, VI, 400, ч. 1-я, № 38. Онъ допросилъ 69 человѣкъ нижнихъ чиновъ, слѣпо исполнявшихъ приказаніе начальника.

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 2-я. Въ депешѣ гр. *Сакена*, отъ 29 сентября: M-r. de Weymarn est accueilli à présent de Sa Majesté Impériale d'une manière fort distinguée et qui dénote que cette Souveraine est trés satisfaite de son zèle et de la tournure qu'il a su donner à cette affaire tragique et singulière (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 80). См. *Сборникъ*, VII, 371, 372.

[3]) *Архивъ Сената*, т. 111, л. 370; депеша гр. *Сакена*, отъ 4 сентября, въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, № 73; *Iwan*, 3; *Büsching*, VI, 537; *П. С. З.*, № 12228; *Осмнадц. Вѣкъ*, III, 361; *Чтенія*, 1861, I, 182.

[4]) Приводимъ имена членовъ верховнаго суда въ томъ порядкѣ, какъ они подписались подъ всеподданнѣйшимъ докладомъ 25 августа: *Димитрій*, митрополитъ новгородскій; *Гавріилъ*, архіепископъ санкт-

Въ верховномъ судѣ дѣло пошло уже не такъ „гладко“.

Первое засѣданіе верховнаго суда состоялось 19-го августа, а спустя шесть дней, 25-го уже августа, особая его депутація представила императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ говорилось: „чтобъ частыми по сему дѣлу могущими быть представленіями Вашего імператорскаго величества человѣколюбивѣйшему и молосерднѣйшему сердцу не нанести чувствительнаго безпокойствія, собраніе всеподданнѣйше дерзаетъ попросить вашего імператорскаго величества всевысочайшаго дозволенія, чтобъ въ разсужденіи великой важности сего дѣла, на сей только случай уполномочить собраніе въ томъ, чтобъ все то, по присягѣ, вѣрности и лучшему разумѣнію предостережено и дѣло такъ рѣшено и совершено было, какъ того честь государства, будущаго онаго тишина и безопасность и святость обнародованныхъ законовъ требуетъ, всемилостивѣйше дозволя-жъ поступать по сему дѣлу собранію во всемъ по большинству голосовъ“ [1]). Собраніе, которому поручено судить государственнаго преступника, покушавшагося свергнуть Екатерину къ престола, испрашиваетъ

петербургскій; *Афанасій*, епископъ ростовскій; *Лаврентій*, архимандритъ свято-троицкія лавры; *Симеонъ*, архимандритъ кириллова бѣлоозерскаго монастыря; гр. Кирилла *Разумовскій*, гр. А. *Бутурлинъ*, кн. Я. *Шаховской*, гр. П. *Чернышевъ*, гр. М. *Скавронскій*, гр. Романъ *Воронцовъ*, Н. *Панинъ*, П. *Панинъ*, Федоръ *Ушаковъ*, Н. *Муравьевъ*, кн. А. *Козловской*, Ф. *Милославской*, А. *Олсуфьевъ*, кн. Н. *Трубецкой*, гр. В. *Фермоpъ*, С. *Нарышкинъ*, гр. Эрнстъ *Минихъ*, Семенъ *Мордвиновъ*, гр. *Миннихъ*, И. *Талызинъ*, кн. А. *Голицынъ*, (фельдмаршалъ), А. *Нарышкинъ*, гр. З. *Чернышевъ*, гр. И. *Гендриковъ*, Д. *Де-Боскетъ*, Левъ *Нарышкинъ*, И. *Бецкой*, гр. Г. *Орловъ*, гр. С. *Ягужинскій*, Ф. *Эмме*, баронъ А. *Черкасовъ*, И. *Шлаттеръ*, А. *Глѣбовъ*, Ф. *Вадковской*, Гансъ *Веймарнъ*, гр. И. *Чернышевъ*, баронъ Т. фонъ *Дицъ*, кн. А. *Голицынъ*, (вице-канцлеръ), Н. *Чичеринъ*, Я. *Евреиновъ*, Д. *Волковъ*. Депеша гр. *Сакена* отъ 4 сентября: Le nombre de ceux qui ont assistés aux délibérations de ce jugement n'a pas excédé celui de cinquante personnes (*Дрезден. Архивъ*, 1764, vol. I, № 73).

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 4, № 8; депеша гр. *Сакена*, отъ 14 августа: l'autorité de prononcer en dernier ressort et sans aucun appel l'arrêt du crime (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 67).

позволеніе „поступать по большинству голосовъ“, не надѣясь, очевидно, добиться единогласнаго рѣшенія! По выраженію барона Черкасова, собраніе „верховную власть на сей только случай отъ Ея императорскаго величества требовало и получило“. Эта передача верховной власти собранію совершилась слѣдующею резолюціею императрицы на упомянутомъ докладѣ; „Что лежитъ до Нашего „собственнаго оскорбленія въ томъ мы сего судимаго всѣ„милостивейше прощаемъ, въ касающихся же делахъ до „целости государственной, общаго благополучія и тишины, „въ силу поднесеннаго намъ доклада, на сего дела случай „отдаемъ въ полную власть сему нашему верноподданному „собранію“ [1]).

Предоставивъ судилищу такую верховную власть, Екатерина поручила, вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. А. А. Вяземскому, исполнявшему должность генералъ-прокурора, слѣдить за каждымъ шагомъ собранія [2]) и ей обо всемъ до-

[1]) Екатерина не тотчасъ рѣшилась на такую резолюцію. Въ *Госуд. Архивѣ* хранится слѣдующій проектъ резолюціи, составленный кн. Шаховскимъ: „Что оной зладей низвергнуть меня съ росискаго престола устремлялся за то я не оскорбляюся, его прощаю и прошу за то ему не мстить, панеже онъ не меня, но таго прогневлялъ, который сваими божескими судбами на престолъ меня возвелъ и, видя маю невинность отъ всехъ коварныхъ сетей меня сохраняетъ. А съ какими я тщаніями и ко всемъ верноподданнымъ доброжелательствами оная порученная мнѣ отъ Бога государствованія должность исполнять стараюсь, и какой цены то для меня стоитъ, всякой справедливость любящей гражданинъ познать можетъ. Что же оной зладей веей имперіи нашей бѣдствѣнныя потрясенія учинить и нещастливому жребию многихъ гражданъ подвергнуть хателъ, а томъ сердечно собалезную и ва удовольствіе ваше и всехъ маіхъ верноподданныхъ аскорбленія по прашенію вашему онаго зладея аставляю въ вашей власти“. *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 4. Депеша гр. *Сакена*, отъ 11-го сентября 1764 г.: Mais en tout ce qui y put concerner Sa Majesté personellement elle se reservoit la liberté de ne consulter que sa bonté et clémence naturelles. Cette réponse authorise la Souveraine de rapporter selon son bon plaisir le crime de Mirowitch à telle classe qu'elle le juge à propos et de se jouer des recherches et de la sentence de la commission (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 78).

[2]) Депеша гр. *Сакена*, отъ 14-го сентября: Dès que quelque membre du Sénat veuille trop approfondir l'enchainure de cette émeute,

носить. Очевидно, въ собраніи, состоящемъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи, есть лица, которымъ Екатерина не довѣряетъ.

Верховный судъ выслушалъ докладъ Веймарна[1]), ознакомился со всѣми подробностями слѣдствія и обратилъ преимущественное вниманіе на Мировича. Онъ три раза былъ призываемъ въ собраніе, гдѣ только подтвердилъ свои показанія, данныя Веймарну, и ничего новаго не сообщилъ. По словамъ протокола засѣданія 31 августа, собраніемъ „примечена въ немъ окаменелость человѣчество превозходящая": для „приведенія его въ чувство и въ истинное раскаяніе"[2]), собраніе назначило четырехъ членовъ[3]), которые должны были увѣщевать Мировича. И на увѣщаніи, Мировичъ заявилъ, что ничего новаго сказать не можетъ, что сказалъ все Веймарну и прибавить ничего не имѣетъ.

Въ засѣданіи 1-го сентября, оберъ-прокуроръ Соймоновъ подошелъ къ барону Черкасову и сообщилъ ему, что „некоторыя изъ духовенства приговариваютъ злодея пытать". Баронъ Черкасовъ не успѣлъ еше обсудить этого заявленія, какъ подошелъ кн. Вяземскій и „повелитедьнымъ образомъ" запретилъ Соймонову продолжать разговоръ, а отъ барона Черкасова „потребовалъ" его мнѣнія на балотировавшійся вопросъ: приступать-ли къ сентенціи или нѣтъ? Черкасовъ отвѣтилъ „приступать", но на другой же день, 2-го сентября, представилъ въ

M-r le comte d'Orlow y met le holas et en detourne un examen trop suivi (*Дрезден. Архивъ*, 1764, vol. I, № 76)."

[1]) On m'a dit que ce Mirowitch s'est trouvé présent, lorsque les actes des differentes procédures de cette affaire ont été lus et rapportés au sénat. Изъ депеши гр. *Сакена*, отъ 4 сентября, въ *Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 74.

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 4. Mirovitch se soutient fort bien au sénat. Il se présente decentemment et avec une assurance, qui indique trop qu'il n'appréhend pas que la sentence de mort, qu'on va prononcer contre lui, soit exécutée et qu'il est dressè au manège des interrogatoires, qu'on lui adresse. Изъ депеши гр. *Сакена*, отъ 14 сентября, въ *Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 76.

[3]) Афанасія ростовскаго, гр. К. Разумовскаго, кн. А. М. Голицына, фельдмаршала, и барона А. Черкасова.

собраніе свое письменное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, согласно мнѣнію духовенства, что Мировича слѣдуетъ пытать, чтобы, такимъ образомъ, „выведать“ его сообщниковъ. „Намъ необходимо нужно — писалъ Черкасовъ — жестокимъ росыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо передъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами. А то опасаюсь, чтобъ не имѣли причины почесть насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися, или и комедіантами“ [1]). Повелительный тонъ кн. Вяземскаго объясняется тѣмъ, что Екатерина поручила ему устранить вопросъ о пыткѣ — не по человѣколюбію, а единственно для ускоренія дѣла: пытка ничего новаго не открыла бы, но могла затянуть рѣшеніе дѣла на нѣсколько недѣль, до выздоровленія Мировича. О пыткѣ шли только переговоры, но вопросъ не балотировался; опѣшенный кн. Вяземскимъ 1-го сентября, баронъ Черкасовъ употребилъ въ своемъ мнѣніи такія выраженія, которыми собраніе не могло не оскорбиться. Поднялись протесты, жалобы и дѣло уладилось только тогда, когда баронъ Черкасовъ заявилъ, въ свое извиненіе, что онъ въ добромъ намѣреніи употребилъ такія выраженія, которыми собраніе почло себя оскорбленнымъ.

Этотъ раздоръ крайне раздражалъ императрицу, и она вылила это раздраженіе въ слѣдующемъ письмѣ [2]) къ исправлявшему должность генералъ-прокурора:

„Князь Александръ Алексѣевичъ!

„Мнѣ весьма удивительно, что собраніе, чѣмъ ему „упражняться и окончить то, что ему мной поручено, „вздоромъ упражняется. Есть-ли они завтра также горячо „за голосъ Черкасова примутся, то можете имъ пред-„ставить, чтобъ они удовольствовались тѣмъ, что онъ изъ „своего голоса вычернитъ тѣ слова, которыя ихъ тронули. „При томъ вы сказать можете, сколько вы знаете, что „мнѣ всякія въ Россіи несогласія и раздоры весьма про-„тивны; что они тутъ, чтобъ судить Мировича; что не-„согласія въ семъ собраніи суть наипаче соблазны для

---

1) См. *Изслѣдованія*, IV: „Мнѣніе о пыткѣ“.

2) *Осмнадц. Вѣкъ*, III, 365.

„публики, и что сію ссору должно сократить въ разсуж-
„деніи объекта, изъ котораго она начало свое имѣетъ, и „ко мнѣ для того не вносить сіе несогласіе для менаже-
„мента: ко мнѣ, которая о всемъ Мировича дѣлѣ съ край-
„нею чувствительностью слышитъ. Кой часъ сентенція „подписана будетъ, то уже собранію не за чѣмъ болѣе „кажется собраться. Однимъ словомъ, скажите инымъ на „ухо, что вы знаете, что я говорю, что собраніе, чѣмъ „ему порученнымъ дѣломъ упражняться, упражняется со „вздоромъ и несогласіями, къ крайнему соблазну моему и „публики. Вы все сіе употребить можете съ вашей обыкно-
„венной осторожностью и по вашему разсмотрѣнію. Только „отклоните отъ жалобы на Черкасова ко мнѣ и примирите „ихъ всѣхъ, естьли возможно. Естьли же надежды нѣту, „то пресѣките собраніе или доведите до множественнаго „числа разныхъ голосовъ. А Черкасову выбиться нельзя: „онъ равной тутъ имъ. Онъ писалъ изъ усердія и съ „излишней горячностью, а не болѣе.

„*Екатерина*".

Надо полагать, что кн. Вяземскій говорилъ на ухо не „инымъ", а весьма многимъ: собраніе занялось исключительно дѣломъ Мировича и скоро окончило его. Въ тотъ же день, когда Екатерина писала это письмо, 3-го сентября, собранію было донесено, что, согласно его постановленію, на Мировича надѣты оковы, при чемъ замѣчено, что „при скованіи велъ себя обычно, а потомъ началъ плакать"[1]). Собраніе увидѣло въ этихъ слезахъ „приведеніе его въ чувство" и постановило вновь увѣщевать Мировича[2]). Это второе увѣщаніе осталось, какъ и первое, безъ

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 4. Депеша гр. *Сакена*, отъ 14 сентября 1764 г.: Mirowitch n'a été ni enchaîné ni traité de la façon comme il est d'usage dans ce pays-ci d'en agir avec un criminel d'état (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 76).

[2]) Во второмъ увѣщаніи участвовали тѣ же лица, что и въ первомъ, только гетманъ гр. К. Г. Разумовскій не могъ принимать участія и его замѣнилъ гр. А. Бутурлинъ. То обстоятельство, что баронъ Черкасовъ былъ избранъ и въ эту комиссію, свидѣтельствуетъ, что „ссора" изъ за его мнѣнія 2-го сентября о пыткѣ не имѣла послѣдствій.

результата — Мировичъ опять повторилъ, что ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ лицъ объявить не имѣетъ. Собраніе приступило къ составленію сентенціи[1]). Такъ какъ вопросъ сводился къ смертной казни, то „учрежденному собранію святѣйшаго правительствующаго синода члены письменно объявили, что они, слушавъ въ собраніи слѣдственное о Мировичѣ и его сообщникахъ дѣло, и видя собственное ихъ признаніе, согласуютъ, что онъ, Мировичъ за его злодѣйство и съ сообщники достоинъ жесточайшей казни; слѣдственно какая по тому заключена будетъ сентенція, отъ оной не отрицаются; но поелику они суть духовнаго чина, то къ подписанію на смерть сентенціи приступить не могутъ"[2]).

9-го сентября собраніе подписало сентенцію, которою приговорило; 1) „отсѣчь ему, Мировичу, голову, и, оставя тѣло его народу на позорище до вечера, жжечь оное потомъ купно съ эшафотомъ, на которомъ та смертная казнь учинена будетъ"; 2) капраламъ Креневу, Осипову и Миронову, да солдатамъ Писклову, Босову и Дитятеву „учинить вмѣсто смертной казни жестокое наказаніе прогнаніемъ шпицрутенъ черезъ 1,000 человѣкъ, Писклова 12 разъ, прочихъ каждаго по десяти разъ, и по учиненіи наказанія сослать вѣчно въ каторжную работу"; 3) смоленскаго пѣхотнаго полка барабанщика, флейщика и 36 сол-

---

[1]) Составленіе сентенціи было возложено на особую комиссію изъ трехъ лицъ: сенатора А. В. Олсуфьева, генералъ-поручика И. И. Веймарна и президента юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ Ѳ. И. Эмме. Духовенство передало въ эту комиссію, для свѣдѣнія, составленныя имъ выписки изъ Свящ. Писанія, озаглавленныя: „Показательства изъ Священнаго Писанія объ уваженіи чести Царской". *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 4-я.

[2]) *Госуд. Архивъ*, VI. 400, ч. 4; *Büsching*, VI, 555; *П. С. З.*, № 12241; *Осмнадц. Вѣкъ*, III, 383. Депеша *Сакена*, отъ 21 сентября: Le clergé a fait bien la tête revêche dans le cours de procès contre Mirowitch, mais l'archevêque de Novgorod, courtisan adroit et vil pensionnaire de la cour, l'a remené ou du moins l'engagé à silence; il y en a d'autre encore qui ont marqués assez d'élevation d'esprit et de courage de coeur à y parler d'un ton éclairé et ferme, mais ils ont été ou gagnés, ou étourdis, ou forcés de ce taire par des instrumenta servitutis, comme dit Tacite. *Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 78.

датъ „прогнать шпицрутенъ черезъ 1,000 человѣкъ, по десяти разъ четырехъ по жребію, прочихъ же по пяти разъ и всѣхъ разспредѣлить въ дальнія воинскія команды, въ коихъ быть имъ солдатами вѣчно"; 4) того же полка десять солдатъ „записать вѣчно въ солдаты въ дальнія команды"; 5) одного артиллерійскаго капрала, двухъ канонеровъ и двухъ гандлангеровъ „отослать въ дальнія воинскія команды"; 6) придворнаго лакея Косаткина „высѣчь батогами и отослать въ дальнія воинскія команды въ солдаты"; 7) подпоручика кн. Чефаридзева „лишить всѣхъ чиновъ, посадить въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ и потомъ написать въ отдаленные полки въ солдаты"; 8) одного артиллерійской команды цирюльника, двухъ гандлангеровъ и 14 солдатъ смоленскаго пѣхотнаго полка „яко ни въ чемъ невиновныхъ, освободя изъ подъ караула, оставить каждаго въ прежней командѣ", и 9) регистратора Безсонова, „какъ ни въ чемъ невиновнаго оставить безъ всякаго наказанія".

Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 15-го сентября. Мировича казнили и сожгли на Петербургскомъ Островѣ, на обжорномъ рынкѣ[1]). Какъ во время слѣд-

[1]) *Архивъ Сената*, Секрет. дѣла, № 1473. On a traine l'exécution en longueur au delà de toute coutume, parce qu'on avoit marqué au Lieutenant de la Police l'heure et le moment dans lequel on du lui abattre le tête en cas que le pardon n'arrivât pas, preuve de l'incertitude, dans laquelle en a flotté à la cour jusqu'aux derniers instants. Изъ депеши гр. *Сакена*, отъ 29 сентября, въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 80. Медленность казни, если такая медленность дѣйствительно была, можетъ объясняться простою точностію исполненія, безъ всякой нерѣшительности двора. Малороссійскій новеллистъ Квитка сохранилъ слѣдующее извѣстіе, относящееся ко дню казни Мировича: „Полки были собраны по полковымъ дворамъ и находились тамъ чрезъ цѣлый день, и имъ патроны розданы. Въ послѣдующую ночь усилены были вездѣ караулы и строжайше были наблюдаемы улицы города. Но вездѣ было покойно, какъ равно и слѣдующіе дни" (*Русск. Архивъ*, 1863, 169, 418). Эта подробность ничѣмъ не подтверждается и, кажется, мѣры, принятыя въ іюлѣ (см. выше, стр. 347, прим. 2), пріурочены здѣсь ко дню казни. Вполнѣ невѣрно его заявленіе, будто Мировичу „обѣщано было совершенное прощеніе, забытіе всего, даже награды, если онъ назоветъ сообщниковъ" (*Ibid.*, 169, 479).

ствія и суда Мировичъ велъ себя съ достоинствомъ — ничего не утаивалъ, признавая одного себя во всемъ виновнымъ, такъ и во время казни выказалъ необыкновенную твердость духа и съ какимъ-то благоговѣніемъ приступалъ къ смерти[1]). Казнь его видѣлъ знаменитый Г. Р. Державинъ и такъ записалъ о ней въ своемъ дневникѣ: „Мировичу отрублена на эшафотѣ голова. Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и на мосту, необыкшій видѣть смертной казни и ждавшій почему-то милосердія государыни[2]), когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, еди-

---

[1]) *Порошинъ*, 50. Гр. А. С. Строгоновъ могъ видѣть Мировича, могъ слышать о его поведеніи во время казни — нѣтъ основанія не вѣрить его показанію, тѣмъ болѣе, что другіе современники вполнѣ подтверждаютъ его слова. Mirowitch s'est présenté à la mort avec une tranquilité d'ame et avec une intrépidité étonnante, пишетъ гр. *Сакенъ* въ депешѣ отъ 29 сентября (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 80); англійскій посланникъ гр. *Букингэмъ*, вполнѣ подтверждаетъ его слова: „какъ при слѣдствіи, такъ и во время казни Мировичъ выказалъ твердость духа" (*Raumer*, III, 383; *Grimblot*, 237). Подробности, сообщаемыя Квиткою о бесѣдахъ Мировича съ священникомъ, полицеймейстеромъ и палачемъ (*Русск. Архивъ*), 1863, 480), представляются довольно подозрительными, особенно „камердинеръ" Мировича. Не только камердинера, Мировичъ не имѣлъ никакой прислуги. Онъ нанималъ въ домѣ партикулярной верфи, въ Литейной части, одну комнату, „въ верху надъ сеньми" (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 2, л. 151); въ случаѣ крайней надобности, онъ пользовался услугами солдатъ. Такъ, на оборотѣ своего билета на придворный маскарадъ 21 февраля 1764 года, онъ записалъ: „Было і гулено і пешкомъ съ маскарада придено по причине той что гранодеръ съ шенелью ушолъ і я не сыскавъ лошадей въ маскарадномъ платье домой пришолъ" (*Ibid.*, № 18). Извѣстія иностранныхъ писателей не заслуживаютъ никакого довѣрія. Mirowitch marcha à l'échafaud en homme qui ne craint rien et qui se croit bien sûr de recevoir sa grâce (*Castéra*, II, 94). Mirowitch lachte immer fort, als er zum Richtplatze geführt wurde und sein Urtheil erfuhr, und lachte noch, als er statt des gehofften Pardons den Todesstreich empfing (*Helbig*, Günstlinge, 214).

[2]) Ожиданіе вполнѣ естественное и законное, наблюдаемое при всѣхъ смертныхъ казняхъ, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, тѣмъ болѣе въ то время, въ Петербургѣ, гдѣ въ теченіе послѣднихъ 22 лѣтъ смертной казни не практиковалось. Екатерина, однако, не могла дровать жизнь лицу, высказавшему на нее такой взглядъ, какой отмѣченъ Мировичемъ въ подложномъ манифестѣ.

ногласно ахнулъ и такъ содрогся, что отъ сильнаго дви-

Толки о помилованіи, записанныя не только иностранцами (*Castêra*, II, 95; *Helbig*, Günstlinge, 214; *Saldern*, 174; *Hermann*, V, 654), но и русскими (*Русск. Архивъ*, 1863, 169 или 480), лишены всякаго основанія и не могутъ служить подтвержденіемъ нелѣпой сказки о Мировичѣ, какъ орудіи императрицы, желавшей отдѣлаться отъ Ивана Антоновича. Письмо *Беранже*, отъ 7-го августа: Le temps et les circonstances de cet assassinat font soupçonner la Czarine de l'avoir instigué Elle même dans le dessein de se délivrer d'un objet d'inquiétude continuelle (*Парижс. Архивъ*, Turquie, vol. 11, Supplem.). Саксонскій посланникъ гр. *Сакенъ* болѣе всѣхъ своихъ коллегъ занимался въ своихъ депешахъ этой сказкой, совпадающей съ тѣмъ именно временемъ, когда онъ убѣдился въ полномъ неуспѣхѣ порученной ему миссіи. Еще въ депешѣ отъ 20-го іюля, онъ сообщаетъ, что слухъ о переселеніи принца Ивана въ Ригу, имъ же переданный въ депешѣ отъ 10-го іюля (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I № 51), ложенъ и что „dans le pouvoir de Sa Majesté Impériale est de s'en défaire tout court si on remuoit le moins du monde en sa faveur (*Ibid.*, № 60). Въ депешѣ отъ 24-го іюля, сообщенъ слухъ о письмѣ: On a trouvé dans les poehes de M-r de Miranovief (Mirowitch) une lettre sans date et sans signature, dans laquelle on l'exhortd de ne plus tarder de faire son coup et qu'il seroit reçu ici à bras ouverts (*Ibid.*, № 61). Къ чести гр. Сакена должно сказать, что самъ онъ подобнымъ слухамъ не вѣрилъ: Comme il entre bien des simagrées dans toute l'affaire de l'assassinat du prince Iwan, est qu'il est difficile, si non impossible, de définir de qui ce coup terrible part, on ne peut pas guère ajouter foi aux bruits qui se répandent dans les moments présents et qui sont prèsque continuellement contradictoires (*Ibid.*, № 62). Изъ этихъ-то сообщеній гр. Сакена, министръ Флемингъ заключаетъ уже, въ рескриптѣ гр. Сакену, отъ 25 августа, изъ Дрездена: Si la scène tragique du Schlusselbourg s'est passée par les ordres de l'Impératrice, je croirois que cette princesse retarde son retour dans la capitale pour laisser affaiblir la première impression, qu'aura faite un si terrible coup et voir de loin, quelles en seront les suites (*Ibid.*, № 24), Гр. Сакенъ, въ депешѣ отъ 7 августа, категорически передаетъ: Le peuple s'imagine que cette pièce n'a été jouée que pour se défaire decemment du prince Iwan (*Ibid.*, № 65), что и подтверждаетъ еще болѣе депешей отъ 14 августа: L'Impératrice informée de ce que le peudle est imbu de l'opinion que l'assassinat du prince Iwan n'est qu'un jeu concertée par ses ordres et voulant l'en faire revenir de bonne façon, sans s'en justifier pourtant directement, a déclarée vendredi dernier en plein sénat etc. (*Ibid.*, № 67). Это категорически опровергается протоколами сената (*Архивъ Сената*, прот. отъ пятницы, 7-го августа 1764 г. № 211, л. 3), въ которомъ Екатерина даже не присутствовала. Въ депешѣ отъ 7-го сентября замѣчается уже вся фабула позднѣйшей

женія мостъ поколебался и перила обвалились"[1]).

Это единственное сообщеніе русскаго современника о впечатлѣніи, произведенномъ на русское общество казнью Мировича. Даже И. И. Неплюевъ, въ своихъ „Запискахъ"[2]), умолчалъ о казни. Русскіе люди привыкли быть осторожными въ этомъ отношеніи, научились уже быть несообщительными; они предпочитаютъ молчать. „Молчатъ, бо благодінствуютъ", по злому объясненію геніальнаго сатирика, тоже, какъ и Мировичъ, малоросса. Наша мемуарная литература, поэтому, крайне бѣдна; у насъ мало записокъ, да и тѣ подъ запретомъ. Это досадное обстоятельство заставляетъ нерѣдко обращаться къ сообщеніямъ иностранцевъ[3]) для разъясненія чисто русскаго вопроса, что крайне неудобно.

Въ манифестѣ 17-го августа было объявлено „во всенародное извѣстіе", что капитану Власьеву и поручику Чекину повелѣно было „призирать и соблюдать" Ивана III и что они же „пресѣкли жизнь его"; спустя мѣсяцъ, въ сентенціи по винамъ Мировича и его сообщниковъ, обнародованной тоже „во всенародное извѣстіе", вовсе уже не упоминается объ убійцахъ Ивана Антоновича, самое умерщвленіе его названо „приневоленнымъ" и даже за-

---

сказки: Toutes les formalités du procès de M-r de Mirowitch ne peuvent guères étouffer les soupçons peut-être mal fondés d'une grande partie de la nation, comme que l'assassinat du prince Iwan ne soit une tragédie préparée de loin et expressément remise à être représentée pendant le voyage de de l'Impératrice en Livonie pour lui mènager toutes les apparences de la surprise (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 74). Въ депешѣ отъ 14-го сентября: L'impératrice se trouve dans le cas facheux que soit qu'Elle fasse grâce aux dit Mirowitch ou qu'Elle lui fasse subir la punition de mort, le peuple aussi bien qu'une partie des grands sont prévenue que l'assassinat du prince Iwan ne s'est pas exécuté à son insû (*Ibid.*, № 76). Дальнѣйшее развитіе этой сказки см. *Büsching*, VI, 536; *Castéra*, II, 82; *Saldern*, II, 225; *Дашкова*, 117; *Helbig*, 315.

[1]) *Державинъ*, VI, 446.

[2]) *Русск. Архивъ*, 1871, 681.

[3]) Le peuple a gardé un énorme silence pendant les cérémonies de l'exécution de ce malheureux. Изъ депеши гр. *Сакена*, отъ 29 сентября, въ *Дресд. Архивѣ*, 1764 vol. I, № 80.

явлено, что „сего несчастнаго принца убійцомъ признать должно Мировича“. Что же это такое?

Убійство есть убійство, и ничѣмъ инымъ быть не можетъ. Такъ смотрѣли на это русскіе люди, читая манифестъ, дивились, что преступленіе приравнено въ немъ къ добродѣтели, но молчали и только старались найти не оправданіе — оно для нихъ было невозможно, но объясненіе непонятному факту[1]). Объясняли его въ то время особою инструкціею, данною еще императрицею Елизаветою Петровною, приставленнымъ къ Ивану Антоновичу офицерамъ и обязывавшею ихъ, въ случаѣ возмущенія, направленнаго къ освобожденію принца, умертвить Ивана III; слухи только прибавляли, что эта инструкція не была отмѣнена Екатериною. Въ то время никто даже и не думалъ, чтобъ именно Екатерина могла быть творцемъ этой инструкціи. Современниковъ обманывало поведеніе самой Екатерины, которая даже слухъ, приписывавшій инструкцію ея теткѣ, публично называла „безбожнымъ и безсовѣстнымъ“[2]).

Во всемъ дѣлѣ о Мировичѣ, какъ въ слѣдствіи, такъ и въ судѣ, нѣтъ ни слова объ инструкціи. Въ первомъ же донесеніи Панина императрицѣ, писанномъ подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ, сказано только, что это дѣло „несказанно похвальною резолюціею капитана Власьева и поручика Чекина пресѣчено“, какъ будто инструкціи и не существовало, какъ будто Власьевъ и Чекинъ не были только слѣпыми исполнителями инструкціи! Еще не зная никакихъ подробностей шлюссельбургской катастрофы, Екатерина, въ своемъ отвѣтѣ на это первое сообщеніе Панина, приказываетъ ему „верныхъ офицеровъ обнадежить Нашею милостію“. Даже въ частной перепискѣ Екатерины съ Панинымъ, почти интимной, какъ не предназначавшейся къ обнародованію, ни разу не упоминается объ инструкціи. Не зналъ объ ней слѣдователь, генералъ-поручикъ

---

1) Депеша гр. *Сакена*, отъ 7-го сентября: Les Russes se trouvant entre quatre yeux épluchent avec assez peux de ménagement le contenu et les expressions du manifeste (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I. № 74).

2) *Госуд. Архивъ*, VI, 399, л. 62; *Чтенія*, 1862, III, 276.

Веймарнъ, не знало и верховное судилище. Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій суда былъ поднятъ вопросъ, вполнѣ естественный, о поведеніи Власьева и Чекина: дѣйствительно-ли настояла безусловная необходимость „умертвить" принца Ивана[1]), но онъ не обсуждался, какъ неотносящійся въ строгомъ смыслѣ слова къ дѣлу Мировича. Инструкціею, возможностію ея разоблаченія, и ничѣмъ инымъ, объясняется та нервность, та „чувствительность", съ которою Екатерина, по ея собственнымъ словамъ, относилась къ дѣлу Мировича. Позже когда уже Екатерина вполнѣ утвердилась на престолѣ, объ инструкціи писали и печатали[2]), не въ Россіи, конечно, за ея предѣлами, и Екатерина не обращала на это вниманія, не считала нужнымъ даже опровергать подобное извѣстіе: но въ 1764-мъ году объ ея инструкціи никто не долженъ былъ знать, никто и не зналъ[3]).

---

[1]) Депеша гр. *Сакена*, отъ 11 сентября: Il y avoit dans la commission bien des esprits revèches, qui ont voulu que les officiers qui ont assassinés le prince Iwan y fussent de même jugé (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 78). Депеша англійскаго посланника гр. *Букингэма*, отъ 11-го же сентября 1764 года: Dans le cours du proces de Mirowitz il s'est passé bien des choses qui ont été assez désagréables à l'impératrice, et particulièrement le zèle montré par quelques-uns des juges pour s'enquérir si la nécessité absolue alléguée par les deux officiers de mettre à mort le prince Iwan, était suffisamment fondée (*Grimblot*, 237; *Raumer*, III, 381).

[2]) Сперва объ этомъ упоминали, какъ о слухѣ только: On s'efforce à justifier la conduite et le procédé aussi criminel qu'inhumain et barbare de ce gouverneur, en disant que l'officier de garde avoit ordre de prévenir l'enlévement de ce prince par une telle voye (*Iwan*, 35; Geschichte von dem Leben, der Regierung und Verstossung vom Throne Ivans III, London, 1766, S. 17). Въ 1771 г. это уже сообщается, какъ положительный фактъ: Ein Hauptmann und ein Lieutenant, welche seine Wächter waren, wurden mit ihm eingeschlossen, und bekamen den schriftlichen kaiserlichen Befehl, dass, wenn jemals eine Empörung zum Besten des Prinzen entstehen sollte, welche schlechterdings nicht anders als durch die Ermordung desselben erstickt werden könnte, so sollten sie in diesem Nothfall solches äusserste Mittel ergreifen (*Büsching*, VI, 530).

[3]) Съ Власьева и Чекина была взята формальная подписка. Въ общемъ, они обязывались „молчать" три раза: 1) указомъ 3 августа 1762 года, помѣщаемомъ ниже, въ Приложеніяхъ, I, 8; 2) подпискою

Крикъ ужаса раздался въ Западной Европѣ когда она прочла переводъ манифеста 17-го августа объ умерщвленіи Ивана Антоновича. Общественное мнѣніе Англіи, Франціи, Германіи не имѣло причинъ ни скрывать своего негодованія по поводу звѣрскаго убійства ни въ чемъ неповиннаго юноши, ни лицемѣрить въ оцѣнкѣ тенденцій, исповѣдуемыхъ составителями манифеста. Появились листки, брошюры, пасквили. Манифестъ подвергся подробному разбору и убійство Ивана Антоновича вызвало единогласное осужденіе. Екатерина, обманутая молчаніемъ Россіи, увидѣла теперь, что подчиненіе общечеловѣческихъ понятій личнымъ чувствованіямъ не всегда проходитъ безнаказаннымъ. Ей пришлось прочесть въ заграничной печати много нелестныхъ отзывовъ, иногда довольно грубыхъ, но, по большей части, весьма правдивыхъ. Она сознала, что съ общественнымъ мнѣніемъ приходится считаться даже самодержавцамъ. Вотъ почему она признала неудобнымъ оставлять безъ отвѣта отзывъ „Сво-

---

13 октября 1764 года, которую отобралъ отъ нихъ Веймарнъ (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, № 3-й) и которою они обязывались молчать „о бывшей службѣ", наконецъ, 3) подпискою 22 марта 1766 года, въ которой сказано: „о произшествіи случившемся въ прошломъ 764-мъ году съ покойнымъ принцомъ Иваномъ никому ни тайно, ни явно не разсказывать и ктобъ о томъ другой ни говорилъ, въ те разговоры не вмешиваться сколько возможно, а притворяться совсемъ людьми ничего о семъ назнающими" (*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 5-я) За свою службу въ Шлюссельбургѣ, какъ и за молчаніе, они были щедро вознаграждены: Власьевъ былъ произведенъ изъ капитановъ въ премьеръ-майоры, Чекинъ изъ поручиковъ въ секундъ-майоры и, сверхъ того, каждый изъ нихъ получилъ по 7,000 рублей (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, № 4; *Осмнадц. Вѣкъ*, III, 386; *Iwan*, 70; *Castèra*, III, 90; *Saldern*, 227). Дальнѣйшею судьбою Власьева и Чекина, конечно, никто не интересовался и она вполнѣ неизвѣстна. Подробности, передаваемыя иностранными писателями, не заслуживаютъ довѣрія. Die officiers machten sich durch ihre That beym Publico so verhasst, dass, als sie nachmals am Hofe erschienen, jedermann Verachtung und Abscheu gegen sie äusserte (*Büsching*, VI, 536). On avoit aussi craint pour ses deux assassins, Oulousieff (Wlasieff) et Tschekin, qui, dès qu'ils eurent commis leur crime, trouvèrent un vaisseau tout prêt à les transporter en Danemark, où le ministre de Russie s'empressa de les accueiller (*Castèra*, II, 89).

боднаго Англичанина" и съ ея вѣдома былъ обнародованъ на французскомъ языкѣ, въ Лондонѣ, „Отвѣтъ несвободнаго русскаго слишкомъ свободному англичанину"[1]). Приводимъ наиболѣе спокойный листокъ, появившійся подъ заглавіемъ „Замѣтки путешественника нѣмца на манифестъ 17 августа"[2]) и представляющій взглядъ западно-европейскаго человѣка на „пресѣченіе жизни" шлюссельбургскаго узника:

„Какъ ни была уже печальна судьба несчастнаго принца Ивана, ему не удалось, однако, избѣгнуть и послѣдняго насилія со стороны націи, не охотно упускающей всякій случай проявить свое звѣрство. Испытавъ на себѣ въ теченіе 23-хъ лѣтъ невозможное обращеніе, недостойное уважающей себя націи, ему суждено было и умереть чисто по-русски.

„Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что принцу Ивану незаконно предназначено было носить русскую императорскую корону: по праву, она принадлежала не Ивану III, даже не Елизаветѣ Петровнѣ, а Петру III. Но можно-ли ставить въ вину Ивану то, что сдѣлали его именемъ другіе? Какое же участіе могъ проявлять ребенокъ, когда его, еще спеленутаго, предназначили быть наслѣдникомъ престола? Можно-ли его назвать узурпаторомъ? Если же онъ не былъ узурпаторомъ, съ нимъ должны были обходиться и обязаны были его воспитывать сообразно

---

[1]) Remarques d'un Anglois Libre sur le manifeste de l'Impératrice de Russie en date du 17 Août 1764. Londres, 1765. Réponse d'un Russe, qui n'est pas libre, à un Anglois, qui l'est un peu trop, sur les remarques précédentes. Londres, 1765. „Замѣтки" англичанина появились въ 1764 году, въ видѣ уличнаго листка. Въ этой брошюрѣ in-12⁰ „Замѣтки" занимаютъ 4 страницы, „Отвѣтъ" — 10 страницъ Для правильной оцѣнки подобныхъ листковъ необходимо замѣтить, что они составлялись по переводу манифеста, въ которомъ допущены нѣкоторыя смягченія. Такъ, при упоминаніи объ умерщвленіи Ивана Антоновича, выраженіе русскаго оригинала: „приняли между собою крайнѣйшую резолюцію" передано въ нѣмецкомъ переводѣ такъ: fassten sie unter sich den, obwol harten, doch äussersten Entschluss.

[2]) Remarques d'un Voyageur Allemand sur le manifeste du 17 Août 1764. Londres, 1765.

его рожденію. Если даже допустить, что онъ дѣйствительно былъ лишенъ разума и смысла человѣческаго, то это лишь доказываетъ, что съ нимъ поступали такъ точно, какъ нѣкогда съ Петромъ Великимъ, которому, по честолюбивымъ видамъ царевны Софіи, хотѣли дать такое воспитаніе, чтобъ сдѣлать его навсегда неспособнымъ царствовать. Еслибъ Петръ Великій не былъ такъ одаренъ природою, еслибъ Лефортъ, его воспитатель и другъ, не защитилъ бы его отъ убійственныхъ намѣреній націи, онъ скороталъ бы свой вѣкъ въ полной неизвѣстности и Россія оставалась бы, по прежнему, дикою пустынею.

„Казалось, будто новый „золотой вѣкъ" начался въ Россіи и Мудрость избрала эту имперію, чтобъ воздвигнуть въ ней чертогъ свой. И что же? Петръ III, законный наслѣдникъ престола, низложенъ и сведенъ со сцены, такъ какъ, говорятъ, онъ не былъ уменъ; равнымъ образомъ и жизнь несчастнаго Ивана ставится ни во что, потому что „кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ невразумительнаго косноязычія, онъ былъ лишенъ разума и смысла человѣческаго". Если будутъ продолжать такимъ образомъ лишать жизни всѣхъ, не обладающихъ умомъ или косноязычныхъ, то придется трепетать за жизнь весьма многихъ лицъ.

„Ничего, однако, не можетъ быть таинственнѣе, какъ обстоятельства, которыя вызвали и должны оправдывать неслыханное убійство.

„Что нѣкоему Мировичу, подпоручику смоленскаго полка, малороссу, внуку перваго измѣнника, послѣдовавшаго за Мазепой, проходимцу, знавшему принца Ивана только по имени, вздумалось возстановить этого несчастнаго принца на престолѣ, который онъ никогда не занималъ — это очень правдоподобно. Этотъ безразсудный человѣкъ, поощряемый примѣромъ другихъ, измѣной сдѣлавшихъ блестящую карьеру, воображалъ, быть можетъ, что отсутствіе императрицы представляетъ благопріятный случай для выполненія безъ особеннаго труда его безумнаго предпріятія. Съ этою цѣлью онъ просится въ караулъ шлюссельбургской крѣпости; ночью ведетъ солдатъ

къ тому мѣсту, гдѣ содержится принцъ; бьетъ прикладомъ ружья коменданта, вышедшаго изъ своихъ покоевъ, чтобъ узнать причину тревоги; стрѣляетъ въ горсть солдатъ, охраняющихъ принца Ивана. Его приступъ отбитъ и, по особенному благоволенію Провидѣнія, поднимается такой густой туманъ, что никто ни убитъ, ни раненъ. Ярость и отчаяніе внушаютъ Мировичу мысль привезти съ бастіона пушку — это тоже очень вѣроятно. Но что же было предпринято въ столь критическомъ положеніи? Вмѣсто того, чтобъ воспользоваться туманомъ, облегчавшимъ возможность схватить измѣнника, чтобъ утушить бунтъ, не видятъ другого исхода, какъ умертвить невиннаго, который не только не принималъ ни малѣйшаго участія въ этомъ предпріятіи, но даже не былъ извѣстенъ своему непрошенному освободителю; къ тому же онъ, по описанію всѣхъ, рѣшительно никому не былъ опасенъ. Это такое дѣйствіе, которое можетъ быть оправдываемо только въ Россіи. Каковы ни были бы побужденія двухъ русскихъ офицеровъ, обагрившихъ свои безчеловѣчныя руки въ неповинной крови, могутъ-ли эти побужденія оправдать ихъ въ умерщвленіи невиннаго принца, который былъ порученъ ихъ охранѣ и котораго они, согласно своей священной обязанности, должны были защищать до послѣдней капли крови? Единственною ихъ заботою было отбиваться отъ нападающихъ и наказать бунтовщиковъ; но принятое ими рѣшеніе — умертвить спящаго принца Ивана — казалось имъ, конечно, болѣе выгоднымъ для ихъ карьеры и, во всякомъ случаѣ, менѣе опаснымъ для нихъ лично, чѣмъ принять участіе въ прекращеніи бунта.

„Послѣ такого доблестнаго подвига, Власьевъ и Чекинъ выбрасываютъ трупъ убитаго принца за двери каземата и Мировичъ, не знавшій до того принца Ивана, чуднымъ образомъ признаетъ въ немъ теперь своего императора, не смотря на густой туманъ. Этотъ неожиданный ударъ поражаетъ его до такой степени, что онъ всей своей командѣ выражаетъ свое раскаяніе и свою скорбь, даетъ себя арестовать и изъ всей команды, бывшей его соучастницей, одинъ онъ, ея начальникъ, арестованъ, одинъ онъ казненъ.

„Одни и тѣ же дѣйствія не всегда имѣютъ одни и тѣ же послѣдствія. Капитанъ, великороссъ, внукъ измѣнника, отступя отъ закона Божія и присяги, учиненной законному государю, достигъ блестящаго положенія; подпоручикъ, малороссъ, внукъ измѣнника, отступя отъ закона Божія и присяги, учиненной своей государынѣ, осужденъ на смертную казнь. Родившіеся подъ различными созвѣздіями, два измѣнника испытываютъ различную судьбу: одинъ возведенъ въ графы, сенаторъ, кавалеръ многихъ орденовъ; другому отрублена голова и тѣло его сожжено вмѣстѣ съ эшафотомъ".

Такъ отнеслась Европа къ шлюссельбургской катастрофѣ — она увидѣла въ ней не только государственное преступленіе Мировича, но и уголовное преступленіе Власьева и Чекина. Примѣняя къ Россіи общеевропейскія понятія, западные публицисты прошлаго вѣка привлекали русскій народъ къ отвѣтственности за дѣянія, въ которыхъ онъ ни мало не повиненъ. Не только народъ, даже общество русское не имѣло возможности ни выражать свои взгляды[1]), ни тѣмъ менѣе влiять на правительственныя распоряженія. Мы и до сихъ поръ еще не имѣемъ русскихъ словъ для выраженія понятій о „протестѣ", объ „оппозиціи". Къ чести русскаго народа и русскаго общества должно, однако, замѣтить, что русскіе люди не остались безучастными къ злосчастной судьбѣ Ивана Антоновича. Въ Россіи долго помнили о безвинно убіенномъ и свои взгзяды на шлюссельбургское преступленіе выражали въ формѣ своеобразной, конечно, но не допускавшей никакого сомнѣнія[2]).

---

[1]) Въ депешѣ гр. *Сакена*, отъ 29 сентября, эти взгляды переданы такъ: On dit assez ouvertement, qu'aprés avoir versé deux fois un sang auguste et innocent, il seroit hors de saison d'être difficile à sacrifier celui du vulgaire, surtout si le besoin l'exige pour pallier un acte, qui fait frémir l'humanité et pour répondre de l'incertitude et des doutes sur les ressorts primitifs d'un évènement, qui a frappé toute l'Europe. On m'a assuré que quelques uns de la populace ont fait des priéres pour l'ame de Mirowitch, comme pour un martyr et cela sur la place même de l'exécution (*Дрезден. Архивъ*, 1764, vol. I, № 80).

[2]) Черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ послѣ убіенія Ивана Антоновича, въ 1765 году, проявились сочувствія и не только къ нему,

Шлюссельбургская катастрофа, казнью Мировича и его сообщниковъ такъ или иначе окончившаяся, значительно помогла Екатеринѣ. Теперь уже Вольтеръ не будетъ безпокоиться, что „Іоаннъ можетъ отнять престолъ у Екатерины“[1]), а Фридрихъ II напрасно будетъ освѣдомляться у своего представителя въ Петербургѣ, „убіеніе принца Ивана не облегчитъ-ли Екатеринѣ вступить въ бракъ съ Орловымъ“[2]). Нѣтъ, теперь только, через два

но и къ Петру III, (*Госуд. Архивъ*, VII, 2174); въ 1766 году разсматривалось шесть тайныхъ дѣлъ, въ которыхъ поминалось имя Ивана Антоновича (*Ibid.*, 2195, 2197, 2200, 2205, 2206, 2208), въ 1767 году — десять дѣлъ объ оскорбленіи величества и, въ томъ числѣ, два по поводу Ивана III (*Ibid.*, 2212, 2213, 2217, 2230, 2233, 2237, 2238, 2245, 2248, 2252). Замѣчательно, однако, что въ первые годы по умерщвленіи Ивана Антоновича, эти своеобразные „протесты“ шли преимущественно изъ провинцій; только однажды былъ открытъ заговоръ въ Москвѣ и то въ пользу брата Ивана Антоновича, какъ законнаго наслѣдника русскаго престола. Въ 1774 году, извѣстная Тараканова привлекала къ себѣ симпатіи потому, между прочимъ, что въ ней видѣли сестру шлюссельбургскаго мученика (*Госуд. Архивъ*, VI, 532; Die vorgebliche Tochter der Kaiserin Elisabeth, S. 102); въ 1788 году, купецъ Курдиловъ выдавалъ себя за Ивана Антоновича (*Ibid.*, 544; *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 398). Быть можетъ, были подобные протесты и позже; быть можетъ, ихъ не было — мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, никогда въ Россіи умерщвленіе Ивана Антоновича не оправдывалось русскими людьми; никогда русскіе люди не признавали подобное преступленіе „естественнымъ“, не объясняли его „печальною необходимостью“ (*Büsching*, VI, 536; *Брикнеръ*, 91).

[1]) Je suis un peu en peine de mon impératrice Catherine: je crains bien qu'*Iwan* ne détrône notre bienfaitrice. Voltaire à M-r le comte d'Argental, du 28 Septembre 1762 (*Voltaire*, LXXXVIII, 92). Вольтеръ два раза упоминаетъ о судьбѣ Ивана Антоновича, въ двухъ письмахъ къ извѣстной Дю-Деффанъ, отъ 21-го сентября и 3-го октября 1764 года, и оба раза почти въ тождественныхъ выраженіяхъ: Quand on voit que le prince Iwan a été empereur à l'âge d'un an, qu'il a été vingt-quatre ans en prison, et qu'au bout de ce temps il est mort de huit coups de poignard, la philosophie trouve là de très bonnes réflexions à faire et elle nous dit alors que nous devons être heureux de tous les maux qui ne nous arrivent pas. Voltaire à M-me la marquise du Deffant, du 21 Septembre et 3 d'Octobre (*Voltaire*, LXXXIX, 237 et 250).

[2]) Депеша гр. *Сольмса*, отъ 9 ноября 1764 г., въ *Берлин. Архивѣ*, XI, 175; *Приложенія*, III, 7.

года по воцареніи, Екатерина стала самодержавна въ полномъ смыслѣ слова. Исчезъ Петръ III, нѣтъ ни одного изъ претендентовъ; теперь могутъ быть только самозванцы. Они будутъ; но это будутъ уже лишь тѣни тѣхъ претендентовъ, отъ которыхъ Екатерина съумѣла избавиться.

XIX.

„J'envoie incessamment le comte Kayserling, ambassadeur en „Pologne, pour vous faire roy, après le décès de celui-ci", писала Екатерина 2-го августа 1762 года, мѣсяцъ спустя по воцареніи, графу Станиславу Понятовскому[1]). Король польскій Августъ III еще живъ, но онъ старъ, дряхлъ, опасно боленъ, и Екатерина считаетъ себя въ правѣ предложить польскую корону красивому графу Станиславу, котораго она нѣкогда высоко цѣнила, быть можетъ, любила. Такое смѣлое, дерзкое предложеніе свидѣтельствовало, что Екатерина близко знакома съ положеніемъ Польши и хорошо знаетъ цѣну русскаго кандидата на польскій престолъ.

Взаимныя отношенія Россіи и Польши всегда были только враждебныя. Быть можетъ, этимъ должно объяснять, если и не оправдывать, ту желчную раздражительность, съ которою русскіе писатели всегда относились къ судьбамъ Польши. Оправдывать ее никоимъ образомъ нельзя. Польша оказала Россіи существенную услугу, непризнаніе которой умаляло бы наше собственное достоинство и свидѣтельствовало о слабости нашей народной гордости.

Раскинувшись на рубежѣ западной и восточной Европы, отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго, Польша, въ теченіе многихъ вѣковъ, была сторожевымъ пóстомъ, пограничною маркою, выносившею на себѣ и вліяніе За-

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 1; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 414.

пада, и удары Востока. Почти всѣ славянскія племена, подпавшія непосредственному вліянію Запада, не устояли въ борьбѣ и, прежде всего, поплатились своею религіозною самостоятельностью. Окатоличились чехи, окатоличились и поляки. Когда Россія была еще слаба, когда она только еще формировалась, Польша, своимъ географическимъ положеніемъ, какъ щитомъ, оградила Россію отъ непосредственнаго вліянія католической Европы. Прошли вѣка, прежде чѣмъ католичество утвердилось въ Польшѣ; въ эти вѣка Россія, удалясь на Востокъ, все росла и крѣпла. Когда же Польша приняла на себя въ этомъ отношеніи роль Европы и начала католическую пропаганду за своимъ восточнымъ рубежемъ, она встрѣтилась съ твердо сплоченною и достаточно уже окрѣпшею массою иныхъ вѣрованій, иного закона, способною отстоять свою религіозную самобытность. Это услуга, оказанная Россіи Польшею. Защищая Россію отъ вліянія католическаго Запада, Польша въ то же время защищала Европу отъ ударовъ восточныхъ народовъ. Она принимала на себя первый натискъ казацкой вольницы, татарской орды, нерѣдко турецкихъ полчищъ, ограждая, какъ щитомъ, Западную Европу отъ этихъ напастей. Европа помнитъ эту услугу Польши; не должны забывать и мы.

Было время, когда Польша играла значительную политическую роль. По смерти послѣдняго изъ дома Ягеллоновъ, съ 1572 года, польская корона стала достояніемъ свободнаго избранія. Въ то время, когда во всѣхъ странахъ Европы королевская власть пріобрѣтала все болѣе и болѣе значенія, одна Польша съумѣла обуздать эту власть, одни поляки называли свою родину республикой и избирали себѣ короля. Право выбора, собственно говоря, никогда не прекращалось въ Польшѣ; но, предводимые своимъ крулемъ, поляки легко привыкали избирать его изъ одной и той же фамиліи, сперва изъ дома Пястовъ, потомъ изъ рода Ягеллоновъ; съ какою-то щепетильностью они стараются возводить на престолъ лишь лицъ, имѣющихъ родственную связь съ однимъ изъ этихъ родовъ. Стефанъ Баторій былъ избранъ королемъ подъ условіемъ брака съ Анною, сестрою Сигизмунда-Августа,

изъ дома Ягеллоновъ. Но за родомъ Пястовъ, вымеръ, наконецъ, и домъ Ягеллоновъ, вымеръ окончательно, не оставивъ никакой даже самой отдаленной вѣтви. Тогда-то выборное начало, всегда сохранявшееся въ Польшѣ, высказало всѣ свои неприглядныя стороны. Полякамъ представлялась политическая дилемма: или избрать королемъ одного изъ среды себя, и въ такомъ случаѣ слѣдить, чтобъ избранный не сдѣлалъ данную ему власть наслѣдственною въ своемъ родѣ, или избрать въ короли кого-либо изъ иностранныхъ принцевъ, который взойдетъ на престолъ при помощи интригъ и подкуповъ, и будетъ удерживаться на немъ ограниченіемъ своихъ королевскихъ правъ, уступками, и, въ крайности, что еще хуже, при помощи иностранныхъ державъ.

По смерти короля начиналось въ Польшѣ безкоролевье. Le roi est mort, vive... l'interrègne. Въ политическомъ отношеніи это было самое печальное явленіе, деморализовавшее поляковъ и сгубившее ихъ родину. Это понимали многіе короли, даже совершенно противуположныхъ взглядовъ, какъ Янъ Казиміръ и Янъ Собѣсскій.

Блистательныя побѣды покрыли славою польское оружіе въ 1660 году, во время войны Польши съ Россіею. Сапѣга и Чарнецкій разбили нá-голову князя Хованскаго близь Слонима, на границѣ Польши; князь Долгорукій разгромленъ на Пронѣ; князь Трубецкой терпитъ неудачи на Украйнѣ; Шереметевъ теряетъ на Волыни весь свой обозъ и часть своего стотысячнаго войска; Георгій Хмѣльницкій, сынъ знаменитаго Богдана, разбитый подъ Слободицей, подчиняется побѣдоносной республикѣ. Въ ореолѣ славы побѣдъ, изумившихъ всю Европу, Янъ Казиміръ, предчувствуя скорую кончину и предвидя пагубныя для страны послѣдствія безкоролевья, предложилъ сейму избрать ему преемника при его жизни. Сеймъ отвѣчалъ крикомъ негодованія на такое предложеніе — сеймъ сознаетъ все зло безкоролевья, но не въ силахъ отказаться отъ права выбирать новаго короля лишь по смерти прежняго. Шумъ, крики, брань вышли изъ границъ. Не помогли и принесенныя Чарнецкимъ сотни знаменъ, трофеи

недавнихъ побѣдъ. Задумался Янъ Казиміръ. Онъ проситъ слова и, среди молчанія, скрывавшаго затаенную ненависть, произноситъ роковыя слова: „Дай Богъ, чтобъ я былъ ложнымъ пророкомъ; но если вы не примете мѣръ противъ тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ странѣ вслѣдствіе вашихъ пресловутыхъ правъ свободнаго избранія, славная республика станетъ добычею сосѣднихъ народовъ. Московія захватитъ Литву, Бранденбургія овладѣетъ Пруссіею и Познанью, Австрія возьметъ Краковію и Польшу. Каждое изъ трехъ государствъ предпочтетъ лучше раздѣлить Польскую Республику, чѣмъ владѣть ею безраздѣльно, но съ сохраненіемъ вашихъ вольностей" [1]). Вскорѣ затѣмъ Янъ Казиміръ отрекся отъ польскаго престола. Когда онъ покинулъ Польшу и удалился во Францію дѣлить свой досугъ между молитвами въ аббатствѣ Сенъ-Жерменъ-де-Пре и ласками красивой Нинонъ де Ланкло, между торжественными мессами въ монастырѣ Сенъ-Мартэнъ и веселыми оргіями въ домѣ извѣстной прачки Маріи Миньо, позже жены маршала Лопиталя, съ нимъ покинулъ Польшу послѣдній отпрыскъ изъ дома Ягеллоновъ. Съ этого времени избраніе короля не будетъ уже руководиться никакими историческими преданіями; всѣ связи съ прошлымъ порваны.

Не успѣлъ Янъ-Казиміръ; не успѣетъ-ли природный полякъ, знаменитый Янъ Собѣсскій, гроза турокъ? Это былъ первый польскій король изъ польской шляхты. Онъ былъ выведенъ изъ толпы и поставленъ во главѣ поль-

---

[1]) Польскому королю не трудно было быть пророкомъ; возможность такого исхода предвидѣли даже иностранные государи, вовсе не сосѣди Польши. Въ 1666 году, Людовикъ XIV послалъ въ Стокгольмъ чрезвычайнаго посла, маркиза де-Помпоннъ, для подписанія договора, въ 5-мъ § котораго сказано: Le prêt d'un corps de trois mille cavaliers suédois, qui, réunis à quatre mille fantassins français, iraient, sous le prince de Condé, protéger, sur sa demande, le roi de Pologne contre le maréchal Lubomirski et les confédérés, et empêcher aussi que l'empereur, le Moscovite et l'électeur de Brandenbourg ne partageassent entre eux les états de la couronne de Pologne, après la mort du roi Casimir. *Correspondance de Suède,* du 10 février 1666, vol. XXIX, 317.

скихъ аристократовъ, храбрыхъ, предпріимчивыхъ, великодушныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ щепетильныхъ, надменныхъ; во главѣ тѣхъ аристократовъ, которые, по дерзкимъ словамъ пана Замойскаго къ Сигизмунду III, были „избирателями королей, но губителями тирановъ". Собѣсскій, казалось, болѣе чѣмъ кто-либо другой имѣлъ возможность отстранить неудобство выборной системы основаніемъ новой династіи: онъ возвысился надъ всѣми согражданами единственно въ силу своей личной славы[1]) и, слѣдовательно, чувство общаго равенства не было оскорблено его возвышеніемъ; онъ предлагалъ избрать ему въ преемники не иностраннаго принца, а польскаго князя, своего сына; предложеніе исходило, наконецъ, отъ лица, покрывшаго славой польское оружіе и польское имя. Янъ Собѣсскій предложилъ сейму назначить его сына королемъ и погубилъ себя въ глазахъ польской аристократіи: онъ сталъ теперь „деспотъ, тиранъ, разрушитель свободы націи и ея вольности". Въ чемъ же заключалась польская свобода? Какія эти польскія вольности?

Политическая огранизація польскаго государства создалась исторически и рано застыла въ своихъ перво-

---

[1]) Польскій король Михаилъ Коривутъ Вишневецкій умеръ въ 1673 году, наканунѣ знаменитой хоцимской битвы, когда Собѣсскій жестоко отомстилъ туркамъ. Подъ впечатлѣніемъ этой побѣды, Европа видѣла въ побѣдителѣ прямого преемника Коривута: „Провидѣніе, даровавъ побѣду Собѣсскому на другой день по смерти Коривута, ясно указывало на его божественное избраніе; Провидѣніе какъ бы предназначало его занять тронъ, имъ спасенный" (*Mercure Hollandais*, 1673, № 49, du 17 Septembre). Коривутъ былъ сынъ знаменитаго Іереміи Вишневецкаго, извѣстнаго своими кровавыми подвигами противъ православія и законовъ. Сынъ не былъ похожъ на отца; это была жалкая посредственность, выдвинутая впередъ раздоромъ партій, интригой, подкупомъ. Отецъ его былъ грозою казаковъ; а при сынѣ, славный Дорошенко унизилъ цѣну плѣнныхъ поляковъ на турецкихъ рынкахъ до щепотки табаку (*Бильбасовъ,* польское безкоролевье, въ *Отеч. Запискахъ*, CLXXIV, 193). Предшественникъ Собѣсскаго еще болѣе выдвигалъ его заслуги и давалъ ему право на вниманіе со стороны поляковъ; избраніе, очевидно, не гарантія, если Коривутъ могъ быть королемъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, до самой своей смерти.

начальныхъ формахъ. Это была *Республика,* во главѣ которой стоялъ король, и вмѣстѣ съ тѣмъ *монархія,* сохранившая вольные обычаи славянъ, вслѣдствіе чего ни выгоды перваго устройства, ни гарантіи втораго не существовали для страны. Въ то время какъ во всей Европѣ, вслѣдствіе завоеванія, установился феодализмъ, который своею сложною іерархіею связывалъ тронъ съ землею, государя съ землепашцемъ, и вскорѣ выдвинулъ на взаимную борьбу дворянство, общины и королевскую власть, въ результатѣ которой явилось смѣшеніе классовъ — въ то время въ Польшѣ чувство гордой независимости и полнаго равенства вкоренилось въ нѣсколькихъ тысячахъ привиллегированныхъ фамилій, кокорыя, искренно вѣря, что онѣ рождены для свободы также точно, какъ всѣ другіе для рабства, присвоили себѣ право защиты государственныхъ границъ, а съ нимъ и всѣ политическія права. Всѣ эти фамиліи было совершенно равны между собою, за исключеніемъ того неравенства, которое естественно должно было проявиться со временемъ, неравенства богатства: одни изъ нихъ стали слугами, но никогда не были вассалами другихъ; они называли себя братьями, считали себя подданными республики и каждый изъ нихъ въ отдѣльности имѣлъ право и власть противостоять мнѣнію всѣхъ. Этотъ привиллегированный классъ польскаго общества естественно старался сохранить свои права и вольности; съ этою цѣлью сложились въ теченіе вѣковъ и вошли въ нравы три политическіе принципа: необходимость единогласнаго рѣшенія государственныхъ вопросовъ, право конфедераціи и избраніе короля. Несмотря на искреннія, но позднія раскаянія, польская аристократія никогда не рѣшалась отказаться отъ этихъ принциповъ, часто признававшихся опасными, но всегда свято уважавшихся. Первый изъ этихъ принциповъ, предоставлявшій каждому возможность противодѣйствовать волѣ всѣхъ пресловутымъ „liberum veto“, тормозилъ всякую реформу, пріостанавливалъ всякое преобразованіе, какъ бы настоятельно оно ни чувствовалось всею страною; право конфедераціи, возводившее народное возстаніе въ законный институтъ, дѣлало арнахію какъ бы естест-

веннымъ явленіемъ. Оба эти принципа были бы, наконецъ, сами по себѣ, менѣе опасны, если бы третій принципъ, избраніе короля, не вызывалъ къ практикѣ все чаще первые два. Какъ абстрактныя понятія, эти принципы являются идеаломъ государственно-политической мудрости; но какъ начало государственнаго права они никуда не годятся, и относительно Польши свидѣтельствовали лишь, что формы ея политическаго быта лишены возможности развиваться согласно историческимъ условіямъ и соціальнымъ требованіямъ.

Польская шляхта не хотѣла понять этого и отвергла предложеніе Яна Собѣсскаго. Отвергнутый своими, Собѣсскій ищетъ союзниковъ среди чужихъ, и заключаетъ договоръ съ Россіею.

Миръ въ Оливѣ 1660 года и перемиріе въ Андрусовѣ 1667 года измѣнили восточныя границы Рѣчи Посполитой. Польша утеряла Кіевъ, Смоленскъ и Заднѣпровскую Украйну, отошедшіе къ Россіи. Въ 1678 году Янъ Собѣсскій шлетъ торжественное польско-литовское посольство въ Москву[1]) для заключенія договора. Послы объявили, что „согласны взять шесть мильйоновъ червонцевъ за Смоленскъ и Кіевъ"; русскіе бояре изумились такой огромной суммы. Послы говорили: „такъ хочетъ король польскій, а если вы не согласны дать доброй волей, то онъ возьметъ оружіемъ". На такія рѣчи самъ царь отвѣчалъ: „а я тотчасъ же пошлю посольство въ Турцію и соединюсь съ султаномъ противъ Польши". Вскорѣ споры уладились: „согласились уступить Польшѣ староство Ве-

---

[1]) Посломъ польскимъ былъ князь Чарторыйскій, воевода волынскій, и литовскимъ—Янъ-Казиміръ Сапѣга, воевода полоцкій. Свита посольства состояла изъ 2,000 человѣкъ; въ этой свитѣ находился чехъ Бернардъ-Леопольдъ Францискъ Таннеръ, оставившій довольно обстоятельное описаніе посольства: Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam potentissimi Polonaie Regis ac Reipublicae mandato et consensa anno 1678 feliciter suspecta, nunc breviter sed accurate singula notabilia descripta a teste oculato Bernhardo Francisco *Tannero* Boemo Pragense, Dn. Legati Principis Camerario Germanico (Переводъ на русскій языкъ, къ сожалѣнію съ выпусками, помѣщенъ въ „Сѣверномъ Обозрѣніи", 1849, т. I).

лижское, а за Смоленскъ и Кіевъ заплатить два мильйона наличными деньгами" [1]).

Французскій посолъ въ Варшавѣ Форбэнъ-Жонсонъ доносилъ Людовику XIV, что Янъ Собѣсскій „плакалъ, подписывая этотъ договоръ" [2]): онъ проливалъ слезы, видя невозможность возвратить отъ Россіи области, утерянныя его предшественникомъ; онъ плакалъ, сознавая историческое тяготѣніе къ Россіи восточныхъ земель Рѣчи Посполитой. Не сознавали этого поляки. Въ донесеніи русскаго посла при польскомъ дворѣ говорится: „Графъ Седлницкій, аблегатъ бывшій при дворѣ польскомъ, будучи у посланника, говорилъ: сторонѣ Царскаго Величества они (поляки) есть непріятели, и предъ всѣми иноземскими послы хвалятся и ему многажды говаривали не токмо шляхта, но и сенаторы, что у нихъ съ Москвою миръ не крѣпокъ ничѣмъ, одинъ-де король подтвердилъ, а Рѣчью Посполитою и сеймомъ не подтвержено; пооправясь-де станутъ все отыскивать, пособятъ-де имъ въ томъ и иные сосѣди" [3]). Надежды поляковъ не сбылись.

Польское безкоролевье открывало широкій просторъ иностранному вліянію. Избраніе польскаго короля стало вопросомъ общеевропейскимъ, при разрѣшеніи котораго имѣлись въ виду выгоды Россіи, Австріи, Пруссіи, даже Турціи, и забывались интересы Польши. Интрига и подкупъ давно уже деморализовали и шопу, и колу [4]).

---

1) *Tanner*, 751, 755. Здѣсь разумѣются два мильйона польскихъ злотыхъ, около 200,000 червонцевъ. Вскорѣ послѣ подписанія договора, „19 августа пріѣхали телѣги, нагруженныя монетой. Часть ихъ была золотомъ, часть мѣдью. Ихъ считали три дня. Счетчикомъ былъ панъ Гумовскій, а на возы клалъ панъ Зброжекъ". *Ibid.*, 759.

2) Rapport de Forbin-Jonson au Roy, du 19 Décembre 1678, въ *Париж. Архивъ,* Pologne, vol, XVI, № 63. Въ письмѣ аббата Полиньянка, французскаго посла, къ министру де-Круасси, отъ 8 мая 1695 г., сказано, что этотъ договоръ окончательно сгубилъ всю популярность дома Собѣсскихъ (*Ibid.*, vol. XXIV, № 16).

3) *Памятники,* VI, 141.

4) Избраніе польскаго короля происходило въ долинѣ Волы, близъ Варшавы. По окраинамъ обширной долины располагалось безчисленное множество палатокъ и шалашей; въ срединѣ —

Поляки были слабы къ деньгамъ. Знаменитая корона, украшавшая нѣкогда Ягеллоновъ и Пястовъ, стала теперь предметомъ корыстной спекуляціи. Это сказывалось особенно рѣзко при составленіи договорныхъ статей, pacta conventa, будущаго царствованія. Въ старину, pacta conventa служили наилучшею охраною общественной вольности и политической свободы, теперь они вели лишь къ безстыднымъ требованіямъ съ одной и низкимъ уступкамъ съ другой стороны; прежде они ограждали права и привиллегіи гражданъ республики, теперь они стали главнымъ средствомъ обогащенія лицъ, вліявшихъ на выборы. Въ этихъ статьяхъ упоминались всѣ обѣщанія, которыми забрасывали сеймъ многочисленные кандидаты. По смерти Яна Собѣсскаго, на выборахъ ему преемника, рядомъ съ обѣщаніями невозможными [1]) — курфюрстъ саксонскій Августъ II обѣщаетъ отвоевать у Швеціи Ливонію и присоединить ее къ Польской Республикѣ! — встрѣчаются и обѣщанія довольно игриваго свойства: племянникъ папы Иннокентія XII, Livio Odescalchi обѣщаетъ уступить республикѣ всѣхъ своихъ любовницъ.

Въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ былъ и французскій принцъ де-Конти. Петръ В. наказывалъ своему послу въ Варшавѣ Алексѣю Никитину „послужить радѣтельно, чтобъ одноконечно изъ Ѳранцыи Барбонской князь Деконтій въ Польшѣ королемъ не былъ“ [2]). Королемъ

длинное, четырехугольное пространство огорожено невысокою стѣною и окопано рвомъ; стѣна не высока, чтобъ совершающееся за оградою было доступно взорамъ всѣхъ, а ровъ глубокъ, чтобъ всадники не могли проникнуть за ограду. Трое воротъ, по числу трехъ областей Рѣчи Посполитой, ведутъ въ огороженное мѣсто: ворота Великой Польши на западной сторонѣ, Малой Польши на южной, Литвы на восточной. За оградою великолѣпный павильонъ, szopa—для сенаторовъ; остальное пространство, kolo— для представителей высшаго сословія.

[1]) Русскій посолъ въ Вѣнѣ дьякъ Кузьма Никитичъ Нефимоновъ доносилъ Петру В.; „Французъ и Каменецъ-Подольской достать обѣщаетъ, къ чему имѣя лакомство, многіе изъ поляковъ къ тому склоняются“. *Памятники*, VII, 1148; VIII, 192.

[2]) *Памятники*, VIII, 872.

былъ избранъ саксонскій курфюрстъ Фридрихъ Августъ[1]), ставшій Августомъ II. Петръ I предписываетъ Никитину кого не выбирать въ польскіе короли; спустя полвѣка, Екатерина II указываетъ Кейзерлингу, кого должно избрать въ короли Польши. Нельзя сказать, что Екатерина только пожинала плоды польской политики Петра; но несомнѣнно, что Екатерина продолжала дѣло, начатое Петромъ.

Весь смыслъ царствованія Петра В. заключался въ перестройкѣ историческаго фронта Россіи съ Востока на Западъ. Не Петромъ эта задача указана — она вытекала изъ историческаго роста Россіи — но Петромъ она вѣрно понята, поставлена, и Петръ положилъ прочныя основанія для ея осуществленія. Отъ Запада Россія отрѣзана Польшей, и Петръ обращаетъ вниманіе на Польшу.

Русскіе интересы въ Польшѣ никѣмъ не создавались; они возникли естественнымъ путемъ, и до Петра В. были исключительно религіознаго характера: на земляхъ Рѣчи Посполитой испоконъ вѣку жили „грекороссійскіе исповѣдники“. Петру было не болѣе 14-ти лѣтъ, когда, въ 1686 году, московскимъ договоромъ польскій король обязался охранять права православныхъ подданныхъ Польши: „его королевское величество церквамъ Божіимъ и епископіямъ: луцкой и галицкой, перемышльской, львовской, бѣлорусской [2]), и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ:

---

[1]) 26-го іюня 1697 года, за принца Конти высказалось 220 эскадроновъ противъ 40, и французскій посолъ аббатъ Полиньякъ послалъ гонца въ Парижъ съ письмомъ къ принцу Конти, адресованномъ à Sa Majesté Polonaise (*Mémoire* de S, Simon, II, 22; *Journal* du marquis de Dangeau, II, 74). Но въ это же время, другая партія провозгласила королемъ саксонскаго курфюрста, и русскій посолъ справедливо писалъ въ Москву: Польскіе сенаторы имѣютъ между собою великое разгласіе и сердца раздвоенные, и обраны два короля — князь Деконтій съ французской стороны да курфирстъ Саксонской и стоятъ одни при Деконтіи, другіе при курфирстѣ, и которая сторона сильнѣе будетъ, тому впредь время покажетъ“ (*Памятники*, VIII, 87). Сильнѣе оказалась сторона саксонская (*Бильбасовъ*, Польское безкоролевье, въ *Отеч. Запискахъ*, CLXXXIV, 281).

[2]) Собственно говоря, православною оставалась въ то время одна бѣлорусская епархія, такъ какъ въ Львовѣ епископствовалъ уніатъ Іосифъ Шумлянскій, въ Луцкѣ — братъ его Аѳанасій, а въ

виленской, минской, полоцкой, оршанской и инымъ игуменствамъ, братствамъ, въ которыхъ обрѣталося и нынѣ обрѣтается употребленіе благочестивой греко-россійской вѣры, и всѣмъ тамъ живущимъ людямъ, въ Коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ литовскомъ въ той же вѣрѣ остающимъ, никакого утѣсненія и къ вѣрѣ римской и къ уніи принужденія чинить не велитъ и быти то не имѣетъ, но по даннымъ правамъ во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ будетъ блюсти.

„По даннымъ правамъ" — значитъ, права были, но не соблюдались. По сознанію самого польскаго правительства, въ этихъ правахъ „грекороссійскихъ исповѣдниковъ" никто не сомнѣвается, какъ никто же не уважаетъ ихъ въ Польшѣ. Въ 1679 году, польское правительство, на новыя представленія Россіи, отвѣчало, что уже „въ двадцати конституціяхъ" [1]) было постановлено не утѣснять православныхъ и что дѣлать объ этомъ новыя представленія было бы со стороны Россіи лишь тратою словъ и времени. Такъ говорили въ Польшѣ до Петра; потерпитъ-ли Петръ такіе дерзкіе отвѣты?

Перемышлѣ такой же „легко-духій" Иннокентій, хотя публично не рѣшавшіеся еще объявить себя уніатами, но давшіе уже отъ себя клятву папскому нунцію въ Варшавѣ подготовить свои паствы къ единенію съ Римомъ. *Арсеній*, Лѣтопись церковныхъ событій, Спб. 1880, стр. 678.

[1]) „Краткій экстрактъ Польскаго Государства законовъ, конституцій сеймовыхъ и конфедератскихъ, пактовъ договорныхъ, присягъ, дипломовъ и привилегіевъ королевскихъ на вольное и безпрепятственное въ ономъ государствѣ польскомъ религіи грекороссійской содержаніе порядкомъ годовъ съ 1340 до 1736 года сочиненный", въ *Архивѣ св. Синода*, 1762 г., № 355, л. 131—140. Изъ этого экстракта видно, что до воцаренія Екатерины состоялось 53 постановленія, касающіяся правъ и привиллегій православныхъ, обитающихъ въ Польшѣ, и именно: въ XIV вѣкѣ одно — въ 1340 г.; въ XV в. одно — 1434 г.; въ XVI в. — 14-ть; въ XVII в. — 30-ть, и въ XVIII вѣкѣ, до 1736 г. — 7. Но Россія была слаба, не могла поддержать своихъ требованій; поляки пользовались этимъ, съ насмѣшкою повторяя латинское изрѣченіе: Vana est sine viribus ira. Россія, какъ видно изъ экстракта, никогда не молчала, но, до времени, терпѣла.

Польша противъ своей воли была втянута въ войну съ Швеціею. Рѣчь Посполитая, неотвѣтственная за дѣйствія своего короля, какъ курфюрста саксонскаго, заключившаго союзъ съ Петромъ I, благоразумно намѣревалась остаться нейтральною въ сѣверной войнѣ; но это ей не удалось. Къ саксонскимъ войскамъ, осаждавшимъ Ригу, присоединилъ свои войска герцогъ курляндскій, вассалъ Польши; Карлъ XII разбилъ тѣ и другія, и по ихъ слѣдамъ вступилъ въ Курляндію, изъ Курляндіи проникъ въ Литву. Польша должна была принять участіе въ войнѣ. Послѣдствія извѣстны: польскій король Августъ II долженъ былъ отречься отъ польскаго престола и бѣжалъ въ Саксонію; Карлъ XII былъ разбитъ подъ Полтавою. Рѣшителемъ судебъ остался Петръ. Къ Петру и обратились поляки, умоляя его, „яко союзнаго Рѣчи Посполитой монарха“, примирить двѣ партіи, разорявшія ихъ родину, прекратить междоусобицу возвратившагося въ Польшу Августа II съ конфедератами.

Епископъ литовскій Поцѣй и подкоморій кременецкій Ледоховскій, воевода троцкій Огинскій, староста жмудскій Заранекъ, великій гетманъ коронный Сѣнявскій и самъ примасъ Ѳедоръ Потоцкій воспользавались пребываніемъ Петра въ Данцигѣ, проѣздомъ на пирмонтскія воды, лично представились ему и просили быть медіаторомъ. Петръ вызвалъ въ Данцигъ и польскаго короля Августа II, и своего варшавскаго посла кн. Г. Ѳ. Долгорукова. Послѣ недолгихъ „данцигскихъ конференцій“, Петръ рѣшилъ созвать для окончательнаго усмиренія Польши сеймъ, на который посолъ царскій прибудетъ, какъ медіаторъ, съ повелѣніемъ „обѣ партіи къ примиренію привесть, а ежели которая партія на добрыхъ кондиціяхъ помириться не хочетъ, чтобы въ такомъ случаѣ онъ, посолъ, объявилъ, что его царское величество другую партію возьметъ и противъ той, которая мириться не хочетъ, себя объявитъ“. Это уже не была „vana ira“, такъ какъ за этимъ повелѣніемъ слѣдовало другое: „въ нужномъ случаѣ, онъ, посолъ, имѣть будетъ полный указъ къ генералу царскаго величества Рену, чтобъ оный, по опредѣленію посла, съ вой-

скáми царскаго величества изъ Украйны маршировалъ и противъ того дѣйствовалъ, кто внутреннему покою противенъ"[1]). То есть: вершителемъ внутренняго, чисто польскаго дѣла является русскій императоръ. Петръ писалъ сенату изъ Данцига: „Господа сенатъ! О здѣшнемъ объявляю, что дѣло между королемъ и Рѣчью Посполитой, почитай, окончили, ибо пункты, на чемъ быть миру между королевскими министры и послами конфедератскими, здѣсь на мѣстѣ постановили, и обѣ стороны приняли, и отданы послу князю Долгорукову, который ѣдетъ въ Ярославль[2]) и тамъ, яко медіаторъ, при съѣздѣ вершить будетъ. Съ пунктовъ присылаю при семъ списокъ, изъ коихъ увидите, что поляки сами такъ себя обязали въ волю медіаторскую, что вихнуть нельзя"[3]).

Положимъ, поляки „вихнули", и не разъ, послѣ „примирительнаго сейма"; но важно было то политическое вліяніе, которое получила теперь Россія въ самой Польшѣ, гдѣ уже стала образовываться русская партія. Къ религіозному интересу, присоединился политическій, и Петръ уже вводитъ въ Польшу свои войска, которыя заставляютъ уважать требованія Россіи. Петръ послалъ въ Польшу своего комиссара Игнатія Рудаковскаго, переводчика при нашемъ варшавскомъ посольствѣ, который возвращалъ православнымъ церкви, захваченныя въ Пинскѣ уніатами, присоединялъ къ православію насильно обращенныхъ въ католицизмъ, и хотя, въ свою очередь, былъ истязаемъ уніатами и католиками, но смѣло и энергично исполнялъ свою комиссію. Онъ жаловался Петру и на православное духовенство, которое, получивъ отъ синода „благословительныя грамоты", позволяло себѣ всякіе захваты, раздоры, непорядки. „Монахи, имѣя благословительные листы живутъ непотребно въ пьянствѣ и всякомъ развратѣ, и своею бездѣльною жизнію возбуждаютъ только насмѣшки враговъ церкви, которые были въ большемъ страхѣ послѣ

---

[1]) *Москов. Архивъ* мин. иностр. дѣлъ, Дѣла польскія 1716 г., № 17; *Соловьевъ*, XVI, 154; *Русск. Вѣстникъ*, 1864, IX, 12.

[2]) По желанію конфедератовъ, примирительный сеймъ состоялся въ Люблинѣ.

[3]) *П. С. З.*, № 3014.

отобранія церквей въ Пинскѣ, а теперь подняли головы. Повели, государь, чтобъ св. синодъ всѣ прежде данныя благословительныя грамоты уничтожилъ. Истинно, государь, здѣсь и безъ этихъ благословительныхъ грамотъ тошно, а грамоты собственныхъ дѣтей противъ своего пастыря поднимаютъ и въ несогласіи гибнетъ вѣра наша"[1]).

[1]) Не только благословительныя грамоты, много вредило дѣлу и мздоимство. Вотъ что писало православное духовенство въ Польщѣ о поведеніи русскаго посла на примирительномъ сеймѣ въ Люблинѣ: „1716 года по шведской войнѣ и по пріятіи паки престола королемъ Августомъ вторымъ, на сеймѣ примирительномъ здѣлали трактатъ въ присутствіи Россійскаго чрезвычайнаго посла тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера князя Григорія Долгорукого, въ коемъ трактатѣ въ артикулѣ 2-мъ приказано канцлерамъ, дабы къ привилегіямъ королевскимъ, ежели будутъ даваны диссидентамъ на какіе чины или пожитки, печатей не прилагали; въ 4-мъ тѣмъ же диссидентамъ зборовъ или кирокъ новыхъ созидать запрещено зсилаяся на конституціи прежніе. Здѣ примѣчать: 1) въ цѣломъ томъ трактатѣ греческихъ исповѣдниковъ не упомянуто, какъ упоминаемы были на прежныхъ конфедераціяхъ и сеймахъ, гдѣ трактовано о диссидентахъ; 2) прежніи конфедератскіи конституціи, какъ-то 1632, 1648, 1668 и 1674 годовъ запретили только новыхъ зборовъ созидать на новыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде зборовъ не бывало, а не чтобъ на мѣстѣ старомъ по обветшаніи или згорѣніи перваго не созидать другаго вновь, а въ семъ трактатѣ темно и обоюдно написано не созидать новыхъ зборовъ. По чему нынѣ поляки, а вопервыхъ духовенство римское и уніятское толкуя между диссидентами и грекорусскихъ исповѣдниковъ по вышеозначенному второму трактата артикулу твердятъ неспособными быть ихъ къ полученію всякаго чина и послѣднего въ мѣщанствѣ уряду. По четвертому, какъ диссидентамъ зборовъ, такъ и намъ церквей нетолько на новыхъ мѣстахъ, но и на старыхъ вновь созидать на остатокъ и ветхіе починять запрещаютъ, и ингибиціи сіесть запрещенія письменные подъ великими штрафами и угроженіями присылаютъ; а то все въ нарушеніе прежнихъ правъ и вольностей и самихъ трактатовъ съ Россіею вѣчно заключенныхъ дѣлаютъ, какъ и саміи сіи два артикулы обоюдные въ нарушеніе тѣхъ правъ и трактатовъ здѣланы, и здѣланы въ самое тое благополучнѣйшее время когда блаженныя и вѣчно достойныя памяти великій Петръ королю Августу второму престолъ возвратилъ, и потому могли тогда саміе лучшіе для религіи грекорусской состоятись узаконеніи, но тому препятствіемъ стало, какъ всѣмъ въ Польшѣ ізвѣстно, мздопріимство присутствовавшаго и подписавшагося на томъ трактатѣ, о коемъ бывшій после при дворѣ польскомъ резидентъ рос-

Русскій посолъ, кн. Г. Ѳ. Долгоруковъ, въ свою очередь, жаловался на Рудаковскаго, что онъ „мѣшается въ дѣла, ему не порученныя“. Раздоромъ православныхъ пользовались католики, и Петръ успѣлъ только намѣтить путь, по которому должно идти русское вліяніе въ Польшѣ.

Этотъ путь былъ не по плечу преемникамъ Петра. Даже въ царствованіе Елизаветы Петровны, св. синодъ заявляетъ, что не можетъ довѣрять русскому резиденту въ Варшавѣ „Голембовскому, папежанину“[1]). Екатерина скоро познакомилась съ этимъ дѣломъ и взяла его въ свои руки.

28-го іюня 1762 г., въ самый день переворота, св. синодъ получилъ донесеніе бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго, что „народъ заступленія съ воплемъ проситъ“[2]). Екатерина вызвала преосвящ. Георгія въ Москву на коронацію. Рѣчь Георгія въ день коронаціи понравилась Екатеринѣ, особенно же начало: „Между подданными народами вашего императорскаго величества о всерадостной коронаціи торжествующими — говорилъ бѣлорусскій епископъ — приноситъ и бѣлорусскій народъ чрезъ меня подданника вашего величества, всеподданнѣйшее поздравленіе“. Полюбился Георгій Екатеринѣ. Онъ передавалъ ей невѣроятныя вещи, и фактами доказывалъ, что въ Бѣлоруссіи „храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаются“, что въ Бѣлоруссіи „благочестивымъ считаться въ студъ ставятъ, за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а нерѣдко и живота лишеніе терпятъ“. Съ разрѣшенія Екатерины, преосв. Георгій подалъ, въ „послѣдній день радости“, 29-го сен-

---

сійскій Голембіовскій сколько у него требовали обыжденныи грекорусскіи исповѣдники помощи не обинуяся говаривалъ: *вась, де такой продалъ*“. *Архивъ св. Синода,* № 555, л. 138.

1) *Архивъ св. Синода,* Дѣла уніатскія, № 20.

2) Дѣло по представленію преосвященнаго Георгія, епископа бѣлорусскаго, о происходящихъ отъ римлянъ тамошнему благочестію обидахъ. *Архивъ св. Синода,* 1762, № 203. Донесеніе преосв. Георгія отъ 10-го мая 1762 г. было получено въ св. синодѣ 28-го іюня (л. 1-й).

тября 1762 г., обширную докладную записку, въ которой, „именемъ всего бѣлорусскаго народа грекороссійскаго исповѣданія“, просилъ у императрицы защиты отъ обидъ и озлобленій, претерпѣваемыхъ православными въ предѣлахъ Польши. Нельзя безъ ужаса читать этой „бѣлорусской челобитной“[1]): уніаты ѣздятъ по деревнямъ и силою народъ „на унію принуждаютъ“; не только строить новыя церкви, но и старыя починять запрещаютъ; требуютъ, чтобъ „всѣ православныя церкви на унію отданы были“; священниковъ православныхъ бьютъ, побили и самого епископа Георгія. „Когда я — пишетъ Георгій — пріѣхавъ въ Оршу, началъ было людей паствы моей въ вѣрѣ благочестивой утверждать, уніатскіе миссіонеры, напавъ на меня въ церквѣ съ великимъ числомъ шляхты съ ружьемъ и каменьями, бросали ими въ меня и людей жестоко били, и такимъ способомъ выгнали меня въ превеликомъ народа смятеніи изъ церкви и изъ города“.

Чѣмъ же помочь горю? По словамъ челобитной, „мягкіе господъ посланниковъ и резидентовъ россійскихъ домогательства успѣха нисколько не имѣли“; необходимо, по мнѣнію Георгія, имѣть особаго комиссара для защиты православныхъ. Но мѣра эта была уже испытана Петромъ В. и не принесла ожидавшихся отъ нея результатовъ. Георгій предлагалъ и другую мѣру: захватить „изъ числа первѣйшихъ гонителей, наипаче духовныхъ“, какую либо особу и держать въ Россіи — этого поляки такъ боятся, что „прочіе всѣ обидчики, какъ духовные, такъ и мірскіе, озлоблять насъ не отважились бы.“.

Отъ св. синода, подобно какъ отъ русскихъ посланниковъ въ Варшавѣ, Георгій не ожидалъ уже никакой помощи и разсказалъ Екатеринѣ печальную исторію съ Ѳеофаномъ Леонтовичемъ[2]). Екатерина вызвала въ Москву

---

[1]) *Архивъ св. Синода*, 1762 г., № 203, л. 8.

[2]) Игуменъ виленскаго свято-духовскаго монастыря Ѳеофанъ Леонтовичъ-Доруминъ доносилъ въ 1756 году, что „28-го мая студенты здѣшніе виленскіе, учинивъ нападеніе на монастырь, каменьемъ большимъ и бревеньемъ колокольню отбили, ворота монастырскіе и форту разломали, въ келіяхъ двери и замки поотбивали, законниковъ поприбивали, бороды имъ порвали и цѣлый монастырь

и Леонтовича. Не смотря на всѣ козни[1]), Леонтовичъ часто и подолгу бесѣдовалъ съ Екатериною, которая поставила вопросъ прямѣе и для нея понятнѣе: „какая политическая польза можетъ послѣдовать россійскому нашему государству по случаю защищенія грекороссійскихъ нашихъ въ польскомъ государствѣ исповѣдниковъ“? На этотъ „всевысочайшій запросъ“ Леонтовичъ отвѣчалъ пространною запискою, въ которой, между прочимъ, писалъ: „Россійскому нашему государству можно будетъ на 600 верстъ самой лучшей и плодороднѣйшей земли, съ без-

---

пустыней сдѣлали“; спустя полгода, 22 ноября, при погребеніи православнаго, когда процессія проходила мимо іезуитской коллегіи, „студенты съ толпою безчинниковъ начали шумѣть и различныхъ скотовъ голосами кричать, ругаться обрядамъ и пѣнію стиха Святый Боже, и бросать грязью въ процессію и въ духовенство грекороссійское“. Какъ бы въ отвѣтъ на эти жалобы Леонтовича, по которымъ не было дано никакого удовлетворенія, виленскій бискупъ жаловался Гроссу русскому посланнику въ Варшавѣ, что „Леонтовичъ, въ вербное воскресенье, имѣлъ публичный ходъ чрезъ городъ отъ своей церкви до унитской и на рынкѣ предъ оною святилъ вербу съ наивящею гордостію и неумѣренностію въ свободномъ отправленіи“. Указомъ синода Леонтовичъ, за освященіе вербы, былъ смѣненъ и отправленъ въ Кіевъ. Этимъ указомъ, писали виленскіе православные, „словно какъ громомъ сердце наше поражено — доброму нашему пастырю, на котораго мы всю надежду нашу полагали, и который, подвергая жизнь свою опатностямъ, защищалъ святое благочестіе, безъ всякихъ причинъ, безъ слѣдствія и безъ оправданія отъ здѣшняго игуменства отказано“ (*Архивъ св. Синода*, 1756 г., № 355). Синодъ не только не поддержалъ Леонтовича, но не провѣривъ даже жалобу виленскаго бискупа, къ тому же жалобу не заключавшую въ себѣ ничего преступнаго, сталъ гнать Леонтовича.

[1]) Синодъ, кажется, опасался, что Леонтовичъ сообщитъ Екатеринѣ объ отношеніи къ нему синода. Покрайней мѣрѣ, когда императрица приказала вызвать Леонтовича въ Москву, синодъ, отправляя ему, 9 сентября 1762 года, паспортъ для проѣзда изъ Кіева въ Москву, прибавлялъ, чтобъ Леонтовичъ „въ нынѣшнюю, свою бытность въ Москвѣ ко двору Ея императорскаго величества безъ приказанія св. синода хожденія не имѣлъ“ (*Архивъ св. Синода*, № 355, л. 372). Не успѣлъ Леонтовичъ прибыть въ Москву, какъ уже синодъ началъ гнать его обратно въ Кіевъ. Дѣло дошло до того, что 30-го декабря 1762 г. синоду былъ объявленъ словесный указъ Екатерины: Леонтовича „изъ Москвы не отлучать“ (*Ibid.*, л. 386).

численнымъ православнымъ народомъ, предъ всѣмъ свѣтомъ праведно и правильно у поляковъ отобрать".

И при Петрѣ В. слышалась рѣчь о присоединеніи Бѣлоруссіи, но въ формѣ „неправедной": въ 1722 году, бѣлорусское духовенство предлагало комиссару Рудаковскому поднять простой народъ и перебить всѣхъ католиковъ и уніатовъ — „простой народъ весь пойдетъ за нами, не только остающіеся въ благочестивой грекороссійской вѣрѣ, но и насильно совращенные въ унію." Теперь, мнѣніе Леонтовича наводило Екатерину на иныя, новыя политическія комбинаціи. Въ Польшѣ есть уже русская партія. Вся „фамилія" князей Чарторыйскихъ, весь ихъ родъ со всѣми родственниками и свойственниками, принадлежитъ къ русской партіи. Князья Чарторыйскіе, боровшіеся, и не безъ успѣха, еще съ Августомъ II, выставили и теперь двухъ сильныхъ членовъ своей семьи, кн. Михаила, канцлера Литовскаго, и кн. Адама, сына знаменитаго кн. Августа, графъ Михаилъ Огинскій, епископъ виленскій кн. Масальскій и др. магнаты не скрываютъ своей преданности Россіи; Екатерина безошибочно можетъ разсчитывать на ихъ помощь, хотя и не безкорыстную. Теперь ей говорятъ о возможности опереться на православный народъ. Это уже помощь вполнѣ безкорыстная, основанная на религіозномъ чувствѣ и на племенномъ родствѣ. Екатеринѣ не нужно было два раза повторять — она и намекъ пойметъ, а намекъ былъ такъ ясенъ, такъ простъ и естественъ. При довольно сильной русской партіи, сочувствіе народа позволяло мечтать о многомъ. Какъ осуществить мечты?

Челобитная еп. Георгія произвела впечатлѣніе на Екатерину. Недѣли двѣ спустя, 14 октября 1762 г., былъ отправленъ рескриптъ резиденту Ржичевскому въ Варшаву. Давно уже Ржичевскій не получалъ такихъ рескриптовъ: епископъ пишетъ, что могилевскій плебанъ Зеновичъ „паче всѣхъ изъ римскаго духовенства персонъ устремился къ превращенію въ унію всѣхъ имѣющихся въ Польшѣ и Литвѣ греческаго закона церквей" — резиденту предписывается требовать, чтобъ Зеновичъ „штрафованъ и отъ плебанства могилевскаго отрѣшенъ былъ"; епископъ

жалуется, что не позволяютъ починять ветхія церкви — резидентъ обязанъ домогаться, чтобъ „всѣ древнія о свободномъ строеніи и починкѣ церквей греческаго закона конституціи на сеймѣ утверждены были“; въ заключеніи рескрипта сказано: „Мы сіе дѣло не за безважное почитая вашему особливому усердію къ нашей службѣ повѣряемъ“ [1]).

Послу гр. Кейзерлингу Екатерина сама написала нѣсколько строкъ: „Епископъ Георгій бѣлорусскій, греческаго закона, подалъ мнѣ челобитную, въ которой жалуется отъ имени всѣхъ исповѣдующихъ эту вѣру на всѣ гоненія, претерпѣваемыя ими въ Польшѣ. Настоятельно поручаю вамъ покровительствовать имъ, и сообщите мнѣ все, что, по вашему мнѣнію, можетъ увеличить тамъ мое значеніе и мою партію. Я не хочу ничего упустить въ этихъ видахъ“ [2]). Замѣчательныя строки. Очевидно, религіозный интересъ служитъ только поводомъ къ интересу чисто политическому; защита диссидентовъ только въ томъ случаѣ должна имѣть значеніе, если она можетъ увеличить русское значеніе въ Польшѣ и усилить русскую партію.

Не только Екатерина, даже св. синодъ относится къ вопросу о диссидентахъ, какъ казалось еп. Георгію, не съ должнымъ вниманіемъ. Георгій Кониссній, живя въ Москвѣ, понялъ теперь, почему его донесенія въ синодъ или оставались безъ отвѣта, или вызывали безплодную переписку, но никогда не вели къ рѣшительнымъ мѣрамъ, никогда не улучшали положенія дѣла. Въ защиту св. синода должно, однако, сказать, что диссиденсткій вопросъ, по самому существу своему, не могъ быть разрѣшенъ синодомъ — синодъ былъ безсиленъ помочь своимъ единовѣрцамъ въ Польшѣ: это религіозный вопросъ, разрѣшаемый только политическимъ путемъ, что и выразилось въ приведенныхъ выше строкахъ Екатерины къ гр. Кейзерлингу. Уже живя въ Москвѣ, въ декабрѣ 1762 года, Георгій Кониссній получилъ экстрактъ предики, которую

---

1) *Сборникъ*, XLVIII, 150.—
2) *Ibid.*, 150.

сказывалъ, 23 октября, католическій миссіонеръ въ Могилевѣ, „посреди базару, на столикѣ стоя и крестъ въ рукѣ держа“ — католикъ ругался надъ православіемъ, проклиналъ схизматиковъ, взывалъ къ избіенію не-унитовъ [1]). Еп. Георгій представилъ св. синоду эту, дѣйствительно, „страшную“ предику; но что же св. синодъ могъ предпринять по поводу ея? Подобно еп. Георгію, св. синодъ возмущался, читая „экстрактъ предики“; но ни противодѣйствовать ей, ни оградить православную паству въ Бѣлоруссіи отъ подобныхъ предикъ былъ не въ силахъ. У св. синода большая сила, но не того характера, который требовался въ данномъ случаѣ. Послѣ нѣсколькихъ откровенныхъ объясненій и бесѣдъ съ членами синода, у еп. Георгія, дѣятельного, энергичнаго, нервнаго, опустились руки. 13-го января 1763 года онъ подалъ св. синоду просьбу о разрѣшеніи ему удалиться на покой: онъ усталъ, изнемогъ въ непосильной борьбѣ, „повредилъ себѣ слухъ и очи, и частые головные боли нажилъ“ — онъ проситъ отрѣшить его отъ епархіи и „опредѣлить на безмолвное житіе въ какой нибудь монастырь при опредѣленіи для пропитанія моего милостыни“ [2]).

Екатерина поддержала Георгія. Ея сужденія, ея рѣчи воскресили бѣлорусскаго епископа, вселили въ немъ прежнюю бодрость, энергію, дали силы на новую борьбу, позволили надѣяться. На что?

Только что вступя на престолъ, Екатерина, 2-го же августа, писала гр. Станиславу Понятовскому: „Я немедленно отправляю гр. Кейзерлинга посломъ въ Польшу, чтобъ сдѣлать васъ королемъ, по смерти Августа III; если же моему послу не удастся сдѣлать васъ королемъ, я хочу чтобъ королемъ былъ князь Адамъ Чарторыйскій“ [3]). Въ этомъ же смыслѣ писала Екатерина гр. Кейзерлингу: „Видя опасность, въ которой находится польскій король [4]), я собрала совѣтъ и было рѣшено, въ принципѣ, дѣйство-

---

[1]) *Архивъ св. Синода*, 1762 г. № 203, л. 31.

[2]) *Ibid.*, л. 39.

[3]) *Госуд. Архивъ*, III, 16; *Jacob*, 1; *Архивъ кн. Воронцова* XXV, 414.

[4]) Августъ III былъ опасно боленъ.

вать въ пользу одного изъ Пястовъ, а именно гр. Понятовскаго, а еслибы его кандидатура неудалась, то въ пользу кн. Адама Чарторыйскаго"[1]). Подробно ознакомившись съ положенiемъ дѣлъ въ Польшѣ, Екатерина увидѣла, что князь Чарторыйскiй неудобенъ и рѣшилась, посадить на польскiй престолъ гр. Станислава Понятовскаго. Она его знаетъ; онъ изъ воли ея не выйдетъ. А воля ея по диссидентскому вопросу точно была высказана въ рескриптѣ отъ 2-го апрѣля 1764 г. гр. Кейзерлингу и кн. Репнину, представителямъ Россiи въ Варшавѣ:

„Излишне описывать здѣсь извѣстное вамъ самимъ дѣло утѣсненiя въ Польшѣ нашихъ единовѣрцевъ и прочихъ диссидентовъ. Кто не вѣдаетъ, что одни и другiе равно подвержены гоненiю римскаго духовенства, которое не только безъ остатка почти похитило всѣ имъ законами и многими привиллегiями дозволенные епархiи, монастыри и церкви, но и до того еще властью и пронырствомъ своимъ довело, что знатная часть согражданъ такъ сказать изъ сообщества отринуты за то одно, что исповѣдуютъ законъ другой. Но пока еще сiе зло вовсе не окоренится, то дабы нынѣшнiй междуцарствiя случай не упустить втунѣ, повелѣваемъ мы вамъ, какъ нынѣ при сеймѣ конвокацiи, такъ и впредь при сеймѣ коронацiи, употребить всевозможное старанiе, дабы какъ собственные наши единовѣрные, такъ и прочiе диссиденты во всѣ прежнiе свои права и преимущества точнымъ и яснымъ закономъ возстановлены, да и для переду какъ въ персонахъ и имѣнiяхъ своихъ, такъ и въ принадлежащихъ имъ епархiяхъ, монастыряхъ и церквахъ, отъ всякихъ нападковъ римскаго духовенства охранены, а прежде отнятые сполна сколько возможно имъ возвращены были"[2]).

Когда уже гр. Станиславъ былъ избранъ въ короли польскiе, Екатерина пишетъ кн. Репнину: „Мнѣ остается только самымъ настоятельнымъ образомъ рекомендовать

---

[1]) *Сборникъ*, XLVIII, 300, 305.

[2]) *Ibid.*, LI, 273.

вамъ дѣло о диссидентахъ— въ немъ заинтересована моя слава. Помните это"[1]).

Диссиденты могутъ быть покойны: если Репнинъ не не упомнитъ, Екатерина не забудетъ. Ей забыть нельзя: диссидентскій вопросъ дастъ ей возможность все глубже и шире проявлять свое вліяніе на польскія дѣла, на „счастливую польскую анархію"[2]).

---

[1]) Изъ собственноручнаго письма кн. Репнину, отъ 17 октября 1764 года: Il ne me reste plus qu'à vous recommander de plus que possible les objets des dissidents et celui des frontières: à l'un et à l'autre ma gloire est intéressée, souvenez-vous en, ils sont entre vos mains. . *Сборникъ;* LVII, 34.

[2]) См. выше, стр. 270.

XX.

„Не выбирать французскаго принца де-Конти“, писалъ Петръ I въ 1697 году; „выбрать польскаго графа Станислава Понятовскаго“, писала Екатерина II въ 1762 г. Несмотря на требованіе Петра, принцъ де-Конти все-таки выбранъ былъ въ короли Польши; желаніе же Екатерины было въ точности исполнено, и польскимъ королемъ сталъ гр. Понятовскій. Это объясняется не столько усиленіемъ Россіи въ періодъ отъ Петра до Екатерины, сколько ослабленіемъ Полши за эти 65 лѣтъ.

Еще будучи великою княгинею, Екатерина высказывала свое убѣжденіе, что Россія должна поддерживать въ Польшѣ анархію, которую она называла „счастливою“, потому что эта анархія даетъ Россіи возможность распоряжаться Польшею по своей волѣ[1]). Нельзя сказать, чтобы этотъ взглядъ отличался особенною возвышенностію и гуманностію; но Россіи нужно стать твердою ногою въ Польшѣ, отдѣляющей ее отъ Европы, и Екатерина не пренебрежетъ ни чѣмъ, чтобы подчинить своему вліянію Польшу. Для этого нужно, прежде всего, посадить на польскій тронъ „своего“ короля.

Въ началѣ февраля 1763 года, французскій курьеръ, проѣзжавшій черезъ Дрезденъ, привезъ извѣстіе, что польскій король Августъ III опасно боленъ[2]). Отъ 4-го

---

[1]) Or je vous demande si un voisin despotique est plus nécessaire à la Russie que l'heureuse anarchie dans laquelle se trouve la Pologne dont nous disposons à notre gré. *Сборникъ*, VII, 91.

[2]) Такое же извѣстіе получилъ Фригрихъ II, о чемъ 4-го фе-

февраля Екатерина пишетъ гр. Кейзерлингу въ Варшаву: „Въ виду опаснаго положенія польскаго короля, я собрала совѣтъ, чтобы опредѣлить, какія мѣры слѣдовало бы предпринять въ моихъ интересахъ въ случаѣ смерти короля. Было рѣшено, въ принципѣ, дѣйствовать въ пользу одного изъ Пястовъ, именно гр. Понятовскаго, или, въ случаѣ неудачи, князя Адама Чарторыйскаго, хранить это въ тайнѣ, держать въ готовности на границѣ 30000 человѣкъ, въ резервѣ — 50000"[1]). Тревога оказалась рановременною: Августъ III умеръ только 25 сентября 1763 года. „Не смѣйтесь мнѣ — писала Екатерина Н. И. Панину — что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о кончинѣ короля польскаго: король прусскій изо стола вскочилъ какъ усышалъ"[2]).

Польша не Курляндія. Не только Саксонія, курфюрсты которой уже болѣе полувѣка занимали польскій престолъ, всѣ сосѣднія державы, Австрія, Пруссія и Турція, заинтересованы въ выборѣ короля Польши. Онѣ выставятъ своихъ кандидатовъ; у нихъ есть, у каждой, своя партія въ средѣ избирателей. Будетъ вліять на выборы и Франція; можетъ высказать свое желаніе и Польша. Борьба предстоитъ серьзная. Если Екатерина желаетъ вполнѣ укрѣпиться на русскомъ престолѣ, она не можетъ пренебречь вопросомъ, который въ состояніи создать ей блестящее внѣшнее положеніе; она должна играть достойную ея роль извнѣ, чтобы привлечь себѣ уваженіе внутри государства. Внѣшній блескъ придаетъ ей внутреннюю крѣпость.

Нельзя еще съ увѣренностью сказать почему именно, но Екатерина была очень дурного мнѣнія о полякахъ — не о польской націи, которой она совсѣмъ не знала, но о польскомъ обществѣ, о польскихъ магнатахъ, этихъ гордыхъ вершителяхъ судьбы своей родины. Не только въ

враля писалъ Екатеринѣ: Le roi de Pologne est mal, sa santé est considérablement altérée, même on m'écrit qu'on craint que la fin soit plus prochaine qu'on se l'imagine. *Сборникъ*, XX, 159.

[1]) *Госуд. Архивъ*, V, 104; *Сборникъ*, XLVIII, 300.

[2]) *Ibid.*, VII, 321.

интимныхъ письмахъ къ графу Кейзерлингу, но и въ бумагахъ оффиціальныхъ, она не скрывала своего убѣжденія, что нѣтъ такого поляка въ Польшѣ, котораго нельзя было бы подкупить[1]). Во время польскаго безкоролевья, главою Рѣчи Посполитой становился, по конституціи, архіепископъ гнѣзненскій, принимавшій титулъ примаса королевства польскаго. По смерти Августа III, примасомъ сталъ богатый, знатный графъ Владиславъ Любенскій[2]). Въ первомъ же рескриптѣ, посланномъ гр. Кейзерлингу на второй день по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о смерти курфюрста саксонскаго, русскому послу въ Варшавѣ сообщались виды русскаго правительства, указывались мѣры, принимаемыя Россіей, давались подробныя наставленія для достиженія русскихъ намѣреній; Екатерина утвердила рескриптъ своимъ „быть по сему" и въ концѣ приписала: „Прибавить къ сему, чтобъ графъ Кейзерлингъ „во что ни стало примаса къ намъ сдѣлалъ преданнымъ; „естли менѣе не можно, хотя до ста тысячъ рублей дать „можно" [3]). Екатерина была убѣждена, что посулами пенсій, раздачею орденовъ, предоставленіемъ доходныхъ мѣстъ въ Польшѣ можно всего достигнуть.

Еще со временъ Петра В. русская партія въ Польшѣ все росла, ширилась и теперь достигла уже внушительныхъ размѣровъ. Вся „фамилія" тянетъ къ Россіи. Въ

---

[1]) Депеша *Бретэля*, отъ 28 октября 1762 года: Il est affreux de penser qu'une charge ou une terre donnée à l'un plustôt qu'à l'autre rend prêsque tous les Polonois également ennemis du bien général de leur pays et du salut de leur liberté (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 71, № 22).

[2]) Его племянникъ, графъ Любенскій, староста леловскій, пріѣзжалъ въ Петербургъ просить Екатерину „объ охранѣ вольностей" польскихъ. Депеша гр. *Сакена*, отъ 9 марта 1764 г.: M-r le comte de Lubinski fut décoré dimanche dernier des mains de Sa Majesté Impériale du cordon d'Alexandre Newski. On croit que ce comte aura des présents considérables (*Дрезден. Архивъ*, vol. I, № 20); депеша отъ 13-го марта: M-r le comte de Lubinski a eu six mille roubles en présent de Sa Majesté Impériale (*Ibid.*, № 21).

[3]) *Сборникъ*, LI, 17. Екатерина поручила гр. Кейзерлингу подкупить даже гр. Браницкаго, короннаго гетмана, причемъ высказывала убѣжденіе, что онъ на откупу у Франціи (*Ibid.*, XLVIII, 332).

Польшѣ одна только „фамилія“ — родъ Чарторыйскихъ, богатый, знатный, умный родъ. Къ нему теперь принадлежатъ не только три Чарторыйскихъ: князь Михаилъ, литовскій канцлеръ, его братъ кн. Августъ, воевода русскій, и его сынъ, князъ Адамъ, генералъ подольскій, но четыре ихъ двоюродные брата, изъ рода графовъ Понятовскихъ, изъ нихъ младшій графъ Станиславъ, стольникъ литовскій. Къ „фамиліи“ принадлежатъ и князья Масальскіе, отецъ, гетманъ литовскій, и сынъ, епископъ виленскій, и князь Огинскій, писарь литовскій, и вояка графъ Мостовскій, и умница Андрей Замойскій, и ораторъ Любомирскій. Вся эта даровитая „фамилія“ только при помощи Россіи надѣется достичь своихъ цѣлей. А цѣли эти велики и для блага прекрасной ихъ родины необходимы, неизбѣжны. Оправдаются роковыя слова Яна Казиміра, если польская конституція не будетъ преобразована, если республика не превратится въ монархію, если не будетъ уничтожено liberum veto, если королевская власть не будетъ усилена, не станетъ наслѣдственною. „Фамилія“ должна стать династіею, или res publica обратится въ res nullius.

Екатеринѣ стоитъ только остановить свой выборъ на одномъ изъ Чарторыйскихъ и вся фамилія поддержитъ его, какъ одинъ человѣкъ. Екатерина поняла это, и остановила свой выборъ на кн. Адамѣ Чарторыйскомъ. Онъ молодъ, уменъ, богатъ; обязанный выборомъ Россіи, онъ поддержитъ русскіе интересы въ Польшѣ. Графъ Кейзерлингъ, давно уже жившій въ Варшавѣ и хорошо знакомый со всѣми польскими магнатами, былъ противъ этого выбора: князь Адамъ слишкомъ уменъ, слишкомъ богатъ, слишкомъ полякъ и, потому, не годится въ качествѣ русскаго кандидата; онъ только и мечтаетъ о спасеніи Польши путемъ преобразованій — этого-ли нужно Россіи, этого-ли желаетъ Екатерина, называющая польскую анархію „счастливою“? Для интересовъ Россіи необходимо остановить выборъ на одномъ изъ фамиліи, но на самомъ ничтожномъ, убогомъ, безхарактерномъ, и хитрый царедворецъ первый произноситъ предъ Екатериной знакомое ей имя графа Станислава Понятовскаго. Онъ двоюродный

братъ Чарторыйскихъ и вся фамилія поддержитъ его; но у него нѣтъ ни матерьяльныхъ средствъ, чтобъ быть независимымъ отъ Россіи, ни силы воли, чтобъ посвятить себя исключительно Польшѣ; у него всегда разумъ подчиненъ сердцу и, при извѣстной настойчивости его легко провести въ короли, а при извѣстномъ умѣньи изъ него не трудно веревки плесть. Совѣтъ гр. Кейзерлинга былъ принятъ Екатериною[1]) и она увѣдомила своего „друга", что посылаетъ въ Варшаву графа Кейзерлинга съ порученіемъ возвести на престолъ его именно, въ крайности же — Адама Черторыйскаго.

Природный полякъ, Пястъ, на польскомъ тронѣ — это новость для XVIII стол. Прежде чѣмъ выбирать въ короли поляка, надо условиться объ исключеніи изъ списка кандидатовъ всѣхъ иностранныхъ принцевъ и, прежде всего, курфюрста саксонскаго. Его отецъ, его дѣдъ были польскими королями; Елизавета Петровна смотрѣла на него, какъ на будущаго короля Польши; не безъ основанія же графъ Сакенъ, проѣздомъ въ Петербургъ, доноситъ изъ Варшавы: „Здѣсь повсюду говорятъ съ величайшимъ восхищеніемъ о вашемъ монархѣ и по крайней мѣрѣ три четверти націи вполѣ преданы саксонскимъ интересамъ"[2]). Саксонія не одна — ее будетъ поддерживать Австрія, изъ за которой она такъ пострадала въ Семилѣтню войну,

---

[1]) Депеша гр. *Сакена,* отъ 17 ноября, изъ Варшавы: Je viens d'être averti par plus d'une personne à même d'être bien instruite, que c'est le comte Kayserlingk qui à dressé lui-même le plan d'élever M-r le comte de Poniatowski au trône de Pologne pour se rendre agréable à Sa Majesté Impériale, qu'à présent il lui impertoit de faire accroire ici au public que cette idée venoit directement de l'impératrice-même (*Дрезден. Архивъ,* 1763, vol. I, № 3). Ср. письмо гр. Флемминга гр. Сакену отъ 28 ноября, изъ Дрездена (*Ibid.*, № 2).

[2]) On parle ici partout avec la plus grande admiration et avec le plus profond respect de Leurs Altesses Royales Electorales; toute la nation révère la sagesse, la justice et la bonté avec lesquelles Leurs Altesses Royales signalent le commencement de Leur régne en Saxe. Il est bien constaté, qu'au moins les trois quarts de la nation sont dévoués de coeur à nos très gracieux souverains. Въ депешѣ отъ 12 ноября, въ *Дрезден. Архивъ* 1763, vol. I, № 1.

только-что окончившуюся. Но за кого Австрія, противъ того Пруссія, и Екатерина обращается къ Фридриху II.

Русскій чрезвычайный посланникъ при берлинскомъ дворѣ, кн. В. С. Долгоруковъ, получилъ приказаніе узнать взгляды прусскаго короля, и если возможно, переговорить съ нимъ о предстоящемъ избраніи польскаго короля, а если необходимо, то и сообщить ему въ общихъ чертахъ взгляды императрицы. Отъ 13-го февраля, изъ Лейпцига, Фридрихъ II писалъ Екатеринѣ: „Я вполнѣ согласенъ съ идеями, сообщенными мнѣ вчера вашимъ министромъ, княземъ Долгоруковымъ. Король Польши боленъ, здоровье его значительно разстроено, мнѣ даже высказываютъ изъ Варшавы опасенія, что конецъ его ближе, чѣмъ воображаютъ. Если смерть эта случится неожиданно, должно опасаться, что, по интригамъ различныхъ дворовъ, снова возгорится едва потухшее пламя войны. Я готовъ участвовать во всѣхъ мѣрахъ, какія вамъ угодно будетъ предложить по этому поводу и, чтобъ скорѣе приступить къ дѣлу, считаю необходимымъ открыто изъясниться о томъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ. Изъ всѣхъ претендентовъ на польскую корону, законы здравой политики обязываютъ меня, государыня, выключить только принцевъ австрійскаго дома и, насколько я знакомъ съ интересами Россіи, мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи ея выгоды вполнѣ совпадаютъ съ моими. Впрочемъ, я соглашусь, государыня, избрать изъ всѣхъ претендентовъ того, котораго вы предложите; я долженъ, однако, прибавить, что нашимъ общимъ интересамъ приличествуетъ, чтобы то былъ Пястъ, а не кто иной. Во всякомъ случаѣ, намъ необходимо хранить это въ глубокой тайнѣ. Ваше величество можете разсчитывать на полное содѣйствіе съ моей стороны во всемъ, что касается избранія польскаго короля"[1]).

Прусскій король шелъ на встрѣчу русской императрицѣ. Екатерина отвѣчала:

„Такъ какъ ваше величество говорите, что согласитесь

---

[1]) *Сборникъ*, XX, 159.

избрать изъ всѣхъ кандидатовъ на польскій престолъ того, который будетъ предложенъ мною, то я, въ отвѣтъ на довѣріе вашего величества, изъяснюсь столько же откровенно, сколько и искренно: въ случаѣ упраздненія польскаго престола, я охотно соглашусь, какъ того желаетъ ваше величество, на исключеніе принца изъ австрійскаго дома, если только вашему величеству угодно будетъ сдѣлать то же самое для кандидата, поддерживаемаго Франціею. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе вашего величества, и также предпочитаю, чтобы корона Польши пала на долю Пяста, но такого, который не стоялъ бы на краю могилы и не получалъ бы жалованья ни отъ какой изъ державъ. Если ваше величество согласны со мною въ этомъ отношеніи, и если вы соблаговолите, какъ я то вамъ предложила, дать знать саксонскимъ войскамъ, что не допустите ихъ пройти въ Польшу (гдѣ королю, по договору, дозволено имѣть только 1200 человѣкъ и большее ихъ число можетъ быть имъ употреблено только для стѣсненія свободы націи, чего я, какъ поручительница, никогда не потерплю), то я, съ своей стороны, употреблю всѣ усилія, чтобъ успѣшно выполнить этотъ проектъ, который, согласно желанію вашего величества, останется въ тайнѣ, чтобъ воспрепятствовать интригѣ и коварству тѣхъ, кому такой проектъ не понравится“ [1]).

Фридрихъ II выключилъ австрійскаго кандидата, Екатерина исключила французскаго, ограничила саксонскаго — остаются только природные поляки, и изъ нихъ прусскій король предоставляетъ выборъ Екатеринѣ: онъ согласенъ избрать того, кого она предложитъ. Екатерина была вполнѣ довольна [2]) первымъ шагомъ.

---

1) *Ibid.* XX, 162,

2) У Екатерины не было тайнъ отъ гр. Кейзерлинга по польскимъ дѣламъ, и она писала ему: Il est possible que par-ci par-là il transpire quelque chose du secret. Une partie de ce secret est en beaucoup de main, mais les lettres du roi de Prusse tout le monde les ignore et je vous en fait part dans la plus grande confidence. О приведенномъ въ текстѣ письмѣ, она пишетъ: personne n'a vu sa lettre. *Госуд. Архивъ*, V, 104; *Сборникъ*, XLVIII, 393.

Соглашеніе Россіи съ Пруссіею имѣетъ громадное вліяніе на избраніе польскаго короля. Еще соглашеніе хранится въ тайнѣ, а уже по Европѣ стали распространяться о немъ самые разнообразные толки; „интрига и коварство“ старались подорвать своими измышленіями силу и значеніе этого тайнаго пока соглашенія. Въ циркулярномъ рескриптѣ отъ 10-го ноября 1763 г. къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ обрисованы эти измышленія: „По воспослѣдованной кончинѣ короля польскаго начали уже происходить при разныхъ европейскихъ дворахъ всякіе нескладные и ни малой вѣроятности недостойные слухи, а именно, яко бы мы намѣрены, соглася съ его величествомъ королемъ прусскимъ, отнять отъ республики польской нѣкоторыя провинціи и оныя между собою раздѣлить. Такія разсѣеваемыя лжи не заслуживаютъ нашего уваженія, потому что свѣтъ уже удостовѣренъ, коимъ образомъ мы, вступая на всероссійскій императорскій престолъ, главнымъ предметомъ положили стараться не токмо о соблюденіи съ сосѣдними съ нами державами доброй дружбы, но и о возстановленіи общей тишины. Намѣренія же нашего никогда не было, да и нѣтъ въ томъ нужды, чтобъ стараться о разширеніи границъ имперіи нашей — она и безъ того пространствомъ своимъ составляетъ нарочитую часть всего земнаго круга“ [1]).

Очевидно: одинъ слухъ о соглашеніи Россіи съ Пруссіею пугаетъ многихъ. Фридрихъ зналъ цѣну этому со-

---

[1]) *Сборникъ*, LI, 101. Русско-прусскій союзъ пугалъ многихъ и уже не разъ Екатеринѣ приходилось опровергать подобные слухи. Австрійскій посолъ гр. Мерси получилъ извѣстіе, что союзъ заключенъ еще 2 ноября 1762 г. и его это безпокоитъ: Екатерина приказала сказать ему, что „это каломнія, выдуманная тѣми, которые желаютъ ссорить меня съ вѣнскимъ дворомъ“; о союзѣ сообщаетъ Симолинъ изъ Регенсбурга, и на его реляціи Екатерина положила резолюцію: „Писать къ нему дабы онъ опровергалъ оную выдумку“; въ Новую Сербію проникъ слухъ, что прусскій король вошелъ съ войскомъ въ Польшу, ставитъ всюду свои гербы и намѣренъ польскою короною овладѣть — на реляціи объ этомъ г.-м. Нарышкина Екатерина написала: „Спокойно спать можно послѣ такимъ извѣстій“. *Сборникъ*, XLVIII, 319, 426, 435.

глашенію, и не любилъ дешево продавать свои услуги. Обѣщанное имъ содѣйствіе Россіи въ польскомъ дѣлѣ должно быть куплено союзнымъ трактатомъ русско-прусскимъ. Еще въ февралѣ 1763 года, кн. Долгоруковъ доносилъ изъ Берлина, что Фридрихъ II „нѣкоторую мысль имѣетъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ заключить такой союзъ, чтобъ отъ того могдо быть на долгое время спокойство во всей Европѣ“ [1]). Въ апрѣлѣ, прусскій король говоритъ русскому посланнику, что „такой союзный трактатъ не можетъ быть противенъ Ея императорскому величеству для того, что зная склонность, которую она имѣетъ къ миру и покою человѣческому, ничего къ тому столь поспѣшествовать не можетъ какъ такой союзъ“ [2]).

Союзъ съ Пруссіею Екатеринѣ лично былъ не противенъ; онъ былъ противенъ ея цѣлямъ укрѣпиться на престолѣ — союзъ этотъ напоминалъ бы всѣмъ союзъ Петра III, и Екатерина опасалась дурного впечатлѣнія на общество. Отсюда нерѣшительность, колебанія. Мало того: Екатерина смотрѣла на русско-прусскій союзъ, который ссорилъ ее съ Австріею, какъ на будущую уплату за услуги Пруссіи, которыя она оказала бы русскимъ видамъ въ Польшѣ и, потому, медлила заключеніемъ союза до избранія польскаго короля; Фридрихъ II же видѣлъ въ союзѣ задатокъ и не торопился съ своими услугами въ Польшѣ. Переговоры начались; прусскій посланникъ въ Петербургѣ торопитъ союзомъ, а русскій въ Берлинѣ вмѣшательствомъ Пруссіи въ польскія дѣла. За союзъ съ Россіею Фридрихъ обѣщаетъ Екатеринѣ устранить противодѣйствіе Турціи, принять всѣ мѣры къ избранію гр. Понятовскаго королемъ Польши: „Съ своей стороны — пишетъ Фридрихъ II отъ 1-го ноября 1763 г. — я не пощажу ничего, чтобъ смягчить и успокоить умы, чтобъ избраніе прошло спокойно, безъ пролитія крови, и заранѣе поздравляю Ваше императорское величество съ коро-

---

[1]) *Московскій Архивъ*, мин. иностр. дѣлъ; Прусскія дѣла 1763 года; *Мартенсъ*, V, 10; *Соловьевъ*, XXV, 323.

[2]) *Ibid.*, *Соловьевъ*, XXV, 324.

лемъ, котораго вы дадите Польшѣ“. Черезъ недѣлю, 7-го ноября, получивъ отъ Екатерины въ подарокъ нѣсколько астраханскихъ арбузовъ: „Велико разстояніе отъ астраханскихъ арбузовъ до избирательнаго сейма въ Польшѣ, но вы умѣете соединять все въ сферѣ своей дѣятельности: таже самая рука, которая раздаетъ арбузы, жалуетъ короны и хранитъ миръ въ Европѣ, за который я и всѣ заинтересованные въ дѣлахъ Польши вѣчно будутъ благословлять васъ“ [1]).

Союзъ былъ заключенъ только 31 марта 1764 года [2]). Россія и Пруссія, какъ договаривающіяся стороны, гарантировали другъ другу свои владѣнія и обѣщали оказывать помощь войсками въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ. Если Фридрихъ II воспользовался польскимъ вопросомъ для того, чтобъ добиться союза съ Россіею, то Екатерина воспользовалась этимъ союзомъ для закрѣпленія Пруссіи къ интересамъ Россіи въ Польшѣ: въ день подписанія трактата оборонительнаго союза была подписана и секретная конвенція относительно Польши, чѣмъ придавалось больше единства и силы совокупной политикѣ Россіи и Пруссіи въ польскихъ дѣлахъ. Четвертымъ секретнымъ артикуломъ союзнаго трактата „ея величество императрица всероссійская и его величество король прусскій взаимно сильнѣйшимъ образомъ обязались не только не дозволять, чтобъ кто либо предпріялъ лишить Польскую Республику ея права вольнаго избранія, и учинить себя въ оной самодержавнымъ, при какомъ бы то случаѣ ни было, но всевозможными способами и съ общаго согласія предупреждать и уничтожать всѣ клониться къ тому могущіе виды и намѣренія, какъ скоро только

---

1) *Сборникъ*, XX, 181, 184.

2) *Мартенсъ*, V, №№ 218 и 219, стр. 11 и 25. Депеша гр. *Сакена*, отъ 17 апрѣля: L'on m'avertit positivement de différentes côtés que l'expédition formelle de la signature du traité entre la Russie et la Prusse s'est faite mercredi dernier l'onze du mois. On a célebré la conclusion de cette alliance par un grand repas, que le Vice-Chancelier a donné samedi dernier, auquel hormis le ministère et quelques généraux, personne n'a été convié que le comte de Solms et son secrétaire d'ambassade M-r de Distel (*Дрезд. Архивъ* 1764, vol. I, № 31).

о томъ свѣдано будетъ, да употреблять въ случаѣ нужды силу оружія для охраненія Республики отъ опроверженія конституціи и фундаментальныхъ законовъ ея". Въ конвенціи, Россія и Пруссія условились не только добиться избранія въ польскіе короли лица, указаннаго Россіею, хотя бы для того потребовалось и вооруженное вмѣшательство, но и немедленно по избраніи торжественно признать избраннаго и объявить слѣдующую формальную декларацію: „Если изъ націи польской найдутся такіе люди, кои осмѣлились бы нарушить тишину въ Республикѣ, и произвесть конфедерацію противу ихъ короля законно избраннаго, то ея императорское величество всероссійское и его королевское величество прусское, признавая ихъ за непріятелей своему отечеству и возмутителей народнаго спокойствія, повелятъ войскамъ своимъ войти въ Польшу и поступать какъ съ ними самими, такъ и съ имѣніемъ ихъ со всякою военною строгостію безъ малѣйшей пощады"[1]).

Связанная по рукамъ и ногамъ поступала Польша въ распоряженіе сосѣдей, въ волю Россіи и Пруссіи; больше Россіи, чѣмъ Пруссіи[2]). Только въ надеждѣ на будущія преобразованія Рѣчи Посполитой[3]), безъ которыхъ она существовать не могла, „фамилія" согласилась съ Екате-

---

[1]) Рескриптъ гр. *Флемминга* гр. Сакену, отъ 12 мая: Je prie Votre Excellence de ne rien négliger pour connoître cet article séparé, par lequel les parties contractantes s'engagent à agir à forces réunies contre toute puissance qui entreprendroit de fomenter et de nourir en Pologne directement ou même indirectement par des secours d'argent une confédération contraire à leurs vues. Je doute encore de cet accord (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 11).

[2]) Въ силу арт. VI конвенціи, Россія принимаетъ на одну себя „потушить пламя" конфедераціи, причемъ Пруссія содѣйствуетъ только „негоціаціями и движеніями на границахъ войскъ своихъ". *Мартенсъ*, V, 28.

[3]) Гр. *Флеммингъ*, извѣщая гр. Сакена, что саксонскому министерству сообщена секретная статья русско-прусскаго союзнаго договора о сохраненіи въ цѣлости польской конституціи, прибавляетъ: Comment accorder cet article avec les projets que le parti Russe laisse déjà voir clairement à Varsovie de changer toute la constitution du royaume?. (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 13).

риною на избраніе гр. Станислава Понятовскаго королемъ; Екатерина же не только собирала свои вооруженныя силы, но и привлекала прусское оружіе для поддержанія въ Польшѣ анархіи. Но конвенція хранится въ тайнѣ, и фамилія усиленно помогаетъ русской императрицѣ окончательно сгубить Польшу.

Оградивъ себя союзомъ съ Пруссіею отъ Австріи и Саксоніи, Екатерина болѣе всего опасалась вмѣшательства Франціи. Собственно говоря, польскій вопросъ никогда не затрогивалъ интересовъ Франціи; но „ввязчивая" и шумная политика Людовика XV заставляла опасаться французскаго вмѣшательства чрезъ вліяніе, какимъ французскій дворъ пользовался не только въ Швеціи, гдѣ такъ вредилъ Россіи, но, что самое главное, въ Турціи. Въ совѣтѣ, созванномъ Людовикомъ XV по поводу предстоявшаго избранія польскаго короля, былъ читанъ подробный министерскій докладъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

„Надобно, прежде всего, изслѣдовать: имѣетъ-ли Франція политическій интересъ вмѣшиваться въ польскія дѣла? Одной отдаленности Польши отъ Франціи уже довольно, чтобъ рѣшить вопросъ отрицательно, во всякомъ случаѣ; нынѣшняя же система предписываетъ такое рѣшеніе еще настоятельнѣе. Напрасно говорятъ о раздѣлѣ Польши. Интересъ державъ, которыя могли бы произвести раздѣлъ, охраняетъ Польшу отъ этой опасности. Польша находится между Австріей, Пруссіей, Россіей и Турціей: эти четыре державы, смотрящія другъ на друга глазами зависти и соперничества, скорѣе охранители Польши, чѣмъ разрушители ея. Каждая изъ нихъ имѣетъ прямой и существенный интересъ защищать ее, потому что каждая болѣе всего опасается усиленія другой на счетъ Польши. Такимъ образомъ, Франція можетъ предоставить этимъ четыремъ державамъ заботу наблюдать за сохраненіемъ Польши. Раздѣлъ этого государства можетъ произойти только вслѣдствіе чрезвычайныхъ событій, послѣ кровопролитныхъ войнъ, въ которыхъ королю нѣтъ надобности принимать участія. Наконецъ, если даже предположить, вопреки всякаго вѣроятія, что

эти четыре державы согласятся между собою на счетъ раздѣла польскихъ земель, или, по какимъ нибудь чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, одна изъ этихъ державъ овладѣетъ какою нибудь польскою областью, то и въ такомъ случаѣ сомнительно еще, чтобъ такое событіе могло интересовать Францію. Въ настоящее время опасаются, чтобъ Россія и Пруссія не согласились между собою захватить пригодныя имъ польскія земли; но такой раздѣлъ будетъ равно противенъ интересамъ и Австріи, и Турціи, и въ этомъ случаѣ должно положиться на ихъ бдительность. Но если бы, по нерадѣнію, они не возмогли бы воспрепятствовать такому раздѣлу, то и въ этомъ крайнемъ случаѣ Франціи нечего тревожиться. Согласіе, еслибъ оно и установилось между Россіей и Пруссіей съ цѣлью увеличенія ихъ владѣній, не можетъ быть продолжительно. Это увеличеніе, приближая ихъ, заставитъ еще болѣе бояться другъ друга: оно возбудитъ между ними зависть, которая скоро перейдетъ во вражду, и эти двѣ державы сами собою образуютъ равновѣсіе силъ на сѣверо-востокѣ Европы. Раздѣлъ Польши — широкое поле, по которому могутъ разгуливать праздные мечтатели, но на которомъ мудрые политики не могутъ заблудиться. Надобно держаться простого, вѣрнаго и вѣроятнаго, и кажется достаточно доказано, что польскія революціи не касаются Франціи, что Франція можетъ получить отъ нихъ и выгоду и вредъ, равно отдаленные. Поэтому, можно заключить, что не существуетъ никакого прямого отношенія между Франціей и Польшей, а если и есть, то такое темное, невѣрное, зависящее отъ такихъ необыкновенныхъ и отдаленныхъ обстоятельствъ, что неразумно заниматься предпочтительно предъ другими вопросами, заслуживающими все вниманіе короля и его министерства и требующими издержекъ дѣйствительно полезныхъ и необходимыхъ для сохраненія французской монархіи. Не должно скрывать отъ себя, что если король рѣшится доставить польскій престолъ какому нибудь своему кандидату, то придется пожертвовать на это значительныя суммы. Издержки не ограничатся одними выборами — придется еще поддерживать выбраннаго. Такимъ образомъ,

предстоитъ опасность понапрасну пожертвовать достоинствомъ короля и деньгами для дѣла, успѣхъ котораго, при самыхъ сильныхъ средствахъ, по меньшей мѣрѣ очень невѣренъ. Притомъ нельзя поручиться, чтобы дѣло, вовсе не касающееся Франціи, не возбудило новыхъ волненій въ Европѣ и не воспламенило всеобщей войны, которую съ такимъ трудомъ потушили и возобновленія которой необходимо избѣгать"[1]).

Да, Франція не выставитъ своего кандидата — политическій урокъ, данный ей принцемъ де-Конти[2]), еще свѣжъ въ памяти у всѣхъ — но она будетъ поддерживать кандидата дружественныхъ ей странъ, Австріи и Саксоніи, она будетъ противодѣйствовать видамъ Россіи. Прямо — нѣтъ, но косвенно, чрезъ Константинополь.

Уже много лѣтъ Алексѣй Михайловичъ Обрѣзковъ состоитъ представителемъ русскихъ интересовъ при Портѣ. Онъ хорошо изучилъ турокъ, не разъ руководилъ диваномъ; онъ знаетъ цѣну и великимъ визирямъ, которыхъ уже нѣсколько смѣнилось при немъ, и постановленіямъ Порты, всегда руководимой интригами той или другой державы. Болѣе всего хлопотъ доставлялъ Обрѣзкову ханъ крымскій, данникъ и единовѣрецъ султана. Изъ Бахчисарая, еще болѣе изъ своей лѣтней резиденціи, изъ Каушанъ, въ Бессарабіи, ханъ присылалъ Портѣ всегда враждебныя Россіи донесенія, много мѣшавшія Обрѣзкову. Но и крымскаго хана сломилъ русскій посланникъ, добившись права имѣть русскаго консула[3]) въ Бахчисараѣ: на мѣстѣ, въ ханскомъ дворцѣ, консулу легче отражать интриги враговъ, происки поляковъ. Только интригъ французскаго посла при Портѣ Оттоманской, Верженна, не могъ побороть Обрѣзковъ, даже и при дѣятельной помощи прусскаго посланника Рексена. Порта уже выразила свое удовольствіе по поводу русско-прусскаго соглашенія по

---

[1]) Correspondance secrète de Louis XV, I, 288; *Saint-Priest*, Etudes diplomatiques, I, 73; *Соловьевъ*, XXV, 334.

[2]) *Бильбасовъ*, Польское безкоролевье, въ *Отечеств. Запискахъ*, CLXXXIV, 280.

[3]) *Сборникъ*, XLVIII, 436, 489, 509.

дѣламъ польскимъ, одобрила вполнѣ планъ избранія въ польскіе короли непремѣнно поляка, Пяста, какъ, въ іюнѣ 1764 года, Обрѣзкову была вручена великимъ визиремъ нота, въ формѣ декламаціи, слѣдующаго содержанія:

Оттоманская Порта, живо заинтересованая въ избраніи польскаго короля, вполнѣ согласна съ петербургскимъ дворомъ, что въ интересахъ сосѣднихъ Польшѣ державъ и для благополучія самой Рѣчи Посполитой необходимо желать и слѣдуетъ принять всѣ мѣры, чтобъ права и вольности польскія были ограждены и избраніе было произведено вполнѣ свободно. Порта съ удовольствіемъ освѣдомилась о соглашеніи Россіи и Пруссіи, по которому исключены всѣ иностранные кандидаты на польскій престолъ: и Порта желаетъ предоставить его природному поляку. Всякій Пястъ, предложенный для избранія въ короли Польской Республики, будетъ угоденъ Портѣ, за исключеніемъ только одного — графа Станислава Понятовскаго. Избраніе этого Пяста не будетъ признано Портою: онъ молодъ, неопытенъ и, что Портѣ представлялось наиболѣе вѣскимъ аргументомъ, онъ не женатъ. Брачные узы, заключенные послѣ избранія, могутъ послужить средствомъ усилить власть короля въ ущербъ польской независимости, возбудить безпокойство сосѣднихъ Польшѣ державъ и создать Портѣ въ будущемъ такія затрудненія, которыя она желала бы избѣжать. Впрочемъ, за этимъ, какъ Порта надѣется, незначительнымъ исключеніемъ, она предоставляетъ избирать любого Пяста и заранѣе согласна на выборъ, который будетъ сдѣланъ по соглашенію берлинскаго и петербургскаго дворовъ[1]).

---

[1]) *Москов. Архивъ* мин. иностр. дѣлъ; Дѣла турецкія 1764 года; *Соловьевъ*, XXVI, 64. Письмо *Беранже* Верженню, отъ 7 августа 1764 года: Il a été remis à Obreskow un mémoire en forme de déclaration dans lequel la Porte Ottomane après avoir dit qu'elle persiste à désirer que la couronne de Pologne soit placée sur la tête d'un Piaste quelconque, donne cependant l'exclusion à M-r Poniatowski dont elle insinue en termes honnêtes et nullement menaçantes qu'elle ne verrait point l'élection avec plaisir. Elle motive son sentiment sur ce que ce Polonais n'a ni l'expérience, ni l'âge convenable et principalement sur ce qu'il n'est point marié (*Париж. Архивъ*, Turquie, vol. 11, Supplem.).

Обрѣзковъ переслалъ ноту въ Петербургъ. Намекъ былъ слишкомъ грубъ и ясенъ. Нота произвела впечатлѣніе[1]). Порта высказывалась именно противъ того кандидата, который уже названъ Россіею. Было очевидно, что молодость и неопытность графа Станислава приведены лишь для отвода глазъ, и нота главнымъ образомъ создана сплетней, сообщенной Портѣ французскимъ посломъ въ Константинополѣ.

Вѣсть о томъ, что, въ случаѣ смерти Августа III, Екатерина рѣшилась возвести на польскій престолъ гр. Станислава Понятовскаго, давно уже ни для кого не была тайной. Какъ только наступило безкоролевье, начались противодѣйствія видамъ Россіи, стали отыскивать мотивы, руководившіе Екатериною при назначеніи кандидатомъ на польскій престолъ гр. Понятовскаго. Настоящихъ причинъ никто не зналъ; всякій останавливался на болѣе или менѣе вѣроятной догадкѣ. Многимъ казалось весьма вѣроятнымъ, что Екатерина проводитъ кандидатуру гр. Понятовскаго единственно имѣя въ виду выйти замужъ за короля польскаго[2]). Слухъ этотъ возникъ вслѣдъ за

Депеша гр. *Сакена,* отъ 3-го августа: La Porte a donnée à connaître au Ministre Russe qu'elle désire qu'un Piaste montât sur le trône de Pologne, mais que l'intention de Sa Hautesse n'avait jamais été que ce fut un Seigneur, qui n'étant point marié encore put épouser une princesse qui par l'assiette ou il seroit possible qu'elle se trouvât fourniroit les moyens les plus efficaces au futur roi d'augmenter son pouvoir aux dépens de la liberté Polonaise et de donner de la jalousie et des inquiétudes à tous les voisins du royaume de Pologne. La Porte Ottomane semble vouloir donner l'exclusion à M-r le Stolnik comte de Poniatowski à la future élection (*Дрезд. Архив,* 1764, vol. 1, № 64).

[1]) Je ne puis dire ce qui irrite le plus la Czarine ou de ne pouvoir douter que la connoissance de ses intrigues ait pénétré jusqu'au sérail ou de voir la tournure qu'on a prise pour ruiner ses desseins (Изъ письма *Беранже,*въ *Париж. Архивъ,* Turquie, vol. 11, Supplem.). La déclaration du Grand-Seigneur a été fort désagréable à l'Impératrice et Elle n'a pu se dissimuler à elle-même, combien cette résolution inattendue de la Porte peut contribuer á disconcerter tous ses projets (Изъ депеши гр. *Сакена,* въ *Дрезден.* Архивъ, 1764, vol. I, № 65).

[2]) Насколько догадка эта была распространена въ Европѣ можно судить и потому уже, что, послѣ избранія гр. Понятовскаго коро-

смертью Августа III, распространялся сперва тайно, но постоянно росъ и потомъ, передъ избирательнымъ сеймомъ, сообщался уже какъ несомнѣнный фактъ, въ видѣ угрозы, что вслѣдствіе такого брака Польша будетъ присоединена къ Россіи. Такая догадка высказывалась еще въ 1763 году[1]) и, вѣроятно, дѣлалась многими, но въ Петербургѣ не сомнѣвались, что турецкая нота была слѣдствіемъ интригъ французсаго посла въ Константинополѣ[2]).

лемъ, Вольтеръ привѣтствовалъ новаго короля стихотвореніемъ, оканчивавшимся слѣдуюшими строками:

Trop éloigné de sa personne
Je me borne à former des voeux:
On lui décerne une couronne,
Et je voudrais qu'il en eût denx.

[1]) Въ рескриптѣ отъ 24 ноября 1763 г., гр. *Флеммингъ* пишетъ гр. Сакену: N'oubliez point de faire adroitement parvenir à M-r Orloff le bruit, qui se répand sourdement, que l'Impératrice ne désire de faire couronner le Stolnik Poniatowski, que dans le dessein de l'épouser ensuite avec bienséance. (*Дрезден. Архивъ.* 1763, vol. I, №. 1). Любопытенъ отвѣтъ гр. *Сакена*: L'Impératrice a un ascendant si marqué sur l'ésprit de M-r Orlow, qu'elle lui fait accroire tout ce que bon lui semble. C'est peine perdue que de vouloir faire revenir par son canal Sa Majesté Impériale des idées qu'elle s'est mise en tête. Elle a su lui dissiper tous les sujets de crainte, qu'on a cherché de faire naître à ce comte sur la faveur et la prédilection, qu'elle marque au comte de Poniatowski: tantôt il est persuadé que l'intention de sa souveraine n'est pas de placer M. de Stolnik sur le trône de Pologne, tantôt il se figure, que, quand même et au pis aller le premier favori de l'Impératrice parviendroit à la couronne, sa nouvelle dignité royale l'éloigneroit pour jamais de la personne de l'Impératrice, dont ce comte d'Orlow est à ce qu'on m'a assuré, extraordinairement épris. Sa Majesté Impériale a beaucoup de déférence pour ses sollicitations (*Ibid.*, 1764, vol. I, № 25). Гр. Сакенъ прямо говоритъ, что слухъ объ этомъ бракѣ измышленъ „врагами императрицы“: Les ennemies de l'Impératrice débitent sous mains, que cette Souveraine, méditant peut-être de se marier avec M-r le comte Poniatowski, élu roi de Pologne, etc. *Ibid.*, Apostille I, ad № 55).

[2]) Письмо *Беранже*, отъ 7 августа 1764 года: Cette déclaration de la Porte est le crime de la France dans l'opinion publique et vous jugez bien que ma situation n'en devient pas plus agréable (*Парижс. Архивъ*, Turquie, vol. 11, Supplem.). Беранже сообщаетъ при этомъ своему коллегѣ, Верженню, свои свѣдѣнія о лицахъ, интриговавшихъ при Портѣ: Des avis secrets me disent qu'une personne d'ici qu'on n'a point voulu me nommer a imbu la Porte de l'idée du mariage

Одна только „фамилія“, только одни Чарторыйскіе предвидѣли, что враги ихъ могутъ вполнѣ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ аргументомъ противъ кандидатуры гр. Понятовскаго, и совѣтовали ему дать обязательство, при избраніи, жениться и именно на католичкѣ. Понятовскій отказывался; начались переговоры, возникла переписка, причемъ гр. Станиславъ соглашался лучше отказаться отъ польской короны, чѣмъ связать себя обязательствомъ женитьбы[1]). По его мнѣнію, въ женитьбѣ не было надобности и потому уже, что королевская власть въ Польшѣ не наслѣдственна. Онъ упускалъ изъ вида, что „фамилія“ хлопочетъ сдѣлать эту власть наслѣдственною и что враги „фамиліи“ могутъ угрожать будущимъ бракомъ, что̀ и случилось.

Необходимо было, прежде всего, обезвредить сплетню на столько, чтобъ она не могла оказать свое вліяніе на предстоящіе выборы. Въ Варшаву поскакалъ курьеръ. Графу Понятовскому было сообщено, что, по мнѣнію русскаго двора, „въ виду настоящаго положенія дѣлъ и опасеній, внушенныхъ Портѣ относительно брака, въ который онъ можетъ вступить по восшествіи на польскій престолъ, необходимо, чтобъ онъ обручился или обвѣнчался немедленно, до открытія избирательнаго сейма“[2]).

---

de l'Impératrice avec M-r Poniatowski. Selon d'autres avis le Roi de Prusse lui-même en haine de ce Polonais a manoeuvré sourdement à la Porte pour le faire exclure et attirer un contretemps à la Russie dont on dit qu'il ne partage point sincérement ni le vues, ni les affections (*Ibid.*).

[1]) Позже, въ своихъ „Запискахъ“, гр. Понятовскій писалъ объ этомъ времени: La pensée qui m'occupa le plus ce fut, que tôt ou tard, l'Impératrice pourrait penser à m'épouser, si je devenais roi; et si je ne devenais pas, cela ne serait jamais. Позже, уже послѣ перваго раздѣла Польши, онъ писалъ, что ему слѣдовало бы прямо заявить: Je ne veux devenir roi, que si j'ai la certitude d'épouser l'Impératrice, car sans l'Impératrice la couronne n'a point d'appât pour moi. Этимъ гр. Понятовскій только подтвердилъ, что всѣ „Записки“ пишутся для обмана себя и другихъ: передъ избраніемъ онъ далъ обязательство жениться „не иначе, какъ на католичкѣ“ слѣдовательно, польская корона и „безъ императрицы“ соблазняла его (*Mémoires*, 39).

[2]) Депеша гр. *Сакена*, отъ 8 августа, въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 65; письмо *Беранже* къ Верженнь въ Константинополь,

Фамилія торжествовала: къ ея настояніямъ, чтобъ избираемый изъ фамиліи король уничтожилъ фактическое препятствіе къ преобразованію Польской Республики въ наслѣдственную монархію, присоединялось теперь категорическое заявленіе императрицы. Опять начались споры, на этосъ разъ уже не долгіе, такъ какъ времени терять было нельзя, и согласились на компромиссѣ весьма удачномъ; въ условіе договора избранія была внесена статья, по которой „король обязуется не вступать въ бракъ иначе какъ съ согласія польскаго сейма или сената, соглашается жениться не иначе какъ на католичкѣ и обѣщаетъ предпочесть особу польскаго происхожденія“[1])

Русскія войска вступили въ Польшу для охраны права „свободнаго“ избранія. Уже въ маѣ, на конвокаціонномъ сеймѣ, русскіе стояли лагеремъ въ Уяздовѣ и на Солцѣ. Коронный гетманъ гр. Браницкій и виленскій воевода кн. Радзивиллъ протестовали противъ появленія чужестранныхъ войскъ и удалились съ своими отрядами изъ Варшавы: кн. Радзивиллъ былъ разбитъ русскими подъ Слонимомъ и бѣжалъ въ Молдавію; гр. Браницкій, преслѣдуемый русскими, бѣжалъ въ Венгрію[2]). Русскіе штыки окончательно охранили польскую свободу: 16-го августа тихо начался избирательный сеймъ и 26-го тихо кончился — стольникъ литовскій графъ Станиславъ Понятовскій былъ избранъ безъ малѣйшаго прекословія, такъ какъ некому уже было прекословить[3]).

отъ 7 августа, въ *Париж. Архивѣ*, Turquie, vol. 11, Supplem. Беранже прибавляетъ: L'Impératrice se flatte qué la publicité de cette démarche arrêtera l'impression qui doit résulter du bruit de son projet de mariage.

[1]) Par les *Pacta conventa,* dont nous avons reçus une copie, le roi promet de ne se marier que de l'avis de la République assemblée en diéte ou du sénat et de n'épouser qu'une personne catholique, soit de naissance, soit par vocation; il promet de plus de préférer celle qui sera issue de sang Polonois. Изъ рескрипта гр. *Флемминга* гр. Сакену, отъ 9-го октября 1764 г., въ *Дрезд. Архивѣ*, vol. I, № 30.

[2]) Письмо гр. *Флемминга* отъ 21 іюня, въ *Дрезд. Архивѣ*, 1764, vol. I, № 21.

[3]) Изъ „Записокъ“ Понятовскаго: L.élection fut parfaitement unanime et si tranquille, que nombre le dames se trouvérent présentes

„Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали“ [1]), писала Екатерина Панину, получивъ извѣстіе объ избраніи Станислава-Августа. Въ этомъ „мы“ — и восторгъ успѣха, и политическая программа, отъ которой Екатерина никогда уже не отступитъ. Труденъ только первый шагъ. Екатерина сдѣлала его сознательно. Она не могла, конечно, знать, къ чему обяжетъ ее этотъ первый шагъ въ ближайшемъ будущемъ, но конечная его цѣль была ей ясна: Россія влечется на Западъ, а Польша, какъ преграда этому историческому движенію, существовать не можетъ.

---

sur le champ électoral... Il y avait environ 25,000 personnes, dont aucune n'éleva la voix contre moi. *Mémoires*, 42; *Raumer*, 362, *Соловьевъ*, XXVI, 65.

[1]) *Госуд. Архивъ*, V, 94; *Сборникъ*, VII, 373.

XXI.

Въ Курляндіи — „свой герцогъ", въ Польшѣ — „король, котораго мы дѣлали". Екатерина стоитъ твердою ногою на западныхъ окраинахъ, куда тянуло Петра В., куда тяготѣетъ историческое развитіе Россіи. По западной границѣ имперіи заложены уже начатки великихъ дѣлъ въ будущемъ. Въ настоящемъ, Екатерина чувствуетъ и сознаетъ себя вполнѣ утвердившеюся на престолѣ. Не прошло еще и двухъ лѣтъ по воцареніи, а Екатерина покидаетъ уже столицу и спокойно ѣдетъ въ Прибалтійскій край въ то именно время, когда разрѣшается важный для Россіи вопросъ объ избраніи польскаго короля, и не торопится возвращеніемъ, даже получивъ извѣстіе о бунтѣ шлюссельбургскомъ[1]). Екатерина хотѣла, какъ казалось, показать и Россіи, своимъ подданнымъ, и всей Европѣ, устремляющей уже глаза на „эту ангальтинку", распоряжающуюся тронами сосѣднихъ земель, что она не опасается никакихъ заговоровъ[2]) и ни откуда не ожидаетъ противленія своей власти.

---

[1]) Первоначально Екатерина предполагала употребить на путешествіе не болѣе трехъ недѣль. Она выѣхала изъ Петербурга 20-го іюня и писала Панину изъ Ревеля, отъ 26-го іюня: „Я надѣюсь къ 12 іюля къ вамъ быть" (*Сборникъ*, VII, 362). Первое извѣстіе о шлюссельбургскомъ бунтѣ она получила въ Ригѣ, 9-го іюля, утромъ, послѣ чего оставалась тамъ еще семь дней и, выѣхавъ изъ Риги 15-го іюля, только 25-го возвратилась въ Петергофъ. *Камеръфурьер. журн.* за 1764 годъ.

[2]) Депеша гр. *Сакена* отъ 14-го октября: L'Impératrice n'a pu avoir d'autre motif de pousuivre son voyage en Livonie, que pour en

Вѣсть о противленіи явилась, однако, и пришла откуда менѣе всего можно было ожидать — съ юга Россіи. Не крымскій ханъ выпустилъ свои орды на украинскую линію, не Порту возставили противъ Россіи ея западные враги — Малороссія недовольна, среди малороссовъ броженіе, и во главѣ недовольныхъ называютъ личнаго друга Екатерины, перваго слугу ея, вѣрнѣйшаго изъ подданныхъ, гетмана гр. К. Г. Разумовскаго, такъ много потрудившагося для возведенія ея на престолъ.

Депешей отъ 17 апрѣля 1764 года, прусскій посланникъ графъ Сольмсъ извѣщалъ Фридриха II, что онъ сообщилъ Н. И. Панину полученныя прусскимъ королемъ извѣстія о готовящемся въ Россіи заговорѣ. „Панинъ вполнѣ оцѣнилъ этотъ знакъ пріязни Вашего Величества къ Ея Императорскому Величеству и былъ очень благодаренъ за довѣріе Вашего Величества къ нему лично", писалъ гр. Сольмсъ; и прибавлялъ: „Что же касается самого извѣстія, Панинъ тотчасъ же догадался о чемъ идетъ рѣчь и объяснилъ мнѣ, смѣясь, весь этотъ заговоръ. По его словамъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ императрица получила свѣдѣнія, что именно онъ, Панинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, затѣваютъ заговоръ съ цѣлью низвергнуть императрицу и возвести на престолъ великаго князя и что этотъ заговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе во время путешествія императрицы въ Лифляндію. Ея Императорское Величество была, однако, на столько великодушна, что съ негодованіемъ отвергла подобное извѣстіе и не лишила своей милости тѣхъ лицъ, которыя были названы ей, какъ заговорщики"[1]).

---

imposer à ses sujets et pour leur annoncer par ces dehors courageux, qu'elle étoit assise sur le trône de Russie avec une sureté inébranlable et pour faire accroire aux puissances étrangères, que même de secousses de cette espèce ne l'engageroient pas de faire le moindre changement dans un voyage qu'elle n'avoit entreprise que pour se divertir, d'où ces puissances pouvoient conclure, qu'elle étoit à l'abri de toute révolution et que son courage héroique étoit au-dessus de tous événements (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 76.)

[1]) *Берлин. Архивъ*, XI, P. S, à la dépêche № 123; *Приложенія*, III, 4,

Спустя полгода, саксонскій посланникъ графъ Сакенъ, въ депешѣ отъ 21-го сентября, сообщалъ своему министру, графу Флеммингу: „Здѣсь передаютъ по секрету, будто гр. Орловъ будетъ сдѣланъ гетманомъ, на мѣсто гр. Разумовскаго, который оставляетъ этотъ важный постъ, сохраняя содержаніе, равное доходамъ, которыми онъ пользовался въ званіи гетмана. Еслибъ гр. Разумовскій былъ способенъ понять дѣлаемую имъ ошибку и ту зависимость, въ которую онъ тѣмъ поставитъ себя, онъ предпочелъ бы довести дѣло до послѣдней крайности, прежде чѣмъ добровольно соглашаться на такую перемѣну. Императрица, ставя во главѣ казаковъ человѣка вполнѣ преданнаго ея интересамъ и вполнѣ послушнаго ея приказаніямъ, укрѣпляетъ за собою, на всякій случай, помощь народа могучаго и воинственнаго“[1])

Панинъ, въ разговорѣ съ представителемъ иностранной державы, могъ относиться иронически къ извѣстію о слухѣ, будто онъ и гр. Разумовскій замышляютъ свергнуть Екатерину съ престола; графъ Сакенъ могъ не имѣть точнаго понятія о званіи гетмана, о положеніи казаковъ; но Екатерина знаетъ цѣну Малороссіи, высоко ставитъ военныя услуги казаковъ и въ своихъ политическихъ мечтаніяхъ часто останаливаетъ взоръ на югѣ Россіи.

Было время, когда „восточный вопросъ“ еще не народился, когда турки понимались всѣми за турокъ и христіанская Европа видѣла въ Россіи свою будущую избавительницу отъ мусульманской Турціи. Было время, когда Европа униженно просила Россію взять Константинополь и прогнать турокъ въ Азію.

---

[1]) On se dit à l'oreille, que M-r le comte d'Orlow sera fait Hetman à la place du M-r le comte de Rasumowski et que celui-ci quittera ce poste importante contre des avantages équivalents aux revenus, dont-il jouit en qualité de Hetman. Si M-r de Rasumowski étoit un homme, qui fut propre à sentir le faux pas qu'il va faire et la dépendance dans laquelle il va se plonger, il aimeroit mieux d'attendre toutes sortes d'extrémités, que paroître de s'y prêter de propre mouvement. L'Impératrice s'assure de cette manière à tout évènement des cosaques, nation si puissante et guerrière, en mettant à leur tête un homme tout dévoué à ses intérêts et à ses ordres. *Дрезден. Архивъ,* 1764, vol. I, № 78.

Вскорѣ послѣ разгрома турокъ польскимъ королемъ Яномъ Собѣсскимъ подъ Вѣною, въ маѣ 1684 года прибыли въ Москву послы императора. Въ присутствіи правительницы Софіи, посолъ баронъ Блумбергъ произнесъ рѣчь[1]) къ Іоанну и Петру, которому было тогда 12 лѣтъ. Посолъ доказывалъ, что пораженіе подъ Вѣной нанесло такую рану Турціи, отъ которой она не излѣчится уже никогда и совѣтовалъ царямъ-братьямъ воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ. „Черное море — говорилъ посолъ — страстно желаетъ принять васъ въ свои распростертыя обьятія; вся Греція и Азія ожидаютъ васъ... Какъ прежде Россіи трудно было стать твердою ногою въ Крыму, такъ въ настоящее время вамъ легко это исполнить. Настало время подчинить вашему господству эту хищную птицу и заставить этихъ душегубцевъ подпасть вашей коронѣ... Возьмите Константинополь, въ которомъ долженъ находиться престолъ вашихъ патріарховъ“[2]).

Спустя двѣсти лѣтъ, читаешь эти строки съ какимъ-то невольнымъ недовѣріемъ[3]); съ иными чувствами слушала разсказъ объ этомъ посольствѣ Екатерина. Она слышала, какъ фаворитъ царевны Софіи, „великій“ Голицынъ два раза ходилъ на крымскихъ татаръ и оба раза безуспѣшно, хотя и сталъ гетманомъ казаковъ; она знала, какъ Петръ В., прорубая дорогу къ Черному морю, два раза осаждалъ Азовъ, воевалъ съ Турціею и навсегда уничтожилъ „поминки“ крымскому хану. Екатерина понимала, что пробитую Петромъ просѣку къ Черному морю

---

[1]) Oraison que le 28 may la grande députation impériale fit en langue latine aux grands ducs de Moscovie par la bouche du baron Blomberg.

[2]) Combattez pour la croix de Jesus Christ, marchez en avant, afin que ces impies soient exterminer. Prenez Constantinople où vos patriarches doivent avoir le siège.

[3]) Въ „Памятникахъ“ (VI, 104, 199) сказано, что въ маѣ 1684 года послами отъ императора были „Яганъ Христофоръ волной баронъ съ Жирова Жировскій и Севастьянъ волной баронъ съ Блюмберка“, причемъ приведены рѣчи каждаго изъ пословъ, но совершенно разнаго содержанія.

можно было обратить въ торную дорогу только при помощи запорожцевъ, сдерживавшихъ крымскаго хана, данника Турціи, отъ набѣговъ на Украйну. Эти „витязи христіанства“, какъ титуловали запорожцевъ московскіе цари, эти „рыцари“, по словамъ Густава-Адольфа, составляли военный орденъ, передовой военный постъ, защищавшій русскую землю отъ натиска татарской орды. Малороссійскіе казаки, засѣвшіе на нижнемъ Днѣпрѣ, за порогами, добровольно обрекли себя на жизнь полную всевозможныхъ отреченій и тяжкихъ мукъ, лишь бы защитить свою родину, свою дорогую Украйну, отъ бусурманскихъ татаръ[1]). Это была вполнѣ свободная военная община, образовавшаяся первоначально изъ малороссійскихъ казаковъ, но доступная всякому, „и стиглому, и сбѣглому“. Запорожская Сѣчь оказала Россіи государственную услугу, и окончивъ свою историческую миссію, потеряла смыслъ своего политическаго бытія, свою raison d'être, являясь уже какъ бы государствомъ въ государствѣ. Въ началѣ XVIII вѣка, когда запорожцы взяли сторону шведовъ, а малороссійскій гетманъ Мазепа измѣнилъ Россіи, Петръ I разрушилъ Сѣчь Запорожскую, учредилъ малороссійскую коллегію и рѣшился не возстановлять гетманства по смерти Скоропадскаго. Оно, однако, было возстановлено[2]), и малороссійскій гетманъ явился въ числѣ первыхъ пособниковъ Екатерины при ея воцареніи. Это не былъ гетманъ стараго времени, властительный глава „могучихъ и воинственныхъ“ казаковъ, неограниченный правитель Малороссіи — это былъ только почетный ти-

---

[1]) *Ригельманъ*, Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи, Москва 1847, I, 17; VI, 67, 69, 81 sqq.; *Марковичъ*, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, стр. 32, 33; *Марковичъ*, 23.

[2]) 16-го Мая 1722 года была учреждена въ Глуховѣ малороссійская коллегія, съ преобладающимъ русскимъ элементомъ; она была открыта уже по смерти Скоропадскаго и первымъ ея президентомъ былъ С. Л. Вельяминовъ. Съ 1722 по 1728 годъ гетмана вовсе не было; 9-го сентября 1728 года гетманомъ сталъ Данила Апостолъ, при которомъ, кромѣ малороссійской коллегіи, находились „великороссійскія знатныя особы“. Со смерти Апостола, въ 1734 году, до 1750 года опять не было гетмана. Указомъ 5-го іюня 1750 года гетманомъ Малороссіи назначенъ гр. К. Г. Разумовскій.

тулъ, приносившій большіе доходы; это не былъ ни Сагайдачный, ни Хмѣльницкій или Брюховецкій, ни даже Скоропадскій — это былъ царедворецъ графъ К. Г. Разумовскій.

Съ самаго воцаренія Екатерина смотрѣла на Малороссію, какъ на область обособленную отъ имперіи своимъ малороссійскимъ правомъ, особымъ устройствомъ, какою-то врожденною непріязнью къ русскимъ. Она признавала необходимымъ „разобрать и раздѣлить le gouvernement militaire d'avec le civile souverainement confondu dans cette province"; ей была противна „сокровенная ненависть тамошняго народа противъ здѣшняго, который опять, съ своей стороны, пріобыкъ оказывать не непримѣтное къ малоросіянамъ презрѣніе"; она была противъ самого гетманскаго званія, „для того что по многимъ и важнымъ политическимъ уваженіямъ гетманское въ Малой Россіи правленіе въ разсужденіи существа своего и опытовъ прошедшихъ временъ съ интересомъ государственнымъ весьма не сходно", такъ не сходно, что Екатерина желала, „чтобъ на вѣки и имя гетмановъ изчезло"[1]). Екатерина многимъ однако, обязана гетману Разумовскому; она не хочетъ обидѣть человѣка, вполнѣ ей преданнаго, и должна выжидать приличнаго случая. Случай скоро представился.

Въ іюнѣ 1763 года, по окончаніи въ Москвѣ коронаціонныхъ празднествъ, императрица уѣхала въ Петербургъ, гетманъ — въ свой Глуховъ. Онъ нашелъ казаковъ въ большомъ возбужденіи: новороссійскій губернаторъ Мельгуновъ вербуетъ людей во вновь формируемый елизаветинскій пикинерный полкъ, казаки противятся, ропщутъ; были уже стычки между новобранцами и гетманскими казаками, которые сожалѣютъ о своихъ старинныхъ правахъ, вспоминаютъ прежнія вольности[2]). Осенью пришло распоряженіе о записи малороссіянъ въ одно-

---

[1]) Екатерина съ самаго вступленія на престолъ занималась „гетманскимъ дѣломъ". *Архивъ Сената*, т. 106, л. 123; Приложенія, I, 31; *Госуд. Архивъ*, X, 10; *Русск. Архивъ*, 1863, 189 (433); *Сборникъ*, VII, 348, 390; *Соловьевъ*, XXVI, 44.

[2]) *Марковичъ*, II, 653; *Васильчиковъ*, I, 313.

дворцы[1]) — опять новость, прежде неизвѣстная Малороссіи, объ осѣдлости малороссійскаго посполитаго народа, о записи малороссіянъ въ цехи, въ купечество и въ государственные крестьяне, объ уничтоженіи пороховыхъ заводовъ въ Малороссіи и объ отпускѣ пороха изъ Москвы[2]). Все это были нововведенія, нарушавшія старину, и поэтому, раздражавшія казаковъ. Гетманъ хотѣлъ воспользоваться этимъ раздраженіемъ въ своихъ личныхъ интересахъ.

Въ Глуховѣ находились въ то время всѣ малороссійскіе чины, созванные гетманомъ на генеральное собраніе. Когда занятія собранія приходили уже къ концу, нѣкоторые старшины и полковники, сторонники гетмана, стали поговаривать о необходимости сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ въ родѣ графовъ Разумовскихъ. Эта была новость, противорѣчившая всему прошлому Малороссіи, никогда незнавшей никакой династіи, всегда опредѣлявшей гетмановъ по свободному избранію. Начались споры, протесты, разныя „пропозиціи", и были выработаны 23 пункта, на основаніи которыхъ была составлена челобитная на имя императрицы. Послали челобитную въ Кіевъ, узнать мнѣніе и, если можно, заручиться подписями архимандрита кіево-печерской лавры Зосимы Валькевича и кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго. О. Зосима на-отрѣзъ отказалъ, а митрополитъ Арсеній прибавилъ еще; „кажется гетману и тою милостію, которую имѣетъ, довольнымъ быть должно". Гр. К. Г. Разумовскій не былъ, однако, доволенъ. Не смотря на кіевскую неудачу, онъ вновь созвалъ въ Глуховъ генеральное собраніе, которому была предложена челобитная для подписанія. Старшины всѣ, кромѣ генеральнаго писаря Туманскаго, отказались подписать: но полковники подписали всѣ, кромѣ черниговскаго Милорадовича, всѣ бунчуковые товарищи, кромѣ Иваненки, всѣ полковые старшины, сотники и прочіе полковые чины. Челобитная была отправлена въ Петербургъ[3]).

---

[1]) *Архивъ Сената*, т. 107, л. 363; *П. С. З.*, № 11911; № 12153.

[2]) *Архивъ Сената*, т. 107, л. 373; т. 109, л. 16; *П. С. З.*, №№ 11915, 11987, 12018 и 12143.

[3]) *Марковичъ*, II, 653.

Въ прежнее время, сказано въ челобитной, съ Богдана Хмѣльницкаго, въ гетманы выбирались все новыя лица, вслѣдствіе чего были безпорядки; поэтому, подписавшіеся нашли полезнымъ, „какъ для ненарушимой цѣлости высокихъ Ея императорскаго величества и всей Имперіи интересовъ, такъ и для всегдашняго утвержденныхъ Малороссійскихъ правъ, вольностей и привиллегій сохраненія, и для избѣжанія народу разорительныхъ трудностей, имѣть гетмана всегда отъ такой фамиліи, которая въ непоколебимой своей ко всероссійскому престолу вѣрности болѣе другихъ утверждена“. Графъ Кирилла Разумовскій гетманствуетъ уже 14-ть лѣтъ; у него большія земли въ Малороссіи, обязанной ему столь многимъ; несомнѣнно, что сыновья, „которые столь благородно воспитуются“, будутъ подражать отцу. „Того ради на усердное сіе общее желаніе просятъ Молороссійскіе чины явить монаршее благоволеніе и утвердить указами дозволеніе избрать послѣ нынѣшняго гетмана достойнѣйшаго изъ сыновей его, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и самъ гетманъ, къ прославленію премудраго царствованія Ея императорскаго величества, умноженію славы и пользы всей Имперіи и непоколебимой вѣрности Малороссійскаго народа, при утвержденныхъ правахъ, вольностяхъ и привиллегіяхъ“ [1]).

Съ этою челобитной „на вѣки и имя гетмановъ изчезло“. Вслѣдъ за челобитною, въ концѣ января 1764 года, прибылъ въ Петербургъ гр. К. Г. Разумовскій и былъ очень холодно принятъ императрицей [2]). Хитрый малороссъ [3]) сталъ объяснять немилость императрицы интригами гр. Г. Г. Орлова, желающаго будто бы стать гетманомъ [4]).

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, разр. XIII: *Соловьевъ*, XXV, 299; *Васильчиковъ*, I, 316.

[2]) Депеша гр. *Букингэма*, отъ 12 февраля, въ *Сборникѣ*, XII, 160.

[3]) „Какъ кажется, графъ Кирилла Григорьевичъ и не подозрѣвалъ, что дѣйствія его возбудили неудовольствіе въ Петербургѣ“, говоритъ его біографъ (*Васильчиковъ*, I, 317). У *Бантыша-Каменскаго* приведены примѣры изъ жизни гр. К. Г. Разумовскаго, непозволяющіе считать его такимъ наивнымъ (IV, 269).

[4]) Депеша гр. *Сакена*, отъ 21 сентября, въ *Дрезден. Архивѣ*, 1754, vol. I, № 78.

Слухъ объ этомъ дошелъ до Екатерины и она опровергла его письмомъ къ Ольсуфьеву[1]) отъ 17-го февраля:

„Адамъ Васильевичъ!

„Дайте, пожалуй, разнымъ людямъ прочесть и сами „раскажите друзьямъ своимъ произхожденіе гетманскаго „дѣла, его поведеніе въ Малороссіи, какъ я два мѣсяца „о томъ знала, какъ не вѣрила, наконецъ, какъ позвала „Неплюева, Панина, Шаховскаго, васъ и вице-канцлера, „какъ мы вообще всѣ согласны были на то, чтобъ Па„нинъ и Голицынъ къ нему поѣхали для разтолкованія „гетману непорядочныхъ его поведеній, и какъ наконецъ „онъ самъ узналъ и они ему совѣтовали, дабы изъ этого „съ честью выйтить, что индѣ дороги нѣтъ, какъ только „просить о увольненіи отъ той должности. А нынѣ въ „Петербургѣ иные говорятъ, будто то все происходитъ „отъ гоненія на гетмана графа Григорья Григорьевича „Орлова, и вамъ лучше всего извѣстно, сколь то ложно „выдумано.

„*Екатерина*."

Только въ октябрѣ, послѣ долгихъ переговоровъ и обсужденій, такъ раздражавшихъ императрицу[2]), гетманъ подалъ въ отставку[3]). 10-го ноября особымъ манифестомъ

---

[1]) *Русск. Архивъ*, 1863, 184 (427).

[2]) Это видно изъ ея писемъ къ А. В. Олсуфьеву (*Русск. Архивъ* 1863, 182, 185, 189, 193) и Н. И. Панину (*Сборникъ*, VII, 358, 375; *Чтенія*, 1863, II, 68, 70).

[3]) При отставкѣ онъ получилъ въ пенсію содержаніе гетманское въ 50,000 руб. и 10,000 руб. изъ малороссійскихъ доходовъ, городъ Гадячъ съ селами и деревнями, Быковскую волость и домъ въ Батуринѣ (*Ригельманъ*, Повѣств. о Малой Россіи IV, 22; *Бантышъ-Каменскій*, IV, 268; *Васильчиковъ*, I, 320). Спеціалистъ по исторіи Малороссіи, А. *Лазаревскій*, въ статьѣ „Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ", въ главѣ о сотникахъ, такъ оцѣниваетъ послѣдняго гетмана: „Вообще, управленіе Разумовскаго было для Малороссіи тягостнѣе управленія всѣхъ его предшественниковъ, хотя, быть можетъ, послѣдній гетманъ былъ лучшимъ человѣкомъ изъ всего ряда ея правителей XVIII вѣка. Не смотря на свое происхожденіе, Разумовскій не зналъ больныхъ мѣстъ своей родины и непосредственное завѣдываніе краемъ ввѣрилъ той самой старшинѣ, которую, въ стремленіяхъ ея къ окончательному порабощенію народа, могъ

учреждена „для надлежащаго Малой Россіи управленія“ Малороссійская Коллегія; президентомъ ея, „какъ генералъ-губернаторомъ“, назначенъ гр. П. А. Румянцевъ[1]).

Въ ноябрѣ же, Екатерина дала гр. Румянцеву секретную инструкцію[2]), въ которой совѣтуетъ ему „имѣть и волчьи зубы, и лисій хвостъ“. Изъ этой инструкціи видно, до какой степени Екатерина была недовольна малороссійскими порядками: „Вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройства, несообразимое смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ, отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происходящія; въ судѣ и разправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привиллегій и вольностей узаконеніе, а настоящихъ частое и великое во зло употребленіе, весьма вредныя какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ съ мѣста на мѣсто переходы; закоснѣлая почти во всемъ народѣ къ землеДѣлію и къ другимъ полезнымъ трудамъ лѣность и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ великороссійскаго ненависть, представляютъ вамъ весьма пространную для рачительнаго наблюденія и старанія вашего матерію“. Все ей не нравилось въ Малороссіи: и духовенство, простирающее „иногда власть свою духовную надъ мірскою“, и поспо-

---

сдерживать только суровый надзоръ великорусскихъ чиновниковъ. При Разумовскомъ старшина окончательно взяла верхъ и, пользуясь родственными связями съ гетманомъ, спѣшила забирать оставшіяся еще свободными села, „въ *вѣчное и потомственное свое и наслѣдниковъ своихъ* владѣніе“ (прежде маетности давались просто „во владѣніе“). Закрѣпощеніе крестьянъ, узаконенное черезъ двадцать лѣтъ послѣ гетманства Разумовскаго, было логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ отношеній старшины къ народу, которыя окончательно установились при Разумовскомъ“. *Русск. Архивъ,* 1873, I, 383.

[1]) *Архивъ Сената*, т. 112, л. 225; *Чтеніе*, 1847, IX, 22; *П. С. З.*, № 12277.

[2]) *Сборникъ,* VII, 376. Эта инструкція составлена А. В. Олсуфьевымъ по точнымъ указаніямъ Екатерины въ собственноручномъ къ нему письмѣ отъ 30-го октября, причемъ рекомендованы и „нѣкоторыя примѣчанія о сей провинціи, мною сдѣланныя“ (*Русск. Архивъ,* 1863, 189).

литые люди, опасающіеся „подушнаго оклада"; она негодуетъ, что отъ Малоросіи „въ казну государственныхъ доходовъ никакихъ нѣтъ", ей ненравятся „землевладѣльцевъ съ мѣста на мѣсто переходы".

Но болѣе всего Екатерина негодуетъ на взаимную ненависть малороссовъ и великороссовъ: она объясняетъ это „корыстолюбивымъ своевольствомъ старшинъ", возстановляющихъ простой народъ изъ опасенія, что при русскихъ порядкахъ уменьшатся ихъ личные поборы. Екатеринѣ нужны не старшины — они только препятствуютъ ея видамъ; ей нуженъ простой народъ, тѣ „могучіе и воинственные" казаки, которые скоро очистятъ ей дорогу къ Черному Морю, вытолкнутъ крымскаго хана изъ Тавриды и дадутъ ей возможность принести Россіи „свое приданіе"[1]), въ видѣ присоединенія Крыма.

Ироническій смѣхъ Панина былъ лучшимъ отвѣтомъ прусскому королю на его безпокойство: Екатерина такъ уже укрѣпилась на престолѣ, что всякій слухъ о противленіи ея власти[2]) могъ вызвать только улыбку на устахъ людей, близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи[3]).

---

[1]) Извѣщая императора Іосифа II о заключенной съ Турціею конвенціи по поводу присоединенія Крыма Екатерина, въ письмѣ отъ 24 февраля 1784 года, прибавляла: Les provinces et les îles qui passent sous la domination de l'Empire de Russie forment ma dot (*Arneth,* 221).

[2]) Иностранцы не переставали, однако, сообщать самые нелѣпые слухи. Въ депешѣ гр. *Сакена,* отъ 27-го марта 1764 года: On parle sans aucune gêne de la personne de l'Impératrice, du peu de droits qu'Elle a à la couronne et des faux principes qu'Elle suit. La hauteur avec laquelle elle traite ses ministres, le peu de reconnaissance qu'Elle semble marquer à ceux, qui lui ont rendu les services les plus important, la crainte dans laquelle ont est, que quand cette Princesse sera bien affermie sur le trône, qu'Elle ne fasse sentir à nombre de particuliers tout le poids de despotisme et enfin de savoir cette Princesse fille d'un général Prussien, qui en calbutant du trône l'empereur son mari, suit exactement ses principes, tous ces différents objets, sur lesquels on raisonne librement jusque dans les plus petits cabarets, dénotent une grande fermentation (*Дрезд. Архивъ,* 1764, vol. I, № 25).

[3]) Въ депешѣ гр. *Сольмса,* отъ 28-го апрѣля 1764 года: Panin m'a authorisé d'assurer Votre Majesté, que présentement tout étoit

Внутреннее состоянiе Россiи и положенiе, занятое въ это время Екатериною, лучше всего обрисовано ею самою.

Въ самомъ началѣ 1764 года генералъ-прокуроръ А. И, Глѣбовъ былъ удаленъ отъ дѣлъ[1]). На эту тяжелую и отвѣтственную должность императрица назначила кн. А. А. Вяземскаго. Генералъ-прокуроръ вѣдалъ финансы имперiи, правилъ сенатомъ, руководилъ всѣми внутренними дѣлами имперiи, совмѣщая въ себѣ власть министра финансовъ, юстицiи и внутреннихъ дѣлъ. Онъ никому не подчиненъ, кромѣ закона, блага родины и воли императрицы. Онъ — правая рука императрицы. „Въ чемъ вы будете сумнительны — говоритъ ему Екатерина — спроситесь со мною и совершенно надѣйтеся на Бога и на меня, а я, видя ваше угодное мнѣ поведенiе, васъ не выдамъ". Кн. Вяземскiй былъ молодой еще человѣкъ — ему не было и 37 лѣтъ. Воспитанникъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, онъ принималъ участiе въ прусской войнѣ, но не въ качествѣ храбраго воина, а какъ испол-

---

tranquille dans ce pais-ci et qu'il n'y avoit rien à craindre d'un conspiration (*Берлин. Архивъ*, депеши Сольмса, № 123; *Приложенія.* III, 4). Безпристрастные иностранцы начинаютъ даже высказывать опасенiя въ виду успѣховъ, оказанныхъ Россiею въ послѣднiе два года, въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Въ *Парижс. Архивѣ* хранится „Mémoire sur la nécessité de réprimer les progrès de la Russie et sur la manière dont on pourrait y parvenir" (Russie, vol. XII, Supplém.). Эта записка составлена аббатомъ Гюйо (L'abbé Guyot), который былъ въ Москвѣ во время коронацiи и по смерти маркиза де-Боссе (marquis de Bausset), французскаго посланника въ Петербургѣ, возвратился во Францiю. Какъ лицо неофицiальное, онъ спокойно наблюдалъ за всѣмъ, что видѣлъ въ Россiи, и пришелъ къ убѣжденiю, что необходимо принять мѣры противъ усиленiя Россiи: Une administration aussi active et aussi heureuse que celle dont cet Empire jouit lui donnerait un poids capable d'écraser le Nord et de balancer plusieures puissances du Midi.

[1]) M-r de Glebow, procureur-général du sénat, vient de se démettre de cette importante charge. C'est le même qui jouissoit d'un grand crédit sons les règnes précédens d'Elisabeth et de Pierre III et c'est lui qui avoit obtenu le privilège d'une espèce de monopole des grains il y a six ans... On craint que M-r de Glebow ne soit pas à l'abri des poursuites judiciaires par la simple démission. Депеша гр. *Сакена*, отъ 17-го февраля, въ *Дрезд. Архивѣ,* 1764, vol. I, № 14. Депеша гр. *Сольмса*, отъ 10-го февраля, въ *Сборникѣ,* XXII, 214.

нитель „тайныхъ порученій“. При восшествіи Екатерины на престолъ онъ былъ уже генералъ-квартирмейстеромъ. Въ 1763-мъ голу ему было поручено усмиреніе заводскихъ крестьянъ въ восточныхъ областяхъ Россіи. Онъ былъ хорошо образованъ, трудолюбивъ и былъ всѣми признанъ за человѣка безусловно честнаго. Это-то обстоятельство и остановило на немъ выборъ Екатерины[1]). Выбирая себѣ „ближайшаго помощника“, съ которымъ приходилось быть въ постоянныхъ сношеніяхъ, императрица признала необходимымъ разъ на всегда объясниться съ нимъ: Екатерина собственноручно написала ему „наставленіе“[2]), въ которомъ высказала свой взглядъ на Россію, на главнѣйшія отрасли управленія и на себя лично, нарисовавъ ему портретъ свой, какъ императрицы.

„Россійская имперія — пишетъ Екатерина — есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитая общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ, по слову Евангельскому, наемники есть“.

Первое учрежденіе въ имперіи — сенатъ. Екатерина такъ рисуетъ его молодому герералъ-прокурору: „Въ сенатѣ найдете вы двѣ партіи, но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныя отнюдь не уважать, дабы имъ чрезъ то не подать твердосги и онѣ бы скорѣе тѣмъ исчезли, а только смотрѣла я за ними недреманнымъ окомъ, людей же употребляла по ихъ способности къ тому или другому дѣлу. Обѣ партіи стараться будутъ нынѣ васъ уловить въ свою сторону. Вы въ одной найдете людей честныхъ нравовъ, хотя и недальновидныхъ разумовъ; въ другой, думаю, что виды далѣе простираются, но не ясно,

---

[1]) Депеша *Беранже,* отъ 10 апрѣля 1764 года: le plus honnête homme *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 72, № 14). *Сборникъ*, VII, 346: „Я слышу, что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка“.

[2]) *Госуд. Архивъ*, X, 10; *Чтенія*, 1858, I, 101; *Сборникъ*, VII, 345.

всегда-ли оные полезны. Иной думаетъ для того, что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критики, не смотря на то, что вездѣ внутреннія распоряженія на правахъ націи основываются. Вамъ не должно уважать ни ту, ни другую сторону, обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушать всякого, имѣя только единственно пользу отечества и справедливость въ виду, и твердыми шагами идти кратчайшимъ путемъ къ истинѣ." Сенатъ, „неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ", вышелъ „изъ своихъ основаній" и „утѣсняетъ прочія судебныя мѣста", чрезъ что нижнія мѣста пришли въ великій упадокъ. „Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ и интересъ государственный страждетъ. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ членамъ прежніе примѣры прелестны, однакожъ покамѣсть я жива, то останемся какъ долгъ велитъ".

„Раболѣпство" членовъ присутственныхъ мѣстъ приписано сенату, и сенатъ же долженъ исправить причиненное имъ зло. Указомъ отъ 19 декабря 1763 г. Екатерина требовала, чтобъ сенаторы „присутственные мѣста наполнили членами честными и достойными" [1]). Мотивъ этого указа объясненъ въ вышеприведенномъ наставленіи кн. Вяземскаго.

Въ наставленіи, Екатерина обращаетъ вниманіе на „великое отягощеніе для народа" — на соль и вино, но поручаетъ особенному вниманію кн. Вяземскаго вопросъ о серебрѣ и мѣдной монетѣ, давно уже ее интересующій [2]),

---

[1]) *Архивъ Сената*, т. 108, л. 367; *Приложенія*, I, 47.

[2]) *Архивъ Сената*, т. 102, л. 312; т. 107, л. 207; Приложенія I, 16 и 37. Депеша гр. *Сакена*, отъ 10 февраля; Comme la dépense

наравнѣ съ положеніемъ торговли[1]). „Сія матерія весьма деликатна и многимъ о семъ непріятно слышать, однакожъ вамъ наддежитъ и въ сіе дѣло вникнуть". Екатерина не скрываетъ отъ себя, что „законы наши требуютъ поправленія", но сознается, что „короткость времени меня къ приведенію сего въ дѣйство еще не допустила". Какъ только время позволитъ, она начнетъ „читать, потомъ писать Наказъ Комиссіи Уложенія"[2]), который нашумитъ въ Россіи и удивитъ Европу.

Не забыла Екатерина высказать молодому генералъ-прокурору свой взлядъ и на окраины Россіи; „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями, нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно-бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, естьли разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ на вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не

---

surpasse la recette en Russie, il s'en suit naturellement, qu'on recherche tout les moyens possibles de grossir la dernière. On a commencé à l'exemple de la Prusse à altérer la monnoie de l'Empire et les Roubles, qu'on frappe actuellement en Russie, pèsent au moins un quart de moins, que ceux, qui ont été monnayés sous les règnes précédents. La différence frappe à la simple inspection des Roubles, qui ont cours au coin de l'impératrice Catherine II. Cela ne laisse d'exciter bien des murmures (*Дрезд. Архивъ*, 1764, vol. I, № 12). Примѣръ Пруссіи тутъ ни причемъ; легковѣсная монета чеканилась въ Россіи еще до фальсификаціи монетъ Фридрихомъ II. Такъ, въ 1700 году чеканилось съ пуда мѣди 12 руб. 80 коп., въ 1703 г. — 15 руб. 44 коп., въ 1718 г. — 20 руб., въ 1731 г. — 40 руб.

[1]) *Архивъ Сената*, т, 102, л. 406; т. 108, л. 117; Приложенія I, 21 и 44.

[2]) *Русск. Архивъ*, 1865, 487.

токмо-бъ персона какая была произведена въ оное достоинство".

Посвятивъ кн. Вяземскаго „въ наисекретнѣйшія матеріи", напомнивъ ему, что „генералъ-прокуроръ, по должности своей, обязывается сопротивляться наисильнѣйшимъ людямъ", и что, слѣдовательно, „власть государская одна его подпора", Екатерина въ слѣдующихъ словахъ высказала взглядъ на свою „государскую власть":

„Вамъ должно знать съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Ежедневные случаи васъ будутъ ко мнѣ предводительствовать. Вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наивящее благополучіе и славу отечества и иного не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого бъ они званія ни были. Мои мысли всѣ къ тому-жъ лишь только стремятся, чтобъ какъ извнутрь, такъ и внѣ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка; я-жъ надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ сими качествами живутъ благополучно. Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечнаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ".

Такая государственная программа и такія политическія „принципіи" давали Екатеринѣ полное право спокойно смотрѣть въ будущее.

Конецъ второго тома.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Источники по исторіи переворота.

Исторія „девяти дней“, отъ 28-го іюня по 6-е іюля 1762 года, богата источниками всякаго рода и пособіями самаго разнообразнаго характера. Въ этомъ случаѣ не приходится жаловаться на скудость матерьяла; но является тѣмъ болѣе необходимымъ разобраться въ этомъ обильномъ матерьялѣ и опредѣлить возможно точно его внуреннюю цѣнность, чтобъ, такимъ образомъ, оправдать дѣлаемыя изъ него заимствованія, указанія, выводы.

На первомъ мѣстѣ здѣсь должны быть поставлены безспорно бумаги сената, сохранившіяся, къ сожалѣнію, не въ желаемой полнотѣ — мы разумѣемъ журналы, протоколы, указы сената и присылавшіеся въ сенатъ рапорты и донесенія разныхъ лицъ. Все это — безстрастные свидѣтели, вѣрные остатки событія, точные отрывки изо дня въ день, нерѣдко изъ часа въ часъ записывавшихся происшествій. Они составлялися на-скоро, спѣшно, безъ предвзятой мысли, безъ опредѣленной цѣли и въ нихъ исторія девяти дней не столько обрисовалась изложеніемъ фактовъ, сколько запечатлѣлась въ отрывочныхъ эпизодахъ, какъ бы окаменѣвшихъ подъ перомъ вольныхъ или невольныхъ участниковъ событія, самыхъ дѣлателей этой исторіи. Мы съ умысломъ умалчиваемъ о манифестахъ: ими слѣдуетъ пользоваться крайне осторожно, такъ какъ они составлялись съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и въ нихъ встрѣчаются завѣдомо ложныя показанія.

Второе мѣсто должно быть предоставлено запискамъ участниковъ, дѣятелей. Такихъ записокъ сохранилось шесть; всѣ онѣ писаны въ разное время, болѣе или менѣе отдаленное отъ рисуемыхъ въ нихъ событій, всѣ писаны съ извѣстною цѣлью, для достиженія извѣстнаго результата, вовсе не для точнаго изложенія передаваемыхъ фактовъ. Мы разумѣемъ: письмо Екатерины II къ графу Понятовскому, разсказъ въ „Запискахъ" княгини Дашковой, пересказъ Ассебурга со словъ Панина, записку Штелина, письмо адмирала Талызина и письмо графа Девьера — заявленія лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ событіяхъ девяти дней, преимущественно же перваго изъ нихъ, 28-го іюня.

1) *Письмо Екатерины II* гр. Понятовскому, отъ 2-го августа 1762 года, было много разъ напечатано въ двухъ редакціяхъ: *вопервыхъ,* неполной и невѣрной — у *Grimblot* (p. 202—216), безъ даты, безъ начала и конца, и въ Mémoires secrets et inédits de Stanislas Auguste, comte Poniatowski, Leipzig, 1862, p. 22—33, гдѣ начало письма отнесено въ конецъ, а окончаніе совсѣмъ отброшено, хотя именно въ заключительныхъ строкахъ письма дается ключъ къ опредѣленію его значенія; *вовторыхъ,* полной и точной — у *Jacob* (p. 1—17) и въ *Архивѣ кн. Воронцова* (XXV, 414—424). Подлинное письмо хранится въ *Государственномъ Архивѣ*, Ш, 16. Графъ Понятовскій сообщилъ это письмо въ подлинникѣ своимъ родственникамъ и, вѣроятно, давалъ выдержки изъ него всѣмъ интересовавшимся переворотомъ, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется существованіе неполной редакціи. Во всякомъ случаѣ, Рюльеръ имѣлъ въ рукахъ точную копію письма [1]).

Извѣстны отношенія Понятовскаго къ Екатеринѣ: Вслѣдъ за переворотомъ и даже значительно позже его, въ 1763 и 1764 годахъ, когда уже шла рѣчь о возведеніи его на польскій престолъ, Понятовскій, отказываясь даже отъ польской короны, умолялъ только объ одномъ — быть вызваннымъ въ Петербургъ. „Ne me faites pas Roi,

---

[1]) *Rulhière,* Histoire de l'anarchie de Pologne, v. II, p. 2.

mais rappelez moi auprès de Vous“, писалъ онъ не разъ Екатеринѣ[1]). Послѣ 28-го іюня, онъ шлетъ ей письмо за письмомъ, надѣясь, что прежняя привязанность его будетъ теперь вполнѣ вознаграждена, особенно же послѣ того, какъ Екатерина стала вдовою. Понятовскій не зналъ или не хотѣлъ знать о вліяніи Г. Г. Орлова, между тѣмъ какъ именно поэтому его письма крайне затрудняли Екатерину, могли создать ей серьезныя усложенія, быть можетъ, даже имѣть роковыя для нея послѣдствія. Во что бы ни стало, необходимо было прекратить эту переписку, и Екатерина пишетъ пространное письмо Понятовскому, отъ 2-го августа; она подробно излагаетъ ему ходъ переворота, причемъ намѣренно преувеличиваетъ значеніе Орловыхъ, приписывая старшему изъ нихъ наиболѣе значительную долю въ успѣхѣ. Письмо писано вовсе не для того, чтобъ сообщить Понятовскому подробности своего воцаренія, а чтобъ убѣдить горячаго поляка въ невозможности не только появленія его при русскомъ дворѣ, но даже переписки съ нею, хотя бы и секретной. Смыслъ письма совершенно вѣрно поняла гр. А. Д. Блудова, передавая его въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ слѣдующими немногими словами: „Ne venez pas; les Orloff ne le permettraient pas[2]). Письмо Екатерины начинается словами: „Tous les esprits sont encore en fermentation. Je vous prie de vous retenir de venir ici, de peur de l'augmenter“, и оканчивается такъ: „J'ai reçu votre lettre. Une correspondance reglée serait sujette à mille inconvéniens, et j'ai vingt mille circonspections à garder et n'ai pas le temps de faire des billets doux nuisibles. Je suis très génée. Je ne puis pas vous conter tout cela, mais cela est vrai“. Ради этой главной цѣли письма, Екатерина вставляетъ даже такую несообразность: „Sachez que tout s'est fait par le principe de la haine contre les étrangers; que Pierre III passe lui-même pour tel“. Наконецъ, чтобъ вѣрнѣе удержать Понятовскаго отъ неумѣстнаго уже пріѣзда въ Петербургъ, Екатерина старается приковать его къ Польшѣ, къ Варшавѣ, ради интересовъ

---

1) *Mémoire*, 33; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 430.

2) *Русск. Архивъ*, 1899, I, 83.

его семьи, ради его личныхъ выгодъ: „J'envoie incessamment le comte Kayserling ambassadeur en Pologne pour vous faire Roy", такъ начинаетъ Екатерина письмо, и оканчиваетъ: „Je ferais tous pour vous et votre famille, soyez en fortement persuadé".

Эту главную, основную цѣль письма нужно всегда имѣть въ виду; она придаетъ извѣстную окраску всему разсказу о происшествіяхъ девяти дней. Здѣсь многое передано неточно, иное не вполнѣ вѣрно; встрѣчается и завѣдомая ложь. Но письмо это, писанное подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ событій, писанное самою Екатериною, лишь мѣсяцъ спустя по воцареніи — драгоцѣнный матерьялъ для ея характеристики[1]).

Екатерина признавала необходимымъ подробно познакомить гр. Понятовскаго съ переворотомъ и написала ему длинное письмо. Позже, она разсказывала о своемъ восшествіи на престолъ двумъ иностранцамъ; Гордту, шведскому камергеру, и императору Іосифу II.

Графъ Гордтъ былъ два раза въ Россіи: въ 1761 году онъ былъ привезенъ какъ военноплѣнный и въ 1762 г. былъ отпущенъ Петромъ III; вторично онъ посѣтилъ Россію въ свитѣ принца Генриха прусскаго, въ 1770 г. Въ 1789 году, въ Берлинѣ появились его мемуары (Mémoires du comte de Hordt, gentilhomme suédois. 2 vls. Berlin, 1789), въ которыхъ онъ сообщаетъ о переворотѣ со словъ императрицы. Вотъ почему въ записи гр. Гордта обращаетъ на себя вниманіе, кромѣ нѣсколькихъ подробностей, слѣдующее замѣчаніе: Les deux Orlow, qui ne manquaient ni de hardiesse, ni de courage, se servirent, en cette occasion, de tout l'ascendant qu'ils avaient sur l'esprit de l'Impératrice, l'entraînèrent, pour ainsi dire, malgré elle, et la forcèrent de consentir à ce qu'on pourvut à sa sûrèté et à celle de son fils (II, 235).

Императоръ Іосифъ II былъ въ Россіи въ 1780 году, и провелъ въ гостяхъ у Екатерины, сперва въ Могилевѣ

---

1) Письмо переведено на русскій языкъ въ приложеніи къ „Запискамъ Екатерины II" (Лейпцигъ, 1876, стр. 324—336) и *Суворинымъ*, Княгиня Е. Р. Дашкова, Спб. 1888, стр. 150—158, но, къ сожалѣнію оба перевода сдѣланы по неполной редакціи, безъ начала и конца.

потомъ въ Петербургѣ, нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ путешествовалъ съ нею отъ Могилева до Смоленска и ѣздилъ въ Москву съ кн. Г. А. Потемкинымъ. Во все это время Іосифъ II писалъ письма своей матери, Маріи Терезіи. Письма эти изданы Арнетомъ[1]) и въ двухъ изъ нихъ, изъ Смоленска, упомянуто о переворотѣ 1762 г., но только упомянуто. Напр., въ письмѣ отъ 4-го іюля: Sa Majesté m'a fait tous les détails de la révolution qui l'a mise sur le trône, et de Pierre III, ses folies, et des moyens qu'elle a dû employer (III, 272). Императоръ не передаетъ ни подробностей переворота, ни безумствъ Петра III.

Сверхъ того, въ своихъ письмахъ къ частнымъ лицамъ, Екатерина десять разъ сообщаетъ при случаѣ ту или другую подробность, то или другое сужденіе о переворотѣ и его дѣятеляхъ[2]), и три раза говорила объ этомъ съ А. В. Храповицкимъ, что отмѣчено въ его Дневникѣ (*Храповицкій,* 82, 222, 340).

2) *Записки кн. Дашковой*, точнѣе „Mon histoire“, не изданы до настоящаго времени въ томъ видѣ, какъ онѣ были писаны. Первоначальный ихъ оригиналъ, весь писанный рукою кн. Дашковой, сожженъ въ 1808 году (the original MS. was burnt in 1808); но сохранились два современные списка, сдѣланные рукою друга автора, г-жею Брадфордъ: одинъ хранится въ архивѣ князя Воронцова и напечатанъ въ *Арх. кн. Воронцова*, XXI, стр. 6—365; второй — въ семействѣ г-жи Брадфордъ, въ Лондонѣ, и изданъ въ англійскомъ переводѣ „Memoirs of the princess Dashkow; London, 1840. Оба эти списка, однако, провѣрены и исправлены самою кн. Дашковой[3]). Записки пе-

---

[1]) *Arneth*, Maria Theresia und Joseph II, 3 Bd.

[2]) Всѣ эти письма, за исключеніемъ двухъ, помѣщены въ *Сборникѣ*; отмѣчаемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: 11 октября 1762 (XLVI, 285); 25 февраля, 1 апрѣля и 31 мая 1763 г. (VIII, 234, 293; XLVIII, 437), 28 іюня 1764 г. (*Осмнадц. Вѣкъ*, I, 55), 14 іюня 1768 г. (*Сборникъ*, XVII, 43), 28 іюня 1774 г. (*Осмнадц. Вѣкъ*, I, 111), 16 іюня 1780 г. (*Сборникъ*, II, 409), 28 іюня 1785 (XXIII, 344) и 7 іюля 1789 (XLII, 20).

[3]) Въ этомъ случаѣ мы придерживаемся мнѣнія, высказаннаго

реведены на русскій языкъ съ англійскаго перевода, не съ французскаго подлинника: „Записки кн. Е. Р. Дашковой“. Лондонъ, 1859.

Записки Дашковой составлены въ 1804—5 г., болѣе сорока лѣтъ спустя послѣ переворота 1762 года. Въ нихъ пропала свѣжесть впечатлѣнія, исчезла яркость красокъ, увлеченіе минуты замѣнилось пережитымъ въ эти 40 лѣтъ опытомъ, пріобрѣтенною за это время холодною разсудочностью и чисто житейскою разсчетливостью. По мѣрѣ того, какъ сглаживались живыя впечатлѣнія факта, появлялись разсудочныя объясненія явленій, которыя, съ годами, представили уже весь переворотъ въ иномъ свѣтѣ. Княгиня Дашкова вполнѣ искренно, безъ желанія извращать факты, изложила ихъ не такъ, какъ они происходили въ 1762 г., а такъ, какъ они представлялись ей въ 1804 году. Необходимо также имѣть въ виду, что кн. Дашкова, по ея собственнымъ словамъ, отказывала „роднымъ и друзьямъ“, просившимъ ее писать свои записки, и набросала ихъ только для миссъ Уильмотъ, будущей г-жи Брадфордъ, которая видѣла въ Дашковой „существо высшаго порядка“, дивилась окружавшему ея почету и уваженію, преклонялась предъ чистотою ея сердца. Записки, составленныя кн. Дашковою исключительно для г-жи Брадфордъ, конечно, должны были оправдать такое лестное мнѣніе г-жи Брадфордъ о кн. Дашковой. Вотъ почему, придавая извѣстную цѣну „Запискамъ кн. Дашковой“, намъ казалось невозможнымъ основать на нихъ разсказъ объ исторіи девяти дней.

При оцѣнкѣ разсказа кн. Дашковой о переворотѣ, особенно же при опредѣленіи степени ея участія, необходимо имѣть въ виду депешу гр. Сольмса, отъ 29 іюля 1763, напечатанную въ *Сборникѣ*, XXII, 97[1]).

кн. А. Б. *Лобановымъ-Ростовскимъ* (*Русск. Архивъ*, 1881, I, стр. 366), видѣвшимъ лондонскій списокъ; авторъ весьма обстоятельной статьи о „Запискахъ кн. Дашковой“, г. *Шугуровъ* (*Ibid.*, 1880, III, 150) дѣлаетъ изъ указаній кн. Лобанова-Ростовскаго совершенно иные выводы (*Idem.*, 1881, II, 132).

[1]) Къ сожалѣнію, депеша эта издана съ пропусками и прочтена невѣрно. Въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ говорится объ участіи кн. Дашковой въ переворотѣ, напечатано, что Бретэль s'en est

3) *Разсказъ Панина*, записанный Ассебургомъ, напечатанъ въ „Denkwürdigkeiten des Freiherrn A. F. von der Asseburg", Berlin, 1842, S. 315—322. Русскій переводъ этого разсказа помѣщенъ въ „*Русскомъ Архивѣ*", 1879, I, 363.

Баронъ Ассебургъ подружился съ Н. И. Панинымъ еще въ Стокгольмѣ, гдѣ они одновременно были дипломатическими агентами и преслѣдовали одну цѣль — приниженіе французской партіи при шведскомъ дворѣ; въ теченіи трехъ лѣтъ, съ 1765 по 1768 годъ, Ассебургъ состоялъ датскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, причемъ еще болѣе сблизился съ Панинымъ, управлявшимъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ. Въ январѣ 1768 г., при отъѣздѣ Ассебурга изъ Москвы, Панинъ писалъ ему: „Soyez persuadé, mon digne et vrai ami, qu'on ne saurait sentir plus que je ne le sens notre séparation. Mon coeur pénêtré de vos sentiments pour moi, vous suivra partout. Conservez-moi, je vous en conjure, votre amitié, ne doutez point de la mienne". Ассебургъ имѣлъ позже не разъ случай убѣдиться въ искренности этихъ словъ Панина. Ассебургу, какъ другу, Панинъ разсказывалъ и, быть можетъ, не разъ, подробности переворота 28-го іюня 1762 г., разсказывалъ спустя три, четыре года послѣ событія, когда эти подробности были еще свѣжи въ памяти. При этихъ разсказахъ, крупные факты повторялись почти дословно, мелкіе варьировались, иногда до противорѣчія: „Mr. de Panin fait passer un carosse à 6 chevaux de voituriers à Peterhoff" и, нѣсколько строкъ ниже: „l'impératrice partit de Peterhoff dans le carosse que M-me Ichudin lui avait envoyé"; весь походъ Екатерины въ Петергофъ отнесенъ на субботу, 29 іюня (321); встрѣчаются и другія неточности. Ставить подобныя противорѣчія и неточности за счетъ Ассебурга, какъ составителя разсказа на письмѣ, нельзя: онъ добросовѣстно записалъ, что слышалъ, причемъ собственныя добавленія помѣщалъ въ подстрочныя примѣчанія, не вводя ихъ въ текстъ раз-

---

donné les *vice place* (sic) jusqu'à son départ, что не имѣетъ смысла; между тѣмъ въ расшифрованномъ оригиналѣ ясно написано: s'en est donné les *violons* jusqu'à son départ (*Берлин. Архивъ*, депеши Сольмса, 1763 г., № 55). Весь конецъ депеши, имѣющій значеніе для исторіи шведскихъ дѣлъ, не изданъ.

сказа. Не имѣя подъ руками рукописи, трудно рѣшить, когда именно Ассебургъ записалъ этотъ разсказъ Панина: рѣчь идетъ о событіи 1762 г., Панинъ разсказываетъ его въ 1765—68 гг., въ изданіи онъ помѣщенъ подъ 1779 г., въ самой записи встрѣчается упоминаніе о 1796 г, а самъ Ассебургъ умеръ въ мартѣ 1797 года. Упоминая о Панинѣ, Ассебургъ въ примѣчаніи прибавляетъ: alors grand-maître du jeune Grand-Duc, plus tard Empereur Paul I; говоря о Пассекѣ, прибавляетъ въ выноскѣ: cordon bleu par l'impératrice Cathérine II la dernière année de son règne. По печатному изданію нельзя рѣшить, сдѣланы-ли эти вставки позже, въ видѣ приписокъ, или же они писаны одновременно съ текстомъ. Въ послѣднемъ случаѣ составленіе этого „Mémoire sur le détrônement de Pierre III" придется отнести къ концу 1796 или началу 1797 г., когда Ассебургъ, будучи съ 1792 г. въ отставкѣ, проживалъ зимы въ Брауншвейгѣ, гдѣ и умеръ.

Всѣ эти три участника въ событіяхъ девяти дней — императрица Екатерина II, княгиня Дашкова и будущій графъ Панинъ — въ своихъ разсказахъ каждый выдвигаетъ на первый планъ свою личность, приписывая себѣ не только первую мысль о переворотѣ, но и мелочи его исполненія. Voilà notre histoire, пишетъ Екатерина II гр. Понятовскому, le tout se fesant, je vous l'avoue, sous ma direction très particulière; по словамъ Дашковой, даже сама Екатерина сознавала публично, что обязана ей короною: Панинъ увѣрялъ Ассебурга, что ему именно принадлежитъ le projet de faire passer la couronne sur une autre tête. Это совершенно естественно и ни мало не умаляетъ достоинства каждаго изъ названныхъ трехъ источниковъ, связанныхъ между собою тождествомъ основной мысли: всѣ эти три источника принадлежатъ сторонникамъ Екатерины. Четвертый же участникъ, равнымъ образомъ оставившій свои записки объ этомъ событіи, долженъ быть отнесенъ къ приверженцамъ Петра III, именно

4) *Записка Штелина* о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III. Она издана Я. К. Гротомъ въ „Соч. Держа-

вина“, т. IX, стр. 287, по переводу, сообщенному издателю гр. М. А. Корфомъ.

Записка составлена въ формѣ дневника, причемъ событія записывались будто бы по часамъ. Эта форма записи никого обмануть не можетъ: такое протоколированіе событій 28 и 29 іюня было физически невозможно среди тревогъ и безпокойствъ, на глазахъ императора, который даже свои высочайшія повелѣнія подписывалъ „на поручнѣ канальнаго шлюза“. Записка составлена очевидно позже, писалась сплошь, но, вѣроятно, въ одинъ изъ этихъ „девяти дней“, такъ что авторъ могъ еще вспомнить приблизительно часъ каждаго извѣстія, имъ сообщаемаго. Это, вѣроятно, отмѣтки на память для составленія позже болѣе пространнаго разсказа, который, на сколько извѣстно, составленъ не былъ, а отмѣтки сохранились. Это вытекаетъ изъ самой сущности записокъ: такъ, подъ 28 іюня, *въ 4 часа*, записано, какъ „генералъ Девьеръ ѣдетъ въ Кронштадтъ и даетъ возможность обмануть себя адмиралу Талызину, хотя послѣдній пріѣзжаетъ туда *нѣсколькими часами позже* его“. Записка Штелина, какъ участника, находившагося въ свитѣ императора, чрезвычайно важный источникъ, тѣмъ болѣе, что единственный, сохранившій извѣстіе о послѣднихъ дняхъ Петра III.

5) *Письмо Л. И. Талызина* Н. И. Панину, писанное 29-го іюня и сообщающее о происшествіяхъ „прошлой ночи“, помѣщено въ „*Осмн. Вѣкѣ*“, II, 634. Оно живой остатокъ отъ событій, носящій на себѣ слѣды минуты, подъ впечатлѣніемъ которой письмо писано.

6) *Письмо гр. П. А. Девьера* Е. И. Шарогородской, помѣщено тамъ же, II, 635. Оно особенно интересно по приложеннымъ къ нему тремъ „экстрактамъ“, рисующимъ графа съ очень некрасивой стороны.

За участниками-дѣятелями слѣдуютъ очевидцы-свидѣтели. Ихъ шестнадцать: три русскихъ и тринадцать иностранцевъ. Всѣ они пережили эти „девять дней“ въ Петербургѣ, видѣли происходившія передъ ними событія, но лишь въ отрывкахъ, и каждый изъ нихъ записалъ то, что

самъ видѣлъ, причемъ, конечно, каждый изъ нихъ по своему понималъ то, что видѣлъ, чѣмъ эти записи особенно и дороги. Ни одинъ очевидецъ не представилъ цѣльнаго разсказа всего переворота, что свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ правдивости; очевидцы нерѣдко ошибаются въ оцѣнкѣ ими видѣннаго, въ опредѣленіи его значенія, но эти ошибки рисуютъ взгляды современниковъ и являются важными данными для опредѣленія состоянія общества того времени.

7) *Письмо Балабина* помѣщается ниже, въ *Приложеніяхъ*, V, 1. Пріятель и сослуживецъ А. Т. Болотова сообщаетъ ему о происшедшей „перемѣнѣ“, причемъ передаетъ подробности о судьбѣ своего начальника, генералъ-полицій-мейстера барона Н. А. Корфа, и голштинскаго принца Георга-Лудвига. Оно помѣчено 11-мъ іюля 1762 г., т. е. писано вслѣдъ за погребеніемъ Петра III.

8) *Письмо гр. С. Р. Воронцова*, вѣрнѣе, его автобіографическая записка (*Арх. кн. Воронцова*, т. VIII, стр. 3—8), сообщаетъ о событіяхъ въ преображенскомъ полку. Записка составлена 18 декабря 1796 г., въ видѣ письма къ гр. Ѳ. В. Ростопчину; она рисуетъ взглядъ сторонника Петра III на переворотъ 28-го іюня. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что событія описываются 35 лѣтъ спустя и взглядъ на нихъ высказывается уже въ царствованіе Павла I.

9) *Записки Державина* изданы Я. К. Гротомъ въ „Соч. Державина“, т VI. На стр. 429—435-й „рядовой третьей роты“ преображенскаго полка, 18-тилѣтній Державинъ разсказываетъ объ участіи своего полка въ исторіи девяти дней. Записки писаны приблизительно полвѣка спустя послѣ переворота, вѣроятно, не ранѣе 1803 года, и, тѣмъ не менѣе, прибавляютъ нѣсколько любопытныхъ подробностей къ общей характеристикѣ движенія.

Кромѣ записокъ самого Державина, сохранился еще разсказъ его о переворотѣ, записанный въ 1811 г. пле-

мянницею, П. Н. Львовою. Этотъ разсказъ напечатанъ въ Соч. Державина, изд. Грота, IX, 220. Онъ во многомъ расходится даже съ „Записками“ Державина и значительно уступаетъ имъ въ точности и свѣжести воспоминаній. Въ разсказѣ встрѣчается такая даже фраза: C'est, dit-on, à Ropcha que le malheureux empereur cessa de vivre (221). Это *dit-on* не можетъ быть объяснено преклонными годами Державина (ему было тогда 68 лѣтъ) и принадлежитъ, вѣроятно, Львовой.

Насъ не должна удивлять бѣдность извѣстій, оставленныхъ русскими очевидцами о переворотѣ, который не могъ не поразить современниковъ. Необходимо принять во вниманіе, что составленіе записокъ, особенно же правдивыхъ, искреннихъ, о подобныхъ событіяхъ, могло повлечь за собою большія непріятности для ихъ автора и что далеко не всѣ еще записки русскихъ людей изданы. Тѣмъ болѣе должны мы быть благодарны иностранцамъ, которые, будучи очевидцами событій, сообщили намъ о нихъ свои свѣдѣнія. Необходимо, однако, дѣлать извѣстное различіе между показаніями иностранцевъ-очевидцевъ. Въ данномъ случаѣ, изъ тринадцати очевидцевъ-иностранцевъ семь принадлежатъ къ членамъ дипломатическаго корпуса, оставившимъ свои показанія въ видѣ официальныхъ депешъ, причемъ, конечно, представитель иностранной державы бываетъ стѣсненъ до нѣкоторой степени самимъ своимъ положеніемъ при дворѣ, при которомъ онъ акредитованъ, положеніемъ въ обществѣ, съ которымъ онъ находится въ извѣстной связи, не говоря уже о взаимныхъ отношеніяхъ державъ, по которымъ иностранный представитель нормируетъ свои взгляды, придавая имъ въ депешѣ то или другое выраженіе. Въ депешѣ нельзя видѣть свободнаго выраженія взглядовъ и мнѣній пишущаго. Конечно, люди, занимающіе извѣстное положеніе при дворѣ и въ обществѣ, могутъ болѣе видѣть, и видѣть правильнѣе, вѣрнѣе; но въ сообщеніи и объясненіи видѣннаго ими они болѣе стѣснены, чѣмъ люди сравнительно назависимые, пишущіе не официальныя реляціи, а частныя письма, свои личныя впечатлѣнія. Пасторъ, негоціантъ, гувернеръ, всякій вольный иноземе-

мецъ, описывая видѣнное имъ, не стѣсненъ тѣми соображеніями, которыя одни нерѣдко водятъ перомъ дипломата. Самое счастливое сочетаніе представляется въ томъ исключительномъ, довольно рѣдкомъ случаѣ, когда очевидецъ-дипломатъ, имѣвшій въ свое время возможность многое видѣть, берется позже за перо и, въ качествѣ частнаго лица, не стѣсненный своимъ положеніемъ, описываетъ имъ видѣнное. Основной вопросъ исторической критики — можетъ-ли свидѣтель сказать правду и хочетъ-ли онъ ее сказать — разрѣшается въ этомъ случаѣ наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ. Вотъ почему, изъ тринадцати иностранцевъ-очевидцевъ на первый планъ должны быть поставлены показанія двухъ посольскихъ секретарей, датчанина Шумахера и француза Рюльера:

10) *Schumacher*, Geschichte der Thronentsetzung und des Todes Peter des Dritten. Hamburg, 1858. Андрей Шумахеръ, около шести лѣтъ находился при русскомъ дворѣ, съ 1757 по 1764 г., занимая постъ сперва секретаря, потомъ совѣтника датскаго посольства. Онъ былъ очевидцемъ переворота 28 іюня, и кромѣ офиціальныхъ реляцій, записывалъ,надо думать, многое изъ исторіи девяти дней, почему либо невошедшее въ офиціальныя депеши. Спустя много лѣтъ, онъ, въ свободные часы, занялся изложеніемъ всего переворота, какъ онъ его видѣлъ и какъ слышалъ о немъ отъ участниковъ и очевидцевъ. Его разсказъ правдивъ, нигдѣ не стоитъ въ противорѣчіи ни съ общеизвѣстными фактами, ни съ другими достовѣрными показаніями. Онъ не только отмѣчаетъ имъ самимъ видѣнное — ich habe selbst gesehen (50), но и указываетъ чего именно онъ не видѣлъ — ich habe nicht selbst gesehen (58). Пасторъ Бюшингъ посѣтилъ Шумахера въ самый день переворота (Lebensgeschichte, S. 466). Разсказъ Шумахера простъ, безъ всякихъ прикрасъ; онъ рисуетъ полную исторію девяти дней, имѣя въ виду исключительно сообщить потомству правду о видѣнныхъ имъ событіяхъ (blos für die Nachwelt schreiben). Трудъ Шумахера былъ составленъ незадолго до его смерти, ранѣе 1790 г. Онъ не былъ ни въ Ораніенбаумѣ, ни въ Ропшѣ; но собралъ очень

важныя свѣдѣнія отъ лицъ, бывшихъ тамъ въ эти девять дней, и не имѣлъ повода ни умалчивать о нихъ, ни искажать ихъ въ своей передачѣ. У него есть неточности, встрѣчаются ошибки; но они сдѣланы bona fide и не могутъ умалить значеніе его труда.

11) *Rulhière.* Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762. Paris, 1797. Баронъ Бретэль, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, покинулъ Петербургъ за двѣ недѣли до переворота; дѣлая ему по этому поводу серьезный выговоръ, приведенный нами въ 1-мъ томѣ (стр. 470, пр. 1), графъ Броль прибавлялъ: et vous laissez pour voir démêler cette fusée un secrétaire à peine en état d'en rendre compte (*Парижс. Архивъ,* Russie, vol. 62, pièce 71). Этимъ секретаремъ былъ Рюльеръ, котораго Дидро считалъ „homme de beaucoup d'esprit“ (*Revue moderne,* 1866, décembre, p. 387). Шесть лѣтъ спустя, въ 1768 г., Рюльеръ, по просьбѣ графини Эгмонъ, написалъ „Исторію русской революціи 1762 года“, читалъ свою рукопись Даламберу и Дидро, г-жѣ Жоффренъ и Ларошфуко, Хотинскому, членамъ академіи, всѣмъ кто желалъ слушать. Слухи о рукописи дошли до Екатерины и она немедленно озаботилась обезвреженіемъ рукописи: ей не удалось ее купить, но она получила увѣренность, что рукопись будетъ напечатана лишь по ея смерти[1]). Екатерина такъ и не читала книги Рюльера. Княгиня же Дашкова читала, отмѣтила ошибки и неточности, преимущественно тѣ, которыя касаются ея лично, пришла къ убѣжденію, что Рюльеръ, хорошо знакомый съ русскимъ дворомъ, не могъ написать такую книгу и назвала ее апокрифною[2]). Въ томъ же 1797 году появилось восемь изданій: три на французскомъ, два на англійскомъ, два на нѣмецкомъ и одно

---

[1]) *Бильбасовъ,* Дидро въ Петербургѣ, Спб., 1884, стр. 59—66, 92—93.

[2]) Предположеніе, будто сочиненіе Рюльера было извѣстно княгинѣ Дашковой еще въ рукописи (*Арх. кн. Воронцова,* VII, 653; *Сборникъ,* XVII, 260), категорически опровергается самою Дашковой въ ея „Запискахъ“ (*Арх. кн. Воронцова,* XXI, 188).

на датскомъ языкахъ; на русскомъ же до сихъ поръ ни одного, хотя еще М. Н. Лонгиновъ изготовилъ точный переводъ книги (*Русскій Архивъ*, 1878. III, 6).

Приговоръ кн. Дашковой надъ книгой Рюльера очень строгъ: въ ней встрѣчаются, конечно, ошибки и неточности, въ общемъ же исторія девяти дней разсказана довольно вѣрно и сохранены нѣкоторыя подробности довольно цѣнныя; но дѣло въ томъ, что даже вѣрнымъ фактамъ Рюльеръ придаетъ иногда совершенно своеобразную окраску, ни мало не соотвѣтствующую дѣйствительности. Въ настоящее время трудно, конечно, указать мотивы, руководившіе авторомъ; но едва-ли можно принять поводы, указанные въ „Fragments historiques" Гэбеля (стр. 122—124), вышедшихъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ „Histoire" Рюльера и закючающихъ строгую критику на взгляды и мнѣнія автора, причемъ Гэбель приходитъ къ выводу, что книга Рюльера не что иное, какъ une production digne d'un imposteur assez maladroit (p. 130). Гельбигъ же находитъ, что книга Рюльера „enthält Thatsachen und Genauigkeiten die wenige gewusst haben (XII). Въ письмѣ Рюльера къ графинѣ Эгмонъ, составляющемъ какъ бы предисловіе, представленъ довольно откровенно весь ходъ работы автора и самой системы изложенія, что можетъ предостеречь читателя отъ излишней довѣрчивости.

Кромѣ бывшихъ дипломатовъ Шумахера и Рюльера, четыре иностранца очевидца добросовѣстно записали то, что они видѣли и, такимъ образомъ, въ большей или меньшей степени дополнили общую картину девяти дней, преимущественно 28-го іюня.

12) *Пасторъ Бюшингъ*, въ своей „Lebensgeschichte", Halle, 1789, посвятилъ пять страницъ (464—469) разсказу всего имъ видѣннаго. Бюшингъ — человѣкъ правдивый, искренній; издавая свою книгу еще при жизни Екатерины II, онъ внесъ въ свою автобіографію не все, что видѣлъ, но то, что онъ внесъ, не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію.

13) *Придворный Брильянщикъ Позье*, прожилъ 35 лѣтъ въ

Россіи, которую покинулъ только въ 1764 году. Въ своемъ „Mémoire abrégé de la vie de Jérémie Pauzié“ онъ подробно описываетъ все, что пережилъ въ достопамятные девять дней, но описываетъ много лѣтъ спустя, причемъ, естественно, дѣлаетъ хронологическія ошибки и допускаетъ нѣкоторыя неточности. Въ общемъ же, все имъ видѣнное описано довольно вѣрно, живо и со многихъ сторонъ дорисовываетъ извѣстную картину переворота 28-го іюня и слѣдующихъ дней. Записка Позье переведена на русскій языкъ съ незначительными опущеніями въ *„Русской Старинѣ“* 1870 г., т. I, стр. 41.

14) *Женевецъ Пикте́* (Pictet de Warembé), за свой громадный ростъ прозванный Екатериною II l'ancien géant, былъ одно время секретаремъ гр. А. Р. Воронцова и только въ царствованіе Петра III прибылъ въ Петербургъ, гдѣ и пережилъ событія девяти дней. „Для чего сей человѣкъ — пишетъ о немъ гр. М. Л. Воронцовъ — здѣсь живетъ и что дѣлать намѣренъ, понынѣ мнѣ неизвѣстно“ (*Арх. кн. Воронцова*, V, 105). Этотъ-то Пикте́, какъ очевидецъ, написалъ Вольтеру нѣсколько писемъ о событіяхъ того времени. Письма эти были тогда же напечатаны въ *„Journal Encyclopédique“* 1762 года[1]), и изъ нихъ три письма помѣщены недавно въ *Арх. кн. Воронцова*, XXIX, 150—170. Письмо безъ даты — Lettre écrite de Pétersbourg au sujet de la dernière révolution — писано послѣ 4-го и ранѣе 21 августа, судя по упоминаемому въ концѣ приглашенію Даламбера и по отзыву гр. М. Л. Воронцова объ этомъ письмѣ (*Арх. кн. Воронцова*, V, 106; *Истор. Вѣстникъ*, XVI, 117). Письмо это было перепечатано два раза (*Goudar*, Supplément, p. 1—52; *Laveaux*, I, 322), но оба раза невполнѣ и съ невѣрными отмѣтками: Гудару незачѣмъ было ожидать это письмо изъ Петербурга, а Лаво ошибается, полагая, что оно было писано par ordre de Catherine II какимъ-то Виллье[2]). Изъ переписки Воронцова и Пикте видно,

[1]) Vol. VI, prem. partie, p. 145—151, deux. partie, p. 140—152; trois. partie, p. 146—149; vol. VII, prem. partie, p. 145—148, trois. partie, p. 122—131 и др.

[2]) Ce mémoire a été composé par un français, nommé *de Villiers*,

что Екатерина узнала о письмѣ уже послѣ его отсылки, по черновой, захваченной у автора Пушкинымъ (*Арх. кн. Воронцова*, V, 105; XXIX, 5).

Первое письмо, самое важное, помѣчено 3 (14) іюля, т. е. писано пять дней послѣ переворота; авторъ писалъ его „ayant encore la tête et l'imagination échauffée par tout ce dont j'avais été le temoin"; послѣдующія письма, отъ 12 іюля, 4 и 23 августа, сообщаютъ факты послѣдующихъ дней; письмо безъ даты — взглядъ автора на значеніе переворота. Фактическая сторона изложена въ первыхъ письмахъ довольно вѣрно; на взглядъ въ послѣднемъ письмѣ повліяло, конечно, то обстоятельство, что авторъ былъ лично оскорбленъ Петромъ III. По мнѣнію гр. М. Л. Воронцова, „изъ содержанія онаго письма весьма усмотрѣть можно малой его разумъ и что онъ не кстати и неблагодарно, а больше лживо о многихъ вещахъ писалъ . . . По видимому онъ хотѣлъ симъ письмомъ себя произвесть, ибо мнѣ сказано, якобы подъ видомъ тайности оное поднесено было Ея императорскому величеству, можетъ быть, въ надеждѣ получить какое либо награжденіе" *Арх. кн. Воронцова*, V, 105). Это заявленіе должно служить для насъ не только предостереженіемъ, но и указаніемъ, какимъ взглядомъ на переворотъ можно было угодить Екатеринѣ. Пиктè достигъ своей цѣли на столько, по крайней мѣрѣ, что позже, уличенный въ контрабандѣ (*Сборникъ*, XIII, 77; XLII, 442; *Чтенія*, 1866, IV, 101), могъ скрыться изъ Россіи и не былъ преслѣдуемъ.

15) *Голландецъ Буденэръ* (Boudenaër), служившій въ консульствѣ, описываетъ своему другу переворотъ 28-го іюня въ письмѣ отъ 2-го іюля, помѣщенномъ въ *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 264. Къ сожалѣнію, сохранилось только начало письма, вѣрнѣе сказать, конецъ письма не изданъ, вслѣдствіе чего обѣщаніе очевидца разсказать то, что онъ видѣлъ „своими собственными глазами" (de mes propres

---

qui passa en Russie, après avoir été rayé du tableau des avocats de Paris. M-r le général *Betski*, avec lequel j'était lié d'amitié, me proposa ce mémoire . . . Je refusai ses offres et on s'adressa à M-r de Villier, qui fit le mémoire d'après un canevas tracé de la main de l'Impératrice. *Laveaux*, I, 214.

yeux), остается какъ бы неисполненнымъ, и онъ разсказываетъ на восьми страницахъ именно то, чего не могъ видѣть, разсказываетъ по слухамъ, которыхъ не могъ или не хотѣлъ провѣрить. Въ томъ видѣ, какъ это письмо издано, оно интересно только по взгляду автора на Петра III.

Намъ извѣстны пятнадцать депешъ иностранныхъ представителей, бывшихъ очевидцами переворота 28-го іюня и послѣдующихъ событій.

16) *Депеши Беранжè* (Bérenger), французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, помѣщаемыя въ *Приложеніяхъ*, II, 1—7. Уѣзжая изъ Петербурга, французскій посланникъ Бретэль поручилъ веденіе текущихъ дѣлъ повѣренному въ дѣлахъ и указалъ ему сообщать отъ времени до времени свѣдѣнія о положеніи русскаго двора, адресуя ихъ на имя маркиза Польми (Marquis de Paulmy), французскаго посланника при саксонскомъ дворѣ, т. е. въ Варшаву или Дрезденъ. Бретэль уѣхалъ изъ Петербурга 14-го іюня; 28-го іюня начался переворотъ, а 2-го іюля Беранжè послалъ свою депешу по данному ему адресу. Польми препроводилъ эту депешу немедленно въ Парижъ, гдѣ она въ настоящее время хранится, и конфиденціально сообщилъ съ нея копію гр. Брюлю, саксонскому министру. Въ копіи встрѣчаются пропуски; на ней другою рукою, быть можетъ, графа Брюля, отмѣтка: Confidemment communiqué par S. E. M-r l'ambassadeur de France Marquis de Paulmy. Маркизъ не дѣлалъ, очевидно, секрета изъ этого донесенія; кромѣ гр. Брюля, онъ передалъ копію и папскому нунцію въ Варшавѣ, по крайней мѣрѣ, въ *Ватиканскомъ Архивѣ* (Archivio Vaticano, Nunziatura di Polonia, Suo Archivio, № 37, fol. 5) хранится итальянскій переводъ депеши Беранжè (Estratto di una lettera scritta in francese da Pietroburgo nella quale si da relazione di quanto è ivi accaduto di più rimarcabile il giorno 9 di Luglio.) Германъ, разсказывая въ своей „Geschichte des Russischen Staats“ исторію девяти дней по Гельбигу и Кастера, прибавляетъ въ примѣчаніи: Die in unserer Darstellung abweichenden Punkte beruhen auf einem handschriftlichen Bericht vom 13. Juli (V, 295); судя по вы-

пискамъ, приводимымъ имъ изъ рукописи (V, 297, 299), несомнѣнно, что Германъ пользовался этою депешею Беранжѐ. Небольшіе отрывки изъ депешъ Беранжѐ напечатаны у *Grimblot*, 213, 214.

Депеши Беранжѐ, числомъ семь, чрезвычайно обстоятельно передаютъ весь ходъ переворота, сообщаютъ весьма интересныя подробности, вѣрность и точность которыхъ подтверждаются извѣстіями другихъ современниковъ. Беранжѐ былъ товарищемъ Рюльера. При сравненіи депешъ Беранжѐ, писанныхъ наскоро, по свѣдѣніямъ, случайно добытымъ и еще непровѣреннымъ, съ „Histoire" Рюльера, составленной шесть лѣтъ спустя, послѣ долгихъ разспросовъ, послѣ тщательнаго обдумыванія подробностей для воспроизведенія цѣльной картины, не трудно видѣть, какъ, хотя и отрывочныя, но довольно вѣрныя свѣдѣнія депешъ искажались по соображеніямъ, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣвшимъ. Равнымъ образомъ, въ изложеніи краткихъ депешъ видно вліяніе Рюльера въ манерѣ автора прибѣгать къ сравненіямъ изъ древняго міра. Говоря о кн. Дашковой, Беранжѐ прибавляетъ: Il me suffira d'assurer que cette jeune dame aurait très bien joué dans l'ancienne Rome le rôle de Cornelie, si elle y eut les Gracques pour ses fils.

17) *Депеши Прассе,* помѣщаемыя въ *Приложеніяхъ,* IV, 1—2. Не только по своему политическому положенію, но, кажется, и по личнымъ взглядамъ, саксонецъ Прассе оказался страстнымъ сторонникомъ переворота 28-го іюня. Депеша помѣчена 11-мъ іюля (30 іюня), когда, дѣйствительно, она была начата; но Прассе присутствовалъ въ этотъ день при въѣздѣ Екатерины въ столицу, послѣ похода въ Петергофъ, былъ во дворцѣ, посѣтилъ знакомыхъ и кончалъ депешу далеко за полночь, такъ что имѣлъ право сказать, что императрица *gestern* Vormittags in der Residenz wieder eingetroffen. Конечно, въ депешѣ видны слѣды спѣшной работы, нервнаго изложенія; но, вообще говоря, она передала крупные факты довольно вѣрно и только въ мелкихъ подробностяхъ встрѣчаются неточности. Депеша составлена съ полною добросовѣстностью, что

видно, между прочимъ, и изъ слѣдующаго признанія: Bei der grossen Menge ausserordentlichen Umstände, die so kurz nacheinander und zum Theil in der Entfernung erfolget sind, ist nicht möglich Alles und Jedes noch auch mit gleicher Zuverlässigkeit zu erfahren, darumhero ich mir vorbehalte ein oder andern Umstand zu seiner Zeit zu rectificiren, das übrige aber nachzuholen. Онъ сообщаетъ то, что самъ видѣлъ или чему могъ повѣрить, отбрасывая догадки или предположенія: разсказъ о бѣгствѣ Екатерины изъ Петергофа, раннимъ утромъ 28-го іюня, показался ему настолько невѣроятнымъ, что онъ его не включилъ въ депешу и начинаетъ свой разсказъ прямо съ 9-ти часовъ утра, когда уже Екатерина готовилась вступить во дворецъ. Передъ самою отправкою депеши, гр. Мерси Аржанто сообщилъ ему нѣкоторыя подробности, и Прассе посвятилъ имъ особую приписку, помѣченную 1-мъ (12) іюля. Отъ всей депеши вѣетъ тою правдивостью, которая вселяетъ довѣріе ко всѣмъ сообщеніямъ.

18) *Relation de la révolution* arrivée en Russe le 28 juin et suivants 1762, напечатанная въ *Арх. кн. Воронцова,* XXV, 255—264. Эта неизвѣстно кѣмъ составленная реляція заключаетъ въ себѣ три поденныя записи, писанныя въ моментъ совершенія событій — 28, 29 и 30 іюня. Несомнѣнно, однако, что реляція принадлежитъ одному изъ иностранныхъ представителей; въ противномъ случаѣ трудно было бы объяснить слѣдующія строки, включенныя въ запись отъ 28-го іюня: cette même nuit, l'exaltation de cette souveraine au trône de Russie fut annoncée à tous les ministres étrangers — знать это и интересоваться этимъ могъ только членъ дипломатическаго корпуса. Авторъ реляціи разсказываетъ, какъ очевидецъ, особенно подробно то, что происходило передъ его окнами, но точно опредѣлить домъ, въ которомъ онъ жилъ, почти невозможно: его домъ находился насупротивъ лѣтняго дворца (256, 259, 263), на той же улицѣ, что и казанская церковь (255), на Невской Перспективѣ (258). Кто ни былъ бы авторъ этой реляціи, послѣдовательно составлявшейся въ теченіи трехъ дней, ему надо отдать справедливость въ точности,

съ какою онъ отмѣчаетъ время совершенія того или другого движенія, и поблагодарить за сохраненіе весьма важныхъ подробностей относительно того, что происходило передъ лѣтнимъ дворцомъ, на мѣстѣ нынѣшняго инженернаго замка.

19) *Депеши графа Мерси-Аржанто*, римско-императорскаго посла, помѣщены въ *Сборникѣ*, XVIII, 415 и 464. Въ первой депешѣ, отъ 1-го іюля, посолъ описываетъ eine jähe ausgebrochene *höchst glückliche* Begebenheit по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія могъ добыть, и по доходившимъ до него слухамъ; во второй, отъ 13-го іюля, тѣ же свѣдѣнія дополняются уже указаніемъ причинъ, объясненіемъ явленій, обрисовкою лицъ, оцѣнкою поступковъ. Рядомъ съ общеизвѣстными, болѣе или менѣе вѣрными свѣдѣніями, здѣсь встрѣчается нѣсколько новыхъ чертъ, достовѣрность или вѣроятность которыхъ можетъ быть легко обслѣдована. Умышленно-невѣрнаго или завѣдомо-ложнаго въ обѣихъ депешахъ не встрѣчается; замѣчаемыя же иногда ошибки и неточности объясняются какъ самимъ содержаніемъ депешъ, такъ и положеніемъ ихъ составителя.

20) *Депеша Кейта*, англійскаго посланника, впервые обнародована на англійскомъ языкѣ въ *Сборникѣ*, XII, 2, гдѣ помѣщенъ и русскій ея переводъ у *Raumer*, II, 511, французскій у *Grimblot*, 202. Мы должны указать переводъ на иностранные языки, такъ какъ, вслѣдствіе особыхъ условій, при которыхъ депеши англійскихъ посланниковъ получаются изъ англійскаго архива, депеша Кейта напечатана въ искаженномъ видѣ: упоминая о бѣгствѣ шталмейстера Льва Нарышкина, умолчано о графѣ Романѣ Воронцовѣ; точное указаніе на Талызина и Милославскаго[1]) замѣнено неопредѣленнымъ the commissioners of the Admiralty; подробности объ отцѣ и сестрѣ кн. Дашковой, какъ равнымъ образомъ о послѣднихъ желаніяхъ Петра III, опущены.

---

[1]) Le vice-amiral Mardison (Grimblot, 207), вѣроятно, простая описка; слѣдуетъ le contre-amiral Miloslavski (*Архивъ Сената*, Секретн. протоколы 1762 г., № 55, л. 124).

Переворотъ 28-го іюня поставилъ Кейта въ невозможное положеніе и онъ тотчасъ же проситъ Гренвилля о своемъ отозваніи; тѣмъ не менѣе, необходимо признать, что его депеша отъ 1-го іюля составлена вполнѣ добросовѣстно. In the hurry of the times, пишетъ онъ, all J can do is to throw together as many particulars as come to my knowledge — сообщаетъ, по возможности безпристрастно, все, что самъ видитъ, слышитъ отъ другихъ или узнаетъ чрезъ своихъ агентовъ.

21) *Депеша барона Гольца,* прусскаго посланника, отъ 2-го іюля 1762 года. Изъ всѣхъ иностранныхъ представителей, онъ одинъ находился во время переворота съ Петромъ III въ Петергофѣ и сопровождалъ его въ Кронштадтъ. Изъ двухъ его депешъ, въ *Берлинскомъ Архивѣ* хранится только вторая, помѣщаемая, въ *Приложеніяхъ*, III, 2, Какъ во всѣхъ своихъ депешахъ, баронъ Гольцъ недружелюбно относится къ Петру III и всегда готовъ скорѣе обвинить его, чѣмъ оправдать. Поведеніе близкихъ Петру лицъ, фаворитовъ, отмѣчено только у Гольца.

22) *Отрывокъ письма* изъ Петербурга, отъ 13 іюля 1762 года. Авторъ письма неизвѣстенъ; самое же письмо было переслано саксонскимъ резидентомъ Прассе гр. Брюлю, въ Дрезденъ, причемъ охарактеризовано такъ: Relation très fidèle, qui arriva ce moment, mal écrite, mais très-vraye (*Дрезд. Архивъ*, vol. VII, ad № 58, *Приложенія,* V, 2). Несомнѣнно, что авторъ письма находился въ Ораніенбаумѣ въ моментъ возвращенія Петра III изъ Кронштадта; но едва-ли онъ былъ его сторонникомъ. Нѣкоторыя подробности, сообщаемыя въ письмѣ, весьма любопытны; встрѣчаются показанія, рѣшительно ни на чемъ не основанныя, напр.: l'on est occupé à faire le procès à l'empereur.

За участвовавшими въ переворотѣ дѣятелями, за свидѣтелями, бывшими очевидцами переворота, являются современники переворота, оставившіе намъ свои свѣдѣнія о событіяхъ девяти дней. Они не принимали участія, не были даже зрителями фактовъ, совершавшихся съ 28-го іюня по 6-е іюля 1762 г.: одни изъ нихъ писали по слухамъ, излагая событія сообразно своимъ личнымъ взглядамъ,

даже вкусамъ; другіе по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лицъ, которымъ они почему-либо довѣряли и которыхъ признавали способными знать истинный ходъ переворота или нѣкоторыя его подробности; третьи, наконецъ, считали необходимымъ выразить свой взглядъ на самыя событія, какъ бы они ни происходили, причемъ иногда ограничивались чисто академическими разсужденіями. Въ этихъ запискахъ, трактатахъ и письмахъ встрѣчаются иногда, какъ исключеніе, новые, хотя и довольно мелкіе, факты, вѣрные или, по крайней мѣрѣ, вѣроятные, вполнѣ возможные: но въ общемъ эти записи рисуютъ не столько самыя событія девяти дней, сколько своихъ авторовъ и то современное общество, которое читало ихъ и по нимъ нормировало свои взгляды. Въ этомъ отношеніи записи современниковъ являются чрезвычайно важнымъ матерьяломъ. Эти летучіе листки, брошюры и цѣлыя книги должны были удовлетворять любопытству современной публики[1]), естественно заинтересованной познакомиться съ подробностями важнаго политическаго переворота. Издатели, конечно, не скупились на всѣ средства, которыя могли придать изданію болѣе вѣроятности и тѣмъ обезпечить его сбытъ: нерѣдко время и мѣсто написанія показывались завѣдомо ложно; самымъ простымъ явленіямъ придавалось особое значеніе, способное заинтересовать читателя. Эти и подобныя имъ соображенія должны, конечно, быть приняты во вниманіе при оцѣнкѣ сказаній современниковъ, какъ историческаго матерьяла.

Въ годъ переворота, въ 1762 году, появилось шесть, вѣрнѣе, даже семь сообщеній современниковъ:

23) *Gilchrist*, A genuine letter, giving a particular and cir-

---

[1]) Въ одной брошюрѣ издатель обращается къ читателю: Geneigter Leser! Ich liefere dir einen ganz neuen und besonders merkwürdigen Auftritt in die Hände, um deine brennende Neugierde nach Staatsbegebenheiten und wunderbaren Verhältnissen der Grossen dieser Erde, auf die Art, wie sie der vernünftigen und unpartheyischen Welt bekannt gemacht worden, zu befriedigen (Zuverlässige Nachrichten von den traurigen Schiksalen zweener unglücklichen Prinzen Peter des Dritten und Iwan des Dritten. S. 1, 1764).

cumstantial account of the great revolution in Russia and the death of Peter III, London, 1762. Въ заголовкѣ объяснено, что авторъ письма — merchant of Petersburgh и что въ этомъ письмѣ that very extraordinary affair is set in a true light; самое же письмо помѣчено: *Petersburgh, August 5, 1762.* Фальшъ этихъ отмѣтокъ очевидна: письму предпослано объясненіе лондонскаго издателя (The editor to the public), помѣченное 18-мъ августомъ — въ то время одинъ путь изъ Петербурга въ Лондонъ требовалъ болѣе трехъ недѣль, не говоря уже о времени, необходимомъ для напечатанія брошюры. Авторъ, рисующій себя какимъ-то commis-voyageur (p. 9) XVIII вѣка, увѣряетъ, что переворотъ совершился по опредѣленію сената, after solemn and mature deliberation, (p. 2), и что Екатерина арестовала „многихъ" друзей Петра III и въ томъ числѣ двухъ лучшихъ друзей автора (p. 8). Мы полагаемъ, что все письмо сочинено въ Лондонѣ, по слухамъ, въ лучшемъ случаѣ, по частнымъ письмамъ изъ Петербурга.

24) *Warhaffte Nachricht* von der am 9. Julii 1762 in Petersburg vorgefallenen Revolution. Неизвѣстно гдѣ напечатанный летучій листокъ, 8 страницъ in-4°, разсказываетъ въ общемъ довольно вѣрно ходъ переворота. Въ подробностяхъ встрѣчаются неточности, легко, впрочемъ, поправимыя. Такъ, листокъ увѣряетъ, будто Екатерина клятвою въ Казанской церкви подтвердила права и преимущества русскаго народа (S. 7).

25) *Relation* von der am 9-ten Julii 1762 in Petersburg vorgefallenen Revolution. Дословная перепечатка предъидущаго листка съ прибавленіемъ перваго манифеста Екатерины и корреспонденціи изъ Петербурга отъ 10-го іюля, причемъ главные факты представлены вѣрно.

26) *Ob der Kaiser* von Russland Peter III rechtmässig des Thrones entsetzt sey? In einer kurtzen Betrachtung untersuchet von J. 1762. Небольшой трактатъ въ 15 стр., разсматривающій вопросъ съ философско-государственной точки зрѣнія и рѣшающій его такъ: Peter der Unschuldige ist un-

rechtmässig seines Throns beraubt (S. 9). Опровергая обвиненія, взведенныя на Петра III въ Манифестѣ 6-го іюля, авторъ, между прочимъ, говоритъ: Eben so lächerlich sind auch die Einfälle, warum Russland seinen Kaiser verbannt, nämlich: weil derselbe nicht griechisch genug geschienen. Es verdient die Sache keiner Betrachtung. Es bedarf nur eine mittelmässige Einsicht eines Calmucken, diesen thörigten Grund zu verwerfen (S. 13). Трактатъ разбитъ на параграфы; всѣ параграфы основаны на соображеніяхъ, чуждыхъ русской жизни, и весь трактатъ написанъ не убѣдительно и не серьезно. Трактатъ былъ изданъ и на французскомъ языкѣ, но отдѣльное его изданіе не сохранилось. Переводъ напечатанъ въ „Le pour et le contre de Pierre III" подъ заглавіемъ „Remarques sur le détrônement de Pierre III", въ приложеніи къ *Goudar*, и дословно перепечатанъ у *Laveaux*, I, 337, но подъ инымъ заглавіемъ: „Examen impartial des pièces publiées contre Pierre III". Въ примѣчаніи издатель говоритъ: „Cet examen est du roi de Prusse Frédéric II. Les ennemis des peuples y verront sans doute avec étonnement qu'un roi convienne que la tyrannie leur donne le droit de punir les tyrans". Издатель не говоритъ, на чемъ онъ основываетъ такое, по меньшей мѣрѣ, легкомысленное утвержденіе.

27) *Besondere Nachrichten* von Peter dem III verstorbenen Kaiser von Russland. S. 1, 1762. Летучій листокъ въ четыре страницы in 4°, безъ нумераціи. Сообщая манифестъ отъ 18 (7) іюля о кончинѣ Петра III, листокъ приводитъ изъ исторіи девяти дней, нѣсколько фактовъ, по большей части невѣрныхъ.

28) *Merkwürdige Lebensgeschichte* Peter des Dritten, Kaiser und Selbsthalter aller Reussen. Frankfurt und Leipzig, 1762. Довольно обстоятельный разсказъ, составленный по слухамъ и печатнымъ извѣстіямъ, причемъ сохранены нѣкоторыя подробности, невстрѣчающіяся въ другихъ изданіяхъ. Авторъ не знаетъ семьи Воронцовыхъ и фаворитку Петра III опредѣляетъ такъ: Gräfin von Woronzow, eine Nièce des Kanzlers und Tochter des Senators, die auch

den Namen von Aschkof führte (S. 36); не знаетъ и Петра III, о которомъ передаетъ, между прочимъ: Besonders hat er für die Wissenschaften beständig eine grosse Neigung blicken lassen und ist denselben so gewogen gewesen, dass er sich ein ausnehmendes Vergnügen daraus machte den Versammlungen der Kaiserlichen Akademie fast ordentlich beyzuwohnen und die Reden, welche über die wichtigsten Materien gehalten worden, mit anzuhören (S. 12).

29) *Denkwürdigkeiten* der Lebens- und Staats-Geschichte des ohnlängst verstorbenen unglücklichen Czars Peter des Dritten, aus glaubwürdigen Nachrichten und richtigen Urkunden in der Kürze verfasset. Danzig, 1762. Единственная книга въ 100 стр., изданная въ этомъ году по вопросу, занимавшему всю Европу. Здѣсь собраны всевозможнѣйшія свѣдѣнія, вѣрныя и вѣроятныя, возможныя и невозможныя; но авторъ не имѣлъ времени провѣрить ихъ и, торопясь изданіемъ, нерѣдко самъ же опровергаетъ себя. Разсказывая, напр., объ арестованіи принца Георга-Людвига Голштинскаго, авторъ говоритъ (S. 84), что принцъ einen Hieb über den Kopf und noch eine andere Blessur bekommen, и самъ же прибавляетъ: die Nachricht von dieser Verwundung ist falsch. Въ концѣ книги приведено нѣсколько разсказовъ и анекдотовъ, заимствованныхъ изъ различныхъ газетъ единственно, конечно, для удовлетворенія любопытства читателя.

30) *Mémoires* pour servir à l'histoire de Pierre III, empereur de Russie, avec un détail historique des différends de la maison de Holstein avec la cour de Danemarc. Publié par D. Goudar. Francfort et Leipzig, 1763. Въ концѣ книги, какъ Supplément, напечатаны двѣ брошюры подъ особымъ заглавіемъ „Le pour et le contre de Pierre III", причемъ каждая страница раздѣлена пополамъ: вверху помѣщена статья *за* Петра III — французскій переводъ трактата, указаннаго нами выше, подъ № 26-мъ, внизу, курсивомъ, статья *противъ* Петра III — письмо Пикте, безъ даты, упомянутое выше, подъ № 14-мъ. 22-го іюля 1763 г., получивъ эту книгу и прочтя ее, Екатерина II тотчасъ же

написала канцлеру Воронцову: „Прикажите всѣмъ нашимъ министрамъ, гдѣ вы за приличное находите, прилежно изыскивать автора, требовать дабы онъ наказанъ былъ, конфисковать всѣ едиціи и заказать привозъ оной книги въ Россію; она еще оскорбительнѣе для націи, какъ персонально для меня. И все то немедленно учинить. На концѣ оной книги есть Supplément aux Mémoires, которой хуже книги“ (*Сборникъ*, XXVIII, 559). Это было писано императрицей не подъ впечатлѣніемъ минуты. Спустя шесть недѣль, 6-го сентября 1763 г., состоялся также собственноручный указъ сенату, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Слышно, что въ академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и россійской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ, напримѣръ, *Меморіи Петра III* и много подобныхъ. Надлежитъ указать наикрѣпчайшимъ образомъ академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили“ (*Сборникъ*, VII, 318). Такъ какъ въ изданіи Гудара не говорится ничего новаго, что не было бы уже напечатано въ указанныхъ нами ранѣе произведеніяхъ, то изъ отзыва Екатерины можно заключить, что всѣ предъидущія произведенія были скрыты отъ нея или, покрайней мѣрѣ, что она почему либо не читала ихъ. Il y a apparence que les principales et les plus intéressantes circonstances de la dégradation, de l'imprisonnement et de la mort de l'empereur Pierre III ne seront parfaitement connues de dévoilées que dans une longue suite d'années. Nous n'en donnerons ici que celles qu'on peut trouver dans les nouvelles publiques, et dans quelques pièces que l'Impératrice aujourd'hui régnante a jugé à propos de faire répandre (p. 64). Только въ концѣ „Мемуаровъ“ изложенъ довольно подробно „un plan de pacification“ Петра III (p. 123), до тѣхъ поръ не появлявшійся въ печати. Къ тому же, Гударъ излагаетъ событія весьма хладнокровно и довольно безпристрастно, причемъ ни для россійской націи, ни персонально для Екатерины это изложеніе не можетъ быть признано оскорбительнымъ. Гударъ пользовался брошюрой, отмѣченной выше подъ № 27 (p. 23, 35 и др.) и дру-

гими печатными извѣстіями. Указаніе допущенныхъ имъ ошибокъ и обмолвокъ см. *Marche*, p. 274; *Helbig*, Biographie, X.

31) *Lettres d'un officier allemand* à un gentilhomme livonien, ècrites de Pétersbourg en 1762, recueillies et publiées par C. F. S. de La Marche (Schwan). Londres, 1764. Всего 29 писемъ, отъ 2-го января по 19-е іюля 1762 г., писанныхъ, если вѣрить издателю, нѣмецкимъ офицеромъ, жившимъ много лѣтъ въ Россіи и бывшимъ очевидцемъ несчастной судьбы Петра III, и изданныхъ безъ всякихъ измѣненій (sans y avoir fait aucun changement). Вѣрить этому, однако, нельзя; въ самихъ письмахъ виденъ ихъ подлогъ: въ письмѣ, напр., отъ 13-го января 1762 г., авторъ, говоря о любви Петра III къ Ораніенбауму, прибавляетъ: il logeoit là son petit corps Allemand et c'est le lieu où il a trouvé avec le tems son plus grand plaisir et *enfin son infortune* (p. 7). Такихъ обмолвокъ, изобличающихъ время составленія писемъ, довольно много (p. 18, 128, 213 и др.). Не смотря на заявленія „нѣмецкаго офицера", что онъ жилъ близъ дворца (p. 212) и могъ, поэтому, видѣть происходившее подъ его окнами, что онъ изъ устъ самого императора слышалъ о причинахъ переворота (p. 220), онъ не сообщаетъ ничего новаго по исторіи девяти дней: въ письмахъ нѣтъ ни живости очевидца, ни увѣренности лица, близкаго Петру III. Изъ 29-ти писемъ, десять вовсе не касаются ни Петра III, ни его времени; въ письмахъ же, посвященныхъ современнымъ явленіямъ, событія сообщаются хронологически невѣрно: о пріѣздѣ принца Георга-Людвига Голштинскаго упомянуто въ письмѣ отъ 6-го апрѣля, между тѣмъ какъ онъ прибылъ въ Россію еще въ концѣ января; въ письмахъ отъ 8-го и даже отъ 11-о іюля ничего не говорится о смерти Петра III, хотя тѣло его было выставлено еще 7-го іюля, а 11-го совершилось погребеніе. Наконецъ, что особенно характерно, ни въ одномъ письмѣ не изложены впечатлѣнія минуты и всѣ письма наполнены или отвлеченными разсужденіями, или историческими справками. Встрѣчающіяся мѣстами жалостныя восклицанія отзываются очевидною

дѣланностью, лишены искренняго чувства. Эти соображенія заставляютъ относиться къ изданію Ламарша съ крайнею осторожностью и въ эпистоларной его формѣ видѣть не болѣе, какъ особаго рода издательскій пріемъ. Едва-ли справедливо и указаніе, будто авторомъ писемъ былъ „un officier allemand“: въ письмахъ упомянуто, что Петръ III пострадалъ отчасти за свою приверженность къ нѣмецкой военщинѣ; между тѣмъ, когда Петръ III нуждался въ помощи нѣмцевъ, они ограничились платоническими мольбами: Nous levions les mains vers le Ciel pour lui demander la conservation de notre Souverain (p. 218). Послѣднее, 30-е письмо, помѣченное 18 марта 1764 г. и писанное въ Гамбургѣ, принадлежитъ уже другому лицу и заключаетъ въ себѣ тринадцать замѣчаній и поправокъ, относящихся къ труду Гудара. Большинство этихъ замѣчаній фактически вѣрно.

32) *Allerneueste geheime Nachrichten* von Russland unter der Regierung Peters des III. von J. C. M. Zürich, 1766. Небольшая брошюра въ 16 страничекъ, составленная вполнѣ самостоятельно. Обычныя, всѣми повторявшіяся причины переворота — объявленіе Павла Петровича незаконнорожденнымъ, заточеніе Екатерины въ монастырь и женитьба на гр. Е. Р. Воронцовой — замѣнены здѣсь приниженіемъ гвардіи и распущеніемъ лейбъ-кампаніи (S. 4); во главѣ „заговорщиковъ“ поставленъ гр. А. Г. Разумовскій (S. 7) и т. п. При этомъ въ брошюрѣ встрѣчаются указанія, что она писана со словъ какого-либо голштинца (S. 16), бывшаго при Петрѣ III, вслѣдствіе чего въ ней сообщаются нѣкоторыя подробности настолько вѣроятныя, что ихъ невозможно не принимать во вниманіе.

33) *Die merkwürdige Lebensgeschichte* des unglücklichen Russischen Kaysers Peters des Dritten, sammt vielen Anecdoten des Russischen Hofs und derer Personen, aus zuverlässigen Nachrichten ans Licht gestellt von einem Freunde der Wahrheit. Leipzig, 1773. Въ настоящее время опредѣлено, что подъ „другомъ правды“ скрывается нѣкто Ранфтъ (Ranfft), голштинецъ родомъ, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя под-

робности разсказа, какъ, напр., о торжествахъ въ Килѣ по случаю восшествія Петра III на престолъ (S. 189), о предполагавшемся бѣгствѣ императора въ Голштинію (S. 291), и. т. п. Авторъ добросовѣстно повторяетъ исторію девяти дней, какъ она была разсказана его предшественниками, добавляя мѣстами нѣкоторыя новыя подробности и иллюстрируя иногда разсказъ своими личными соображеніями; въ видѣ предисловія, въ началѣ книги разсказана вкратцѣ исторія Россіи отъ Петра I до Петра III. Но десять лѣтъ царствованія Екатерины II сказались и на авторѣ-голщтинцѣ, который настолько уже на сторонѣ императрицы, что довольно ловко обходитъ всѣ щекотливые вопросы, въ концѣ же книги приводитъ въ переводѣ большую часть письма безъ даты щвейцарца Пикте (S. 320). Нарисованные въ концѣ книги довольно вѣрные портреты Петра III и Екатерины II не оставляютъ сомнѣнія, на чьей сторонѣ симпатіи автора.

34) *Histoire de Pierre III*, empereur de Russie. Avec plusieurs anecdotes singulières et dignes de curiosité. Londres, 1774. Анонимный авторъ этой брошюры, Боклэръ (*Beauclair*), воспользовался предъидущимъ трудомъ Ранфта, вкратцѣ изложивъ, своими словами и на французскомъ языкѣ, всю его книгу; мѣстами это дословный переводъ. Не только общій планъ книги, но система изложенія, взгляды, отзывы, все, до портретовъ Петра III и Екатерины II включительно, обличаетъ заимствованіе. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Боклэръ сообщаетъ извѣстія, не встрѣчающіяся у Ранфта, онъ заимствуетъ ихъ изъ ранѣе изданныхъ брошюръ; только двѣ-три подробности принадлежатъ компилятору и записаны, вѣроятно, по слухамъ или разсказамъ другихъ лицъ (p. 117). Man kann ihm übrigens — говоритъ *Helbig*, Biographie, S. X — das Verdienst nicht absprechen, in seinem Buche manche unbekannte und wahr befundene Nachrichten aufgenommen zu haben.

Этими двѣнадцатью изданіями исчерпываются печатныя извѣстія современниковъ исторіи девяти дней появившіяся

при жизни Екатерины. Уже послѣ ея смерти были напечатаны слѣдующія:

35) *Fragments historiques* sur Pierre III et Catherine II. Paris, 1797. Эта брошюра, приписываемая Гэбелю (*Goebel*), появилась нѣсколько недѣль послѣ обнародованія „Histoire“ Рюльера (p. 124) и послѣднія ея страницы посвящены критикѣ этой книги. Хотя авторъ и называетъ себя очевидцемъ переворота (j'ai été présent à cette catastrophe, p. 3), мы относимъ его къ современникамъ: ни на одной изъ 130 стр. брошюры онъ не сообщаетъ никакихъ подробностей изъ исторіи девяти дней; если же, по ходу разсказа, касается этихъ подробностей, то всегда ложно сообщаетъ даже о чисто внѣшнихъ фактахъ (p. 92). Авторъ былъ близокъ съ гр. Минихомъ, въ домѣ котораго встрѣчался съ Рюльеромъ (p. 127); отъ Миниха могъ онъ слышать, конечно, много интересныхъ подробностей, касающихся девяти дней, и могъ бы составить любопытную книгу о томъ времени, которую, по его же словамъ, онъ началъ уже писать (p. 26, 97, 102, 107), но которая, сколько извѣстно, не появлялась въ печати. Напечатанные же „Fragments historiques“ рисуютъ автора съ крайне невыгодной стороны. Избравъ эпиграфомъ изрѣченіе Шекспира: There are more things in heaven and earth, than are dreamt of in your philosophy, онъ не только невѣрно перевелъ его, но и неправильно понялъ, наполнивъ свою брошюру такими сказками, которымъ никто, конечно, не повѣритъ. Въ его „Fragments“ имѣютъ значеніе для насъ только современные слухи и сплетни, ходившіе по городу и характеризующіе до извѣстной степени состояніе умовъ того времени.

36) *Histoire de Pierre III*, empereur de Russie, suivie de l'histoire secrète des amours et des principaux amans de Catherine II, par J. C. *Laveaux*. 3 vls. Paris, 1899. Исторія эта была издана безъ имени автора, который впервые былъ названъ Гельбигомъ (S. XIV). Указаніе Гельбига подтверждается издателемъ, свидѣтельствующимъ, что „Исторія“ составлена секретнымъ агентомъ Людовика XV, жив-

шимъ въ Петербургѣ съ 1761 г. по 1773 годъ, между тѣмъ извѣстно, что въ это время агентомъ состоялъ Jean Charles Laveaux. Самъ анонимный авторъ не разъ называетъ себя очевидцемъ различныхъ событій (p. 204, 213, 217), говоритъ о своихъ близкихъ отношеніяхъ къ лицамъ того времени (p. 250, 272), и, переходя къ исторіи девяти дней, прямо заявляетъ: Je peindrai, d'après nature, Pierre III, Catherine, ses complices, ses amans, la Russie et les russes, tels qu'il sont, et je ne les peindrai ni meilleurs, ni plus méchants, que je ne les ai vus. J'ai peut-être été le seul propre à les voir tels qu'ils sont en effet... puisque je les ai fréquentés, étudiés, analysés pendant plus de dix ans (p. 211). Тѣмъ не менѣе, графъ Сегюръ, французскій посланникъ при дворѣ Екатерины, такъ отзывается о немъ: L'auteur de l'Histoire de Pierre III aime mieux critiquer les hommes qui ont parlé avec justesse de la Russie, que de profiter de leurs lumières, видитъ въ сообщаемыхъ имъ фактахъ des bruits d'antichambre, приравниваетъ его книги à ces libelles qu'on offre honteusement aux passants dans les rues, и, указавъ на нѣкоторыя крупныя неточности, заключаетъ: on peut juger par ce trait de l'exactitude de cet auteur et de la confiance qu'il doit inspirer (Castéra, I, p. VII). Гельбигъ укоряетъ его даже въ плагіатѣ: Лаво перефразировалъ его трудъ о Потемкинѣ, помѣщенный въ „Minerva" Архенгольца (*Helbig*, Biographie, S. XIV). Не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, что Лаво не былъ очевидцемъ переворота: во всемъ разсказѣ нѣтъ ни одной черты, обличающей очевидца; онъ дѣлаетъ ошибки, немыслимыя для лица даже просто бывшаго въ это время въ Россіи — за Екатериной ѣдетъ въ Петергофъ Григорій Орловъ, молебенъ въ Казанской церкви совершается au bruit des applaudissemens de la multitude (p. 256, 258) и т. п.

37) *Histoire de Catherine II*, impératrice de Russie, par J. *Castéra*. 4 vls. Paris, 1800. Еще въ 1797 г. авторъ издалъ „Vie de Catherine II", въ двухъ томахъ; спустя три года — полную исторію въ 4-хъ томахъ. Объ авторѣ и объ источникахъ, которыми онъ пользовался при соста-

вленіи своей книги, мы уже говорили (I, 610); что же касается собственно переворота, авторъ писалъ о немъ по слухамъ, повторивъ, поэтому, нѣсколько ошибокъ (I, 383, 437), но составилъ, по устнымъ и печатнымъ источникамъ, довольно подробную картину, невполнѣ, однако, соотвѣтствующую дѣйствительности.

38) *Histoire de la vie de Pierre III*, par M. de *Saldern*. Metz, 1802. Голштинецъ Сальдернъ долго жилъ въ Петербургѣ, вращался въ высшемъ обществѣ, при дворѣ; въ 1771 г., дѣйствительный тайный совѣтникъ Сальдернъ былъ уже русскимъ посломъ въ Варшавѣ и послѣ перваго раздѣла Польши европейскія газеты разнесли его имя по всему свѣту (*Сборникъ*, XIII, 406). Въ своихъ письмахъ, какъ и въ депешахъ (см. *Приложенія*, III, 1), онъ рисуется не столько хитрымъ, сколько фальшивымъ; онъ обладалъ умомъ, но этотъ умъ руководился злымъ сердцемъ. Въ своей книгѣ онъ вылился полнѣе всего: она вся составлена изъ лжи и фальши. Предисловіе, составленное отъ имени издателя и наполненное похвалами автору, написано самимъ Сальдерномъ (p. 119); увѣреніе, будто авторъ, умирая, завѣщалъ напечатать книгу лишь по смерти Екатерины — тоже ложь: въ книгѣ упоминается, и не разъ, „Histoire“ Рюльера, изданная въ 1797 году. Авторъ не былъ очевидцемъ переворота: въ началѣ іюня Петръ III отправилъ конференцъ-совѣтника Сальдерна въ Берлинъ на конгрессъ (*Сборникъ*, XLVIII, 8); тѣмъ не менѣе, въ заголовкѣ книги указано, что вся она посвящена спеціально этому вопросу: présentant les causes de la révolution arrivée en 1762. Можно было бы думать, что авторъ писалъ исторію девяти дней со словъ если не участниковъ, то очевидцевъ: только у него одного упомянуто объ арестѣ Воронцова (p. 79), что вполнѣ подтверждается письмомъ самого гр. С. Р. Воронцова (*Арх. кн. Воронцова*, VIII, 5); но весь разсказъ полонъ такихъ грубыхъ ошибокъ, что подобное предположеніе является рѣшительно невозможнымъ; за Екатериной въ Петергофъ ѣдетъ Г. Г. Орловъ (p. 76); Екатерина, отправляясь въ походъ, одѣваетъ мундиръ Бутурлина, чтобъ скрыть свою беременность (p. 78),

привалъ для ночлега отнесенъ въ Царское Село (р. 86); арестованный Петръ III отвозится въ Ораніенбаумъ (р. 93); отреченіе отнесено къ 2 іюля (р. 96, 105); даже день переворота показанъ ошибочно — le 18 juin, vieux style, ou le 29, nouveau style. Между тѣмъ, у Сальдерна записано нѣсколько подробностей совершенно вѣрныхъ и невстрѣчающихся въ другихъ изданіяхъ. Книга Сальдерна была переведена на нѣмецкій языкъ (S. 214) съ фальшивымъ указаніемъ мѣста и года изданія[1]).

39) *Жизнь и приключенія* Андрея Болотова, 4 т. Спб., 1871. Значеніе записокъ Болотова было уже указано нами[2]); обращаемъ вниманіе только на исторію девяти дней, изложенную преимущественно въ 99-мъ письмѣ (II, 265). Это одно изъ десяти писемъ девятой части, писанной въ 1800 г., слѣдовательно 38 лѣтъ послѣ переворота. Болотовъ не былъ очевидцемъ переворота — 14-го іюня 1762 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга и 28-го былъ уже въ Псковѣ, въ гостяхъ у сестры (II, 260, 268), гдѣ и услышалъ о совершившемся переворотѣ; но, живя въ Петербургѣ, находясь на службѣ у генералъ-полицеймейстера Корфа, онъ ѣздилъ ко двору, видѣлъ Петра III, Екатерину и другихъ лицъ, игравшихъ роль въ исторіи девяти дней, былъ знакомъ съ Григоріемъ Орловымъ (II, 214), понималъ состояніе умовъ наканунѣ переворота (II, 260, 264, 265), получалъ о немъ письма отъ друзей и сослуживцевъ (см. *Приложенія*, V, I). Всѣмъ этимъ онъ и воспользовался при составленіи своего 99-го письма. Сверхъ того, онъ пользовался печатными источниками; между прочимъ, у него была брошюра „Anecdotes russes“ Ламарша. Приводимъ, для примѣра, отрывокъ, заимствованный имъ почти дословно:

---

[1]) Biographie Peter des Dritten, Kaisers aller Reussen; zur unpartheyischen Ansicht der Wirkung der damaligen Revolution und zur Berichtigung der Beurtheilung des Charakters Catherinens II. Von Herrn von Saldern. *Petersburg, 1800.*

[2]) *Бильбасовъ,* Новые русскіе матерьялы по исторіи Семилѣтней войны, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887, I, 28—32.

Болотовъ, II, 28д.

„Онъ имѣлъ при себѣ тогда болѣе 200 человѣкъ гусаръ и драгуновъ, снабденныхъ добрыми лошадьми, преисполненныхъ мужества и готовыхъ обороняться и защищать его до послѣдней капли крови. Весь задъ былъ у него отверстымъ и свободнымъ и не легко-ль было ему пуститься съ ними въ Лифляндію и далѣе. Въ Пруссіи ожидала уже прибытія его сильная армія, на которую могъ бы онъ положиться, Бывшая съ императрицею гвардія не могла бы его никакъ догнать, она находилась отъ него еще за 20 верстъ разстояніемъ, въ Петергофѣ, и онъ, по крайней мѣрѣ предускорилъ бы оную пятью часами. Никто бы не дерзнулъ остановить его на дорогѣ, а еслибъ и похотѣлъ какой нибудь гарнизонъ въ крѣпости его задержать, такъ могли бы гусары его и драгуны очистить ему путь своимъ оружіемъ.“

La Marche, 238:

„L'empereur avait plus de deux cents Hussards et Dragons bien montés, et qui ne manquoient pas de courage pour le suivre et verser même jusqu'à la derniére goutte de leur sang pour leur Maître; le chemin de la Livonie lui étoit ouvert; une grande armée, à laquelle il pouvoit se fier, l'attendoit en Allemagne; la Garde Russienne ne pouvoit pas le joindre, parcequ'il pouvoit la devancer au moins de cinq heures; personne n'auroit osé s'opposer à lui sur la route, et supposé qu'une petite garnison en Livonie se fût avisée de vouloir l'arrêter, sa suite ait été suffisante pour la passer au fil de l'épée; il étoit d'ailleurs instruit, depuis longtemps, que tous les régimens, qui avoient été en campagne, étoient portés pour lui“.

Передавая факты со словъ другихъ и сообщая о событіи почти 40 лѣтъ спустя, Болотовъ, конечно, допустилъ многія неточности, даже ошибки; но его запись важна, какъ выраженіе взгляда русскаго человѣка, къ тому уже умнаго и получившаго хорошее для того времени образованіе.

40) *Biographie Peter* des Dritten, von *Helbig*, 2 Bde. Tübingen, 1808. Георгъ фонъ Гельбигъ прибылъ въ Россію въ 1787 г., провелъ восемь лѣтъ преимущественно въ Петербургѣ, имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ и лично былъ извѣстенъ Екатеринѣ II, какъ секретарь саксонскаго посольства. Въ Дрезденѣ придавали большую цѣну сообщеніямъ Гельбига, чему, вѣроятно, способствовало отчасти и неудовольствіе на него русской императрицы. „Вы во-

сторгаетесь моимъ 33-хъ лѣтнимъ царствованіемъ — пишетъ она Гримму — между тѣмъ какъ ничтожный секретарь саксонскаго двора, давно уже находящійся въ Петербургѣ, по фамиліи Гельбигъ, говоритъ и пишетъ о моемъ царствованіи все дурное, что только можно себѣ представить; онъ даже останавливаетъ на улицѣ прохожихъ и говоритъ имъ въ этомъ духѣ. Это истый врагъ русскаго имени и меня лично. Разъ двадцать я уже извѣщала саксонскій дворъ, чтобъ его убрали отсюда; но саксонскій дворъ находитъ, повидимому, его сообщенія прелестными, такъ какъ не отзываетъ его; ну, если и послѣ послѣдней попытки, сдѣланной мною по этому поводу, его не уберутъ отсюда, я прикажу посадить его въ кибитку и вывезть заграницу" (*Сборникъ*, XXIII, 651). Гельбигъ вскорѣ и былъ отозванъ изъ Петербурга, въ концѣ 1795 г. Онъ умеръ въ 1813 г., состоя саксонскимъ резидентомъ въ Данцигѣ. Гельбигъ много писалъ о Россіи; извѣстны три его труда: Potemkin der Taurier, въ „Minerva" за 1798 г., I, 27, разсматриваемое жизнеописаніе Петра III и „Russische Günstlinge," (Tübingen, 1809), переведенное нами на русскій языкъ въ „Русской Старинѣ" за 1866 годъ. Во всѣхъ этихъ трудахъ Гельбигъ является вполнѣ добросовѣстнымъ труженикомъ: онъ по большей части называетъ свои источннки, осторожно пользуется ими, провѣряетъ насколько можно свѣдѣнія, почерпаемыя имъ изъ дипломатическихъ депешъ и печатныхъ изданій. Самый же важный, наиболѣе для насъ драгоцѣнный, источникъ Гельбига заключается въ устныхъ разсказахъ современниковъ, которые онъ тщательно собиралъ и весьма добросовѣстно провѣрялъ, критически относясь ко всему имъ слышанному. Такъ, напримѣръ, въ жизнеописаніи Шкурина (Günstlinge, 211) не помѣщены уже слова Петра III, отправлявшагося на извѣстный пожаръ, приведенныя въ „Biographie" (II, 25), изданной годомъ раньше; повторяемое всѣми предположеніе о назначеніи переворота по отъѣздѣ Петра III въ датскій походъ отвергается имъ, какъ нелѣпое (II, 104). Нѣкоторыя подробности изъ исторіи девяти дней, имъ впервые сообщаемыя, оказываются совершенно вѣрными: участіе Рейзера (II, 116) подтверж-

дается официальными бумагами (*Архивъ Сената*, Секретн. дѣла, № 700). Насколько намъ извѣстно, общая картина переворота, составленная Гельбигомъ, была первымъ трудомъ, изобразившимъ исторію девяти дней настолько правдиво, что она повторялась всѣми до послѣдняго времени. Эта картина неполна, не все въ ней точно, многое ошибочно, тѣмъ не менѣе она превосходитъ все, что было писано ранѣе Гельбига.

Наконецъ, въ наше уже время, обнародованы четыре небольшія записи, составленныя или современниками переворота, или съ ихъ словъ.

41) „*Похожденіе* извѣстныхъ петербургскихъ дѣйствъ" — небольшая записка, найденная А. Лазаревскимъ въ какомъ-то сельскомъ архивѣ и изданная имъ въ *Осмнадцатомъ Вѣкѣ*, II, 631—633. По словамъ издателя, записка писана малороссіяниномъ, и уже по этому одному главная роль въ переворотѣ приписана гр. К. Г. Разумовскому, гетману Малороссіи. Въ разсказѣ встрѣчается нѣсколько новыхъ подробностей, иногда довольно наивныхъ, въ рѣдкихъ случаяхъ вѣроятныхъ; въ общемъ же ходъ событія изложенъ почти правильно. Въ этой малороссійской записи замѣчательно одно свѣдѣніе, нигдѣ не встрѣчающееся и, по ходу дѣла, весьма важное: „Государь крѣпко подосадовалъ, что Его Высочество въ Петербургѣ остался".

42) *Описаніе обстоятельствъ*, предшествовавшихъ перевороту. Въ бумагахъ Державина Я. К. Гротомъ былъ найденъ небольшой листокъ писарской руки съ описаніемъ того момента, кагда Петръ III пріѣхалъ 28-го іюня изъ Ораніенбаума въ Петергофъ и узналъ объ отъѣздѣ Екатерины въ Петербургъ. Это описаніе, неизвѣстно кѣмъ составленное, не имѣетъ никакого значенія и не сообщаетъ ничего ни новаго, ни вѣрнаго. Оно помѣщено въ Соч. Державина, изд. Грота, VI, 432, въ примѣч. 3.

43) *Разсказъ Загряжской,* записанный Пушкинымъ и напечатанный въ изд. его сочиненій Исаковымъ. Старшей

дочери гр. К. Г. Разумовскаго, Натальѣ Кирилловнѣ, вышедшей позже замужъ за Н. А. Загряжскаго, было 15 лѣтъ въ 1762 г.; она могла помнить, покрайней мѣрѣ, наиболѣе крупные, наиболѣе рельефные факты событія, въ которомъ она принимала участіе. Между тѣмъ, въ разсказѣ, который ведется отъ лица Загряжской, какъ нетолько очевидицы, но участницы, встрѣчаются такія невозможныя показанія, которыя лишаютъ разсказъ всякаго значенія. Загряжская увѣряетъ, будто ея отецъ, гетманъ Разумовскій, былъ 28-го іюня не съ Екатериною, а съ Петромъ; будто Петръ III, прибывъ въ Кронштадтъ, высадился на берегъ и т. п. Встрѣчается въ разсказѣ и такая необъяснимая странность: „увидя государя, я испугалась, *сѣла на полъ* и закричала: ни за что не пойду на галеру. Насилу меня уговорили". Это было бы правдоподобно въ 5, 6 лѣтъ, но не въ 15-ть. Читая разсказъ въ передачѣ Пушкина, нельзя сомнѣваться, что разсказъ записанъ буквально; остается предположить, что разсказъ былъ сообщенъ Пушкину въ такіе преклонные уже года разсказщицы, когда она все путала, и лица, и факты. Н. К. Загряжская умерла въ одинъ годъ съ Пушкинымъ, 90-лѣтнею бездѣтною вдовою. Признавая этотъ разсказъ совершенно негоднымъ, мы не включили его въ отдѣлъ сообщеній очевидцевъ.

44) *Souvenirs de comtesse Golovine*, о которыхъ мы упоминали, какъ о рукописи (т. I, стр. 267), напечатаны отчасти въ „Revue des deux Mondes", vol. 98, p. 892—914, гдѣ собрано изъ „Воспоминаній" все, касающееся императрицы Екатерины II, въ статьѣ „Catherine II d'après des Mémoires inédits", par M-r le comte Vitzthum (15. Avril 1890). Графиня В. Н. Головина родилась пять лѣтъ послѣ переворота и сообщаетъ о немъ со словъ другихъ, причемъ указываетъ, что именно слышала она отъ Н. И. Панина. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что Панинъ умеръ въ 1783 году, когда гр. Головиной было только 16-ть лѣтъ. Только по изданіи „Воспоминаній" можно будетъ опредѣлить причину неточностей, встрѣчающихся въ разсказѣ. Сообщаемое въ „Воспоминаніяхъ" предположеніе выслать

Петра III въ Голштинію ничѣмъ не подтверждается; разсказъ же, какимъ образомъ Екатерина получила извѣстіе о ропшинской катастрофѣ, опровергается документально (*Архивъ кн. Воронцова,* XXI, 430) и не могъ быть сообщенъ Н. И. Панинымъ. Статья гр. Фицтума передана Л. Н. *Майковымъ,* „Вновь найденныя записки о Екатеринѣ II", въ *Русск. Обозрѣніи,* III, 811; свѣдѣнія же о переворотѣ воспроизведены въ *Русскомъ Архивѣ,* 1890, II, 281. Въ „Разсказѣ Панина", переданномъ Ассебургомъ (см. выше, № 3), нѣтъ подробностей, сообщаемыхъ въ „Воспоминаніяхъ".

II.

Оцѣнка услугъ.

Отзывъ о наградахъ, высказанный выше, на стр. 84, требуетъ объясненія, тѣмъ болѣе, что вопросъ о наградахъ за 28-е іюня, по поводу восшествія на престолъ, не обработанъ самъ по себѣ и не приведенъ въ взаимную связь съ наградами 22-го сентября, по случаю коронаціи.

Награды, пожалованныя Екатериною разнымъ лицамъ за разныя услуги, оказанныя ей при восшествіи на престолъ, давно уже обратили на себя вниманіе. Та или другая награда опредѣляетъ до нѣкоторой степени цѣнность услуги того или другого лица. Здѣсь общіе выводы, широкія заключенія, могутъ быть почти безошибочны. Если изъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, на измайловскій приходится 131 награда, болѣе чѣмъ на два остальные вмѣстѣ — на семеновскій 67 и на преображенскій 48, всего же 115 наградъ — то представляется возможнымъ заключить, что Екатерина высоко цѣнила услугу измайловцевъ, ставила ее выше услугъ преображенцевъ и семеновцевъ вмѣстѣ, и такое заключеніе оправдывается самымъ ходомъ событія. Въ частностяхъ же, относительно отдѣльныхъ лицъ, подобные выводы чрезвычайно затруднительны.

Прежде всего, до настоящаго времени мы не имѣемъ полнаго списка всѣхъ наградъ. Сводъ, сдѣланный нами ниже, пополненъ необнародованными свѣдѣніями, почерпнутыми изъ архивовъ; но онъ все же далеко еще не полонъ. До сихъ поръ въ заграничныхъ архивахъ встрѣчаются указанія, которыя ни подтвердить, ни опровергнуть нельзя. И въ то время, въ Дрезденѣ, напр., знали о наградахъ ранѣе, чѣмъ въ Петербургѣ: у насъ они были обнародованы только 9-го августа, между тѣмъ какъ саксонскій резидентъ Прассе еще 5 іюля извѣщалъ гр. Брюля о важнѣйшихъ наградахъ, причемъ упоминалъ и о такихъ, которые въ свое время обнародованы не были: Ihro Kaiserliche Majestät haben verschiedene Erhöhungen vorgenommen. Zuvörderst ist der Artillerie Capitaine Orlow, welcher Ihro Kaiserliche Majestät bei dieser Gelegenheit so wichtige Dienste geleistet, zum Kammerherrn ernennet, mit dem St. Alexanderorden beehret und vor der Hand mit einem apartement bei Hofe versehen worden; der Admiral Tallysin aber, der sich in Kronstadt so wohl benommen, hat den blauen St. Andreasorden erhalten. Die verwittwete Feldmarschalin Apraxin ist zur Staatsdame erhoben worden, und obwohl die beiden Brüder Naryschkin, nämlich der Oberhofmarschall und der Stallmeister, sich in völliger Freiheit befinden, so thut doch der Hofmarschall Graf Sievers die Dienste des ersten und der zum Stallmeister ernannte Kammerherr Gagarin die Dienste des letzteren. (*Дрезден. Архивъ,* vol. VII, № 58, депеша отъ 16-го іюля.) Не имѣя же полнаго списка наградъ, трудно опредѣлить относительное значеніе услугъ всѣхъ лицъ, удостоенныхъ награды.

Сверхъ того, награда, какъ-награда, не поддается даже приблизительной оцѣнкѣ. Если по заработной платѣ не всегда можно судить о количествѣ труда, хотя то и другое обусловлено договоромъ найма; если цѣна вещи зависитъ не только отъ внутренней ея стоимости, но и отъ многихъ побочныхъ условій, то по наградѣ опредѣлить цѣнность услуги еще труднѣе. Здѣсь личный взглядъ, субъективное сужденіе играютъ весьма значительную роль, являются важными факторами, затрудняющими правильность оцѣнки. Мы знаемъ, напр., за что мичманъ Кожуховъ

награжденъ двумя чинами — онъ „бывшаго императора по многому его прошенію въ кронштадтскую гавань не пустилъ" (*Архивъ Сената*, т. 176, л. 3; *Приложенія*, V, 6; *Веселаго*, II, 181), но кто въ состояніи теперь рѣшить, за что П. Гриневъ изъ поручиковъ произведенъ прямо въ капитаны, или прапорщикъ П. Гурьевъ прямо въ поручики? На сколько въ этомъ случаѣ играла роль личная воля императрицы можно видѣть на наградѣ того же Кожухова: адмиралъ Талызинъ, близко знакомый съ услугою Кожухова, представлялъ его къ награжденію двумя чинами и годовымъ окладомъ жалованья — Екатерина замѣнила годовой окладъ двухгодовымъ.

Такъ какъ награда подобнаго рода опредѣляетъ не безусловную, а относительную цѣнность услуги и, главнѣйшимъ образомъ, выражаетъ взглядъ Екатерины на эту услугу, то для правильной оцѣнки наградъ за 28 іюня необходимо принимать во вниманіе и списокъ наградъ, пожалованныхъ 22 сентября, по случаю коронаціи. Это былъ въ полномъ смыслѣ „милостивый" манифестъ, въ который вошло много лицъ, непринимавшихъ никакого участія въ переворотѣ; при коронаціи не можетъ быть и рѣчи объ услугахъ. Но въ основу милостиваго манифеста по случаю коронаціи кладется всегда прошлая служба; такою службою для Екатерины являлись, прежде всего, услуги, оказанныя при переворотѣ, и въ спискѣ наградъ 22 сентября встрѣчаются тѣ же фамиліи, которыя упомянуты и въ спискѣ за 28 іюня. Отдѣльно эти списки разсматривать нельзя; они дополняютъ другъ друга и списокъ коронаціонный дорисовываетъ взгляды Екатерины на услуги, оказанный ей въ день восшествія на престолъ. Достаточно указать одинъ примѣръ: въ коронаціонномъ спискѣ капитанъ преображенскаго полка П. Б. Пассекъ пожалованъ въ камергеры, а капитанъ того же полка П. И. Измайловъ уволенъ въ отставку, т. е. Измайловъ наказанъ за арестъ Пассека.

Собственно говоря, первый списокъ, списокъ наградъ за извѣстную услугу, представляется частнымъ по отношенію ко второму, коронаціонному, какъ общему. Между тѣмъ, въ первомъ упомянуто 454 лица, тогда какъ во

второмъ всего лишь 77 лицъ. Естественнѣе было бы встрѣтить обратное отношеніе. Изъ 454 лицъ, награжденныхъ за 28 іюня, 330 принадлежатъ полкамъ гвардіи и только 124 всѣмъ остальнымъ вѣдомствамъ; въ число 77 лицъ коронаціоннаго списка вошло 26 лицъ, болѣе одной трети, упоминаемыхъ въ спискѣ наградъ за восшествіе. Изъ этого намъ кажутся вѣроятными только два вывода: вопервыхъ, лично для Екатерины наиболѣе важнымъ вопросомъ представлялось восшествіе на престолъ, а коронація являлась дѣломъ второстепеннымъ, что ясно указываетъ на ея сознаніе, что занятіе престола произошло путемъ необычнымъ, неправильнымъ, и, вовторыхъ, самое восшествіе на престолъ совершилось при преимущественномъ пособіи гвардіи.

Наконецъ, что самое главное, при разпредѣленіи наградъ за 28-е іюня принималась во вниманіе не только оказанная услуга, но также, вопервыхъ, побужденія, руководивщія услужникомъ, и, вовторыхъ, матерьяльное его положеніе. Второе условіе очевидно изъ самого существа наградъ: однимъ — ордена, чины; другимъ — души, имѣнія; третьимъ — деньги, рубли. Очень возможно, что кн. Дашкова, узнавъ о назначенныхъ ей 12,000 рубляхъ, просила императрицу удвоить сумму, въ виду того, что ея мужъ выдалъ долговыхъ обязательствъ на 24,000 рублей[1]); весьма вѣроятно, что Н. Рославлевъ нуждался въ данный моментъ въ деньгахъ и заявилъ желаніе четвертую часть изъ назначенныхъ ему 800 душъ получить деньгами — 600 душъ и 6,000 рублей, что соотвѣтствовало 200 душамъ. Екатерина, конечно, не имѣла повода не удовлетворять подобныхъ желаній — для нея было совершенно безразлично душами или деньгами выдать награду. Несравненно важнѣе первое условіе; оно, къ тому же, гораздо деликатнѣе,

[1]) Намекъ на это мы читаемъ въ „Запискахъ“ самой кн. Дашковой, которая, конечно, даетъ прямо обратное объясненіе: она не хотѣла никакой награды, но чтобъ не обидѣть императрицу назначила пожалованные ей 24,000 руб. на уплату долговъ мужа. Ей довѣрять нельзя. Она себя причисляетъ къ „первому классу“ по наградамъ, и Панина возводитъ въ графы пятью годами ранѣе полученія имъ графскаго достоинства (*Дашкова*, 89).

щекотливѣе. Екатерина не могла относиться одинаково ко всѣмъ пособникамъ, зная, что и сами пособники относились къ ней неодинаково; одни желали видѣть ее самодержицей, другіе — только регентшей до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича; одни преслѣдовали общіе государственные интересы, видя въ переворотѣ избавленіе родины отъ грозившихъ ей напастей, другіе — только свои личные интересы. Къ тому же, Екатерина была несвободна при назначеніи наградъ — ей приходилось иное не высказывать, другое скрывать, нужно было щадить до времени даже врага, миловать недруга.

Всѣ эти условія необходимо принимать во вниманіе при опредѣленіи соотношенія между услугой и наградой[1]). Въ противномъ случаѣ, будетъ севершенно непонятно, почему, напримѣръ, на такую ничтожную личность, какъ кн. М. Н. Волконскій, сыпятся награды (5,000 р. пожизненной пенсіи, генералъ-аншефъ, сенаторъ, брильянтовая шпага), между тѣмъ какъ гр. Я. А. Брюсъ вовсе не встрѣчается въ наградныхъ спискахъ.

Приводимъ общій сводъ наградъ по обоимъ спискамъ — за восшествіе на престолъ и по случаю коронаціи:

А. Восшествіе на престолъ.

28 іюня. 1) Кн. М. Н. *Волконскій* — въ генералъ-аншефы и подполковникомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка.

2) Кн. А. А. *Меншиковъ* — въ полные генералы.

3) В. И. *Суворовъ* — въ премьеръ-майоры преображенскаго полка.

4) Гр К. Г. *Разумовскій*, кн. Я. П. *Шаховской*,

---

[1]) Это вовсе не легко. Даже такой опытный и осмотрительный историкъ, какъ Соловьевъ, допустилъ ошибку при оцѣнкѣ услугъ кн. Дашковой по полученнымъ ею наградамъ: кн. Дашковой пожалованы только 24,000, а не 12,000 р. и 24,000 р. (*Соловьевъ*, XXV, 112), что ясно изъ общаго счета денежныхъ выдачъ (*Сборникъ*, VII, 115).

Н. И. *Панинъ*, кн. М. Н. *Волконскій* — въ сенаторы.

5) Г. Г. *Орловъ* — въ дѣйствительные камергеры.

6) Гр. М. К. *Скавронскій*, гр. П. Б. *Шереметевъ*, Н. А. *Корфъ*, Ѳ. И. *Ушаковъ* — въ сенаторы.

30 іюня. 7) Герасимъ *Крашенинниковъ* — въ камеръ-фурьеры съ рангомъ полковничьимъ[1]).

1 іюля. 8) С. Н. *Сенявинъ* — генералъ-порутчикъ въ отставкѣ; адмиралъ кн. М. М. *Голицынъ* — сенаторъ и членъ адмиралтейской коллегіи.

2 іюля. 9) Адмиралу И. Л. *Талызину* — орденъ св. Андрея Первозваннаго[2]).

10) Кн. С. В. *Гагаринъ* — въ шталмейстеры.

11) Василія *Кретова* — въ подполковники ингерманландскаго полка[3]).

3 іюля. 12) Гр. К. Г. *Разумовскій* и гр А. Б. *Бутурлинъ* — въ генералъ-адъютанты.

13) *Ребиндера* — въ подполковники лейбъ-кирасирскаго полка[4]).

4 іюля. 14) Бывшіе въ Кронштадтѣ при порученной адмиралу И. Л Талызину особой комиссіи: А. *Елецкій* — въ капитанъ-лейтенанты и двугодовое жалованье, Д. *Волковъ* — въ корабельные секретари и годовое жалованье, Ѳ. *Кадниковъ* — въ лейтенанты и двугодовое жалованье, мичманъ М. *Кожуховъ* — въ корабельные секретари и двугодовое жалованье, И. *Безбородовъ* — въ поручики и двугодовое жалованье, М. *Коняевъ* — въ капитанъ-лейтенанты и двугодовое жалованье[5]).

6 іюля. 15) М. Л. *Измайлову* — село Лединово, въ коемъ 2135 душъ.

---

1) *Архивъ Сената*, т. 176, л. 5.

2) *Веселаго*, II, 420.

3) *Архивъ Сената*, т. 176, л. 49.

4) *Ibid.*, л. 46.

5) *Архивъ Сената*, т. 176, л. 3; *Приложенія*, V, 5.

7 іюля. 16) Бывшимъ 28 іюня въ походѣ въ Петергофъ и обратно казакамъ: войска донского войсковому атаману С. *Ефремову* — саблю серебряную съ вензелевымъ изображеніемъ, старшинѣ М. *Поздѣеву*, дьяку И. *Янову*, есауламъ С. *Сулину* и И. *Горбикову*, яицкаго войска старшинѣ А. *Митрясову* — золотыя медали, казакамъ И. *Иловайскому*, И. *Платову*, Н. *Леонтьеву*, В. *Манкову*, Д. *Карпову*, В. *Дронову*, М. *Жмурину*, К. *Денисову*, Ф. *Антонову*, С. *Баранову* и Я. *Сулину* — по десяти рублей[1]).

9 іюля. 17) Полугодовое жалованье нижнимъ чинамъ полковъ гвардейскихъ и гарнизонныхъ (225,890) въ Петербургѣ[2]).

11 іюля. 18) Разнымъ чинамъ бывшаго корпуса лейбъ-кампаніи, которые 28 іюня при восшествіи на престолъ были и пожалованы кавалергардами, но за болѣзнями службу продолжать не могутъ, 34-мъ человѣкамъ[3]).

19 іюля. 19) Академика *Тауберта* — въ библіотекаріусы императрицы и статскіе совѣтники.

26 іюля. 20) Производство по лейбъ-гвардіи конному полку: отставленные при бывшемъ императорѣ безъ награжденія ранговъ: кн. Н. *Шаховской* — гвардіи премьеръ-майоромъ; кн. Н. *Одоевскій* — отъ арміи полковникомъ; Е. *Гурьевъ* — въ спб. гарнизонъ полковникомъ; П. *Бутаковъ* — гвардіи ротмистромъ; гр. Н. *Апраксинъ*, М. *Алсуфьевъ*, Н. *Камынинъ* — гвардіи секундъ ротмистрами; Д. *Мякинина*, И. *Корсакова* — гвардіи поручиками; Н. *Анненкова* — отъ арміи секундъ-майоромъ; И. *Салтыкова* — въ армію премьеръ-майо-

[1]) *Архивъ Сената*, т. 176, л. 229; *Приложенія*, V. 6.

[2]) *Придв. Архивъ*, Опись 511, дѣло № 347; разр. I, № 137, л. 197, и 206.

[3]) *Архивъ Сената*, т. 176, л. 25; *Приложенія*, V, 7.

ромъ; штабъ-лѣкаря Х. *Паульсена* — въ надворные совѣтники и быть при прежней должности.

29 іюля. 21) А. Г. *Орловъ* — въ преображенскій полкъ секундъ-майоромъ съ чиномъ генералъ-майорскимъ, за отмѣнныя услуги отечеству.

1 августа. 22) По лейбъ-гвардіи конному полку: И. *Дараганъ*, Х. фонъ деръ *Фельденъ*, кн. Ю. *Хованскій* — въ ротмистры; Л. *Разваринъ*, Н. *Пронченцевъ*, кн. С. *Черкасскій*, А. *Ржевскій*, П. *Божичъ*, баронъ Г. фонъ деръ *Паленъ*, Н. *Бахтинъ*, П. *Абалдуевъ*, Ѳ. *Хитрово*, гр. В. *Мусинъ-Пушкинъ*, кн. П. *Голицынъ* — въ секундъ-ротмистры; баронъ С. *Строгоновъ*, И. *Поливановъ*, А. *Мельгуновъ*, И. *Чертковъ*, кн. Б. *Шаховской*, кн. И. *Несвицкой*, А. *Щепотевъ*, А. *Ртищевъ*, П. *Бергманъ*, баронъ А. *Строгоновъ*, О. фонъ деръ *Фельденъ*, Ѳ. *Дубянскій*, кн. А. *Мещерскій*, И. *Наумовъ* — въ поручики; кн. П. *Одоевскій*, Ѳ. *Елгозинъ*, П. *Голохвастовъ*, Ѳ. *Суворовъ*, А. *Наумовъ*, Н. *Толстой*, кн. А. *Черкаской*, Н. *Батуринъ*, Н. *Ладыженскій*, В. *Полуехтовъ*, кн. И. *Одоевской*, Г. *Потемкинъ* — въ подпоручики; Н. *Овцынъ*, А. *Жеребцовъ*, А. *Каринъ*, П. *Бабарыкинъ*, В. *Елагинъ*, Г. фонъ *Рейдъ*, А. *Дивовъ*, А. *Сабуровъ*, Г. *Осиповъ* — въ корнеты. Берейторъ Я. фонъ *Гернетъ* — въ рангъ армейскаго капитана. Вахмистры: М. *Кобылинъ*, С. *Колюпановъ*, П. *Головинъ*, Я. *Метлинъ*, П. *Веревкинъ*, П. *Полопоновъ*, А. *Позняковъ*, С. *Коптевъ*, Е. *Бѣловъ*, Н. *Леонтовичъ*, И. *Матзонъ*, А. *Арсеньевъ* — въ армейскіе полки капитанами; Е. *Ивановъ*, М. *Галубинъ* — въ спб. гарнизонъ капитанами; Т. *Колычевъ*, А. *Арсеньевъ*, Л. *Татищевъ* — въ отставку гвардіи корнетами; А. *Засѣцкой* — къ статскимъ дѣламъ титулярнымъ совѣтникомъ; С. *Хлоповъ*, М. *Галкинъ*, Г. *Бѣлавкинъ*, О. *Ма-*

каровъ — въ московской отставной лейбъ-гвардіи батальонъ.

2 августа. 23) Гр. К. Г. *Разумовскому*, Н. И. *Панину* и кн. М. Н. *Волконскому* — по 5000 руб. въ годъ, считая съ 28 іюня.

24) Производство въ измайловскомъ полку: Н. *Чихачевъ*, кн. Н. *Трубецкой*, Н. *Хитрово*, поручикъ П. *Гриневъ* — въ капитаны; А. *Клаверъ*, П. *Вырубовъ*, В. *Пащокинъ*, П. *Ларіоновъ*, кн. Б. *Голицынъ*, П. *Домогацкій*, И. *Павловъ*, И. *Обуховъ*, А. *Дурново*, М. *Калугинъ*, И. *Гурьевъ*, І. *Биль*, И. фонъ-*Энденъ* — въ капитанъ-поручики; Л. *Фокъ*, А. *Козодавлевъ*, И. *Козловъ*, П. *Кукаринъ*, М. *Скобельцынъ*, А. *Голохвастовъ*, П. *Шепелевъ*, И. *Озеровъ*, А. *Щербининъ*, А. *Палибинъ*, Г. *Плещеевъ*, И. *Беклемишевъ*, Н. *Раевской*, кн. Н. *Борятинской*, Г. *Шиповъ*, прапорщикъ П. *Гурьевъ*, П. *Хрущовъ*, М. *Полозовъ*, М. *Рубановскій*, Н. *Карповъ* — въ поручики; В. *Айгустовъ*, кн. В. *Гагаринъ*, кн. С. *Гагаринъ*, кн. П. *Гагаринъ*, А. *Мартыновъ*, А. *Павловъ*, А. *Анненковъ*, А. *Шереметевъ*, А. *Рахмановъ*, Д. *Молоствовъ*, В. *Кошелевъ*, В. *Астафьевъ*, Г. *Глазатовъ* — въ подпоручики: И. *Всеволожской*, Н. *Ушаковъ*, А. *Чириковъ*, М. *Челњевъ*, И. *Ильинъ*, Е. *Сабуровъ*, С. *Неплюевъ*, баронъ В. фонъ-*Розенъ*, А. *Френевъ*, М. *Хомяковъ*, Ѳ. *Павловъ*, С. *Всеволожскій*, В. *Приклонскій*, Е. *Алымовъ* — въ прапорщики.

Отставлены: въ московской отставной лейбъ-гвардіи батальонъ Н. *Кобылинъ* — подпоручикомъ и Ѳ. *Черноусовъ* — прапорщикомъ; Н. *Шеншинъ*, А. *Кропотовъ*, Н. *Чернышевъ*, Г. *Симанской*, И. *Самаринъ*, И. *Черницовъ*, П. *Челюскинъ* — гвардіи поручиками; И. *Телепневъ* — гвардіи подпоручикомъ.

Выпущены: В. *Арцыбашевъ* — въ оренбургскіе полки подполковникомъ; Я. *Ради-*

ловъ — въ армейскіе полки капитаномъ; Я. *Сиверсъ* — въ армію капитаномъ; И. *Балахонцовъ* — въ оренбургскій гарнизонъ капитаномъ; Д. *Аничковъ*, И. *Стахановъ* — въ армейскіе полки капитанами; Н. *Кологривовъ*, А. *Распоповъ*, Н. *Подлевской* — въ ландмилицкіе полки капитанами; С. *Андреевъ*, И. *Сонинъ* — въ отставку отъ арміи капитанами; Е. *Сулима* — въ драгунскіе полки капитаномъ.

По именному Ея Величества указу гр. П. *Разумовскій* и В. Г. *Орловъ* — въ прапорщики.

Перемѣны рангами отставленные при бывшемъ императорѣ безъ награжденія ранговъ: капитаны: И. *Перхуровъ*, Е. *Скобельцынъ* — въ отставку отъ арміи полковниками; Н. *Новосильцовъ* — въ московскій отставной гвардіи батальонъ секундъ-майоромъ, М. *Шеншинъ* — въ отставку секундъ-майоромъ, кн. Л. *Грузинской*, А. *Гурьевъ* — въ отставку гвардіи секундъ-майорами; капитаны-поручики: князь С. *Трубецкой*, А. *Шиповъ*, П. *Ракитинъ*, В. *Толстой* — въ отставку отъ арміи полковниками; И. *Трескинъ* — въ отставной лейбъ-гвардіи батальонъ капитаномъ: И. *Ушаковъ*, А. *Дубровскій*, А. *Рахмановъ* — въ отставку отъ арміи полковниками, Н. *Тишининъ*, С. *Масловъ* — въ отставку гвардіи капитанами; поручики: П. *Долгово-Сабуровъ*, П. *Чихачевъ*, С. *Денисьевъ*, П. *Нащокинъ*, А. *Елагинъ*, Я. *Ордынъ-Нащокинъ*, П. *Татищевъ* — въ отставку гвардіи капитанами-поручиками; подпоручики: М. *Бутурлинъ*, А. *Елагинъ*, В. *Денисьевъ*, А. *Головинъ*, А. *Сабуровъ*, Ѳ. *Соковнинъ*, кн. П. *Борятинскій*, кн. А. *Волконской*, А. *Изъѣдиновъ*, А. *Щепотевъ*, Н. *Шеншинъ*, Ю. *Бибиковъ*, И.

Апухтинъ, А. *Елагинъ*, П. *Зубовъ*, И. *Павловъ*, Н. *Раевской*, А. *Ивашкинъ*, Н. *Нестеровъ* — въ отставку гвардіи поручиками.

25) Производство въ преображенскомъ полку: П. *Чебышевъ*, кн. Ю. *Трубецкой*, А. *Закревскій*, К. *Стрешицъ*, П. *Митусовъ* — въ капитаны; И. *Козляниновъ*, кн. Я. *Козловскій*, М. *Баскаковъ*, Г. *Бекельманъ*, М. *Кодрянъ*, А. *Ушаковъ*, А. *Коптевъ*, М. *Ащеринъ*, С. *Загряжской*, Н. *Озеровъ* — въ капитаны-поручики; Ѳ. *Кутузовъ*, А. *Левашовъ*, А. *Веригинъ*, С. *Беклешовъ*, А. *Ерофеевъ*, Н. *Ашеринъ*, И. *Ступишинъ*, Х. *Винтеръ*, кн. М. *Давыдовъ*, Н. *Афремовъ*, Н. *Бобрищевъ-Пушкинъ* — въ поручики; В. *Толенищевъ-Кутузовъ*, И. *Толенищевъ-Кутузовъ* — въ подпоручики; В. *Жеребцовъ*, А. *Шамшевъ*, П. *Жеребцовъ*, кн. А. *Друцкой-Соколинской*, С. *Челищевъ*, кн. П. *Репнинъ*, С. *Полтевъ*, А. *Шишковъ*, Н. *Волковъ* — въ прапорщики.

Выпущены: А. *Нестеревъ*, П. *Ляпуновъ*, М. *Бахиревъ*, И. *Бабушкинъ* — въ армію капитанами; А. *Бердяевъ* — ассесоромъ къ статскимъ дѣламъ; Я. *Волковъ*, А. *Пыпинъ* — въ московскій отставной лейбъ-гвардіи батальонъ прапорщиками; кн. Ѳ. *Гагаринъ* — въ отставку подпоручикомъ.

По именному Ея Величества указу П. *Пассекъ* — въ капитаны, за понесенный за Ея Величества особу арестъ.

2 августа 26) Производство въ семеновскомъ полку: И. *Шуваловъ*, баронъ Г. фонъ-деръ-*Паленъ* — въ секундъ-майоры: Н. *Энглертъ*, П. *Кожинъ*, Н. *Дмитріевъ-Мамоновъ*, П. *Римскій-Корсаковъ*, Д. *Измайловъ* — въ капитаны; Л. *Талызинъ*, А. *Волковъ*, Ап. *Волковъ*, кн. М. *Голицынъ*, И. *Лихачевъ*, В. *Бибиковъ*, Н. *Дурново*, И. *Нарышкинъ*, В. *Нарышкинъ*, кн. Н. *Трубецкой*, Н. *Щербачевъ*, С. *Озеровъ*, И. *Тре-*

ковъ, Н. *Кожинъ*, Н. *Титовъ*, С. *Дмитріевъ-Мамоновъ* — въ капитаны-поручики: П. *Свиньинъ*, С. *Нарышкинъ*, С. *Дурново*, П. *Талызинъ*, А. *Талызинъ*, кн. М. *Щербатовъ*, Н. *Языковъ*, И. *Клеопинъ*, Я. *Римской-Корсаковъ*, Х. фонъ-*Нолькенъ*, О. *Ушаковъ*, А. *Ладыженскій*, Б. фонъ-*Фитинговъ*, П. *Поздѣевъ* — въ поручики; С. *Вепрейской*, А. *Чичеринъ*, Н. *Вадковской*, В. *Ртищевъ*, Е. *Вадковской*, М. *Милорадовичъ*, кн. М. *Долгоруковъ*, А. *Потемкинъ*, П. *Кошелевъ*, А. *Волковъ*, И. *Кошелевъ*, Н. *Озеровъ*, М. *Злобинъ* — въ подпоручики; Д. *Грушецкій*, Е. *Жедринскій*, Н. *Кожинъ*, А. *Боролевскій*, Я. *Молчановъ*, М. *Ушаковъ*, И. *Бѣлавинъ*, кн. И. *Гагаринъ*, И. *Бибиковъ*, И. *Дурново*, Н. *Пущинъ*, Ѳ. *Нѣмцовъ*, Ѳ. *Воейковъ*, Н. *Булгаковъ* — въ прапорщики.

Выпущены сержанты: Н. *Васьковъ*, П. *Зиновьевъ*, Л. *Дедевкинъ*, А. *Солоповъ*, И. *Заворотковъ*, И. *Вихляевъ*, И. *Одинцовъ* — въ армейскіе полки капитанами.

Отставлены изъ сержантовъ: И. *Абрамовъ*, В. *Ѳедотовъ*, А. *Алабинъ*, Ѳ. *Тишаниновъ*, Т. *Обуховъ*, Н. *Болотовъ* — въ московскій батальонъ прапорщиками; В. *Каблуковъ* — гвардіи поручикомъ; Ѳ. *Кафтыревъ*, Н. *Свербѣевъ*, В. *Мичуринъ*, П. *Жилинъ* — капитанами арміи; К. *Есиповъ* — къ статскимъ дѣламъ арміи капитаномъ; А. *Мѣльницкой*, Ѳ. *Ржевской*, В. *Сурминъ* — арміи капитанами; И. *Симанской* — гвардіи поручикомъ.

3 августа 27) Пожалованіе деревнями или денежною равномѣрною противъ таковыхъ деревень суммою: Ѳ. Д. *Вадковскому*, Г. Г. *Орлову*, А. Г. *Орлову*, П. Г. *Протасову*, Е. *Черткову*, Ѳ. Г. *Орлову*, М. *Похвисневу*, А. *Рославлеву*, М. *Ласунскому*, П. *Вырубову*, Ѳ. *Хитрово*, А. *Еропкину* — 800 душъ; Н. *Рославлеву* — 600 душъ и 6000 рублей; П. *Пасеку*, кн.

Ѳ. *Борятинскому*, кн. П. *Голицыну*—24000 р. М. *Баскакову*, З. *Дубянскому*, гр. В. *Мусину-Пушкину*, кн. И. *Несвицкому*, М. *Дубянскому*. В. *Бибикову*, И. *Ступишину*[1]), Вс. *Всеволожскому* — 600 душъ; С. *Вредихину*, И. *Обухову*, А. *Ржевскому* — 18,000 рублей; Г. *Потемкину* — 400 душъ; Ѳ. *Волкову*, Г. *Волкову* — 350 душъ; С. *Всеволожскому*, А. *Евреинову*, И. *Всеволожскому* — 300 душъ. Тѣмъ же указомъ Ѳ. и Г. Волковы и А. Евреиновъ — въ дворяне.

5 августа 28) В. *Шкурину* — 1000 душъ и въ россійскіе дворяне.

29) Г., А. и Ѳ. *Орловымъ* — 50,000 рублей.

30) Е. *Шарогородской* — 10,000 рублей.

31) Кн. Е. Р. *Дашковой* — 24,000 рублей[2]).

32) Г. Н. *Теплову* — 20,000 рублей.

августа 33) М. Е. *Баскакову* — 6,000 рублей[3]).

24 августа 34) Половинное жалованье отставнымъ лейбъ-кампанцамъ.

29 августа 35) Производство по преображенскому полку. Отставленные при бывшемъ императорѣ: И. *Висленевъ*, П. *Крымской* — секундъ-майорами гвардіи; И. *Полонскій*, М. *Секеринъ*, Ф. *Креницынъ* — полковниками арміи; Е. *Сапега* — капитаномъ гвардіи; Г. *Бобрищевъ-Пушкинъ*, С. *Купреяновъ*, С. *Скорбѣевъ*, С. *Солтыковъ*, Ѳ. *Грибоѣдовъ* — капитанами-поручиками гвардіи; С. *Чоглоковъ*, И. *Пелидовъ* — поручиками гвардіи; А. *Кушелевъ*,

---

[1]) Въ указѣ отъ 3-го августа поручикъ преображенскаго полка И. Ступишинъ не упомянутъ (*Архивъ Сената*, т. 102, л. 93; *Спб. Вѣдомости* за 1762 г., № 64; *Сборникъ*, XLII, 479); онъ значится въ указѣ отъ 6 августа при распредѣленіи деревень (*Архивъ Сената*, 1. с. л. 97).

[2]) Первоначально императрица предположила пожаловать ей 12,000 руб.

[3]) Указомъ 3 августа ему пожаловано 600 душъ; прибавленіемъ 6000 руб. онъ сравненъ съ получившими 800 душъ или 24,000 руб.

С. *Кропотов*, А. *Сабуров* — подпоручиками; къ статскимъ дѣламъ: А. *Булгаков* — коллежскимъ совѣтникомъ, П. *Шишкин* — коллежскимъ ассесоромъ, Г. *Долбилов* въ рангѣ капитанскомъ; В. *Кудрявцев* — премьеръ-майоромъ въ армію; С. *Иванов*— подпоручикомъ въ отставной гвардіи батальонъ; Г. *Антипин* — въ отставной гвардіи батальонъ прапорщикомъ.

31 августа 36) Лѣкарю *Паульсену* — 2,000 руб.; *Лидерсу*, *Ульриху* — 1,000 рублей.

1 сентября 37) И. И. *Неплюеву* — орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Б. Коронація императрицы.

22 сентября. Гр. А. Б. *Бутурлину*, гр. П. С. *Салтыкову*, А. Н. *Вильбоа*, П. И. *Панину*, кн. М. Н. *Волконскому* — брильянтовыя шпаги.

А. А. *Матюшкину*, кн. Е. Р. *Дашкову* — въ статсъ-дамы.

Кн. А. М. *Голицыну*, кн. Я. П. *Шаховскому*, гр. З. Г. *Чернышеву* — орденъ св. Андрея.

М. А. *Толстому*, кн. М. Н. *Волконскому*, кн. *Прозоровскому*, генералъ-поручикамъ *Пальменбаху*, *Племянникову*, *Штофелю*, *Бергу*, С. Ю. *Караулову* и В. *Лопухину*, тайнымъ совѣтникамъ Ѳ. *Соймонову*, В. *Стрешневу*, генералъ-майору А. Г. *Орлову* — орденъ св. Александра Невскаго.

Кн. В. М. *Долгорукова* — генералы-аншефы; Н. М. *Леонтьева* — генералъ-аншефомъ въ отставку; *Фаста*, *Мордвинова* — генералъ-аншефами въ отставку съ награжденіемъ 10,000 рублей.

Гр. И. Г. *Чернышева*, кн. Д. М. *Голицына*, *Нумерса* — въ генералы-поручики; М. *Сафонова* — въ генералъ-поручики въ отставку; ге-

нералъ-поручику *Олицу* — 1,000 рублей на годъ пенсіону.

Г. Г. *Орлова* въ генералъ-адъютанты.

Григорія, Алексѣя, Ивана, Ѳедора и Владиміра *Орловыхъ* — въ графское достоинство.

Премьеръ-майора измайловскаго полка *Рославлева* — въ генералъ-майоры; бригадира *Невѣдомскаго* — въ отставку генераломъ-майоромъ съ награжденіемъ 6,000 рублей; бригадира *Ангелара* — въ отставку генераломъ-майоромъ съ бригадирскимъ жалованьемъ съ 28 іюня.

Генералъ-поручика гр. А. А. *Бестужева-Рюмина* — въ дѣйствительные тайные совѣтники; статскаго совѣтника М. *Салтыкова* — въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Обер-гофмаршала А. А. *Нарышкина* — оберъ-шенкомъ; гофмаршала гр. К. Е. *Сиверса* — въ оберъ-гофмаршалы.

Капитановъ: измайловскаго полка *Похвиснева*, А. *Рославлева*, М. *Ласунскаго*, кн. П. *Голицына*, преображенскаго полка П. *Пассека* — въ камергеры.

Вице-полковника лейбъ-кирасирскаго полка кн. М. *Дашкова*, капитана семеновскаго О. *Орлова*, капитанъ-поручиковъ преображенскаго С. *Бредихина* и М. *Баскакова*, измайловскаго П. *Вырубова* и И. *Обухова*, секундъ-ротмистровъ коннаго А. *Ржевскаго*, Ѳ. *Хитрово*, гр. В. *Мусина-Пушкина*, секундъ-майора напольныхъ полковъ Вс. *Всеволожскаго*, поручиковъ преображенскаго полка Г. *Протасова*, И. *Ступишина*, капитана-поручика инженернаго корпуса В. *Бибикова*, поручика коннаго полка кн. Д. *Несвижскаго*, подпоручиковъ преображенскаго кн. Ѳ. *Борятинскаго* и Е. *Черткова* — въ камеръ-юнкеры.

Капитана преображенскаго полка П. *Измайлова* — въ отставку полковникомъ.

Гусарскихъ полковъ: полковниковъ *Зорича*, *Подгоричанина* — въ бригадиры; подполковниковъ Текелли, *Цвѣтановича* — въ полковники; секундъ-майора *Бедрягу* — въ премьеръ-майоры; капитана *Бедрягу* — въ секундъ-майоры.

При донскомъ войскѣ: бригадиру *Краснощекову* — саблю, полковникамъ *Попову*, *Перфильеву*, *Денисову*, *Луковкинымъ* двумъ, *Дячкину*, *Туроверову*, *Кирсанову* — золотыя медали.

Камеръ-пажей: кн. С. *Меншикова* — въ поручики преображенскаго полка, В. *Аргамакова* — въ подпоручики коннаго полка.

Банковой конторы кассира А. *Евреинова* — въ капитаны.

Этимъ „оцѣнка услугъ" не ограничилась. Въ 1765 году, празднуя трехлѣтнюю годовщину переворота, Екатерина наградила всѣхъ лицъ, оказавшихъ ей услуги 28-го іюня 1762 года, совершенно особою наградою. Не смотря на то, что за истекшіе три года произошло много перемѣнъ, Екатерина съумѣла отдѣлить мелкую непріятность отъ серьезной услуги, составила особый списокъ 33 лицамъ и поручила гофмаршалу кн. Н. М. Голицыну изготовить для каждаго изъ этихъ лицъ серебряные сервизы. Этотъ любопытный списокъ хранится въ *Архивѣ Министерства Финансовъ* (№ 55) въ слѣдующемъ видѣ:

„Въ силу имянного Ея Императорскаго Величества указу здѣланы подъ присмотромъ гофъ-маршала дѣйствительнаго камеръ-гера князя господина Голицына серебряныя серѳизы, и пожалованы отъ Ея Императорскаго Величества нижеписаннымъ персонамъ:

„А имянно

„Генералъ-фельдмаршалу Ея Императорского Величества генералъ-адъютанту дѣйствительному

	Число сереизовъ
камеръ-геру и лейбъ-гвардіи измайловского полку подполковнику сенатору и кавалеру графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому	I
„Дѣйствительному тайному советнику Ея Императорскаго Высочества оберъ гофмейстеру дѣйствительному камеръ геру сенатору и кавалеру Никитѣ Ивановичу Панину	I
„Генералъ-аншефу лейбъ гвардіи конного полку подполковнику и кавалеру князю Михайлѣ Никитичу Волконскому	I
„Лейбъ гвардіи семеновского полку подполковнику и кавалеру Федору Ивановичу Вадковскому.	I
„Штатсъ дамѣ княгинѣ Катеринѣ Романовнѣ Дашковой.	I
„Генералъ фельдцейхмейстеру Ея Императорскаго Величества генералъ адьютанту кавалергардского корпуса шефу лейбъ гвардіи конного полку подполковнику канцеляріи опекунства иностранныхъ президенту дѣйствительному камеръ геру и кавалеру графу Григорью Григорьевичу Орлову и генералъ-порутчику лейбъ гвардіи преображенского полку примеръ майору и кавалеру графу Алексею Григорьевичу Орлову, и камергеру и кавалеру графу Федору Григорьевичу Орлову.	Всемъ онымъ тремъ персонамъ обще тройной сереизъ.
„Камеръгерамъ	
„Михаилу Семеновичу Похвисневу	I
„Князь Петру Алексеевичу Голицыну . . .	I
„Петру Богдановичу Пассеку	I
„Василью Григорьевичу Шкурину и супруге его	обще обоимъ двойной сереизъ.
„Дѣйств. статс. совѣтнику господину Еропкину	I
„Дѣйств. статс. совѣтнику Григорью Николаевичу Теплову	I
„Камеръюнкерамъ	
„Сергею Александровичу Бредихину	I
„Александру Ильичу Ржевскому	I

„Михайле Егоровичу Баскакову 1
„Петру Ивановичу Вырубову 1
„Ивану Васильевичу Обухову 1
„Графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину 1
„Всеволоду Алексеевичу Всеволожскому . . 1
„Василью Ильичу Бибикову 1
„Григорью Григорьевичу Протасову 1
„Ивану Васильевичу Ступишину 1
„Князь Ивану Васильевичу Несвицкому . . . 1
„Князь Федору Сергеевичу Борятинскому . . 1
„Евграфу Алексѣевичу Черткову 1
„Григорью Александровичу Потемкину . . . 1
„Камеръ юнферѣ Катеринѣ Ивановнѣ Шорогородской" 1

На этомъ спискѣ, рукою Екатерины приписано:

„Двумъ Дубенскимъ Михаилу и Захару
„Двумъ Всѣволожскимъ Ілью и Сергею".

Въ этомъ „сервизномъ" спискѣ степень услугъ каждаго лица вылилась въ самомъ порядкѣ перечня ихъ: на первомъ планѣ тѣ же три лица первой категоріи — Разумовскій, Панинъ, Волконскій; за ними — выдающіяся личности второй — Вадковскій, кн. Дашкова, Орловы; далѣе, наконецъ — камергеры и камеръ-юнкеры, пожалованные за 28-е іюня.

Все это „пособники" переворота, но, само собою разумѣется, разной цѣны и неодинаковаго побужденія. Оцѣнка „пособничества" сдѣлана Екатериною въ приведенныхъ трехъ спискахъ; опредѣлить побужденія пособниковъ — задача, предстоящая еще русской исторической наукѣ и едва-ли въ настоящее время вполнѣ разрѣшимая. Главный, если не единственный, матерьялъ для рѣшенія вопроса заключается въ частной перепискѣ современниковъ переворота, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ (разрядъ XI): переписка гр. Бестужева-Рюмина съ гр. Г. Г. Орловымъ (№ 250), Ю. Ю Броуна и Теплова съ Н. И. Панинымъ (№№ 659 и 660), Теплова съ разными лицами (№ 992) и др. дастъ, быть можетъ, ключъ къ рѣ-

щенію или, покрайней мѣрѣ, значительно облегчитъ задачу. Къ сожалѣнію, доступъ къ этимъ матерьяламъ крайне затрудненъ правилами архива 1864 года, неимѣющими ничего общаго съ требованіями науки и до крайности препятствующими всякой ученой работѣ.

За отсутствіемъ фактическаго матерьяла, была сдѣлана попытка разъяснить вопросъ инымъ путемъ — „по наведенію“. Въ этомъ отношеніи была высказана чрезвычайно красивая мысль Д. А. *Корсаковымъ,* въ статьѣ „Сторонники воцаренія Екатерины II“, помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, т. XV, стр. 231—260.

III.

Аттестатъ безумія.

Вопросъ о состояніи умственныхъ способностей „несчастнорожденнаго, а несчастнѣйше еще возросшаго“ Ивана Антоновича остается до настоящаго времени открытымъ. Такіе ученые, какъ Соловьевъ (XX, 147; XXIV, 30), и такіе люди, какъ Ковалевскій (Блудовъ и его время, 242), относятся къ этому вопросу крайне осторожно и, сообщая касающіяся его современныя извѣстія, не рѣшаются произнесть свое окончательное сужденіе; иные, какъ Кочубей (*Чтенія*, 1860, III, 149), совершенно обходятъ этотъ вопросъ; другіе, какъ гр. Брикнеръ (Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники, Москва, 1874), довольно рѣшительно заявляютъ, что Иванъ III былъ „идіотъ“ (65), что „въ его помѣшательствѣ нельзя сомнѣваться“ (69). Это объясняется тѣмъ, что вопросы подобнаго рода, по самому существу своему, крайне трудны и требуютъ отъ изслѣдователя возможной осторожности; въ данномъ же случаѣ затрудненіе значительно увеличивается вслѣдствіе довольно скуднаго матерьяла, на основаніи котораго должно быть выведено заключеніе.

Показателемъ патологическихъ явленій въ мозгахъ Ивана Антоновича служатъ исключительно рапорты приставовъ, наблюдавшихъ „безъимяннаго“ арестанта — не

ихъ личныя сужденія, а сообщаемые ими факты, послужившіе матерьяломъ для ихъ сужденій. Въ теченіи 22 лѣтъ, проведенныхъ Иваномъ III въ заточеніи, съ 1742 по 1764 годъ, смѣнилось девять приставовъ, которымъ былъ порученъ надзоръ за арестантомъ. Изъ этихъ девяти лицъ — Корфъ, Миллеръ, Вындомскій, Гурьевъ, Шубинъ, Овцынъ, Чурмантѣевъ, Власьевъ и Чекинъ — одинъ только Овцынъ высказалъ свое сомнѣніе въ нормальности умственныхъ способностей Ивана Антоновича.

Капитанъ преображенскаго полка Михаилъ Овцынъ находился при безъимянномъ арестантѣ около пяти лѣтъ, съ 1757 г. по 1762 годъ[1]), и только въ теченіи семи мѣсяцевъ 1759 года, съ мая по ноябрь, онъ замѣчалъ въ арестантѣ такіе поступки и рѣчи, которые, какъ онъ полагалъ, свидѣтельствовали о его помѣшательствѣ. По обязанностямъ службы онъ представлялъ свои рапорты два раза въ мѣсяцъ и изъ сотни посланныхъ имъ рапортовъ только въ восьми упомянуто о безуміи, причемъ сообщены и факты, которые подавали поводъ къ такому заключенію. Рапорты Овцына, человѣка, сравнительно, образованнаго и порядочнаго, составлены чрезвычайно правдиво: онъ описываетъ, что видитъ и слышитъ, сознается въ слабыхъ своихъ силахъ противодѣйствовать явленіямъ, признаваемымъ имъ болѣзненными, и, въ концѣ концовъ, чистосердечно заявляетъ: „Опасаюсь, чтобъ не согрѣшить ежели не донести, что арестантъ въ уме помешался, однакожъ весьма сомневаюсь, потому о протчемъ обо всемъ говоритъ порядочно". Непорядочность въ словахъ Ивана Антоновича Овцынъ признаетъ „ни въ

---

[1]) *Государств. Архивъ*, VI, 350, ч. 1-я: „По силѣ имяннаго Его імператорскаго величества всемилостивѣйшаго указу лейбъ-гвардіи преображенскаго полку капитану Михайле Овцыну за ево службу въ награждение три тысячи рублевъ изъ тайной канцеляріи отданы. Оныя денги три тысячи рублевъ леибъ-гвардіи преораженскаго полку капитанъ Михаіла Овцынъ принялъ и росписался". Росписка эта безъ всякой помѣты. Такъ какъ съ 1-го января 1762 года при Иванѣ Антоновичѣ состоялъ уже кн. Чурмантѣевъ (см. выше, стр. 329), то вѣроятно, Овцынъ былъ уволенъ въ концѣ 1761 года.

чемъ кроме какъ въ одной той ереси, что часто сказываетъ про офицеровъ, что ходятъ, шепчутъ і темъ ево портятъ", причемъ правдивый Овцынъ прибавляетъ: „только і отъ безумства никакой шалости і беспокойства неделаетъ". Мы привели выше (стр. 337) главнѣйшія выписки изъ этихъ восьми рапортовъ, Овцына, и указали, что по нимъ нельзя признать Ивана Антоновича помѣшаннымъ.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, съ 1760 по 1764 годъ, по день умерщвленія Ивана Антоновича, ни разу не упоминается о „безуміи" арестанта. Когда же онъ былъ убитъ, то два пристава, умертвившіе его, признали нужнымъ составить и подписать формальный „атестатъ безумія" Ивана III. Въ виду важности этого документа приводимъ его полностію:

„Находясь мы нижеименованныя по высочайшимъ определениямъ во всемилостивѣйшее намъ награждение и ползование покоемъ отъ полученной нами во время службы въ здоровье слабости съ самого 1756-го году даже по приневоление кончины при Іоанне Антоновичѣ рожденномъ принце Броуншвейгъ - волфеньбителскомъ, и тако почти восемъ полныхъ летъ, о всехъ персональныхъ и душевныхъ оного принца качествахъ, свойствахъ и состоянии, столь совершенного какъ и подлинного сведения получить случаи имели, обо всемъ томъ столь же подробно какъ о самихъ себе известными состоя всемерно техъ самыхъ истиннейшихъ и достовернейшихъ засвидетельствованиевъ учинить въ состоянии кои къ подробнейшему онаго принца качествъ и состояния существительному познанию только служить и повостребованы быть могутъ, темъ паче что во время осмилетнаго нашего при немъ пребывания всевозможнейшия о томъ примечании чинили, и потому о следующемъ наисовершеннейше какъ то и въ самомъ деле действительно себя уверять не оставили.

„1) При весьма крепкомъ и желаемомъ за исключениемъ нижеупомянутого естественнаго недостатка совершеннейшемъ здравия состоянии кое какъ подъ симъ упоминается и то отъ единственной только невоздержности крайне редко и не весьма чувствительно лехкимъ при-

падкамъ подвержено было, не имелъ онъ елико то мы о томъ разсуждения иметь могли никакого другаго телеснаго недостатка какъ только одно косноязычество которое однако такъ чрезвычайно действительно было что не токмо произношение словъ съ крайнейшею трудностию и столь неразумительно производилъ что посторонним почти вовсе а намъ яко безотлучно при немъ находившимся весьма трудно словъ ево понять можно было, но еще для сего крайне невразумительного словъ производства подбородокъ свой рукою поддерживалъ и кверху привздымать потому принужденнымъ находился что безъ того и произносимыхъ словъ хоть мало понятными произвесть былъ не въ состоянiи.

„2) Во всю нашу при немъ бытность находился онъ весьма здоровымъ неимевъ ни малейшихъ другихъ припадковъ какъ только времянемъ колику иль въ животе резь которая однако ни отчего другаго и не чаще бывала какъ только тогда когда въ кушанье невоздержность возымелъ и желудокъ какъ въ обеденное такъ и ужинное время чрезъвычайно многимъ и недовольно разжеваннымъ кушаньемъ въ коемъ не имевъ о преимуществе оного никакого различия все безъ разбору и со излишествомъ употребляя отягощалъ, и хотя оныя случившияся припадки ему гораздо чувъствительными быть казались но по излечении употреблениемъ приличпыхъ лекарствъ безпримерную его въ кушанье невоздержную жадность невсегда преодолялъ и паки чувствительной для ево припадокъ себе наводилъ, для минования которого всевозможное наше въ томъ старание простирать чтобъ ево до вреднаго и лишнего кушанья употребления елико то возможно недопускать себя повинными находили, темъ паче что собственной ево разсуждения недостатокъ по которому онъ чинимыя наши ему о томъ къ собственной ево ползе представленiи какъ ниже сего обстоятельно изъяснено и понимать ниже въ пользу свою обращать не могъ.

„3) Сие разума и разсуждения лишение сколь бы много въ худомъ ево здравия содержании и въ неразличии зла отъ добра ниже вкусу приятного отъ противного ни оказывалось, но все еще болше въ совершенномъ не-

достатке действительного ево въ самыхъ малыхъ вещахъ непонятия и по тому развращенныхъ разсуждениевъ столь явно и часто открывалось что съ истинною уверять можно что ни единаго во время восми летъ нами мамента не примечено въ коемъ бы онъ настоящимъ употреблениемъ разума пользовался, чему примера ради некоторыя подведенныя и подъ симъ изображенныя обстоятельства неоспоримо засвидетельствуютъ. Ибо невзирая на чрезвычайное косноязычество и крайнейшее ево трудности произношение такую страсть къ содержанию разговоровъ имелъ, что безпрестанно и неимевъ ни малейшаго повода самъ вопросы себе чиня и ответствуя говорилъ, такия коловратныя слова что всякому человеку себе вообразить весьма трудно было объявляя по часту о себе, что онъ необыкновенного и преимущественнаго предъ нами и протчими людми сложения состоитъ и что тело или плоть ево есть принца Иоанна назначеннаго предъ симъ імператоромъ россиискимъ, которой уже издавна отъ мира, отшелъ а самымъ деломъ онъ есть небесный духъ а имянно святый Григорій которой на себя принялъ образъ и тело Иоанна, почему презирая насъ и всехъ имъ видимыхъ человекъ неоднократъ насъ и протчихъ самомерзейшими тварми почиталъ, сказывая что онъ часто въ небе бываетъ и о тамошнихъ жителяхъ строенияхъ садахъ и протчемъ чудныя ни малейшаго складу имеющия и такия опасания чинилъ что самымъ истиннейшимъ доказательствомъ помешанного разума почитаться имелись, присовокупляя времянемъ что напротивъ того произносимыи нами слова и извнутри исходящии духъ нечистый и огненный состоитъ, называя еретиками не имея и о томъ никакого настоящаго понятия и опорачивая насъ наиуязвленнейшимъ образомъ въ томъ что какъ мы другъ передъ другомъ такъ и передъ образами святыми поклоняемся, подтверждая что темъ явственно мерзость и всякого презрения непотребство наше оказывается, а небесныя де духи изъ числа коихъ и онъ никому покланятся не могутъ. А какъ онъ времянемъ и между многими весьма невразумительными и совершенно коловратными речми желание оказывалъ чина митрополитскаго на себе иметь и потому

нами ему отзыванось было что по часто подтверждаемому имъ о себе свойству ему сего чина принять потому не можно что онъ поставляя себя небеснымъ духомъ никому покланятся не можетъ, митрополитъ же однако по чину своему какъ образамъ такъ и людямъ кланятися долженствуетъ то мало о томъ размыслявъ говаривалъ что и онъ сие справедливымъ же препятствиемъ признаваетъ, но будучи святымъ Григориемъ и въ частомъ бессдованіи зъ Господомъ Богомъ не оставитъ отъ Бога себе дозволения испросить безъ предосуждения своего небесного свойства митрополитомъ будучи времянемъ и поклоны чинить. А какъ онъ весьма сердитаго горячего и свирепаго нрава былъ и никаго противоречия не сносилъ то при малейшемъ примечании нами въ томъ оказуемого иногда сумнительства или скрытого подсмеяния распалившись на того кого онъ въ томъ подозревалъ метался и отъ насильства единственно непротивлениемъ и молчаливостию оставляемъ бывалъ. Впротчемъ ни малейшаго желания даже въ питии и ястве отличного не имелъ и все за едино ставилъ что ему попадалось такъ что времянемъ оставляя нежнейшихъ и приятнейшихъ яствъ суровыми насыщался, не ваходя во оныхъ преимущественнаго темъ оказывающагося вкуса, чтобъ оную когда похвалялъ и въ другорезъ истребовалъ но что ни поставляемо было все безъ разбору вкушалъ. Словесной грамоте действительно не зналъ и оную ему учить по безпрестанно переменяющимся ево воображениямъ способу неимелось, и что ни малейшей памяти ниже къ чему особой склонности или желания не оказывалъ. Равномерножъ никакова настоящаго чувства или понятия о приятныхъ приключенияхъ, радости или прискорбияхъ неизъявлялъ, въ молении же Господу Богу хотя времянемъ предъ образами стоя и упражнялся но не съ темъ понятиемъ како то отъ разумного человека чинится но всю службу токмо въ перекрещении стоя поставлялъ не имевъ о Господе Боге никакого другаго понятія. Упражнение же ево после пищи и пития единственно иль въ расхаживаниі иль въ лежаниі спящимъ или неспящимъ на постеле состояло, и во время расхажи-

ваниевъ часто безъ всакой причины вдругъ разсмеиваясь хохоталъ и словомъ всякия безумия iзъявлялъ.

„Въ такомъ бесчастномъ лишенiи разума, понятия, памяти, и настоящаго съ различиваниемъ чувствъ состояния находился онъ съ самого нашего къ нему определения даже по день кончины, такъ что ни одного часа ниже дня не помними чтобъ отъ него хоть малейшей признакъ бесповрежденнаго разума приметить можно было что мы мы по совести и чести яко же и по присяжной должности собственноручнымъ нашимъ подписаниемъ утверждаемъ. *Капитанъ Данила Власьевъ, Порутчикъ Лука Чекинъ*".

Все это свидѣтельство писано писарскою рукою; подписи Власьева и Чекина собственноручныя. Ни помѣты, когда это удостовѣренiе писано, ни указанiя кому и ради чего оно составлено — нѣтъ. Оно писано на хорошей бумагѣ, какая употреблялась только въ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ — въ сенатѣ, коллегiяхъ, при дворѣ — съ водянымъ знакомъ Pro Patria, и на какой Власьевъ и Чекинъ никогда не писали своихъ рапортовъ.

Въ 1756-мъ году, въ „секретную комиссiю" были опредѣлены ингерманландскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Данила Петровичъ Власьевъ и сержантъ Лука Матвѣевичъ Чекинъ. Ингерманландскiй полкъ входилъ въ составъ петербургскаго гарнизона; войны Россiя въ то время ни съ кѣмъ не вела, и трудно сказать, какимъ образомъ прапорщикъ и сержантъ могли потерять здоровье на службѣ. Вѣроятнѣе предположить, что назначенiе въ „безвѣстную посылку" манило возможностью сдѣлать быстро карьеру: черезъ шесть лѣтъ, въ 1762 году, прапорщикъ Власьевъ уже капитанъ, а сержантъ Чекинъ — поручикъ, причемъ велѣно „числить обоихъ въ комплектѣ, не обходя въ произвожденiяхъ по полку" (*Государств. Архивъ*, VI, 350, ч. 4-я; *Архивъ Сената*, Копiи высоч. повел., т. 176, л. 107; *Приложенiя*, V, 9); черезъ два года, въ 1764 г. Власьевъ уже премьеръ-майоръ, Чекинъ — секунд-майоръ (*Государств. Архивъ*, VI, 400, ч. 3, № 3). Въ первыя шесть лѣтъ нахожденiя ихъ въ „секретной комиссiи", они отличались только своимъ недостойнымъ поведенiемъ съ „арестантомъ", котораго они дразнили и раздражали, на что

неоднократно жаловался Овцынъ. По воцареніи Екатерины, они-то и были назначены главными приставами при Иванѣ Антоновичѣ, имъ въ руки была отдана вся жизнь несчастнаго Ивана III, имъ было предоставлено даже умертвить его.

Въ инструкціи имъ было предписано посылать чрезъ каждыя двѣ недѣли рапорты о состояніи арестанта (п.12-й, *Приложенія*, VII, 2), и въ Государственномъ Архивѣ хранятся всѣ ихъ рапорты, съ 23 августа 1762 года по 5-е іюля 1764 г., числомъ сорокъ-пять. Въ этихъ рапортахъ, они добросовѣстнѣйшимъ образомъ описывали сначала малѣйшій шагъ Ивана Антоновича, отмѣчали всякую мелочь, неимѣющую ни малѣйшаго значенія. Всѣ рапорты писаны Власьевымъ, какъ болѣе „письменнымъ", а подписаны, согласно инструкціи, обоими. Приводимъ, для примѣра, послѣдній изъ „обширныхъ" рапортовъ:

„Его высокопревосходителству господину действителному тайному советнику сенатору Ея императорскаго величества действителному камеръ геру Его императорскаго высочества оберъ гофъ мейстеру разныхъ орденовъ ковалеру Никите Ивановичу Панину

„отъ капитана Данила Власьева и порутчика Луки Чекина

„Всепокорнейшый репортъ.

„Доносимъ Вашему высокопревосходителству прошедшаго декобра на 28 число после полуночи въ 4-мъ часу порутчикъ Чекинъ услышалъ что арестантъ по постеле ерзгаетъ и необычно пышытъ сталъ ему говорить што ета у тебя за шарканья и пышанья такое идетъ никакъ ты на комъ ездишъ лутчебъ етова вставшы да молился Богу и я услышавъ оное сказалъ знать онъ за прежния шалости принимается а арестантъ тогда ничего не говорилъ и въ то время поставленная въ ночнике свеча угасла и я вышедъ въ другую козарму взявъ огня и пришелъ обратно а арестантъ стоялъ у стола и я поставилъ свечу въ ночникъ и спросилъ его што ты стоишъ и онъ указалъ на

порутчика и говорилъ етатъ человекъ на меня кричалъ што ты ерзгаешъ и пышышъ какъ на чертовке ездишъ и я сказалъ арестанту онъ слышелъ што ты шелишъ за то на тебя и кричалъ а тебѣ етакъ делать негодитца надобно быть кротку теперь жа ища ночь такъ пади ложися спать да впреть нешели будь спокоинъ и онъ нешолъ да кричитъ што ему до меня дела нашто онъ на меня кричалъ то порутчикъ взявъ ево за руку и хотелъ отвесть къ ево постеле и арестантъ ухватилъ порутчика за воротъ и разорвалъ на немъ рубашку и порутчикъ толкнулъ ево отъ себя и онъ пошелъ къ своей кровати и закричалъ буть ты проклятъ и потомъ легшы на постелю говорилъ што ета последней самой аѳицеришка меня талкаетъ и сего Генваря 5 числа арестантъ говорилъ што о чемъ вы мне прежде говорили слышно ли што и я спросилъ ево а о чемъ и онъ сказалъ о монашестве слышно ли што и скороли будитъ и я сказалъ ему а ты подлинно ли желаешъ и онъ на то сказалъ я уже говорилъ што желаю пожалуте ежели можно чтобъ мне ужъ къ одному концу и потомъ мы стали говорить ему оба что чинъ монашеской хорошо уставленъ отъ Бога онъ чинъ ангельской и арестантъ сказалъ я знаю и мы на то ему говорили что надобно себя воздержать быть кротку послушливу молиться Богу съ прилежаниемъ и онъ на оное говорилъ я тамъ буду делать по закону и што прикажутъ то все буду делать а окроме вышеписаннаго отъ него розговоровъ и непорядковъ никакихъ не происходило и по сие число оной арестантъ также и караулъ Ея императорскаго величества обстоятъ благополучно. *Капитанъ Данила Власьевъ. Порутчикъ Лука Чекинъ.*"

„Генваря 11 дня
„1763 году".

Вслѣдъ за этимъ рапортомъ, въ теченіе всего 1763 года и до умерщвленія Ивана III, до 5 іюля 1764 года, рапорты составлялись уже по шаблону и состояли изъ трехъ послѣднихъ строчекъ: „арестантъ ни о чемъ разговоровъ не имелъ (*или:* не употреблялъ) и непорядковъ отъ него непроисходило и по сие число оной арестантъ также и караулъ Ея імператорскаго величества обстоитъ благопо-

лучно". Это стереотипное „обстоитъ благополучно" было, наконецъ, замѣчено и Екатериной. Въ небольшой запискѣ къ Панину Екатерина прибавила: „Je me porte bien et comme disent vos gens do Schlusselbourg qui ont tant d'esprit, все здѣсь благополучно состоитъ" (*Сборникъ*, VII, 331).

Дѣйствительно, судя по рапортамъ, ктобъ ихъ ни составлялъ, Власьевъ или Чекинъ, необходимо признать, что составители рапортовъ люди весьма недалекіе. Два года они молчали, не знали, что сообщить объ арестантѣ, извѣщали о пустякахъ, о мелочахъ, незаслуживающихъ вниманія, и, по умерщвленіи уже Ивана III, подписали бумагу составленную въ высшей степени ловко и сообщающую факты чрезвычайной важности. Они, эти „умные люди", даже не сообразили, что эта бумага, ими подписанная, служитъ обвинительнымъ противъ нихъ актомъ.

Нельзя отрицать, что бумага составлена очень ловко. Читая ее, незнакомый съ условіями заточенія Ивана Антоновича составитъ себѣ, на основаніи какъ бы мимоходомъ разбросанныхъ тамъ и сямъ замѣчаній, совершенно невѣрное представленіе о содержаніи „безъимянного арестанта" въ казематѣ шлюссельбургской крѣпости: ему подавали за обѣдомъ и за ужиномъ „нѣжнѣйшія и пріятнѣйшія" кушанья, но онъ, лишенный вкуса на столько, что не могъ отличить „пріятнаго отъ противнаго", насыщался „суровыми яствами" [1]); когда, вслѣдствіе „невоз-

---

[1]) При Елизаветѣ Петровнѣ, продовольствіе Ивана Антоновича было опредѣлено такъ: „Арестанту пища определена въ обедъ по пяти и въ ужинъ по пятижъ блюдъ; въ каждой день вина по I, полъпива по 6 бутылокъ, да квасу потребное число" (*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 2-я); при Екатеринѣ II, въ инструкціи Бередникову было упомянуто, что „съ арестантомъ два офицера садиться будутъ за столъ, чего ради полагается на троихъ въ каждой день на обѣдъ, ужинъ, на хлѣбъ и на питье по полтора рубли" (*Приложенія*, VII, 1). По цѣнамъ того времени, 1 р. 50 коп. на обѣдъ и ужинъ для троихъ вполнѣ достаточно; но само собою разумѣется, что арестантъ по неволѣ „насыщался суровыми яствами" которыя ему подавали, „оставляя нѣжнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ яствъ" которыхъ онъ не видѣлъ. Въ то время, фунтъ говядины 1-го сорта стоилъ отъ $1^3/_4$ коп. до $2^1/_2$ коп.; фунтъ хлѣба — $^1/_2$ коп.; десятокъ яицъ — 3 коп.; бутылка молока — $^1/_2$ коп. (Изъ отчетовъ Бередникова, въ *Госуд.*

держной жадности" арестантъ разстроивалъ себѣ желудокъ — его лѣчили, давали ему „приличныя лекарства"; если онъ не зналъ „словесной грамоты", то потому только, что „оную ему учить безпрестанно перемѣняющимся его воображеніямъ способу не имѣлось"; когда арестантъ, раздраженный насмѣшкою, бросался на приставовъ, они успокоивали его „единственно непротивленіемъ и молчаливостью", и т. под.

Перечитывая рапорты за послѣдніе два года и бумагу безъ помѣты, легко убѣдиться, и по изложенію, и по содержанію, что Власьевъ и Чекинъ не могли составить подобнаго „аттестата безумія": по изложенію, бумага напоминаетъ опытную руку, хорошо владѣющую перомъ, не затрудняющуюся въ выраженіяхъ, чего никакъ нельзя сказать о рапортахъ, образецъ которыхъ мы привели выше, въ рапортѣ отъ 11-го января 1763 года; по содержанію, бумага или прямо противорѣчитъ рапортамъ, или сообщаетъ такія извѣстія, которыя обязательно должны были бы быть въ рапортахъ, еслибъ были справедливы.

Изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, въ продолженіе полутора-года сообщается въ рапортахъ, что „арестантъ ни о чемъ разговоровъ не имѣлъ", по увѣренію же бумаги оказывается, что арестантъ имѣлъ даже „страсть" къ разговорамъ; еще Овцынъ рапортовалъ, что „арестантъ доказываетъ Евангеліемъ, Апостоломъ, Минеею, Прологомъ, Маргаритою и прочими книгами" (*Государств. Архивъ*, VI, 350, ч. 3-я), а въ бумагѣ свидѣтельствуется, что онъ не зналъ азбуки; по рапортамъ, Иванъ Антоновичъ обладалъ такою памятью, что „сказывалъ въ которомъ мѣстѣ и въ житіи какого святого пишется" — по бумагѣ, онъ ни „малѣйшей памяти не оказывалъ", что опровергается даже вышеприведеннымъ рапортомъ отъ 11-го января 1763 г., гдѣ Иванъ Антоновичъ напоминаетъ Власьеву о предложенномъ ему въ сентябрѣ постриженіи.

Естественно-ли, чтобъ Власьевъ и Чекинъ не сообщили Панину о такомъ крупномъ явленіи въ жизни Ивана

Архивъ, VI, 350; ср. *С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1762 г. №№ 54, 67, 91).

Антоновича какъ косноязычіе? Петръ III, посѣтивъ „арестанта“, свободно разговаривалъ съ нимъ и безъ затрудненія еще понималъ его; косноязычіе, если онъ дѣйствительно страдалъ имъ, появилось, слѣдовательно, позже, и Власьевъ и Чекинъ, конечно, рапортовали бы объ этомъ. Еслибъ арестантъ дѣйствительно „обжирался“ до болѣзненныхъ припадковъ, заставлявшихъ прибѣгать къ врачебнымъ средствамъ, въ рапортахъ необходимо было бы объ этомъ упомянуто. Въ инструкціи Власьеву и Чекину, вопросу о постриженіи посвященъ особый пунктъ; они рапортовали Панину даже о томъ, что арестантъ вспомнилъ „о монашествѣ“ — могли-ли они умолчать о его желаніи быть митрополитомъ?

Всѣ эти невѣроятныя заявленія, неправдоподобные разсказы и невозможныя удостовѣренія приводятся, однако, какъ факты второстепенной важности, неимѣющіе особаго значенія; главная, существенная задача составителя бумаги — безуміе Ивана Антоновича. Красною ниткою проходитъ эта основная мысль по всѣмъ пяти частямъ бумаги — по введенію, тремъ пунктамъ и послѣсловію. Составитель такъ занятъ ею, что не замѣчаетъ даже противорѣчій самому себѣ, какъ, напр.: желудочныя боли Ивана III, „*не весьма* чувствительныя“ въ 1-мъ пунктѣ, становятся „*гораздо* чувствительны“ во 2-мъ.

Введеніе и послѣсловіе не имѣютъ значенія для вопроса объ умственныхъ способностяхъ Ивана Антоновича. Во введеніи, Власьевъ и Чекинъ, эти gens d'esprit, по выраженію Екатерины, выставляются не тюремщиками, а психіатрами, имѣвшими полную возможность узнать „персональныя и душевныя качества, свойства и состоянія“ арестанта; въ послѣсловіи, эти гарнизонные офицеры, отказавшіеся отъ военной службы ради обязанностей тюремщиковъ, ссылаются на свою „честь и совѣсть“ въ удостовѣреніе, что подписанная ими ложь есть сущая правда.

Изъ всей бумаги только первый пунктъ всецѣло посвященъ „тѣлесному“ недостатку — косноязычію; во второмъ пунктѣ хотя и говорится о несвареніи желудка, но эта „колика иль въ животѣ рѣзь“ упомянута не столько для доказательства, что Иванъ Антоновичъ не обладалъ

вкусовыми различіями, сколько для указанія, что „собственной его разсужденія недостатокъ“ не позволялъ ему даже понимать добрые совѣты Власьева и Чекина, не говоря уже слѣдовать имъ; третій пунктъ — самый важный; въ немъ приводятся доказательства безумія „арестанта“. Разсмотримъ эти доказательства; ихъ не много — всего пять:

вопервыхъ, онъ часто разговаривалъ самъ съ собою — „безпрестанно самъ вопросы себѣ чиня и отвѣтствуя говорилъ“. Привычка мыслить вслухъ никоимъ образомъ не можетъ быть показателемъ даже слабости ума, не только безумія; она встрѣчается у людей вполнѣ развитыхъ и, по своему положенію, не лишенныхъ общества, не заточенныхъ въ казематъ;

вовторыхъ, называлъ себя принцемъ Іоанномъ, русскимъ императоромъ — „говорилъ такія коловратныя слова, что всякому человѣку вообразить себѣ весьма трудно, объявляя, что тѣло его есть принца Іоанна, назначеннаго императоромъ россійскимъ“. Подобный аргументъ можетъ служить риторическимъ доказательствомъ „отъ противнаго“: безуміе Ивана III подтверждалось бы тѣмъ, еслибъ онъ не называлъ себя принцемъ и императоромъ;

въ третьихъ, съ презрѣніемъ относился къ Власьеву и Чекину — „насъ самомерзѣйшими тварями почиталъ“. Любовное отношеніе арестантовъ къ своимъ тюремщикамъ вообще явленіе ненормальное и рѣдко встрѣчающееся; въ данномъ же случаѣ, судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Овцынымъ, Власьевъ и Чекинъ едва-ли заслуживали лучшаго со стороны Ивана Антоновича отзыва; они вполнѣ оправдали его своею подписью разсматриваемой нами бумаги;

въ четвертыхъ, желалъ быть митрополитомъ — „желаніе оказывалъ чина митрополитскаго на себѣ имѣть“. Иванъ Антоновичъ, конечно, не имѣлъ понятія объ иноческомъ чинѣ; когда такіе „умные люди“, какъ Власьевъ и Чекинъ, стали „обращать“ его въ „ангельскій чинъ“, они говорили ему о іерархіи и онъ, „императоръ“, остановился на высшемъ чинѣ, желалъ быть митрополитомъ. Это совершенно логично. Еслибъ Иванъ Антоновичъ по-

желалъ постричься, чтобъ на вѣкъ остаться послушникомъ, Власьевъ и Чекинъ могли бы съ большимъ основаніемъ привести это въ доказательство его безумія,

и, *въ пятыхъ*, не умѣлъ молиться Богу — „стоя передъ образами всю службу только въ перекрещеніи поставлялъ, не имѣвъ о Господѣ Богѣ никакого понятія". Кто виноватъ въ этомъ? Никакъ не Иванъ Антоновичъ. Русскій человѣкъ до сихъ поръ только крестится и твердитъ „Господи, помилуй", слышанное имъ въ церкви; Иванъ же Антоновичъ и въ церкви ни разу не былъ. Только крайнее лицемѣріе можетъ усматривать въ этомъ признакъ безумія.

Эти пять пунктовъ обставлены въ бумагѣ такими очевидными прикрасами, ложными измышленіями и нелѣпыми разсужденіями, которыя не заслуживаютъ даже опроверженія. Въ общемъ, бумага, подписанная Власьевымъ и Чекинымъ, не представляется даже смѣсью вымысла и истины — въ ней все ложь и обманъ; это не „Dichtung und Wahrheit", а просто „Lug und Trug".

Зачѣмъ понадобилась подобная бумага? Иванъ Антоновичъ уже убитъ, Мировичъ казненъ. Кому же нуженъ этотъ аттестатъ безумія?

Слѣдствіе по дѣлу „о бунтѣ Мировича" было поручено состоявшему при петербургской дивизіи генералъ-поручику И. И. Веймарну. Это былъ человѣкъ не только „умный", какимъ его считала Екатерина (*Сборникъ*, VII, 365), но честный, правдивый. Онъ не обманулъ выбора Екатерины, и слѣдствіе было произведено нмъ образцово. Въ числѣ прочихъ, онъ допрашивалъ Власьева и Чекина; показанія ихъ сохранились (*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. II, л. 187 и 194) — въ нихъ нѣтъ ни слова о безуміи Ивана Антоновича. Веймарнъ не предлагалъ имъ вопросовъ по этому обстоятельству, и еслибъ они коснулись его въ своихъ отвѣтахъ, онъ, вѣроятно, остановилъ бы ихъ замѣчаніемъ, что это къ дѣлу не идетъ. Все слѣдствіе, произведенное Веймарномъ, хранится въ Государственномъ Архивѣ и составляетъ три большія связки. Въ концѣ последней, третьей, связки находятся нѣсколько бумагъ, въ особой обложкѣ, съ указателемъ. Веймарнъ

такъ озаглавилъ эти бумаги: „Реэстръ собраннымъ разнымъ письменнымъ известиямъ принадлежащимъ къ сведению и объяснению обстоятельствъ касающихся до принца Иоанна и находящихся при немъ двухъ афицеровъ" (*Ibid.*, ч. III, № VII). Что же это за „письменныя извѣстія"? Подписка, взятая 13-го октября съ Власьева и Чекина, что они никогда, нигдѣ, никому и ничего не будутъ разсказывать о „секретной комиссіи"; росписка ихъ же, отъ 13-го же октября, о полученіи ими въ награду за вѣрную службу при комиссіи по 7,000 руб. каждымъ; росписка 16-ти человѣкъ команды Власьева и Чекина въ полученіи, 22-го октября, въ награду по 100 рублей; подписка этихъ же 16-ти человѣкъ, отъ 27-го октября, о содержаніи „въ тайности и секретѣ" всего, что они видѣли и слышали, состоя при извѣстной комиссіи — всѣ бумаги помѣчены октябремъ, т. е. уже по экзекуціи Мировича, и въ числѣ ихъ, на первомъ планѣ, „аттестатъ безумія", подписанный Власьевымъ и Чекинымъ, но безъ помѣты. Веймарнъ былъ вполнѣ правъ: дѣйствительно, эти бумаги вполнѣ „объясняютъ" обстоятельства, касающіяся Ивана Антоновича и находившихся при немъ офицеровъ.

И. И. Веймарнъ велъ слѣдствіе чрезвычайно энергично и въ мѣсяцъ окончилъ его. Онъ представилъ императрицѣ экстрактъ изъ всего слѣдствія въ началѣ августа, и тогда же отослалъ все дѣлопроизводство въ сенатъ „для сужденія". Аттестатъ безумія, какъ и всѣ „письменные извѣстія", явился значительно позже; Веймарну, какъ слѣдователю, онъ былъ ненуженъ; не нуженъ онъ былъ и суду — въ соединенномъ собраніи сената, синода и президентовъ коллегій постановленъ былъ приговоръ по дѣлу Мировича, причемъ объ умственныхъ способностяхъ Ивана Антоновича не было и рѣчи.

Объ этомъ упоминается только въ манифестѣ 17-го августа 1764 года, которымъ объявлялось „объ учрежденіи уголовнаго суда надъ бунтовщикомъ Мировичемъ" [1]).

---

[1]) *Архивъ Сената*, т. 111, л. 370; *Iwan*, 3; *Büsching*, VI, 537; *П. С. З.*, № 12228; *Чтенія*, 1861, I. 182; *Осмнадц. Вѣкъ*, III, 361. Указываемъ на французскій и нѣмецкій переводъ манифеста, такъ какъ въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ русскаго текста.

Въ манифестѣ, хотя и кратко, но именно все то сказано объ Иванѣ Антоновичѣ, что пространнѣе изложено въ „аттестатѣ безумія“. Упомянувъ о своемъ вступленіи на престолъ, Екатерина продолжаетъ: „Мы тогда же положили сего принца сами видеть, дабы узнавъ его душевныя свойствы, и жизнь ему, по природнымъ его качествамъ и по воспитанию, которое онъ до того времени имелъ, определить спокойную. Но съ чувствительностию нашею увидели въ немъ, кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ почти невразумительнаго косноязычества, лишение разума и смысла человѣческаго. Все бывшіе тогда съ нами видели, сколько наше сердце сострадало жалостию человѣчеству. Все напоследокъ и то увидели, что намъ не оставалося сему несчастнорожденному, а несчастнейше еще взросшему, иной учинить помощи, какъ оставить его въ томъ же жилище, въ которомъ мы его нашли затвореннаго, и дать всякое человеческое возможное удовольствіе, что и деломъ самимъ немедленно учинить повелели, хотя при томъ чувствы его лучшаго въ томъ состояния противу прежнего уже и не требовали; ибо онъ не зналъ ни людей, ни разсудка не имелъ доброе отличить отъ худаго, такъ какъ и не могъ при томъ чтеніемъ книгъ жизнь свою пробавлять, а за едино блаженство себе почиталъ довольствоваться мыслями теми, въ которые лишение смысла человеческаго его приводило“.

Какъ и аттестатъ безумія, манифестъ вселяетъ ложное представленіе о заточеніи Ивана III, заставляя предполагать, будто, дѣйствительно, о воспитаніи Ивана Антоновича когда либо и кто нибудь заботился. Въ манифестѣ казематъ обращенъ въ жилище, гдѣ „принцъ“ былъ не заточенъ, а лишь „затворенъ“. Распространяясь о безуміи „принца“, составитель манифеста справедливо могъ ожидать, что минутное свиданіе императрицы съ арестантомъ вызоветъ сомнѣніе въ справедливости ея діагноза относительно душевныхъ свойствъ и умственныхъ способностей Ивана III; рѣшительный приговоръ манифеста могъ быть основанъ только на показаніи лицъ, наблюдавшихъ Ивана Антоновича въ теченіе довольно продолжительнаго

времени. Такими лицами были Власьевъ и Чекинъ — они и подписали аттестатъ безумія, не ими составленный.

Аттестатъ составленъ уже послѣ манифеста. Читая въ аттестатѣ увѣреніе Власьева и Чекина, что они потеряли здоровье „на службѣ" въ ингерманландскомъ полку и что они въ вознагражденіе за свою военную службу назначены были въ „секретную комиссію", невольно недоумѣваешь: въ чемъ могла состоять подобная служба сержантовъ пѣхотнаго полка, числящагося въ петербургскомъ гарнизонѣ, и почему они такъ смѣло видятъ „награжденіе" въ назначеніи ихъ тюремщиками, хотя при опредѣленіи ихъ эти мотивы вовсе не упомянуты (*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 1-я). Эти увѣренія оказываются заимствованными изъ манифеста, въ которомъ сказано: „Мы повелели поставить при немъ караулъ надежный, и определить къ нему верныхъ и честныхъ гарнизонныхъ двухъ афицеровъ, а имянно, капитана Власьева и поручика Чекина, которымъ и самимъ по долговременной военной службе и изнуренномъ здоровье а при томъ и неимуществу надобно было дать вмѣсто награжденія покой и пропитаніе до конца ихъ жизни".

Такимъ образомъ, выданный Ивану III аттестатъ безумія не можетъ признаваться документомъ, на основаніи котораго разрѣшался бы вопросъ о состояніи умственныхъ способностей Ивана Антоновича. Къ этому свидѣтельству слѣдуетъ относиться еще осторожнѣе, чѣмъ къ рапортамъ приставовъ Овцына, Власьева и Чекина.

Изъ показаній другихъ лицъ, видѣвшихъ Ивана Антоновича, сохранилось только свидѣтельство Н. И. Панина. Англійскій посланникъ, въ депешѣ отъ 3-го августа 1764 года, сообщаетъ: J was yesterday for nearly an hour with M-r Panin, who told me, in confidence, that he had, at different times, seen the Prince particularly, that once he had been shut up with him for three hours, and assured me, that he found his understanding absolutely confused, and his ideas blended together, without the least rational distinction (*Сборникъ*, XII, 173). Было бы удивительно, еслибъ Панинъ въ своемъ отзывѣ противорѣчилъ Екатеринѣ: разговаривая съ посланникомъ уже послѣ умерщвленія Ивана Антоно-

вича, онъ долженъ былъ такъ отозваться о его умственныхъ способностяхъ, какъ объ нихъ отзывалась Екатерина.

IV.

Мнѣніе о пыткѣ.

Въ письмѣ отъ 9-го іюля 1764 года, Н. И. Панинъ сообщалъ, между прочимъ, Екатеринѣ, что въ 3 часа ночи на 9-е іюля, И. И. Неплюевъ прислалъ къ нему Г. Н. Теплова съ письмомъ и приказалъ ему „словесно сказать“, что „естьлибъ онъ былъ на моемъ месте, то бы онъ ни мало немешкавъ возмутителя Мировича взялъ въ Царское Село і въ скромномъ местѣ пыткою изъ него выведалъ о его сообщникахъ, или ежелибъ сей арестантъ былъ въ его рукахъ, тобъ онъ у него въ ребрахъ пощупалъ съ кемъ онъ о своемъ возмущеніи соглашался, ибо де нельзя надѣется, чтобъ такой малой человѣкъ столь важное дѣло собою однимъ предприялъ, а сие де мучение нужно для того, чтобъ тѣ сообщники не скрылися“. Также словесно, чрезъ того же Теплова, Панинъ отвѣчалъ Неплюеву, что, по его мнѣнію, „предприятие зделано однимъ фанатикомъ злымъ и конечно не имѣетъ большаго заговора“, что, поэтому, онъ не признаетъ необходимымъ подвергать Мировича подобному истязанію, и что, во всякомъ случаѣ, въ Царскомъ Селѣ этого сдѣлать нельзя, и еслибъ оказалось нужнымъ прибѣгнуть къ пыткѣ, онъ, Панинъ, обратился бы за содѣйствіемъ къ нему же, Неплюеву[1]).

Спустя болѣе мѣсяца, въ концѣ августа, опять поднялся вопросъ о необходимости подвергнуть Мировича пыткѣ. Духовные члены верховнаго собранія, судившаго Мировича, первые стали говорить, что Мировичъ, какъ „окаменелый злодей“ только подъ пыткою назоветъ своихъ сообщниковъ. Кн. Вяземскій, исполнявшій въ то время

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 5-я.

должность генералъ-прокурора, увѣдомилъ объ этомъ императрицу, и Екатерина приказала ему „отговаривать отъ пытокъ“ собраніе и будто бы отъ себя „присовѣтывать“, чтобъ вопросъ о пыткѣ былъ оставленъ. Вопросъ, однако, оставленъ не былъ, и 1-го сентября оберъ-прокуроръ Соймоновъ началъ-было обсуждать его съ барономъ Черкасовымъ, но кн. Вяземскій довольно рѣзко прервалъ этотъ разговоръ и потребовалъ, чтобъ баронъ Черкасовъ немедленно подалъ свой голосъ на балотировавшійся въ то время вопросъ: „слѣдуетъ-ли приступить къ сентенціи или нетъ“. Собраніе единогласно рѣшило, что слѣдуетъ приступить къ составленію сентенціи, чѣмъ, конечно, устранялся уже всякій вопросъ о пыткѣ. За сентенцію подалъ голосъ и баронъ Черкасовъ. Онъ вскорѣ, впрочемъ, раскаялся, и на другой же день 2-го сентября, подалъ собранію слѣдующее свое особое мнѣніе[1]):

„Мнѣ невероятно, чтобъ Мировичъ не имелъ сообщниковъ въ своемъ зломъ умысле кроме Апполона Ушакова, темъ наипаче что онъ его одного оговариваетъ, знавъ еще прежде 4-го числа июля, что Ушаковъ утонулъ, и темъ надежнее на мертвого говоритъ, что ему чрезъ то съ одной стороны никакой бѣды здѣлать не можетъ, а съ другой отъ него къ спасенію своему ничего не ожидаетъ.

„Хотя и я согласился о Мировиче приступить къ сентенціи, будучи паче приведенъ къ тому стремлениемъ всего собрания, нежели внутреннимъ увереніемъ, что уже ничего не осталось въ семъ деле болше делать, однако неотчаяваю изъясненіемъ собранію моихъ мыслей, изъ усердія къ отечеству происходящихъ, хотя и нескладно выраженныхъ, облегчить мою совесть укоряющую меня въ томъ, что я вчера неосмотрительно далъ согласіе свое на окончаніе дѣла, когда я еще оное окончаннымъ непоставлялъ какъ и теперь непоставляю.

„Собраніе, по крайней мере некоторыя изъ оного, могло приметить, что я несколько поспорилъ съ гене-

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 3-я.

раломъ-квартирмейстеромъ правящимъ генералъ-прокурорскую должность княземъ Вяземскимъ когда оный пришелъ спрашивать моего мненія на вопросъ: приступать-ли къ сентенціи или нетъ? Споръ оной произшелъ отъ того, что въ то же время оберъ-прокуроръ господинъ Соймоновъ сказывалъ мне, что некоторыя изъ духовенства приговариваютъ злодея пытать. Я тотъ часъ подумалъ, что они хотятъ то делать дабы темъ способомъ, ежели возможно, выведать изъ него не имелъ-ли онъ еще другихъ сообщниковъ въ своемъ замыслѣ, о которыхъ еще необъявлялъ доселѣ или опасаясь ихъ оскорбить, или надеясь отъ утаенія ихъ спасения себѣ въ бедственномъ своемъ состояніи. Я не успелъ съ господиномъ Соймоновымъ вступить о томъ въ разговоръ, какъ князь Вяземской повелительнымъ образомъ запретилъ господину Соймонову продолжать зачатую со мною о мненіи духовенства рѣчь, а отъ меня требовалъ, чтобъ я далъ немедленно свое мненіе на вышеписанной вопросъ.

„Признаюсь чистосердечно, что непонявъ тотъ часъ важности моего ответа, я сказалъ что согласуюсь приступать къ сентенціи; но теперь оной мой ответъ опровергаю, ежели онъ изтолкованъ будетъ будто я имъ слѣдствіе о Мировиче оконченнымъ почитаю. Нѣтъ, отъ такого ожесточеннаго злодѣя недоволно непринужденного признанія. Да и въ чемъ онъ доселѣ признался? Въ томъ чего ему никакъ опорочить неможно; въ томъ, въ чемъ письма его, въ чемъ множество очевидныхъ свидетелей уличаютъ. Собраніе знаетъ, что онъ сообщниковъ имѣлъ въ исполненіи своего намеренія; но оному должно старатся узнать, не имелъ-ли онъ сообщниковъ въ своемъ злодейскомъ умысле, кроме утопшаго Апполона Ушакова. Мировичь какъ въ допросахъ своихъ передъ генераломъ порутчикомъ Веймарномъ, такъ и передъ посланными третьяго дня для увещания его, сказалъ, что онъ все сказалъ, что знаетъ; теперь, по моему мненію, собранію нужно ведать устоитъ-ли онъ въ томъ же при розыске.

„Не подумайте, что я сіе предлагаю изъ природной будто склонности съ жестокости и кровопролитію. Напротивъ, я еще и въ техъ случаяхъ мучительныя розыски

порочу, въ которыхъ оныя иногда и по законамъ нашимъ предписаны, и не поставляю за праведныя какъ тѣ, которыя уже производятся надъ людьми смертной казни достойными и собственнымъ своимъ признаніемъ или полнымъ обстоятельствамъ себѣ оной подвергшими. А кто изъ собранія можетъ сказать, что Мировичь не точно въ семъ случае состоитъ? Я не хочу, чтобъ онъ пытанъ былъ въ намереніи умножить его мученіе за его злодейство, но единственно для принуждения его открыть своихъ сообщниковъ, единомышленниковъ или наустителей, ежели такихъ имеетъ.

„Разумно-ли, праведно-ли жалеть о такомъ лютомъ зверѣ, какъ о человеке? Сколькихъ бы онъ людей погубилъ, ежелибъ нетакъ тщетно предпріятіе его кончилось? Да и съ худымъ успехомъ не умертвилъ-ли онъ на нещастие рожденнаго? Не Власьевъ принца убилъ — ярость Мировича пресекла жизнь его.

„А чтобъ народъ не могъ правдѣ подобной причины иметь о праведномъ намереніи сего собранія сомнѣватся, а былъ бы уверенъ, что оное не для чего иного верховную власть на сей только случай отъ Ея императорскаго величества требовало и получило, какъ чтобъ сколько по человечеству можно испытать о истинне и воздать достойнымъ достойное, то намъ необходимо нужно жестокимъ розыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо передъ всеми теперь живущими, но и следующими по насъ родами. А то опасаюсь, чтобъ не имѣли притчинъ почесть насъ машинами отъ посторонняго вдохновения движущимися или и комедіантами.

„Подумайте прилежно о семъ. А я все сказалъ къ чему совесть моя меня побуждаетъ“.

Не только „все“, но даже нѣсколько болѣе. Выраженіе „комедіанты“ и намекъ на „постороннее вліяніе“ являлись рѣзкими и неумѣстными. Они объясняются толками среди враждебныхъ Россіи иностранныхъ министровъ, но въ устахъ русскаго, къ тому же члена собранія, ничѣмъ оправданы быть не могутъ. Это мнѣніе Черкасова, „съ употребленіемъ въ немъ некоторыхъ предъобидныхъ собранію экспрессей“, возмутило всѣхъ

членовъ. Поднялся шумъ. Отъ Черкасова потребовали, чтобъ „онъ въ сихъ употребленныхъ отъ него предоеудительныхъ экспрессіяхъ признался", но Черкасовъ „сего не учинилъ". Изъ собранія же онъ отправился къ императрицѣ и передалъ ей эпизодъ съ его мнѣніемъ. Екатерина написала по этому поводу слѣдующее письмо[1]) генералъ-прокурору кн. Вяземскому:

„Князь Александръ Алексѣевичь.

„Пріѣхалъ ко мнѣ Черкасовъ и сказывалъ мнѣ, что „цѣлымъ собраніемъ на него жаловаться хотятъ мнѣ. „Я его голоса видѣла, и въ немъ иного не написано, „какъ то, что ему чистое и нелицемѣрное усердіе диктовало. А какъ съ другой стороны чужестранные недоброжелательныхъ дворовъ министры по городу разсѣеваютъ, „что я сама въ семъ дѣлѣ заставляю собраніе для закрывательства истинны комедію играть; сверхъ того и у „насъ уже партіи дѣйствуютъ: того ради повелѣваю вамъ „впредь болѣе ни присовѣтовать, ни оттоваривать отъ „пытокъ, но дайте большинству голосовъ совершенную „волю.

„Екатерина".

Екатерина условилась съ барономъ Черкасовымъ, что онъ „вычернитъ тѣ слова, которыя тронули" собраніе и уполномочила кн. Вяземскаго заявить „на ухо" членамъ собранія, что она не желаетъ, чтобъ это несогласіе было внесено къ ней „для менажемента"[2]). Собраніе постановило: приступить къ составленію сентенціи и уже по подписаніи приговора составить протоколъ „со обстоятельными резонами" по поводу мнѣнія барона Черкасова, ознакомившись предварительно съ представленными въ собраніе протестами П. Панина и другихъ лицъ.

Въ засѣданіи 9-го сентября, по подписаніи сентенціи, собраніе занялось составленіемъ „обстоятельныхъ резоновъ", побудившихъ его не подвергать Мировича пыткѣ

---

[1]) *Осмнадц. Вѣкъ,* III, 365.

[2]) Во второмъ письмѣ къ кн. Вяземскому. *Ibid.*, 366.

и отвергнуть мнѣніе барона Черкасова. Это мнѣніе было теперь вторично прочитано, уже какъ инкриминирующая бумага, послѣ чего собраніе выслушало слѣдующее, мотивированное особыми пунктами, мнѣніе П. И. Панина:

„Я весьма увѣренъ, что всѣ господа члены, имѣющіе честь присутствовать въ семъ почтеннѣйшемъ и снабденномъ высочайшею отъ Ея імператорскаго величества довѣренностью собраніи, въ которомъ числѣ и я имѣю счастіе быть, разсужденіи свои употребляли и нынѣ употребляютъ по злодѣйскому Мировичеву дѣлу по единой сущей подданнической вѣрности къ Ея імператорскому величеству нашей всемилостивѣйшей Государыни и по истинному усердію о сохраненіи какъ Ея освященной монаршеской, такъ и всего своего отечества цѣлости на всѣ будущія времена со всякою потребно́ю къ тому благоразу̂мнѣйшею предосторожностію и безъ иного какого либо особаго несогласнаго тому стремленія.

„Но какъ присутствующій между нами господинъ камергеръ и президентъ Медицынской Коллегіи баронъ Черкасовъ представленнымъ письменнммъ своимъ голосомъ подозрѣваетъ, что почтеннѣйшее собраніе къ непроизведенію злодѣю Мировичу пытки оказалось въ такомъ стремительствѣ, коимъ его на приступленіе къ сентенціи не производя пытокъ безъ настоящей въ томъ его воли воздерживаетъ, почему онъ собранію и совѣтуетъ: чтобъ предостеречься дабы въ будущія времена не быть оному почтену машинами движущимися отъ посторонняго вдохновенія или комедіантами.

„Хотя совѣсть моя отнюдь меня то не отягощаетъ, чтобъ я, такъ какъ, надѣюсь, и всѣ другіе господа здѣсь присутствующіе первыхъ классовъ чины по сему злодѣйскому дѣлу другимъ какимъ стремительствомъ кромѣ единой истинной подданнической вѣрности и усердія предводимы или же постороннимъ какимъ духомъ яко безразсудныя машины подвигаемы были, равнымъ образомъ, чтобъ и въ касающемся дѣлѣ до благосостоянія нашей законной государыни и всего отечества комедіантскія лица на себя воспримали, однакожъ истинная моя вѣрность и усердіе къ Ея імператорскому величеству и къ отечеству

побудила меня остальными моими природными силами повторить и вновь себѣ сообразить всѣ какъ состоящія въ томъ Мировичевомъ дѣлѣ обстоятельства, а по онымъ статскія и политическія размышленія и резоны, такъ и настоящую силу всѣхъ государственныхъ о пыткахъ законовъ съ присовокупленіемъ высочайшаго Ея імператорскаго величества милосердаго соизволенія, изъявленнаго во всѣхъ случаяхъ на страждущее человѣчество, въ чемъ во всемъ, по самой моей истинной вѣрноподданнической совѣсти не нашелъ я никакихъ другихъ обстоятельствъ кромѣ утверждающихъ меня остаться въ прежнемъ же мнѣніи согласномъ со всѣмъ собраніемъ, потому же при семъ почтенному собранію подношу особливыми пунктами всѣ тѣ обстоятельства, кой меня въ томъ утвердили, прося нижайше оныя со всякимъ прилежнымъ вниманіемъ разсмотрѣть и естьли собраніе само останется на прежнемъ своемъ опредѣленіи о заключеніи надъ винными сентенціи безъ пытокъ, то въ такомъ случаѣ представляю не настоитъ-ли должности слѣдующія по сему мѣры принять:

„1-е) отъ господина президента барона Черкасова истребовать кого онъ знаетъ или кого почему себѣ воображаетъ быть въ собраніи постороннимъ духомъ движущимъ оное на объявленное въ голосѣ его стремленіе;

„2-е) до подписки сентенціи оговорить особливымъ протоколомъ, для чего именно оный голосъ оставляется, а къ нему не приступается, и

„3-е) какъ сей его голосъ многими непристойными словами въ противность регламента наполненъ, предосуждающими на будущія времена не токмо всѣхъ засѣдающихъ теперь въ семъ собраніи персонъ изъ коихъ большая часть несравненно болѣе его господина барона очечеству своему и нынѣ благополучно владѣющей нашей всемилостивѣйшей Государынѣ службы и вѣрности прямыми опытами съ жертвою жизни своей оказали, да и въ государственныхъ дѣлахъ до сѣдинъ уже своихъ съ опробованнымъ усердіемъ всегда обращались, но касаются до порицанія и обоихъ во всей имперіи тѣхъ правитель-

ствующихъ мѣстъ, въ которыхъ собственно сама Ея імператорское величество президуетъ, то ко отвращенію, чтобъ такое порицательное имъ сочиненіе не осталось въ Архивѣ: не слѣдуетъ-ли быть должности оное ему возвратить и благопристойнымъ образомъ его барона привести предъ собраніемъ къ достойному признанію въ касательности оными его предъосудительными словами обоихъ правительствующихъ мѣстъ и всего высокопочтеннаго сего собранія.

„Петръ Панинъ.“

Петръ Ивановичъ Панинъ, прочтя этотъ свой протестъ, который былъ выслушанъ собраніемъ „со вниманіемъ“ передалъ секретарю особую записку, въ которой имъ изложены мотивы, руководившіе Панинымъ при „непризнаваніи“ необходимымъ пытать Мировича. Собраніе съ такимъ же вниманіемъ выслушало и прочитанныя секретаремъ пункты слѣдующаго содержанія:

„Пункты изъ дѣла злодѣя Мировича, съ штатскими и политическими размышлениями, которыя подаютъ резоны остатца при прежнемъ учиненномъ всемъ собраніемъ опредѣленіи о заключеніи надъ винными сентенціи безъ произведения пытокъ.

„1-е) Законы о пыткахъ всехъ христіанскихъ, особливо жъ нашихъ благочестивыхъ и всемилостивѣйшихъ государей, неоспоримо для того единаго изданы, чтобы пыткою тѣ дѣла разнимать, по которымъ злодѣй или впадающия къ подозреніе къ злодѣйству, не могутъ быть приведены, какъ къ признанію, такъ і ко утверждению настоящаго о преступленияхъ ихъ вероятія, ни собственнымъ признаніемъ, ни увѣщаніемъ, ни времянемъ, ни обстоятельствами, ни обличеніями ниже письменными или словесными свидетельствами. Равнымъ же образомъ и тѣ дѣла, по которымъ скрываетца вредной предметъ ихъ злодѣйства: то чтобъ пытками оной изыскавъ, совсемъ ево для будущей безъопасности отвратить і изтребить.

„2-е) Во утвержденіе сей неоспоримой въ государственныхъ о пыткахъ законахъ правды, первой основатель въ Россіи всехъ европейскихъ просвященей, въ Бозѣ теперь опочивающій государь Петръ Великій, въ изданномъ воинскомъ артикулѣ и процессахъ предписалъ: кто при-

знается чемъ онъ виненъ есть, тогда далняго доказу не требуетъ, понеже собственное признаніе есть лучшее свидетельство всего света, и чтожъ бы въ пыткахъ поступать съ возможною предосторожностию и безъ доволныхъ подозреней къ пытке не приводить.

„3-е) Нынѣ же благополучно владеющая Всемилосердѣйшая наша Государыня и тщателнейшая Попечительница жъ о распространеніи въ Россіи европейскихъ просвящений, какъ и посыланная отъ собрания депутація сама засвидетельствовать щастіе имела, изъявляетъ во всехъ случаяхъ, какую Ея величество нежность въ освященнейшемъ своемъ сердцѣ иметь изволитъ прискорбностію къ страданію человечества; а конечно по той самой милосердой къ крови своихъ подданныхъ нежности всемилостивѣйше соизволила въ изданномъ еще въ прошломъ 1763 году указе о пыткахъ между прочимъ повелеть: преступникамъ, кои съ первыхъ допросовъ или со очныхъ ставокъ во всемъ покажутъ справедливо, то таковымъ не только не чинить пытокъ, ниже и пристрастныхъ распросовъ, но дѣло решить по законамъ повелевая притомъ только чинить преступникамъ увещаніи, предписаннымъ въ томъ указе образомъ[1]).

„4-е) Нельзя же никакъ сумневатца, чтобъ не по той же самой Ея величества милосерднейшей нежности, въ изданномъ въ народъ о злодѣе Мировичѣ Манифестѣ между протчимъ изображено, что Ея величество собственно усмотря изъ окончаннаго уже Генераломъ Поручикомъ Веймарномъ о злодѣе Мировичѣ следственнаго дѣла, сколь великость онаго злодейства много интересуетъ цѣлое отечество, посылаетъ оное дѣло уже на судъ, повелевая его выслушать отъ него Господина Веймарна и

---

[1]) П. И. Панинъ, очевидно, имѣетъ въ виду именной указъ 10-го февраля 1763 года (*П. С. З.*, № 11, 750), гдѣ § 2-й вполнѣ соотвѣтствуетъ указанному мѣсту. Необходимо, однако, замѣтить, что указъ этотъ опредѣляетъ порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ по воровству, разбою и пристано-держательству, причемъ въ § 5-мъ упомянуты „лихоимцы, грабители и похитители государственыя казны“; но въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на дѣла по государственнымъ преступленіямъ.

заключить въ силу государственныхъ законовъ сентенцію. А понеже и по всемъ сдѣланнымъ на основанiи означеннаго Ея імператорскаго величества Указа, разнымъ отъ собрания злодѣю Мировичу какъ чрезъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ членовъ увещанія и чрезъ призывъ его предъ собраніе, никакихъ вновь отъ него на кого либо показаней или подозреней не открылось, но еще насупротивъ того, онъ готовясь къ самой уже смерти и будучи въ духѣ совершеннаго набожества утвердился только въ прежнихъ его чинимыхъ Генералъ-Маіоромъ Веймарномъ допросахъ, признаніяхъ и показаніяхъ, то потому кто же бы теперь могъ къ пыткѣ по сему дѣлу приступить, безъ новаго отягощенія какъ чувствительности драгоцѣннѣйшаго и человѣколюбивѣйшаго сердца, такъ мудрой прозорливости и справедливости Ея императорскаго Величества нашей Августѣйшей Государыни. Развѣ будто бы возмогло отъ мудрой Ея Величества прозорливости скрыться въ выслушанномъ уже собственно Ея Величествомъ дѣлѣ, необходимая потребность пытокъ если бъ Высочайшая Ея справедливость могла согласиться, по неоконченному еще дѣлу отдать уже преступниковъ на заключеніе сентенціи, сверхъ же и всего того, по самому оному дѣлу состоятъ какъ къ точному во всемъ показанномъ отъ преступниковъ вѣроятію, такъ и къ разрѣшенію всякихъ воображаемыхъ впредь опасностей слѣдующія кажется самыя существительныя основанія и резоны, а имянно:

„5-е) Сколько по всему произведенному дѣлу и найденымъ у злодѣя Мировича запискамъ, столько и по поведенію его противу увѣщаній отъ собранія, ясно видно, что онъ характера самого утвержденнаго въ набожествѣ обращаемомъ, въ суевѣрствѣ и къ тому еще такого, который всякія намѣренныя и бездѣлицы, не только важности у себя записывалъ, хотя аллегорическими записками, но съ положеніемъ всегда на себя при томъ духовныхъ обѣщаній; во всѣхъ же у него найденныхъ запискахъ ничего другаго не открылось, какъ сходное во всемъ съ его показаніями, по которымъ точно явствуетъ, что онъ согласясь съ злодѣемъ Ушаковымъ и въ церкви предъ

олтаремъ обѣщались, чтобъ имъ въ свое злое намѣреніе, никого другихъ не приглашать, почитая себя однихъ къ тому достаточныхъ чтобъ Принца Іоанна чрезъ составной отъ имени Ея Императорскаго Величества найденый у Мировича указъ, изъ подъ караула высвободя, вдругъ привести предъ рядовыхъ солдатъ, надѣясь въ оныхъ незапностію воздѣйствовать, а потомъ уже тѣмъ смятеніемъ прочихъ чрезъ страхъ къ себѣ привлекать и принуждать, что и съ понятіемъ всякаго и недовольно достаточнаго разсудка, кажется быть согласно. Потому, что кто можетъ себѣ изъ самыхъ зломышленниковъ вообразить, чтобъ возможно быть могло кого либо и съ самой худой склонности, но хоть съ нѣкоторымъ благороднымъ и просвѣщеннымъ разумомъ, на то добровольно преклонить, чтобъ измѣною своему законному государю и очечеству согласился возводить на престолъ такого Принца о которомъ всякій имѣющій нѣкоторое о государственномъ положеніи свѣденіе зналъ, что онъ отъ младенчества своего возращенъ безъ всякихъ наукъ и воспитанія, потребныхъ не толико ко владѣнію народами ниже и къ житію въ обществѣ — но въ дикомъ отдаленіи ото всякаго человѣческаго соединенія.

„6-е) По найденнымъ же у Мировича сочиненіямъ какъ до потопленія Ушакова, такъ и потомъ писаннымъ для произведенія злонамѣренія, какъ отъ нихъ къ Принцу Іоанну, такъ и отъ онаго народу, никто другой кромѣ сначала обоихъ, а по утопленіи Ушакова одного Мировича съ ундерофицерами, капралами и рядовыми, съ которыми Мировичъ напослѣдокъ положилъ свое намѣреніе окончать, представлены въ той сему Принцу услуги не были, а и по малѣйшему благоразсужденію свободно вообразить, что и самыя глупѣйшіе злодѣи кои между собою согласятся къ показанію своей заслуги таковому Принцу, котораго стараются возводить къ Государственному владѣнію никакъ не допустятъ, чтобъ оные въ показуемыя ему заслуги съ прочими ихъ товарищами въ таковыхъ отъ нихъ сочиненіяхъ умолчены были, гдѣ они сами себя, въ той ему заслуги, имянуютъ.

„7-е) Еще же и потому кажется весьма же рѣроятно,

что злодѣй Мировичъ по смерти Ушакова безъ приглашенія кого либо къ себѣ въ злонамѣренные сообщники, злодѣйство свое въ дѣйство произвесть уже принужденъ былъ больше къ единому своему чаемому спасенію, нежели по полагаемому своему прежнему намѣренію, ибо когда онъ караульному у Принца Іоанна офицеру сдѣлалъ нѣкоторыя открытья своего злонамѣренія, а насупротивъ того отъ онаго примѣтилъ подозрѣнія, что онъ о томъ къ своей командѣ доносить начинаетъ, то потерявъ уже всю надежду своего спасения, принужденнымъ себя нашелъ отчаяннымъ только уже образомъ искать себѣ спасения произведениемъ своего злодѣйства теми только едиными средствами, кои тогда ему въ разсужденіи ево бытности въ Шлюссельбургской крепости на караулѣ и лехкомыслиемъ ево подчиненныхъ за лутчіе быть въ томъ случае представились.

„8-е) Принявъ во уваженіе и то, что и онъ Мировичь когда получилъ и началное только подозреніе о своей погибели, то уже не отложилъ ни на одну минуту, чтобъ самыми отчаянными и последними средствами не искать своего спасения, а какъ его злодѣйству и производимому объ немъ следствію по нынѣ минуетъ уже почти два мѣсяца, то еслибъ были еще другия какия ему сообщники, кромѣ показанныхъ уже отъ него, то какимъ человеческимъ вообраҗениемъ возможно себѣ представить чтобъ оныя будучи по сихъ поръ на свободѣ спокойно полагались только на единую злодѣя во утаеніи ихъ твердость, а не принуждены бъ были естьли не другимъ какимъ отчаяннымъ средствомъ, то по последней мере побегами спасения своего искать, однакожъ ни откуда никакихъ ни куда ни самомалѣйшихъ къ тому подозрительныхъ извествиевъ по нынѣ не получено, слѣдовательно, по всемъ изъясненнымъ обстоятельствамъ, которые къ вероятію въ силе вышеписанныхъ о пыткахъ законовъ въ себѣ имеютъ, какъ собственное злодѣя признание и слѣдствіи отъ увещаней, такъ письменныя въ запискахъ и въ своеручныхъ сочиненияхъ доказательствы и обличеніи, равномерно же и тихое обстоятельство минувшаго уже по нынѣ отъ того злодѣйства времяни, изъ чего разсуждая, по елику чело-

вечсское понятіе только достигать можетъ, кажетца весьма несумнительно, что злодѣй Мировичъ никого изъ сообщниковъ своихъ не скрылъ, а потому и остаетца теперь еще разсмотрѣть настоитъ ли нужда и законное подозрение пыткою изыскивать того предмета, коимъ оное злодѣяние въ дѣйство производилось для отвращения чтобы темъ же самимъ впередъ подобная государству опасность быть не могла.

„9-е) Понеже самой дѣйствующей предметъ сей государственной зловредности былъ нещастно рожденной Принцъ Иоаннъ, въ которомъ приключившеюся ему отъ злодеяния Мировича смертью, камень претыканія лехкомысленнымъ и подобнымъ Мировичу людемъ на всегда изъ Россіи уже совсемъ истребился, а потому, разсуждая штатски и политически, то кажется отнюдь не настоитъ нужды пытокъ по сему приключению производить, но истинной долгъ верности и усердия требуетъ единственно окончательную надъ злодѣемъ экзекуцию зделать, во всемъ светѣ вероятия о самой истинности сего происшествия, которою и отвратить какъ недоброжелателѣй Россіи производить какия либо о приключительной смерти реченнаго Принца толкованіи, такъ и въ послѣдующия времяна случая клятвопреступникамъ представлять по прежнимъ несчастливымъ въ Россіи примерамъ подставныхъ Принцовъ Иоанновъ. Къ тому же представляетца быть ближайшѣе и надежнѣйшѣе средство то, когда сие богомерское дѣло какъ скорей возможно, свое совсемъ оканчаніе получитъ и винные наказание воспріимутъ, дабы чрезъ происходимое продолжение онаго, не подать недоброжелателямъ и лехкомысленнымъ производить вредныя толкованіи и сумнительства зачемъ такъ долго оное дѣло въ такъ великомъ и знатномъ собраніи да и со всею отъ Ея величества полною мочью однакожъ продолжается.

„Петръ Панинъ“.

По выслущаніи мнѣнія П. И. Панина и представленныхъ имъ пунктовъ былъ составленъ слѣдующій протоколъ:

„1764 года сентября 9 дня, въ собраніи Правительствующій Сенатъ, первыхъ трехъ классовъ персоны и

президенты коллегій въ слѣдствіе учиненнаго опредѣленія отъ 2-го сего слушали поданный отъ дѣйствительнаго камергера и президента Медицинской Коллегіи барона Черкасова голосъ о произведеніи Мировичу пытки съ употребленіемъ въ немъ нѣкоторыхъ предобидныхъ собранію экспрессій и предложенный на противу того отъ сенатора и кавалера Петра Ивановича Панина голосъ же съ приложенными при томъ пунктами съ которыми последними собраніе во всемъ согласны и остались на прежнемъ опредѣленіи о приступленіи къ сентенціи, а притомъ разсуждали что хотя потому собраніе отъ него барона Черкасова требовало, чтобъ онъ въ сихъ употребленныхъ отъ него предосудительныхъ экспрессіяхъ признался, но какъ онъ того не учинилъ то слѣдовало бы о томъ представить Ея императорскому величеству, но въ разсужденіи, что уже собраніемъ положено и высочайшею Ея императорскаго величества конфирмаціею удостоено, чтобъ по сему Мировичеву дѣлу ничѣмъ Ея императорское величество не утруждать и потому согласно приговорили помянутый барона Черкасова голосъ его порицательный и съ обстоятельствомъ дѣла несогласный, паче же и въ противность постановленнаго генеральнымъ регламентомъ порядка поданный, отдать ему обратно съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ впредь въ подаваніи голосовъ поступалъ въ силу генеральнаго регламента, а таковыхъ не дѣльныхъ подавать отнюдь не дерзалъ подъ опасеніемъ изображеннаго въ томъ регламентѣ штрафа“.

Подписи: „графъ К. Разумовской, графъ А. Бутурлинъ, К. Яковъ Шаховской (по своему объявленному голосу), графъ М. Скавронской, графъ Романъ Воронцовъ, Н. Панинъ, Петръ Панинъ, Федоръ Ушаковъ, Валилій Суворовъ (при своемъ голосѣ), Николай Муравьевъ, князь Алексѣй Козловской, Федоръ Милославской, Адамъ Олсуфьевъ, князь Петръ Трубецкой, гр. Миннихъ, графъ В. Ферморъ, С. Нарышкинъ, князь Александръ Голицынъ, Александръ Нарышкинъ, графъ Захаръ Чернышевъ, графъ Иванъ Гендриковъ, графъ Эрнстъ Минихъ, Семенъ Мордвиновъ, Данило Дебоскетъ, Александръ Глѣбовъ, Левъ Нарышкинъ, Федоръ Вадковской, Гансъ Веймарнъ, графъ

Иванъ Чернышевъ, баронъ Томасъ фонъ-Дицъ, графъ Сергѣй Ягужинской, К. Александръ Голицынъ, Федоръ Эмме, Николай Чичеринъ (съ приложеніемъ своего голосу), Яковъ Евреиновъ, Иванъ Шлаттеръ".

Приводимъ особыя мнѣнія, указанныя при подписи протокола:

1) *Сенатора князя Шаховскаго голосъ.* „О приступленіи къ сентенціи безъ пытки я уже дважды въ учиненныхъ въ собраніи опредѣленіяхъ согласно съ прочими подписалъ, а въ отдачѣ господину барону Черкасову голосу, такъ какъ собраніе нынѣ опредѣляетъ согласенъ, а къ голосу и къ пунктамъ читаннымъ, которые господинъ сенаторъ Панинъ предложилъ приступить ни должности, ни надобности не изобрѣтаю".

„*К. Яковъ Шаховской*".

„Съ симъ голосомъ согласуюсь *Василій Суворовъ*".

2) *Голосъ Чичерина.* „1764 году сентября 9-го сего числа, въ высокомъ собраніи разсуждено учинить опредѣленіе о возвратѣ поданнаго собранію письменнаго голоса отъ господина камергера и президента Медицинской коллегіи барона Черкасова ему по прежнему за резонами, что во ономъ наполнено было словъ не пристойныхъ и обидныхъ всему собранію, къ которому опредѣленію и подписаться согласенъ, что жъ во ономъ его господина Черкасова голосѣ между прочимъ дерзостью или неосторожностію написано, что онъ порочитъ узаконенные правами государственными мучительныя пытки, о томъ предаю яко главному мѣсту Правительствующему Сенату на разсужденіе и сей голосъ прошу принявъ гдѣ надлежитъ записать".

„*Николай Чичеринъ*".

Въ меморіи о засѣданіи 9-го сентября записано: „По подаче сихъ голосовъ согласно определили остаться при упомянутомъ выше сего объ отдаче Черкасову голоса определеніи, которой ему таковымъ порядкомъ какъ въ томъ определеніи (съ котораго по его требованію и копія ему дана) изображено, тогда жъ и возвращенъ".

Мнѣніе барона Черкасова о необходимости пытать Мировича раздѣлялъ и Арсеній Маціевичъ. Въ 1767 году его судили за произнесеніе, между прочимъ, такихъ словъ: „Какъ Мировичъ приступалъ къ Ивану Антонычу, то нельзя, чтобъ онъ это вздумалъ одинъ, а конечно много и большихъ господъ согласниковъ, то въ такомъ случаѣ надлежало его пытать, тобъ истинную правду узнали“[1]).

Это „несогласіе“ въ верховномъ совѣтѣ отмѣчено и въ заграничной печати, но въ формѣ крайне извращенной: Les juges sembloient craindre d'approfondir cet exécrable mystère. Un seul eut l'équité de se récrier contre une forme de procédure aussi étrange. Mais on blâma son zèle indiscret, et on lui recommanda de garder le silence, s'il ne vouloit pas perdre son emploi et se vois dégrader de noblesse[2]).

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 399, л. 37; *Чтенія*, 1862, III, 266.

[2]) *Castéra*, II, 94.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Бумаги Екатерины II[1].

1.

Указъ сенату (29 іюня 1762).

(*Архивъ Сената*, Секретныя дѣла, № 710).

„Указъ нашему сенату.

„Получа сіе немедленно прислать нашего полковника воронежскаго полку Семена Маслова обратно въ выступившій къ Петергофу корпусъ, о которомъ здесь уведомленось, что онъ сенатомъ посланъ въ Петербургъ“.

„Екатерина“.

„Въ два часа пополуночи
„отъ Краснаго Кабачка“.

2.

Указъ г. м. Савину.

(*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 4-я).

Указъ Нашему генералу маіору Савину.

Вскорѣ по полученіи сего имѣете ежели можно того же дни, а по крайней мѣрѣ на другой день безимяннаго

---

[1] Всѣ собственноручныя бумаги императрицы Екатерины II печатаются въ кавычкахъ.

колодника содержащагося въ Шлюссельбургской крѣпости подъ вашимъ смотреніемъ вывезти сами изъ въ оной Кексъгольмъ, съ такимъ притомъ распорядкомъ чтобъ оный въ силѣ той же инструкціи которая у васъ есть не отмѣнно содержанъ былъ со всякою строгостію и все то предъохранено было, что къ предосторожности и крѣпкому содержанію онаго принадлежитъ, прибавивъ, буде потребно, къ прежней камандѣ изъ тамошняго гарнизона.

А въ Шлюссельбургѣ въ самой онаго крѣпости очистить внутри (оныя крѣпости Шлюссельбургской) самые лучшіе покои и прибрать по крайней мѣрѣ по лутчей опрятности оные, которые изготовивъ содержать до указу.

И сіе все учинить не пропуская ни малаго времени.

„Екатерина“.

Іюня 29 дня 1762 года
Петергофъ.

3.

Указъ Бередникову.

(*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 4-я).

Указъ Нашему оберъ-каменданту Шлюссельбургскому.

При семъ посылается въ крѣпость Шлюссельбургскую гвардіи нашей измайловскаго полку подпоручикъ Плещеевъ съ некоторыми вещами на шлюпкахъ отправленными, которому наше высочайшее повелѣніе дано остаться тамъ до будущаго къ нему указу. А вамъ чрезъ сіе повелѣваемъ по всѣмъ его Плещеева требованіямъ скорое и безъостановочное исполненіе дѣлать.

„Екатерина“.

Іюля 2 дня 1762 г.

Указъ генералъ-полицiймейстеру Корфу.

(*Архивъ Сената*, кн. LIV, л. 27).

„Николай Андревичъ пажалуй пришли ка мнѣ два раза въ недели реестръ въ какой цене здѣсь въ городѣ продаютъ хлебъ и всякие съестьные припасы“.

„Екатерина“.

„8 iюля 1762“.

На оборотѣ: „Отдать Николаю Андреевичу Корфу“.

5.

Указъ г. м. Савину.

(*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 4-я).

Указъ нашему генералу-маiору Савину.

Вывезеннаго Вами безъимяннаго арестанта изъ Шлюссельбурга паки имѣете отвезти на старое мѣсто въ Шлюссельбургъ и содержать его по прежней инструкцiи, по которой онъ тамъ былъ содержанъ и сами учинивши сiе прiѣхать къ нашему двору.

„Екатерина“.

Iюля 10 дня 1762 года.

6.

Lettre à M-r le comte Stanislas Poniatowski.

(см. выше, стр. 468).

„Petersbourg, 2 août 1762.

„J'envoie incessamment le comte Kayserling ambassadeur en Pologne pour vous faire Roy, après le decès de celui-ci, et

en cas qu'il ne puisse réussir pour vous, je veux que ce soit le prince Adam.

„Tous les esprits sont encore en fermentation. Je vous prie de vous retenir de venir ici, de peur de l'augmenter.

„Il y avait six mois que mon avénement au throne se tramait. Pierre III avait perdu le peu d'esprit qu'il avait. Il heurtait tout de front; il voulait casser les gardes, il les menait en campagne pour cela; il les aurait remplacé par ses trouppes d'Holstein qui devaient rester en ville. Il voulait changer la religion, se marier avec Elizabeth Woronzof, m'enfermer.

„Le jour de la celebration de la paix, après m'avior dit des injures publiquement à table, il avait ordonné, le soir, de m'arrêter. Mon oncle le prince George fit retracter cet ordre; depuis ce jour, je pretais l'oreille aux propositions qu'on me fesait depuis la mort de l'impératrice.

„Le dessein etait de le prendre dans sa chambre et de l'enfermer, comme la princesse Anne et ses enfans. Il s'en alla à Oranienbaum. Nous étions surs d'un grand nombre de capitaines aux régimens des gardes. Le sort du secret était entre les mains de trois frères Orlof, dont Osten se souvient d'avoir vu l'aîné me suivre partout et faire mille folies; sa passion pour moi était publique, et tout, par lui, a été fait dans cette vue. Ce sont des gens extremément determinés et fort aimés du commun des soldats, ayant servi dans les gardes. J'ai les plus grandes obligations à ces gens-là; tout Petersbourg en est temoin.

„Les esprits des gardes etaient preparés, et il y avait, à la fin, dans le secret, de 30 à 40 officiers et près de 10,000 hommes du commun. Il ne se trouva point de traitre, pendant trois semaines, parce qu'il y avait quatre factions separées dont on reunissait les chefs pour l'exécution, et le vrai secret etait entre les mains de ces trois frères. Panine voulait que ce fut en faveur de mon fils, mais ils n'y voulurent jamais consentir.

J'etais à Peterhof, Pierre III vivait et buvait à Oranienbaum. On était convenu qu'en cas de trahison on n'attendrait pas son retour, mais assemblerait les gardes et me proclamerait. Le zèle pour moi fit ce que le trahison aurait effectuée. Il se repandit un bruit dans les trouppes, le 27, que j'etais arretée; les soldats se mettent en mouvement, un de nos officiers les

calme; vint un soldat chez un capitaine nommé Passik, chef d'une faction, et lui dit qu'assurément j'étais perdue; il l'assure qu'il avait de mes nouvelles. Ce soldat, toujours alarmé pour moi, s'en va chez un autre officier et lui dit la même chose; celui-ci n'était point du secret. Effrayé d'entendre qu'un officier avait renvoyé ce soldat sans l'arreter, il s'en va au major. Celui-ci envoya arreter Passik. Voilà tout le regiment en mouvement. On envoya le rapport, pendant cette nuit, à Oranienbaum. Voilà l'alarme parmi nos conjurés. Ils se resolurent d'abord d'envoyer le second frère Orlof chez moi, pour m'amener en ville, et les deux autres vont partout pour dire que je vais arriver.

„Le Hetman, Wolkonsky, Panin, étaient du secret. Je dormais tranquillement à Peterhof, à six heures du matin, le 28. La journée etait très inquiète pour moi, parce que je savait tout ce qui se tramait. Entré dans ma chambre Alexis Orlof et me dit avec une grande tranquillité: „Il est temps de vous lever, tout est prêt pour vous proclamer". Je lui demandais des details, il me dit: „Passik est arrêté". Je n'hesitai plus, je m'habillai vite, sans faire de toilette, et me mis dans le carrosse qu'il avait amené. Un autre officier était en guise de valet à la portière, un troisième vint au devant de nous à quelques verstes de Peterhof.

„A cinq verstes de la ville, je rencontrais l'aîné Orlof avec le prince Bariatinsky le cadet; celui-ci me ceda la place dans la chaise, car mes chevaux etaient rendus et nous allâmes debarquer dans le régiment d'Ismailofsky. Il n'y avait que douze hommes et un tambour qui se mit à battre l'alarme. Voilà les soldats qui arrivent, me baisant, m'embrassant les pieds, les mains, l'habit, me nommant leur sauveur. Deux amenèrent un prêtre sous le bras, avec la croix. Les voilà qui se mettent à me préter serment; cela fait, on me priait de monter dans un carrosse; le prêtre avec la croix marchait devant. Nous allâmes au régiment de Séménofsky; celui-ci vint au devant de nous en criant vivat; nous allàmes à l'église de Cazan, où je descendis. Arrive le régiment de Préobrajensky, en criant vivat, me disant: „Nous vous demandons pardon d'etre venus les derniers, nos officiers nous ont arretés; mais en voilà quatre, que nous vous

amenons arretés pour vous montrer notre zèle; nous voulions aussi ce que nos frères voulaient". Arrive la garde à cheval; celle-ci était dans une fureur de joie, comme je n'ai rien vu de pareil, pleurant, criant à la délivrance de la patrie.

„Cette scène se passoit entre le jardin du Hetman et la Casansky; la garde à cheval était en corps, les officiers à la tête. Comme je savais que mon oncle, à qui Pierre III avait donné ce régiment, en était horriblement haï, j'envoyais des gardes à pied chez mon oncle pour le prier de rester à la maison, de peur d'accident pour sa personne; point du tout, son régiment avait détaché pour l'arreter; on pilla sa maison et on le maltraita.

„J'allais au nouveau palais d'hiver, où le synode et le senat etaient assemblés. On dressa à la hâte un manifeste et le serment. Delà, je descendis et fis à pied le tour des trouppes. Il y avait plus de 14 mille hommes, gardes et régiments de campagne. Dès qu'on me voyait, c'etait des cris de joye, qu'un peuple innombrable répétait; j'allai au vieux palais d'hyver, pour prendre les mesures et achever. Là, nous conseillâmes et il fut resolu d'aller, moi á la tête, à Peterhof, où Pierre III devait diner. Il y avait des postes posés sur tous les grands chemins, et de moment en moment on nous amenait des langues.

„J'envoyai l'amiral Talisin à Cronstadt. Arriva le chancelir Woronzof, envoyé pour me faire des reproches sur mon départ: on le mena à l'eglise pour preter serment. Arrive le prince Troubetzkoy et le comte Schouvalof, aussi de Peterhof, pour s'assurer des régiments et pour me tuer; on les mena preter serment, sans aucune résistance.

„Après avoir expédié tous nos courriers et pris toutes nos précautions, vers les 10 heures du soir, je me mis en uniforme des gardes. M'étant fait proclamer colonel, avec des acclamations inexprimables, je montais à cheval, et nous ne laissâmes que peu de monde de chaque régiment pour la garde de mon fils, qui était resté en ville. Je sortis aussi, à la tête des troupes, et nous marchames toute la nuit à Peterhof; arrivés au petit monastère sur ce chemin, arrive le vice-chancelier Galitzine avec une lettre très flatteuse de Pierre III. J'avais oublié de dire qu'en sortant de la ville, vinrent à moi trois soldats aux gardes, envoyés de Peterhof pour repandre un

manifeste dans le peuple, et me dirent; „Tiens, voilà ce dont Pierre III nous a chargé; nous le donnons à toi, nous sommes bien aise que nous ayons eu cette occasion de nous rejoindre à nos fréres“.

„Après la première lettre, arrive une seconde portée par le général Michel Ismaïlof, qui se jette à mes pieds et me dit: „Me comptez-vous pour honnête homme?“ Je lui dis que oui. „Hé bien, dit-il, il y a plaisir d'être avec les gens d'esprit, l'empereur s'offre à renoncer. Je vous l'amenerai, après la renonciation très libre; j'éviterai une guerre civile à ma patrie, sans difficultés“.

„Je le chargeais de la commission, il alla la faire. Pierre III renonça, à Oranienbaum, en toute liberté, entouré de cinq mille Holstenois, et vint avec Elisabeth Woronzof, Goudowitz et Ismaïlof à Peterhof, où, pour la garde de sa personne, je lui donnais cinq officiers et quelques soldats. Comme c'etait le 29, jour de la Saint-Pierre, à midi, il fallut bien diner. Tandis qu'on le preparait pour tant de monde, les soldats s'imaginerent que Pierre III était amené par le prince Troubetzkoy, le feld-maréchal, et que celui-ci tachait de faire la paix entre nous deux; les voilà qui chargent tous les passants, et entre autres le Hetman, les Orlof et plusieurs autres, qu'il y a trois heures qu'ils ne m'ont vu, qu'ils meurent de peur que ce vieux frippon de Troubetzkoy ne me trompe, „en fesant une paix simulée entre ton mari et toi, et qu'on ne te perde et nous aussi; mais nous le mettront en pièces“. Voilà leurs expressions. Je m'en allais chez Troubetzkoy et lui dis: „Je vous prie, mettez vous en carrosse, tandis que je ferais à pied le tour de ces trouppes“. Je lui contais ce qui se passait. Il s'en alla en ville, tout effrayé, et moi je fus reçue avec des acclamations inouïes.

„Après quoi, j'envoyais sous le commandement d'Alexis Orlof, suivi de quatre officiers et d'un détachement d'hommes doux et choisis [1]), l'empereur deposé, à 25 verstes de Peterhof, dans un endroit nommé Ropscha, très écarté et fort agréable, tandis qu'on préparait des chambres honnêtes et convenables à

---

[1]) „Списокъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка гренадерамъ, которые 1762 года іюня 29 дня находились въ извѣстной посылкѣ, будучи въ Петергофѣ“, въ *Русск. Архивъ,* 1880, II, 147. Объ „избранникахъ“ изъ другихъ гвардейскихъ полковъ свѣдѣній не имѣется.

Schlusselbourg et qu'on eut le temps de mettre des chevaux pour lui en relais. Mais le bon Dieu en disposa autrement. La peur lui avait donne un cours de ventre qui dura trois jours et qui passa le quatrième; il but ce jour-là excessivement, car il avait[1]) tout ce qu'il voulait, excepté la liberté. Il ne m'a cependant demandé que sa maitresse, son chien, son nègre et son violon; mais, crainte de scandale et d'augmenter la fermentation des gens qui le gardaient, je ne lui envoyai que les trois dernières choses.

„La colique hémoroïdique lui prit avec des transports au cerveau; il fut deux jours dans cet état, d'où s'ensuivit une très grande faiblesse, et malgré tous les secours des medecins, il rendit l'ame, en demandant un prêtre luthérien. Je craignais que les officiers ne l'eussent empoisonné. Je le fis ouvrir, mais il est bien avéré qu'on n'en trouva pas la moindre trace. Il avait l'estomac très sain, mais l'inflammation dans les boyaux, et un coup d'apoplexis l'avait emporté. Son coeur etait d'une petitesse extraordinaire et tout flétri.

„Après son depart de Peterhof, on me conseillait d'aller tout droit à la ville. Je prévis que les trouppes s'en allarmeraient. J'en fis semer le bruit, sous pretexte de savoir à quelle heure, à peu près, après trois jours de fatigue, ils seraient en état de se mettre en route. Ils dirent: „Vers les dix heures du soir, mais qu'elle vienne avec nous". Je partis donc avec eux, et à moitié chemin je me retirais à la maison de campagne de Kourakin, où je me jettais tout habillée sur un lit: un officier m'ota les bottes; je dormis deux heures et demie et puis nous nous remimes en chemin.

„De Catherinhof, je me remis à cheval, à la tête des régiments: un régiment d'houzards marchait devant, puis mon escorte qui était la garde à cheval, puis venait immediatement devant moi toute ma cour, apres moi marchaient trois régiments de gardes, selon leur ancienneté, et trois régiments de campagne.

„J'entrais en ville avec des acclamations innombrables et j'allais ainsi au palais d'été, ou m'attendait la cour, le Synode, mon fils et tout ce qui vient à la cour. J'allais à la messe, puis on chanta le Te Deum, puis on vint me féliciter.

---

[1]) „voulait", *Jacob*, 10.

„Moi qui n'avais ni presque bu, ni mangé, ni dormi depuis le vendredi six heures du matin jusqu'à dimanche après diner, le soir je me couchais et je m'endormis. A minuit, à peine le fus-je, que le capitaine Passik entre dans ma chambre et m'eveille, me disant: „Nos gens sont horriblement ivres; un houzard dans le même état a passé devant eux et leur a crié: Aux armes! 30 mille Prussiens arrivent, veulent nous enlever notre mère. Là dessus ils ont pris les armes, et viennent ici pour savoir l'état de votre santé, disant qu'il y a trois heures qu'ils ne vous ont vu et qu'ils iront tranquillement à la maison, pourvu qu'ils voient que vous étes bien. Ils n'écoutent ni leurs chefs, ni même les Orlof".

„Me voilà de nouveau sur pied, et pour ne pas allarmer ma garde de la cour, qui était d'un bataillon, j'allais à eux et leur dis la raison pourquoi je sortais à une pareille heure; je me mis en carrosse avec deux officiers et j'allai à eux. Je leur dis que je me portai bien, qu'ils allassent dormir et me donassent aussi du repos; que je ne fesais que de me coucher, n'ayant dormi de trois nuits, que je souhaitais qu'ils écoutassent à l'avenir leurs officiers. Ils me repondirent: qu'on leur avait donné l'alarme avec ses maudits Prussiens, qu'ils voulaient tous mourir pour moi. Je leur dis; „Hé bien, je vous remercie, mais allez vous coucher". Là-dessus, ils me souhaiterent le bonsoir et beaucoup de santé, et s'en allerent comme des agneaux à la maison, tournant toujours les yeux sur mon carrosse en se retirant.

„Le lendemain, ils me firent faire des excuses, et regretterent beaucoup de m'avoir eveillée, disant: Si chacun de nous la voudra toujours voir, nous nuisons à sa santé et à ses affaires.

„Il foudrait un livre entier pour écrire la conduite de chacun des chefs. Les Orlof brillent par leur art de régir les esprits, par une hardiesse prudente, par les grands et petits details, par leur présence d'esprit; ils ont beaucoup de bon sens, un courage généreux. Patriotes jusqu'à l'enthousiasme et fort honnêtes gens, attachés par passion à ma personne et unis, comme jamais frères ne l'ont été. Ils sont cinq, mais trois seulement étaient ici. Le capitaine Passik s'est destingué par la contenance qu'il a eu de rester douze heures dans son arret, les soldats lui ouvrant fenetres et portes, pour ne point

jeter l'allarme avant mon arrivée dans son régiment et s'attendant à tout moment qu'on l'amenat, pour lui donner la question, à Oranienbaum; l'ordre n'arriva qu'après moi.

„La princesse Dachkof, soeur cadette l'Elisabeth Woronsof, quoique elle veuille s'en attribuer tout l'honneur, ayant connoissance de quelques uns des principaux, était en mauvaise odeur, à cause de sa parenté, et son age de 19 ans n'imposait à personne, et quoique elle pretendait que tout passait par elle à moi, cependant tous les gens avaient communication avec moi, depuis six mois, et avant qu'elle connut jusqu'à leur noms. Mais à beaucoup d'ostentation elle joint l'humeur brouillon et est fort haie de nos chefs. Il n'y avait que des etourdis qui la mettaient au fait de ce qu'ils savaient, qui était de menu detail. Ivan Ivanowitch Schouvalof, le plus bas et le plus lâche des hommes, cependant a écrit, dit-on, à Voltaire, qu'une femme de 19 ans avait changé le gouvernement de cet empire. Détrompez, je vous prie, ce grand ecrivain: il fallait cacher à la princesse Dachkof les canaux des autres à moi, cinq mois avant qu'elle sut la moindre chose, et les quatre dernières semaines on ne lui disait que le moins qu'on pouvait.

„La force d'esprit du prince Bariatinsky, qui cachait à son frère chéri, adjudant du ci-devant Empereur, ce secret, parce qu'il aurait été un confident non à craindre, mais inutile, mérite louange.

„Dans la garde à cheval, un officier nommé Chitrof, agé de 22 ans, et un bas officier de 17, nommé Potiomkin, ont dirigé toute chose avec discernement, courage et activité.

„Voilà à peu près notre histoire, le tout se fesant, je vous l'avoue, sous ma direction très particulière; et à la fin j'y jettais de l'eau, parceque le depart pour la campagne empêchait l'exécution et que tout était mur depuis quinze jours.

„Le ci-devant Empereur, quand il apprit le tumulte de la ville, fut empeché par les jeunes femmes dont il avait composé sa suite, de suivre l'avis du vieux feld marechal Munick, qui lui conseillait de se jeter dans Cronstadt, ou de s'en aller avec peu de monde à l'armée; et quand il alla sur une galère à Cronstadt, la ville était dejà à nous, par la bonne conduite de l'amiral Talisin, qui fit desarmer le général De Vier, qui y était dejà de la part de l'Empereur, quand le premier y arriva. Un

officier du port, de son propre mouvement, menaça ce prince malheureux de faire tirer à balles sur sa galère.

„Enfin le bon Dieu a tout mené à la fin qu'il s'était proposé, et tout cela est plus un miracle, qu'un fait prevu et arrangé, car tant des combinaisons heureuses ne peuvent être ensemble sans la main de Dieu.

„J'ai reçu votre lettre. Une correspondance reglée serait sujette à mille inconveniens, et j'ai vingt mille circonspections à garder et n'ai pas le temps de faire des billets doux nuisibles.

„Je suis très genée... Je ne puis pas vous conter tout cela, mais cela est vrai.

„Je ferais tout pour vous et votre famille, soyès en fortement persuadé.

„J'ai mille bienséances et mille ménagements à garder, et avec cela je sens tout le poids du gouvernement.

„Sachèz que tout se fait par le principe de la haine contre les etrangers; que Pierre III passe lui même pour tel.

„Adieu, il y a dans le monde des situations bien etranges".

7.

Указъ Бередникову.

(*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч., 4-я).

Указъ Нашему шлюссельбургскому коменданту Бередникову.

Какова повѣрена отъ насъ коммиссія секретнѣйшая капитану Власьеву и порутчику Чекину, о томъ имъ инструкція отъ нашего тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и сенатора Панина особливая дана. А вамъ повелѣваемъ въ оную ни чемъ инымъ не мѣшаться, какъ только содержаніемъ караула и скорымъ исполненіемъ всего ими требуемаго къ пищѣ и протчимъ къ тому надобностямъ, а наипаче въ случаѣ требуемаго ими вспоможенія рекомендуется Вамъ оной коммиссіи подкрѣпленіе.

Въ прочемъ по сему дѣлу имѣете Вы все то исполнять, что отъ помянутаго нашего сенатора Панина вамъ

приказано будетъ. Для чего Мы повелѣли ему и особливою инструкціею Васъ снабдить, дабы вы лучше вѣдали точность нашего соизволенія какъ Вамъ поступать надлежитъ.

„Екатерина".

Августа 3 дня
1762 года.

8.

Указъ Власьеву и Чекину.

(*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 4-я).

Указъ Нашимъ отъ арміи капитану Власьеву и порутчику Чекину.

Мы удостовѣрившися чрезъ бывшую до сего времени понесенную съ немалымъ трудомъ ревностную Вашу къ намъ и отечеству службу, ни мало не сумнѣваемся, что и еще нѣкоторое время Вы съ толикою же твердостью и охотою трудъ сей продолжать будете, полагая надежду на наше за то къ Вамъ благоволеніе. Почему и надъ ввѣреннымъ вамъ безимяннымъ арестантомъ не томко недреманное око имѣть будете, но и содержаніе онаго въ глубокомъ и крайнемъ секретѣ между вами двоими только останется. Въ слѣдствіе чего и всѣ мѣры такія примете, чтобъ кромѣ васъ двоихъ отнюдъ никто о семъ арестантѣ не зналъ кто онъ таковъ, удаляя отъ всѣхъ, кто бы ни похотѣлъ любопытствовать удобовозможнымъ образомъ, свѣдомство. Чего ради отъ нынѣ навсегда вамъ приказываемъ во всемъ касающемся по сему содержанію столь секретнаго арестанта адресоваться своими репортами къ Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и любезнѣйшаго Нашего сына и наслѣдника великаго князя Павла Петровича оберъ гофъ-мейстеру Никитѣ Івановичу Панину, которому мы единственно сей секретъ для пользы отечества въ глубокое соблюденіе препоручили и отъ котораго повелѣваемъ вамъ всѣ наставленія и инструкціи

Нашимъ именемъ вамъ даваемыя получать. А камендanту Бередникову который объ имени сего арестанта свѣдомъ быть не долженъ, повелѣно отъ насъ не болѣе вѣдать, какъ только то, что касается до караула содержанія, стола и прочихъ нуждъ по коммиссіи Вашей. И сіе все повелѣваемъ вамъ по самой точности и должности присяжной содержать такъ какъ честнымъ офицерамъ и вѣрнымъ сынамъ отечества.

„Екатерина“.

Августъ 3 дня
1762 года.

9.

Письмо Гофмаршалу графу Сиверсу (8 августа 1762 г.)

(Архивъ „Русской Старины“).

„Карлъ Ефимовичъ. Я слышю что придворние всѣ весма огорчены указомъ темъ что ихъ безъ имянного мово указа не опрѣделитъ къ дѣламъ развѣ они не знаютъ что я вална ихъ определитъ по способность каждаго гдѣ за благо разсужю и тако естьли кто впредъ просится будетъ отъ двора вамъ надлежитъ о томъ сматря на способность того человѣка мнѣ докладывать дабы я глядѣ на службы и на способность не человѣка не места обидела“.

„Екатерина“,

„а хто во всѣ уволенъ отъ двора тѣмъ абшитъ давать какъ и прежде давалось“.

На оборотѣ: „Въ придворную контору“.

10.

Указъ Сенату.

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 365[1]).

„Господамъ сенаторамъ остающимся здѣсь при сенатской конторѣ.

„Прiпоручая по представленiямъ отъ Сибирской губернiи и по протчимъ какие есть въ сенатѣ письменныя виды о ясашныхъ народахъ и о протчихъ тамъ звериныхъ промышлениихъ разсмотрѣть и какъ для нихъ удобнее и казнѣ полезнее впредь съ техъ по окладамъ разныхъ зверей кожи собирать, прислать ка мнѣ въ Москву свое мнение".

„*Екатерина*".

„16 авг. 1762 г."

11.

Указъ гофмаршалу Сиверсу (20 августа 1762 г.).

(*Архивъ „Русск. Старины"*).

Карлъ Ефимовичъ. Девушки мои которые у Василисы Семеновни съ голоды помираютъ по третьи день сказываютъ не едятъ здѣлай имъ скареѣ оприделеньи для стола".

„*Екатерина*".

„также двумъ фрелинамъ которие здѣсь осталися съ Анны Алексевны Матюшкины кагда у меня стола не будетъ вели изъ маей кухни книмъ кушенье отпускать".

---

[1]) Здѣсь указъ только упомянутъ, и отнесенъ къ 17-му августа. Онъ весь писанъ рукою Екатерины. Снявъ съ него точную копiю, мы, къ сожалѣнiю, утеряли ссылку на томъ и листъ, послѣ чего уже не могли найти этого документа въ массѣ высочайшихъ повелѣнiй, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ.

12.

Указъ сенату (22 августа 1762 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 187).

„Указъ сенату.

„Оставить здесь въ канторе сенатской дела тѣ о которыхъ челобитчики просить будутъ, чтобъ ихъ отъ селе за делами въ Москву ехать тягостно или убытошно, равнымъ образомъ Арестантовъ и колодниковъ зделами оставить здѣсь же въ канторѣ сенатской".

„*Екатерина*".

13.

Указъ Сенату.

(*Архивъ Сената* т. 102, л. 222).

„Указъ сенату.

„Слышно что здѣсь и въ Санктпетербургѣ и въ другихъ городѣхъ по тюрмамъ содержится великое число колодниковъ, а еще изъ многихъ городовъ и ведомость не прислана, и понеже при наступающемъ торжествѣ каронаціи я намерена по прежнимъ примерамъ предковъ моихъ съ ними милости здѣлать, надлежитъ сенату объ ихъ разсмотреніе и опредѣленіе здѣлать, чтобъ те колодники кроме смертноубіицовъ свобождены были.

„Также страждущихъ бѣдныхъ людѣй въ катаржной работѣ по всѣмъ мѣстамъ свободить отъ сей бедности, а имянно: те которые на урочные годы сосланы, кромѣ тѣхъ которые за смѣртное убивство вечно ктому осуждены и кромѣ тѣхъ которые по исковымъ дѣламъ за долги зарабатываютъ, а для искупленья тѣхъ послѣднихъ ведомость подать.

„Еще сенату справиться о всѣхъ мирскихъ и духовныхъ персонахъ въ далнія мѣста и въ монастыри сосланыхъ и о семъ мнѣ извѣстіе прислать“.

„Екатерина“.

„Сент. 15 дня 1762“.

14.

Указъ сенату (6 октября 1762 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 238).

„Указъ сенату.

„Карбардинскаго и перваго московскаго полку оставить да прибытье другихъ на сменно оныхъ полки при Балтископъ портѣ“.

„Екатерина“.

15.

Указъ сенату (14 октября 1762 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 256).

„Указъ нашему сенату.

„Понеже въ Россіи много пустыхъ не поселенныхъ мѣстъ, а многіе іностранные намъ бьютъ челомъ, дабы мы имъ дозволили поселится на такихъ пустыхъ мѣстахъ, того ради мы единажде на всѣгда симъ нашимъ указомъ нашему сенату дозволяемъ въ силѣ законовъ и сообщаясь съ коллегіею іностранныхъ делъ ибо оное есть политическое дело, принимать въ Россію впредь безъ далнаго намъ доклада всѣхъ желающихъ поселится, окромѣ жидовъ, мы надеемся со времянемъ чрезъ то умножить славу Божіею и ево Православную Греческую веру и благополучіе нашей імперіи.

„Екатерина“.

„Тоже учинить и съ росискими переселянами всякими.

„Екатерина“.

16.

Указъ сенату (30 октября 1762 г.).

(Архивъ Сената, т. 102, л. 312).

„Взятой мной вчерашной день отъ сената о изтреблени лехко весныхъ медныхъ денегъ докладъ я разсматривала и еще требую изъясненія:

„1) сколько во апробованное по плану медныхъ денегъ числомъ ныне доделать оказуется

„2) а изъ зделанныхъ по ныне сколько казна наша готовыхъ ко употребленію имеетъ на показанныя въ докладѣ надобности

„3) сколько теперь по изчисленію асталось въ народе не перепечятанныхъ лехко веснейшихъ денегъ, и когда те перепечятаютъ сколько въ казне прибыли въ наличности будетъ хотя примерная (буде всѣхъ обстоятельныхъ репортовъ нетъ) показать мнѣ изчисленіе.

„4) Положимъ на примеръ что въ каждой годъ на два милиона медныхъ денегъ рублей купимъ изъ заморя переводами чрезъ вексели серебра то полагая генерално векселной курсъ хотя по сороку по три штиверя за рубль, и прилагая же къ тому сколько за переделъ въ манеты разходу будетъ вычислить сколько намъ отъ той покупки въ годъ придетъ барышя и полагая же и на впредъ будущія года отъ выписки серебра оноежъ число барышя, исчислить во сколько летъ чрезъ такое обращеніе медныхъ денегъ вся лехковесная медная манета изъ народа выменена быть можетъ.

„5) изъяснить же мне какая въ прибыли разница будетъ, ежели одинъ медныхъ денегъ капиталъ на пакупку серебра изъ казны выпущеной по вымене изъ народа серебреная монетою, паки на покупку же серебра употреблять, не сливая тотъ, для продажи въ медь.

„6) ежели къ выписиванію и къ поставке на манетной дворъ серебра дадимъ всемъ партикулярнымъ людямъ не малой барышъ, то не будетли въ падряде или въ пакупке изъ казны нашей помешательства, а наипаче когда на па-

купку того многия партикулярныя суммы денегъ заморя перевадить будутъ, не былабъ векселному курсу униженія, учинить примечаніе".

„*Екатерина*".

17.

Указъ сенату (до 6 ноября 1762 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 314).

„Секундъ маіора изъ майловскаго полку Щербина и каво онъ выберетъ двухъ капитановъ гвардьи и одного поручика посилать для разбиранье слободскихъ полковъ разаренье и прочаго о тѣхъ дѣлъ челобитья"[1]).

18.

Указъ сенату.

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 341).

„Въ камиссію о городѣ Питербурха членами определить

„Івана Івановича Бетсково

„Графа Захара Чернишева

„Князя Михайле Дашкова

„а имъ самимъ выбирать архитектора и прочія"

„18 ноября 1762".

---

[1]) По поводу челобитныхъ и извѣстій, полученныхъ отъ харьковскаго коменданта о безпорядкахъ въ слободскихъ полкахъ, была образована особая комиссія для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ (*Головинскій*, Слободскіе козачьи полки. Спб., 1865, стр. 202).

19.

Указъ сенату[1]).

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 394).

„Сенату напоминается чтобы скарея Крилова деле въ окончаніе привесть".

„Екатерина".

„4 дек. 1762".

20.

Записка генералъ-прокурору Глѣбову.

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 396).

„Александръ Івановичъ сей манифестъ[2]) должно публиковать на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ чужестранныхъ газетахъ напечатать.

„Екатерина".

„4 дек. 1762".

21.

Указъ сенату.

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 406.)

„Господа Сенаторы.

„Мнѣ советуютъ и по моему разсужденію кажется Государственная полза требуетъ чтобы 1) консуловъ для лучихъ купеческихъ ползъ въ Гишпанію, въ Англію, въ

---

[1]) См. выше, стр. 193.

[2]) Рѣчь идетъ о манифестѣ о переселеніи иностранцевъ въ Россію, подписанномъ 4-го же декабря 1762 года (*Архивъ Сената*, т. 102, л. 395; *Указы* Екатерины, 187; *П. С. З.*, № 11720).

Галандію и въ другія государства куда за надобно разсудите снабдя пристойными інструкціями конечно въ будущемъ году не позже маія месеца отправить, а на содержаніе ихъ сколько потребно денегъ, буде иной суммы не найдете можете изъ комерческаго, а въ случае тамъ недостатку изъ дворянскаго банка изъ процентныхъ денегъ употребить.

„2) другіе же напротивъ говорятъ, что оные консулы ныне еще не полезны будутъ, понеже наша комерція еще не доведена до такой полезной степени какъ мы съ помощіею божіею и добрыми вашими стараніями надеемся что она впредь приведена будетъ, и такъ повелеваю вамъ да бы вы имели разсужденіе о отправленіе консуловъ ныне ли надлежитъ оныхъ отправить и прежде маія месеца или тогда когда наши купцы своими караблями ездить будутъ въ выше означенные места и о семъ намъ представить, что за полезнеише разсудите.

„3) надлежитъ ли ныне здѣсь или луче ли въ Питербурхѣ разсматрѣть тарифъ и все что до комерціи принадлежитъ.

„4) присемъ напамятиваю вамъ чтобы подщится всѣ ненужныя, а наипаче только къ роскошамъ и новизнамъ служащія товары ввозить въ Россію запретить и учинить всѣ благопристойныя способы, чтобъ въ нашей Імперіи фабрики и прочия ко употребленію надобныя рукоделіи не только бы внутрь живущихъ довольствовали, но еще бы затемъ излишніе въ другія государствы съ прочими изъ Россіи таварами въ продажу какъ можно более отпускали.

„Также постаратся чтобы купцы отъ непристойныхъ имъ службъ и отъ напрасныхъ отягощеней освобождены были, и какъ имъ, такъ и фабриканамъ и заводчикамъ благопристойными ползами вспомоществовать однако жъ такими кои бы другимъ отягощенія или убытковъ не приключали.

„Еще напамятиваю вамъ чтобъ всѣ возможную прележность іметь умножить наши продукты да бы чрезъ то наивящій балансъ въ комерціи съ нашей стороны всегда былъ. Естьли за множествомъ делъ сенату объ оной

важной матеріи разсуждать не достаетъ время, то взять въ разсужденіе не луче ли здѣлать комиссію и намъ представить“.

„*Екатерина*“.

„9 дек. 1762“.

22.

Записка генералъ-прокурору Глѣбову.

(*Архивъ Сената*, т. 102, л. 418.)

„Александръ Івановичъ. При семъ присилаю челобитна генерала-поручика Олица[1]) объ Аренда когда порожные будутъ не забудте его.

„*Екатерина*“.

„19 декабря 1762“.

23.

Указъ сенату 13 января 1763 г.

(*Архивъ Сената*, т. 105, л. 22.)

Указъ Нашему Сенату.

По приложеннымъ при семъ вѣдомостямъ поднесеннымъ Намъ отъ комиссіи объ учрежденіи церемоніи благополучно совершившейся коронаціи Нашей повелѣваемъ Нашему Сенату, изъискавъ на то сумму отпустить въ оную коммиссію, сверхъ данныхъ изъ комнаты Нашей пятидесяти тысячь рублевъ, показанное въ тѣхъ вѣдомостяхъ число денегъ, какъ на заплату за взятые товары, мате-

---

[1]) Петръ Ивановичъ Олицъ получилъ въ сентябрѣ пенсіонъ тысяча рублей сверхъ жалованья. (См. выше, стр. 518; *Русск. Архивъ*, 1863, 85 и 395). Онъ умеръ въ 1771 году, будучи генералъ-аншефомъ.

ріалы и прочее, такъ и на выдачю жалованья за бытность при помянутой комисіи разнаго званія воинскимъ и статскимъ въ службѣ находящимся и отъставнымъ чинамъ, первымъ то есть воинскимъ по армейскимъ, и статскимъ по Санктъ Петербургскимъ окладамъ.

„Екатерина".

24.

Lettre au baron de Breteuil[1]).

(*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 73, f. 52.)

„Je regarde politesse tout ce qui vous me dites de flatteux et d'agréable dans votre lettre. On disait à peu près la même chose à Néron. Cependant je sais que vous m'aimez un peu mieux que lui.

„Votre parent, le marquis de Fraignes, est relâché, je crois, à l'heure qu'il est. Le Roi de Prusse a voulu le renvoyer à ma prière.

„Je vous prie de faire parvenir l'incluse et de pardonner ce gentil griffonage".

„Catherine".

25.

Записка генералъ-прокурору Глѣбову.

(*Архивъ Сената*, т. 105, л. 42.)

„Александръ Івановичъ. Я присылаю при семъ докладъ отъ Корфа[2]) на расматренію сенату полезно-ли то,

---

[1]) Французскій посланникъ Бретэль, письмомъ отъ 14 января 1763 г., пересылаетъ письмо гр. Понятовскаго, выражаетъ всяческія любезности и проситъ замолвить слово о своемъ родственникѣ, маркизѣ де-Фрэнѣ, находящемся въ плѣну у прусскаго короля. См. II, 402.

[2]) Николая Андреевича, генерала-директора надъ полиціями. Самого доклада въ Сенатскомъ Архивѣ нѣтъ.

что онъ мнѣ докладываетъ, пресечется ли темъ воровство и будетъ ли помещикамъ въ томъ справедливость сохранена".

„16 янв. 1763".

„Екатерина".

26.

Записка генералъ-прокурору Глѣбову.

(*Архивъ Сената*, т. 105, л. 50.)

„Сказываютъ что провіантская канцелярія заключила подрядная въ Казанѣ поставка провіанта на великую сумму денегъ гараздо дороже той цены, по какой въ Казанѣ по вольной цѣнѣ покупка хлѣбу бываетъ, также желаю знать что съ калугскимъ воеводомъ здѣлалось, каторой помнится въ такой же продерзости впалъ".

„Екатерина".

„22 янв. 1763".

27.

Указъ сенату (10 февраля 1763 г.),

(*Архивъ Сената*, т. 105, л. 93.)

„Указъ Нашему Сенату.

„Какова произведена следствіе въ Смоленскѣ нашимъ генералъ маіоромъ Масловымъ оное сенатъ усмотритъ изъ приложенной здѣсь ко мнѣ реляціи съ экстрактомъ, почему сенатъ имеѣтъ произвесть далнейшая разсматреніе суда и сентенція по силѣ законовъ, какъ надъ привезеннымъ подъ арестомъ суда губернаторомъ[1]) такъ и надъ

---

[1]) *Аршеневскій*, Исай, смоленскій губернаторъ. См. выше стр. 212.

прочими тамъ на местѣ арестованными, а на местѣ въ губернію сего губернатора сенату представить мнѣ кандидатовъ".

„*Екатерина*".

28.

Записка Глѣбову (19 февраля 1763 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 105, л. 165.)

„Александръ Івановичъ не посылайте Швябся[1]), которой у Петра Іван.[2]) былъ безъ меня для мене извѣстныхъ причинъ, а въ посылку на его мѣсто означите другова".

29.

Указъ сенату (4 марта 1763 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 105, л. 194.)

„Указъ сенату.

„По Крылова дѣлу по примеру какъ при вселюбезнейшемъ дѣде нашемъ Імператорѣ Петре Великомъ въ подобныхъ случаяхъ прокурорскую должность[3]) въ сенатѣ отправлять имѣетъ нашей лейбъ-гвардіи преображенского полку маіоръ Текутьевъ, которому поступать по присяжной должности не наровя ни на которую сторону и на основаніи законовъ безъстрастно и по самой справедливости".

„*Екатерина*".

---

[1]) Швебсъ — вицепрезидентъ штатсъ-конторы.

[2]) П. И. Панинъ, генералъ-поручикъ.

[3]) Генералъ-прокуроръ А. И. Глѣбовъ былъ причастенъ къ дѣлу иркутскаго слѣдователя Крылова.

30.

Записка Глѣбову (4 апрѣля 1763 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 106, л. 43.)

„Александръ Івановичъ. Присемъ посылаю я къ вамъ обратно реэстръ господа сенаторы; каторыя я крестикомъ отметила, темъ здѣсь оставатся, а прочимъ сказать можете хто желаетъ здѣсь оставатся или въ годовой отпускъ, какъ графъ Шереметевъ[1]), те бы за ранеѣ объявили о себя".

31.

Записка Глѣбову (9 апрѣля 1763 г.).

(*Архивъ Сенмта*, т. 106, л. 123.)

„Александръ Ивановичъ. На место генералъ-поручика Веймарнъ въ гетманской дѣлѣ присудствовать Алексею Михайловичу Ерапкину".

„*Екатерина*".

32.

Резолюція на частной челобитной[2]).

(*Архивъ Сената*, т. 106, л. 161.)

„Сенату расматря представить ко мнѣ со мнѣніемъ на какомъ основаніи рословской шквадронъ рейтарской со-

---

[1]) Петръ Борисовичъ.

[2]) Отставной коллежскій совѣтникъ Иванъ Григорьевичъ Колтовской проситъ, въ награду за 43-лѣтнюю службу, отдать ему въ вѣчное владѣніе рейтарскую дачу въ Смоленскомъ уѣздѣ, которая

стоитъ, какую службу онъ отправляетъ, кто имъ ведаетъ и сколько такова помѣстія рейтарскаго и кто онымъ владеетъ".

„Екатерина".

„15 апр. 1763".

33.

Указъ сенату (3 мая 1763 г.).

(*Архивъ Сената,* т. 106, л. 256.)

„Естьли указъ о Ломоносова отставки еще не посланъ изъ Сената въ Питербурхъ, то сей часъ его ка мнѣ обратно прислать",

---

34.

Записка Глѣбову (29 мая 1763 г.).

(*Архивъ Сената,* т. 106, л. 404.)

„Отъ Щербинина писанно въ Сенатъ[1]) какъ зборы впредь собирать и резалуція требуетъ также писанно отъ него о требованье именнаго указа".

приналдлежала его тестю и, по закону, не могла перейти во владѣніе его жены, такъ какъ рейтарскія дачи „ни закладованы, ни продаваемы, ни въ приданое отдаваемы быть не могутъ".

[1]) По вопросу о неустройствахъ въ слободскихъ полкахъ, см. выше № 17.

35.

Записка Глѣбову (3 іюня 1763 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 106, л. 418.)

„Зингоріци которыя выходили и присланы изъ Тоболска суда по какой причинѣ ихъ здѣсь продаютъ и по какимъ указамъ. О семъ изъ сената желаю имѣть справки".

36.

Записка генералъ-прокурору Глѣбову.

(*Архивъ Сената*, т. 107, л. 168.)

„Александръ Івановичъ. При семъ посылаю планъ города Твѣри съ предместьемъ и съ ямской слободы, которой весьма хорошъ и удобенъ, разсужденье І. І. Бецскаго такъже прилагаю для обясьненія, и оной планъ я апробую естьли сенатъ не находитъ чего поправить. Сіе пишу для скорейшаго исполненья и симъ означиваю смоленскаго генералъ-губернатора Фермора для производства въ дѣле означенное строеніе по плану города Твѣрѣ. Крепостное строеніе хотя излишная, но для того означена, что скореѣ старое поправлять можно нежели срыть и засыпать.

„Теперь только осталось вамъ старатся о скорейшемъ изъ сената отправленія.

„Что І. І. Бетской въ своемъ мнѣніи упоминаетъ о строеніи на реки мелницы, оное разумеется чтобъ оныи такъ построины были, чтобъ судамъ ходъ не помешали. Еще упоминать должно чтобъ отнюдь въ городы кладбищи не были, но за городами погребали для чего одну церковъ изъ города за городомъ перенести можно".

„22 іюля 1763".

37.

Указъ сенату.

(*Архивъ Сената*, т. 107, л. 202.)

„Я желаю чтобъ кронштатскія гавани такоже и Кроншлотъ были обведены вместо деревенныхъ болверковъ каменными. На производенье оныхъ работъ надобно отъ семидесяти до ста тысечъ въ годъ чрезъ шестьнадцать лѣтъ, и тако на ту надобность потребно бы казалось вновь надѣлать медной шестьнацетъ рублевой монѣты изъ пуда мильонъ пять сотъ тысечи рублевъ. Но по тому что съ одной стороны мнѣ известно яко бы мѣдныя денги государству вредныя, и съ другой называютъ ихъ не вредными, того ради сенату препоручаемъ оное разсматрѣть а съ резонами по чему оны вредны или не вредны намъ представить свое мнѣніе въ концѣ нынешней недели".

„Екатерина".

„4 августа 1763".

38.

Указъ сенату.

(*Архивъ Сената*, (т. 107, л. 267).

„Вмѣстѣ Беклемишева имѣть надзиранье надъ поселеніемъ отставныхъ полковнику Миллерю".

„Екатерина".

„8 авг. 1763".

39.

Указъ сенату.

(*Архивъ Сената*, т. 107, л. 276).

„Казанскаго гарнизонова полковника Миллеръ симъ жалуется въ генерала маіора и быть ему при поселеніи какъ и прежде уже приказано было".

„*Екатерина*".

„18 авг. 1763".

40.

Записка генералъ-прокурору Глѣбову.

(*Архивъ Сената*, т. 107, л. 305).

„Александръ Івановичъ. Какъ я думую будущую весну ехать водою въ Ревель и въ Балтическои Портъ, а отудова сухимъ путемъ въ Ригу, изъ Ригѣ въ Смоленскъ, во Псковъ и чрезъ Великія Луки и Нарва назадъ, то пошлите кого нибудь разумнаго осмотрѣть оныя дороги и по близости тѣхъ дворовъ помещичьихъ верстахъ въ двухъ отъ дороги, а гдѣ нетъ должно съ меншимъ иждивеніемъ построить лачушички для приезда моего. Для известье при семъ прилагаю примечанья гр. Михайла Ларіоновича. Но для перваго случая не весьма громко велите оныя рефлексіи дѣлать".

„*Екатерина*".

„26 авг. 1763".

41.

Резолюція на челобитной рыцарства Лифляндіи и Эстляндіи[1]).

(*Архивъ Сената*, кн. 107, л. 49).

„Сію челобитну посылаю въ сенатъ съ тѣмъ чтобъ известно было оному, что я изъ всего того чемъ лифляндское рыцарство и земство предками нашими пожалованы ничего отънять у нихъ не намерена“.

„*Екатерина*“.

„23 сент. 1763“.

42.

Резолюція на докладѣ сенату (11 октября 1763 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 108, л. 33).

„Отдать въ сенатскую архиву для сохраненія запечатавши, и никому безъ Нашего именнаго писменнаго повелѣнія не разпечатывать“[2]).

---

[1]) Челобитная на двухъ языкахъ, нѣмецкомъ и русскомъ, начинается такъ: „Бьютъ челомъ Вашему Імператорскому Величеству вѣрнѣйшіе рыцарства герцогствъ Лифляндіи и Эстляндіи (Ritterschaft derer Hertzogthümer Lif- und Esthland), а именемъ оныхъ повѣренныя ихъ депутаты ландратъ Карлъ Фридрихъ баронъ фонъ Шульцъ да риттершафтъ гауптманъ (Ritterschaftshauptmann) Фридрихъ Яганъ фонъ Ульрихъ“. Они просили объ утвержденіи правъ, привиллегій и вольностей лифляндскаго и эстляндскаго рыцарства.

[2]) „Содержащіяся до нынѣ дѣла по секретнымъ коммисіямъ находятся въ сохраненіи при комнатѣ вашего імператорскаго величества, а іменно въ коробкѣ, двухъ баулахъ и ларчикѣ, куда повелѣно будетъ оныя отдать“.

43.

Указъ сенату (24 октября 1763 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 108, л. 96).

„Указъ сенату.

„Алексеiю Петровичу Бестужеву выдать въ займо образно изъ дворянскаго банка изъ процентныхъ денегъ двацать тысячъ рублевъ съ надлежащемъ по законамъ обрядомъ".

„Екатерина".

44.

Указъ сенату (29 октября 1763 г.).

(*Архивъ Сенáта*, т. 108, л. 117).

„Указъ сенату.

„Съ удивленiемъ усматрела я что дѣло между рижскими и смоленскими купцами до днесь еще сенатомъ не решено, хотя мною и повелено немедленно къ сему дѣлу приступить и тако сенатъ имеетъ чрезъ три дни репартовать что по оному дѣлу господа сенаторы положили за мѣру".

„Екатерина".

„а я уже болеѣ нареканье отъ тамошныхъ жителей на медленителной судъ слышеть не хочю".

45.

Указъ сенату (10 декабря 1763 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 108, л. 270).

Указъ Нашему сенату.

Сенатскому секретарю Шешковскому повелѣваемъ

быть по некоторымъ порученнымъ отъ насъ дѣламъ при нашихъ сенаторе тайномъ дѣйствительномъ советнике Панине, генералъ-прокуроре Глебове съ произвожденіемъ іс статсъ-конторы ежегодно жалованья по восми сотъ рублевъ. Да при техъ же дѣлахъ быть протоколисту Зотову, канцеляристамъ Зряхову і Волокову и копеисту Казину, съ жалованьемъ техъ же чиновъ какое въ сенатѣ получать по штатамъ положено.

„*Екатерина*".

46.

Указъ сенату.

(*Архивъ Сената*, т. 108, л. 276).

Указъ Нашему Сенату.

Всемилостивѣйше пожаловали мы коллежскаго совѣтника и профессора Михайлу Ломоносова въ наши статскіе совѣтники съ жалованьемъ по восми сотъ по семидесяти по пяти рублей на годъ, которое и получать ему изъ академической суммы.

„*Екатерина*".

15 дек. 1763.

47.

Указъ сенату (19 декабря 1763 г.).

(*Архивъ Сената*, т. 108. л. 367),

„Господа Сенаторы.

„Я указомъ моимъ повелела чтобъ вы въ опщемъ собраніи немедленно расматря по штатамъ всѣ присутственные места наполнили членами честными и достойными; но расьсудила для лучего мнѣ разсмотренія, чтобъ каждой

изъ васъ подалъ запечатавъ свое мненіе ко мнѣ объявя о состояніи всякого и для того повелеваю всякому сенатору не сообъщаясь отнють одинъ съ другимъ, но всякому особо по чистой совести и по присяжной должности означить подъ іменемъ каждаго свое разсужденіе".

„Екатерина".

48.

Указъ генералъ-поручику Веймарну.

(*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я, № 10).

По полученіи сего немедленно ѣхать вамъ въ городъ Слюсельбургъ и тамо произвесть слѣдствіе надъ нѣкоторыми бунтовщиками, о коихъ дано будетъ вамъ извѣстіе отъ Нашего тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Панина у котораго оное дѣло, и потому онъ какъ вамъ всѣ наставленіи дать, такъ и вы всего что касаться будетъ отъ него требовать можете.

„Екатерина".

Рига.
Іюля 9 дня 1764 г.

49.

Письмо Н. И. Панину.

(*Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 1-я).

„Никита Івановичъ. Не могу я доволно васъ благодарить за разумныя и усердныя ко мнѣ и отечеству мѣры,

которые вы взяли по Шлюссельбургской гисторіи. J'ai le coeur contre quand je pense à cette affaire et bien bien de la reconnoissance pour les mesures que vous avés pris et aux quelles assurément il n'y a rien à ajouter. La Providence m'a donné un signe bien évident de sa grâce en tournant cette entreprise de la façon dont elle est finie. Quoique le mal soit coupé dans sa racine, cependant j'apréhende que dans une grande ville comme Pétersbourg les bruits sourds ne fassent encore bien des malheureux, car ces deux misérables que Dieu a puni des menteries atroces, qu'ils ont écrits dans leurs soit disant Manifeste sur mon compte, n'auront pas manqué (ou du moins il est à supposer) de semer leurs venin, et je crois en avoir une preuve. Le jour de mon départ de Pétersbourg une pauvre femme avoit trouvé dans la rue une lettre de main contrefaite où il en etoit parlé; cette lettre fut remise au Prince Wesemski et elle est chez lui. Il faudra questionner ces officiers, si ce sont eux, qui l'ont écrit et repandue. Je crains que le mal n'aye d'autre suite encore, car l'on dit cet Ушаковъ lié avec nombre de petits gens de la Cour.

„Enfin il faut s'en remettre au soin du bon Dieu, qui voudra bien découvrir, je n'ose en douter, toute cette horrible attentat. Je ne resteroi ici pas une heure plus que j'en auroi besoin sans faire cependant paraître que je me hate, et je reviendrai à Pétersbourg où j'espère que mon retour ne contribuera pas peu à faire tomber toute ses calomnies sur mon compte.

„Вспомните также вранія того офицера, что Соловьевъ привелъ, да съ великаго поста болѣе двенадцати подобныхъ было и все о той матеріи. Велите пожалуй разсмотреть не оны ли тому притчины были.

„Хотя въ семъ письмѣ я къ вамъ съ крайнею откровенностію все то пишу, что въ голову пришло, но не думайте, чтобы я страху предалась. Я сіе дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть, сиречь дешператной и безразсудной coup, однакожъ надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачество распространилось, дабы, естьли возможно, разомъ пресѣчь и тѣмъ избавить отъ нещастія невинныхъ простяковъ.

„Радуюсь что сынъ мой здоровъ, желаю и̂ вамъ здравствовать“.

„Екатерина“.

„Изъ Риги 10 ч. іюля 1764“.

„Стерегите чтобъ Мировичъ и Ушаковъ себе не умертвили“.

II.

Депеши французскихъ представителей.

(Изъ Парижскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

Депеши Беранже.

1.

A Saint-Pétersbourg le 13 Juillet 1762[1]).

Monseigneur,

La nation Russe, mécontente à l'excès du gouvernement de Pierre III, vient de le déposer le 9 de ce mois, et a élevé à l'autorité suprême l'Impératrice son Epouse sous le nom de Catherine Seconde.

Cette Princesse régnait déjà sur tous les coeurs; la couronne qui vient de luy être donnée d'un consentement unanime et général ne fait qu'ajouter un titre de plus à son Empire.

Que j'aurais de plaisir, Monseigneur, à vous faire le détail de tout ce qui s'est passé dans cette importante révolution! Mais quelque soit mon zèle, et le désir que j'ay de vous plaire, je sens que les bornes d'une lettre et la difficulté d'étre instruit de tout ne me permettent pas de placer icy toutes les circonstances qui pourraient interesser votre curiosité.

Je prendray la liberté d'observer à Votre Grandeur, que je ne puis garantier, dans ces premiers moments d'agitation, la certitude de toutes les particularités, qui feront l'objet des mes dépêches. S'il s'y trouve des erreurs, j'auray soin de les rec-

---

[1]) *Парижс. Архивъ,* Russie, vol. 69, № 3, à M-r le comte de Choiseul.

tifier à mesure que le poids et la réunion des rapports rendra la verité des faits plus authentique.

Vous lirés, Monseigneur, les principales causes de cette révolution dans le manifeste cy-joint, qui a été publié par ordre de Sa Majesté Impériale.

Peu de jours avant sa déposition Pierre III avait fait consacrer un temple luthérien à Oranienbaum, y avait assisté fort devotement à toutes les cérémonies faites à cette occasion et selon quelques rapports y avait communié. Non content d'abjurer ainsy la religion de son trône à la face de ses sujets, il forçait encore ses courtisans à prendre part aux cérémonies de ce culte étranger, tandisque d'un autre côté, il affectait de ne plus paraître aux Eglises russes, et s'il s'y montrait par hasard, il y portait toujours les marques du plus grand mépris, joint à toute l'indécence et l'impiété d'un profane.

En dépouillant le clergé de ses richesses par un coup d'autorité, dans les commencements d'un règne mal affermi, il s'était attiré toute sa haine. Ce corps dont l'influence parait plus grande en Russie que partout ailleurs, était d'autant plus sûr de sa vengeance, que les motifs en paraissaient sacrés.

L'abandon, l'état humiliant où était réduit l'Impératrice; les outrages journaliers qu'elle supportait avec une patience incroyable; son respect inviolable pour la Religion et ses ministres, son air de bonté envers tout le monde, les talents et les lumières qu'on luy connaissait, sa dignité et sa descence mises en parallele avec le caractère bizarre et féroce du Czar, les vertus enfin de cette admirable Princesse, fixaient depuis longtemps les soupirs et les voeux de la nation en sa faveur.

L'Empire était d'ailleurs menacé d'une ruine totale: il avait perdu toute considération au dehors par une paix honteuse et un tissu d'infidélités criminelles; on se voyait sacrifié à une guerre étrangère. Il fallait un remède violent à tant de maux extrêmes; les conjurés n'ont fait que l'indiquer: la déposition de Pierre III et l'exaltation de l'Impératrice Catherine.

Les ressorts, Monseigneur, qu'on fait jouer pour produire cette grande révolution sont si compliqués, que les détails n'en sauraient être encore ni aussi clairs, ni aussi certains que les causes que je viens d'alléguer.

La princnsse d'Aschkoff, fille du senateur Voronzoff et soeur de la Frayle Favorite, était devouée depuis longtemps à l'Impératrice. Elle s'était attirée la haine et les reproches de sa famille par la profession ouverte, qu'elle faisait de son zèle pour cette Souveraine; mais rien n'était capable de lui faire dementir ses sentiments, et rien ne saurait peindre l'intrépidité de son audace. Il me suffira d'assurer Votre Grandeur que cette jeune dame qui n'a encore que 19 ans, aurait très bien joué dans l'ancienne Rome le rôle de Cornelie, si elle y eut eû les Gracques pour ses fils. C'est chez elle que la trame de la conjuration a commencé.

Monsieur Odar[1]), Piémontais d'origine et mon amy, frequentait habituellement sa maison. Il venait d'être attaché personnellement à l'Impératrice en qualité de secrétaire particulier. Il a été un des principaux arcboutants de la conjuration et s'est conduit avee beaucoup d'intelligence.

Voilà, Monseigneur, les deux seuls conjurés, que je connaisse sur les neuf principaux, à la tête desquels il faudrait nommer le comte Rasoumofsky, Hettman d'Ukraine. Il a adopté les ouvertures qu'on luy en a faite uniquement par zèle pour l'Impératrice et pour l'Empire. Il a été merveilleusement secondé par M-r le conseiller Teyploff, qui lui est attaché.

Le quatrième conjuré est M-r Panin, gouverneur du Czarevitz, dont les intrigues, les lumières et les conseils ont été de la plus grande utilité.

Les trois frères Orloff, dont un officier aux gardes et deux autres dans l'Artillerie, sont comptés pour le cinquième.

Le sixième est l'archevêque de Novogorod, très grand ouvrier.

Le septième est Monsieur le prince Wolkonsky, qui n'est entré dans le projet que peu de jours avant son exécution, mais qui s'est montré de très bonne volonté.

Le huitième est Monsieur Bibikoff, capitaine d'artillerie.

Le neuvième est Monsieur Passick, lieutenant aux gardes de Préobragensky.

On pourrait encore nommer monsieur le général Beskoye, nouvellement arrivé de Paris, et monsieur Gleboff, procureur-

---

[1]) См. ниже, *Приложенія*, IV, 9.

général du Sénat, qui, ayant eû vent de ce qui se tramait, trois jours avant l'événement, alla trouver monsieur Bibikoff, lui temoigna tout d'intérêt et de bonne volonté, qu'il reussit de se faire aggréger. On en nomme encore plusieurs autres qui se sont destingués; mais dans le désordre des rapports, il est bien difficil de savoir à quel degré chacun y a contribué, tout ce que l'on m'assure, c'est qu'ils étaient neuf principaux.

Les conjurés étoient convenus que chacun d'eux serait suivi partout d'une mouche, qui dans le cas de trahison ou de détention, devoit courir et donner avis aux antres.

L'événement a justifié la sagesse de cette précaution. Le sieur Passick, ayant gagné un soldat de sa compagnie depuis quelques jours, ce soldat a demandé au sieur Ismailoff, capitaine de la même compagnie, quand est ce qu'ils exécuteraient leur projet? Le sieur Ismailoff, surpris de cette question, en a voulu connaître la valeur. Il a fait sur le champ, le 8me de ce mois, son rapport à la chancellerie, et Passick a été arrêté.

La mouche vigilante en a donné avis aussitôt, et dans l'instant, la princesse d'Aschkoff, envoye une voiture à l'Impératrice, qui était dans sa retraite à Pétershoff, lui mande, que tout est découvert et qu'il n'y a pas un moment à perdre.

Monsieur Orloff se charge de La ramener à Pétersbourg. Cela s'execute avec toute la diligence et le secret possible.

L'Impératrice, assez déguisée pour qu'il fut difficile à La reconnaître, et escortée de Monsieur Orloff, part pendant la nuit du 8 au 9me, mais comme les chevaux qui trainaient la voiture qui Lu avait été envoyée, ne pouvaient plus aller, elle se jette dans une mauvaise calèche et arrive au quartier des Gardes Ismailoff, à l'entrée de la ville, vers les 7 heures du matin.

Trois compagnie seulement étaient prevenues et gagnées. Quelques officiers s'assemblent autour d'elle. Monsieur le Hettman averti, accourut sur une cariole de mougick. Elle recoit le serment de quelques troupes, tandis que toutes les autres, qui se trouvaient dans la ville, instruites de ce qui venait d'arriver, se hâtent de l'aller reconnaître, en pourrant des acclamations et des cris de joye.

Monsieur le Hettman, suivi des officiers, des soldats et du peuple, la conduit vers les neuf heures à l'église de Cazan. L'archevêque de Novogorod s'y était rendu avec quelques autres

membres du clergé. On chante le Te Deum, elle est reconnue pour seule Souveraine de Russie et Son fils, qu'on fait venir, est declaré successeur à l'Empire.

De là, Elle se rend au vieux Palais, où l'Impératrice Elisabeth est morte. Tout le monde accourt pour prêter serment, ce qui dura jusqu'à deux heures.

Pendant ce tems les conjurés prennent toutes les mesures possibles pour assurer le succès de leur entreprise. On disposa l'artillerie sur toutes les avenues du Palais, les troupes se mettent sous les armes. Il se fait un circulation et un mouvement continuel dans toutes les rues, mais sans aucune confusion. La tranquillité et l'ordre règnent de tous côtés.

On fait revenir trois Régiments qui étaient sur le chemin de Narva, allant à l'armée.

Sur ces entrefaites, arrive de l'armée à Pétersbourg monsieur Alsophioff, colonel du Régiment du prince de Holstein-Beck, nommé Voronitza, qui a fait toutes les Compagnes pendant cette guerre, et qui est compose de 1600 hommes. Cet officier apprennent ce qui se passe, se rend au Palais et prète serment. On lui propose d'aller gagner son Régiment, qui était à 30 verstes de Pétershoff où l'Empereur l'attendait ce même jour. Il part, suivi de deux grenadiers, commence, des qu'il est arrivé, à pressentir quelques officiers et quelques soldats sur la différence des sentimens qu'ils avaient pour l'Empereur et pour l'Impératrice, ne néglige rien pour leur inspirer ceux qu'il souhaittait, et les voyant bien disposés il leur annonce la nouvelle du jour. Aussitôt on crie: Oura, Vivat, Vive l'Impératrice!

Cependant arrive à ce Régiment un adjutant suivi de six houzards de la part de l'Empereur pour ordonner au Régiment de le suivre à Péterhoff. Sur quoy il s'elève un cry unanime, qu'on ne le reconnait plus, et ce Régiment vient augmenter les forces de la ville, de façon que vers les 6 heures après-midy l'Impératrice avait 15 m. hommes sous ses ordres.

Elle arbore l'ancienne uniforme des gardes, se montre à cheval à ses troupes et en fait la revue au milieu des cris de joye et des acclamations.

Pendant que cette scène, Monseigneur, se jouait à Pétersbourg l'Empereur se rend d'Oranienbaum à Pétershoff, où il

avait indiqué la célébration du Gala de sa S-t Pierre, ignorant encore ce qui se passait.

A la première nouvelle de l'évasion de l'Impératrice, monsieur le Chancelier, voyant ce Prince consterné, luy dit, qu'il était très possible qu'Elle fut allée à Pétersbourg pour s'y faire couronner, et que comme il avait du crédit sur le peuple, il allait essayer de l'appaiser, si Sa Majesté le jugeait à propos, à quoi l'Empereur ayant repondu affirmativement, monsieur le Voronzoff vint droit au Palais, où l'on assure, qu'il eut la naïveté de confier à l'Impératrice le motif qui l'avait ramené à la ville. „Vous le voyez, luy dit cette Princesse, ce n'est pas moy qui agis — je ne fais que ceder aux empressemens de la Nation". A quoy le Chancelier réplique, qu'il serait le premier à luy rendre hommage, et pretta serment de fidélité; il a été gardé depuis par deux officiers; cependant il a paru aujourd'hui à la Cour et y a été, dit-on, assez bien traité.

L'Empereur envoya inutilement vers le Régiment de Voronitza, comme j'ay eû l'honneur de le dire plus haut à Votre Grandeur. Le comte de Vierre était parti, dès le matin, pour aller à Cronstadt, où ayant rencontré le vice-amiral Talizin au moment qu'ils débarquoient l'un et l'autre, monsieur de Vierre luy demanda, s'il y avait quelques nouvelles à S-t Pétersbourg. Monsieur de Talizin luy confia qu'il avait remarqué, le matin, des choses fort extraordinaires, qu'il avait vu les soldats s'assembler et courrir dans les rues, qu'il craignait quelque sédition et que selon le devoir de sa charge il s'était hâté de se rendre à Cronstadt pour y maintenir la tranquillité. Sur quoy s'étant separés, monsieur de Talizin, porteur des ordres de l'Impératrice, fait prêter le serment au Commandant et à la garnison et sur le champ arresta monsieur de Vierre.

Tout annonçait ainsy une catastrophe prochaine à ce Prince, qui avait généralement deplù. Il passa une grande partie du Vendredy à Pétershoff, expédiant des courriers sans cesse, qui trouvaient tout les chemins fermés; tantost il dictait des oukases, pour envoyer à Pétersbourg, tantost il consultait sur le parti qu'il devait prendre. J'ignore présicement les personnes qu'il avais avec luy, mais la plus grande partie de sa compagnie était composée de femmes toutes tremblantes. Il fit servir un diner au bout d'une des allées de Petrohoff qui donne

sur la mer, et chose incroyable, on assure qu'il se livra à la boisson à son ordinaire.

On dit que monsieur Goltze luy conseilla de s'enfuir à Narva. Enfin à huit heures du soir il s'embarqua sur un hyacht, pour aller à Cronstadt, avec ses femmes et une douzaine d'hommes. A peine eut-il jetté l'ancre, que la sentinelle qui gardait le port luy ordonna de se retirer. Envain dit-il, qu'il était l'Empereur Pierre III, on luy répondit, quo'n ne le reconnaissait plus en cette qualité, et qu'on alloit faire feu du canon qui était braqué sur le port, s'il ne se rétirait pas promptement. La peur le saisit et il va se cacher à fond de cale, tandis que les femmes jettaient les hauts cris et demandaient grâce par leurs larmes et par leurs prières. On ne se donne pas le temps de lever l'ancre — on coupe la cable et on retourne à Oranienbaum.

Il lui restait encore environ 600 hommes Holstinois, et quelques troupes de milices qui étaient une faible ressource en cas d'attaque.

Cependant l'Impératrice était partie vers les neuf heures du soir de Pétersbourg à cheval, portant l'ancien uniforme des Gardes. La heroine d'Aschkoff la suivant dans le même équipage. Monsieur le Hettman marchait à côté d'elle. Le prince de Wolkonsky et monsieur de Villebois avaient la dircetion des quinze mile hommes de troupes sous les ordres de Sa Majesté impériale. Le conjuré Odar valait bien un général par les soins et les mouvemens qu'il se donnait.

L'Empereur apprenait la marche par les émissaires qu'il envoyait à la découverte. Enfin se voyant absulement sans ressource, il écrivit une lettre à l'Impératrice, par laquelle il reconnaissait ses torts et offrait de se reconcilier avec elle et de partager l'autorité. L'Impératrice n'y fit de réponse; il luy en envoya peu de temps après une seconde, par laquelle il luy demandait pardon, une pension et la permission de se retirer dans le Holstein. On dit, que le vieux maréchal Munich luy avait conseillé d'aller implorer luymême la Clemence de l'Impératrice et de se remettre à sa discrétion.

Cette Princesse luy envoya par le Général Ismailoff un acte d'abdication avec ordre de le luy faire signer et de luy

déclarer, qu'on ne pouvait luy repondre de sa vie s'il entreprenait de se défendre.

Cet officier se rendit à Oranienbaum suivi uniquement de son domestique. Il luy présente cet acte à signer et comme il tergiversait, „Vous étes maître de ma vie, luy dit monsieur Ismailoff, mais en attendant, je vous arreste de la part de l'Impératrice". Il luy ôta son cordon et le mena de Oranienbaum à Pétershoff. Il fut conduit dans l'appartement, qu'il occupait étant Grand-Duc, depouille de toutes les marques de la souveraineté et mis en Robe de Chambre, d'où il ne sortit que pour disparaître entièrement. Ainsy finit cette tragédie le 10 Juillet à 7 heures du soir.

L'Impératrice refusa de le voir. On dit, qu'il luy fit demander d'avoir pitié de la Frayle et de Goudowitch. Ils s'étaient fait de fort tendres adieux et avaient donné toutes les marques du plus grand désespoir. Ce prince témoigné la plus grande lâcheté dans toute la suit de cet événement.

Il aurait pû s'enfuir à Riga ou à Reval, mais il fallait qu'il montrât dans toutes les circonstances, combien il était indigne du trône qu'il occupait. On luy a trouvé une quantité prodigieuse de Diamants; la Frayle avait confié les siens dans les instants de crise à Goudowitch.

L'opinion générale, Monseigneur, est que le jour même de cet événement, l'Impératrice devait être empoisonnée, et que si le poison n'avait pas produit son effet, il était resolu de s'en défaire de quelque façon que ce fut.

Le Czarevit zétait aussy designé pour victime dans cet horrible attentat et l'on ajoute que Pierre III devait immediatement après épouser la Frayle et l'associer à son trône comme Impératrice.

Je ne garantis pas, Monseigneur, la verité de cette notion, qui fait frémir et révolte l'humanité, mais la ferocité barbare et insensée Pierre trois la rend assez vraysemblable.

Je ne dois pas oublier, Monseigneur, d'ajouter à cette relation que le projet des conjurés était d'attendre le retour de

l'Empereur à Pétersbourg et que la détention de Passick en a fait accélérer l'exécution de quelques jours.

J'ay l'honneur d'être avec le plus profond respect,

Monseigneur,

Votre très humble et très obeissant serviteur

Bérenger.

2.

A St.-Pètersbourg, ce 13 Juillet 1762[1]).

Monseigneur,

Je demande à Votre Grandeur la permission de faire quelques réflexions sur le tableau actuel des affaires dans cet Empire. Je ne prends la liberté de les placer que parce que je crois que la connoissance de lieu et des momens pourra les justifier à Vos yeux.

Il paroit de là, Monseigneur, que l'influence de la cour de Vienne deviendra prédominante à celle-ci; on assûre que l'on a expédié plusieurs courriers à l'armée. M-r de Czernichew a ordre de se sauver avec son corps et en cas de violence de la part du roi de Prusse de faire en sorte de passer à l'armée autrichienne. M-r de Romanzow doit se maintenir dans la Prusse et la Poméranie et favoriser s'il est à portée l'évasion de M-r de Czernichew en attendant des ordres ultérieurs.

M-r de Mercy n'oublie rien pour faire sa cour, il est seul ambassadeur et est traité avec les plus grands égards et la plus grande distinction. Tout annonce que le retour de M-r Bestucheff sera encore très favorable à la cour de Vienne, mais l'on m'assure que ce vieillard septuagénaire affoibli par l'usage du vin et des liqueurs spiritueuses et engourdi par l'inaction où il vit depuis longtemps sera très peu propre aux affaires.

J'ai partagé autant qu'il étoit en moi la joie de M-r le comte de Mercy à ses yeux et à ceux de la nation. Les com-

---

[1]) *Париж. Архивъ,* Russie, vol. 69, № 6 (en chiffres).

pliments que je reçois de tous les Russes, les ordres que Sa Majesté a fait donner pour qu'on laissât librement passer tous les François dès les premiers instans de Sa révolution, la préférence qu'Elle leur accorde pour le service de Sa personne, toutes ces circonstances me font juger, Monseigneur, que l'Impératrice a du goût et des bontés pour la nation.

Quelques personnes m'ont donnée les assurances les plus positives que l'Impératrice chercheroit à concilier nos différens avec l'Angleterre et que si Elle ne pouvoit pas nous donner des secours effectifs. Elle nous seroit du moins favorable dans les négociations. Je suis très disposé à croire que ce sont Ses intentions, mais qui peut prévoir, Monseigneur, jusqu'à quel point cette Princesse portera la fermeté de ses principes.

Il ne faut point se dissimuler que quoiqu'elle soit parvenue au trône de Russie par le droit le plus sacré et le plus incontestable, qui est celui de consentement unanime de la nation, il lui faudra tout l'avantage de son personnel et de ses vertus pour empêcher qu'après les premiers momens d'enthousiasme, elle n'y soit regardée comme étrangère et peut-être intruse. Tant de personnes d'ailleurs ont eu part à son élévation, qu'il sera peut-être indispensable un jour de faire des sacrifices à cause de ton et de l'excès des prétentions si ordinaires à ceux qui ont fait une souveraine. De là naîtront des murmures et des accidens qu'il est impossible de prévoir, mais qui peuvent faire soupçonner que cette Princesse, sage comme elle est, consultera l'esprit et le penchant de ses sujets sur les alliances qu'elle contractera et sera quelque fois même dans le cas de leur sacrifier son goût particulier. Ainsi, je crois, Monseigneur, qu'il seroit important de s'assurer d'avance de quelques personnes qui composeroit le nouveau ministère.

Le sieur Teplow me paroit devoir jouer un très grand rôle sous les auspices de M-r le Hettman.

Quant à M-r Bestucheff tout de monde m'assure qu'il ne regnera point ou que son règne sera très court.

Je n'ai que des soupçons et quelques prévoyances au sujet de M-r Poniatowsky. Il ne me paraîtroit pas sage que ce seigneur Polonais vint tout de suite se montrer ici, mais il est très vraisemblable qu'il y viendra tost ou tard, et, absent comme

présent, il est d'autant moins à négliger que son goût et celui de sa famille n'est pas pour nous.

Les beaux jours de M-r Keith sont passés; son personnel ne plait pas infiniment à l'Impératrice et le goût de cette Princesse pour les Anglois est fort diminue. Je ne doute pas que la dextérité de M-r le Baron de Breteuil ne fût capable de la décider en notre faveur.

Je ne sais pas, Monseigneur, si ce n'est point une grande témérité de ma part que de prendre la liberté de recommander à Vos bontés M-r Odart. Je ne saurois assez me louer de son zèle et de sa confiance. Il n'est point riche et réfléchissant au comble de la faveur sur les revers de la fortune, et sur les vicissitudes des choses humaines, il me disoit avant-hier, qu'il n'aspiroit qu'à se ménager une retraite en plaçant sur la banque de Venise ou de Gênes de quoi le faire subsister agréablement et en philosophe.

Je lui dis, Monseigneur, que je ne manquerois pas de vous rendre compte des preuves de zèle qu'il m'avoit données dans cette occasion, et que s'il vouloit s'attacher à la France par des services réels et directs, je ne pouvois douter que le Roi ne se fit un plaisir de lui donner du marques de sa satisfaction. Au reste, Monseigneur, M-r le Baron de Breteuil vous parlera à ce sujet. Tout ce que je puis avoir l'honneur de vous assûrer c'est qu'il est l'ami et le conseil de la Princesse d'Ascow et que l'Impératrice compte sur lui.

J'ai etc.

3.

A Saint-Pétersbourg, ce 13 Juillet 1762 [1]).

Monseigneur.

Je dois rendre compte à Votre Grandeur de la conduite que j'ay tenue dans cette occasion délicate.

J'avois les notions les plus fortes sur cet événement. Il y a dix ou douze jours que M-r Odard me fit demander une

---

[1]) *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 69, № 7 (en chiffres).

entrevue dont nous étions convenues quelques jours auparavant. Je me rendis seul vers minuit dans un lieu écarté et absolument désert, ayant pris assez de précautions pour n'être point reconnue. Là ce Monsieur me remit le billet suivant:

„L'emplette que nous devions faire se fera surement bien„tost, mais beaucoup meilleur marché; ainsy on n'a pas besoin „d'autres fonds".

Je devrois, Monseigneur, faire passer ce billet à M-r de Breteuil, mais il me défendit la voye de la poste.

Je causoi pendant une heure avec lui. Je vis tant de nuages dans sa tête, tant de personnes dont je connoissois l'indiscrétion dans le secret; des mesures trop mal concertées pour une conjuration, un tel fatras en fait de moyens et d'impuissances que ma première réflexion ne fut pas en faveur du succès et que mon premier sentiment fut un mouvement d'intéret et de compassion sur le danger ou je croiois l'Impératrice qui meritoit d'être mieux servi. Ce conjuré me citoit pour premier arcboutant de ce grand ouvrage la Princesse d'Askow, qui a l'âge de 19 ans, affiche la philosophie et l'indépendance au centre de l'ignorance et du despotisme. C'est une femme singulière et propre à braver l'échafaut, mais qui n'a point assez de maturité pour aller à son but avec sagesse. Elle a manqué vingt fois de ma connaissance aux principes d'une conjurée. C'étoit cependant chez elle que l'on tenoit les assemblées et que l'on ourdissoit la trame de la conjuration.

Le second de ces principaux ouvriers étoit M-r le Hetman. J'avois lieu de lui supposer les plus favorables intentions pour l'Impératrice, mais personne ne me paroissoit moins propre que luy pour devenir chef de parti et rebelle. Indolent, borné, favori sans élévation, sans naissance, et n'ayant rien à désirer ni à espérer du côté des honneurs et de la fortune. Une telle personne agée ne pouvoit elle pas être soupçonnée d'être peu propre à la chose?

J'avois plus de confiance en M-r Panin qui m'étoit désigné pour le 3me conjuré. Il a de la sagesse dans l'esprit et de la subtilité dans ses menées. Je l'ai toujours jugé très capable de système et d'un plan. Je lui connoissois d'ailleurs une âme sourde et modeste, un attachement sans bornes pour son Elève et pour l'Impératrice du sort desquels le sien étoit absolument

dépendant, mais il n'avoit d'autres considérations que celles de son personnel: sa place étoit le poste d'un disgracié en sorte que son influence me sembloit bornée à quelques femmes et à un petit nombre d'amis.

Le général Betskoi ne mettoit que des voeux pour le succès de la conjuration.

Il est inutile, Monseigneur, que je Vous parle des autres, mais une considération qui devoit m'empêcher de rien hasarder, c'est qu'il n'y avoit encore de gagné que quelques officiers aux gardes et quelques uns de l'artillerie. Les trois compagnies de régiment d'Ismailoff qui ont commencé la révolution n'ont fait le serment que dans les derniers jours.

Odard m'assuroit qu'on avait deux fois entrepris d'enlever l'Empereur et qu'on l'avoit manqué. J'avois fait un chiffre qui devoit lui être commun avec M-r de Breteuil et que ce Ministre m'avoit chargé de lui remettre. Odard me disoit qu'il lui devenoit très inutile.

Je connoissoit à quel degré Odard portoit l'intrigue. Je n'avois pas une entière confiance dans ses discours. M-r de Breteuil m'avait recommandé d'être sur mes gardes. Dans ces circonstances, Monseigneur, j'ai sollicité M-r l'ambassadeur de faire partir le courrier qu'il me disoit devoir expédier de jour en jour. J'affectois avec lui l'ignorance la plus complette de ce qui se tramoit. Je me contentois de lui dire, que je ne croyois pas que l'Empereur partit pour l'armée. Je lui ai souvent répété que les folies repareroient tout le tort qu'il avoit fait à l'alliance. En attendant, ma dépêche qui contenoit le détail de mes notions et de mes perplexités étoit prête. Je n'ai que le démérite de ne l'avoir pas envoiée, mais M-r de Breteuil m'avoit défendu de le faire par la poste et d'expédier un courrier que dans le cas d'un événement.

Telle étoit ma situation, Monseigneur, lorsque M-r de Matuskyn m'a envoié de Pétershoff un François qui lui est attaché pour m'apprendre que l'Impératrice en étoit partie et qu'il avoit tout lieu de croire que la révolution réussissoit sans effusion de sang. J'ai passé chez mes voisins M.M. les Ministres de Suède et de Hollande. Je les ai trouvé tremblans et consternés. En rentrant chez moi, j'y ai trouvé un homme à M-r l'Ambassadeur, qui me faisoit demander si j'avois quelques

particularités à lui aprendre. Je me suis rendu aussitost à son hôtel, quoi qu'à l'autre extremité de la ville. Je lui ai dit, que i'avois les plus fortes raisons de croire qu'il n'y avoit aucun danger et que, sauf son meilleur avis, je me proposois de cheminer à mon ordinaire chez les personnes avec lesquelles j'avois quelques relations; que le pis aller étoit d'attraper des coups, que c'étoit bagatelle en raison de la satisfaction que nous devions témoigner d'un événement dont nous avions tant de sujets de nous aplaudir. Il m'a dit qu'il en feroit exactement de même.

Je me suis cependant borné à aller dans les premiers momens chez des personnes affidées et j'ai tenu les propos les plus circonspects, mais aussitost que j'ai eu bien constaté la tournure de la révolution, j'ay été me faire écrire chez la princesse d'Askow, chez M-r le Hetman etc. J'ai trouvé chez la première le prince Cavansky qui s'est chargé de lui rendre mon empressement et m'a garanti sa sensibilité.

J'avoue, Monseigneur, que je n'ai consulté que mon zèle; j'espère que Votre Grandeur m'aprouvera.

J'ai été choqué de la conduite des Ministres de Suède et de Hollande, qui se sont tenu clos pendant ces deux jours. Ils ont voilé sous les aparens de la frayeur la plus grande[1]) pusillanimité, le chagrin honteux de perdre un Prince, dont ils se glorifioient d'être les favoris. Ils ont constamment exageré le danger et ils ont resisté à l'évidence des faits. J'ai plus d'une raison de croire que l'un et l'autre ont vu avec peine l'estinction de l'empire prussien dans ce pays-ci. Je me suis toujours fort observé avec eux. J'ai même vanté leur prudence, et j'ai cependant laissé entrevoir une grande satisfaction sur cet événement.

J'ai l'honneur etc.

---

[1]) *grande* вычеркнуто.

4.

St.-Pétersbourg, le 16 Jullet 1762 [1]).

Monseigneur,

Le lendemain de l'expédition de mon courrier, j'allay chez M-r l'Ambassadeur qui me communiqua une notte ministérielle qui lui a été remise ces jours-ci et dont Votre Grandeur trouvera la substance dans ma dépêche № 6.

Je luy dis, Monseigneur, que j'avais déjà connaissance des ordres que l'Impératrice avoit envoyés à M-r de Czernichew et à M-r de Romanzoff, que ces dispositions me foisoient concevoir les espérances les plus flatteuses pour la suite, et que je ne doutois point que cette Princesse ne rétablit le système sur l'ancien pied. „Je me suis époumonné hier, me dit M-r l'Am„bassadeur, pour la persuader; j'ay démontrée l'iniquité de la „défection du ci-devant Empereur, et que la Russie n'avoit point „d'autre moyen de réparer ses torts vis-à-vis de ses alliés qn'en „reprenant les premiers erremens".

J'aplaudis à cette assertion, Monseigneur, en luy disant que la lecture de manifeste, la tournure générale que je remarquois dans l'esprit de la nation, l'empressement des courtisans à luy plaire et la dexterité que je luy connoissois, ne me permettoient pas de douter du succès de ses démarches.

„Je l'espérois, réplique M-r l'Ambassadeur, mais je ne me „dissimule point les difficultés. Appuyez-moi, je Vous prie, en „toute occasion".

Votre Excellence me fait trop d'honneur, luy répondis-je, de croire que je puisse luy être de quelque utilité. Je suis bien éloigné de m'en flatter. Je ne puis répondre que des voeux sincères que je fais pour une negociation dont le succès sera infiniment agréable au Roy. Je déployerais certainement toute mon éloquence auprès de mes amis pour leur faire connoitre que ce que Vous désirez est le seul parti vraiment utile et honorable pour cet Empire.

Je demanday, Monseigneur, la permission de prendre copie

---

[1]) *Парижс. Архивъ*, Russie vol. 70, № 8 (en chiffres).

de la notte que je venois de lire, afin de l'envoyer à Votre Grandeur. M-r le comte de Merci me dit qu'il falloit laisser à la Cour de Vienne le plaisir de vous faire communication. Il m'ajouta à ce sujet: „Je sais la confiance et correspondance „réciproque qui règnent entre nos cours. Vous ne pourriés „croire combien la mienne a été flattée de toutes les ouvertures „et de toutes les confidences que la vôtre vient de lui faire au „sujet de vos négociations actuelles pour la paix avec l'Angele- „terre. M-r de Breteuil ne m'en a point parlé sans doute parce „qu'il a respecté le secret de sa cour. Mais je puis Vous „assurer que l'alliance n'a jamais été ni mieux ni plus solide- „ment établie qu'elle l'est dans ce moment-ci".

Je n'augmente point, ay-je repliqué à M-r l'Ambassadeur, je ne suis poit surpris de toutes les confidences dont Votre Excellence me fait l'honneur de me parler. La noblesse et la franchise du ministère du Roy me rendroient toute autre conduite absolument incroyable. Quant à l'objet de ces confidences, j'avoue que je l'ignore parfaitement et je puis assurer Votre Excellence que M-r de Breteul n'en étoit pas plus instruit que moy. Je pourrois faire serment qu'il n'est pas dit un seul mot dans les dépêches qu'il a reçues de la Cour. J'ay d'ailleurs trop de preuves de la confiance sans bornes qu'il avoit en Votre Excellence, pour que je puisse imaginer que s'il avoit reçu quelques notions à cet égard par des voyes particulières, il ne Vous en eût jamais fait un mistère.

„Enfin, Monsieur, a continué M-r. l'Ambassadeur, il faut „que la Maison de Bourbon et celle d'Autriche s'unissent par „des liens éternels; elles sont faites pour donner le ton à „l'Europe; toutes les autres ne doivent être considérées que „comme des rapports. J'ai écrit par mon courrier une grande „dépêche à ce sujet, et il faut que vous travailliés sur ce plan. „L'instabilité des choses en Russie ne présente aucun point „d'appui, ni aucun fondement solide aux liaisons que l'on peut „contracter àvec elle".

Je suis convenu de ce dernier point, Monseigneur, et je lui ai ajouté que j'étois ravi et reconnoissant des principes qu'il me faisoit la grâce de me confier; que c'étoit les seuls qu'on m'eût inspirés, et qu'ils m'étoient d'autant plus agréables que j'étois plus persuadé que personne de la beauté, de la

convenance et de l'utilité de ce système; qu'effectivement les autres Cours ne doivent être considérées que dans un ordre secondaire, et qu'il y en avoit parmi elles dont le Roy s'éloigneroit d'autant plus, que Sa Majesté avoit en horreur le Machiavélisme qui en faisoit la politique.

Nous nous sommes séparés après cette conversation, qui a été assez longue, fort contents, je crois, l'un de l'autre. Je lui ai renouvellé, en le quittant, les assûrances de mon assiduité a lui faire ma cour, et ma reconnaissance des soins qu'ils prenoit de m'instruire.

Au reste, Monseigneur, j'auroi avec M-r le comte de Merci l'air de prendre le plus grand intérêt au succès de ses négociations; mais je ne parlerai qu'autant qu'il sera nécessaire pour l'empêcher de soupçonner la sincérité de mes sentimens. Je ne vois dans la révolution actuelle d'autre avantage pour nous que celui de relever le courage autrichien, et d'inspirer assés de confiance à l'Impératrice Reine pour calmer les allarmes de sa timide prévoyance, et l'impatience qu'elle avoit de faire une paix qui auroit pû nous être défavorable en Allemagne.

C'est dans ce point de vue, Monseigneur, que je tâche d'affermir M-r l'Ambassadeur dans l'espérance qu'il a du rétablissement de l'ancien système; mais ce rétablissement dans toute son étendue nous convient-il? Je ne crois pas, Monseigneur, qu'il ait lieu.

On m'assure que la nouvelle Impératrice a expedié un courier au Roy de Prusse pour lui faire savoir qu'elle désirer confirmer et ratifier la paix faite entre lui et la Czar.

Il court un bruit que les troupes russes ont évacué les Etats Prussiens, et l'épuisement inconcevable de cet Empire, les secousses voilentes qui viennent de l'ébranler, le fermentation et le trouble intérieur, la nécessité d'affermir par le repos un règne nouveau et chancelant, la crainte d'une invasion de la part des Tartares, ces considérations et mille autres mènent à croire, Monseigneur, que la Russie renoncera à la continuation d'une guerre ruineuse et insoutenable plus longtemps pour elle.

Le fruit principal que M-r de Merci pouroit retirer de ses négociations, se réduiroit à engager la Russie à raporter à la masse ses conquestes sur le Roy de Prusse, afin qu'à la paix

générale le désinteressement de cet Empire pût donner lieu à des compensations et tourner au profit des anciens alliés. Cet objet, Monseigneur, me paroit important, mais je forme à cet égard plus de désir que je ne conçois d'espérance. La situation de cet Empire lui permetelle ainsi de revendiquer des cessions gratuites garanties par des traités solemnels? Je ne crois pas qu'on le puisse, et si on en avoit la force et qu'on l'entreprît, on craindroit en manquant aux engagemens de Pierre trois de se rendre coupable d'une infidélité aussi honteuse que celle par laquelle ce Prince a manqué à ceux de l'impératrice Elisabeth. Dejà on s'est repenti de n'avoir pas assés ménagé les expressions contre le Roy du Prusse dans le manifeste qui a été imprimé, et on vient d'en publier un second où elles sont fort adoucies.

Quoiqu'il arrive, j'auray l'honneur de rendre comte à Votre Grandeur de la tournure que les choses prendront à cet égard.

Un troisième objet de négociation pour la Cour de Vienne auprès de celle-ci, dans le cas où les deux premiers manqueroient, seroit d'engager le ministère de Pétersbourg à seconder par un corps de troupes Russes les opérations autrichiennes, afin de forcer le Roy de Prusse à accorder la paix à des conditions avantageuses à l'Impératrice Reine. Ce point me paroit celui des trois le moins difficile à obtenir. Il est certain, Monseigneur, que le goût et les voeux de la nation sont en faveur de la Cour de Vienne, et je ne serois point surpris que M-r de Czernichew eût ordre de retourner à son premier poste. Je ne crois pas même qu'il soit de l'intérêst du Roy de Prusse de l'empêcher. Il fourniroit en s'y opposant des armes puissantes à la politique autrichienne contre luy. je crois plustot que dans ces circonstances aussi critiques il se rendra facile à un accommodement, à moins qu'il n'espère d'occuper assés la Russie par le moyen de la Porte, pour la mettre dans l'impossibilité de le nuire. On pouroit, Monseigneur, d'autant mieux supposer à ce Prince un pareil espoir que l'on craint beaucoup ici une invasion de la part des Tartares. Indépendamment des nouvelles qu'on dit avoir de Constantinople des intentions hostiles des Turcs, je sais que le Kan de Crimée étoit sorti des

lignes de Precop le 21 mai. Stepan-Danielitz hetman des cosaques de Don confloit à un de mes amis huit jours avant la révolution qu'il avoit des avis certains de la marche des Tartares, et qu'il devoit incessamment retourner à son poste.

D'après ces dispositions le Roy de Prusse n'auroit qu'à soutenir et à fortifier l'impulsion qu'il avoit anciennement donnée aux Tartares pour se délivrer absolument de la présence des Russes en Allemagne, et dans ce cas il pourroit arriver que la Cour de Vienne ne fût pas plus heureuse sur ce dernier point de négociations que sur les deux premiers.

J'ay l'honneur etc.

5.

A St.-Pétersbourg, le 16 Juillet 1762[1]).

Monseigneur,

L'impératrice se rendit hier à l'eglise de la forteresse. Elle n'oublie rien pour justiffier le choix de la nation, et toute le monde s'accorde à regarder le jour de son avènement au trône comme l'épôque du bonheur de la Russie. Cette Princesse parait infatigable au travail. Elle règle les affaires de l'Intérieur sans négliger celles du dehors, et quoiqu'elle prenne connoissance de tout, ses grandes occupations ne l'empêchent point de se rendre très agréable à tous ses entours.

Elle a mandé un officier d'artillerie, nommé Martinoff, qui avoit tenu des propos contre le cy-devant Empereur et lui a dit, de ce ton de douceur qui ajoute quelque fois à la force de commande sans humilier celuy qui doit y obéir: „Je scai les propos que vous vous êtes permis; ils me sont désagréables. Je vous défends d'en tenir de pareils".

Pendant la nuit du 12 au 13, un houzard yvre courut aux Casernes, criant aux soldats: „Aux armes, mes frères! quoy vous dormés pendant que les Prussiens et les Holsteinois nous

---

[1]) *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 70. № 9.

enlèvent notre Mère"! Les soldats volent aussitôt au Palais de Sa Majesté Impériale qui reposoit pour la première fois depuis quatre jours. Ils demandent par des cris redoublés qu'on leur fasse voir l'Impératrice. M-r le Hetman se mit à une des fenêtres du palais pour les assurer que tout étoit tranquille et que Sa Majesté dormoit. „Nous te croirons en toute autre chose, lui crient-ils; mais il y a trahison icy. Nous voulons voir notre Mère", de façon que M-r Orloff fut obligé de réveiller l'Impératrice. Comme il lui dit qu'il craignoit de l'effrayer, „Vous savez, lui répondit cette Princesse, que je ne m'effraye de rien". Elle s'habille et se rend à l'église de Cazan, entouré de soldats, qui se demandoient les uns aux autres: „Est ce bien notre mère"? L'Impératrice se montre, les harangue et les oblige à se retirer content.

Quoyque je me propose, Monseigneur, de parler rarement de cy-devant Empereur, je dois rendre compte à Votre Grandeur d'un propos qu'il avoit tenu peu de temps avant sa déposition, et que je devois mander le jour même qu'il a été detrhôné.

Ce prince, échauffé sans doute par les vapeurs du vin, se livrait un jour à table, à des vastes projets etc. „Qu'est-ce „que c'est, disait-il, que tous ces petits souverains, en parlant „des Rois de l'Europe. Je veux qu'il n'y ait à l'avenir que „trois puissances, qui seront la Prusse, la Russie et la France". Il prenoit pour son lot tout le Nord, donnoit toute l'Allemagne au Roy de Prusse, et nous laissoit tout le reste. Un des favoris luy dit: Mais, Sire, Votre Majesté y pense-t-elle de mettre la France dans ce partage? „Eh, oui, réplique le Czar, presque „en soupirant, la France est encore une grande puissance".

Cette façon de penser de la part de ce Prince m'a paru, Monseigneur, si extraordinaire et si nouvelle qu'elle m'a beaucoup fait rire. Je douterais encore de la vérité, si je ne la tenois d'une personne qui l'a entendu et qui est très digne de foy.

Un autre projet de ce Prince plus réel et d'une exécution moins difficile, c'est qu'il vouloit casser les mariages de la pluspart des femmes de sa Cour, pour les marier ensuite à sa fantaisie. Il vouloit être le premier à donner l'exemple en épousant la Freyle. Il vouloit que M-r Goltz, ministre de Prusse,

épousât la comtesse Stroghanoff. La grande-veneur, la comtesse de Bruce, la maréchale Narichkine etc. chacune de ces femmes devoient changer de mary.

Je n'ay rien jusqu'à présent à changer à la relation que j'ay eu l'honneur d'envoyer à Votre Grandeur sur la déposition de Pierre III. J'en avois appris les circonstances de deux acteurs dans la scène et de plusieurs témoins oculaires. Quant aux additions à y faire, j'attendray un temps où je serois moins occuppe que je ne le suis.

Ce Prince a demandé, depuis, son chien mopse, son Nègre Narcisse, son violon, des romans et une bible allemande. Il se propose de vivre en philosophe; je crois qu'il ne luy manquera que la liberté.

Je n'ai point le temps, Monseigneur, de m'étendre, sur les intrigues et les cabales qui se manifestent déjà à la nouvelle Cour. On y conspire contre Orloff et l'on prépare en secret sa chûte.

L'Imperatrice aura besoin de ses talents et de toute sa force pour conjurer les orages que je vois se former dans la Cour. Il s'en faut bien que tout le monde soit content. Tel doux que soit un jong étranger, la géneralité Russe aura toujours de la peine à s'y soumettre, et quelle que soit la prévoyance humaine, il est difficile de prédire les évenements futurs. Voici, Monseigneur, une anecdote qui merite d'être conservée et qui je tiens de bon lieu.

Le projet de M-r. Panin avoit été constamment de faire proclamer le Czarewitz Empereur et l'Impératrice Régente. On ne pouvoit le déterminer à consentir à aucun autre arrangement, mais ce que la raison ne pouvoit faire, l'amour l'a. fait. Panin étoit amoureux fou de la Princesse d'Askoff. Cette jeune Dame, qui ne s'affiche point pour vestale, mais en qui l'ambition affaiblit tout autre sentiment n'avoit aucun goût pour Panin. Elle le traitoit fort cavalièremant sur cet article et fortifioit ainsi la passion de M-r le Gouverneur, enfin le sieur Odart, voyant que l'opposition de Panin étoit le seul obstacle à l'exécution du projet commun, conseilla à la princesse d'être un peu moins sevère, et c'est, Monseigneur, la sagesse de ce conseil qui a fait une Impératrice au lieu d'une Régente.

En sortant, avant hier, de chez M-r l'Ambassadeur, je passai

chez M-r le Chancelier; je causai pendant longtemps avec lui, mais pas un mot d'affaires. Le sort de ce ministre sera incertain jusqu'à l'arrivée de M-r Bestucheff, qu'on dit très prochaine. Loin que je puisse constater aujourd'hui, Monseigneur, ce que j'ai eu l'honneur de vous mander de la conduite de M-r le comte de Woronzow à l'égard de l'Impératrice, on m'assure qu'il fit de fortes représentations à cette Princesse de ce qui se passoit, et que l'Imperatrice, n'étant point d'humeur à écouter ses mercurieles, ordonna qu'on le menât prêter serment. Il n'a été gardé, à la vérité, que pendant deux jours. Il a repris, depuis, ses fonctions et continue à se montrer à la Cour; mais le public persiste à regarder sa disgrâce certaine. Dieu veuille qu'on se trompe.

M-r le prince Tcherkaskoy cy-devant Procureur-Général est rappelé pour être sénateur.

M-r de Tchernicheff qui étoit à Vienne est de retour icy depuis deux jours: il a été très bien accueilli par l'Impératrice.

M-r le Vice-Chancelier prince de Galitzin vint hier se faire écrire à ma porte. J'ay crû, Monseigneur, qu'il étoit plus respectueux de ne pas le recevoir. Je le rencontray dans l'après-midy chez M-r le marquis d'Almodovar, où je lui tèmoignois combien j'étois reconnoissant de l'honneur qu'il m'avoit fait et mortifié de la peine qu'il avoit prise.

J'ay l'honneur etc.

6.

A St.-Pétersbourg, ce 23 Juillet 1762[1]).

Monseigneur,

La mort du ci-devant Empereur sept jours après la catastrophe fixe ici l'attentions de la plupart des esprits. On dit tout haut que c'est la suite naturelle du désespoir qu'a dû lui causer sa déposition; mais on se dit à l'oreille qu'on n'en croit rien et que cet Prince a été empoisonné. Je ne puis, Mon-

---

[1]) *Париж. Архивъ*, Russie, vôl. 70, № 12.

seigneur, Vous parler affermativement sur cette matière, mais j'ai tout ce qui peut justifier les soupçons les plus violents.

Des personnes qui ont vu Pierre III au moment de son départ de Péterhoff m'assurent qu'il étoit tranquille et en bonne santé; que ce Prince ayant peu de génie et de sensibilité, n'avait jamais été accessible aux grandes douleurs, et que la colique, dont on a annoncé qu'il étoit souvent attaqué, étoit une idée que le besoin d'assigner une cause à sa fin avoit fait imaginer.

On pretend encore, Monseigneur, que ce Prince a diné à son ordinaire le jour de sa mort; qu'en sortant de table, il se sentit assailli de douleurs très vives et très aigues, et qu'il dit lui-même qu'il alloit mourir. Un valet de chambre russe, qui lui avoit été attaché de tout temps, lui ayant proposé de prendre quelque chose, „non, répondit ce Prince, c'en est fait, „on ne se contente point de m'avoir empêché de régner en „Suède, de m'avoir ôté la couronne de Russie, il faut encore „qu'on m'empoisonne".

On dit, Monseigneur, que l'Impératrice a ignoré la mort de Pierre III 24 heures. La nouvelle lui en a été portée pendant qu'elle étoit à table. Elle passa dans une chambre à côté avec 2 ou 3 de ses confident. Depuis ce temps, Elle ne s'est montrée que très peu, et n'a rien oubliée pour constater aux yeux de sa cour l'affliction et les regrets que lui cause cet événement.

Le corps de Pierre III a été exposé pendant deux jours, comme j'ai eu l'honneur de le mander à Votre Grandeur, dans le monastère de St.-Alexandre Newsky, inhumé le troisième, de grand matin, avec les cérémonies ordinaires de l'Eglise, et sa bière déposée sur celle de la Régente Anne.

Je n'ai pas été le voir parce qu'aucun Ministre n'y est allé et que j'ai appris que des gens postés prenoient notte de toutes les personnes connues qui se présentoient, mais j'ai engagé un ami à s'y transporter. Son rapport et celui de tout le monde disent que son visage étoit extraordinairement noir, qu'il suintoit à travers l'épiderme un sang extravasé qui se manifestoit même sur les gands qui couvroient les mains. Enfin on prétend avoir remarqué sur ce cadavre tous les sympthômes qui peuvent caractériser un empoisonnement.

C'est un usage établi parmi les Russes que quand le souverain meurt, les sujets vont prendre congé de lui en le baisant sur la bouche. Des personnes qui ont été rendre ce devoir à Pierre III sont retournées chez elles avec les lèvres fort enflées.

Cet événement pourroit avoir des suites funestes; la haine de la nation contre Pierre III semble se changer en pitié. Des personnes qui ont vu le concours qu'il y avoit à son cadavre, ont remarqué un air de tristesse répandu sur tous les visages. Un matelot, qui, dans la foule, s'y est pris de querelle avec un soldat, lui a reproché, entr'autres choses, d'avoir versé la dernière goute du sang de Pierre premier. Cette idée, Monseigneur, n'est point particulière à ce matelot. Il est bien à craindre qu'elle ne germe et ne fermente dans la teste des Russes, lorsqu'ils seront revenus de leur première yvresse. On ne sauroit disconvenir qu'elle n'ouvre un vaste champ aux mécontens et aux factieux.

Quel tableau, Monseigneur, pour la nation, rendue à elle même et jugeant de sang-froid! D'une côté, le petit-fils de Pierre premier détrôné et mis à mort; de l'autre, le petit fils du Czar Ywan languissant dans les fers, tandis qu'une Princesse d'Anhalt-Zerbst usurpe la couronne, en préludant au trône par un Régicide.

Je ne puis, Monseigneur, me retracer sans frémir, l'effet que doit naturellement produire, surtout parmi une nation qui hai toutes les autres et qui haïra encore plus un joug étranger, cette considération.

Avant la révolution, le coujuré Passieck avoit offert plusieurs fois à l'Impératrice d'assassiner l'empereur; Elle n'avoit jamais voulu y consentir; je ne suppose pas à cette Princesse l'âme assez atroce pour croire qu'elle ait [trempé dans la mort du czar; mais comme le mystère le plus profond dérobera vraisemblablement toujours à la connoissance public le véritable auteur de cet horrible attentat, le soupçon et l'odieux restera sur le comte de l'Impératrice qui en receuille directement le fruit.

Tant de gens, dont plusieurs mauvais sujets perdus de dettes et de réputation, ont contribué à la révolution, qu'il est très vraisemblable que quelqu'un d'eux soit pour pourvoir à sa

sûreté particulière, soit peut-être croyant faire sa cour à l'Impératrice, aura commis ce forfait sans la participation de cette Princesse.

Si l'on ajoute à ces considérations, Monseigneur, la filiation ou la légitimité plus qu'équivoque du Czarevitz, je ne crois pas que ce soit excéder les bornes d'une sage prévovance que d'envisager dans l'avenir des orages et des tempêtes qui pourront encore donner des secousses violentes à la Russie.

Au reste, il faut regarder cette nation comme faisant absolument une classe à part; sa moutonnerie et sa férocité est un problème à résoudre. Elle peut mettre en défaut tous les calculs de la prudence humaine et quiconque la jugera d'après nos moeurs n'en aura qu'une fausse idée.

J'ay l'honneur etc.

P. S. Quelques personnes assurent, Monseigneur, que l'Impératrice a envoyé une vaisselle d'argent au Prince Ywan, qu'elle a dessein de le bien tenir et de réparer autant qu'il sera possible, le défaut de son éducation, en le formant aux affaires, afin qui si son fils, dont la santé est toujours très faible, vient à mourir, ce Prince infortuné puisse être apellé à la succession. On prétend même que si cette mort arrivoit bientost, ou que les murmures de la nation sur ce qui vient de se passer fissent craindre une seconde révolution, dans ce cas l'Impératrice, pour les appaiser, ne seroit point éloigné d'épouser le Prince Ywan.

Il est très sûr, Monseigneur, qu'il y a des intrigues inconcevables à la cour et une fermentation générale parmi les esprits. Les dernières scènes ne sont encore pas jouées sur ce théâtre d'horreur.

Panin et Teplow dirigent toutes les affaires sous des noms empruntés. Bestucheff est de retour depuis deux jours, il n'a point encore paru; on le dit cassé et abruti.

On m'a dit que l'Impératrice payeroit les dettes du chancelier et qu'Elle lui donneroit la permission *d'aller en Italie.* Je tiens cette notion du sieur Odart, qui est devenu l'homme de confiance de M-r Panin. La Freyle a été envoiée sur les terres de son père; Wolkoff est renfermé au Palais d'hiver, et Goudowitz malade dans sa maison. Tous sont traités avec douceur.

7.

A St.-Pétersbourg. ce 23 Juillet 1762[1]).

Monseigneur,

M-r le Prince George est encore gardé dans son palais; on m'assure que l'Impératrice lui a fait dire qu'elle l'enverroit incessamment à Kiell, en qualité de gouverneur et d'administrateur général du Holstein, avec un pouvoir illimité de créer, d'innover et de faire tels changemens qu'il jugera à propos. Si cette notion est vraie, Monseigneur, comme je ne puis guère en douter, il est certain que l'Impératrice a promis au délà de ce qu'Elle peut affectuer: Elle s'érige en tutrice de son fils, mais Votre Grandeur sait mieux que moi, que le droit public de l'Allemagne ne donne cette qualité aux mères que pour veiller à l'éducation de leurs enfans; l'administration des biens des pupilles est dévolue au successeur légitime et plus proche héritier. Dans ce cas le roi de Suède comme ainé de la famille de Holstein devrait avoir la préférence, mais se trouvant exclu par la qualité de Roi de cette administration, elle semble appartenir de droit au Prince Auguste son frère, évêque de Lubeck. On dit, Monseigneur, que l'Impératrice se propose de faire une pension à ce prélat pour l'engager à se désister de son droit de primogéniture en faveur du prince George. Il est très possible que cet arrangement ait lieu et que l'on obtienne l'agrément de l'empereur, qui en sa qualité de chef suprême de l'Empire est seul en droit de la confirmer, et de lui donner la force et l'authenticité nécessaire.

Le Prince Charles de Saxe restera possesseur tranquille du Duché de Courlande. Le ministère a envoyé l'ordre à M-r Simolin de regarder comme non avenu tout ce qui a été fait sous le règne précédent.

Une personne à portée d'être instruite me confia hier qu'on avoit apris le matin que M-r le maréchal Solticoff sur la première nouvelle de la révolution s'étoit établi de son propre

---

[1]) *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 70, № 13.

mouvement dans la Prusse, résolu de n'en sortir après que l'Impératrice le lui auroit ordonné.

On me dit dans l'instant, Monseigneur, que l'Impératrice a fait écrire à tous les Ministres dans les Cours étrangères de témoigner aux souverains auprès desquels ils résident, les désirs de Sa Majesté Impériale sur une pacification générale, et de faire l'offre de ses bons offices pour parvenir à ce but salutaire.

Je suis d'autant plus fondé, Monseigneur, à soupçonner la vérité de ces avis, que M-r le chancelier n'a donné aucune connoissance d'une telle expédition ni à M-r l'Ambassadeur, qui l'ignore vraisemblablement encore, ni à aucun autre Ministre.

On donne de bonnes paroles à M-r le Comte de Mercy, mais les effets ne suivent point. Cet Ambassadeur dans l'incertitude où il est d'obtenir qu'on rapporte les conquêtes de la Russie à la masse, et que la restitution ne soit faite qu'au profit des alliés cherche du moins à engager cette Cour à tenir un langage au Roi de Prusse qui lui fasse craindre que dans le cas où il se refuseroit à des conditions de paix convenables, la Russie ne reprenne ses anciens engagemens et ne continue la guerre contre lui.

M-r l'Ambassadeur eut dernièrement une longue conversation avec le sieur Odart dans laquelle celui-ci lui glissa qu'il estimoit que le plus sûr moyen de tirer un parti utile de la Russie étoit d'offrir la médiation pour la paix générale à l'Impératrice; que l'alliance devoit être persuadée des bons offices de cette Princesse et de l'intérêt avec lequel Elle chercheroit à procurer des conditions avantageuses aux anciens amis de cet Empire. M-r le comte de Mercy m'a assuré, Monseigneur, que le sieur Odart étoit le seul qui lui eût parlé de cette médiation; mais qu'il soupçonnoit qu'on le lui avoit détaché pour le pressentir cur cet objet; qu'au reste cela n'auroit jamais lieu.

L'Impératrice après son avénement au trône a expédié à Copenhague pour y faire savoir que son intention étoit de vivre en paix; qu'Elle consentoit que le Roi de Danemarck possédat les états en litige in statu quo et qu'on aviseroit dans la suite aux moyens de terminer tout à l'amiable. En conséquence

Elle a rapellé de Berlin les Plénipotentiaires envoyés au Congrès.

Je ne sais, Monseigneur, si Sa Majesté Danoise ne voudra point profiter d'une si belle occassion pour tarir irrévocablement cette somme de discussions éternelles et exiger une garantie de la part de la Russie.

J'ay l'honneur etc.

On renvoye, Monseigneur, tous Holstinois dans leur pays, avec permission de prendre du service chez telle puissance qu'ils voudront.

Депеши Бретэля.

8.

A Moscou, ce 28 Octobre 1762[1]).

Monseigneur,

Peu s'en est fallu que le mécontentement assez général et le murmure des Gardes, surtout dont j'ay eu l'honneur de Vous informer par ma dépêche du 12 Septembre № 4, n'ayent excité une nouvelle révolution. Un nommé Chipof et un nommé M-r Griniof, tous deux officiers aux Gardes, ont dénoncé à la Czarine deux partis formés contre Elle: l'un en faveur du Prince Yvan et l'autre du jeune Grand Duc. Ces officiers ont fait leurs dépositions le 15 Octobre et cette même journée et les deux suivantes ont été employées à se saisir de tous les conjurés. Vingt sept officiers aux Gardes ou de différens régimens avec un beaucoup plus grand nombre de soldats, ont été arrêtés. Plusieurs mis à la question ont avoué et subi depuis le knout.

Ces exemples et les précautions de la Cour paroissent avoir arrêté ces mouvemens dangereux; mais il est difficile d'assurer si la fermentation des têtes qui est toujours grande

---

1) *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 71, № 22.

ne renouvellera pas plus d'une fois les justes inquiétudes de la Czarine, avant qu'Elle ait forcé ou engagé tous ses fidèles sujets à luy obéir aveuglement.

Personne de marque ne paroît avoir été compris parmi les 27 conjurés. Cependant il est difficile de croire, Monseigneur, qu'ils ne fussent pas poussés par des gens des quelque poids, d'autant qu'en voulant rétablir le Prince Yvan sur le trône, ou y mettre le jeune Czar, ces conjurés avoient le projet de changer la forme du gouvernement et de l'assimiler aux républiques qui avoisinent la Russie. Dans le premier moment de ce trouble, le public a cru que la Princesse Aschoff et M-r Panin, qui n'étoient pas contens, pouvoient l'avoir suscité. Un abandon de la Cour pendant plusieurs jours de la part de la Princesse Aschoff et des mecontentemens marqués de celle de M-r Panin avoient accredité ce bruit. Le retour de la Princesse d'Aschoff à la Cour, les agaceries publiques de la Czarine et la confiance qu'Elle continue à marquer à M-r Panin ont dissipé ces soupçons, sans doute mal fondés.

Quoique le projet de mettre des bornes au despotisme soit, de ma connoissance, le désir le plus vif de la Princesse Aschoff et ait été sûrement avant la révolution celui de M-r Panin, mais les mesures pour y parvenir ont été mal conduites et la Princesse Aschoff dans le moment de son enthousiasme pour la Czarine a été la première à s'en écarter, de sorte que ce qui eût été facile et simple en luy offrant la couronne, devient sinon impossible, du moins très dangereux depuis la révolution. Le plus grand nombre sent la faute de la bassesse de l'oubli de cette condition, mais la souveraine Russe n'a pas un caractère propre à céder à de pareilles vues sans y être forcée par la destruction.

Quoiqu'il en soit, l'impatience du jong est remarquable. Tous les êtres Russes parlent avec feu de leur esclavage. Mais la Czarine a tout gagné en gagnant du temps, et chacun de ceux qui s'élèvent le plus en faveur de la liberté, reprendront les chaînes et les porteront sans oser ni peut-être penser à s'en plaindre à moins que quelque puissance ne voulut faire des frais pour les réveiller, ce qui, je crois, Monseigneur, ne seroit ni fort cher, ni fort difficile.

La Czarine n'a point encore confirmé l'ordonnance de

Pierre III sur l'aparence de la liberté. Elle a promis de ratifier cette faveur. *Des gens sensés* ne vouloient point qu'on requît cette formalité, puisqu'elle prouve que cette fausse lueur de liberté est même précaire, mais la Czarine a senti tout ce qu'elle gagnoit pour elle et pour ses successeurs en promettant de la remplir.

Depuis ma dernière lettre, Monseigneur, la santé du Grand-Duc est moins mauvaise. Cependant il n'est pas encore tout-à-fait sans fièvre, et n'a commencé à changer de lit que depuis trois ou quatre jours. Il a été dans de très grands dangers depuis le 11 jusqu'au 18. La Czarine a fait voeu d'établir un hôpital s'il en revenoit, et l'on va travailler à cet établissement le premier auquel la Russie ait encore pensé pour la conservation de l'espèce.

Pendant toute la maladie du Grand-Duc on parloit fort haut sur le peu de solidité du trône pour Catherine. Tous les Russes convenoient sans se faire prier qu'Elle ne tiendroit pas longtems les rênes du gouvernement si le jeune Czar mouroit. Il est certain que jamais enfant ne pût être plus précieux à sa mère. Elle lutteroit peut-être encore quelques mois contre sa perte, mais Elle y succomberoit sûrement. Je ne crois pas que ce fut sans exciter de grands troubles dans l'intérieur de pays; mais je crois, Monseigneur, que c'est ce qui pourroit arriver de plus heureux, puisqu'alors cette masse de puissance se détruiroit par elle-même.

Je suis d'opinion que si l'on voyoit jamais jour à exciter une guerre civile dans ces contrées, jamais argent du Roy ne pourroit être plus utilement employé. Indépendament des circonstances inattendues, la mort du Grand-Duc ou sa majorité pourroit donner un jour des facilités pour ce projet, qu'il me paroît avantageux de ne perdre jamais de vue et pour le succès duquel, si le Roy conserve icy quelques liaisons, je croirois convenable de donner toute sorte de libertés et de moyens pécuniaires aux ministres qu'il plaîroit à Sa Majesté d'y employer.

Pendant les jours que la Czarine a été occupée à découvrir et à apaiser les mauvaises intentions de ses gardes, dont l'insolence et l'indiscipline ne sauroient aller plus loin, cette Princesse se récrioit souvent, suivant ce qui m'a été raporté

par gens de l'intérieur, que c'étoit un pesant fardeau qu'une couronne, elle auroit dû ajouter une couronne russe. Elle disoit sans cesse en gémissant à tout ce qui l'aprochoit qu'on l'avoit forcée de la prendre, qu'Elle n'avoit que cédé aux circonstances et qu'Elle ne comprenoit pas plus ce qu'on vouloit, que ce qu'Elle avoit fait pour déplaire.

Catherine a fait depuis longues annés aprentissage de comédie et ne manquera jamais du côté de ce talent. Je vais, Monseigneur, vous en donner un exemple qui me revient dans ce moment, dont je crois être sûr et qui vous donnera une juste idée du degré auquel elle sait porter la dissimulation.

Le jour pris pour abréger les jours de Pierre III, Elle reçut la nouvelle de cette horrible expédition à midy. C'étoit le moment de ce montrer à sa cour. Elle y parut avec le visage le plus serein. Elle assembla ensuite le conseil intime de ceux qui pouvoient être instruits de la fin de son mary, et l'on agita entre ces cruels ministres si l'on feroit part le même jour au Sénat de la mort de Pierre trois. La pluralité fut pour la cacher encore 24 heures au Sénat et au public. Après cette résolution la Czarine se fit voir à sa cour le même soir, comme à l'ordinaire, mais le lendemain, jour fixé pour la publication de la mort de Pierre, Catherine, feignant d'en recevoir la triste nouvelle avec le public pleura, ne sortit point et afficha la douleur.

Je sens, Monseigneur, toutes les affreuses raisons qui exigoient cette grande scène. Mais je ne sais si j'ay tort, elle me fait presque antant d'horreur que l'action qui l'a produite. Cromwel, au milieu de traits à peu près semblables, étoit un grand homme, mais la Czarine s'arrêtera, je crois, au modèle de ses crimes.

Elle a de l'esprit, mais plustôt de cet esprit qui entreprend et qui plait en conversation, que de celui qui réfléchit ou qui gouverne dans un conseil. Enfin la hauteur de ses idées et son entêtement peuvent la mener plus loin que la force de son jugement ne sera capable de les modérer ou de les conduire. Sa prétention avec nous sur le titre Impérial dépose en faveur de cette reflexion.

Le Cour de la Czarine est, Monseigneur, devisée en deux partis, Panin et Bestucheff, dans lesquels les deux chanceliers

Woronzow et Galitzin sont à peu près aussi neutres que nuls. Cependant ils tiennet un peu plus à celuy de Panin qu'à celui de Bestucheff, qui est protégé et soutenu par le favori Orloff. Celui de Panin qui a déjà eu bien du haut et du bas, paroît aujourd'huy le plus fort, en l'on dit que le favori Orloff se dégoûte de Bestucheff.

Je sais que la Czarine est fachée qu'on la croye gouvernée par Bestucheff, et après les informations les plus exactes qu'il m'a été possible de me procurer, j'ay en effet lieu de penses, Monseigneur, que Bestucheff est plus consulté qu'écouté. On le menage; il est cassé, mais l'intrigue et les vues de cet homme mériteront attention jusqu'à sa fin. La Czarine l'accuse et avec raison d'une prévention pleine d'animosité contre le Roy de Prusse, à laquelle il rapporte tout. Elle l'accuse aussi, et non avec moins de raison, d'un penchant très vif pour la Maison d-Autriche qui ne convient point à son système actuel. De sorte qu'entre les idées et les goûts de la Czarine et de Bestucheff il ne paroît guère aujourd'huy de rapport véritable que leur estime et leur tendresse pour l'Angleterre et, suivant toutes les apparances le contraire de ses sentimens pour nous.

La haine contre la France se reproduit dans Bestucheff sur l'ancien pied, et il m'en revient tous les jours des témoignages et des expressions si peu douteuses et si deplacées qu'après avoir fait les avances que je devois à ce vieux et méchant homme, je crois plus convenable et plus avantageux de ne lui marquer qu'indifférence. Le comte de Woronzow me disoit, il y a peu de jours, que Bestucheff prêchoit l'ancien système et étoit persuadé qu'à peine la paix faite, il se rétabliroit. M. de Woronzow m'ajouta que la Czarine ne vouloit que le repos, et que le désordre et le délabrement de toutes les parties intérieures de l'Etat ne permettoient pas de songer à autre chose de longues années, et ce dernier motif est certainement de toute vérité.

Je vous ay déjà marqué, Monseigneur, ce que je pensois sur les sentimens de M-r Panin, et vous les connoissiés avant mon rapport par sa conduite en Suède. Il ne nous aime certainement pas plus que Bestucheff, mais il y auroit peut-être plus de parti à en tirer, parce qu'il paroît assés occupé du bien de son Pays et semble être persuadé que nous y pouvions

contribuer du côté du commerce. C'est un homme fort désintéressé et qui affiche la vertu citoyenne par caractère. Il sera toujours temporiseur et il ne se laissera jamais aller qu'après une surabondance de réflexions aux grandes vues et aux entreprises hazardeuses, c'est ce qu'il a prouvé dans les dernièrs moments de la révolution qui a mis Catherine sur le trône. La tournure de ce caractère ne sauroit être par goût d'usage pour Catherine, mais il faudra quelle que soit son oppinion qu'elle le menage longtemps.

Au reste, Monseigneur, il paroit que la Czarine cherche à faire conneitre qu'Elle veut gouverner et à faire les affaires Elle-même. Elle se fait aporter les dépêches des ministres du dehors, fait volontier les minutes des réponses et assiste assés régulierement aux assemblées du Sénat et y décide fort despotiquement des points les plus importans d'admtnistration générale ou d'intérests particuliers. Je sais depuis longtemps, et on me l'a confirmé depuis mon retour, que ses maximes sont qu'il faut être ferme dans ses résolutions, qu'il vaut mieux mal faire que de changer d'avis, et surtout qu'il n'y a que les sots qui soient indécis. Ces principes ajoutés au despotisme pourront peut-être causer quelquefois de l'embaras à quelques Puissances, mais plus surement lui en procurer souvent. Des personnes instruites des choses du dedans m'ont dit, que plusieurs de ses démarches s'étoient déjà ressenties de la légéreté de ce plan de conduite. Ce que nous voyons de celles du dehors n'a pas besoin de confirmation.

L'affaire de Courlande est dans la même position. Biren se tient à Riga où la Noblesse Courlandoise vient en foule luy marquer respects et empressement. M-r le Prince Charles reste avec constance à Mittau. J'ai lieu de croire que l'intérêt que prend la Czarine à Biren n'a été arrêté qu'à cause des aproches de la Diète de Pologne que tout sembloit annoncer devoir ténir; mais si les misérables vues d'intérêts personnels font rompre cette assemblée, comme il ne paroît que trop vraisemblable, je ne doute pas que la Czarine ne se laisse promptement aller à toute sa haine contre M-r le Prince Charles et au goût de ses entours pour Biren. M-r le comte de Merci a eu ordre de marquer à ce sujet l'intérêt que prend sa Cour à la maison de Saxe, et il s'est adressé à ce sujet à M-r Panin

puisque Bestucheff est absolument dévoué à Biren. M-r Panin a répondu à l'ambassadeur Impérial, que cette affaire étoit si particulière à Sa Majesté Czarienne, que son ministère ne s'en mesloit en aucune façon.

Je ne dois pas négliger, Monseigneur, de vous informer de l'impatience marquée avec laquelle l'on attend cette dernière nouvelle de la rupture de la Diète Polonoise. Cette Diette est la troisième qui se sera rompue depuis que je suis en Russie et aucune ne m'a paru occuper autant, sans doute parce que aucune n'a eu autant l'aparence de devoir prendre consistance. Il est affreux de penser qu'une charge ou une terre donnée à l'un plustôt qu'à l'autre rend presque tous les Polonois également ennemis du bien général de leur Pays et du salut de leur liberté.

Je sens, Monseigneur, tout ce qu'une pareille conduite a de dégoûtant pour les Puissances qui s'intéressent à la conservation de cet Etat Républicain, mais plus je considère la Russie et l'ambition de celle qui doit la gouverner, et plus je suis porté à penser qu'il est important d'avoir pitié de l'aveuglement des Polonois et de chercher à donner du ressort à l'engourdissement intéressé des nobles. C'est un travail pénible et dispendieux; mais il est de la dignité de la France de ne les point abandonner. J'en dirai bientôt et plus, Monseigneur, de celuy que j'auray à faire en Suède et des secours qu'il requerra. Ces deux faibles voisins augmentent trop l'idée et le réel de la Puissance Russe pour les livrer au désordre de leurs mesures et à la petitesse de leurs vues.

L'on est toujours fort occupé icy des Tartares, et la crainte sans doute que M-r de Mercy et moy n'informions les ministres de nos Cours à Constantinople de l'état des choses icy, empêche que l'on ne nous instruise du départ des courriers pour la Porte qui sont assés fréquents. Je prends le parti d'écrire à M-r de Vergennes par Varsovie.

J'ay l'honneur etc.

Baron de Breteuil.

P. S. Les ministres icy viennent de recevoir la nouvelle importante que à Varsovie la Diette de Pologne est rompue. Tout le monde en paroît fort satisfait.

9.

A Moscou, le 9 Janvier 1763[1]).

Monseigneur,

Il y a plus de deux mois que je n'ai eu l'honneur de recevoir de vos nouvelles; la disette de la politique dans cet empire m'empêche aussi d'avoir celui de vous écrire souvent. Il ne s'est rien passé ici d'intéressant depuis mes dernières. Les affaires intérieures occupent de préférence à celles du dehors, et dans ce moment une suite de bal masqué, d'opéra et de plaisirs publiques suspend même beaucoup l'attention dans cette partie. L'Impératrice veut amuser tout le monde, et cette bonté tient fort à sa politipue: l'on pense moins à l'intrigue quand le plaisir occupe.

Tout est, au reste, fort tranquille, Monseigneur, l'on u'entend plus parler de cabale et les gens que l'on regardoit comme les plus revêches s'accoutument à obéir. Le rétablissement de la santé du Grond-Duc n'aide pas peu à ce calme. Ce Prince a paru à la Cour, il y a huit jours, pour la première fois. Il a, depuis, assisté à plusieurs ballets. Je ne luy ai jamais vu un meilleur visage. Il est grandi et paroit fortifié.

L'Impératrice a déclaré M-r le Grand-Duc grand amiral. Sa Majesté Impériale a eu pour objet dans cette démarche de faire connoître l'attention particulière qu'Elle se propose d'apporter à l'établissement d'une marine militaire et avee le temps celui d'une marine marchande; mais, pour arriver à ce dernier objet, il foudrait changer l'esclavage du sujet dans tous les Etats, et cette opération n'est ni prête ni facile.

Plus je m'occupe, Monseigneur, à connoître le vrai de la situation de ce gouvernement dans toutes ses parties, et plus j'appuie mes notions sur la confusion qui y règne et sur la pauvreté de l'Etat. Il n'y a pas aujourd'huy un écu dans aucune des caisses, et tous les particuliers les plus opulens en apparence sont dans la misère; cependant le luxe augmente.

---

[1]) *Парижс. Архивъ*, Russie, 1763, vol. 13.

L'on donne des fêtes, et elles sont en effet d'une magnificence que peu de pays voulussent autoriser. Au milieu de cela, comme il est rare que l'on soit conséquent, l'on n'entend parler que de réformes et de loix somptuaires. Elles seront, je crois, portées réellement d'ici à un an. Mais la vanité des têtes Russes est éloigner du point de réflexion qui pourroit engager à en suivre l'esprit. L'on ne portera peut-être ni or, ni argent, si l'ordonnance le dit nommément, mais l'on n'en aura pas moins recours à nos manufactures et à nos modes pour des choses plus unies et aussi chères.

L'Impèratrice continue, Monseigneur, à me traiter avec beaucoup de bonté, au grand étonnement de mes confrères qui s'attendoient que les tracasseries de mon devoir m'auroient nui dans son esprit. J'ose dire qu'il n'y en a certainement aucun d'eux à qui Elle témoigne autant de bonté qu'a moi. Une partie des jours de Cour se passe, comme auparavant, à causer avec moi, avec la seule différence que c'est encore avec moins de suite que par le passé.

Sa position est plus gesnée qu'elle n'a jamais été, et, outre qu'elle me le fait entendre, il est aisé de le sentir et de s'en apercevoir. Je sais à peu près, Monseigneur, les discours qui lui plaisent, et je cherche à l'amuser. Elle convient qu'elle en a besoin, quoi qu'elle ne soit pas cependant fort difficile à contenter.

Mais il faut convenir qu'Elle est cruellement entourée, tant dans l'agrément de sa vie que dans la conduite de ses affaires. Elle m'avouoit, il y a quelques jours, que rien n'étoit en ordre dans son Empire, ni régi avec probité, et se plaignoit de n'avoir personne qui fût véritablement en état de l'aider. Il est vrai que, hors M-r Panin qui a encore plutost l'habitude d'un certain travail que de grandes lumières ou connoissances, cette Princesse n'a personne qui puisse servir à ses vues d'administration et de grandeur.

Cependant il faut qu'Elle écoute, suive même en grande partie l'avis de ses vieux Russes, qui, sentant l'avantage de leur position, l'obsèdent sans cesse soit pour le maintien de leurs préjugés par rapport à l'Etat, soit pour leur intérêts particuliers. C'est une chose curieuse à observer, Monseigneur, que, les jour de cour, le soin pénible que l'Impératrice prend pour plaire à

tous ses sujets, la liberté d'un grand nombre et l'importunité pesante avec laquelle ils l'entreprennent et lui parlent de leurs affaires ou de leurs idées. Pour moi, qui connois le caractère de cette Princesse, et qui la vois se prêter, avec une douceur et une gracieuseté sans égale, à tout cela, je puis me représenter combien il lui en coûte et combien il faut qu'Elle s'y croie obligée pour s'y soumettre.

Un des derniers jours de cour qu'Elle étoit sans donte plus fatiguée que de coutume des discours de plusieurs et surtout de ceux de Bestucheff, qui étoit yvre noyé et dont Elle avoit tâché d'éviter la conversation, qui fut longue et vive de part et d'autre, l'Impératrice, en la finissant, s'approche de moi et me demanda si je n'avois jamais vu de chasse de lièvre au lévrier. Sur ce que je lui répondis que oui, elle me dit: „Vous „devez trouver que ce qui m'arrive icy y ressemle fort, car je „suis lancée partout et poussée vivement, quoique je fasse pour „éviter des représentations ou des propos qui n'ont pas tou„jour pour base la raison et l'honnêteté. Cependant, je réponds „à tout, ajouta-t-Elle, autant que je puis, d'une manière satis„faisante; et quand je ne puis le faire, je me donne la peine „de dire pourquoi". Je louai comme je le devois cette bonté, en ajoutaut, avec le plus d'adresse possible des réflexions sur Bestucheff et sur la nécessité de mettre absolument à quartier cet homme aussi audacieux que méchant. Je suis de plus en plus assuré qu'elle en est excédée et que son crédit est nul. Mais je ne le suis pas moins qu'à force d'importunités il trouve souvent moyen de nuire aux gens et aux affaires.

L'Impératrice continua sa conversation avec moi, en me disant que je ne devois pas la reconnoître, qu'Elle devenoit hébêtée et qu'Elle ne croioit pas pouvoir jamais reprendre son assiette. Que cependant Elle étoit la même à tous égards que je l'avois connue comme Grande Duchesse. Je répliquai, Monseigneur, à tous ces propos avec les complimens qu'ils demandoient, en l'exhortant à se mettre autant au dessus de ses embarras qu'Elle l'étoit, par sa position et son esprit, de ceux qui les causoient. Elle ne me cacha pas que petit à petit elle esperoit en venir à bout. Enfin je répondis à toutes ces marques particulières de confiance ce que je crus qui pouvoit le plus lui plaire et être le plus dans son genre; et j'ay eu, de-

puis, la satisfaction d'apprendre qu'en me quittant, Elle avoit dit au comte de Mercy, en terms trop flatteurs pour que je les répète, qu'Elle étoit contente de mes conversations

J'en suis extrêmement reconnoissant, mais je serois plus satisfait, si toutes ce marques particulières de bonté empêchoient son goût de prédilection pour l'Angleterre. Elle ne parle jamais de cette puissance qu'avec des éloges outrés, et quoique l'ambassadeur d'Angleterre soit un des plus plats hommes qu'on puisse connoître, Elle continue à le fester, moins à la vérité que dans les premiers jours de son arrivée, parce que cela n'est pas possible au peu qu'il vaut, mais toujours trop pour n'y pas reconnoître le motif de ses égards.

Quoique j'aye eu l'honneur de vous marquer plus haut, Monseigneur, que les bals causent des grandes distractions aux affaires du dehors, ils n'empêchent cependant pas que l'on ne désire vivement de se mesler de la fin des discussions des Cours de Vienne et de Berlin. Notre paix avec l'Angleterre avoit peru déranger ce plan généreux, mais l'on y est revenu et quelques politesses que le roi de Prusse à fait répondre à de nouvelles insinuations pour le soulagement de la Saxe ont ranimé l'espérance d'être l'instrument de sa réconciliation avec la Maison d'Autriche.

Le Roy de Prusse a fait savoir qu'il étoit prêt à évacuer la Saxe dès aussitôt qu'il pouroit conclure sa paix avec l'Impératrice-Reine, et fait entendre qu'il y étoit disposé pourvu qu'on ne prétendît pas luy faire perdre un pouce de ses possessions avant la guerre. L'on doit avoir fait passer, Monseigneur, cette déclaration à la Cour de Vienne; l'on attend ce qu'elle en pensera et l'on ne doute pas qu'elle ne la saisisse. Je l'espère aussi pour le bien de l'humanité et l'avantage réel du vrai sistème de l'Europe. Mais plus je l'espère, plus je souhaite que rien de tout ce qui précédera ou terminera cet arrangement ne roule sur la Russie. Les dures loix que le Roy de Prusse impose à l'Empire avec autant d'indécence pour les grandes puissances de l'Europe que d'injustice pour celle de l'Allemagne, ne déplaisent pas, en général, ici. L'on y voit, Monseigneur, avec plaisir faciliter à démêler la destruction du crédit de la Cour impériale et le tort qui peut en résulter pour la notre. L'on m'a souvent interrogé sur les mesures que le Roy pren-

droit pour garantir l'Allemagne et ses libertés. Je me suis renfermé dans des réponses générales.

Au reste, Monseigneur, l'on me fait toujours voir que l'on est persuadé que le Roy de Prusse va employer le vert et le sec pour se raprocher du Roy. Ennuyé de ces propos, je répondis il y a deux jours au vice-chancelier qui me pressoit: „C'est comme si je vous disois que vous vous preterés incessamment aux avances que les Anglais vous font". Il me parut embarassé de cette replique. Je ne doute pas, Monseigneur, qu'elle ne se vérifie peu après que la tranquilité sera générale, quoique l'on diserque l'Impératrice veut maintenir la neutralité les plus qu'elle poura.

Je ne dois pas vous laisser ignorer, Monseigneur, que l'Angleterre a envoyé ici un courier peu de jours après la signature des préliminaires, avec ordre à M-r de Bouckingham de les communiquer au Ministère Russe, et qu'a cette occasion, l'on m'a témoigné quelque surprise de notre réserve sur ce point. J'ay dit qu'elle étoit fondée sans doute sur la position dans laquelle je me trouvois, et dont on n'avoit pas encore pu apprendre la fin, lors de notre paix.

J'ay l'honneur etc.

P. S. M-r le Knees Repnin est rappelé d'Espagne, et M-r le comte de Butturlin va le remplacer.

L'on a reçu des lettres de M-r le comte de Soltikow d'Erfurt par lesquelles il mande qu'il est fort mal. S'il venoit à mourir, M-r le comte de Stroganow, gendre du chancelier, auroit sa place près du Roy.

Депеша Дюрана.

10.

A Vienne, le 4 May 1771[1]).

Monseigneur.

J'ai reçu la lettre № 65, que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 16 du mois dernier. Je dois à vos bontés celle

---

[1]) *Парижс. Архивъ*, Autriche. Vienne, vol. 316, № 104, à M-gr le duc de la Vrillere.

que le Roi a montrée à la lecture de quelques unes de mes dépêches. Ne doutez pas de mon ardeur à en mériter la continuation.

Le comte Ferrari a eu avant son départ pour Gênes une audience particulière de l'Impératrice qui l'a exhorté à faire le plus grande diligence dans son voyage, à ne rien oublier pour faire échouer la négociation de M-r Maruzzi, à seconder les efforts de M-r Boyer et à procurer à cette Cour tout l'argent qu'il pourra. „Car, a-t-Elle ajouté, je vois plus d'aparence que „jamais à une guerre sérieuse. Nous avons des nouvelles de „Pétersbourg que le comte Orloff en est parti avec un pouvoir „illimité d'emprunter de l'argent à tout prix. La prompte ex„pédition de ce général, la rapidité de ses courses et la pro„fusion des moyens qu'on lui accorde, nous font assez connoitre „les dispositions de Catherine seconde".

C'est le lendemain du jour que l'Impératrice s'étoit expliquée ainsi que le comte Orloff a paru. Il s'est arrêté icy trois jours. Il a vu Leurs Majestés Impériales. Il a eu des conversations avec le prince de Kaunitz et il est parti Jeudy. Je suis occupé à demesler ce qui s'est passé dans ces entrevues.

Ce personnage a paru au reste un homme commun et peu propre à la négociation. Je tiens du comte de Dietrichstein, grand ecuyer et fort avant dans la confiance de l'Empereur, que le général Russe ayant demandé dix millions de roubles pour les frais de la campagne prochaine dans la Méditerranée, assurant que sans une dépense de ce genre il ne falloit pas se flatter d'avoir de grands succès, Catherine II^{de} luy en avoit accordé quinze pour que rien ne manquât, qu'il étoit autorisé à en faire l'employ sans attendre les ordres du Cabinet, que l'accueil qu'il avoit reçu de sa souveraine avoit été jusqu'au point de causer la jalousie á son frére, et que la surprise que ce traitement a produite à Pétersbourg a été d'autant plus grande qu'on croit ou qu'il seroit responsable de la dépense énorme faite pour la flotte, ou du peu d'utilité de ses opérations.

Sans que personne se soit avanturé à lui parler de la mort de Pierre III, il a de son propre mouvement touché cette horrible matière, et il a dit en plusieurs occasions qu'il étoit bien triste pour un homme qui avoit autant d'humanité d'avoir

été contraint de faire ce qu'on a exigé de lui. Ce général qui a une force de corps extraordinaire fut chargé de l'infâme action d'étrangler son Maître et il semble que les remords le poursuivent.

Il y a icy des détachemens de plusiers régimens de cavalerie mandés pour les instruire dans un nouvel exercice qui est de l'invention du maréchal Lacy. Il veut que la cavalerie exécute tout ce qu'on fait faire à l'infanterie. Le généraux les plus intelligens disent que deux années ne suffiront pas pour dresser la cavalerie à ce qu'on exige d'elle. Ces dêtachemens vont être congédiés pour se rassembler en plus grand nombre à Luxembourg et y camper au mois de Juin.

J'entends dire que l'Envoyé de Hollande a fait des représentations à eette Cour sur la sortie des troupes des places de la Barrière et qu'il a été peu satisfait de la réponse de Leurs Majestés Impérales.

Je suis etc. *Durand.*

P. S. Je viens de recevoir, Monseigneur, le paquet pour Constantinople que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser par un billet en date du 20 du mois dernier.

III.

Сообщенія прусскому королю Фридриху II.

(Изъ Берлинскаго Государственнаго Архива).

Письмо Сальдерна Фридриху II.

I.

à St. Pétersbourg, $\frac{\text{22 April}}{\text{3 Mai}}$ 1762[1]).

Sire,

C'est par l'événement le plus hereux de ma vie et non mon mérite que j'ai trouvé le moment de servir Votre Majesté dans un temps, où je n'avais qu'à m'attendre à un sort rigoureux. La Providence m'en a garentie sous le règne précédent et les premiers pas près de mon auguste Souverain ne m'ont presque pas coutés de peine. Son coeur était alors guidé par de bons conseils et disposé à aimer la personne de Votre Majesté et à s'attacher à ses intérêts.

Je suis sûr que le coeur de l'Empereur se trouve encore dans la même disposition. Mais je gémis d'avoir à avouer à Votre Majesté que ee bon Prince se trouve entouré de mauvais sujets et des scélérats, qui déjà ont presque réussis d'éloigner les honnêtes gens et que par la loi de la prudence je me verrai malgré moi forcé de m'absenter moi-même, pour éviter leurs persécutions par l'attachements que j'ai pour les intérêts de Votre Mojesté et pour le bien public, ne connoissant ni la bas-

---

1) *Берлин. Архивъ*, Repos. XI, 175.

sesse d'entrer dans le dessein de ces malheureux, ni la lacheté de ramper devant eux.

J'espère que le baron de Goltz en fera mention de tout ceci à Votre Majesté.

Une chose que j'ai encore sur le coeur et que je ne saurais m'empêcher de dire à Votre Majesté, c'est de voir naître et presque mûrir sous mes yeux des projets de la mutineries qui me font horreur. Quel triste avenir pour des gens qui aiment la personne sacrée de leur auguste Maître et qui connoissent son coeur naturellement juste et bon.

Mais hélas! Ce Prince endormi sur le Thrône et dissipé par des amusemens qu'on lui suggère à dessein, ne pense pas même que le malheur qui le menace est possible et moins encore qu'il soit si proche, comme ses fidèles serviteurs s'entrevoient et l'appréhéndent; et pour comble de notre affliction son extrème vivacité nous défend de dire, ce que notre coeur et la sage prévoyance nous dicteraient.

Le seul moyen que nous avons cru le plus propre pour déciller les yeux de notre Souverain, c'était son Altesse le duc de Holstein-Gottorp. Mais malheureusement ou il est trop faible pour prévoir les choses à venir, ou trop timide pour les decouvrir à son Maître.

Je m'énonce, je l'avoue, envers Votre Majesté avec liberté, mais en homme vrai, qui s'intéresse au bonheur de son auguste Maître. Sans être ni poltron, ni visionnaire je prévois qu'aussitôt que la guerre contre le Danemark aura lieu, une révolte est inévitable, surtout si l'on ne ménage le Clergé et le peuple en général. L'Empereur est dans le danger le plus éminent, même au milieu du camp, qu'il compte de former pendant l'été.

Notre unique ressource, c'est dans un retour sincère de Votre Majesté pour la vrai amitie que l'Empereur vous porte, ,Sire. Vos conseils, Votre ascendant sur son esprit, Sire, fera tout et Vous aurez la gloire d'avoir travaillé à la conservation d'un Prince, qui mérite Vos bontés par son désir de Vous plaire et par son attachement pour Vos intérêts.

Insensible aux événements que le destin me prépare en particulier, Votre Majesté me permettra de ne l'être pas dans le seul cas, ou il s'agira de mériter l'estime de Votre Majesté. Elle a été et sera pour toujours la chose que j'ambitionnerai

avec le plus de vivacité, étant avec le respect le plus profond, Sire,

de Votre Majesté
le très humble, trés obéissant et très soumis serviteur
C. de Saldern.

Депеши барона Гольца.

2.

St.-Pétersbourg, du $^8/_{19}$ Juin 1762 [1]).

Sire,

Touchant ce que Votre Majesté me mande par rapport au présent à faire à la Favorite, j'ose lui dire, comme les femmes de cette Cour sont si singulièrement garnies de bijoux, qu'il est difficile de leur en donner qui se distinguent. Aussi pauvres que les familles sont la plus part en espèces, aussi superbes le sont elles en bijoux. J'ai appris que la Favorite vient de refuser de l'Empereur un présent de pendant d'oreilles parcequ'il n'étaient que de 25 m. roubles:

Comme les affaires importantes viennent d'être finies par la conclusion du Traité signé aujourd'hui, je crois que rien ne presse au sujet du présent que Votre Majesté comte faire à la Comtesse. Il est sûre qu'une pareille marque de bienveillance de Votre Majesté fera infiniment d'effet pour la conservatien de l'Empereur dans nos intérêts. J'ose reiterer, comme je l'ai marqué dans ma dernière, qu'un présent *d'argent comptant*, aurait beaucoup de succés et c'est en général le moyen le plus sûr, par lequel on parvient dans ce pays à ce former et à soutenir un parti.

J'ai l'honneur, Sire, etc.

le baron de Goltz.

---

[1]) *Берлин. Архивъ*, Депеши Гольца, № 132.

3.

S.-Pétersbourg, du $^{2}/_{13}$ Juillet 1762[1]).

Sire,

Votre Majesté aura vu par la dépêche[2]) mise en clair comment les choses se sont passées et la conduite que ce Prince a tenu. Quoiqu'il s'agissait dans cette crise là du tout, il conservait une espèce d'indolence qui ne se conçoit pas. La plus part de ceux qui l'entouraient, parmi lesquels se trouvaient tous les plus intimes favoris, paraissent très faiblement touchés.

On ne sait rien de positif sur le sort du Prince. Quelques personnes assurent qu'il a été mené à Schlüsselbourg avec Goudovitch. Il est bien à croire que la liberté qui lui a été promise par l'acte de renonciation[3]) ne lui sera pas accordée dans les premiers tems.

On assure que le jour de l'événement on a dépêché des courriers aux corps de Romantsow et Czernischew pour les faire revenir incessamment au fond de l'Empire. C'est le Général Panin ci-devant Gouverneur de Prusse qui a le commandement du corps. Czernischew sera aussi relevé. Je ne sais pas son successeur.

Bestuchew ci-devant Chancellier est rappellé.

Le Chancellier d'aujourd'hui a demandé son congé et a eu la promesse de l'obtenir.

Le Général Korff, arrêté le premier jour pour un moment seulement, vient d'être nommé Sénateur.

Le Prince George aussi arrêté alors ne sort plus. La maison est garnie des trouppes pour le sauver contre la populace qui est extrêmement animée contre lui, comme elle suppose que c'est lui qui a animé le Prince Prédécesseur à faire la

---

1) *Берлин. Архивъ*, Депеши Гольца, № 141.

2) Этой депеши нѣтъ въ берлинскомъ государственномъ архивѣ. Если она сохранилась, быть можетъ, въ бумагахъ короля Фридриха II, то, вѣроятно, будетъ издана въ „Politische Correspondenz Friedrichs II“, вмѣстѣ съ замѣчаніями, сдѣланными на ней прусскимъ королемъ.

3) См. вѣше, стр. 68 и 81.

guerre aux Danois. On dit que le Prince George est conservé comme Généralissime des trouppes du Holstein.

Tous les Holstinois qui se trouvent ici seront, dit-on, renvoyés en Allemagne.

Une soeur de la Favorite du Prédécesseur, mariée à un prince Daskoff, est le premier mobile de cet événement. Elle vient d'avoir le cordon de Chatherine.

L'Ambassadeur de Vienne a été, dit-on, chez l'Impératrice le jour de l'événement, pour tacher de la porter à suivre le système de l'impératrice Elisabeth, mais Sa Majesté Impériale doit l'avoir assuré, que son plan était de conserver la bonne harmonie avec toutes les puissances.

Les deux fréres Nariskine, l'un Grand Maréchal, l'autre Ecuyer, viennent de perdre leur charges. M-r de Sievers ci-devant Maréchal de feu l'Impératrice a relevé le premier, et un prince Gagarin le second.

ДЕПЕШИ ГРАФА СОЛЬМСА.

4.

à Moscow, ce $^4/_{16}$ May 1763 [1]).

Sire,

La dépêche médiate de Votre Majesté du 25 Avril m'a été fidelement remise.

Sa Majesté Impériale a continué à distinguer extraordinairement le Baron de Breteuil, comme j'ay mandé qu'Elle avoit commencé. Elle l'a admis à des promenades et à des soupers qu'Elle a fait chez quelques seigneurs à la campagne, et après l'audience de congé, outre le présent accoutumé, Elle lui a fait remettre une bague de 2/m. roubles de valeur. Sa Majesté étant partie après cela pour le couvent de Jérusalem, et l'ambassadeur de France s'arrangoit pour partir ajourd'hui de Moscou, tout le monde a crû, que l'Impératrice, qui s'est toujours

---

1) *Берлин. Архивъ*, Депеши Сольмса, № 29.

plu à s'entretenir avec le Baron et qui l'amusoit plus que tout autre, avoit voulu profiter avant son départ et lui donner en même temps une marque du cas qu'Elle faisoit de sa personne, mais lui ayant envoyé avant hier dans la nuit un courrier pour le prier de venir au couvent, on est de nouveau en suspend sur la raison de cet empressement extraordinaire.

Il est très possible que dans les longues et fréquentes conversations que ce ministre a eues avec l'Impératrice, il Lui ait fait toutes sortes de propositions, fourni des idées et représenté les choses comme il les a cru favorables pour sa Cour. Il est à croire, que s'il la fait, il n'avait pas réussi jusques là, parce que je sais qu'il n'étoit pas extrêmement content, et qu'il avoit traité de verbiage inutile les conversations qui s'étoient tenues entre l'Impératrice et lui. Sa Majesté Impériale dans les heures oisives que le séjour du couvent Lui a données, a réfléchi peut-être sur ces matières et ayant pris son parti Elle a fait venir le Baron de Breteuil pour le lui déclarer. Il semble que l'envie seule de s'entretenir et de faire de bel esprit avec lui ne souroit être l'unique cause de cette conduite. Il est impossible de dire quelque chose la dessus avec certitude et les suppositions qu'on feroit pourroient donner facilement à faux.

5.

S.-Pétersbourg, ce $^{1}/_{12}$ Aout 1763 [1])

Sire,

Je viens de recevoir la dépêche immédiate de Votre Majeste du 30 du mois passé.

La raison de ce mécontentement est uniquement l'ascendant que le comte Bestuchew a gagné sur l'esprit de l'Impératrice. Ce fait doit être assurement vrai, puisque tous ceux qui sont en état d'en juger le disent, cependant j'ay cru remarquer, que le comte Panin [2]), aussi bien que le comte Woronzow ne craig-

---

[1]) *Берлин. Архивъ,* Депеши Солмса, № 56 (en chiffres).

[2]) Сольмс постоянно называетъ Н. И. Панина Графомъ, между тѣмъ какъ онъ былъ возведенъ въ графское достоинство значительно позже, въ 1767 году.

nent pas que l'Impératrice ait déjà pris tant de confiance en Bestuchew, pour être resolue de suivre aveuglement tous les conseils qu'il lui donne, mais ils ont peur que cela n'arrive avec le temps, et que cet homme, versé dans les intrigues et les cabales, ne parvienne à éloigner de la Cour tous ceux qui lui sont opposés, et demeurant seul avec ses créatures, ne prenne alors trop de crédit, pour faire aller les affaires selon qu'il le voudra. Ils conviennent eux-mêmes que tous ses projets ne sont pas acceptés, mais ils disent que quand il a été renvoyé avec l'un, il revient le lendemain avec un autre, et que tous ceux qu'il forme sont pernicieux. Ils voudroient que l'Impératrice ne fit absolument plus de cas de ses conseils et qu'Elle ne l'écoutait plus du tout.

Votre Majesté jugera si je me suis trompé en faisant ce raisonnement, puisque le comte Panin m'a dit en termes claires que le comte Bestuchew malgré tout ce qu'il faisoit, n'avoit pu réussir jusqu'ici à faire goûter son système politique à l'Impératrice. Il me paroit donc, qu'il y a un peu de jalousie dans ces plaintes, mais aussi tout autant d'humeur contre l'Impératrice qui veut s'exempter de toute dépendance d'un premier ministre, et qui montre tous les jours la ferme résolution dans laquelle Elle est de vouloir gouverner par Elle même et de ne point s'assujetir à ne prendre les avis que d'une seule personne.

Sa Majesté l'Impératrice est revenue hier de Péterhoff, la saison étant déjà trop mauvaise pour pouvoir demeurer plus longtemps à la campagne.

L'ambassadeur de Vienne le comte. de Mercy a fait connoître au ministère d'ici, qu'il attendoit son rappel encore avant le commencement de l'hiver de cette année, et qu'il seroit relevé par un prince de Lobkowitz, qui à ce que j'apprens, n'aura pas le caractère d'ambassadeur, mais seulement celui de ministre plénipotentiaire.

On attend aussi un ministre de la Cour de Saxe, ce sera le baron de Saken, qui viendra en cette qualité, le même qui autrefois a été en Suède.

6.

St.-Pétersbourg, ce $^{19}/_{30}$ Septembre 1763[1]).

Sire,

J'ai bien reçu les dépêches immédiates et médiates de Votre Majesté toutes deux du 17 de ce mois.

Sa Majesté Impériale vient de faire un acte de clémence, ou selon le jugement général qu'on en porte, Elle a plus suivi son penchant qu'Elle n'a consulté son véritable intérêt. Quatre personnes qui par même action s'étoient rendus voleurs domestiques, assassins et incendiaires, avoient été condamnés à la mort, la sentence étoit confirmée, mais au moment de l'exécution l'Impératrice les a aggrâciées.

Sa Majesté a cru assurément s'attirer l'affection de la nation, si à l'imitation de l'Impératrice Elisabeth Elle épargnoit de verser sur l'échaffaut le sang de ses sujets; mais des personnes longtemps connues ici sont persuadées, que l'Impératrice en encourageant par trop de bonté le crime, ne fera qu'augmenter pour Elle même les peines de la gouverner. Les Russes de quelque condition qu'ils soient ne craignent rien d'avantage que la mort, toutes les autres punitions ne les effrayent point. L'idée de ne s'exposer qu'à des peines corporelles, n'empêchera ni le grand de cabaler, ni le petit à commettre des crimes de police. C'est bien la raison pourquoi il y a eû dans le Sénat aussi bien que dans le peuple des personnes, qui ont trouvé qu'il ne faloit pas punir de mort, surtout les assassins des étrangers. Ces sortes de propos auront été rapportés à Sa Majesté l'Impératrice. Il paroît qu'Elle s'en est laissée intimider. Il est certain, qu'l n'y a que peu de jours avant que l'exécution devoit se faire, qu'Elle a changé de sentiment à cet égard, étant très résolue auparavant de donner un exemple de justice.

La sécurité public étant si peu assurée, c'est la raison pourquoi nous autres ministres étrangers avions demandé de

---

1) *Берлин. Архивъ*, Депеши Сольмса, № 68 (en chiffres).

conserver pendant la nuit une garde militaire dans nos maisons; nous l'avons eue jusqu'à hier, où on nous la otée aussi précipitamment, dans un concours de circonstances pareilles, et voyons obligés d'engager des personnes à notre service pour avoir des gardes de nuit. J'envoye aujourd'hui au département des affaires étrangères de Votre Majesté la note que le ministère de Russie a fait insinuer aux ministres des autres puissances, résidans à cette Cour impériale, pour leur notifier, qu'ils n'auroient plus de sentinelles pour la nuit dans leurs maisons.

7.

à St.-Pétersbourg, ce $^{17}/_{28}$ Avril 1764 [1]).

Sire.

J'ay eu occasion de parler au Comte Panin au sujet de l'avis que Votre Majesté a reçu d'une révolte qui se tramoit actuellement en Russie. Il a été trés sensible à ce témoignage d'amitié, que Votre Majesté avoit voulu donner par là à Sa Majesté l'Impératrice, et très reconnoissant de la marque de bonté qu'Elle lui a donné à lui même de lui en faire la confidence. Il m'a chargé d'en remercier très humblement Votre Majesté et de l'assurer de son respectueux attachement.

Quant à l'affaire même, il l'a d'abord reconnue aux circonstances que je lui disois, et il m'a expliqué, en riant, tout le mystère. Il y a déjà quelques mois que l'Impératrice a reçu l'avis, que lui Comte Panin nommément, avec le Hetmann, tramoit une conspiration pour culbuter l'Impératrice et pour mettre le Grand-Duc sur le thrône, qui devait éclater pendant qu'Elle seroit absente en Livonie, mais Sa Majesté Impériale a eû la générosité de la rejetter avec indignation, et de ne rien faire ressentir contre ceux qui lui étoient nommés.

Comme cette insinuation paroissoit être faite dans l'intention d'empêcher d'entrependre ce voyage, d'un autre côté cependant on a taché par toutes sortes de moyens de l'engager à se dé-

---

1) *Берлин. Архивъ*, P. S. à la dépêche № 123 (en chiffres).

cider de le faire: le Comte Panin n'entrevoit d'autre motif qui puisse avoir produit ces conseils contradictoires que ceux-ci: ou de profiter de l'absence de l'Impératrice pour faire trainer en longueur la négociation de l'alliance avec Votre Majesté aussi bien que les affaires de l'arrangement intérieur qui demandent une prompte expédition, et pour faire échouer le succès de celles de Pologne, ou bien, que si l'Impératrice restoit, d'avoir au moins jetté dans son esprit un gérme de soupçon et de défiance contre la fidélité de son ministre et de ses amis, dont on pourroit profiter pour le faire tomber. Mais ces artifices n'ayant par réussi, le comte Panin est très disposé à croire, que le comte Bestuchew, qu'il a toujours regardé comme l'auteur de cette trahison, a employé lui même des voyes détournées pour faire parvenir cet avis à Votre Majesté, espérant que si par ce canal il revenoit à Sa Majesté Impériale, il porteroit coup plus aisément.

D'ailleurs il m'a authorisé d'assurer Votre Majesté, que présentement tout étoit tranquille dans ce païs-ci, et qu'il n'y avoit rien à craindre d'une conspiration. Pour ce qui regardoit le Hetmann il étoit par son caractère et son tempérament l'homme le moins capable pour en entamer, et très difficile pour y être entrainé, dont il pouvoit le mieux juger par l'expérience du passé. Au surplus qu'il étoit au plus mal avec le Comte Bestuchew, avec lequel il s'étoit brouillé pour ce fameux projet de mariage auquel il s'étoit opposé comme tous les autres honnêttes gens. Qu'en attendant je pouvois aussi assurer Votre Majesté que le voyage de Livonie n'auroit pas lieu, quoique le public ne fut pas informé encore de ce changement de résolution, qu'il n'y avoit point de révolution qui l'empèchoit, mais que sur ses instances l'Impératrice avoit reconnue que la crise des affaires de Pologne demandroit nécessairement sa présence pendant cet été à Pétersbourg, d'autant plus que le Grand-Duc Paul n'ayant pas dû être du voyage, lui comte Panin n'auroit pu suivre non plus, parce qu'il ne pouvoit se séparer de son jeune Prince.

Au reste ce Ministre ayant ajouté encore pour Votre Majesté tout ce que la reconnoissance et le respect peuvent dicter de plus fort, il m'a prié de Lui demander en grâce de vouloir bien lui faire connoitre confidemment, si de pareils avertissements devoient revenir à Votre Majesté, et de vouloir bien être per-

suadé qu'il ne la compromettroit jamais, ni vis-à-vis de sa Souveraine, ni auprès de qui que ce fut.

Votre Majesté voudra permettre que j'ose ajouter à ceci, qu'autant que j'ay de la connoissance du caractère du Hetmann il me paraît etc.[1]).

8.

St.-Pètersbourg, ce $^{18}/_{29}$ Juin 1764[2]).

Sire,

Sa Majesté l'Impératrice est retournée hier au soir en parfaite santé de Cronstadt. Comme Elle a beaucoup de penchant pour la marine et qu'Elle aime se trouver sur mer, le peu de manoeuvres, que sa flotte sur le terrain étroit, où elle se trouvoit sur la rade de Cronstadt, a pu faire en signaux et en saluts, Lui ont plu infiniment.

Sa Majesté Impériale a diné un jour au bord de l'amiral, et j'ai eu l'honneur aussi bien que les autres ministres étrangers de l'accompagner partout.

La flotte consiste en 17 vaisseaux de ligne, parmi lesquels il y en a un de 100 pièces de canon et de trois frégattes et c'est l'amiral Polansky qui la commande. Le vent contraire n'a pas permis encore, qu'elle ait pu quitter la rade. Cependant comme on espère que le vent changera Sa Majesté Impériale partira de Pétersbourg dimanche prochain le 1 de Juillet n. s. pour se rendre d'abord à Revel, où Elle compte de rencontrer la flotte et où Elle montera le vaissaux de 100 canons, avec lequelle ira jusqu'a Rogervick, qu'on appelle à cette heure Port Baltique depuis qu'on travaille au nouveau port, qui surpassera en bonté tous les autres qui se trouvent dans cette mer.

Comme pendant tous ces jours il y a eu occasion d'approcher de plus près Sa Majesté Impériale, on a pu s'appercevoir

---

1) Дальнѣйшее продолженіе депеши напечатано въ *Сборникѣ*, XXII, 247.

2) *Берлин. Архивъ*, Депеши Сольмса № 137 (en chiffres).

aussi d'autant mieux combien Elle a laissé gagné sur Elle au sieur Orlow, et combien peu celui-ci est soigneux d'observer les dehors respectueux, qu'on est accoutumé de voir dans ce pays-ci aux sujets devant leur Souveraine. Il y avait un jour, où l'on put reconnoître clairement, qu'il y avait quelque més-intelligence entre eux, et où le sieur Orlow tachant toujours de se tenir éloigné répondait à l'Impératrice lorsqu'elle lui adressait la parole d'un ton qui marquoit quelque mécontentement de sa part. Le changement qui parut le lendemain dans ses façons, fit connoître aussi qu'on en était venu à une explication et que tout était racommodé. D'ailleurs tout le monde a paru extérieurement uni et ami à Cronstadt, et quoique dans le ceur on en soit bien éloigné, j'ai pourtant de la peine à me persuader, que ce voyage de l'Impératrice puisse produire quelque facheux éclat, j'excepte le seul cas, que cette Princesse pousse la faiblesse au point de donner publiquement sa main au favorit, et comme Elle a dû s'appercevoir que le moindre soupçon qu'on en prend occasionne d'abord une fermentation violente, je doute-qu'Elle s'expose à ce risque, supposé qu'Elle dut en avoir encore l'idée. Si cependant le malheur voulait que quelque boute-feux trouvât moyen d'animer les esprits à une révolution pendant son absence, et que par un enchainement de circonstances singulières et contre l'intention même des grands de l'Empire, qu'elle eut un succès, qu'il n'est pas de l'intérêt de ceux-ci de souhaiter, vu que cela les plongerait dans les désordres d'une minorité, il n'y a pas à croire que les intérêts de Votre Majesté en souffriroit. Aussi longtemps que les Panin et les Czernischoff conserveroient la direction, comme il est apparent qu'ils l'auroient, l'Autriche et la France ne gagneroient pas le dessus en Russie.

9.

St.-Pérersbourg, $\frac{30 \text{ Juillet}}{10 \text{ Aout}}$ 1764[1]).

Sa Majesté l'Impératrice est revenue très satisfaite de son voyage. Elle a trouvé partout dans les provinces beaucoup de témoignages de respect et de véneration. On glosse un peu qu'Elle n'a donné la moindre marque de souvenir, ainsi bien moins encore de bénéficence aux particuliers aux campagnes où Elle s'est arretée avec toute sa cour pour diner ou pour y passer la nuit. Elle n'a fait des présents qu'aux officiers du détachement des gardes qui y avaient été envoyés.

Le sieur d'Orloff a fait voir pendant ce voyage tout le crédit qu'il a gagné sur l'esprit de la Souveraine. Il a pris un jour un peu de colique, et l'on a retardé le voyage de trois jours. Il a boudé de tems en tems et on lui a fait toutes sortes d'avances pour le mettre de bonne humeur. Il a fait des parties de chasse et de pèche, dont il est revenu tard, mais on a attentu avec le souper jusqu'à ce qu'il fut de retour. Sa Majesté a mieux aimé recommencer une seconde partie de jeu, pour ne souper pas sans lui.

Elle a dit au vieux général Braun à Riga, avec lequel Sa Majesté s'est entretenue de l'état de son Empire, qu'Elle devait la Couronne et le Thrône aux trois frères Orlow et qu'Elle ne pouvait jamais assez reconnaître les services qu'ils Lui avaient rendus. Ce mot s'est sû et comme Votre Mejesté peut aisément se figurer, il n'a pas trouvé une approbation générale.

De retour à Pétersbourg Sa Majesté l'Impératrice a donné au favorit son portrait enrichi de diamants d'une grand prix.

---

1) *Берлин. Архивъ*, Депеши Сольмса, № 145.

IO.

à St.-Pétersbourg, ce $^{19}/_{30}$ Octobre 1764[1]).

Sire,

Pour obéir encore aux ordres immédiats de Votre Majesté du 12 de ce mois.

J'ai fait part en toute confidence au comte Panin, des termes flatteurs dont l'Impératrice s'étoit servie sur son sujet dans la lettre particulière qu'Elle a fait à Votre Majesté et je lui ai renouvellé de la part de Votre Majesté les assurances de la parfaite estime qu'Elle conserveroit toujours pour lui. Il a été sincèrement touché de ces témoignages de bonté et de bienveillance Royale et en me priant, Sire, de vous offrir ses plus respectueux remercîments, il m'a autorisé de Vous assurer de sa dévotion parfaite et de son attachement inviolable à Votre personne et à Vos intérêts. Comme à cette occasion j'ay pu lui dire un mot sur sa situation personelle, et le conseil que Votre Majesté a bien voulu lui donner de vivre en bonne intelligence avec le favori, il le reçut avec toute la reconnoissance infiniment redevable de l'intérêt que Vous daignez lui témoigner. Il ajouta, qu'ayant à faire à un Prince si éclairé, il espérait que Votre Majesté après qu'il Lui auroit exposé sa justification, seroit aussi si juste de convenir qu'il n'y avoit guères moyen de faire là-dessus plus qu'il n'avoit fait jusqu'ici; qu'il pouvoit assurer avec vérité qu'il n'avoit point d'inimitié et bien moins encore de la jalousie contre cet homme; qu'il n'avoit jamais rien fait, ni le feroit dans la suite, pour l'empêcher de jouir tranquillement de toute les dignités et de toutes les richesses que leur souveraine commune voudroit accumuler sur sa tête, mais que la différence de leurs employs leur donnent des soins et des applications trés différentes, il n'y avoit point d'intérêt d'affaires qui les put unir, pour vivre dans une plus grande intimité, mais qu'il en appelloit à toute la Cour et à

---

[1]) *Берлин. Архивъ*, P. S. à la dépêche № 162 (en chiffres.)

moi-même, pour rendre témoignage auprès de Votre Majesté des égards réciproques qui paroissoient dans leurs comportements, par tout où ils se rencontroient, et qu'a cet égard il n'avoit pas sujet de se plaindre, mais qu'il n'étoit pas possible, que leur amitié put se resserrer d'avantage, puisqu'il n'y avoit qu'un seul moyen par lequel lui comte Panin put se flatter de l'acquérir sûrement. Il faisoit entendre que c'étoit celui de souscrire au projet du mariage, mais qu'il ne pouvoit croire que Votre Majesté voulut lui conseiller de la gagner à ce prix, vû qu'il ne le sauroit faire sans se deshonorer lui-même, et sans perdre de vue volontairement les véritables intérêts de l'Etat, avec ceux de la personne de la Souveraine et du Prince son fils, qui avoit été confié à ses soins particuliers; que si ces circonstances le privoient peut-être quelques fois, de certains petits agrémens, qui aux yeux du courtisan passoient souvent pour le souverain bien, il étoit d'un âge et d'un tempérament à n'y être pas trop sensible, surtout puisqu'il jouissoit d'une satisfaction plus parfaite qui le dédommageoit pleinement de ces pertes, en ce qu'il pouvoit se flatter avec raison, d'avoir la confiance entière de Sa Majesté en tout ce qui regardoit les affaires, et qu'il devoit assurer Votre Majesté à cette occasion, que les sentiments de cette Princesse à l'égard du système politique et de l'établissement d'une amitié constante et solide avec Votre Majesté bien loin de s'affaiblir en Elle, s'enracinoient plustôt tellement dans son esprit, comme un principe fondamental de l'Etat, que l'Impératrice la croyoit Elle même à l'heure qu'il est absolument nécessaire pour le bien et le bonheur de son Etat. Il finit par me dire, que comme il pouvoit se flatter d'avoir contribué un peu à faire naître ces sentiments, il s'en trouvoit pleinement recompensé, par les assurances qu'il recevoit de s'être rendu digne par là de la protection et de la bienveillance de Votre Majesté.

Uti in humillima relatione.

II.

St.-Petersbourg, le $^{9}/_{20}$ Novembre 1764[1]).

Sire,

Votre Majesté ayant demandé à savoir par sa dépêche immédiate du 31 d'Octobre, si après la mort du Prince Iwan l'Impératrice de Russie rencontreroit autant qu'autre fois des empêchements au cas qu'Elle jugeat bon de vouloir accomplir le dessein d'un mariage avec le sieur d'Orlow.

J'ay l'honneur de Lui dire qu'autant que je me trouve à même de juger des sentiments de cette nation-ci et de la façon de penser des Grands à cet égard, ce mariage seroit toujours également mal reçu. La raison pourquoi cette idée a tant deplue ne vient pas de ce que les patriotes de ce pays-ci ayent reconnu en ce Prince un successeur présomptif, dont les droits pouvoient diminuer par ce mariage; la faiblesse de son esprit, que le rendoit incapable remplir les fonctions les moins pénibles d'un souverain n'auroit fait de son règne que le règnement d'une tutelle continuelle, qui auroit produit des jalousies, des cabales, des révolutions et des guerres intestines, capables de renverser toute la monarchie. Les gens raisonnables ont fort bien senti le foible d'une telle ressource, et il n'y auroit eû que le dernier désespoir, ou l'espérance de faire la fortune dans les troubles, comme c'étoit effectivement le cas de Merowitz, qui auroit pû mettre le malheureux Prince Iwan sur la scène.

Je crois avoir d'autres raisons à alléguer pour lesquelles il me semble que ce mariage avec le Favori rencontrera toujours des oppositions très fortes. La première se trouve dans le personel de l'objet même. Le sieur d'Orlow, quoique né gentilhomme, n'a eû avant son élévation, ni les talents, ni la conduite pour se faire remarquer avantageusement, fort au dessous pour son rang à tous ceux qu'on connoit aujourd'huy, à peine a-t-il pu parvenir vers la fin de la dernière guerre à avoir dans le corps d l'artillerie une place qui répond à celle de régiment

---

[1]) *Берлин.* (*Архивъ* Депеши Сольмса, № 171 (en chiffres).

quartier maitre. Parvenu à ce qu'il est par la seule faveur de sa Souveraine, on fléchit les genoux devant l'idole, puisqu'on est accoutumé en Russie en avoir un, on oublie son origine, on perd de vue son ancien état, on souffre les hauteurs et le ton de protection qu'il commence à prendre depuis un temps comme le droit de favoritisme, on souffre dans le Favori des qualités qu'on ne pardonneroit pas au particulier lorsqu'il voudroit se placer sur le thrône. Une seconde raison qui s'oppose à un mariage public, c'est la difficulté de trouver après la cérémonie faite, la place convenable qu'on doit donner à l'Epoux de l'Impératrice. Il n'est pas croyable qu'il borneroit son ambition au seul titre de mari de sa Souveraine, puisqu'en effet il n'y gagneroit rien, et qu'il jouit actuellement de tout le crédit et de tout le pouvoir qu'il pourroit prétendre sur Elle et de tous les honneurs et distinctions qu'il pourroit désirer du public, il ne sauroit exiger ce titre, parcequ'il se croiroit plus assuré pour lors des sentiments et du coeur de cette Princesse, il doit déjà être persuadé qu'il le possède pleinement: ni le dégoût de ne lui avoir pas trouvé de l'étoffe pour les affaires lorsqu'Elle voulut l'éléver à cela, ni les infidélités qu'il Lui fait qu'il est difficile à croire qu'Elle les ignore, puisqu'il s'y prend sans beaucoup de ménagement, n'ont pû le mettre mal jusqu'ici dans son esprit. Elle c'est attaché à lui tant par un motif de penchant, que par celui de la reconnoissance. L'Impératrice croit et Elle le dit dans des occassions qu'Elle doit le thrône uniquement aux soins du sieur d'Orlow et de ses frères, et qu'Elle ne pourroit jamais l'en récompenser assès. Il parait que puisqu'Elle a avancé la thèse Elle se fait une gloire de la soutenir, mais supposé que ces sentiments dussent s'émousser avec le temps, le seul titre de mari ne le mettroit pas à couvert des suites d'une disgrâce, car quoiqu'Epoux de l'Impératrice, il ne cesseroit pas pour cela de demeurer son sujet, de sorte que pour se mettre à l'abri des événements, autant que pour satisfaire en plein son ambition, il me semble que se voyant si près du thrône, il profiteroit de la première ardeur de l'Impératrice pour l'engager à le faire asseoir à côté d'Elle.

Dans l'un ou dans l'autre des deux cas, le droit de successeur seroit un point difficile à concilier si l'Impératrice mourut avant le Favori. La nation supporteroit peut-être pour la seconde

fois et pour un temps la régence de ce jouet de la fortune; mais il n'est pas probable que les Grands de l'Empire lui obéissent, comme à leur empereur. Quoiqu'accoutumé à l'esclavage, ils ne se sentent pas capables de soutenir cette idée. Et si enfin il en venoit des enfants de ce mariage inégal, la dénomination pour la préférence à la succession entre le grand Duc Paul et ces enfants-là, selon la constitution de Pierre I-re, resteroit seule au choix de la Souveraine régnante, et il est bien apparent, que l'amitié pour le second époux l'emporteroit sur les droits du successeur d'à présent, qui n'est déjà pas trop aimé de sa mère, et qui porteroit alors toute la peine d'avoir eû pour père un mari haï.

Toutes ces idées prises ensemble, je crois pouvoir én conclure, que le mariage de l'Impératrice avec le Favori ne sauroit être tenté sans exposer l'étail à quelques nouvelles secousses, où ceux qui sont attachés au Grand Duc Paul, qui le regardent comme leur Souverain futur, qui fondent sur lui toute leur espérance et qui le donnent partout et avec raison comme un Prince qui promet infiniment, et le nombre de ses amis est très grand, que ceux-là, dis-je, risqueroient le tout pour prévenir cet événement.

Quoique ceci n'est pas une matière pour en faire un sujet de conversation suivie avec quelqu'un du pays, les propos rompus qu'on entends cependant quelques fois, me font croire que si le projet en question dut être repris un jour serieusement, ceux qui y voudront mettre obstacle, ne sont disposés à le ressentir sur la personne de l'Impératrice. On aime réellement beaucoup cette Princesse, on respecte généralement ses éminentes qualités; on plaint plustôt sa passion, qu'on ne la condamne. Mais tout le ressentiment éclateroit contre l'objet qui la fait naître, c'est sur le Favori en pareil cas qu'on mettroit les mains et obligeroit peut-être l'Impératrice à signer Elle même l'arrêt d'exil ou de mort, qu'on auroit preparé contre lui, suivant que les esprits se trouveroient plus ou moins échauffés.

Comme une pareille entreprise ne sauroit se faire sans donner une secousse violente à l'autorité Souveraine et sans causer une émotion singulière dans l'esprit de l'Impératrice, autant que dans celui de la nation, il est à souhaiter que la

cause ne veuille jamais exister qui puisse produire un tel effet, et dont les suites toutes heureuses qu'on voudroit se les imaginer ne laisseroient pas que d'occasionner un bouleversement dans l'état, qui répandroient de l'amertume sur les jours de l'Impératrice en diminuant sa gloire et peut-être même l'activité de son règne.

12.

à St.-Pétersbourg, ce $^{7}/_{18}$ Décemcre 1764 [1]).

Sire,

Comme Votre Majesté n'a pas jugé à propos de me faire connaître précisément les raisons pourquoi le chancelier comte Woronzoff s'est montré peu porté pour le comte Panin, je ne pourrai peut-être pas me trouver assez instruit pour répondre sur l'article secret de Sa dépêche immédiate du 29 Novembre.

Par des discours que j'ai eu autre fois avec ce dernier, j'ai pu juger que ces deux ministres n'étaient pas de mieux ensemble. Je ne saurais dire exactement, si c'est la jalousie de méttier ou la différence de sentiments en affaires de système politique, qui les désunit. Le comte Panin se plaint ci-devant à moi que le chancellier lui avait été toujours contraire et qu'après avoir forcé pour ainsi dire par ses importunités la défunte impératrice de le rappeller de Suède pour complaire à la cour de Vienne, il ne devait qu'aux bontés personnelles de cette Princesse d'avoir été si honorablement placé auprès de Grand-Duc Paul. Il s'est fait en même temps une gloire de me faire remarquer qu'il n'avait point cherché de s'en venger et qu'il avait contribué plus que qui que ce fût auprès de l'Impératrice d'aujourd'hui pour lui faire obtenir les sommes qu'il désirait lorsqu'il avait formé le dessein de voyager. J'ose avérer à Votre Majesté ce fait comme connu ici. Actuellement même je sais que le comte Woronzoff s'est adressé au comte

---

[1]) *Берлин. Архивъ*, P. S. à la dépêche № 173.

Panin pour tirer de l'Impératrice de nouveau 11 m. roubles. Les raisons sur lequelles il fonde ses prétentions n'ont pas été trouvé bonnes. Je les ignore à la vérité et nonobstant il y a apparence qu'ils les aura.

Son retour prématuré lui fait très grand tort. Il doit être hors de doute et Sa Majesté Impériale en est informé, qu'il a accepté 5 m. ducats de la Cour de Vienne et que sa femme, gagnée par la Cour de France, l'a engagée de retourner en Russie pour épauler la commission du nouveau ministre de France pour renouer une intimité entre les deux Cours. Ils seraient arrivés en même temps à Pétersbourg et l'Impératrice prévenue a fait entendre au chancellier que son empressement Lui paraissait suspect, et il se pourait que présentement il restât tout l'hiver à Berlin. On l'y croit bien sous les yeux de Votre Majesté.

D'ailleurs le comte Woronzoff a un chagrin domestique, qui doit lui être très sensible. Son gendre le sieur de Strogonoff demande à être séparé de sa femme, et au cas d'un refus il menace d'apporter des raisons sans réplique, qui seroient peu honorables pour la jeune comtesse. Pour éviter cet éclat le comte Woronzoff a consenti à la cassation du mariage, mais comme elle est contraire aux lois de l'Eglise, Sa Majesté Impériale sera obligée pour contenter les parties de prononcer en qualité de chef supérieur.

IV.

Депеши саксонскихъ представителей.

(Изъ Дрезденскаго Архива).

Записка графа Брюля (іюнь[1]) 1762).

Sire,

Votre Majesté m'ayant fait ordonner de rassembler sous un même point de vue les notions que j'ai pu acquérir sur la cour de St. Pétersbourg pendant le séjour que j'y ai fait en dernier lieu, j'ose entreprendre d'en tracer une legère esquisse, suppliant Votre Majesté de la recevoir avec son indulgence accoutumée.

Depuis que la cour de Russie c'est fait connoître aux puissances de l'Europe, sa politique a toujours différé de la commune en ce que les considérations personnelles ont eu pour le moins autant de part à ses résolutions que l'intérêt de l'état. Ce qui seroit un abus ailleurs, ici c'est la règle. La forme du gouvernement ne connoit point de principes stables, indépendant des changemens qui peuvent arriver dans la personnel. Il est vrai que depuis Pierre I-er on a toujours eu en vue

---

[1]) Въ Дрезд. Архивѣ послѣдній рапортъ Брюля изъ Петербурга помѣченъ $^{9}/_{20}$ мая (№ 10) и по содержанію довольно пустой; предпослѣдній, отъ $^{7}/_{18}$ мая (№ 9), о нездоровьи Петра III и о спускѣ „le roi de Prusse" и „le prince George". Mémoire безъ даты и безъ №, писанъ, вѣроятно, уже по выѣздѣ изъ Петербурга, быть можетъ, въ Дрезденѣ и тогда, конечно, въ іюнѣ.

l'agrandissement du coté de l'Ukraine et la suprématie du Nord modelée sur l'Empire Germanique. Le premier de ces deux axiomes semble être plustôt un ancien préjugé que le fruit d'un raisonnement solide, parcequ'il paroit naturel que la Russie ambitionnant des conquêtes, eut dû préférablement tourner ses vues vers la Baltique; le second est attaché au titre même d'empereur. On veut ressembler à l'empereur Romain autrement que de nom et devenir à son exemple le chef d'une république de souverains. Mais ni l'un ni l'autre ont reglé constamment la conduite de cette cour; l'inclination du prince les a fait oublier plus au moins. Seul législateur, seul dépositaire des droits de la nation, seul homme libre enfin, régnant despotiquement sur une noblesse esclave sous les dehors de la liberté et sur des paysans serfs de cette noblesse, employant à son gré le frein sacré de la religion, que Pierre I-re a remis entre ses mains, en réunissant le patriarchat à la couronne, sa volonté tient lieu de loi fondamentale, de principes de gouvernement et de système de politique. Heureux, si ses penchants s'accordent avec ses intérêts, ou, si connoissant ce qui est véritablement utile et glorieux, il fait subordonner ses goûts à ses lumières.

Tel n'est pas l'humeur du monarque d'aujourd'hui. Gêné à l'excès dans le temps qu'il n'étoit que Grand-Duc, il ne jouissoit d'aucune liberté pendant l'hiver à Pétersbourg; l'été l'en dédommageoit. La jeune cour alloit alors demeurer à Oranienbaum et le Grand-Duc y campoit avec ses troupes, qu'il augmenta successivement autant que le dérangement de ses finances put le lui permettre. Dans cette alternative de liberté et de gêne il attendoit avec impatience le moment qui devoit y mettre fin, et sans les infirmités de feue l'impératrice, qui sembloient annoncer sa mort prochaine, il est à croire que dans les derniers temps le nombre de ses troupes s'étant accru jusqu'à deux mille hommes et une partie des officiers aux gardes Russes étant à sa dévotion, il eut tenté d'accélérer ce changement. J'ai rapporté dans une de mes dépêches[1]) un propos, qu'il tint

---

[1]) Bruhl au roi, 1 Mai 1762. Дрезд. Архивъ, 1762, Actes, № 8 (Mission de S. A. M-r le Czesnik de la couronne comte de Bruhl à Pétersbourg en 1762).

un jour à la fin d'un long repas, où le vin avoit échauffé les esprits des convives. Il ne dissimula point qu'il avoit souvent pensé d'un semblable projet et que le pavillon de Marly à Péterhof, où l'impératrice couchoit, lui présentoit toute sorte de facilités pour l'exécution, mais qu'il avoit été trop bon pour l'entreprendre. Peut-être n'étoit-il que trop timide. Quoiqu'il en soit, un prince qui désiroit ainsi l'instant qui devoit le faire passer de l'assujetissement au trône, se trouvant enfin maître absolu de tout apres ne l'avoir pas été de ses moindres actions, ne put manquer de se livrer à ses penchans avec la plus grande impétuosité! Aussi le fit-il.

Le même esprit qui dès le premier instant de son règne lui a fait rechercher sans retenue les plaisirs de la table et ceux de l'amour, comme les seuls que le deuil lui permît, qui lui donna pendant quelque temps un goût excessif pour la boisson, qui lui fit faire de petits soupers assez libres avec les dames de la cour, des femmes de théâtre, de cevaliers et de chanteurs, pêle-mêle, ce même esprit ne tarda pas à se déclarer hautement sur les seuls objets qui l'eussent jamais sérieusement affecté, je veux dire son amitié pour le roi de Prusse et son attachement pour le nom et le pays de Holstein.

De ces deux affections celle pour le roi de Prusse est la plus forte, la plus véhémente et qui souffre le moins d'opposition. Plus elle a été mortifiée sous feue l'impératrice, plus elle prend maintenant l'essor. C'est un fait assez connu que la guerre de la Russie avec ce prince n'a point empêché le Grand-Duc d'entretenir une correspondance avec lui. On accuse le defunt Schuwaloff[1]) d'avoir remis ses lettres à monsieur Keith, lequel les faisoit passer au roi. Monsieur Wolkoff trahissoit le secret de la conférence, dont il étoit le secrétaire, ainsi que l'empereur même l'a dit depuis. J'ai eu l'honneur de mander à Votre Majesté un trait qui s'y rapporte. Elle n'ignore pas que ce prince porte en bague le portrait de son Allié; qu'il a fait placer dans sa chambre un autre portrait, un grand, enlevé de Charlottenbourg, et que lorsque après beaucoup d'incertitude il eut trouvé la place qui le mettoit dans le meil-

[1]) Петръ Ивановичъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ.

leur jour, il sauta de joie, disant à ceux qui étoient avec lui: „Le voyez-vous? le voyez-vous bien? c'est là le seul modèle, que je veux suivre durant mon règne“! Il a passé par plusieurs grades militaires dans l'armée Prussienne et s'est tenu fort honoré du brevet de lieutenant-général que le roi de Prusse a lui envoyé après son événement au trône, à cause, lui mandoit-il, des grands talens pour la guerre, qu'il avoit découvert dans ses lettres. C'est le roi son „maître“, ainsi qu'il le nomme souvent. Son goût pour le militaire est excessif. Il compte avec satisfaction les campagnes qu'il à faites, car c'est ainsi qu'il appelle ses campemens d'Oranienbaum. Il y a déjà tant d'années, dit-il, que je porte le bonnet de grenadier. On prétend lui avoir oui conter avec le plus grand sérieux qu'avant son arrivée en Russie, étant un jour chargé de défendre un poste avec peu de monde, il fut attaqué par une nombreuse troupe de cavallerie Donoise; mais qu'ayant pris le parti d'aller à eux malgré leur supériorité, il les avoit entièrement défaits. Or il avoit à peine quatorze ans lorsqu'il se rendit à Pétersbourg. Il se donne surtout pour officier de cavallerie. En cette qualité il méprise l'artillerie et la génie, qu'il regarde comme des métiers. Au lieu de marquer de la satisfaction à ses artilleurs, qui dans l'exercice qu'ils firent de mon temps en concurrence des Prussiens, l'emportèrent de si loin, il fut question de mettre son artillerie sur le pied de celle de Prusse, ce qui répandoit un mécontentement général dans ce corps, qui autrefois a joui de grandes prérogatives.

Il y a trois régimens d'infanterie aux gardes. Le premier nomme Preobrasinski est commandé par l'empereur en personne, qui en est le colonel, ayant sous lui le feldmaréchal prince Troubetzkoi en qualité de lieutenant-colonel; le second et le troizième n'avoient point encore de chefs: le feldmaréchal Alexandre Schouwaloff est lieutenant-colonel de celui de Semenowski et le hetman l'est de celui d'Ismailowski. L'empereur leur fait souvent faire l'exercice et frappe de sa main les soldats, qui s'en acquittent mal. Malgré ces soins il s'en faut de beaucoup que ce soit une troupe formée. Les gardes à cheval, dont le prince George de Holstein est le chef, ne sont pas en meilleur état. Pour les troupes de Holstein, mieux exercées, mieux vêtues et mieux disciplinées, elles sont encore en assez

petit nombre, quoiqu'on ait déjà rassemblé beaucoup de recrues à Oranienbaum. Elles devoient être portées à 18 m. hommes, parmi lesquels il y aura sept régimens de cavallerie, qu'on lève actuellement dans la Livonie et dans l'Esthonie avec ordres aux officiers de ne recevoir des Russes qu'au défaut des gens du pays.

L'habillement ordinaire de l'empereur est l'habit uniforme des gardes de Preobrasenski, juste au corps vest, collet, paremens et doublure rouge, sans revers, avec des brandebourgs d'or, veste et culotte couleur de paille; ses cheveux en deux grandes boucles fort poudrées, la queue près de la tête; toujours en botte ou en guêtres avec des souliers querrés, des gans et la canne à la main, la garde de l'épée au dessus de la hanche, le chapeau troussé à la Prussienne avec un large galon fastonné, un plumet crêpée et une petite cocarde de coin blanc. Je ne lui ai jamais vu d'autres cordons que celui de Prusse, qu'il porte le plus souvent par dessus l'habit. Quelquefois il sort avec un simple surtout vert tout uni, le chapeau sans galon, sans ordres es sans étoile.

Tel est l'habillement nécessaire pour paraître soldat à ses yeux. Il suffit de le prendre pour être plus considéré que ne le seroit un officier vieilli sous le harnois qui oseroit se montrer en habit de ville. Il lui tient si fort à coeur, que dans la conférence militaire, qui s'est tenue pendant quelque temps, ayant un jour demandé l'avis du feldmaréchal Munnich sur ce point et celui-ci s'étant d'abord défendu de le dire, mais ayant enfin remontré qu'un changement de cette nature dans le temps que le besoin n'exigeoit pas d'habiller les troupes à neuf, causoit une dépense inutile, il l'apostropha en de termes fort durs: „Est-ce pour cela, lui dit-il, que je t'ai fait revenir de l'exil, afin que tu osas critiquer mes mesures!“

Naturellement il n'est point libéral, mais dans ces premiers momens où il est le maître de ce livrer à ses goûts, il ne plaint aucune dépense pour les satisfaire. Il aura de grands spectacles après le deuil. Maintenant il n'a que ses concerts, ses répas, qu'il fait presque toujours en compagnie et la pipe. Il a quitté le ponch et la bièrre d'Angleterre, depuis qu'il a failli en tomber malade. Il ne boit plus que du vin de Bour-

gogne, souvent trempé d'eau, mais qui ne laisse pas de l'entêter, parcequ'il ne cesse de parler. Depuis 7 ou 8 heures du matin jusqu'à deux heures après minuit il est dans une agitation continuelle, excepté immédiatement après le diner, où il fait la méridienne. Il veut à la fois tout voir par lui même et jouir de tous les plaisirs. Un pareil plan de vie exige beaucoup de forces dans l'esprit et mine celles du corps. Il semble presque être au dessus des facultés de l'homme. Ainsi l'empereur avec de bonnes intentions et beaucoup d'affaibilité n'a-t-il gagné ni l'estime, ni le respect, ni l'attachement de la nation.

Passionné dans toutes ses actions, ses règlemens les plus sages paroissent moins le fruit de sa réflexion, que des saillies d'une imagination frappée. Sa familiarité même semble être à craindre; il tutoye tous ceux, qu'il honore de sa bienveillance et prend avec eux des manières au dessous de sa dignité. Il semble alors être tout coeur. Mais si sa bienveillance ne connoît point des bornes, sa haine au contraire et son mépris ne gardent aucun ménagement. Il se sert, sans égard aux personnes, des termes les plus injurieux et lors même qu'il cherche à déguiser ses sentimens, son air gêné, un rire moquer et des mines qu'il fait à l'écart, le trahissent malgré lui. Sans être sanguinaire, il est craint, parcequ'on connoit son impétuosité et parcequ'on sait, que dans un moment de chaleur elle pourroit le porter à de grandes extrémités. Le moment passé, le feu s'évapore et ses inclinations naturelles reprennent le dessus. Elles tiennent plus de la faiblesse que de la dureté. Il y a un exemple d'un cosaque au service de la cour, qui pour un vol très considérable, dut être pendu le premier jour, perdre la tête le second, fut condamné à une prison perpétuelle le troisième, relâché quelque temps après et placé auprès de sa personne; c'est à présent un domestique qu'il aime le mieux. Sa véhémence et le défaut de lumières acquises sont les causes de la facilité avec laquelle il se prévient.

Il suit, sans beaucoup discuter, les premières impressions, qu'on lui donne et il y persiste pour l'ordinaire, parcequ'il n'écoute point les raisons, qui pourroient le détromper. Quand ceux qui entourent sa personne, seroient aussi bien disposés pour la grands alliance, qu'ils le sont pour le parti contraire,

il seroit encore difficile de le ramener. Mais il y en a bien peu qui ne soient à la dévotion du roi de Prusse.

Le général Melgounow et monsieur Wolkow, conseiller privé, passent pour ceux de ses favoris, qui ont le plus de part aux affaires de l'extérieur. L'un et l'autre sont vendus au roi de Prusse de longue main. Le traité de paix avec ce Prince, négocié directement de lui à l'empereur, a été rédigé par eux. Tous deux gens de fortune, sans nom, sans honneur, sans probité, capables de tout pour parvenir à leur but. Il est de notoriété publique, que pour avoir pris chacun 40.m. Roubles des fermiers des douanes de Livonie le général Melgounow a reçu cinquante coups du plat de l'épée de la main de l'empereur et que Wolkoff n'a échappé à un traitement semblable, que parcequ'il eut la précaution de ne pas paraître à la cour le jour que la chose avoit été découverte. Il en fut quitte pour une réprimande que l'empereur lui fit le lendemain, et le général Melgounow rentra en grâce dès après son châtiment. L'empereur après l'avoir puni, lui tendit la main, en lui disant: „Voila, qui est fait, Melgounow; je te pardonne pour le coup, mais prens bien garde de n'y par retourner". C'est un homme rusé, fin et artificieux, qui sous un extérieur froid et avec un air sombre et une phisionomie des plus sinistres, a su gagner l'amitié de son prince dans le temps qu'il étoit encore officier aux cadets, que le graud-duc commandoit alors. A l'avénement au trône il eut une lieutenance-générale avec un régiment. Il ne perd point l'empereur de vue et de concert avec Wolkow il épie les momens les plus favorables pour faire agréer ses avis. Les après-soupers sont extrêmement favorables à de pareils desseins et l'on fait passer alors bien des choses qui seroient rejettées de sang froid.

Wolkow, secrétaire aux commandemens de l'empereur, est chargé des écritures et capable, à ce qu'on dit, d'en faire. Ce fut lui qui redigea la première déclaration de l'empereur aux anciens Aliiés de la Russie. Sous le règne précédent, avant d'être secrétaire de la grande conférence, il s'étoit eclipsé, après avoir employé une partie d'un fond, qui lui étoit confiē, à payer des dettes contractées par libertinage. On le fit revenir et lui ayant fait grâce du passé en faveur de ses talens, on le plaça dans la conférence, dont il trahit bientôt le secret.

Les Nariskins, alliés de l'empereur par la seconde épouse du Czar Alexis, sa bisayeule, pourroient prétendre à ses bienfaits par ce seul motif. Mais ce qui les leur attire principalement, c'est la faveur de Low Alexandrowitch Nariskin, premier écuyer, qui par un esprit tourné du coté de la plaisanterie et par le talent d'imiter le redicule des gens s'est rendu agréable au Prince au point, qu'il ne peut plus s'en passer. Il a été de tout temps attaché à la jeune cour ainsi que son frère ainé, qui après en avoir été maréchal est aujourd'hui grand-maréchal de la cour impériale. Cependant ils se mêlent peu de ce qui regarde l'extérieur et ne semblent être attachés à l'Angleterre et à la Prusse, qu'autant qu'il le faut pour se conformer à l'humeur de leur maître.

Le général Korf est fort avant dans la confiance de l'empereur, qui aime à l'entretenir. C'est un homme doux, honnête, généralement réconnu pour galant homme, mieux intentionné peut-être que les autres, mais trop timide pour courir les risques d'une disgrâce.

Le procureur-général Glebow jouit d'un grand crédit, lequel joint à l'autorité que sa charge lui donne dans le Sénat, le rend presque tout puissant pour les affaires de l'intérieur. Il est plus lié avec les Nariskin qu'avec le général Melgounow et monsieur de Wolkoff, dont il est jaloux. Au reste homme de tête et de conduite, il suit le torrent et cherche à s'affermir par les facilités qu'il apporte à l'exécution des nouveaux desseins. Lorsque l'empereur demanda en dernier lieu au Sénat quatre millions de Roubles et que le Sénat ne crût pas qu'il fut possible de trouver cette somme dans l'épuisement actuel, M-r Gleboff se chargea de la fournir par le moyen des fermiers des douanes et de quelques négocians Anglois. Il est l'auteur des nouveaux règlemens, qui concernent l'intérieur du pays et qui font honneur à sa capacité.

Parmis les aides de camp de l'empereur, il y en a plusieurs qu'il honore de sa bienveillance. Tel est le baron Ungern, son aide de camp général, homme simple et uni, qui se contente de bien faire sa cour. Goudowitch, destiné pour la Courlande, est encore distingué dans la poule, capable de tout et dévoué au parti contraire. M.r de Brockdorff, lieutenant-général au service de Holstein, pouvoit autrefois beaucoup sur

son esprit; aujourd'hui son crédit est entièrement tombé et il joue une assez triste personnage.

Les plus remarquables de ceux qui se sont maintenus après avoir été dans la faveur sous feue l'impératrice sont le feld-maréchal prince Troubetzkoi, le grand chancelier, Ivan Ivanovitch Schouwalow et le hetman Rasoumovski. Le premier, quoique vieux et tourmenté de la goutte et néanmoins le plus adroit courtisan de la Russie. Il a trouvé le secret de se conserver pendant plussieurs règnes consécutifs. Il fut l'homme de cour sous Elisabeth, il est soldat sous Pierre III, vêtu à sa manière, imitant tous ses goûts et se trainant après lui autant que sa goutte peut le lui permettre. Le cadet de ses fils, qui a passé à Varsovie, capitaine du 1er régiment aux gardes, fut arrêté de mon temps, parcequ'étant de garde il avoit quitté son poste la nuit et s'en été allé chez lui. Le père vit le moment que son fils alloit être dégradé. Mais loin d'intercéder pour lui il fut le premier à presser sa punition. Quelques dames obtinrent sa grâce.

Le grand chancelier n'ayant pas le courage de sacrifier ses dignités à sa réputation et peut-être ne le pouvant pas à cause du désordre extrême, que les fantaisies de sa femme ont mis dans ses affaires, se croit trop heureux de conserver sa place à quelque pris que ce soit. Comme il n'est point consulté sur le parti qu'on veut prendre, il seroit réduit aux fonctions d'un premier commis, si toutes les affaires passoient indifféremment par ses mains. Mais souvent elles ne parviennent à sa connaissance que lorsqu'il s'agit de les revôtir de formes nécessaires. J'ai eu l'honneur de mander à Votre Majesté qu'il n'eût àucune part à la confection du traité avec le roi de Prusse, et que ce traité ne lui fut point communiqué jusqu'au moment qu'il dût le signer L'empereur le nomme Votre Excellence et lui fait des révérences profondes, ce qui n'empêche pas qu'il ne le renvoye bien loin des qu'il ose hazarder remontrance. Il a passé autrefois pour hommes de probité; peut-être l'est-il, si la probité est compatible avec beaucoup de faiblesse, d'indolence, de lacheté même et avec l'habitude de s'en laisser imposer jusques par ses secrétaires.

Ivan Ivanovitch Schouwalow, nommé communement le chambellan, commandant aujourd'hui le corps de cadets et jouant au

reste un assez petite rôle au prix de ce qu'il étoit autrefois, s'est lié avec le général Melgounow. On les soupçonne de méditer conjointement la ruine de la favorite. Le bruit courût de mon temps que le chambellan avoit demandé la permission de voyager; mais ce bruit étant entièrement tombé, il faut croire que cette permission lui fut refusée ou que le tout n'étoit qu' une feinte pour mieux chacher son jeu. Peut-être aussi qu'ayant manqué un coup ainsi que je le dirai çi après, il craignit d'abord le ressentiment de la favorite et quil se rassura ensuite par l'appui de son ami. Il s'est jetté aux genoux de l'empereur pour en obtenir la permission de porter le cordon de l'Aigle Blanc. „Eh bien, soit, lui a répondu le Prince, je te le permets encore, aber ich will den verflüchten Bandhandel nicht mehr haben". En effet, outre le chambellan je n'ai vû qu' Alexandre Schouwalow, monsieur de Sievers, le général Czernichew et le prince Galitzine avec les marques de cet ordre.

Le Hetman de l'Ukraine Rasoumowski est sans cesse avec l'empereur. C'est en apparence son plus cher compagnon. Accoutumé à tous les raffinemens du luxe et de la volupté, jouissant autrefois de tous ses aises et ne se piquant d'autre gloire que de celle d'être un bon vivant, il a été obligé de ce travestir comme les autres, d'apprendre à faire l'exercice à la Prussienne, de fumer et de renoncer à tous les agrémens de la vie. Ceux qui connoissent le mieux le terrain, sont persuadés que l'antipathie du prince pour tout ce qui sent la viceroyauté, est la véritable raison, qui l'engage à retenir le Hetman auprès de sa personne et qu'il se fait un plaisir singulier de mettre sur les dents un hommes voluptueux, peu fait à la fatigue.

Le feldmaréchal Rasoumovski, frère du Hetman, est celui de tous les seigneurs Russes, qui dans le dernier changement s'est conduit avec le plus de noblesse. Après la mort de l'impératrice il vint mettre ses dignités et ses biens aux pied du nouvel empereur, lui demandant pour tout grâce une terre dans l'Ukraine, où il désiroit de finir ses jours. Le prince ne voulut point accepter la démission et lui confirma dans les termes les plus obligeans tous les dons que feue l'impératrice lui avoit faits. Il s'y soumit alors Mais quelques mois après il dona une fête splendide à l'empereur, qui en parût très satisfait et le len-

demain même il fut demander l'agrément de Sa Majesté pour sa retraite. Elle lui fut enfin accordée.

Des trois exilés qui ont été rappellés à la fois, le feld-maréchal Munnich est le seul qui jouisse de la considération due au mérite et qui par cette raison plustôt que par l'ascendant de son crédit a été membre de la conférence militaire est l'est aujourd'hui du nouveau conseil. J'ai eu l'honneur de le dépeindre à Votre Majesté comme un homme appesanti par l'âge et par les mauvais traitemens qu'il a essayés. Il n'a d'autre moyen pour se eonserver dans sa situation présente et pour finir tranquillement ses jours, que d'embrasser le nouveau système.

Biron est détesté dans un pays, qui n'a point oublié ses cruautés, peu distingué par l'empereur, qui se contente de le nommer Votre Altesse et de lui donner une des premières places à sa table, sans crédit, sans considération, nécessaire seulement pour les injustes desseins qu'on forme sur la Courlande. De ses deux fils créés généraux-majors, l'ainé est un homme froid, le cadet, gâté dans son enfance par l'impératrice Anne qui l'aimoit beaucoup, prend les airs d'un courtisan. Il est allé joindre son régiment qui est à l'armée et l'empereur lui a donné mille Roubles pour ses équipages. On ne savoit point de mon temps quels arrangemens avoient été pris pour la future subsistance du père, ni ce qui peut être stipulé à cet égard dans sa prétendue cession au prince George. On appris seulement qu'un peu avant cette cession l'empereur lui avoit fait toucher 10/m. Roubles.

Lestocq est à peine nommé. Il paroit cependant à la cour avec sa femme et soupe quelquefois avec l'empereur. Ses titres et sa confiscation lui ont été rendus, mais par des décomptes qu'on lui a faits, ses biens se trouvent reduits à 13 m. Roubles. Il s'occupe à rassembler ses effets partout où il en trouve et à conter de vieilles histoires étant naturellement grand parleur.

La comtesse de Woronzoff, nièce du chancelier, dame d'honneur de l'impératrice et favorite déclarée de l'empereur, qu'on nomme communément la Fräulein à cause de sa place à la cour, ressemble parfaitement à son frère, qu'a passé à Varsovie, excepté qu'avec un embonpoint plus que médiocre, elle

a la tête plus grosse que lui et qu'elle est marquée de la petite vérole.

Le public cherche inutilement à deviner la cause d'un attachement constant pour une personne qui semble si peu faite pour en inspirer. Ce n'est pas la convenance des caractères, car les deux amans ne simpathisent pas toujours et se disent souvent des choses fort dures. Ce n'est pas l'esprit ni l'humeur agréable de la comtesse, car, sans être dénuée de sens, elle n'a ni gaîté, ni agrément et semble être plustôt triste que fort amusante. On se rabat sur des raisons physiques et l'on soutient qu'un prince n'a qu'à commander pour voir ses désirs satisfaits; et qui a la volonté d'user de cette prérogative, n'a pu se fixer ainsi sans de puissans motifs. Les antagonistes de la Fräulein avoient mis sur les rangs une demoiselle Czoglokoff, jeune et aimable. L'empereur en paroissoit épris; les intéressés ménagèrent une entrevue; la favorite trembloit; les carosses étoient prêts pour la renvoyer chez elle. Mais le besoin lui ramena son amant. On prétend que malgré les bonnes dispositions de la rivale, ses efforts auprès d'elle avoient été infructueux Cependant, quelque nécessaire que la favorite semble être ainsi aux plaisirs du Prince, elle ne jouit pas de sa faveur sans inquiétude. Il a beaucoup de désirs, qu'il promeneroit volontiers sur d'autres objets. Ses manières avec les femmes, libres jusqu'a l'indécence, le prouvent assez. Touchez le sein, n'est pas encore la plus grande liberté qu'il prenne publiquement avec les dames de la première distinction. Il y en a plusieurs parmi le grand nombre qu'il voit de bon oeil. Des courtisans attentifs épient ses mouvemens et cherche à les mettre à profit pour lui donner une maîtresse de leur main.

J'ai essayé jusqu'ici de caractériser les personnages les plus accrédités à la cour de St.-Pétersbourg, par les principaux traits que mon peu de séjour en cette ville m'a permis d'en recueillir. Pour en achever le tableau il ne me resteroit plus qu'à parler de la famille impériale et de la famille de Holstein, à laquelle on rend les mêmes honneurs. Votre Majesté, connoit l'une et l'autre.

L'impératrice, la plus aimable et la plus respectable des princesses, loin d'avoir sur son époux l'influence que la supériorité de ses lumières devroit lui donner, est l'objet de sa dé-

fiance et de son aversion. Elle ne se maintient qu'à force de circonspection et de prudence. On croit qu'avec beaucoup d'estime pour le roi de Prusse elle auroit pû demeurer attachée à l'ancien système, dont elle reconnoit les avantages. Un seul point qui eut pu être contraire aux intérêts de Votre Majesté c'est la constance dont elle se pique dans son engagement de coeur.

Le jeune Grand-Duc, aimable, rempli de grâces, de douceur et de docilité, mais faible et maladif, tourmenté d'un abcès à la joue, que l'on croit être les écrouelles et par cette raison paroissent peu en public, est entre le mains de M-r de Panin, homme de sens et de mérite, qui verroit avec plaisir reprendre les anciens sentimens, pour lesquels il a travaillé pendant son séjour à Suède.

A l'arrivée du chambellan Soltykow, l'opinion commune étoit qu'on l'avoit fait revenir uniquement pour tirer de lui le secret de la naissance de jeune prince. C'est à ce motif qu'on attribua les bontés que l'empereur lui attribua d'abord. Mais on apprit bientôt qu'il s'abstenoit de la cour sous prétexte de maladie. Il finit par être renvoyé dans ses terres. On crût alors qu'il s'étoit attiré cette disgrâce pour n'avoir point répondu aux espérances de son maître, lequel vraisemblablement n'attendoit que sa déclaration pour transférer la succession dans la famille de Holstein en vertu du pouvoir de se nommer un successeur, pouvoir compétant à tout monarque Russe depuis Pierre Ier.

Le prince George de Holstein-Gottorp et la princesse son épouse reçoivent les hommages involontaires de ceux qui autrefois les auroient à peine traités d'égaux avec l'air de personnes peu faites à tout d'honneur. L'empereur les nomme mon Oncle et ma Tante. Il écoute volontiers le prince et le prince lui parle comme à tout le monde de ses campagnes des gardes au camp qu'il a faites, et du roi leur maître. Il est consulté et crû, quoiqu'il n'ait point acquis de nouvelles lumières depuis qu'il a quitté le service de Votre Majesté. C'est lui qui doit former la cavallerie Russe, dont-il est feldmaréchal-général, et les troupes de Holstein, dont-il est Stathouder, dignité, que l'empereur malgré son amitié pour lui, ne lui a conféré qu'avec peine, tant-il craint le partago de son autorité. La princesse

a de l'esprit, aussi que de l'affectation dans son ton et dans ses manières. Les deux princes, ses fils, encore à l'enfance ont été créé généraux-majors et chefs de deux régimens au service de Holstein, tandis qu'on parle de faire passer le Grand-Duc par tous les grades du militaire. L'ainé vient de recevoir le cordon bleu de Suéde.

Le prince de Holstein-Beck, cadet de celui, qui est au service de Votre Majesté, est presque aussi décrépit que son ainé. C'est aussi à peu près la même trempe d'esprit. Mais il suffit d'appartenir à cette maison de près ou de loin, pour paroître également propre aux affaires et à la guerre. Son nom seul lui a valu les places, les bienfaits et la confiance. La princesse sa fille est élevée à la cour; son fils, nommé Charles, colonel au service de Prusse, a été tué à la bataile de Cunnersdorf et a laissé une veuve, qui est actuellement à Pétersbourg et un jeune prince qu'on élève à Koenigsberg chez la comtesse de Dohna, sa grand mère, soeur des deux princes de Holstein-Beck et de la comtesse Stanislavska.

Tel est, Sire, en gros, le composé de la cour de Russie. Un maître prévenu des courtisans, intéressés à lui cacher la vérité ou trop faibles, trop peu accrédités pour oser faire entendre sa voix, des ministres étrangers enfin, gouvernant à leur fantaisie et le Prince et son Empire. Jamais on n'a eu moins de peine à bien servir son maître que M-r de Keith et M-r de Goltz n'en ont à bien servir les leurs. Ce sont eux qu'on consulte et sans l'aveu desquels on ne fait pas un pas dans tout ce qui regarde la politique. M-r de Keith, zélé partisan du système de Pitt, pénétrant et judicieux, n'oublie rien de ce qui peut servir à son but. Honnête homme d'ailleurs, capable de procédés, mais inébranlable dans ce qu'il croit être son devoir, traversant de tout son pouvoir la grande Alliance, tout comme il la serviroit, si elle n'étoit point en guerre avec sa patrie. Il conserve la mémoire de la cour de Vienne; il sent peut-être qu'il lui doit de la reconnoissance. Mais jamais elle n'a eu de plus grand antagoniste. L'empereur le considère et l'estime personellement. Aussi sa vanité lui avoit-elle d'abord persuadé, que son crédit seul et l'ascendant qu'il a sur l'esprit de ce Prince l'avoient engagé à se détacher des ses anciens Alliés. Il eut bientôt lieu de se désabuser. Il sait maintenant

que ce prodige étoit le fruit de l'enthousiasme du Czar pour le roi de Prusse, que le crédit de l'Angleterre et le sien même se fondent originairemet sur les liaisons de la cour de Londres avec celle de Berlin et qu'il cessera d'être écouté dès le moment qu'il séparera les interêts de sa nation d'avec ceux de la Prusse.

M-r de Goltz, colonel, chambellan et aide de champ de Sa Majesté Prussienne, est l'organe qui explique ses oracles. Sage, poli, honnête, avec des manières aisées, il se feroit peut-être recevoir dans une cour moins prévenue que celle de St.-Pétersbourg. Ici le choix est presque indifférent. Un général Werner, fumant, jurant, pestant auroit été pour le moins aussi propre à ce poste. La plupart des affaires se traitent dans la correspondance directe des deux princes. Lorsqu'il plait au roi de faire signifier ses désirs par son ministre, le ministre n'a qu'à parler, un: „Ja Brüderchen" est la réponse. Le roi de Prusse est mon ami, dit un jour l'empereur, et ne me conseillera rien qui ne me soit avantageux et je fais tout ce qu'il me conseille. On prétend que lorsque le général Czernicheff partit de Pétersbourg pour retourner à l'armée, il dit, qu'il espéroit conduire les troupes de manière à faire honneur aux armes de Sa Majesté Impérale, mais qu'il ne répondoit pas des pertes. Fais les tuer tous, lui replique-t-on, et je t'en enverrai d'autres.

Il ne faut pas croire néanmoins, quelque soit l'enthousiasme du Czar, qu'il ne s'appuye d'aucun raisonnement. Ce seroit peu de la passion si l'esprit n'étoit séduit. Fermement persuadé de la bonne foi du roi de Prusse, ne connoissant point tous les fardeaux d'une guerre, ni quel est le premier mobile des grands événemens, il croit qu'avoir des hommes, c'est avoir tout ce qui est nécessaire et jugeant de ses forces par le nombre de ses sujets et par l'étendue du pays soumis à sa domination, il conclut, que la Russie se joignant au roi de Prusse, rien ne peut resister à leur puissance combinée.

Son imagination est frappée des grandes actions et des conquêtes de son Héros; il se persuade que se lier intimement avec lui, c'est en partager la gloire et le profit, à peu près comme on partage les biens d'une femme qu'on épouse. Dans cette combinaison il se fait illusion à la fois sur les sentimens de son Allié et sur ses propres ressources. L'un n'a point

besoin de preuve, l'autre est assez évident pour peu qu'on ait analisé les véritables forces de son empire.

Selon l'opinion commune les revenus de la Russie montent à dix millions. Feue l'impératrice faisoit une grande dépense en bâtimens, dorures, habits, pierreries et autres articles de cette espèce. De l'autre côté la guerre, moins onéreuse pour la Russie que pour aucune puissance, dès qu'elle se fait dans le voisinage du pays, ne laisse pas de couter des sommes. On regardoit les finances, comme épuisées, on manquoit du nécessaire pour faire agir les trouppes qui malgré les subsides de la France ne pouvoient jamais paraître en campagne avant le mois de Juin ou de Juillet et lorsqu'en dernier lieu il fut question de trouver quatre millions, le Sénat crut la chose impossible dans le délabrement actuel et l'événement sembla justifier son opinion. Cependant l'empereur n'a pas trouvé un million de dettes du régne précédent, consistant en arrérages dûs à l'armée, paiement de fournitures et autres objets semblables. Il ne parois pas qu'il ait du crédit. C'est cette ressource si fertile et si légitime dans les besoins urgens de l'état, qui semble être entièrement incompatible avec le gouvernement de la Russie. Quelle sûreté donner à des créanciers, lorsque la volonté du prince suffit pour anéantir tous les engagemens de ses prédécesseurs? Ce n'est plus à l'état que l'on prête, c'est à un individu, qui n'a rien de commun avec ceux, qui l'on précédés, ni avec ceux qui viennent après lui. Aussi a-t-on tenté inutilement d'établir une banque. Le seul expédient dans les besoins pressans est l'augmentation des droits et des impots, expédient qui ne rapporte point à proportion du mal, qu'il cause. On assure en vérité, que le pays a beaucoup de ressources en lui même et en effet il est probable, qu'un paysan, qui outre les drois seigneuriaux ne paye à la couronne que 90 Copeks ou les neuf dixièmes d'un Rouble par an, n'est point trop chargé. Mais quelles que puissent être ces ressources, elles ont de bornes. De vastes pays ne fournissent rien que des pelleteries, d'autres sont entièrement exempts de toute redevance au moyen des services, qu'ils sont obligés de rendre à la guerre. Une grande partie des sommes, que le commerce fait entrer dans l'empire, sont enfoncées dans la terre, parceque le peuple serf n'a que ce moyen de s'en

assurer la propriété. L'entretien des troupes Russes, si l'on persiste dans le dessein de les mettre sur le pied des troupes de l'Allemagne, montera au double de ce qu'il a couté jusqu'ici. Celui des troupes de Holstein retombera entièrement à la charge de la Russie, le petit revenu de ce pays suffisant à peine pour soudoyer quelques millions d'hommes. Une marine, de vastes frontières à garder, des fantaisies à satisfaire et cent autres objets de dépense; tout cela me fait croire, que quelque économie que l'empereur puisse mettre dans l'administration de ses finances, le revenu ordinaire sera à peu près absorbé par la dépense courante, ou que du moins le résidu ne suffira jamais pour le mettre en état de faire la guerre sans l'assistance d'une de ces puissances, qu'on regarde comme les dépositaires des richesses de l'Europe.

Lorsqu'on dit en Russie que l'empire a 400 m. à 500 m. hommes sur pied, dont deux cent mille a moins de troupes reglées, on comprend dans le total les Cosaques, les Calmoukes et les Tartares, qu'on peut faire monter à cheval, quand on le veut, et l'on compte parmi les troupes reglées les milices, qui gardent les frontières principalement vers la Crimée. Selon un calcul plus probable, la Russie pendant toute cette guerre n'a jamais mis en campagne au delà de 70 m. hommes, parmi lesquels sont comprit les quatre régimens aetuellement de rétour à St. Pétersbourg. De mon temps il y avait dans cette capitale les trois régimens d'infanterie aux gardes, et les gardes à cheval, faisant un total de 8 à 9000 hommes, le corps de l'artillerie et génie qu'on fait passer pour trois mille hommes, quelque infanterie et des dragons, qui autrefois avoient été dans l'intérieur des provinces et qui ne me parurent pas être en bon état. Le toute monte à quinze ou seize mille têtes. Or, en supposant même que le reste des gernisons de l'empire composées de troupes reglées, le nombre de 60 m. hommes, il en résulte à peine un total de 150 m. hommes pour le véritable nombre des troupes reglées, sans compter les soldats de marine et les milices. Ce nombre n'est pas excessif en le comparant à l'étendue du pays qu'on a à défendre. Cependant il faut convenir, qu'il peut être aisément augmenté, et qu'un Czar guerrier, qui ne voudroit épargner personne et qui ne craindroit pas de dépeupler ses pays ne manqueroit pas sitôt de soldats.

Si la facilité des recrues est moins grande aujourd'hui, qu'elle ne l'a été au commencement de la guerre, c'est qu'on n'avoit donné alors que le superflu et qu'à présent il s'agit de donner l'utile. On aura des troupes, mais il se passera bien du temps avant qu'on puisse leur donner de bons officiers et d'habiles généraux.

La marine de la Russie est presque entièrement déchu. Elle est tout au plus dans ses deux ports de la Baltique quinze vaisseaux de guerre en état de mettre à la voile, commandés par des officiers sans talens et sans expérience, montés par de mauvais matelots. Les Russes en général sont peu propres au service de mer. Pierre le Grand en fondant sa marine, n'eût pas égard à la seule chose, qui pouvoit la maintenir et la rendre véritablement respectable. Il ne pensa pas à donner à sa nation une marine marchande, qui pût devenir une pépinière d'habiles gens de mer, ni à la faire jouir des seuls avantages capables d'encourager la navigation, je veux dire de la liberté et de la propriété. Il ne connoissoit qu'une manière de porter ses sujets à remplir ses vues — c'étoit la force, le plus mauvois et le moins permanent de tous. Il attiroit les étrangers et s'en servoit utilement; depuis ils ont été degoûtés du service.

En général il ne paroit pas que l'empereur d'aujourd'hui ait beaucoup d'attention à cet objet. Il a fait lancer à l'eau deux vaisseaux de ligne, construits l'année passés, mais on n'usoit d'aucune diligence pour les armer. Il en a fait mettre deux autres sur les chantiers, mais c'est l'ordinaire d'en construire deux par an et cela suffit à peine pour remplacer successivement ceux qui ne peuvent plus servir, l'eau douce du golfe de Finlande détruisant les vaisseaux en moins de dix ans. Le port de Reval n'est pas achevé, celui de Cronstadt est mal entretenu et sans défense. Il n'a d'autres ouvrages qu'une jettée de bois, de même que le petit fort de Cronschlot, situé vis-à-vis l'entrée et destiné à le défendre. La flotte Russe une fois battue une flotte ennemie établiroit aisément sa croisière à la hauteur de Cronstadt et s'empareroit peut-être de la place, ce qui interromperoit le commerce de Pétersbourg et priveroit cette capitale de nombre de chose nécessaire qu'elle tire de l'étranger.

Dans une situation pareille il n'est pas douteux que l'empereur entreprenant la guerre contre Danemark n'ait de la peine à s'en tirer à son avantage. Ainsi faut-il bien qu'il ait senti une partie des difficultés qui accompagnent son projet, puisqu'il a pu en différer l'exécution et condescendre au congrès de Berlin. La conquête du Holstein et du Slesvic étoit d'abord l'idée, qui lui tenoit le plus à coeur, après son amitié pour le roi de Prusse. M-r de Keith le sentit et dans l'opinion où il étoit alors que les dispositions du nouveau czar étoient uniquement son ouvrage, il ne voulût rien oublier pour s'assurer de lui, et pour cet effet il entra sans ménagement dans ses vues sur le Holstein. Mais quelque confiance que sa cour ait ordinairement en lui, elie n'approuvera point sa conduite à cet égard. L'établissement de la Russie dans un pays, d'où elle menaceroit tout le Nord en général et en particulier l'Allemagne, lui parut d'une trop dangereuse conséquence, pour ne pas travailler dès lors à le détourner et ne connoissant point sans doute l'humeur de son nouvel ami, elle fit faire des remontrances, qui le refroidirent beaucoup pour elle. Le roi de Prusse au contraire connoissant mieux sa véhémense par l'amitié même qu'il lui marquait, prit un parti tout différent. Aussi opposé que l'Angleterre à l'établissement de la Russie en Allemagne, il fit semblant d'en approuver le projet et d'épouser aveuglement les intérêts de l'empereur. Par cette conduite il conserva son ascendant sur l'esprit de son allié et se rendit maître des événemens, sûr de les faire rentrer dans son plan, soit que les différends avec le Danemark se terminassent à l'amiable, soit qu'on en vint à une rupture ouverte. Dans le cas d'une guerre, il a des moyens infaillibles pour la traverser. La difficulté des transports, l'épuisement des pays dans lesquels il faudra agir, la superiorité de Danois sur mer sont par eux mêmes des obstacles insurmontables. Le défaut de bons généraux en est un autre. Les conseils du roi suivit aveuglement seront toujours dictés par son intérêt. S'il persuade à l'empereur de se mettre à la tête de son armée, il donne beau jeu au général ennemi. Ce Prince ne connoit que les petitesses de l'exercice militaire, sans en concevoir le rapport aux grandes occasions de la guerre; excepté l'activité il n'a aucune des parties, qui caractérisent le

bon capitaine, encore cette activité est elle trop inconsidérée. Il croira en tout le prince George, brave et intrépide, mais peu capable. L'entreprise échouera et le roi de Prusse, qui sous main l'aura le plus traversée, sera celui qui paraîtra l'avoir secondée davantage et dans cet intervalle il aura obtenû de son Allié toute sorte de secours au préjudice même de ses propres affaires. Dans le cas d'un accommodement à l'amiable, le Czar, que des démarches précipitées aurront jetté peut-être dans un grand embarras, s'en trouvent délivré par les soins du roi, auquel il ne manquera point d'en attribuer tout l'honneur, ne mettra point de bornes à sa réconnoissance. Il voudra lui procurer à tout prix la pais, qu'il croira lui devoir et s'il le faut, il fera marcher à son secours toutes les troupes que feue l'impératrice employoit pour la bonne cause.

En vain, Sire, voudroit on tirer ce Prince de son erreur et lui faire connoitre les vrais sentimens de son nouvel allié. Ce seroit entreprendre de persuader a un amant que sa maîtresse n'est point digne de son attachement. Ceux qui sans attaquer sa passion ont seulement proposé des expédiens propres à la concilier avec la gloire et la bonne foi, qui ont tenté de lui faire sentir, qu'il pouvoit à la fois suivre son inclination et servir ses anciens, en se portant pour médiateur desintéressé entre les deux partis, ont été traité de canailles Autrichiennes, Françoises ou Saxonnes, vendues à la France ou gagnées par les présens de Votre Majesté. Le temps seul peut refroidir un enthousiasme semblamble. Aujourd'hui il est à l'épreuve de tout. Pendant que j'étois à Pétersbourg, l'empereur apprit que le général Werner, qu'il avoit comblé d'amitiés et de bienfaits, avoit tenû à son retour à Breslau des propos fort libres sur son compte. „Il m'a payé d'ingratitude, mais cela ne me fait rien, je n'en suis pas moins l'ami de son maître“. Un temps viendra que ce maître trouvent son intérêt à sacrifier son ami, se lassera de jouer la comédie, ou que l'empereur, revenu de la première fouge de sa passion, examinera d'un oeil plus calme leurs ressources communes et apprendra à ses dépens, que l'alliance de la Prusse n'est point la moyen infaillible de parvenir à la primauté de l'Europe. Alors l'affection venant à diminuer la froideur extrême et l'éloignement lui succéderont. Quand

une alliance est fondée sur l'intérêt de l'état, on peut-être mécontent de son allié, mais l'intérêt demeur et l'alliance subsiste. Quand l'affection personelle en est l'unique base, que cette affection cesse et tous les lieus sont rompûs. Il y a plus. De l'extrême amitié on passe plus aisément à la haissage et la froideur. C'est à attendre cet heureux moment, à l'épier, à l'accélérer s'il est possible que se réduit à présent toute la politique de la Grande Alliance vis-à-vis de la Cour de Pétersbourg. Les attentions, les avances et toutes les démarches les plus obligeantes toucheroient foiblement un prince aveuglé par la prévention, insensible à ses intérêts, qui ne semble point connoître les égards que les souverains se doivent réciproquement. Bien loin de là, elles ne servent qu'à le confirmer dans la haute idée qu'il se forme de son pouvoir et plus on montrera le besoin qu' on a de son assistance, moins il sera disposé à l'accorder. J'en ait fait l'épreuve dans la commission, dont il a plû à Votre Majesté m'honorer.

A mon arrivé à Pétersbourg je crûs d'abord que Votre Majesté étoit exempté de la haine que l'on y marqouit déjà pour tous les Alliés. La mémoire des obligations que l'empereur lui a eues autrefois paroissoit autoriser cette opinion et je crûs qu'il n'auroit pas oublié sitôt que par son entremise il avoit obtenû des subsides de la cour de Vienne dans ses besoins urgens. Je me trompoi pourant et je reconnus bientôt mon erreur par la conduite que l'on tint à mon égard. Votre Majesté a vû par mes rapports successifs qu'à peine a-t-on m'accordé les distinctions, que l'on ne pouvoit me refuser avec bienséance. Il seroit inutile de répéter ici les différentes mortifications que j'ai essuyées. Qu'il me soit seulement permis de justifier la conduite, que je tins lorsqu'on me fit insinuer de prendre mon audience de congé. J'avoue qu'il me parut humiliant d'être renvoyé ainsi sous les yeux des cruels ennemis de Votre Majesté. Je n'évitois point cette apparence en prenant le chancelier au mot et en lui disant que j'avois été sur le point de faire les démarches nécessaires pour mon départ. Sans être revêtû d'aucun caractère, j'étois cependant à Pétersbourg de la part de Votre Majesté. L'affront qu'on me faisoit n'étoit plus mon affaire particulière.

J'avois eu dimanche l'honneur de saluer l'impératrice, dans

la même semaine on m'insinuoit de partir; c'étoit marquer bien de l'impatience pour être défait de ma personne, puisqu'on ne me laissoit pas le temps de demander mon congé, quand j'aurois voulu le prendre dès le dimanche suivant. Dans ces circonstances je saisis la réponse que le résident de Votre Majesté avoit faite aux insinuations du chancelier et comme il s'étoit défendu de faire sa commission, je feignis de tout ignorer pendant la quinzaine et pris ensuite le prétexte du courrier françois, qui m'apporta la nouvelle de la mort de ma mère pour faire savoir au chancelier sans faire aucune mention de ce qui avoit précédé, que ma commission étant faite, j'avois reçu ordre de partir et qu'en conséquence je suppliois de me procurer l'honneur de saluer l'empereur.

Avant que de finir, je ne dois point passer sous silence la conjecture de ceux, qui tirant mauvois augure du mécontentement général dans la nation, regardent une revolution en Russie comme possible et peut-être comme prochaine. En effet, les bienfaits par lesquels l'impereur a commencé son règne n'ont pas fait sur les esprits cette impression profonde, qu'on auroit du en attendre. Ils reconnoissent encore leur ancien esclavage sous le nom de la liberté accordée à la noblesse. Ils comprennent, que lorsqu'on les laisse les maîtres de quitter le pays à condition qu'ils en obtiennent une permission expresse, et qu'ils se représentent des qu'ils seront reclamés sous peine de la confiscation de leurs biens, on ne leur donne que ce qu'ils avoient déjà et si désormais ils ont le choix d'entrer au service ou de vivre dans la retraite, ils n'en sentent pas moins que l'unique moyen d'éviter l'indignation de l'empereur, c'est de prendre parti. Le prince, peu fait à des distinction subtiles, imitant ce qu'il voit chez ses prédécesseurs, a porté l'esprit du despotisme dans la monarchie, qu'il veut établir. Quel homme assez hardi pour encourir volontairement le courroux d'un maître absolu? Au lieu d'une ombre de liberté qu'on a gagnée, au lieu d'un abus de la puissance suprême qui a été restreint en apparence, on en sent plusieurs nouveaux, qui ne sont que trop réels. Le changement introduit daus les moeurs, la préférence marquée des étrangers, l'intrusion d'une famille Allemande dans la famille impériale, le bouleversement du système, auquel les premières maisons du pays se trouvoient intéressées per-

sonnellement, la haine du nouveau Allié et cent autres considération aliénent les esprits de la nation. On se plaint, on murmure en secret. Mais on n'ira pas aisément au de là. Les hommes courageux, coupables de former une grande entreprise et de la conduire à sa fin, rares en tout pays, le sont surtout en Russie, où le joug de despotisme abatardit les esprits. Si néanmoins l'empereur avoit une entreprise à craindre, il ne paroit pas probable, que ce fut de la part de sa propre famille. Le prince Iwan plustôt pourroit lui devenir dangereux quelque jour. Ce prince n'est pas loin de Pétersbourg, quoiqu'on ne sache au juste le lieu de son confinement. L'empereur fut le voir pendant le temps que j'étois en cette ville. Le bruit courut alors, que le goût des élargissemens l'ayant gagné, il pensoit à renvoyer à Brounswic ce prince infortuné et à établir en même temps la succession éventuelle de la famille de Gottorp au trône, pour lui en fermer à jamais le chemin. Mais il est à croire, que ses Alliés l'auront détourné d'un dessein aussi hazardé, capable d'ébranler sa couronne.

Депеши Прассе.

I.

St.-Petersburg, den 11. Juli 1762[1]).

Mit gegenwärtigem oesterreichischen Courier habe ich das ausnehmende Vergnügen Euer Excellenz die ebenso grosse als unerwartete Begebenheit anzukündigen, dass der bisherige Kaiser Peter der Dritte seines Thrones verlustig gegangen sei, dessen würdige Gemahlin aber unter dem Namen Catharine der Zweiten denselben glücklich und heldenmüthig bestiegen habe. Man hat aus dem allgemeinen Missvergnügen aller Stände, ja aller Menschen zwar ganz wohl abnehmen können, dass über kurz

---

[1]) *Дрезд. Архивъ*, vol. VII, № 56.

oder lang eine Verändcrung vorgehen würde, dass es aber so bald und so glücklich geschehen sollte, getraute man sich noch nicht zu hoffen. Allein die grosse Catharina hat alle Schwierigkeiten zu überwinden gewusst und in ihrem Heldenmuth diejenigen Mittel gefunden, die ihr von aussen her, noch zur Zeit abzugehen schienen und die grosse Geister niemals vergeblich in sich selbst suchen.

Es war am 9. dieses Vormittags, gleich nach 9 Uhr, als sich vor dem neuen steinernen Palais ein Theil der Garde zu Pferde in vollem Gallop einfand, sogleich alle Zugänge besetzte und sich davor en parade aufstellte. Die dadurch rege gemachte Aufmerksamkeit des publici wurde gar bald gestillet, da sich kurz darauf Ihro Majestät die Kaiserin Catherina in dasselbige Palais erhoben, wohin Sie von dem übrigen Theil der Garde zu Pferde, den Garden zu Fuss, besonders aber von dem Grossfürsten und dessen Hofstaat begleitet wurden. Nachdem Ihro Mejestät denen Anfangs in geringer Anzahl anwesenden Herrschaften Ihr Vorhaben, den kaiserlichen Thron zu besteigen, eröffnet und von ihnen den Eid der Treue abgenommen hatte, erhoben Sie sich aus gedachtem steinernen in das hölzerne Winterpalais der Kaiserin Elisabeth höchstseligen Andenkens, allwo sich nach und nach eine grössere Anzahl Cavaliers und Dames einfanden, die sämmtlich mit den grössten Freuden den Eid der Treue ablegten, welches auch die nacheinander ankommenden verschiedenen Truppencorps mit nicht weniger Vergnügen thaten, wobei zur Sicherheit des Hofes sowohl das Palais stark mit Mannschaften besetzet, als auch in allen Zugängen Kanonen aufgepflanzet, in denen Strassen aber von einer Weite zur andern starke Posten aufgestellet worden, um gute Ordnung zu halten, welches auch von so gutem Nutzen gewesen, dass nicht von der geringsten Ausschweifung zu hören. gewesen.

Unterdessen dass nach und nach der Senat und übrigen Collegien sich einfanden und ebenfalls huldigten, wurde ein Detachement Gardereiter geschickt den Prinz George zu arretiren, der sich zwar mit der Flucht zu retten suchte, aber in dem Hause des Generals Korff gar bald gefunden und in sein eigenes Palais in Verwahrung zurückgebracht wurde, wo er auch noch befindlich, sonst aber nebst seiner Gemahlin und

zwei Prinzen in sehr leidlichem Arreste und wohl gehalten ist, wie ihm denn auch Ihro Kaiserliche Majestät versichern lassen, dass ihm kein Leid widerfahren solle.

Alle holsteinischen Officiers und Soldaten wurden ebenfalls aufgesuchet und arretiret.

Bei Hofe wurde inzwischen auch auf ernstlichern Massregeln vorgedacht, um das angefangene Werk vollends zu Stande zu bringen, welches theils dadurch geschahe, dass dem Volke mittelst gegenwärtigen Manifestes die Ursachen angezeiget wurden, welche Ihro Kaiserliche Majestät bewogen, den russischen Thron zu besteigen, theils aber die Truppen in Bereitschaft zu setzen, um eine Expedition nach Oranienbaum zu unternehmen, allwo Sich der entsetzte Kaiser mit seinen holsteinischen Truppen und einigen Lieblingen befand, von welchen man befürchten musste, dass sie entweder selbst was unternehmen, oder sich wenigstens zur Gegenwehr setzen würden.

Man hatte sogleich den General Talliczin nach Kronstadt abgefertigt, um sich allda des Hafens, der Stadt und der Festung zu bemeistern, so wie man sich auch hier der Festung ohne Widerspruch versichert hatte. Das Frohlocken des Volkes und der Soldaten war ungemein, ein tausendfaches Hurrah oder Vivat wurde gehört sobald sich nur die Kaiserin oder der Grossfürst am Fenster sehen liessen. Einheimische und Ausländer waren über diese Veränderung ebenso vergnügt als verhasst die Regierung des entsetzten Kaisers gewesen war.

Nachdem endlich die Truppen sich versammelt, mit Kanonen, Pulver, Bley und einigen Vorräthen versehen, Ihre Majéstät auch solche zu Pferde, en Cavalier und der Montur der Garden zu Fuss angethan, gemustert hatten, setzte man sich vom Palais aus in Marsch und zwar nachfolgende Regimenter:

1) die Preobraschenskische Garde 2) die Semenowsische Garde 3) die Ismailowscse Garde 4) das Ingermanlandische Regiment 5) das Astrachanskische Regiment	Infanterie
6) das Artilleriecorps 7) die Garde zu Fuss 8) das Leib-Cuirassier Regiment 9) ein Husarenregiment	Cavallerie

welche zusammen zwischen 14—15 m. Mann betragen haben mögen. Ich sah sie alle vor meinem Hause vorbei mit grösstem Muth und Freuden in schönster Ordnung nach 9 Uhr Abends ausmarschieren und Ihro Kaiserliche Majestät geruheten, sie selbst anzuführen, sonst aber hatten von Generals-Personen der Hetmann der Ukraine, der Feldmarschal Trubetzkoi, Schuwalow und Buturlin, der Generalfeldzeugmeister Villebois und der General Wolchonski, der vordem zu Warschau gewesen, jetzt aber zum Oberstlieutenant der Garde zu Pferde ernannt worden war, den meisten Theil an dem Commando.

Gegen die Zeit des Ausmarsches, wurde denen fremdem Ministers, die, ausser dem Preussischen, alle in der Stadt waren, eine Note von Seiten des Ministerii behändigt, wovon ich das mir zugestellte Exemplar hier in Originali beizufügen die Ehre habe.

Nachdem Ihro Kaiserliche Majestät mit denen Truppen 10 Werst von hier zu Krasna Kabak angelanget waren, machten Sie Halt, speiseten in dem dasigen Wirthshause und liessen Menschen und Vieh, die sich den Tag über sehr strapaziret hatten, die Zeit, einige Nahrung und Ruhe zu geniessen. Gegen Morgen aber wurde der Marsch weiter fortgesetzet und ohngefähr zu Strelna-Musa bekamen Ihro Kaiserliche Majestät von dem entsetzten Kaiser ein erstes Schreiben, in welchem er seine Reue über die gegen seine Gemahlin beobachtete mehr als barbarische Aufführung zu erkennen gegeben, Sich darunter abzuändern versprochen und eine gänzliche Aussöhnung angetragen hatte. Da aber darauf nur die Antwort erfolget, dass es zu spät sei, nnd das Wohl des Reiches andere Massregeln erforderte, der Zug auch bis Peterhoff ohnausgesetzt fortging, so langte allda ein zweites Schreiben von diesem, sich selbst unglücklich gemachten Prinzen an, worinnen er sich der Gnade Seiner gewesenen Gemahlin eintzig und allein überliess, und nur bat, dass man die Fräulein Woronzow und den Generaladjutant Gudowitsch bei ihm lassen möchte. Es wurde darauf der Generalmajor Ismailow zu ihm abgefertiget, der ihm sagen musste, wenn es sein wahrer Ernst wäre, sich zu ergeben, sollte er nach Peterhoff kommen und daselbst sein ferneres Schicksal erfahren. Er hat sich darauf ohne weitere Widerrede eingestellet, bei seiner Ankunft allda den Degen an den wacht-

habenden Officier abgegeben und im geringsten nicht widersetzet. Der Orden ist ihm abgenommen worden und die Bitte wegen der Fräulein und des Generaladjutanten hat man ihm nicht gewähret, vielmehr diese beyden Personen von ihm entfernet und in Verwahrung genommen und ohnfehlbar werden sie nach Sibirien oder sonst wohin verschicket werden. Durch einen geheimen Canal bin ich auch benachrichtiget, dass der gewesene Kaiser vor der Hand nach Schlüsselburg gebracht worden, doch ist fast nicht zu glauben, dass er allda bleiben werde.

Bey dér grossen Menge ausserordentlicher Umstände, die so kurz aufeinander und zum Theil in der Entfernung erfolget sind, ist nicht möglich, Alles und Jedes, noch auch mit gleicher Zuverlässigkeit zu erfahren, dannenhero ich mir vorbehalte, ein oder andern Umstand zu seiner Zeit zu rectificiren, das übrige aber nachzuholen.

Die Erbitterung der Soldaten, die alle auf preussischen Fuss gesetzt und mundiret waren, war über alle diese unnöthige Veränderungen so gross, dass sie ihre neue, kurze und enge Montirungen, Grenadiermützen und übrige Kleidungsstücke weglegten, in Stücke rissen oder vor ein Spottgeld verkauften, die alten aber wieder hervorsuchten oder unterdessen einen grauen Rock oder Pelz anzogen, wie ich denn viele gesehen, die auf diese Arth sich beholfen und doch Dienste verrichtet, auch sogar vorm Palais Schildwache gestanden haben. Ihro Majestät haben sich sogleich wiederum zum Obersten von allen Gardes erkläret und declarirt, dass Alles wieder auf dem Fuss sein soll, als es die hochseelige Kaiserin Elisabeth hinterlassen hätte, wie sie denn auch Ihro nachgebliebenen Kammerbediente, die ohne Versorgung aus dem Schlosse gejaget worden waren, bereits Alle wieder angenommen und in Brodt gesetzet hat. Die abgeschafften Leib-Compagnisten und so viel Hundert alte Gardesoldaten, die ohne Brod und Belohnung abgedanket worden waren, stellten sich voller Freuden von selbst wieder ein, und halfen theils die Posten mit besetzen, theils die Expedition nach Oranienbaum mit verrichten.

Die Anzahl der holsteinischen Truppen allda ist ohngefähr auf zwei Tausend geschätzet worden, es sollten aber eben die in Kiel liegenden übrigen holsteinischen Truppen zu Wasser

ankommen, welche, wenn sie nun eintreffen, mit ihren Kameraden gleiches Schicksal haben werden.

Man hat sogleich Couriers an alle Orte des Reiches geschickt, um diese Veränderung bekannt und die Unterthanen pflichtig zu machen. Auch ausserhalb an die drei commandirenden Generals Soltikow, Rumanzow und Tschernischew sind dergleichen abgefertigt worden, mit dem Befehl, die unter ihrem Commando befindlichen Truppen in Eid und Pflicht zu nehmen. Ausserdem aber ist dem ersten befohlen worden, ein wachsames Auge auf Preussen zu haben, dem zweiten das Commando über das Corps in Pommern niederzulegen und dem General Panin zu übergeben, dem dritten aber nicht weiter an die Conjunction mit Preussen zu gedenken, sondern ohnverzüglich mit seinem Corps zurück zu marschiren und weiteren Befehl zu gewärtigen. Die zu Anfang voriger Woche von hier ausmarschirten Truppen haben gleichfalls Ordre erhalten Halt zu machen.

Aus allen diesen Befehlen, aus demjenigen, was Ihro Kaiserliche Majestät in Dero Manifest, wovon ich auch ein russisches Exemplar hier beilege, wegen des mit Preussen geschlossenen Friedens geäussert, und was die auf Dero Befeh denen fremden Ministern zugestellte Note besaget, mir auch überdies sonst von denen Sentiments dieser Monarchin von jeher bekannt ist, lässt sich mit vollkommensten Grunde die Hoffnung machen, dass die Sachen in Ansehung des politischen Interesses dieses Reiches, wo nicht gänzlich auf den alten Fuss kommen, doch allemal sich so günstig abändern werden, dass der König von Preussen von hier aus keine Hülfe, die alten natürlichen Alliirten Russlands aber und mithin auch unser Hof alle Arten von Unterstützung, gewiss aber nichts Feindseliges, noch diejenigen degouts zu erwarten haben, denen sie bishero ausgesetzet gewesen sind.

Die Kaiserin ist eine Dame, die die Natur mit herrlichen Gaben, mit vielem Verstande und mit einem guten Herzen versehen hat, die einfolglich den Vortheil ihres Reiches nicht misskennen, Ihro und desselben Gloire nie vergessen und allzeit geneigt sein wird zu helfen, wo sie nur kann. Mit einer solchen Prinzessen kann man Alles hoffen und dagegen nichts Widriges befürchten.

Um auf die Umstände dieser grossen Begebenheit zurückzukommen, so ist ausser dem allgemeinen Missvergnügen der erste Ursprung und Anfang davon in der üblen Intention des gewesenen Kaisers zu suchen, sich seine Gemahlin und Sohn vom Halse zu schaffen, und wie durchgängig versichert wird, ums Leben bringen zu lassen. Wider diese Intention hatten sich Ihro Majestät die Kaiserin nicht anders in Sicherheit zu setzen gewusst, als dass Sie verschiedene Officiers der Ismailowschen Garde sich attachiret gehabt, welches aber freilich nicht so heimlich geschehen können, dass der gewesene Kaiser nicht etwas davon hätte erfahren sollen, und in der That war in der Nacht vom 8. zum 9. Julii ein Officier Namens Passikow auf Befehl des Kaisers schon arretiret worden, den man darüber mit der Schärfe zu befragen Willens war; sobald aber die der Kaiserin ergebenen Officiers und besonders einer, Namens Orlow, davon Nachricht erhielt, begab sich dieser mit der Prinzessin Daschkow (deren Gemahl nach Constantinopel gegangen), welcher sich die Kaiserin bedienet hatte, um obige Officiers in ihr Interesse zu ziehen, in grösster Eile nach Peterhoff, weckte die Kaiserin, die noch schlief, auf, und brachten Sie halb angezogen in einem schlechten Wagen gegen 9 Uhr des Morgens gerade zu gedachtem Ismailowschen Regimente, allwo die Officiers und Soldaten Sie umringten, ihr alle Treue zusagten und nach Ankunft des Regimentspopen mit dem Crucifix huldigten, auch sodann den obbeschriebenen Zug nach dem Schlosse unternahmen. Sobald nun solchergestalt der Anfang gemacht war, ging es wie mit einem Schneeballon, den man fortrollete, denn ehe die Kaiserin von denen Kasernen des Regiments bis ans Palais kam, stiessen unterwegens bei der Kasanischen Kirche, in welcher Ihro Kaiserlichen Majestät ein kurzes Gebet verrichtet, fast alle anderen Regimenter durch verschiedene Gassen zu Ihr und gaben durch ihre Gegenwart der Unternehmung denjenigen Nachdruck, der sie immanquable machte. Nur ein einziger Officier von gedachtem Regimente, Namens Schepelow und ein Major vom Preobraschenskischen Regimente, Namens Woyekow, haben sich widersetzet, sind aber von ihren eigenen Soldaten arretiret worden.

Sobald der gewesene Kaiser die Flucht seiner Gemahlin aus Peterhoff, wohin er erst gegen Mittag kam, um allda zu

speisen, vernommen und wohl geschlossen hatte, worauf es angesehen sey, schickte er von gedachtem Peterhoff den Kanzler, Herrn Woronzow herein, um die Unruhe zu stillen, allein er musste der neuen Kaiserin, wie alle anderen huldigen, welches er auch gethan, aber doch allemal auf so eine Art, dass man nicht allerdings mit ihm zufrieden zu sein scheinet, wie er denn auch zwei Capitains zur Wache bei sich hat, die ihm jedoch nicht erwehren aus und sogar nach Hof zu gehen. Er unterschreibt auch bis dato noch alle Expeditiones. Es ist aber schwerlich zu vermuthen, dass er à la tête des Ministerii bleiben wird, wie denn auch schon nach dem Grosskanzler Bestuscheff geschickt worden, der aber die Kräfte des Geistes fast gänzlich verloren haben soll.

Ausser der Prinzessin Daschkow und dem obengenannten Officier Orlow und seinem Bruder, haben der Oberhofmeister Panin und die Kammerherren Graf Stronganoff und Teplow um das Geheimniss gewusst, der Hetmann und alle übrigen aber haben hernach willigst dazu beigetragen, besonders aber hat sich der Oberhofmeister Panin signalisiret und die Kaiserin auf der Expedition nach Oranienbaum begleitet und die meisten dispositiones gemacht.

In was vor grossen Aengsten man aber zu Oranienbaum gewesen sein müsse, lässt sich leicht erachten. Man hat bald diesen bald jenen Vorschlag zur Vertheidigung oder Rettung gethan, allein man ist immer darauf gefallen, sich nach Kronstadt zu retiriren, welches aber nach meiner geringen Einsicht von einem so grossen Liebhaber des Militairwesens, als der entsetzte Kaiser sein wollte, nicht militärisch gedacht noch gehandelt war. Inzwischen hatte er sich mit denen meisten Frauen, die bei ihm waren, und namentlich der Kanzlerin, Gräfin Woronzow, der Kammerfräulein gleichen Namens, der Gräfin Strogonow, der Gräfin Bruce, der Obermarschallin Naryschkin, der Fürstin Galliczin, zweier Prinzessinen von Holstein-Beck etc. wirklich in der Nacht vom 9—10 Juli embarquiret, war aber in Kronstadt nicht eingelassen worden, vielmehr hatte man gedrohet auf die Galeere zu feuern, wenn sie sich nicht entfernen würden. Er kehrte also zurück, stieg wieder ans Land und musste sich auf obbesagte Weise ergeben, zumal nachdem seine holsteinischen Truppen von denen

Husaren der Kaiserin sogleich auseinandergejagt worden, wobei es jedoch ohne Blutvergiessen abgegangen sein soll.

Neben dieser ernsthaftesten Scene ist dieses wohl die lustigste, dass alle diese Frauen bei dem Kaiser waren zu der Zeit da die Männer der Kaiserin mit Rath und That an die Hand gingen, um Sie auf den Thron zu bringen und zu befestigen. Der Graf Bruce hat das Semenowsche Garde Regiment selbst angeführt und ebenso hat der Hetman mit dem Ismailowschen gethan, obwohl ihre beiderseitige Gemahlinnen zu Oranienbaum und mithin in der Gewalt des abgesetzten Kaisers waren.

Dieser unglückliche Prinz ist zu Peterhof in eben dem Pavillon in Verwahrung genommen worden, wo Ihro Königliche Hoheit der Herzog von Kurland zwei Sommer hintereinander logirt haben.

Unter denen arretirten holsteinischen Officiers befindet sich auch der Oberst Gyllerski.

Es sind auch von denen hiesigen Eingeborenen verschiedene arretiret worden. Vornehmlich der Vater der Prinzessin Daschkow und der gewesenen Kammerfräulein, nächst dem der Stallmeister Naryschkin, der Etatsrath Wolkow und etliche andere. Hingegen sind der Oberhofmeister Panin, der General Korff und der Vicekanzler Galliczin zu Senateurs ernennet worden. Der Graf Strogonoff ist Generaladjutant Ihro Kaiserlichen Majestät worden.

Nachdem Ihro Kaiserliche Majestät solchergestalt die ganze Expedition glücklich zu Stande gebracht und die Nacht vom 10ten zum 11ten in dem Landhause des Prinzen Kurakin am Peterhofe Wege passiret haben, sind Sie gestern Vormittags mit sämmtlichen Truppen und der Artillerie hier in der Residenz uuter Läutung aller Glocken und Abfeuerung der Kanonen von der Festung und Admiralität unter Tausend Segenswünschen von den getreuen und wahrhaftig affectionirten Unterthanen Gottlob bei höchstem Wohlsein wieder eingetroffen und haben Dero Sommerpalais bezogen. Ehe Sie sich aber dahin erhoben, haben Sie in der am Wege liegenden Admiralitaetskirche Ihre devotion verrichtet, wo Dero und der höchstseeligen Kaiserin gewesener Beichtvater den Gottesdienst gehalten hat.

Ihro Kaiserliche Majestät haben die ganze Expedition in

Cavalierskleidern zu Pferde verrichtet, auch Dero Einzug in die Residenz also gehalten und die Prinzessin Daschkow und der Generaladjutant Graf Strogonow sind vor ihr hergeritten, und der Herr von Orlow ist Ihr nicht von der Seite gekommen.

An alle freundschaftliche Höfe sind bereits Couriers abgefertiget und dieses evenement gehörig notificiret worden.

2.

Petersburg, den 12 Julii 1762[1]).

Vor Abgang meiner Depesche bringe ich noch einige wesentliche Neuigkeiten in Erfahrung.

Der Kaiser hat sich müssen gefallen lassen, eine renunciation auf den hiesigen Thron und Reich zu unterschreiben, die er Peter, Herzog von Holstein, unterzeichnet. Der Vicekanzler Prinz Galliczin ist der Ueberbringer dieser renunciation gewesen.

Ihro Kaiserliche Majestät haben gedachten Vicekanzler gestern Nachmittags zu dem Ambassadeur Grafen Mercy geschickt und ihn versichern lassen, dass Sie standhaft bei dem alten Systeme der höchstseeligen Kaiserin Elisabeth verbleiben würde, obwohl freilich man itzo sogleich wegen der näheren Umstände noch nicht conveniren könnte, da zur Zeit noch nichts debrouilliret sei. Inzwischen empfinde man itzo mehr als jemals die Nothwendigkeit der Macht des Königs von Preussen engere Grenzen zu setzen, man hoffe aber auch, dass ein Jeder der Alliirten proportionirte efforts thun werde, um zu solchem Zwecke zu gelangen.

Der Graf Tchernischew hat ordre erhalten, sich mit seinem Corps dergestalt zu postiren, dass wenn ihn der König von Preussen verhindern wollte zurück zu marschiren er sich auf die oesterreichische Seite werfen könnte und der Ambassadeur

---

[1]) *Дрезд. Архивъ*, vol. VII, P. S. ad № 56.

Graf Mercy ist ersuchet worden, seinen Hof und den Feldmarschall Daun darüber zu praeveniren.

3.

St.-Petersburg, den 10 August 1762[1]).

Gleichwie die beständigen Unterredungen des Grafen von Kayserlingk mit dem Herzoge Biron mir zuerst einigen Verdacht wegen gewisser geheimer Connexionen und etwaigen Absichten gegeben hatten, und ich darauf angefangen deshalb nähere Erkundigung einzuziehen, also habe mit grösster Befremdung schon vor etlichen Tagen so viel erfahren, dass Biron sich fertig mache mit seiner Familie nach Kurland abzureisen, woselbst ihm die sogenannte Allodialgüter abgegeben werden sollten. Kurz darauf erfuhr ich, dass er sogar in sein ehemaliges Herzogthum retabliret werden sollte, und dass ihn der hiesige Hof darunter unterstützen wolle.

Ich habe dahero keine Zeit verloren, mich desfalls an das hiesige Ministerium, das mir vor kurzem das Gegentheil so positiv versichert, zu wenden, welches denn auch die Sache nicht in Abrede gewesen, vielmehr mir allerdings gesagt, dass der Kaiserin Intention dahin ginge, dem Biron seine Güter wiederzugeben und ihn nach Kurland reisen zu lassen.

Auf mein Vorstellen, dass solches zu allerhand unangenehmen Weiterungen und in Kurland selbst zu Thätlichkeiten Anlass geben könnte und dass, wenn man ja vor den Biron sorgen wollte, es am besten wäre, wenn die beiden Höfe dessen Schicksal bestimmen und ihm ein anständiges Etablissement ausmachen sollten, wozu Ihro Königliche Majestät Sich von jeher erboten hätten und ohnfehlbar noch geneigt sein würden, erhielt ich zur Antwort: dass desfalls an Ihro Königliche Majestät und die Republik Polen das Nöthige communiciret werden würde. Und als ich ferner vorstellte, dass hoffentlich doch der

---

[1]) *Дрезд. Архивъ*, vol. VII, P. S. ad № 66.

hiesige Hof sein eigenes Werk nicht werde vernichten, oder dem Biron gar hülfreiche Hand leisten wollen, wurde mir erwidert: die ehemaligen Staatsraisons existirten nicht mehr, und wenn man ihn retabliren wollte, müsste mau ihn freilich souteniren und würde man darüber wie gesagt das Nöthige an den polnischen Hof gelangen lassen. Ob ich nun wohl vor der Hand darauf bestanden, dass man doch wenigstens Biron nicht abreisen und der Sache die Zeit lassen sollte, dass die beiden Höfe sich darüber einverständen, so habe ich doch deshalb weiter keine andere Vertröstung bekommen, als man wolle es Ihro Kaiserlichen Majestät unterlagen.

Inzwischen habe ich meine Erkundigungen fortgesetzet und erfahren, dass wirklich schon an einer Declaration vor Ihro Königlichen Majestät und die Republik Polen zum faveur des Herzogs Biron gearbeitet werde. Dass dieser letzte um zwei Bataillons Truppen angehalten, um sich in Kurland festzusetzen, dass fast ganz Kurland, bis auf drei Kirchspiele sich vor ihn erkläret hätte und dass der Graf Woronzow und der Graf Kayserlingk die Sache möglichst poussirten und hauptsächlich Ursache wären, dass Ihro Kaiserliche Majestät Ihre erste billige und grossmüthige Entschliessungen in dieser Sache abgeändert hätten. Die gethane Renunciation will Biron nun ganz ableugnen oder höchstens als gezwungen ausgeben und mit einem Worte: die Sache ist so gut als geschlossen und es heisst, dass Biron noch diese Woche abgehen werde.

4.

Petersburg, den 17 August 1762[1]).

Postscriptum 1^{mum}

Vor Schluss dieses erfahre ich, dass vorgestern in der kurländischen Sache der endliche Schluss gefasst worden, dem Herzog Biron die Allodialgüter einzuräumen und ihn vorerst nach Riga zu schicken, von wannen er solche disponiren und

---

[1]) *Дрезд. Архивъ*, vol. VII, P. S. ad № 67.

in Besitz nehmen lassen könnte. Zu gleicher Zeit sollen an Ihro Königlichen Majestät die ersten Anträge zu seiner völligen Restitution ergangen sein. Wenigstens hat sich Biron selbst damit berühmet und versichert, dass Ihro Kaiserliche Majestät ihm versprochen, dazu die gehörigen Massregeln zu ergreifen, hat auch von verschiedenen Personen die Gratulationes dazu angenommen, und die Veranstaltuugen zu seiner Abreise werden in seinem Hause wieder vor die Hand genommen.

Gestern Abends hat sich der junge Kayserlingk in einer Gesellschaft mit freudigster Erzhälung dieses Vorgangs öffentlich berühmet, dass sein Vater so glücklich gewesen, dem Herzog Biron hierbei grosse Dienste zu erweisen, dass er jederzeit davor gehalten, dass die Anstellung Ihro Königlichen Hoheit zum Herzog von Kurland unrechtmässig sei und nicht von dauer sein könnte.

5.

Moskau, den 6 Noxember 1762[2]).

Obwohl die Krönung glücklich und ohne allen Tumult vorbei gegangen, so hat man doch unter dem Volke und besonders auch unter der Miliz Gährung und bei denen Vornehmen ein Missvergnügen merken können, welches sich durchgängig durch ein ausgelassenes und freies Reden geäussert und wovon jedermann den Ausbruch befürchtete. Man hat solches bei Hofe ganz gut gewusst und ist oft in deliberation gewesen, um die Mittel ausfindig zu machen und zu bestimmen, die diesem Uebel entgegenzusetzen wären, und da man wahrgenommen, dass die Gute die die Missvergnügten nur kühner macht, hat man endlich Gewalt gebraucht und in der Nacht vom 15 zum 16 October eine gute Anzahl Officiers, Unterofficiers und Gemeine von denen verschiedenen Garderegimentern arretiren lassen, wenige davon mit der Knute, andere aber mit gelinderen Strafen beleget, auch andre ins Exilium geschickt und verschiedene wieder auf freien Fuss gelassen.

---

[2]) *Дрезд. Архивъ*, vol. VII, P. S. ad № 89.

Seit der Zeit ist es zwar etwas stiller, aber der Soldat ist noch immer sehr ausgelassen und das Volk frei im Reden dergestalt, dass das Uebel mehr unterdrückt als ausgerottet sein mag. Es scheint aber nicht, dass man bei Hofe viel darauf achte und die Kaiserin selbst bezeuget eine so gute und fière contenance, dass Sie zur Zeit noch allen imponiret.

Bei der Gelegenheit ist die unter der vorigen Regierung abgefasste geheime Inquisition in gewisser Masse wieder retabliret worden. Sollte der Grossfüsrt gestorber sein oder noch sterben, denn er ist sehr schwächlicher Gesundheit, so wurden ganz gewiss diese Gefährlichkeiten vermehrt worden sein, dermalen aber hat es sich merklich mit ihm gebessert und man hofft, dass er bald gänzlich wieder restituirt sein soll.

Zu Petersburg sind auch allerhand der gleichen gefährliche Bewegungen zu verspuren gewesen.

6.

Moskau, den 24 Martii 1763[1]).

Die Kaiserin scheinet die jetzige Fastenzeit mehrentheils zu besserer Einrichtung der innerlichen Landesangelegenheiten gewidmet zu haben. Tagtäglich versammelt sich der Senat und die verschiedenen Commissiones und öfters ist die Kaiserin in Person dabei gegenwärtig. Es werden starke Untersuchungen wegen verschiedenen besonders in Sibirien eingerissenen und unter der vorigen Regierung favorisirten Missbräuche angestellet, die hauptsächlich dem Generalprocureur Glebow zur Last fallen.

---

[1]) *Дрезд. Архивъ*, vol. VIII, P. S. ae № 14.

Депеши графа Сакена.

7.

à St.-Pétersbourg, ce 20 Avril 1764[1]).

J'ai aujourd'hui l'honneur d'envoyer à Votre Excellence la ci-jointe Ukase, que Sa Majesté Impériale a fait publier et en vertu de laquelle la nature de la régie des biens ecclésiastiques change du tout en tout. C'est assurément un grand ouvrage, achevé en peu de tems et avec un succès aussi complet qu'avec un applaudissement universel. Il est destiné à l'entretien du haut et bas clergé de l'empire six sent mille Roubles par an et trois cent mille à l'établissement et au soutien des écoles et séminaires, qu'on va fonder dans les différentes provinces de ce vaste empire.

La couronne gagne par cette espèce de sécularisation des biens de l'église en fonds de terre après tous les rabais plus d'onze cent mille Roubles par an et le clergé étant mis à présent dans la liste des pensionnaires, est réduit en quelque façon à une dépendance aveugle de la volonté du souverain de Russie, qui, par l'arrangement, qu'on vient de prendre, peut faire retarder le payement de leurs appointements selon son bon plaisir et l'obliger par-là d'une manière indirecte de passer par-là, où il le juge à propos.

Sa Majesté Impériale à secoué ainsi un joug, qui a souvent posé à ses antécesseurs à l'empire. Les clairvoyans de la nation n'en sont pas trop réjouis parce que les souverains de Russie, n'étant pas bornée dans leur pouvoir par aucune loi fondamentale de l'état et leur volonté journalière étant l'arbitre suprême du sort du tout et d'un chacun en particulier ont été jusqu'à présent souvent retenus dans l'exercice de leurs résolutions arbitraires par la considération, l'influence et les richesses, dont la hiérarchie jouissoit dans l'empire et qui, vu son empressement connu à se mêler du tout, mettoit par con-

---

1) *Дрезд. Архивъ*, vol. I, № 32.

séquent une sorte de frein à leur despotisme. Mais à présent le clergé, étant rangé parmi ceux qui reçoivent du pain des mains des souverains, sera obligé pour avoir de quoi vivre de chanter comme les souverains le voudront. Il n'y a pour la suite des tems plus aucune barrière qui pût les retenir ou les forcer à user de modération.

Les clairvoyans de la nation, dis-je, en appréhendent les suites. Ils auroient souhaité que la liberté civile et polititique eût été bien définie et fixée, avant qu'on en fût venu à dépouiller les prêtres de leurs richesses et à les contraindre par-là à n'en point abuser et qu'alors cet arrangement n'eût pu qu'être salutaire et utile.

On assure, que la couronne gagnera en peu d'années le double ou le triple de la somme, qu'elle reçoit à présent des biens jadis appartenants à l'église par la bonne économie qu'on se propose d'y introduire.

Je suis etc.

le Comte de Sacken.

8.

à St.-Pétersbourg, le 26 Juin 1764 [1]).

Monsieur le conseiller de la cour Odart vient dans le moment m'annoncer son départ fixé à ce soir à neuf ou dix heures. Il m'a dit, qu'il passeroit par Dresde et qu'il auroit l'honneur de vous faire sa cour.

Je l'ai prié de vous faire un tableau au naturel, Monseigneur, de la situation singulière de cette cour ici et de ses dispositions peu favorables, à notre égard et surtout à celui de nos alliées. Comme il part d'ici outré et aigri en possible, il le chargera un peu, mais Votre Excellence demêlera aisément avec ses grandes lumières le vrai et l'essentiel. Quoique il

---

[1]) *Дрезд. Архивъ*, vol. I, P. S. ad № 82.

paroîsse très porté pour nous, il est pourtant bon d'être sur ses gardes avec un homme du caractère de M-r Odart, auquel Votre Excellence, j'ose m'en tenir assuré, fera un accueil gracieux et qui put le flatter.

On ignore s'il reviendra ou non. Il n'aime ni M-r Panin, ni M-me Daschkow et méprise prèsque toute la nation Russe.

Je suis etc.

V.

Бумаги, относящіяся къ воцаренію Екатерины II.

I.

Письмо И. И. Неплюева Н. И. Панину.

(*Госуд. Архивъ*, III, 12).

Милостивой Государь мой Никита Івановичъ.

Присемъ ісъ приложенного, которое орегинально прилагаетца, усмотреть ізволите, но оные не тѣ, которые арестованы, но видъ подателя сего принадлѣжитъ до того, которой въ мундире въ Раниэнбоумъ уехалъ, какие принадлежитъ въ томъ предприять предосторожности.

Ежели возможно увѣдомить насъ о вседражайшемъ і высочайшемъ здравіи Ея Імператорскаго величества и где обретатца ізволитъ, что отъ всеподданнѣйшей нашей рабской должности къ общему нашему спокойствию распаленными серцами желательно, о чемъ ваше превосходительство покорно просить дерзаю ібо сего дня слышна была пальба по мнению въ Петергофе, но подлинно и по сей часъ не знаемъ.

Здесь за помощию Божиею обстоитъ благополучно, а я есмь съ совѣршеннымъ почтениемъ

Милостивой Государь мой
вашего превосходительства
„покорнейшій и преданнейшій
„Иванъ Неплюевъ“.

С. П. Б.
іюня 29 дня
1762 году
въ четвертомъ часу.

2.

Письмо Глѣбова Корфу.

(*Архивъ Сената*, т. XIV, л. 37).

Милостивый государь мой Николай Андрѣевичь, сейчасъ получилъ я высочайшѣе Ея імператорскаго величества повелѣние чтобъ все кабаки держались запертыми впредь до указу, о чемъ отъ меня лейбъ-гвардіи секундъ-майору князю Гагарину и каморъ канторѣ знать дано, а вашему высокопревосходительству къ непременному исполнѣнию симъ сообщаю. А какъ здесь въ Петербурге около дватцати ерберговъ имѣется, кои малымъ чемъ отъ кабаковъ рознятся продажею въ оныхъ разныхъ пьяныхъ напитковъ, то і со оными равно какъ съ кабаками поступить слѣдуетъ. Впротчемъ пребывая з должнымъ почтениемъ

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя моего
покорный слуга
„Александръ Глебовъ“.

1 іюля 1762.

3.

Extrait d'une lettre de Pétersbourg, du 2 (13) Juillet.

(*Дрезд. Архивъ*, vol. VII, ad № 58).

Le 9, la veille du St. Pierre, à neuf heures du matin l'Empereur commanda encore lui-même la parade des troupes de Holstein. A dix heures précis Il partit d'Oranienbaum accompagné de six carosses. Dans son carosse la Freile et Goudowicz, dans les autres la grande-chancellière, la Hettmanne, la comtesse Brusse, la princesse de Holstein veuve, la Stroganoff

et plusieurs autres Dames. A moitié du chemin d'Oranienbaum à Péterhof, un du parti de l'Impératrice vient de la trahir, pour l'avertir de ce qui se passoit à Pétersbourg. Il expédia tout de suite deux de ses favoris avec des ordres, mais ils furent arrêtés. Il se rendit à Péterhof dans l'apartement de l'Impératrice où il ne trouve que les bijoux et l'habit de galla pour le lendemain. Il demanda où elle étoit, le valet de chambre lui dit, qu'il la croyoit au jardin. Il le parcourût en forcené, mais elle étoit déjà partie la nuit pour Pétersbourg avec un des trois frères Orloff, la soeur de la Freile, la princesse Daszkow, qui a tout fait et avoit accompagnée l'Impératrice, et elles étoient habillées toutes deux en uniforme d'homme. Le peuple pleuroit de joye. Outre les troupes, il y avoit encore 20,000 hommes de populace armés de batons, criant „Vive notre chère Mère"!

Le dessein de l'Empereur étoit de faire couper les cheveux à l'Impératrice le lendemain et mettre la favorite sur le thrône. L'on assure même qu'il l'avoit épousé après avoir changé la religion; que tous les Russes y auroient été forcés et l'Impératrice avec le Grand-Duc envoyée en Sybérie.

Le public même assure, qu'il ávoit promis aux dames de les remarier à leurs amans.

En le conduisant il n'y a sorte d'infamies que le peuple ne lui ait dit, et sans la forte escorte qui le gardoit, on l'auroit mis en pièce.

L'Empereur ayant vu que les affaires étoient trop embrouillées pour y remédier, embarqua dans une galère avec tous ses amis faux ou vrais pour Cronstadt. La garnison le voyant approcher, demanda qui vive. — Pierre III. — Nous ne connaissons d'autres Maîtres que Catherine II et si vous ne vous retirez l'on va vous couler à fond. Il prit parti de rebrousser chemin à Oranienbaum.

Il était 4 heures du matin lorsque je le vis venir par le jardin. La favorite conduite par Lof Alexandriz[1]), avoit un manteau rouge et un mouchoir autour de la tête, toute en pleurs. L'Empereur la suivit avec 4 autres à pied, toute la trouppe pleurant, prit le chemin du palais.

---

[1]) Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

Il écrit une lettre fort soumise à l'Impératrice pour lui demander la vie pour lui, sa belle et deux favorits.

Le lendemain il fuf conduit avec la Freile et Goudowitz à Péterhof ou se trouvoit l'Impératrice avec 16 à 20,000 hommes. L'on ignore si Elle lui a parlé, mais il est constant, qu'il a signé tout ce que l'on a voulu.

De là il fut transféré à la forteresse de Pétersbourg.

Le prince George, qui a voulu s'opposer, a été assez mal traité par les soldats, mais on n'a rien fait au prince de Beck, qui va à la Cour, mais partira bientôt; mais pour le prince George il est toujours arrêté et Dieu sait quel sera son sort.

Sa Majesté a fait grâce aux Nariskin, mais on ignore la destiné des arretés dont le nombre est grand.

L'on est occupé a faire le procès à l'Empereur, l'on ne sait pas encore quel en sera le résultat.

Toutes les troupes de Holstein ont été désarmées. Les officiers vont etre renvoyés à Holstein à ce que l'on dit.

La princesse Daszkoff qui a conduit toutte l'affaire a reçu le cordon de St. Catherine, qui a été arraché à sa soeur, de meme que le portrait de feu l'impératrice. La grande-chancellière a rendu son cordon, qui lui a été rendu par Sa Majesté.

4.

Списокъ награжденій отличившимся въ Кронштадтѣ [1]).

(*Архивъ Сената*, т. 176, л. 4).

Достоинъ двоякаго повышенія и годоваго оклада жалованья.

При его высокопревосходительствѣ Иванѣ Лукьяновичѣ Талызинѣ былъ за адъютанта лейтенантъ Андрей Елец-

[1]) „Въ Правительствующій Сенатъ изъ Адмиралтейской коллегіи Репортъ: Сего іюля 6 числа въ адмиралтействъ-коллегіи господинъ адмиралъ и кавалеръ Талызинъ предложилъ съ Высочайшею Ея Императорскаго Величества апробаціею, за подписаніемъ Собственныя Ея Императорскаго Величества руки, о всемилостивѣйшемъ пожалованіи бывшихъ въ Кронштадтѣ при порученной его превосходительству особой коммисіи офицеровъ чинами и де-

кой, оный же былъ посыланъ съ репортомъ къ Ея Императорскому Величеству.

„Чинъ и годовое жалованье“.

Чинъ и жалованье годовое.

При его превосходительствѣ Семенѣ Ивановичѣ Мордвиновѣ былъ за адъютанта унтеръ-лейтенантъ Данила Волчковъ.

„Чинъ и двугодовое жалованье“.

Два чина и годовое жалованье.

Секретарь корабельный Ѳедоръ Кадниковъ посланъ былъ съ ордеромъ въ Кронштадтъ отъ его высокопревосходительства Ивана Лукьяновича о невпущаніи и выпущаніи никого, который былъ арестованъ и отвезенъ подъ карауломъ въ Ораніенбаумъ.

„Чинъ и два года жалованье“.

Двойной чинъ и годовое жалованье.

Мичманъ Михайла Кожуховъ поставленъ былъ на бастіонѣ на караулѣ, къ которому мѣсту бывшій императоръ пріѣзжалъ и онъ его по многому прошенію въ гавань не пустилъ.

„Два чина два года жалованье“.

Чинъ и годовое жалованье.

Подпоручикъ Безбородовъ былъ на караулѣ у его высокопревосходительства и при всѣхъ случаяхъ своимъ фрунтомъ былъ въ употребленіи.

„Чинъ и два года жалованье“.

Чинъ и годовое жалованье.

За дежуръ-маіора былъ при мнѣ флота лейтенантъ Каняевъ, который при томъ случаѣ во всѣхъ повелѣніяхъ поступалъ съ крайнею ревностію.

„Чинъ и годовое жалованье“.

„Екатерина“.

Іюля 4 дня 1762 года.

нежнымъ награжденіемъ, списокъ, съ коего Правительствующему сенату коллегія адмиралтейская взноситъ при семъ точную копію“.

5.

Награжденіе казаковъ за петергофскій походъ[1]).

(*Архивъ Сената*, т. 176, л. 230).

Находящіеся въ С. Петербургѣ нижеписанные минувшаго іюня 28 дня въ походѣ до Петергофа и обратно были:

Войска донскаго войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ; старшина Михайла Поздѣевъ; войсковой дьякъ Иванъ Яновъ; походные есаулы: Семенъ Сулинъ и Иванъ Горбиковъ; казаки: Дмитрій Иловайскій, Иванъ Платовъ, Никифоръ Леонтьевъ, Василій Манковъ, Дмитрій Карповъ, Василій Дроновъ, Матвѣй Жмуринъ, Карпъ Денисовъ, Фирсъ Антоновъ, Степанъ Барановъ, и Яковъ Сулинъ. Яицкаго войска старшина Алексѣй Митрясовъ.

Да сверхъ того, находящіеся въ С.-Петербургѣ Зимовой станицы Гребенскаго войска: атаманъ Филипъ Ивановъ, есаулъ Михайла Залатухинъ, писарь Афанасій Ивановъ; Терскаго семейнаго: атаманъ Василій Вавастьяновъ, есаулъ Михайла Ивановъ, писарь Игнатій Григорьевъ. Оные старались же быть въ походѣ, но за несыскомъ лошадей не были.

Войсковому атаману саблю съ серебряною оправою съ высочайшимъ именемъ Ея Императорскаго Величества.

Старшинамъ по золотой медали.

Казакамъ по 10 руб., противъ гвардіи солдатъ.

„*Екатерина*“.

Въ военной коллегіи полученъ іюля 7 дня 1762 г.

---

[1]) Списокъ наградъ былъ поднесенъ императрицѣ военною коллегіею; по утвержденіи представленія, военная коллегія послала высочайшій указъ „на особливое правительствующаго сената разсмотрѣніе“, такъ какъ коллегія недоумѣвала „во сколько вѣсомъ медали дѣлать“.

6.

Письмо Балабина[1]) Болотову.

(Изъ частнаго архива).

Государь мой,
Андрей Тимофѣевичъ!

Приятное Ваше письмо я съ особливымъ удоволствиемъ получилъ; радуюсь, что вы въ добромъ здоровьи приехали, и поздравляю Васъ съ темъ удовольствиемъ, которое вы въ тишинѣ при приятныхъ приемахъ вашихъ дорогихъ родственниковъ имеете, и желаю Вамъ тѣмъ столько пользоваться сколько хотите. Изрядное мѣсто! для Ш.** и М**. За ихъ поклонъ и я имъ мое почтение представляю; небось тамъ і красавице не скучно, она забавляется деревенскимъ уѣдинениемъ, и о палантинахъ и всякихъ пышныхъ уборахъ не много думаетъ; только, жаль, не знаю, родятся ли тамъ розы? — Бѣдной-то было бы ей скучно.

Крестинѣ Ивановнѣ и Марьѣ Ивановнѣ Ваши поклоны обьявилъ, и Марья Ивановна сама ихъ прочитала, о чемъ много за то благодарили і вамъ премножество поклоновъ съ некоторыми поцалуями посылаютъ; Лангъ[2]) и Шульцъ[3]) кланяются и также благодарятъ, да і всѣ нашей артели кляняются вамъ і за ваше напоминание благодарятъ. Иванъ Яковлевичъ благодаритъ же за письмо, только ты Въ его письмѣ не то пишешъ, что ко мнѣ — почему такъ? Я не надеюсь, чтобъ и это мое письмо тебя въ деревнѣ застало, ты убираешся скоро въ Москву.

Здесь мы всѣ, кои отъ тебя остались, въ добромъ здоровьи находимся, и все почти также по прежнему: я

---

[1]) Ивана Тимофѣевича, генеральсъ-секретаря при петербургскомъ генералъ-полицiймейстерѣ баронѣ Н. А. Корфѣ.

[2]) *Лангъ*, оберъ-квартирмейстеръ.

[3]) *Шульцъ*, приватный секретарь генералъ-полицiймейстера Корфа.

еще никуда не определенъ, а Секретарь[1]) и Оберъ Аудиторъ[2]) къ полиции определены, Шульцъ никуда же, князь[3]) въ Астраханскій полкъ.

Это правда, что здесь перемена такая зделалась, что и примера ей никогда не было, знатно уже самимъ Богомъ сработано. Провиденіе генерала теперь далеко простирается; помнишъ мы дивились, для чего мы, говорилъ, неопасаемся, а сами тому притчины не ведаемъ, такъ знатно всеми серцами одинъ духъ владѣлъ, — вотъ какъ и сдѣлалось. О чемъ много бы описывать ежели бы обстоятельно тебя увѣдомлять. Однако жъ приложенные при семъ печатные листы довольно вамъ тайности откроютъ, а я только начало и некоторые обстоятельствы вамъ опишу.

Какъ уже всемъ известно было, что бывшаго Императора правление было съ немалымъ нерадениемъ всего нащего отечества, а старался вкоренить совсемъ иное не съ доброю экономиею, ниже съ любовию нашей націи не сходное, наконецъ почти явно пренебрегалъ нашу вѣру и церковныя преданія. Отъездъ его въ Ораніенбаумъ къ тому не малою уже притчиною былъ; ибо онъ, какъ сказываютъ, имеющуюся тамо нашу церковь сдѣлалъ тевтонскою, и не задолго прежь его низверженiемъ съ нѣкоторыми къ той вѣрѣ приступилъ, въ которомъ числѣ, говорятъ, Лизавета[4]) была, Мельгуновъ и Гудовичъ. Также слышно было будто онъ намеренъ былъ действительно жениться на Лизаветѣ, а другіе болтаютъ, что уже по тевтонски совершено было, къ чему не малое подозрение подало то, что ей уже въ Ораніенбаумѣ знамена приклоняли. Съ нынешнею же нашею всемилостивейшею Монархиней намеренъ былъ самое пребеззаконное дѣло учинить, а имянно заколоть, — къ чему будто уже Гудовичъ, а потомъ Мельгуновъ и подосланы были, которые, за день предъ тою переменою, и действительно одинъ послѣ

---

[1]) Иванъ Яковлевичъ *Гавриловъ*, секретарь при бар. Корфѣ.

[2]) *Ушаковъ*, оберъ-аудиторъ при управленіи Корфа.

[3]) Кн. *Урусовъ*, флигельсъ-адъютантъ Корфа.

[4]) Графиня Елизавета Романовна Воронцова.

другаго были, только не ізволила ихъ допустить до себя, а она ізволила находиться въ Петергофѣ; и знатное дѣло-то совсемъ на то походило, и конечно до крайности дошло, что уведали доброжелатели нашему отечеству, чему началомъ былъ Кирила Григорьевичъ Графъ Разумовскій, я тутъ обстоятелно совсемъ не знаю.

Но это было только 28-го числа весьма рано поутру: пріѣхалъ Орловъ и Государиню увезъ въ чужомъ экипаже въ Петербургъ, и прямо въ Измайловскій полкъ, гдѣ приведши всѣхъ офицеровъ къ присягѣ, пошли со всемъ полкомъ ко Дворцу и следуя изволила у Вознесенья молебенъ слушать, а у Казанской обѣдню. Между тѣмъ, всѣ Гвардіи полки собрались, потомъ, съ превеликимъ кричаниемъ ура, и всѣ присягу учинили. Такъ удивительно что ни одинъ ни какой противности не показалъ — всѣ будто давно сговорившись были.

При семъ случаѣ надобно про себя сказать: это дѣлалось здесь въ Петербургѣ, въ 1-мъ часу — тревога преужасная происходила, сижу въ моей коморкѣ, убираю волосы и ничего не знаю; а вдругъ одѣвшись уже совсемъ, вышелъ я на дворъ — спрашиваю: съехалъ ли уже Генералъ? — сказываютъ мнѣ, лишь въ сіе мновеніе нашего Генерала арестовали; — примени себѣ, что было мнѣ думать? — вдругъ вижу принца Жоржа[1]) со всѣмъ его штатомъ у насъ, и пехотной гвардіи караулъ у нашихъ дверей: потомъ и множество конной гвардіи приехали и взяли принца со всѣмъ его штатомъ. Сей принцъ, услыша необычайный шумъ, пріехалъ къ нашему генералу и спрашиваетъ Корфа: Was ist das? — тотъ съ удивленіемъ отвѣтствуетъ: Ich weiss nichts. Въ самое это время гвардіи офицеръ съ командою пришелъ и взялъ нашего Генерала; его было приказано честнымъ образомъ во Дворецъ позвать, а въ случае бы противности употребить принужденіе, а офицеръ, дуракъ, безъ всякой притчины и шпагу снялъ, да и во Дворецъ такъ привезъ, однакожъ Государиня тотъ-часъ ему шпагу отдала, и онъ при ней во все

---

[1]) Принцъ Георгъ-Людвигъ Голштинскій, дядя Петра III, генералъ-фельдмаршалъ.

время находился, а въ вечеру и Сенаторомъ пожалованъ. И такъ какъ я сію перемену услышалъ, причудное мнѣ въ голову вступило, я тотъ-часъ сталъ спрашивать, прибранъ ли уже тотъ, то есть бывшій-этъ — сказали: онъде и незнаетъ, въ Ораніенбаумѣ, тутъ-то было чего думать; представь себѣ какихъ следствій отъ такого случая надобно ожидать, — однимъ словомъ въ превеликомъ я страхѣ былъ и находился безотлучно въ своей каморѣ, куда и Иванъ Яковлевичъ ко мнѣ приходилъ, и мы оба въ глубочайшее разсужденіе вступили. Причина нашего сиденья въ моей каморѣ была та что весь нашъ домъ обступленъ былъ рейтарами, по причинѣ бытности у насъ Принца Жоржа, и знаешъ какъ при семъ случаѣ подлость наша поступаютъ, что стали было и обиды въ домето делать, однакожъ все сіе миновалось сверхъ нашего чаянія наиблагополучнейшею тишиною.

Какъ здесь сіе знатное дѣло происходило, накануне бывшій Императоръ былъ подгулявши и спалъ въ тотъ день до 11-ти часовъ, туда уже и вѣсти пришли; сказываютъ, ему, что Государыни въ Петергофе нетъ, и докладываютъ, объ этой перемене, онъ самъ поѣхалъ въ Петергофъ, и какъ ее не нашелъ, и между тѣмъ ему и обстоятельно докладываютъ, то тотчасъ онъ бросился въ Ораніенбаумъ и разставя вездѣ въ порядокъ къ оборонѣ своихъ Голштинцевъ, самъ сѣлъ съ Лизаветою и со всеми его приближенными, также очень много было господъ и дамъ знатныхъ, — со всѣми сѣлъ на галеру и поѣхалъ въ Кронштадтъ, куда подъѣхавъ, окликаютъ его: что за люди? ответствуютъ солдаты: чьи? — Петра третьяго. Нѣтъ у насъ Императора! у насъ Императрица Екатерина Алексѣевна. Въ Кронштадтъ былъ посланъ Вице-Адмиралъ Талызинъ и онъ уже тамо обнародовалъ, а посланнаго прежде изъ Ораніенбаума Генерала графа Девіера, для укрепленія сего города, арестовалъ, и такъ уже Кронштадтъ нашъ сталъ. Какъ онъ эти вѣсти услышалъ, сталъ кричать: такъ вы свою присягу соблюдаете! — Однако тамо ему отказываютъ: отваливай прочь, или станемъ ядрами стрелять; онъ, въ превеликой горести будучи, возвратился въ Петергофъ, и тутъ уже совсемъ унылъ,

и сказываютъ говорилъ такую нелепость, что и слушать не пригоже.

Между тѣмъ уже ввечеру, какъ все здѣсь приведено въ порядокъ, и Государыня изволила въ гвардейскомъ стараго манера Офицерскомъ мундирѣ по всѣмъ полкамъ, кои около дворца стояли, объехать, со всѣми полками изволила подняться къ Ораніенбауму, съ превеликою артиллеріею, и какъ тамъ онъ услышалъ, что дело то уже зделано, приказалъ всемъ карауламъ положить ружія, а самъ взявъ съ собою Лизавету и Гудовича въ карету и пріехалъ самъ съ повинною. Протчее усмотришъ изъ общаго манифеста.

Онъ былъ взятъ и отвезенъ въ Ропшу, гдѣ Дворецъ построенъ, въ 40 верстахъ отъ Санктпетербурга; тамъ онъ находился 7 дней, въ восьмой скончался, и сказываютъ безъ всего, ибо при концѣ его жизни представляли ему, чтобы призвать духовника, а онъ сказалъ я всякаго лучше попа, и такъ скончался безъ покаяния. Привезенъ былъ въ Невскій монастырь и положенъ въ гробѣ обитомъ малиновымъ бархатомъ съ серебромъ. Весь городъ ходилъ прощаться три дни, нашъ тоже былъ на погребении вчера, народу болшое множество было. Государыни неможелось отъ грустныхъ обстоятельствъ разныхъ и на похоронахъ присудствовать не ізволила. Сказываютъ старый графъ[1]) плакалъ какъ прощался.

Вотъ какіе обстоятельствы і какіе перемены безъ васъ произошли, благодарить Бога нужно, совсемъ спокойно. Теперь какъ ничего і не было, живемъ по старому и ждемъ определеней. Отпишите при случае и т. д.

Ив. Балабинъ.

С.-Петербургъ
11 июля 1762 году.

---

[1]) Вѣроятно, графъ Б. Х. Минихъ, фельдмаршалъ.

7.

Награды бывшимъ лейбъ кампанцамъ.

(*Архивъ Сената*, т. 176, л. 25).

Именной списокъ бывшаго корпуса лейбъ компаніи разнымъ чинамъ, которые находились въ отставкѣ, и при благополучномъ Вашего Императорскаго Величества на всероссійскій Императорскій престолъ восшествіи были и всемилостивѣйше пожалованы кавалергардами, но за долговременною службою, за разными болѣзнями службу продолжать не могутъ.

а именно:

Преміеръ-маіоръ и бывшей Лейбъ компаніи капралъ Григорій Бутлеровъ.	Оный, какъ человѣкъ малопомѣстный, къ тому жъ онъ еще съ начала учрежденія Лейбъ компаніи: не соизволите ль указать наградя подполковничьимъ чиномъ отставить, съ произвожденіемъ, по смерть, по тому чину половиннаго жалованья.
Коллежскій ассесоръ и бывшей Лейбъ компаніи писарь Григорій Роговъ.	По его прежнимъ желаніямъ, какъ о немъ въ особливомъ докладѣ значитъ; и не соизволите ль указать наградить его рангомъ надворнаго совѣтника.
Секундъ-маіоры и бывшіе гренадеры:	
Алексѣй Вороновъ.	Не соизволите ль, какъ онъ еще съ начала былъ Лейбъ компаніи, отставить преміеръ-маіоромъ, съ половиннымъ жалованьемъ.
Андрей Лютовъ, Иванъ Михайловъ, Осипъ Васильевъ, Андрей Кривцовъ,	Не соизволите ль указать, по ихъ желаніямъ, отставить въ московскій гвардіи баталіонъ и съ жалованьемъ по тому чину.
Иванъ Решоткинъ.	Наградя премьеръ-маіоромъ, съ

	половиннымъ жалованьемъ по тому чину, вовсе отставить.
Капитаны и бывшіе гренадеры:	
Юрій Трофимовъ Иванъ Воропановъ Петръ Муромцевъ Прокофій Сорокинъ Михаилъ Суриновъ титулярный совѣтникъ и гренадеръ Григорій Трофимовъ.	Не соизволите ль, Ваше Императорское Величество, оныхъ, наградя секундъ-маіорскимъ рангомъ, отставить и, за неимѣніемъ пропитанія, изъ матерняго милосердія всемилостивейше указать производить половинное жалованье.
Капитаны и гренадеры:	
Федоръ Новиковъ.	Наградя чиномъ секундъ-маіора и, по его желанію, не соизволитель указать опредѣлить въ Володиміръ къ подушному сбору.
Алексѣй Варлашовъ.	Какъ онъ еще службою молодъ, по его желанію, въ заграничную армію тѣмъ же чиномъ и на исправность его не соизволите ль указать выдать, не въ зачетъ, за треть жалованье.
Аверкій Обрушниковъ.	Какъ онъ въ Лейбъ компаніи служилъ малое время, тѣмъ же чиномъ и не соизволите ль указать опредѣлить, по его желанію, къ здѣшнимъ кирпичнымъ заводамъ.
Титулярные совѣтники:	
Иванъ Вятченинъ.	Секундъ-маіоромъ и въ Енисейскъ воеводою.
Анисимъ Хлѣбниковъ.	Секундъ-маіоромъ, по его желанію въ городъ Унжу воеводою.
Егоръ Шаргинъ.	Секундъ-маіоромъ и въ городъ Ярославль полиціймейстеромъ.
Федотъ Глазатовъ.	Секундъ-маіоромъ, въ дворцовыя осеченскія волости управителемъ.

Петръ Жеребцовъ.	Секундъ-маіоромъ же и, по его прежнему желанію, къ дѣламъ.
Никита Уваровъ.	Въ Калугу полиціймейстеромъ, съ награжденіемъ секундъ-маіорскаго ранга.
Герасимъ Чуксинъ.	Въ Московскій гвардіи баталіонъ поручикомъ и по тому чину жалованьемъ.
Поручики и гренадеры:	
Григорій Кологривовъ.	Капитаномъ при прежнемъ мѣстѣ, въ командѣ бригадира Суворова.
Козма Гордѣевъ.	Въ вѣдомство канцеляріи боровицкихъ пороговъ, въ Кошкинскую пристань, съ награжденіемъ капитанскаго ранга.
Михаилъ Кирѣевъ.	Капитаномъ на свое пропитаніе.
Иванъ Никулинъ Андрей Шарыгинъ Борисъ Волоцкой.	Капитанами, вовсе въ отставку, съ половиннымъ жалованьемъ.
Дмитрій Хлѣбниковъ.	Капитаномъ и воеводою въ городъ Чухлому.
Николай Каптыревъ.	Капитаномъ, вовсе въ отставку, съ половиннымъ жалованьемъ.

Итого всѣхъ чиновъ 34 человѣка.

Графъ *Иванъ Гендриковъ.*

Поднесенъ іюля 11-го 1762 года.

8.

Судьба голштинскаго отряда.

(*Архивъ Сената*, т. 176, л. 38.)

Въ Правительствующій Сенатъ отъ генералъ-поручика, сенатора, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка премьеръ-маіора и кавалера Суворова.

Доношеніе.

Сего іюля 7-го дня Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая Государыня всевысочайше указать соизволила: бывшихъ въ Голстинской службѣ военныхъ служителей, арестованныхъ въ Ораніенбаумѣ, малороссійской, лифляндской, эстляндской, финской націи и тѣхъ, кои въ Россіи родились, генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ отослать въ военную коллегію, гдѣ имъ всѣмъ дать паспорты; унтеръ-офицеровъ, солдатъ и другіе нижніе чины отослать: великороссійскихъ, положенныхъ въ подушный окладъ, въ здѣшнюю губернскую канцелярію, гдѣ разсмотря разослать и роздать въ тѣ мѣста, куда это по указамъ принадлежитъ; малороссіянъ же къ его сіятельству, господину генералъ.фельдмаршалу и кавалеру графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому; курляндцевъ, эстляндцевъ и лифляндцевъ въ военную коллегію, коихъ оной разослать въ тѣ губерніи, а военныхъ разсмотря разослать и роздать въ тѣ мѣста, куда кто принадлежитъ по указамъ; разныхъ націй разночинцевъ, уроженцевъ петербургской, московской и прочихъ великороссійскихъ городовъ протестантскаго и другихъ законовъ (кромѣ греческаго) отослать въ здѣшнюю магистратскую контору для разсылки ихъ въ тѣ мѣста, къ которымъ они прежде принадлежали, разночинцевъ же россійскихъ и воспріявшихъ вѣру греческаго исповѣданія иностранныхъ, кои отъ своихъ господъ увольнительныя письма имѣютъ, въ военную коллегію, гдѣ разсмотря, буде увольнительныя ихъ письма правильныя, всѣхъ написать въ салдаты и другіе нижніе чины и опредѣлить въ гарнизоны внутренніе (кромѣ московскаго), а имѣющихъ неправильныя увольненія, разослать и раздать туда, кто куда по указамъ принадлежитъ.

И во исполненіе онаго Ея Императорскаго Величества всевысочайшаго указа, показанные бывшіе въ голстинской службѣ генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры всѣ въ военную коллегію, а унтеръ-офицеры и другіе нижніе чины и рядовые, по разбору мною, малороссіяне къ его сіятельству, ясновельможному гетману, генералъ-фельдмаршалу и кавалеру, графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, а другіе, куда кто до разсмотрѣнія и распо-

ряженія слѣдуетъ, въ военную коллегію, въ магистратскую контору и въ губернскую канцелярію отосланы, гдѣ о нихъ и разсмотрѣніе чинится. Отправленныхъ же отъ меня изъ Ораніенбаума бывшихъ въ голстинской службѣ, также и послѣ прибывшихъ въ Кронштадтъ генералитетъ, штабъ, оберъ, унтеръ-офицеры, солдаты и прочіе нижніе чины, кромѣ природныхъ подданныхъ, отъ Ея Императорскаго Величества велѣно изъ Кронштадта отпустить въ Голстинію съ генераломъ Шильдомъ водою, на партикулярныхъ купеческихъ судахъ, заплатя за провозъ судовщикамъ обыкновенную плату, на что изъ кабинета Ея Императорскаго Величества и денегъ четыре тысячи отпущено и въ Кронштадтъ къ исправляющему комендантскую должность полковнику Щербачову отосланы.

Да іюля 16 дня Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила съ находившимися-жъ въ голстинской службѣ военно-служащими, кои находятся въ Ревели и Нарвѣ, учинить противъ вышеписаннаго; и по силѣ того всевысочайшаго указа, того-жъ числа въ ревельскую губернскую и въ нарвскую гарнизонную канцелярію письменно предложено, дабы оныя, въ силѣ вышеписаннаго всевысочайшаго указа, въ разобраніи и объявленіи бывшихъ въ голстинской службѣ военныхъ людей благоволили учинить самоскорѣйшее разсмотрѣніе, которые дѣйствительно принадлежатъ въ подданство Ея Императорскому Величеству, выключая изъ того лифляндцевъ и эстляндцевъ, всѣхъ отправить въ С.-Петербургъ, а лифляндцевъ и эстляндцевъ, не отсылая сюда, разослать и роздать тѣмъ и въ тѣ мѣста, кому и куда оные по указамъ принадлежатъ, и кто кому и куда отданъ и отправленъ будетъ, сообщить ко мнѣ; а прочихъ, яко голстинцевъ и иностранныхъ націй, отпустить всѣхъ въ Голстинію на партикулярныхъ купеческихъ судахъ, поруча оныхъ изъ тѣхъ же арестованныхъ старшему офицеру, снабдя паспортами, давъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ на пропитаніе сухарей и крупъ, противъ солдатскихъ дачъ, недѣли на двѣ, а за провозъ оныхъ арестованныхъ заплатить надлежащую плату, безъ передачи, съ росписками.

А 18 числа іюля, на полученную къ Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ отъ вице-адмирала и кавалера Полянскаго реляцію, о пришедшемъ къ ревельскому порту любскомъ торговомъ галліотѣ, на которомъ привезено голстинскаго войска до ста пятидесяти человѣкъ, и что еще везется на судахъ въ Ревель изъ Голстиніи войска до пятисотъ человѣкъ, которыми командуетъ генералъ-лейтенантъ Кетенбургъ, Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила объ ономъ прибывшемъ и впредь прибывающими въ Ревель голстинской службы генералитетомъ, штабъ, оберъ- и унтеръ-офицерами и рядовыми, по сношенію съ ревельскою губернскою канцеляріею, учинить противъ вышеписаннаго-жъ. И того жъ числа, въ силу онаго всевысочайшаго Ея Императорскаго. Величества и съ прописаніемъ вышеизображенныхъ именныхъ указовъ, къ нему, вице-адмиралу и кавалеру Полянскому, отъ меня сообщено.

Того ради, правительствующему сенату, съ прописаніемъ выше писанныхъ всевысочайшихъ Ея Императорскаго Величества данныхъ мнѣ указовъ и по онымъ моего исполненія, во извѣстіе симъ доношу.

Василій Суворовъ.

Іюля 22-го 1762 года.

9.

Безвѣстная посылка въ Шлюссельбургѣ.

(*Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 4-я; *Архивъ Сената*, т. 176, л. 107).

Указъ Нашей военной коллегіи.

По полученіи сего Нашего указа, коллегія учинить имѣетъ немедленно слѣдующее:

1) Ингерманландскаго пѣхотнаго полка оберъ-офицеровъ поручика Данилу Власьева произвести въ капитаны, подпоручика Луку Чекина въ поручики, выдавъ имъ заслуженное ихъ жалованье по ихъ окладамъ, считая мая съ 1-го числа 1761 года по мая же 1 число сего 762 года,

первому сто пятьдесятъ одинъ рубль тридцать пять копѣекъ, а другому сто семьдесятъ рублей десять копѣекъ, да обоимъ деньщичьяго за провіантъ съ 758 года мая съ 1-го по августа 1 число сего 762 года, и числить обоихъ въ комплектѣ, не обходя въ произвожденіяхъ по полку.

2) Произвести астраханскаго пѣхотнаго полка каптенармуса Василія Аверина въ сержанты, ингерманландскаго пѣхотнаго полка капрала Ивана Матюшова въ подпрапорщики и отпустить ихъ вѣчно въ домы свои, давъ имъ заслуженное по день отпуска жалованье и указы каждому откровенные.

3) Астраханскаго пѣхотнаго полка солдатъ Филипа Щербакова, Петра Алексѣева, Игнатія Котыгина, Филипа Гунина, Семенникова, Степана Кошечкина, Ивана Копыльцова, Захара Петрова, Нестера Гуткова, да ингермонландскаго пѣхотнаго полка Илью Кочергина, Митрофана Чуняева, Ефима Волкова, Козьму Спутникова, Антропа Трухина, Ефрема Муравьева, Евдокима Балахнина, Ивана Бѣсова, Ивана Блохина, Мартына Роскова, Якова Шаламова, Антона Семенова, Сафрона Иванова, и того двадцать два человѣка, также отпустить въ вѣчную отставку отъ всякой службы и по день отпуска ихъ выдать имъ заслуженное ихъ жалованье, давъ каждому указъ о свободномъ ихъ житіи на прежнихъ ихъ жилищахъ и чтобъ ихъ никто ни въ какія службы не опредѣлялъ по смерть ихъ.

4) Какъ жалованье оберъ-офицерамъ, каптенармусу, капралу и солдатамъ, такъ и каждому, кому здѣсь повелѣно дать откровенные указы, прислать и Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Панину дать и въ предь же находящимся въ таковыхъ безвѣстныхъ посылкахъ по вѣдомствамъ его же, сенатора Панина, военнымъ чинамъ и солдатамъ отпускать жалованье заслуженное къ нему, Панину, безъ задержанія.

И сіе все коллегія учинить имѣетъ немедленно.

„*Екатерина.*“

1762 года
іюля 20 дня.

10.

Разыскиваніе золотой державы.

(*Госуд. Архивъ*, III, 12).

Государь мой милостивый
Адамъ Валильевичь [1]),

Вашего превосходительства почтенное писание изъ Подлитовья отъ 5-го сего текущаго сентября чрезъ нарочно отправленнаго куриера измайловскаго полку капрала Косачева сего утра рано имѣлъ честь получить, въ которомъ изволите объявлять высочайшѣе Ея імператорскаго величества повелѣние объ отысканіи мнѣ въ спальной, въ гардеробе и въ казенной бывшаго імператора золотой державы, обще зъ гвардіи капитаномъ поручикомъ Семеномъ Івановичемъ Хвастовымъ и съ камердинеромъ Федоромъ Аврамовымъ, и оныя мною призваны і о той державѣ спрашиваны, на что мнѣ объявлено: отъ господина капитана-порутчика Хвастова: въ находящейся де подъ ево вѣдениемъ казенной, державы никакой неимѣется, такожъ у камеръдинера Абрамова державы никакой ни прежде сего не бывало ниже теперь неимеетца. Онъ же господинъ Хвастовъ ездилъ къ камеръ геру Вожжинскому, да бывшаго імператора къ камеръ динерамъ Евреинову и Турчанинову, у которыхъ подъ сохранениемъ клейноды были, но потомужъ въ ответъ отъ нихъ получилъ, а Турчаниновъ и самъ мнѣ засвигѣтельствовалъ, что подъ своимъ хранениемъ никакой державы не имѣли, ни у бывшаго імператора не видали, а отъ Вожжинскаго объявлено притомъ, которая де была зделана для коронаціи блаженныя памяти Государыни Імператрицы Елизаветъ Петровны золотая держава изъ оной державы по ея величества повелению после коронаціи каменья выломаны, а золото де употреблено въ дѣло; а которая была держава при по-

---

[1]) Олсуфьевъ, директоръ кабинета Ея Величества.

гребенiи блаженныя памяти Государыни Iмператрицы Елизаветъ Петровны, оная уповательно быть должна при учрежденной бывшей печальной комиссiи, которая подъ ведомствомъ была его сиятельства князь Никиты Юрьевича Трубецкого.

I такъ соболѣзную, что пожеланию Ея величества успеху я не возимѣлъ, о чемъ Ея Iмператорскому величеству покорно прошу донесть, а я есмь i пребуду со особливейшимъ почтениемъ

Государь мой милостивой
вашего превосходительства
„покорный слуга
„Iванъ Неплюевъ.“

Сентября 7-го дня
1762 доду
Санктъ петербургъ.

P. S. Сие отправлено съ темъ же капраломъ Косачевымъ, которому и прогонныя деньги выданы отъ санктъ петербурга до москвы на три подводы.

II.

Резолюцiя на докладѣ сената[1]), 18 марта 1766.

(*Архивъ Сената*, т. 117, л. 217).

„1) Въ семъ докладѣ не видно свидетельствовано-ли чтобъ у сихъ погребщиковъ въ тотъ день столько выпито было и

---

[1]) Докладъ былъ представленъ по поводу просьбы петербургскаго купца Богдана Медера и К°, погребъ котораго, въ домѣ бургомистра Вихляева, разграбленъ 28-го iюня 1762 г., въ день восшествiя на престолъ, и убытокъ показанъ въ 4760 руб. См. выше, стр. 34, прим. 2.

„2) какъ казна не приказала грабить то и справедливости не вижю, чтобъ казна платила, а естьли просятъ изъ милосердiи то ращеты не надобны.

„3) примѣръ кабашныхъ откупщиковъ къ сему служить не можетъ, понеже цѣлость збора зависитъ отъ ихъ цѣлости“.

VI.

Дѣло камеръ-юнкера Хитрово.

(Изъ Государственнаго Архива).

Показанія Хитрово.

1.

1763 году маия 27 дня[1]). Камеръ юнкеръ Ѳедоръ Александровъ сынъ Хитровъ сказалъ:

Дни четыре тому назадъ, какъ къ нему Хитрову приехалъ камеръ-юнкеръ князь Несвицкой, то я его спрашивалъ, не знаетъ ли чево новова, на что Несвицкой ответствовалъ, что онъ былъ въ деревне и знать ничего не можетъ. На что я Хитровъ ему Несвицкому сказалъ, что де у насъ въ городе есть вести, да не очень хороши: Бестужевъ прожектируетъ, пользуясь отсутствиемъ Государынинымъ въ Воскресенской монастырь — беретъ подписки зъ духовенства і съ сенаторовъ чтобъ ітти Государыни замужъ а за ково іменно того я Хитрово ему Несвицкому необъявлялъ и самъ о томъ ни отъ кого не слыхалъ, и къ чему де несколько духовенства і сенаторовъ подписались, а кто іменно того онъ не слыхалъ, а какъ дошло до Панина, Панинъ, видя въ ономъ неполезность и хотя изъяснить неудобность самой Государыни, просилъ, чтобъ ему дозволено было Государыню видеть, что и по-

1) *Госуд. Архивъ*, VI, 398, л. 5.

лучилъ. Начавъ представлять, что съ позволения-ли Ея Імператорскаго Величества оное дѣлаетца, і во ответъ отъ Государыни получилъ, что она тово ничево не знаетъ, а делаетъ то все Бестужевъ, безъ ея воли. А такихъ словъ, что Государыня ізволила поехать въ Воскресенской монастырь для тово, чтобъ старой чортъ Бестужевъ способнѣе во отсутствіи могъ производить дело начатое, написалъ въ прошеніи точно Орлова і что то дошло до Разумовскаго, Панинъ могъ приметить изъ лица и поступокъ, что это все происходило по повелению еію, и что Панинъ позвалъ гетмана, Захара Чернышева і согласились они уничтожить и пригласили къ себе Репнина, двухъ Расловлевыхъ, Ласунскава, Пассека, Теплова, Борятинскихъ, Каровыхъ, князь Петра і князь Юрья Хованскихъ, Петра Апраксина, Николая Ржевскаго, і что Орловы стараютца похитить, и этово бы ничево не было для тово, что Григорей глупъ, а больше делаетъ Алексей и что онъ великой плутъ и всему оному делу притчина — я Хитровъ ему князь Несвицкому не говорилъ, а говорилъ своею речью: ежели то правда, что збираютъ такия подписки, то я Хитровъ не думаю, чтобъ это было хорошо і отечеству полезно і буде есть въ томъ Орловыхъ інтересъ, то я Хитровъ не думаю, чтобъ то делалъ Григорей Григорьевичь, а делаетъ Алексей Григорьевичь. І на то онъ Несвицкой мне сказалъ: правда-ль то и хочетъ о томъ въ Орловыхъ разсмотреть, на что я ему Несвицкому объявилъ, что то для насъ, то есть для меня і для нево, Несвицкова, хорошо, чтобъ князь Несвицкой всегда къ Орловымъ ездилъ и присматривалъ, а естли Государыня за нужное разсуждаетъ вытти замужъ, взять можетъ владетеля іли принца крови, а ежели Орловы усилютца въ вышеписанномъ предприятіи, то надлежитъ схватить одного Алексея, а не всѣхъ Орловыхъ отлучить. Въ то время можно ее отвлечь отъ того дела.

А такихъ словъ, что они на собраніи своемъ положили просить, есть-ли хотя намерение і есть замужъ ітти, такъ есть Іванушкины братья два и чтобъ Орловыхъ естьли можно и недожидаясь прибытіи какъ скорея при удобномъ случаѣ погубить, я Хитровъ, ему Несвицкому

не говорилъ, и чтобъ какое было для вышеписаннаго дела собраніе, и у Иванушки были два брата, о томъ я Хитровъ не знаю і ни отъ кого не слыхалъ, і ни въ какое собрание ево Несницкова никогда представить не хотелъ, і ему Несвицкому, какъ і о томъ, что меня Хитрова въ данный заговоръ привела княгиня Дашкова неупоминалъ и ни о какомъ заговоре не знаю, и съ княгиней Дашковой о той матеріи никогда не говорили.

И буттобъ Глебовъ былъ ихъ партіи и довольно деньженъ, имеетъ и сколько потребно, такъ онъ ответствуетъ, давать хочетъ и что я Хитровъ уже некоторыхъ офицеровъ приглашалъ ему князю Несвицкому я Хитрово не говорилъ и ни одного офицера не приглашалъ, і о Глебове ничево не упоминалъ.

А о вышеписанной подписке і о протчемъ, что я Хитрово объявлялъ князю Несвицкому, слышелъ гороцкой слухъ, а именно отъ кого слышелъ, то я Хитровъ сказать не могу.

Сиего дня поутру, какъ князь Несвицкой ко мне Хитрову приехалъ і спрашивалъ меня не разведалъ ли я чево болше, то я Хитровъ ему сказалъ, что я былъ у Рославлева Николая и спрашивалъ у нево правда-ль то все, что я Хитровъ сказывалъ прежде ему князь Несвицкому, какъ выще сего показано, и что Рославлевъ на то мне Хитрову сказалъ, что это все вздоръ. Однако, то я Хитровъ показалъ затеевъ отъ себя і я Хитровъ никогда о той матеріи съ Рославлевымъ не говаривалъ.

А такихъ словъ, что я Хитровъ вчера Рославлеву говорилъ: и мы сказали, будто объ этомъ говорили уже съ Панинымъ, а у нихъ положено все это дѣлать только сомнѣвается, чтобъ пришло ко окончанию, ему Несвицкому я Хитровъ не говорилъ.

Да послѣ того какъ я Хитровъ первой разъ о написаномъ выше сего говорилъ съ княземъ Несвицкимъ, одинъ день іли два спустя, съѣхался я Хитровъ съ камеръ-юнкеромъ Ржевскимъ, то я Хитровъ ево Ржевскова спросилъ, не слыхалъ-ли онъ чево новова, на что Ржевской мне Хитрову ответствовалъ ничево. И тако я Хитровъ сказывалъ ему все то, что прежде объявлялъ князь Не-

свицкому, какъ выше о томъ показано, а сверхъ тово ему сказалъ, что Панинъ Государынѣ говорилъ, естли де это отъ Бестужева, а Ваше Величество этова не ведаете, такъ ево ізвольте отдать на публику, и что Государыня на то промолчала, а такихъ словъ, что на то Государыня ответствовала очень сухо, я Хитровъ ему Ржевскому не говорилъ. Ржевской меня Хитрова спросилъ: въ подписки той именно написанъ Григорей Григорьичъ Орловъ? і на то я ему сказалъ, что іменно ненаписано, а написано сказываютъ глухо, и ежели еще я Хитровъ согласниковъ найду, ктобъ могъ представить Государыни, то я Хитровъ съ ними въ числе і съ нимъ Ржевскимъ придемъ къ Государыни и представимъ ей неудобность того предприятия, а въ протчемъ власть ея. На что Ржевской мнѣ Хитрову сказалъ: какова мнения тогда объ насъ будетъ Государыня? На то я Хитровъ ему ответствовалъ, что я не думаю, чтобъ мы чрезъ то Государыню прогневали. А сверхъ тово я Хитровъ осведомитца отъ Панина о сущей правде тово дела хотелъ і тогда я ему Ржевскому сказалъ, что я Хитровъ слышалъ, что Захаръ Чернышевъ противной же стороны этова предприятия. О всемъ вышеписанномъ, что я Хитровъ сказывалъ Ржевскому слышелъ я отъ городской эхи, а отъ ково іменно сказать не могу.

А такихъ словъ, что въ подписке не кому иному быть написану какъ Григорью Григорьевичу Орлову і что теперь положено, чтобъ всемъ собратца сколко велика наша партия будетъ і донесть неудобность такова предприятия Государыни, а после что будетъ естли увидимъ что также сухо намъ ответствовано будетъ, то Орловыхъ переберемъ всехъ і лишь бы толко зделано было, а то Государыня после сама будетъ благодарна, что мы нарушителя покоя отъ нея оторвемъ и темъ покой возстановимъ; вить-де съ какимъ обещаніемъ она престолъ приняла, чтобъ быть правительницею; она сама Панину сказывала, і что Захаръ Чернышевъ также что положетъ — я Хитровъ ему Ржевскому не говорилъ и зъ Захаромъ Чернышевымъ о той матеріи никогда не говаривалъ.

Сіе писалъ і подписалъ камеръ-юнкеръ *Ѳедоръ Хитрово.*

2.

Въ пополнение[1]).

Недели две назадъ приехалъ я къ зятю своему двоюродному Василію Анофревичу Брылкину. Спрашиваетъ онъ у меня, не слыхалъ ли я чево ни есть новова. Я сказываю, что я ничево неслыхалъ; онъ мне отвечаетъ, что онъ слышелъ отъ своево роднова брата Івана Анофрича Брылкина, что приезжалъ къ нему Бестужевъ съ подпискою такою, чтобъ Государыни ити замужъ, выбравъ ізъ своихъ подданныхъ каво соизволитъ, назнача въ подписке то, что Государь Цесаревичь слабъ и въ воспе еще не лежалъ, отчево мнитца быть опасенъ, і дабы къ правленію государства калено пресецца не могло разсуждаетца за нужное то ісполнить, къ чему уже духовенство і несколко сенаторовъ подписались. На что братъ ево Брылкина сказалъ, что есть сенаторы его старея — пусть те подписываютъ, а самъ не подписалъ.

Что я услыша, приехалъ къ Расловлеву, Николаю Іваничу, спрашивалъ у нево, слышалъ-ли онъ про подписку, на что онъ мне сказалъ, что онъ слышелъ и что какъ скоро дошло до Панина, до гетмана і до Чернышева, то они сказали, что неподпишутъ, и Панинъ, істребуя у Государыни время съ ея величествомъ говорить, доложилъ ей, что съ позволения-ль Ея Величества такая подписка у Бестужева, на что Государыня сказать ізволила, что она про то знать не ізволитъ, а что это делаетъ Бестужевъ; на что Никита Івановичъ представилъ: ежели онъ (Бестужевъ) тому причиною, такъ надобно ево отдать суду, на что Государыня ізволила промолчать. І темъ та подписка уничтожена.

Я говорилъ ему, что ежели дойдетъ нужда, чтобы намъ самимъ притти къ Государыни і представить ей неудобность того дела, такъ чтобы онъ і меня считалъ тутже. На что онъ мне сказалъ хорошо[2]).

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 398, л. 9.

[2]) Весь этотъ абзацъ, сообщающій окончаніе разговора Хитрово съ Рославлевымъ, вписанъ на полѣ дополнительнаго допроса,

Въ то же время говорилъ я объ ономъ і съ Александромъ Расловлевымъ, і онъ сказалъ, что онъ тоже слышелъ про подписку и мнитца і ему быть то неудобно.

Несколько время спустя увидя Ласунскова, спрашивалъ ево объ томъ же, на что онъ сказалъ, что онъ слышелъ тоже; кажется і ему быть за дурно.

Спустя несколько времени, а назадъ тому дней пять, приехалъ ко мне камеръ-юнкеръ князь Несвицкой, спрашивалъ я у нево не знаетъ-ли онъ чево новаво. На что онъ мне отвечалъ, что онъ за бытиемъ своимъ въ деревне знать ничево не можетъ. Я, сказавши ему Несвицкому про́ все вышеписанное, требовалъ отъ нево на то совета; на что онъ мне сказалъ, что онъ этому дивица. Однако я ему сказавъ всіо то, что я слышелъ отъ Рӑсловлева і Брылкина, чему онъ Несвицкой і уверился, говоря еще Несвицкому, ежели то правда, то и я не думаю, чтобъ было хорошо і отечеству полезно, и ежели есть въ томъ Орловыхъ інтересъ, такъ это делаетъ Алексей Григорьевичь, і ежели это дѣло пойдетъ дале, то надобно старатца схватить Алексея Орлова. Естли Государыня за нужное разсуждаетъ вытти замужъ, то можетъ взять какова ни есть владетеля іли принца крови, въ томъ власть еіо, на что мне сказалъ Несвицкой, что онъ будитъ старатца приметить интересъ Орловыхъ для чево и часто къ нимъ ездить будитъ. На что я ему сказалъ, чтобъ онъ таму следовалъ, а я Расловлеву о томъ скажу.

На другой или третій день после тово, встретившись я съ камеръ-юнкеромъ Ржевскимъ, остановя посадилъ ево въ свою карету, спрашивалъ, слышелъ-ли онъ про подписку; онъ сказалъ, что онъ не слыхалъ, и я пересказалъ то, что я слышелъ онъ Николая Расловлева, съ прибавкою і убавкою, какъ въ другомъ допросе значитъ.

Сего дня поутру, какъ князь Несвицкой ко мне приехалъ, спрашивалъ, говорилъ-ли я съ Расловлевымъ. Я ему сказалъ, что говорилъ про тебя, что ты хочешь приметить интересъ Орловыхъ, і Расловлевъ сказалъ, что это

въ видѣ вноски, рукою самого Хитрово, но вписанъ спѣшно, такъ что, напр., второе слово, *вм.* говорилъ, читается *гороворъ*.

харашо, однакожъ дело совсемъ уничтожено і все затихло.

Накануне сего дня то есть вчера я у Расловлева Николая былъ и говорилъ ему, что Несвицкой хочетъ разсмотреть Орлова и онъ сказалъ мне на то, что оно ізрядно, только дело савсемъ уничтожено і затихло.

Съ княземъ Несвицкимъ говорилъ я ежели то дело некончитца, то я думаю за супротивление Панина і Чернышева отделятъ отъ двора: одному найдутъ претекстъ посломъ послать а последнева палки осматривать.

Съ неделю назадъ говорилъ я Хитровъ съ адъютантомъ конвой гвардіи княземъ Шаховскимъ. Сказавши ему обстоятельно про эту подписку, спрашивалъ, что онъ о томъ думаетъ; на что онъ мне сказалъ, что онъ не знаетъ і ответу дать мне не можетъ.

Третьева іли четвертова дни приехалъ ко мне ротмистръ князь Голицынъ, я і ему про туже подписку сказалъ, на что онъ мне отвечалъ, что онъ думаетъ о томъ дурно.

Въ семъ допросе сказалъ я сушую правду і ничево не утаилъ, а ежели я что утаилъ і въ томъ ізобличенъ буду, подвергаю себя наіжесточайшему наказанію. Сие писалъ і подписалъ двора Ея Імператорскаго Величества камеръ-юнкеръ і леибъ-гвардіи коннаго полку секундъ-ротмистръ *Ѳедоръ Александровъ сынъ Хитрово.*

27 Маиа
1763 году.

3.

1763 году маия 28 дня[1]). Въ пополненіе своихъ допросовъ показалъ.

Такия слова, что естли можно тобъ Орловыхъ і недожидаясь прибытия Ея Величества какъ скорея при удобномъ случае погубить, я Хитровъ камеръ юнкеру князь Несвицкому говорилъ. А на собраніи было о томъ не-

---

[1]) *Русск. Архивъ,* VI, 398, л. 12.

положено, а сказывалъ те слова отъ себя, і ни съ кемъ въ томъ согласия не імелъ, і къ тому делу приуготовления никакова нс было.

Упомиить время не могу, а вскоре после того какъ я услышелъ объ оной подписке, приехавъ къ княгине Дашковой спрашивалъ у нея правда-ль что я слышелъ о подписке зделанной Бестужевымъ? На что она мне сказала, что слышела вправду і удивляется не мало такому дурному предприятию, і хотела, разведавъ дале мне о томъ сказать. А болше того ничево она со мной не говорила і я Хитровъ после того у нея не бывалъ, і она ко мне не присылала.

Сие писалъ и подписалъ камеръ-юнкеръ *Хитрово*.

А въ первыхъ своихъ допросахъ за забвениемъ о томъ не показалъ.

Очная ставка.

4.

1763 году мая 28 дня[1]). Камеръ-юнкеръ Хитрово на очной ставкѣ съ камеръ-юнкеромъ Ржевскимъ показалъ:

Камеръ-юнкеру Ржевскому такия слова, что „въ подписке некому иному быть какъ Григорью Григорьевичу Орлову", и что теперь положено, ежели за нужное разсудитца, чтобъ всѣмъ собратца сколь велика наша партия будетъ, придти и донесть неудобность такова предприятия самой Государыни, и естли увидимъ, что также сухо ответствовано будетъ, то Орловыхъ переберемъ всехъ; лишь бы только зделано было, а то Государыня сама намъ будетъ благодарна, что мы нарушителя покоя отъ нея оторвемъ і темъ покой возстановимъ. Вить, дискать, съ какимъ обещаниемъ она і престолъ приняла, чтобъ быть правительницею. Она сама Панину сказывала. И графъ Захаръ Чернышевъ что положитъ и что въ нашей партіи, то есть въ числе техъ, которые противятся известной под-

---

1) *Госуд. Архивъ*, VI, 398, л. 18.

писке, гетманъ, Никита Панинъ, Николай Расловлевъ, Пассекъ, князь Иванъ и князь Өедоръ Борятинския, графъ Валентинъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Захаръ Чернышевъ — я, Хитровъ говорилъ съ того, что о Пассеке, о Борятинкихъ, о графе Чернышеве, о Панине сказывалъ мне Николай Расловлевъ.

А о Валентине Пушкине я самъ Хитровъ о той матеріи говорилъ такимъ образомъ: увидя ево на Покровскихъ Горахъ, спрасилъ у нево, слышалъ-ли онъ про подписку, которая зделана о замужстве Государыни; на что онъ мне отвечалъ, что онъ неслыхалъ. И когда я ему о томъ обстоятельно разсказалъ, тогда онъ мне отвечалъ: „Ежели то правда, такъ і онъ щитаетъ за нехорошее".

А что Государыня съ темъ престолъ принимала, чтобъ быть правительницею, і что Панину о томъ сказать ізволила, говорилъ я Хитровъ съ того, что когда я былъ на карауле при покойномъ бывшемъ государе, тогда случилось мне говорить о порядке возшествия Государыни на престолъ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, і онъ мнѣ сказалъ, что Панинъ зделалъ было подписку съ темъ чтобъ быть Государыни правительницею, і Государыня на то согласитца ізволила; и когда изволила притти въ день возшествія на престолъ въ измайловскій полкъ, тогда объявя про ту подписку бывшимъ при томъ капитанамъ Расловлеву і Ласунскому, то они доложили Государыни, что они на то несогласны, а поздравляютъ Государыню самодержавной імператрицей, после чево велели солдатамъ кричать ура. А въ допросахъ своихъ о томъ я не показалъ за темъ, что всево вспомнить не могъ.

Сие писалъ і подписалъ камеръ-юнкеръ *Хитрово.*

5.

Экстрактъ.

I.

Въ чемъ к. ю. Федоръ Хитровъ противъ показаней на него отъ каморъ юнкеровъ князя Несвицкаго и Александра Ржевского винился, а имянно:

1) Недели здве тому назадъ (то есть отъ 27 маия) зять ево двоюродной Василей Анофриевъ сынъ Брылкинъ въ бытность ево Хитрова у него въ доме, спрашивалъ ево не слыхалъ-ли онъ чего новаго. Онъ, Хитровъ, сказалъ, что ничево не слыхалъ, и Брылкинъ сказалъ, слышалъ-де онъ отъ своего родного брата Ивана Брылкина, что приезжалъ къ нему Бестужевъ съ подпискою такою, чтобъ Государыне итти замужъ, выбравъ изъ своихъ подданныхъ ково соизволитъ, назнача въ подписке то, что Государь цесаревичъ слабъ и въ оспе еще не лежалъ, отчего мнитца быть опасенъ. И дабы къ правлению государства колено пресечся не могло, разсуждается за нужное то iсполнить, къ чему уже духовенство и нѣсколько сенаторовъ подписались. На что братъ ево сказалъ, что есть сенаторы ево старѣе, пускай тѣ подписываютъ, а самъ не подписалъ.

2) Услыша то, приехавъ онъ, Хитровъ, къ Николаю Расловлеву спрашивалъ у него слышалъ-ли онъ про подписку, и Расловлевъ сказалъ, что онъ слышалъ, и какъ скоро дошло до Панина, до гетмана и до Чернышева, то они сказали, что не подпишутъ, и Панинъ, истребуя у Государыни время доложилъ ей, что съ позволения-ль ея такая подписка у Бестужева, и Государыня изволила сказать, что она про то знать не изволитъ, а дѣлаетъ де это Бестужевъ. На что Панинъ представилъ, ежели онъ, Бестужевъ, тому притчиною, такъ надобно ево отдать суду и на то де Государыня изволила промолчать, и темъ та подписка уничтожена. И онъ, Хитровъ, говорилъ ему,

ежели де дойдетъ нужда, чтобъ намъ самимъ притти къ Государыне и представить ей неудобность того дѣла, такъ бы онъ и его считалъ тутъ же. На что онъ ему сказалъ хорошо.

3) Въ тое же время говорилъ онъ объ ономъ и съ Александромъ Расловлевымъ, і онъ сказалъ, что онъ тоже про подписку слышалъ, мнитца и ему быть то неудобно.

4) Несколько время спустя[1]), увидя Ласунскаго, спрашивалъ онъ, Хитровъ, ево о томъ же, и Ласунской сказалъ, что онъ слышелъ. То же кажетца и ему быть задурно.

5) Упомнить де времени онъ не можетъ, а вскоре после того какъ онъ услышалъ объ означенной подписке, пріехалъ онъ къ княгине Дашковой спрашивалъ у нѣе, правда-ль что онъ слышалъ о подписке зделанной Бестужевымъ. На что она ему все тоже сказала что Николай Расловлевъ ему сказывалъ, и удивлялась де не мало такому дурному предприятию, и хотела разведавъ далѣе о томъ ему сказать. Но после того онъ у нѣе не бывалъ и она къ нему не присылала.

6) Спустя несколько времени приехалъ къ нему Несвицкой спрашивалъ у него не знаетъ-ли онъ чево новаго. На то онъ, Хитровъ, сказалъ, что де у насъ въ городе есть вести, да не очень хороши: Бестужевъ прожектируетъ, пользуясь отсутствиемъ государынимъ въ Воскресенской монастырь беретъ подписки зъ духовенства и съ сенаторовъ. И при томъ всѣ то, что онъ отъ Брылкина и отъ Расловлева слышалъ, ему сказалъ, чему Несвицкой увѣрился. Говоря еще Несвицкому ежели то правда что збираютъ такия подписки, то и онъ не думаетъ, чтобъ было то хорошо и отечеству полезно, и ежели есть въ томъ Орловыхъ интересъ, то не думаетъ де онъ, Хитровъ, чтобъ оное дѣлалъ Григорей Григорьевичь: а дѣлаетъ де это Алексѣй Григорьевить, и ежели де это дѣло пойдетъ далѣе и Орловы усилятца, то надобно старатца схватить одного Алексѣя Орлова, а не всѣхъ Орловыхъ, отлучить

---

[1]) Что онъ, Хитровъ, къ сему 6-го июня въ дополнение показалъ, о томъ значитъ особо ниже подъ литерою Б.

въ то время можно еѣ (то есть Государыню) отвлечь отъ того дѣла. А есть-ли Государыня за нужное разсуждаетъ вытти замужъ, то можетъ взять какова ни есть владетеля или принца крови — въ томъ власть Ея. І Несвицкой сказалъ, что онъ будетъ старатца въ Орловыхъ разсмотреть и приметить интересъ ихъ, для чего и часто къ нимъ ездить будетъ. На что онъ, Хитровъ, сказалъ, что то какъ для нево, Несвицкого, такъ и для нево Хитрова, хорошо и чтобъ онъ, Несвицкой, всегда къ Орловымъ ездилъ и присматривалъ, а онъ де Расловлеву о томъ скажетъ[1]). А ежели де то дѣло не кончитца, то онъ думаетъ за супротивленіе Панина и Чернышева отъ двора отделятъ: одному найдутъ претекстъ послать посломъ, а последнева полки осматриват.

7) Несвицкому де говорилъ онъ, Хитровъ, что Орловы могутъ на учить подлой народъ, чтобъ неотступно просили Государыню о замужствѣ. А когда Государыня увидитъ въ томъ необходимость и для успокоения ихъ можетъ оное ісполнить. И те де слова говорилъ онъ самъ отъ себя, а отъ другихъ ни отъ кого о томъ не слыхалъ.

8) Съ Несвицкимъ же на очной ставке онъ, Хитровъ, показалъ, Несвицкому де слова такия я де думаю, что и Ватковской съ нашей стороны, и онъ де Ватковской съ однимъ человѣкомъ говорилъ — онъ сказывалъ съ того: маиоръ де Расловлевъ будучи у себя въ доме сказывалъ ему, что онъ, Расловлевъ, въ дворцовомъ саду сошедшись съ Ватковскимъ и говорили между собою о подписке и Ватковскій Расловлеву сказалъ, что и онъ о томъ думаетъ дурно.

9) Послѣ сказывания о подписке Несвицкому, съехался онъ, Хитровъ, со Ржевскимъ, спросилъ ево не слыхалъ-ли онъ чево новаго; онъ сказалъ, что ничего, и онъ де все то сказывалъ Ржевскому, что онъ прежде объявлялъ Несвицкому. А сверхъ того онъ Ржевскому сказалъ, что Панинъ Государыне говорилъ, есть-ли де это отъ Бесту-

---

[1]) О семъ онъ Рославлеву сказывалъ и значитъ оное ниже подъ литерою Б.

жева, а Ваше Величество о томъ не вѣдаете, такъ изволь отдать ево на публику.

10) Ржевской де ево спросилъ въ подписке той именно-ль написанъ Григорей Григорьевичь Орловъ, онъ, Хитровъ, сказалъ, что имянно не написано, а написано сказываютъ глухо, и ежели еше онъ Хитровъ согласниковъ найдетъ ктобъ могъ представить Государыне, то онъ, Хитровъ, съ ними, въ томъ числе и онъ Ржевской, придемъ къ Государыне и представимъ Ей не удобность того предприятия, а впрочемъ власть Ея, на что Ржевской ему Хитрову сказалъ: какова мнения объ насъ будетъ Государыня? И на то онъ Хитровъ ответствовалъ, что не думаетъ де онъ, чтобы чрезъ то Государыню прогневали, а сверхъ того онъ Хитровъ освѣдомиться отъ Панина о сущей правде хотелъ, и тогда бы онъ ему Ржевскому сказалъ, и что Хитровъ слыхалъ, что и Захаръ Чернышевъ противной же стороны этова предприятия, а о томъ де онъ, Хитровъ, сказывалъ ему отъ городской ехи, а отъ кого о томъ слышалъ показать не можетъ.

11) А въ очной со Ржевскимъ ставкѣ онъ Хитрово показалъ тому де Ржевскому слова такия что въ подписке нѣкому иному быть какъ Григорью Григорьевичу Орлову, и что теперь положено, ежели за нужное разсудитца, чтобъ всемъ собратца сколь велика наша партия будетъ притти и донесть неудобность такого предприятия самой Государыне, и естьли увидимъ что такъ же сухо ответствовано будетъ, то Орловыхъ переберемъ всѣхъ, лишь бы только здѣлано было, а то Государыня сама намъ будетъ благодарна, что мы нарушителя покоя отъ нѣе оторвемъ и темъ покой возстановимъ — вить де съ какимъ обещаниемъ она і престолъ приняла, чтобъ быть правительницею, она сама Панину сказывала, и графъ Чернышовъ что положитъ, и что въ нашей партіи то есть въ числѣ тѣхъ которыя противятся известной подписке, Гетманъ, Панинъ, Николай Расловлевъ, Пассекъ, князья Иванъ и Федоръ Борятинскіе, графъ Валентинъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Чернышовъ. А о томъ де онъ говорилъ съ того, о Пассеке де, Борятинскихъ, графе Чернышове, Панине сказывалъ ему Николай Расловлевъ. О Пушкине

самъ онъ Хитровъ о той матеріи говорилъ такимъ образомъ: увидя ево на Покровскихъ Горахъ спросилъ ево, слышалъ-ли онъ про подписку, которая здѣлана о замужствѣ Государыни, и Пушкинъ сказалъ ему что не слыхалъ, и какъ онъ о томъ обстоятельно тому Пушкину сказалъ, то онъ сказалъ; ежели то правда, такъ и онъ щитаетъ за нехорошее.

А что Государыня съ темъ престолъ принимала, чтобъ быть правительницею, и что Панину о томъ сказать изволила, о томъ онъ, Хитровъ, говорилъ съ того: когда онъ былъ на карауле при покойномъ бывшемъ государе, тогда случилось ему говорить о порятке возшествия Государыни на престолъ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, то онъ сказалъ, что Панинъ здѣлалъ было подписку съ темъ, чтобъ быть Государыне правительницею и Государыня на то согласитца изволила, и когда изволила придти въ день возшествия на престолъ вызмайловскій полкъ, тогда объявя про ту подписку бывшимъ при томъ капитанамъ Расловлеву и Ласунскому, то они доложили Государыне, что они на то не согласны, а поздравляютъ Государыню самодержавною императрицею, послѣ чего велели салдатамъ кричать ура, въ чемъ потомъ и еще въ допросе онъ утвердился, съ темъ, что окроме графа Алексѣя Григорьевича Орлова о томъ ни отъ кого не слыхалъ і ни съ кемъ не говорилъ.

12) Несвицкому же говорилъ онъ, Хитрово, есть-ли можно, тобъ Орловыхъ и не дожидая прибытия Ея Величества скорѣе при удобномъ случае погубить[1]). А те де слова говорилъ онъ отъ себя, а на собраніи о томъ было не положено и никакова согласия, умыслу и намерения онъ не имелъ и приуготовления къ тому дѣлу никакова не было, и ни на какомъ собраніи онъ не былъ, й кемъ бы о томъ, таможъ и о неудовольствіи извѣстной подписки собрание было положено о томъ онъ не знаетъ н ни отъ кого не слыхалъ. А все то говорилъ онъ, Хитрово, безъ всякого умыслу просто самъ отъ себя, а въ

---

[1]) О сей матеріи на Ласунскаго и Расловлева онъ показалъ, о чемъ значится подъ литерою Б.

доме генерала Суворова графу Алексѣю Григорьевичу Орлову что онъ предъ нимъ виноватъ, сказалъ онъ въ томъ разуме, что онъ съ Несвицкимъ и со Ржевскимъ говорилъ, чтобъ ево графа Алексѣя Григорьевича и зъ братьями его погубить, какъ о томъ и выше явно, безъ всякого умыслу.

13) 26-го числа маия былъ онъ, Хитровъ, у Расловлева, и говорилъ ему, что Несвицкой хочетъ разсмотреть Орлова и на то онъ сказалъ, что изрядно, только дѣло совсѣмъ затихло[1]).

14) 27-го маия приехавъ къ нему Несвицкой спрашивалъ ево говорилъ-ли онъ съ Расловлевымъ. Онъ сказалъ что говорилъ про него Несвицкаго, что онъ хочетъ приметить интересъ Орловыхъ, и Расловлевъ сказалъ, что это хорошо.

15) Онъ, Хитровъ, затеявъ отъ себя Ласунскому[2]) говорилъ, будто бы 27 числа маия приехалъ къ нему тотъ Несвицкой спрашивалъ его не разведалъ-ли онъ чево больше и будто бы онъ сказалъ, что былъ у Расловлева и спрашивалъ у него правда-ль все то, что онъ Хитровъ сказывалъ и что Расловлевъ сказалъ, что это вздоръ, а о той де матеріи съ Расловлевымъ никогда онъ не говаривалъ[3]).

16) Несвицкому же про Расловлева сказывалъ онъ, что будто бы былъ онъ Расловлевъ у Панина, и Панинъ сказалъ, что хорошо, въ чемъ самъ онъ Хитровъ признался, что о томъ ему сказывалъ затеявъ отъ себя, для большева въ томъ увѣрения того Несвицкова.

17) Съ неделю назадъ (считая отъ 27-го числа мая) говорилъ онъ, Хитровъ конной гвардіи съ адъютантомъ княземъ Шеховскимъ, сказавши ему обстоятельно про вышеобъявленную подписку и спрашивалъ ево что о томъ думаетъ. На что онъ сказалъ что не знаетъ и отвѣтъ дать не можетъ.

18) Третьяго или четвертого дни (считая же отъ 27-го

---

[1]) О семъ еще показано и значитъ ниже подъ литерою Б.

[2]) Несвицкому.

[3]) Хитровъ по сіе показалъ, что Расловлевъ о семъ говорилъ и значитъ подъ литерою Б.

числа маия) приехалъ къ нему ротмистръ князь Голицынъ и про ту подписку сказывалъ онъ и ему; онъ сказалъ что онъ о томъ думаетъ дурно.

19) О той же де подписке сказывалъ онъ и матери своей.

20) Ежели бъ Ея императорское величество о неудобности вышепоказанной подписки за благо принять не изволила, то въ такомъ случае и въ протчемъ чтобъ противъ высочайшей персоны Ея величества что нибудь злое предприять у него Хитрова умыслу никогда никакова не было, и чтобъ и другия въ вышеписанномъ случае и въ протчемъ какой злой умыселъ и предприятіи имели о томъ онъ не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ.

Б.

Означенной Хитровъ июня 6-го дня въ дополнение къ вышеписанному въ допросе показалъ:

21) О Николае Расловлевѣ. Когда де случилось ему у него Расловлева быть и говорить съ нимъ о показанной подписке, и что Несвицкой хотелъ интересъ Орловыхъ разсмотреть, тогда Расловлевъ ему сказалъ, что теперь въ томъ нужды никакой нѣтъ, дѣло совсемъ затихло и оставлено, однако онъ Панину скажетъ. Говорилъ онъ еще притомъ такия слова: есть ли вы мнение мое за надобное разсудите, чтобъ намъ собратца і итти съ просьбою къ Государыне о оставленіи той подписки, и что ежели действия никакова наша прозба иметь не будетъ, то ево мнение необходимо искоренить Орловыхъ, на что Расловлевъ ему сказалъ: полно, братецъ, это вздоръ и дѣло уже, слава Богу, кончилось.

22) О Ласунскомъ. Увидевся онъ съ нимъ въ доме княгини Хилковой, и говорилъ ему слышелъ-ли онъ про подписку, и онъ сказалъ, что слышалъ, и онъ Хитровъ спросилъ ево, какъ онъ объ ней судитъ, на что онъ ему отвѣчалъ, что онъ судитъ дурно. Онъ Хитровъ ему сказалъ, что ево мнение вотъ какое: ежели та подписка еще продолжитца, то намъ всемъ кто за дурно оную почитаютъ, надлежитъ собратца и притти къ Государыне просить о оставленіи оной подписки. На что онъ ему

сказалъ хорошо. При чемъ онъ ему Ласунскому говорилъ, есть-ли наша прозба своей силы не возможетъ, то надобно искоренить Орловыхъ, потому что они думаютъ тому притчиною. А что ему Ласунской на то сказалъ, того онъ не упомнитъ, а думаетъ больше что перебили ихъ речь — кто нибудь вошелъ въ тое комнату где они говорили.

По прошествіи несколького времяни, въ тотъ же день сошедшись Ласунской съ нимъ говорилъ ему, что Орловы раздражили насъ своею гордостию и своимъ поступкомъ. Мы было де чаяли, что наша общая служба къ Государыне утвердитъ нашу дружбу, а ныне видимъ, что оной развратъ.

II.

Въ чемъ к. ю. Федоръ Хитровъ противъ показаней на него отъ каморъ-юнкеровъ же князя Несвицкого и Александра Ржевского не винился.

А имянно:

1) Государыня де изволила поехать въ Воскресенской монастырь, чтобъ старой чортъ Бестужевъ способнѣе въ отсудствіи могъ производить дѣло начатое; написавъ въ прошеніи точно Орлова и что то дошло до Разумовскаго, и Панинъ могъ приметить изъ лица і изъ поступокъ, что это все происходило по повелению еѣ, и что Панинъ позвалъ гетмана, Захара Чернышева і согласились они уничтожить и пригласили къ себе Репнина, двухъ Расловлевыхъ, Ласунского, Пассека, Теплова, Борятинскихъ, Каровыхъ, князей Петра и Юрья Хованскихъ, Петра Апраксина, Николая Ржевскаго и что Орловы стараютца похитить, и этова бы ничего не было, для того что Григорей глупъ, а болше дѣлаетъ Алексѣй и что онъ великой плутъ и всему оному дѣлу притчиною — онъ, Хитровъ, Несвицкому не говаривалъ.

2) Такихъ словъ что они на собраніи положили просить, есть-ли хотя намерение и есть за мужъ итти, то есть Іванушкины братья два — не говаривалъ.

I какое бъ было для учинения представления Ея Величеству о неудовольствiи известной подписки собрание и у Iванушки были-ль два брата — о томъ онъ не знаетъ и самъ ни на какомъ собранiи не былъ, и ни въ какое собрание Несвицкого представить не хотелъ.

Такожъ и о томъ будто Глебовъ былъ ихъ партiи и довольно деneженъ и сколкобъ потребно такъ онъ ответствуетъ давать хочетъ, и что онъ Хитровъ некоторыхъ офицеровъ приглашалъ — онъ Несвицкому не говорилъ и ни одного офицера не приглашалъ и о Глебове ничего не упоминалъ.

3)Чтобъ онъ, Хитровъ, 26-го числа маия Расловлеву говорилъ, будто бы о этомъ говорили съ Панинымъ, а у нихъ положено все то дѣлать, только сумневается, чтобъ пришло ко окончанию — Несвицкому онъ, Хитровъ, не говорилъ же. А говорилъ ему Николай Расловлевъ, что дѣло совсемъ уничтожено и совсемъ затихло[1]); а какихъ ради притчинъ и отъ кого объ ономъ слышалъ, того онъ ему не сказалъ и онъ о томъ у него не спрашивалъ.

4) Объ отдаче Бестужева на публику Государыня ответствовала очень сухо[2]) — онъ, Хитровъ, Ржевскому не говаривалъ.

III.

По показанию прапорщика Бабарыкина конной гвардiи о вахмистре Сергѣе Хитровѣ.

1) Оной Бабарыкинъ показалъ, какъ де онъ былъ у онаго Сергѣя, тогда оной Сергѣй, разговаривая о посторонниxъ дѣлахъ, между прòтчимъ спрашивалъ его, давноль получалъ отъ брата ево письма. На то онъ, Бабарыкинъ, сказалъ, что давно извѣстия не имѣетъ, где онъ, и желая его побудить, чтобъ онъ открытнѣе съ нимъ го

---

[1]) О сихъ Раславлева словахъ и въ I-мъ экстракте показано въ 13-мъ и 21-мъ пунктахъ.

[2]) О сихъ речахъ значится тогожъ I-го экстракта въ 11-мъ пункте.

ворилъ, сказалъ ему, что братъ его сосланъ отъ Орловыхъ. „И я де хотелъ вашей партіи быть, такъ раскажи пожалуй напередъ какъ велика ваша партия и кто изъ знатныхъ людей“. И Хитровъ началъ ему разсказывать; вопервыхъ Никита Панинъ, Николай Расловлевъ, Захаръ Чернышевъ, князь Дашковъ и князь Ѳедоръ Борятинской, Несвицкой, которой только накануне того дня какъ взятъ Хитровъ подъ арестъ принятъ въ ихъ партию, Василей Брылкинъ, конной гвардіи ротмистръ князь Александръ Голицынъ, Александръ Ржевской; а думается, что оной Ржевской донесъ на Хитрова.

А Сергѣй Хитровъ въ допросе и въ очной съ нимъ Бабарыкинымъ ставке въ томъ невинился, а показалъ, что только говорилъ онъ ему другими нимало къ тому неслѣдующими словами, къ кому братъ его изъ знатныхъ езжалъ. А о взятіи брата своего Федора увѣдомился онъ потому, что конной гвардіи отставной гефрейтъ капралъ Свешниковъ[1]) сказывалъ ему, что онъ виделъ что какъ привезли четырехъ персонъ въ Кремлевской дворецъ подъ карауломъ, а ково того не сказалъ, а только узналъ одного ротмистра князь Александръ Голицына. И онъ де знавъ зъ братомъ ихъ дружбу щолъ, что надобно тутъ и брату ево, потому что въ одинъ разъ приехалъ Голицынъ къ брату ево и говорили не знаетъ што, а ево выслали[2]), и изъ оного заключилъ онъ, что чему нибудь быть надобно.

А потомъ Бабарыкина спрашивалъ онъ и о брате ево далеко-ли онъ отъехалъ и где теперича и имели-ли отъ него писма, и Бабарыкинъ сказалъ, что онъ въ Данциге учитца по французски, а писемъ съ той поры не получалъ какъ былъ въ Риге. А потомъ разсказывая, что онъ Государыне былъ предъставленъ и что его Алек-

---

[1]) Свешниковъ показалъ, что о томъ оному Хитрову сказывалъ онъ слыша конной гвардіи отъ рейтара Минина, которой ему сказалъ, что онъ о томъ слышилъ отъ батальоннаго гвардіи солдата.

[2]) А братъ ево Федоръ показалъ, онаго де брата своего въ то время выслалъ онъ вонъ для того, что съ нимъ разговаривалъ о показанномъ по дѣлу про подписку произъшествіи.

сандръ Бакарычь уличалъ, что они думали здѣлать противъ Государыни, въ чемъ онъ у Государыни и прощения просилъ, говорилъ, что онъ за то посланъ, а Бакарычь въ безвестную посылку посланъ же. И потомъ оной Бабарыкинъ сказалъ: не этакое ли же дѣло и таперича съ твоимъ братомъ и онъ, Хитровъ, сказалъ, что было такое за дѣло, и Бабарыкинъ отвечалъ, что касалось до великихъ персонъ и на то онъ Хитровъ сказалъ: избави де Господи какъ можно остерегатца; а то не долго промежъ ими попасть въ беду.

А Бабарыкинъ въ очной съ нимъ Сергѣемъ Хитровымъ ставкѣ показалъ тоже, что и выше сего объявилъ, и показанныхъ де о остерегательстве отъ беды речей оной Хитровъ ему не говаривалъ.

Да сверхъ того онъ, Бабарыкинъ, приполнилъ, что тогда же оной Сергей говорилъ ему: вотъ де мой братъ взятъ подъ караулъ думаю за то, что у насъ планъ положенъ, чтобъ цесаревичу быть імператоромъ, а Панину регентомъ, а сперва де положено было, чтобъ Государыне быть правительницею, а цесаревичу імператоромъ.

А Хитровъ въ очной съ нимъ ставке показалъ, что о томъ онъ не говаривалъ; а только де говорилъ онъ Сергей тому Бабарыкину такъ: я де слышалъ что братъ мой взятъ подъ караулъ, и Бабарыкинъ спросилъ за что же взятъ, и онъ сказалъ, что не знаетъ, а слышалъ де въ Москве, что много говорятъ, и Бабарыкинъ спросилъ, что-же говорятъ, и онъ Хитровъ спросилъ того Бабарыкина, за что же твой братъ взятъ былъ, и Бабарыкинъ сказалъ: братъ де мой взятъ по этому дѣлу чтобъ цесаревичу быть імператоромъ, а Государыне правительницею; а онъ сказалъ: а я де еще слышилъ, что говорятъ, чтобъ Никитѣ Івановичу быть регентомъ, а цесаревичу імператоромъ. А то де говорилъ онъ Хитровъ слыша Якова Афанасьевича сына Татищева отъ жены, которая говорила ему: она де надивитца не можетъ, что это за прожекты и отъ слуховъ де волосъ вянетъ, о чемъ онъ сперва и въ допросе своемъ показалъ.

Да еще онъ тому Бабарыкину говорилъ: вотъ де еще Государыне представляютъ, чтобъ итти въ замужство,

такъ де конечно братъ мой по тому замешался. А сие говорилъ онъ потому, какъ и сперва въ допросе показалъ, мать брата ево приехала къ нимъ въ домъ тому назадъ дней зъ десять при отъезде своемъ въ деревню прощатца съ матерью ево и плакала предъ образомъ и говорила: не скажетъ де мой сынъ[1]) ничего что онъ затеялъ, а эхи носятца дурные, поминая о вышеписанномъ представленіи. А отъ кого она слышала, о томъ не выговорила, только то еще говорила: боюсь, чтобъ онъ во што не попалъ. И мать де ево на то ей отвѣтствовала: избави Богъ чево еще ему болше, онъ по милости Ея Величества какъ пожалованъ, какъ же такую къ нему матернюю милость отъ Государя своего позабыть.

А Бабарыкинъ сказалъ что онъ ему такими рѣчьми не говаривалъ, а говорилъ такъ, какъ онъ выше показалъ, да къ тому припомнилъ онъ, что Хитровъ спросилъ о брате ево не за толь де онъ подъ караулъ взятъ былъ что на него измайловского полку капралъ доносилъ, чтобъ Государыне быть правительницею, а цесаревичу імператоромъ, и на то онъ Бабарыкинъ, къ одному только болшему отъ него сведению, сказалъ: конечно де то. А больше де того ничего не говорили.

А Хитровъ сказалъ, что тѣхъ речей не было, а было такъ, какъ онъ выще сего показалъ.

Бабарыкинъ же въ очной ставке приполнилъ, что къ показаннымъ же отъ него о вышеписанныхъ персонахъ разговорамъ, Хитровъ сказалъ ему, что де мы зъ братомъ своимъ Федоромъ всегда вмѣсте, и какъ проснетца братъ мой, то де мне и скажетъ: вставай Сергей и прибирайся хорошенько.

А Хитровъ показалъ, что о томъ оному Бабарыкину онъ не говаривалъ, говорилъ: мне де ныне безъ брата скучилось, три де дни какъ приехалъ онъ ко мне жить и два дни съ нимъ ездилъ вмѣсте и житье съ нимъ было весело, а въ третей де день дома не было.

2) Бабарыкинъ же во объявленіи своемъ и въ очной

---

[1]) Братъ ево Федоръ показалъ, что о подписке матери своей сказывалъ онъ точно такъ какъ онъ въ допросе своемъ показалъ.

со онымъ же Сергеемъ Хитровымъ ставке показалъ, что тотъ Сергей говорилъ ему Бабарыкину, что есть еще многия, сказывая, что съ Панинымъ и съ протчими всякой день видитца, притчину сказывая ихъ заговоръ, первое неудовольствие, что Орловы всемъ государствомъ правятъ, да и при возшествіи де на престолъ Государыня хотела быть правительницею, а цесаревичу быть імператоромъ, а ныне уже Государыня намерена замужъ за Григорья Орлова, такъ разсуди, братецъ, до чего мы доходимъ, и что долженъ всякой сынъ отечества вступитца за это. А въ нашемъ де заговоре планъ положенъ быть цесаревичу императоромъ, а Панину до возрасту ево быть регентомъ, теперь у насъ одно только замешательство, что Чернышевъ не соглашаетца и споритъ съ Панинымъ, чтобъ ему самому быть.

А Сергѣй Хитровъ въ допросе и въ очной съ нимъ Бабарыкинымъ ставке въ томъ не винился же и ни о какомъ де заговоре ему не сказывалъ, а говорилъ только что онъ слышалъ къ ево Бабарыкина словамъ какъ онъ ему разсказывалъ какимъ образомъ братъ ево взятъ подъ караулъ и за што. А говорилъ онъ такия слова, что знатно потому же и братъ его взятъ, да притомъ же онъ Бабарыкину сказалъ: такъ все по этому и сходно, что онъ слышалъ Государыне де представляли, чтобъ изволила вступить въ супружество, а за кого, того не слыхалъ; а говорилъ только разсуждая, что не за Орлова-ли Григорья Григорьевича, такъ, Богъ знаетъ, ктобъ того достоинъ, для тово что, избави Богъ, одинъ есть наследникъ і каковъ случай, такъ не останетца никово, конечно. Ево братъ съ протчими не хотели до оного допустить; такъ разсуди, братецъ, какия дѣла мудреные: не долженъ ли всякой сынъ отечества, кто только помнитъ честь и присягу, чтобъ не вступитца противъ тѣхъ людей, которые думаютъ что нибудь здѣлать противъ воли Государыной. А ктобъ Государыне о томъ супружествѣ предъставлялъ и какимъ бы образомъ они до того не допустили, того не знаетъ.

А Бабарыкинъ сказалъ, что онъ того не слыхалъ.

3) Бабарыкинъ же показалъ, спрашивалъ де онъ Хи-

трова, что есть ли солдаты, а то довольно большихъ людей; и на то Хитровъ сказалъ, что второй гранодерской полкъ безъ закрытия говоритъ, что вы гвардия севодни, а мы завтра будемъ.

А Хитровъ въ допросе и въ очной съ нимъ ставке показалъ: о томъ де оной Бабарыкинъ ево не спрашивалъ, а объ означенномъ гранодерскомъ полку тому Бабарыкину говорилъ онъ слыша отъ вышеупомянутаго же Свешникова[1]).

4) Бабарыкинъ же въ объявленіи своемъ написалъ: сказывалъ де ему оной Хитровъ, что дядя ево, Хитровъ же, говорилъ графу Алексѣю Петровичу Бестужеву: умилосердитесь, Ваше Сіятельство, что за власть дана Орловымъ, что зачали пропадатъ каморъ-юнкоры; и графъ де Алексѣй Петровичъ сказалъ: я де писалъ, чтобъ не такъ много огня подкладывали. А напослѣдокъ оной Сергей говорилъ дяде: какъ же вы, дядющка, смело говорили — вить Бестужевъ совсемъ Орловой партіи; а дядя ему отвечалъ, что я де знавъ говорилъ.

А Сергей Хитровъ допросомъ показалъ: прошедшей де недели въ суботу приехалъ онъ Сергей къ дяде своему, тайному совѣтнику Якову Хитрову, и онъ де ево спросилъ, проведалъ-ли онъ где братъ ево, и онъ ему сказалъ, что доведатца не могъ, а слышалъ де я, правда или нѣтъ, будтобъ онъ подъ карауломъ, а за што не знаетъ. И онъ де много о томъ думалъ, і сказалъ: я де поговорю съ моими приятелями, въ томъ числѣ упомянулъ имя графа Алексѣя Петровича Бестужева, и хотелъ ево о томъ спросить, что правда это или нѣтъ, съ чемъ онъ отъ него и поехалъ.

А третьего де дни еще былъ у него и онъ сказывалъ ему, есть-ли де только что нибудь не важное, и такимъ образомъ онъ взятъ, такъ слишкомъ много, Государыни здесь нѣтъ, притомъ онъ спросилъ ево куда онъ поехалъ,

[1]) Свешниковъ показалъ, что онъ о томъ сказывалъ, слыша отъ вышепомянутаго рейтара Минина, которой ему сказалъ, что де оного полку гранодеры въ Петербурге съ нашими дирались, а и здесь де гвардию ненавидятъ, и где сойдутца, то побранятца или подерутца, и похваляютца, что де вы гвардия севодни, а мы завтре.

и онъ сказалъ ему, что графъ Федоръ Григорьевичъ Орловъ присылалъ за нимъ, такъ онъ опять ему сказалъ что я не говорилъ зъ графомъ Алексѣемъ Петровичемъ и онъ де сказалъ, что есть-ли это пустое, такъ, конечно, писать буду, а есть-ли что нибудь важнѣе, такъ я не знаю, что мне дѣлать.

А слова де такия будто дядя его графу Алексѣю Петровичу Бестужеву говорилъ, что за власть дана Орловымъ — зачели пропадать каморъ-юнкоры и какъ де вы, дядюшка, смело такъ говорили, вить де Бестужевъ совсемъ Орловой партіи, означенному Бабарыкину сказалъ онъ затеявъ отъ себя, а такихъ де словъ отъ дяди своего онъ не слыхалъ.

VII.

Бумаги по шлюссельбургскому бунту.

(Изъ Государственнаго Архива).

Инструкціи.

1.

Его высокоблагородію господину коменданту шлюссельбургскому

Инструкція[1]).

Препоручается Вамъ нѣкотораго безъимяннаго новопривезеннаго въ крѣпость арестанта подкрѣпленіе караула надъ нимъ и содержаніе команды въ слѣдующихъ пунктахъ:

I.

Арестантъ хотя самъ по себѣ и не великой важности есть, но на нѣкоторое время секретно содержаться имѣетъ единственно въ смотреніи у капитана Власьева и поручика Чекина, а до вашего свѣденія онъ не принадлежитъ. Собственно же въ вашемъ смотреніи та только предосторожность остается, чтобъ караулъ изъ гарнизонныхъ солдатъ, а именио: изъ одного ундеръ-офицера, одного капрала и двенатцати человѣкъ солдатъ, былъ всегда въ трезвости. И въ то время когда сія команда къ капитану Власьеву и поручику Чекину командирована, чтобъ отнюдь къ нимъ ни чего хмельнаго ни кто не приносилъ и

---

[1]) *Госуд. Архивъ,* VI, 350, часть 4-я.

ни какіе бы люди къ нимъ не подходили ни тайно, ни явно, а вы бы одни только свѣдомство о сей командѣ гдѣ они стоятъ получали чрезъ повседневные репорты. *Дейс-*

2.

Указомъ Ея Імператорскаго Величества имяннымъ за собственноручнымъ подписаніемъ, велено вамъ быть по содержанію сего новопривезеннаго арестанта въ моей только единственной командѣ. Чего ради репортовать вы имѣете каждыя двѣ недѣли ко мнѣ обыкновенными репортами о состояніи караула и притомъ прилагать и о нуждахъ, касающихся до содержанія свои представленія, такъ какъ и репорты принимая отъ офицеровъ Власьева и Чекина пересылать ко мнѣ подъ вашимъ ковертомъ. *тви-*

3.

Съ арестантомъ два офицера садиться будутъ за столъ, чего ради полагается на троихъ въ каждой день на обѣдъ, ужинъ, на хлѣбъ и на питье по полтора рубля. А сверхъ того имъ покупать чай, сахаръ, кофе, свѣчи и прочія надобности повседневныя изъ суммы находящейся у васъ, и расходы держать на то умѣренныя и безъ излишества, но по вашему разсужденію и по требованіямъ Власьева и Чекина не обходимые. *тельной*

4.

Для стряпанія кушанья выбрать вамъ салдата изъ гарнизонныхъ искуснаго одного, а другаго для содержанія при арестантѣ чистоты въ покояхъ, которые солдаты были бы трезвые и отдать ихъ въ единственную команду Власьева и Чекина, а вамъ ихъ не вѣдать; такъ какъ и внутренними распорятками въ постахъ ихъ не мѣшаться. *тай-*

5.

Посуду бѣлую и черную для поварни и стола, такъ же для чая и кофе вамъ искупать самимъ и всѣ какія надобности ни случатся по требованіямъ офицеровъ Власьева и Чекина впредь искупать не описываясь ко мнѣ; такъ чтобъ ни въ чемъ отнюдь остановки не было. *ной*

6.

Мытье бѣлья на арестанта и столовое, починки и всякое подѣлье производить въ домѣ вашемъ, подъ именемъ не извѣстнымъ для тѣхъ кто работаетъ, да и до любопытства не попускать освѣдомляться. *совет-*

7.

Бумагу, сургучь, перья, чернила, прогоны на сію коммиссію какъ офицерамъ Власьеву и Чекину такъ и вамъ самимъ употреблять изъ содержащейся у васъ суммы съ запискою. *никъ*

8.

Имѣть вамъ у себя за снурную книгу которая отъ меня дана за казенною печатью, и въ оной записыват приходъ и расходъ деньгамъ повседневной, изъ которой каждыя двѣ недѣли присылать ко мнѣ такими же таблицами какъ въ книгѣ расчерчено, репорты, съ показаніемъ сколько и на что именно денегъ издержано и сколько въ остаткѣ. *сена-*

9.

Изъ караульныхъ офицеровъ дозволяется ходить въ церковь по одному, только бы онъ ни съ кѣмъ сообщенія не имѣлъ, такъ какъ и прогуливаться въ городѣ и за городомъ невозбранно съ тою же предосторожностію. И отнюдь офицерамъ ни подъ какимъ видомъ не дозволять ѣздить за рѣку ни лѣтомъ ни зимою. *торъ*

10.

Лѣкаря гарнизоннаго къ офицерамъ больнымъ допускать, только бы больной отдѣленно лежалъ отъ арестанта и лѣкарь онаго арестанта отнюдь видѣть не могъ. А ежели арестантъ за неможетъ, то не описавшися ко мнѣ лѣкаря не допускать. *и ко-*

11.

Богомольцовъ въ праздничные дни въ крѣпость пускать дозволяется, но чтобъ ни кто изъ нихъ около тюрь-

мы не шатался. Чего ради въ таковые дни солдата особливаго ставить безъ ружья, который бы иногда и безъ умыслу въ ту сторону гдѣ тюрьма, прогуливающихся, отвращать могъ безъ дальней строгости, дабы не примѣтно было постороннимъ строгое тото наблюденіе. *ва-*

12.

Пріѣзжающихъ въ крѣпость для гулянія допускать смотря по состоянію людей, но тутъ наипаче предъосторожность имѣть, дабы кто изъ нихъ не любопытствовалъ какими либо посторонними и побочными распросами, и смотря по состоянію персонъ гуляющихъ ходить съ ними вамъ самимъ и примѣчать ихъ распросы. И ежели кто устремится въ дальнее любопытство, которое близко будетъ склоняться къ познанію сего новаго арестанта: то вамъ таковыя рѣчи въ особливыхъ репортахъ ко мнѣ описывать. *леръ*

13.

Репорты присылать на имя мое туда гдѣ я находиться буду а въ случаѣ надобности и нарочные ко мнѣ куриерами отправлять. *Ники-*

14.

Въ прочемъ кто бы таковъ и каковаго званія ни былъ не принимать ни какихъ ни словесныхъ ни письменныхъ отъ него приказовъ, ежели моей руки тутъ нѣтъ; развѣ Ея Імператорскаго величества своеручное за подписаніемъ Ея повелѣніе вамъ объявлено будетъ. *та*

15.

Сію инструкцію содержать имѣете въ глубокомъ секретѣ и ни кому объ оной ни чего не объявлять, а оная копіею дана для вѣдома капитану Власьеву и порутчику Чекину. 1762 года августа 3 дня. *Панинъ.*

2.

Капитану Данилѣ Власьеву и порутчику Лукѣ Чекину Инструкція[1]).

Съ какимъ вы намѣреніемъ опредѣлены и къ какому арестанту важному, то усмотрѣть должны изъ даннаго вамъ обоимъ имянного за собственноручнымъ подписаніемъ Ея імператорскаго величества указа[2]). А для лучшаго вамъ наставленія, дается вамъ во всѣхъ подробностяхъ, особливый въ дополненіе того высочайшаго указа, приказъ за моею рукою въ слѣдующихъ пунктахъ:

1.

Арестанта изъ покоя никуда не выпускать и къ нему ни кого не допускать, такъ какъ и непоказывать его никому сквозь окончину или инымъ какимъ образомъ, развѣ за собственноручнымъ Ея Імператорского величества подписаніемъ повелѣніе о томъ кто привезетъ или по Ея же величества указу отъ меня и за моею рукою приказъ будетъ присланъ. *Дѣйстви-*

2.

Разговоры вамъ употреблять съ арестантомъ такіе чтобъ въ немъ возбуждать склонность къ духовному чину, то есть къ монашеству, и что ему тогда имя надобно будетъ перемѣнить, а называть его будутъ вмѣсто Григорья Гервасій, толкуя ему что житіе его богомъ уже опредѣлено къ иночеству и что и вся его жизнь такъ произходила, что ему поспѣшать надобно себѣ испрашивать постриженіе, которое ежели онъ желаетъ, вы ему и исходатайствовать можете; чемъ наипаче уединеніе его въ которомъ онъ живетъ будетъ спокойное и спасительное душѣ его. Но къ тому (толковать ему) надобно во первыхъ кроткое, тихое и несварливое съ вами и со всѣми кто при немъ обхожденіе, твердую къ Богу вѣру и нелицемѣрное и непритворное желаніе, а притомъ всегдашнее къ вамъ послушаніе. Наипаче же въ словахъ и въ рукахъ воз-

---

1) *Госуд. Архивъ,* VI, 350, часть 4-я.

2) См. выше, стр. 568.

держное обхожденіе, то есть безъ злости и безъ брани скромное житіе. А инако Богъ не пріемлетъ въ чинъ ангельской ни какихъ строптивыхъ людей. И сіе увѣщаніе повседневно обще обоимъ вамъ и по одиночкамъ каждому ему натолковывать и какіе его на то будутъ отзывы, ко мнѣ всегда репортовать, прописывая точныя его слова. *тельный*

3.

Въ покоѣ съ нимъ въ ночное время ночевать вамъ обоимъ, а днемъ можетъ быть съ нимъ и одинъ, а другой въ городѣ и за городомъ прогуливаться, только черезъ рѣку не переѣжжать ни зимою, ни лѣтомъ. Осторожность же употреблять слѣдующую: во время ночное изнутри первыя двери закладывать крюкомъ, а другія запирать замкомъ и ключи хранить у себя. А буде въ день случится и другому изъ васъ за нуждою отойти, то изъ сеней первыя двери закладывать крюкомъ, а другія запирать замкомъ и припечатывать. И какъ скоро нужное дѣло исправилъ то быть у своего мѣста. *тай-*

4.

Ежели, паче чаянія случится, чтобъ кто пришелъ съ командою или одинъ, хотя бъ то былъ и камендантъ или иной какой офицеръ безъ имянпаго за собственноручнымъ Ея імператорскаго величества подписаніемъ повелѣнія или безъ письменнаго отъ меня приказа и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго ни кому не отдавать, и почитать все то за подлогъ или непріятельскую руку. Буде же такъ оная сильна будетъ рука, что опастись не можно: то арестанта умертвить, а живаго ни кому его въ руки не отдавать. Въ случаѣ же возможности, изъ насильствующихъ стараться ежели не всѣхъ, то хотя нѣкоторыхъ захватить и держать подъ крѣпкимъ карауломъ и о томъ репортовать ко мне немедленно чрезъ куриера скоропостижнаго. *ной*

5.

Въ покоѣ арестанта ни какого орудія не имѣть, чемъ

бы онъ себя или изъ васъ кого ранить или и умертвить могъ.

6.

Ежели арестантъ будетъ чинить какія безпокойства и непорятки, онаго вамъ сковавъ держать, а что онъ продерзостнаго учинитъ, о томъ именно репортовать сверхъ ординарныхъ репортовъ. *совет-*

7.

Никакой вамъ переписки объ арестантѣ да и о собственныхъ вашихъ нуждахъ ни съ кѣмъ не имѣть, да и другимъ къ перепискѣ поводу ни подъ какимъ видомъ не давать. *никз*

8.

Ежели у камендаппа случатся быть кто изъ приѣжжихъ вамъ знакомые, то отъ оныхъ вамъ укрываться и себя не показывать. *оберз*

9.

На караулѣ имѣть вамъ изъ гарнизона одного унтеръ офицера, одного капрала и двенатцать человѣкъ солдатъ съ заряжеными ружьями, изъ которыхъ имѣть часовыхъ у дверей на галерѣе по два человѣка, и однаго подъ часами съ такимъ приказомъ, чтобъ на галерѣю постороннихъ къ себѣ ни кого не подпущали ближе десяти саженей да и во сѣни ни кого кромѣ васъ и приставленнаго для надобности солдата. А ежели кто будетъ насильно подходить, то дважды окливавъ, а въ третій расъ сказавъ, что убью, стрѣлять по немъ ежели и затѣмъ будетъ еще упрямиться. А между тѣмъ будущему подъ часами объявить вамъ сказавши всей камандѣ во фрунтъ. Гдѣ вы можете усмотря обстоятельствы поступать такъ какъ присяжная должность и къ Ея імператорскому величеству вѣрность васъ обязываетъ. Буде же каменданту какое до васъ дѣло будетъ, то бы находящійся подъ часами салдатъ о томъ прежде васъ увѣдомилъ, котораго одного допустить къ себѣ и приказывайте. *гофв-*

10.

За караульными солдатами смотрѣть чтобъ были безотлучно, а особливо за часовыми дабы должность свою исправляли въ силу данныхъ отъ васъ приказовъ. Чего ради и дозору быть въ малыя ночи по три, а въ большія по пяти и по шести разъ отъ васъ самихъ, также и отъ капрала. *мейстеръ*

11.

Ежели случится (отъ чего Боже сохрани) въ крѣпости опасной пожаръ, то вамъ арестанта накрывъ епанчею, такъ что бы ни кто его видѣть не могъ кромѣ васъ двоихъ, свесть самимъ его на щерботъ и выведши изъ крѣпости посадить въ безопасное мѣсто, при чемъ быть вамъ самимъ безотлучно, а по сторонамъ кругомъ саженяхъ въ десяти разставить всѣхъ салдатъ съ ружьемъ, капралу же приказать людей къ нимъ блиско не подпущать и отгонять. *сена-*

12.

Репорты о состояніи арестанта присылать ко мнѣ черезъ двѣ недѣли подписывая обоимъ и запечатавъ отдавать для пересылки ко мнѣ камендланту. *торъ*

13.

Ежели арестантъ занеможетъ опасно и не будетъ надежды ему выздоровѣть, то въ такомъ случаѣ для исповѣди и святаго причащенія призвать священника одного и велѣть арестанта исповѣдывать и святыхъ таинъ причастить, но прежде нежели священникъ допущенъ будетъ къ арестанту, взять съ него подписку въ томъ, что кого исповѣдывалъ о томъ никому до конца жизни своей не сказывалъ бы подъ лишеніемъ живота и о томъ вамъ ко мнѣ репортовать. *и ко-*

14.

Присланы будутъ къ вамъ отъ каменданта сверхъ караульныхъ два человѣка солдатъ изъ которыхъ одинъ для приготовленія вамъ пищи, а другой для нужныхъ въ покоѣ услугъ, и кого вы еще для услуги своей выберете,

пускать можете въ покои, токмо имъ не входить безъ присудствія вашего, а что нужно то бы при вашемъ бытіи исправляли. И въ то самое время какъ служащій салдатъ пѣчь топитъ или ставитъ кушанье на столъ и прочее, тобъ арестантъ былъ на своей постелѣ и заставленъ ширмами, дабы оный служащій видѣть въ лицо арестанта не могъ. *валеръ*

15.

Объ оной инструкціи никому знать не давать отнюдь кромѣ васъ двоихъ. *Никита*

16.

Впрочемъ что вы сами усмотрѣть бывши на мѣстѣ къ лучшему можете, о томъ представляйте репортами при которыхъ описывать имѣете всѣ припадки, разговоры повседневные и обхожденіе арестантово можете. А какова инструкція дана камендату съ оной для вѣдома прилагается вамъ за моею рукою точная копія, дабы вы свыше повелѣннаго ни чего требовать отъ него не могли. Однакожь ежели что въ ней необходимое пропущено и время не терпитъ, того требовать имѣете отъ каменданта, о чемъ послѣ и меня репортовать. *Панинъ.*

Донесенія.

3.

Его высокопревосходительству господину действителному тайному советнику, сенатору, Ея императорскаго величества действителному камеръ-геру, Его императорскаго высочества оберъ-гофъ-мейстеру и разныхъ орденовъ кавалеру Никите Ивановичу Панину

От капитана Данила Власьева

Всепокорнейший репортъ[1]).

Всепокорнейше доношу Вашему высокопревосходи-

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 350, ч. 5-я, № 1.

тельству сего июля 4 дня после полудни въ пятомъ часу вышелъ я для прогулки въ крепости и сошелся со мною находящейся въ шлюссельбургской крепости караулной оберъофицеръ смоленскаго пехотного полку и началъ мне говорить смею ль я васъ просить и я ему на то сказалъ о чемъ и онъ мне и началъ говорить ежели дозволите мне вамъ говорить и не погубите меня, ведая что я отъ того погибнуть могу и я какъ оное отъ него услышалъ и пришолъ въ великое недоумение и говорилъ ему говорите что до меня вамъ касается, что жъ противно регулу то вы и сами знаете что мы присяжныя люди и я ему о томъ знать не далъ что во оное вступился, а приметя исъ техъ разговоровъ что клонится до нашей комиссии и темъ оное и кончалось.

Капитанъ *Данила Власьевъ.*

4.

Его высокопревосходительству господину действительному тайному совѣтнику сенатору, Ея императорскаго Величества действительному камеръ-геру, Его императорскаго Высочества Павла Петровича оберъ гофъ мейстеру, и разныхъ орденовъ кавалеру Никите Ивановичу Панину
Отъ капитана Данила Власьева и поручика Луки Чекина
Всепокорнейший репортъ[1]).

Всепокорнейше доносимъ Вашему высокопревосходительству какъ сего июля отъ 4 числа писанной мною всепокорнейший репортъ для отправления Вашему высокопревосходительству я персонально господину полковнику Бередникову после полуночи во второмъ часу вручилъ и оной господинъ полковникъ того же часа отправилъ съ нарочно посланнымъ при мне и я пошелъ къ своему месту и еще до того не дошелъ и вдругъ вскричали на гоубвахте къ ружью и тотъ часъ всемъ ѳронтомъ приступили къ нашему посту и начали палить изъ ружей и поручикъ Чекинъ былъ весма остороженъ, и какъ только

[1]) *Ibid.*, № 2.

услышилъ необычной крикъ и команду нашу уставилъ въ порядокъ и по приступе неприятелей окликалъ и, воспрещая имъ подходить, усмотря то что неприятельски поступаютъ приказалъ палить по нимъ изъ зареженныхъ пулями ружей и я по верхней голереи какъ возможно пробравшыся спустился къ команде нашей солдатамъ и порутчику на руки тутъ же съ самымъ усердиемъ обше съ порутчикомъ Чекинымъ подкрепляли команду и приводили къ лутчей безопасности и отбили неприятелей и потомъ тежъ неприятели и вторично на насъ наступать начели и уграживать чтобъ мы имъ здалися и мы со всею нашею возможностию стояли и оборонялись и оныя неприятели видя нашу неослабность взявъ пушку и заредя къ намъ подступили и мы видя оное, что уже ихъ весма противъ насъ превосходная сила имѣющего у насъ подъ содержаниемъ арестанта обще съ порутчикомъ умертвили и больше видя свою совсемъ невозможность принуждены были уступить свое место и такъ оные вдругъ къ намъ и взбежали и насъ обоихъ ухватили и хотели исколоть штыками токмо находящейся оѳицеръ съ ними насъ колоть неприказалъ и велелъ намъ показать арестанта и какъ мы ему показали которой уже умъре, то означенной оѳицеръ съ великимъ серцемъ на насъ кричалъ и говорилъ какъ вы смели такого великого человека погубить и я васъ за то велю штыками однако напоследокъ сказалъ, что я теперь пропалъ а вы щестливея меня и колоть васъ не прикажу и взявъ тело мертвого арестанта и принесши на гоубвахту и меня туда жъ привелъ въ аресте и по пробитiи утренней зори приказалъ караульнымъ мертвому арестанту отдать честь сполнымъ походомъ и сказавъ имъ объ арестанте, что онъ былъ великой императоръ Иванъ Антоновичъ и потомъ со всеми команды своей солдатами и целовался и потомъ арестованъ а мы исъ подъ аресту после того и освободились. Означеннаго жъ арестанта тело ныне находитца въ крепости подъ охранениемъ горнизонной команды. И о вышеписанномъ ваше высокопревосходительство что повелите на что имеимъ ожидать отъ вашего высокопревосходительства высокоповелительнаго ор-

дера и означенной же офицеръ содержится въ крепости подъ крепкимъ карауломъ гарнизонной команды.

Капитанъ *Данила Власьевъ.*

Порутчикъ *Лука Чекинъ.*

Июля 5-го дня
1764 году.

5.

Его высокопревосходительству высокородному господину действительному тайному совѣтнику сенатору Ея Імператорскаго Величества действительному камеръ-геру Его императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича оберъ-гофъмейстеру и разныхъ орденовъ кавалеру Никите Ивановичю Панину

Отъ арміи полковника и слисельбургскаго коменданта Ивана Бередникова

Всепокорнѣйшій репортъ[1]).

Сего числа по полуночи во второмъ часу находящейся въ слисельбургской крепости у безымяннаго колодника капитанъ Власьевъ для отправления Вашему Высокопревосходительству всепокорнѣйшаго репорта въ квартирѣ у меня былъ, которой принявъ я до Вашего Высокопревосходительства отправилъ съ сержантомъ санктъ петеръ бургскаго гарнизона Яковомъ Иштириковымъ. Но стоящей во оной крепости въ недѣльномъ карауле смоленскаго пехотнаго полку подпорутчикъ Василей Яковлевъ сынъ Мировичъ онаго Иштирякова въ крепостныхъ воротахъ одержалъ. И весь веденія ево караулъ во фрунте учредилъ и приказалъ того фрунта всемъ военнослужащимъ заряжать ружья съ пулями. И какъ я, услышавъ стукъ и заряжение ружей во фрунте, вышелъ исъ квартиры своей и спросилъ для чего такъ бесъ приказу во фрунтъ военнослужащие становятца и ружья заряжаютъ. Но какъ онъ Мировичъ услышалъ мое отъ него спрашивание прибегъ ко мнѣ вооруженною рукою, ударилъ меня прикладомъ ружья своего въ голову и пробилъ до кости черепа, причемъ всемъ фрунтавымъ салдатамъ закричалъ: „Это злодей — Государя Иоанна Антоновича содержитъ

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 350, частъ 5-я, № 3-й.

въ крепости здешней подъ карауломъ! Вазмитѣ ево! Мы должны умереть за Государя". Почему тѣ фрунтовые солдаты закричали: „мы должны умереть" и подхватя меня при примкнутыхъ штыкахъ и обнаженныхъ тесакахъ за фрунтъ отвели, угрожая мнѣ: „вотъ посиди, командиръ намъ велелъ". И такъ въ аресте находился я до пятаго часа утра, въ которомъ нетокмо имелъ приятелей, но какъ злодей, сверхъ обыкновеннаго ихъ солдатскаго азарта, держанъ былъ приставленными ко мнѣ салдатами за все мое платье.

И пока я содержался въ ихъ рукахъ упоминаемой подпоручикъ Мировичъ двоекратно покушался забравъ изо фрунта салдатъ итти зъ заряженными ружьями противъ караула гарнизонной команды, которая находилась въ ведомствѣ реченнаго господина капитана Власьева и поручика Чекина, гдѣ многими патронами съ пули стрелялъ, напротивъ того тожъ и ему ответствовано. И неусилясь онъ Мировичъ съ командою своею стрелянiемъ изъ ружей, взявъ изъ квартиры моей городовыя ключи отперъ большие ворота и ввезъ внутрь крепости зъ бастиона своею командою и случившимися гарнизонными въ крепости на карауле артилерiйскими капраломъ и кананирами одну шести фунтовую пушку, которая и привезена была къ казарме где содержитца безымянной колодникъ.

А что уже притомъ происходило за взятьемъ меня въ арестъ видеть я не могъ. Но напоследокъ упомиваемой подпоручикъ привелъ съ собою въ аресте предъ фрунтъ капитана Власьева и мертвое тело безымянного колодника принесено командою ево, гдѣ по установленiи фрунта со всеми солдатами окроме техъ, которые при мнѣ находилися целовался, сказывая имъ, что это онъ одинъ погрешилъ, и барабанщику велелъ бить зорю утренюю і потомъ полной походъ. Причемъ я осмелясь вскричалъ караульнымъ того полку ундеръ-офицеру и капраламъ, чтобъ они, не допуская ево Мировича до меня, дабы онъ въ азарте имевшеюся при немъ шпагою меня не закололъ, арестовали, которые послушавъ меня съ той же самой минуты съ него подпоручика силою и шпагу сняли и содержитца онъ въ оной крепости подъ крепкимъ карауломъ команды гарнизонной. Напоследокъ принужденъ я

былъ просить смоленскаго пехотнаго полку господина полковника Римскаго-Корсакова, чтобъ ко мнѣ въ необходимой мне надобности былъ, которой тотъ часъ и съ секундъ-майоромъ приехалъ и мнѣ вспомоществовалъ, и приказалъ того полку военнослужащимъ, которыя въ крепости отчасти караулъ содержатъ, (чтобъ) были во всемъ мнѣ послушны.

При аресте же вышеписаннаго подпоручика Мировича найдены мною у него манифесты, присяга и повеленіи, лживыя писания руки ево, которыя також и отправленныя, какъ выше значитъ, по полуночи во второмъ часу репорты при семъ Вашему Высокопревосходительству всепокорнѣйше приношу.

Полковникъ *Иванъ Бередниковъ.*

Июля 5-го дня
1764 года.

ЭКСТРАКТЪ ИЗЪ СЛѢДСТВІЯ О ШЛЮССЕЛЬБУРГСКОМЪ БУНТѢ[1]).

6.

Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня даннымъ за Собственноручнымъ подписаніемъ Имяннымъ Указомъ пущеннымъ изъ Риги минувшаго Іюля отъ 9-го числа, генералъ Поручику Веймарну, повелѣвая немедленно ѣхать въ городъ Шлюссельбургъ и тамо произвесть слѣдствіе надъ бунтовщиками, о которыхъ извѣстіе съ подлежащимъ къ тому наставленіемъ дано будетъ Ея Императорскаго Величества Тайнымъ Дѣйствительнымъ Совѣтникомъ Панинымъ, въ послѣдованіи коего Ея Императорскаго Величества собственноручно подписаннаго указа и данныхъ въ силу онаго господиномъ Тайнымъ Дѣйствительнымъ Совѣтникомъ Панинымъ наставленіемъ, Генералъ Поручикъ Веймарнъ, по полученіи оныхъ, прибывъ во упомянутую крепость Шлюссельбургскую, по всерабской своей должности повелѣннаго слѣдствія, по обязанію употребляемаго имъ въ томъ дѣлѣ для письма

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, VI, 400, ч. 4-я.

походной своей канцеляріи секрета подпискою, тѣмъ самымъ въ дѣло произвести не преминулъ, что не токмо начальника сего злоужаснаго и мало подобно слышаннаго, какъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества Освященнѣйшей особе, такъ и всему государству опаснейшого злодейского бунта, якоже и всехъ во ономъ обще себе употребленными безъ изятія чиновъ, но и для подробнѣйшаго всехъ обстоятельствъ сведенія, всехъ тогда въ той крепости находившихся, какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей, съ столь обстоятельными каково то важность дела всемерно требуетъ допросами, собственными ихъ добровольными, безъ всякаго пытки употребленія, признаніями удостоверить и темъ посредствомъ самосправедливейшого и обстоятельнейшого сведенія, какъ о основаніи, видовъ і намеренія сего опаснейшаго и зловреднейшаго предприятія, такъ и о вине и участіи коихъ каждая въ томъ себя употребленная особа возіметъ можетъ, получить, кое по содержанію чинимыхъ и при семъ въ орегиналѣ пріобщенныхъ допросовъ, въ следующемъ состоитъ:

Смоленскаго пехотного полку подпоручтикъ Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ, яко авторъ и предводитель сего бунта и изменническаго возмушенія[1]) сіе злоужаснейшее намереніе воспріялъ не ранѣе какъ съ 1-го числа Апреля месяца сего текущаго 1764 года, не імѣвъ къ тому другихъ причинъ и побужденіевъ, какъ только предпочитая себе во огорченіе,

во 1-хъ, несвободной везде въ Высочайшемъ Дворе, въ техъ комнатахъ, где Ея Императорское Величество присутствовать изволитъ и въ кои только стабъ офицерскаго ранга имѣющія люди допускаются, допускъ;

во 2-хъ, въ техъ операхъ въ которыхъ Ея Императорское Величество сама присудствовать изволила равномерно жъ допущаемъ не былъ;

въ 3-хъ, что въ полкахъ стабъ-офицеры не такое почтеніе, какое офицеръ по своей чести къ себе імѣть долженствуетъ, отдаютъ, и что техъ, кои изъ дворянъ, съ

---

[1]) Какъ то изъ 1-го пункта его по первому допросу ответа на 69-й странице засвидетельствуется.

теми, кои изъ разночинцовъ сравниваютъ и ни въ чемъ преимущества первымъ противъ последнихъ не отдаютъ;

въ 4-хъ что по поданной имъ Ея Императорскому Величеству челобитной, о выдаче ему изъ описанныхъ предковъ его іменія, сколько изъ милости Ея Императорскаго Величества пожаловано будетъ, ему въ резолюцію отъ Ея Императорскаго Величества Апреля 19-го дня написано было: что, какъ по прописанному здесь просители никакого права не імеютъ и для того надлежитъ Сенату отказать имъ; равномерно же прибавя онъ еще и то, что на вторичное Ея Императорскому Величеству поданное письмо коимъ онъ просилъ о награжденіи изъ предковыхъ іменій или о пожалованіи пенсіи сестрамъ ево, въ резолюцію отъ Ея Императорскаго Величества надписано: чтобъ доволствоватся прежнею резолюціею, къ которымъ[1]) еще и то причиною и побужденіемъ своего намеренія паче симъ признаваетъ.

5-е, что самолюбіемъ воображая себе полученіемъ пожеланіямъ и страстямъ ево преимущества, вяще всего къ тому намеренію склонясь утвердился.

Съ сими, какъ во огорченіе себе почитающими, такъ и своелюбію ево знатнейшими преимуществами ласкающими причинами, побужденнымъ состоя и спомня онъ Мировичь[2]) слышанныхъ въ прошломъ 1763-мъ году въ октябре мѣсяце отъ отставнаго барабанщика, коего какъ онъ по імени, ниже жительства ево не знаетъ, то и толь же мало і сысканъ и въ томъ удостоверенъ быть не могъ, сколь же мало въ томъ и большой къ точному сего дела ізъясненію надобности не предвидится, о содержаніи Івана Антоновича въ крепости Шлюссельбургской речей и находясь уже тогда зараженнымъ, какъ противъ Ея Імператорскаго Величества ненавистью, такъ ласканіемъ своего собственнаго по страстямъ ево, къ большимъ чинамъ и преимуществамъ желанія наполненнымъ, воспріялъ намереніе все свои силы, разумъ и помышленіе въ томъ упо-

---

[1]) Во вторичномъ своемъ допросе на 116-й странице въ 1-мъ пунктѣ.

[2]) Какъ то на 71-й странице во 2-мъ пункте перваго допроса показано.

требить, чтобъ онаго Івана Антоновича, выведши изъ крепости Шлюссельбургской, привесть въ Санктъ-Петербургъ для возведенія ево на престолъ Всероссійской! Но находивъ, что въ такомъ ево важномъ намереніи исполненія, а паче въ разсужденіи вывода Івана Антоновича изъ упомянутой крепости и въ чемъ онъ Мировичъ больше, нежели въ приводе оного Івана Антоновича въ Санктъ-Петорбургъ, яко и въ самыхъ ко возведенію оного на престолъ потребныхъ предвиденіевъ, меръ и производствъ[1]), затрудненій находилъ, необходимо вернаго, надежнаго и къ тому во всемъ способнаго человека въ товарищи імѣть нужда состоять могла: къ сему же однако никого лутчаго и способнейшаго не изобрелъ, какъ давнейшого и съ нимъ Мировичемъ въ нравахъ совсемъ сходнаго своего пріятеля, великолуцкаго пехотнаго полку порутчика Апполона Ушакова; то, какъ уже твердо въ немъ Мировиче те злодейскіе мысли, Апреля съ 1-го числа сего года вкоренены были, сыскавъ въ прошедшемъ Маіе мѣсяце, около 8-го и 9-го числа, упомянутаго своего друга Апполона Ушакова, состоящаго тогда у Ісакіевского моста при коръ де гардіи на карауле, и вышедъ съ нимъ изъ коръ де гардіи, началъ ему о зломъ своемъ намереніи, сперва несколько окольными возраженіями открываться, и хотя онъ Ушаковъ при выраженіи техъ речей несколько въ робость и пришелъ, но потомъ поправя себя спрашивалъ: чтобы такое было и съ какимъ намереніемъ Мировичъ ему о томъ объявляетъ? на что Мировичъ, въ надежде признанной дружбы и сходства въ нравахъ и склонностяхъ, ему точно открылъ свое въ томъ намереніе, чтобъ Государя Івана Антоновича, которой содержится въ крепости Шлюссельбургской, высвободить; противъ чего Ушаковъ ему и сказалъ, что онъ и самъ о томъ, что Іванъ Антоновичъ въ крепости Шлюссельбургской содержится, слышалъ отъ инженернаго офицера, проезжаго изъ Шлюссельбурга, а кто таковъ імянемъ и прозваніемъ оной инженерной офицеръ, того ему Ушаковъ не выговаривалъ, а следственно

[1]) Какъ изъ 3-го пункта перваго допроса на 73-й странице явствуетъ.

потому Мировичъ у него и не спрашивалъ. И какъ онъ Ушаковъ изъ словъ Мировичевыхъ точно себя уверилъ, что такое ему откровеніе не по коварству или притворствомъ, но по самой истинне, съ твердымъ и неотменнымъ къ действительному производству намереніемъ делается, то и онъ въ томъ весма не отрекся, но вскоре согласіе свое къ Мировичеву предпріятію оказалъ. Почему они обще Мировичъ съ Апполономъ Ушаковымъ, для толь наилутчаго въ общемъ намереніи успеха, другъ другу взаимными обязательствами утверждали и ко всякому, какъ благого, такъ и злого изъ оного приключенія пріуготовляясь, условились, чтобъ имъ въ томъ твердо остаться і все меры въ производство употребили бъ еще и темъ себя заимно вяще укрепили, что Майя 13-го числа[1]) пришли въ церковь Казанской Богоматери и отслужили по себе акафистъ и понафиду, такъ какъ бы надъ умершими следовало и утверждая себя темъ къ неотменному производству твердо предпріятаго и воображая себе все смертные страхи отвращеніемъ отъ предпріятія за неопреодоляемыя. А по выходе изъ церкви, приступили они, Мировичъ и Апполонъ Ушаковъ, къ ближайшему о производстве своего намеренія и къ тому способнейшихъ меръ, средствъ и способовъ изобретенію и расположеніямъ въ томъ точно состоящихъ и тогда же принятыхъ постановленіевъ:

1) Чтобъ[2]) себе опасности не подвергнулибъ и чьей нибудь нетвердостію неоткрылось бы ихъ намереніе: то безъ помощи другихъ сообщниковъ, почитали себя однихъ, по принятому и ниже сего объясненному въ дело производства плану, въ томъ предпріятіи за весма довольныхъ, почему и условились о принятомъ своемъ намереніи отнюдь никогда никому не открывать и никого себе въ сообщники[3]) не пріискивать. А по сему они, Миро-

[1]) Какъ то изъ записокъ своеручныхъ въ Немецкомъ календаре і учиненныхъ изъ оныхъ объясненій на 244-й странице въ 22-мъ пункте явствуетъ.

[2]) Какъ то изъ 1-го пункта вторичныхъ допросовъ на 122-й странице явствуетъ.

[3]) Какъ то и въ 6-мъ пунктѣ его Мировича перваго допроса на 84-й странице показано.

вичъ и Апполонъ Ушаковъ, и другихъ о томъ прямо и подробно знающихъ и потому въ согласіи состоящихъ сообщниковъ и помощниковъ, ниже дѣйствительно імѣли, ниже приуготовить ни мало не старались, окроме техъ, коихъ Мировичъ, после смерти Ушакова, при самомъ въ дело производстве своего предпріятія и окроме тѣхъ о томъ деле некоторымъ образомъ несколько ізвѣстныхъ, но со всемъ темъ, о точномъ намереніи несведующихъ людей, о которыхъ ниже сего упомянуто, себе присовокупилъ.

2) Намеренное ими освобожденіе Івана Антоновича изъ Шлюссельбургской крепости, къ приводу въ Санктъ-Петербургъ и къ возведенію на престолъ, полагали они, Мировичъ и Ушаковъ, почитая, какъ и выше упомянуто, себя однихъ къ тому весма достаточными, темъ самымъ совершенно въ дело и къ желаемому ими концу произвесть, следующія способы столь доволными, что отъ нихъ себе всемерно благоуспешнаго въ своемъ намереніи конца ожидали. А какъ ни въ чемъ болше, какъ во освобожденіи и выводе Івана Антоновича изъ крепости Шлиссельбургской затрудненіи находили, то, для преодоленія оныхъ къ достиженію своего намеренія, положили они лутчимъ посредствомъ, чтобъ сему ихъ злаго предпріятія въ дело производству быть по отшествіи Ея Імператорскаго Величества въ Лифляндію, на третей, или поздо на пятый день, а отнюдь не далее недели, и тогда імѣть лжесоставленной и написанной Мировичемъ отъ імяни Ея Императорскаго Величества указъ къ состоящему въ Шлиссельбургской крепости караульному офицеру, которымъ бы былъ онъ Мировичъ, пріехать часто упомянутому Ушакову со онымъ Указомъ въ назначиваемое ему тогда время, какъ онъ Мировичъ въ крепости Шлюссельбургской на карауле состоять імѣлъ бы, подъ імянемъ подполковника и Ея Імператорскаго Величества ордоннанса Арсеньева, въ 12-ть часовъ по полуночи, къ самой пристани на шлюпке, которую бъ ему нанять во чтобъ не стало въ Санктъ-Петербурхе, и подъехавъ на оной шлюпке къ крепости, какъ скоро лишь часовой окличетъ, тогда сказать ему, что куріеръ отъ Государыни и въ то время уже шлюпку не медля отпустить, а ему Ушакову, імѣвъ на себѣ камзолъ

стабъ-офицерской съ позументомъ, которой для сего случаю нарочно Ушаковымъ, по условію съ Мировичемъ, зделанъ и прочія наружности въ такомъ состояніи какъ бы темъ вяще показываться могъ всемъ за небезъзнатнаго человѣка, вошедъ въ крепость, и оказать свой видъ гораздо важно и храбро и съ Мировичемъ, во уваженіи отданнаго Ушаковымъ Указа, поступать бы такъ, какъ съ офицеромъ, котораго будто бы отъ роду не знавалъ, а Мировичъ, получивъ оной указъ, въ самой тотъ моментъ отнюдь ни мало мешкая всей команде прочесть, чтобъ имъ темъ лутче вперить въ мысль сіе повеленіе и темъ бы привесть въ состояніе ко исполненію ихъ намерки и тогда, не медля ни мало, тотчасъ взявъ изъ фронта 8 человѣкъ рядовыхъ, арестовать и сковать коменданта и тотъ же часъ ему Ушакову самому итти къ состоящимъ при упоминаемой содержащейся подъ карауломъ особе офицерамъ и объявить імъ, что онъ отъ Ея Імператорскаго Величества присланъ къ караульному офицеру, которой оковываетъ коменданта и кой тотъ часъ къ нимъ будетъ, приказывая при томъ, чтобъ они между темъ убирались. А какъ бы скоро Мировичъ къ нимъ пришелъ и посредствомъ освобожденія ізъ подъ караула получили бы Івана Антоновича, тобъ тотъ же часъ, взявъ крепостную шлюпку и гребцовъ, посадя съ собою на оную шлюпку для битья тревоги барабанщика, и следовать бы въ Санктъ-Петербургъ.

Съ симъ то способомъ лаская себя произведши освобожденіе Івана Антоновича и выведши его изъ крепости Шлюссельбургской, намереніе ихъ состояло[1]) прибывъ въ Санктъ-Петербургъ къ Выборгской стороне представить его артиллерійскому лагерю, а есть-ли жъ того лагеря тамъ не находилось, то ни мало не медля, къ пикету того корпуса на Литейной стороне стоящему, котораго они, хотя въ немъ і никакого предварительнаго соглашенія или другаго какого пріуготовленія или сообщниковъ действительно не імѣли, следственно і ни малейшей справедливой надежды въ томъ, какъ единственно только на удачу не полагали;

---

[1]) Какъ изъ первыхъ Мировичевыхъ ответовъ въ 3-мъ пункте, на 78-й странице явствуетъ.

но потому предпочтительно ізбрали[1]) что во оныхъ полкахъ противъ протчихъ многолюднее и гораздо больше отважливее потому состоятъ, какъ ізъ многихъ полковъ лутчія собраны, следственно и къ сему ихъ предпріятію они почитали іхъ способнее, нежели другія полки, і прибывъ туда[2]) імевшему при нихъ барабанщику приказано бъ было бить тревогу, при чемъ бы собравшемуся народу чинили бъ они объявленіе, что представляющаяся особа есть действительно Государь Іванъ Антоновичъ, которой по седми летнемъ въ крепости Шлюссельбургской содержаніи оттуда іми самими высвобожденъ, і въ надежде той, что по отбитіи тревоги любопытной народъ по обыкновенію къ тому месту сбираться не оставилъ бы, імѣли бъ они Мировичъ и Ушаковъ оного, а паче артиллерійскихъ служителей, къ признанію Івана Антоновича Государемъ склонивать і о возпріятіи імъ престола лжесоставной іми Манифестъ тогда прочитать, не сумневаясь, что какъ въ собирающемся народе, такъ і въ корпусе Артиллерійскомъ, по прочтеніи того Манифеста, коего такой силы составлевнымъ быть почитали, что во уваженіи прописанныхъ въ немъ обстоятельствъ и возраженей, какъ народъ, такъ і Артиллерійскій корпусъ не оставили бы къ нимъ пристать і единомышленниками учиниться. По усмотреніи жъ такого себе уповаемаго успеха, приказано бъ было возводимому на престолъ Государю учинить всемъ присягу, а потомъ бы і далее поступить такимъ порядкомъ, а імянно, чтобъ изъ присягавшихъ артиллерійскихъ полковъ іли другихъ случившихся стабъ іли оберъ-офицеровъ, съ пристойными командами тотчасъ послать на Санктъ-Петербургскую сторону і взявъ тамо состоящую крепость, овладетъ всеми тамошними орудіями, пушками і протчими припасы, не умедливая при томъ повелеть черезъ техъ же посланныхъ произвесть пушечную пальбу, хотя и бъ и не въ большомъ числе выстреловъ, но по крайней мере про-

---

[1]) Какъ то изъ первыхъ ответовъ Мировичемъ въ 13-мъ пункте на 89-й странице явствуетъ.

[2]) Какъ то изъ вторичнаго его Мировича ответа въ 1-мъ пункте въ 4-мъ раздѣленіи на 122-й странице значится.

должительную, дабы темъ только подать знакъ къ собранію народа и приведенія онаго въ страхъ, а къ лутчему успеху подверженіемъ подъ власть возстановляющагося на престолъ і ко учиненію ему присяги. Самого же того времяни і яко за нужное іми признанное, дабы не могла чрезъ Неву реку посредствомъ разломанія імѣющихся на оной мостовъ несклонными на ихъ сторону і еще не присягавшимъ новому Государю народомъ перервана быть коммуникація, и темъ бы не учинилось іхъ дѣлу помѣшательство, тобъ зделано было разпоряженіе посылкою достаточныхъ пикетовъ, поставляя оныя при всехъ мостахъ со обоихъ сторонъ реки. Въ тожъ самое время изъ таковыхъ же присягнувшихъ стабъ і оберъ-офицеровъ разослать во все стоящіе въ Санкт-Петербурге гвардіи і полевые полки, съ повеленіемъ полковымъ командерамъ, чтобъ возводившемуся на престолъ новому Государю учинили присягу, а въ противномъ тому случае, где бъ і отъ которого полку не возпрепятствовалось, то для подкрепленія повеленія новаго Государя, изъ нихъ одному въ те места ехать і понуждать во исполненіи къ приведенію къ присяге, а другому, не отлучаясь отнюдь, находиться при возстановляющейся на престолъ особе, а оная бъ особа для сохраненія целости и здравія должна была тогда до полученія торжественного окончанія подъ собственнымъ сохраненіемъ артиллерійскаго корпуса пребыть. Между симъ расположеніемъ не оставили бъ они наблюсть і какъ наіскоряе возможно определя ізъ артиллерійского корпуса писцовъ достаточное число съ сочиненного Манифеста до несколько числомъ написать экземпляровъ і въ нужныя места напередъ отправить а въ протчіе какъ бы время додало. А при всемъ томъ отнюдь неумедлили бъ і не последнимъ изъ другихъ деломъ учинили бъ, какъ только можно поспешнее въ Правительствующій Сенатъ і въ Святейшій Синодъ, яко въ вышнія Россійскаго Государства начальства, а потомъ і въ другія коллегіи і присудственныя места таковыхъ же нарочныхъ о учиненіи присяги разослать; а въ Сенате и въ Синоде какъ сенаторамъ, такъ і духовнымъ членамъ собрався ожидать повеленія, а буде бъ іногда ослушность оныхъ возпрепят-

ствовать хотела сему іхъ предпріятію, то съ принужденіемъ определилось бы оныхъ собрать.

И такимъ то точнымъ образомъ уповали они все въ дело і въ действо произвести, усиливая техъ коибъ противными учинились; въ противномъ же случившемся імъ изъ сего предпріятія приключеніи, полагали они въ жизни своей упадокъ, а другаго средства къ распоряженію правительства і ко установленію порядковъ, а паче ко утвержденію возшествія на престолъ новаго государя предпочтительно ту особу избрать желали, которая бъ скорея склонною имъ оказаться могла, а особливо на то ими назначена не была. А въ разсужденіи освященной Ея Імператорскаго Величества особы, якоже и въ разсужденіе Высочайшей особы, Его Імператорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великого князя Павла Петровича[1]) намереніе ево Мировича съ Апполономъ Ушаковымъ было при возстановленіи Івана Антоновича, ежели бы онъ на то склоннымъ нашелся, въ какое нибудь отдаленное и уединенное место заточенію предать, а окроме того до здравія и жизни освященнейшей Ея Імператорскаго Величества якоже и Его Імператорскаго Высочества особъ никакого вреда учинить въ уме у нихъ не было.

Въ послѣдованіи сего вышеупомянутаго злодейскаго намереннаго разположенія, для толь совершеннейшего і действительнаго въ дело производства со общаго ихъ, Мировича і Апполона Ушакова, согласія, составилъ онъ Мировичъ и своеручно написалъ, во 1-хъ, Указъ отъ імяни Ея Імператорскаго Величества караульному въ Шлюссельбургской крепости офицеру, коимъ бы онъ Мировичъ самъ быть імѣлъ, объ арестованіи и скованіи той Шлюссельбургской крепости коменданта и о привозе, какъ онаго, такъ и содержащагося въ той крепости часто упомянутаго Івана Антоновича въ Санктъ-Петербургъ; во 2-хъ, письмо отъ нихъ Мировича и Апполона Ушакова ко освобождающемуся ими Івану Антоновичу; въ 3-хъ, манифестъ отъ імяни возводимаго ими Івана Антоновича, писанной и подписанной імянемъ онаго же Івана Антоновича рукою Ми-

[1]) Какъ то изъ своеручныхъ Мировичевыхъ записокъ объясненія на 251-й странице оказывается.

ровичевой; въ 4-хъ, форма клятвеннаго обѣщанія, служащая къ вышеписанному случаю и обстоятельству, написанная жъ своеручно Мировичемъ.

А потомъ ужъ пошли они Мировичъ и Апполонъ Ушаковъ на Выборгскую сторону осматривать подъ Артиллерійскій лагерь занимающагося места, дабы имъ тамошния положеніи къ предпріятію ихъ все известны были, при которомъ случае зделали они обще обещаніе о построеніи въ томъ месте буде ихъ намереніе предъуспеетъ церквей и протчихъ украшеній[1]) не меньше жъ къ такому жъ подробному ихъ знанію неотменно учиняемыхъ примечаніевъ, положили они Мировичъ і Ушаковъ вместе отправиться въ Шлиссельбургъ, чтобъ и тамо, какъ пріездъ къ крепости, такъ и протчія окрестныя обстоятельства, елико возможно и подробно разведать, въ следствіе чего[2]) на третій день по смене съ караула Ушакова изъ Санктъ-Петербурга въ Шлиссельбургъ ездили и по пріезде, приставъ въ Рыбачью слободу и нанявъ рыболова подъ видомъ чтобъ переехать въ те две избушки, где рыбу ловятъ, для покупки оной, куда и переехали и отъ туда[3]) смотря на крепость сожалели, что имъ войти въ оную возможность не допустила, а потомъ въ той же рыбачьей лодке ездили они по реке и осматривали состоящую подъ крепостью пристань, где бъ по учиненномъ между ними условіи должно бы съ написаннымъ караульному офицеру указомъ Ушакову пристать, а потомъ, переехавъ обратно на берегъ, возобнавляя тамо еще между собою условленныя намѣренія и все къ тому постановленныя средства, съ темъ чтобъ конечно имъ то свое предпріятіе исполнить, отъ туда и разъехались: Ушаковъ въ Санктъ-Петербургъ, а Мировичъ въ роту. Въ следствіе чего, онъ, Мировичъ, хотя предъ симъ въ крепости Шлиссельбургской и бывалъ, но еще для такихъ надобныхъ примечаніевъ чаще

---

[1]) Какъ то изъ объясненіевъ обещаніямъ, на странице 244-й явствуетъ.

[2]) Какъ то изъ первыхъ его Мировича ответовъ въ 3-мъ пункте на 76-й странице значится.

[3]) Какъ то изъ объясненіевъ на 255-й странице значится.

самоохотно напрашиваться сталъ, почему въ карауле въ той крепости неоднократно і находился.

А понеже онъ Мировичъ, по зараженному уже въ немъ тогда духу, время отъ времяни себя въ томъ утверждая, вяще старался всякія разведыванія къ сему его злодейскому предпріятію служащіе неприметнымъ образомъ учинять, то потому, какъ онъ былъ второй разъ, то есть въ Майе месяце, въ Санктъ-Петербурге, отъ едущаго съ нимъ отсуда обратно на лодке солдата[1]) изъ разговоровъ слышалъ: что Іванъ Антоновичъ въ Санктъ-Петербурге, какъ при бывшемъ Государе Імператоре Петре Третьемъ, такъ уже и во время державствованія Ея Імператорскаго Величества два раза былъ, чего для онъ Мировичь, какъ въ последней разъ въ Санктъ-Петербурге былъ и стоялъ квартерою на Литейной части, въ доме Адмиралтейскаго мастероваго человека, въ которомъ доме, обще съ нимъ Мировичемъ, въ нижнихъ покояхъ стоялъ придворный лакей Тихонъ Косаткинъ, съ коимъ онъ возъімѣя знакомство, у него лакея о техъ речахъ, что не былъ ли Іванъ Антоновичъ два раза въ Санктъ-Петербурге спрашивалъ, и хотя тотъ лакей ему въ томъ и ответствовалъ что онъ не знаетъ, но Мировичъ хитростею своею не оставилъ его и далее на разговоры свои позвать и отъ него всякихъ къ видамъ и намереніямъ его служащихъ известіевъ получить и ево лакея неприметнымъ образомъ къ вознамеренному его Мировича предбудущему предпріятію въ томъ разуме приуготовить, чтобъ и посредствомъ онаго лакея, то его дѣло охотнее въ народе принято быть могло. И хотя въ его Мировичевыхъ ответахъ, о чинимыхъ имъ съ темъ лакеемъ разговорахъ самой істинны и не показано было, но при допросе онаго лакея о всемъ томъ, более нежели въ ево Мировича показаніяхъ, въ которыхъ ево оной лакей уличилъ и самъ онъ Мировичъ на очной ставке признался, открылось[2]), что идучи за несколько дней передъ праздникомъ Сошествія Святаго Духа, оный

[1]) Какъ то изъ перваго его Мировича ответа въ 16-мъ пунктѣ на 91-й странице значится.

[2]) Какъ то изъ ответа онаго лакея на 152-й до 155 страницъ, якоже и съ очной ставки ево Мировича и онаго лакея на 161-й странице явствуетъ.

Мировичъ и лакей Косаткинъ, чрезъ летняго Ея Імператорскаго Величества двора садъ, по соотвѣтствованіи на Мировичевъ вопросъ о бытности Івана Антоновича въ Санктъ-Петербургѣ, онъ лакей спросилъ у него Мировича объ Іване Антоновиче: что где же де онъ ныне содержится? на что ему Мировичъ сказалъ: что онъ содержится въ крепости Шлиссельбургской въ темницѣ, у которой де и окна забрызганы і мы де часто въ крепости бываемъ и туда на караулъ ходимъ; а по учиненіи того ответствія онъ, Мировичъ, спрашивалъ у того лакея: что каковъ де нынешній дворъ имъ кажется въ сравненіи противъ того, какъ при жизни Блаженныя Памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны и при Государѣ Петрѣ Третьемъ было? на что ему лакей и ответствовалъ: что какъ то не весело, а не веселость оная причиною къ неудовольствію состояла потому, что де прежде изъ придворныхъ лакеевъ выпускаемы были въ офицеры съ рангами порутчичьими и подпорутчичьими, а ныне де никакого выпуску нетъ, а слышно де что по новому стату будутъ ихъ выпускать сержантскими чинами; а на те лакейскія речи Мировичъ ему лакею сказалъ: что здоровъ ли де то походъ нашей Государыни будетъ? а у насъ де солдаты какъ вещуны говорятъ, что Іванъ Антоновичъ будетъ возведенъ на престолъ; на что оный лакей ему Мировичу сказалъ: О! сохрани де Господи! и не дай Богъ слышать, намъ и такъ де уже эти перемены надоели, сказывая при томъ оному Мировичу слышанныя отъ пришедшаго въ квартиру ево конной гвардіи рейтара Михаила Торопченина речи, которыя онъ рейтаръ ему говорилъ и хотелъ идти къ Его Сіятельству Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову объявлять, что везде говорятъ про Івана Антоновича и конечно будетъ ли де здоровъ нашей Государыни походъ? и что онъ лакей ево рейтара, дабы больше не болталъ, отъ себя выслалъ, а пересказавъ то и паки ему Мировичу онъ лакей сказывалъ же по слышаннымъ имъ отъ двоюроднаго брата его лакея, Троицкаго Собора священника Івана Матвеева речамъ, такимъ образомъ, что здоровъ ли де то будетъ вашъ походъ, въ коемъ онъ лакей назначенъ былъ въ Ревель? а я де слы-

шалъ, что ныне за море отправлено два корабля съ серебренными деньгами и будто обратно возвращены, къ сему еще прибавилъ отъ себя онъ лакей: что передъ симъ, де, находящимся при Дворе придворнымъ лакеямъ, всегда сверхъ определеннаго жалованья, отъ кавалеровъ награжденіи бывали деньгами, а ныне де и жалованье медными деньгами имъ даютъ, а при Государе Петре Третьемъ по большей части все серебреная монета ходила и какъ де я думаю, что очень много онаго серебра отправлено, на что Мировичъ ему и сказалъ, что конечно де много, когда на двухъ корабляхъ и уповаю де, что милліоновъ до шести будетъ.

Въ которомъ лакея Касаткина показаніи подпоручикъ Мировичъ не токмо не заперся, но съ очной ставки въ томъ точно во всемъ признался и утвердился, но сверхъ того, въ пополнительномъ своемъ допросе [1]) онъ Мировичь точно объявилъ: что оный лакей Касаткинъ самаго ево Мировича злодейскаго намеренія и предпріятія не токмо со всемъ не зналъ, но те речи, которыя въ ево Мировичевомъ и лакейскомъ показаніи находятся къ нему лакею въ знаніе дошли съ ево лакея одной простоты, а онаго Мировича действительнымъ злоковарнымъ выведываніемъ къ тому приведенъ, какъ то онъ Мировичь старался болѣе въ него вперить и совершенно усугубно вкоренить примеченнаго имъ въ немъ и безъ того неудоволствія и буде возможно до той степени привести, какъ то онъ и самъ въ себе імелъ и чемъ бы лучше можно было поводъ иметь во удовольствіе ему Мировичу и къ пользе имъ предпріятаго дѣла; при чемъ темъ же пополнительнымъ допросомъ, онъ Мировичъ показалъ: что онъ выше сего упомянутаго лакейскаго двоюроднаго брата, попа Івана Матвеева, никогда не зналъ и незнаетъ и со онымъ никакихъ разговоровъ іметь было не можно, а меньши того возможности состояло, чтобъ ево къ какимъ либо размышленіямъ употреблять или пріуготовить къ подкрепленію ево Мировичева намеренія, потому что не токмо того попа онъ не знаетъ, но и о імяни его, что есть ли у объ-

[1]) Въ 1-мъ пунктѣ на 171 странице.

явленнаго лакея Косаткина такой братъ священникъ, ни отъ кого ни слыхалъ. А сверхъ того[1]) онъ Мировичъ точно уверяетъ что хотя злодейское ево намереніе непременнымъ въ немъ и находилось, і легко бы верить можно, что въ разсеваніи всякихъ въ народе разглашеній не последнимъ былъ бы, но онъ въ томъ утверждается, что не токмо самъ оныхъ разглашеніевъ въ народъ не впускалъ, ниже знаетъ кемъ бы то учиняемо было, следственно потому онъ Мировичъ, какъ дядей своихъ Мировичевъ, такъ и никого къ тому не употреблялъ и оные однофамильцы Мировичи о ево злодейскомъ намереніи никогда знать не могли и действительно не знали, якоже и ни кто другіе окроме сообщника ево Апполона Ушакова; лакей же Тихонъ Косаткинъ, хотя въ вышеприсанныхъ, съ Мировичемъ непристойныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ і употребился, но какъ самимъ Мировичемъ засвидетельствуется, такъ и собственнымъ ево лакейскимъ[2]) ответомъ уверяется, ни къ какимъ злодейскимъ, а меньше еще въ настоящихъ Мировичевыхъ предпріятіяхъ въ чемъ либо известенъ не былъ, і кроме того только, о чемъ со онымъ Мировичемъ были разговоры, ни въ чемъ другомъ Мировичь ему не открывался и его, лакея, ни къ какому злодейскому намеренію не склонялъ, также и къ разсеванію всякихъ разглашеніевъ ни отъ него Мировича, ниже отъ другихъ кого употребленъ не былъ, и самъ того нечинилъ, да и за другими ни за кемъ онаго не знаетъ, а въ прочемъ, не прикрывая[3]) при техъ съ Мировичемъ разговорахъ ізъявленіемъ собственныхъ ево неудовольствіевъ о выпуске дворцовыхъ лакеевъ сержантскими чинами, и о производствѣ имъ медными денгами жалованья, съ неподлежашимъ ему сравниваніемъ преимущества времянъ, признаваетъ себя во всемъ томъ виннымъ, безъ всякаго въ томъ себя оправданія.

---

[1]) Какъ въ первомъ ответѣ въ 15-мъ, такъ и во вторичномъ во 2-мъ якоже и въ дополнительномъ отвѣтахъ во 2-мъ же пунктахъ.

[2]) Въ 7-мъ пункте на 156-й странице.

[3]) Какъ то въ 4-мъ и 5-мъ пунктѣ его ответовъ на 153-й странице явствуетъ.

А что же принадлежитъ до оговореннаго имъ лакеемъ конной гвардіи Рейтара Максима Торопченина, въ слышаніи імъ лакеемъ отъ него выше сего упомянутыхъ речей, то хотя оный Рейтаръ[1]) противу показанія ево лакея въ томъ и отперся, а показалъ, что какъ онъ Рейтаръ къ нему лакею пришелъ прочитать одно письмо, і выпивъ по стакану пива, оной лакей у него Рейтара спрашивалъ: не слышно ли у нихъ чего въ полкахъ? то якобъ оной Рейтаръ на то ему лакею и сказалъ: что у насъ дескать переговариваютъ о малинской сумятице; лакей же, паки ему Рейтару объявилъ, что у насъ дескать переговорка есть, что какъ скоро Государыня ізволитъ въ походъ поехать, то опасаются чтобъ не было тревоги за ково нибудь другова, во образѣ томъ, чтобъ не привезенъ былъ Іванушка. На что упомянутой лакей во вторичномъ своемъ ответе[2]) противъ того Рейтара показанія объявилъ, что всего того не было і онъ де Торопченинъ показываетъ то напрасно, а происходили де у него лакея съ нимъ разговоры такимъ порядкомъ, какъ въ 1-мъ ево ответе показано. Но съ данной оному придворному лакею Косаткину и Рейтару Торопченину[3]) очной ставки совершенно оказалось, что лакейское объявленіе суще справедливымъ осталось и что потому Рейтаръ действительно ему лакею о томъ вышепомянутыя речи съ темъ объявленіемъ сказывалъ, что онъ о томъ его сіятельству Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову донести намеренъ, уверяя при томъ, что онъ техъ словъ отъ Рейтара же Хлопова съ темъ объясненіемъ слышалъ, что о томъ де везде говорятъ.

А какъ изслѣдованіе учиненіемъ допросовъ на послѣдокъ упомянутого Рейтара Хлопова, какъ то и онъ о везде говоренномъ слухе Рейтару Торопченину объявлялъ, еще къ дальнымъ і безплоднымъ следствіямъ безъ настоящаго успеха поводъ дать могло бы, того для, въ разсужденіи учиненнаго[4]) опредѣленія и во ономъ пространно прописанныхъ обстоятельствъ уваженій, какъ учиненіемъ

---

1) Какъ то на 219-й странице явствуетъ.

2) На 223-й странице.

3) На 160-й странице.

4) На 267-й странице.

допросовъ Рейтару Хлопову, такъ и дальныя изысканія того слуха первоначальнаго произносителя оставлено, а проступокъ Рейтара Торопченина, въ томъ, что намеренное имъ Его Сіятельству Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову донесеніе во время не учинилъ, на Высочайшее разсмотреніе и определеніе суда предается.

А какъ изъ допросовъ придворнаго лакея Касаткина оказывается, что священникъ Іванъ Матвеевъ речей, по наслышке жъ, ему лакею сказывалъ, следственно какъ и выше упомянутые слухи, ни что иное, какъ безплодныя дальности произвести могли бъ, то со уваженія техъ же вышеизображенныхъ и во упомянутомъ определеніи показанныхъ резоновъ, допросъ оному попу и отъ него іногда показующимся оставленъ.

Но какъ между темъ сообщникъ и товарищъ ево Мировича Апполонъ Ушаковъ, какъ то изъ своеручной въ календаре Мировичевой записки видится, 23-го числа Маја отправился изъ Санктъ-Петербурга отъ Государственной Военной Коллегіи для отвозу денежной казны къ господину генералъ Аншефу, Сенатору и Кавалеру князь Михайле Никитичу Волконскому, то хотя та посылка ему весьма въ томъ разсужденіи противною и казалась, чтобъ препятствіемъ иногда ихъ предпріятію не послужила, но темъ не меньше онъ ласкалъ себя, оную столь споспешно отправить, что къ отшествію Ея Імператорскаго Величества изъ Санктъ-Петербурга въ Лифляндію, для исполненія выше сего между ими условленнаго дѣла ему обратно поспеть; но какъ изъ Мировичева перваго допроса[1]), не меньше жъ изъ копіи учиненнаго брату Апполона Ушакова порутчику Василью Ушакову допроса[2]) явствуетъ, что онъ Мировичъ бывъ въ последній разъ въ Санктъ-Петербурге въ половине Іюня мѣсяца въ квартере у брата товарища своего Апполона Ушакова порутчика Василья Ушакова жъ, который[3]) показалъ, что онъ Василій Уша-

---

[1]) Въ 4-мъ пункте на 79-й странице.

[2]) На 125-й странице.

[3]) Какъ то въ первомъ ево Мировичевомъ ответе, въ 11-мъ пункте на 87-й странице якоже и изъ ответа самаго онаго порутчика Василья Ушакова на 93-й странице значитъ.

ковъ действительно о ево Мировича намеренiи и съ братомъ его Апполономъ Ушаковымъ имевшемъ заговоре сведомъ не былъ и никакого въ ихъ согласiи участiя совершенно не iмелъ и незнаетъ, сведалъ отъ прiехавшаго обратно бывшаго въ командѣ часторѣченнаго Апполона Ушакова унтеръ-офицера, что онъ Апполонъ Ушаковъ утонулъ; то хотя сiмъ приключенiемъ онъ Мировичъ вернаго и надежнаго своего друга и къ желаемому предпрiятiя исполненiю надобнаго и полезнаго помощника лишеннымъ себя увидалъ и ко исполенiю вышеписанныхъ между ими къ предпрiятiю надобныхъ установленей не малыхъ затрудненiевъ находить и могъ, но темъ не меньше, по вкорененной въ немъ злости, злодейскаго своего намеренiя оставить себя не преодолелъ, но напротивъ того еще вяще подкрепляя, устремилъ сего злодейского предпрiятiя въ тоже время и такими же способами, какъ между имъ и Апполономъ Ушаковымъ установлено и выше сего упомянуто было, действительно въ дело произвесть, и хотя онъ, Мировичъ [1]) въ последней ево въ Санктъ-Петербургѣ прiездъ, по уведомленiи о смерти товарища своего и старался наместника ему найти, но, о томъ, остерегаясь незнаемымъ людямъ разглашать оное оставилъ, слѣдственно потому другаго себе въ томъ успеха, какъ выше изображено і не імѣлъ, однако и одного себя къ приведенiю ево предпрiятiя на такомъ и ниже сего упомянутомъ основанiи, какъ то онъ и действительно произвелъ было, достаточнымъ быть чаялъ; въ чемъ, по всякой вероятности, въ самомъ дѣле и предуспеть могъ бы, егдабъ хотя не полнымъ, но однако довольнымъ своего намеренiя открытiемъ определеннаго при арестантѣ капитана Власьева, во всякой осторожности состоять не побудилъ.

Сколь же твердо еще и послѣ смерти товарища ево Апполона Ушакова намеренiе къ исполнеiю его Мировичева предпрiятiя въ немъ усилилось и сколь неотменно ево въ томъ устремительныя мысли въ немъ пребывали, тому не токмо чинимыя имъ разныя записанныя обещанiи

---

[1]) Какъ то въ первомъ ответе въ 3-мъ пункте на 79-й странице оказывается.

засвидетельствуютъ, но еще и усильные желанія чрезъ хитрые разговоры изпытывая духовъ, іногда себе таково жъ скоро къ ево видамъ и намереніямъ склонявшагося помощника, каково то ему въ Апполонѣ Ушакове удалось, сыскать старался, сего для, пришедъ въ день Іоанна Крестителя то есть Іюня 24-го числа изъ крепости Шлиссельбургской въ форштадтъ оной, въ квартеру Смоленскаго пехотнаго полку капитана Миллера и услышавъ, къ себе отъ тамо жъ, между протчихъ офицеровъ весма въ пьяномъ образе находящагося того жъ полку капитана Василья Бахтина, съ дружескимъ къ нему Мировичу изъявленіемъ, сей вопросъ: откуда ты пріехалъ? и отзываясь на то онъ Мировичъ ему, что пришелъ изъ крепости Шлиссельбургской, где у Коменданта и обедалъ, оной Бахтинъ ему Мировичу выговорилъ: что ты братъ не веселъ пріехалъ? я знаю, что ты задумалъ, аколи смерть, такъ смерть! пошелъ на другой день къ нему Бахтину въ квартиру нарочно выведывать, можетъ ли оной Бахтинъ къ тому іногда склоннымъ себя оказать и потому имъ Мировичемъ къ своему намеренію приведеннымъ быть; но не увидевъ отъ онаго Бахтина ни малейшаго отзыва и не приметивъ ни тогда, ни предъ темъ, ни послѣ того, никакого въ немъ къ тому въ ево Мировича предпріятіяхъ согласнаго поступка, далее о себе въ томъ ему открываться и искушатъ оставилъ, опасаясь, дабы какъ онъ Бахтинъ человѣкъ постоянной, добропорядочной, совѣстной и къ отважнымъ деламъ можетъ столь же неспособнымъ, какъ и не склоннымъ, при дальномъ ево Мировича открытіи о томъ донести і его предвремянно въ неоминуемую погибель привесть не могъ. А какъ вышеупомянутые капитаномъ Бахтинымъ въ пьяномъ образе при дружескомъ изъявленіи безъ всякихъ другихъ видовъ, произнесенныя, между пьяныхъ друзей не рѣдко употребляемыя уверенія, речи, о коихъ какъ Мировичъ въ дополнительномъ ответе на 178-й странице въ 8-мъ пункте, въ которомъ паки ево Бахтина онъ Мировичъ о неіменіи въ предпріятіяхъ ево ни малейшаго сведенія, наіторжественнейшимъ образомъ очистилъ, самъ засвидѣтельствуетъ, что техъ речей никому слышно не было и онъ

Бахтинъ можетъ и не помнитъ, что оныя были ли въ самомъ деле говорены или нетъ, еще не малейшаго сумнительства, а меньше доказательствомъ Бахтина въ семъ деле імѣвшаго сведенія і что какъ по взятому объ немъ Бахтине, какъ обыкновенномъ, такъ и особливомъ о постоянстве, кондуите и поведеніи его Смоленскаго полку отъ господина полковника Римскаго Корсакова (на 207 странице) аттестатамъ оказывается, что онъ Бахтинъ себя такъ какъ честному дворянину и исправному офицеру надлежитъ въ поведеніяхъ своихъ содержитъ, а предосудительныхъ и такихъ пристрастіевъ, коибъ о непостоянстве и неосновательстве ево засвидетельствовать могли, за нимъ не присмотрено; въ такомъ случае для минованія ни прямо опороченнаго, ниже въ справедливомъ сумненіи состоящаго, невиннаго, честнаго человѣка, дворянина и офицера отъ преогорченіевъ ему Бахтину въ томъ допросы оставлены, паче и въ томъ уваженіи, что хотя бы ему Бахтину въ томъ и учинилися бы допросы, то всебъ отъ ево собственныхъ речей, своимъ мнѣніямъ і толкованіямъ, кои всемерно, не въ противность, но въ пользу и защищеніе ево неотменно імѣться могли, зависило бъ.

А какъ онъ Мировичъ, какъ выше сего упомянуто, после смерти вернаго и надежнаго своего сообщника и товарища Апполона Ушакова не взирая на то что онъ на место ево себе другова помощника найти надежды не імелъ, непременно злодейскаго своего намеренія въ действо произвести день ото дня вяще утверждался и одного себя къ произведенію довольнымъ почиталъ, то какъ уже отшествіе Ея Імператорскаго Величества изъ Санктъ-Петербурга въ Лифляндію 20-го числа Іюня мѣсяца воспоследовало і по ево исчисленію возвращеніе Ея Імператорскаго Величества въ скоромъ времени быть імелосябъ, то какъ онъ во время того Ея Імператорскаго Величества отсутствія свое злодейское предпріятіе действительно исполнить и совершить вознамерился, переписавъ вышеупомянутый Манифестъ отъ імени Івана Антоновича, на одно свое імя, равномерно жъ и отъ своего імяни письмо предъ симъ отъ ево и Ушакова къ Івану Антоновичу писанное,

хотя ему Мировичу очереди і не было, но вместо другова офицера въ крепость Шлиссельбургскую на карауле съ темъ намереніемъ стать домогся, чтобъ во время того караула намереніе свое всеконечно въ действо произвесть, почему Іюля 3-го числа, не імѣвъ тогда, какъ изъ посторонних̀ъ, такъ и изъ караульной команды себе сообщниковъ или къ предпріятію его приглашенныхъ, действительно на карауле сталъ, съ темъ неотменнымъ намереніемъ, чтобъ во время онаго на карауле стоянія, ему то злодейское предпріятіе въ дело произвесть, но на другой день того ево на карауле пребыванія, Іюля 4-го числа, то есть въ воскресенье[1]) часу въ 10-мъ по полуночи пріехали въ крепость Шлиссельбургскую изъ за реки зъ форштадта четыре человѣка, въ томъ числе трое офицерскихъ ранговъ, а четвертой купецъ, изъ коихъ онъ Мировичъ двухъ хотя не по імяни зналъ, но показать могъ и которые по сысканіи оказалися быть, а имянно: первый канцеляріи отъ строенія полку капитанъ Загряцкой, второй, того же полку подпорутчикъ князь Семенъ Чефарицевъ, третей регистраторъ Василей Безсоновъ, четвертой купецъ Шелудяковъ, кои тотъ пріездъ въ крѣпости імѣли единственно, какъ того числа воскресной день былъ, къ обедне, а отслушавъ оную по зву Коменданта у него обедали, где и Мировичъ былъ приглашенъ, а какъ онъ Мировичъ въ комендантскіе покои пришелъ и во оныхъ изъ пріезжихъ Князь Чефарыщева увидалъ, то учиня взаимственное поздравленіе, съ нимъ вместе сошелся, гдѣ между посторонними разговорами, оной Князь безъ всякаго Мировичева начинанія, сперва ему Мировичу вызвался тою речью: что здесь де вить содержится Іванъ Антоновичъ, о коемъ онъ Чефарыцевъ, будучи еще Сенатскимъ Юнкеромъ отъ Сенатскихъ подъячихъ разныя обстоятельства сведалъ, на что ему Мировичъ и ответствовалъ, что онъ давно знаетъ, что онъ здесь содержится, а потомъ и

---

[1]) Какъ то изъ вторичнаго его Мировича ответа въ 1-мъ пункте на 117-й странице, не меньше же и изъ ответа полковника и Шлиссельбургской крепости коменданта Бередникова, въ 1-мъ пункте, на 215 странице явствуетъ.

протчіе у него Мировича со онымъ Княземъ разговоры, единственно касающіеся до той же особы происходили, — изъ чего онъ Мировичъ и заключилъ, что хотя де онъ реченнаго Князя прямыхъ, кроме упомянутыхъ въ ево Мировича ответахъ, отзывовъ никакихъ не слыхалъ, но по зараженному въ немъ къ злодейственному предъпріятію намеренію всемерно уповать могъ, что оказываемая онаго князя посредствомъ імѣвшихъ разговоровъ къ сей матеріи горячность, можетъ быть де по прибытіи его Мировича въ Санктъ-Петербургъ і по свиданіи съ нимъ Княземъ, иногда бъ къ принятію въ согласіе ево Мировичева намеренія, онаго Князя і совсемъ готовымъ находить могъ; для чего, по оговору реченнаго подпоручтика Мировича, во всемъ томъ оной князь Чефарыцевъ былъ допрашиванъ, который о техъ чинимыхъ съ Мировичемъ разговорахъ въ ответе своемъ не только ничемъ не заперся и самую истинну показалъ, но и гораздо болѣе о тѣхъ разговорахъ въ своемъ ответе, нежели какъ Мировичъ объявилъ, съ чемъ съ очной ставки данной съ Чефарыцевымъ, онъ Мировичъ во всемъ признался і на томъ ево Чефарыцева ответе утвердился, а онъ Чефарыцевъ[1]) показалъ, что оныя разговоры случай імѣлъ чинить съ нимъ Мировичемъ следующимъ образомъ: что когда онъ Чефарыцевъ у него Мировича объ Іванѣ Антоновичѣ вышедъ на крыльце спрашивалъ и отъ него на то соответствіе получилъ, то вышли паки въ комендантскіе покои, откуда при Коменданте, въ провожаніи всехъ вышеупомянутыхъ особъ, пошли по крепости, а Мировичъ для отпиранія проломныхъ воротъ на передъ пошелъ, а какъ взошли на зделанныя въ замке на подобіе галлереи перильца, то онъ Чефарыцевъ увидавъ сверху внизу недостроенные каменные палаты, о которыхъ полюбопытству спросилъ у онаго Мировича, на что онъ ему Чефарыцеву сказалъ: что это де построенъ былъ бывшимъ імператоромъ Петромъ третьимъ цейхгаузъ или магазейнъ — а оный де построенъ не болѣе время какъ въ мѣсяцъ или

---

[1]) Какъ то изъ ответовъ его на 145-й странице, тожъ изъ данной ему съ Мировичемъ очной ставки на 164-й странице значитъ.

въ пять недель і окончавъ тутъ речь пошли еще выше въ башню, а оттуда сошедъ и вышедъ изъ проломныхъ воротъ, шли въ вдвоемъ же по крепости, где і спросилъ онъ Чефарыцевъ у него Мировича въ которыхъ імянно комнатахъ Іванъ Антоновичъ содержится? на что Мировичъ ему и сказалъ: Примечай какъ де я тебе на которую сторону головой кивну, то на ту сторону смотри, где де увидишь переходъ черезъ каналъ, тутъ де онъ и содержится, і такъ онымъ образомъ по данному знаку отъ Мировича онъ Чефарыцевъ те казармы, где оной Іванъ Антоновичъ содержится і виделъ, а оттуда уже до покоевъ комендантскихъ шли безъ всякихъ разговоровъ, а по приходе туда малое время посидевъ, паки со онымъ Мировичемъ вышли на крыльцо и онъ Чефарыцевъ Мировичу сказалъ про Івана Антоновича: вотъ этотъ человекъ безъвинной отъ самыхъ ребяческихъ поръ (sic) содержится; на что Мировичъ ему сказалъ: это де правда, очень жалокъ! а потомъ и далее у него Мировича онъ Чефарыцевъ спрашивалъ: что естьли у онаго арестанта въ покояхъ светъ, и какая ему пища идетъ, и разговариваетъ ли де кто съ нимъ? на что Мировичъ ему сказалъ: что свету де никакого нѣтъ, а днемъ і ночью всегда огонь, кушанья же и напитковъ весьма довольно ему идетъ, для чего і придворной поваръ здесь находится, также де онъ случается что разговариваетъ и съ караульными офицерами. А какъ еще і о томъ у него Мировича онъ Чефарыцевъ спросилъ: что забавляется ли де онъ чѣмъ? на что онъ Мировичъ ему і сказалъ, что какъ обученъ, то забавляется чтеніемъ книгъ, а по случаю комендантъ ему и газеты читатьноситъ; а притомъ онъ Чефарыцевъ Мировичу и то сказалъ про Івана Антоновича, что ево вѣдь де можно и его высочествомъ назвать? на что Мировичъ и сказалъ: что безъспорно можно. Потомъ, взявъ Мировичъ его Чефарыцева къ себѣ въ офицерскую коръ де гардію, гдѣ бывъ между постороннихъ разговоровъ, говорилъ онъ Мировичъ ему Чефарыцеву: да жаль де что у насъ солдатство не согласно і загонено, а ежели бы де были бравы, тобъ Івана Антоновича оттуда выхватилъ, і посадя на шлюпку прямо прибывъ въ Санктъ-Петербургъ

къ артиллерійскому лагерю представилъ, по чему Чефарыцевъ его и спросилъ: Чтожъ бы это значило? на что Мировичъ сказалъ: а чтобъ значило; то значило, а какъ бы привезъ туда, такъ бы окружили ево съ радостью, і темъ окончавъ речи, пошли къ коменданту, откуда онъ Чефарыцевъ съ регистраторомъ Безсоновымъ вышедъ, ходили за крепостью, где ево Безсоновъ спросилъ о чемъ онъ разговариваетъ съ офицеромъ? противъ чего Чефарыцевъ ответствуя сказалъ: что оный де офицеръ сказываетъ что здесь есть первой номеръ „I", а какъ спросилъ ево Безсоновъ что заключается изъ тово? то Чефарыцевъ отвѣтствовалъ: что здесь содержится Іванъ Антоновичъ, — за что ево Безсоновъ ударя въ голову, сказалъ, что полно врать, дуракъ, да у дурака и спрашиваешь, неври больше! и какъ онъ Чефарыцевъ оттуда съ Безсоновымъ возвратились и у коменданта откупавъ съ прочими пріезжими пошли изъ крепости вонъ, то онъ Чефарыцевъ съ Мировичемъ шелъ позади, сказалъ ему Мировичу въ разуме томъ, чтобъ не попался онъ Мировичъ въ бѣду: Смотри братъ! а Мировичъ ему на то отвѣтствовалъ: что я давно смотрю и сожалѣю, что времени недостаетъ съ нимъ Чефарыцевымъ поговорить, да къ тому же де у насъ и солдатство несогласно и не скоро къ этому приведешь; противу чего Чефарыцевъ ему отвѣчалъ: что де это правда и я знаю; а подходя къ шлюпкѣ, какъ регистраторъ Безсоновъ просилъ онаго Мировича, ежели будетъ въ Петербургѣ, то бъ его посетилъ, то при томъ и онъ Чефарыцевъ равномѣрно тожъ и при самомъ входѣ на шлюпку, прощаясь съ Мировичемъ, просилъ чтобъ посетилъ ихъ какъ будетъ въ Санктъ-Петербургѣ и съ тѣмъ разстались, а онъ Чефарыцевъ съ регистраторомъ Безсоновымъ никакихъ къ тому клонящихся разговоровъ, которые у него Чефарыцева съ Мировичемъ были не імѣлъ, и отъ него на то ничего не слыхалъ, кроме того какъ выше сего упомянуто. А о сихъ слышанныхъ имъ отъ Мировича речахъ онъ Чефарыцевъ, какъ господину коменданту Бередникову, по бытности въ крепости, такъ и по прибытіи въ Санктъ-Петербургъ не кому необъявлялъ, а хотя точно въ ево намереніи и состояло,

чтобъ по пробытіи въ Санктъ-Петербургъ, о томъ кому нибудь изъ знатныхъ особъ донесть, но какъ онъ въ тотъ день былъ отъ пьяныхъ напитковъ такъ отягощенъ, что не въ состояніи нашелся и на другой день за приключившимся ему отъ того припадкомъ донесть, а какъ уже четыре дни прошло и послѣ того 8 числа іюля о учинившейся въ Шлюссельбурге тревоге слухъ прошелъ, то онъ потому, и что онъ безъ ведома и позволенія отъ своей команды въ Шлиссельбургъ ездилъ, разсудя въ себѣ, что время много упустилъ, и дабы за то не понесть какого штрафа донесеніемъ оставилъ. Съ какихъ же равныхъ причинъ можетъ и регистраторомъ Безсоновымъ, а паче что і онъ безъ ведома своей команды изъ Санктъ-Петербурга отлучился, о сказанныхъ ему Чефарыцевымъ словахъ донесеніе учинить оставилъ и хотя Чефарыцевъ изъ вышепрописанныхъ съ Мировичемъ імѣвшихъ разговоровъ і не малаго хоть ненастоящаго съ темъ, о Мировичевыхъ намереніяхъ сведенія получилъ, что заподлинно куда они клонятся, не зналъ и какъ въ непристойномъ і ему неприличномъ деле разговоровъ возімѣть такъ и въ томъ, что объ нихъ, а паче о техъ Мировичевыхъ словахъ, коими онъ ему прямо отозвался о освобожденіи і привозе Івана Антоновича къ артиллерійскому лагерю действительно [1]), виннымъ себе учинилъ і въ томъ признается, но какъ Мировичъ самъ показываетъ [2]) что онъ Чефарыцевъ всемерно ево Мировичева самаго того злодейскаго намеренія и предпріятія, которое онъ Мировичъ напоследокъ точнымъ дѣломъ исполнилъ, отнюдь совсемъ не зналъ, следственно, хотя въ техъ говоренныхъ между ими речахъ, которые выше сего упомянуты, онъ Чефарыцевъ известнымъ и учинился, но и то въ знаніе его Чефарыцева вошло съ одной его простоты, а его Мировича действительно злоковарнымъ выведываніемъ приведенъ, какъ то онъ Мировичъ и старался более его себе подоб-

---

[1]) Какъ то изъ вышеупомянутыхъ ево показаніевъ и потомъ еще и ізъ извинительнаго ево на 271-й странице 1-го пункта явствуетъ.

[2]) Въ дополнительномъ ево допросе на 172-й странице, въ 1-мъ пункте.

нымъ учинить и темъ буде случай допустить къ вступленію въ точное съ нимъ согласіе ево заранее пріуготовить, а въ томъ же своемъ дополнительномъ ответе[1]) онъ Мировичъ о говоренныхъ имъ съ Чефарыцевымъ речахъ, яко то о построеніи въ Шлиссельбургской крепости въ столь короткое время внутръ замка магазейна или цейхъгауза якоже и о хожденіи двухъ офицеровъ, капитана Власьева и порутчика Чекина къ содержащейся подъ арестомъ особе, о упражненіи и забавахъ оной особы и что ученъ, не меньше жъ и что комендантъ къ той же особѣ газеты носить объявилъ: что все оное онъ Мировичъ не посредствомъ кого либо імянно зналъ и не разведалъ, но только единственно доходя своею догадкою і наслышкою посторонниxъ людей, которыхъ онъ никого по імянно ниже знать, но и упамятовать не можетъ, а коменданта онъ никогда, чтобъ онъ носилъ къ той особѣ газеты, не видалъ, и чтобъ разговоры офицеры съ тою особою когда какіе чинили не знаетъ, а все то князь Чефарыцеву сказывалъ съ заключенія своей догадки.

По отправленіи жъ вышеупомянутыхъ четырехъ въ крепости Шлиссельбургской бывшихъ персонъ, коихъ самъ комендантъ полковникъ Бередниковъ изъ крепости въ форштадтъ провожалъ и откуда онъ комендантъ, не больше какъ въ полчаса времяни въ крепость паки возвратился, онъ Мировичъ[2]) съ помышленіемъ исполненія его предпріятіемъ наполненнымъ, по крепости расхаживая, увидѣлъ у той казармы, где та персона, которую онъ освободить хотѣлъ, содержалась, стоящаго передъ крыльцомъ караульнаго при оной особе находившагося капитана Власьева, съ коимъ по учиненіи взаимственно поклоненія, приблизившись оной къ нему, пошли прохаживаться по галлереи, куда оный капитанъ[3]) ево Мировича по той причине отвелъ, дабы его непримѣтнымъ образомъ отъ при-

---

[1]) На 177-й странице, въ 6-мъ пункте.

[2]) Какъ то изъ перваго его допроса во 5-мъ пункте на 80-й странице значитъ.

[3]) Какъ то въ 1-мъ пункте на 187-й странице его ответа показано.

ближенія, возбраняющаго къ казарме ходу, отвратить, которому онъ Мировичъ безъ всякаго Власьевымъ къ тому даннаго повода і началъ въ своихъ намереніяхъ открываться такимъ образомъ, что не погубитъ ли онъ Мировича прежде предпріятія его? на что Власьевъ не допустя ево Мировича далѣе до разговору, тое речь перервалъ і сказалъ, что когда оно такое, чтобъ къ погибели ево Мировича следовало, то онъ не токмо внимать, ниже и слышать о томъ не хощетъ! и съ темъ не разговаривая уже больше ничего сошедъ съ галлереи пришли на пристань і не много тамо посидевъ, пошли обратно въ крепость і въ воротахъ онъ Мировичъ упомянутаго Власьева звалъ въ свою коръ де гардію посидеть, но онъ Власьевъ отозвался темъ, что имъ никогда і ни къ кому ходить не можно, гдѣ и разстались, и онъ Мировичъ пришелъ въ свою коръ де гардію, куда по приходе съ большимъ размышленіемъ о действительномъ ево злодейскаго намеренія производстве упражняясь, приготовилъ себе въ запасъ, егда ево предпріятіе къ тому концу действительно дойдетъ, что онъ получа Івана Антоновича, со онымъ въ Санктъ-Петербургъ отправится, то къ подкрепленію ево тамо дальнихъ производствъ, отъ имени Івана Антоновича указъ Смоленскаго пехотнаго полку полковнику Римскому Корсакову о следованіи ему съ полкомъ въ Санктъ-Петербургъ къ летнему Ея Імператорскаго Величества дворцу, который указъ при действительномъ ево Мировича съ Іваномъ Антоновичемъ изъ Шлиссельбурха въ Санктъ-Петербургъ отправленіи, ко упомянутому полковнику отправленъ быть бы імѣлся. И какъ онъ Мировичъ въ томъ твердо остался намереніи, чтобъ всеконечно і непременно ево предпріятіе въ томъ ево въ карауле стояніи і въ самыхъ малыхъ дняхъ въ действо произвесть, хотя не въ ту ночь, въ которую оное воспослѣдовало, то старался онъ Мировичъ пріуготовить себе въ подкрепленіе того ево злодейскаго предпріятія изъ состоящихъ въ его караульной команде солдатъ, для чего[1]) тогда жъ призвалъ

[1]) Какъ то изъ того же перваго его допроса въ 5-мъ пункте на 81-й странице и оказывается.

онъ Мировичъ къ себе находящагося при немъ на вестяхъ солдата Якова Писклова, коего напередъ облаская дружескою ласкою, сказалъ ему прямо что здесь содержится госуларь Іванъ Антоновичъ и уговаривалъ ево въ вышеупомянутое намереніе, прибавляя къ тому, что и солдаты согласны і чтобъ онъ другихъ солдатъ знакомыхъ ему иль артельщиковъ къ тому склонивалъ, на что онъ Пискловъ ему Мировичу и отозвался, что ежели де солдатство будетъ согласно то і онъ согласенъ, а потому самому поводу чрезъ часъ пришедъ къ нему Мировичу онъ Пискловъ сказалъ, что де уже два человека изъ ребятъ хорошихъ на которыхъ надѣяться можно къ сему дѣлу есть согласные[1]). И такъ онъ Мировичъ после ево Писклова въ тое коръ де гардію прихода, призвалъ къ себе той же команды солдата Матвея Босова, къ которому такого же содержанія подговорныя речи произвелъ, какъ и Писклову, на что оной солдатъ Босовъ согласился и сказалъ ему Мировичу, что есть ли де прочіе будутъ согласны, то и онъ не отстанетъ[2]). А после означенныхъ солдатъ, дабы одного по другомъ въ согласіе присовокупить, призывалъ онъ Мировичъ всехъ стоящихъ на карауле трехъ капраловъ, каждаго по одиначке, въ коръ де гардію жъ и подговаривалъ ихъ въ согласіе такими же самыми речми, какъ и вышепомянутыхъ солдатъ, на что

---

[1]) Въ чемъ оный солдатъ Пискловъ (какъ изъ вторичнаго его Писклова допроса на 102-й странице явствуетъ) не заперся і во всемъ томъ показалъ въ сходственность ево Мировича отвѣтовъ, съ темъ токмо ізъясненіемъ, что хотя онъ Пискловъ по приходе после того въ коръ де гардію, какъ Мировичъ ево спросилъ, что сыскалъ ли кого согласнымъ изъ солдатъ оному Мировичу и сказалъ: что есть человѣка два согласныхъ къ тому, надежныхъ ребятъ, токмо де то объявленіе онъ Пискловъ ему Мировичу въ единственное угожденіе учинилъ, а въ самомъ деле никого согласныхъ не было, а хотя солдату Козме Дитятеву онъ Пискловъ о томъ, что Мировичъ ему объявлялъ и сказывалъ и при томъ, что не будетъ ли онъ Дитятевъ къ тому согласенъ у него спрашивалъ, но на то онъ Дитятевъ не согласился, а сказалъ ему Писклову, что это де дѣло великое; въ чемъ и солдатъ Дитятевъ не заперся і показалъ въ сходствіе жъ показанія онаго Писклова.

[2]) Что и реченной солдатъ Босовъ, какъ то ізъ ответа его на 103-й странице значитъ, не заперся.

изъ техъ капраловъ ему и объявили: первой Андрей Креневъ, много отъ того отзывался и склонности къ тому не показывалъ, однакожъ наконецъ по ево Мировича уговору склонился і сказалъ: куда де люди, туда и онъ; второй Николай Осиповъ, коему онъ Мировичъ сверхъ техъ речей, которыя въ подговорахъ протчимъ выше сего упомянутымъ употреблялъ, сказалъ, что уже седмъ человекъ согласныхъ есть[1]) на что онъ Осиповъ ему Мировичу и и сказалъ: что онъ не отстанетъ; третій Абакумъ Мироновъ, которой весьма много отъ подговору ево Мировича отзывался і противнымъ былъ, съ темъ, что онъ въ согласіе ни для чего не пойдетъ, напоминая еще і самому ему Мировичу, не лутче ли де оное дѣло оставить, но какъ онъ Мировичъ къ тому склонять его всякими мѣрами усиливался, то напоследокъ і онъ склонился і сказалъ, куда де все, то и онъ не отстанетъ.

А по уговоре всехъ оныхъ, по пробитіи тапты или вечерной зори, не запирая у воротъ калитки, взявъ онъ Мировичъ паки означенныхъ трехъ капраловъ і ходя съ ними кругъ крепости, прежней імъ чинимой отъ него Мировича подговоръ повторялъ, на что изъ нихъ Креневъ и Мироновъ больше ево уговаривали і не другими, какъ токмо теми речьми къ нему отзывались, что не лутче ли бъ то оставить, а Осиповъ не отговариваясь въ томъ промолчалъ[2]).

---

[1]) Но оное де число людей онъ Мировичъ ему оказывалъ для одной ево приманки, а въ самомъ деле кроме двухъ Писклова и Босова, еще не было.

[2]) О чемъ и оные капралы Креневъ, Осиповъ и Мироновъ въ ответахъ своихъ на 96-й, 99-й и 101-й страницахъ показывали въ сходственность ево Мировича показанія, но токмо Мироновъ объявилъ, что хотя онъ Мировичу такія слова, что куда все, то і я не отстану и говорилъ, токмо единственно наружнымъ видомъ, а отнюдь не въ самую истинну, чтобъ то учинить, а по одной той причине, чтобъ скоряе отъ него Мировича отойти. А что оные солдаты Писклов и Босовъ, капралы Креневъ, Осиповъ и Мироновъ въ прежнихъ своихъ ответахъ о техъ имъ Мировичемъ чинимыхъ подговорахъ не показали і никому не донесли, то отъ единственной въ томъ простоты и напраснаго надежды ласкательства учинили, во упованіи, что оное дѣло заподлинно Мировичемъ въ дѣйство

И хотя такимъ къ заговору склоненіемъ вышеупомянутыхъ капраловъ и солдатъ онъ Мировичъ и предуготовилъ, но со всемъ темъ, лаская себя, что капитанъ Власьевъ сказанныя ему имъ Мировичемъ речи уважать и какого либо изъ нимъ употребленія зделать не можетъ, то ту ночь къ исполненію своего намеренія, дабы себя между солдатствомъ еще больше къ виду его благосклонныхъ приумножить, и не употребилъ бы, ежели бы слѣдующее ему перваго своего намеренія отменить и немедленно въ той же ночи оное въ дѣло произвесть не побудило[1]), то какъ онъ Мировичъ по вторичномъ уговоре капраловъ изъ за крепости возвратился и по приходе въ офицерскую коръ де гардію раздевшись легъ спать, но не прежде заснулъ, какъ пришелъ къ нему Мировичу въ начале втораго часа по полуночи караульной унтеръ-офицеръ Лебедевъ, объявляя ему, что Комендантъ Полковникъ Бередниковъ приказалъ ему, не безпокоя ево Мировича, пропустить изъ крепости гребцовъ, причемъ онъ, Мировичъ, опасаясь о говоренныхъ имъ Капитану Власьеву речахъ отъ него Капитана къ Коменданту доносу, спросилъ онаго Лебедева, кто у Коменданта есть? на что будто Лебедевъ и сказалъ ему, что сидитъ Капитанъ Власьевъ, а фурьеръ Лебедевъ въ ответе своемъ на 164-й странице показалъ, что онъ отъ него Мировича такова спросу не слыхалъ, следственно и ему на то не соотвѣтствовалъ, въ чемъ напоследокъ онъ Мировичъ[2]) и признался і объявилъ, что те вопросныя отъ него къ Лебедову речи, а отъ Лебедева къ нему на то соответствія не інако какъ воображеніемъ

произведено быть не можетъ, къ чему капралъ Осиповъ еще и то прибавилъ, что онъ въ самое то время, какъ тревога учинилась, о томъ хотелъ донести Смоленскаго пехотнаго полку полковнику, яко по близости той крепости въ лагере состоящему, куда де было въ самый тотъ мятежъ и пошелъ, но увидавъ, что у воротъ определенъ усугубной предъ обыкновеннымъ караулъ и никого, какъ въ крепость, такъ и за крепость пропускать не велено, то и возвратился обратно.

[1]) Какъ то изъ перваго ево ответа въ 5-мъ пункте на 83-й странице значитъ.

[2]) Какъ то въ пополнительномъ его ответе въ 7-мъ пункте на 178-й странице явствуетъ.

тогда въ смущенномъ ево духе, онъ Мировичъ за истинно себе представилъ. И такъ онъ Мировичъ, по сімъ ево примечаніямъ сталъ приходить въ страхъ, но между тѣмъ, паки въ половине втораго часа онъ же Лебедевъ, пришедъ къ нему Мировичу, объявлялъ, что велено по приказу комендантскому пропустить въ крепость канцеляриста и гребцовъ, коихъ онъ [2]), і велелъ пропустить, а какъ уже въ последній разъ пришелъ къ нему Мировичу оной же Лебедевъ і сказалъ чтобъ пропустить изъ крепости обратно гребцовъ, то изо всего того, онъ Мировичъ и заключилъ, что оныя имъ начатыя говорить капитану речи, конечно Коменданту донесены і для того, зная, что за сіе ево предпріятое злодейство не можно будетъ ему избегнуть того чего онъ заслужилъ, принявъ себе ту резолюцію, какъ уже предпріятіе ево і мысли все къ тому злодейству устремлялись, оное въ действо произвесть, не медля далее.

И бывши вь офицерской коръ де гардіи часу во второмъ по полуночи Іюля отъ 4-го на 5-е число неодетъ, забравъ свой мундиръ, шарфъ, шпагу и шляпу и протчее въ руки, збежавъ на низъ въ солдатскую караульню, кричалъ всемъ караульнымъ: къ ружью! А какъ въ той караульной не вся команда спала, но по разнымъ местамъ, то посыланы были имъ тогда изъ вставшихъ отъ сна солдатъ для пробужденія другихъ, и чтобъ выходили все во фронтъ. А онъ Мировичъ, между темъ одевся вышелъ передъ фронтъ, где и команда караульная въ то же время, хотя и не вся, однакожъ мало остались такихъ, которые бъ не собрались, находилась и въ ружье стала; почему онъ Мировичъ той команде и приказалъ заряжать ружья съ пулями, которыя, какъ и вся команда единогласно въ ответахъ своихъ показала и зарядили, а между темъ, откомандируя изъ фронта, при одномъ капрале двухъ солдатъ къ воротамъ, къ калитке, где и безъ того обыкновенной часовой состоялъ, отправилъ съ приказаніемъ чтобъ никого

---

[2]) Какъ то и и фурьеръ Лебедевъ въ ответе своемъ на 167-й странице объявилъ.

они изъ крепости не выпускали[1]). А какъ въ самое то время комендантъ изъ своихъ покоевъ вышелъ и ставъ возле крыльца у оныхъ покоевъ вскричалъ оному Мировичу: что онъ такое дѣлаетъ? и на что сбираетъ людей? то на те его коменданта речи[2]) онъ Мировичъ, імѣя въ рукахъ своихъ ружье, бросясь на ево, коменданта, ударилъ ево ружейнымъ прикладомъ въ лобъ столь сильно, что разбивши оной съ поврежденіемъ черепа до крови, ево въ безпамятстве учинилъ, приговаривая, что ты здесь держишь невиннаго Государя? и въ самое жъ то время, взявши оного за воротъ халата, отдалъ команды своей солдатамъ подъ караулъ[3]). Потомъ уже изъ четыре шереношного фронта приказалъ онъ Мировичъ команде построится въ три шеренги і велѣлъ чтобъ весь фронтъ за нимъ Мировичемъ шелъ, что, какъ то и вся команда показала, і учинено. И вышедъ середи крепости какъ сталъ доходить до той казармы где гарнизонная команда состояла, отъ которой онъ Мировичъ былъ окликанъ кто идетъ? на что онъ і ответствовалъ что иду къ Государю, а какъ скоро противъ той команды поровнялся, то отъ оной прежде однимъ часовымъ, а потомъ всемъ фронтомъ залпомъ изъ ружей выпалено, напротиво чего і онъ Мировичъ приказалъ своей команде таковымъ же образомъ соответствовать і выпалить всемъ фронтомъ, а выпаливши, находясь онъ Мировичъ въ сожалѣніи той персоны о которой все ево предпріятіе употреблено было, дабы оную

---

[1]) О чемъ и капралъ Креневъ, которой къ темъ воротамъ отъ него Мировича былъ посланъ, въ ответе своемъ (на 21-й странице) что онъ при техъ воротахъ съ однимъ, а не съ двумя солдатами на карауле сверхъ обыкновеннаго при оныхъ часоваго находился и такой приказъ отъ него Мировича чтобъ ни въ городъ, ни за городъ никого не впущать, слышалъ, показалъ въ сходственность.

[2]) Какъ и самъ онъ комендантъ полковникъ Бередниковъ, въ ответе своемъ во 2-мъ пункте на 216 странице, показалъ.

[3]) О чемъ і вся команда сходственно засвидѣтельствуетъ, съ темъ, чтобъ онъ какъ солдатамъ, такъ солдаты съ нимъ ничего не говорили, что і онъ комендантъ полковникъ Бередниковъ въ ответе своемъ (на 217-й странице) равномѣрно же показалъ, прибавляя при томъ, что онъ Мировичъ, при выговариваніи техъ словъ примерялся ему въ грудь ружьемъ со штыкомъ.

незастрѣлить, какъ та пальба на оную казарму, где та особа содержалась прямо чинилась, палить своей команде не приказалъ і велелъ возвратиться, а бывшій въ сопротивленіи при гарнизонной команде порутчикъ Лука Чекинъ въ ответе своемъ[1]) показалъ, что какъ онъ Мировичъ приближаться къ нимъ съ командою сталъ, то онъ Чекинъ окликалъ оную караульную команду: на что ему і ответствовано, что идемъ васъ брать, причемъ онъ Чекинъ, дабы не допустить тое команду въ близости къ себе, приказалъ по нихъ изъ четырехъ ружей выпалить, на противо чего уже и отъ той караульной команды выпалено, а потомъ и онъ Чекинъ приказалъ зарядивъ своей команде ружья, залпомъ, по нихъ выпалить же, а какъ выпалили, то оная караульная команда вся врознь разсыпалась, о чемъ и вся Мировичева, бывшая во фронте команда въ ответахъ своихъ объявила въ сходственность противу показанія онаго порутчика Чекина, въ чемъ и Мировичъ напоследокъ[2]) призналея и утвердился въ томъ на показаніе съ обоихъ сторонъ бывшихъ при сопротивленіи командъ. И потому оная караульная команда, отступя отъ приступнаго места, собрався противъ места лежащихъ пожарныхъ инструментовъ требовала у нево Мировича виду, по чему поступать? которой имъ и ответствовалъ, что онъ імѣетъ вѣрный видъ для чего и побежалъ онъ Мировичъ за імѣющимися у него лжесоставными письмами, кои предъ начатіемъ того смятенія, вынявъ онъ изъ подъ подушки близь коръ де гардіи сверхъ лесницы, въ імѣющуюся на стене разщелину подоткнулъ и отъ туда взявъ пришедъ и прочиталъ предъ всею командою сочиненной імъ отъ імяни Івана Антоновича манифестъ, одне те токмо возраженіи, которыя болше по ево мненію команду тронуть и къ намеренному ево Мировича предпріятію ихъ возбудить могли бъ, а не съ самаго начала оного, ниже до конца, но середину написаннаго въ немъ, а по прочтеніи оного, всей командѣ учинилъ при-

---

[1]) На 201-й странице во 2-мъ пункте.

[2]) Какъ то ізъ ответа ево въ разноречіяхъ на 280-й странице во 2-мъ пункте значитъ.

глашеніе такими речми, что поздравляю васъ съ государемъ! Но бывшая съ нимъ Мировичемъ при приступе вся фронтовая команда, также и случившійся тутъ по принужденію Мировичеву комендантской канцеляристъ Кондратей Михайловъ, въ ответахъ своихъ[1]) объявили, что хотя Мировичемъ указъ былъ и читанъ, но въ какомъ оной содержаніи і къ чему клонится, кроме солдата Егора Козмина, никто понять не могли, а другія во отдаленіи стоя і не вслушались, да и онъ Козминъ[2]) вслушался только і то недовольно внимательнымъ образомъ, изъ того читаннаго Мировичемъ указа, о какой то будто увезенной денежной казне, а о поздравленіи имъ Мировичемъ съ Государемъ, ото всей бывшей въ допросе команде единогласно о не слышаніи такого имъ поздравленія уверяется, въ чемъ Мировичъ[3]) хотя въ выговариваніи о поздравленіи съ Государемъ речей утверждается, но въ томъ однако согласнымъ состоитъ, что какъ тогда при большомъ смятеніи былъ шумъ и такое развращеніе, что солдатство смотря на сію тревогу, можетъ каждой імѣя особыя свои мысли всемерно того и вслушаться не могли.

А учинивъ сіе Мировичъ отошедъ шаговъ около четырехъ или далее отъ команды, кричалъ находящейся при той казарме гарнизонной команде, чтобъ они не палили, а въ противномъ случаѣ онъ Мировичъ будетъ по нихъ изъ пушки палить, но не получивъ отъ нихъ никакого на то ответа, а усмотря въ тоже самое время стоящаго на галлереи гарнизонной команды сержанта, кричалъ ему чтобъ онъ шелъ къ нему, но какъ онъ не пошелъ, то послалъ онъ Мировичъ за нимъ вооруженныхъ солдатъ, и приказалъ ево взять, которыми къ нему Мировичу и приведенъ, коему придавъ онъ Мировичъ изъ своей команды солдатъ приказалъ сказать гарнизонной команде, чтобъ не палили, подтверждая притомъ, паки тожъ, какъ и самъ онъ той команде причалъ, чтобъ палить перестали, уграживая пушкою, о коей, какъ онъ Мировичъ изъяснился, что

[1]) На 134-й странице.

[2]) Какъ то въ ответе его на странице 45-й явствуетъ.

[3]) Какъ то ізъ последнего ево о разноречіяхъ допроса на 280-й странице въ 3-мъ пункте явствуетъ.

хотя де сіи речи о стреляніи изъ пушки имъ и говорены были, токмо онъ въ томъ намереніи не былъ чтобъ пушечною пальбою команду овладетъ, а только къ одному той гарнизонной команды истращиванію, съ намереніемъ то чинилъ съ темъ, чтобъ буде они съ трехъ посылокъ не сдадутся и останутся со своимъ устремленіемъ, то итти ему уже со своею командою на оныхъ грудью на штыкахъ. Но посланной отъ него Мировича сержантъ не съ другимъ успехомъ пришелъ и ему объявилъ какъ тожъ что они палить будутъ. О коей посылке къ склоненію гарнизонной команды чтобъ не палили, вся бывшая при Мировиче въ приступе фронтовая команда якоже и поручтчикъ Чекинъ[1]) въ сходствіи его Мировича показанія, а сержантъ Иштиряковъ[2]) показалъ, что онъ съ вышеписанными Мировичевыми приказаніями къ гарнизонной командѣ и отъ оной со упомянутымъ выше сего соответствіемъ къ Мировичу ходилъ по усильственному принужденію онаго Мировича і что слышавъ отъ него те речи, ежели онъ Иштиряковъ не пойдетъ, то велелъ солдатамъ его колоть, въ чемъ и онъ самъ Мировичъ[3]) не заперся.

Видя жъ онъ Мировичъ такое устремительное отъ гарнизонной команды сопротивленіе, побежалъ въ комендантскіе покои за ключами, которыхъ места где они висели онъ Мировичъ еще прежде зналъ и для того нашедъ оные, взявъ съ собою солдатъ человѣкъ до шести і прикликавъ артиллерійскихъ служителей і оныхъ капрала, приказывая понудительно ихъ солдатамъ съ собою взять, кои и взяты; і такъ съ артиллерійскими человѣкъ до десяти забравъ, пошелъ на бастіонъ за пушкою[4]). А по

---

[1]) Въ ответахъ своихъ на 202-й странице.

[2]) Въ ответе своемъ на 141-й странице,

[3]) На 280-й странице въ последнемъ его о разноречіяхъ ответе въ 4-мъ пункте явствуетъ.

[4]) А какъ изъ ответовъ артиллерійскихъ служителей (на 67 і 68 страницахъ) значится, что кроме капрала Коркина за пушкою изъ нихъ никто не ходилъ, о чемъ и самъ онъ Мировичъ, что были ль окроме онаго капрала Коркина, кто изъ артиллерійскихъ служителей за тою пушкою (какъ то изъ послѣдняго его о разноречіяхъ ответа на 261-й странице въ 4-мъ пункте значится) показалъ, что того не упомнитъ.

приходѣ на оный бастіонъ велелъ артиллерійскому капралу і всемъ бывшимъ съ нимъ взять медную шести фунтовую пушку и везти въ крепость, а онъ Мировичъ, между темъ, приказавъ артиллерійскому капралу идти и достать изъ погреба пороху и снаряды і взявъ ядра и картечи нести къ приступному месту, самъ несколько отставъ отъ везущей пушки, подтверждалъ стоящему, какъ на томъ бастіоне, где оная пушка взята, такъ и протчимъ часовымъ кричалъ, чтобъ ружья при нихъ імѣющіяся зарядить и изъ крепости никого не пропускать, а кто прорвется и поедетъ по реке въ лодкахъ, по техъ стрелять, а кто въ крепость едетъ, техъ свободно пропускать.

А стоящей на томъ бастіоне солдатъ Іванъ Сарасухинъ, да у крепостныхъ воротъ солдатъ Іванъ Ждановъ, въ ответахъ своихъ показали, что они отъ Мировича о заряде ружья приказъ въ тожъ время какъ и онъ Мировичъ объявляетъ, слышали и те ружья заряжали и изъ нихъ Жданову двоекратно отъ Мировича приказано было какъ изъ крепости, такъ и въ крепость ни кого не впущать; а чтобъ такой приказъ отъ Мировича былъ ежели кто изъ крепости прорвется и поедетъ на лодкахъ по техъ стрелять, а кто въ крепость поедетъ таковыхъ пропускать, о томъ въ ответахъ оныхъ двухъ солдатъ якоже и всехъ бывшихъ во время тревоги на часахъ не значитъ, о чемъ въ последнемъ своемъ о разноречіяхъ ответе[1]) онъ Мировичъ показалъ, что было ли въ такой силе отъ него часовымъ приказаніе, того онъ уверить потому не можетъ, какъ въ тогдашнее время другими и гораздо важнейшими мыслями онъ наполненъ былъ и можетъ де что сіе приказаніе единственнымъ ему тогда воображеніемъ только было.

А по учиненіи того приказанія догнавъ онъ Мировичъ пушку пришелъ со оною въ крепость і поравняясь противъ техъ казармъ, где приступъ чинился, кричалъ, чтобъ несли порохъ и снаряды, а какъ при томъ случае попался ему гарнизонный канцеляристъ, а чей прозваніемъ не знаетъ, то велелъ ему итти, чтобъ порохъ и снаряды онъ

[1]) На 279-й странице въ 1-мъ пункте.

приказалъ скорее выдавъ нести къ пушке, но какъ канцеляристъ воспротивился, то онъ Мировичъ, приставя къ нему человекъ съ шесть солдатъ, приказалъ съ понужденіемъ его вести, а буде станетъ противится, то устращивать ево колотьемъ штыками, почему де оной канцеляристъ уже съ теми къ нему приставленными солдатами и пошелъ. А канцеляристъ Кондратій Михайловъ[1]) показалъ, что когда онъ Михайловъ требовалъ отъ караульнаго унтеръ-офицера пропуску съ гребцами за крепость, то онъ Мировичъ, выбежавъ изъ офицерской коръ де гардіи, за то что онъ ему по вопросе не сказывалъ, что онъ Михайловъ у коменданта писалъ, отдалъ стоящему подъ воротами часовому подъ караулъ, а потомъ отправилъ его Мировичъ, какъ и выше сего упомянуто, съ приставленіемъ къ нему оружейныхъ солдатъ для показанія пороха і припасовъ, а притомъ отъ канцеляриста оказавшему сопротивленіи примерялся онъ Мировичъ ружьемъ со штыкомъ въ грудь ево, что видя солдаты прикладами разъ до трехъ оного Михайлова ударили и съ понужденіемъ ево уже къ пороховому погребу безотлучно провожали, въ чемъ і Мировичъ самъ[2]) не заперся і въ томъ признался, а кто те солдаты імянно за препровожденіемъ оного канцеляриста были, якоже и те, кои ево прикладами били, о томъ какъ Мировичъ, такъ и канцеляристъ Михайловъ показать не могли.

А между тѣмъ, усмотря онъ Мировичъ въ приносе того пороха и снарядовъ медленность, самъ съ некоторымъ числомъ солдатъ побежалъ къ погребу и понуждалъ артиллерійскаго капрала, которой всего того выдачею отпирался, сказывая, что у погреба замокъ и печать отъ ихъ офицера, за чемъ онъ итти въ погребъ не смеетъ, но Мировичъ устремительно и съ великимъ угроженіемъ приказалъ ему ни на что не взирая, сломавъ замокъ, припасы и порохъ достать. А какъ достали то и пушку зарядили, о чемъ и артиллерійскій капралъ Архипъ Кор-

---

[1]) Въ ответе своемъ на 131-й странице.

[2]) Какъ то изъ его последняго о разноречіяхъ ответа въ 4-мъ пункте на 281-й странице явствуетъ.

кинъ[1]) какъ о показанiи пушки, такъ и о выдачи пороху и снарядовъ, коихъ iмъ безъ меры i весу, пороху половину капiармуса, фитилю палительного кусокъ, пакли на пыжи, тожъ и шесть шестифунтовыхъ ядеръ, показалъ въ сходственность ево Мировича ответовъ, iзъявляя притомъ, что все то онъ Коркинъ чинилъ изъ принужденiя подпоручтика Мировича, а во упованiи, что то требованiе iмъ Мировичемъ съ дозволенiя комендантскаго чинится, въ чемъ онъ однако потому не правъ, и тѣмъ обличенъ, что онъ самъ коменданта iдучи за пушкою видалъ содержащагося подъ карауломъ.

А пушку заряжалъ, какъ то изъ ответа Гантъ-лангера Степана Стрелкова (на 67-й странице) оказывается, онъ Стрелковъ по принужденiю же подпоручтика Мировича i отъ команды его, въ чемъ i самъ онъ Мировичъ[2]) не заперся.

А по приходе отъ пороховаго погреба къ своей командѣ, онъ Мировичъ паки захватя гарнизоннаго сержанта Иштирякова, велелъ ему итти къ гарнизонной командѣ и сказать чтобъ не палили, а буде сей последней разъ будутъ палить, то уже неотменно увидятъ, что изъ пушки по нихъ будутъ бить. Куда оной сержантъ ходилъ и пришедъ обратно ему Мировичу сказалъ, что они палить не будутъ, о чемъ какъ оной сержантъ Иштиряковъ и канцеляристъ Кондратiй Михайловъ, такъ и команда бывшая при Мировичѣ объявили сходственно, а капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ въ ответахъ своихъ[3]) показали, какъ де они увидали что привезенную пушку стали заряжать, и действительно зарядили, въ такомъ случае видя сей страхъ и не находя себя инако въ состоянiи быть, какъ только для спасенiя всей команды отъ напрасной и безвремянной смерти сему внутреннему

---

[1]) Какъ изъ ответа на 61-й и 62-й страницахъ во 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ пунктахъ значится.

[2]) Какъ то изъ ево последнихъ о разногласiяхъ ответовъ на 281-й странице въ 4-мъ пункте явствуетъ.

[3]) Власьевъ на 192-й странице въ 4-мъ пункте, Чекинъ на 202-й странице во 2-мъ пункте.

і сугубно злейшему непріятелю уступить, но не ранѣе того, какъ уже та особа, полученіемъ коей Мировичъ себя ласкалъ и за главнейшую себе добычу імѣть поставлялъ, жизнію отъ нихъ Власьева и Чекина истреблена была. А по учиненіи сего неоминуемаго поступка і егда сержантъ Иштиряковъ прибежавъ сказывалъ, что по нихъ изъ пушки палить будутъ, то потому отъ нихъ и сказано, что они палить не будутъ.

И хотя въ караульной подъ предводительствомъ Мировича команде действительно тридцать восемь человекъ точно действующихъ, а гарнизонной команды всехъ чиновъ только шестнадцать человекъ было і всеми оными съ обѣихъ сторонъ во время того мятежа выпалено было патроновъ съ пулями сто дватцать четыре, но со всемъ темъ ни одного человѣка раненаго, а меньше еще убитаго, ни въ которой командѣ не імѣлось, что не іному приписать можно, какъ по части тогда чрезвычайно велико состоящему туману, по части жъ, что фронтовая команда на высокомъ, гарнизонная же въ низкомъ и несколько покрытомъ месте состояли, а еще и ночной поре, когда люди отъ сна вставши по большой части можетъ не вовсе въ настоящую память вошли.

Получивъ же Мировичъ вышепомянутое чрезъ сержанта Иштирякова известіе, что гарнизонная команда палить не станетъ, онъ Мировичъ не медля ни мало со всею командою къ той казарме пошелъ, а какъ на галлерею сошелъ і въ казарму ворвался і что тамъ происходило, то хотя о томъ въ первыхъ его ответахъ, противъ показаніевъ капитана Власьева и поручика Чекина, якоже и другихъ чиновъ въ казарме бывшихъ, не во всемъ согласно показалъ, но по последнимъ его очистительнымъ ответамъ все потомъ происхожденіе, какъ по ево Мировичу, такъ и протчихъ объявленіямъ действительно состояло въ слѣдующемъ:

По взбежаніи на галлерею, схвативъ онъ Мировичъ за руку поручика Чекина, тащилъ въ сени, спрашивая: гдѣ Государь? а какъ ему Чекинъ ответствовалъ, что у насъ есть Государыня, а не Государь, то онъ Мировичъ, толкнувъ ево Чекина сильно въ затылокъ, сказалъ: пойди

і укажи Государя і отпирай двери, которые онъ Чекинъ и отперъ. А по принесеніи огня оной Мировичъ державъ ево Чекина левою рукою за воротъ, а въ правой руке ружье со штыкомъ, выговаривалъ ему: другой бы тебя каналью давно закололъ! А какъ онъ Мировичъ въ казарму вошелъ и увидалъ лежащее среди казармы на полу мертвое тело, то смотря на техъ офицеровъ сказалъ імъ: Ахъ вы безсовестные! боитесь ли Бога? за что вы невинную кровь такого человека пролили? На что они ему Мировичу ответствовали[1]), что они того не знаютъ какой онъ человекъ, только то знаютъ, что онъ арестантъ, а кто надъ нимъ что зделалъ, тотъ поступалъ по присяжной должности. При какомъ случае изъ числа ворвавшихся въ ту же казарму, некоторые солдаты требовали отъ Мировича позволенія и себя готовыми казали ихъ заколоть, но Мировичъ онымъ не только не позволялъ, но и запретилъ, приговаривая при томъ онъ Мировичъ[2]) что теперь де помощи никакой намъ нетъ і они правы, а мы виноваты! А кто таковы те солдаты они показать не могутъ, а по ответамъ бывшихъ въ той казарме, комендантскаго канцеляриста Кодратья Михайлова, сержанта Якова Иштирякова, Мировичевой команды капрала Николая Осипова, солдатъ Евдокима Князева, Конона Ульянова, Федора Ефимова, Ивана Кускова, Ивана Акатова, Федора Горшинина, Егора Козмина, показано: канцеляристъ Михайловъ, сержантъ Иштиряковъ, капралъ Осиповъ, солдаты Кусковъ і Козминъ говоренные Мировичемъ речи: что вы это зделали и такого человѣка погубили! якоже и отъ офицеровъ данное на то выше сего упомянутое соответствіе слышали, а прочихъ никакихъ речей, якоже и техъ кто говорилъ и у Мировича позволенія требовалъ, что не прикажетъ ли офицеровъ заколоть, какъ они, такъ і все выше упомянутые бывшіе въ казарме не показали. И хотя изъ оныхъ солдаты: Евдо-

---

1) Какъ то у капитана Власьева въ 5-мъ пункте на 193-й странице, а у порутчика Чекина въ 3-мъ пункте на 204-й странице оказывается.

2) Какъ то въ пополнительномъ его ответе на 185-й странице въ 9-мъ пункте явствуетъ.

кимъ Князевъ, Федоръ Ефимовъ, Иванъ Кусковъ, да изобличенной при спрашиваніи о бывшихъ въ казарме отъ всей фронтовой команды солдатъ же Емельянъ Хомяковъ[1]) сверхъ предварительнаго и імъ двоекратнаго увѣщаванія съ пристрастіемъ подъ битіемъ батога въ техъ произнесенныхъ, касающихся до умерщвленія офицеровъ речахъ, что они сами того не говорили ль или отъ кого не слыхали ль, были і разспрашиваны, но они все[2]) въ томъ утвердились, что такихъ речей, какъ сами не говорили, такъ і ни отъ кого кемъ бы говорены были не слыхали, а единогласно о томъ объявили, что хотя де кто іногда такія речи и говорилъ, но какъ де тогда почти вся фронтовая команда въ тое казарму ходила і мало де разве такихъ осталось которые бы не были і за темъ де какъ въ той казарме при смятеніи отъ разговоровъ солдатскихъ былъ шумъ, техъ речей кто говорилъ слышать было не возможно. А хотя жъ при собраніи всей той фронтовой бывшей съ Мировичемъ команды, что не входилъ ли і еще кто изъ нихъ сверхъ выше сего упомянутыхъ чиновъ въ казарму і не слыхалъ ли техъ речей, со увѣщеваніемъ были спрашиваемы токмо ізъ нихъ не только въ слышаніи і произнесеніи техъ речей кто бъ о себе іли другомъ комъ объявилъ, но ниже і техъ, кто въ казарму входилъ более не показали, какъ токмо вышеписаннаго солдата Емельяна Хомякова.

После жъ вышеупомянутыхъ Мировичемъ съ офицерами говоренныхъ речей, онъ Мировичъ подошедъ къ мертвому телу і поцеловалъ руку и ногу оного, приказалъ солдатамъ то тело на случившуюся въ той казарме кроватъ положа нести. А вынесши изъ казармы і перенеся чрезъ канальной переходъ поставили і некоторые солдаты изъ команды ево Мировича[3]) говорили ему Ми-

---

[1]) Какъ то изъ учиненнаго на 227-й странице определенія значитъ.

[2]) Какъ то изъ іхъ съ пристрастныхъ распросовъ показаніевъ на 231, 232, 233, 234 страницахъ значится.

[3]) Какъ то и капитанъ Власьевъ въ ответе своемъ на 194-й странице въ 5-мъ пункте согласно съ Мировичевымъ объявленіемъ показалъ.

ровичу, что не прикажетъ ли онъ техъ двухъ офицеровъ взять подъ караулъ но онъ не приказалъ, уверяя іхъ, что они де і такъ не уйдутъ. А потомъ паки оное тело съ кроватью поднявъ, при превожденіи его Мировича і всей тогда въ разстройке находящейся команды на переди несли, где і капитанъ Власьевъ[1]) былъ веденъ.

По приходѣ же къ фронтовому месту приказалъ онъ Мировичъ то мертвое тело поставить предъ фронтъ і велелъ командѣ построиться въ четыре шеренги, а по постановленіи сказалъ онъ Мировичъ передъ всею командою, что теперь отдамъ последной долгъ своего офицерства, для чего і велелъ бить утренной побудокъ і пробивше оной въ честь мертваго тела приказалъ всей команде зделать на караулъ и бить полной походъ, причемъ и самъ салутовалъ. А потомъ подошедъ къ мертвому телу поцеловавъ онаго руку сказалъ всемъ: вотъ господа нашъ государь Іоанъ Антоновичъ и теперь мы не столь щастливы, какъ безщастны, а всехъ больше за то я претерплю, а вы не виноваты і не ведали что я хотелъ делать і я уже за всехъ васъ буду ответствовать и все мученія на себѣ сносить! Въ чемъ і вся команда і протчія при томъ въ близости бывшія самое жъ то показали.

И потомъ все три переднія ширенги людей и проходя четвертую целовалъ, а какъ сталъ доходить къ последнимъ той шеренги людямъ, то съ зади подошедъ къ нему капралъ Мироновъ взялся за ево шпагу, которому онъ препятствовалъ і сказалъ, чтобъ самъ комендантъ пришелъ взять оную отъ него. Однакожъ Мироновъ на то не взирая, съ помощію другихъ солдатъ, тое шпагу снялъ, а комендантъ подошедши сорвавъ съ него знакъ отдалъ подъ караулъ при фронте, где оной содержался до прибытія Смоленскаго пехотнаго полку господина полковника Римскаго Корсакова, по которого при самомъ арестованіи Мировича и какъ комендантъ темъ посредствомъ изъ подъ караула свободнымъ быть сталъ, посланъ былъ нарочной.

---

[1]) Какъ то самъ онъ Власьевъ въ ответе своемъ на 195-й странице въ 5-мъ пункте показалъ.

А какъ оный полковникъ того жъ полка съ секундъ-маіоромъ Кудрявымъ прибывъ въ крепость подходилъ къ фронтовому месту, то онъ Мировичъ сказалъ ему, что можетъ онъ не видывалъ живаго Івана Антоновича такъ ныне мертваго увидитъ, которой де теперь не теломъ, а духомъ кланяется ему! Но онъ полковникъ не останавливаясь ни мало и не учиня на то никакого ответа, прошелъ прямо къ коменданту, которыхъ речей окроме канцеляриста Кондратья Михайлова ни отъ кого по ответамъ не показано, а оной канцеляристъ токмо слѣдующія отъ него Мировича во время прихода полковника Римскаго Корсакова возраженіи слышалъ, что вотъ де сей лежитъ, показывая на мертвое тело, нашъ государь Іванъ Антоновичъ котораго я желалъ, но не получилъ! А въ прочемъ обо всемъ въ томъ происхожденіи вся команда объявила въ сходственность ево Мировича показанія.

По воспослѣдующей посредствомъ арестованія подпоручтика Мировича въ кре:ости Шлюссельбургской тишины и спокойствія, прибыли съ форъстада на секурзъ крепости на щерботе і одной лодке гарнизонной команды поручтикъ Васильевъ і прапорщикъ Жегловъ со оружейною всего въ дватцати трехъ человекахъ состоящею командою по поводу слышенной іми происходящей въ той крепости пальбы въ сходственность імѣвшихъ предъ симъ и отъ времяни до времяни подтвержденныхъ отъ коменданта письменныхъ приказовъ, чтобъ на всякой случай тревоги, находившіяся за рекою по квартерамъ команды вооружившись въ крепость збирались. Но какъ по прибытіи оныхъ уже бывшее смятеніе совершенно окончилось, то по справедливому на караульную Смоленскаго полку команду сумненію, комендантомъ оная гарнизонная команда оставлена і для лутчей безопасности особымъ пикетомъ разставлена была.

А какъ изъ чинимыхъ всей Смоленскаго пехотнаго полку караульной, какъ фрунтовой, такъ и пожарной, не меньше жъ крепостной артиллерійской команды і протчихъ чиновъ по допросамъ ответомъ оказывается, что не все однимъ духомъ наполненными ниже единогласными состояли і одне передъ другими, какъ по предварительному

отъ Мировича подговору и соглашенію въ знаніи действительно находились, такъ и другія хотя безъ всякого о намереніи сведенія, но по прочтеніи Мировичемъ лжесоставнаго указа къ исполненію злаго его намеренія отлично усердными изъявлялись; некоторые жъ однако къ повеленному имъ Мировичемъ съ принужденія и по неволѣ приступить долженствовали, якоже еще и такія, кои никакого въ томъ действительнаго участія, какъ только невольнымъ зреніемъ і слышаніемъ всего происходимаго, не імѣли, того для, ізъ порознь чинимыхъ ответовъ по важности винъ слѣдующимъ образомъ различены, а имянно:

1-е, которые еще до начинанія Мировичемъ действительнаго его предпріятія производства о томъ самимъ Мировичемъ къ тому действительно соглашены и подговорены были. И хотя солдатъ Козма Дитятевъ[1]) совершенно по приглашеніи его Писксловомъ къ тому жъ делу въ сообщество не склонился и въ томъ прямо отказалъ, но темъ не меньше какъ онъ о томъ Мировичевомъ злодейскомъ намереніи въ тожъ время, какъ і вышеписанные въ равной же силе известнымъ состоялъ, а ни кому донесенія не учинилъ, то хотя во время смятенія при томъ не находился, но на часахъ по валу стоялъ, но всемерно, хоть не съ большою разностію, равно какъ и пять первыя, себя виннымъ учинилъ.

2-е, фронтовая команда и еще некоторыя изъ протчихъ командъ, хотя о намереніи Мировичевомъ никакого предварительного знанія не імѣли, но единственно по должной субординаціи по вскричаніи ихъ офицера действительно въ ружье вступили, оное съ пулями зарядили и повеленіе его во всемъ слушали, но въ самомъ стреляніи на ихъ же сослужащихъ товарищей гарнизонную команду, а больше еще и темъ виновными себя и участіе імѣвшими оказали, что по окончаніи отъ той гарнизонной команды пальбы, не токмо съ великою жадностію Мировича въ ту казарму провожали, но и разъяренными противо двухъ

---

1) Какъ то изъ ево и солдата Писклова на 49-й и 102-й страницахъ ответовъ явствуетъ.

офицеровъ капитана Власьева і порутчика Чекина оказались и во всемъ Мировичевомъ злодейскомъ имъ уже известномъ следственно іхъ поступками засвидетельствованномъ за благо принятомъ предпріятіи, столь охотно употреблялись, что озорничествомъ на постороннихъ съ ними въ согласіи несостоящихъ нападеніе чинили и къ исполненію того жъ предпріятія принуждали, и темъ явственное подозреніе противо себя навели, что они къ той Мировичемъ намеренно чинимой перемене, по чинимомъ имъ отъ Мировича о томъ объявленіи весьма охотно приступали.

3-е, капралъ артиллерійской съ четырьмя человеки, канонеровъ і гантъ-лангеровъ. Хотя въ привозе и въ заряжаніи пушки, тожъ въ выдаче і принесеніи пороха и протчихъ снарядовъ принуждаемы были, но темъ не меньше укрываніемъ себя при начале той тревоги отъ того случая отбыть бы могли, но не учиня того действительно заряженіемъ пушки гарнизонная команда отъ страха принужденною себя видела противо караульной Смоленскаго полку команды уступить. Не меньше жъ противо своей воли и усильнейшимъ принужденіемъ Мировича и его команды къ предуспѣшиванію его злодейскаго предпріятія себя употребить повинными состояли, какъ то і выше сего въ деле оказалось, комендантской канцеляріи канцеляристъ Кондратей Михайловъ и гарнизонной сержантъ Яковъ Иштиряковъ.

4-е, пожарная команда, которая по пробужденіи и призыве ихъ отъ своихъ разныхъ постовъ стояла безъ ружей при однихъ тесакахъ подле фронтоваго места, ничемъ какъ только зреніемъ действующая і употреблена была для караула при арестованномъ Мировичемъ коменданте, къ коей и присталъ самъ собою изъ фронтовой команды одинъ унтеръ-офицеръ фуріеръ Лебедевъ, коего по непроворству и большой простоте Мировичъ употребить въ свое предпріятіе не желалъ, но темъ однако не совсемъ безвиннымъ себя учинилъ, что яко единственной унтеръ-офицеръ і по Мировиче второй командиръ ему Мировичу никакого при начатіи имъ злодейскаго предпріятія представленія не зделалъ, и темъ подкомандныхъ не

предостерегъ. А егда бъ онъ такого представленія ему Мировичу въ слухъ при всей командѣ зделалъ, то бъ і уповать можно, что въ заговоре неприуготовленные Мировичу можетъ и ослушными оказаться могли бъ, услышавъ, что предпринимаемое Мировичемъ всемерно въ противность Высочайшей службы і военныхъ регулъ состоитъ. Но сіе [1]) не отъ чего другаго какъ совершенно отъ его простоты и непроворства происходило, ради чего, какъ то і заподлинно въ немъ безъпримерная глупость и простота действительно примечены, онъ и съ імѣвшими небольшую винность присовокупленъ.

5-е, ни какова участія и вины всемерно не имѣвшими техъ почитать должно, кои не імѣя ни малейшаго обо всемъ томъ сведенія, тогда на разныхъ притчинахъ на часахъ состояли.

А какъ изо всего вышеписаннаго а паче изъ разговоровъ чинимыхъ капитаномъ Власьевымъ съ подпоручикомъ Мировичемъ, по справедливости оказывается что когда онъ капитанъ Власьевъ изъ говоренныхъ Мировичемъ словъ основательное сумнѣніе возімѣлъ и комендантъ Полковникъ Бередниковъ, сколь бы то малое предъ темъ время ни было, какъ то Мировичъ свое злодейство предпріялъ, отъ онаго Капитана уведомленнымъ состоялъ, то всемерно арестованіемъ онаго Мировича или отлученіемъ инымъ образомъ его отъ команды или высылкою изъ крепости, того злаго приключенія предупредить себя въ состояніи видеть могъ и того учинить неотменно долженствовалъ бы и дабы еще і въ томъ самую сущую истину изыскать, то какъ полковнику Бередникову, такъ и капитану Власьеву учиняемы были въ томъ допросы, по коимъ и оказалось: Полковникъ и комендантъ Бередниковъ въ ответѣ своемъ [2]) показалъ, что такіе разговоры и о чемъ и где были у Капитана Власьева съ подпоручикомъ Мировичемъ и въ которые часы, онъ не видалъ и ему Власьевъ не объявлялъ, а Капитанъ Власьевъ въ ответе

---

[1]) Какъ то изъ его Лебедева ответа на 168-й странице значится.

[2]) На странице 216, во 2-мъ пункте.

своемъ[1]) объявилъ, что онъ о слышанныхъ отъ Мировича речахъ оному полковнику не доносилъ потому, что какъ ему изъ техъ Мировичевыхъ словъ такова воспоследованія действительно Мировичева злодейства, каково то напоследокъ самымъ дѣломъ оказалось, заключить было не можно и не предпринимая онъ изъ того еще какой опасности, о томъ яко вѣроятности еще не имѣвшемъ і въ короткихъ словахъ Мировичемъ говоренномъ дѣле дабы темъ напрасно въ затрудненія не войти, а паче въ томъ разсужденіи еще недонесъ, что по возложенной на него и товарища его порутчика Чекина Коммиссіи имъ отнюдь ни до кого въ какомъ бы то обстоятельстве не было, опричь того къ кому имъ собственно корреспондоваться повелено, адресоваться не велено, почему открываясь о томъ того жъ Іюля 4-го числа часу въ шестомъ после половины дня своему товарищу Порутчику Чекину, за довольное быть признали донесть господину действительному тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Никите Ивановичу Панину, въ последованіе коего написавъ онъ Власьевъ о томъ Мировичеве къ нему учиненномъ отзыве рапортъ и запечатавъ оной, понесъ посподину Коменданту Полковнику Бередникову для отправленія въ Царское село по полуночи въ первомъ часу съ требованіемъ оного объ отсылке, коимъ того жъ часа послано было за канцеляристомъ Михайловымъ и зделавъ свой кувертъ отправилъ съ сержантомъ Иштиряковымъ, повелевая караульному унтеръ офицеру Фуріеру Лебедеву, чтобъ оного сержанта и канцеляриста съ гребцами за крепость выпустить, причемъ въ самое то время подпоручикъ Мировичъ съ командою уже во фронтъ становился и онаго сержанта отправленіемъ удержалъ, а между темъ, какъ комендантъ вышедъ изъ своихъ покоевъ Мировичу нареканіе о встревоженіи людей и заряжаніи ружей учинилъ, но имъ Мировичемъ арестованъ былъ, то онъ капитанъ Власьевъ выбѣжавъ изъ покоевъ комендантскихъ пробрався теснымъ проходомъ къ своему посту по галлереи, прибежавъ къ командѣ своей, внизъ на руки спустился въ то время когда

---

[1]) Во 3-мъ пунктѣ на 189-й странице.

уже пальба между обоихъ командъ кончилась и караульная команда врознь разсыпавшись къ фронтовому месту разбежалась. И потому самымъ капитана засвидетельствованіемъ комендантъ полковникъ Бередниковъ ни малейшаго о могущей опасности уведомленія імѣть не могъ.

И хотя весьма невероятнымъ быть казалось бы, чтобъ такое важное и во исполненіи своемъ весьма многихъ затрудненей находящееся дѣло онъ Мировичъ действительно безъ всякихъ сообщниковъ и заранѣе приуготовленныхъ помощниковъ предпринять і въ самомъ дѣле себя одного довольнымъ къ тому ужъ почитать и уповать могъ бы; но легкомысленной і ни въ чемъ основательной характеръ оного Мировича въ совокупе съ неограниченнымъ въ немъ действительно примѣченнымъ своелюбіемъ, коимъ онъ столь же много, какъ бешенымъ за отказъ на ево прошеніи отмщеніемъ, такъ і предметомъ імѣвшаго упованія однимъ отважнымъ поступкомъ блистательную и его склонности прельщающую фортуну себе зделать наполненнымъ состоялъ, всемерно вероятнымъ быть представляетъ, что и заподлинно онъ Мировичъ все свое предпріятіе на одну отчаянную удачу полагалъ, но сіе уваженіемъ следующихъ въ дѣле ясно оказующихся обстоятельствъ еще больше темъ подкрепляемо быть кажется, какъ:

въ 1-хъ, что ежелибъ онъ действительно окроме Апполона Ушакова, еще какихъ сообщниковъ у себя імѣлъ, то когда уже при изследованіи дѣлъ не токмо все обстоятельства ево предпріятія і самые те люди, кои токмо некотораго малаго знанія і то околичнымъ образомъ въ ево предпріятие возімѣть могли, безъ изъятія открылись, сколь бы хитрымъ онъ Мировичъ і не состоялъ, но въ разныя случаи съ переменными оборотами предложенными допросами, каковы то і действительно ему учиняемы были, конечно какъ бы небудь і хотя отдаленнымъ образомъ о техъ ево сообщникахъ открылось бы, коихъ онъ паче всего по учиненному своему плану въ артиллерійскомъ корпусе іметь бы могъ, но когда і самые те въ разныхъ состояніяхъ і командахъ находящіяся люди, кои какъ упомянуто околичнымъ образомъ и то весьма мало о ево на-

мереніяхъ знать могли, открылися, кольми же паче действительно пріуготовленные въ томъ корпусе или индѣ известными не учинилися бы.

во 2-хъ, когда, какъ изъ вышепрописаннаго дѣла оказалося онъ Мировичъ, яко сочинитель отъ імяни Івана Антоновича съ общаго съ Ушаковымъ согласія составленнаго манифеста, важныя імъ і сообщникомъ его Апполономъ Ушаковымъ оказуемыя въ томъ случае услуги весьма уважалъ, но по смерти упомянутаго своего товарища оной найденой у него манифестъ переписалъ і во оказаніи въ семъ предпріятіи Івану Антоновичу важныхъ услугъ только себя одного упоминаетъ, а будебъ у него Мировича заподлинно еще другіе сообщники імѣться могли, то весьма вероятно состоитъ, что не упустилъ бы онъ Мировичъ і объ нихъ въ томъ переписанномъ манифесте упоминать, какъ во первыхъ для отдаванія имъ по заслугамъ іхъ достойной чести і похвалы, такъ во вторыхъ і паче всего для толь наилучшаго ихъ въ томъ опасномъ дѣле себя употребленіи поощренія.

въ 3-хъ, равномерно жъ переписывалъ онъ Мировичъ после смерти упомянутаго своего сообщника и товарища Ушакова обще съ нимъ подписаннаго имъ Мировичемъ сочиненнаго письма къ Івану Антоновичу, въ коемъ, какъ и въ первомъ въ пользу онаго имъ Мировичемъ чинимое отчаянное предпріятіе наіважнѣйшимъ образомъ къ своей похвале представляетъ, но не імѣвъ уже другова себе товарища а желая однако чрезъ подписку еще другихъ тому своему письму и предпріятію какого нибудь больше важнаго вида дать, по подписке собственнаго своего імяни упоминаетъ своимъ же рукописаніемъ унтеръ-офицеровъ і капраловъ. И хотя изъ сихъ последнихъ, какъ то по дѣлу оказывается нѣкоторые по подговору ево Мировича и действительно ко исполненію ево намеренія склонились, но оная імянамъ іхъ отметка безъ ведома ихъ и единственно по упомянутой причине чинена, изъ чего не меньше жъ явственно оказывается, ежели бы у него Мировича еще какіе нибудь знатнея оныхъ капраловъ сообщники імѣлись, то всемерно лутче съ іми нежели съ капралами наряду въ товариществѣ состоять желалъ бы и никакой

притчины находить бы не могъ объ нихъ умалчивать, якоже и они со своей стороны, вѣдая, что терминъ ко исполненію намереннаго предпріятія настигши свои подписки къ его пріобщить уже і сумненія большаго возімѣть не могли.

И потому уже и всемерно не іное заключить остается какъ то, что онъ Мировичъ въ отчаянномъ и совсемъ бешенномъ ево предпріятіи действительно ни сообщниковъ, ни другихъ меръ, кроме того, какъ то и выше сего упомянуто оказалось, не імѣлъ.

Генералъ-порутчикъ Гансъ Веймарнъ.

СПИСОКЪ

изданій наиболѣе часто упоминаемыхъ:

Arneth — Maria Theresia und Joseph II. 3 Bde. 1867.
Asseburg — Aschatz v. d. A's Denkwürdigkeiten. Berlin 1842.
Beauclair — Histoire de Pierre III empereur de Russie. Londres, 1774.
Blum — Des Grafen J. J. Sievers Denkwürdigkeiten. 4 Bde. Leipzig, 1857.
Болотовъ — Жизнь и приключенія Андрея Б. 4 т. Спб., 1870.
Büsching — Magazin für Historie und Geographie. 25 Bde. Hamburg, 1757.
„ — Lebensgeschichte. Halle, 1789.
Васильчиковъ — Семейство Разумовскихъ. 4 т. Спб., 1880.
Веселаго — Общій морской списокъ. 5 т. Спб., 1885.
Castéra — Histoire de Catherine II, împératrice de Russie. 4 vls. Paris, 1800.
Cruse — Curland unter den Herzögen. 2 Bde. Mitau, 1833.
Gilchrist — An account of the great revolution in Russia and the death of Peter III. London, 1762.
Goudar — Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III. Francfort, 1763.
Grimblot — La cour de Russie il y a cent ans. 1725—1783*). Berlin, 1858.

---

*) Книга эта издана безъ имени автора и отмѣчена нами въ 1-мъ томѣ „Исторіи Екатерины Второй" подъ именемъ издателя (Schneider). Имя автора было намъ любезно указано кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ.

Дашкова — Mémoires de la princesse Dashkow, въ „Архивѣ кн. Воронцова“, XXI.

Denkwürdigkeiten — der Leben und Staatsgeschichte des Czaars Peter III. Danzig, 1762.

Державина — Записки, изд. Я. Грота, въ соч. Державина, т. VI.

Helbig — Biographie Peter des Dritten. 2 Bde. Tübingen, 1808.

„ — Russische Günstlinge. Tübingen, 1809.

Herrmann — Geschichte des Russischen Staates. 6 Bde. Leipzig, 1853.

Hordt — Mémoires du comte de Hordt. 2 vls. Berlin, 1789.

Iwan — Histoire de la vie, du règne et du détrônement d'Iwan III, par M. de M**. Londres, 1766.

Jacob — Paul Lacroix, Deux lettres inédites de l'impératrice Catherine II à Stanislas Poniatowski. Paris, 1873.

Кашпиревъ — Памятники новой русской исторіи. 3 т. Спб., 1871.

Laveaux — Histoire de Pierre III, empereur de Russie. 3 vls. Paris, 1799.

Lebensgeschichte — Merkwürdige L. Peter des Dritten. Leipzig 1762.

Львова — Записка, въ соч. Державина, т. IX, 221.

Marche — de la, Schwan, Anecdotes russes. Londres, 1764.

Марковичъ — Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ. Спб., 1798.

Мартенсъ — Собраніе трактатовъ и конвенцій. 9 т. Спб., 1874.

Masson — Mémoires secrets sur la Russie. 2 vls. Londres, 1802.

Mémoires — secrets de Stanislas Auguste relatifs à ses rapports intime avec l'Impératrice Catherine II. Leipzig, 1862.

Nachricht — Wahrhafte, von der am 7. Julii 1762 in Petersburg vorgefallenen Revolution. S. l., 1762.

Nachrichten — Allerneueste geheime, von Russland unter der Regierung Peters des III, von I. C. M. Zürich, 1766.

Ob der Kaiser — Peter III rechtmässig des Thrones entsetzt sey? v. J. S. l., 1762.

Памятники — дипломатическихъ сношеній древней Руси съ державами иностранными. Спб., 51.

Позье — Записки придворнаго брильянщика, въ „Русской Старинѣ“, т. I.

Порошинъ — Записки, служащія къ исторіи великаго князя Павла Петровича. Спб., 1881.

Ranft — Die merkwürdige Lebensgeschichte des Kaisers Peter III. Leipzig, 1773.

Ranke — Neun Bücher preussischer Geschichte. 3 Bde. Berlin, 1848.

Raumer — Beiträge zur neueren Geschichte. 3 Bde. Leipzig, 1839.

Relation — von der am 9. Julii 1762 in Petersburg vorgefallenen Revolution. S. l., 1762.

Richter — Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen. 3 Bde. Riga, 1858.

Rulhière — Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris, 1797.

„ — Histoire de l'anarchie de Pologne. 4 vls. Paris, 1807.

Saldern — Histoire de la vie de Pierre III. Metz, 1802.

Сборникъ — русскаго историческаго общества. 70 т. Спб.

Schuhmacher — Geschichte der Thronentsetzung und des Todes Peter des Dritten. Hamburg, 1858.

Соловьевъ — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 т. Москва.

Указы — императрицы Екатерины Алексѣевны. Москва. 1763.

Voltaire — Oeuvres complètes. 100 vls. Lyon, 1792

Храповицкій — Дневникъ. Спб., 1874.

Чтенія — въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Москва.

Шаховской — Записки кн. Я П. Спб., 1872.

Штелинъ — Записка о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III, въ соч. Державина, т. IX, 287.

АЗБУЧНЫЙ

указатель именъ.

51*

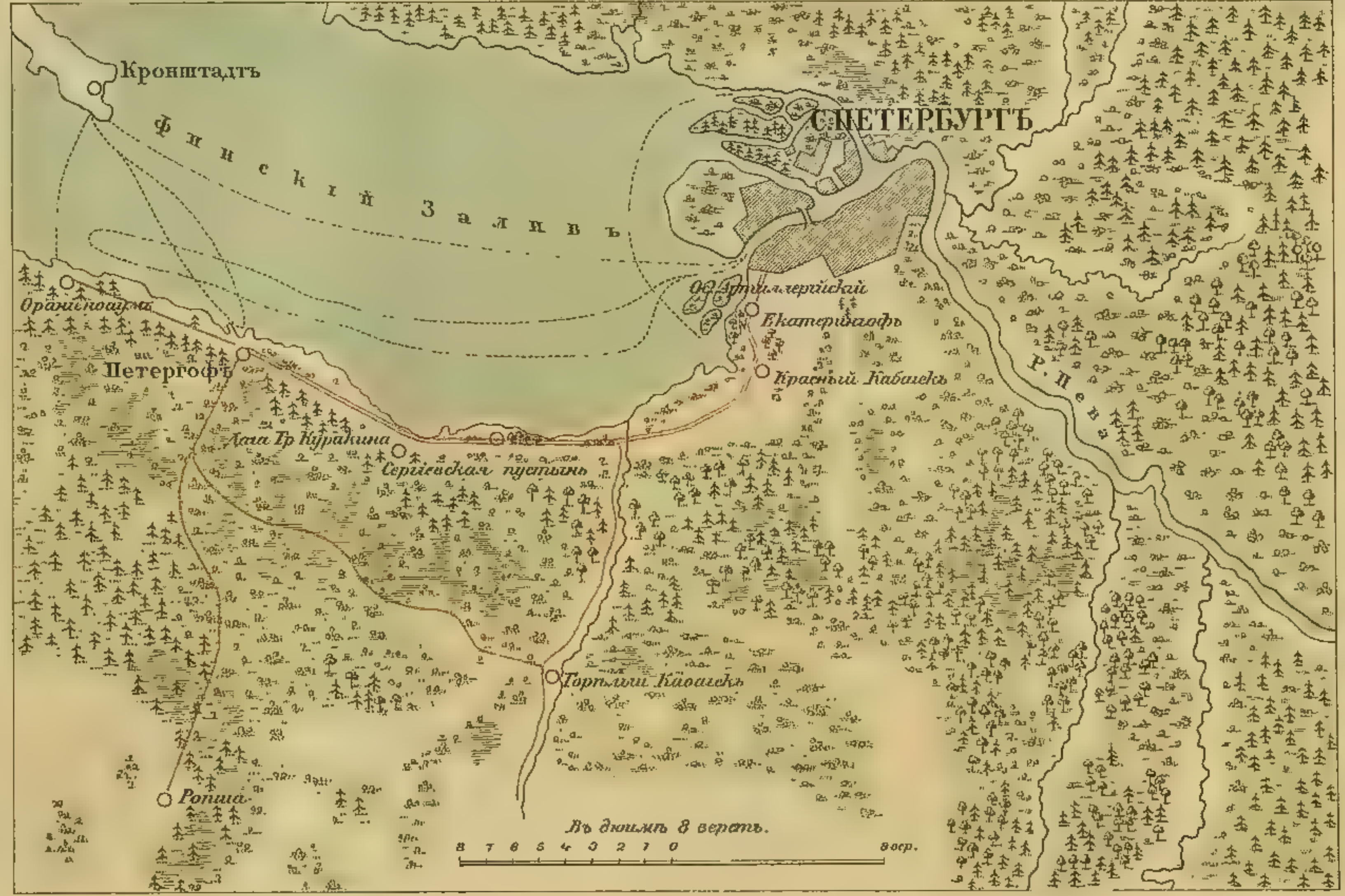
*) По порученію Екатерины II, онъ велъ переговоры съ виленскимъ воеводою кн. Радзивилломъ, безуспѣшно стараясь привлечь его къ русской партіи. Депеши гр. Сакена отъ 27 марта и 6 апрѣля 1764 г. въ *Дрезд. Архивѣ*, vol. VII, № 25 и 28.

*) *П. С. З.*, № 11716, отъ 29 ноября 1762 года: „Гофмейстеру Князь Александру Куракину“. Князю Александру Куракину не было въ то время и десяти лѣтъ; гофмейстеромъ былъ его отецъ, князь Борисъ-Леонтій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Типографія
Розенталя и Ко. въ Берлинѣ.

LITH v LEOP KRAATZ, (Inh. Tr Bölinger), BERLIN.

2007089519